

Годъ XII-й. № 7-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

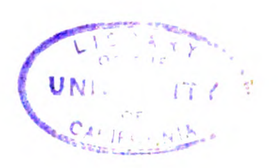
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

IЮЛЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XII-й. **№ 7-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

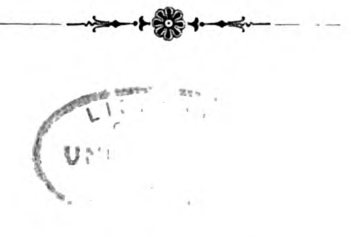
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

Дозволено цензурою 28-го іюня 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ВЛ. Г. КОРОЛЕНКО.

(Критическій очеркъ).

Среди представителей современнаго русскаго художественнаго творчества,—творчества далеко не столь скуднаго и безцвѣтнаго, какъ оно можетъ показаться, если прислушиваться къ постояннымъ жалобамъ критики на безвременье и оскудѣніе въ литературѣ,—есть писатель большой и оригинальный, достойный занять видное мѣсто не только въ текущей литературѣ, но и въ славномъ пантеонѣ классиковъ русскаго слова. Онъ давно уже пріобрѣлъ въ критикѣ и у читателя всеобщее вниманіе и уваженіе. Книги его постоянно требуютъ новыхъ и новыхъ изданій, онѣ читаются съ любовнымъ вниманіемъ и трепетнымъ восхищеніемъ, ими не только эстетически наслаждаются, но и нравственно вдохновляются. Къ самому автору относятся съ теплой симпатіей и благодарной преданностью... Успѣхъ этого художника большой, прочный и несомнѣнно заслуженный; несмотря на это онъ отличается чрезвычайной скромностью. На литературной дѣятельности этого писателя лежитъ печать благородной сдержанности. Въ изданіи своихъ произведеній онъ доводитъ эту сдержанность до излишней скромности и даже скупости. Значительная часть написаннаго имъ все еще остается на страницахъ старыхъ журналовъ. До сихъ поръ мы не имѣемъ *собранія сочиненій* этого художника. Несмотря на это читатель знаетъ его и онъ знаетъ своего читателя.

Я говорю о Владимірѣ Галактіоновичѣ Короленко.

Въ нынѣшнемъ году истекаетъ 50 лѣтъ со дня его рожденія (15-го іюля). Родной городъ Житоміръ собирается, какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости» (№ 34) со словъ газеты «Волынь», «торжественно отпраздновать эту годовщину». Домовладѣльцемъ г. Житоміра, г-номъ Бернацкимъ подано черезъ городского голову въ житомірскую думу соотвѣтствующее заявленіе. Пятидесятилѣтіе дня рожденія любимаго современнаго русскаго писателя есть, конечно, не только мѣстное событіе, но общій праздникъ русской литературы.

---

*) Настоящая статья была уже совсѣмъ окончена, когда въ № 2 „Рус. Бог.“ появился новый разсказъ Короленко „Не страшное“, и въ № 3 „Міра

I.

В. Г. Короленко родился 15-го іюля 1853 г. въ Житомірѣ. Отецъ его былъ дворяниномъ Полтавской губерніи, происходилъ изъ стараго казацкаго рода. Прадѣдъ Владиміра Галактіоновича былъ еще настоящій запорожецъ, казацкій старшина. Мать г. Короленка была дочерью польскаго шляхтича-посессора. Отецъ его служилъ чиновникомъ по разнымъ должностямъ въ Житомірѣ, Дубнѣ и Ровнѣ. Какъ сообщаетъ г. Венгеровъ, въ главныхъ чертахъ сынъ обрисовалъ его въ полуавтобіографической повѣсти «Въ дурномъ обществѣ» *). «Первоначальное образованіе, по даннымъ г. Скабичевскаго, г. Короленко получилъ въ пансіонѣ В. Рыхленскаго, въ свое время лучшемъ заведеніи этого рода въ Житомірѣ. Затѣмъ, поступивъ во второй классъ житомірской гимназіи, мальчикъ пробылъ въ ней два года. Въ это время отецъ, переведенный сначала въ г. Дубно на мѣсто уѣзднаго судьи, перешелъ на службу въ уѣздный городъ Ровно, куда за нимъ переѣхала изъ Житоміра вся семья. В. Г. Короленко съ братьями поступилъ здѣсь въ третій классъ реальной гимназіи, въ которой въ 1870 г. и окончилъ курсъ съ серебряной медалью. Этотъ небольшой городокъ, нынѣ оживающій послѣ проведенія желѣзной дороги, описанъ г. Короленкомъ въ разсказѣ «Въ дурномъ обществѣ» **).

«Въ 1868 г. (31-го іюня) умеръ отецъ Короленка. Это былъ чиновникъ строгой и рѣдкой по тому времени честности. Получивъ скудное воспитаніе и проходя службу въ низшихъ ступеняхъ среди дореформенныхъ канцелярскихъ порядковъ и общаго взяточничества, онъ никогда не позволялъ себѣ принимать даже того, что по тому времени называлось «благодарностью», т.-е. приношеній уже послѣ состоявшагося рѣшенія дѣла. А такъ какъ въ тѣ годы это было недоступно пониманію средняго обывателя, отецъ же г. Короленка былъ чрезвычайно вспыльчивъ, то сынъ помнитъ много случаевъ, когда онъ прогонялъ изъ своей квартиры «благодарныхъ людей» палкой, съ которою никогда не разставался (онъ былъ хромъ, вслѣдствіе односторонняго паралича). Понятно поэтому, что семья (вдова и пятеро дѣтей) остались послѣ его смерти безъ всякихъ средствъ, съ одною пенсіей. В. Г. Короленко былъ въ то время въ пятомъ классѣ. Частью казенному пособію, выданному во вниманіе къ выдающейся честности отца, но

Божія" „Критическія замѣтки" г. А. Б. о третьей книжкѣ „Очерковъ и разсказовъ" Короленко. Новое произведеніе г. Короленко во многихъ отношеніяхъ могло бы послужить подтвержденіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ нашей статьѣ о характерѣ творчества Короленко, а „Крит. замѣтки" г. А. Б. мѣстами намѣчаютъ именно то, что подробнѣе развивается также въ этой статьѣ.

*) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона т. XVI, 31 полутомъ.

**) А. М. Скабичевскій. „Исторія новѣйшей русской литературы 1848 — 1898 гг.". Изд. 4-е стр. 381.

еще болѣе истинному героизму, съ которымъ мать отстаивала будущее семьи среди нищеты и лишеній, обязанъ былъ г. Короленко тѣмъ, что могъ окончить курсъ и въ 1871 году поступить въ технологическій институтъ. Здѣсь почти три года прошли въ напрасныхъ попыткахъ соединить ученіе съ необходимостью зарабатывать хлѣбъ. Пособіе съ окончаніемъ гимназическаго курса прекратилось, и В. Г. Короленко теперь рѣшительно не можетъ дать отчета, какъ удалось ему прожить первый годъ въ Петербургѣ и не погибнуть прямо отъ голода. Безпорядочное, неорганизованное, но душевное и искренное товарищество, связывавшее студенческую голытьбу въ тѣ годы, одно является въ качествѣ необходимаго объясненія. Какъ бы то ни было, но даже 18-ти-копеечный обѣдъ въ тогдашнихъ дешевыхъ кухмистерскихъ Великой княгини Елены Павловны для г. Короленка и его сожителей былъ въ то время такою роскошью, которую они позволяли себѣ не болѣе 6—7 разъ во весь этотъ годъ. Понятно, что объ экзаменахъ и систематическомъ ученіи не могло быть и рѣчи. Въ слѣдующемъ году г. Короленко нашелъ работу, сначала раскрашиваніе ботаническихъ атласовъ, потомъ корректуру. Видя однако, что все это ни къ чему не ведетъ, В. Г. Короленко уѣхалъ въ 1874 г. съ десяткомъ заработанныхъ рублей въ Москву и поступилъ въ Петровскую академію. Выдержавъ экзаменъ на второй курсъ и получивъ стипендію, онъ считалъ себя окончательно устроившимся. Но благополучіе это продолжалось не долго: въ 1876 г. г. Короленко былъ исключенъ съ третьяго курса и высланъ съ двумя товарищами изъ Москвы въ Вологодскую губернію, но съ дороги былъ возвращенъ въ Кронштадтъ, гдѣ въ это время жила семья его» *). Жизнь студентовъ Петровской академіи и самая мѣстность, очень живописная и красивая, впослѣдствіи была воспроизведена г. Короленкомъ въ двухъ повѣстяхъ: «Прохоръ и студенты» («Русская Мысль» 1888 г. № 1 и 2) и «Съ двухъ сторонъ» (разсказъ о двухъ настроеніяхъ) («Рус. Мысль» 1888 г. № 11 и 12). Оба произведенія эти, изъ которыхъ первое осталось незаконченнымъ, не вошли въ отдѣльныя изданія «Очерковъ и разсказовъ». «Годъ спустя послѣ исключенія изъ академіи онъ переселился съ семьей въ Петербургъ, гдѣ съ братьями опять занялся корректурой. Къ 1879 г. относятся первыя его литературныя попытки. Съ того же 1879 г. начинаются, странствія г. Короленка по отдаленнымъ восточнымъ мѣстамъ: сначала онъ попалъ въ Глазовъ Вятской губерніи, затѣмъ въ глухіе дебри Глазовскаго уѣзда; оттуда въ Томскъ, изъ Томска въ Пермь; оттуда въ 1881 г. въ Якутскую область» **), гдѣ онъ пробылъ три года. Съ 1884 года онъ поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ провелъ около

---

*) Тамъ же стр. 382.

**) Тамъ же стр. 382.

десяти лѣтъ; затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и, наконецъ, съ 1900 г. основался въ Полтавѣ.

Еще изъ Перьми В. Г. Короленко послалъ литературный очеркъ въ журналъ «Слово», гдѣ онъ былъ напечатанъ въ іюльской книжкѣ 1879 г., подъ названіемъ «Эпизоды изъ жизни искателя». Этотъ первый разсказъ г. Короленко, подписанный иниціалами, такъ и остался на страницахъ «Слова»; авторъ не включилъ его, какъ впрочемъ и многіе другіе свои разсказы, ни въ одно изъ отдѣльныхъ изданій «Очерковъ и разсказовъ». Извѣстнымъ же въ литературѣ имя Короленко становится только съ 1885 г., когда онъ, вернувшись изъ Якутской области, печатаетъ въ № 3 «Русской мысли» «Сонъ Макара». «Успѣхъ «Сна Макара» былъ огромный», сообщаетъ г. Венгеровъ. Общій приговоръ по прочтеніи этого произведенія былъ,—какъ сообщаетъ А. М. Скабичевскій,—тотъ, что послѣ «Подлиповцевъ» Рѣшетникова ничего не появлялось въ этомъ родѣ въ литературѣ нашей до такой степени сильнаго и поразительнаго». Вслѣдъ за «Сномъ Макара» появился разсказъ «Въ дурномъ обществѣ» (въ № 10 «Русской Мысли» за тотъ же 1885 г.). Далѣе, въ 1886 г., въ № 1 «Русской Мысли»,—«Лѣсъ шумитъ» и потомъ безпрерывно, изъ года въ годъ, цѣлый рядъ произведеній, которыя печатались въ разныхъ журналахъ (по преимуществу въ «Русской Мысли» и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ»), а за послѣднее время почти исключительно въ «Русскомъ Богатствѣ», котораго Вл. Г. Короленко состоитъ редакторомъ-издателемъ, вмѣстѣ съ Н. К. Михайловскимъ.

Къ прежнимъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ разъѣздовъ по Сибири и восточнымъ окраинамъ Россіи прибавились новыя—изъ жизни верховьевъ Волги. Подъ этими впечатлѣніями написаны: «Рѣка играетъ», «За иконой», «На солнечномъ затменіи», а затѣмъ «Павловскіе очерки» и «Въ голодный годъ». Въ результатѣ поѣздки въ Америку явился разсказъ «Безъ языка», нынѣ вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ *), и нѣсколько очерковъ, еще не вошедшихъ въ сборники.

Первое отдѣльное изданіе «Очерковъ и разсказовъ» В. Г. Короленко относится къ 1887 году. Теперь они выходятъ въ новыхъ и новыхъ изданіяхъ, многіе изъ нихъ давно уже переведены на нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, шведскій и нѣкоторые славянскіе языки. Во французскомъ журналѣ «Revue Illustrée» появился въ переводѣ разсказъ В. Г. Короленко «Une étrange fille» («Чудная») съ иллюстраціями русскихъ художниковъ Н. Н. Каразина, Ел. Бемъ и А. П. Шнейдеръ. Той же художницѣ, г-жѣ Ел. М. Бемъ, принадлежитъ иллюстрація «Сна Макара», на большомъ листѣ in f°, въ изданіи Сытина. Кромѣ чисто беллетристическихъ произведеній отмѣтимъ воспоминанія В. Г. Короленко о Гл. И. Успенскомъ и о Черны-

*) Ср. „Міръ Б.“ текущ. года, № 2

шевскомъ. Публицистическія статьи (кромѣ «Голоднаго года») до сихъ поръ не выходили отдѣльнымъ изданіемъ.

II.

О впечатлѣніяхъ, которыя питали дѣтство и самую раннюю юность г. Короленко, намъ извѣстно слишкомъ мало. Кое-что о томъ, чѣмъ жила душа Короленко-ребенка, говорятъ, конечно, всѣ очерки и разсказы изъ дѣтской жизни; впечатлѣнія собственнаго дѣтства, несомнѣнно, отразились здѣсь. Мы узнаемъ также, что впечатлѣнія природы родины В. Г. Короленко оставили прочные, неизгладимые слѣды въ душѣ писателя. Поэзія казацкихъ преданій и музыкальность украинскихъ пѣсенъ, особенность происхожденія отъ отца-украинца и матери-польки и, наконецъ, своеобразная бытовая обстановка, все это, конечно, сыграло свою роль въ духовномъ развитіи писателя и, несомнѣнно, отразилось на характерѣ его творческой работы, но усчитать болѣе или менѣе точно вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ мы не имѣемъ никакой возможности.

Гораздо болѣе опредѣленными представляются намъ идейныя вліянія, среди которыхъ протекла юность г. Короленко и подъ вліяніемъ которыхъ сложились и опредѣлились начальные элементы, положенные въ основаніе его творческой работы. В. Г. Короленко становится юношей въ знаменательный моментъ русской жизни, на сгибѣ двухъ замѣчательныхъ десятилѣтнихъ граней развитія нашего общественнаго самосознанія. То было время смѣны двухъ славныхъ міросозерцаній, переломъ настроеній русскаго общества. То было время подъема все еще прибывающихъ волнъ общественнаго оживленія, всколыхнувшихся отъ мощнаго толчка гигантскаго историческаго событія. Это была неумолимая логика фактовъ и настроеній, этими фактами вызванныхъ. Яркіе и блестящіе боевые лозунги 60 гг. стали тогда замѣтно терять свою нѣкогда неоспоримую власть и обаяніе надъ умомъ, а на ихъ мѣсто все увѣреннѣе и опредѣленнѣе становились новые идеалы, органически выросшіе изъ прежнихъ, но все же существеннымъ образомъ осложняющіе ихъ и ослабляющіе ихъ безусловность и всемогущество.

Между 60-ми и 70-ми годами не пролегаетъ шумнаго и бурливаго водораздѣла, какъ это случалось раньше и позже въ смѣнѣ десятилѣтій русской литературы и жизни; новое не вставало въ непримиримое противорѣчіе съ старымъ; два общественныхъ движенія 60-ыхъ и 70-ыхъ гг. не враждовали между собой, не сталкивались лбами. Скорѣе одно изъ нихъ являлось только дополненіемъ и поправкой другого... Здѣсь борьба поколѣній вела насъ впередъ такъ же, какъ ранѣе въ конфликтѣ людей 40-ыхъ гг. съ новыми людьми 60-ыхъ гг., такъ же, какъ впослѣдствіи въ разногласіяхъ семидесятниковъ съ людьми 90-ыхъ годовъ. Но вела прямо и неуклонно; борьба не прини-

мала тогда столь рѣзкихъ, обостренныхъ формъ; изъ-за разногласій представители обоихъ теченій не теряли общей почвы, на которой всѣ они являлись, несомнѣнно, союзниками, какъ это часто случалось до и послѣ... Новое органически выростало изъ стараго, не разрывало съ нимъ, держалось его завѣтовъ и традицій, обогащая ихъ своимъ опытомъ и мыслью. Поэтому-то такъ часто и въ извѣстномъ смыслѣ съ полнымъ основаніемъ многіе писатели, друзья или враги—все равно, ставятъ 60-ые и 70-ые года въ нашемъ общественномъ развитіи за одну общую скобку. Эта общая скобка, тѣсная близость ихъ не стираетъ существенныхъ различій, не затушевываетъ и перелома, который, какъ мы увидимъ дальше, отразился и въ творчествѣ г. Короленка.

Идейныя увлеченія интеллигенціи 60-ыхъ гг. представляютъ собой очень интересную съ психологической точки зрѣнія, сложную амальгаму сознательнаго матеріализма и безсознательнаго идеализма. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ времени писатель, лично юностью своей пережившій эту эпоху: «Кто хочетъ понять характеръ и значеніе шестидесятыхъ годовъ, долженъ прежде всего остановиться на... необыкновенно счастливомъ и чрезвычайно рѣдкомъ въ исторіи сочетаніи идеальнаго съ реальнымъ, головокружительно-возвышеннаго съ трезво-практическимъ» *). За это Н. В. Шелгуновъ назвалъ реалистовъ 60-ыхъ гг. «идеалистами земли». «Въ общихъ чертахъ, характеръ нашего умственнаго движенія, примѣрно съ пятидесятыхъ годовъ,—писалъ въ 77 году въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» Н. К. Михайловскій,—можетъ быть сведенъ къ двумъ пунктамъ. Подъ наитіемъ своихъ домашнихъ дѣлъ и иностранныхъ вліяній мы желали, во-первыхъ, знать неподкрашенную правду о существующемъ, *о мірѣ, какъ онъ есть,* со включеніемъ ближайшихъ къ намъ, окружающихъ насъ вплотную явленій. Поэтому мы благоволили къ разнымъ философскимъ системамъ, носившимъ названія матеріализма, реализма, позитивизма. Собственно въ философскія системы мы никогда особенно пристально не вглядывались и довольно неразборчиво валили ихъ въ кучу, лишь бы они обѣщали намъ правду. Къ нимъ мы питали больше платоническія чувства. Но направленіе все-таки очень сильно сказалось въ частныхъ областяхъ, въ пристрастіи къ естественнымъ наукамъ, въ особенныхъ пріемахъ въ беллетристикѣ и въ другихъ искусствахъ, въ критикѣ, въ обличительной литературѣ. Въ то же время насъ занимала и другая половина правды—вопросы о томъ, каковъ міръ *долженъ* быть, міръ человѣческой жизни, разумѣется» *). Но вторая половина правды, правда-справедливость, въ 60-е годы, въ разгаръ увлеченія писаревскимъ реализмомъ, болѣе молчаливо предполагалась, суровый и стыдливый реализмъ упорно оставлялъ эту правду въ тѣни, выдвигая

*) „Сочиненія Н. К. Михайловскаго", т. V, стр. 358

прежде всего правду-истину, смѣло и безстрашно обнажающую дѣйствительность. На мѣсто матеріализма 60-хъ годовъ движеніе 70-хъ годовъ выдвигаетъ систему двуединой правды, продолжающей «безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной» и въ то же время, стремящейся опредѣленно и сознательно «охранять и правду-справедливость, правду субъективную». Исходнымъ пунктомъ для возведенія этого зданія послужила блестящая критика позитивизма. На мѣсто прежняго мыслящаго реализма и апологіи непосредственнаго чувства, на мѣсто протеста шестидесятниковъ, особенно Писарева, противъ идеализма явилась сознательная апологія точки зрѣнія идеала. Односторонности и излишества, вытекающія изъ спѣшной «ликвидаціи старой системы», изъ борьбы противъ лжеидеализма «отцовъ» стали практически ненужными, и потому естественно сгладились. Вѣра во всемогущество разума, господство нѣсколько односторонняго раціонализма смѣнились апологіей всесторонне развивающейся личности, съ разумомъ, чувствомъ и волей. Дѣйствительность стала не только объектомъ естественно-научнаго изученія, но и соціологическаго познанія, предметомъ объективной нравственной оцѣнки. Гордая честь естествоиспытателя, знающаго только свой ученый кабинетъ, да развѣ еще научную популяризацію, осложнилась работой противоположнаго моральнаго элемента — совѣстливымъ народничествомъ. Просвѣщенный эгоизмъ, самосовершенствующійся въ гармоніи своей личной пользы съ интересомъ всего человѣчества, встрѣтился съ альтруистической моралью, съ проповѣдью долга и самопожертвованія; естественныхъ наукъ и самообразованія оказалось не достаточно, проснулась совѣсть, потянуло къ массамъ, внизъ, въ подвалы, на фабрики, въ деревню—къ народу, къ мужику, рабочему человѣку, въ интересахъ людей труда воплощались интересы человѣческой личности вообще. «Вотъ замѣчательный и, смѣю сказать, историческій фактъ,—говоритъ Григорій Темкинъ, герой повѣсти Н. К. Михайловскаго «Въ перемежку»,—въ то время, какъ Писаревъ и другіе изыскивали програму чистой, святой жизни, уединенной отъ всякой общественной скверны, а мы, чуть ли не большинство тогдашней молодежи, старались проводить эту программу въ жизнь, въ это самое время, всѣ эти Помяловскіе, Рѣшетниковы, Щаповы, Нибуши и проч. знать не хотѣли никакихъ эпитимій и знакомились съ бѣлой горячкой. Они были полны ненависти и были правы въ своей ненависти... Ихъ не могло мучить сознаніе личной отвѣтственности за свое общественное положеніе, ихъ могла мучить только злоба на искалѣченную жизнь. Но они были всетаки близки намъ, именно своею ненавистью, и изъ этой близости возникли чрезвычайно странныя столкновенія. Прежде всего они насъ спасли отъ окончательнаго погруженія въ писаревщину. Мы готовы

*) „Сочиненіе“ т. IV, 414, стр.

были совершенно закупориться въ тѣсную раковину собственной чистоты, примирившись съ тѣмъ фактомъ, что въ нижнемъ этажѣ того самаго зданія, гдѣ мы себѣ устроили уютное гнѣздышко, живетъ непроглядное невѣжество, безысходная нищета. Но разночинцы выходили именно отсюда, изъ этого страшнаго подвала и вносили съ собой живую струю» *). Пришелъ разночинецъ, поднявшись откуда-то со дна русской жизни, и встревоженная, разбуженная совѣсть напряженно стала работать по всей линіи интеллигенціи 70 гг.; напервое мѣсто выдвигается уже не моральная проблема личности, а вопросъ общественнаго дѣла; соціальныя противорѣчія требуютъ разрѣшенія; убѣжденно и трепетно проповѣдуется ученіе о долгѣ передъ народомъ; критически мыслящая интеллигенція горячо, словомъ и дѣломъ, призывается къ активной расплатѣ за «все растущую цѣну прогресса», къ погашенію вѣкового долга народу... Осложняются какъ психологическіе и моральные мотивы интеллигентскихъ увлеченій, такъ и практическая программа движеній, осложняются теоретическія основы міросозерцанія. Многія простыя и ясныя матеріалистическія формулы теряютъ свое недавно почти волшебное обаяніе, уже не такъ просто «психическіе процессы сводятся къ физіологическимъ», «обществознаніе къ естествознанію», «нравственное начало къ эгоизму».

Среди этихъ броженій въ эпоху смѣны интеллигентскихъ увлеченій на рубежѣ двухъ славныхъ десятилѣтій русской общественной жизни протекла юность г. Короленко. Въ 1870 году онъ оканчиваетъ гимназію. На борьбу настроеній двухъ десятилѣтій въ творчествѣ г. Короленко указываетъ печатающійся въ 1888 г. въ «Русской Мысли» разсказъ «Съ двухъ сторонъ», въ подзаголовкѣ названный «Разсказъ о двухъ настроеніяхъ». Правда, общественный переломъ отразился здѣсь чуть замѣтными, слабыми тонами. Герой, студентъ Петровской академіи, Гавриловъ «взялъ у Бокля истину о мясѣ и картофелѣ и принялъ ее со всѣмъ жаромъ прозелита». «Другой мой любимый писатель,—разсказываетъ онъ,—былъ Фогтъ. Его портретъ висѣлъ у меня въ студенческой квартиркѣ, а на портретѣ была надпись: «Gegen Dummheit kämpften Götter selbst vergebens». Точность и трезвость научной мысли производили на меня такое же впечатлѣніе, какое производитъ красота на ея поклонника. Я благоговѣлъ передъ этимъ разрушителемъ метафизическихъ предразсудковъ, а его девизъ ставилъ его въ моихъ глазахъ на пьедесталъ полубога, титана. Боги напрасно боролись противъ глупости, но великій человѣкъ борется не напрасно. Бѣдный великій человѣкъ! Я не зналъ, что уже въ то время его самого уличили въ метафизикѣ, которую онъ такъ ненавидѣлъ, и что глупость доказала дѣйствительно свою силу, закравшись даже въ его собственныя произведенія...» «Мысль есть выдѣленіе мозга, какъ желчь—пе-

*) „Сочиненія Н. К. Михайловскаго", т. IV, стр. 322.

чени». Это казалось мнѣ и новымъ и оригинальнымъ. Я видѣлъ въ этомъ безстрашно провозглашенную истину и съ ревностью прозелита готовъ былъ довести ее до логическихъ предѣловъ. Да, какъ желчь печени, какъ всѣ другія выдѣленія... И тѣмъ не менѣе, едва ли передъ чѣмъ-либо я преклонялся такъ, какъ передъ мыслью» *). Мы видимъ здѣсь характерное, особенно характерное для юношей-прозелитовъ, амальгамированіе «идеальнаго съ реальнымъ», смѣшныхъ курьезовъ съ возвышеннымъ благородствомъ... Но вотъ въ молодомъ матеріалистѣ, поклонникѣ Бокля и Фогта, происходитъ переворотъ, онъ наталкивается на раздавленный поѣздомъ трупъ пріятеля. И страшная картина, особенно разбросанныя по желѣзнодорожному полотну «бѣлые кусочки мозга», производятъ на него неотразимое впечатлѣніе. Прежнее міросозерцаніе, простое и ясное трещитъ по всѣмъ швамъ, юноша переживаетъ страшный и мрачный переломъ, что принесетъ съ собой онъ—объ этомъ оборванный разсказъ не говоритъ еще съ сколько-нибудь достаточной ясностью. Но все же Гавриловъ высказываетъ увѣренность, что онъ «испытывалъ тогда въ очень остромъ видѣ самое общее и наиболѣе распространенное настроеніе нашего времени» **). Въ разсказѣ бѣгло рисуются студенческія сходки, поминается фамилія широко извѣстнаго въ то время критика-публициста Зайцева, читается статья, въ которой говорится «о неоплатномъ долгѣ интеллигенціи передъ народомъ» и пр., и пр.

Несмотря на возраженія нѣкоторыхъ критиковъ, нельзя не признать, что самый кризисъ настроеній героя удался художнику... Кризисъ прежняго міросозерцанія, душевной безмятежности пробуждаетъ молодого героя къ новымъ исканіямъ, тяжесть переживаемаго имъ переходнаго настроенія не разъ останавливаетъ его на мыслѣ о самоубійствѣ, съ этой мыслью часто бродитъ онъ около платформы, заглядывая подъ колеса вагоновъ.

„Я приносилъ туда,—говоритъ онъ,—и уносилъ оттуда омраченную душу, умъ, угнетенный сознаніемъ безсмыслія жизни (зачѣмъ же искать смысла въ частностяхъ, когда цѣлое лишено всякаго смысла?), и застывшее въ холодномъ и тупомъ отчаяніи сердце. А кругомъ злилась зимняя вьюга, лежали холодные снѣга, телеграфные столбы стонали точно отъ внутренняго озноба, а съ откоса, на другой сторонѣ дороги, глядѣлъ на меня грустный огонекъ сторожевой будки. Тамъ, въ темнотѣ, среди спертаго воздуха жила цѣлая семья сторожа, и красный огонекъ глядѣлъ въ темноту такъ сиротливо и жалко, какъ жалки были эти существованія. Дѣти были золотушны и несчастны; мать—изможденная, сердитая и тоже несчастная. Она рожала и хоронила, и въ этомъ была ея жизнь. А отецъ, съ которымъ я много разъ говорилъ прежде, былъ, можетъ быть, несчастнѣе всѣхъ, потому что вся семья ждала чего-то отъ него, а самъ онъ не видѣлъ надежды ни откуда... Онъ выносилъ это положеніе потому, что простымъ сердцемъ вѣрилъ въ высшую волю и полагалъ, что кому-то, для

*) „Русская Мысль" 1888 г. № 11, стр. 179—180.

**) Тамъ же, стр. 176.

чего-то это нужно. У меня отъ его разсказовъ и отъ зрѣлища этой безпросвѣтной жизни сжималось сердце, но и я тогда могъ выносить это зрѣлище, потому что у меня были тоже надежды: я думалъ, что мы скоро найдемъ пути для того, чтобы сдѣлать жизнь для всѣхъ свѣтлой и радостной. Какъ, когда, какимъ образомъ?—это другое дѣло, но смыслъ жизни былъ въ этой цѣли.., Теперь же для меня не было ни этого и никакого смысла, и видъ безцѣльныхъ и ничѣмъ не вознаградимыхъ страданій этой сторожевой будки былъ бы поистинѣ невыносимъ для меня, если бы я не заключился въ какую-то скорлупу холоднаго безчувствія къ себѣ и другимъ" („Русская Мысль", 1888 г. № 12, стр. 242).

Настроеніе Гаврилова, какъ и другихъ героевъ г. Короленка, какъ и настроеніе самого художника лучше всего назвать «правдоискательствомъ». Этимъ словомъ раскаявшійся эмигрантъ Келсіевъ **) характеризовалъ общественное броженіе того времени. «Правдоискателями» были шестидесятники въ своихъ увлеченіяхъ матеріалистическими формулами, которыя одухотворялись ими и возводились на степень религіи, правдоискательство лежало въ основѣ проповѣди Писарева, правдоискательство же привело къ кризису настроенія въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ и къ новымъ увлеченіямъ семидесятниковъ.

В. Г. Короленко съ первыхъ шаговъ своей литературной дѣятельности, съ перваго произведенія, «Эпизоды изъ жизни искателя», является передъ нами увлеченнымъ, неугомоннымъ правдоискателемъ. Страстно искомый смыслъ жизни не выливается у него въ какое-нибудь одно, несомнѣнное, разъ навсегда законченное рѣшеніе. Онъ постоянно ищетъ его съ своей задумчивой грустной улыбкой: вотъ, вотъ, кажется, уже нашелъ, обладаетъ имъ, но потомъ снова теряетъ и снова ищетъ. Смыслъ этотъ для г. Короленко нѣчто огромное, неуловимое, необъятное, но обаятельное, прекрасное и завлекательное, то, о чемъ нельзя не думать, чего живому человѣку нельзя не искать. Въ томъ же разсказѣ «Съ двухъ сторонъ» разсказчикъ съ грустной ироніей говоритъ о смыслѣ жизни. «Иногда мнѣ казалось, что я нашелъ его, потомъ терялъ опять, падалъ и подымался. И еще долго не одинъ я, всѣ мы будемъ искать его... Но я почувствовалъ только, что смыслъ этотъ есть, и никогда уже не терялъ этого проблеска вѣры». И г. Короленко ищетъ его, думаетъ о немъ и, какъ умѣетъ, раскрываетъ повсюду въ своихъ произведеніяхъ.

Глубоко искренній «правдоискатель», г. Короленко ищетъ самъ, наблюдаетъ и изображаетъ «искателей» всевозможныхъ типовъ и направленій. Его литературная дѣятельность открывается небольшимъ разсказомъ: «Эпизоды изъ жизни искателя». Здѣсь юный герой, студентъ, встаетъ передъ читателемъ съ своими неопредѣленными неразрѣшившимися исканіями, онъ обрѣтаетъ «то, чего совсѣмъ не искалъ»,

---

*) См. о немъ статью Н. К. Михайловскаго: „Жертва старой русской исторіи" т. IV.

но за нимъ идутъ много другихъ... Въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ г. Короленка встрѣчаются весьма различные виды взыскующихъ. Здѣсь и шумно волнующаяся интеллигентная молодежь («Съ двухъ сторонъ» и «Прохоръ и студенты») и сосредоточенные носители народной мудрости, выразители стихійнаго влеченія мысли народа къ правдѣ и свѣту, сектанты и раскольники («Убивецъ», Яшка «Въ послѣдственномъ отдѣленіи», Камышинскій мѣщанинъ, «Рѣка играетъ», «Надъ лиманомъ» (см. «Русское Богатство» 1897 г.); или просто безпокойные люди, какъ сапожникъ Андрей Ивановичъ и Микеша («За иконой», «На затмѣніи» «Государевы ямщики»), мятущіяся души, какъ бродяга Пановъ («На пути»), или «Соколинецъ»; образы наивно пытливыхъ «искателей»-дѣтей («Ночью», «Въ дурномъ обществѣ», «Парадоксъ») и окутанные загадочно поэтической дымкой прихотливаго вымысла прекрасные силуэты сказокъ («Сказанія о Флорѣ», «Необходимость» и др.). Поиски неудовлетворенной души—излюбленная тема г. Короленка, постоянный предметъ думъ и поэтическихъ вдохновеній; грустная задумчивость—его господствующее настроеніе.

Вопросы вѣры, жажда Бога и правды занимаютъ въ произведеніяхъ г. Короленка самое видное мѣсто. Здѣсь, главнымъ образомъ, сосредоточивается вниманіе художника. Жизнь широко захвачена авторомъ; неисчерпаемо разнообразная и могучая, течетъ она безостановочнымъ шумнымъ потокомъ, развертывая въ своемъ неустанномъ шествіи очаровательно красивыя, говорящія выразительнымъ языкомъ, полныя красокъ и какого-то таинственнаго, неразгаданнаго еще, но обаятельнаго и зовущаго смысла картины природы, а среди этой одухотворенной природы выдѣляя людей, съ грустной задумчивостью всматривающихся въ темную загадку жизни, въ глубину своей совѣсти, ищущихъ смысла этой жизни, пекущихся о вѣрѣ истинной, о правдѣ Божіей, о Богѣ праведномъ. И среди красивой Украйны съ ея мягкими нѣжными красками и тихими ласкающими звуками, и въ живописныхъ окрестностяхъ шумной Москвы, и въ далекой Сибири, среди непривѣтливо суровыхъ береговъ Лены, среди якутовъ въ глухой тайгѣ, среди лѣсовъ и медвѣдей, и въ блестящемъ, подавляющемъ своей огромностью гигантѣ Нью-Іоркѣ, на берегахъ свободной страны человѣкъ является неудовлетвореннымъ искателемъ, неустанно Бога ищетъ, тревожится изъ-за вѣры, хочетъ жить по правдѣ. Вездѣ вопросы религіи и морали волнуютъ его прежде всего. Среди богатой галлереи взыскующихъ вѣры Короленка есть всевозможныя градаціи «искателей», есть обрѣтшіе предметъ своихъ исканій и вставшіе на вѣрѣ своей, какъ на камнѣ, есть безнадежно разочарованные, нигилисты въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, но всего болѣе просто «искателей». Остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе яркихъ изъ нихъ.

III.

Жизнь въ далекой Сибири, гдѣ художникъ провелъ долгіе годы дала ему обильный матеріалъ для его наблюденій надъ всякаго рода искателями. Большинство изъ нихъ, какъ и самъ писатель, пришли сюда «изъ-за вѣры», ихъ привело смѣлое стремленіе къ своей собственной правдѣ, подвижническая готовность независимо и свободно исповѣдовать своего собственнаго Бога или, по крайней мѣрѣ, за свой страхъ и рискъ искать его, они отстаивали право быть самими собой, право вѣровать, молиться и жить по своему. На ряду съ этими пришельцами авторъ рисуетъ также не мало искателей изъ туземцевъ.

Въ глубинахъ народнаго сознанія идетъ неустанная своеобразная работа. Несмотря на принижающее дѣйствіе холода, голода и нищеты, подъ тяжелымъ давленіемъ деспотизма и навязчивой культуры съ ея карикатурными преломленіями въ чуждой ей средѣ, за порогомъ медленно растущаго зданія образованности и грамотности, помимо работы интеллигенціи, стучащей молоточкомъ своей просвѣщенной гуманности гдѣ-то на отшибѣ, далеко отъ темныхъ закоулковъ народнаго сознанія, неуклонно совершается глухая подпочвенная работа народной мысли. Сдавленная въ своемъ ростѣ, несвободная и лишенная свѣта, мысль эта боязливо и недовѣрчиво прячется въ старинныхъ преданіяхъ и писаніяхъ раскольничества, въ пытливомъ суемудріи сектантскихъ ученій, невольно уважая въ нихъ самостоятельность и непринужденность, а порою и геройское мученичество. Неудовлетворенную, наскучавшуюся въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ душу увлекаетъ здѣсь ореолъ мученичества за правду гонимой вѣры.

Ни откуда не видя спасенія, затосковавшій искатель изъ народа идетъ порою искать вѣры въ острогъ. Таковъ «Убивецъ», который надумалъ въ арестанты поступить. Вотъ какъ разсказываетъ онъ свою исторію:

„Крѣпко меня люди обидѣли,—начальники. А тутъ и Богъ вдобавокъ убилъ: жена молодая да сынишко въ одинъ день померли. Родителей не было, остался одинъ-одинешенекъ на свѣтѣ: ни у меня родителей, ни у меня друга. Попъ и тотъ послѣднее имѣнье за похороны прибралъ. И сталъ я тогда задумываться. Думалъ, думалъ и, наконецъ, того, пошатился въ вѣрѣ. Въ старой то пошатился, а новой-то еще не обрѣлъ. Конечно, дѣло мое темное. Грамотѣ обученъ плохо, разуму своему также не вовсе довѣряю... И взяла меня отъ этихъ мыслей тоска, то-есть такая тоска страшенная, что, кажется, радъ бы на бѣломъ свѣтѣ не жить... Бросилъ я избу свою, какое было еще хозяйствишко все кинулъ... Взялъ про запасъ полушубокъ, да порты, да сапогъ пару, вырѣзалъ въ тайгѣ посошекъ и пошелъ. Въ одномъ мѣстѣ поживу, за хлѣбъ поработаю—поле вспашу хозяину, а въ другое къ жатвѣ поспѣю. Гдѣ день проживу, гдѣ недѣлю, а гдѣ и мѣсяцъ; и все смотрю, какъ люди живутъ, какъ Богу молятся, какъ вѣруютъ... Праведныхъ людей искалъ“ („Очерки“ кн. I, 270—271).

Но исканія эти ни къ чему не привели. Затосковалъ онъ еще больше и тутъ же «надумалъ въ арестанты поступить добровольно». Назвался бродягой, и посадили. «Въ родѣ крестъ на себя наложилъ», говоритъ. Но и тюрьма не успокоила скорбную душу «Убивца». «Довольно я узналъ, каковъ это есть монастырь». «На скверное слово, на отчаянность самый скорый народъ, а чтобы о душѣ подумать, о Богѣ тамъ—это за большую рѣдкость, и даже еще смѣются». Объявилъ свое имя, сталъ проситься изъ тюрьмы. Но тутъ его очаровалъ вновь приведенный арестантъ «покаянникъ Безрукый, оказавшійся впослѣдствіи ужаснымъ злодѣемъ... Принявъ этого человѣка за святого, «Убивецъ» подчинился его авторитету. Выйдя съ его помощью изъ тюрьмы, онъ попалъ въ разбойничью шайку. Защищая проѣзжую барыню, онъ убиваетъ покушающагося на нее Безрукаго, за что и получаетъ свое прозвище «Убивецъ», столь страшное для разбойниковъ. Такъ и не нашелъ своей правды «Убивецъ», пока его не убилъ какой-то бродяга за то, что онъ его не хотѣлъ убивать.

Вотъ Пановъ, бродяга отъ рожденія, сынъ бродяги, по прозванію Безпріютный, всю жизнь проводитъ въ пути отъ этапа къ этапу, среди арестантовъ и каторжниковъ. Но могучая и страстная натура бродяги не легко мирится съ этой жизнью, порою съ страшною стихійною силой просыпается въ немъ тоска о чемъ-то другомъ, неиспытанномъ и недоступномъ, что обошло его въ жизни, о какой-то другой жизни... Онъ носилъ въ себѣ какую-то невысказанную, но глубокую тайну и это всѣмъ импонировало въ увѣренной фигурѣ бродяги.

И вотъ этотъ-то бродяга, прочитавъ однажды въ книгѣ идущаго съ нимъ въ одной партіи ссыльнаго интеллигента фразу, подчеркнутую синимъ карандашемъ: «Нашъ вѣкъ жадно ищетъ вѣры», сказалъ «это вѣрно!»—«Что вѣрно?»—спросилъ интеллигентъ. «Справедливо здѣсь написано насчетъ вѣры». Онъ проситъ эту книгу и читаетъ ее по вечерамъ со свѣчей, ложась спать на нарахъ. Въ философской книгѣ Пановъ не нашелъ настоящаго отвѣта на неясныя запросы своей тоскующей души. Пробуя залить душевную бурю водкой, пьяный и дерзкій онъ вызывающе кричитъ интеллигенту, давшему ему злополучную книгу:

«— Ва-а-просы... Я, братъ и, самъ спрашивать-то мастеръ: Нѣтъ, ты мнѣ скажи, долженъ я отвѣчать или нѣтъ... ежели моя линія такая. А то ва-а-просы. На цыгарки я твою книгу искурилъ».

Въ очеркѣ «Въ подслѣдственномъ отдѣленіи» рисуется цѣлый рядъ гонимыхъ за вѣру. Особенно характерна фигура такъ называемаго сумасшедшаго Якова. Это уже не «искатель» только, но самоотверженный, героически смѣлый борецъ за свою правду. Онъ обрѣлъ свою правду и стоитъ за нее. Запертый въ одиночномъ заключеніи, онъ исповѣдуетъ свое служеніе «праву-закону» неукоснительнымъ стукомъ, всякій разъ, какъ вблизи его камеры показываются «слуги антихри-

стовы», «беззаконники», т.-е. кто-нибудь изъ тюремныхъ начальниковъ. «Званія своего, фамиліи, напримѣръ, не открываетъ,—разсказываетъ о немъ одинъ арестантъ въ разговорѣ съ авторомъ.—Сказываютъ такъ, что за непризнаніе властей былъ онъ сосланъ...»

«— А зачѣмъ онъ стучитъ?»—«И опять же какъ сказать... Собственно для обличенія».

Авторъ склоненъ къ мнѣнію, «что Яшка былъ вовсе не сумасшедшій, а подвижникъ». «Да,—говоритъ онъ,—если въ нашъ вѣкъ есть еще подвижники строго послѣдовательные, всѣмъ существомъ своимъ отдавшіеся идеѣ (какова бы она ни была), неумолимые къ себѣ, «не вкушающіе идоложертвеннаго мяса» и отвергшіеся всецѣло отъ грѣшнаго міра, то рекомендую вамъ: такой именно подвижникъ находится за крѣпкою дверью одной изъ одиночныхъ камеръ подслѣдственнаго отдѣленія». Таковъ былъ Яшка. Его ученіе борьбы «государственнаго начала», за которое онъ самоотверженно стоялъ, противъ земскаго, справедливо представляется автору «какою-то странной смѣсью миѳологіи и реализма». Но въ этомъ путанномъ и несуразномъ ученіи было крѣпкое и здоровое зерно непреклоннаго, ни передъ чѣмъ не сгибающагося идеализма. Изъ-подъ страннаго покрова его своеобразнаго суемудрія, подъ «ужасно мрачной миѳологіей», вычитанной имъ изъ какого-то «Сборника», яркимъ свѣтомъ свѣтитъ искреннее уваженіе къ правамъ личности. Яковъ по своему защищаетъ автономію личности, у него есть своеобразный «категорическій императивъ». «Онъ прикидывалъ,—говоритъ разсказчикъ,—все къ нѣкоторымъ, незыблемымъ въ его представленіи правамъ личности и браковалъ все, что не подходило подъ эту мѣрку». Онъ отдается своему нравственному служенію независимо отъ тѣхъ реальныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ повести это служенія и даже, пожалуй, вопреки имъ. «Стучу, вотъ, слава-те, Господи, Царица Небесная... поддерживаетъ меня Богъ-отъ!»

Послѣдствіемъ стука Якова было то, что этотъ стукъ предупреждалъ арестантовъ общей камеры о приближеніи начальства, но для него это было только случайнымъ результатомъ его стоянія «за Бога, за великаго государя». Настоящій же смыслъ своего стучанья онъ полагалъ не въ этомъ, оно вытекало изъ требованій категорическаго моральнаго принципа служить праву-закону.

Устойчивости положительной вѣры Яшки въ «Бога», «великаго государя», его неуклонному служенію «праву-закону» соотвѣтствуетъ устойчивость отрицанія камышинскаго мѣщанина. Это сплошной отрицатель, религіозный нигилистъ. Какъ Яковъ отстаиваетъ право личности на свободное самоопредѣленіе своимъ неугомоннымъ стучаньемъ, такъ и камышинскій мѣщанинъ отстаиваетъ свое право быть самимъ собой своимъ свободнымъ отрицаніемъ.

„— Вѣры какой?—спрашиваетъ арестанта писарь.

„— Никакой.

„— Какъ никакой? Въ Бога вѣруешь?

„— Гдѣ Онъ, какой Богъ? Ты что-ли его видѣлъ?..

— Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать?—набросился смотритель—Я тебя, сукина сына, сгною!.. Мерзавецъ ты этакой!

„Мѣщанинъ изъ Камышина слегка пожалъ плечами.

„— Что-жъ? —сказалъ онъ.—Было бы за что гноить-то. Я прямо говорю... За что и сужденъ".

„Недоумѣваютъ по поводу сплошного отрицанія этого человѣка и сами арестанты.

„— Какъ же, чудакъ,—говоритъ какой-то рыжеватый философъ, съ тузомъ на спинѣ,—пра-а чудакъ! Вѣдь ежели сказываешь, къ примѣру: „нѣтъ", такъ что же есть?

„— Ничего!—отрѣзалъ камышинскій мѣщанинъ коротко и ясно.

„Ничего!" Выходитъ, что камышинскій мѣщанинъ сужденъ, осужденъ, закованъ, сосланъ, наконецъ готовъ воспріять осуществленіе смотрительскихъ обѣщаній, которыя порой бываютъ хуже всякаго приговора, вообще страждетъ изъ--за... ничего! Казалось бы, къ тому, что характеризуется этимъ словомъ „ничего", можно относиться лишь безразлично. Между тѣмъ, камышинскій мѣщанинъ относится къ нему страстно, онъ является какъ бы адептомъ, подвижникомъ чистаго отрицанія. Онъ безстрашно исповѣдуетъ свое „ничего" передъ врагами этого оригинальнаго ученія" („Очерки", 1, 222).

«Ничего»—его религія, столь же самобытная, несомнѣнно и устойчивая, какъ и религія Якова. Очевидно, долгими муками выстраданы, въ долгихъ исканіяхъ выношены эти религіозныя откровенія. Авторъ находитъ въ нихъ «много общаго». Въ этихъ своеобразныхъ съ перваго взгляда столь различныхъ и одинаково темныхъ и дикихъ выраженіяхъ работы народной мысли, въ этихъ извилинахъ и глубинахъ народнаго религіознаго сознанія, дѣйствительно, «много общаго». Въ обоихъ олицетворяется протестъ личности противъ посягательствъ на ея право свободнаго самоопредѣленія, протестъ—своеобразный, чисто русскій. В. Г. Короленко глубоко вскрываетъ психологію столь родного съ нимъ явленія, ему посвящены прекрасныя страницы въ книгѣ «Голодный годъ», «У казаковъ» и въ другихъ мѣстахъ...

Любопытный типъ искателя представляетъ собой сапожникъ Андрей Ивановичъ. Въ великолѣпномъ разсказѣ «За иконой» передъ читателемъ рисуется путешествіе автора съ Андреемъ Ивановичемъ! Изображаются проводы иконы, посѣщающей Нижній - Новгородъ. Фигура сапожника выполнена превосходно. Андрей Ивановичъ—отличный сапожникъ и прекрасный семьянинъ», съ давальцами обращается почтительно, словомъ, ведетъ жизнь, какая полагается по чину заправскому сапожнику, но временами какъ бы просыпается отъ этой своей монотонно текущей жизни, «снимаетъ хомутъ» и какъ бы преображается. «Въ немъ проявляется строптивый демократизмъ и наклонность къ отрицанію. «Давальцевъ» онъ начиналъ разсматривать, какъ

своихъ личныхъ враговъ, духовенство обвинялъ въ чревоугодіи, полицію—въ томъ, что она слишкомъ величается надъ народомъ и, кромѣ того, у пьяныхъ, ночующихъ въ части, шаритъ по карманамъ (это онъ испыталъ горестнымъ опытомъ во время своего запиванія). Но больше всего доставалось купцамъ» («Очерки», II, 180). По своему душевному складу подвижному и неуравновѣшанному, а также и по демократическимъ тенденціямъ, и другимъ сторонамъ этотъ искренній и милый человѣкъ нѣсколько напоминаетъ незабвеннаго героя «Разоренія» Успенскаго—Михаила Ивановича. Чуткій и воспріимчивый, съ рѣзко выраженной наклонностью къ самопожертвованію, другъ «простого человѣка» и врагъ «прижимки», Андрей Ивановичъ во многомъ и отличается отъ героя Успенскаго. Андрей Ивановичъ, пожалуй, реальнѣе даже его, болѣе живое, единичное лицо, чѣмъ герой «Разоренья». Но за то Михаилъ Ивановичъ полнѣе выразилъ идеалогію людей своего типа: онъ вдохновеннѣе и ярче, выразительнѣе и послѣдовательнѣе. Онъ также, какъ и Андрей Ивановичъ «за правду помереть готовъ во всякое время», зато уже и «давальцевъ» ненавидитъ во всякое время, за «простого человѣка» всегда герой, всегда во власти своего краснорѣчиваго демократизма и потому искренно негодуетъ на товарища, малодушно отступающаго передъ чистой публикой, со словами: «Вашь-бродь, дозвольте бутень-броду...» Михаилъ Ивановичъ послѣдовательнѣе, но герой г. Короленка жизненнѣе, допустимѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ сложнѣе. Онъ имѣетъ сильный уклонъ въ сторону религіозныхъ запросовъ, не останавливается даже передъ проблемами отзывающимися «буквоѣдствомъ», отъ которыхъ неуклонно преданный своему дѣлу Михаилъ Ивановичъ отшатнулся бы съ негодованіемъ, какъ отъ своеобразной «прижимки», способной только утѣснить простого человѣка и отуманить открывающееся передъ нимъ поприще. Андрей же Ивановичъ этимъ не смущается, въ немъ слабѣе власть принципа, онъ непосредственнѣе, расплывчатѣе, съ непростительной легкомысленностью—онъ часто употребляетъ его излюбленное выраженіе «не туда гнетъ»...

IV.

Ту же тревогу неудовлетворенной души, то же ищущее безпокойство о вѣрѣ, о правдѣ, о Богѣ встрѣчаемъ мы и въ большей части другихъ произведеній Короленко. Таковы разсказы: «На затмѣніи», «Атъ-Даванъ»; о томъ же говоритъ прелестный и характерный также и во многихъ другихъ отношеніяхъ разсказъ «Рѣка играетъ». Тѣмъ же настроеніемъ проникнута поэзія воли и удали въ увлекательномъ, разсказѣ Соколинца.

«Я видѣлъ въ немъ,—говоритъ художникъ,—только молодую жизнь полную энергіи и силы, страстно рвущуюся на волю... Куда?

Да куда?»

Въ смутномъ бормотаніи спящаго бродяги ему «слышались неопредѣленные вздохи о чемъ-то...» Неясная и туманная, темная даль жизни властно притягиваетъ къ себѣ тоскующую душу, увлекаетъ и манитъ своей загадочной глубиной, страстно хочется понять тайну этой дали, хочется заглянуть въ самый кратеръ этой бездонной жизненной глуби... А она все уходитъ, то приближаясь, то снова удаляясь, порою кажется близкой и понятной и такой доступной, а въ сущности всегда недосягаемо далека и всегда загадочна и очаровательна. Жизнь зоветъ къ себѣ, и въ страшной власти этого зова кроется для человѣка тайна ея смысла, разгадать которую онъ снова и снова стремится повсюду въ своихъ исканіяхъ.

Въ одномъ изъ лучшихъ и наиболѣе цѣльномъ произведеніи г. Короленка въ повѣсти «Безъ языка», смутныя броженія неудовлетворенной души уносятъ нѣсколькихъ жителей захолустнаго мѣстечка «Лозище», однодворцевъ Лозинцевъ, въ далекую Америку искать новой жизни: когда въ самомъ концѣ повѣсти герой Матвѣй Лозинскій и его соотечественникъ интеллигентный правдоискатель Ниловъ подводятъ итоги тому, что имъ дала новая жизнь въ новой странѣ, читатель убѣждается, что они нашли, пожалуй, много, но не то, что искали. Самое глубокое и заманчивое осталось все-таки тамъ впереди, освѣщая собой новыя, вѣчныя исканія. Казалось бы, Матвѣй Лозинскій послѣ тяжелыхъ злоключеній нашелъ бы то, къ чему стремился, но его все-таки тянетъ куда-то, онъ подумываетъ о родинѣ, онъ не знаетъ, чего ему хочется...

Стоя рядомъ съ своей будущей женой на пристани Нью-Іорка, задумчиво всматриваясь въ море, въ подходящіе изъ Европы пароходы, Матвѣй «сознавалъ, что вотъ у него есть клокъ земли, есть домъ и телка, и корова... скоро будетъ жена... *Но онъ забылъ еще что-то и теперь это что-то плачетъ и тоскуетъ въ его душѣ*». Но назадъ, на родину, онъ не вернется, «тамъ теперь Ниловъ съ своими вѣчными исканіями». Такимъ образомъ авторъ привелъ своего героя къ пристани, а все же «что-то плачетъ и тоскуетъ въ его душѣ», напоминаетъ о чемъ-то далекомъ и еще недостигнутомъ, слышатся «неопредѣленные вздохи о чемъ-то» и тайна жизни снова и снова зоветъ искать и искать... Глубокая задумчивость не покидаетъ автора, съ его устъ не сходитъ грустная улыбка. Но значитъ ли это, что онъ только ищетъ, но ничего не находитъ, что поиски его ни къ чему не приводятъ?

Въ разсказѣ «Ночью» рисуется такая картина. Въ спальной происходятъ роды, а въ другой половинѣ дома, въ дѣтской, четверо дѣтей собрались на ночную бесѣду около свѣчи—Голованъ, Мордикъ, Маша и Шура. Няня спитъ, въ дѣтской тихо, но дѣти чувствуютъ, что въ домѣ что-то происходитъ, они уже знаютъ, что «у мамы скоро родится дѣвочка»; изъ другой половины доносится движеніе, кто-то

пріѣхалъ, слышны голоса взрослыхъ и, наконецъ, до ихъ ушей долетаетъ пискъ ребеночка. Дѣти заинтересовываются и, пробѣжавъ черезъ корридоръ, попадаютъ въ спальную. Тамъ они наталкиваются на двухъ пріѣхавшихъ «дядей». Одинъ, дядя Михаилъ, студентъ медицинской академіи, онъ извѣстенъ дѣтямъ, какъ насмѣшливый отрицатель; они слышали, «онъ говоритъ, когда человѣкъ умретъ, то изъ него сдѣлается порошекъ и человѣка нѣтъ вовсе». Другой—дядя Генрихъ; этотъ «говоритъ, что человѣкъ уходитъ на тотъ свѣтъ и смотритъ оттуда и жалѣетъ...» Дѣти знаютъ, что у него нѣсколько лѣтъ умерла жена Катя, этимъ они объясняютъ его вѣру. «Если изъ человѣка дѣлается порошекъ, то, значитъ, и изъ Кати тоже. А онъ этого не хочетъ...» Этихъ-то дядей дѣти и находятъ около мамы въ спальнѣ. На вопросы дѣтей въ объясненіи происшедшаго событія дядя Михаилъ прибѣгаетъ къ традиціонному лопуху, «подъ лопухомъ нашли», «прямо съ неба на ниточкѣ спустили». Ни та, ни другая гипотеза не удовлетворяетъ дѣтской пытливости и вотъ бойкій Мордикъ разсказываетъ свою, которую онъ слышалъ отъ жида Мошки: это извѣстная, еврейская легенда объ ангелѣ смерти и ангелѣ жизни: у Бога есть два ангела, одинъ вынимаетъ изъ людей душу, а другой приноситъ новыя души съ того свѣта. Вотъ когда надо у кого-нибудь родиться ребенку, та женщина дѣлается больна... Богъ посылаетъ обоихъ ангеловъ и т. д.

Эта поэтическая легенда Мошки болѣе говоритъ дѣтскому воображенію, чѣмъ лопухи и ниточки; быть можетъ, еще и потому, что Мошка вѣрилъ въ грезы и передалъ эту вѣру вмѣстѣ съ разсказомъ, а трезвые люди не вѣрятъ въ свои лопухи и ниточки, и чуткая душа ребенка всегда живо чувствуетъ фальшь... Но все-таки Мордику хочется подкрѣпить мошкину правду авторитетомъ взрослыхъ.

„— Что же, это все... правда?—спрашиваетъ онъ, кончивъ разсказъ.

„— Все правда, мальчикъ, все это правда!—сказалъ серьезно Генрихъ.

„Тогда Михаилъ, еще за минуты передъ тѣмъ утверждавшій, что ребятъ находятъ подъ лопухомъ, нетерпѣливо повернулся на стулѣ.

„— Не вѣрь, Маркъ. Все это глупости, глупыя мошкины сказки... Охота,—повернулся онъ къ Генриху, забивать дѣтскую голову пустяками!

„— А ты сейчасъ не забивалъ ее лопухомъ?

„— Это не такъ вредно: это очевидный абсурдъ, отъ котораго имъ отдѣлаться легче.

„— Ну, разскажи имъ ты, если можешь...

„— Ты знаешь, что я могъ бы разсказать...

„— Что?

„Михаилъ звонко засмѣялся.

„— Физіологію... разумѣется, въ популярномъ изложеніи... Надѣюсь, это была бы правда...

„— Напрасно надѣешься...

„— То-есть?

„— *Ты знаешь немногое, а думаешь, что знаешь все.. А они чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ образы. По моему, они ближе къ истинѣ*".

Это очень выразительныя слова, и хотя сказаны они авторомъ не отъ своего лица, но въ нихъ вложено художникомъ много своего.

Онъ напряженно и внимательно всматривается въ жизнь, всматривается глубокимъ и долгимъ взглядомъ, неустанно доискивается смысла этой жизни, хочетъ разгадать ея тайну, но находитъ далеко не все, что ищетъ, узнаетъ немногое, и не думаетъ, что знаетъ все. Также интеллигентный искатель повѣсти «Безъ языка» нашелъ многое изъ того, что онъ искалъ, но это многое не все. И другимъ дѣйствующимъ лицамъ, героямъ другихъ очерковъ и разсказовъ г. Короленка подобно Матвѣю Лозинскому, «чудится еще что-то, что манило ихъ и манитъ, но что это такое они рѣшительно не могли бы ни сказать, ни опредѣлить въ собственной мысли... *Но было это глубоко, какъ море и заманчиво, какъ даль просыпающейся жизни...*» (Курсивъ нашъ).

Въ жизни много глубоко таинственнаго и непонятнаго, то, что знаетъ человѣкъ, слишкомъ немного и слишкомъ не полно. При томъ поэзія глубокаго чувства способна больше понять въ жизни, болѣе приблизиться къ ея тайнѣ, чѣмъ холодный свѣтъ гордаго разума, голосъ опытнаго, объективнаго знанія. Разумъ многое можетъ, но онъ не всемогущъ, какъ это кажется одностороннему раціонализму, разумъ не составляетъ еще всего человѣка, не выражаетъ собой всего человѣческаго сознанія, полной и цѣльной человѣческой личности; у живого человѣка есть и чувство, и воля. И часто то, что недоступно разумному познанію, открывается чувству и полагается волей... И тогда гордый и сильный на своемъ мѣстѣ разумъ не долженъ вставать у нихъ на пути. Здѣсь, а также, какъ далѣе увидимъ, и въ другихъ произведеніяхъ г. Короленко является глубоко вдумчивымъ художникомъ, апологетомъ цѣльной человѣческой личности противъ всевозможныхъ посягательствъ на нее, какъ со стороны внѣшнихъ, такъ все равно и внутреннихъ идоловъ, обезцѣнивающихъ жизнь и комкающихъ полноту человѣческаго сознанія во имя обидной ясности своихъ претенціозныхъ ученій.

Художникъ не думаетъ, что онъ знаетъ все; онъ не проникъ въ тайну жизни, но нѣчто въ ней онъ все-же уяснилъ себѣ и изъ этого слагается его вѣра, здоровая и сильная.

Вслушиваясь въ основные мотивы поэзіи г. Короленка, вдумываясь въ смыслъ его разсказовъ о людяхъ, взыскующихъ праведной вѣры, пристально всматриваясь въ своеобразную красоту его картинныхъ изображеній природы, мы вездѣ явственно ощущаемъ живое дыханіе Бога, вдохновляющаго художника, чувствуемъ ласкающее тепло его идеала, обаяніе его правды. Предметъ религіозныхъ вдохновеній В. Г. Короленка—живая человѣческая личность, его Богъ,—образъ и подобіе человѣка, живетъ въ человѣкѣ и человѣкомъ, его идеалъ—человѣчность, его поэзія—поэзія человѣческой жизни. Гуманитарный характеръ поэзіи г. Короленко отражается на изображеніи, какъ религіозныхъ вѣрованій, такъ и естественныхъ явленій. Какъ Богъ, такъ и природа одинаково окрашиваются имъ въ цвѣтъ человѣческихъ пред-

ставленій, одухотворяются и очеловѣчиваются. Онъ смотритъ на жизнь съ человѣческой точки зрѣнія, воспроизведенный имъ міръ существуетъ только въ человѣкѣ и для человѣка.

Главная идея, положенная въ основу художественнаго творчества г. Короленка, та-же, которую положилъ, какъ гносеологическій принципъ, въ основу своей системы двуединой правды одинъ изъ вождей идейнаго движенія 70-хъ годовъ—«истина только для человѣка». Въ этомъ смыслѣ г. Короленко является вѣрнымъ сыномъ своего времени, своеобразно претворившимъ въ своемъ творчествѣ одно изъ основныхъ его увлеченій.

V.

Человѣческая личность стала завѣтной святыней г. Короленка, обладающей въ его глазахъ высшей нравственной цѣнностью; его поэзія сдѣлалась поэзіей борьбы за права этой личности, неотъемлемыя морально, но постоянно нарушаемыя жизнью фактически. Вездѣ въ произведеніяхъ г. Короленка забота о душѣ, вопросы совѣсти, исканіе Бога, безпокойство о вѣрѣ носятъ явные слѣды вдохновляющаго ихъ моральнаго начала—человѣческой личности. Религіозныя увлеченія его героевъ всюду представляютъ собой идеологію человѣка. Боги ихъ—образъ и подобіе человѣческой личности. Оскорбленный человѣческой неправдой «Убивецъ» «крестъ на себя наложилъ»; попранная человѣческая личность бурно просыпается и клокочетъ въ безсильномъ порывѣ въ душѣ бродяги Панова послѣ разговоровъ добродушнаго, но безтактнаго полковника; для «обличенія» безнаказанныхъ надругательствъ надъ личностью неукоснительно стучитъ и самоотверженный подвижникъ Яшка. «Непреложнаго авторитета для Яшки не существовало. Онъ прикидывалъ все къ нѣкоторымъ, незыблемымъ въ его представленіи правамъ личности и браковалъ все, что не подходило подъ эту мѣрку». Нигилистическое отрицаніе всякой вѣры, выразительное «ничего» Камышинскаго мѣщанина, страшный крикъ человѣческаго отчаянія извѣрившейся личности обратили своего Бога въ ничто. Чуть просыпающаяся личность ямщика Микеши, еще робко и неувѣренно дѣлающая первые шаги на пути отвоеванія своихъ правъ, отражается въ его своеобразной религіи «худенькаго-худого Бога». Чуткая, отзывчатая, впечатлительная къ чужому горю и жаждущая подвига натура Андрея Ивановича вся цѣликомъ выливается въ его душевномъ восклицаніи: «За правду умереть готовъ во всякое время». Особенно выпукло и явственно человѣкообразный характеръ Бога чувствуется въ «Снѣ Макара», гдѣ Богъ, на судъ котораго попадаетъ Макаръ во снѣ, является въ образѣ стараго Тойона, и творитъ свой судъ старый Тойонъ на основаніи законовъ человѣческой правды, той правды, которой нѣтъ на землѣ, но которая тѣмъ не менѣе безусловно обязательна для этой земли. Человѣческая личность полагается этой правдой высшей цѣнностью на землѣ... Устами Макара въ его гре-

захъ говоритъ проснувшаяся личность, сознавшая свои права и гнѣвно протестующая во имя ихъ противъ постоянно и безжалостно попирающей ее неправды; этотъ же голосъ личности, борящейся за свои права, можно различить вездѣ въ произведеніяхъ г. Короленка; онъ явственно слышится въ устахъ всѣхъ его искателей, несмотря на своеобразный покровъ всевозможныхъ историческихъ и бытовыхъ наслоеній и специфическихъ уродливостей. По красивому выраженію Фейербаха, приводимому Н. К. Михайловскимъ въ его «отрывкахъ о религіи», «испаренія слезъ сердца сгущаются въ небѣ фантазіи въ туманные образы божественныхъ существъ». Этими словами въ полномъ согласіи съ общимъ духомъ творчества г. Короленка можно формулировать смыслъ религіозныхъ исканій его героевъ.

Произведенія В. Г. Короленка представляютъ собой блестящую апологію человѣческой личности,—это несомнѣнно. Но въ увлеченіи культомъ личности человѣка возможны два уклона, два крайнихъ превращенія истиннаго гуманизма. Мораль свободно самоопредѣляющейся личности одинаково запрещаетъ полагать что-нибудь выше самой личности, какъ внѣ ея, такъ и въ ней самой, какое-нибудь исключительное ея содержаніе. Мораль это осуждаетъ превознесеніе, какъ условій человѣческаго существованія выше самого человѣка, такъ и особенностей личности выше ея человѣческаго достоинства. Какъ тѣ, такъ и другіе идолы одинаково ведутъ отъ истиннаго культа человѣка къ идолопоклонству, къ униженію человѣка. Въ одну сторону уклоняются тѣ съ виду гуманистическія ученія, которыя выше личности живого человѣка ставятъ внѣшніе человѣку идолы въ родѣ безликаго человѣчества, общества, государства, всеобщаго благоденствія, счастья абстрактнаго человѣчества, науки, вещественнаго безличнаго прогресса, цѣлей природы и т. п.; съ другой стороны, живому человѣку грозятъ божки и идолы, свившіе себѣ гнѣздо въ самомъ его внутреннемъ мірѣ. Счастье и довольство претендуютъ на мѣсто человѣческаго достоинства, польза, разумъ, красота, отдѣльныя чувства и страсти. Со всѣхъ сторонъ утѣсняютъ автономную и цѣльную личность; до послѣдней степени обостренныя индивидуалистическія теченія также стремятся поставить на мѣсто всей личности какіе-нибудь исключительные, обособившіеся ея моменты и настроеніе. Здѣсь цѣнна уже не столько самая личность, сколько ея индивидуализированные утонченные узоры, дорога не цѣльность и полнота живой личности, не живой человѣкъ, а исключительное содержаніе личности, нѣчто въ человѣкѣ ставится здѣсь выше самого человѣка, какъ сверхчеловѣческое. Цѣнна только индивидуализированная, а не всякая личность, для нея живая жизнь только подножіе. Наше время знаетъ эти увлеченія крайняго индивидуализма въ ученіяхъ Нитцше и его предтечи Макса Штирнера. Итакъ, съ одной стороны личность живого человѣка приносится въ жертву всепоглощающему Молоху безликаго человѣчества или вещественнаго прогресса, съ другой—презрительно отдается

для унавоженія почвы, на которой надлежитъ произрастать сверхчеловѣческой индивидуальности. Между этими крайними полюсами долженъ лавировать истинный гуманизмъ, чтобы не сотворить себѣ кумира на мѣсто человѣческой личности ни внѣ, ни внутри ея. Ему дорогъ самъ человѣкъ. «Человѣкъ живетъ,—говоритъ г. Короленко,—не для того, чтобы служить матеріаломъ для тѣхъ или другихъ схемъ, и процессъ жизни важенъ не по тѣмъ лишь конечнымъ формуламъ, которыми отмѣчаются тѣ или другіе періоды, а *и самъ по себѣ*. Дорогъ «человѣкъ», дорога его свобода, его возможное на землѣ счастье, развитіе, усложненіе и удовлетвореніе человѣческихъ потребностей...» («Русск. Бог.» 1899, г. № 8, «О сложности жизни»). И если здѣсь, защищая живого человѣка отъ посягательства абстрактнаго схематизма, г. Короленко огрубляетъ свои формулы, уравнивая человѣка и человѣческую свободу съ «счастьемъ, возможнымъ на землѣ», «усложненіемъ и удовлетвореніемъ человѣческихъ потребностей», то въ его художественныхъ произведеніяхъ принципъ личности, какъ высшей и автономной моральной цѣнности, ставится въ чистомъ видѣ внѣ подчиненія его «счастью» и «удовлетворенію потребностей». Дорогъ человѣкъ самъ по себѣ, «счастье» же и «удовлетвореніе—только «обстановка» и условія его существованія, а потому, будучи поставлены на мѣсто самаго человѣка, грозятъ сдѣлаться идолами не менѣе страшными, чѣмъ всякіе другіе.

Но человѣкъ, какъ вдохновляющее начало поэзіи г. Короленка даже и въ томъ болѣе точномъ опредѣленіи, которое мы здѣсь пытались ему дать, далеко, конечно, не исчерпываетъ собою всей сложности мотивовъ художественнаго творчества этого писателя. Всматриваясь пристальнѣе въ основныя черты убѣжденной апологіи человѣка, поскольку она сказалась въ художественныхъ произведеніяхъ г. Короленка, мы убѣждаемся, что художника въ его культѣ личности увлекаетъ эта личность не только своимъ свободнымъ самоотрицаніемъ, самопожертвованіемъ. Человѣкъ дорогъ г-ну Короленко не только въ положительномъ моментѣ самоутвержденія, здоровой работой чести (какъ Яшка, Пановъ, Макаръ передъ «Тойономъ», Соколинецъ, Микеша и др.), а также и въ отрицательномъ моментѣ, въ подвигѣ совѣсти (Убивецъ, Игнатовичъ, интеллигентъ Залѣсскій и др.). Но при не изжитыхъ еще вліяніяхъ описаннаго прошлаго, при условіяхъ современной русской жизни, часто не менѣе тягостныхъ и ужасныхъ, русскій человѣкъ, по прекрасному выраженію Г. И. Успенскаго, «замордованъ» у него нѣтъ разработки своей собственной личности, она стерта, ослаблена, дезорганизована. Русскій человѣкъ подавленъ и обезличенъ всѣмъ ходомъ исторіи, и настоящее очень мало способствуетъ правильному развитію личности безъ уродливостей и болѣзненныхъ уклоненій и эксцессовъ. Человѣкъ не можетъ быть просто самимъ собой, не чувствовать себя каждую минуту, какъ здоровый не чувствуетъ своего здоровья; онъ непремѣнно хочетъ быть всѣмъ, отрицая личность въ другихъ, или

ничѣмъ, отказываясь отъ собственной личности, но въ обоихъ случаяхъ носится съ своей личностью, какъ съ больнымъ мѣстомъ, чувствуя тяготу отъ нея, какъ отъ внѣшняго посторонняго бремени. Воистину «замордованъ» русскій человѣкъ, и вотъ почему такъ часты у насъ какъ заболѣванія чести, такъ и заболѣванія совѣсти. Болѣзнь, конечно, всегда болѣзнь, и какова бы она ни была, ее нельзя предпочесть здоровью, больному такъ сладко мечтать о возможности выздоровленія. Но бываютъ условія жизни, въ которыхъ трудно быть нравственно здоровымъ, бываютъ такія условія, въ которыхъ странно быть здоровымъ, порою просто стыдно жить. Имѣя въ виду наличность такихъ условій, о которой такъ много и такъ хорошо писалъ покойный Г. И. Успенскій, волей-неволей приходится съ благоговѣйнымъ почтеніемъ остановится на болѣзни совѣсти. Не то болѣзнь чести; въ сравненіи съ нею болѣзнь совѣсти очень почетная болѣзнь. Быть можетъ, именно поэтому, разсматривая заболѣванія подавленной личности русскаго человѣка, г. Короленко болѣе склоненъ останавливаться на болѣзняхъ чести, чѣмъ на болѣзни совѣсти. Аномаліямъ, своеобразнымъ вздутіямъ и припухлостямъ больной чести г. Короленко посвятилъ нѣсколько очень содержательныхъ публицистическихъ статей *). Гипертрофія чести унижаетъ человѣка.

Здоровая же работа совѣсти и проповѣдь альтруистической морали ничѣмъ не грозитъ автономной личности, ничѣмъ не нарушаетъ ея свободнаго самоопредѣленія. *Самопожертвованіе не отрицаніе личности, а ея высшее самоутвержденіе.* Не самозванство или самовозвеличеніе, ни аморальничаніе или идеальничаніе утверждаетъ личность, а свободное самопожертвованіе. Большей заповѣди нѣтъ въ законѣ, какъ душу свою положить за други свои.

VI

Въ разсказѣ «Морозъ», лучшемъ изъ всего, что до сихъ поръ написано г. Короленкомъ, передъ читателемъ рисуется именно такое утверждающее личность самопожертвованіе, героическій подвигъ неуступчивой совѣсти, подвигъ практически безполезный, съ утилитарной точки зрѣнія совершенно не нужный, словомъ героическій подвигъ проснувшейся совѣсти въ чистомъ его видѣ.

Внѣшняя фабула разсказа очень не сложна, но зато его внутреннее психологическое содержаніе глубоко и замѣчательно. Основной моральный мотивъ разсказа, органически слитый съ его содержаніемъ, производитъ могучее и неотразимое впечатлѣніе, настроеніе художника сказывается въ разсказѣ мощнымъ потокомъ все пребывающихъ ду-

*) „Русская дуэль въ послѣдніе годы". Русское Богатство 1897 г. № 2. „Современная самозванщина" Русское Богат. 1896 г. № 5; „Самозванцы гражданскаго вѣдомства" Русск. Бог. 1896 г. № 8. „Два убійства" Русск. Бог. 1899 г. № 7 (10). Разсматривается убійство Сморгунера какъ жертвы „извращенныхъ понятій о чести".

шевныхъ волнъ, властно захватываетъ читателя очаровательной поэзіей самоотверженной любви и самой высокой красотой, красотой неподкупной, неустойчивой совѣсти. Эти мотивы живутъ и дышатъ въ разсказѣ, они не въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, очень сдержанныхъ и некраснорѣчивыхъ, не въ сентенціяхъ автора, которыхъ вовсе нѣтъ, а въ самомъ разсказѣ, въ самой его формѣ, въ несложной фабулѣ, въ очаровательныхъ картинахъ сибирской природы, въ настроеніяхъ не только людей, но, какъ это ни странно и звѣрей и птицъ. Все пропитано человѣческой поэзіей совѣсти, которой охваченъ и самъ авторъ, и эта цѣльность и единство создается безыскусственно и просто силой правдивости настроенія и талантливости изображенія. Здѣсь особенно ярко и выразительно сказался излюбленный художественный пріемъ г. Короленка — очеловѣчивать и одухотворять окружающую жизнь, населять природу міромъ своихъ настроеній и переживаній, понимать ея жизнь въ отраженіи своихъ чувствъ и думъ, оживотворять и согрѣвать ее. «Знаете — говоритъ одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ Короленка,—порой есть что-то изумительно сознательное въ голосахъ природы... особенно, когда она грозитъ» («Очерки и разск.», III, 149). Художникъ пристально всматривается въ темноту жизни, подобно тому, какъ смотримъ мы въ непроглядную мглу ночи изъ ярко освѣщенной комнаты, приникнувъ къ оконному стеклу. Глубокая, бездонная тьма ночи подъ творческимъ взглядомъ художника оживаетъ и одухотворяется, богатая внутреннимъ содержаніемъ душа художника населяетъ этотъ дотолѣ чужой и невѣдомый міръ отраженіемъ своей собственной жизни, наполняя его своей собственной музыкой, музыкой человѣческой души. Различая чуть выступающія ночныя тѣни и движущіеся темные силуеты, прислушиваясь къ чуждымъ звукамъ, поэтическая душа художника озаряетъ этотъ міръ своимъ собственнымъ внутреннимъ свѣтомъ, населяетъ его своими чувствами и мыслями, осмысливаетъ своимъ человѣческимъ смысломъ и согрѣваетъ тепломъ своего человѣческаго сознанія. И чуждый міръ, міръ нѣмой природы начинаетъ говорить человѣческимъ языкомъ, неясный шопотъ таинственной стихіи художникъ переводитъ на свой собственный человѣческій языкъ, поэтическій и красивый. Чуждая природа становится своей, родной, близкой, одухотворяется и очеловѣчивается. Въ этомъ очеловѣченіи природы, въ этомъ своеобразномъ художественномъ пантеизмѣ, или, какъ окрестилъ его одинъ изъ критиковъ г. Короленка, г. Ивановъ, въ этомъ «панкардизмѣ» сила огромнаго впечатлѣнія описаній Короленка, сила волшебнаго обаянія его поэзіи.

Апологія автономіи человѣческой личности, свободно утверждающей себя въ добровольномъ самопожертвованіи, требуетъ признанія свободы человѣческихъ дѣйствій. Великій Богъ, живущій въ душѣ героевъ г. Короленка, категорическій моральный императивъ, призывающій Яшку во имя правъ человѣка, воплощенныхъ имъ въ «Богѣ и великомъ государѣ», неукоснительно стучать, или зовущій Игнатовича страдать

и погибнуть отъ голоса разбуженной совѣсти, все это требуетъ допущенія свободы. На стихійной необходимости нельзя помириться, нужна еще нравственная правда, которая несговорчива, она не всегда помѣщается въ границахъ возможнаго и дозволеннаго природой и ея законами; нравственная правда не мирится съ фактомъ необходимости, а непремѣнно требуетъ свободы... И г. Короленко отстаиваетъ эту столь необходимую для живой человѣческой личности и ея совѣсти свободу въ поэтической сказкѣ «Необходимость». Необходимость въ его пониманіи не исключаетъ человѣческой воли, она ею полагается, необходимость слагается изъ счета свободныхъ дѣйствій; необходимы законы природы, необходимы дѣйствія естественныхъ стихій, необходимо замерзаніе совѣсти при пониженіи температуры на два градуса, но столь же необходимы и законы морали, столь же необходимо протестующее противъ принужденія силы стихій велѣніе нравственной правды, столь же необходимъ стыдъ и покаяніе разбуженной совѣсти, приведшіе Игнатовича къ его самоотверженному протесту противъ «подлости» природы: «Пойдемъ ли мы направо,—говоритъ старый мудрецъ Дарну своему старому другу Пурану въ сказкѣ «Необходимость», это будетъ согласно съ необходимостью. Пойдемъ ли мы налѣво это тоже будетъ съ ней согласно. Развѣ ты не понялъ, другъ Пурано, что это божество признаетъ своими законами все то, что рѣшитъ нашъ выборъ. Необходимость не хозяинъ, а бездушный счетчикъ нашихъ движеній. Счетчикъ отмѣчаетъ лишь то, что было. А то, что должно быть нуждается въ нашей волѣ для своего осуществленія... Значитъ, предоставимъ необходимости заботиться о себѣ, какъ она знаетъ. А сами выберемъ путь, который ведетъ туда, гдѣ живутъ наши братья». Такъ сочетаетъ г. Короленко свободу выбора и голосъ нравственной правды, говорящій о томъ, «что должно быть», съ естественной необходимостью.

VII.

Казалось бы, въ такомъ пониманіи необходимость, могучая сила стихійной жизни не должна бы быть страшна для свободы и нравственной отвѣтственности личности. Нравственная правда должна бы устоять противъ посягательства на нее со стороны властныхъ стихій жизни. Полная и цѣльная человѣческая личность, какъ идеалъ, убѣжденнымъ апологетомъ котораго является г. Короленко въ своемъ творчествѣ, живетъ въ его душѣ и не позволяетъ ему мириться съ дѣйствительностью, страстно и гнѣвно возмущаясь ея посягательствами на права личности. Великій живой Богъ г. Короленка не позволяетъ ему принять жизнь такою, какова она есть, принять не спрашивая съ нея никакой отвѣтственности за обиды и страданія людей, не споря съ ней, не предъявляя никакихъ идеальныхъ требованій и нравственныхъ исковъ, ни въ чемъ не виня ее, не оскорбляясь ничѣмъ и ни на что не негодуя. Поэтъ борьбы за человѣка, онъ неустанно ведетъ

съ жизнью тяжбу за права личности, напряженно ища въ ея дѣяніяхъ человѣческаго смысла, больно оскорбляясь и мучительно болѣя безнаказанно свершающимся въ ней поруганіемъ человѣка. Но встрѣчаются у г. Короленка такія мѣста и цѣлыя произведенія, которыя говорятъ какъ бы совершенно о другомъ. Есть здѣсь настроенія, проникнутыя скорбнымъ безсиліемъ передъ страшной властью жизни, передъ ея темными и безсмысленными силами, есть настроенія, какъ бы зовущія къ примиренной покорности этой жизни, къ примиренному, хотя и опоэтизированному, нѣжно ласкающему и красивому пантеизму. Это дало поводъ одному изъ критиковъ Короленка, г. Новополину («Въ сумеркахъ литературы и жизни») чуть не все идейное содержаніе художественнаго творчества Короленка свести къ этимъ настроеніямъ,—«*примиряющимъ читателя съ печальною дѣйствительностью*». Критикъ ссылается на разсказъ «Смиренные» («Русск. Бог.» 1899 г., январь), не включенный авторомъ въ третью книжку его «Очерковъ и разсказовъ», но выводы г. Новополина совершенно ошибочны *).

Въ разсказѣ «Смиренные» передъ читателемъ рисуется страшная картина—человѣкъ на цѣпи. Сумасшедшій мужикъ Гераська міромъ посаженъ на цѣпь въ своей избѣ и вотъ уже десятый годъ живетъ въ этомъ нечеловѣческомъ положеніи. Въ сосѣднее село пріѣзжаетъ дачникъ Бухвостовъ, газетный корреспондентъ, по самой профессіи своей человѣкъ нервный, впечатлительный. Когда Бухвостовъ узналъ отъ ямщика, какой смыслъ имѣетъ долетѣвшее до его слуха «металическое лязганіе» цѣпи, «ему казалось, что онъ сейчасъ же долженъ выскочить изъ телѣги, кого-то позвать, на кого-то накинуться, кого-то непремѣнно обвинить и сразу, сію минуту, немедленно прекратить этотъ ужасъ... Ему казалось вообще, что онъ нашелъ или сейчасъ найдетъ виноватыхъ, и, значитъ, дастъ исходъ томительному и гнетущему ощущенію, болѣвшему въ душѣ...» Но виновныхъ не находится, крестьяне говорятъ о какой-то порчѣ. Здѣсь «вина относилась на счетъ невѣдомой темной силы, на счетъ какихъ-то необыкновенныхъ людей, которые съ этой силой знаются».

Бухвостовъ, однако, не мирится на формулѣ «общей невинности»: вина «огромная, хотя и безличная», не даетъ ему покоя, нравственное чувство не можетъ успокоиться и возмущенно клокочетъ... И даже властная и чарующая, столь сильно и неотразимо дѣйствующая всегда на чуткую къ ея красотѣ душу художника, природа не можетъ своими ласками усмирить негодующее сердце его героя, не можетъ облегчить и прояснить омраченную тяжелымъ впечатлѣніемъ душу.

Почти въ каждомъ произведеніи изображается поруганіе человѣка жизнью, способное до глубины души потрясти читателя, вызвать въ немъ чувство возмущеннаго негодованія. Объ этомъ говорятъ почти всѣ произведенія г. Короленко. Обойденный жизнью человѣкъ, только

*) Ср. „Міръ Бож." 1902 г., Октябрь, II отд., стр. 9—13.

во снѣ разгибающійся во весь свой истинно человѣческій ростъ, рисуется художникомъ въ лицѣ несчастнаго Макара («Сонъ Макара»); страшная драма подъ шумъ лѣса разыгрывается въ разсказѣ «Лѣсъ шумитъ»; неизвѣстно, за что человѣкъ убиваетъ человѣка въ разсказѣ «Въ ночь подъ праздникъ»; цѣлая галлерея униженныхъ и изуродованныхъ людей содержится «Въ подслѣдственномъ отдѣленіи»; вотъ глухо и незамѣтно заѣзженный жизнью «старый звонарь», человѣкъ, для котораго вся жизнь «сомкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку колольни»; вотъ «крѣпко обиженный людьми» и «Богомъ убитый» «Убивецъ»; вотъ тоскующій Соколинецъ, вотъ скорбный герой Атъ-Давана, вотъ бродяга отъ роду—Пановъ, вотъ страшный «феноменъ», безрукій уродъ, изрекающій горькіе парадоксы о человѣческомъ счастьи, вотъ человѣкъ на цѣпи и т. д., и т. д., все это вольныя и невольныя, личныя и безличныя надругательства надъ человѣческой личностью. О томъ же говорятъ и публицистическія статьи В. Г. Короленко, и въ нихъ онъ является гуманистомъ въ наилучшемъ смыслѣ слова, страстнымъ апологетомъ живой и цѣльной человѣческой личности, борцемъ за ея право и свободу. И здѣсь онъ скорбитъ объ умаленіи личности. В. Г. Короленко протестуетъ противъ «человѣческихъ жертвоприношеній» въ «мультанскомъ дѣлѣ» *), гдѣ обвиняемые вотяки оказались, какъ онъ блестяще показалъ, не жрецами, а жертвами, человѣческими жертвами полицейскаго насилія и слѣдственнаго произвола. О полной потери собственной личности, до желанія замѣнить ее какой-нибудь чужой, самозванной, объ умаленіи личности какъ въ нечеловѣческихъ самоуниженіяхъ, такъ въ столь же нечеловѣческихъ самовозвеличеніяхъ говоритъ г. Короленко въ «Современной самозванщинѣ» и «Самозванцахъ гражданскаго вѣдомства»; извращенныя понятія о чести и искажающія ликъ человѣческій заболѣванія личности интересуютъ его въ статьяхъ: «Русская дуэль въ послѣднее время», «Два убійства» и др.

Мысль и чувство художника постоянно сосредоточены около этихъ вопросовъ; онъ напряженно думаетъ объ униженіи человѣка, постоянно болѣетъ имъ; горьки эти думы и мучительны болѣнія. Кто, какъ и чѣмъ отвѣтитъ за всѣ надругательства надъ человѣкомъ, за попраніе личности? Человѣкъ родится свободнымъ, но повсюду въ цѣпяхъ, сказалъ великій гуманистъ. «Человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета...», а онъ, лишенный рукъ, изуродованный жизнью, пресмыкается въ грязи и униженіи, несчастный и подавленный... Кто виноватъ во всемъ этомъ, кто отвѣтитъ за это? Какъ быть?

В. Г. Короленко не мирится съ печальной дѣйствительностью, онъ не чуждъ «энергичнаго протеста» и властныхъ призывовъ къ актив-

*) „Русское Богатство" 1894 г., № 11, 1895 г., № 6. „Мультанское жертвоприношеніе". „Русское Богатство" 1895 г., № 11. „Рѣшеніе сената по мультанскому дѣлу". „Русское Богатство" 1896 г. Подписано только „Вл. Кор.". „По поводу доклада священника Блинова („новыя факты изъ области человѣческихъ жертвоприношеній"). „Русское Богатство" 1898 г., № 9.

ной борьбѣ, но онъ не хочетъ и не можетъ разорвать всѣ связи съ дѣйствительной жизнью настоящаго, не хочетъ огульно осудить ее, отказаться отъ нея совершенно, вступивъ въ вѣчно непримиримый, безысходный конфликтъ съ этой жизнью. Нашъ писатель умѣетъ протестовать противъ дѣйствительности, онъ расходится съ ней во имя своего идеала, борется и негодуетъ, но конфликтъ его не безнадежный, война—непримиримая. Не все въ дѣйствительности для него безусловно скверно, не вся она и не всегда она печальна, не все въ ней вызываетъ протестъ. И протестъ противъ темныхъ сторонъ дѣйствительности никогда почти не принимаетъ у г. Короленка форму чувства брезгливости, холоднаго презрѣнія; онъ не уходитъ на неприступныя, недосягаемыя высоты, безнадежно и навсегда отрѣзанныя отъ міра дѣйствительности, и къ дѣйствительности хочетъ вернуться. Его идеалъ земной, идеалъ человѣческій, подымаясь съ земли, отъ человѣка, отъ слезъ и страданій человѣческихъ, онъ къ нимъ же хочетъ вернуться. «Испаренія сердца», сгущаясь въ небѣ, осядаютъ снова на землю въ поэтическихъ грезахъ для облегченія и возвеличенія земного бытія. Мысль и чувство художника поднимаются надъ землею, порою высоко, высоко, но только не упускаютъ изъ виду землю и ея интересовъ. В. Г. Короленко любитъ землю и любитъ живущаго на ней близкаго, конкретнаго человѣка, и его гуманистическій идеалъ не можетъ оторваться отъ этого, вдохновляющаго его, земного человѣческаго идеала. Авторъ *любитъ живого человѣка и вѣритъ, что живъ Богъ въ человѣкѣ*. Не въ идеалѣ только, но реально въ такомъ, каковъ онъ есть, со всей земной пылью и грязью... Поэтому-то жизнь не представляется г-ну Короленко такой безотрадной, сплошь выжженной пустыней, въ которой нѣтъ мѣста идеалу; онъ любитъ простой, здоровой, безыскусственной любовью жизнь, которая властно зоветъ къ себѣ художника, сильная и мощная, обогащая его впечатлѣніями и вдохновеніями, заставляя мыслить и страдать, мучиться и радоваться. Жизнь растетъ и ширится, не устраняя человѣка съ его человѣческой правдой, но и не подчиняясь ей, не слушаясь и не смиряясь передъ ней.

Характерно въ этомъ отношеніи одно мѣсто въ очеркѣ «На пути» («Сѣверн. Вѣстн.» 1888 г., февраль»). Въ партіи арестантовъ идетъ староста, бродяга Пановъ-«Безпріютный», о которомъ намъ приходилось говорить. На одномъ изъ этаповъ его встрѣчаетъ инспекторъ, который помнитъ Панова еще молодымъ человѣкомъ. Полковникъ и самъ былъ тогда молодъ, и вотъ добродушному человѣку захотѣлось поговорить со старымъ арестантомъ. «Онъ вспомнилъ себя еще молодымъ урядникомъ конвойной стражи, вспомнилъ первую провожаемую имъ партію и молодого бродягу...» Старый служака съ удовольствіемъ пересматриваетъ свою жизнь, полную тепла, довольства, удачи, онъ указываетъ бродягѣ на своего сынишку и, отдаваясь безсознательному, но жестокому эгоизму, хвалится передъ бродягой своей

удачливой жизнью. «Безпріютный стоялъ передъ нимъ» сгорбившись, съ потемнѣвшимъ лицомъ и съ угрюмой лихорадкой во взглядѣ. Встрѣча эта заставила и его обозрѣть свою жизнь... Что-то смятое спутанное, какой-то рядъ годовъ, ничѣмъ не отмѣченныхъ, какіе-то обрывки воспоминаній, отзывающіеся тупой болью...» Онъ что-то бормочетъ о миѳическихъ сестрахъ, ради которыхъ онъ предпринималъ свои одиннадцать побѣговъ. «Онъ вспомнилъ свою жизнь и смутно чувствовалъ, что жизни не было», не было жизни, не было и личности, нѣтъ ничего въ прошломъ, впереди только тоска безцѣльнаго существованія, безконечныя тысячи пройденныхъ верстъ, этапы, тюрьма... и пустота жизни, безпріютность. Эгоистично добродушный полковникъ, въ простотѣ своей самъ того не понимая, подвергъ безпріютнаго бродягу своимъ ласковымъ разговоромъ жестокой нравственной пыткѣ. Молчаливый свидѣтель этой сцены, арестантъ-интеллигентъ Залѣсскій, и мальчикъ, сынъ инспектора, почувствовали въ настроеніи бродяги грозу, готовую разразиться надъ головой полковника. Пытка была свыше силъ. Полковникъ ушелъ, а «Пановъ стоялъ, схватившись за край нары судорожно сжатыми руками и подавшись впередъ. Онъ дышалъ тяжело, его глаза сверкали и губы шевелились, но словъ не было слышно.

«Въ этотъ вечеръ староста Пановъ закутилъ».

Прошла страшная, бурная ночь. Душа бродяги всколыхнулась до самаго дна, сердце заныло, заклокотало, забурлило, боль обиды жизни, тоска безцѣльнаго существованія чувствовалась остро и сильно. Тюрьма въ эту ночь была свидѣтельницей безсильнаго и дикаго протеста противъ жизни человѣка, надъ которымъ этой жизнью совершена несправедливость. И г. Короленко съ свойственнымъ ему удивительнымъ умѣньемъ рисуетъ потрясающую картину, которая можетъ «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой». Происходитъ буря въ душѣ интеллигентнаго свидѣтеля этой сцены — Залѣсскаго, его совѣсти задана огромная работа. «Вина на лицо огромная, хотя безличная», за что загубленъ человѣкъ, съ кого спрашивать за эту явную, вопіющую несправедливость, совершенную надъ человѣкомъ, какъ успокоить совѣсть?

На эти вопросы нѣтъ у художника прямого отвѣта; онъ въ глубокой задумчивости останавливается передъ этими страшными вопросами, не отворачиваясь отъ нихъ, но и не находя полнаго, все разрѣшающаго отвѣта... Измученный вопросами, Залѣсскій отдается всеисцѣляющему дѣйствію красивой и ласкающей природы, которая нашептываетъ ему, спящему, «слова нѣги и участія», нѣжно склоняя принять свою собственную правду, правду своего рѣшенія.

Полнаго, всеразрѣшающаго отвѣта на мучительные вопросы г. Короленко не знаетъ, какъ вообще не знаетъ онъ всей полноты истины, всецѣло раскрывающей тайну жизни; но онъ чувствуетъ и знаетъ, что природа одна только «способна взять у человѣка всѣ его невзгоды и заботы, усмирить тревогу въ душѣ, покрыть всякую душевную боль дыханіемъ своей спокойной красоты». Но и она, могучая и

огромная природа, не всегда способна побѣдить въ немъ душевную боль и тоску мучительныхъ вопрошаній. Силы ея чаръ имѣютъ удивительную власть надъ чутко воспринимающей ихъ душой художника, но чары эти не всесильны, они не всегда могутъ сдѣлать *такъ, чтобы ужаснаго вчерашняго какъ будто не было.*

Хотя иногда художнику представляется, подъ обаяніямъ этихъ чаръ, что жизнь, «покрывая всякую душевную боль дыханіемъ своей спокойной красоты», какъ бы носитъ въ себѣ самой элементъ моральности, человѣчности, самими стихіями могучей природы обезпечивая торжество человѣческой правды и добра. Въ разсказѣ «Морозъ» авторъ какъ бы даже боится одобрить слова Сокольскаго, когда тотъ говоритъ, что его другъ «казнилъ въ себѣ подлую человѣческую природу...» «Вы сказали, кажется, — *подлую* человѣческую природу?» переспрашиваетъ онъ разсказчика. Слишкомъ любитъ художникъ живую жизнь, слишкомъ вѣритъ онъ въ человѣка, въ его человѣческую природу, чтобы безъ колебаній допустить этотъ рѣзкій и огульный приговоръ. Но какъ бы то ни было, все же глубокимъ нравственнымъ смысломъ художественнаго образа «романтика» Игнатовича, погибающаго изъ протеста противъ совѣсти, способной замерзать (при пониженіи температуры тѣла на два градуса), изъ брезгливости къ оскорбляющимъ достоинство человѣка проявленіямъ природы, В. Г. Короленко достаточно ясно и выразительно говоритъ о своей неувѣренности во все разрѣшающей и все исцѣляющей силѣ могучей природы, въ своей неувѣренности въ томъ, что великая природа, порою успокаивающая и исцѣляющая, не способна посягнуть на человѣческую правду, совѣсть, добро. Конфликтъ идеала и дѣйствительности, требованій нравственной правды человѣка и условій реальной жизни самой природы разрѣшается здѣсь очень неблагопріятно для дѣйствительности и природы. Въ такія минуты трудно любить жизнь; нельзя любоваться природой, когда она замораживаетъ совѣсть...

На ряду съ столь прославленнымъ, примиреннымъ пантеизмомъ въ творчествѣ г. Короленка живетъ и столь же страстно заявляетъ о себѣ непримиримый идеализмъ, выше всего полагающій человѣка и его правду. Кромѣ того, и самый пантеизмъ г. Короленка требуетъ болѣе опредѣленной квалификаціи, чѣмъ тѣ огульныя и одноцвѣтныя утвержденія, въ какихъ обычно г. Короленко называется пантеистомъ.

VIII.

Изъ нашихъ художниковъ-классиковъ г. Короленко больше всего напоминаетъ Тургенева. Кромѣ внѣшняго сходства, ихъ сближаетъ и роднитъ замѣтная общность настроеній, ласковая, но грустная улыбка, неопредѣленный задумчивый взоръ, устремленный куда-то въ темную неясную даль, куда уходитъ быстро текущая, измѣнчивая и непреклонная въ своихъ рѣшеніяхъ жизнь, унося съ собой наши боли и ра-

дости, увлеченія и ошибки. Тихая скорбь остается въ душѣ читателя, скорбь о жизни прекрасной и могучей, но быстро уходящей и безсильной отвѣтить на полноту нравственныхъ запросовъ человѣка и его правды. Бренность и преходимость навѣваетъ безотчетную, тяжелую грусть, а нравственное существо человѣка требуетъ вѣчности. «Природа неотразима; ей спѣшить нечего и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неуклонно, покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра: отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго... Человѣкъ ея дитя; но человѣческое—искусственное—ей враждебно, именно потому, что онъ силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ. Человѣкъ дитя природы: но она всеобщая мать и у ней нѣтъ предпочтеній: все, что существуетъ въ ея лонѣ, возникло только на счетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому—она создаетъ, разрушая, и ей все равно: чтò она создаетъ, чтò она разрушаетъ—лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ...» *)

Тоже возмущеніе или только задумчивая грусть, вызываемыя сознаніемъ конечности и случайности нашего существованія, тоже сдержанное, еще болѣе, чѣмъ у Тургенева, сдержанное, но тѣмъ не менѣе несомнѣнное требованіе вѣчности, вытекающее изъ моральныхъ побужденій, чувствуется и въ творчествѣ г. Короленка. Вотъ напр., какъ въ неоконченномъ разсказѣ «Съ двухъ сторонъ» («О двухъ настроеніяхъ») разсказчикъ Гавриловъ высказывается на этотъ счетъ:

«Какъ вы думаете, если бы наука доказала намъ, что наша планета состарилась, смертельно заболѣла, кашляетъ и умираетъ, и что человѣчеству остается прожить на ней не болѣе какихъ-нибудь... ну, скажемъ, трехъ тысячъ лѣтъ? Повидимому, не все-ли равно вамъ? А между тѣмъ, навѣрное, вамъ было бы очень грустно, и я полагаю, что это печальное обстоятельство стало бы фигурировать въ газетахъ, какъ причина многихъ сумасшествій и самоубійствъ. Это доказываетъ, конечно, старую истину: *намъ мало жить непосредственною жизнью, въ своемъ личномъ существованіи, намъ необходимо чувствовать звено, связанное съ чѣмъ-то болѣе возвышеннымъ, болѣе постояннымъ и прочнымъ.* Это чувство составляетъ содержаніе вѣры. Формы могутъ мѣняться и мѣняются постоянно, но когда исчезнетъ самое содержаніе, когда отдѣльная жизнь представляется жалкою случайностью, когда все, какъ для меня въ то время **), сводится, наконецъ, къ комку грязи, въ которомъ замыкается весь Божій міръ, тогда и моя собственная жизнь теряетъ цѣну и меркнетъ» ***).

---

*) «Сочиненія И. С. Тургенева» (изд. 1880 г.) т. VIII „Довольно“, стр. 55.

**) Разказчикъ переживалъ тогда періодъ увлеченія матеріализмомъ, столь характерный для юношей 60-ыхъ гг.

***) „Русская Мысль“ 1888 г., № 12, стр. 245.

Смыслъ жизни полагается здѣсь въ вѣчности, *въ относительной вѣчности*. «Мало жить непосредственной жизнью», хочется связать свое преходящее существованіе съ чѣмъ-то болѣе возвышеннымъ, болѣе постояннымъ и прочнымъ».

Знай, для любви и для счастья мнѣ нужно безсмертье.
Вѣчности счастіе проситъ, вѣчности требуетъ жизнь...
Эта тяжелая мысль надъ душой тяготѣетъ,
Сердце грызетъ, какъ змѣя, отравляетъ блаженство.

Кромѣ этихъ разговоровъ его героя о нравственной необходимости хотя бы относительной вѣчности, кромѣ особеннаго интереса г. Короленка къ религіознымъ исканіямъ все разрѣшающей истины, кромѣ хотя сдержаннаго, но серьезнаго, глубокаго, вдумчиваго отношенія къ тайнѣ жизни, общая картина жизни, нарисованная художникомъ въ его произведеніяхъ, оставляетъ такое впечатлѣніе, что полная правда на землѣ неосуществима, полное возстановленіе личности въ ея правахъ невозможно. Въ погибшихъ уже жертвахъ жизни она поругана невозвратимо. Но если нѣтъ полной и безусловной правды, если нельзя раскрыть весь смыслъ жизни, «глубокій, какъ море, и заманчивый, какъ дали просыпающейся жизни», если уже человѣкъ не созданъ для счастья, какъ птица для полета, если невозможна жизнь, въ настоящемъ по крайней мѣрѣ, безъ приношенія человѣческихъ жертвъ, людей на цѣпи, людей безъ солнца и свѣта, феноменовъ безъ рукъ, то все же и въ этомъ преходящемъ и бренномъ существованіи еще очень возможно любить человѣка и дѣлать ему возможное на землѣ добро. Это возвышаетъ жизнь, осмысливаетъ и согрѣваетъ ее любовнымъ тепломъ, это украшаетъ жизнь истинно человѣческой красотой, нравственной красотой сознательнаго служенія человѣку. И здѣсь г. Короленко напоминаетъ Тургенева.

В. Г. Короленко не закрываетъ глаза на ужасы жизни, не прячетъ голову подъ крыло близорукаго оптимизма, но онъ не боится жизни, а любитъ ее и любуется ею. Онъ видитъ въ ней глубокіе бездонные омуты, и грозные неприступные обрывы, видитъ давящія человѣка громады, чувствуетъ ихъ тяжесть, видитъ и голыя, безжизненныя, холодныя скалы и далекія вершины, озаренныя золотыми лучами восходящаго солнца, видитъ впереди огни, но любитъ, болѣе всего любитъ настоящую, непосредственную жизнь, любить эту близкую дѣйствительность живого близкаго человѣка и умѣетъ находить въ немъ свои хорошія стороны.

Все это даетъ ему силы жить и работать...

Волжскій.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

1.

Вездѣ, куда ни кинешь взоръ,—
Дождемъ размытая дорога,
Полей тоскующій просторъ
И неба сѣраго тревога;
Навстрѣчу голая ветла,—
Дрожитъ испуганная вѣтка;
Вездѣ растянутая сѣтка
Дождя докучнаго легла,
И вѣетъ чѣмъ-то безконечнымъ,
Какъ древній фатумъ—безсердечнымъ,
Отъ этой голой пустоты,
Отъ этой грустной красоты.
Плетутся лошади понуро...
Гдѣ радость жизни, яркій свѣтъ,
Движенье, люди?
Только хмуро
Звенятъ бубенчики въ отвѣтъ...

2.

Надъ листвой молодой первый громъ грозовой
Прокатился волной говорливой;
Испугалась листва, шевельнулась едва
И застыла въ тревогѣ пугливой.
Еслибъ знала она, что гроза не страшна,
Что засохнуть отъ зноя—страшнѣе,
Что съ грозой оживутъ, отъ дождя зацвѣтутъ
Молодыя деревья пышнѣе!

Л. М. Василевскій.

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

*(Продолженіе *).*

Древнѣйшая русская словесность была такимъ образомъ устной и сводилась къ разнаго рода проявленіямъ народной поэзіи. Изслѣдователи различаютъ цѣлый рядъ видовъ народной поэзіи, существовавшихъ въ кіевской Руси: таковы историческія пѣсни, былины, миѳологическій эпосъ, обрядовыя пѣсни, сказки, заговоры, загадки, причитанія, лирическія пѣсни. Большая часть всѣхъ этихъ произведеній народной фантазіи дошла до насъ съ позднѣйшими наслоеніями, вслѣдствіе примѣси которыхъ весьма часто трудно отдѣлить первоначальное ядро: народная поэзія, появившись въ языческое время, конечно, не замирала и послѣ принятія христіанства. Мы не будемъ сейчасъ останавливаться подробно на всѣхъ этихъ видахъ народной поэзіи, потому что съ ними придется еще встрѣтиться позднѣе, и скажемъ нѣсколько словъ лишь о заговорахъ, какъ произведеніяхъ, отражающихъ языческое міровоззрѣніе, и объ историческихъ пѣсняхъ и былинахъ, знакомство съ которыми указываетъ на нѣкоторыя политическія идеи, отложившіяся уже въ народномъ сознаніи. Сущность заговора— «сравненіе даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее». Въ основѣ возникновенія заговоровъ лежитъ, слѣдовательно, представленіе о возможности навязать божеству человѣческую волю путемъ чародѣйства. Ясно, что существованіе заговоровъ служитъ признакомъ крайне примитивнаго религіознаго воззрѣнія, а сохраненіе ихъ въ христіанскую эпоху свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ уже намъ двоевѣріи. Значительное количество историческихъ пѣсенъ или сказаній, притомъ въ древней редакціи, не позднѣе XII-го вѣка, сохранено намъ въ «Начальной лѣтописи»: всѣ разсказы о первыхъ русскихъ князьяхъ, кончая Владиміромъ Святымъ,—народныя сказанія, подвергшіяся, впрочемъ, въ значи-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь, 1903 г.

тельной степени книжной, литературной переработкѣ. Таковы сказанія о призваніи князей, объ Олегѣ, объ Игорѣ, объ Ольгѣ, о Святославѣ и о Владимірѣ. Въ нихъ отразились политическія потребности времени: потребность въ порядкѣ, въ объединеніи племенъ, въ борьбѣ съ окружающими народностями, въ нравственномъ подъемѣ общества. Такими же историческими пѣснями были, конечно, тѣ, которыя составлялись и распѣвались упоминаемымъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» вѣщимъ Баяномъ. Политическая дѣйствительность отразилась тѣми же своими сторонами въ былинахъ (иначе: старинахъ или старинкахъ) владимірова или кіевскаго цикла. Основа этимъ былинамъ была положена въ X-мъ, XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ, но въ законченномъ видѣ онѣ сложились позднѣе. Признакомъ древняго возникновенія былинъ является занесеніе въ лѣтописи нѣсколькихъ именъ героевъ былинъ—богатырей или витязей, напр., встрѣчается имя Александра Поповича и др. Не слѣдуетъ при этомъ преувеличивать значеніе оригинальнаго народнаго поэтическаго творчества: въ настоящее время можно считать доказаннымъ, что былинные сюжеты отличаются международнымъ характеромъ, что они представляютъ собою повтореніе по преимуществу восточныхъ, азіатскихъ сказаній съ извѣстными мѣстными видоизмѣненіями. И здѣсь мы наблюдаемъ такимъ образомъ, какъ народъ, находящійся на первыхъ ступеняхъ эстетическаго и умственнаго развитія, пользуется чужеземными духовными богатствами, слегка перерабатывая ихъ подъ вліяніемъ реальныхъ условій времени.

Переходъ отъ исключительнаго господства устной словесности къ литературѣ сталъ возможенъ только тогда, когда заложены были первоначальныя основы русскаго просвѣщенія, а это случилось лишь послѣ принятія христіанства. Первые русскіе христіанскіе князья—Владиміръ Святой и Ярославъ Мудрый—много заботились о насажденіи грамотности. По лѣтописи, Владиміръ велѣлъ собрать сыновей бояръ —«нарочитой чади»,—чтобы обучить ихъ грамотѣ; Ярославъ въ 1030 году собралъ 300 дѣтей «отъ старостъ», т.-е. изъ крестьянъ черезъ посредство старостъ, и изъ дѣтей священниковъ, чтобы, научивъ ихъ грамотѣ, опредѣлить въ священники. Эти извѣстія не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что были учреждены училища, школы грамотности, содержимыя на правительственныя средства: во-первыхъ, въ нашихъ источникахъ нѣтъ ни слова о такихъ правительственныхъ школахъ, а говорится лишь объ отдѣльныхъ частныхъ учителяхъ: напр., Несторъ въ житіи св. Ѳеодосія говоритъ, что Ѳеодосій былъ отданъ не въ училище, а «единому отъ учитель»; во-вторыхъ, и Византія не знала въ то время казенныхъ учебныхъ заведеній, хотя бы самыхъ элементарныхъ, и обученіе производилось тамъ частными учителями. Ярославъ не ограничился тѣмъ, что содѣйствовалъ распространенію грамотности, онъ положилъ также начало переводной литературѣ: собралъ писцовъ, которые переписывали готовые славянскіе (болгарскіе) переводы, на-

шелъ переводчиковъ, переводившихъ съ греческаго на русскій языкъ, и, составивъ такимъ образомъ собраніе рукописей, библіотеку, нашелъ для этого собранія помѣщеніе въ соборѣ св. Софіи. Такъ положено было начало русской грамотности и русской письменности.

Переходя къ обзору этой письменности, остановимся, прежде всего, на тѣхъ произведеніяхъ, которыя называются теперь беллетристическими и служатъ предметомъ пріятнаго чтенія, развлеченія, доставляютъ извѣстное эстетическое наслажденіе. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ, прежде всего, вниманія то обстоятельство, что древнѣйшая русская литература знаетъ цѣлый рядъ переводныхъ беллетристическихъ произведеній. Такъ весьма возможно, что уже въ XII вѣкѣ появился сборникъ подъ названіемъ «Пчела»—переводъ существовавшаго въ Византіи еще въ VII в. сборника того же названія «Μέλισσα»: на ряду съ отрывками изъ Священнаго Писанія, отцовъ церкви и древнихъ философовъ, въ «Пчелѣ» встрѣчаются и отрывки изъ поэтовъ и ораторовъ, басни и разсказы. Къ XII вѣку изслѣдователи относятъ и появленіе русскаго перевода такъ называемой «Александріи», т.-е. романа о происхожденіи Александра Македонскаго отъ египетскаго бога, о его завоеваніяхъ и чудесахъ, видѣнныхъ имъ на востокѣ; «Александрія» или «Книгы Александръ» извѣстна была и позднѣе и подвергалась неоднократнымъ передѣлкамъ впослѣдствіи; выходили и новые переводы по новымъ редакціямъ, появившимся потомъ въ Сербіи, но въ изучаемый нами періодъ она была извѣстна лишь въ первоначальной редакціи, безъ многихъ вставочныхъ эпизодовъ, въ редакціи, отличавшейся большой простотой и представлявшей собою простой переводъ текста Псевдокаллисфена. Затѣмъ, въ XII вѣкѣ существовали еще слѣдующія беллетристическія произведенія, переведенныя съ греческаго, но попавшія въ Византію съ востока: во-первыхъ, «Троянская исторія»—краткій разсказъ о Троянской войнѣ не Гомера, а Дареса Фригійскаго, во-вторыхъ, исторія о Девгеніи Акритѣ, въ-третьихъ, объ Акирѣ Премудромъ, въ-четвертыхъ, Стефанитъ и Ихнилатъ и, въ-пятыхъ, Варлаамъ и Іоасафъ. Всѣ эти произведенія переполнены любовными приключеніями, подвигами и чудесами, вездѣ сказывается восточная фантазія. Ихъ переводы въ кіевскій періодъ, несомнѣнно, указываютъ на нѣкоторый ростъ эстетическаго вкуса, на зарожденіе интереса къ занимательному чтенію, но, само собой разумѣется, уровень эстетическихъ требованій былъ не великъ—сводился, главнымъ образомъ, къ фантастичности сюжета, притомъ многія изъ названныхъ произведеній (напр., «Александрія», «Троянская исторія») извѣстны были въ редакціяхъ, мало удовлетворявшихъ и этимъ требованіямъ; наконецъ, переводная беллетристика появляется только къ концу періода, въ XII вѣкѣ: очевидно, лишь въ это время стала сказываться сколько-нибудь замѣтная потребность въ ней. XII вѣкъ подарилъ нашей литературѣ и оригинальное поэтическое произведе-

ніе, знаменитое «Слово о полку Игоревѣ». Эта поэма—несомнѣнный памятникъ дружинной поэзіи, совершенно естественный продуктъ дружинной жизни. Мы уже знакомы съ нравственнымъ идеаломъ пѣвца «Слова»: основныя черты его, какъ мы видѣли въ свое время, удаль, молодечество, славолюбіе, честолюбіе. Политическій идеалъ того же пѣвца не отличается особенной широтой, не возвышается надъ уровнемъ реальной политики того времени: поэтъ желаетъ единодушія князей для борьбы съ кочевниками, но это единеніе мыслится имъ только въ старыхъ, существовавшихъ уже въ дѣйствительности, неопредѣленныхъ формахъ родственнаго подчиненія князей тому князю, который сидитъ на «златокованномъ» кіевскомъ столѣ. «Слово о полку Игоревѣ» является также однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ двоевѣрія: въ немъ постоянно упоминаются имена языческихъ боговъ, силы природы тѣсно связываются съ человѣкомъ нравственными узами; природа сочувствуетъ человѣческому счастью и несчастью: солнце тьмою путь заступаетъ; звѣри ревутъ, чуя бѣду; кличетъ зловѣщая птица Дивъ; никнетъ отъ жалости трава. Съ эстетической точки зрѣнія, «Слово о полку Игоревѣ», несомнѣнно, произведеніе весьма выдающееся, чему, кромѣ поэтическаго дарованія автора, содѣйствовала его духовная близость къ мотивамъ народно-поэтическаго творчества: въ лирическихъ мѣстахъ «Слова», напр., въ знаменитомъ плачѣ Ярославны, нельзя не видѣть слѣдовъ вліянія этихъ мотивовъ, о томъ же свидѣтельствуютъ и характерныя для народной поэзіи заимствованія образовъ и картинъ изъ жизни природы; напр., четверо князей, застигнутыхъ половцами, уподобляются четыремъ солнцамъ и т. п. Но изслѣдователи отмѣчаютъ также и книжныя литературныя вліянія на «Слово о полку Игоревѣ», главнымъ образомъ, вліяніе апокрифовъ и тѣхъ произведеній переводной беллетристики, съ которыми мы только что познакомились.

Исторія въ древнѣйшее время никогда не разсматривается, какъ наука, а служитъ матеріаломъ или для развлеченія, для того же удовлетворенія первоначальныхъ эстетическихъ потребностей, или для нравственнаго поученія, для назиданія. Поэтому знакомство съ исторической литературой удобнѣе всего поставить въ связь съ изученіемъ литературы изящной, поэзіи. И здѣсь почва для появленія оригинальныхъ историческихъ произведеній разнаго рода была подготовлена довольно обширной переводной литературой.

До конца XV-го вѣка въ русской литературѣ не было полной Библіи: кромѣ Евангелія, Апостола и Псалтири, существовали только извлеченія изъ книгъ Ветхаго Завѣта или такъ называемые Паремейники; рѣже встрѣчались книги царствъ, судей и пророковъ. Для обыденнаго знакомства съ библейской исторіей пользовались большею частью не Библіей, а такъ называемой Исторической Палеей. Историческая Палея—краткій разсказъ о библейской исторіи съ прибавкой нѣкоторыхъ апо-

крифовъ. Это такъ сказать популяризація Библіи, чтеніе которой въ цѣломъ объемѣ было затруднительно для простого, средняго человѣка. Историческая Палея пользовалась значительной популярностью среди читателей: славянскій переводъ ея былъ сдѣланъ два раза. Много читались и сильно повліяли на иконографію и литературу народную и книжную апокрифы, изъ которыхъ особенно извѣстно «Хожденіе Богородицы по мукамъ». Подъ апокрифами разумѣлись такіе разсказы о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ, которыхъ не находилось въ священныхъ книгахъ. Нѣкоторые изъ апокрифовъ рано внесены были въ Греціи въ индексы (указатели) запрещенныхъ или «отреченныхъ» книгъ, и эти греческіе индексы въ русскомъ переводѣ проникли въ кіевскую Русь, что впрочемъ не мѣшало апокрифамъ распространяться и читаться. Критики у читателей въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не было, и они принимали слѣпо на вѣру всѣ преданія, излагавшіяся въ апокрифахъ, простодушно приравнивая ихъ по значенію къ тому, что изложено въ каноническихъ книгахъ. Третьимъ элементомъ переводной исторической литературы были житія греческихъ святыхъ въ Минеяхъ XI-го и XII-го вѣковъ, отъ которыхъ дошли отрывки, и въ сокращенномъ видѣ въ такъ называемыхъ Синаксаряхъ, т.-е. сборникахъ, называвшихся по-русски Прологами. Наконецъ, четвертымъ отдѣломъ исторической литературы, переводной съ греческаго, надо признать византійскія хроники или хронографы. Изъ этихъ хроникъ извѣстны были въ переводѣ хроника Іоанна Малалы, хроника Георгія Амартола съ ея продолженіемъ, составленнымъ Симеономъ Логоѳетомъ, и такъ называемый «Лѣтописецъ вскорѣ» или «вкратцѣ» Никифора. Спорнымъ является вопросъ, была ли переведена въ изучаемый періодъ хроника Константина Манассіи. Особенно популярна была хроника Георгія Амартола: древнѣйшіе русскіе читатели переводной литературы почти исключительно изъ нея пріобрѣтали историческія знанія. Всѣ эти хроники отмѣчаются однимъ очень опредѣленнымъ характеромъ, вовсе не свойственнымъ *всей* византійской исторической литературѣ: это хроники монашескія, авторы ихъ интересовались, главнымъ образомъ, церковной жизнью, а не свѣтской, на первый планъ ставили религіозный элементъ.

Описанные сейчасъ виды переводной исторической литературы пришлись какъ разъ по плечу русскимъ грамотѣямъ кіевскаго періода и потому весьма сильно отразились на оригинальномъ русскомъ творчествѣ въ этой литературной области. Палея и апокрифы, правда, не встрѣтили ничего себѣ подобнаго на русской почвѣ, но они послужили, какъ сейчасъ увидимъ, источниками для русскаго лѣтописанія. Но подражаніемъ переводнымъ житіямъ святыхъ явились житія святыхъ оригинальныя, а византійскія хроники встрѣтили откликъ въ русскихъ лѣтописяхъ. Изъ русскихъ житій святыхъ кіевскаго періода извѣстны, прежде всего, сочиненія монаха Іакова — «Сказаніе о св. Борисѣ и

Глѣбѣ» и «Память и похвала» св. Владиміру. Съ точки зрѣнія стилистической и риторической, они не блещутъ достоинствами, но важны какъ историческіе источники; особенно можно сказать это о «Памяти и похвалѣ» Владиміру. Большою подражательностью греческимъ образцамъ отличаются сочиненія Нестора,—«Житіе св. Бориса и Глѣба» и «Житіе св. Θеодосія»: здѣсь много выписокъ изъ переводныхъ сочиненій, рядъ уподобленій, многословныя вступленія и заключенія, патетическія восклицанія съ поучительными цѣлями. Это житія XI-го вѣка. Отличительный признакъ сказанія о св. Леонтіи Ростовскомъ, составленнаго въ концѣ XII-го вѣка,—это его краткость, соединенная съ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ на него византійскихъ житій. Наконецъ, къ XII-му же вѣку, можетъ быть, даже и къ концу XI-го, надо отнести и сказаніе объ основаніи Кіево-Печерскаго монастыря и разсказъ о смерти св. Θеодосія, занесенные въ Начальный лѣтописный сводъ и послужившіе основой такъ называемаго Патерика Печерскаго, сложившагося въ полномъ видѣ уже въ слѣдующій періодъ. Изслѣдователями хорошо установлены важнѣйшія черты происхожденія и характера древнѣйшихъ житій XI-го, XII-го и XIII-го вѣковъ: во-первыхъ, въ большинствѣ случаевъ это такъ называемыя проложныя житія, являющіяся распространеніемъ кондака, т.-е. краткаго разсказа о подвигахъ святого, и икоса, т.-е. похвалы святому; во-вторыхъ, цѣль житій — нравственное назиданіе, а не историческая истина, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и характеру византійской агіографіи: доказано, что иногда въ разсказъ о русскомъ святомъ вносились факты, заимствованные изъ греческаго житія соименнаго ему византійскаго святого. Но самымъ важнымъ историческимъ сочиненіемъ кіевскаго періода является несомнѣнно Начальный лѣтописный сводъ, на которомъ мы и должны остановиться подробнѣе. Древнерусскія лѣтописи возбуждаютъ двоякій интересъ: историко-критическій и историко-литературный. Спеціальной задачей исторической критики является опредѣленіе степени достовѣрности источника, главная цѣль литературной исторіи—изученіе міросозерцанія писателя, его психилогическихъ свойствъ въ связи съ условіями времени и мѣста, и изученіе формы произведенія въ ея отношеніи къ содержанію. Повидимому, задачи разныя, но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ различіе; на самомъ дѣлѣ оно количественное, а не качественное: то, что для историка - критика стоитъ на первомъ планѣ, важно и съ точки зрѣнія историка литературы; съ другой стороны, критикуя источникъ литературнаго характера съ цѣлью опредѣлить степень его достовѣрности, невозможно игнорировать и литературные пріемы писателя и его міросозерцаніе. Въ концѣ концовъ дѣло изученія лѣтописей сводится къ тремъ задачамъ: во-первыхъ, къ опредѣленію источниковъ дошедшихъ до насъ лѣтописей, во-вторыхъ, къ изученію этихъ лѣтописей въ цѣломъ, къ ознакомленію съ тѣмъ, какъ онѣ составлялись, и что прибавляли составители къ элементамъ, изъ

которыхъ слагались ихъ произведенія, и, наконецъ, въ-третьихъ, къ изученію тѣхъ идей и страстей, которыя волновали и вдохновляли лѣтописателей. Разрѣшеніе этихъ трехъ вопросовъ затрудняется значительно тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ дошедшія до насъ лѣтописи не первообразныя, а лѣтописные своды, составленные изъ различныхъ элементовъ. Это слѣдуетъ прежде всего сказать о Начальной лѣтописи, которую поэтому правильнѣе называть Начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ. Начальный лѣтописный сводъ составленъ, несомнѣнно, въ началѣ XII-го вѣка, что доказывается цѣлымъ рядомъ соображеній: многочисленными заявленіями отъ перваго лица при описаніи событій второй половины XI-го и начала XII-го вѣка, знаменитой припиской игумена Сильвестра въ 1116 года, указывающей, что онъ написалъ «книгы си, лѣтописецъ», хронологической таблицей, оканчивающейся 1113 годомъ, наконецъ, главное, увеличеніемъ въ началѣ XII-го вѣка разногласія въ текстѣ лѣтописныхъ сборниковъ, включающихъ въ себѣ Начальную лѣтопись. Въ послѣднее время доказывается, что и этотъ Начальный лѣтописный сводъ не былъ древнѣйшимъ, что ему предшествовалъ еще болѣе древній, составленный въ послѣдней четверти XI-го вѣка, кіевскій лѣтописный сводъ. Это доказывается противорѣчіями между разными текстами Начальной лѣтописи: такъ, вопреки извѣстіямъ Начальнаго свода, древнѣйшій кіевскій сводъ помѣщаетъ Аскольда и Дира въ Кіевѣ до прихода Рюрика въ Новгородъ, называетъ Олега не княземъ, а только воеводой Игоря, сообщаетъ о войнѣ Игорева воеводы Свѣнельда съ уличами и т. д.; хронологія кіевскаго свода основана на Георгіи Амартолѣ, а свода называемаго теперь Начальнымъ, на Никифоровѣ «Лѣтописцѣ вскорѣ»; въ Начальномъ сводѣ сравнительно съ древнѣйшимъ кіевскимъ много лишняго: больше выписокъ изъ Георгія Амартола, вставлены договоры съ греками, сказанія объ обычаяхъ славянъ, объ апостолѣ Андреѣ и т. д. Какъ бы то ни было, но ясно, что лѣтописные своды стали составляться на Руси не позднѣе начала XII-го вѣка, а можетъ быть и въ XI-мъ столѣтіи. Долгое время въ ученой литературѣ по русской исторіи господствовало мнѣніе, что авторомъ Начальной лѣтописи былъ монахъ Кіево-Печерскаго монастыря Несторъ. Это мнѣніе основывается на сохранившемся въ нѣкоторыхъ литературныхъ памятникахъ, напр., въ Печерскомъ Патерикѣ, преданіи, что существовалъ въ кіевскій періодъ Несторъ, «иже написа лѣтописецъ», и на указаніяхъ заглавій нѣкоторыхъ списковъ Начальной лѣтописи, что она составлена «черноризцемъ Ѳеодосіева монастыря Печерскаго», иногда даже прямо говорится «Несторомъ». Но преданія не доказываютъ, что Несторъ былъ составителемъ именно того самого лѣтописнаго свода, который теперь называется Начальнымъ. Не доказываютъ этого и свидѣтельства заглавій нѣкоторыхъ списковъ именно потому, что такія заглавія свойственны не всѣмъ, а нѣкоторымъ спискамъ, слѣдовательно, имя Нестора въ нихъ

поставлено не самимъ авторомъ, а переписчиками по ихъ догадкамъ: будь оно помѣщено по волѣ автора, переписчики не имѣли бы причинъ его выкидывать. Итакъ, доказательства въ пользу авторства Нестора неубѣдительны. Но этого мало: это авторство оказывается совершенно невозможнымъ въ виду того, что между лѣтописью и несомнѣнными сочиненіями Нестора, намъ уже извѣстными, существуетъ рядъ непримиримыхъ противорѣчій: въ «Житіи св. Θеодосія» Несторъ говоритъ, что онъ былъ принятъ въ монастырь, постриженъ и возведенъ въ діаконы игуменомъ Стефаномъ, а въ лѣтописи разсказчикъ о Печерскомъ монастырѣ свидѣтельствуетъ, что его принялъ св. Θеодосій; въ «Житіи» сказано, что Несторъ писалъ о Θеодосіи по свидѣтельству очевидцевъ, а въ лѣтописи разсказъ составленъ ученикомъ Θеодосія; по «Житію» братьи собралось къ Антонію 15 человѣкъ, а по лѣтописи 12; въ «Житіи» сказано, что Θеодосій построилъ монастырь и послалъ въ Константинополь монаха списать уставъ Студійскаго монастыря, а въ лѣтописи говорится, что монастырь былъ построенъ при игуменѣ Варлаамѣ, а въ игуменство Θеодосія нашелся монахъ Студійскаго монастыря Михаилъ, пришедшій изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ и сообщившій Θеодосію уставъ Студійскаго монастыря; Несторъ въ «Житіи» ни слова не говоритъ о нежеланіи Θеодосія поставить игуменомъ Стефана,—въ лѣтописи объ этомъ есть; наконецъ, Несторъ съ сожалѣніемъ приводитъ разсказъ объ изгнаніи Стефана изъ монастыря, а лѣтописецъ хвалитъ подвижниковъ, бывшихъ въ монастырѣ при Стефанѣ. Въ рѣшеніи вопроса о личности составителя Начальнаго лѣтописнаго свода имѣетъ первостепенное значеніе знаменитая приписка игумена Михайловскаго Выдубицкаго монастыря Сильвестра, который говоритъ въ ней о себѣ, что онъ въ 1116 году «написа книгы си лѣтописецъ». Большинство изслѣдователей, основываясь на этой припискѣ, объявляло Сильвестра простымъ переписчикомъ, но, во-первыхъ, «написа» значило не только «переписалъ», но и «сочинилъ», «составилъ» (напр., «Несторъ, иже написа лѣтописецъ»), а, во-вторыхъ, переписчикъ въ то время обыкновенно былъ и продолжателемъ, авторомъ, не ограничивался одной пассивной ролью, потому что интересуясь исторіей, дополнялъ, сокращалъ, исправлялъ: это особенно должно сказать о такомъ важномъ лицѣ, какъ игуменъ монастыря близъ Кіева, сдѣлавшійся потомъ епископомъ. Итакъ можно почти съ полною увѣренностью признать составителемъ Начальнаго лѣтописнаго свода Сильвестра. Первостепенную важность имѣетъ вопросъ объ источникахъ Начальнаго лѣтописнаго свода. Прежде всего нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ источниковъ этого свода были первообразныя лѣтописи, существовавшія на Руси раньше его. Такъ, имѣются прямыя указанія на новгородскаго лѣтописателя. И вообще въ Начальномъ лѣтописномъ сводѣ попадается много извѣстій, несомнѣнно записанныхъ въ Новгородѣ. Много извѣстій записано

также въ Кіевѣ, такъ что можно считать доказаннымъ существованіе мѣстныхъ записей въ этихъ двухъ главныхъ центрахъ древнѣйшей русской жизни. Нѣкоторые изслѣдователи идутъ, однако, дальше и утверждаютъ, что къ числу источниковъ Начальнаго свода принадлежали лѣтописныя записи, сдѣланныя еще въ Черниговѣ, на Волыни, въ Галичѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Тмуторокани и Муромѣ. Основаніемъ для такихъ заключеній служитъ то соображеніе, что годы смерти знаменитыхъ людей, войны, небесныя знаменія могли быть записаны только во время совершенія событій и на мѣстѣ, гдѣ они совершались. Надо признать это основаніе весьма шаткимъ въ той его части, гдѣ говорится о *мѣстѣ* записи: если человѣкъ былъ извѣстенъ, то и не мѣстный житель могъ знать о днѣ и даже часѣ его смерти; война и небесное знаменіе тоже могли быть отмѣчены не мѣстнымъ жителемъ, а только современникомъ. Итакъ чрезмѣрно широкія предположенія о распространеніи лѣтописанія въ древнѣйшей Россіи надо оставить: они не доказаны. Вторымъ источникомъ Начальнаго лѣтописнаго свода были отдѣльныя сказанія, существовавшія на Руси въ письменномъ видѣ до его составленія. Такимъ отдѣльнымъ сказаніемъ является прежде всего «Повѣсть временныхъ лѣтъ», т.-е. разсказъ о призваніи князей и утвержденіи Олега въ Кіевѣ; эта «Повѣсть», первоначально составленная безъ хронологическихъ датъ, написана кіевляниномъ, потому что въ разсказѣ объ апостолѣ Андреѣ выражается удивленіе передъ сѣверными банями, неизвѣстными на югѣ, а въ преданіи объ основаніи Кіева неоднократно встрѣчаются слова «на горахъ *сихъ*», и дается благопріятный отзывъ о полянахъ; время составленія этой «Повѣсти»—вторая половина XI-го вѣка; она не могла составиться раньше, потому что сказано: «яко се и при насъ половцы законъ держатъ отецъ своихъ», а половцы появились въ половинѣ XI-го столѣтія; не могла она появиться и въ XII-мъ вѣкѣ, потому что при разсказѣ о языческихъ обычаяхъ славянъ прибавлено «еже творять вятичи и нынѣ», а вятичи были крещены въ XII-мъ столѣтіи. Далѣе, отдѣльнымъ сказаніемъ надо признать преданіе о принятіи христіанства Владиміромъ; оно отличается не лѣтописнымъ характеромъ и какъ мы видѣли, мало достовѣрно. Составилось оно въ самомъ началѣ XII-го вѣка: пришедшіе къ Владиміру евреи, по словамъ преданія, сказали, что Іерусалимъ преданъ въ руки христіанъ; это не могло быть сказано раньше 1099 года, когда Іерусалимъ былъ взятъ крестоносцами. Отдѣльнымъ сказаніемъ является и сказаніе о убіеніи Бориса и Глѣба, потому что оно имѣетъ особое заглавіе: «О убіеніи Борисовѣ» и разрываетъ нить разсказа: ему предшествуютъ слова: «Святополкъ же сѣде въ Кіевѣ», а послѣ него опять повторено: «Святополкъ же оканьный нача княжити Кыевѣ». Вставочными сказаніями признаются и разные разсказы о Печерскомъ монастырѣ,—напр., объ основаніи монастыря, о смерти Ѳеодосія, о перенесеніи его

мощей. Наконецъ, сюда же относится и разсказъ нѣкоего Василя объ ослѣпленіи Василька. Третій и очень притомъ важный источникъ Начальнаго лѣтописнаго свода это византійскіе писатели. Больше всего повліяла здѣсь извѣстная уже намъ хроника Георгія Амартола въ славянскомъ переводѣ: она были источникомъ для многихъ извѣстій изъ византійской исторіи, попавшихъ въ нашъ сводъ, литературнымъ образцомъ и даже вдохновителемъ автора при процессѣ составленія имъ своего міросозерцанія, монашески-аскетическаго. Другимъ византійскимъ источникомъ Начальнаго свода было апокрифическое сочиненіе Меѳодія Патарскаго, извѣстное въ славянскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: «Слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ». Хронологія основана на Никифоровѣ «Лѣтописцѣ вскорѣ». Есть слѣды и иныхъ византійскихъ вліяній, отразившихся на отдѣльныхъ сказаніяхъ, вошедшихъ въ сводъ и, слѣдовательно, бывшихъ источниками не въ рукахъ составителя свода, а для авторовъ тѣхъ сказаній, которыми этотъ составитель пользовался. Такое же значеніе источниковъ въ рукахъ составителей отдѣльныхъ сказаній, какими пользовался сводчикъ, имѣютъ произведенія народной поэзіи и вообще устныя народныя преданія,—о призваніи князей, Олегѣ, Ольгѣ и т. д., а также Историческая Палея. Но что касается разсказовъ современниковъ и очевидцевъ разныхъ событій, то за ними можно легко признать значеніе источниковъ и въ рукахъ самого составителя свода, а не только авторовъ первообразныхъ лѣтописей, кіевской и новгородской. Монахи кіевскихъ монастырей, особенно Печерскаго, находились въ постоянномъ живомъ общеніи съ окружающимъ міромъ: они занимались ремеслами, продажей своихъ произведеній, хозяйствомъ въ монастырскихъ селахъ, посѣщали князей, давали имъ иногда совѣты, принимали у себя князей, бояръ, епископовъ съ разныхъ концовъ русской земли. При такихъ условіяхъ было бы прямо невѣроятно, чтобы лѣтописатели-монахи не пользовались разсказами очевидцевъ и современниковъ. Есть въ этомъ смыслѣ и прямыя указанія въ текстѣ Начальнаго лѣтописнаго свода: въ 1106 г., по этому тексту, умеръ въ Печерскомъ монастырѣ старецъ Янъ, «отъ него же и азъ многа словеса слышахъ, яже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ». Наконецъ, въ рукахъ составителя Начальнаго свода были документы, договоры русскихъ князей, Олега, Игоря и Святослава, съ греками. Всѣми этими довольно разнообразными источниками сводчикъ и его предшественники—составители первообразныхъ лѣтописей и отдѣльныхъ сказаній—пользовались такъ же примитивно, какъ то дѣлали по отношенію къ своимъ источникамъ средневѣковые западно-европейскіе лѣтописцы: источникъ переписывался цѣликомъ, обыкновенно почти безъ измѣненій, оставались даже безъ всякой перемѣны заявленія отъ перваго лица. Это приводило къ ряду противорѣчій въ сводѣ: разсказъ о пришествіи на Русь апостола Андрея противорѣчитъ названію апостола Павла учителемъ славянъ и

заявленію, что апостолы не учили на Руси; упоминаніе о Переяславлѣ при Олегѣ противорѣчитъ извѣстію объ основаніи его при Владимірѣ; два раза упомянуто о первомъ приходѣ печенѣговъ и потомъ половцевъ и т. д. Но если такое пользованіе источниками свидѣтельствуетъ о первобытныхъ съ технической точки зрѣнія литературныхъ пріемахъ автора, то оно ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ полезнымъ результатамъ: позволяетъ намъ не только опредѣлить источники свода, но и оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія достовѣрности. Все это внушаетъ твердую увѣренность въ добросовѣстности и правдивости самого составителя Начальнаго лѣтописнаго свода.

Лѣтописаніе въ древнѣйшей Россіи не ограничилось составленіемъ Начальнаго свода и предшествовавшаго ему древнѣйшаго кіевскаго свода: XII вѣкъ подарилъ намъ еще три лѣтописныхъ свода,—южно-русскій, сѣверный — суздальскій и новгородскій. Южно-русскій сводъ (вторую часть его—Галицко-Волынскую лѣтопись—надо выдѣлить въ особое цѣлое, возникшее уже въ XIII-мъ вѣкѣ и потому сейчасъ не подлежащее нашему изученію) составился главнымъ образомъ изъ кіевскихъ извѣстій, несомнѣнно и записанныхъ въ Кіевѣ, потому что кіевскія событія описываются особенно подробно, съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, нерѣдко отъ перваго лица: о кіевлянахъ говорится «наши», «мы»; въ разсказѣ о перенесеніи тѣла Владиміра Андреевича изъ Вышгорода въ Кіевъ читаемъ, напр.: «*поидохомъ* съ Володимеромъ изъ Вышгорода»; подъ 1180 годомъ сказано: «*здѣже* удѣяся великое зло», и далѣе объяснено, гдѣ это «здѣже»—«въ Кіевѣ» и т. д. Само собою разумѣется, что на пространствѣ 90 лѣтъ не могъ писать, какъ очевидецъ, одинъ человѣкъ, такъ что и кіевская лѣтопись, служившая главнымъ источникомъ южно-русскаго свода, не была первообразной, а представляла собою тоже сводъ. Довольно трудно съ точностью опредѣлить, изъ какихъ элементовъ сложилась эта кіевская лѣтопись, и сколько лицъ трудилось надъ ея составленіемъ; однако есть данныя для приблизительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Давно замѣчено, что разсказъ о кіевскихъ событіяхъ между 1111 и 1146 годами отличается отъ послѣдующаго меньшею обстоятельностью и отсутствіемъ подробностей. Есть и другіе признаки, заставляющіе предполагать здѣсь особаго лѣтописателя: главная черта всего разсказа въ указанныхъ хронологическихъ предѣлахъ—миролюбіе автора, сочувствіе его порядку и спокойствію въ Русской землѣ и отрицательное отношеніе къ войнѣ, особенно междуусобной: такъ лѣтописатель хвалитъ Ярополка за то, что онъ «не радуеться кровопролитью, но Бога ради восхощеть мира, то бо соблюдаеть землю Русьскую»; по поводу смерти возставшаго противъ Владиміра Мономаха его племянника Ярослава говорится о необходимости смиренія и надежды на Бога, а не на войско. Выставляя идеаломъ своимъ общерусскій миръ, лѣтописатель указываетъ и на тѣ практическія средства, какія могутъ

привести къ достиженію этого идеала; первое изъ этихъ средствъ — подчиненіе всѣхъ князей старшему кіевскому князю, обязанность ихъ помогать ему военной силой по его призыву; съ похвалой отмѣчено, что Владиміръ Мономахъ, побѣдивъ возмутившагося Ярослава, «наказалъ его о всемъ, веля ему къ себѣ приходити, когда тя позову»; говорится, что правъ былъ Мстиславъ Владимировичъ, заточившій въ Царьградъ двухъ князей, «зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ Рускую землю въ помоць, но паче молвяху Бонякови шелудивому (половецкому хану) во здоровье». Другое средство сохраненія общаго спокойствія—соблюденіе принципа отчины, т.-е. сохраненіе за каждою изъ княжескихъ линій того, чѣмъ владѣлъ отецъ. Поэтому расточаются похвалы Ярополку именно за то, что онъ отдалъ Ольговичамъ ихъ отчину, видно сочувствіе Андрею Владиміровичу, когда онъ защищаетъ свою отчину Переяславль отъ Всеволода Ольговича. Чрезвычайно замѣчательно также, что лѣтописецъ чуждъ исключительныхъ династическихъ симпатій; онъ расположенъ къ Мономаховичамъ, но нѣтъ у него вражды и къ Ольговичамъ: съ особенной похвалой подчеркивается, напр., поступокъ Всеволода Ольговича, не воспользовавшагося пожаромъ Переяславля, чтобы захватить этотъ городъ у Андрея Владиміровича, несмотря на то, что мирный договоръ между князьями былъ скрѣпленъ въ то время присягой только одного Андрея, Всеволодъ же не поцѣловалъ еще креста. Несочувствіе войнѣ, неоднократныя указанія на необходимость смиренія и надежды на Бога, безпристрастіе и внѣпартійность указываютъ, что эта часть Кіевской лѣтописи писана духовнымъ лицомъ. На основаніи всего сказаннаго ее слѣдуетъ признать въ высокой степени достовѣрной, тѣмъ болѣе, что этотъ безпристрастный разсказъ составленъ, очевидно, современникомъ. Вторая часть кіевской лѣтописи содержитъ въ себѣ разсказъ о событіяхъ 1146 — 1154 годовъ. Здѣсь описана ожесточенная борьба Изяслава Мстиславича съ Ольговичами и Юріемъ Суздальскимъ. Авторъ этого разсказа—современникъ, сторонникъ и, вѣроятно, даже соратникъ Изяслава, такъ какъ подъ 1151 годомъ сказано: «и рѣче слово то, якоже и преже *слышахомъ*», а сказалъ «слово то» Изяславъ къ войску; притомъ такія событія, какъ свиданіе Изяслава съ братомъ Ростиславомъ, пріѣздъ его въ Новгородъ и походъ на Суздальскую землю, изображены такъ ярко и отчетливо, что заставляютъ предполагать въ авторѣ очевидца. Этотъ второй кіевскій лѣтописатель отличается сильными династическими сочувствіями, привязанъ къ Мономаховичамъ и, подобно большинству кіевлянъ, не любитъ Ольговичей. Онъ желалъ бы, чтобы Кіевъ сталъ отчиной потомковъ Мономаха, но признаетъ принципъ старшинства и съ молчаливымъ неодобреніемъ отмѣчаетъ необычныя для того времени и шедшія въ разрѣзъ съ общепринятыми взглядами слова своего любимаго князя Изяслава: «не идеть мѣсто къ головѣ, но голова къ

мѣсту». Замѣчаются, наконецъ, начиная съ седьмого десятилѣтія XII-го вѣка, и слѣды третьяго кіевскаго лѣтописателя. Это, несомнѣнно, духовное лицо, монахъ, какъ видно изъ того, что восхваляя князей, онъ на первый планъ выдвигаетъ ихъ почтеніе къ монастырямъ и «иноческому чину»; разсказывая съ болью въ сердцѣ о бѣдствіяхъ Кіева при взятіи его войсками Андрея Боголюбскаго, лѣтописатель не забываетъ упомянуть и о томъ, что былъ зажженъ и Печерскій монастырь, «но Богъ молитвами св. Богородицы соблюде и отъ таковые нужи». Довольно часто попадаются цитаты изъ Священнаго Писанія: апостола Павла, Евангелія, псалмовъ и пр. Нельзя сказать, чтобы третій кіевскій лѣтописецъ былъ проникнутъ привязанностью къ одной княжеской династіи, но у него есть все-таки довольно опредѣленныя симпатіи къ Ростиславичамъ, онъ съ любовью и сочувствіемъ отмѣчаетъ ихъ успѣхи. Имъ руководятъ въ этихъ симпатіяхъ не только безотчетныя чувства, но и извѣстныя политическія понятія, намѣтившіяся въ южной Руси: ничто не возбуждаетъ въ немъ такого отвращенія, какъ самовластіе Андрея; изгнаніе послѣднимъ братьевъ и суздальскаго епископа Леона объясняется именно этимъ стремленіемъ къ самовластію; Андрей, «исполнивъся высокоумья, разгордѣвся вельми», хотѣлъ распоряжаться во всей Русской землѣ, и хотя, по словамъ того же лѣтописца, «былъ умникъ во всѣхъ дѣлѣхъ», «добль», но заслуживалъ порицанія за свое «невоздержанье», т.-е. несдержанность, высокомѣріе; поэтому съ большимъ сочувствіемъ отмѣчается отвѣтъ Мстислава Ростиславича Андрею: «мы назвали тебя отцомъ, а ты обращаешься съ нами не какъ съ князьями, а какъ съ подручниками и простыми людьми; такъ пусть насъ Богъ разсудитъ». Неудача Андрея вызываетъ замѣчаніе словами апостола Павла: «возносяйся смириться, а смиряйся вознесеться». Лѣтописецъ вообще является охранителемъ старыхъ кіевскихъ политическихъ преданій и съ особенной силой подчеркиваетъ необходимость для каждаго князя руководиться совѣтами дружины. Чуть ли не самая важная особенность третьяго кіевскаго лѣтописателя XII вѣка — его тенденціозность, стремленье извратить истину въ пользу тѣхъ, кто ему пріятенъ, и въ ущербъ врагамъ. Такъ, разсказывая о вторичномъ изгнаніи епископа Леона изъ суздальской земли Андреемъ Боголюбскимъ, онъ руководится, очевидно, свидѣтельствомъ самого изгнаннаго и обвиняетъ князя въ ереси, тогда какъ на дѣлѣ въ ней былъ виновенъ епископъ. Другой примѣръ тенденціозности—разсказъ о событіяхъ въ Новгородѣ; по южно-русскому своду, новгородцы изгнали Святослава Ростиславовича, сына кіевскаго князя, безъ всякой вины со стороны князя и его отца, и только въ отмщенье за это Ростиславъ кіевскій предалъ заключенію бывшихъ при немъ новгородскихъ «мужей»; на дѣлѣ было иначе: это заключенье новгородскихъ мужей въ Кіевѣ и повело къ низверженію Святослава. Вотъ тѣ черты, ка-

кими отличается, насколько можно разсмотрѣть въ настоящее время, кіевская лѣтопись XII-го вѣка. Но южно-русскій сводъ имѣлъ еще и другіе источники и притомъ не только южные: въ значительной своей части онъ составился изъ записей, сдѣланныхъ на сѣверѣ; слѣды суздальскаго лѣтописца замѣчаются съ середины вѣка и тянутся почти непрерывной нитью до конца его; предполагаютъ обыкновенно, что лѣтописи на сѣверѣ составлялись не въ одномъ городѣ, а по крайней мѣрѣ въ трехъ,—Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ; трудно судить, насколько справедливо это предположеніе, но несомнѣнно одно: во многихъ извѣстіяхъ сѣвернаго происхожденія замѣтны очень яркія пристрастія къ такимъ князьямъ, какъ Андрей и Всеволодъ Юрьевичи, къ зарождавшемуся типу князей-вотчинниковъ, хозяевъ своего удѣла, съ властными замашками и съ демократическими антибоярскими тенденціями: Андрей «не величавъ былъ на ратный чинъ, но похвалы ждалъ отъ одного Бога, былъ милостивъ на свой родъ, паче же на крестьяны»; по поводу убійства Андрея и тѣхъ мотивовъ, какими оно было вызвано,—казни Кучковича—припоминается текстъ изъ посланія ап. Павла: «всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется»; порицаются племянники Андрея за то, что они слушали бояръ, а сами мало участвовали въ управленіи. Остается констатировать существованіе лѣтописныхъ записей еще въ нѣкоторыхъ русскихъ городахъ въ XII-мъ вѣкѣ: таковы записи черниговскія, смоленскія, полоцкія, галицкія. Отличительной чертой каждой изъ этихъ мѣстныхъ первообразныхъ лѣтописей является привязанность къ мѣстной княжеской династіи, проявляющаяся въ прямыхъ похвалахъ князьямъ и въ попыткахъ освятить всякій ихъ успѣхъ указаніемъ на божественное содѣйствіе. Эти династическія симпатіи стоятъ, повидимому, въ связи съ пустившей уже довольно глубокіе корни на Руси въ то время мыслью объ отчинѣ, особенно отчетливо замѣтной въ извѣстіяхъ черниговскаго лѣтописца. Южно-русскій лѣтописный сводъ замѣчателенъ еще по тѣмъ пріемамъ, какіе употреблялъ въ своей работѣ его составитель; онъ, какъ и извѣстный уже намъ составитель Начальнаго лѣтописнаго свода, не мудрствовалъ, не старался стереть индивидуальныя черты бывшихъ въ его распоряженіи источниковъ, а почти дословно переписывалъ эти источники. Этимъ объясняется, съ одной стороны, та разноголосица взглядовъ и мнѣній, какую пришлось только что отмѣтить, съ другой – живость и драматизмъ изложенія.

Сѣверный, суздальскій лѣтописный сводъ прежде считался простымъ сокращеніемъ южнаго, но въ настоящее время это мнѣніе справедливо признается невѣрнымъ. Правда, до половины XII го вѣка въ немъ содержатся извѣстія, касающіяся только южной Руси и, несомнѣнно, тамъ и записанныя. Можно даже думать, что въ рукахъ сѣвернаго сводчика была именно та кіевская лѣтопись, какою пользовался его южный собратъ, но нѣтъ сомнѣнія, что первый распоря-

жался своимъ источникомъ независимо отъ послѣдняго, многое сокращая, обезцвѣчивая изложеніе, лишая его живыхъ красокъ современности, но оставляя часто такія подробности, которыя пропущены въ южно-русскомъ сводѣ. Приднѣпровскія лѣтописи были въ рукахъ составителя сѣвернаго свода и при описаніи событій второй половины столѣтія: есть между ними и кіевская лѣтопись, быть можетъ, тотъ третій кіевскій лѣтописецъ, которымъ такъ много пользовался южнорусскій сводчикъ; попадаются записи черниговскія и переяславскія. Но вездѣ составитель свода сильно передѣлываетъ свои южно-русскіе источники, обезличиваетъ ихъ и поэтому не даетъ новаго матеріала для сужденія о не дошедшихъ до насъ непосредственно приднѣпровскихъ первоначальныхъ лѣтописяхъ. Несравненно живѣе разсказъ Суздальскаго свода о родныхъ составителю сѣверныхъ событіяхъ. Уже въ суздальскихъ и ростовскихъ извѣстіяхъ проглядываютъ иногда если не міросозерцаніе и не политическіе идеалы, то, по крайней мѣрѣ, симпатіи мѣстныхъ лѣтописцевъ. Но всего яснѣе слѣды современника и очевидца во владимірскихъ записяхъ: здѣсь очень часто владимірцы называются «мы», «наши», съ любовью и вниманіемъ отмѣчаются мѣстныя событія, даже и мелкія: рожденіе и смерть князей и княгинь и членовъ ихъ семействъ, пожары, построеніе церквей. Владимірскую лѣтопись писало, несомнѣнно, духовное лицо: это видно изъ большого интереса къ церковнымъ дѣламъ, изъ похвалъ, расточаемыхъ князьямъ за уваженіе къ монахамъ и милости монастырямъ и церквамъ; подъ 1185 годомъ помѣщена похвала епископу Лукѣ, умѣстная только подъ перомъ лица, имѣющаго духовный санъ. Замѣтно, что это—тотъ же владимірскій лѣтописецъ, которымъ пользовался составитель южно-русскаго свода, но сѣверный сводчикъ пользовался имъ обильнѣе, и потому въ его трудѣ осталось больше слѣдовъ, указывающихъ на политическія воззрѣнія владимірскаго лѣтописателя: въ разсказѣ о борьбѣ Всеволода Юрьевича съ племянниками сильнѣе, чѣмъ въ южнорусскомъ сводѣ, подчеркнута противоположность между аристократическими тенденціями бояръ и старымъ вѣчевымъ строемъ, съ одной стороны, и стремленіями владимірцевъ—съ другой; рѣзко высказывается порицаніе новгородцамъ за ихъ «неправду», за постоянныя перемѣны князей и измѣну присягѣ; наконецъ, снимается вина съ Всеволода въ совершенномъ владимірцами ослѣпленіи его племянниковъ, Ярополка и Мстислава.

Наконецъ, въ XII-мъ вѣкѣ былъ составленъ лѣтописный сводъ въ Новгородѣ. Слѣды составленія первообразной лѣтописи въ Новгородѣ замѣтны еще въ первой половинѣ XI-го вѣка: подъ 1030 годомъ, при извѣстіи о смерти перваго новгородскаго епископа Іоакима, сказано: «бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше». Указаніе на другого лѣтописателя встрѣчаемъ подъ 1144 годомъ: «въ то же лѣто постави мя попомъ архіепископъ святый Нифонтъ». Предполагаютъ, что этотъ

лѣтописатель былъ священникъ церкви св. Іакова на Добрыниной улицѣ Германъ Воята, о смерти котораго находимъ извѣстіе подъ 1188 годомъ. Съ 1188 по 1196 годъ замѣтно участіе еще третьяго лѣтописателя. Наконецъ, съ 1197 по 1200 годъ идутъ памятныя записи самого сводчика, составившаго весь свой трудъ въ самомъ концѣ XII-го вѣка. Новгородскій лѣтописный сводъ носитъ на себѣ печать мѣстныхъ условій. Онъ лишенъ того художественнаго, мѣстами прямо поэтическаго колорита, какимъ отличается южно-русскій сводъ, но въ то же время это и не сухое, безцвѣтное, вялое изложеніе, съ которымъ по большей части приходится имѣть дѣло, изучая сводъ суздальскій: новгородская лѣтопись отличается краткостью, но въ этой краткости чувствуется сила,—сказано все, что́ необходимо, и лишь настолько, насколько необходимо, но за этой краткой, отрывистой рѣчью чувствуется сердце, бьющееся живой любовью къ родному городу и его волѣ.

Въ предшествующе́мъ изложеніи неоднократно приходилось указывать на черты различія между отдѣльными лѣтописателями и сводчиками. Мѣстные интересы и порядки, общественное положеніе, династическія симпатіи, личные взгляды, талантъ—вотъ главные источники этихъ различій. Но у всѣхъ лѣтописцевъ было нѣчто, что соединяло и сближало ихъ между собою; это, во-первыхъ, слабое, смутно выраженное сознаніе народнаго и бытового единства русской земли, во-вторыхъ, религіозная идея, вдохновлявшая всѣхъ и каждаго, дававшая критерій для моралистичныхъ выводовъ и поученій: каждый лѣтописецъ ищетъ опоры для поступковъ и мѣръ своихъ любимыхъ князей въ Божественномъ авторитетѣ и правилахъ христіанской нравственности, каждое бѣдствіе разсматривается, какъ наказаніе за грѣхи.

Тѣмъ же моралистическимъ характеромъ отличается, наконецъ, и знаменитое «Поученіе» Владиміра Мономаха, въ которомъ также много чисто историческихъ элементовъ. Это сочиненіе также имѣло для себя образцы въ переводной славяно-русской литературѣ: такъ, въ Святославовомъ «Изборникѣ» 1076 года находятся поученія Ксенофонта и Ѳеодоры. Историческая часть «Поученія» Мономаха заключаетъ въ себѣ разсказъ о его жизни, главнымъ образомъ о военныхъ подвигахъ и походахъ и объ охотничьихъ удачахъ. Этотъ разсказъ, какъ и разсказъ лѣтописный, служитъ канвой для моралистическихъ выводовъ и поученій: какъ вести себя въ повседневномъ обиходѣ, въ дѣлахъ управленія, въ отношеніи къ иностранцамъ, какъ исполнять религіозныя и нравственныя обязанности. Мы встрѣтимся еще впослѣдствіи съ цѣннымъ матеріаломъ, заключающимся въ «Поученіи», и увидимъ, что нравственные идеалы, здѣсь проповѣдуемые, не возвышались надъ моральнымъ уровнемъ современнаго автору общества.

Обозрѣвая историческую литературу въ древнѣйшей Россіи, мы убѣ-

дились, что въ ней преобладалъ не научный и даже не художественный интересъ, а нравственно-богословскій. Это важное обстоятельство сближаетъ ее съ богословской или чисто духовной литературой, переводной и оригинальной. Переводная съ греческаго богословская литература была представлена очень значительнымъ количествомъ произведеній византійскаго церковнаго краснорѣчія, но лишь незначительная ихъ часть переведена спеціально на русскій языкъ, въ большинствѣ же случаевъ существовали лишь переводы на болгарскомъ языкѣ, привезенные изъ Болгаріи. Эта переводная литература отличалась большимъ разнообразіемъ видовъ: тутъ были сочиненія догматическія, библейски-истолковательныя, нравоучительныя. Нѣтъ нужды для нашей цѣли перечислять эти сочиненія. Отмѣтимъ только главныя изъ нихъ: такъ, были уже въ XII вѣкѣ извѣстны на Руси сборники поученій отцовъ восточной церкви,—«Златоструй»—сборникъ избранныхъ словъ Іоанна Златоустаго, «Измарагдъ»—собраніе словъ и поученій Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и др.; въ рукописи XI вѣка дошли до насъ 13 словъ Григорія Богослова; распространялись—далѣе—творенія Ефрема Сирина, отличающіяся картинами пришествія антихриста и конца міра; извѣстны были, наконецъ, труды Іоанна Дамаскина, Кирилла Іерусалимскаго, Аѳанасія Александрійскаго и т. д. Громадное большинство этихъ произведеній отличается однако малодоступностью, не приноровлено къ пониманію просто грамотнаго читателя и могло обращаться только среди людей болѣе или менѣе образованныхъ, которыхъ было тогда немного. Вотъ почему они не могли достигнуть широкаго распространенія, за исключеніемъ очень немногихъ, и оказали лишь отчасти вліяніе на оригинальную русскую богословскую и церковно-учительную литературу, причемъ вліяніе это дѣлало и русскія произведенія, ему подвергавшіяся, недоступными для массы. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что оригинальныхъ русскихъ *догматическихъ* сочиненій не было: догматика не могла привлекать вниманіе церковныхъ пастырей народа, недавно еще принявшаго христіанство. Неудивительно и то, что библейско-истолковательныя, похвальныя и обличительныя произведенія были рѣдкостью: это была—роскошь по тому времени, разсчитанная лишь на утонченный вкусъ и встрѣчавшая мало спроса; изъ библейско-истолковательныхъ трудовъ обращаетъ на себя вниманіе только посланіе митрополита Климента, жившаго во второй половинѣ XII вѣка, къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ: здѣсь авторъ высказывается, по образцу нѣкоторыхъ византійскихъ богослововъ, за иносказательное, аллегорическое толкованіе Св. Писанія, за испытаніе его «потонку». Изъ сочиненій похвальныхъ или панегирическихъ замѣчательны «Слово о законѣ и благодати» и «Похвала кагану Владиміру» митрополита Илларіона во второй половинѣ XI вѣка, а также панегирики праздникамъ, составленные Кирилломъ, епископомъ туровскимъ, жившимъ въ половинѣ XII столѣтія

Оба писателя отличаются весьма хорошимъ знакомствомъ съ риторической наукой во всѣхъ ея тонкостяхъ, а Илларіонъ обладалъ, сверхъ того, блестящимъ ораторскимъ талантомъ, что позволяло ему быть гораздо самостоятельнѣе по отношенію къ византійскимъ образцамъ, чѣмъ былъ Кириллъ Туровскій; у этого послѣдняго риторство стало цѣлью само по себѣ и заслонило собою совершенно практическія задачи церковной проповѣди, причемъ подражаніе греческимъ проповѣдникамъ-риторамъ доходило до рабскаго копированія ихъ ораторскихъ пріемовъ,—параллелей, поэтическихъ украшеній и пр. Обличительная литература была представлена появившимися въ XI вѣкѣ, опять-таки подъ византійскимъ вліяніемъ и по византійскимъ источникамъ, полемическими посланіями противъ латинянъ, составленными митрополитами Леонтіемъ, Георгіемъ и Іоанномъ II. Но главной темой церковныхъ словъ и посланій является, несомнѣнно, нравственное поученіе, потому что ни въ чемъ такъ не нуждалось русское общество кіевскаго періода, какъ въ подъемѣ его нравственныхъ силъ. Аскетизмъ—вотъ главная цѣль, къ которой стремились церковные проповѣдники того времени, видѣвшіе въ аскетической морали единственное средство для ослабленія грубыхъ инстинктовъ и элементарныхъ побужденій, которымъ предана была полуязыческая народная масса. Среди поучительныхъ произведеній встрѣчаемъ, прежде всего, труды извѣстныхъ уже намъ Кирилла Туровскаго и митрополита Климента, проникнутые византійскимъ вліяніемъ, но первостепенное практическое значеніе этой отрасли богословской литературы выступаетъ съ особенною ясностью изъ того факта, что существовало много церковныхъ поученій, чуждыхъ всякаго подражанія византійскимъ образцамъ, короткихъ, простыхъ, безхитростныхъ, совершенно нериторическихъ, доступныхъ для пониманія массы. Таковы были въ первой половинѣ XI вѣка поученія епископа новгородскаго Луки Жидяты; къ тому же типу принадлежатъ безхитростныя поученія св. Ѳеодосія Печерскаго, а также слово новгородскаго архіепископа Иліи-Іоанна, относящееся ко второй половинѣ XII столѣтія.

Чтобы закончить обзоръ литературы и просвѣщенія въ кіевской Руси, намъ остается разсмотрѣть данныя, имѣющія отношеніе къ той или иной области научнаго знанія: къ философіи, къ естествовѣдѣнію и, наконецъ, къ наукѣ права. О философіи въ собственномъ смыслѣ этого слова по отношенію къ древнѣйшей Россіи не можетъ быть и рѣчи: «философомъ» назывался тогда тотъ, кто зналъ риторику или «грамматикію»; знаніе было лишено всякаго критическаго элемента и отличалось нестройностью, безсистемностью; собственная мысль, «мнѣніе», считалась опасной и вредной, объявлялась матерью всѣхъ страстей. Мы видѣли на примѣрахъ митрополитовъ Илларіона и Климента и епископа туровскаго Кирилла, что изученіе риторики приносило свои плоды и на практикѣ.

Но если философское образованіе сводилось въ то время къ изученію риторики, то еще болѣе скудными оказываются свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ. Энциклопедіей знаній по естествовѣдѣнію служило для образованныхъ людей того времени переводное, проникнутое чисто религіозными воззрѣніями и библейскими преданіями, сочиненіе, такъ называемый «Шестодневъ» Іоанна экзарха болгарскаго,—6 словъ о сотвореніи міра. Другимъ источникомъ знаній о внѣшней природѣ была также переводная «Христіанская топографія» Козьмы Индикоплова, составленная еще въ VI вѣкѣ и представлявшая собою соединеніе географіи съ богословіемъ: авторъ, напр., высказывается противъ шарообразности земли; звѣзды, по его объясненію, вращаются ангелами и т. д. Нѣкотораго пополненія знаній по географіи и этнографіи можно было бы на первый взглядъ ожидать отъ сочиненій русскихъ паломниковъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ, подобно игумену Даніилу, или въ Константинополь, какъ то сдѣлалъ новгородскій архіепископъ Антоній, но, читая описанія этихъ путешествій, мы видимъ, что авторами ихъ руководилъ чисто религіозный интересъ, что легенды и апокрифы заслонили отъ ихъ вниманія природу и людей.

Правовѣдѣніе имѣетъ гораздо большее практическое значеніе, чѣмъ изученіе природы. Поэтому оно, естественно, и привлекало больше вниманія. Само собою разумѣется, что о систематическомъ, научномъ изслѣдованіи права въ то время не могло быть и рѣчи, но уже существовали юридическіе сборники, составлявшіеся съ практическими цѣлями. Мы знаемъ все, что намъ нужно, о памятникахъ церковнаго права. Теперь необходимо разсмотрѣть составъ и происхожденіе важнѣйшаго юридическаго памятника изучаемаго періода — «Русской Правды». Если не считать мнѣнія изслѣдователей такъ называемой скептической школы въ русской исторіи, сводившагося къ провозглашенію «Русской Правды» позднѣйшей поддѣлкой и давно уже опровергнутаго, то можно сказать, что на происхожденіе «Русской Правды» въ ученой литературѣ существуетъ два взгляда: одни признаютъ Правду оффиціальнымъ законодательнымъ актомъ, другіе считаютъ ее частнымъ юридическимъ сборникомъ. Доказательства, на которыя опираются послѣдователи перваго взгляда, состоятъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, имена Ярослава, его сыновей и Владиміра Мономаха находятся во всѣхъ спискахъ; во-вторыхъ, въ новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1016 годомъ сказано, что Ярославъ, добывъ Кіевъ, наградилъ новгородцевъ и далъ имъ правду и уставъ, сказавъ: «по сей грамотѣ ходите и держите, якоже писалъ вамъ»; въ-третьихъ, порядокъ статей въ разныхъ спискахъ «Русской Правды» приблизительно одинаковъ; въ-четвертыхъ, въ «Правдѣ» есть и внѣшнее единство: всѣ ея постановленія—законы, основанные на юридическихъ обычаяхъ и отдѣльныхъ судебныхъ рѣшеніяхъ; въ-пятыхъ, все русское право развивалось рядомъ уставовъ и грамотъ; уставомъ долженъ быть, слѣдовательно, и

исходный пунктъ его, какимъ является «Русская Правда»; въ-шестыхъ, при Ярославѣ была нужда въ законодательствѣ, такъ какъ происходило столкновеніе языческихъ и христіанскихъ понятій; наконецъ, въ-седьмыхъ, частнымъ сборникомъ «Русская Правда» не могла быть по той причинѣ, что такіе сборники никогда не появляются на зарѣ исторіи права, а встрѣчаются лишь тогда, когда имъ предшествуетъ многосложное, запутанное и развитое право. Такова аргументація въ въ пользу взгляда на «Русскую Правду», какъ памятникъ оффиціальнаго законодательства. Взглядъ на «Правду», какъ частный юридическій сборникъ, основывается прежде всего на наблюденіи, что составъ и порядокъ статей въ разныхъ спискахъ неодинаковы. Далѣе сторонники этого взгляда доказываютъ, что извѣстіе Новгородской лѣтописи о словахъ Ярослава—«по сей грамотѣ ходите и держите, якоже писахъ вамъ»—не относится къ «Русской Правдѣ», потому что, во-первыхъ, послѣдняя не предоставляетъ никакихъ льготъ и привилегій Новгороду, и во-вторыхъ, даже въ краткомъ текстѣ есть статьи, не принадлежащія Ярославу, а изданныя послѣ него его сыновьями, такъ что очевидна неумѣлая позднѣйшая вставка «Правды» въ лѣтопись. Третьей опорой взгляда на «Русскую Правду», какъ частный сборникъ, является отсутствіе въ «Правдѣ» внѣшняго единства, господство разнообразія формъ: на ряду съ народными обычами въ ней встрѣчаются законодательныя постановленія князей и судебныя рѣшенія по отдѣльнымъ случаямъ. Четвертое доказательство состоитъ въ указаніи, что въ оффиціальныхъ законодательныхъ актахъ законодатель говоритъ о себѣ всегда въ первомъ лицѣ, тогда какъ въ «Правдѣ» мы встрѣчаемъ упоминанія о князьяхъ только въ третьемъ лицѣ: «по Ярославѣ же паки совокупившеся сынове его»; «Ярославъ былъ оуставилъ оубити и, но сынове его по отце оуставиша на куны», «оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ»; «Володимѣръ Всеволодичь... уставилъ» и т. д. Пятымъ доказательствомъ того же мнѣнія служитъ наличность въ «Русской Правдѣ» объясненія мотивовъ, совершенно неумѣстнаго въ оффиціальномъ памятникѣ: напр., холопы не подлежатъ продажѣ, «зане суть несвободни»; несчастная случайность не дѣлаетъ несостоятельнаго должника преступникомъ, «занеже погуба отъ Бога, а не виноватъ есть» и т. д. Наконецъ, въ-шестыхъ, мысли о томъ, что «Русская Правда» оффиціальное законодательство, противорѣчитъ рядъ встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ спискахъ пространной «Правды» статей, не имѣющихъ даже никакого отношенія къ праву: въ нихъ рѣчь идетъ о приплодѣ отъ скота въ теченіе 12-ти лѣтъ, приплодѣ пчелъ и «прибыткѣ» отъ хлѣба и сѣна.

Уже одно простое сопоставленіе доводовъ обоихъ направленій показываетъ, что соображенія сторонниковъ неоффиціальнаго происхожденія «Правды», болѣе основательны, нежели взглядъ на нее, какъ на законодательство Ярослава, его сыновей и Владиміра Мономаха. Отъ

доводовъ изслѣдователей, признающихъ изучаемый нами памятникъ оффиціальнымъ княжескимъ законодательствомъ, остаются только одни общія разсужденія о томъ, что русское право развивалось рядомъ уставовъ и грамотъ, что при Ярославѣ вслѣдствіе колебанія преданія или, какъ тогда говорили, «пошлины» необходимъ былъ княжескій уставъ, что частные сборники появляются только въ болѣе позднія историческія эпохи, притомъ при наличности запутаннаго и развитого права. Но вѣдь никто и не отрицаетъ появленія отдѣльныхъ княжескихъ уставовъ, т.-е. законодательныхъ рѣшеній, а колебаніе «пошлины», стариннаго преданія и обычая, если мы признаемъ его за фактъ, должно было именно создать путаницу въ юридическихъ понятіяхъ общества, слѣдовательно, хотя и не развитое, но запутанное право, другими словами, должно было послужить почвой для появленія частныхъ юридическихъ сборниковъ. Такимъ образомъ, и общія соображенія говорятъ не противъ частнаго происхожденія «Русской Правды».

Въ какомъ же общественномъ слоѣ зародилась и осуществилась въ дѣйствительности мысль о необходимости составить сборникъ законовъ, обычаевъ и судебныхъ рѣшеній? Всѣ данныя указываютъ, что этотъ сборникъ составленъ духовными лицами: во-первыхъ, духовенство было образованнѣе другихъ классовъ общества; во-вторыхъ, оно было знакомо съ византійскимъ правомъ: не даромъ пространный текстъ «Русской Правды» помѣщался обыкновенно въ Кормчихъ книгахъ рядомъ съ византійскими юридическими памятниками: Эклогой, составленной въ первой половинѣ VIII-го вѣка, ея славянской передѣлкой, называвшейся «Закономъ суднымъ людямъ», Прохирономъ — сводомъ IX-го вѣка; въ-третьихъ, духовенство нуждалось въ руководствѣ для церковнаго суда по свѣтскимъ преступленіямъ.

Слѣдуетъ различать два основныхъ текста «Русской Правды»,—краткій и пространный; послѣдній раздѣляется еще на нѣсколько редакцій. Для изученія происхожденія «Русской Правды» въ высшей степени важно опредѣлить взаимныя отношенія различныхъ ея редакцій. Краткая редакція не можетъ быть признана сокращеніемъ или отрывкомъ пространной: это—самостоятельный, болѣе древній юридическій сборникъ, осложнившійся въ пространномъ текстѣ позднѣйшими добавленіями и примѣсями. Это видно, прежде всего, изъ того, что въ краткой «Правдѣ» есть статьи, отсутствующія въ пространной: если бы составитель краткаго текста хотѣлъ сокращать, то этого не было бы. Далѣе: нѣтъ полнаго соотвѣтствія въ порядкѣ статей между краткимъ и пространнымъ текстомъ; такое соотвѣтствіе существовало бы и притомъ было бы полнымъ и точнымъ, будь краткій текстъ сокращеніемъ пространнаго. Наконецъ, самое содержаніе статей краткой «Русской Правды» носитъ слѣды большей древности: месть въ краткомъ текстѣ примѣняется чаще, чѣмъ въ пространномъ: не только при убійствѣ, но и при увѣчьѣ; нѣкоторыя постановленія сохранили древнюю форму судеб-

наго приговора: напр., говорится о 18 и 10 ворахъ-соучастникахъ по той, очевидно, причинѣ, что судебное рѣшеніе состоялось въ данномъ случаѣ по дѣлу, въ которомъ было замѣшано именно это число преступниковъ; въ пространной «Правдѣ» эти цифры замѣнены болѣе общимъ выраженіемъ: «будетъ ли ихъ много»,—это позднѣйшая переработка.

Въ какое же время возникъ древній юридическій сборникъ, извѣстный подъ именемъ краткаго текста «Русской Правды»? Наличность въ немъ постановленій Изяслава съ братьями, несомнѣнно, указываетъ, что краткая «Правда» образовалась не раньше смерти Ярослава, т.-е. 1054 года. Такъ какъ, съ другой стороны, въ краткомъ текстѣ «Русской Правды» нѣтъ постановленій Мономаха и рѣшенія Ярославичей о замѣнѣ тѣлеснымъ наказаніемъ казни раба, оскорбившаго свободнаго человѣка, то, значитъ, этотъ текстъ составился до 1073 года, потому что Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ *вмѣстѣ* правили русской землей только до этого времени. Такимъ образомъ краткій текстъ «Русской Правды» былъ составленъ въ теченіе третьей четверти XI-го вѣка.

Между редакціями пространнаго текста «Русской Правды» есть двѣ, несомнѣнно, позднѣйшаго происхожденія: одна XIV-го, другая XVI-го или XVII-го вѣковъ, слѣдовательно, образовавшіяся тогда, когда юридическія нормы, нашедшія себѣ выраженія въ изучаемомъ памятникѣ, потеряли практическое значеніе. Но двѣ другихъ редакціи относятся къ XII-му вѣку, потому что помѣщены въ сборникахъ, образовавшихся въ этомъ столѣтіи. Любопытно при этомъ, что пространный текстъ «Русской Правды», какъ видно изъ сравненія этихъ двухъ редакцій, выработался не сразу: сначала систематизація матеріала отличалась большимъ несовершенствомъ, и только потомъ, къ концу XII-го вѣка, сдѣланы были въ этомъ отношеніи значительные успѣхи.

Н. Рожковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПАВЛЮКЪ.

(Разсказъ).

I.

Я увидала его въ первый разъ, когда мнѣ было лѣтъ девять. Моя кормилица Марья, высокая, жилистая женщина, съ рубцомъ вдоль всего лба, доложила отцу, что пришла вдова Авдакея и привела нанимать въ батраки своего сына-дурачка, Павлюка.

Вслѣдъ за отцомъ на полукруглое, высокое крыльцо выбѣжали и мы всѣ, радуясь неожиданному развлеченію. Отецъ важно остановился на верхней ступенькѣ, разстегнувъ, какъ всегда, двѣ нижнія пуговицы жилетки и сосредоточенно дымя толстой, крученой папиросой въ короткомъ, темномъ мундштукѣ. Передъ крыльцомъ стояла сухая, темнолицая старушонка, которая причитала высокимъ, лицемѣрно-жалобнымъ голосомъ:

— Заставляю я вашему здоровью своего дурня. Станьте на батькино мѣсто. Задурѣлъ онъ вовсе у меня. Бабка у насъ жила, покойнаго моего мужика матка... Такъ она ему голову збунтовала... Паньская пасестра была, а потомъ вдарилась по божественьскимъ мѣстамъ. Придетъ домой, вотъ и читаетъ въ книжку, вотъ и читаетъ. И съ мальчишкой все говоритъ, все говоритъ... Ну, нехай сама. На что мальчишкѣ разумъ затлумила?

— Онъ у тебя дуракъ?—перебилъ отецъ.

— Не знаю дуракъ, не знаю съ роду такъ... Неслухъ сталъ. Ничего съ нимъ, ягодка, подѣлать не могу. На селѣ у насъ, на томъ концѣ Петръ Мавринъ захворалъ. Шестеро душъ дѣтей у нихъ, всѣ дѣвочки, одинъ только мальчишка, да и то малёшенькій. Намъ-то что? Чужія крыши кроютъ, своя протекаетъ. А Павлюкъ, ягодка, къ нему ушелъ... Онъ ему и ярь вспахалъ, и взборонoвалъ, и засѣялъ... Одно тлумитъ: у насъ два рта, а у него восемь.

Мы всѣ, столпившись у перилъ, не сводили глазъ съ высокаго, широкоплечаго парня, одѣтаго во все бѣлое, посконное и стоявшаго поодаль совершенно безучастно, какъ будто дѣло шло

не о немъ. Его большое, смуглое, неподвижное лицо съ темными, мягкими прядями волосъ, свѣсившимися на лобъ, и съ тусклыми, черными глазами, выражало полнѣйшее равнодушіе ко всему окружающему.

— Хотѣла я было свести его въ волостное... постебали бы ему спину, да жалко стало. Видно нѣтъ тѣхъ лавокъ, гдѣ продаютъ родныхъ матокъ... —причитала Авдакея.—Вотъ, заставлю его въ батраки и заставлю. Небось хрипъ-то намнетъ, будетъ слухаться матку...

— Какъ же онъ можетъ работать, если онъ дуракъ? — прервалъ отецъ.

— Робить-то онъ вò какъ можетъ!—съ гордостью произнесла Авдакея.—Робить-то онъ первый майстеръ... Кого хошь за поясъ заткнетъ. Другіе парни и въ подметочки ему не годятся.

Отецъ и Авдакея поговорили, поторговались, и мать «заставила» Павлюка въ годовые работники за 48 рублей, паекъ и горячія харчи. Павлюкъ сталъ членомъ «семейной избы».

II.

Семейной избой назывался старинный флигель, состоявшій изъ двухъ маленькихъ комнатъ—жилья приказчика—и двухъ большихъ съ кухней, гдѣ помѣщалось съ дѣвушками - работницами двадцать два человѣка рабочихъ. Многіе жили въ имѣніи уже по нѣсколько лѣтъ. Въ семейной была своя аристократія, правящее меньшинство, и народъ, управляемое большинство. Къ «аристократіи», къ чьему рѣшающему голосу всѣ прислушивались, принадлежала, прежде всего, Алексаха, толстая баба съ курносымъ, безобразнымъ лицомъ—семейная хозяйка. Ея обязанностью было печь хлѣбы и приготовлять варево для рабочихъ. За Алексахой шли старые работники, а изъ молодыхъ къ меньшинству принадлежалъ только одинъ Василь, красивый высокій блондинъ съ надменными губами и свѣтло-сѣрыми глазами. Къ «народу» относились всѣ остальные: мужъ Алексахи, добродушный, апатичный Змитрокъ, работницы-дѣвушки, отъ шестнадцати до двадцати лѣтъ, и молодые работники. Алексаха царила въ семейной. Несмотря на ея безобразіе вся молодежь ухаживала за ней, добросовѣстно угощая водкой Змитрока, совершенно равнодушно взирающаго на попраніе своихъ супружескихъ правъ. Старшіе рабочіе не хотѣли ссориться съ хозяйкой, которая всегда могла имъ отомстить, а дѣвушки безпрекословно ее слушались и звали «тетухной».

Павлюкъ сразу попалъ въ семейной на самое послѣднее мѣсто. Алексаха то жгла его хлѣбы, то подавала ихъ сырыми, лошадь

ему дали самую плохую, инструменты и сбрую—тоже. Онъ ничѣмъ не выразилъ своего неудовольствія. Это послѣднее обстоятельство и способность Павлюка работать безропотно день и ночь поощрили всю усадьбу взвалить на дурака все то, что только возможно взвалить. Онъ то убиралъ чужихъ лошадей, то кололъ не въ очередь дрова, то не въ очередь ѣздилъ на озеро за водой. Женская половина населенія тоже не упускала случая заставить Павлюка поработать за себя. Во время отдыха работниковъ и по вечерамъ только и слышно было, какъ экономка, кухарка и семейная хозяйка кричали: «Павлюкъ, принеси дровъ... Павлюкъ, вынеси изъ панской кухни помои... Поди, вытащи кадушки изъ ледника...» Павлюкъ шелъ съ своимъ всегдашнимъ безучастнымъ видомъ и крѣпкими, какъ сосновые корни, руками дѣлалъ все, что отъ него требовали. И женщины, несмотря на весь свой эгоизмъ, не могли не чувствовать признательности къ молчаливому богатырю, облегчавшему ихъ трудъ...—Всѣ дуракомъ прославили,—сказала какъ-то экономка,—а за что? Онъ водки не пьетъ, въ трубку не куритъ, слушается. Дуракъ, а лучше умнаго.

III.

Мы, дѣти, смотрѣли на Павлюка, какъ на нѣкоторое даровое развлеченіе, и приставали къ нему съ насмѣшками и разспросами даже тогда, когда намъ самимъ этого не хотѣлось, а просто по привычкѣ и изъ молодечества.

Нѣкоторые отвѣты Павлюка сдѣлались классическими. На вопросъ: «сколько тебѣ лѣтъ?», онъ отвѣтилъ: «да лѣтъ двадцать будетъ». «А матери твоей?»—«Да лѣтъ сто будетъ». Нахохотавшись вдоволь, мы спросили: «Какъ же ты живешь и счету не знаешь?»—«А зачѣмъ мнѣ его знать?»—«Деньги считать».—«Гроши матка возьметъ». Однажды братъ спросилъ его: кто изъ насъ лучше, я или сестра. Онъ долго разсматривалъ насъ оживившимися глазами и, наконецъ, произнесъ: «Лиза красивѣй, а Воля вумнѣй». Другой разъ, въ отсутствіе старшихъ, мы затащили Павлюка въ залъ послушать фортепіано. Онъ спокойно усѣлся на старинной мебели, похожей на кушетку съ двумя высокими, выгнутыми спинками, и началъ слушать игру сестры. Посидѣвъ минутъ пять, онъ всталъ и направился къ двери. Мы кинулись вслѣдъ за нимъ.

—Ты куда уходишь, Павлюкъ? Что съ тобой? Отчего не слушаешь?

—Не веселó!—отвѣтилъ Павлюкъ кротко.

—Да вѣдь это не веселая пьеса, а грустная,—разсердилась сестра.—Это нельзя играть, какъ русскую...

—Не весело! перебилъ Павлюкъ съ глубокимъ вздохомъ и не остался въ залѣ, несмотря на всѣ наши настоянія.

Слову «весело» онъ придавалъ, должно быть, свое особое значеніе. Самъ онъ игралъ только жалобныя, всѣмъ незнакомыя, мелодіи. Въ лунные вечера онъ уходилъ къ озеру, бралъ въ ротъ двѣ дудочки, вырѣзанныя изъ лозы, и долго-долго звучали однообразные, грустные переливы.

—Ишь ты, дуракъ, какъ тоскуетъ, говорили тогда въ дворнѣ. Противъ него на дудкахъ никто не можетъ...

Однажды Павлюкъ привелъ всѣхъ въ пріятное изумленіе. Привезли новую сѣялку и въ праздникъ отправили ее на поле пробовать. Пошли и мы, и всѣ работники. Отецъ, безпрестанно справляясь съ руководствомъ, отвинтилъ какія-то гайки, что то прихлопнулъ. Лошади тронулись, но сѣялка, не вертясь, тяжело тащилась по землѣ, и сѣмена не сыпались ровными рядами, какъ это было обѣщано. Пробовали устраивать сѣялку и такъ и сякъ. Приказчикъ и старшіе рабочіе наперерывъ подавали совѣты. Отецъ выходилъ изъ себя.

—По нашей землѣ она негодящая... Свезти ее въ сарай да запереть на замокъ... Чего тутъ... мошеньство... вполголоса переговаривались рабочіе.

Вдругъ лицо Павлюка оживилось: большіе, тусклые глаза заблестѣли; онъ взялъ ключъ изъ рукъ приказчика, отомкнулъ какую-то полоску, отвелъ въ сторону, покрѣпче привинтилъ винты, и машина пошла стройно и красиво, и вмѣстѣ съ ея ходомъ раздался, какъ шумъ дождя, шорохъ равномѣрно падающихъ зеренъ. Отецъ назвалъ Павлюка молодцомъ и подарилъ ему двугривенный, который молодецъ тутъ же на полѣ и потерялъ.

—Я говорила—лучше умнаго!—съ большимъ самодовольствомъ повторяла экономка.

У Алексахи, у старшаго рабочаго Киндина и у кучера была цѣлая куча ребятишекъ. Съ ними вѣчно молчаливый Павлюкъ охотно говорилъ и игралъ, имъ отдавалъ гостинцы, которыми мы его надѣляли въ благодарность за смѣшные отвѣты, для нихъ вырѣзывалъ дудки, приносилъ съ луговъ корни аира и тростниковыя шишки. Играя съ ними, онъ оживлялся; неподвижное, большое лицо его дѣлалось почти красивымъ. Въ скукѣ обыденной деревенской жизни разсказы про Павлюка и наблюденія надъ нимъ пріобрѣтали значеніе спектакля. Какъ-то разъ къ намъ прибѣжала старшая дочь приказчика, черноглазая Аксинья и, захлёбываясь отъ смѣха, сказала:

—Вотъ ужъ подлинный дуракъ такъ дуракъ Павлюкъ! Киндинъ съ Холомеемъ подрались. Киндинъ то вдарилъ Холомея въ правое ухо, изъ лѣваго то кровь сикнула... А Павлюкъ-то

стоитъ, глядитъ... пла-ачетъ. Трясется, плачетъ. Сопли-то распусти-илъ...

Всѣ кругомъ засмѣялись. Я смѣялась тоже, но въ сердцѣ у меня отъ словъ Аксиньи заворочалась острая, колющая боль. Мнѣ самой хотѣлось заплакать.

IV.

За старой запущенной рощей—паркомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ узкая свѣтлая рѣчка изгибалась крутой лукой, у меня было любимое мѣстечко. Я одна знала къ нему дорогу. Я одна съ помощью толстой палки проложила къ нему тропинку сквозь сплошную, колючую стѣну крапивы, дикой малины и хмѣля, и каждую свободную минуту прибѣгала полежать за гигантскими, кудрявыми папоротниками, тамъ, гдѣ кончались заросли и желтѣлъ чистый песокъ. Въ верхней рощѣ, на горѣ, подъ старыми дуплистыми деревьями зеленѣлъ нѣжный мохъ, около него бѣлѣлись цвѣты заячьей капустки, шумѣли у тихаго берега лозины, мягко перекликались малиновки и пѣночки. На сѣрую осиновую жердь, перекинутую кѣмъ-то черезъ рѣчку, безпрестанно садились пестрокрылыя, легкія стрекозы; рѣчка неумолчно журчала, прыгая съ большихъ, скользкихъ камней; пахло хмѣлемъ и папоротникомъ. Я лежала на пескѣ, смотрѣла въ голубое небо и уносилась въ волшебный міръ грезъ. Такъ лежала я разъ въ праздникъ и видѣла, какъ высоко—высоко на коврѣ—самолетѣ неслись мы съ младшимъ братомъ надъ заснувшей въ лѣтнемъ зноѣ землей. Мы неслись вмѣстѣ съ журавлями далеко, въ чудную сторону, населенную любящими людьми, въ страну, куда въ розовыхъ и жемчужныхъ облакахъ уходило ночевать солнце. Тамъ не было ни брата Сашеньки, ни гувернантки Маріи Михайловны, ни нѣмецкой грамматики...

Неожиданно сзади моей головы раздались тяжелые, поспѣшные шаги. Кто то шелъ, громко дыша, цѣликомъ, ломая сучья и кусты. Въ ужасѣ я вскочила и спряталась за стѣну папоротниковъ. Шаги все приближались, и на песокъ вышла чья-то женская фигура въ дѣвичьемъ крестьянскомъ костюмѣ. Сорвавъ вѣнокъ съ головы, она бросила его на земь и вслѣдъ за нимъ бросилась сама ницъ. По длинной, свѣтло-русой косѣ, въ которую вплетены были подаренныя мною шелковыя «ленты», по вѣнку, гарусъ для котораго я же выпросила у сестры, я узнала свою любимую работницу Ганку. Нѣсколько минутъ я слышала только короткіе, хриплые вскрики, потрясавшіе все тѣло дѣвушки, и эти сухія рыданія звучали такимъ безнадежнымъ отчаяніемъ, такой всепоглощающей, бунтующей скорбью, что какъ ни была я мала, я поняла, что такъ плакать можно только о себѣ, о своей загуб-

ленной молодой жизни. Окаменѣвъ отъ любопытства и жалости, я не сводила глазъ съ Ганки. Вотъ она поднялась съ земли, стряхнула песокъ со своего кругленькаго смуглаго личика, сѣла и, обхвативши колѣна обѣими руками и согнувшись, завыла жалобно, протяжно. Я не слышала словъ, которыя она произносила, но знала, что слова эти жгутъ воздухъ, что отъ нихъ нестерпимо болитъ и надрывается душа, что чья то чужая и какъ будто собственная вина и печаль давятъ сердце смертельной болью.

— Ганка!—позвала я умоляюще и робко, будучи уже не въ силахъ выносить больше.

Не знаю, откуда взялась у этой дѣвушки сила встать, сдѣлать веселое лицо, увѣрить меня, что она шутила, надѣть вѣнокъ, бережно его отряхнувъ, и вмѣстѣ со мной выйти изъ зарослей. Я не повѣрила Ганкѣ, хотя меня и очень легко было обмануть.

Сцена въ зарослихъ оставила во мнѣ смутное и тяжелое впечатлѣніе. Нѣсколько разъ я хотѣла разсказать о ней сестрѣ, но всякій разъ почему-то удерживалась.

V.

Прошло около мѣсяца. Мы съ мамкой перебирали на крыльцѣ малину. Было время отдыха работниковъ. Кругомъ тихо, тихо; слышно было только бормотаніе индюшекъ, да въ саду одинъ за другимъ лопались съ легкимъ трескомъ поспѣвшіе стручки акаціи. Внезапно со стороны ледника послышались рѣзкіе крики и шумъ. Я совершенно ясно различила противный, гнусавый голосъ Алексахи. Жадная до всевозможныхъ зрѣлищъ, мамка вскочила и бросилась бѣжать на шумъ. Я послѣдовала вслѣдъ за ней. Тщетно стращала она меня на бѣгу гувернанткой и даже бариномъ—я не отставала. Сразу я не могла даже сообразить, что такое происходило за ледникомъ. Галдѣли вмѣстѣ скотница Лепестинья, Алексаха, жена Кандина. Прижавшись спиной къ дереву, блѣдная, какъ смерть, съ тупымъ, непонимающимъ лицомъ, съ полузакрытыми глазами стояла Ганка. Мать ея, вдова Наталья, странно взмахивала руками и бросалась то къ группѣ бабъ, то къ своей дочери. Торопясь, подходили къ леднику работники.

— Твоей дочкѣ что меня укорять?—гнусѣла Алексаха.—У меня мужикъ есть. Ты отъ нея узнай-ка, когда она тебѣ мнучонка въ подолѣ принесетъ. Люди говорятъ: дѣвки не родятъ. Распутныя-то, видно, родятъ. Василь-то ее развѣ возьметъ? Онъ домой уйдетъ. У нихъ дворъ богатый. Первый богатырь за него дочку отдаетъ, а не твоей же паскудѣ достанется.

— Я давно примѣчала: они съ Василемъ по тополямъ хоронятся,—заговорила мамка, сразу овладѣвая предметомъ разговора и въ увлеченіи интереснымъ случаемъ совершенно забывая о моемъ присутствіи —Ахъ ты, безстыдница, срамница,—продолжала она пѣвучимъ голосомъ. — Острамила мать на старости лѣтъ. Куды теперь бѣльмы-то покажешь? Да съ тебя съ живой шкуру спустить надо.

— Сумлевается!... Брюхо-то на носъ лѣзетъ!—насмѣшливо фыркнула Алексаха. Наталья подскочила къ Ганкѣ.

— Виновата ты аль нѣтъ?—крикнула она и, не дожидаясь отвѣта, ударила дочь кулакомъ по носу. Кровь хлынула и залила бѣлую рубашку Ганки. Наталья, остервенившись при видѣ крови, схватила дѣвушку за косу, швырнула оземь и накинулась на нее, скрипя зубами и бѣшено что-то выговаривая. Ганка не сопротивлялась. Женщины кругомъ притихли, какъ будто наслаждаясь происходившимъ. Въ дѣтствѣ меня достаточно пріучали къ жестокости. Я молчала, хотя въ груди что-то горѣло и разрывалось. Я молчала, но чувствовала, что еще секунда, и я брошусь на Наталью и стану ее бить и кусать. Эта секунда не наступила. Черезъ толпу быстро, тяжело ступая, прошелъ Павлюкъ. Какъ перышко, схватилъ онъ Наталью, приподнялъ и опять поставилъ на землю; потомъ онъ бережно поднялъ Ганку и, съ неуклюжей нѣжностью вытирая ей лицо рукавомъ своей рубахи, сказалъ:

— На что бить? Она за меня идетъ.

Впечатлѣніе отъ этихъ простыхъ словъ было самое разнообразное. Мамка хлопнула себя по бедрамъ и расхохоталась. Алексаха презрительно вытянула губы и, молча повернувшись, пошла въ семейную избу. Скотница жалостно закачала головой, а Наталья произнесла съ сердцемъ сквозь горькія всхлипыванія:

— Еще я ее отдамъ ли за тебя, за дурака?

— Дура ты сама, полоротая,—авторитетно возразилъ Кандинъ.—У него дворъ, земля, корова. Годъ доживетъ—лошадь. Хозяинъ онъ, а не дуракъ. Тихонько бы дѣльце уладить, а она нашумѣла, насоромила... баба!

VI.

Исключая Алексахи, оригинальная свадьба всѣхъ заинтересовала. О ней довели даже до свѣдѣнія моей больной, не встававшей съ постели, матери. Въ свою очередь женихомъ и невѣстой заинтересовалась и она. Свадьбу рѣшено было сыграть какъ можно скорѣе. Подъ пиршество отвели небольшой нежилой флигель. Теперь Ганку всѣ любили, всѣ наперерывъ старались что-нибудь

для нея сдѣлать. Мамка, предлагавшая «спустить шкуру» съ дѣвушки, охотно приняла на себя званіе набольшей сватьи и со страстью принялась руководствовать угощеніемъ и свадьбой. Двѣ дочери «богатырей» той деревни, откуда родомъ была невѣста, согласились быть у нея «боярками». Вмѣстѣ съ ними Ганка приходила кланяться въ ноги, просить благословенія. Въ августовскія ночи, озаряемыя безпрестанно вспыхивавшими синими зарницами, когда кузнечики стрекотали поспѣшно и назойливо, когда въ лугахъ кричали коростели, и воздухъ былъ необыкновенно ароматенъ густымъ запахомъ начала осени—работницъ нельзя было прогнать спать. Онѣ сидѣли на завалинкѣ у молочной избы и мелодичными голосами пѣли грустныя, хватающія за сердце, свадебныя пѣсни.

Миновалъ постъ, назначенъ былъ день свадьбы. Въ субботу, съ утра, во флигелѣ, громко распѣвая пѣсни, стряпали подъ предводительствомъ Марьи почтенныя деревенскія матроны: рубили мясо, раскатывали лапшу, варили «стюдень». Мы тоже испекли какой-то каравай, но справедливость требуетъ добавить, что кормилица цѣликомъ отдала его собакамъ. Къ вечеру пришла со своими родственниками Наталья, явился цѣлый рой боярокъ, дружко, скоморохи, посаженные отецъ и мать, и бесѣда началась. Свадьбу играли, какъ самую настоящую. Часовъ въ десять явился въ видѣ проѣзжаго купца Павлюкъ съ своею матерью и родственниками. На другой день молодымъ перегородили проѣздъ тоненькой жердочкой и «спили выкупъ». Ганка во время выхода къ жениху упала въ ноги будущей свекрови и такъ плакала, такъ причитала, что ее подняли въ полуобморокѣ, а окружающая публика, оправившись отъ перваго тяжелаго впечатлѣнія, не находила достаточно громкихъ похвалъ для выраженія своего удовольствія.

— Вотъ такъ выла!—похвалилъ разсудительный Киндинъ.— Хорменно выла.

— Своего дѣла специлистка!—одобрительно подтвердилъ кучеръ.

Молодые остались на службѣ въ имѣніи. У Ганки скоро родился ребенокъ. И съ тѣхъ поръ, какъ онъ родился, Павлюка въ свободныя минуты видѣли не иначе, какъ съ ребенкомъ на рукахъ. По ночамъ онъ его «колыхалъ», придя съ работы, мылъ въ корытѣ. Надъ нимъ всѣ смѣялись. Женщины, которымъ онъ пересталъ выносить помои, рубить мясо, вертѣть мороженое, негодовали:

— Вотъ облизьянъ турецкій!—говорили онѣ.—Добро бы его своего. Дуракъ, онъ дуракъ и есть, хоть его въ семи ступахъ толки, въ семи плёсахъ полоши.

Павлюкъ совершенно безучастно относился и къ насмѣшкамъ, и къ брани.

Былъ праздникъ, конецъ октября. Около большихъ тополей, окаймлявшихъ оврагъ, вдоль котораго шла дорога, я пробовала летать. Летать было очень трудно. Для этого требовалось полное одиночество и сильный вѣтеръ, вздымавшій кучи желтыхъ, начинающихъ гнить листьевъ. И когда вѣтеръ гналъ листья, а я бѣшено мчалась за ними, разставивъ руки, какъ крылья, и громко крича, то ноги мои отдѣлялись отъ земли, и я летѣла. Я до сихъ поръ помню это чудное, неописуемое ощущеніе. Никого не было кругомъ, когда послѣ долгихъ, безуспѣшныхъ попытокъ я, наконецъ, полетѣла. Вдругъ сзади меня совсѣмъ близко раздались голоса. Отъ неожиданности я полетѣла прямо носомъ на мокрую, усыпанную листьями, землю, а когда, стараясь изобразить на своемъ лицѣ удовольствіе отъ случившагося, поспѣшно встала, то увидѣла рядомъ съ собою Павлюка и Ганку. Они шли въ гости, въ Семенцово, къ матери Павлюка. Я ожидала съ ихъ стороны какой-нибудь похвалы, заранѣе заставлявшей дрожать мое дѣтское, тщеславное сердце.

Они не обратили на меня никакого вниманія, казалось, даже не замѣтили. Ганка шла тихая, но спокойная и, миновавъ меня, остановилась поправить ребенка Павлюкъ сейчасъ же взялъ его у нея, подождалъ, пока она поправляла теплую кофту, потомъ положилъ его ей на руки, заботливо запахнулъ тулупъ, одернулъ платокъ.

— Ухутайся... студено...—говорилъ онъ нѣжно.

Во мнѣ шевельнулось какое-то сложное чувство неудовольствія на то, что меня не замѣтили, и какъ будто зависти и ревности и тонкаго удовольствія при мысли, что я скоро выросту и у меня будетъ мужъ и также заботливо будетъ меня закутывать и беречь.

VII.

Пришла тяжелая, сырая зима. Цѣлые дни падалъ мокрый, крупный снѣгъ, и цѣлую ночь слышно было, какъ неумолчно журчитъ вода, сбѣгая по водосточнымъ трубамъ. Дорога совершенно испортилась. Озими начали выпрѣвать. Люди ходили грязные, мокрые, злые. У экономки Павлы Петровны протухли двѣ огромныхъ кадушки солонины, но она съ упорствомъ не выкидывала ихъ, а выдавала людямъ гнилую солонину. Рабочіе работали тяжелую работу: молотили съ трехъ часовъ утра и до сумерекъ, а когда чуть-чуть подмораживало, ѣздили въ лѣсъ за бревнами, такъ какъ отецъ вздумалъ строить новый амбаръ и въ желаніи скорѣйшимъ

образомъ выполнить свой капризъ никого не щадилъ. Люди и лошади возвращались съ работы измученные. Въ семейной безпрестанно вспыхивали ссоры. На улицу насъ не выпускали. Мы неистово шалили и почти каждый день были наказаны. О томъ, что дѣлается въ имѣніи, узнавали отъ дочерей приказчика, приходившихъ къ намъ по вечерамъ играть.

Наконецъ выпалъ морозный, солнечный денекъ.

Сейчасъ же послѣ обѣда мы отпросились гулять, и когда шли въ сумерки назадъ, то встрѣтили часть рабочихъ, которые, сваливъ бревна и выпрягши лошадей, отправились домой. Другая часть должна была рыть ямы для столбовъ, но на мѣстѣ работы почему-то никого уже не было.

Возвращавшіеся изъ лѣсу заинтересовались этимъ обстоятельствомъ и вступили въ разговоръ съ деревенскими поденщиками, сваливавшими послѣднія бревна. Около будущей постройки вертѣлась Гопка, семилѣтняя дочка скотницы, няньчившая за пятіалтынный въ мѣсяцъ Сережку, Ганкинаго сына. Павлюкъ подошелъ къ ней, молча взялъ ребенка на руки и молча пошелъ въ семейную. Гопка весело заскакала около насъ. Подошли еще кучеровы ребята. Въ это время отъ реи (риги) отдѣлилась быстро бѣгущая фигура, направлявшаяся прямо къ намъ. Работники сейчасъ же признали въ бѣгущемъ человѣкѣ своего товарища Гришку, молодого мужика, хотя и женатаго, но всецѣло находящагося подъ вліяніемъ Алексахи. Всѣ заинтересовались, что бы это такое могло значить. Гришка подбѣжалъ къ рабочимъ и шепнулъ тѣмъ, которые стояли ближе, нѣсколько словъ. На всѣхъ лицахъ выразились любопытство и удовольствіе, какое мы испытываемъ при извѣстіи, что кто-либо изъ нашихъ знакомыхъ попалъ въ двусмысленное положеніе. Къ большому моему удивленію я увидѣла, какъ солидные мужики вродѣ Киндина вдругъ нагнулись, словно кто-нибудь сильно толкнулъ ихъ сзади и бросились, высоко подымая ноги, бѣжать къ реѣ. Тѣ, съ кѣмъ Гришка не разговаривалъ, помявшись секунду, послѣдовали за бѣжавшими. Ребятишки съ возбужденными лицами отчаянно мчались за взрослыми. Подхваченные общей волной, помчались и мы, не зная зачѣмъ, не зная куда. Гришка соколомъ взлетѣлъ на высокое крылечко семейной. Черезъ секунду оттуда кубаремъ скатились двѣ молоденькія работницы. Послѣднимъ, держа Сережку на рукахъ, сошолъ Павлюкъ. Онъ не бѣжалъ какъ остальные, а шелъ спорымъ, крестьянскимъ шагомъ, сохраняя неизмѣнно спокойное выраженіе лица.

Мы прибѣжали на хлѣбный дворъ. Тамъ, красиво оттѣненный сѣровато-синимъ низкимъ небомъ, лежалъ чистый бѣлый снѣжокъ. Пріятно желтѣли на немъ клоки золотистой соломы

Пахло сухой рожью и дымкомъ. Воробьи весело гомонились около просыпаннаго зерна. Двери риги открыты были настежъ. Мы влетѣли въ нее вмѣстѣ съ толпой. Насъ охватила пахучая, непроглядная темень. Толпа давила насъ и тѣснила и, вмѣстѣ съ ней, безпрестанно получая толчки, мы чрезъ узенькую дверь ввалились, чуть не сломавъ себѣ ноги отъ аршиннаго прыжка внизъ, въ большую сушильню. Тамъ было еще темнѣй; не виднѣлось даже той блѣдной полоски сумеречнаго свѣта, которая падала въ ригу отъ растворенныхъ воротъ. Только въ углу, въ гигантской низкой печи тлѣлся красненькій огонёкъ. Было невыносимо жарко, душно, тѣсно. Сушильня кишѣла тяжело передвигавшимися, невидимыми тѣлами, запыхавшимися, жадно дышащими.

— Вздуй лучину!—раздался спокойный голосъ Алексахи. Кто-то исполнилъ ея приказаніе. Вспыхнуло сухое, смолистое дерево и освѣтило перебѣгающимъ красноватымъ свѣтомъ въ одномъ углу связаннаго Василія, а въ другомъ—Ганку. Я не могла разсмотрѣть ея лица, но почему-то мнѣ пришло въ голову одно воспоминаніе. Пятилѣтнимъ ребенкомъ я видѣла, какъ рѣжутъ овцу и какъ безсильно свисаетъ она вся послѣ удара ножомъ въ горло... Около Ганки и около Василія стояло по двое работниковъ.

— Вотъ она, мужняя-то жена, паскуда!—задыхаясь отъ сладости долго жданной минуты мщенія, заговорила Алексаха.

— Въ волость ее! Они паньское добро спалять! Мой мужикъ—рейникъ. Моего мужика подъ Сибирь подведутъ. Заспѣла. Сама паскуду заспѣла.

Кругомъ загалдѣли, захохотали. Одно за другимъ выскакивали бранныя слова. Гришка подошелъ къ Василію и, глумясь, хотѣлъ повернуть его лицо къ свѣту.

— Ишь, падла, кусается!—со злобой вскрикнулъ онъ и ударилъ Василя снизу по подбородку, такъ что слышно было, какъ лязгнули зубы.

— Постой... погоди.. —различила я голосъ Киндина.—Драться не велятъ. Пусть прежде Павлюкъ свою... поучитъ.

Большая, широкоплечая фигура уже протискивалась къ Ганкѣ, съёжившейся еще больше. О, съ какимъ удовольствіемъ ушла бы она въ землю. Павлюкъ молча взялъ ее за руку и молча повелъ къ выходу. Толпа, давя и сминая другъ друга, бросилась вслѣдъ за ними. Ослѣпительно хороши и свѣжи были морозныя сумерки. Тихія звѣзды загорались надъ землей. Я жадно вздохнула всей грудью и посмотрѣла на Ганку. Никогда не забуду ея убитаго, смертельно блѣднаго лица съ опущенными глазами, съ сбившейся на бокъ повязкой, изъ-подъ которой свѣшивались пряди золотистыхъ, обсыпанныхъ мякиною, волосъ. Павлюкъ на мгновеніе остановилъ на ней взглядъ своихъ неподвиж-

ныхъ, большихъ глазъ. Что-то дрогнуло въ его лицѣ и потухло. Онъ подалъ Ганкѣ ребенка (руки развязалъ ей кто-то при самомъ выходѣ), заботливо подтыкалъ кругомъ него пестрое одѣяльце и, слегка толкнувъ жену въ плечо, тихо сказалъ:

— Ступай домой.

Ганка пошла медленно, передвигая ноги, какъ во снѣ. Павлюкъ скоро догналъ ее и пошелъ рядомъ. Сзади, какъ фейерверкъ, вспыхнулъ столбъ ругательствъ и угрозъ. Не знаю, чѣмъ бы окончилось негодованіе разочарованной толпы, если бы молодые работники не вывели Василія, всклокоченнаго, со слѣдами крови на лицѣ. За свое освобожденіе онъ давалъ кварту водки. Парни просили ведро. Старшіе работники оживленно вступили въ пренія. Примирились на двухъ квартахъ.

VIII.

Вдова Авдакея умерла и, по новому закону, Павлюка забрали въ солдаты. Съ годъ отъ него не было никакихъ вѣстей. Ганка, совершенно измѣнившаяся послѣ случая въ реѣ, обѣгала всѣхъ «вѣдуновъ», узнавая про своего мужа. Наконецъ, въ мокрый, осенній день Павлюкъ неожиданно вернулся въ усадьбу. Мы страшно ему обрадовались, зазвали въ кухню и стали угощать чаемъ съ вареньемъ. Онъ, казалось, сталъ еще молчаливѣй, чѣмъ былъ. Братъ съ трудомъ добился отъ него, въ какомъ онъ полку и гдѣ этотъ полкъ стоитъ.

— Удивительно, какъ это тебя отпустили на побывку,—замѣтилъ онъ въ концѣ разспросовъ.—Гдѣ у тебя отпускъ, покажи мнѣ. Отпускъ? Увольнительный билетъ? Бумага?—допытывался онъ нетерпѣливо.

— Гумаги нѣтъ,—вяло возразилъ, наконецъ, Павлюкъ.

— Какъ же нѣтъ? Неужели ты самовольно ушелъ?!

— Просился... Не пущаютъ... Ушелъ...

— Во-онъ что! Такъ ты, братецъ, выходишь дезертиръ!—сказалъ братъ протяжно и зловѣще.—Ну, другъ милый, достанется тебѣ за это.

— Я не обидѣлъ... не укралъ. У меня тутъ жонка... рабенокъ...

— Ну, вотъ дадутъ тебѣ жонку и ребенка!

И братъ началъ объяснять намъ, что значитъ дезертиръ. Мы слушали его, замирая отъ любопытства и ужаса. Ганка не сводила глазъ съ Павлюка, а онъ, должно быть, ничего не слышалъ, любовно поглаживая Сережку по головкѣ.

Послѣдствій дезертирства пришлось ждать, однако, около мѣсяца, въ теченіе котораго Павлюкъ работалъ въ полѣ, нянчилъ Сергѣя, а по вечерамъ игралъ на дудочкахъ. Онъ началъ уже

*

собираться идти обратно въ полкъ. За день до его предполагаемаго ухода пріѣхалъ изъ волости сотникъ съ бляхой на груди, выпилъ водочки, пообѣдалъ на кухнѣ и дружелюбно предложилъ Павлюку отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Павлюкъ не отказывался. Ганка поѣхала провожать мужа до волости. И даже намъ казалось, что ничего страшнаго не произойдетъ.

Въ нашу глушь газеты уже приносили тревожныя вѣсти. Приближалась турецкая война 77-го года... Боже мой, какъ давно это было!..

IX.

Стояло лѣто, наше чудное, не жаркое лѣто, когда свѣжій вѣтерокъ плыветъ съ полей, отягченный ароматомъ зацвѣтающаго клевера, лѣса полны птичьимъ гамомъ и ручьи звенящими лентами серебрятся въ коврахъ изъ незабудокъ. Ко мнѣ прибѣжала, запыхавшись, младшая приказчикова дочь и объявила, что у кучеровой избы сидитъ на завалинкѣ солдатъ и разсказываетъ про Павлюка. Я вскочила съ мѣста и стрѣлой послѣдовала за своей вѣрной подругой. На завалинкѣ мы застали уже цѣлое общество. По серединѣ сидѣлъ Тимоѳей Гладенокъ, бравый унтеръ-офицеръ, выслужившій два срока. Его отросшіе, кудрявые волосы были щегольски расчесаны на бокъ, грудь увѣшана медалями и крестами. Рядомъ съ нимъ сидѣла Ганка. Ея лицо поразило меня. Словно ушибленная на смерть, одной рукой она крѣпко уцѣпилась за Сережку, а другой машинально, не переставая и не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, похлопывала по спинѣ восьмимѣсячнаго Пашку, уже похожаго на Павлюка. Ея ротъ былъ полураскрытъ, глаза безсмысленно остановились на одной точкѣ; она дышала тяжело и прерывисто. Вся завалина занята была народомъ. Многіе сидѣли прямо на землѣ, лицомъ къ Тимоѳею. И всѣ лица были скорбны, отуманены тяжелой думой. У мамки по энергичному, жесткому лицу медленно стекали слезы и она даже не утирала ихъ. Въ груди у меня встало и заколыхалось тревожное предчувствіе непоправимаго, страшнаго несчастія. Я протиснулась къ мамкѣ. Она ласково обняла меня рукой, какъ очень маленькую.

Тимоѳей продолжалъ:

— Развѣ онъ солдатъ былъ? Какой онъ солдатъ? Нешто такъ возможно? Въ словесности ничего въ разсчетъ произвести не могетъ. Онъ его въ зубы хлясь разъ, хлясь два: «Своего взводнаго имени не знаешь, садовая голова? Семь мѣсяцевъ скотину бью, не вижу толку». Фельфебель третьей роты на что живоглотъ и тотъ разокъ пожалѣлъ. Въ банѣ... шаекъ не хватаетъ, шумъ, паръ,

тѣснота... Павлюкъ несетъ шайку съ варомъ, а солдатикъ одинъ, Енгурчаевъ, ка-акъ ее рванетъ! Павлюкъ-то посклизнулся, хлопъ. Всталъ, а Енгурчаевъ ему: «Подай мнѣ, дуракъ, ковшъ холодной воды». Пошелъ, сердечный, принесъ. Фельфебель и то башкой мотнулъ: «Жаль мнѣ тебя, Слюсаревъ!» Ржали всѣ надъ нимъ, навродѣ кумеди. Улягутся вечеромъ на нарахъ и начнутъ: «Слюсаревъ, А если тебя въ полонъ возьмутъ, что будешь дѣлать?» «Робить». Такъ его и прозвали «робить». «Робить, подтяни мякинино брюхо!» Откликался. А тутъ война началась. Подходимъ мы къ Зимницѣ, черезъ рѣку Дунай переправа. Турокъ такъ и жаритъ въ насъ, такъ и хлещетъ. Ротный командуетъ: «ложись!» Легли, значитъ, отстрѣливаемся. А онъ стоитъ себѣ, ну, какъ есть, дуракъ какой. Я было его за ногу. «Ложись молъ. Придетъ и твой часъ. Все по порядку надо. Въ это время жж... хлопъ! Упалъ нашъ Павлюкъ... Какъ стоялъ, такъ прямо спиной о землю... Ротный опять командуетъ: «стрѣлки встать, впередъ». Побѣжали мы, а Павлюкъ такъ тамъ и остался лежать...

Наступило глубокое молчаніе. Я не совсѣмъ понимала, въ чемъ дѣло, и чувствовала только, что сейчасъ узнаю нѣчто чудовищное, непереносимое.

Тихо переговаривались тополя, шумѣла вода на мельницѣ; громко кудахтая, рылись въ землѣ куры, а группа людей на завалинѣ сидѣла, какъ вытесанная изъ камня. Мнѣ показалось, что время остановилось. Чей-то жалобный стонъ прервалъ, наконецъ, давящую тишину. Около меня сидѣлъ мальчикъ Шлема, и это онъ застоналъ и произнесъ глухимъ, потерявшимъ всю звучность, задушеннымъ голосомъ:

— Такого человѣка... о-о-о! Дай Богъ мнѣ никогда не увидѣть своей старой мамеле, но онъ былъ святой. И вашъ Богъ хотѣлъ, чтобы всѣ были таковы!.. Я взглянула на искаженное животнымъ ужасомъ лицо Шлемы, на его дрожащія, толстыя губы, сдѣлавшіяся синими, и вдругъ все поняла. Съ дикимъ воплемъ вырвалась я изъ рукъ мамки и бросилась бѣжать за ворота, въ поле, подальше отъ людей, въ какое-нибудь мрачное, темное мѣсто, гдѣ никто не мѣшалъ бы мнѣ выплакать всю тяжесть, весь ужасъ моего перваго крещенія жизнью...

О. Рунова.

ОДИНОЧЕСТВО.

Весь ужасъ въ томъ, что никому другому
Не можемъ мы повѣдать, передать
Ни скорбь души, ни радость, ни истому.

Мы говоримъ о всемъ. Но мы должны молчать
О томъ одномъ, что важно и велико.
На губы намъ наложена печать.

Какъ сонмы бѣлыхъ крылъ у ангельскаго лика,
Безчисленны слова; но слова нѣтъ у насъ,
Чтобъ душу выразить... и даже нѣту крика.

И только иногда въ водѣ бездонной глазъ,
Вглядѣвшись пристально, прочтешь почти случайно,
Что новая звѣзда въ глуби души зажглась.

Какъ древніе волхвы, на свѣтъ необычайный
Пойдешь... но свѣтъ померкъ, угаснула звѣзда,
И нѣтъ пути къ душѣ. Чужія души тайны.

Какъ въ Нилѣ не сливается вода
И возлѣ бѣлыхъ струй катятся голубыя,—
Другъ съ другомъ намъ не слиться никогда.

Мы чуемъ близость душъ, но мы всегда чужіе.
Бездомны сироты—все ищемъ мы родни.
Намъ нужно говорить, но мы—глухонѣмые...

Весь ужасъ въ томъ, что мы всегда одни.

Александръ Аръ.

ЗАДАЧИ ФИНАНСОВОЙ НАУКИ.

(Наука и политика).

Финансовая наука испытываетъ въ настоящее время переходную стадію развитія: на смѣну господствовавшаго соціально-этическаго направленія пробивается новое теченіе, которое стремится переработать все содержаніе ея, перестроить обширное зданіе, воздвигнутое трудами нашихъ предшественниковъ. Ознакомленіе съ новыми точками зрѣнія и теоріями, даже односторонними, всегда оказываетъ полезное вліяніе на человѣческую мысль: «вѣчной истины» она не находитъ, но если она не усыпляетъ себя безсодержательной формулой, неподвижной догмой или поверхностнымъ компромиссомъ, то столкновеніе противоположныхъ взглядовъ возбуждаетъ ея дѣятельность, расширяетъ горизонты и подвигаетъ на шагъ дальше въ познаніи дѣйствительности; въ этомъ ограниченномъ смыслѣ вѣрно, что — du choc des opinions jaillit la verité.

Существенныя черты новаго направленія, которое можно назвать *соціологическимъ*, заключаются въ слѣдующемъ.

Оно строго разграничиваетъ область политики и науки и ставитъ задачей второй лишь *изученіе законовъ дѣйствительности*, изслѣдованіе финансовыхъ *явленій*. Послѣднія представляютъ видъ *соціальныхъ* явленій вообще: слѣдовательно, финансовая наука становится частью соціологіи или, точнѣе, одною изъ соціальныхъ наукъ, и должна воспринять всѣ *методы* послѣднихъ. Изъ различныхъ методологическихъ направленій въ современныхъ соціальныхъ наукахъ мы отвергаемъ *описательный* методъ исторической школы, такъ какъ только *односторонняя* теорія можетъ дать плодотворные результаты въ *активно*-познавательномъ прогрессѣ. Такой односторонней теоріей является и соціальный матеріализмъ, который лежитъ въ основѣ нашего метода: мы беремъ общественную группу (классъ), какъ объектъ изученія, видя въ борьбѣ интересовъ и соотношеніи общественныхъ силъ основные моменты исторической эволюціи.

Охарактеризованное мною направленіе въ финансовой наукѣ развилось на почвѣ — 1) общей эволюціи общественныхъ наукъ, отрѣшающихся

отъ описательнаго историзма съ одной стороны и отъ телеологіи *) съ другой, 2) въ частности, вслѣдствіе неудовлетворительности современной финансовой «науки» какъ въ объясненіи дѣйствительности, такъ и въ обоснованіи финансовой политики.

Практическая цѣлесообразность новаго метода можетъ обнаружиться, конечно, лишь при изученіи тѣхъ или иныхъ конкретныхъ вопросовъ. Въ настоящей статьѣ я хотѣлъ бы лишь освѣтить *задачи* и предметъ нашей науки съ точки зрѣнія современныхъ требованій, предъявляемыхъ всякой соціальной дисциплинѣ.

До средины прошлаго вѣка финансовая наука не была самостоятельной отраслью знанія, входя съ одной стороны въ политическую экономію, съ другой, въ составъ наукъ о государствѣ. Въ экономическихъ и политическихъ сочиненіяхъ древности и средневѣковья мы находимъ описаніе и критику различныхъ отраслей государственнаго хозяйства. Ученіе о налогахъ и ихъ переложеніи развивается въ связи съ теоріей образованія цѣнъ въ производствѣ и обмѣнѣ. Государственный кредитъ не выдѣляется изъ частнаго. У экономистовъ-классиковъ, кромѣ Рихарда, государственные доходы и расходы уже выдѣляются въ особый отдѣлъ политической экономіи. Но лишь въ Германіи финансовая наука становится самостоятельной и получаетъ къ 40-мъ годамъ XIX вѣка современную структуру и содержаніе, которыя перенимаются затѣмъ учеными другихъ странъ.

Со времени Рау, т.-е. уже 70 лѣтъ, характеръ ея и остовъ не измѣнились; и теперь еще господствуетъ то направленіе, которому Рау и др. положили основаніе; это направленіе, именующее себя *соціально-этическимъ*, я и позволю себѣ подвергнуть критикѣ.

Каковы *задачи современной* финансовой науки?

Проф. *Геффкенъ* **) такъ опредѣляетъ ихъ: изобразить финансовое хозяйство различныхъ государствъ въ его историческомъ развитіи и настоящемъ положеніи, затѣмъ подвергнуть его *критической* оцѣнкѣ и, наконецъ, развить принципы *раціональнаго* хозяйства государства и мѣстныхъ союзовъ.

Проф. *Ходскій* ***) приблизительно такъ же описываетъ *содержаніе* финансовой науки: «въ составъ ея должно входить: 1) изложеніе теоретическихъ основаній различныхъ видовъ государственныхъ доходовъ, включая сюда и доходы мѣстныхъ общественныхъ союзовъ, 2) изученіе дѣйствующаго финансоваго законодательства и его историческое развитіе или финансовое право въ тѣсномъ смыслѣ, 3) изученіе и критическая оцѣнка фактическаго матеріала, относящагося къ

---

*) О современномъ возрожденіи телеологіи въ теоріи Штамлера дальше.

**) Hdb. d. P. Oek. III, 1 Teil, 1. 8.

***) „Осн. гос. хоз.„, стр. 8.

государственному хозяйству и 4) выработка раціональныхъ основъ для веденія всѣхъ частей государственнаго хозяйства (финансовая политика)». Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ такое опредѣленіе финансовой наукѣ: «это систематическое изслѣдованіе и оцѣнка способовъ добыванія матеріальныхъ средствъ и способовъ веденія государственныхъ предпріятій».

Указанныя опредѣленія исчерпываютъ содержаніе нашей науки и ея задачи и достаточно выясняютъ ея характеръ: дѣйствительно, на первомъ планѣ стоитъ «теорія», «теоретическія основанія» государственныхъ доходовъ, высшіе принципы справедливости, равномѣрности и народнаго блага; исторія финансовыхъ явленій и экономическое вліяніе ихъ на народную жизнь занимаютъ второстепенное мѣсто и являются какъ бы дополненіемъ къ теоріи. «Критическая оцѣнка» и «раціональные проекты» завершаютъ это зданіе. Финансовая политика входитъ, какъ составная часть, въ финансовую науку, и проф. Лебедевъ, напр., находитъ, что трудно провести между ними границу.

При такомъ характерѣ и содержаніи финансовой науки не удивительно, что *Менгеръ* относитъ ее, наравнѣ съ экономической политикой, къ числу *практическихъ* наукъ, а тѣ, которые не признаютъ самостоятельной роли практическихъ дисциплинъ, называютъ ее искусствомъ, а не наукой. Такъ назвалъ ее однажды Бисмаркъ, чѣмъ очень обидѣлъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Здѣсь мы подходимъ къ общему вопросу о роли практическихъ наукъ вообще и политическихъ—въ частности. Науки это или искусства, а если науки, то каково ихъ отношеніе къ теоретическимъ? Разумѣется, рѣшеніе перваго вопроса зависитъ отъ понятія *науки.* Если подъ наукой разумѣть лишь ту дѣятельность мышленія, которая направлена на изученіе дѣйствительности, на открытіе *законовъ* явленій, если наука не должна ставить себѣ цѣлей, а лишь должна познать, «какъ что было, есть и произошло»,—то практическія науки исключаются изъ ея области вмѣстѣ съ этикой, эстетикой... и называются искусствомъ. Такъ смотрѣли на нихъ многіе позитивисты—крайніе представители исторической школы (характерно, что на почвѣ той же исторической школы возникло и критикуемое нами соціально-этическое направленіе). Но такъ какъ въ этихъ «искусствахъ» примѣняются научные пріемы и въ основаніи лежатъ данныя науки, то нѣкоторые называютъ ихъ научными искусствами—противорѣчивый терминъ! Все это—споръ въ словахъ.

Если не суживать понятія науки, если подъ наукой понимать познавательную дѣятельность вообще, направленную на *открытіе зависимости частнаго отъ общаго,* зависимости причинной или цѣлевой, то практическія науки войдутъ въ ученую семью.

Менгеръ такъ опредѣляетъ задачу ихъ: онѣ учатъ, какъ извѣст-

ныя общія цѣли при различныхъ *типическихъ* условіяхъ могутъ быть достигнуты различными способами. Слѣдовательно, 1) ихъ выводы—не абсолютны, а условны: если вы стремитесь къ такой-то цѣли и если даны такія-то условія, то необходимо прибѣгнуть къ такимъ-то пріемамъ, средствамъ...; 2) данныя условія должны быть *типическими*: практическія науки не могутъ, да и не должны предусматривать всѣхъ конкретныхъ случаевъ жизни; это—дѣло искусства. Терапія, хирургія—не искусства и не исключаютъ необходимости послѣдняго, необходимости сноровки и ряда интуитивныхъ качествъ дѣятеля. Но онѣ всетаки необходимы, такъ какъ *систематизируютъ* многолѣтній опытъ и сокращаютъ періодъ индивидуальной подготовки.

Типичность и системы—вотъ, значитъ, отличія практической науки отъ искусства и ея raison d' être. Цѣль—ея отличіе отъ теоретическихъ наукъ.

Но между практическими или прикладными науками въ области естествознанія и практич. науками *о человѣкѣ* и обществѣ существуетъ громадная разница; въ первыхъ мы имѣемъ два элемента; цѣль и условія (средства) между ними есть причинная связь, та-же, что и въ описательныхъ наукахъ; она измѣняетъ лишь направленіе: причина становится средствомъ, слѣдствіе — цѣлью. Самый характеръ соотношенія не измѣняется—временная или только логическая причинность, объективная, лежащая *внѣ воли* дѣйствующаго субъекта.

Совсѣмъ другой ходъ мышленія въ практич. наукахъ, касающихся психической дѣятельности человѣка, индивидуальной или коллективной: здѣсь къ указаннымъ двумъ элементамъ сужденія привходитъ третій—*норма*; конкретная цѣль при осуществленіи своемъ имѣетъ уже два основанія:—1) данныя дѣйствительности и 2) *нормы*. Въ этомъ элементѣ заключается та коренная разница, которую мы устанавливаемъ между *техническими* н. и *нормативными*. *Техническія* науки имѣютъ основаніемъ совокупность внѣшнихъ данныхъ; *чистыхъ нормативныхъ* наукъ, которыя бы представляли логическую дедукцію изъ нѣсколькихъ аксіомъ безъ связи съ эмпирическими условіями, нигдѣ не существуетъ. Нормативныя науки, какъ логика, кладутъ фундаментомъ своихъ выводовъ *аксіомы* (нормы) и *психологическія* или иныя *данныя*.

То же относится къ практическимъ наукамъ, какъ политика.

Но что такое нормы?

Это *правило* поведенія, мышленія, сужденія; правило устанавливающее *оцѣнку* психической дѣятельности человѣка. Таковы нормы логическія, этическія (въ частности правовыя) и эстетическія.

Въ указанномъ широкомъ значеніи понятіе нормы — продуктъ критической философіи; она пытается съ его помощью примирить то вѣчное противорѣчіе между необходимостью и долженствованіемъ,

которое мучаетъ человѣческую мысль. Не противорѣчатъ ли требованія нравственности законамъ природы? Если все совершается по необходимости, то какой смыслъ имѣетъ нормы? Критическая философія и отвѣчаетъ намъ: никакого противорѣчія здѣсь нѣтъ; нормы представляютъ собой лишь особыя формы осуществленія законовъ природы. Между безконечнымъ разнообразіемъ формъ, въ которыя выливаются психологическіе «законы природы», устанавливается *выборъ*, критеріемъ котораго служитъ *общепризнанность*: а) изъ многихъ возможныхъ для даннаго человѣка и случая умозаключеній лишь одно *истинно*; при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ люди поступаютъ различно, психологически возможны многія рѣшенія, но лишь одно будетъ нравственнымъ; с) эстетическіе вкусы могутъ быть весьма разнообразны, но и здѣсь есть нормальный вкусъ, нормальное чувство красоты.

Нормы возникаютъ, вѣроятно, въ человѣческой техникѣ путемъ *подбора*, но по отношенію къ опредѣляемымъ ими актамъ психики, дѣйствіямъ, чувствамъ и умозаключеніямъ нормы принимаются a priori. Норма *недоказуема*, *абсолютна* и логически *автономна*, это—аксіома. Она оцѣниваетъ дѣйствія и мышленіе человѣка, но сама ничѣмъ не опредѣляется; это—область *вѣры и воли*. Въ тѣхъ областяхъ психической дѣятельности, гдѣ существуютъ *общепризнанныя* правила, возможна *система* нормъ и логическихъ дедукцій изъ нихъ; такова наука о правилахъ мышленія—логика.

Но существуетъ ли и возможна ли въ настоящее время *этика*, какъ система общепризнанныхъ абсолютныхъ правилъ поведенія? На этотъ вопросъ, кажется, можно отвѣтить отрицательно.

Задача этики--отыскать общеобязательные принципы поведенія; точно такъ-же, какъ логика стремится къ общеобязательному познанію, этика ищетъ единую правду—справедливость; общеобязательность для человѣческаго мышленія есть *истина*: этика ищетъ *истинный долгъ*.

Возможно, что настанетъ такое состояніе соціальной жизни, когда будутъ общепризнанныя этическія нормы; это возможно будетъ, во всякомъ случаѣ, лишь съ прекращеніемъ соціальной дифференціаціи: такое состояніе, повидимому, пережили всѣ народы въ первобытную эпоху своего существованія—отсюда абсолютность первобытной этики, облеченной въ религіозную форму.

Но въ настоящее время нѣтъ общепризнанныхъ абсолютныхъ этическихъ нормъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли считать абсолютными современыя требованія безграничнаго развитія личности, индивидуализма, когда на ряду съ ними стоятъ столь-же абсолютныя нравственныя теоріи, требующія полнаго подчиненія личности обществу; *ни одна норма этики не обладаетъ сотой долей самоочевидности любой логической или математической аксіомы.*

Критическая философія правильно поставила этическую проблему, но ни ей, ни современному «возрожденному» идеализму не удалось установить ни одного *матеріальнаго* принципа дѣятельности человѣческой. Категорическій императивъ Канта («поступай такъ, чтобы твое поведеніе могло стать всеобщимъ») не имѣетъ реальнаго *содержанія.* Виндельбандъ устанавливаетъ слѣдующій «матеріальный» принципъ: старайся о томъ, чтобы въ обществѣ, къ которому ты принадлежишь, его общее духовное содержаніе, его «культурная система» достигла общаго признанія и господства; этотъ «культурный долгъ» составляетъ основную цѣль, къ которой должна стремиться личность.

Легко видѣть всю призрачность этого принципа: личность входитъ въ различныя общественныя группы; какая изъ нихъ должна опредѣлять ея дѣятельность? Мы наталкиваемся на соціальную дифференціацію, которая, какъ я упоминалъ, дѣлаетъ невозможной общеобязательную этику.

Далѣе, эти «принципы» такъ общи и всеобъемлющи, что изъ нихъ трудно сдѣлать какіе-нибудь частные выводы безъ того, чтобы не натолкнуться на рядъ вопросовъ неразрѣшенныхъ или неразрѣшимыхъ.

Не даромъ Виндельбандъ высокомѣрно замѣчаетъ, что его этика въ высшей степени «не практична»: «она не можетъ дать никакихъ совѣтовъ насчетъ общественнаго призрѣнія, податной политики и другихъ злободневныхъ вопросовъ». Зато онъ воображаетъ, что она вѣчна (?)

Если мы не знаемъ общеобязательной этики, то тѣмъ болѣе это относится къ такъ называемымъ практическимъ наукамъ, примѣняющимъ общія этическіе начала къ конкретнымъ цѣлямъ общежитія. Можете ли вы указать хоть одинъ общепризнанный принципъ *политики?*

Вѣдь всякій политическій принципъ представляетъ логическій частный выводъ изъ какой-либо этической нормы; слѣдовательно если нѣтъ самоочевидныхъ этическихъ нормъ, то не можетъ быть таковыхъ и въ политикѣ.

Въ водоворотѣ современности нѣтъ ни единой этики, ни единой политики.

Потому-то не можетъ существовать и практической науки, какъ системы постулатовъ, проникнутыхъ единой и абсолютной для всѣхъ людей идеей. Политика можетъ ставить требованія въ *условной* формѣ: если вы признаете за обществомъ или государствомъ такія-то задачи, вы должны такъ преслѣдовать данную цѣль. Въ отличіе отъ прикладныхъ, техническихъ наукъ, здѣсь при однихъ и тѣхъ же условіяхъ одна и та же конкретная задача можетъ быть осуществлена нѣсколькими способами; политика даетъ нѣсколько рѣшеній для одного уравненія. Но она теряетъ въ такомъ случаѣ общеобязательный характеръ нормативной науки: послѣдняя должна ставить общеобязательныя требованія, абсолютные идеалы. А таковыхъ нѣтъ. Съ точки зрѣнія

этической идеалъ *долженъ* быть для даннаго индивида *автономнымъ и абсолютнымъ*, т., е. личность должна ставить его независимо: 1) отъ внѣшнихъ воздѣйствій, иначе онъ не будетъ нравственнымъ, и 2) независимо отъ какихъ-либо постороннихъ цѣлей: идеалъ есть самоцѣль, и всѣ остальныя практическія цѣли являются средствомъ для его достиженія.

Но съ точки зрѣнія *генетической*, какъ категоріи *причиннаго* мышленія, идеалъ есть лишь выраженіе интересовъ данной личности, матеріальныхъ или духовныхъ, личныхъ или общественныхъ. Содержаніе идеала дается человѣку всей его жизнью, всѣми окружающими его условіями, претворившимися въ его психикѣ, и, главнымъ образомъ, условіями общественными; изученіе общественной жизни показываетъ, что почти всѣ интересы личности можно свести къ интересамъ (потребностямъ) тѣхъ общественныхъ группъ, къ которымъ она принадлежитъ.

Каждый политическій идеалъ есть *форма*, въ которую облекаются наши стремленія, но послѣднія обусловлены реальными соціальными факторами. И именно признаніе зависимости нашихъ стремленій отъ внѣшнихъ причинъ служитъ основаніемъ для убѣжденія въ ихъ осуществимости, въ ихъ сходствѣ съ будущими общественными формами. «Исторія соціальной жизни,—говоритъ Штамлеръ,—представляетъ постоянный круговоротъ, въ которомъ, общественные феномены вызываютъ новую формировку соціальнаго строя, а эта послѣдняя, въ свою очередь, создаетъ новые соціальные феномены». Общественный идеалъ и есть гипотетическое построеніе той новой соціальной формы, зачатки которой проявляются въ современныхъ *тенденціяхъ*, въ фактахъ, стоящихъ въ противорѣчіи съ наличнымъ соціальнымъ строемъ. Это объективный элементъ идеала. Но 1) факты эти никогда не даютъ возможности съ безусловной достовѣрностью выяснить будущую форму, и 2) они часто противорѣчивы. Поэтому объективное обоснованіе идеала и вопросъ объ его осуществимости или утопичности, т.-е. научная критика его, оставляютъ обширное поле для фантазіи. Самый подборъ фактовъ субъективенъ. А главное, *субъективна оцѣнка ихъ*: того этическаго a priori, которое лежитъ въ основѣ всякаго политическаго идеала, нельзя доказать: это a priori—норма, безусловная и автономная, здѣсь царитъ воля.

Всякая практическая теорія заключаетъ въ себѣ *волевой* элементъ, отражаетъ, главнымъ образомъ желанія и интересы той или иной общественной группы; эти интересы составляютъ ея сущность, а практическіе выводы *содержаніе*, которое постоянно измѣняется. Но поскольку теорія является логическимъ звеномъ въ цѣлой политической или даже этической системѣ, она получаетъ форму *логической дедукціи* изъ нѣсколькихъ общихъ принциповъ. Эта *двойственность* практическихъ теорій ведетъ часто къ внутреннему противорѣчію между формой и

содержаніемъ: содержаніе успѣваетъ значительно измѣниться, между тѣмъ какъ форма сохраняетъ свой прежній видъ и держится часто при помощи фикцій, обращаясь въ *формулу*, въ которую можно вложить какое угодно содержаніе (въ родѣ кантовскаго императива). Отсюда громадная роль фикцій и формулъ въ юриспруденціи: это вѣчная борьба неподвижнаго закона съ измѣнившимися условіями жизни.

То же и въ политическихъ теоріяхъ: если ученые пытаются придать имъ абсолютный характеръ, они попадаютъ въ неразрѣшимыя противорѣчія, или ихъ теоріи становятся лишь *формой*, въ которую можетъ быть вложено самое разнообразное содержаніе.

Попытка придать абсолютный характеръ своимъ выводамъ породила аналогичныя описаннымъ явленія и въ *финансовой* политикѣ.

«Удивительное явленіе,—говоритъ Р. Мейеръ,—между тѣмъ какъ обыкновенно различныя теоретическія воззрѣнія ведутъ къ различнымъ практическимъ выводамъ, въ новѣйшей финансовой литературѣ мы встрѣчаемъ, наоборотъ, по ряду важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ полное согласіе».

И обратно, исходя изъ одинаковыхъ общихъ теорій, часто приходятъ къ различнымъ выводамъ.

Очевидно, вопросъ не въ систематическомъ обоснованіи практическихъ требованій, а въ томъ сознательномъ или безсознательномъ этическомъ a priori, которое лежитъ въ основаніи этихъ требованій и теорій, это a priori недоказуемо: политика не знаетъ доказательствъ; политика—это борьба.

Сознаніе *относительности* понятій справедливости, лежащихъ въ основаніи финансовыхъ теорій, привело А. Вагнера къ теоріи обложенія, къ признанію возможности двухъ противоположныхъ, но *одинаково раціональныхъ и справедливыхъ* податныхъ системъ: фискальной и соціально-политической. Различіе между ними опредѣляется положительнымъ или отрицательнымъ отношеніемъ къ современному экономическому строю...

Въ дѣйствительности исходныхъ точекъ зрѣнія можетъ быть не двѣ, а множество: отношеніе различныхъ общественныхъ группъ къ современному строю вовсе не укладывается въ указываемую Вагнеромъ альтернативу (положительную или отрицательную), а главное, на теоріи вліяетъ не только отношеніе къ общему строю, но множество болѣе частныхъ этическихъ и политическихъ мотивовъ и интересовъ. Отсюда возможность множества одинаково «раціональныхъ и справедливыхъ» финансовыхъ системъ.

Сколько ученыхъ, столько можетъ быть и «практическихъ финансовыхъ наукъ»; и только принадлежность нѣмецкихъ ученыхъ (да и

французскихъ, и англійскихъ финансистовъ) къ одному общественному классу воспрепятствовала разнообразію выводовъ и породила иллюзію communis opinio doctorum.

Всѣ эти теоріи представляются трезвому практику невинной забавой «кабинетныхъ ученыхъ», и практикъ совершенно правъ: нѣтъ занятія безплоднѣе, чѣмъ наша мнимая практическая наука. Въ самомъ дѣлѣ, *какое вліяніе имѣла она на жизнь?*

Дѣтище ея—«идеальный» подоходный налогъ—занимаетъ очень скромное мѣсто въ современныхъ бюджетахъ большинства государствъ. Подомовый налогъ сохранилъ свой архаическій видъ и далекія отъ дѣйствительности оцѣнки. Система патентовъ, давно «осужденная» наукой, играетъ еще видную роль въ промысловомъ обложеніи Франціи (и даже Англіи). «Наука» долго твердила о вредѣ косвенныхъ налоговъ и ихъ несправедливости, а косвенные налоги росли во всѣхъ государствахъ съ ужасающей быстротой, появлялись новые объекты обложенія и новыя формы его; наука указывала «нормальные» предѣлы покровительства и таможенныхъ пошлинъ, а въ это время почти всѣ европейскія страны наперерывъ изощряются въ охранѣ отдѣльныхъ отраслей промышленности въ ущербъ массѣ населенія и въ угоду ничтожной по численности общественной группѣ.

Почти всѣ нѣмецкіе ученые настоятельно рекомендовали табачную монополію, но интересы производителей оказались сильнѣе фиска и науки, вмѣстѣ взятыхъ, и монополія не прошла. Еще безсильнѣе «наука» въ области государственнаго бюджета, государственныхъ расходовъ и кредита: она твердитъ о критеріяхъ распредѣленія расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные, о способахъ покрытія послѣднихъ, о раціональныхъ формахъ кредита, а жизнь безжалостно разрушаетъ ея мудрыя формулы и идетъ своей дорогой, полной борьбы и страданій.

Тамъ же, гдѣ наука совпадала въ своихъ требованіяхъ съ жизнью, она не выставляла какихъ-либо новыхъ истинъ, а доказывала лишь общеизвѣстныя, давно признанныя положенія: пошлины давно отошли на задній планъ въ системѣ государственныхъ доходовъ, въ то время, какъ наука все еще подробно обсуждала сравнительныя преимущества «пошлиннаго и податного принципа» и послѣ долгихъ разсужденій высказывалась за послѣдній; государственныя желѣзныя дороги развились въ Германіи и Бельгіи раньше, чѣмъ наука включила «принципъ» обобществленія желѣзнодорожнаго дѣла въ число своихъ абсолютныхъ догмъ. Всюду жизнь идетъ впереди, а «научныя» теоріи плетутся за ней, тщетно пытаясь идти съ ней въ ногу.

Практикъ иногда прикрывается въ своихъ требованіяхъ выводами науки, гдѣ это ему на руку, но какъ только они расходятся съ его интересами, онъ отбрасываетъ ихъ, какъ ненужный соръ. Жалка и обидна роль науки, и пора понять, что *не дѣло ея—создавать раціо-*

нальныя формы государственнаго хозяйства. Каждый ученый въ правѣ высказывать свои политическія убѣжденія и идеалы и строить идеальныя системы финансовъ, налоговъ, кредита и т. д., но онъ долженъ помнить, что онъ говоритъ не отъ имени науки, а какъ представитель той или иной общественной группы. Если онъ сознательно выступаетъ, какъ таковой, его мнѣніе, логически и фактически обоснованное, имѣетъ громадное значеніе: ясная формулировка требованій играетъ большую роль въ политикѣ; формула—знамя, объединяющее силы партіи и направляющее ихъ въ одну точку, а формула—продуктъ научной мысли; съ другой стороны, научное предвидѣніе спасаетъ отъ безплодной растраты силъ на неосуществимые замыслы. Вотъ выгоды ученаго, какъ представителя той или иной партіи.

Но если онъ пытается стать внѣ окружающихъ общественныхъ группъ въ роли объективнаго судьи, то онъ обманываетъ и себя, и другихъ, и мнѣніе его *въ этомъ случаѣ* имѣетъ меньшее практическое значеніе, чѣмъ мнѣніе послѣдняго полуграмотнаго торгаша, такъ какъ тотъ выражаетъ интересы общественной группы, а ученый—желанія одного лица.

Столь же мало можетъ претендовать на самостоятельное научное значеніе *критическая* задача финансовой науки, т.-е. критика существующихъ нормъ и фактовъ финансовой жизни съ точки зрѣнія «общихъ принциповъ»; разъ идеалы субъективны, то субъективна, а слѣдовательно, ненаучна и критика дѣйствительности, исходящая изъ данныхъ идеаловъ. Объективная критика возможна лишь по чисто *техническимъ* вопросамъ, но она входитъ въ теоретическое изученіе финансовыхъ вопросовъ (напр., вліяніе различныхъ формъ обложенія или контроля на поступленія налоговъ и т. п.).

Если исключить изъ финансовой науки критическую задачу и построеніе раціональныхъ системъ государственнаго хозяйства, то за ней остается скромная задача—*изученіе дѣйствительности.*

Матеріаломъ изученія служатъ законы и распоряженія финансовыхъ властей, факты экономической жизни, выясняющіе вліяніе государственнаго хозяйства на народную жизнь и т. д.

Но *законы* могутъ быть предметомъ разнороднаго изученія: a) они могутъ разсматриваться, какъ правовыя *нормы,* какъ часть финансоваго строя данной страны; это—финансовое *право*; b) или они будутъ для насъ лишь *явленіями,* фактами общественной жизни, которые вызваны рядомъ соціальныхъ причинъ и, въ свою очередь, порождаютъ тѣ или иныя экономическія послѣдствія; такое изученіе мы назовемъ финансовой *наукой* въ тѣсномъ смыслѣ слова. Финансовое право представляетъ *систематическое* изученіе законовъ, наука—историче-

ское; право—*морфологія* финансово-правовыхъ явленій *данной* страны, наука—*біологія* ихъ. До сихъ поръ финансовое право, какъ и вообще публичное право, не служило почти предметомъ *самостоятельнаго догматическаго* изученія. Будучи отраслью юриспруденціи, оно должно преслѣдовать *двѣ* задачи: a) *теоретическую—систематизацію* положительнаго права (подъ угломъ зрѣнія двухъ принциповъ: цѣлесообразности и справедливости) и b) *практическую*—примѣненіе выработанныхъ нормъ къ конкретнымъ случаямъ. Методы его ничѣмъ не отличаются отъ методовъ другихъ юридическихъ дисциплинъ: комментировать и примѣнять законы V тома свода законовъ—работа, ничѣмъ не разнящаяся отъ толкованія X тома. *Здѣсь область догмы.*

Многіе не признаютъ за послѣдней названія науки и называютъ ее искусствомъ. Примѣненіе законовъ есть, конечно, искусство; но первая задача—систематизація права—научна, если только не исключать изъ числа наукъ такъ называемыхъ *описательныхъ* наукъ. Мы не будемъ поднимать этого безплоднаго спора и охотно признаемъ за финансовымъ правомъ «званіе» науки, но считаемъ его самостоятельной дисциплиной, которой не слѣдуетъ смѣшивать съ наукой, изучающей финансовыя *явленія* въ связи съ другими экономическими и соціальными явленіями, сопутствующими, предшествующими или вызываемыми первыми.

Это—задача историческая. Исторія и статистика—главные элементы финансовой науки, элементы, а не вспомогательныя науки. Нѣкоторые противополагаютъ исторію и статистику, какъ конкретныя науки, имѣющія дѣло съ отдѣльными фактами, абстрактными, изучающими общіе *типы* и внутреннюю связь явленій, опредѣляемыхъ родовыми признаками (Менгеръ); однако, не слѣдуетъ такъ ограничивать задачу исторіи: если она изучаетъ конкретные факты, то лишь какъ проявленія общихъ закономѣрныхъ соотношеній. *Вундтъ* то же противоставляетъ въ своей классификаціи науки: a) *феноменологическія* и b) *генетическія* *). Но вѣдь *процессы* духовной жизни, составляющіе предметъ первыхъ, выводятся изъ фактовъ исторіи и только и примѣнимы въ извѣстной исторической обстановкѣ. Впрочемъ, вопросъ о разграниченіи этихъ областей зависитъ отъ *метода* изслѣдованія соціальныхъ явленій.

Мы подошли здѣсь къ сложному вопросу о *методѣ* финансовой науки, который выходитъ за предѣлы настоящей статьи. Теперь для него расчищена почва: мы выдѣлили политику изъ области науки, мы поставили послѣдней опредѣленную задачу—познаніе законовъ дѣйствительности для болѣе или менѣе *вѣроятнаго* предвидѣнія будущаго.

Въ послѣднее время въ основѣ нѣкоторыхъ попытокъ телеологи-

*) Онъ различаетъ еще 3 группу—систематическія науки.

ческаго построенія исторіи замѣчается скептическое отношеніе къ указанной выше задачѣ общественныхъ наукъ; намъ говорятъ: необходимость или долженствованіе, tertium non datur! Разумѣется, все совершается по *необходимымъ* законамъ природы, но если мы ихъ всѣхъ не знаемъ или не можемъ точно опредѣлить ихъ дѣйствія, этимъ не исключается еще возможность *научнаго* изслѣдованія тенденцій будущаго. Указанныя направленія грѣшатъ излишнимъ пренебреженіемъ къ *категоріи возможности* въ области познанія: наука вовсе не должна ограничивать себя рамками необходимости и полной достовѣрности; «*возможность*» входитъ въ число ея задачъ, и именно въ формѣ *вѣроятности* событія, причемъ не слѣдуетъ ограничивать послѣднюю только точной (количественной, математической) формой статистики. Исторія, какъ наука, и вообще соціологія имѣютъ цѣлью *предвидѣніе* будущаго, выясненіе *вѣроятности* тѣхъ или иныхъ соціальныхъ формъ, опредѣленіе *тенденцій* соціальной жизни. Въ этомъ ея научная задача, для которой есть одинъ методъ—*причинный*. Для телеологіи и идеаловъ здѣсь нѣтъ мѣста. Необходимо строго разграничить эти двѣ области. Пусть только наука не вмѣшивается въ политику и не ослабляетъ своимъ объективизмомъ силы нашихъ идеаловъ и энергіи въ общественной борьбѣ, пусть дѣлаетъ свое скромное дѣло. Трезвое пониманіе дѣйствительности и объективное предвидѣніе въ этомъ случаѣ сослужатъ человѣчеству великую службу.

В. Твердохлѣбовъ.

ГЕОРГЪ МЕРКЛИНЪ.

Этюдъ **Артура Шнитцлера.**

Переводъ съ рукописи **А. Даманской.**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Георгъ Мерклинъ.
Эдуардъ Ягишъ—гобоистъ.
Анна—его жена.
Восьмилѣтній мальчикъ—ихъ сынъ.
Служанка.

Скромно, но уютно обставленная комната. Два окна; видъ на крыши, холмы, блѣдно-голубое весеннее небо. Справа входная дверь, налѣво другая дверь.

Съ правой стороны входитъ Эдуардъ Ягишъ. Худощавый безбородый господинъ лѣтъ сорока, скромно и прилично одѣтъ, привѣтливъ, движенія нѣсколько неувѣренныя. Вслѣдъ за нимъ—Георгъ Мерклинъ, лѣтъ 50, съ сильной просѣдью въ окладистой круглой бородѣ и густыми сѣдыми волосами. На немъ поношенное пальто съ поднятымъ воротникомъ, темные, лоснящіеся немного брюки, мягкая шляпа, пыльные истоптанные сапоги, но отъ всей его фигуры вѣетъ изяществомъ и достоинствомъ.

Эдуардъ. Ну, вотъ мы и дома. Войди, Георгъ! Будь гостемъ—я и сказать тебѣ не могу, какъ я радъ нашей встрѣчѣ *(снимаетъ пальто)*. Такъ-съ. Что же ты не раздѣваешься?

Георгъ *(рѣшительно)*. Благодарю, благодарю!

Эдуардъ *(оглядываетъ его платье; по лицу его пробѣгаетъ тѣнь состраданія, которое онъ старается скрыть)*. Да пожалуй, здѣсь свѣжо. Но въ концѣ апрѣля, знаешь, уже не хочется какъ-то топить. Что же ты не садишься? *(Георгъ не двигается съ мѣста)*. Да, такъ вотъ, Георгъ, знаешь, сколько лѣтъ мы съ тобою не видѣлись? Одиннадцать лѣтъ... да, такъ и есть, ровно одиннадцать лѣтъ мы съ тобою не видѣлись, и удивительно, какъ разъ вчера было одиннадцать лѣтъ.

Георгъ. Вчера?

Эдуардъ. Да, я хорошо помню—это было какъ разъ двадцать восьмого апрѣля, потому что этотъ послѣдній вечеръ, который мы

*

провели вмѣстѣ, незабвенный вечеръ. Онъ и въ воспоминаніяхъ такой же упоительно-прекрасный.

Георгъ. Н-не скажу...

Эдуардъ. И послѣ того проходятъ долгіе годы, и мы ничего другъ про друга не знаемъ, и вдругъ... случайно встрѣчаемся на улицѣ. Мы могли, пожалуй, всю жизнь прожить въ одномъ городѣ и ни разу не встрѣтиться...

Георгъ. Весьма возможно.

Эдуардъ. Но это не моя вина. Потому что,—что меня касается, то я про тебя справлялся, я прямо розыскивалъ тебя, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе три года, съ тѣхъ поръ, какъ я вернулся изъ Америки. Я очень хотѣлъ, мнѣ очень нужно было видѣть тебя...

Георгъ *(стоя на томъ-же мѣстѣ, оглядываетъ комнату. Равнодушно)*. Почему?

Эдуардъ. Почему? Я скучалъ о тебѣ—ну, да. Неужели ты этого допустить не можешь? Вѣдь мы были такъ близки когда-то; особенно въ послѣднее время моего пребыванія въ Вѣнѣ. Помнишь мою комнатку на Нусдорферштрассе, гдѣ ты читалъ намъ свою первую вещь...

Георгъ *(подойдя къ окну)* Красивый видъ.

Эдуардъ. Не правда ли? Я потому и поселился такъ далеко. Хотя это сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, особенно когда приходится возвращаться поздно вечеромъ изъ оперы въ дурную погоду. А при хорошей погодѣ я иногда пѣшкомъ хожу домой—даже зимою. И всего-то три четверти часа ходьбы. Зато мы здѣсь, совсѣмъ какъ на дачѣ. При домѣ даже садикъ есть; мы, правда, не имѣемъ права пользоваться имъ, но для ребенка уже и то хорошо, что выглянетъ въ окно, а тамъ внизу... цвѣты... пахнетъ...

Георгъ (*быстро оборачивается къ нему*). Ты женатъ?

Эдуардъ (*спохватившись, недовольный своей поспѣшностью*). — Женатъ.

Георгъ. Отчего же ты сейчасъ не сказалъ мнѣ это?

Эдуардъ. Я хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ. Да... гм... ну вотъ, теперь ты знаешь..

Георгъ. И давно?

Эдуардъ. Да... какъ тебѣ сказать? Какъ бы тамъ ни было... мальчику нашему теперь уже восемь лѣтъ. Жена пошла за нимъ въ школу.

Георгъ. Та-а-къ!

Эдуардъ. Да-съ! И долженъ тебѣ сказать — я счастливъ — совершенно счастливъ, безмятежно счастливъ.

Георгъ (*качая головой*). Счастливъ... Я не дерзнулъ бы выпалить такое словцо, можно, пожалуй, вызвать этимъ несчастье.

Эдуардъ. Я никакого несчастья теперь не боюсь.

Георгъ. Ты очень измѣнился.

Эдуардъ. Ты находишь?

Георгъ. Какъ же! Я помню, ты былъ такой робкій, несмѣлый—ну, прямо, можно сказать—несчастный малый...

Эдуардъ. О!

Георгъ. Позволь, вѣдь ты былъ такой вѣчно угнетенный, несчастный малый... А теперь!

Эдуардъ. А теперь—я знаю, все тяжелое осталось далеко позади меня. Теперь я ничего дурного не жду. Я знаю... Конечно, смерть — но вѣдь она никого не минуетъ. Я не думаю о ней, — впрочемъ, увѣряю тебя—и смерть не страшна тому, у кого есть жена и дѣти, которыя будутъ его оплакивать. Ты какъ полагаешь?

Георгъ. У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей — такъ что къ смерти я нѣжныхъ чувствъ питать не могу. Что ты такъ вглядываешься въ меня?—Какъ ты находишь, какой у меня видъ?

Эдуардъ. Прекрасный, прекрасный, чудесный видъ.

Георгъ. Я посѣдѣлъ.

Эдуардъ. Посѣдѣлъ... что же, и я начинаю сѣдѣть, смотри, вотъ здѣсь—на вискахъ. А вѣдь ты лѣтъ на десять старше меня.

Георгъ. Я зналъ человѣка, который въ двадцать семь лѣтъ былъ сѣдъ, какъ лунь.

Эдуардъ. Конечно... Мерлетъ! И я его знаю. Сѣдъ, какъ лунь. Я и теперь еще изрѣдка встрѣчаю его. Въ тотъ вечеръ, въ тотъ незабвенный вечеръ и онъ былъ въ нашемъ обществѣ.

Георгъ (*почти про себя*). Сѣдина ничего еще не доказываетъ. И годы ничего не значатъ. Есть же люди, которые въ шестьдесятъ и въ семьдесятъ лѣтъ дѣлаются отцами, совершаютъ походы? Развѣ можно назвать стариками такихъ людей? Никоимъ образомъ! Одинъ лишь есть признакъ старости — смерть. Стары не столѣтніе старики, стары тѣ, которымъ завтра суждено умереть. Вотъ эта дама (*указывая въ окно*) стара, какъ міръ, если на углу улицы ее караулитъ смерть.

Эдуардъ (*подойдя къ нему*). О, я думалъ, что ты жену мою увидѣлъ—она сейчасъ должна придти... Нѣтъ, нѣтъ, это не она.

Георгъ. Мнѣ было бы очень непріятно, если бы это была твоя жена.

Эдуардъ. Почему?

Георгъ. Потому что у меня есть основаніе избѣгать подобныхъ замѣчаній.

Эдуардъ. Я тебя не понимаю.

Георгъ. Я разскажу тебѣ исторію, которая случилась со мною въ поѣздѣ года два тому назадъ. Это было зимою, часовъ въ шесть утра. Противъ меня сидитъ господинъ, прислонившись къ стѣнкѣ, и дремлетъ; я его не знаю, никогда его не видалъ, и онъ нисколько меня не занимаетъ. Вдругъ у меня проносится въ головѣ, какъ молнія: умри!—И съ этой мыслью я нѣсколько мгновеній смотрю на него. Онъ преспокойно спитъ. Я опять смотрю по обыкновенію въ окно, на снѣж-

ный пейзажъ, и совершенно забываю про моего спутника. Пріѣзжаемъ въ Вѣну. Я встаю, выхожу изъ вагона, а тотъ остается и сидитъ неподвижно на своемъ мѣстѣ. Я зову людей, его выносятъ на рукахъ, и оказалось, что онъ былъ мертвъ... мертвъ! Врачи сказали, что смерть послѣдовала отъ разрыва сердца.

Эдуардъ. Да... удивительный случай.

Георгъ. Случай? Да ты знаешь ли, сколько случаевъ совершается изо дня въ день, лишь благодаря чьей-либо тайной волѣ или необдуманно брошеннымъ словамъ? Имѣешь ли ты представленіе о таинственной силѣ, которая таится въ творческихъ натурахъ? Я отправился къ судебному слѣдователю, изложилъ ему суть дѣла и говорю: «арестуйте меня, потому что, очевидно, я убилъ этого господина». Причемъ я никакого раскаянія не чувствую. Но онъ меня не арестовалъ, а уставился на меня вотъ такъ, какъ ты сейчасъ, и отправилъ меня съ миромъ.

Эдуардъ (*радостно*). Да, это ты! Ты все тотъ же прежній Георгъ!— И гдѣ только жена могла замѣшкаться сегодня, какъ разъ сегодня! Какъ она будетъ поражена — я такъ много говорилъ ей про тебя.— Можно тебѣ предложить папиросу?

Георгъ. Нѣтъ, нѣтъ, спасибо. Я не курю теперь. Я отучилъ себя отъ этой роскоши. — Нѣтъ, пожалуйста, не настаивай: я совсѣмъ отвыкъ.

Эдуардъ. Какъ хочешь. Но присядь, по крайней мѣрѣ... И разразскажи мнѣ наконецъ, что ты дѣлалъ все это время? Я даже понять не могу, какъ это случилось, что про тебя ничего не слышно было, что ты почти совсѣмъ...

Георгъ. Забытъ? Не стѣсняйся, пожалуйста. Увѣряю тебя, это вовсе не тяжело—быть забытымъ. И я не думаю, чтобы людямъ, мнѣ подобнымъ, могло выпасть что-либо лучшее на долю.

Эдуардъ. Но все-таки тогда, казалось... Мы всѣ ждали... Ты былъ на пути къ тому, чтобы стать чѣмъ-то очень крупнымъ...

Георгъ. А кто тебѣ сказалъ, что я не сталъ таковымъ? Развѣ это должно бросаться въ глаза? Если бы ты продалъ сегодня свой гобой или твои пальцы и губы онѣмѣли бы, и ты не могъ болѣе играть— ты не остался бы развѣ тѣмъ же виртуозомъ, что и до того? Или допустимъ—гобой тебѣ надоѣлъ, и ты выбросилъ его въ окно, потому что онъ тебя не удовлетворяетъ, ты пересталъ бы быть артистомъ? Развѣ ты не былъ бы истиннымъ артистомъ именно въ тотъ моментъ, когда выбрасывалъ въ окно свой инструментъ, который такъ безсиленъ въ сравненіи съ божественной музыкой твоей души?

Эдуардъ. Безсиленъ—да! Ахъ, я не разъ это чувствовалъ...

Георгъ. Ну вотъ, я просто вышвырнулъ свой гобой въ окно. Тупицы разные подняли крикъ: онъ ни къ чему не способенъ! Пусть себѣ кричатъ въ свое удовольствіе. Истинный художникъ никогда не

бываетъ способенъ на что-либо. Ему ничего не нужно. Онъ все имѣетъ въ себѣ. Его богатство въ душѣ. Это все. Въ этомъ, собственно говоря, и вся суть.

Эдуардъ. Мнѣ кажется, что я вчера только слушалъ твои разсужденія... Мнѣ прямо не вѣрится, что мы видимся сегодня въ первый разъ послѣ того прощальнаго ужина, двадцать восьмого апрѣля.

Георгъ. Да вѣдь это не былъ прощальный ужинъ—такъ случайно собрались.

Эдуардъ. Для меня это былъ торжественный вечеръ. У меня лежалъ уже въ карманѣ контрактъ на поѣздку въ Бостонъ. Неужели ты не помнишь? Пили за мою будущность. Ты даже рѣчь говорилъ. Неужели ты не помнишь? Ахъ, что это за вечеръ былъ! Я вспоминаю о немъ, какъ о снѣ. Это былъ первый весенній вечеръ въ моей жизни. Мы сидѣли подъ высокими деревьями, за двумя длинными столами, которые сдвинули вмѣстѣ. На столахъ горѣли садовыя лампы. За однимъ столомъ сидѣлъ бѣлоснѣжный Мерлетъ... Абихтъ—молодой актеръ съ огненными глазами;—немного дальше эта молодая скрипачка, что умерла въ томъ же году... А твоя тогдашняя возлюбленная была вся въ бѣломъ, съ темно-красными розами въ волосахъ. Потомъ, когда въ саду, кромѣ насъ, никого уже не было, она лежала у твоихъ ногъ... Ее звали Ирена.

Георгъ. Да, ее звали Ирена. Но въ этотъ вечеръ—я это отлично помню—и ты на свою судьбу пожаловаться не могъ.

Эдуардъ. О, нѣтъ, нисколько. Мнѣ рѣшительно не на что было жаловаться.

Георгъ. Ты ее больше не встрѣчалъ? Послѣ того вечера ты не видалъ ее?

Эдуардъ *(дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ вопроса)*. Ирену?

Георгъ. Нѣтъ, нѣтъ... ту, другую... Ту, что сидѣла рядомъ съ тобой? Эту блондинку съ дѣтскимъ личикомъ? Ты ее больше не встрѣчалъ?

Эдуардъ. Эту блондинку? Нѣтъ. У меня лежалъ уже въ карманѣ контрактъ въ Бостонъ. Черезъ двѣ недѣли я долженъ былъ уѣхать. Это уже было подписано. Какой для меня представляла интересъ какая-то блондинка съ дѣтскимъ личикомъ?..

Георгъ. А красивая была дѣвушка!

Эдуардъ. Да, очень красивая. Она была,—если память мнѣ не измѣняетъ,—въ дружбѣ съ Иреной?

Георгъ. Да, онѣ дружили, кажется, поскольку женщины могутъ дружить. *(Глядя въ пространство)*. Эдуардъ...

Эдуардъ. Что?

Георгъ. Не правда ли это былъ первый упоительный,—такъ сказать, безумный вечеръ въ твоей жизни?

Эдуардъ. Да, это былъ удивительный вечеръ.

Георгъ. И въ этотъ вечеръ ты, вѣроятно, впервые услышалъ нѣжныя слова?..

Эдуардъ. Ты думаешь?

Георгъ. Но вѣдь это такъ и было. Ты очень часто, помню, вздыхалъ о томъ, что не созданъ для счастья, что тебѣ суждено провести молодость одинокимъ и нелюбимымъ, потому что ты былъ такой робкій малый, мнительный...

Эдуардъ. Да, молодость моя во многихъ отношеніяхъ была очень печальна...

Георгъ. До этого весенняго вечера, когда ты услышалъ первыя пламенныя слова...

Эдуардъ *(лукаво)*. Какъ ты, однако, помнишь это!

Георгъ. Не безъ причины, Эдуардъ. И я думаю даже, что судьба для того только и свела насъ опять, чтобы ты узналъ правду.

Эдуардъ *(хитро)*. Да что такое ты намѣренъ мнѣ сообщить?

Георгъ. Мнѣ кажется, что этотъ вечеръ сыгралъ въ твоей жизни несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ ты думаешь. Мнѣ кажется, что въ этотъ вечеръ ты впиталъ въ себя отвагу жизни, которой и сейчасъ еще полонъ, потому что, сознайся, ты въ первый разъ тогда почувствовалъ, что и ты можешь быть счастливъ и дать счастье другимъ.

Эдуардъ. Пожалуй.

Георгъ. Не будь того вечера, ты, вѣроятно, на всю жизнь остался бы робкимъ, забитымъ человѣкомъ, какимъ я тебя узналъ. У тебя, быть можетъ, и смѣлости не хватило бы мечтать о женѣ.

Эдуардъ (*съ притворной убѣжденностью*). Совершенно вѣрно.

Георгъ. И какъ все это случилось? Почему съ тобою произошла такая поразительная перемѣна? Потому что ты повѣрилъ, что эта дѣвушка, видѣвшая тебя тогда въ первый разъ, влюбилась въ тебя съ перваго взгляда.

Эдуардъ. Но я имѣлъ полное основаніе вѣрить этому.

Георгъ. Основаніе-то вѣрить ты имѣлъ, но все-таки ты ошибался.

Эдуардъ. Какъ? Неужели?

Георгъ. Это была глубокая шутка, которую я придумалъ.

Эдуардъ *(съ притворнымъ удивленіемъ)*. Шутка?

Георгъ. Да. Это была условленная заранѣе игра. И дѣвушка эта, что была съ тобою такъ нѣжна, исполняла только мое желаніе. Вы были маріонетками, и проволоками управлялъ я. Было условлено, что она должна прикинуться влюбленной въ тебя, потому что мнѣ всегда было тебя жалко, Эдуардъ. Я хотѣлъ дать тебѣ иллюзію счастья, подготовить тебя къ настоящему, если бы оно когда-либо встрѣтилось тебѣ. И какъ это часто бываетъ съ подобными мнѣ людьми, я сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ хотѣлъ. Я совершенно преобразилъ тебя.

Да, несравненно пріятнѣе играть живыми людьми, чѣмъ создавать безплотные поэтическіе образы. О, это тонкое наслажденіе.

Эдуардъ. Послушай, Георгъ, мнѣ кажется, однако, что тебѣ не слѣдовало говорить мнѣ это.

Георгъ. Почему?

Эдуардъ. Ну, подумай только, если бы я тогда возмнилъ о себѣ, вѣдь это было бы и смѣшно, и унизительно.

Георгъ. Почему?

Эдуардъ *(у окна)*. Ахъ, вотъ она! Моя жена. Ахъ, какъ она будетъ рада.

Георгъ. Но... я совершенно не предполагалъ. Такъ что ты, пожалуйста, уже извини меня передъ женой за мой костюмъ.

Эдуардъ. Ну, глупости какія! Жена очень рада тебѣ будетъ.

Анна *(лѣтъ тридцати, очень красивая, просто, но со вкусомъ одѣтая, входитъ съ восьмилѣтнимъ мальчикомъ)*.

Эдуардъ. Наконецъ-то ты пришла! Гляди, Анна, кого я тебѣ привелъ.

Георгъ *(кланяется)*.

Анна *(узнаетъ его, поражена, но тотчасъ овладѣваетъ собой. Сердечно)*. Такъ вы живы!

Георгъ *(поднимаетъ глаза)*.

Анна *(протягивая ему обѣ руки)*. Какъ я рада видѣть васъ!

Георгъ *(узнавъ ее)*. Возможно ли это? Анна! *(Эдуарду)*. И этотъ человѣкъ далъ мнѣ досказать всю исторію до конца. Что за пройдоха! И это прежній робкій Эдуардъ! Такъ вы, значитъ, поженились?

Эдуардъ. Да, какъ видишь. И вотъ пойми, какъ мы ждали этой минуты, какъ мы жаждали ея. И я, и Анна...

Анна. Да, и я *(смотритъ на него долгимъ взглядомъ)*.

Эдуардъ *(Аннѣ)*. Надо тебѣ знать, что мы были его маріонетками и плясали по проволокамъ, которыя онъ дергалъ. Но онѣ мало-по-малу совсѣмъ ожили, твои маріонетки,—а, Георгъ?

Георгъ. Да, я вижу. А это вашъ сынъ... Красивый мальчуганъ. Сколько тебѣ лѣтъ, молодой человѣкъ?

Мальчикъ. Восемь лѣтъ съ четвертью.

Георгъ. А какъ тебя зовутъ? *(Беретъ его за обѣ руки)*.

Мальчикъ. Меня зовутъ Георгъ Ягишъ.

Георгъ. Георгъ? *(Обращаясь къ Эдуарду и Аннѣ)*. Развѣ кого-нибудь изъ вашихъ родныхъ зовутъ Георгомъ?

Эдуардъ. Никого. Мы позволили себѣ назвать его такъ въ честь одного стараго друга, извѣстнаго дирижера кукольной труппы. *(Смѣется отъ всего сердца)*. Это было, впрочемъ, ея желаніе.

Георгъ *(оглядывая ихъ всѣхъ троихъ)*. Милые мои, если бы вы знали, какъ вы забавны! *(Про себя)*. Георгъ...

Анна. Ну, мальчикъ мой, ступай къ себѣ, прибери свои книжки, руки вымой, потомъ можешь опять придти.

Георгъ. Да, Георгъ, потомъ можешь опять придти... Георгъ!.. Это ужасно смѣшно, когда другой носитъ такое же имя, какъ мы сами, да еще такой маленькій человѣчекъ. (*Мальчикъ уходитъ*).

(*Эдуардъ и Анна обмѣниваются взглядомъ. Пауза*).

Анна. Вотъ мы и свидѣлись опять. Да присядьте же. И отчего вы пальто не снимете? (*Встрѣтивъ взглядъ Эдуарда*). Здѣсь, впрочемъ, немного свѣжо... я что-нибудь накину на себя.

Георгъ. Да, здѣсь свѣжо, но помимо того, я, откровенно говоря, не могу снять пальто—я въ рабочемъ пиджакѣ. Я никакъ не предполагалъ выступить сегодня въ роли визитера. Но, какъ вы еще молоды, Анна!

Эдуардъ. Да говорите другъ другу *ты*, какъ тогда... Я рѣшительно никакой причины не вижу...

Георгъ. Да, въ самомъ дѣлѣ... Какъ ты еще молода, Анна!

Эдуардъ (*любовно смотритъ на нее*). Да.

Анна (*смутившись немного*). Но какъ это случилось? Какимъ образомъ вы...

Эдуардъ. Представь себѣ, какой случай, Анна! Здѣсь, передъ самымъ домомъ! Послѣ того, какъ я цѣлые годы искалъ его съ огнемъ. Я гуляю, то-есть возвращаюсь съ репетиціи и вдругъ шагахъ въ десяти впереди меня замѣчаю его... Я по походкѣ его узналъ. Я окликнулъ его, онъ оборачивается и идетъ дальше.

Георгъ. Я тебя не узналъ. Я немного близорукъ.

Эдуардъ. Или хотѣлъ уклониться отъ встрѣчи. Нѣтъ, это было бы слишкомъ. Когда ищешь человѣка цѣлые годы...

Георгъ (*серьезно*). Съ огнемъ.

Анна. Гдѣ же вы были все это время?

Эдуардъ. Гдѣ *ты* былъ? Я настаиваю, чтобы вы говорили другъ другу *ты*. Я не упрямъ, но на этомъ я настаиваю.

Анна. Гдѣ ты былъ всѣ эти годы?

Георгъ. Я большей частью путешествовалъ,

Анна. Путешествовалъ?

Георгъ. Да, шатался по свѣту.

Анна. Одинъ.

Георгъ. Преимущественно. Но только не первое время.

Анна. А первое время ты, вѣроятно, съ Иреной ѣздилъ?

Георгъ. Да, съ Иреной.

Эдуардъ Гм... Гдѣ... то есть (*встрѣтившись съ взглядомъ Анны*), ну да, Ирена, гдѣ она теперь?

Георгъ (*спокойно*). Не знаю. Я давно уже ничего про нее не слыхалъ. А странствовалъ я много. Даже въ Калифорніи былъ и въ Индіи.

Эдуардъ. А!

Георгъ. Затѣмъ я сталъ ограничиваться одной Европой, и кругъ моихъ поѣздокъ дѣлался все меньше (*описываетъ рукою спираль въ воздухѣ*), все тѣснѣй. Теперь я уже совершаю только экскурсіи въ окрестностяхъ Вѣны. Но для меня это безразлично. Для меня прогулка въ поляхъ содержательнѣе, чѣмъ для другого кругосвѣтное путешествіе, потому что для того, кто умѣетъ видѣть и слышать, вездѣ есть люди и жизнь.

Эдуардъ. Но, вообще, ты живешь теперь очень замкнуто, да?

Георгъ. Какъ тебѣ сказать?.. Я и общество нахожу, когда хочу. У меня и пріятели и пріятельницы бываютъ на одинъ день. А день долгъ для того, кто умѣетъ жить. Я—словно Гарунъ-аль-Рашидъ, который бродилъ переодѣтый въ народѣ. Люди, съ которыми я встрѣчаюсь (*съ величественнымъ жестомъ*), не подозрѣваютъ, кто я такой, и никто, разставаясь со мною, не знаетъ, увидитъ ли онъ меня когда-либо опять? Это въ высшей степени интересно.

Эдуардъ. Но когда ты не странствуешь, что ты дѣлаешь? Чѣмъ ты, собственно говоря, занимаешься? (*Съ внезапной рѣшимостью*). Ты еще пишешь?

Георгъ. Пишу ли я?.. Въ томъ смыслѣ, какъ ты это понимаешь— нѣтъ! Но... я пишу.

Эдуардъ. Я это зналъ.

Георгъ. Ничего ты не знаешь! Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что ѣсть надо, по крайней мѣрѣ, отъ времени до времени. И потому только я иногда пишу небольшія вещи для одного журнала. Конечно, не подъ своимъ именемъ. Я могъ бы съ такимъ же успѣхомъ носить уголь или вырѣзывать дудочки. Я хочу этимъ сказать, что эта работа съ моей душой ничего общаго не имѣетъ и моей внутренней свободы у меня не отнимаетъ. Но довольно обо мнѣ! Довольно! (*Пауза. Анна и Эдуардъ обмѣниваются взглядами*). Какъ это странно!

Эдуардъ. Что?

Георгъ. Да вотъ вы—въ этой комнатѣ... Висячая лампа надъ столомъ, ребенокъ... (*Входитъ служанка*), диванъ; вы и застрахованы, навѣрное, отъ несчастныхъ случаевъ и огня...

Анна (*беретъ у дѣвушки скатерть и сама накрываетъ столъ. Дѣвушка уходитъ*).

Георгъ. Да, кто могъ это предвидѣть десять лѣтъ тому назадъ?..

Эдуардъ. Да, кто могъ это предвидѣть одиннадцать лѣтъ тому назадъ, двадцать восьмого апрѣля!

Георгъ. Но я не понимаю все-таки, какъ это устроилось? Вѣдь это была шутка.

Эдуардъ. Которая окончилась очень серьезно. Что, Анна? (*Обнимаетъ ее за талію. Она мягко отстраняетъ его*). Очень даже серьезно.

Георгъ. Но какъ это случилось, что вы...

Эдуардъ. Да какъ же, Георгъ, вѣдь это ея прямой долгъ былъ въ отношеніи меня.

Анна. Нѣтъ, Эдуардъ, нѣтъ. Если бы дѣло шло о долгѣ, то я бы покрыла его однимъ только признаньемъ.

Георгъ *(глядя то на одного, то на другого)*. Ахъ, такъ... ну, теперь мнѣ все ясно.

Эдуардъ. Ты ошибаешься. Самаго интереснаго ты не знаешь.

Георгъ. Что же?

Эдуардъ. А то, что Анна была тогда очень неравнодушна къ тебѣ.

Георгъ. Какъ? Ко мнѣ? Вотъ что!.. Значитъ со мною сыграли шутку?

Анна *(спокойно накрывая столъ)*. Да. Я тебя любила тогда. Не будь этого, я не пошла-бы на всю эту комедію.

Георгъ. Ничего не понимаю.

Анна. Эта была моя послѣдняя надежда.

Георгъ. Твоя послѣдняя? Скажи, Эдуардъ, тебѣ, вѣроятно, непріятенъ этотъ разговоръ?

Эдуардъ. Непріятенъ? Странный ты человѣкъ! Да развѣ ты не видишь, что я переживаю теперь величайшее торжество въ моей жизни?

Георгъ. Да? Ну, въ такомъ случаѣ разсказывайте дальше, Анна...

Анна. Больше разсказывать нечего (*улыбаясь*). Мои ожиданія, какъ тебѣ извѣстно, не оправдались. Мнѣ не удалось возбудить въ тебѣ ревность. Но возможно также, что мое чувство къ тебѣ не было достаточно серьезно.

Эдуардъ. Это я всегда говорилъ.

Анна. Это было, быть можетъ, скорѣе такое напряженное желаніе вернуть тебя на вѣрный путь?

Георгъ. На вѣрный путь?

Анна. Ну да, который я считала вѣрнымъ... И, кромѣ того, мнѣ казалось, что необходимо освободить тебя отъ Ирены.

Георгъ. Какъ?

Анна. Да, отъ Ирены, вѣдь она, въ сущности, даже не понимала тебя...

Георгъ. Въ какомъ смыслѣ? И почему вы думаете, что Ирена...

Эдуардъ. Сказать это тебѣ настоящимъ словомъ? Она просто считала тебя за дурака.

Георгъ. Меня? Ирена меня?

Анна. Вѣдь она же виновата была въ томъ, что ты тогда, тотчасъ послѣ перваго успѣха, пересталъ работать и бросилъ службу, которая, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени обезпечивала тебя.

Георгъ. Она вѣрила въ меня. Она не хотѣла, чтобы я заковалъ свою свободную душу въ тиски поденнаго труда.

Анна. Ну да, но вѣдь ей такъ же хорошо извѣстно было, какъ и намъ, что, несмотря на твою свободную душу...

Георгъ. Ну?

Анна. Ты воздухомъ жить не можешь.

Георгъ. Это вопросъ спорный!

Анна. Еще бы! Какъ бы тамъ ни было, мнѣ казалось, что тебѣ не такая женщина нужна, какъ Ирена. Я такъ хотѣла, чтобы ты окруженъ былъ покоемъ, удобствами, и я боялась, что Ирена не сможетъ тебѣ дать это...

Георгъ. Удобства... покой... развѣ я когда-нибудь этимъ дорожилъ?..

Анна. Мнѣ казалось. И потому я и послѣ того вечера ждала тебя. Я думала, что ты самъ долженъ... но ты не пришелъ. И тогда только я почувствовала стыдъ. Не только за себя, но и за него, за Эдуарда. Да, мнѣ было мучительно стыдно за насъ обоихъ, и я охотнѣе всего желала тогда...

Эдуардъ. Нѣтъ, нѣтъ не говори этого.

Анна. Умереть...

Эдуардъ. Да, она и тогда мнѣ сказала это и лежала передо мной на колѣняхъ... Разумѣется, я сейчасъ же поднялъ ее... и она во всемъ мнѣ призналась, во всемъ. Она разсказала мнѣ и то, чего ты самъ не зналъ, и выплакалась въ моихъ объятіяхъ.

Анна (*улыбаясь*). Да. И потомъ все какъ-то само собою наладилось. Это даже долго не продолжалось. Я даже подумала вскорѣ послѣ того: «хорошо, что онъ не пришелъ,—это было къ лучшему».

Эдуардъ. И она мнѣ письма писала, когда я былъ въ Америкѣ. Ахъ, что это за письма были! Я всѣ сохранилъ. Мы ихъ перечитываемъ иногда. Они лежатъ вотъ въ этомъ ящикѣ. А затѣмъ, нѣкоторое время спустя, она взяла билетъ и отправилась ко мнѣ въ Бостонъ. Да, Георгъ, эта женщина поѣхала за мною въ Америку, такъ сильно она любила меня! (*Пауза*)

Георгъ (*задумчиво*). А если бы я пришелъ тогда, когда вы ждали меня?

Анна. Тогда, вѣроятно, сложилось бы иначе.

Георгъ. Весьма возможно. И подумать только надо, какими опасностями мы окружены, даже не подозрѣвая этого.

Эдуардъ. Какъ это?

Георгъ. Когда я подумаю, что я могъ бы сдѣлаться почтеннымъ отцомъ семейства, сидѣть подъ висячей лампой и распоряжаться прислугой... Нѣтъ, нѣтъ, это для всѣхъ насъ лучше, что я тогда не пришелъ. Я не созданъ для того, чтобы обѣдать за накрытымъ столомъ.

Эдуардъ. Но сегодня ты это сдѣлаешь въ видѣ исключенія.

Георгъ. Что именно?

Эдуардъ. Ты пообѣдаешь съ нами.

Георгъ. О, нѣтъ.

Эдуардъ. Но, смотри, Анна и приборъ для тебя накрыла.

Георгъ. Нѣтъ—я очень прошу васъ: не настаивайте. Я не желаю нарушать свой образъ жизни: я слишкомъ уже старъ для того, чтобы мѣнять свои привычки?

Эдуардъ. Какія привычки?

Георгъ. Я привыкъ — можете смѣяться надъ этимъ—дѣло ваше, обѣдать, когда мнѣ вздумается, подъ открытымъ небомъ, во время экскурсій моихъ, причемъ я ношу обыкновенно обѣдъ съ собою, въ карманѣ.

Мальчикъ *(входитъ)*. Супъ еще не поданъ?

Георгъ. Подожди, милый мой. Сейчасъ подадутъ. Ну-съ, и такъ какъ я и васъ не желаю стѣснять, то честь имѣю кланяться.

Эдуардъ. Ну, Георгъ, что это за фантазія!..

Георгъ (*рѣшительно*). Честь имѣю кланяться.

Эдуардъ (*прочитавъ во взглядѣ Анны совѣтъ не настаивать дольше*). Да, но мы вѣдь увидимся еще?..

Георгъ. Возможно, но не навѣрное,—предоставимъ это случаю. Я не живу по программѣ. И если вы узнаете мой адресъ, имѣйте въ виду, что я формальностямъ никакого значенія не придаю... я отвѣтнаго визита не жду.

Эдурадъ. Да, конечно, разъ ты не желаешь, чтобы у тебя бывали... Вотъ что, другъ мой, прости меня... возможно, что я... у меня теперь нѣкоторыя связи... я могъ бы быть тебѣ полезенъ чѣмъ-нибудь...

Георгъ. Полезенъ? Ты никакъ намѣренъ о мѣстечкѣ для меня похлопотать.

Эдуардъ. Это вовсе не было бы такъ плохо.

Георгъ. Ты, повидимому, никоимъ образомъ примириться не можешь съ моей свободной, независимой жизнью? Ты предпочелъ бы, чтобы я опять сталъ жалкимъ бѣднякомъ, какъ тогда, когда разныя тупицы возлагали на меня какія-то надежды? Но времена тѣ прошли. Когда я былъ бѣденъ, я могъ отдавать вамъ то, чѣмъ обладалъ, теперь я слишкомъ богатъ для того, чтобы расточать свои богатства.

Эдуардъ. Я не говорю о должности въ обыкновенномъ смыслѣ. Но возможно, что при нѣкоторой обезпеченности, ты, даже при самомъ незначительномъ усиліи, даже помимо воли, достигъ бы и славы и богатства.

Георгъ. Слава? Десять лѣтъ, тысяча лѣтъ, десять тысячъ... скажи мнѣ, когда начинается безсмертіе, и я буду домогаться славы. Богатство? Десять гульденовъ, тысяча, милліонъ? Скажи мнѣ, за сколько можно купить весь міръ, и я стану добиваться богатства. Пока же разница между бѣдностью и богатствомъ, между безвѣстностью и славой представляется мнѣ слишкомъ незначительной для того, чтобы стоило для этого палецъ о палецъ ударить. Предоставь мнѣ, другъ

мой, шататься по свѣту и играть людьми. Это единственное занятіе, достойное человѣка моего склада. Прощайте, милые мои; я радъ, что васъ повидалъ. (*Мальчику*). Прощай! Прощай! (*Обращаясь къ Аннѣ и Эдуарду*). Кто знаетъ, чѣмъ суждено быть когда-нибудь этому мальчику... И подумать надо, вѣдь его и на свѣтѣ не было бы, если бы мнѣ въ тотъ вечеръ не пришло въ голову... Вы должны это разсказать ему современемъ, когда онъ сможетъ это понять.

Эдуардъ. Объ этомъ мы еще подумаемъ.

Георгъ. Дитя моего настроенія, право. (*Дѣвушка вноситъ супъ*). Прощайте.

Эдуардъ. Даже ложки супа не скушавъ! Это прямо обидно! Ты уходишь, даже не...

Георгъ. Ну, вотъ что, если вы, во что бы то ни стало, хотите угостить меня чѣмъ-нибудь, позвольте мнѣ поцѣловать моего юнаго тезку (*поднимаетъ мальчика и цѣлуетъ его послѣ паузы*). Мой трогательный поступокъ требуетъ, быть можетъ, комментарій? Дѣло въ томъ—у меня нѣтъ надобности скрывать это отъ васъ—и у меня была когда-то жена.

Эдуардъ. У тебя была жена?

Анна. Ирена?

Георгъ. Да. И ребенокъ.

Анна (*потрясенная*). Сынъ?

Георгъ. Да.

Анна. Гдѣ они?

Георгъ. Жена ушла отъ меня, а мальчуганъ, котораго она оставила мнѣ (*съ притворнымъ хладнокровіемъ*), умеръ. Да. Какъ видите, друзья мои, сама судьба не хочетъ привязать меня къ землѣ земными заботами. Люди моего склада должны быть свободны, если они хотятъ жить полной жизнью. Прощайте. (*Уходитъ*).

Эдуардъ. Георгъ! (*Хочетъ идти за нимъ*).

(*Мальчикъ начинаетъ ѣсть свой супъ*).

Анна. Не надо! Пусть уходитъ! Мы не имѣемъ права лишать его послѣдней отрады.

Эдуардъ (*смотритъ на нее*).

Анна (*подвязываетъ мальчику салфетку*).

Эдуардъ (*подходитъ къ ней, проводитъ рукой по ея волосамъ*).

Анна (*не поднимаетъ глазъ*).

Эдуардъ (*качаетъ головой, выражая этимъ, что понимаетъ ея молчаніе*).

Занавѣсъ.

ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ.

Романъ

Изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока.

(*Продолженіе* *).

VIII.

Воины, сопровождавшіе стадо Мами, погибли еще въ лѣсу подъ ударами враждебныхъ копій, но Чайвунъ отдѣлался легче. Мышеѣды, пропустившіе живыми молодыхъ пастуховъ, были, вѣроятно, расположены даровать и ему временную пощаду, но, увидѣвъ гибель защитниковъ стада, бѣдный пастухъ поднялъ такой громкій крикъ, что одинъ изъ мышеѣдовъ не удержался и бросилъ въ него дротикомъ. Дротикъ былъ направленъ въ голову, но взялъ влѣво и прорѣзалъ Чайвуну своимъ изрубленнымъ лезвіемъ всю щеку. Лицо Чайвуна залилось кровью. Считая себя убитымъ, пастухъ упалъ на землю и лишился чувствъ. Даже голова его погрузилась въ снѣгъ. Воинъ, нанесшій ударъ, подобралъ свой дротикъ и съ уханьемъ побѣжалъ дальше, выпугивая стадо на просторъ. Другіе тоже не обращали вниманія на павшихъ; имъ, въ концѣ концовъ, было все равно, убиты ли они наповалъ ударомъ копья, или погибнутъ черезъ нѣсколько часовъ отъ холода и истощенія въ пустынномъ лѣсу.

Однако, пролежавъ нѣсколько часовъ, несчастный пастухъ очнулся. Кровотеченіе изъ раны, благодаря прикосновенію холоднаго снѣга, прекратилось, въ сущности эта рана, хотя и очень мучительная отъ зубчатаго разрѣза, не была глубока. Теперь силы молодого пастуха возстановились, и онъ почуствовалъ стремленіе удалиться отъ этого ужаснаго мѣста, гдѣ его окружали уже окоченѣвшіе трупы. Нѣсколько времени Чуйвунъ колебался. Стадо, при которомъ онъ провелъ всю жизнь, было въ рукахъ враговъ, и догонять его, значило снова рисковать ударомъ копья или дро-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь 1903 г.

тика. Чайвунъ припомнилъ, что сзади по той же дорогѣ долженъ былъ приближаться Камакъ съ обозомъ. Было необходимо предупредить его о катастрофѣ, чтобы въ своей торопливости онъ не наскочилъ врасплохъ на вѣрную гибель. И въ этой необходимости лежало спасеніе Чайвуна. Онъ рѣшительно повернулъ назадъ и пошелъ по дорогѣ, оставленной только что прошедшимъ стадомъ.

Это было унылое и страдальческое путешествіе и бѣдному пастуху казалось, что ему никогда не будетъ конца. Рана мучительно ныла, и каждый невѣрный шагъ пронизывалъ колющею болью не только голову, но всю грудь и спину. Чайвунъ прикладывалъ къ ранѣ снѣгъ, но ему трудно было нагибаться, чтобы доставать его съ земли, такъ ослабѣлъ онъ отъ боли и отъ потери крови. Къ счастью, дорога послѣ оленей осталась широкая и торная и ему не нужно было, по крайней мѣрѣ, топтаться въ снѣгу. Къ утру онъ пришелъ все-таки на послѣдній ночлегъ стада и присѣлъ отдохнуть у остывшаго огнища, гдѣ еще такъ недавно они весело жарили мясо надъ трескучимъ огнемъ. Онъ даже сталъ рыться рукой среди обгорѣлыхъ головней въ надеждѣ найти здѣсь еще уцѣлѣвшую искру тепла, но зола смѣшалась со снѣгомъ, и сама была холодна, какъ снѣгъ. Онъ подобралъ брошенную кость, начисто обглоданную еще наканунѣ, и попробовалъ погрызть ее, какъ дѣлаетъ голодная лисица на остаткахъ человѣческаго ночлега, но кость была уже начисто обглодана и, кромѣ того, боль въ щекѣ не давала ему дѣлать слишкомъ рѣзкихъ движеній ртомъ.

На тундрѣ быстро стемнѣло, только звѣзды безмолвно глядѣли сверху на несчастнаго путника, сидѣвшаго на пустынной дорогѣ безъ ѣды и огня. Сердце бѣднаго Чайвуна замерло отъ страха. Онъ зналъ, что тундра кишитъ духами, которые собираются по ночамъ на каждомъ безлюдномъ мѣстѣ и никогда не пропускаютъ одинокой добычи, которая сама пришла къ нимъ въ руки. Становилось все темнѣе и темнѣе. Чайвунъ тоскливо переходилъ съ мѣста на мѣсто, но ему все казалось, что кто-то невидимый подходитъ къ нему сзади. Онъ никогда не ночевалъ одинъ въ пустынѣ, вдали отъ оленьяго стада и безъ спутниковъ. Въ худшемъ случаѣ съ нимъ были пара упряжныхъ оленей или собака, а злые духи, какъ извѣстно, боятся животныхъ больше, чѣмъ людей.

Стало такъ темно, что Чайвуну казалось, что мракъ смыкается надъ нимъ, какъ вода, ложится на плечи, какъ огромная одежда. Несмотря на усталость, онъ не могъ заснуть и повторялъ всѣ заклинанія, которыя приходили ему въ голову.

— Вы, надземные и подземные духи,—шепталъ онъ дрожа-

щими устами,—большеголовый Рекке, пожиратель людей, Кочатку съ костяными боками, Ивметунъ, отецъ внезапнаго безумія, и вы другіе, именъ которыхъ я не знаю, слушайте: меня нѣтъ здѣсь, я на морскомъ берегу, залѣзъ въ камень, въ кусокъ краснаго порфира; каждый вѣтеръ меня обвѣваетъ, каждая волна омываетъ лицо—я живъ. И ты, Эврипъ, демонъ колотья, и волчеголовый Дельфинъ отнимающій стада, и женскій птичій демонъ, похищающій дѣтей, слушайте: меня нѣтъ здѣсь; среди моря лежитъ рыба Канакъ, у этой рыбы на спинѣ растетъ трава; я сталъ червякомъ, залѣзъ подъ травяной корень, не вижу свѣтлаго солнца... Я живъ!..

Однако успокоеніе не приходило. Чайвунъ представлялъ себѣ, какъ духи смѣются въ темнотѣ надъ его жалкими попытками перехитрить ихъ, и волосы вставали дыбомъ на его головѣ. Онъ досталъ изъ-за пазухи шкурку горностая, которая служила ему амулетомъ и ревностно сталъ молиться своему животному покровителю.

— Ты, бѣлый тонкій горностай!—говорилъ онъ ему.—У каждаго, кто хочетъ напасть, изгрызи печень, человѣкъ онъ или духъ!.. Ты, проворный щекотунъ, защекочи до смерти всякаго, кто подойдетъ близко, окружи меня морями и ледяными горами, самъ бѣлымъ медвѣдемъ плавай кругомъ, охраняя мой покой»...

Горностай, однако, не показывался и не дѣлалъ ничего. Чайвунъ не могъ больше вытерпѣть. Онъ поднялся на ноги и простирая руки въ темноту, громко произнесъ:

— Вы, духи, сколько васъ тутъ,—я васъ не вижу и не знаю,— вы, ходящіе кругомъ, слушайте. Вотъ я Чайвунъ, сынъ Чувена, пастухъ Камака, я здѣсь передъ вами, жалкая тварь; враги отняли мое стадо, чужое копье разрѣзало мнѣ лицо. Мнѣ холодно, я хочу ѣсть, я ослабъ. Не подходите ко мнѣ близко, ибо я пугливъ. Дайте мнѣ заснуть!»

Послѣ этой чистосердечной рѣчи Чайвуну стало легче; онъ проглотилъ горсть снѣга, чтобъ утолить жажду, и, присѣвъ на кучкѣ хвороста, впалъ въ безпокойную дремоту, часто просыпаясь то отъ боли, то отъ лихорадочныхъ сновъ, гдѣ мышеѣды смѣшивались съ духами; грозный Эврипъ, демонъ колотья, подъѣзжалъ къ нему верхомъ на бѣломъ оленѣ Мами, а Мами боролась съ женскимъ птичьимъ дьяволомъ и нанесла ему ударъ копьемъ въ лѣвую щеку.

Едва только разсвѣло, Чайвунъ опять пустился въ путь. Сонъ подкрѣпилъ его, и онъ чувствовалъ себя свѣжѣе, несмотря на голодъ. Главное, рана окончательно закрылась и болѣла не такъ сильно.

Онъ довольно бодро зашагалъ впередъ по широкой тропѣ

стада и къ вечеру достигъ второго ночлега. Теперь до Чагарскаго поля осталось меньше, чѣмъ половина дороги, и онъ могъ надѣяться, что найдетъ силу дотащиться до живыхъ людей. Его удивляло, что обозъ Камака все еще не попадается навстрѣчу. Иногда мысли его путались и ему казалось, что мышеѣды напали именно на отца Мами и вырѣзали его людей, и что теперь онъ отыскиваетъ свое потерянное стадо. На второмъ ночлегѣ онъ имѣлъ счастье отыскать оленью голову, которую Мами велѣла оставить на жертву духамъ, отъ оленя, зарѣзаннаго къ ужину. Голова не была тронута ни духами, ни песцами, и несчастный странникъ, наконецъ, могъ утолить свой голодъ. Онъ набросился на нее съ звѣриной жадностью. При помощи своего кремневаго ножа, онъ сталъ срѣзывать жесткое мясо щекъ, отдиралъ хрящи и жилы и проглатывалъ въ сыромъ видѣ, не обращая вниманія на вкусъ. Послѣ этой грубой закуски Чайвунъ сразу почувствовалъ себя бодрѣе и подумывалъ даже о томъ, чтобъ двинуться дальше, несмотря на темноту, но потомъ покорился и рѣшилъ ждать утра. Однако, не успѣло даже стемнѣть, какъ пришла вьюга, та самая, которая во второй разъ возбудила опасенія племенъ на Чагарскомъ полѣ.

Вьюга была ужасна. Съ неба валилъ хлопьями влажный, наполовину тающій снѣгъ, который силою вѣтра мгновенно раздроблялся на мелкія частицы и разлетался въ разныя стороны. Воздухъ превратился въ какую-то новую стихію, летучую, какъ вѣтеръ, и мокрую, какъ рѣчная волна, насыщенную холодными брызгами, и переливавшуюся въ темнотѣ, какъ струя водопада. На открытой тундрѣ не было никакого прикрытія. Снѣгъ былъ такъ мелокъ, что въ немъ нельзя было выкопать себѣ убѣжища. Чайвунъ попробовалъ присѣсть въ случайной рытвинѣ между двухъ кочекъ, какъ утомленный заяцъ, но непогода набросилась на него съ хохотомъ и яростью, какъ разнузданная вѣдьма. Подъ пронизывающими снѣжными струями онъ чувствовалъ, что задыхается, одежда его намокла, какъ будто его погрузили на дно рѣки. Холодъ проникъ въ самыя сокровенныя мѣста; онъ чувствовалъ себя какъ будто до нага раздѣтымъ подъ этой предательской метелью и быстро коченѣлъ, облѣпленный и наполовину погребенный въ снѣгу, липкомъ и назойливомъ, какъ волшебный саванъ, внезапно вырастающій на тѣлѣ живого человѣка. Сидѣть на мѣстѣ означало смерть. Отсрочка гибели была въ движеніи. Чайвунъ выползъ изъ своей ямы и поплелся впередъ, машинально ощупывая ногами дорогу, которая выступала наружу, ибо снѣжные сугробы не могли держаться на мѣстѣ и переносились дальше и дальше по направленію вѣтра. Къ счастью, вѣтеръ дулъ Чайвуну сзади и при его помощи онъ подвигался впередъ довольно

быстро. Воротникъ и рукава его измокшей одежды стали подмерзать, ибо, несмотря на мокрую вьюгу, стужа висѣла надъ землей и въ защищенныхъ мѣстахъ сковывала полурастаявшія снѣжныя глыбы въ твердыя плиты, подобныя зернистому мрамору. Чайвунъ почти утратилъ способность страдать отъ боли и холода и все шелъ впередъ, смутно сознавая, что теперь срокъ его жизни связанъ съ продолженіемъ вьюги и что при первомъ ночномъ морозѣ окостенѣвшая одежда закуетъ его еще живымъ въ ледяной гробъ.

Ночь миновала, сквозь вихри снѣжной пыли забрезжилъ разсвѣтъ, сѣрый и призрачный, какъ будто испуганный стихійнымъ разгуломъ мятели, а Чайвунъ все шелъ и шелъ по дорогѣ. Тѣло его одеревенѣло и странное равнодушіе овладѣло его мыслями. Онъ шелъ впередъ по инерціи, подгоняемый вѣтромъ и готовый при первой остановкѣ или препятствіи упасть на землю и замерзнуть.

День кончился; стало смеркаться, открытое поле смѣнилось ивовой порослью; Чайвунъ спустился съ крутого берега на ледъ рѣки, по инстинктивному побужденію остатковъ памяти забралъ влѣво, чтобы не угодить въ полынью. Онъ былъ на Чагарскомъ полѣ, но уже почти не сознавалъ этого, ноги его отказывались идти, иногда онъ падалъ на четвереньки и ползъ впередъ, опираясь о мокрый снѣгъ своими обмерзлыми руками такъ непринужденно, какъ будто это былъ теплый пухъ, потомъ съ усиліемъ поднимался на ноги и шелъ, шатаясь, какъ пьяный и раскачиваясь подъ напоромъ необузданной бури, бушевавшей надъ тундрой...

На стойбищѣ дѣтей Ваата, въ шатрѣ Ватана, стоявшемъ впереди всѣхъ, у самой рѣки, было совершенно темно, ибо, чтобы предохранить его отъ снѣга, женщины заткнули изнутри дымовое отверстіе шкурами. Вьюга налетала съ остервенѣніемъ, точно сердясь за этотъ закрытый входъ; столбы переплета, удерживаемые на мѣстѣ тяжелыми камнями, привязанными къ ихъ подножію, вздрагивали и гнулись... Старый Ваттанъ со вчерашняго вечера не вылѣзалъ изъ спальнаго отдѣленія; онъ былъ такъ огорченъ этой новой бурей, что старался переспать ее и проснуться, когда на тундрѣ станетъ опять тихо. Но Ваттанъ не спалъ и былъ на сторожѣ. Онъ то и дѣло подпиралъ крѣпкими, криво изогнутыми жердями ту сторону, которая была обращена подъ вѣтеръ.

У противоположной стѣны горѣла каменная плошка, наполненная жиромъ. Ваттувій сидѣлъ на корточкахъ передъ огнемъ и что-то шепталъ, но ревъ бури и гудѣнье натянутой оболочки шатра были такъ сильны, что даже въ двухъ шагахъ нельзя было

разобрать ни слова. Вдругъ Ваттувій поднялъ голову и на лицѣ его отразилось напряженное вниманіе. Сквозь вой мятели его изощренный слухъ уловилъ какой-то новый звукъ.

Прошло нѣсколько секундъ; звукъ повторился явственнѣе и что-то тяжелое упало на шатровую стѣну и зашуршало у ея основанія въ наметенномъ сугробѣ.

— Собака! — сказалъ Ваттанъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ; онъ зналъ, что ни одна собака не рѣшится выйти изъ логова и скрестись у стѣны шатра, да еще съ подвѣтренной стороны.

Лицо Яндранги, пожилой тетки Ваттана, которая была хозяйкой шатра, внезапно исказилось отъ ужаса.

— Духъ!—закричала она, пятясь къ спальному пологу, — ставитъ сѣти!—Жители тундры вѣрили, что духи въ сильную бурю ставятъ сѣти подъ полами шатра, чтобы ловить души обитателей.

Ваттувій съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на испуганную женщину.

— Поди, Ваттанъ, посмотри что тамъ!

Ваттанъ, не говоря ни слова, подошелъ къ выходу и сталъ выгребать конецъ шатровой полы изъ-подъ сугроба. Онъ такъ-же мало боялся духовъ съ ихъ сѣтями, какъ приблудшихъ собакъ, и былъ сильно заинтересованъ существомъ, копошившимся снаружи. Онъ осторожно пролѣзъ подъ приподнятой полой; слышно было, какъ онъ ползетъ вдоль стѣны шатра, какъ будто подкрадывается къ загадочному пришельцу; еще черезъ минуту онъ вернулся и втолкнулъ передъ собой въ шатеръ какое-то безформенное существо, покрытое корою обледенѣлаго снѣга, съ лицомъ синимъ, какъ у утопленника, и покрытымъ пятнами крови, и съ растрепанными волосами, на половину примерзшими къ ушамъ. Это былъ Чайвунъ, который, повинуясь неясному инстинкту, свернулъ къ первому шатру, попавшемуся по дорогѣ и припалъ у стѣны, какъ будто стараясь прорваться внутрь сквозь крѣпкую кожу. Онъ былъ почти безъ сознанія и смутно поводилъ кругомъ глазами, рѣсницы которыхъ были залѣплены ледяными сосульками и зрачки какъ будто выцвѣли и вымерзли отъ продолжительной стужи.

Они положили его на шкурѣ и хотѣли перемѣнить на немъ одежду, но воротъ мѣховой рубахи былъ наполненъ льдомъ и мѣстами мѣховая оторочка примерзла къ побѣлѣвшей кожѣ. Сапоги раздулись отъ снѣга и хрустѣли при каждомъ прикосновеніи. Ваттанъ, не долго думая, распоролъ рубаху Чайвуна ножомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и снялъ куски обледенѣлой шкуры, твердой, какъ части разъединенной брони. Онъ съ возможной осторожностью отдѣлилъ лоскутки, примерзшіе къ тѣлу, но мѣстами вмѣстѣ съ ними отстали клочки омертвѣлой кожи, сѣрые и легкіе, какъ

истлѣвшая замша. Освободивъ несчастнаго пастуха отъ его одежды, они принялись усердно растирать все его тѣло снѣгомъ, чтобы возстановить кровообращеніе въ пораженныхъ мѣстахъ. Бѣлыя пятна съѣденной морозомъ кожи оттаяли и побагровѣли. Тѣло Чайвуна покрылось какъ будто слѣдами обжоговъ; отъ невыносимой боли онъ застоналъ и окончательно лишился чувствъ; они покрыли его толстымъ одѣяломъ, опасаясь вносить въ пологъ, гдѣ было слишкомъ тепло для обмороженнаго человѣка. Буря стала стихать, какъ будто спасеніе Чайвуна лишило ея ярость главнаго интереса и подало сигналъ къ отдыху. Обитатели стойбищъ очищали входы и разводили костры, чтобы приготовить пищу. Яндранга подмела снѣгъ, набившійся внутрь шатра сквозь мелкія щели; потомъ изжарила часть мяса и унесла его въ пологъ. Ваттувій вышелъ наружу. Но Ваттанъ остался сидѣть рядомъ съ Чайвуномъ и при невѣрномъ свѣтѣ первобытной лампы упорно смотрѣлъ на неподвижное тѣло, смутно обрисовывающееся изъ подъ тяжелыхъ мѣховыхъ покрывалъ. Онъ старался разгадать катастрофу, которая привела молодого пастуха Мами обратно на Чагарское поле.

Онъ вспомнилъ волковъ, разогнавшихъ въ такую же бурную ночь стадо стойбища Алютъ; конечно, съ Мами могло случиться то же, и одинъ изъ пастуховъ могъ заблудиться на поискѣ и добраться до поля Чагаръ; даже рану на щекѣ Чайвуна онъ пытался объяснить случайностью предполагая, что пастухъ могъ упасть гдѣ нибудь въ лѣсу или въ ивовомъ кустарникѣ и напороться на острый сукъ, тѣмъ болѣе, что зубцы дротика оставили изорванный слѣдъ, не похожій на настоящій порѣзъ... Однако, обмерзшій пастухъ лежалъ безъ памяти и не могъ подтвердить или разъяснить догадокъ молодого оленевода. Ваттанъ сидѣлъ у его постели, чувствуя смутное, но мучительное безпокойство и нетерпѣливо ожидая, когда Чайвунъ придетъ въ себя и скажетъ хоть нѣсколько словъ въ объясненіе драмы, разыгравшейся гдѣ-то далеко на просторѣ тундры съ людьми Камака и съ дѣвушкой, которая, какъ Ваттанъ теперь ясно сознавалъ, была для него дороже семьи и племени и собственной жизни.

IX.

Къ утру непогода совсѣмъ утихла. Солнце взошло на безоблачномъ небѣ такъ спокойно, какъ будто вчерашняя ярость бури была дурнымъ сномъ. Но жители теперь не вѣрили этой предательской измѣнчивости и выходили изъ своихъ берлогъ съ мрачными лицами, отыскивая въ умѣ средства, чтобы окончательно умилостивить Авви и избавить себя отъ его новыхъ капризовъ

Въ душѣ у многихъ шевелилось злобное чувство, ибо своенравный Ракъ слишкомъ часто и прихотливо мѣнялъ свои рѣшенія. Но это была его земля и приходилось подчиняться хозяину. Зато нѣкоторые давали себѣ слово, что они никогда не придутъ къ этому капризному и коварному богу, который пользуется людскими несчастіями и раздорами, чтобы получать отъ нихъ все новыя и новыя жертвы.

Съ наступленіемъ новаго дня Чайвунъ почувствовалъ себя хуже. Обмороженныя мѣста горѣли и нѣкоторыя изъ нихъ превратились въ кровоточивыя раны. Онъ метался и бредилъ, очевидно переживая недавнюю трагедію.

— Рѣжутъ, рѣжутъ!—громко кричалъ онъ.—Убили!..

И онъ обращалъ къ Ваттану безумный взоръ, полный ужаса и смертельной тоски.

Ваттанъ почувствовалъ, что не можетъ больше выносить бездѣйствія. Ужасъ и крики Чайвуна не могли проистекать отъ потери стада. Въ походномъ стойбищѣ Мами, очевидно, произошла какая-то жестокая трагедія. Онъ вспомнилъ трехъ молодыхъ воиновъ, которыхъ Камакъ послалъ охранять Мами, и которые, по обычаю оленеводовъ, являлись кандидатами въ женихи молодой дѣвушкѣ, и жестокая ревность проникла въ его сердце. Ни одинъ изъ нихъ не годился для Мами, но на просторѣ тундры изъ-за отвергнутой любви происходятъ самыя невѣроятныя исторіи. Ваттанъ немедленно далъ себѣ слово сторицей отомстить за каждое оскорбленіе, которое могло коснуться его возлюбленной.

Чайвунъ метался, но все не приходилъ въ себя. Ваттанъ былъ близокъ къ тому, чтобы схватить его за плечи и попытаться силой привести его въ сознаніе, но сдержался и отправился искать помощи Ваттувія въ качествѣ послѣдняго рессурса. Шаманъ возился надъ чѣмъ-то сзади шатра прямо подъ лучами яркаго и уже пригрѣвающаго солнца; онъ сдѣлалъ изъ снѣга подобіе чаши, полилъ ее водой для твердости, потомъ налилъ въ нее густого жиру изъ чернаго мѣха съ ворванью и, приладивъ фитиль на кусочкѣ дерна, зажегъ оригинальную лампу. Было-ли это жертвоприношеніе, или озорство, онъ самъ не зналъ, но удачная выдумка такъ восхитила его, что онъ захлопалъ въ ладоши и сталъ плясать вокругъ снѣжной лампы.

— Откуда пришелъ Чайвунъ?—спросилъ его Ваттанъ, какъ будто надѣясь получить отъ него разрѣшеніе загадки.

Шаманъ насмѣшливо пожалъ плечами.

— Мнѣ нужно узнать,—настойчиво продолжалъ молодой человѣкъ.—Если можешь, разбуди!

Шаманъ утвердительно кивнулъ головой.—Ваттувій великій шаманъ—сказалъ онъ съ важнымъ видомъ,—а ты дуракъ.

Онъ хорошо зналъ, что племянникъ относится равнодушно къ его шаманской силѣ; это обращеніе къ его могуществу очень польстило его тщеславію.

Онъ немедленно вошелъ въ пологъ и, отвернувъ одѣяло, обнажилъ грудь Чайвуна и принялся осторожно растирать ее своими гибкими руками, искусно обходя больныя мѣста; пальцы его быстро взбѣгали отъ ключицъ къ плечамъ больного, ладони слегка похлопывали по его груди и бокамъ, останавливаясь противъ сердца, печени, почекъ. Голова шамана низко склонилась надъ лицомъ больного, и онъ дулъ ему то въ глаза, то въ ноздри и ротъ, бормоча въ промежуткахъ какія-то непонятныя слова. Въ то же время онъ велѣлъ Яндрангѣ сварить въ небольшомъ каменномъ котелкѣ нѣсколько кусковъ лучшаго мяса, какое только было въ запасахъ шатра. Бульонъ поспѣлъ какъ разъ въ то время, когда пассы и заклинанія окончились. Ваттувій вытащилъ изъ-за пазухи мѣшочекъ, досталъ изъ него какое-то твердое вещество и, отщипнувъ ногтемъ кусокъ, величиною въ горошину, опустилъ его въ бульонъ. Въ шатрѣ распространился пряный пахучій запахъ. Ваттувій перелилъ бульонъ въ берестяный ковшикъ и, приподнявъ больного, разжалъ ему зубы при помощи ножа и чрезвычайно ловко принялся вливать ему въ ротъ пахучую жидкость. Бѣдный пастухъ, давно не пившій даже теплой воды, внезапно поднялъ голову и сталъ глотать бульонъ, вливавшійся къ нему въ ротъ. Ваттувій поднесъ ковшикъ ближе, больной припалъ губами къ краю и жадно, не отрываясь, выпилъ все. Глаза его открылись и стали осмысленнѣе, но они попрежнему искали Ваттана и выраженіе тревоги не исчезло, а даже стало интенсивнѣе.

— Спѣшите! — произнесъ онъ чуть слышнымъ голосомъ.— Мышеѣды... отняли стадо, убили людей!.. Спѣшите, отнимите!..

— Мами! — сказалъ Ваттанъ раздирающимъ голосомъ.—Говори!

— Не знаю! — сказалъ больной. — Спѣши! отними! — повторилъ онъ опять и упалъ на шкуры, истощенный усиліемъ.

Ваттанъ выскочилъ изъ шатра, какъ раненый звѣрь, и побѣжалъ по дорогѣ, самъ не зная, куда. Мысль о смертельной опасности, постигшей любимую дѣвушку, соединялась въ его умѣ съ чувствомъ невыносимаго оскорбленія предъ дерзостью мышеѣдовъ, которые во второй разъ совершили нападеніе на посѣтителей ярмарки. Нападеніе, конечно, не могло остаться безнаказаннымъ, ибо Камакъ, хотя и жившій на сѣверѣ, принадлежалъ къ племени оленеводовъ, а они всегда дружно заступались другъ за друга. Ваттанъ подумалъ о молодыхъ людяхъ, которые окружали такой сочувственной толпой Мами во время состяза-

нія въ бѣгѣ и попутное воспоминаніе о собственномъ пораженіи внезапно стало ему отраднымъ. Другой такой дѣвушки не было на всей землѣ отъ Кончана до Ледяного моря и всѣ воины, которые еще способны любоваться на красоту и восторгаться силой, не дадутъ ей погибнуть отъ копья мышеѣдовъ. Потомъ ему пришло въ голову, что, вѣроятно, судьба Мами совершилась и она валяется на тундрѣ, съ грудью, пробитой копьемъ,—добычей воронамъ и песцамъ, и зубы его стиснулись отъ гнѣва. Онъ готовъ былъ немедленно броситься одинъ въ погоню, и даже мысль о гибели враждебныхъ воиновъ не удовлетворяла его; ему нужна была кровь женщинъ и дѣтей, и онъ давалъ обѣщаніе сдѣлать опустошительный набѣгъ на восточную тундру и вырѣзать поголовно всѣ шатры, которые попадутся на поискѣ.

Однако, на полъ-дорогѣ къ ближайшему стойбищу онъ внезапно замѣтилъ, что къ его собственному шатру со всѣхъ сторонъ сходятся люди съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ подумалъ, что вѣсть о возвращеніи Чайвуна и дерзкомъ нападеніи мышеѣдовъ уже успѣла распространиться по лагерямъ, и быстро побѣжалъ назадъ. У дверей его шатра уже собралась толпа и всѣ раздѣлились на группы и оживленно разговаривали. Ваттанъ замѣтилъ, что даже старики пришли вмѣстѣ съ молодыми, и старый Раипъ сидѣлъ на оленьей шкурѣ, брошенной на сани. По бокамъ его стояли два старшихъ внука, пришедшихъ вмѣстѣ съ нимъ на ярмарку. Люди алютъ толпились вокругъ нихъ, ибо Раипъ хотя и былъ родомъ съ внутренней тундры, но давно перекочевалъ къ юго-востоку, и полуприморскіе жители юго-восточной бухты считали его своимъ сосѣдомъ и цѣнили его совѣтъ больше, чѣмъ велѣнія своихъ собственныхъ шамановъ.

Видя такое множество воиновъ, Ваттанъ почувствовалъ свирѣпое одушевленіе. Жажда мести бросилась ему въ голову и совсѣмъ отуманила его. Онъ вскочилъ на высокую крытую кибитку, которая служила для перевозки идоловъ и зажигательнаго прибора *) и обращаясь къ толпѣ, волновавшейся вокругъ, началъ громкимъ и страстнымъ голосомъ, который сразу заставилъ умолкнуть частные разговоры.

— Люди!—сказалъ онъ.—Бродяги, пожиратели мышей, напали на стадо Камака. Воины убиты, олени уведены: хозяйка, дѣвушка Мами...—голосъ его пресѣкся и дрогнулъ,—не знаю, гдѣ...

— Отомстимъ, истребимъ насильниковъ, чтобы бабы на восточной тундрѣ не посмѣялись, что оленные воины отдаютъ своихъ невѣстъ каждому чужеземцу даромъ!..

---

*) Деревянный приборъ для вытиранія огня, до сихъ поръ употребляемый на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи.

Со всѣхъ сторонъ толпы раздались отвѣтные крики и проклятія. Молодые воины одинъ за другимъ выходили съ копьями и луками въ рукахъ и становились возлѣ кибитки; Ваттанъ хотѣлъ соскочить внизъ и заняться приготовленіемъ къ походу, но окликъ изъ группы, стоявшей вокругъ Раипа, удержалъ его. Приземистый черный человѣкъ въ потертой одеждѣ выступилъ впередъ и близко подошелъ къ Ваттану. Это былъ Койгинтъ, приморскій шаманъ изъ племени алютъ, о которомъ ходило много странныхъ и недобрыхъ слуховъ. Онъ принадлежалъ къ чернымъ шаманамъ, ибо приносилъ жертвы только ночью и призывалъ духовъ съ полночной стороны. Говорили даже, что онъ не занимается ни врачеваніемъ, ни предвидѣніемъ будущаго, но создаетъ злыя и разнообразныя порчи, которыя употребляетъ противъ своихъ враговъ или тайно продаетъ людямъ, ищущимъ мести. Еще говорили, что онъ можетъ извести человѣка на двадцать различныхъ способовъ, по лоскуту его одежды, отпечатку ноги на землѣ, тѣни, случайно упавшей на дорогу, и даже по слѣду дыханія, перехваченному въ воздухѣ.

— Авви наказываетъ неблагодарныхъ,—сказалъ онъ рѣзкимъ и злымъ голосомъ, обращаясь къ толпѣ.—Онъ послалъ мышеѣдовъ, пошлетъ и кого-нибудь еще. Какъ бы вамъ понравилось племя съ четырьмя рядами зубовъ во рту и съ четырьмя желудками?..

Толпа всколыхнулась. Койгинтъ, очевидно, имѣлъ въ виду не людей, а злыхъ духовъ.

— Обѣщанное надо отдать...—продолжалъ Койгинтъ,—чтобы не остаться вамъ всѣмъ безъ оленей и безъ людей на стойбищахъ! Смерть придетъ въ ваши шатры, собаки будутъ выть у пустыхъ пологовъ, песцы и волки растаскаютъ кости, вѣтеръ оборветъ лохмотья съ жердей и снѣгъ засыплетъ ихъ до дымоваго отверстія. Вся тундра станетъ пуста!..

Онъ какъ будто сталъ выше и въ мрачномъ экстазѣ простеръ руки передъ толпой, изрыгая свои зловѣщія проклятія.

Ваттанъ слушалъ его съ удивленіемъ, къ которому примѣшался смутный страхъ. Но при этихъ чудовищныхъ угрозахъ, гнѣвъ опять ударилъ ему въ голову и затмилъ все.

— Отсохни твой языкъ!—закричалъ онъ, соскакивая на землю и дѣлая угрожающее движеніе по направленію къ зловѣщему пророку.—Чего ты хочешь, скажи?..

— Дѣвку!—грубо крикнулъ Койгинтъ.—Слышишь ты, кобель?.. Приблудную невѣсту твою!.. Гдѣ ты ее прячешь, давай!

— На что она тебѣ!—внѣ себя кричалъ Ваттанъ; онъ, наконецъ, понялъ, что дѣло опять идетъ о жертвоприношеніи.

— Людоѣдъ, несытое твое горло!

— Мы напоимъ ея кровью Авви!—кричалъ Койгинтъ.— Отдай ее! Гдѣ ты ее прячешь?

— Отдай ее, отдай!—заревѣли люди алютъ; вся толпа, кромѣ воиновъ, перешедшихъ къ кибиткѣ, повторила этотъ крикъ. Мрачное озлобленіе чернаго шамана заразило всѣхъ, какъ ядовитая болѣзнь.

Ваттанъ схватилъ копье и хотѣлъ броситься на Койгинта, но флегматичный Ваттанъ внезапно вышелъ впередъ и отстранилъ его.

— Ты молчи,—сказалъ онъ спокойно и строго,—ибо я хозяинъ въ этомъ жилищѣ!

— Кого вы ищете, люди?—спросилъ онъ обращаясь къ толпѣ,— ту бѣглую, которая прискакала къ намъ на оленѣ, просить гостепріимства, какъ куропатка, испуганная ястребомъ?..

— Отдай ее!—ревѣла толпа.—Отдай добромъ!..

— Мы спросимъ у Раипа,—сказалъ Ваттанъ,—онъ всѣхъ старше, онъ разсудитъ!

Раипъ, до сихъ поръ сидѣвшій безучастно, обвелъ глазами толпу, съ легкой улыбкой остановилъ ихъ на мгновеніе на черномъ шаманѣ, злое лицо котораго выдавалось безобразіемъ даже среди всѣхъ этихъ полудикихъ фигуръ. Потомъ онъ перевелъ ихъ въ другую сторону, гдѣ во главѣ группы молодыхъ людей молчаливо и грозно стоялъ Ваттанъ не выпуская изъ рукъ копья.

— Чего многіе люди хотятъ,—сказалъ онъ, наконецъ, торопливо,—то всегда хорошо. Но я помню, когда я еще не былъ женатъ, на такой же ярмаркѣ пришла великая зараза, половина людей умерла у всѣхъ племенъ; тогда Коченъ, богатый владѣлецъ, самъ себя принесъ въ жертву духамъ!

— Гу!—заревѣла толпа.—Отдайте дѣвку! разнесемъ шатры!

— Берите!—сказалъ Ватантъ, отступая отъ входа.—Съ вами и мудрость, и сила!

Двадцать человѣкъ хлынули въ палатку, но дѣвочки нигдѣ не находилось. Койгинтъ неутомимо шнырялъ изъ угла въ уголъ, перебрасывалъ кучи рухляди, смотрѣлъ подъ полами внѣшняго и внутренняго шатра; Ваттувій стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на него горящими глазами.

— Берегись,—сказалъ онъ ему.—Солнце видитъ. За такимъ дѣломъ надо приходить ночью, при мѣсяцѣ, тайно отъ людей...

— Запрятали!—запальчиво крикнулъ Койгинтъ. —Разнесемъ все!

Онъ яростно схватился за огромную кожаную суму, лежавшую позади спальнаго помѣщенія и наполненную невыдѣланными шкурами.

— Воровать хочешь?—насмѣшливо сказалъ Ваттувій,—сырошкурникъ!

Сосѣди говорили про людей алютъ, что они, встрѣтивъ чужого оленя, сдираютъ съ него живьемъ шкуру и надѣваютъ на себя, какъ рубаху. Но Койгинтъ не обратилъ вниманія на насмѣшку, онъ почувствовалъ, что въ одномъ концѣ сумы что-то мягкое и круглое перекатилось съ мѣста на мѣсто.

— Есть!—заревѣлъ онъ, запуская руку въ кожаное устье сумы.—Вотъ она.

Дѣвочка, дѣйствительно, была здѣсь; она сдѣлала себѣ гнѣздо изъ мягкихъ лоскутьевъ и притаилась, какъ мышь, пережидая дневную суету и дожидаясь ночи. Захваченная врасплохъ, она не думала о сопротивленіи. Тѣло ея повисло въ крѣпкихъ рукахъ чернаго шамана, голова безпомощно перекатывалась съ плеча на плечо. Глаза ея часто мигали предъ яркими солнечными лучами. Взъерошенные волосы были наполнены шерстью. Она, кажется, спала въ своемъ темномъ и мягкомъ гнѣздѣ и не успѣла отдѣлить новыхъ враговъ отъ мышеѣдовъ, которыхъ только что видѣла во снѣ.

— Въ воду, въ воду!—кричала толпа.—Въ полынью!..

— Пойдемъ!..—рѣшительно сказалъ Ваттувій, хватая дѣвочку за плечо.—Пускай будетъ по вашему!..

Койгинтъ хотѣлъ воспротивиться, но Ваттувій не хотѣлъ отступиться.

— Дѣвка наша!—кратко объяснилъ онъ.—И развѣ я не слуга Авви?

Они пришли на берегъ Анапки, волоча за собой полубезсознательную жертву, но бѣлая поверхность рѣки измѣнилась противъ прежняго. Цѣлые пласты льда, подъѣденные снизу быстро текущей водой и придавленные сверху грудами снѣга, наметенными вьюгой, не выдержали и обломились, и полынья далеко протянулась посрединѣ рѣки, однимъ концомъ загибаясь къ берегу.

Плотно утоптанная дорожка, по которой раньше рыболовы ходили къ своему обычному мѣсту, посѣрѣла и стала какъ-то глубже прежняго.

Человѣкъ, шедшій впереди, сталъ пробовать ледъ копьемъ, но костяной наконечникъ свободно проходилъ внутрь. Толпа попятилась. Авви, повидимому, хотѣлъ сыграть надъ ними такую же штуку, какъ лисица въ старой сказкѣ, которая заманила стадо оленей на прорубь, прикрытую вмѣсто снѣга огромнымъ покрываломъ, сшитымъ изъ бѣлыхъ заячьихъ шкуръ.

— Всѣ назадъ!—сказалъ Ваттувій.—Мы одни полѣземъ.

Они выбрали по два длинныхъ и тонкихъ копья и, бросивъ ихъ на ледъ, поползли на четверенькахъ, придерживая между со-

бой жертву и осторожно передвигая впередъ свои гибкія деревянныя опоры.

Народъ стоялъ на берегу и смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Теперь, когда никто не могъ отнять добычу у Авви, многіе чувствовали ужасъ предъ кровавымъ дѣломъ.

— Видишь, тащутъ, какъ собаку!—говорили ватановы бабы, которыя пришли за толпой.

Только часъ тому назадъ онѣ были рады избавиться отъ чужеземки, которая свалилась къ нимъ въ шатеръ, какъ снѣгъ на голову, и все пряталась по темнымъ закоулкамъ. Но человѣческія жертвы были рѣдкостью на тундрѣ, несмотря на непрерывныя взаимныя убійства. Эти воинственныя племена, занятыя вѣчной борьбой, не боялись настолько своихъ мелкихъ и проказливыхъ боговъ, чтобы поить ихъ кровью плѣнниковъ или своихъ собственныхъ дѣтей. Сварливый Авви былъ однимъ изъ самыхъ страшныхъ, но многіе таили на него зло еще съ начала ярмарки и теперь, видя, какъ два шамана волокутъ беззащитную дѣвчонку въ прорубь съ опасностью собственной жизни, не могли удержаться, чтобы не упрекать его вслухъ.

— Несытое брюхо! — кричали они. — На, жри!.. Мало тебѣ утопленниковъ, рыбій сынъ?...

А Койгинтъ и Ваттувій все ползли и ползли впередъ. Черный шаманъ по временамъ закрывалъ глаза и что-то шепталъ. Онъ не хотѣлъ упустить удобнаго случая и произносилъ имена своихъ враговъ, перемѣшивая ихъ съ заклинаніями. Онъ собирался укрѣпить ихъ отпечаткомъ ладони, обагренной свѣжей кровью и приложенной къ снѣгу. Черные шаманы употребляютъ для этого кровь чернаго оленя, заколотаго на жертву солнечному закату, но человѣческая кровь, разумѣется, была гораздо дѣйствительнѣе. Ваттувій двигался впередъ увѣренно и проворно, какъ охотникъ, подбирающійся къ тюленю, заснувшему подъ дыхательной прорубью. По временамъ, когда Койгинтъ закрывалъ глаза, онъ искоса бросалъ на него странный взглядъ, короткій и блестящій, какъ будто именно Койгинтъ былъ искомымъ тюленемъ.

Закраина рыхлаго льда тихо вздрогнула и потихоньку стала осѣдать подъ ногами. Дальше ползти было невозможно. Койгинтъ вытащилъ изъ-за пояса длинный костяной кинжалъ и, повернувъ дѣвочку лицомъ къ проруби, сорвалъ съ нея мѣховой кафтанъ и шаровары. Онъ двигался, какъ могъ, осторожно, чтобы не расшатать зыбкой почвы подъ ногами, но все старался привести тѣло жертвы въ такое положеніе, чтобы кровь брызнула прямо впередъ и достала до открытой воды. Съ кровью изъ смертельной раны выходитъ главная изъ пяти душъ человѣка и было очень важно, чтобы Авви успѣлъ ее подхватить на лету, не то

она могла вспорхнуть вверхъ и лишить Рака самой заманчивой части.

Дѣвочка не сопротивлялась и, подталкиваемая настойчивыми руками шамановъ, послушно приняла желательную позу. Лишенная мохнатой одежды, она внезапно стало совсѣмъ маленькой, и ея тщедушное нагое тѣльце бѣлѣло у полыньи, какъ будто не чувствуя холода и влажнаго льда. Быть можетъ, душа ея уже была подъ властью подводнаго бога, который поторопился укрѣпить за собой еще живую добычу.

— А! — ахнула толпа на берегу. Племянница Ватана даже застонала и поспѣшно закрыла лицо руками.

Рука чернаго шамана поднялась и опустилась внизъ, потомъ опять поднялась, вырывая изъ раны кинжалъ. Дѣвочка внезапно рванулась и опрокинулась назадъ, и струя крови, брызнувшая изъ раны, попала прямо въ лицо Койгинту. Оба приносящіе жертву шамана быстро схватили трепетавшее тѣло и съ силой толкнули его впередъ по гладкому льду.

— Лови!—хотѣлъ крикнуть Койгинтъ, но неожиданный толчокъ въ спину заставилъ его самого подвинуться впередъ, какъ ракета. Онъ попытался схватиться руками за ледъ, но ледъ былъ гладокъ, и только на одномъ мѣстѣ его правая ладонь положила красный отпечатокъ и скользнула мимо. Послышался зловѣщій трескъ. Ваттувій, бросивъ копья, съ нечеловѣческимъ проворствомъ скользнулъ назадъ къ берегу, вытягиваясь по льду, какъ выдра, перебѣгающая между двухъ прорубей. Большая льдина откололась отъ закраины, тихо подвинулась впередъ и вдругъ распалась на части. Бѣлое тѣло дѣвочки на минуту всплыло на поверхности, окрашивая воду тусклымъ краснымъ цвѣтомъ, какъ свѣже убитая нерпа, но Койгинтъ ушелъ на дно, какъ мѣшокъ съ рухлядью, и ни разу не показался. Его спина немного пониже шеи была пробита навылетъ блестящимъ ножомъ, который молодой ительменъ подарилъ Ваттану, и который сегодня съ утра находился въ одномъ изъ невѣдомыхъ тайниковъ на тѣлѣ дикаго фокусника.

— Авви!—закричала толпа въ ужасѣ.

Послѣдняя сцена на льду произошла такъ быстро, что никто не успѣлъ замѣтить удара. Съ берега казалось, что Койгинтъ, увлекаемый неизвѣстной силой, самъ бросился впередъ вслѣдъ за тѣломъ жертвы, и что Ваттувій успѣлъ спастись отъ такой же участи, только благодаря своей сверхъестественной ловкости.

X.

Ваттана и его товаришей не было на берегу. Задыхаясь отъ отвращенія и безсильной злости, витязь бросилъ свой лукъ че-

резъ плечо, подхватилъ копье и бросился по дорогѣ къ стаду. Примѣръ его увлекъ почти всѣхъ молодыхъ людей, которые перешли къ кибиткѣ. Они расхватали арканы и легкія бѣговыя санки и побѣжали вслѣдъ за Ваттаномъ, приводя на ходу въ порядокъ упряжь, которую нужно было надѣть на оленей. Другіе, которымъ не хватило саней, побѣжали на свои стойбища, торопясь изо всѣхъ силъ, чтобы поспѣть вмѣстѣ съ товарищами. Не далѣе, какъ черезъ часъ, кавалькада маленькихъ санокъ потянулась по дорогѣ на сѣверъ. Каждая нарта была запряжена парой крупныхъ оленей съ вѣтвистыми рогами, но сзади сѣдоковъ въ узкихъ грядкахъ не лежало ничего, кромѣ вышитыхъ колчановъ, раздувшихся отъ стрѣлъ; копья подвязанныя внизу, стучали по ребрамъ саней, и снѣжные комья, вылетавшіе изъ-подъ оленьихъ ногъ, со стукомъ ударялись въ твердую кожу панцырей, вываренныхъ въ кипяткѣ и прошитыхъ крѣпкими шнурками изъ ножныхъ жилъ оленя.

Ваттанъ все время ѣхалъ впереди на своихъ бѣлыхъ бѣгунахъ. Онъ не взялъ съ собой панцыря, но передъ отъѣздомъ забѣжалъ домой и переодѣлся въ бѣлое; онъ былъ похожъ теперь на бѣлоодѣтаго Каменьвата, о которомъ саги разсказывали, что нѣкогда, воткнувъ свое копье въ средину рѣчного русла, онъ остановилъ ледоходъ на рѣкѣ Номванъ, чтобы его спутники могли перейти по льду на другой берегъ.

За спиной его на грядкѣ нарты торчалъ лѣвый рогъ громаднаго лука, скорѣе похожаго на самострѣлъ для промысла лосей, чѣмъ, на обыкновенное оружіе. Ваттанъ натягивалъ тетиву ногами и его длинная стрѣла пробивала оленьяго быка насквозь и улетала дальше.

Теперь онъ чувствовалъ себя спокойнѣе и даже соображалъ, довольно ли у него силы, чтобы сразу сокрушить мышеѣдовъ. Онъ съ нѣкоторою горечью думалъ, что ни одинъ собачникъ не захотѣлъ участвовать въ походѣ. Даже Колхочъ не показывался съ утра и безъ сомнѣнія собирался уѣзжать вмѣстѣ съ товарищами и плѣнницей въ обратный путь. Хуже всего было то, что у нихъ не было надежныхъ проводниковъ, ибо Чайвунъ лежалъ безъ памяти, а полуобезумѣвшій отъ горя Камакъ не хотѣлъ бросить обоза, который теперь составлялъ его послѣднее достояніе.

Солнце садилось, на снѣгу ложились длинныя тѣни отъ бѣгущихъ оленей и отъ саней, какъ будто сбоку по землѣ бѣжалъ поѣздъ высокихъ угловатыхъ признаковъ. Вершины холмовъ слѣва отъ дороги зазолотились. Отъ рѣдкихъ деревьевъ поползли другія длинныя тѣни, какъ будто собираясь пересѣчь дорогу поѣзду.

Потомъ солнце сѣло и лѣниво закуталось въ широкій плащъ, который Йенга, заря, заботливо сшила для своего отца изъ олень-

ихъ кожъ, окрасивъ его желтой охрой и каждый день приноситъ ему навстрѣчу.

Легкія тучки протянулись надъ горизонтомъ длинными тонкими полосами, какъ облачный вѣнецъ. То были пушистыя нити мѣхового капора Йенги, который она надвигаетъ на голову, собираясь спать. На горизонтѣ стало темно. Линія холмовъ постепенно растаяла и смѣшалась со мглой. Олени, летѣвшіе безъ дороги по твердому лону тундры, стали спотыкаться. Ваттанъ подумалъ и рѣшилъ остановиться до зари и дать передышку оленямъ.

Онъ приподнялся на сидѣньѣ, осматривая окружающую тундру и стараясь сообразить въ полумракѣ, гдѣ можно было найти лучшее мѣсто для ночлега и пастбища. Справа, на самомъ горизонтѣ, темнѣла широкая низкая полоса, обѣщавшая лѣсъ и воду. Ваттанъ погналъ туда своихъ бѣгуновъ черезъ широкое плоское поле, но когда онъ подъѣзжалъ къ переднимъ тополевымъ кустамъ, изъ чащи раздался собачій лай и между деревьевъ мелькнули искры походнаго костра. Ваттанъ соскочилъ съ нарты и съ копьемъ на готовѣ бросился впередъ, обогнавъ оленей; ему мелькнула было мысль, что онъ уже наткнулся на арьергардъ мышеѣдовъ.

—Унга, Унга!— послышался знакомый голосъ, унимавшій собакъ. У огня копошилась небольшая женская фигура въ короткомъ мѣховомъ кафтанѣ, которую Ваттанъ призналъ за Карриту.

Колхочъ выскочилъ на встрѣчу своему другу и принялся распрягать и стреноживать его оленей, чтобы отпустить ихъ на пастбище.

—Откуда ты взялся?—спрашивалъ удивленный и чрезвычайно обрадованный Ваттанъ.—Я думалъ, ты ушелъ на Кончанъ!...—

Колхочъ покачалъ головой.—Каррита съ Мами сестры, какъ мы съ тобой—сказалъ онъ.

—Правда, Каррита?—обратился онъ на своемъ родномъ языкѣ къ дѣвочкѣ, хлопотавшей у огня.

Дѣвочка что-то сказала, показывая пальцемъ на свою грудь и закрыла глаза, потомъ показала рукой на сѣверъ по направленію дороги мышеѣдовъ и опять закрыла глаза.

—Она говоритъ,—объяснилъ Колхочъ:—если бы не Мами, я бы погибла, а теперь Мами погибаетъ.

Очевидно, подъ вліяніемъ Колхоча, дѣвочка стала довѣрчивѣе и научилась разбирать друзей и помнить ихъ услуги.

—Пускай—глухо сказалъ Ваттанъ.—Многіе еще погибнутъ.—

—Постой! —таинственно сказалъ Колхочъ.—Они здѣсь и слышатъ...

—Пусть слышатъ!—запальчиво возразилъ Ваттанъ, думая, что дѣло идетъ о мышеѣдахъ.

—Не тѣ!—выразительно сказалъ Колхочъ:—а эти... друзья!..—

Онъ жестомъ пригласилъ товарища послѣдовать за собой и сталъ продираться въ кустарникѣ, пролѣзая въ темнотѣ сквозь низко сплетенныя вѣтви, какъ лисица, вышедшая на ночную охоту... Болѣе грузный и непривычный къ лѣсу оленеводъ спотыкался и застрѣвалъ въ тѣсныхъ проходахъ.

—Здѣсь!—сказалъ Колхочъ, останавливаясь на небольшой прогалинкѣ и нагибаясь надъ какимъ то продолговатымъ предметомъ, неясно темнѣвшемъ на снѣгу и похожимъ на обломокъ пня. Ваттанъ тоже нагнулся и провелъ рукой по предполагаемому пню, но невольно отшатнулся назадъ: это было окостенѣлое лицо трупа.

—Не бойся!—сказалъ Колхочъ.—Это воины Мами!

—Я не боюсь!—поспѣшно возразилъ Ваттанъ.

— Нарублю для васъ головъ десятками!—воскликнулъ онъ, нагибаясь къ мертвецу.—Изъ женскихъ косъ сплету вамъ саваны!

— Всѣ трое здѣсь! — сказалъ Колхочъ. — Они призвали сюда моихъ собакъ... Злоба ихъ душъ гонится теперь за мышеѣдами. Страшные помощники для насъ...

Онъ нагнулся и приподнялъ голову трупа.

— Держи! — сказалъ онъ товарищу. — Я сотворю заклинаніе.

Ваттанъ послушно подхватилъ окостенѣлую голову. Колхочъ досталъ ножъ и срѣзалъ у мертвеца двѣ длинныя пряди волосъ, которыя таньги оставляли на своемъ коротко остриженномъ темени.

— Это тебѣ, а это мнѣ, — сказалъ онъ отдавая товарищу одну прядь.—Раздуй ихъ по вѣтру и скажи: каждый волосъ—острога, а мышеѣдъ, какъ рыба,—покойникамъ на ѣду!..

— Теперь не уйдутъ, крѣпко! — спокойно прибавилъ онъ, отправляясь въ обратный путь.

— Такъ сдѣлалъ мой дѣдъ, — пояснилъ онъ, — когда три насильника съ рѣки Апачи убили его брата.

Остальные участники похода уже съѣхались и, распрягая оленей, подходили къ огню. Разсмотрѣвъ своихъ товарищей, Ваттанъ увидѣлъ, что ихъ не такъ много, не болѣе двадцати, между тѣмъ какъ мышеѣдовъ было около сотни, но ему не приходило въ голову сомнѣніе. Теперь, когда въ одинъ переѣздъ они добрались такъ удачно до мѣста катастрофы, онъ былъ увѣренъ, что поискъ окончится успѣхомъ, и что черезъ день или два они настигнутъ враговъ, которые могли подвигаться только очень медленно.

— Скорѣе бы! — поминутно говорилъ онъ себѣ, и рука его тянулась къ копью и ему казалось, что онъ одинъ въ состояніи расправиться съ мышеѣдами, хотя бы ихъ было еще вдвое больше.

По ту сторону рѣки Ваката, на половину оленьяго перехода начинаются горы, которыя отдѣляютъ южныя пастбища отъ сѣверныхъ. Горы эти не очень высоки, но обрывисты и состоятъ изъ ряда цѣпей, протянувшихся другъ за другомъ, какъ морщины на моржовой шеѣ. Мѣстами морщины потрескались и перерѣзались глубокими поперечными складками, которыя извиваются съ перевала на перевалъ, поднимаясь по узкимъ горнымъ ручьямъ и превращаясь въ чуть замѣтныя ложбины, уходящія круто вверхъ къ самому гребню водораздѣла.

Мѣстами ущелья были такъ узки, что едва давали мѣсто пройти кочевому каравану. Съ высоты отвѣсныхъ стѣнъ надъ ними висѣли обвалы, готовые рухнуть внизъ и засыпать неосторожнаго путника; по вершинамъ гребней перелетали снѣжные вихри, готовые подхватить людей и животныхъ и сбросить ихъ съ обрыва въ пропасть, но другой дороги не было, особенно въ западной части по границѣ земли мышеѣдовъ.

Отрядъ Ваттана выѣхалъ съ зарей и мчался по дорогѣ съ прежней быстротой, насколько позволяли неровности дороги. Теперь не могло быть сомнѣнія насчетъ пути хищниковъ, ибо за стадомъ оставался широкій слѣдъ, на твердыхъ мѣстахъ переходившій въ крѣпко натоптанную дорогу. После нападенія мышеѣдовъ не было бури и, кромѣ того, съ часу на часъ слѣдъ становился свѣжѣе, указывая на близость хищниковъ. Колхочъ ѣхалъ впереди, чтобы его собаки не могли видѣть оленей и не надсаживались отъ свирѣпости. Онъ молча и внимательно разглядывалъ горы и что-то думалъ. Наконецъ, онъ остановилъ собакъ и, отведя ихъ въ сторону, опрокинулъ нарту; потомъ укрѣпилъ ее тормазною палкой, чтобы собаки не могли сорвать ее съ мѣста, и сталъ дожидаться товарищей.

— Вся ли дорога такая?—спросилъ онъ, указывая на извилины ущелья, которыя иногда возвращались почти совсѣмъ назадъ и закручивались, какъ спираль.

Ваттанъ кивнулъ головой. — Оттого по ней и ѣздятъ,—сказалъ онъ,—хоть длиннѣе, да ровнѣе.

— А это что за дорога?—спросилъ Колхочъ, указывая на прямую разсѣлину, какъ будто прорубленную въ твердой стѣнѣ тяжелымъ ударомъ топора и круто уходившую вверхъ на вершину ближайшей сопки.

— Это Долгая Щель!—сказалъ Ваттанъ.—По ней и сопка зовется Щелеватая.

— А куда ведетъ она?—спросилъ Колхочъ.

— Туда!—показалъ рукою Ваттанъ.—А тамъ стѣна!—прибавилъ онъ, отвѣчая на нѣмой вопросъ Колхоча.

— А за стѣною что?—спросилъ Колхочъ.

— А за стѣной та сторона,—сказалъ Ваттанъ.

— Ну, такъ полѣземъ на стѣну,—сказалъ Колхочъ. Мы имъ впередъ зайдемъ; такъ вѣрнѣе.

— Тамъ ледъ и очень круто,—сказалъ Ваттанъ.—Наши олени не влѣзутъ.

— Мои собаки влѣзутъ хоть на небо!—сказалъ Колхочъ.— Хочешь, я поѣду одинъ.

Но Ваттанъ уже успѣлъ оцѣнить всю важность предложенія.

— Мы пойдемъ пѣшкомъ.—Сказалъ онъ поспѣшно.—Зайдемъ имъ впередъ. Я имъ покажу, собакамъ.

Въ его головѣ внезапно образовался новый планъ.

Они дождались отряда и послѣ краткаго совѣщанія раздѣлились на двѣ группы. Пятеро наиболѣе проворныхъ оставили своихъ оленей и присоединились къ Ваттану; остальные, привязавъ сзади пустыя нарты, неторопливо поѣхали по дорогѣ, соблюдая крайнюю тишину и внимательно вглядываясь впередъ.

Спѣшившаяся группа свернула въ сторону и, пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, добралась до разсѣлины. Щель дѣйствительно оправдывала свое названіе.

На самыхъ крутыхъ мѣстахъ не держался даже снѣгъ и горный ручей свободно стекалъ съ камня на камень на зло крѣпкому морозу, сохранившему въ горахъ всю суровость зимней стужи. Зато мѣста болѣе пологія были наполнены пластами льда, наслоенными другъ на друга, какъ черепицы, и мокрыми отъ воды, которая постоянно сбѣгала внизъ сквозь ихъ трещины. Даже горные бараны избѣгали этой дороги, лишенной всякихъ слѣдовъ жизни и наполненной мокрыми обломками скалъ и скользскими глыбами предательскаго льда.

Ваттанъ съ товарищами поползли вверхъ, хватаясь руками за камни и помогая себѣ копьями. Для дѣтей тундры, привыкшихъ къ ровному простору, это было трудное и головоломное упражненіе, но молодой ительменъ какъ ни въ чемъ ни бывало перескакивалъ съ камня на камень, слегка придерживаясь за дугу нарты, на которой были сложены луки и колчаны его спутниковъ, и чуть слышно подсвистывая своимъ собакамъ.

По мѣрѣ подъема дорога становилась труднѣе. Наконецъ послѣ пятичасовыхъ усилій, они добрались до верхней стѣны, столь отвѣсной, что, кажется, даже горная куница не могла бы взобраться на ея верхушку.

Колхочъ внимательно осмотрѣлъ стѣну и, подозвавъ товари-

щей, велѣлъ имъ связаться при помощи длиннаго аркана, захлестнутаго за поясъ; такимъ образомъ, онъ составилъ изъ нихъ цѣпь, съ Ваттаномъ впереди. Потомъ онъ досталъ изъ нарты двѣ пары странныхъ гребенокъ, вырѣзанныхъ изъ оленьяго рога и загнутыхъ, какъ крѣпкіе когти. Ительмены называли ихъ чортовыми когтями и употребляли для хожденія по горамъ. Одну пару онъ подвязалъ подъ свои подошвы, другую отдалъ Ваттану.

— Я полѣзу первый,—сказалъ онъ,—вы держитесь за задокъ нарты и помогайте одинъ другому!

— Гай!—крикнулъ онъ на собакъ.—Ошейникъ, гай, гай!

Передовая собака, черная, съ бѣлой полосой вокругъ шеи, оглянулась на хозяина, и, слегка взвизгнувъ, полѣзла вверхъ, увлекая за собой других ъ. Оленные люди съ удивленіемъ смотрѣли на эту еще невиданную картину. Длинная упряжка лѣпилась по скалѣ, пользуясь каждой неровностью и поддерживая и помогая другъ другу при помощи центральнаго ремня, составлявшаго ось упряжки. Колхочъ держался сбоку и осторожно и проворно переползалъ съ выступа на выступъ, еще поддерживая нарту на трудныхъ мѣстахъ.

— Не отставайте!—крикнулъ онъ, не оборачиваясь.

Ваттанъ рѣшительно схватился за задокъ нарты и тоже поползъ вверхъ, увлекая за собою товарищей точь въ точь, какъ Ошейникъ увлекалъ остальную упряжку. Чортовы когти дѣлали его шаги удивительно цѣпкими, и, къ своему собственному удивленію, онъ поднимался шагъ за шагомъ, не отставая отъ собакъ. Руки его лежали на задкѣ нарты, но онъ старался опираться, какъ можно меньше, опасаясь, чтобы не стащить собакъ назадъ съ ихъ головокружительной дороги.

Однако, заднимъ приходилось плохо: съ самаго начала они поползли на четверенькахъ, какъ собаки, сбросивъ рукавицы и хватаясь руками за острые камни, но скользкія подошвы ихъ ногъ постоянно раскатывались; у самаго нижняго ногти были въ крови отъ ожесточенныхъ усилій покрѣпче впиться въ твердую скалу. Въ половинѣ подъема силы его окончательно истощились, большой камень вылетѣлъ изъ подъ его ноги; онъ припалъ грудью къ скалѣ, продержался еще минуту, и потомъ сдвинулся внизъ, какъ оброненный мѣшокъ. Общій ремень натянулся, какъ струна. Товарищи Ваттана, внезапно сбитые съ своихъ непрочныхъ позицій, одинъ за другимъ распластались на скалѣ, неудержимо увлекаемые внизъ. Черезъ минуту нечеловѣческая тяжесть повисла на его поясѣ; онъ зарылъ когти своихъ сапогъ въ щели камней, какъ можно глубже, и крѣпко ухватился за нарту, ожидая, что вся упряжка немедленно свалится ему на голову и всѣ вмѣстѣ слетятъ въ пропасть.

— А-а!..—Колхочъ испустилъ громкій и жалобный стонъ, которымъ ительмены возбуждаютъ собакъ на самыхъ трудныхъ подъемахъ.

Собаки какъ будто обезумѣли; съ визгомъ и лаемъ, высунувъ языки, припадая брюхомъ къ камню и остервенѣло хватаясь когтями за неровности, всѣ двѣнадцать животныхъ на перебой лѣзли вверхъ, увлекая за собой тяжелую человѣческую цѣпь, висѣвшую снизу.

— Ахъ! Ахъ!—вскрикивалъ Колхочъ.

Нижніе почувствовали, что ползутъ вверхъ помимо своей воли, и что выступы камня сами попадаютъ имъ подъ руку.

Черезъ минуту всѣ они оправились и дѣятельно взбирались уже на собственныхъ конечностяхъ. Возбужденіе своры заразило ихъ тоже, и они вытягивались и извивались вдоль каждой маленькой трещины не хуже собакъ.

— Ахъ! Ахъ!—вскрикивалъ Колхочъ.

Странная процессія, какъ гигантскій темный змѣй, свернула немного влѣво и проворно и гибко выползла на бурый и голый черепъ Щелеватой сопки.

Ваттанъ сорвалъ роговые когти и очутился впереди нарты.

— Влѣво!—кричалъ онъ, перепрыгивая съ камня на камень.

Сорвавъ шапку съ головы, онъ размахивалъ ею въ воздухѣ, возбуждая собакъ; онъ забылъ даже объ осторожности и думалъ только о томъ, что они совершили невозможное, и теперь, навѣрное, перейму̀тъ мышеѣдовъ на самомъ верху этого подъема.

Другая сторона перевала сходила внизъ болѣе покато. Небольшой отрядъ свернулъ влѣво и поспѣшно двинулся въ путь по самой вершинѣ гребня, стараясь по возможности не спускаться и желая перерѣзать обычную тропу каравановъ на самомъ высокомъ пунктѣ.

Черезъ два часа они уже были на мѣстѣ. Это было мрачное мѣсто, какія рѣдко встрѣчаются даже въ этихъ унылыхъ и обнаженныхъ горахъ. Ущелье лежало, какъ полуопрокинутое корыто, среди двухъ высокихъ бурыхъ стѣнъ; нижній конецъ его заворачивался почти подъ прямымъ угломъ влѣво, а вверху вилась узкая тропа, огибавшая правый бокъ Щелеватой сопки, какъ полуразогнутая спираль.

Нигдѣ не было видно ни людскихъ, ни оленьихъ слѣдовъ; мышеѣды, очевидно, еще не проходили. Колхочъ помѣстилъ отрядъ на другой сторонѣ подъема за выступомъ сопки, такъ что ихъ не было видно съ дороги и оставилъ вмѣстѣ съ ними собакъ, такъ какъ онѣ могли своимъ визгомъ выдать засаду раньше времени.

— Сторожите нашъ голосъ!—приказалъ онъ оставшимся.

Они вышли съ Ваттаномъ на дорогу и прошли нѣсколько сотъ шаговъ, удаляясь отъ мѣста встрѣчи, потомъ припали по сторономъ тропы, какъ волки на сторожѣ.

XI.

Мышеѣды медленно подвигались впередъ, гоня передъ собой стадо. Они считали себя въ безопасности и не хотѣли торопиться. Дорога была для нихъ праздникомъ. Каждый день они избивали десятокъ быковъ и наѣдались до пресыщенія. Можно было опасаться, что до прихода на тундру стадо наполовину уменьшится. Мами при помощи подпасковъ держала стадо вмѣстѣ, отыскивала пастбища и защищенныя мѣста для ночлега. Она выбирала животныхъ на убой, сберегая упряжныхъ быковъ съ упрямымъ инстинктомъ собственницы, который былъ сильнѣе ея страха и отчаянія. Мышеѣды больше не вязали ей рукъ и оставляли ее ночевать среди оленей, зная, что она никуда не убѣжитъ безъ палатки и саней. Екуйгинъ и Теуль даже стали помогать ей управляться со стадомъ, забѣгая слѣва и справа, какъ дѣлали убитые воины. Но послѣдняя ночь передъ переваломъ принесла ей новую опасность. Рынто, все время съ наглой улыбкой наблюдавшій за ея движеніями, внезапно отыскалъ ся снѣжное ложе и грубо попытался осуществить свое право господина. Дѣвушка, вся въ снѣгу и въ изорванной одеждѣ, вырвалась изъ его рукъ, но Рынто не хотѣлъ отстать. Въ темнотѣ между спавшими оленями началась бѣшеная игра въ прятки. Дѣвушка убѣгала вправо и влѣво, пряталась въ ямахъ и припадала за каменьями, но Рынто снова и снова находилъ ее, руководимый страннымъ чутьемъ, какъ раздраженный самецъ кабарги. Только когда стадо переполошилось, и воины, спавшіе на его опушкѣ, повскакали съ мѣстъ, мышеѣдъ оставилъ въ покоѣ дѣвушку. Утромъ онъ поднялся на ноги раньше всѣхъ и въ первый разъ сталъ торопить воиновъ къ походу. Когда стадо двинулось по дорогѣ, онъ пробрался въ передніе ряды и сталъ подгонять оленей длиннымъ бичомъ, какъ будто помогая пастухамъ, но проходя мимо Мами, онъ каждый разъ, даже не смотря, очень мѣтко попадалъ ей по полуобнаженнымъ плечамъ между наполовину изорванныхъ складокъ широкой мѣховой одежды. Мышеѣды и даже мышеѣдки не обращали на это вниманія. Они ѣхали на похищенныхъ санкахъ, сытые и довольные, и даже какъ будто пьяные отъ приволья своей жизни. Часть воиновъ шла сзади и весело перекликалась съ ѣздоками. Женщины пѣли страннымъ, негромкимъ, какъ будто мурлыкающимъ голосомъ, подставляя слова, какія приходили въ голову и воспѣвая каждый попавшійся на глаза предметъ.

Начался Щелеватый перевалъ. Ихъ веселье увеличилось. За этой каменной грядой лежала широкая Телькенская тундра, въ глубинѣ которой скрывались ихъ стойбища.

Колхочъ и Ваттанъ ждали на вершинѣ горы по другую сторону перевала, по временамъ припадая ухомъ къ землѣ, чтобы уловить отдаленный звукъ.

Наконецъ, снизу долетѣло легкое щелканье, похожее на шелестъ сотенъ небольшихъ и проворныхъ крыльевъ. Это олени, идущіе по дорогѣ, слегка задѣвали нога за ногу задними роговыми пальцами своей широкой стопы. Мурлыкающее пѣніе женщинъ долетѣло, какъ жужжаніе большихъ жуковъ въ густой травѣ; крики пастуховъ раздавались, какъ отдаленное хлопанье бича: «Хакъ! Хакъ! Хакъ!»

Медленно, медленно стадо поднималось вверхъ съ извилины на извилину, приближаясь къ перевалу.

Ваттанъ осторожно выглянулъ изъ-подъ прикрытія, дожидаясь пока голова стада перегнется черезъ гребень и начнетъ вытягиваться по спиральной дорогѣ. Олени теперь уже были близко. Все стадо растянулось, какъ длинная сѣрая лента, нижній конецъ которой еще не вышелъ изъ-за поворота. Колхочъ и Ваттанъ вдругъ выскочили изъ засады и побѣжали навстрѣчу стаду. Ваттанъ размахивалъ арканомъ, описывая имъ длинные волнистые круги въ воздухѣ и испускалъ громкіе гортанные крики, которыми пастухи обыкновенно побуждаютъ стадо повернуть назадъ. Колхочъ размахивалъ копьемъ и тоже кричалъ, подражая товарищу. Испуганные передніе ряды остановились, потомъ повернули назадъ и столкнулись съ задними. Началось смятеніе. Центръ стада продолжалъ подниматься на гору. Вдругъ сбоку выскочила другая засада съ такимъ же шумомъ и криками. Товарищи Ваттана тоже размахивали копьями и арканами; свирѣпая нарта Колхоча врѣзалась съ размаха въ стадо, прямо подъ ноги Екуйгина, который въ остолбенѣніи смотрѣлъ на приближающихся враговъ, убѣжденный, что это горные духи, желающіе отнять у нихъ добычу. Черезъ минуту бѣшенная свора обвила его ремнями и веревками упряжки и, сбившись надъ его истерзаннымъ тѣломъ въ огромный живой клубокъ, стремглавъ покатилась съ горы, громыхая нартой.

Верхняя половина стада, столпившаяся на площадкѣ, въ безумномъ ужасѣ тоже покатилась внизъ, какъ живая лавина. Подпаски и Теуль были мгновенно растоптаны, но Мами, побуждаемая безсознательнымъ инстинктомъ самосохраненія, вскочила на спину новому вожаку стада, высокому пестрому оленю съ бѣлымъ пятномъ на лбу, и, какъ привидѣніе, помчалась внизъ, крѣпко ухватившись за его мохнатую шерсть и сопровождаемая, какъ

почетной стражей, самыми крупными быками, которые всегда держались вмѣстѣ.

Мышеѣды, ѣхавшіе и шедшіе въ хвостѣ стада, не успѣли даже остановиться посмотрѣть вверхъ. Лавина борющихся, фыркающихъ, вскакивающихъ другъ на друга животныхъ накатилась на нихъ, какъ гигантская волна, и раздавила ихъ всѣхъ, какъ осыпь скалы, обрушенная землетрясеніемъ; черезъ минуту стадо прокатилось дальше, на землѣ остались только осколки изломанныхъ нартъ и истоптанные трупы.

Ваттанъ съ товарищами продолжали бѣжать сзади, крича и размахивая копьями. Чтобы не отставать отъ оленей, они падали на спину и по обычаю пастуховъ катились внизъ, поднявъ кверху ноги и дѣйствуя копьемъ, какъ тормазомъ. Мѣховая одежда была такъ скользка, что они стали догонять обезумѣвшее стадо, но на послѣднемъ поворотѣ ихъ неожиданно встрѣтилъ дождь стрѣлъ. Пятеро, воткнувъ копья въ снѣгъ, вскочили на ноги, но одинъ изъ оленныхъ воиновъ, тотъ самый, который взбирался на гору сзади всѣхъ, остался на землѣ, пораженный въ животъ отравленной стрѣлой.

Человѣкъ съ двадцать мышеѣдовъ, которые шли пѣшкомъ сзади поѣзда, успѣли спастись отъ погрома, прижавшись у каменной стѣны въ самомъ углу поворота. Стадо промчалось мимо, почти не задѣвая ихъ. Но вмѣстѣ съ послѣдними оленями катился монументальный Рынто, который, увидѣвъ товарищей, тотчасъ же отскочилъ въ сторону и сдѣлалъ усиліе, чтобы остановиться. Во время катастрофы онъ былъ въ самой головѣ стада и потому не былъ растоптанъ. Кромѣ того, онъ былъ такъ близко къ выскочившей засадѣ, что успѣлъ узнать Колхоча и высокаго Ваттана и сообразить, въ чемъ дѣло. Теперь онъ хотѣлъ отомстить имъ, или въ худшемъ случаѣ подороже продать свою шкуру.

Ваттанъ съ товарищами остановились и посмотрѣли другъ на друга. Ихъ было только пять человѣкъ, и они съ удивленіемъ видѣли, что луки были только у Колхоча и Ваттана, тогда какъ остальные трое въ безпорядкѣ дикаго нападенія забыли свои на собачьей нартѣ. Мышеѣды были безъ шлемовъ и безъ панцырей, которые тоже остались на нартахъ, но съ луками въ рукахъ, ибо эти дикіе воины не разставались съ лукомъ даже ночью. Они стояли всѣ вмѣстѣ и держали наготовѣ свои предательскія стрѣлки, похожія на окостенѣвшихъ змѣй. Ваттанъ и его товарищи невольно отступили назадъ, ища прикрытія. Ваттанъ посмотрѣлъ внизъ, дожидаясь второй половины отряда, потомъ приложилъ пальцы къ губамъ и пронзительно свиснулъ. Эхо громко отозвалось, и удвоенный звукъ покатился внизъ по корытообразному ущелью, но никого не было видно на дорогѣ.

— Ихъ только пятеро!—сказалъ Рынто,—идемъ къ нимъ!..

Они двинулись впередъ снова, заставивъ оленныхъ воиновъ отступить, ибо ядовитыя стрѣлы давали имъ огромное преимущество.

Въ эту критическую минуту наверху стѣны надъ дорогой послышался свистъ и глухой шумъ; градъ каменныхъ обломковъ свалился на голову мышеѣдамъ какъ будто съ неба. Оленные воины тѣсно прижались къ стѣнѣ, избѣгая ударовъ.

— Горные духи съ нами!—кричали они внѣ себя отъ восторга.—Вотъ вамъ, проклятые!

На скалахъ никого не было видно, но камни продолжали прилетать внизъ, убивая человѣка за человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что пораженные ужасомъ мышеѣды падали ничкомъ на землю, предоставляя новымъ врагамъ болѣе замѣтную цѣль. Только огромный Рынто, пробираясь по карнизу у самой стѣны, быстро спускался, собираясь опять ускользнуть. Но Ваттанъ не хотѣлъ никого отпустить невредимымъ. Натянувъ свой огромный лукъ, онъ пустилъ въ убѣгавшаго воина стрѣлу, длиной въ полтора локтя, которая пронизала его насквозь и пригвоздила къ скалѣ.

— Это вамъ за воиновъ Мами,—громко сказалъ Ваттанъ, видя, что всѣ мышеѣды перебиты.

— Идемъ внизъ!—крикнулъ онъ товарищамъ.

На другомъ нижнемъ поворотѣ дороги показался второй отрядъ Пользуясь безпечностью мышеѣдовъ, они такъ приблизились къ нимъ, что ѣхали за ними почти по пятамъ, держась настороже и напряженно прислушиваясь къ малѣйшему шуму впереди. Имъ удалось пропустить стадо мимо себя на самомъ удобномъ мѣстѣ, гдѣ скалы нѣсколько расходились и спускались къ дорогѣ косогоромъ, такъ что, отъѣхавъ въ сторону, они могли смотрѣть на бѣгущихъ оленей сверху внизъ. Они стояли на такомъ видномъ мѣстѣ, что Мами, пробѣгая мимо на своемъ скакунѣ, вдругъ узнала своихъ знакомцевъ съ Чагарскаго поля. Внѣ себя отъ радости, она попыталась направить быка на косогоръ, потомъ вдругъ вскочила обѣими ногами за загорбокъ своего оленя и перебѣжала по сѣрому живому морю колышущихся спинъ съ тою же увѣренностью, съ какой нѣсколько дней тому назадъ балансировала на натянутой шкурѣ.

Оленные воины встрѣтили ее громкими криками, но нельзя было терять времени на разспросы. Нѣсколько человѣкъ поскакали въ догонку за стадомъ. Другіе, посадивъ ее на одну изъ свободныхъ нартъ, помчались вверхъ.

Но когда они пріѣхали на мѣсто послѣдняго побоища, все было уже кончено. Мышеѣды лежали на землѣ, растоптанные копытами и убитые каменьями, а побѣдители уже собирались спускаться внизъ.

При видѣ молодого витязя, который въ другой разъ выручилъ ее изъ опасности, дѣвушка соскочила съ нарты и побѣжала къ нему навстрѣчу.

— Ваттанъ!—сказала она.—Ты самый сильный на тундрѣ. Моя кровь твоя. Стадо и пологъ, душу и жизнь,—возьми, что хочешь...

Радость пробѣжала по лицу молодого оленевода, какъ зарево.

— Ты—моя добыча!—сказалъ онъ, кладя ей руку на плечо.— Отбилъ бы тебя у духовъ, не только у людей!

— Духи съ нами!—напомнилъ одинъ изъ спутниковъ.—Если бы не эти камни, много было бы еще работы надъ мышеѣдами.

Дѣвушка посмотрѣла вокругъ и съ удивленіемъ увидѣла самыхъ сильныхъ воиновъ враждебной стороны, раздавленныхъ обломками скалъ.

— Кто ихъ?—хотѣла спросить она, но вдругъ замѣтило Рынто, который такъ и остался у стѣны, пригвожденный огромною стрѣлою.

Жестокая радость зажглась въ ея глазахъ и, подобравъ копье, валявшееся на землѣ, она подскочила къ своему бывшему притѣснителю такъ быстро, что рука Ваттана упала съ ея плеча.

— Помнишь бѣлаго оленя!—сказала она ему, подойдя ближе и направляя острый наконечникъ прямо ему въ лицо.—Теперь ты нанизанъ, какъ жаркое на вертелѣ...

Рынто былъ еще живъ; онъ взмахнулъ руками, какъ птица съ подбитыми крыльями, и сдѣлавъ отчаянное усиліе, вырвалъ стрѣлу изъ разсѣлины камня, даже сдѣлалъ одинъ колеблющійся шагъ впередъ, по направленію къ дѣвушкѣ. Въ это время вверху послышался тотъ же свистъ, что прежде. Большой камень упалъ прямо на голову послѣднему мышеѣду, раскололъ ее, какъ спѣлый плодъ, и отлетѣлъ въ сторону, обрызганный кровью и мозгомъ. Всѣ подняли головы. На самомъ краю скалы, весь освѣщенный лучами заходящаго солнца, стоялъ Гирканъ. И онъ показался Мами, дѣйствительно, воплощеніемъ горнаго духа, владѣтеля и мстителя этихъ мѣстъ.

Танъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Эта ночь отъ неба до земли
Налита сіяніемъ и снами.
Одинокій хуторъ издали
Ярко свѣтитъ бѣлыми стѣнами.

На тѣни отчетливъ каждый листъ.
Берегись! Какъ правда, тѣнь обманетъ.
Все молчитъ. Лишь перепела свистъ
Влажнымъ боемъ полуночь чеканитъ.

Я иду дорогою степной.
Какъ рѣка, дорога серебрится.
Пролетѣла низко надо мной
На беззвучно-легкихъ крыльяхъ птица.

Я ее не видѣлъ; по землѣ
Только тѣнь скользнула, какъ живая.
Придорожный тополь въ лунной мглѣ,
Точно призракъ, грезитъ, замирая.

Въ эту ночь луна и звѣзды ткутъ
Надъ землей несбыточныя сказки.
Въ эту ночь язвительнѣй солгутъ
Мнѣ твои отравленныя ласки.

Обмани. Лишь правды я боюсь.
Я боюсь возврата къ прежнимъ ранамъ.
Обмани. Я самъ себѣ кажусь
Въ эту ночь сіяющимъ обманомъ.

А. М. Өедоровъ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Историческій очеркъ).

Продолженіе *).

Глава IV.

Служба Тургенева въ государственномъ совѣтѣ.—Департаментъ экономіи.—Адмиралъ Мордвиновъ и его оппозиція министру финансовъ. — Крестьянскія дѣла въ государственномъ совѣтѣ.—Вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ въ розницу и безъ земли въ 1820 году.—Служба Тургенева въ министерствѣ финансовъ.—Канцелярія по кредитной части.—Попытки Тургенева привести въ порядокъ кредитныя дѣла.—Проектъ преобразованія явочныхъ и гербовыхъ пошлинъ.—Выходъ Тургенева изъ министерства. — Переводъ его въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.—Значеніе этого департамента.—Милостивое увольненіе въ отпускъ, знаменательное напутствіе императора Александра.—Отъѣздъ за границу. — Леченіе.—Путешествія. — Вѣсти о 14-мъ декабря.—Привлеченіе къ дѣлу.—Записка Тургенева.—Его осужденіе.

Выше мы упоминали о томъ, что свою службу въ государственномъ совѣтѣ и въ министерствѣ финансовъ Тургеневъ разсматривалъ также, какъ одну изъ формъ дѣятельности на пользу крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Онъ началъ свою службу въ государственномъ совѣтѣ въ департаментѣ экономіи, гдѣ ему пришлось исполнять обязанности статсъ-секретаря въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а затѣмъ былъ переведенъ въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ на ту же должность. Въ департаментѣ экономіи онъ встрѣтился съ знаменитымъ адмираломъ Н. С. Мордвиновымъ, который былъ въ это время предсѣдателемъ департамента и велъ постоянную борьбу съ министромъ финансовъ, пустымъ и тщеславнымъ графомъ Гурьевымъ. Тургеневъ отзывается объ адмиралѣ съ большимъ почтеніемъ и симпатіей, несмотря на то, что во взглядахъ на крестьянскій вопросъ они совершенно не сходились **). Мордвиновъ былъ убѣжденный ари-

---

*) См. „Міръ Божій", № 6, іюнь. 1903 г.

**) Гр. Н. С. Мордвиновъ (род. 1754 г.) вскорѣ послѣ своего производства въ офицеры отправился въ Англію и поступилъ тамъ волонтеромъ во флотъ, гдѣ и пробылъ 3 года. По возвращеніи онъ быстро сдѣлалъ блестящую морскую карьеру; въ 1802 г. былъ назначенъ морскимъ министромъ. Въ 1810 г. онъ сдѣланъ былъ членомъ преобразованнаго государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента экономіи, гдѣ и оставался до 1821 г., а затѣмъ былъ

стократъ либеральнаго образа мыслей. Онъ полагалъ, въ противность Тургеневу, что въ Россіи главный вопросъ не крестьянскій, а политическій, и что Россіи нужно, прежде всего, учрежденіе богатой и независимой аристократіи, могущей сдерживать произволъ бюрократіи. Въ спорахъ съ Тургеневымъ, къ которому Мордвиновъ питалъ полное уваженіе, онъ это выражалъ аллегорически, утверждая, что лѣстницу всегда надо мести сверху, а не снизу. Споры эти, всегда совершенно свободные, очень увлекали собесѣдниковъ. Тургеневъ говоритъ, что, слушая его въ это время, можно было принять его за крайняго защитника абсолютизма: такъ горячо оспаривалъ онъ либерально-аристократическіе взгляды почтеннаго адмирала. «Въ вашихъ глазахъ—говорилъ Тургеневу адмиралъ,—всѣ крѣпостные святые, а помѣщики всѣ тираны».—«Почти что такъ», серьезно отвѣчалъ ему Тургеневъ. Несмотря на эти горячіе споры, во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ притѣсненія крестьянъ помѣщиками адмиралъ почти всегда соглашался съ Тургеневымъ и становился на сторону притѣсненныхъ. Бывали случаи, что Тургеневъ заставлялъ старика измѣнять уже высказанныя однажды мнѣнія, что тотъ впрочемъ и не колебался дѣлать, разъ убѣдившись въ ошибочности своего взгляда. По всѣмъ остальнымъ дѣламъ, поступавшимъ въ государственный совѣтъ, между Тургеневымъ и Мордвиновымъ бывало обыкновенно полное согласіе. Роль департамента экономіи, несмотря на присутствіе въ немъ такого просвѣщеннаго человѣка, какимъ былъ адмиралъ Мордвиновъ, и нѣкоторыхъ другихъ членовъ, не чуждыхъ европейской образованности и обладавшихъ недюжинными способностями, не была, однако же, въ это время велика. Она умалялась тѣмъ незаконнымъ порядкомъ внесенія дѣлъ, который мало-помалу установился благодаря вліянію гр. Гурьева на государя въ финансовыхъ дѣлахъ. Проектируя установленіе новаго налога или какой-либо другой финансовой мѣры и желая избѣгнуть оппозиціи Мордвинова и другихъ членовъ, Гурьевъ испрашивалъ предварительное одобреніе государя, благодаря чему всякая оппозиція становилась безполезной и неудобной, а роль государственнаго совѣта сводилась къ простой регистраціи предъявленныхъ ему указовъ. Такой порядокъ вещей повелъ мало-по-малу къ тому, что всѣ наиболѣе активные и самостоятельныя люди постарались уйти изъ департамента экономіи и самъ Мордвиновъ, взявъ отпускъ, уѣхалъ за границу. По возвращеніи оттуда онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ другого департамента—

переведенъ въ предсѣдатели департамента гражд. и угол. дѣлъ. Его знаменитыя мнѣнія, тщательно имъ собранныя, составляютъ 13 объемистыхъ томовъ. Его біографія написана пр. Иконниковымъ („Гр. Н. С. Мордвиновъ"). О проектѣ его освобожденія крестьянъ и о его мнѣніяхъ по крестьян. вопросу см. В. И. Семевскаго „Крестьянск. вопросъ въ Россіи", т. I, 440 и слѣд. О гр. Д. А. Гурьевѣ см. „Воспом." Ф. Ф. Вигеля, III, стр. 84—87. Въ „Русск. Стар." за 1873 г. (VII, 112) характерное стихотвореніе А. Е. Измайлова объ отставкѣ Гурьева.

гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, куда вскорѣ пришлось перейти и Тургеневу (въ качествѣ статсъ-секретаря).

Послѣ Мордвинова предсѣдателемъ департамента экономіи назначенъ былъ графъ Головинъ. Это былъ большой баринъ, совершенно не обладавшій тѣми познаніями и талантами, которыми обладалъ адмиралъ, притомъ пріятель министра финансовъ гр. Гурьева. Однако же онъ старался быть независимымъ и, какъ свидѣтельствуетъ Тургеневъ, не страдалъ сервилизмомъ. Къ Тургеневу онъ отнесся вначалѣ недовѣрчиво, считая, что онъ слишкомъ преданъ Мордвинову, котораго Головинъ не любилъ; но вскорѣ убѣдившись, вѣроятно, въ добросовѣстности и дарованіяхъ Тургенева, онъ съ полной откровенностью признался ему въ своей неподготовленности и съ благодушной прямотой просилъ не подвести его въ какомъ-нибудь сложномъ и трудномъ вопросѣ. Между ними установились вполнѣ хорошія отношенія, и дѣла пошли попрежнему. Впрочемъ, что касается важнѣйшихъ дѣлъ, каковы бюджетъ, новыя финансовыя мѣры, установленіе новыхъ налоговъ и т. д., то они, пишетъ Тургеневъ, «продолжали тоже попрежнему вноситься въ совѣтъ заранѣе рѣшенными, т.-е. одобренными императоромъ».

Крестьянскія дѣла, доходившія до государственнаго совѣта, разсматривались не въ департаментѣ экономіи, а въ другихъ департаментахъ государственнаго совѣта: дѣла судебныя (тяжебныя и уголовныя)—въ департаментѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, куда Тургеневъ перешелъ лишь впослѣдствіи (не ранѣе 1821 года), дѣла законодательнаго характера—въ департаментѣ законовъ, гдѣ обязанности статсъ-секретаря исполнялъ братъ Николая Ивановича, Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Но когда въ 1820 г. въ государственный совѣтъ внесенъ былъ по высочайшему повелѣнію важный вопросъ о запрещеніи продажи крестьянъ безъ земли, то Н. И. Тургеневу удалось принять въ разработкѣ его очень существенное участіе. Этотъ характерный эпизодъ разсказанъ Тургеневымъ во II-мъ томѣ его книги «La Russie et les Russes», а затѣмъ съ большими подробностями онъ былъ изложенъ В. И. Семевскимъ.

Обсужденіе этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ возникло вслѣдствіе поступившихъ туда записокъ петербургскаго генералъ-губернатора Милорадовича и министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея по поводу обнаруженныхъ около этого времени различныхъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Одинъ помѣщикъ продалъ по-одиночкѣ изъ своей вотчины 20 женщинъ (3 вдовъ и 17 дѣвушекъ) и одну подарилъ, вслѣдствіе чего Милорадовичъ приказалъ взять его имѣніе въ опеку; другой помѣщикъ, покупая по-одиночкѣ дѣвушекъ, составилъ у себя подневольный гаремъ; одна помѣщица, продавъ семью крѣпостныхъ, старшую дочь изъ этой семьи оставила у себя. Милорадовичъ, принимавшій, какъ мы уже видѣли, близко къ сердцу злоупотребленія помѣщичьей властью и какъ разъ около этого времени по-

лучившій и представившій государю изложенную выше записку Тургенева, обратилъ на эти дѣла серьезное вниманіе и сдѣлалъ по поводу ихъ представленіе государю о запрещеніи продавать людей безъ земли и по-одиночкѣ. Въ это время Кочубей довелъ до свѣдѣнія комитета министровъ, куда было передано и представленіе Милорадовича, о злоупотребленіяхъ одной помѣщицы Саратовской губерніи. Комитетъ министровъ препроводилъ записку Милорадовича и Кочубея въ департаментъ законовъ, который отправилъ ихъ въ коммиссію для составленія законовъ. Въ томъ же году государь, будучи на конгрессѣ въ Лайбахѣ, получилъ жалобу крестьянъ, проданныхъ (въ числѣ 50 мужчинъ и 39 женщинъ) безъ земли псковскимъ помѣщикомъ Креницынымъ въ Петербургъ на чугунный заводъ шотландца Берда. Государь приказалъ комитету министровъ сдѣлать «законное положеніе» о помѣщикѣ Криницынѣ; но комитетъ нашелъ, что Криницынъ по нашимъ законамъ могъ поступить такимъ образомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ испросить высочайшее повелѣніе, чтобы государственный совѣтъ какъ можно скорѣе занялся разсмотрѣніемъ существующихъ по этому предмету законовъ. Между тѣмъ, государь твердо увѣренъ былъ, «что продажа людей безъ земли рѣшительно давно уже запрещена» *), и потребовалъ отъ комитета министровъ выписку изъ всѣхъ относящихся сюда законовъ. Въ виду этого, комитетъ министровъ просилъ доставить выписки изъ всѣхъ законовъ по этому предмету коммиссіи составленія законовъ и министра юстиціи. Въ коммиссіи составленія законовъ дѣло это попало къ члену коммиссіи Александру Ивановичу Тургеневу (исполнявшему въ то время обязанность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ), а онъ пригласилъ частнымъ образомъ къ участію въ его разработкѣ Николая Ивановича. Братья Тургенева составили обстоятельную записку по исторіи этого вопроса, въ которой пытались доказать, что продажа крестьянъ порознь и безъ земли никогда не была дозволена нашими законами, и ссылались на попытки прямого запрещенія, дѣлавшіяся императорами Петромъ I и Павломъ I; но такъ какъ прямого закона на этотъ счетъ все же не существовало, то они составили особый законопроектъ, который и былъ внесенъ въ совѣтъ отъ имени коммиссіи законовъ ея пресѣдателемъ кн. Лопухинымъ, бывшимъ въ то же время и предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Въ проектѣ этомъ, въ основу котораго были положены принципы записки Н. И. Тургенева,

*) Въ 1808 г. состоялось запрещеніе торговли людьми на *ярмаркахъ*; еще ранѣе, въ маѣ 1802 года, данъ былъ указъ президенту академіи наукъ о непринимапіи ни отъ кого объявленій для напечатанія въ вѣдомостяхъ относительно продажи людей безъ земли. Эти распоряженія, вѣроятно, казались императору Александру рѣшительнымъ запрещеніемъ продажи людей безъ земли Сравн. Семевскаго н. с. т. I, стр., 241 и 468 и разговоръ Тургенева съ Кочубеемъ (La Russie et les Russes, II, 79).

поданной въ 1819 г. Милорадовичу, предполагалось: дозволить продажу, закладъ и укрѣпленіе крестьянъ не иначе, какъ цѣлыми селеніями, со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ; сдѣлать общую перепись дворовыхъ и запретить впредь брать крестьянъ во дворъ; впредь дворовыхъ приписывать только къ деревнямъ, а не къ городскимъ домамъ, и подати за нихъ платить не крестьянамъ, а самимъ помѣщикамъ; продажу дворовыхъ въ постороннія руки предполагалось допускать не иначе, какъ вмѣстѣ съ селеніемъ, къ которому они приписаны; дворовыхъ, принадлежащихъ дворянамъ, не имѣющимъ собственныхъ деревень, хотя и разрѣшалось приписать на первый разъ къ городскимъ домамъ, но запрещалось ихъ продавать, а позволялось лишь передавать по наслѣдству и въ приданое за дочерьми. Имѣя въ виду, что положеніе крѣпостныхъ всего тяжелѣе у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, коммиссія предложила, чтобы имѣнія въ нѣсколько сотъ душъ не могли быть дробимы при отчужденіи на части менѣе ста душъ, тѣ же, въ которыхъ число крестьянъ уже менѣе этого количества, отчуждались бы не иначе, какъ въ полномъ составѣ. Переселеніе крестьянъ предполагалось разрѣшать помѣщикамъ лишь по представленіи ими удостовѣренія, что въ новомъ мѣстѣ владѣлецъ устроилъ крестьянскіе дома и другія хозяйственныя заведенія, необходимыя для крестьянъ, и что они будутъ пользоваться тамъ не меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ въ прежнемъ мѣстѣ жительства. *Крѣпостныхъ, относительно которыхъ будутъ нарушены установленныя правила, коммиссія предлагала объявлять свободными.* Проектъ оканчивался заявленіемъ, что только изданіемъ такого закона можетъ быть исполнено намѣреніе императора Петра I, причемъ замѣчалось, что если законодательство XIX-го в. не можетъ идти далѣе законодательства XVIII-го столѣтія, то оно «по крайней мѣрѣ не должно отставать отъ него».

Этотъ проектъ встрѣтилъ въ департаментѣ законовъ страстное сопротивленіе адмирала Шишкова, который, будучи, очевидно, хорошо освѣдомленъ о томъ, кто истинные авторы этого проекта, писалъ впослѣдствіи въ своихъ запискахъ: «всякъ изъ насъ почувствовалъ, до какой степени простиралась охота и свобода законодательствовать. Каждый мальчикъ (!) выдавалъ себя за Ликурга и Солона» *). Онъ и въ оффиціально составленной по этому поводу запискѣ отъ лица департамента законовъ писалъ: «Въ то время, какъ почти всѣ государства Европы мятутся, наше любезное отечество пребываетъ и будетъ пребывать въ мирѣ. Это спокойствіе, основанное на славѣ, которою наше отечество покрылось въ послѣдніе годы, не свидѣтельствуетъ ли, что оно пользуется большимъ благоденствіемъ, нежели прочія страны?

*) Слѣдуетъ замѣтить, что Александру Тургеневу шелъ въ это время 36-ой, а Николаю—32-ой годъ, причемъ оба они давно уже занимали высокое служебное положеніе.

Не свидѣтельствуетъ ли оно также о чистотѣ нравовъ, которыхъ до настоящаго времени ничто не возмутило? На что же перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И *откуда* сіи перемѣны? *Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ... сіи подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ!»* *)

На эти нападки коммиссія законовъ представила въ государственный совѣтъ объясненія, гдѣ было высказано, что предложенныя измѣненія настоятельно вызываются неясностью и неопредѣленностью существующаго законодательства, что эти измѣненія не имѣли и не могли имѣть никакой связи съ политическими революціями того времени въ западной Европѣ и что мысль о нихъ не могла быть заимствована изъ тѣхъ странъ, волненія въ которыхъ привлекали тогда общественное вниманіе, т.-е. изъ Испаніи и неаполитанскаго королевства, такъ какъ ни та, ни другая страна не отличались развитіемъ своихъ школъ и особеннымъ просвѣщеніемъ...

Этотъ инцидентъ «наглядно показываетъ,—замѣчаетъ въ своей книгѣ Тургеневъ—каково было тогда въ Россіи положеніе тѣхъ, которые требовали, даже съ одобренія самодержавной власти, самыхъ простыхъ гарантій для несчастныхъ, совершенно лишенныхъ покровительства закона, какимъ подозрѣніямъ и обвиненіямъ подвергались они, желая нѣсколько облегчить ужасное положеніе рабовъ» **).

Эта отповѣдь, подписанная почтеннымъ старцемъ кн. Лопухинымъ, еще болѣе раздражила Шишкова, который продолжалъ бушевать по этому поводу и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Однако, въ общемъ собраніи значительное большинство членовъ оказалось на сторонѣ проекта, и онъ былъ уже принятъ, когда все дѣло рушилось вслѣдствіе неожиданнаго заявленія гр. Кочубея, который предложилъ уже послѣ голосованія, вполнѣ гармонировавшаго съ его собственными взглядами ***), передать проектъ для новаго разсмотрѣнія въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ и канулъ въ Лету.

Такъ неудачно кончились эти попытки двинуть крестьянскій вопросъ хотя бы на путь частичныхъ болѣе или менѣе серьезныхъ улучшеній въ бытѣ крестьянъ.

Во время службы Тургенева статсъ-секретаремъ департамента эко-

---

*) Не имѣя подъ руками текста этой знаменитой филиппики пресловутаго президента россійской академіи, мы вынуждены цитировать по французскому переводу Николая Тургенева и только конецъ цитаты приводимъ по выпискѣ В. И. Семевскаго.

**) „La Russie et les Russes", II, 78.

***) Не говоря о томъ, что Кочубей, участникъ либеральныхъ плановъ начала царствованія Александра, былъ, какъ замѣчаетъ Тургеневъ, человѣкъ просвѣщенный и гуманный, въ данномъ случаѣ онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ возбужденія вопроса.

номіи, ему предложено было министромъ финансовъ принять одновременно должность директора канцеляріи по кредитной части. Тургеневъ, съ университетскихъ лѣтъ занимавшійся вопросами государственнаго хозяйства и финансами, охотно принялъ это предложеніе, несмотря на личную (вполнѣ основательную) антипатію къ министру финансовъ гр. Гурьеву. Усилія Тургенева и здѣсь направились, разумѣется, на защиту народныхъ интересовъ, которые весьма существенно задѣвались въ департаментѣ, ввѣренномъ его управленію. Въ канцеляріи его сосредоточивались всѣ кредитныя дѣла, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, какъ по нашимъ государственнымъ долгамъ и займамъ, такъ и по долгамъ и займамъ различныхъ лицъ, учрежденій и странъ нашему государственному казначейству. Особенный безпорядокъ царилъ въ отношеніи суммъ, выданныхъ въ долгъ различнымъ лицамъ по распоряженію императора. Рѣшено было привести въ ясность эти долги и соединить управленіе ими въ однѣхъ рукахъ съ цѣлью добиться, если возможно, правильнаго ихъ возвращенія въ казну. Заведя для этихъ долговъ особую бухгалтерію, Тургеневъ убѣдился, что общая сумма ихъ превышаетъ 100.000.000 рублей. Онъ попытался установить правильное поступленіе процентовъ и погашенія, но это оказалось невозможнымъ. «Должники,—замѣчаетъ онъ съ грустной ироніей,—которые пользовались у императора достаточнымъ кредитомъ, чтобы получить ссуду, сохраняли этотъ кредитъ въ достаточной мѣрѣ и для того, чтобы уклоняться отъ уплатъ. Въ другихъ случаяхъ въ отношеніи суммъ, ссуженныхъ съ безразсуднымъ стремленіемъ поощрить учрежденіе различнаго рода фабрикъ и мануфактуръ, правительству казалось слишкомъ жестокимъ взыскивать эти ссуды съ фабрикантовъ, почти разорившихся съ своими неудачными предпріятіями. Самыми аккуратными должниками, наиболѣе пунктуально выполнявшими обязательства, были крестьяне, которымъ государь выдалъ въ ссуду четыре или пять милліоновъ рублей для выкупа ихъ на волю...

«Несмотря на явныя потери, которыя казна терпѣла отъ частныхъ ссудъ, просьбы и разрѣшенія ихъ не переставали возобновляться. Тутъ и вліяніе министра оказывалось безсильнымъ. Просители обращались непосредственно къ государю, который не умѣлъ отказывать. Такъ при Тургеневѣ выданы были въ ссуду милліоны князю Разумовскому, бывшему послу въ Вѣнѣ, подъ весьма недостаточное обезпеченіе его земель. «Въ этотъ разъ—замѣчаетъ Тургеневъ—по крайней мѣрѣ было установлено прямо, что взносъ процентовъ и погашеніе долга должно начинаться лишь послѣ смерти заемщика...»

Тургеневъ приводитъ курьезные примѣры уловокъ, на которыя пускались различныя лица, чтобы получить ссуду. Такъ однажды ему были переданы одновременно два письма одной и той же важной барыни, которая, желая получить въ ссуду два милліона рублей, написала письмо государю съ большимъ достоинствомъ и гордостью, со-

отвѣтственной обычной манерѣ, съ какою она держала себя въ свѣтѣ; но къ министру она же писала не только въ почтительныхъ, а прямо въ унизительныхъ выраженіяхъ. Очевидно ловкая барыня писала каждому въ томъ тонѣ, который вѣрнѣе обезпечивалъ ей успѣхъ.

Любопытныя свѣдѣнія приводитъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ, какъ министръ финансовъ распоряжался съ суммами контрибуціи, которую въ это время Франція выплачивала Россіи. Онъ былъ очень внимателенъ и неравнодушенъ къ срокамъ этихъ поступленій, потому что они поступали въ чрезвычайный доходъ, не входившій въ смѣну государственныхъ доходовъ и расходовъ. «При болѣе благоразумномъ государственномъ хозяйствѣ—замѣчаетъ Тургеневъ—онъ шелъ бы на удовлетвореніе какихъ-либо чрезвычайныхъ нуждъ государства, напр. на покрытіе издержекъ войны, какъ въ Австріи. Но, къ сожалѣнію, я видѣлъ, что онъ употреблялся на текущіе расходы, чтобы заткнуть дыры, которыя образовывались въ бюджетѣ изъ-за удовлетворенія различныхъ капризовъ или просто маніи расходовать. Такъ значительную часть этихъ суммъ употребили на покупку сукна въ Англіи для императорской гвардіи, другая часть была употреблена на украшеніе арміи польскаго королевства и города Варшавы. Въ общемъ, русская казна выплачивала ежегодно на этого рода предметы польской казнѣ семнадцать милліоновъ рублей» *). Въ результатѣ такого хозяйничанья графъ Гурьевъ палъ, когда поступленія изъ Франціи прекратились, а между тѣмъ потребовались деньги на помощь голодавшимъ въ Смоленской губерніи вслѣдствіе неурожая крестьянамъ.

Независимо отъ управленія кредитной канцеляріей, въ бытность Тургенева въ министерствѣ финансовъ ему поручались спеціальныя законодательныя работы, ради которыхъ онъ и поступилъ туда главнымъ образомъ. Въ этихъ работахъ онъ всегда старался такъ или иначе выдвинуть крестьянскій вопросъ и интересы крѣпостныхъ крестьянъ. Выдающимся примѣромъ такой работы являлся составленный имъ проектъ преобразованія явочныхъ пошлинъ и гербоваго сбора. Въ основаніе этого проекта имъ были положены тѣ же идеи современной экономической науки, которыя онъ развивалъ въ своемъ «Опытѣ теоріи налоговъ»; но наиболѣе любопытной чертой проекта являлась, конечно, та его часть, къ которой Тургеневъ пристегнулъ свои освободительныя идеи. По прежнему уставу при продажѣ имѣній пошлины исчислялись соотвѣтственно числу душъ крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежавшихъ къ имѣнію. Указавъ на грубость и неуравнительность этой оцѣнки, Тургеневъ, котораго возмущала именно неизбѣжность оцѣнивать человѣческія души, доказывалъ въ своей запискѣ необходимость болѣе

*) „La Russie et les russes“, I, 102. Въ царствѣ польскомъ былъ въ это время конституціонный режимъ, который препятствовалъ производству подобныхъ расходовъ изъ казначейства царства польскаго.

правильной оцѣнки имѣній при помощи кадастра. Онъ указывалъ при этомъ весьма основательно на тѣ неудобства, которыя возникаютъ вслѣдствіе оцѣнки имѣній единственно по числу душъ. При такой оцѣнкѣ приходится игнорировать совершенно спеціальныя выгоды каждаго имѣнія и оцѣнивать всѣ имѣнія по цѣнности наименѣе доходныхъ, потому что въ противномъ случаѣ владѣльцамъ самыхъ малодоходныхъ имѣній пришлось бы платить налогъ, несоразмѣрный ихъ стоимости. Вслѣдствіе этого обстоятельства правительство при подушной оцѣнкѣ лишало себя возможности обложить повышенной пошлиной болѣе доходныя имѣнія, что значительно уменьшало его доходъ отъ явочныхъ и гербовыхъ пошлинъ. Съ другой стороны, наличность правильной оцѣнки имѣній дала бы возможность и кредитнымъ учрежденіямъ принимать ее въ разсчетъ при залогѣ имѣній, обходясь безъ новыхъ спеціальныхъ оцѣнокъ и другихъ затруднительныхъ и дорого стоющихъ формальностей. Лично Тургеневу представлялось особенно важнымъ замѣнить подушную оцѣнку имѣній хотя бы самымъ поверхностнымъ кадастромъ, потому что онъ считалъ это первымъ шагомъ къ замѣнѣ подушной подати подоходнымъ или поземельнымъ налогомъ; введеніе котораго значительно облегчило бы по его разсчету паденіе крѣпостного права, сдѣлавъ его безполезнымъ въ фискальномъ отношеніи. Въ этомъ соображеніи и заключался главный побудительный поводъ, заставлявшій Тургенева довольно детально разработать этотъ вопросъ. Понимая, однако, что при тогдашнихъ средствахъ правильный кадастръ былъ совершенно невозможенъ, потому что онъ растянулъ бы все дѣло на безконечное число лѣтъ, Тургеневъ придумалъ весьма остроумную мѣру, которая могла въ значительной степени его замѣнить. Онъ предложилъ учредить особые губернскіе оцѣночные комитеты изъ делегатовъ землевладѣльцевъ съ однимъ лишь правительственнымъ чиновникомъ въ интересахъ надзора за правильностью дѣйствій этихъ комитетовъ. Каждый помѣщикъ долженъ былъ самъ доставлять комитету матеріалы для оцѣнки его имѣнія, требовать въ извѣстныхъ случаяхъ экспертизы на мѣстѣ, участвовать въ обсужденіи представленныхъ данныхъ и выражать свое согласіе или несогласіе на сдѣланную комитетомъ оцѣнку. Такая оцѣнка могла бы служить одинаково основаніемъ и для исчисленія явочныхъ и гербовыхъ пошлинъ при переходѣ имѣнія въ другія руки и для опредѣленія величины ссуды, которая можетъ быть выдана подъ каждое имѣніе кредитными учрежденіями. Это двоякое значеніе оцѣнокъ должно было гарантировать, по мнѣнію Тургенева, правильность показаній, потому что если помѣщикамъ выгодно было бы умалить цѣнность имѣнія при исчисленіи пошлинъ, то, наоборотъ, имъ взамѣнъ этого выгодно было бы ихъ преувеличить при опредѣленіи величины ссуды, какая можетъ быть выдана подъ залогъ имѣнія. Министръ финансовъ не рѣшился, однако, отступить въ этомъ случаѣ отъ рутины, и эта часть проекта Тургенева не была даже пред-

ставлена въ государственный совѣтъ. Весь же проектъ подвергнутъ былъ пересмотру другого чиновника, которому это было поручено тайно отъ Тургенева; затѣмъ проектъ разсматривался въ совѣтѣ министра, куда Тургеневъ не былъ приглашенъ. Это послѣднее обстоятельство вынудило Тургенева отказаться отъ службы въ министерствѣ финансовъ, что онъ и сдѣлалъ немедленно, къ удивленію министра, не привыкшаго къ такой щепетильности со стороны своихъ подчиненныхъ, и остался лишь статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Когда же проектъ, составленный министерствомъ на основаніи матеріаловъ, разработанныхъ Тургеневымъ, поступилъ въ государственный совѣтъ, Тургеневъ отказался его докладывать въ департаментѣ въ устраненіе всякихъ нареканій со стороны министерства. Поэтому критику на проектъ написалъ самъ адмиралъ Мордвиновъ. Однако, въ общемъ собраніи Тургеневъ счелъ уже неудобнымъ отказываться прочесть журналъ соединенныхъ департаментовъ, разсматривавшихъ проектъ, и прочелъ этотъ журналъ, редактированный Мордвиновымъ по обыкновенію во враждебномъ министерству финансовъ духѣ, въ присутствіи самого гр. Гурьева. Проектъ провалился, такъ какъ большинство членовъ совѣта согласились съ доводами адмирала; но взбѣшенный неудачей Гурьевъ приписалъ всѣ это интригамъ Тургенева и принесъ на него жалобу государю. Государь передалъ разсмотрѣніе этого проекта особой коммиссіи изъ Аракчеева, Сперанскаго и еще нѣкоторыхъ лицъ, и проектъ былъ утвержденъ вопреки мнѣнію государственнаго совѣта; Тургеневъ же получилъ выговоръ. Ему государь велѣлъ черезъ государственнаго секретаря сказать, «что онъ очень имъ недоволенъ, что у него большой запасъ терпѣнія, но что и оно можетъ истощиться». Тургеневъ отвѣчалъ на это, что онъ тотчасъ же представитъ оправдательную записку. Черезъ два дня записка была доставлена къ государю. Неизвѣстно, какое оно произвела впечатлѣніе; но немного времени спустя Тургеневъ былъ переведенъ изъ департамента экономіи въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Если принять во вниманіе, что государь получилъ уже въ это время донесеніе генерала Бенкендорфа, въ которомъ Тургеневъ выставленъ былъ крайнимъ якобинцемъ и революціонеромъ, мечтавшимъ о гильотинѣ, то нельзя не признать, что обстоятельства складывались не особенно благопріятно для Тургенева и что императору Александру дѣлаетъ большую честь тотъ фактъ, что, несмотря на всѣ клеветы и извѣты, онъ не поколебался оставить Тургенева въ должности статсъ-секретаря государственнаго совѣта.

Переводъ въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ могъ быть Тургеневу только пріятенъ. Во-первыхъ, департаментъ экономіи, въ виду особаго порядка внесенія въ него финансовыхъ вопросовъ, былъ въ это время низведенъ до степени инстанціи, лишь регистрирующей финансовыя мѣры всякаго рода. Во-вторыхъ, въ департаментѣ

гражданскихъ дѣлъ онъ становился вновь въ прямыя отношенія къ адмиралу Мордвинову, къ которому онъ чувствовалъ неизмѣнное уваженіе, и въ-третьихъ—и это для него было самое главное—въ департаментъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ поступали всѣ доходившія до государственнаго совѣта дѣла по спорамъ между помѣщиками и крестьянами и по дѣламъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью.

Тургеневъ имѣлъ утѣшеніе говорить впослѣдствіи, что за его время въ государственномъ совѣтѣ не было случая, чтобы крѣпостные, отыскивавшіе свободу, проиграли свое дѣло, или чтобы помѣщикъ, виновный въ злоупотребленіи властью, остался безнаказаннымъ. Въ этомъ случаѣ крестьяне находили неизмѣнно въ Тургеневѣ такого краснорѣчиваго и хорошо вооруженнаго защитника своихъ интересовъ, что даже старикъ Мордвиновъ, въ принципѣ не соглашавшійся съ нимъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ обыкновенно убѣждался его доводами. Тургеневъ признается въ своихъ воспоминаніяхъ, что при томъ хаосѣ въ законахъ, какой существовалъ до изданія свода законовъ, въ подобныхъ дѣлахъ многіе прежде, чѣмъ установить законное основаніе для рѣшенія дѣла, старались изъ обстоятельствъ дѣла выяснить себѣ, на чьей сторонѣ правда, а затѣмъ уже подыскивали въ подтвержденіе рѣшенія тотъ законъ, какой имъ казался наиболѣе подходящимъ къ данному случаю. Тургеневъ, который понималъ, конечно, безобразіе такого порядка съ точки зрѣнія права, самъ однако же прибѣгалъ къ нему каждый разъ, когда дѣло касалось отысканія свободы отдѣльными крестьянами, а иногда и цѣлыми общинами. Въ дѣлахъ о злоупотребленіи помѣщичьей власти Тургеневу больше всего приходилось спорить съ Мордвиновымъ, который былъ обыкновенно противъ суровыхъ мѣръ въ отношеніи провинившихся помѣщиковъ. Въ этихъ-то случаяхъ онъ и говаривалъ съ упрекомъ Тургеневу, что для него всѣ крѣпостные святые, а всѣ помѣщики тираны. Тѣмъ не менѣе Тургеневу всегда удавалось подобрать путемъ дѣятельной пропаганды своего взгляда большинство въ общемъ собраніи совѣта въ пользу самыхъ суровыхъ мѣръ обузданія помѣщичьяго произвола; а однажды онъ добился, вопреки мнѣнію почти всѣхъ членовъ совѣта, пересмотра одного такого дѣла, касавшагося какого-то отставного генерала, учинявшаго въ своемъ имѣніи невообразимыя жестокости. Тургеневу помогъ въ этомъ Е. Ф. Канкринъ, который и пошелъ въ данномъ случаѣ противъ мнѣнія всѣхъ остальныхъ членовъ; мнѣніе Канкрина, основанное на доводахъ Тургенева, было утверждено государемъ и такимъ образомъ восторжествовало.

Мордвиновъ вскорѣ ушелъ изъ предсѣдателей департамента, и Тургеневу пришлось имѣть дѣло опять съ новымъ предсѣдателемъ. Это былъ князь Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроромъ при императорѣ Павлѣ. Ничего общаго между этимъ жестокимъ и фальшивымъ царедворцемъ, не имѣвшимъ за душой никакихъ возвышенныхъ взглядовъ

и идей, и Николаемъ Тургеневымъ быть не могло. Но тѣмъ не менѣе отношенія между ними сложились удовлетворительныя. Куракинъ скоро оцѣнилъ дарованія и знанія Тургенева и понялъ, что можетъ вполнѣ на него положиться, а Тургеневъ нашелъ въ Куракинѣ совершенно для себя неожиданно ревностнаго защитника крестьянскихъ интересовъ. Это легко объяснялось тѣмъ, что Куракинъ во всѣхъ дѣлахъ руководствовался не своими взглядами, а соображеніемъ, какое произведетъ впечатлѣніе то или иное рѣшеніе на государя, а такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Александръ Павловичъ всегда будетъ склоняться на сторону притѣсненныхъ крестьянъ, то онъ и голосовалъ неизмѣнно въ ихъ пользу.

Въ 1823 г. Тургеневъ сталъ чувствовать переутомленіе; доктора рекомендовали ему отдыхъ; къ тому же ему хотѣлось присмотрѣться къ заграничнымъ и въ особенности англійскимъ судебнымъ порядкамъ въ виду предполагавшейся тогда судебной реформы. Поэтому онъ придумалъ просить себѣ назначеніе въ генеральные консулы въ Лондонъ—должность, которая, какъ онъ узналъ, вскорѣ должна была освободиться, и на которую ему удобно было проситься, такъ какъ она была ниже той, которую онъ занималъ. По совѣту Сперанскаго, съ которымъ ему пришлось передъ тѣмъ вмѣстѣ работать нѣкоторое время надъ редактированіемъ проекта торговаго устава, Тургеневъ обратился по этому поводу съ письмомъ непосредственно къ государю. Государь отвѣчалъ, однако же, черезъ Аракчеева, что Тургеневъ ему необходимъ въ государственномъ совѣтѣ, и что если ему недостаточно того жалованія, которое онъ получаетъ, то пусть проситъ прибавки: отказа не будетъ. «Его Величество,—сказалъ Аракчеевъ,—готовъ для васъ на всякія пожертвованія». Тургеневъ, шокированный такимъ оборотомъ дѣла, просилъ доложить государю, что онъ останется согласно его волѣ въ государственномъ совѣтѣ, но что онъ вовсе не о деньгахъ думалъ, когда возбуждалъ свое ходатайство, а о постѣ генеральнаго консула. Государь, получивъ этотъ отвѣтъ черезъ Аракчеева, остался имъ, видимо, доволенъ, о чемъ Тургеневъ узналъ спустя нѣсколько дней черезъ Сперанскаго...

Тургеневъ принялся съ прежнимъ усердіемъ за дѣла; но черезъ годъ разстроенное здоровье опять заставило его просить временнаго увольненія отъ дѣлъ, такъ какъ доктора настоятельно требовали отдыха и предписывали ему поѣздку въ Карлсбадъ. Тургеневъ на этотъ разъ обратился уже не непосредственно къ государю, а подалъ формальное прошеніе по начальству. Но государь опять послалъ ему свой отвѣтъ черезъ Аракчеева. На этотъ разъ онъ милостиво увольнялся въ отпускъ на неопредѣленное время съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ сохраненіемъ содержанія и денежнымъ пособіемъ на путешествіе. При этомъ Аракчеевъ передалъ Тургеневу слѣдующія знаменательныя слова государя: «Государь императоръ при-

казалъ мнѣ передать вамъ слѣдующій совѣтъ, который онъ вамъ даетъ не какъ государь, а какъ христіанинъ: будьте осторожнѣе за границей. Вы тамъ не избѣжите встрѣчи съ людьми, которые исполнены революціоннымъ духомъ; они постараются васъ увлечь. Не довѣряйте этимъ людямъ и будьте осмотрительны» *).

Въ апрѣлѣ 1824 года Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга, не предчувствуя, что ему не суждено будетъ возвратиться туда въ теченіе цѣлыхъ 33 лѣтъ. Онъ отправился сперва по совѣту врачей въ Карлсбадъ и, пройдя тамъ полный курсъ леченія минеральными водами, на зиму переѣхалъ въ Италію, гдѣ отдыхалъ, спокойно наслаждаясь климатомъ и красотами южной природы. Лѣто 1825 года врачи опять предписали ему провести въ Карлсбадѣ. По дорогѣ туда онъ получилъ въ Дрезденѣ письмо отъ новаго министра финансовъ Е. Ф. Канкрина, котораго онъ зналъ по государственному совѣту и искренно уважалъ за его умъ и всѣмъ извѣстную честность; Канкринъ предлагалъ въ этомъ письмѣ Тургеневу мѣсто директора департамента торговли и мануфактуры, предупреждая его, что онъ разсчитываетъ на его помощь при выработкѣ цѣлаго ряда реформъ, которыя онъ задумалъ. Онъ прибавлялъ при этомъ, что государь разрѣшилъ ему сдѣлать Тургеневу это предложеніе съ тѣмъ, чтобы Тургеневъ не покидалъ своихъ обязанностей и въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ его участіе императоръ считалъ необходимымъ. Предложеніе Канкрина для Тургенева не было неожиданностью, такъ какъ Канкринъ, назначенный министромъ не задолго до его отъѣзда, приглашалъ его къ себѣ еще въ Петербургѣ и, хотя тогда не сдѣлалъ ему никакого опредѣленнаго предложенія, но черезъ другихъ сообщилъ ему, что онъ на него разсчитываетъ и что его настоящее мѣсто въ министерствѣ финансовъ. Однако, какъ ни уважалъ Тургеневъ Канкрина и какъ ни склоненъ онъ былъ къ разработкѣ финансовыхъ вопросовъ, онъ рѣшилъ отклонить предложеніе министра, будучи въ принципѣ несогласенъ со многими предположенными имъ начинаніями въ духѣ протекціонизма, о которыхъ Тургеневъ зналъ еще въ Петербургѣ.

Изъ Карлсбада Тургеневъ проѣхалъ въ Парижъ, посѣтивъ по пути въ Нассау сильно состарѣвшагося барона Штейна, къ которому онъ не переставалъ питать чувства самаго глубокаго уваженія. Въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ узналъ о смерти императора Александра, а затѣмъ и о катастрофѣ 14 декабря. Пораженный этимъ событіемъ, онъ совершенно не думалъ однако, что оно можетъ близко коснуться его собственной судьбы. «Въ январѣ 1826 года— пишетъ Тургеневъ въ своихъ мемуарахъ — я уѣхалъ въ Лондонъ, и тамъ ничто не нарушало моего спокойствія. Лишь въ Эдинбургѣ я узналъ, что я привлеченъ къ дѣлу, начатому по поводу декабрьскаго

*) „La Russie et les Russes“, I, 124.

возмущенія. Узнавъ эту новость, я поспѣшилъ написать объяснительную записку относительно моего участія въ секретныхъ обществахъ и отправилъ ее въ Петербургѣ по почтѣ» *).

Въ этой запискѣ Тургеневъ высказалъ свой взглядъ на сущность того тайнаго общества, къ которому онъ принадлежалъ (союза благоденствія), и описалъ, какъ оно дѣйствовало, или, правильнѣе сказать (если имѣть въ виду это его показаніе) бездѣйствовало, и какъ оно было закрыто. Затѣмъ онъ категорически отрицалъ всякое участіе свое во всѣхъ иныхъ тайныхъ обществахъ, указывалъ на свое продолжительное отсутствіе и утверждалъ, что за все время своего пребыванія за границей онъ не имѣлъ никакихъ сношеній, письменныхъ или иныхъ, съ лицами, участвовавшими въ тайныхъ обществахъ. Въ заключеніе, онъ обращалъ вниманіе правительства на то, что, будучи совершенно неприкосновеннымъ къ тому, что могло произойти во время его отсутствія въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, онъ не могъ нести никакой отвѣтственности за событія, происшедшія безъ его вѣдома и во время его отсутствія. Изъ текста его объясненія, въ настоящее время напечатаннаго въ «Русской Старинѣ» **), видно, что Тургеневъ зналъ изъ полученнаго имъ письма брата, какъ формулировано выставленное противъ него обвиненіе, по крайней мѣрѣ, зналъ нѣкоторые пункты обвиненія, напримѣръ, участіе въ обсужденіи различныхъ формъ правленія и подача голоса за республику («Un president sans phrases!») Онъ, видимо, приписывалъ свое привлеченіе излишней болтливости нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ, но смотрѣлъ на него, какъ на недоразумѣніе, которое разъяснится.

«Я былъ твердо увѣренъ—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что этого объясненія будетъ достаточно, и что мое alibi, будучи достаточно очевиднымъ матеріальнымъ доказательствомъ моей непричастности къ возмущенію, гарантируетъ меня отъ всякихъ дальнѣйшихъ безпокойствъ» ***).

Однако чрезъ нѣсколько дней послѣ отправленія этой бумаги, къ Тургеневу явился секретарь русскаго посольства въ Лондонъ и передалъ ему требованіе отъ графа Нессельроде, дѣйствовавшаго по высочайшему повелѣнію, явиться къ верховному уголовному суду въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о возмущеніи 14-го декабря 1825 года. Тургеневъ отвѣтилъ, что онъ уже послалъ свое объясненіе по почтѣ и что не считаетъ поэтому нужнымъ предпринимать теперь путешествіе, которое могло бы печально отразиться на его здоровьѣ. Тогда ему предъявлена была депеша Нессельроде къ послу съ указаніемъ, въ случаѣ отказа Тургенева повиноваться, отобрать отъ него пись-

*) „La Russie et les Russes“, I, 136.

**) „Русская Старина“ за 1902 г., № 4, стр. 50—62.

***) „La Russie...“ I, 136.

менный отзывъ объ этомъ. Тургеневъ далъ отзывъ. Изъ депеши Нессельроде онъ узналъ, что послу предложено также, въ случаѣ отказа Тургенева явиться въ Россію, обратить вниманіе англійскаго министерства, «какого рода людямъ оно даетъ убѣжище». Изъ этой фразы Тургеневъ сдѣлалъ заключеніе, которое подтвердилось впослѣдствіи, что русское правительство требовало у англійскаго министерства его выдачи, на что англійское правительство могло отвѣчать, конечно, только отказомъ.

«Объясненіе» Николая Тургенева, посланное имъ по почтѣ на имя брата Александра, было представлено послѣднимъ при письмѣ отъ 1-го мая 1826 года князю Александру Николаевичу Голицыну, который былъ долгое время начальникомъ А. И. Тургенева по занимаемой Тургеневымъ должности директора департамента духовныхъ дѣлъ, а въ то время, т.-е. послѣ событія 14-го декабря, былъ назначенъ однимъ изъ членовъ «коммиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ» *).

Князь А. Н. Голицынъ, получивъ эту записку, пригласилъ къ себѣ пріятелей Николая Тургенева, В. А. Жуковскаго и кн. П. А. Вяземскаго, и вмѣстѣ съ ними прочиталъ эту оправдательную записку.

Записка эта не удовлетворила слушателей: «Cette justification est trop à l'eau de rose!», сказалъ князь Голицынъ, и ни Жуковскій, ни Вяземскій не нашли, что ему возразить **).

Дѣло Тургенева было проиграно. Александръ Ивановичъ сдѣлалъ еще попытку спасти брата отъ осужденія. 23-го мая 1826 года онъ обратился съ письмомъ къ императору Николаю, но могло ли помочь его заступничество, когда противъ Николая Тургенева говорили показанія нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, а главное въ рукахъ императора, который самъ руководилъ слѣдствіемъ, было донесеніе Бенкендорфа, которому онъ вѣрилъ безусловно и о существованіи котораго братья Тургеневы не подозрѣвали; къ тому же отказъ Николая Тургенева явиться по вызову къ слѣдствію и суду былъ сочтенъ за подтвержденіе взведенныхъ на него обвиненій. Въ іюлѣ состоялся обвинительный приговоръ, произнесенный верховнымъ уголовнымъ судомъ ***).

---

*) Въ составъ коммиссіи входили: предсѣдатель—военный министръ Татищевъ и члены: вел. кн. Михаилъ Павловичъ, кн. А. Н. Голицынъ, Петербургскій генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералы: Чернышевъ Бенкендорфъ, Левашовъ и Потаповъ; дѣлопроизводитель былъ ст. сов. Д. Н. Блудовъ.

**) „Русская Старина" за 1902 г. № 4, стр. 62. „Князь Голицынъ—по словамъ кн. Вяземскаго—былъ человѣкъ отмѣнно благосклонный онъ вообще любилъ и поддерживалъ подчиненныхъ своихъ. Александра Тургенева онъ уважалъ и отличалъ особенно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обрадовался бы первой возможности придраться къ случаю быть защитникомъ любимаго брата любимаго имъ Александра Тургенева, однако же записка не убѣдила его". („Русск. Архивъ" 1876 г., I, 356).

***) Верховный уголовный судъ состоялъ изъ членовъ государственнаго

Тургеневъ былъ присужденъ къ смертной казни, которая по высочайшей конфирмаціи была замѣнена пожизненной каторгой съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Тургеневъ былъ въ Англіи, и приговоръ не могъ благодаря этому осуществиться во всей своей силѣ. Преданный ему братъ сохранилъ принадлежавшую ему часть наслѣдственнаго имущества.

Впослѣдствіи Н. И. Тургеневъ составилъ подробную оправдательную записку и просилъ о пересмотрѣ дѣла, предлагая пріѣхать въ Россію; но просьба его была оставлена безъ послѣдствій.

Его родные, ближайшіе друзья и близко знавшіе его иностранцы, каковы баронъ Штейнъ и Александръ Гумбольдтъ, рѣшительно отказывались вѣрить въ законность и справедливость его осужденія.

Пользуясь опубликованными данными, попробуемъ разобраться въ выставленныхъ противъ него обвиненіяхъ и выяснить дѣйствительное отношеніе его къ разнымъ обществамъ конца александровскаго царствованія.

Глава V.

Происхожденіе союза благоденствія. — Первыя попытки основанія тайныхъ обществъ.—Основаніе союза спасенія. — Основатели союза: А. Н. Муравьевъ, Никита М. Муравьевъ, С. и М. Муравьевы-Апостолы. Общая ихъ характеристика. П. И Пестель.—Составленный имъ уставъ.—Исторія превращенія союза спасенія въ союзъ благоденствія и роль Мих. И. Муравьева.—А. М. Бакунинъ. — М. Ѳ. Орловъ и проектъ общества русскихъ рыцарей.

«Когда въ обществѣ около 1815 года,—пишетъ А. Н. Пыпинъ— почти вдругъ явился... цѣлый обширный разрядъ людей либеральнаго образа мыслей, преимущественно изъ молодого поколѣнія, они съ самаго начала не могли не почувствовать, что въ этомъ обществѣ они представляютъ что-то исключительное, что большинство не только имъ не сочувствуетъ, но смотритъ на нихъ враждебно, какъ на людей, нарушающихъ покой его умственнаго и общественнаго бездѣйствія; ихъ

совѣта, святѣйшаго синода, сенаторовъ и нѣкоторыхъ лицъ по выбору императора, всего изъ 80 членовъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Лопухина (предсѣдателя государственнаго совѣта). Въ числѣ членовъ были, по званію членовъ госуд. совѣта: адмиралъ Мордвиновъ, Сперанскій и др. М. М. Сперанскаго верховный судъ выбралъ въ число трехъ членовъ для составленія окончательнаго доклада государю. Эти занятія--по словамъ барона Корфа—чрезвычайно тягостно подѣйствовали на духъ Сперанскаго. „Положеніе его было тѣмъ ужаснѣе, что нѣкоторые изъ несчастныхъ, подпавшихъ обвиненію и потомъ осужденію, были лично ему знакомы и вхожи къ нему въ домъ, а одинъ даже жилъ у него и пользовался особенною его пріязнью и довѣренностью. Дочь пишетъ въ своихъ запискахъ, что въ это мучительное время она нерѣдко видѣла отца въ терзаніяхъ и со слезами на глазахъ, и что онъ даже покушался совсѣмъ оставить службу...“ (Баронъ М. А. Корфъ. „Жизнь графа Сперанскаго“, стр. 309).

Съ Н. И. Тургеневымъ Сперанскому приходилось вмѣстѣ работать надъ редактированіемъ торговаго устава („La Russie es les Russes“, I, 121).

собственныя убѣжденія такъ противорѣчили ходячимъ мнѣніямъ и нравамъ, что они должны были, наконецъ, сомкнуться въ болѣе тѣсный кружокъ.

«Правда, возбужденіе послѣ событій (1812—1815 гг.) и наплывъ новыхъ идей были такъ сильны, что въ обществѣ обнаружилась значительная свобода мнѣній и разговоровъ, но высказывать свои мнѣнія вполнѣ было все-таки не безопасно. Потребность въ обмѣнѣ мыслей въ ближайшемъ сочувственномъ кругу, свободномъ отъ постороннихъ стѣсненій, прежде всего сближала людей либеральнаго образа мыслей въ тѣсный кружокъ, полная искренность бесѣдъ заставила вскорѣ беречь нѣкоторую замкнутость этого кружка...

«Но въ этихъ людяхъ уже скоро явилась потребность практической дѣятельности въ духѣ своихъ мнѣній. Новость ихъ идеаловъ, порывы великодушнаго энтузіазма, какъ бываетъ всегда въ періодѣ подобныхъ увлеченій, ставили передъ ними широкую задачу общественныхъ преобразованій, требовавшую обдуманнаго плана, соединенныхъ усилій, самоотреченія. Съ этихъ поръ кружокъ, съ мыслью о практической дѣятельности и пропагандѣ для своихъ цѣлей, долженъ былъ сомкнуться еще тѣснѣе и, наконецъ, превратился въ тайное общество» *).

Такъ подходитъ къ объясненію происхожденія тайныхъ обществъ конца александровскаго царствованія умнѣйшій изъ историковъ этого общественнаго движенія.

Стремленіе къ общенію и общественной дѣятельности, начавшееся у многихъ еще во время походовъ 1813—1814 годовъ, не замедлило проявиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ видѣ своеобразной артели офицеровъ въ семеновскомъ полку **), въ массонскихъ ложахъ, чрезвычайно размножившихся и оживившихся около этого времени ***), въ просвѣтительныхъ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ ****), въ видѣ частныхъ курсовъ и кружковъ для чтенія и самообразованія среди молодыхъ офицеровъ *****).

---

*) Пыпинъ. „Общественное движеніе", стр. 361 и слѣд.

**) Объ этомъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ И. Д. Якушкинъ (Пыпинъ, 363). „Въ 1815 г. въ семеновскомъ полку устроилась артель: человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ, обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, которымъ по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали громко иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ... Высшимъ властямъ артель однако не понравилась, и ее велѣно было прекратить..."

***) Пыпинъ, 296—333.

****) Таково учрежденное въ 1819 г. въ Петербургѣ „Общество учрежденія ланкастерскихъ школъ" (Пыпинъ, 336, „Записки" Н. И. Греча), а равно „Арзамасъ", о которомъ была уже рѣчь (Ковалевскій", „Гр. Блудовъ", 105 и сл.).

*****) „La Russie et les russes", I, 82—83.

И вотъ, когда всѣ элементы для возникновенія тайнаго общества были уже подготовлены, явились и инициаторы, которые дали первый толчокъ этому дѣлу. Два предпріятія подобнаго рода были затѣяны почти одновременно: съ одной стороны Александромъ Муравьевымъ съ нѣсколькими офицерами гвардейскихъ полковъ и генеральнаго штаба, съ другой стороны Михаиломъ Орловымъ, который хотѣлъ привлечь къ своему предпріятію извѣстнаго патріота, массона екатерининскихъ временъ, графа Мамонова *), Николая Ивановича Тургенева и еще нѣсколькихъ лицъ изъ высшаго петербургскаго общества **).

Въ 1816 г. гвардейскіе офицеры И. Д. Якушкинъ и кн. С. П. Трубецкой были въ гостяхъ у Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ. Въ это время туда же пріѣхали Александръ Николаевичъ и Никита Михайловичъ Муравьевы, которые и предложили всѣмъ присутствовавшимъ вступить въ тайное общество, организаціей котораго они были тогда заняты. Однако окончательное сформированіе этого общества произошло не ранѣе февраля 1817 г., послѣ того, какъ Никита Муравьевъ ввелъ въ кружокъ П. И. Пестеля, который и написалъ для этого общества уставъ, давъ обществу названіе союза спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества ***).

Первымъ инициаторомъ этого предпріятія былъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, сынъ извѣстнаго основателя училища колонновожатыхъ, большой мечтатель и мистикъ, посвященный въ 1814 г. во Франціи заграничными массонами въ одну изъ высшихъ степеней массонства и по возвращеніи въ Петербургъ состоявшій намѣстнымъ мастеромъ въ ложѣ «Трехъ добродѣтелей» ****). Въ 1816 году ему было всего 24 года отъ роду, но онъ былъ уже полковникомъ, и его ожидала блестящая карьера; въ концѣ 1818 года онъ вышелъ однако по непріятностямъ въ отставку *****). Самымъ дѣятельнымъ прозелитомъ и

*) Гр. Мамоновъ въ 1812 г. въ минуту наибольшаго подъема патріотическихъ чувствъ предложилъ императору Александру передать въ его распоряженіе на организацію защиты отъ нашествія Наполеона все свое многомилліонное состояніе. Александръ согласился только принять одинъ кавалерійскій полкъ, сформированный и содержавшійся Мамоновымъ на его счетъ.

**) „La Russie et les russes“, I, 161.

***) Изложено въ біографіи С. И. Муравьева, составленной г. Баласомъ („Русская Старина“ 1873 г., V, 660), частью по документамъ, частью со словъ М. И. Муравьева-Апостола. Въ томъ же году М. М. Муравьевъ напечаталъ въ „Русской же Старинѣ“ (1873 г., VIII, 105) нѣкоторыя поправки къ статьѣ г. Баласа, причемъ заявилъ, что уставъ союза благоденствія былъ составленъ не Пестелемъ, а М. Н. Муравьевымъ. Это совершенно вѣрно, но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ уставѣ союза спасенія, который составленъ былъ Пестелемъ, что установлено „Донесеніями“ слѣдственной коммисіи, многочисленными свидѣтельствами декабристовъ и данными Богдановича (Исторія Александра I, томъ VI-й).

****) Пыпинъ. „Общественное движеніе“, стр. 320.

*****) Кропотовъ. „Жизнь гр. М. Н. Муравьева“, 22. Сопоставленіе этихъ

помощникомъ его явился Никита Михайловичъ Муравьевъ, его дальній родственникъ, сынъ воспитателя и наставника императора Александра, а впослѣдствіи попечителя Московскаго университета, Михаила Никитича Муравьева *), бывшаго когда-то покровителемъ молодого Карамзина **). Никита Муравьевъ былъ только за 2 года предъ тѣмъ произведенъ въ офицеры ***). Это былъ пылкій, благородный молодой человѣкъ,—по свидѣтельству Греча, «нѣсколько серьезный и дикій»,—прекрасно образованный и несмотря на молодость уже успѣвшій обратить на себя вниманіе самостоятельнымъ и умнымъ разборомъ предисловія къ «Исторіи государства россійскаго» Карамзина ****). По своимъ политическимъ взглядамъ, позднѣе изложеннымъ имъ въ его «Катехизисѣ», онъ былъ конституціоналистомъ, воспитаннымъ на идеяхъ Бенжамена Констана, въ юные годы мечтавшимъ и о республикѣ, но никогда не бывшимъ якобинцемъ. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы—Апостолы были сыновья извѣстнаго екатерининскаго писателя, очень образованнаго и даже ученаго человѣка Ивана Матвѣевича Муравьева, въ годы ихъ дѣтства служившаго посломъ въ Мадритѣ и потому воспитывавшаго ихъ въ парижскомъ пансіонѣ Hix'а, гдѣ они оба пользовались общей любовью учителей и товарищей и выдавались по своему развитію и нравственному характеру. «Необыкновенная кротость Сергѣя Ивановича, соединенная,—пишетъ его біографъ,—съ любезностью, живостью и остроуміемъ, была въ немъ, по выраженію современниковъ, блистательна и приманчива. Возвышенный и свѣтлый умъ, глубокая религіозность, прекрасныя душевныя качества пріобрѣтали ему чувства любви и преданности» *****). Замѣчательно, что начала гуманности, настойчиво и необыкновенно успѣшно проводившіяся имъ въ обращеніи съ солдатами, соединялись у него съ такою лойяльностью, что даже полковникъ Шварцъ, получившій печальную извѣстность въ исторіи семеновскаго полка, питалъ къ нему особую довѣренность и счелъ необходимымъ оправдываться передъ нимъ въ своихъ поступкахъ—до того силенъ былъ его нравственный авторитетъ ******). Въ 1816 г. Сергѣю Муравьеву едва исполнилось 20 лѣтъ, Матвѣй былъ старше его на два года.

датъ показываетъ, какъ несправедливо было мнѣніе, высказанное Бенкендорфомъ въ его донесеніи, что будто-бы побудительной причиной для Муравьева образовать тайное общество служили служебныя неудачи и неудовлетворенное честолюбіе. Ср. Шильдеръ. „Жизнь Александра I", томъ IV, 210.

*) О Михаилѣ Николаевичѣ Муравьевѣ у Шильдера, томъ I; Кропотова, н. с., 49; Милюкова. „Главныя теченія Русской Исторической Мысли", стр. 161 и др.

**) Милюковъ. „Главныя теченія...", стр. 161.

***) Гречъ. „Записки о моей жизни", 404.

****) Милюковъ. „Главныя теченія", 193, 194.

*****) „Русская Старина", 1873 г., V, 661.

******) Тамъ же, стр. 663.

Остальные офицеры, примкнувшіе къ этому кружку, были немногимъ ихъ старше по возрасту. Всѣ они были, несомнѣнно, настроены болѣе или менѣе одинаково: всѣ были недовольны существующей русской дѣйствительностью, всѣ ревностно желали какъ можно скорѣе вывести свою родину изъ того положенія рабства, невѣжества и всяческой неправды, въ которомъ она тогда находилась, всѣ мечтали о возможности свободной политической дѣятельности и грезили, конечно, не гильотиною, какъ писалъ въ своемъ донесеніи чрезъ нѣсколько лѣтъ Бенкендорфъ, а конституціей въ духѣ Бенжамена Констана *) Быть можетъ, они тогда же выработали бы уставъ основаннаго ими общества по подобію нѣмецкаго Tugendbund'а; но въ февралѣ 1817 года въ ихъ кругъ вошелъ новый членъ, который быстро пріобрѣлъ среди нихъ выдающееся вліяніе. Членъ этотъ былъ введенный Никитой Муравьевымъ П. И. Пестель. Въ литературѣ, касающейся декабристовъ, ни на кого не было столько нареканій, инсинуацій и даже очевидныхъ клеветъ, сколько на этого замѣчательнаго человѣка. Въ то же время его біографія и участіе въ тайныхъ обществахъ двадцатыхъ годовъ остаются и до сихъ поръ не достаточно разъясненными. Безошибочно можно утверждать лишь одно: читаемъ ли мы трогательную защиту Пестеля въ запискахъ С. Г. Волконскаго или явныя клеветы, возведенныя на него въ біографіи Михаила Муравьева, составленной Кропотовымъ, во всякомъ случаѣ остается впечатлѣніе поверхностнаго знакомства съ человѣкомъ сильной воли и большого ума. Очень возможно, что свои идеалы Пестель создалъ не изъ изученія окружающей реальной дѣйствительности, хотя, повидимому, онъ и ея не упускалъ изъ виду, но, какъ бы онъ ни составилъ своихъ убѣжденій, онъ, во всякомъ случаѣ, опредѣленно зналъ, къ чему стремился, и если у него не было въ окружающей его средѣ многихъ данныхъ, необходимыхъ для достиженія успѣха, то, во всякомъ случаѣ, было одно: онъ владѣлъ въ высшей степени способностью подчинять себѣ людей. Онъ составилъ себѣ республиканскій идеалъ, окрашенный нѣкоторыми соціалистическими стремленіями. Въ высшей степени энергичный и властный по натурѣ, онъ признавалъ единственнымъ возможнымъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ способомъ дѣйствія—способъ якобинскій. Образованный **), умный и необыкновенно краснорѣчивый, онъ скоро пріобрѣлъ исключительное вліяніе и въ томъ кружкѣ, въ который его ввелъ въ началѣ

*) Срав. „La Russie et les russes“, I, 66, 78—83, II, 351.

**) Пестель воспитывался съ братомъ своимъ Владиміромъ (впослѣдствіи флигель-адъютантомъ) за границей—въ Дрезденѣ и держалъ лишь выпускной экзаменъ вмѣстѣ съ другими пажами его возраста въ 1811 году (Гречъ. „Записки“, 362 и слѣд.). Онъ былъ сынъ извѣстнаго сибирскаго генералъ-губернатора И. Б. Пестеля, прославившагося своимъ тираническимъ образомъ дѣйствій.

1817 г. Никита Муравьевъ. Онъ пробылъ здѣсь недолго, потому что въ маѣ 1818 г. кн. Виттенштейнъ, при которомъ онъ былъ адъютантомъ, вступилъ уже въ командованіе 2-ой арміей, расположенной на югѣ Россіи, и Пестелю пришлось уѣхать вмѣстѣ съ нимъ на границы Бессарабіи (въ Тульчинъ). Однако, онъ успѣлъ составить уставъ для вновь образованнаго тайнаго общества на тѣхъ основаніяхъ, которыя онъ считалъ наиболѣе практичными и необходимыми въ подобныхъ организаціяхъ. Это былъ уставъ якобинскій. И дѣлу, затѣянному молодыми энтузіастами съ болѣе или менѣе неопредѣленными возвышенными и либеральными стремленіями, Пестель сразу сообщилъ характеръ политическаго заговора. А. Н. Пыпинъ склоненъ видѣть разницу между уставами «союза спасенія» и «союза благоденствія» только во внѣшнихъ формахъ, заимствованныхъ, по его предположенію, изъ массонскихъ ложъ *). Но едва ли это вѣрно. Судя по всему тому, что намъ извѣстно объ уставѣ «союза спасенія», слѣдуетъ признать, что это былъ союзъ карбонарскій. Между нимъ и позднѣйшимъ уставомъ «союза благоденствія» **) была такая же разница, какъ между карбонарствомъ и тугендбундомъ. «Карбонарство и гетэрія,—какъ опредѣляетъ ихъ и г. Пыпинъ,—были прямымъ политическимъ заговоромъ» ***). Карбонаріи дѣйствовали противъ мелкихъ итальянскихъ деспотовъ и противъ австрійцевъ. Тугендбундъ вызванъ былъ пробужденіемъ національнаго чувства, ненавистью къ французскому игу, «но основывался, какъ общество мирное и подчинявшееся правительству: онъ хотѣлъ только помогать правительству и дѣйствовать для возрожденія націи не средствами политическаго заговора, а средствами образовательными и моральными».

Такая же приблизительно разница заключалась, если не въ дѣйствіяхъ,—потому что дѣйствій никакихъ и не было, — то въ тенденціяхъ уставовъ «союза спасенія» и «союза благоденствія». Въ книгѣ г. Кропотова «Жизнь гр. М. Н. Муравьева» подробно описывается со словъ младшаго брата М. Н. Муравьева Сергѣя Николаевича исторія превращенія «союза спасенія» въ «союзъ благоденствія». Самъ по себѣ г. Кропотовъ историкъ настолько пристрастный и односторонній, что къ его выводамъ и изслѣдованіямъ врядъ ли можно питать большое довѣріе. Но приводимый имъ разсказъ С. Н. Муравьева заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, полнаго вниманія и имѣетъ всѣ признаки

*) Пыпинъ. „Обществен. движеніе", 363, 364, 366.

**) Уставъ „союза благоденствія" напечатанъ въ приложеніи къ „Обществен. движ." А. И. Пыпина, 503 и слѣд.

***) Срав. Гервинуса „Исторія XIX вѣка», т. II, стр. 91—100, происхожденіе и очеркъ дѣятельности карбонаровъ въ Италіи въ первой четверти XIX-го столѣтія. О дѣятельности карбонаріевъ имѣются также краткія свѣдѣнія въ недавно вышедшей книжкѣ Тарле „Исторія Италіи въ новое время", стр. 148—163.

достовѣрности. Во-первыхъ, С. Н. Муравьевъ едва ли былъ заинтересованъ въ искаженіи истины; во-вторыхъ, разсказъ его совершенно соотвѣтствуетъ характеру и позднѣйшимъ тенденціямъ его брата и даетъ ключъ къ пониманію его общественной эволюціи и карьеры; въ-третьихъ, онъ совершенно не противорѣчитъ сохранившимся документальнымъ даннымъ, а напротивъ ихъ подтверждаетъ и даетъ имъ удовлетворительное объясненіе.

Наконецъ, въ этомъ дѣлѣ замѣшано одно постороннее лицо: А. М. Бакунинъ, родственникъ Муравьева и отецъ извѣстныхъ Бакуниныхъ, Михаила, Николая, Павла и Александра Александровичей. Желая провѣрить разсказъ С. Н. Муравьева семейными преданіями и документами, если бы таковые сохранились въ семействѣ Бакуниныхъ, я обратился къ здравствующему еще донынѣ младшему изъ братьевъ Бакуниныхъ, почтенному Александру Александровичу, и получилъ отъ него указанія, могущія также служить подтвержденіемъ разсказа С. Н. Муравьева, приводимаго г. Кропотовымъ. Хотя письменныхъ документовъ, относящихся къ обстоятельствамъ дѣла, не сохранилось въ семейномъ архивѣ Бакуниныхъ, но свѣдѣнія, сообщенныя объ отцѣ Александромъ Александровичемъ вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что разсказывалъ г. Кропотову С. Н. Муравьевъ.

Разномысліе между членами «союза спасенія» и борьба, происшедшая изъ-за устава, составленнаго Пестелемъ, во всякомъ случаѣ въ высшей степени характерны. Сперва молодые люди, входившіе въ составъ кружка, совершенно подчинились Пестелю и приняли сочиненный имъ уставъ. Затѣмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ—кн. И. А. Долгорукова, братьевъ Шиповыхъ и другихъ — стала отпугивать рѣзкость и крайность нѣкоторыхъ его сужденій и предложеній. Вскорѣ въ кружокъ вступилъ братъ Александра Николаевича Михаилъ Муравьевъ, человѣкъ очень развитой, умный и до крайности самолюбивый и властолюбивый. Несмотря на молодость лѣтъ—ему въ это время было не болѣе 22—онъ привыкъ уже играть самостоятельную роль въ Москвѣ въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ онъ былъ основателемъ «общества математиковъ», и въ «училищѣ колонновожатыхъ», гдѣ онъ былъ правой рукой своего отца. Вступивъ въ «союзъ спасенія» по предложенію брата, онъ отказался однако же принести клятву въ безусловномъ повиновеніи главамъ сообщества, а когда ему былъ показанъ уставъ, составленный Пестелемъ, то онъ возсталъ противъ этого устава и сталъ горячо уговаривать брата и другихъ членовъ измѣнить уставъ и назначеніе общества. Онъ, можетъ быть, просто вышелъ бы изъ общества, узнавъ о его истинныхъ цѣляхъ, если бы не желаніе спасти брата изъ весьма опаснаго предпріятія, въ которое онъ — по мнѣнію М. Н. Муравьева — запутался. Въ то же время его не оставляла честолюбивая мысль повернуть дѣло по своему, вытѣснить несимпатичное ему вліяніе Пестеля и придать обществу то на-

правленіе, которое самъ онъ считалъ желательнымъ, при помощи сочувствовавшихъ ему членовъ, изъ которыхъ нѣкоторые вступили въ кружокъ одновременно съ нимъ.

Муравьевъ разсуждалъ такъ: «такъ какъ вся сущность дѣла заключалась въ ложномъ направленіи общества, происходившемъ изъ устава Пестеля, то, очевидно, прежде всего надо было сломить это препятствіе». Нужно заставить членовъ союза признать уставъ Пестеля негоднымъ. «Тогда,—полагалъ Муравьевъ,—можно будетъ написать какой угодно уставъ, даже и такой, что само правительство не затруднится его утвердить». Муравьевъ ясно видѣлъ, однако, что «при возбужденной однажды въ обществѣ жаждѣ къ политической дѣятельности такъ или иначе слѣдовало ее утолить. Отказъ въ удовлетвореніи этой потребности не упразднялъ ее, а только направлялъ членовъ къ Пестелю, источнику всего зла». «Муравьевы — разсказываетъ біографъ М. Н., — очень хорошо понимали это затрудненіе, и, чтобы спасти своихъ друзей отъ гибельнаго столкновенія съ дѣйствительностью, они придумали дать пищу этой неугомонной дѣятельности, очень похожую на политическую, почти столь же кипучую, разнообразную, требующую знаній и гражданскаго мужества, но болѣе полезную... и не представлявшую опасностей, сопряженныхъ съ ремесломъ заговорщика или спеціалиста по части революцій» *).

Этотъ политическій суррогатъ представлялся М. Н. Муравьеву въ видѣ устава Tugendbund'а, съ которымъ Муравьевъ познакомился изъ книжки журнала «Freiwillige Blätter», полученной отъ члена же «Союза» кн. П. П. Лопухина—сына канцлера.

Нравственную поддержку и теоретическое обоснованіе своихъ взглядовъ М. Н. позаимствовалъ у родственника своего по матери А. М. Бакунина, человѣка весьма просвѣщеннаго, умнаго и гуманнаго, но разочаровавшагося въ политическомъ либерализмѣ во время своего пребыванія въ качествѣ дипломата въ Неаполѣ **). Аргументація Ба-

---

*) Кропотовъ, н. с., 205, 206.

**) А. М. Бакунинъ родился 1768 † 1854, воспитывался въ Падуанскомъ университетѣ; затѣмъ служилъ нѣкоторое время при русскомъ посольствѣ въ Неаполѣ. При Павлѣ I онъ былъ короткое время завѣдующимъ государевымъ имѣніемъ въ Гатчинѣ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился въ с. Премухинѣ, Новоторжскаго уѣзда, въ своемъ родовомъ имѣніи, гдѣ и жилъ до смерти. Бѣлинскій въ своихъ письмахъ къ Михаилу Бакунину отзывается о немъ съ благоговѣніемъ (въ 1838 г.). По семейнымъ преданіямъ А. М. присутствовалъ при взятіи Бастиліи въ 1789 г.

По свидѣтельству Александра Александровича Бакунина, образъ мыслей Александра Михайловича былъ вообще мягко гуманитарный, но чуждый непосредственнаго интереса къ активной политикѣ. Александръ Александровичъ помнитъ со словъ самого Александра Михайловича, что онъ когда-то писалъ Мих. Ник. Муравьеву длинное письмо, въ которомъ указывалъ на безнадежность политическихъ революцій у насъ въ Россіи.

кунина, который подробно разобралъ уставъ «Союза спасенія», сообщенный ему Муравьевымъ въ особомъ письмѣ, опиралась на анализъ фактовъ русской исторіи, географическаго положенія Россіи, и въ результатѣ давала обоснованіе взгляду на историческое значеніе самодержавія въ Россіи, похожему на тотъ, который провелъ въ «Исторіи государства Россійскаго» Карамзинъ.

«Муравьевъ — говоритъ Кропотовъ, — усвоилъ эти убѣжденія и, найдя въ нихъ нравственную опору для своихъ дѣйствій, принялъ ихъ за основаніе при составленіи устава «Союза благоденствія».

Написать на уставѣ Пестеля съ точки зрѣнія его несоотвѣтствія русскимъ условіямъ и обнаружить проявленное авторомъ при его составленіи незнакомство съ многими условіями русской жизни и особенно съ географіей и этнографіей страны, было тѣмъ легче, что эти недостатки были дѣйствительно присущи уставу, а якобинскіе пріемы дѣйствій, имъ предписываемые, были не по сердцу большинству членовъ кружка. Муравьевъ рѣшилъ напасть на уставъ и требовать его измѣненія въ первомъ же засѣданіи членовъ Союза. Онъ сталъ при каждомъ случаѣ подшучивать надъ уставомъ, увѣряя, что онъ составленъ для разбойниковъ муромскихъ лѣсовъ. Къ нему немедленно присоединились нѣкоторые другіе члены: князь И. А. Долгорукій, кн. Лопухинъ, братья Шиповы, уже ранѣе недовольные уставомъ и направленіемъ кружка, даннымъ ему Пестелемъ. Къ нимъ присоединились братъ Муравьева Александръ, своякъ его И. Д. Якушкинъ, приглашенный Якушкинымъ въ общество М. А. Фонъ-Визинъ и ближайшій другъ Михаила Муравьева П. И. Калошинъ. Никита Муравьевъ и кн. Трубецкой тоже признавали недостатки устава Пестеля. Вопросъ, возбужденный Муравьевымъ, рѣшено было обсудить на собраніи членовъ «Союза» въ Москвѣ, куда они съѣхались по случаю закладки храма Христа Спасителя (на Воробьевыхъ горахъ, по проекту Витберга) въ сентябрѣ 1818 года, въ отсутствіе Пестеля, который былъ уже въ это время на югѣ. Вопросъ обсуждался въ теченіи нѣсколькихъ засѣданій; однако, когда поставленъ былъ вопросъ о томъ, какое же направленіе принять обществу, и Михаилъ Муравьевъ съ Калошинымъ предложили принять за образецъ уставъ Тугендбунда, то предложеніе ихъ было отвергнуто большинствомъ членовъ, несмотря на поддержку Никиты Муравьева, Якушкина, Бурцова и Фонъ-Визина. Тогда Михаилъ Муравьевъ объявилъ, что онъ не можетъ долѣе оставаться въ обществѣ. Уходъ его грозилъ увлечь за собой многихъ вліятельныхъ членовъ и послужить сигналомъ къ распаденію союза. Поэтому вопросъ обсуждался еще разъ, Муравьева уговаривали остаться и для составленія новаго устава назначили коммиссію, въ составъ которой вошли: Михаилъ и Александръ Муравьевы, Колошинъ, Никита Муравьевъ и князь Трубецкой. Въ результатѣ работъ этой коммиссіи явился новый уставъ, написанный по образцу Тугенд-

*

бунда, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ «зеленой книги». Самое общество рѣшено было переименовать въ «Союзъ благоденствія».

Побѣда, одержанная такимъ образомъ Михаиломъ Муравьевымъ и его партіей надъ «якобинскимъ» уставомъ Пестеля, имѣла для общества большое значеніе. Она удержала въ составѣ общества болѣе умѣренные элементы и открыла доступъ въ него многимъ, которые не вступили бы въ него при направленіи, данномъ ему Пестелемъ. Изъ изложеннаго можно заключить, что молодые и пылкіе основатели союза спасенія не были ни «якобинцами», ни отъявленными революціонерами, ни республиканцами, а скорѣе всего могутъ быть признаны либералами, или, какъ ихъ называли въ то время, «либералистами». Изъ всѣхъ участниковъ этого перваго тайнаго общества тѣхъ временъ единственнымъ человѣкомъ, питавшимъ республиканскіе замыслы и усвоивавшимъ якобинскіе пріемы дѣятельности, былъ П. И. Пестель *).

Почти одновременно съ возникновеніемъ союза спасенія была другая попытка учрежденія тайнаго общества, на иныхъ, болѣе близкимъ къ массонству, началахъ. Вотъ какъ описываетъ эту попытку Н. И. Тургеневъ: «Нѣсколько времени спустя послѣ моего возвращенія въ Петербургъ, я встрѣтилъ генерала М. Орлова, котораго я зналъ за границей и особенно въ Нанси, гдѣ онъ находился въ 1815 г., въ качествѣ начальника штаба русскаго корпуса, квартировавшаго въ этихъ мѣстахъ. Этотъ генералъ съ большимъ природнымъ умомъ соединялъ благородный, возвышенный характеръ. Что касается образованія, то онъ обладалъ въ высшей степени тѣмъ, которое вообще получаютъ свѣтскіе люди. Какъ всѣ живые и пылкіе умы, которымъ недостаетъ прочныхъ убѣжденій, основанныхъ на солидныхъ познаніяхъ, онъ увлекался всѣмъ, что поражало его воображеніе. Это не мѣшало ему, однако, думать о полезномъ и положительномъ. Назначенный впослѣдствіи начальникомъ дивизіи во 2-й арміи, онъ приложилъ чрезвычайныя старанія къ учрежденію и распространенію ланкастерскихъ школъ не только въ своей дивизіи для многочисленныхъ солдатскихъ дѣтей и для солдатъ, но также и для дѣтей городского населенія тѣхъ городовъ, въ которыхъ расположены были части его дивизіи. Онъ отдалъ на это дѣло все свое жалованіе и даже значительную часть своего состоянія. Его заботы дали вскорѣ весьма удовлетворительные результаты, но, въ концѣ концовъ, они повели къ

*) Срав. Богдановича. „Исторія царствованія Александра I", VI, стр. 417. Кромѣ Пестеля, былъ республиканцемъ еще Новиковъ (племянникъ Н. И. Новикова, правитель канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора); но онъ скоро умеръ и не игралъ замѣтной роли въ обществѣ.

большимъ непріятностямъ какъ для него лично, такъ и для тѣхъ, кому онъ благодѣтельствовалъ... *).

«Когда я встрѣтилъ его въ Петербургѣ (1817 г.)—продолжаетъ Тургеневъ,—то всѣ его мысли были направлены къ франкъ-массонству; онъ составилъ проектъ возстановить это учрежденіе въ томъ видѣ, какъ оно существовало при Екатеринѣ II, и *придать ему нѣкоторую политическую, или скорѣе, практическую цѣль*. Союзникомъ въ этомъ предпріятіи у него былъ графъ Мамоновъ, который питалъ повидимому большое пристрастіе къ старому русскому массонству... «Графъ Мамоновъ былъ, какъ кажется, посвященъ въ одну изъ высшихъ степеней стараго массонства; генералъ Орловъ, узнавши эту степень и формулу посвященія, сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя измѣненія, въ соотвѣтствіи съ современными идеями, но сохранилъ мистическую форму, господствовавшую въ старинномъ обрядѣ. Онъ показалъ мнѣ свой проектъ, предлагая мнѣ сообщить его нѣкоторымъ изъ знакомыхъ мнѣ франкъ-массоновъ для того, чтобы они попытались ввести его въ свои ложи...»

Тургеневъ, исполняя желаніе Орлова, показалъ эту формулу какому-то высокопоставленному массону, котораго благодаря этому впослѣдствіи призывали даже къ допросу во время слѣдствія надъ декабристами, но, убѣдившись въ его невинности, освободили отъ всякой отвѣтственности.—Орловъ сообщилъ тогда же Тургеневу, что онъ только что составилъ зерно общества, основаннаго на этой реликвіи. Это была попытка учрежденія политическаго тайнаго общества съ приданіемъ ему массонскихъ формъ, которыя фигурировала въ «Донесеніи» слѣдственной коммисіи подъ именемъ «общества Русскихъ Рыцарей» **) Орловъ назвалъ Тугеневу своихъ сотоварищей,—это были два адъютанта государя. Впослѣдствіи одинъ изъ нихъ, говоря съ Тургеневымъ о «союзѣ благоденствія», съ которымъ предлагали соединить общество, проектированное Орловымъ, сказалъ ему, что они на это несогласны, что они лучше посмотрятъ, какъ станетъ дѣйствовать «союзъ благоденствія» и воспользуются и хорошими, и дурными его результатами. «Какъ видно,—заключаетъ Тургеневъ,—эти господа были «политики»!» Онъ вспоминаетъ, что основатели «союза благоденствія» вели переговоры съ Орловымъ, но не могли тогда столковаться. Впослѣдствіи Орловъ оставилъ свой полумассонскій проектъ, вступилъ въ «союзъ благоденствія» и вышелъ изъ него лишь при самомъ его закрытіи ***). Такъ какъ Тургеневъ тогда не принадлежалъ самъ ни къ

---

*) Объ этомъ срав. замѣтку Липранди въ „Русск. Архивѣ“ 1866 г., № 10, 1429—1444.

**) Пыпинъ, стр 364.

***) „La Russie et les Russes“, I, 159—162. Въ „Донесеніи“ слѣдственной коммисіи сказано: „Генералъ-Маіоръ Михайло Орловъ и Николай Тургеневъ,

какому тайному обществу, и такъ какъ дѣло происходило въ 1817 году, то слѣдуетъ, вѣроятно, подъ «союзомъ благоденствія» разумѣть здѣсь «союзъ спасенія». Въ «союзъ» же «благоденствія» М. Ѳ. Орловъ вступилъ повидимому, вскорѣ же послѣ его открытія, вѣроятно, какъ только познакомился съ его уставомъ *). Во всякомъ случаѣ въ самомъ началѣ 1819 года онъ уже жилъ въ Кіевѣ и былъ въ это время уже членомъ «союза», какъ это видно изъ «Записокъ» С. Г. Волконскаго **).

А. Корниловъ.

(*Оконаніе слѣдуетъ*).

не успѣвъ въ намѣреніи завести свое общество, вступили въ союзъ благоденствія".

*) Въ „Донесеніи" объ этомъ предметѣ изложено слѣдующее: „Они (члены „союза спасенія") тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, незадолго передъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и генералъ-маіору Михаилу Орлову, который въ сіе время думалъ вмѣстѣ съ гр. Мамоновымъ и д. с. с. Николаемъ Тургеневымъ завести другое общество подъ названіемъ „Русскихъ Рыцарей". На совѣщаніяхъ между ими и Александромъ Муравьевымъ они взаимно приглашали другъ друга въ свое общество и не могли согласиться въ правилахъ соединенія. Генералъ-маіоръ Оровъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія и полагалъ испросить на то Высочайшаго одобренія; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ, и приписывая сіе вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, имѣлъ мысль посредствомъ своего сообщества противодѣйствовать онымъ; планъ его не исполнился, и общество, имъ предполагаемое, не составилось" („Русская Старина", 1901, № 8, 271).

Судя по изложенному здѣсь показанію М. Ѳ. Орлова, уставъ „союза благоденствія", выработанный вскорѣ послѣ того М. Н. Муравьевымъ долженъ былъ вполнѣ его удовлетворить.

**) „Записки", стр. 405, 409.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть I.

(*Продолженіе* *).

IX.

— Знаешь, мама, Любочкѣ дали большую роль, у нея оказался комическій талантъ, сказала Людмила за вечернимъ чаемъ, дней черезъ шесть послѣ свиданія съ Крученинновымъ.

— Поздравляю Любочку, откликнулась Ирина Васильевна.

— Завтра она репетируетъ эту роль. Она замѣнитъ другую актрису, которая ушла изъ театра, обидѣвшись на то; что выдвигаютъ Любочку.

— А ее значитъ выдвигаютъ?

— Да, конечно. Вѣдь въ театрѣ безъ протекціи нельзя выдвинуться. Въ нее тамъ влюбленъ какой-то директоръ и она этимъ пользуется.

— Она хорошо дѣлаетъ, если только пользуется умно?

— А что значитъ пользоваться умно?

— Это значитъ пользоваться и не допускать, чтобы тобою пользовались.

— Ну, вотъ, она такъ и дѣлаетъ. Право, даже удивительно: Любочка говоритъ и дѣйствуетъ такъ, какъ будто она твоя ученица... А я часто спорю съ ней.

— Значитъ, ты несогласна съ моей ученицей... а чья же ты ученица?

— Твоя, конечно, но ты развила во мнѣ способность самостоятельно мыслить.

— И когда ты мыслишь самостоятельно, то споришь противъ меня?

— Не всегда...

— Такъ, можетъ быть, я сдѣлала ошибку, развивъ въ тебѣ эту способность?..

---

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь, 1903 г.

— Я не думаю... Эта способность очень нужна въ жизни, гораздо нужнѣе, чѣмъ готовые взгляды, которые намъ передаются цѣликомъ. Жизнь идетъ впередъ, мама, а готовые взгляды остаются на мѣстѣ. Они отстаютъ... А способность мыслить самостоятельно даетъ возможность идти впередъ вмѣстѣ съ жизнью.

— Одной этой способности мало, мой другъ. Надо имѣть еще руководящій принципъ. Безъ него твоя способность заведетъ тебя въ такія дебри, изъ которыхъ ты не выйдешь.

— О, этихъ руководящихъ принциповъ у меня сколько угодно... Ты заготовила ихъ для меня въ большомъ количествѣ...

— Людмила, ты научилась говорить со мной иронически...

— Я училась этому двадцать лѣтъ, мама...

— Двадцать лѣтъ?

— Но ты же всегда учила меня, что на жизнь не слѣдуетъ смотрѣть серьезно, что въ жизни нѣтъ ничего глубокаго и ко всему надо относиться иронически.

— Я учила тебя, чтобы ты и ко мнѣ относилась иронически?

— Я этого не дѣлаю. А просто у меня выработалась такая манера.

Но Ирину Васильевну это объясненіе не успокоило. Она замѣтила въ послѣдніе дни перемѣну въ тонѣ, какимъ говорила съ ней Людмила. Сама же Людмила даже не замѣчала этого тона. Онъ былъ естественнымъ выраженіемъ той незамѣтной работы, какая происходила въ ея душѣ.

Если прежде она смутно ощущала недовольство деспотическимъ руководствомъ матери, если многое, что Ирина Васильевна ей предписывала и чего требовала отъ нея, вызывало въ ней неясный протестъ, то теперь, послѣ знакомства съ Крученинымъ, послѣ всего того, что она узнала, у нея совершенно опредѣленно явилось сомнѣніе.

Это было сомнѣніе въ матери, въ ея непогрѣшимости, въ ея правотѣ и, — то всего хуже,—хотя это явилось въ ея душѣ въ видѣ неяснаго намека,—въ ея искренности. За это послѣднее Людмила сама на себя негодовала, но ничего не могла подѣлать съ этимъ.

Когда она узнала, чѣмъ была Ирина Васильевна прежде, то ей стало непонятна, необъяснима такая всесороняя радикальная перемѣна въ ней. Если человѣкъ глубоко вѣрилъ въ добро, настолько вѣрилъ, что проповѣдывалъ его другимъ, то какъ могло случиться, что одна личная обида, какъ бы она ни была сильна, могла убить въ немъ эту вѣру, вырвать ее съ корнемъ и на ея мѣсто посадить ненависть и полное отрицаніе добра? Значитъ, одно изъ двухъ: или она тогда вѣрила не въ самое добро, а только въ добро для себя или теперь она обманываетъ себя и

другихъ? И отсюда—сомнѣніе, смутное, неясное, которое она не могла еще даже формулировать словами.

Разговоръ за вечернимъ чаемъ она начала не спроста. Послѣ небольшого перерыва, происшедшаго вслѣдствіе появленія горничной съ какимъ-то хозяйственнымъ вопросомъ, Людмила вернулась къ этому разговору.

— Завтра утромъ за мной зайдетъ Любочка,—сказала она.

— Куда? зачѣмъ?—быстро вскинувъ на нее глаза, спросила Ирина Васильевна.

— Я хочу пойти съ нею на репетицію... Я никогда еще не видала, какъ репетируютъ пьесы...

— Я тоже никогда не видала какъ репетируютъ, — сказала Ирина Васильевна и долгимъ внимательнымъ взглядомъ посмотрѣла на Людмилу.

— Ты хочешь пойти съ нами? — спросила та, и ея красивые глаза встрѣтили взглядъ матери твердо и стойко выдержали его и не выдали ея душевнаго волненія.

— Не могу сказать,—хочу, а не прочь...

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ...

Ирина Васильевна съ минуту подумала и потомъ очень твердо и рѣшительно сказала:—Нѣтъ, мой другъ, я не пойду, мнѣ будетъ это скучно.

Въ эти нѣсколько минутъ обѣ онѣ пережили и передумали многое. Людмила не только не хотѣла, чтобы мать пошла съ нею на репетицію, а даже боялась этого. Но она почувствовала, что малѣйшая слабость съ ея стороны, малѣйшее колебаніе въ глазахъ, въ тонѣ, выдадутъ ее, и планъ ея будетъ разрушенъ. И эта твердость, съ которою она выдерживала пытливый взглядъ матери, была предумышленна и стоила ей большихъ усилій. Это уже была ложь въ дѣйствіи, тотъ самый художественный обманъ, о которомъ она сейчасъ говорила.

— Ты только не засиживайся тамъ очень,—прибавила мать

— Это продлится часа три. Пьеса пятиактная...—отвѣтила Людмила.

— Значитъ, ты и завтракать не будешь?

— Тамъ они какъ то завтракаютъ... У нихъ, кажется, есть буфетъ...

На этомъ разговорѣ о завтракѣ онѣ покончили. Ложась спать, Людмила «приказала себѣ» встать утромъ не позже восьми часовъ. Въ половинѣ десятаго должна была зайти за нею Любочка. Она хотѣла быть готовой.

На другой день Ирина Васильевна была еще въ постели, когда Людмила, одѣтая и совершенно готовая къ выходу, проходила черезъ ея спальню.

— Смотри, не запутайся тамъ,—сказала ей Ирина Васильевна когда Людмила подошла къ ней и поцѣловала ее,—и не поступи въ актрисы,—прибавила она шутя.

— Я уже высказывала тебѣ свой взглядъ на это, — отвѣтила Людмила.

— Ну, да... Но ничему такъ скоро и легко не научаются, какъ обману,—промолвила Ирина Васильевна, продолжая выдерживать тонъ шутки.

Людмила ничего на это не сказала, но подумала: «Она чувствуетъ», и тутъ же мысленно прибавила себѣ: «Мама права: я такъ скоро научилась лгать передъ нею... Надо скорѣй, скорѣй, чтобы это не вошло въ привычку...»

Въ столовой ждали ее кофе и легкій завтракъ. О завтракѣ Ирина Васильевна распорядилась съ вечера, чтобы Людмила въ театрѣ не проголодалась. Людмила сейчасъ же подумала объ этомъ и лишній разъ напомнила себѣ о томъ, съ какою заботливостью мать относится къ каждому ея шагу: «Даже теперь, теперь, когда она уже чувствуетъ»...

Аккуратно въ девять съ половиной пришла Любочка и онѣ тотчасъ же отправились въ театръ.

Но Людмила совсѣмъ не интересовалась сценой и даже самой Любочкой. Ей было теперь не до того. Когда Любочка сообщила ей о предстоящей репетиціи, она сейчасъ же написала Крученинову, приглашая его около одиннадцати часовъ въ этотъ день быть близъ театра. Но, такъ какъ она не была увѣрена въ сговорчивости Ирины Васильевны, а еще больше боялась, что она сама захочетъ пойти съ нею въ театръ, то въ запискѣ она просила его быть очень осторожнымъ.

Когда онѣ подъѣхали къ театру, у подъѣзда было нѣсколько актеровъ, но никого посторонняго. Людмила оглядѣлась и замѣтила въ отдаленіи стоявшую фигуру, которая по виду очень напоминала Крученинова.

— Желаю тебѣ успѣха, Любочка,—сказала она и поцѣловала подругу.

— Какъ? уже?

— Да. Ты будешь здѣсь до двухъ съ половиной?

— Даже до трехъ. Если кончится раньше, я подожду тебя... Но, послушай,—прибавила Любочка тихонько, чтобы не слышали случайно проходившіе мимо ея товарищи:—дай мнѣ честное слово, что не сдѣлаешь ничего опаснаго для себя.

— Любочка, развѣ кто-нибудь знаетъ навѣрное, что для него опасно? Я дѣлаю важное, чего не могу не сдѣлать. Даже не имѣю права...

— Но ты вернешься?

— О, это навѣрно...

— Ну, смотри... И потомъ все мнѣ разскажешь. Это пора Я терпѣть не могу дѣйствовать безсознательно. Обѣщаешь?

— Хорошо, хорошо, обѣщаю.

Онѣ разстались. Любочка пошла въ театръ, а Людмила направилась туда, гдѣ замѣтила фигуру, похожую на Крученинова.

— Я подумала, что это вы. Здравствуйте,—сказала она убѣдившись, что это онъ.

— Вамъ удалось? Я очень радъ,—сказалъ Крученинoвъ.—Будете торопиться? Ну, такъ вотъ я досталъ быстраго извозчика.

— Это будетъ дорого стоить?..

— Ничего... увѣряю васъ, что расходъ, который я беру на себя, оправдается.

Извозчикъ, довольно нарядный, стоялъ здѣсь. Людмила сѣла, Крученинoвъ помѣстился рядомъ съ нею.

Кучеръ пустилъ лошадь, она понесла ихъ быстро, разгоняя всѣхъ на пути и заставляя прохожихъ шарахаться въ сторону.

— Вотъ я и рѣшила...—говорила Людмила.—Оказывается, что нѣтъ такой странной мысли, къ которой, въ концѣ концовъ, нельзя было бы привыкнуть...

— Мой старый химикъ очень обрадовался, когда я прочиталъ ему вашу записку. Вы волнуетесь? — спросилъ Крученинoвъ.

— Очень, но не отъ той причины, о которой вы думаете. Я, дожно быть, безчувственная. Въ романахъ я часто читала о молодыхъ людяхъ, особенно о дѣвушкахъ, которыя, никогда не зная своихъ отцовъ, вдругъ, будучи уже взрослыми, отыскивали ихъ. Они тогда волновались, блѣднѣли, дрожали, сердце у нихъ замирало... Они чувствовали какое-то тайное непобѣдимое влеченіе; у меня ничего этого нѣтъ. Я ѣду, чтобы посмотрѣть крайне интересное явленіе, о которомъ вы такъ много мнѣ говорили. Я волнуюсь потому, что дѣлаю при моихъ условіяхъ смѣлый, невѣроятный шагъ.

— Увѣрены ли вы, что васъ не обманываетъ вашъ анализъ? Не подставляете ли вы одно на мѣсто другого? Это часто бываетъ.

— Нисколько. Я иду очень сознательно.

— И вы думаете, что еслибъ вамъ разсказали, что вонъ тамъ, въ такой-то квартирѣ, живетъ человѣкъ съ такой-то интересной исторіей, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что вы узнали про моего химика, и предложили бы вамъ познакомиться съ нимъ, не прибавивъ, что онъ вашъ отецъ, вы также пошли бы на проломъ, обманывали бы вашу мать, придумывая способы, и такъ же, какъ теперь, мчались со мною, рискуя встрѣтить на пути знакомыхъ?

Людмила постаралась вообразить себѣ это и отвѣтила:

— Говоря добросовѣстно... пожалуй, что нѣтъ...

— Ну, вотъ видите.

— Такъ что же это? Кровь? Въ самомъ дѣлѣ кровь?

— Да, кровь... Нельзя отрицать ее. Если въ вашемъ лицѣ я узнаю черты его лица, если ваши синіе глаза — точно второе изданіе тѣхъ глазъ, которыми онъ каждый день на меня смотритъ, если на вашемъ лицѣ я даже нахожу ниже лѣваго глаза родимое пятнышко, точь-въ-точь такое, какъ у него, на томъ же мѣстѣ, то неужели же я стану отрицать силу общей крови?.. Это та же кровь, что течетъ въ его кровеносныхъ сосудахъ. Ее точно отлили изъ тѣхъ сосудовъ, чтобы наполнить ваши, какъ отливаютъ изъ бочки вино, чтобы разлить его въ бочонки... Вѣдь то вино—то же самое, со всѣми тѣми же качествами... Боже, какъ онъ мчитъ! Смотрите, мы уже на островѣ.

— Это ужъ близко?

— Да, это совсѣмъ близко. Вотъ биржа, а вотъ и нашъ переулокъ. Волнуетесь?

— Сильно.

— Какъ въ тѣхъ романахъ, которые вы читали?

— Вы хотите, чтобы это непремѣнно было такъ?

— Я хочу, чтобы вы сказали себѣ правду.

— Вѣроятно, я ее скажу себѣ, только не теперь... Теперь я не владѣю своими душевными силами.

— Стой... Вотъ здѣсь, у воротъ.

— Уже?

Извозчикъ остановился у воротъ большого дома. Они вышли изъ саней.

— Ты дожидайся здѣсь, черезъ часъ понадобишься!—сказалъ Крученинову кучеру.

Они вошли во дворъ. Здѣсь, посреди двора, стоялъ особнякомъ одноэтажный флигель.

— Вотъ это нашъ замокъ. Мы его весь цѣликомъ занимаемъ.

— Вдвоемъ?

— Да, но населяетъ его обыкновенно довольно большое общество. У насъ очень весело... увѣряю васъ.

Прямо противъ воротъ во флигелѣ была дверь. Къ ней нужно было подняться по нѣсколькимъ досчатымъ ступенькамъ. Они поднялись. Крученинову позвонилъ.

У Людмилы сильно билось сердце, и у нея не выходили изъ головы слова Крученинова относительно романовъ, которые она читала. «Кровь, которую отлили изъ его кровеносныхъ сосудовъ въ ея сосуды». Въ этомъ есть что-то грубое и въ то же время непреоборимое.

Такъ вотъ еще съ чѣмъ надо считаться и что не входило въ ученіе Ирины Васильевны! Вотъ теперь она, Ирина Васильевна, сидитъ тамъ, въ квартирѣ Балясова, и не подозрѣваетъ, что здѣсь она, Людмила, отыскала старый источникъ, изъ котораго «отлили часть крови для наполненія ея кровеносныхъ сосудовъ...»

Что-то новое, странное, непостижимое переживала въ эти минуты Людмила. Голова ея слегка кружилась, точно подъ вліяніемъ опьяненія, ноги дрожали, а руки были холодны.

Но она старалась собрать всѣ свои силы и говорила себѣ, что надо быть твердой, владѣть собой, надо не поддаваться.

За дверью послышались шаги, кто-то повернулъ ключъ въ замкѣ и дверь отворилась. Людмила взглянула въ полутемную переднюю. Дверь отперъ имъ какой-то юноша-студентъ въ блузѣ изъ сѣраго сукна, подпоясанный кушакомъ. Лица его она не разглядѣла.

— А, Макаровъ, здравствуйте! Вы давно у насъ?

— Съ полъ-часа,—отвѣтилъ Макаровъ нѣжнымъ, еще не установившимся голосомъ.

— Сергѣй Николаевичъ не уходилъ?

— Нѣтъ, онъ у себя...

— Войдемте, Людмила. Шубу снимете тамъ, здѣсь прохладно...

Онъ отворилъ дверь въ комнату и они вошли.

Комната, въ которую они вошли, была странно обставлена: длинный диванъ, кровать и нѣсколько стульевъ составляли все ея украшеніе, и такъ какъ она была большая, въ четыре окна, выходившихъ на дворъ, то казалась пустынной.

Въ ней не было никого, а въ обѣ стороны были растворены двери въ другія комнаты.

— Вотъ здѣсь снимите шубу,—сказалъ Крученинов.—Позвольте я вамъ помогу.

И онъ быстро помогъ ей растегнуть и снять шубу. Въ то время, какъ она снимала шапочку, вытаскивая изъ ней длинную булавку, пристегивавшую ее къ волосамъ, послышались торопливые шаги, и слѣва въ комнату вошелъ Рокотовъ. Людмила взглянула на него и поняла, что это онъ и почему-то руки ея, державшіе шапочку и булавку, сами опустились.

Довольно высокій, сухощавый, съ нѣсколько поднятыми плечами, онъ держался чрезвычайно прямо, какъ казалось—даже преувеличенно. Сѣдые волосы на его головѣ были довольно густы и свободными прядями закидывались назадъ, длинная сѣдая борода—густая, сильно разросшаяся, отливала какимъ-то розовымъ оттѣнкомъ, очевидно, остатокъ ея прежняго золотисто-русаго цвѣта.

Это было первое, что бросилось Людмилѣ въ глаза и что заставило ее подумать: «Онъ старикъ».

Она знала, что ему лѣтъ около пятидесяти и не ждала найти его такимъ сѣдымъ. Но послѣ перваго мгновеннаго осмотра, она какъ-то невольно сосредоточилась на его глазахъ и ее поразило удивительное сходство ихъ съ ея глазами—такіе большіе, синіе, съ длинными темными рѣсницами. И эти глаза, надъ которыми выступалъ высокій, пересѣченный рѣзкими глубокими морщинами, лобъ, смотрѣли на нее и улыбались удивительно спокойной улыбкой.

— Вотъ это, Людмила, Сергѣй Николаевичъ,—сказалъ Крученииовъ, указывая на него, но въ этомъ не было никакой надобности.

Крученииовъ уже второй разъ и безъ всякаго уговора съ нею назвалъ ее однимъ именемъ, и она это признала. Она тоже думала, что въ этомъ домѣ не должно быть вовсе произнесено имя Балясова.

— Я такъ и думалъ, такъ и представлялъ...—вымолвилъ Рокотовъ грубоватымъ басистымъ голосомъ, отрывисто произнося и отчеканивая слова, и протянулъ руку.

Людмила уронила свою шапку и, сдѣлавъ къ нему нѣсколько шаговъ, взяла его руку и пожала. Она испытывала глубокое смущеніе. Какое-то странное, никогда еще не испытанное чувство волновало ее.

Но это не было внезапно проснувшееся неотразимое влеченіе къ человѣку, котораго она не знала, нѣтъ, такого волненія она не испытывала. Того, что описывалось въ романахъ, которые она читала—желанія упасть на его грудь и плакать—она не переживала.

Это былъ скорѣе всего какой-то новый для нея родъ любопытства передъ явленіемъ, которое не подходило ни къ чему, испытанному ею до сихъ поръ.

Видѣть своего отца въ двадцать лѣтъ, въ первый разъ въ жизни, стоять передъ нимъ, пожимать его руку, видя въ его лицѣ такое яркое доказательство, что онъ, дѣйствительно, ей отецъ—эти глаза, точно перенесенные на его лицо изъ ея орбитъ,—это было слишкомъ ново, къ этому она не была подготовлена, хотя думала объ этомъ цѣлую недѣлю.

— Пойдемъ въ мою комнату, тамъ есть гдѣ посидѣть... А тутъ у насъ похоже на артельную казарму, продолжая улыбаться своими глазами, говорилъ Рокотовъ и, не выпуская ея руки, повлекъ ее за собою.

Они прошли одну комнату, также скудно обставленную, какъ и первая, и вошли въ небольшую комнату въ одно окно. Здѣсь все было

совсѣмъ иначе. Былъ небольшой письменный столъ, подъ нимъ довольно мягкій коверъ, здѣсь стояли два кресла, нѣсколько стульевъ, кровать и около нея круглый столикъ. У стѣны былъ шкафъ, на стѣнѣ маленькія гравюрки и фотографіи. Это была несомнѣнно, жилая комната.

— Ну, вотъ и садись здѣсь. Мы ужъ сразу будемъ на ты, а то потомъ переходить будетъ трудно,—сказалъ Рокотовъ и почти насильно усадилъ Людмилу въ кресло.

— Вотъ, я говорю, Кручениновъ, ты правъ, я начинаю думать, что ты правъ. Онъ вѣритъ въ кровь, пояснилъ онъ,—обратившись къ Людмилѣ,—а я все оспариваю. Я говорю, что право крови—это для низшихъ расъ, а для человѣка—духовное сродство... А все-таки и съ кровью ничего не подѣлаешь... Вотъ я смотрю на Людмилу и вижу, что мы съ ея матерью раздѣлили себя, въ силу нашихъ убѣжденій тамъ, плановъ, разногласій, а природѣ до этого не было рѣшительно никакого дѣла, она все-таки создала тебя, Людмила, изъ крови твоей матери и изъ моей. Вотъ я вижу, что овалъ лица весь ея. У нея былъ такой же точно... И подбородокъ... Да, подбородокъ у нея былъ характерный; а вотъ глаза и лобъ мои, и волосы мои, и носъ похожъ на мой; впрочемъ, тутъ есть что и отъ нея... Вотъ и поди и поспорь теперь съ Крученинымъ...

Крученинъ былъ здѣсь. Онъ выдвинулъ ящикъ изъ письменнаго стола и и что-то искалъ тамъ. Онъ сказалъ.

— Я только найду здѣсь одну брошюрку, она мнѣ нужна, и сейчасъ уйду...

— Зачѣмъ же?—промолвилъ Рокотовъ.—Ты намъ нисколько не мѣшаешь. Вѣдь онъ намъ не мѣшаетъ?—вопросительно прибавилъ онъ.

— Нѣтъ,—сказала Людмила,—но въ сущности она вовсе не думала о томъ, мѣшаетъ Крученинъ или нѣтъ.

Она ни о чемъ не думала, а усиленно занималась приведеніемъ себя въ порядокъ. Ее злило это смущеніе передъ человѣкомъ, который пока еще ничѣмъ не проявилъ себя передъ нею, ни добрымъ, ни злымъ. Она не привыкла смущаться. Ирина Васильевна научила ее ко всему относиться съ собственнымъ превосходствомъ, всегда заранѣе считать себя выше того, что представляется въ жизни. А тутъ она никакъ не можетъ этого выдержать.

И она радовалась тому, что онъ сразу заговорилъ и этимъ какъ бы давалъ ей время овладѣть собой. И ей показалось, что она этого достигла. Она посмотрѣла ему прямо въ глаза, какъ бы испытывая себя.

— Ахъ, да,—сказалъ Рокотовъ Крученинову,—Макаровъ у

насъ обѣдаетъ и ночуетъ. У него тамъ вышли какія-то несогласія съ квартирной хозяйкой.

— Вотъ я съ нимъ и поговорю,—сказалъ Крученинов и, найдя свою брошюру, задвинулъ ящикъ и вышелъ.

Рокотовъ усмѣхнулся.

— Онъ все-таки увѣренъ, что мѣшаетъ намъ. А чему онъ можетъ помѣшать, когда онъ знаетъ всю нашу исторію и такъ много помогалъ намъ. Онъ славный малый... Ну, что-жъ, произведемъ другъ другу маленькій экзаменъ.

Онъ взялъ кресло, придвинулъ его ближе къ Людмилѣ и сѣлъ.

— Мы оба имѣемъ на это право. Кто же первый будетъ задавать вопросы?

— Вы, конечно,—сказала Людмила и почувствовала, что голосъ ея дрожитъ.

— Неужели ты будешь говорить мнѣ *вы*? Лучше говори *ты*, вѣдь мы близки... А? Вѣдь такъ лучше?

— Не знаю,—отвѣтила Людмила,—я еще не освоилась... Я еще не могу отвѣчать за все... Я почему-то очень смущена...

— Ну, потомъ, хорошо... Мнѣ никакихъ вопросовъ задавать не приходится. Я твою жизнь знаю. Видишь ли, я не хотѣлъ обкрадывать Ирину Васильевну. Вѣдь она такъ много положила на тебя. Оттого я почти три года былъ въ сторонѣ... Но теперь она слишкомъ ужъ не права. Ужъ слишкомъ! Ну, и вотъ что: она хочетъ сдѣлать тебя счастливой, но ошибается въ выборѣ средствъ. Она думаетъ, что если ты будешь все и всѣхъ презирать, то этимъ будешь счастлива. Какъ это удивительно! А она—она вѣдь сама все и всѣхъ презираетъ, а спроси ее: развѣ она счастлива?

— Я знаю, что она несчастлива,—вдругъ съ неожиданной для себя самой твердостью сказала Людмила.

— Ты знаешь? Ну, вотъ. Значитъ, и доказывать ничего не надо... Я только это и хочу сказать: не иди, не иди туда, куда она тебя ведетъ. Онъ ведетъ искренно, изъ любви къ тебѣ, но она сама слѣпая. Она ослѣпла однажды, въ одинъ день, когда я ушелъ отъ нея... Съ тѣхъ поръ она идетъ и тебя ведетъ за собой въ чащу лѣса и все глубже и глубже и воображаетъ, что идетъ на свѣтъ... Ты вѣдь знаешь исторію нашихъ отношеній?..

— Мнѣ Крученинов разсказывалъ...

— Ну, вотъ. Такъ видишь ли, все ли ясно тебѣ въ ней? Скажи, что ты въ ней не понимаешь?

— Самаго главнаго,—отвѣтила Людмила, все больше и больше овладѣвая собой.—Я вотъ чего не понимаю: ты (она съ величайшимъ волненіемъ произнесла это непривычное обращеніе), ты былъ весь поглощенъ своими цѣлями, ты отдалъ имъ душу и тѣло...

— О, да, да... Такъ это было тогда...

— Но, встрѣтившись съ нею, ты принялъ ея любовь... ты не отвергъ ее, ты не сказалъ, что не имѣешь на это права...

— Почему, почему я не имѣлъ на это права? Я былъ человѣкъ, сильный, здоровый, кровь моя была горяча, я былъ молодъ и она тоже. Наше взаимное влеченіе не было выдумкой. Мы слились, какъ сливается все въ природѣ—молодое, здоровое, сильное...

— Но вѣдь этимъ самымъ ты бралъ на себя обязательство?

— Нѣтъ, Людмила, нѣтъ. Ты думаешь такъ потому, что не знаешь духа того времени. Тебѣ надо это разсказать. Ты и не можешь знать его, потому что онъ исчезъ безслѣдно. Я не вижу въ теперешнемъ обществѣ, въ теперешней жизни никакихъ признаковъ его. Ты и не можешь понимать этого. Вы живете теперь будничной жизнью, а тогда, тогда былъ какой-то веселый праздникъ духа... Тебѣ надо это разсказать... Не такъ ли?

— Я готова слушать, я ничего не знаю о томъ времени.

— Да, твоя мать тебѣ не разсказала. Я знаю. Она не могла разсказать, потому что это значило бы показать тебѣ другую сторону медали, а она хотѣла, чтобы ты видѣла только одну сторону и такъ прожила всю жизнь въ заблужденіи, что только и есть одна сторона. Такъ хочешь слушать?

— О, да. Съ глубокимъ вниманіемъ!—сказала Людмила.

X.

— Мой отецъ былъ военный,—началъ Рокотовъ:—въ кругахъ того времени онъ, обладавшій полковничьимъ чиномъ, занималъ видное положеніе. Онъ отличался въ недавно минувшей войнѣ, грудь его была увѣшана орденами, въ обѣихъ ногахъ было нѣсколько еще не заживших ранъ.

Всю свою карьеру онъ сдѣлалъ во время этой войны: до нея онъ былъ маленькій незначительный офицеръ, не подававшій никакихъ надеждъ. Мало того, я слышалъ даже потомъ, что ему грозило изгнаніе изъ круга товарищей и виной тому былъ его крутой, прямой и рѣзкій характеръ, не знавшій никакихъ нюансовъ въ отношеніяхъ къ людямъ.

Если онъ видѣлъ передъ собой добродѣтель (такъ, какъ онъ понималъ ее), онъ чуть не становился на колѣни. Но зато, когда передъ нимъ совершалась подлость, онъ весь вскипалъ, становился на дыбы и бросалъ прямо въ лицо: «вы совершили подлость!» Это создало ему множество враговъ и его судьба, какъ офицера, была уже рѣшена. Ждали только повода, чтобъ придраться.

Но вдругъ грянула война. Всѣ личные счеты были отодвинуты на задній планъ. А на войнѣ онъ показалъ чудеса храбрости и

обогналъ всѣхъ своихъ товарищей. Онъ явился въ Москву, гдѣ мы жили, героемъ.

Мы жили хорошо. Кромѣ службы, которая давала немного,—мой отецъ, въ противность нравамъ того времени, никакими доходами со службы не пользовался,—у моего отца было еще богатое имѣніе гдѣ-то во Владимірской губерніи. Я его никогда не видѣлъ, потому что мы никогда не жили въ деревнѣ.

Смутно помню я, что общество, окружавшее нашу семью, было сановитое и помню, какъ во снѣ—я былъ тогда десятилѣтнимъ мальчикомъ, что тогда всюду и постоянно въ этомъ обществѣ велись тревожные разговоры о какой-то готовящейся страшной перемѣнѣ. Именно впечатлѣніе у меня осталось тревоги и страха.

Сановитые люди, посѣщавшіе нашъ домъ и тѣ, къ кому мы ѣздили, говорили объ этихъ грядущихъ перемѣнахъ съ волненіемъ, кипятились и злобствовали. Я ничего не понималъ, но чувствовалъ, что должно совершиться что-то противъ ихъ желанія, что-то для нихъ оскорбительное и, какъ я вѣрилъ, что-то несправедливое.

И вотъ случилось то, про что обыкновенно говорятъ: «грянулъ громъ!» Крученинoвъ, ты слушай,—слегка возвысивъ голосъ, прибавилъ Рокотовъ, обратившись въ сосѣднюю комнату, гдѣ осторожно на цыпочкахъ прошелъ Крученинoвъ:—повѣрь, что тутъ нѣтъ ничего интимнаго. Это не моя исторія, это исторія моего поколѣнія. Я никогда еще тебѣ такъ подробно не разсказывалъ.

Людмила оглянулась и увидѣла, что Крученинoвъ стоитъ въ дверяхъ, прислонившись къ косяку. Рокотовъ продолжалъ:

— «Грянулъ громъ!»—это значитъ, что объявлено освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Я тебѣ разсказываю почти не факты, потому что факты я помню смутно, а впечатлѣнія. Они остались.

Въ тѣхъ кругахъ, гдѣ я вращался, это было впечатлѣніе катастрофы, какъ будто посрединѣ земли разверзлась земля, выбросила изъ себя расплавленную массу, которая затопила полъ-города. Сановитые люди пріѣзжали къ отцу и злобно шипѣли что-то. Ихъ оскорбили. Покусились на ихъ вѣковыя права, ихъ ограбили.

Но они не столько заботились о своихъ потеряхъ и обидахъ, какъ о гибели Россіи. Россія должна погибнуть, ее поглотитъ стихійный разбой, который, по ихъ предсказаніямъ, вотъ-вотъ долженъ наступить и смыть все съ лица земли. Новые Пугачевы и Стеньки Разины, казалось, уже шли изъ глубокихъ дебрей провинціи и надвигались на столицу.

Мой отецъ не былъ исключеніемъ. Несмотря на свою правдивость и прямоту, онъ не почувствовалъ правды въ этомъ вели-

чайшемъ актѣ, какой только вышелъ когда-либо изъ человѣческихъ рукъ. Онъ, какъ и другіе, видѣлъ въ этомъ оскорбленіе.

Но все же онъ и тутъ выдѣлился изъ ряда другихъ сановитыхъ людей, все же онъ поступилъ прямѣе, чѣмъ другіе. Большинство сановитыхъ людей кипятилось и злобствовало втихомолку, въ своемъ кругу, а на людяхъ, тамъ, гдѣ это было надо, дѣлало видъ, что не только примиряется съ этимъ «неизбѣжнымъ требованіемъ времени», а даже рукоплещетъ ему. Тѣ самые люди, лица которыхъ были искажены злобой, когда они находились въ кругу единомышленниковъ, въ публичныхъ мѣстахъ говорили, что «взошло солнце русской гражданственности», что «совершилось великое дѣло, котораго страна ждала въ теченіе столѣтія»,—тогда любили выражаться пышно.

Отецъ ничего этого не умѣлъ, да и не хотѣлъ и не могъ по своей натурѣ. Онъ разсердился. Его только что оказавшаго подвиги храбрости, его, только что ради престола и отечества подставлявшаго свою грудь подъ непріятельскія пули, оскорбили, отняли отъ него «право отеческаго попеченія» надъ народомъ. Значитъ—его служба не оцѣнена, не нужна. Это одно.

А другое: кресгьянъ взяли изъ-подъ его опеки, значитъ, онъ былъ плохой отецъ, значитъ, онъ злоупотребилъ довѣріемъ. Значитъ, онъ распоряжаться своимъ владѣніемъ не умѣлъ.

А выводъ отсюда ясный: онъ подалъ въ отставку, и такъ какъ оффиціально сдѣлать этого не могъ, то передъ самимъ собой отказался отъ всѣхъ орденовъ, которые заслужилъ. Онъ больше носить ихъ не будетъ. Онъ не генералъ въ отставкѣ (такъ какъ въ отставкѣ онъ получилъ генеральство), а только столбовой дворянинъ. Онъ вернулся въ первобытное состояніе.

А о деревнѣ и крестьянахъ онъ не хотѣлъ больше слышать Тогда онъ былъ не одинъ такой и на этихъ чувствахъ играли. И къ нему пришли и предложили какія-то пустяки за десятилѣтнюю аренду, онъ, не разсуждая, даже не вникая, брезгливо согласился. Онъ не взялъ бы ничего, но у него была семья, надо было жить. Я знаю, что черезъ десять лѣтъ онъ получилъ обратно свое имѣніе разореннымъ, съ вырубленными лѣсами, съ выловленной рыбой въ озерахъ и прудахъ, съ истощенной почвой, съ разрушенными постройками, безъ орудій и безъ скота.

Тѣмъ не менѣе, по какой-то странной логикѣ, которую можно сыскать только у людей того времени, онъ, самъ отказавшись отъ военнаго званія, меня отдалъ въ военное училище. Все-таки онъ не зналъ ничего лучшаго для своего сына. И вотъ я въ мундирѣ кадета марширую, готовлюсь воевать. Ты видишь, я, несмотря на пройденную жизнь, которая не разъ старалась согнуть мою спину, все-таки держусь прямо—это я тогда научился. Въ

военныхъ школахъ того времени еще оставались отголоски николаевской строгой выправки; мягкость и человѣчность проникли и туда, но позже, и меня тамъ выпрямили на всю жизнь.

Въ военной школѣ я дошелъ до пятаго класса, и было мнѣ уже тогда шестнадцать лѣтъ. Среда эта была спеціальная, изолированная отъ всего остального міра. Во всей освобожденной Россіи тогда жизнь кипѣла, новая свобода взбудоражила всѣ слои общества. Въ однихъ она вызвала негодованіе, въ другихъ изумленіе, въ третьихъ восторгъ. Не ошибусь, если скажу, что послѣднихъ было больше всего. Да иначе и не могло быть, иначе она не выжила бы. Не будь на ея сторонѣ огромнаго большинства націи, ее задавили бы и вернулись бы къ прошлому, тѣмъ больше, что потомъ, черезъ не слишкомъ много лѣтъ, для этого явилась почва. Но не ее задавили, а она придавила и выжила.

Да, такъ я говорю, что вся страна горѣла, потому что ее зажгли съ одного конца до другого. Такъ поднимаетъ голову растеніе, хирѣвшее въ холодномъ полусыромъ помѣщеніи и вдругъ вынесенное на свѣжій воздухъ, подъ солнечные лучи.

Но та среда, въ которой я «выпрямлялся», ничего этого не знала и не чувствовала. Когда я приходилъ по праздникамъ домой, то встрѣчалъ дома угрюмое молчаніе, тамъ все замерло, а если проявлялась жизнь, то въ видѣ злобы на все, что происходило за стѣнами этого дома, и я уносилъ оттуда одно только мрачное недоумѣніе. Но когда мнѣ стало шестнадцать съ лишнимъ лѣтъ, одинъ незначительный случай открылъ передо мною новый міръ.

Нашъ корпусъ стоялъ какъ разъ противъ гимназіи. И нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не было, должно быть, большихъ враговъ, чѣмъ мы съ гимназистами. Мы проходили мимо ихъ съ гордо поднятыми головами, мы считали себя высшими существами. Въ насъ воспитали сословную гордость. Мы думали, что военное сословіе—самое лучшее сословіе въ странѣ. Мы будущіе защитники страны,—что можетъ быть выше этого?

А они относились къ намъ насмѣшливо. Они смѣялись надъ нашей маршировкой, выправкой и муштровкой. Они считали насъ пустоголовыми, способными только драться и рубиться.

Разумѣется, ошибались обѣ стороны, и мы прожили бы многіе годы, съ презрѣніемъ проходя мимо другъ друга и не задѣвая другъ друга, но случилось обстоятельство, которое всегда и сближаетъ, и разъединяетъ людей.

На нашей же улицѣ была женская гимназія. Мы и наши враги были одинаково молоды и одинаково пылки, и мы, и они завязывали молчаливые романы, писали невинныя записочки, дѣ-

лали глазки. И на этой почвѣ происходили взаимныя задиранія, маленькія стычки, которыя привели, наконецъ, однажды къ настоящей битвѣ.

Я въ битвѣ участвовалъ, хотя, помнится, въ романическихъ приключеніяхъ былъ неповиненъ, а просто такъ, по-товарищески, ради поддержанія военной чести и оружія. Къ стыду нашему, мы были побиты и, кажется, я больше всѣхъ и настолько серьезно, что палъ на полѣ битвы. Какое-то обстоятельство, можетъ быть, появленіе полицейскаго, разогнало сражавшихся,—это было ночью, на полянѣ, недалеко отъ нашихъ alma mater.

Не помню, какъ это вышло, что мои меня оставили: должно быть, они просто спасали свою честь, и я, почти въ безсознательномъ состояніи, попалъ въ плѣнъ къ непріятелю. Меня куда то повезли, и когда я очнулся, то увидѣлъ себя въ очень небольшой скромной комнатѣ, какихъ я потомъ видѣлъ множество и живалъ въ нихъ, но тогда въ первый разъ увидѣлъ, то, что называется студенческой обстановкой: двѣ кровати, столъ, этажерка съ книгами, нѣсколько стульевъ.

Около меня возился высокій смуглолицый молодой человѣкъ съ густыми темными волосами на головѣ, а за столомъ сидѣлъ, уже безъ мундира, въ рубахѣ, одинъ изъ моихъ враговъ и побѣдителей. Не помню подробностей, но почему-то высокій молодой человѣкъ за мной ухаживалъ, какъ за больнымъ, а мой врагъ, сидя за столомъ, уткнулся въ книжку и усердно что-то зудилъ.

— Ну, какъ чувствуете себя, юный боецъ?—спросилъ меня молодой человѣкъ.

Этотъ полусочувственный, полунасмѣшливый вопросъ вызвалъ во мнѣ негодованіе. Молодой и глупый задоръ узко воспитаннаго юноши заговорилъ во мнѣ. Я отвѣтилъ надменно:

— Я не знаю, какъ я попалъ сюда; знаю только, что я никого не просилъ оказывать мнѣ благодѣяніе.

Молодой человѣкъ добродушно усмѣхнулся.—Я вижу,—сказалъ онъ,—что вы еще воинственно настроены, но это уже не своевременно: ваши товарищи, надѣюсь, благополучно пробрались въ корпусъ, теперь двѣнадцатый часъ и я думаю, что и вамъ удастся тоже: можетъ быть, проводитъ васъ?

— Благодарю васъ. Я не нуждаюсь ни въ чьихъ услугахъ...—сказалъ я и вскочилъ съ кровати.

— Теперь вы въ нихъ больше не нуждаетесь,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, все съ той же усмѣшкой, которая почему-то казалась мнѣ оскорбительной.

Тутъ я замѣтилъ, что я только въ рубахѣ. И началъ растеряннымъ взглядомъ отыскивать свой мундиръ.

— Ахъ, да, вашъ мундиръ...—сказалъ молодой человѣкъ,—сейчасъ его принесутъ. Анна!—кликнулъ онъ въ дверь.—Мундиръ военнаго человѣка готовъ?

— Сейчасъ!—послышался молодой женскій голосъ изъ-за двери.

— Видите ли,—пояснилъ мнѣ смуглолицый господинъ:—вашъ мундиръ былъ въ большомъ безпорядкѣ, вы дрались очень рѣшительно, разорвали рукавъ и подкладку. Но Анна это моя сестра—зашила все это настолько, чтобы ваше начальство не замѣтило.

— Вотъ мундиръ,—промолвилъ женскій голосъ. Дверь пріотворилась и оттуда просунулась женская рука, державшая мой мундиръ.

— Вася, возьми-ка!—сказалъ молодой человѣкъ. Гимназистъ, зубрившій исторію, вскочилъ, побѣжалъ къ двери, взялъ мундиръ и принесъ его мнѣ. Я окатилъ своего врага свирѣпымъ взглядомъ, схватилъ мундиръ и началъ напяливать его, но почувствовалъ нестерпимую боль въ правой рукѣ и уронилъ мундиръ на полъ.

— Вамъ надо обращаться съ вашей рукой осторожно,—сказалъ молодой человѣкъ,—позвольте, я вамъ помогу.

Онъ поднялъ мундиръ и осторожно помогъ мнѣ сунуть правую руку въ рукавъ.

— Теперь вы можете идти,—вполнѣ доброжелательно сказалъ онъ,—но совѣтую вамъ завтра же отправиться въ лазаретъ и показать вашу руку доктору.

— Благодарю за совѣтъ!—сквозь зубы процѣдилъ я и выскочилъ изъ комнаты, потомъ изъ передней на лѣстницу, и во дворъ, а оттуда на улицу. Кой какъ пробрался я въ корпусъ, что-то навралъ и вывернулся.

На другой день рука разболѣлась хуже, пришлось идти въ лазаретъ и опять что-то врать. Недѣли черезъ двѣ я вылѣчился и только тогда вдругъ вспомнилъ совершенно явственно все, что произошло со мной въ неизвѣстной квартирѣ неизвѣстныхъ мнѣ людей. И по мѣрѣ того, какъ я думалъ, у меня въ головѣ возникало представленіе о чемъ-то совершенно для меня новомъ и даже непонятномъ. Я никогда не видѣлъ ничего подобнаго,—не видѣлъ студенческой комнаты, не видѣлъ близко студента, не слышалъ студенческаго голоса.

Объ этихъ людяхъ я кой-что слышалъ. И они почему-то представлялись мнѣ патлатыми, нечесаными, немытыми, крикливыми, грубыми, что-то вродѣ разбойниковъ на большой дорогѣ. И припомнилъ я, что тамъ было со мной.

За мной ухаживали, привели меня въ чувство, даже починили мой мундиръ, предлагали проводить. Рѣшительно во всемъ этомъ не было ничего оскорбительнаго. А я металъ глазами молніи и говорилъ мальчишескія дерзости. Почему?

Я искалъ для себя какое-нибудь основаніе, но не находилъ и мнѣ стало неловко. Я поступилъ не по-джентльменски съ людьми, которые дѣлали мнѣ добро, я обошелся грубо, оскорбительно съ ними въ ихъ же домѣ. Это не согласовалось ни съ военною, ни съ какою другою честью.

У меня было нѣсколько товарищей, съ которыми я дѣлился мыслями и чувствами, я разсказалъ имъ это. Они отнеслись легко: «Ну, вотъ еще, стоитъ обращать вниманіе... Какой-то тамъ патлатый студентишко! Наплюй!»

Но мнѣ не плевалось. Во мнѣ возмутилась совѣсть, которая требовала удовлетворенія. Я всегда былъ рѣшительный. Я и тутъ взялъ да и рѣшилъ сразу. Какъ-то въ праздникъ, когда насъ выпускали, я вышелъ изъ корпуса одинъ и началъ напрягать память, чтобы отыскать домъ, въ которомъ меня привели въ чувство. Съ большимъ трудомъ, послѣ нѣсколькихъ ошибокъ, мнѣ это удалось. Потомъ я разспросилъ дворника, гдѣ живутъ студентъ и гимназистъ и это разъяснилось и тогда я, не думая долго, поднялся въ четвертый этажъ, и позвонилъ. Мнѣ отперла дверь молодая дѣвушка и спросила, что надо.

— Извините пожалуйста. Вы Анна?—спросилъ я.

Дѣвушка посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Меня зовутъ Анной. А зачѣмъ это вамъ?

— Видите ли, мѣсяцъ тому назадъ я у васъ былъ и вы... чинили мой мундиръ; такъ я пришелъ поблагодарить васъ.

— Ахъ, это вы?

И она вся расцвѣла, и, увѣряю тебя, я до сихъ поръ не могу забыть той милой и радостной улыбки, какой освѣтилось ея лицо.

— Такъ пожалуйста войдите. Вася, Платонъ... Къ намъ гость.

Въ передней появились Вася—мой бывшій врагъ, онъ теперь былъ въ гимназическомъ мундирѣ,—и Платонъ мой цѣлитель, тотъ самый смуглый молодой человѣкъ, который ухаживалъ за мной.

— Такъ это вы? Такъ это онъ?—и они втащили меня въ переднюю, сняли съ меня верхнее платье и повели въ комнату, въ ту самую комнату, гдѣ я приходилъ въ чувство. Но потомъ всѣ перешли въ другую,—маленькую столовую, гдѣ скоро появился самоваръ, чайная посуда и какіе-то сухари.

Не помню подробностей, но одно помню, что я, котораго ждали дома, просидѣлъ у нихъ часа четыре и въ эти часы такъ сблизился съ ними, что ушелъ отъ нихъ другомъ. Какъ это произошло, не могу сказать. Рѣчей нашихъ не помню, но впечатлѣніе осталось: необыкновенно дружная трудовая семья. Родные гдѣ-то далеко, въ глухой провинціи. Платонъ студентъ медицины, на пятомъ курсѣ. Анна тоже гдѣ-то учится, а Василій пока свое-

нравный мальчуганъ, любитъ драться, что доказалъ въ битвѣ со мною, но, въ сущности, добрый малый и ихъ общій любимецъ.

Должно быть, поднимались тамъ и общіе вопросы, потому что потомъ, когда я ѣхалъ на извозчикѣ домой, въ головѣ моей носились миріады новыхъ мыслей. Въ тотъ день я узналъ, что, кромѣ того почтеннаго сословія, къ которому я принадлежалъ, существуетъ огромный великій міръ—міръ труда, волнующійся, кипящій, и грудь моя наполнилась ощущеніемъ какой-то громады, чего-то захватывающаго.

Послѣ этого я каждый праздникъ по пути домой заходилъ къ моимъ новымъ друзьямъ. Мой внутренній міръ страшно измѣнился. Моимъ товарищамъ я казался неузнаваемымъ. Они меня не понимали. Когда я однажды сталъ съ глубокимъ убѣжденіемъ проповѣдывать имъ, что защищать отечество можно не однимъ только оружіемъ, но также и умственной и нравственной дѣятельностью и что это даже надо дѣлать прежде, чѣмъ защищать,—они отъ меня отшатнулись, какъ отъ сумасшедшаго.

Знаешь ли, Людмила, почему я разсказываю тебѣ такъ подробно? Я хотѣлъ объяснить тебѣ, что это было за время—мое время, а вмѣсто того остановился на исторіи моей юности, которая была внѣ того времени. Я сдѣлалъ это нарочно. Для тебя это поучительно. Я хотѣлъ показать, какъ важно иногда бываетъ открыть передъ человѣкомъ такой уголокъ жизни, котораго онъ никогда раньше не видалъ. Мои новые друзья только это и сдѣлали. Остальное я понялъ самъ. Живое и правдивое всегда принимается живой душой. Мнѣ кажется, что ты въ такомъ же точно положеніи. Тебѣ показали жизнь только съ одной стороны. И если ты увидишь другую сторону, то, увидѣвъ, ты сама все поймешь...

Я тебѣ доскажу, чѣмъ все это кончилось. Мнѣ оставалось еще быть въ военной школѣ полтора года, но я уже не могъ. Все мое міропониманіе перевернулось и тутъ то сказался мой рѣшительный характеръ. Однажды я пришелъ изъ корпуса къ отцу и сказалъ:

— Я не могу быть военнымъ. Я больше не пойду въ школу.

Ну, конечно, поднялась буря. На меня кричали, топали ногами, грозили даже расправиться «по-старинному» то-есть выпороть. Но ничто не помогло. Меня уже нельзя было вернуть обратно. Я ушелъ изъ этого узкаго круга, въ которомъ росъ.

Тогда мой отецъ пришелъ въ свирѣпость. Онъ рѣшился заставить меня силой. Меня насильно одѣли въ мой военный мундиръ, силой усадили въ карету и самъ отецъ повезъ меня въ школу. Въ каретѣ съ нами сидѣли два лакея, которые держали меня за плечи. Пріѣхали, вышли, явились передъ начальствомъ.

Отецъ разсказалъ о моемъ неповиновеніи, сдалъ меня начальству и сказалъ, что, предоставляя поступить со мной по всей строгости учебной дисциплины, заранѣе заявляетъ, что не будетъ протестовать, что бы со мной ни сдѣлали.

Нужно ли прибавлять, что въ тотъ же вечеръ я убѣжалъ изъ школы и больше не возвращался ни туда, ни въ домъ моего отца. Отецъ сперва разыскивалъ меня, поднималъ на ноги полицію, потомъ, кажется, проклялъ и махнулъ рукой. А я, при помощи моихъ друзей нашелъ кой-какія дешевыя занятія, засѣлъ за науки, въ одинъ годъ приготовился къ экзаменамъ и, выдержавъ его, поступилъ студентомъ въ московскій университетъ.

Отецъ мой скоро умеръ. Онъ еще при жизни передалъ все свое имущество родственникамъ по линіи моей давно умершей матери, только небольшой капиталъ, тысячъ въ двадцать, онъ держалъ на текущемъ счету въ банкѣ и, очевидно, распоряженіе имъ хотѣлъ сдѣлать передъ смертью. Конечно, онъ и не думалъ отказывать эти деньги мнѣ, но смерть наступила внезапно, онъ не успѣлъ распорядиться, и мнѣ остались эти деньги, которыя потомъ дали мнѣ свободу жить и дѣйствовать, какъ я хочу.

Теперь я вступаю въ важный періодъ жизни, изъ за котораго я собственно и началъ свой разсказъ. Можешь ли ты еще слушать?

— О да, я хочу дослушать все,—отвѣтила Людмила.

— Достаточно ли у тебя времени?

— Ничего, я какъ нибудь объясню.

— Такъ иди-ка, Крученииовъ, сюда. Я люблю, чтобъ кружокъ былъ тѣснѣе. Тогда искреннѣй говорится.

Крученииовъ перешелъ въ комнату и сѣлъ на диванѣ, а Рокотовъ, напротивъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Нѣсколько минутъ онъ не говорилъ ни слова, какъ бы собирая въ своей душѣ въ одно цѣлое всѣ разрозненныя черты, касавшіяся того времени.

— Да, это было удивительное время, заговорилъ, наконецъ, Рокотовъ, не обращаясь ни къ Людмилѣ, ни къ Крученинову, а какъ бы самъ къ себѣ. Вы, смотрящіе на него издали, не можете понять его. Существуетъ преемственность поколѣній, преемственность временъ. Прошлое впадаетъ въ настоящее, а настоящее въ будущее, какъ ручей въ рѣку, а эта рѣка въ потокъ; который несетъ на своихъ плечахъ всѣ ихъ воды въ море, въ вѣчность. Но если на пути встрѣтилась непреоборимая преграда—горный хребетъ, вода протачиваетъ себѣ отверстіе въ землѣ и течетъ подъ горами, или, теряясь въ тысячи извилинъ, пробивается между скалъ и кустарниковъ и, вдругъ появившись снова тамъ гдѣ-то за горами, течетъ къ морю, будто новая рѣка, и

никто не знаетъ, откуда она пришла и гдѣ ея начало. И вы не можете понять нашего времени, потому что между нами и вами стали горные хребты, за которыми потерялось прошлое—начало и причина будущаго...

Анна Залетова была удивительная дѣвушка! Если бы она предстала теперь передъ вами, то вы, взглянувъ на нее, можетъ быть не удержались бы отъ смѣха. Вамъ она показалась бы нелѣпой и смѣшной.

Она носила короткую прямую черную юбку, тяжелые башмаки ея съ толстыми подошвами сильно стучали. На ней была страннаго фасона кофта, похожая на мужской пиджакъ, а изъ-подъ нея выглядывала кумачевая рубашка. Ея прекрасные свѣтлые волосы были острижены, какъ у мальчика, свою женственную фигуру, нѣжныя очертанія молодого тѣла она огрубляла угловатыми рѣзкими манерами, своему мягкому пѣвучему голосу она старалась придать мужество, и рѣчь ея была уснащена словами рѣзкими, сильными, выразительными.

Вы скажете: зачѣмъ это было нужно? И я отвѣчу вамъ: низачѣмъ. Это ничему не помогало, ничего не выясняло. Но это иначе не могло быть.

Тогдашнее общество, вдругъ очнувшееся отъ глубокаго сна, все дышало протестомъ—протестомъ противъ всего того, что такъ долго убаюкивало его и помогало спать, незамѣчая и терпя вблизи себя вѣковую несправедливость и мучительство. Женщина, сбросивъ съ себя цѣпи семейнаго рабства, попутно хотѣла сбросить разомъ ужъ все, что украшало это рабство. Ей казалось, что все виновато въ немъ и все мѣшало ей идти впередъ.

Вы теперь думаете, что это была не больше, какъ нехудожественная рисовка, но то былъ крикъ души. Красота, женственность и все, что питало ихъ, какъ наряды, прическа, изящная обувь, нѣжная изысканная рѣчь, все было отвергнуто разомъ и предано проклятію. Люди тогда были послѣдовательны, разрубали узелъ сразу, и если получалась рана и лилась кровь, они говорили себѣ: пусть. И по дѣломъ намъ. Зачѣмъ мы такъ долго спали?

И Анна Залетова, несмотря на такую внѣшность, была по природѣ нѣжнѣйшее существо въ мірѣ. Я видѣлъ, какъ она, стыдясь своихъ слезъ, плакала запираясь въ своей комнатѣ, чтобы никто не видѣлъ, плакала, когда была безсильна устранить чужое горе. Я видѣлъ потомъ, когда мы работали съ нею вмѣстѣ, какъ она отдавала послѣднія свои средства, подбирая брошенныхъ дѣтей на улицѣ и вскармливая ихъ.

Самая любовь казалась намъ излишней роскошью и мы, будучи человѣками, со всѣми человѣческими страстями, конечно платили

ей дань, но не посвящали ей ни одного вздоха, ни одной капли духовной нашей силы. Природа требуетъ—пусть она беретъ свое. Но я не отдамъ ей ни одного зернышка изъ тѣхъ сокровищъ, которыми богата моя душа. Всѣ мои духовныя силы принадлежатъ великому общему дѣлу.

Но что же это было за общее дѣло? Почему оно не было дѣломъ каждаго, его личнымъ домашнимъ дѣломъ, а дѣломъ всѣхъ?

Потому что всѣ вдругъ почувствовали себя виноватыми и торопились загладить свою вину. Это была вина цѣлаго сословія, стоявшаго наверху, передъ многочисленной массой. Я говорю: такъ чувствовали мы. Мы чувствовали, что цѣлый рядъ поколѣній предковъ такъ какъ и мы, вскормились, выходились потомъ и кровью этой массы, которая была безмолвна, какъ усмиренный волъ, которому надѣли ярмо.

Изъ-за насъ, изъ-за нашего блага, изъ-за нашей культуры, изъ-за нашей духовной высоты, она прозябала въ невѣжествѣ, бродила во тьмѣ, не вѣдала своихъ человѣческихъ правъ. Своимъ неусыпнымъ тяжелымъ трудомъ она прокладывала и утаптывала для нашего изощреннаго мозга дорогу къ свѣту, дорогу трудную, среди дремучихъ лѣсовъ, среди неприступныхъ гранитныхъ скалъ, черезъ опасныя пропасти. И мы чувствовали себя обязанными вернуть ей все то, что насильственно забрали у нея наши предки и мы.

И говорю вамъ: вся молодежь была охвачена этимъ однимъ сознаніемъ. Идти къ народу, понести ему свѣтъ, просвѣтить его знаніемъ—это стремленіе было фанатизмомъ и, какъ всякій фанатизмъ, оно выливалось въ крайнія, иногда уродливыя, формы, которыя теперь кажутся вамъ смѣшными. Но тогда это не было смѣшно. Тогда мы не обращали вниманія и не замѣчали формы. Мы бросали университеты, академіи, курсы, потому что чувствовали себя достаточно образованными для того, чтобы обучить народъ грамотѣ и дать ему доступныя знанія.

Еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ молодежь вся бросилась на изученіе природы, на пріобрѣтеніе точныхъ знаній. Но тогда это было отложено на послѣ. Сперва заплати долгъ изъ того богатства, которымъ владѣешь, а потомъ уже пріобрѣтай новыя богатства.

Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы тогда отвергли и презрѣли искусство. Вы готовы признать, что мы были лишены чувства прекраснаго, но вы ошибаетесь. Мы также, какъ и вы, были способны любоваться Рафаэлемъ, Тиціаномъ, Ванъ-Дейкомъ, Мурильо, Веласкезомъ и Микель-Анджело. Но мы не считали себя въ правѣ останавливаться передъ ними и тратить на это время, которое уже намъ не принадлежало.

Искусство до тѣхъ поръ служило развлеченіемъ нашимъ предкамъ и намъ, оно ничего пока не дало народу и мы сказали себѣ: довольно развлекаться, пора «служить» Мы торопились, намъ было некогда.

Рокотовъ остановился и довольно долго молчалъ. Потомъ онъ вновь заговорилъ, но голосъ его какъ бы оборвался, въ немъ появилась какая-то сумрачность.

— Я сказалъ: «вся молодежь», и видѣлъ на вашихъ лицахъ сомнѣніе. Я знаю, что вы подумали. Но во всякое время и во всякомъ движеніи, могущественно охватывающемъ общество, бываютъ и дряхлые и хилые организмы. Природа въ своемъ творчествѣ иногда терпитъ неудачу, но ей какъ бы жаль оставлять въ своихъ кладовыхъ то, на что она затратила свой трудъ и свой геній, и она пускаетъ ихъ жить. И потому во всякомъ искреннемъ движеніи бываютъ и подлыя души, которыя присасываются къ святынѣ и, опираясь на нее, устраиваютъ свои личныя дѣла.

Да, были среди насъ и Балясовы, и Поршневы, эти сознательные лицемѣры. Но большинство такихъ были слабые люди. Ихъ захватила могучая волна, она несла ихъ съ собою, но когда они ступали на твердую землю, они отрезвлялись и шли въ ту сторону, гдѣ было приготовлено пиршество для желающихъ.

И горе нашего поколѣнія въ томъ, что искренніе чуть не всѣ подломились подъ тяжестью громадной задачи и къ этому времени какъ-то всѣ затерялись, изсякли. Одни погибли совсѣмъ, другіе замолкли, точно оглушенные непонятнымъ шумомъ новаго времени. А тѣ—Балясовы, Поршневы и имъ подобные, они вскормились, упитали свое тѣло, набрались силъ и остались цѣлы и невредимы.

И теперь только они служатъ памятниками нашего времени, и по нимъ вамъ приходится судить о нашемъ поколѣніи. Они вводятъ васъ въ заблужденіе. У нихъ остались привычки, манеры и слова, которыя они украли отъ того движенія, и когда вы видите, какъ они щеголяютъ ими на ряду съ обдѣлываніемъ дурныхъ дѣлъ, васъ коробитъ, и вы скептически покачиваете головами, обратившись лицомъ къ прошлому. Но вѣрьте мнѣ, они не мы. Они—жалкіе отбросы того великаго движенія, оно выбросило ихъ изъ себя, какъ негодные плевелы...

— Крученинов, я вижу въ твоихъ глазахъ вопросъ и ты боишься произнести его, чтобы не коснуться моего больного мѣста. Твои глаза спрашиваютъ: а не было ли все это движеніе лишь благородной химерой? Не подняли ли вы на свои плечи непосильную ношу?

Я отвѣчаю тебѣ: можетъ быть, можетъ быть! Можетъ

быть, химера, но она приближала насъ къ небу; можетъ быть, непосильная ноша, но мы, неся ее, горѣли божественнымъ огнемъ. А главное, что я скажу тебѣ, это то, что мы пробивали дорогу,—неопытные, только что родившіеся на свѣтъ первые граждане, ошеломленные той массой свѣжаго воздуха и яркаго свѣта, которая вдругъ влилась въ русскую жизнь.

Рокотовъ прошелся еще нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановился, посмотрѣлъ на Людмилу и на Крученинова и улыбнулся.

— Ну,—сказалъ онъ,—будетъ съ васъ на сегодня. Мы съ Людмилой первый разъ увидѣлись, не хочу черезчуръ обременять ее «своимъ»...

— Мнѣ еще многое надо узнать,—сказала Людмила.

— Узнаешь, если захочешь. Тебѣ вѣдь пора ѣхать...

— Да.—Людмила вспомнила объ этомъ и быстро поднялась. Она вспомнила и объ Любочкѣ, которая навѣрное, уже кончила свою репетицію и теперь ждетъ ее въ театрѣ.

— Теперь ты дорогу къ намъ знаешь,—прибавилъ Рокотовъ.— Мы всегда тебѣ будемъ рады. Крученинновъ тобой не нахвалится. Онъ, кажется, даже влюбленъ...

— Нѣтъ, не влюбленъ,—чрезвычайно просто возразилъ Крученинновъ.

Рокотовъ протянулъ Людмилѣ руку. Она опять пожала ее, какъ тогда, когда пришла, и опять поймала себя на томъ, что у нея въ душѣ нѣтъ ни малѣйшаго порыва къ какой-нибудь нѣжности.

— Я очень довольна,—сказала она,—что это такъ случилось. Все это такъ ново...

Крученинновъ уже вышелъ въ другую комнату, чтобы проводить ее. Рокотовъ тоже вышелъ слѣдомъ за нею и они оба помогали ей одѣться.

— Пріѣзжай же,—сказалъ ей на прощаніе Рокотовъ:—я еще ничего не разсказалъ тебѣ про себя...

— Я пріѣду непремѣнно!—отозвалась Людмила уже изъ передней.

Она вышла съ Крученинновымъ. Кучеръ спалъ, пришлось будить его. Людмила сѣла въ сани и, кивнувъ головой Крученинову, уѣхала.

XI.

Ирина Васильевна вела странную жизнь. Наблюдатель съ обычными пріемами затруднился бы, если бы захотѣлъ отнести ее къ какому-нибудь опредѣленному, установленному типу.

Общества, которое составляло бы ея кругъ, она не призна-

вала. Благодаря этому, многочисленные и обязательные знакомые ея мужа относились къ ней холодно и ограничивались новогодними и пасхальними визитами. Дамы считали ее гордячкой и притомъ безъ всякихъ основаній. Они не находили въ ней никакихъ свѣтскихъ достоинствъ.

Ее не считали красивой, потому что красота ея проявлялась въ такихъ тонкихъ оттѣнкахъ лица и глазъ, которыхъ онѣ даже не замѣчали. У нея не было репутаціи умной женщины, потому что въ обществѣ она почти всегда молчала. Съ этими дамами, неустанно сплетничавшими другъ про дружку, а если онѣ хотѣли показать себя умными, излагавшими своими словами мысли изъ какой-нибудь бойкой газетной статьи, она не находила о чемъ говорить.

Но въ то же время, когда въ домѣ являлись многочисленные «искатели» со стороны Модеста Петровича, она, въ сущности презиравшая и его, и ихъ, не отказывала имъ въ своемъ вниманіи. Если Модестъ Петровичъ считалъ своимъ долгомъ устраивать для нѣсколькихъ такихъ лицъ у себя въ домѣ парадные обѣды, Ирина Васильевна являлась хозяйкой и тогда у нея вдругъ обнаруживались общественныя способности: она умѣла интересно говорить, оживлять и поддерживать настроеніе.

Дѣлала она это, конечно, не для Балясова, она отлично знала, что не на этихъ обѣдахъ зиждется его успѣхъ въ жизни, а для Людмилы, и цѣль ея была не прямая, а очень отдаленная. Среди этихъ пришлыхъ и случайныхъ людей она высматривала, не найдется ли что-нибудь исключительное, на чемъ она могла бы основать будущность Людмилы.

Она твердо рѣшила, что Людмила должна быть свободной женщиной и что свободу эту дастъ ей большое состояніе ея будущаго мужа. И если бы она встрѣтила человѣка богатаго и безусловно порядочнаго, который горячо полюбилъ бы Людмилу, она еще остановилась бы передъ вопросомъ: подходитъ ли онъ ей?

Она держалась мнѣнія, что горячая любовь больше, чѣмъ всякое дурное чувство, способна сдѣлать женщину несчастной. Горячая любовь мѣшаетъ свободѣ, горячая любовь требуетъ отъ женщины, чтобы она исключительно принадлежала одному и всякое отступленіе отъ этого создаетъ драмы. А Ирина Васильевна больше всего хотѣла отстранить отъ дочери всякую драму.

Поэтому Поршневъ, несмотря на всѣ свои пороки, которые не были тайной для Ирины Васильевны, показался ей чрезвычайно подходящимъ. Его влюбленность недолговѣчна, она пройдетъ, и Людмила будетъ свободна. Конечно, сама Ирина Васильевна съумѣетъ, выдавая ее за Поршнева, гарантировать ей эту свободу.

Съ глубокимъ сарказмомъ отзывалась Ирина Васильевна о дамахъ, которыя занимаются устройствомъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій на общественный счетъ, и тѣмъ не менѣе сама она всего только годъ тому назадъ перестала заниматься этимъ. Она участвовала въ двухъ обществахъ и въ одномъ была даже предсѣдательницей, и когда находилась при исполненіи своихъ обязанностей, можно было подумать, что она дѣйствуетъ съ убѣжденіемъ.

Она обнаруживала энергичную дѣятельность, настойчивость и подъ ея предсѣдательствомъ общество сдѣлало большіе успѣхи Она съумѣла привлечь къ участію въ немъ людей съ именами и большими средствами.

Людмила тогда дивилась, глядя на нее.—Вѣдь ты этого не признаешь,—говорила она,—ты надъ этимъ смѣешься.

А Ирина Васильевна объясняла:—Видишь ли, мой другъ, чтобы дѣйствовать на людей, надо употреблять тѣ средства, которыя имъ понятны. А эти люди мнѣ нужны. Вотъ и все.

Но съ тѣхъ поръ, какъ ея выборъ остановился на Поршневѣ, Ирина Васильевна охладѣла къ участію въ своемъ обществѣ, отказалась отъ обязанностей предсѣдательницы и почти не ѣздила туда.

Точно также она отклонила всякія попытки Балясова, какъ прежде, иногда устраивать парадные обѣды, и вотъ уже годъ, какъ въ ихъ домѣ не было такихъ обѣдовъ. Если Балясовъ ставилъ этотъ вопросъ, она довольно рѣзко отвѣчала:

— Вы можете устраивать ваши обѣды въ одномъ изъ знакомыхъ вамъ трактировъ.

Вся жизнь этой женщины вертѣлась около устроенія судьбы Людмилы. Когда она предпринимала что-нибудь сложное, если нельзя было понять ея намѣреній, то все-равно можно было заранѣе сказать, что это дѣлается для Людмилы.

Совсѣмъ иначе Ирина Васильевна относилась къ Михаилу. Никогда интересъ къ нему не выходилъ у нея изъ рамокъ формальнаго материнства.

Онъ родился и сейчасъ же перешелъ къ кормилицѣ. Ирина Васильевна, вполнѣ здоровая, обладавшая большимъ запасомъ молока, не чувствовала ни малѣйшей нѣжности къ нему и той непобѣдимой охоты кормить самой, какую обыкновенно ощущаютъ матери.

Не то было съ Людмилой, которую она низачто не захотѣла выпустить изъ своихъ рукъ и кормила сама.

Съ перваго дня рожденія Михаила, она ни разу не почувствовала къ нему влеченія. Она вовсе не любила его. Еще когда онъ былъ маленькій, она снисходительно оказывала ему неизбѣж-

ныя материнскія заботы, но дѣлала это холодно, какъ добровольно взятый на себя долгъ.

Но когда у Михаила наступилъ возрастъ обученія, выбора профессіи и болѣе широкаго воспитанія, чѣмъ то, которое дается въ дѣтской, она всецѣло предоставила рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ Модесту Петровичу.

Если она холодно относилась къ сыну, когда онъ былъ маленькій, то по мѣрѣ того, какъ онъ выросталъ, чувства ея къ нему принимали все болѣе и болѣе отрицательную окраску и, наконецъ, когда онъ сдѣлался взрослымъ юношей, она уже питала къ нему почти вражду.

Онъ напоминалъ ей самую оскорбительную эпоху ея жизни. Онъ заставлялъ ее живо представлять себѣ, съ какими чувствами она, какъ она сама мысленно говорила себѣ, «всякій разъ дѣлалась женой Балясова».

Да, всякая близость съ нимъ доставляла ей случай снова пережить оскорбленіе. Михаилъ былъ плодомъ той насильственной близости, которую она допустила изъ злобы и мести по отношенію къ другому человѣку.

И теперь она видѣла, какъ у нея на глазахъ, въ лицѣ Михаила, формировался другой Балясовъ, второе изданіе этого типа, удивительно похожее во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Михаилъ, дѣйствительно, замѣчательно точно повторялъ своего отца. Наружность у него была та самая, какая была у Балясова въ тѣ времена. Кровь Ирины Васильевны, очевидно, была побѣждена въ немъ болѣе сильной здоровой, нетронутой кровью мѣщанской расы Балясовыхъ.

Такой же цвѣтъ волосъ, такой же теноровый пріятный, но слащавый голосъ, такая же шея съ задатками второго подбородка, который теперь у самого Модеста Петровича уже образовался вполнѣ.

Михаилъ великолѣпно схватилъ и внѣшніе пріемы Модеста Петровича. Онъ такъ же, какъ и его отецъ, любилъ произносить красивые періоды на демократическія темы, онъ перенялъ отъ отца «народныя словечки», онъ питалъ склонность къ ситцевымъ рубашкамъ, но, что хуже всего, дома, безъ постороннихъ, онъ былъ такъ же нечистоплотенъ и небреженъ въ костюмѣ, какъ и Модестъ Петровичъ.

А «балясовская натура» созрѣвала въ немъ во всей своей полнотѣ. Разсчетливость иногда уже переходящая въ явную скупость, замѣчалась въ мелочахъ и въ крупномъ. Модестъ Петровичъ выдавалъ ему на личныя нужды и забавы пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, и Михаилъ не только умѣлъ обходиться этой

печальной суммой, но у него еще получались остатки, которыми онъ очень гордился.

И между тѣмъ, онъ далеко не отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ. То и дѣло оказывалось, что онъ пришелъ съ товарищеской пирушки, съ вечеринки, съ поѣздки за городъ въ складчину. Какъ онъ умудрялся это дѣлать, было его тайной. Но Ирина Васильевна съ брезгливостью догадывалась, что у него были тѣ же пріемы, что и у Модеста Петровича въ тѣ времена. По всей вѣроятности, онъ также умѣлъ заставить другихъ платить за него, проѣздиться на извозчикѣ, нанятомъ другими, какъ и Балясовъ.

Какъ только Михаилъ сдѣлался студентомъ, сейчасъ же стало какъ бы его спеціальностью распорядительство на разныхъ благотворительныхъ концертахъ и вечерахъ. Устроители всегда нуждаются въ услугахъ молодыхъ людей, а студентъ въ чистенькомъ мундирѣ, съ разбитными манерами въ этихъ случаяхъ очень цѣнится. И Михаилъ, обладавшій этими качествами, фигурировалъ съ распорядительскимъ значкомъ въ различныхъ залахъ столицы ужъ обязательно два-три раза въ недѣлю.

Это занятіе ему очень нравилось. Оно создавало ему своего рода популярность, онъ составлялъ знакомства, заводилъ связи. на которыя смотрѣлъ съ чисто практической точки зрѣнія, а главное—пользовался случаями хорошо закусить и запить даровымъ виномъ, а также покататься въ оплоченныхъ не имъ каретахъ.

Такъ развивался этотъ второй экземпляръ Балясова. Самъ Модестъ Петровичъ не имѣлъ времени вліять на него, такъ какъ былъ занятъ службой и своими «дружескими» экскурсіями. Ирина же Васильевна на него не обращала вниманія.

Но Михаилъ инстинктивно взялъ себѣ въ образецъ отца и роковымъ образомъ, самъ того не замѣчая, впитывалъ въ себя весь ароматъ балясовской породы.

Что касается Людмилы, то она относилась къ нему безразлично. Тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя она собрала, единственно благодаря своей наблюдательности, касавшіяся ея отношеній къ Модесту Петровичу, давали ей нѣкоторое основаніе думать, что Михаилъ ей приходится «неполнымъ братомъ». По мѣрѣ того, какъ она убѣждалась, что Модестъ Петровичъ не отецъ ей, а сходство Михаила съ Балясовымъ, между тѣмъ, не оставляло сомнѣнія въ единствѣ ихъ крови, она все больше и больше охладѣвала къ нему, и, наконецъ, ея чувства къ Михаилу сдѣлались почти такія же, какъ и Ирины Васильевны. Въ послѣднее время она буквально не замѣчала его,

Такимъ образомъ въ казенной квартирѣ Балясова жили бокъ-

о-бокъ, постоянно встрѣчаясь на неизбѣжныхъ мелочахъ обыденной жизни, двѣ партіи, питавшія одна къ другой почти вражду и расходившіяся по всѣмъ пунктамъ.

Въ эти послѣдніе дни въ квартирѣ Балясовыхъ появилось новое лицо. Это была особа лѣтъ тридцати двухъ, по виду старая дѣва, лицомъ очень схожая съ Модестомъ Петровичемъ. Звали ее Антониной Петровной и приходилась она родной сестрой Балясову.

Она пріѣхала неожиданно. Даже самъ Модестъ Петровичъ ничего не зналъ о ея пріѣздѣ.

Съ вокзала явилась дама, одѣтая въ сильно истрепанное черное платье и тальму, въ высокихъ калошахъ, съ головой, закутанной въ платокъ. За нею принесли небольшой чемоданъ, повидимому заключавшій въ себѣ все ея имущество.

Модеста Петровича въ это время не было дома и приняла ее Ирина Васильевна.

— Вы меня не узнаете?—спросила гостья.

Ирина Васильевна взглянула и узнала сестру Модеста Петровича. Лѣтъ десять тому назадъ она пріѣзжала еще молодой дѣвушкой. Тогда она не была красива, но въ лицѣ ея были свѣжесть и здоровье, и были шансы на то, что она можетъ выйти замужъ.

Тогда былъ еще живъ ихъ отецъ. Но года черезъ два послѣ того отецъ умеръ, и они дѣлили наслѣдство. Модестъ Петровичъ даже ѣздилъ на родину ради этого дѣлежа. Какъ они подѣлили Ирина Васильевна не знала, она и не подумала спросить его объ этомъ, это ее не интересовало. Но о сестрѣ Антонинѣ она ничего больше не слышала, и вотъ она пріѣхала.

— А, это вы? Такъ снимите пальто, обогрѣйтесь.

Ирина Васильевна оказала ей вполнѣ родственный пріемъ. Антонина сняла верхнюю одежду и оказалась, несмотря на сходство съ Модестомъ Петровичемъ, худой и какой-то поношенной, запущенной. Ирина Васильевна по одному этому догадалась, что она не вышла замужъ, а осталась дѣвицей.

Но Антонина не оставила ее въ заблужденіи и сейчасъ же разсказала ей о себѣ все, и тутъ Ирина Васильевна узнала интересныя вещи.

Она узнала, что послѣ смерти старика Балясова, когда ликвидировали все его торговое дѣло, оказалось всего шестьдесятъ тысячъ. На ходу это дѣло стоило больше и оттого онъ считался богаче. Модестъ Петровичъ, явившись въ родное гнѣздо, выразилъ твердую волю, чтобы имущество было раздѣлено между нимъ и сестрой «вполнѣ по закону», и, выдѣливъ сестрѣ четырнадцатую часть, то есть менѣе четырехъ съ половиною тысячъ, самъ

взялъ тринадцать частей, то-есть болѣе пятидесяти пяти тысячъ, и уѣхалъ продолжать свое служебное поприще.

Сестра Антонина всѣ эти годы маялась, живя на скудные проценты съ этого жалкаго капитала. Получивъ довольно сомнительное образованіе въ мѣстной прогимназіи, она кой-что подрабатывала уроками, но въ послѣдніе годы стала слабѣть и это ужъ ей сдѣлалось трудно.

Тогда она въ нѣсколькихъ письмахъ пожаловалась брату на свою судьбу. Модестъ Петровичъ сперва на письма ея не отвѣтилъ, потомъ прислалъ ей поучительныя разсужденія о томъ, что жизнь дана намъ собственно для того, чтобы терпѣть и доказывалъ, что положенія ея Антонины, получающей безъ всякаго труда около двухсотъ рублей въ годъ, несравненно счастливѣе положенія русскаго мужика, который, круглый годъ работая въ потѣ лица, едва-едва наколачиваетъ такую сумму.

На это Антонина прислала ему письмо, полное упрековъ, причемъ укорила его за то, что онъ, пользуясь такимъ прекраснымъ положеніемъ, забралъ себѣ львиную часть наслѣдства и не хочетъ помочь своей единственной сестрѣ. На это Балясовъ отвѣтилъ ей новыми поученіями и вскользь замѣтилъ, что если бы она жила въ Петербургѣ, онъ могъ бы устроить ее гдѣ-нибудь, а въ провинціи у него нѣтъ никакого вліянія. Антонина приняла это за приглашеніе и вотъ пріѣхала.

— Что-жъ, сказала Ирина Васильевна, у насъ, конечно, нѣтъ въ домѣ лишняго мѣста, но все же, я думаю, вамъ можно будетъ устроиться.

Въ пять съ половиной часовъ пришелъ со службы Модестъ Петровичъ и съ изумленіемъ увидѣлъ родственницу. Свиданіе брата съ сестрой было своеобразно. Модестъ Петровичъ, по обычаю предковъ, облобызался съ нею, но это былъ подлинный поцѣлуй Іуды, такъ какъ въ это же время въ глазахъ его было видно явной недовольство.

Но обѣдъ прошелъ вполнѣ благополучно. Модестъ Петровичъ распрашивалъ сестру о своемъ родномъ городѣ, о родственникахъ и прежнихъ знакомыхъ. Антонина разсказывала ему обо всемъ—кто женился, кто родился, кто умеръ, кто разбогатѣлъ, а кто разорился. О самой Антонинѣ разговора никакого не было какъ будто она пріѣхала не для устроенія своей жизни, а въ гости.

Послѣ обѣда Модестъ Петровичъ по обыкновенію отдыхалъ, потомъ напился чаю. Во время чая опять продолжались разспросы, а послѣ чаю онъ уѣхалъ на какой-то «дружескій» ужинъ Такимъ образомъ въ этотъ день вопросъ о положеніи Антонины вовсе не былъ затронутъ.

*

Вечеромъ Ирина Васильевна должна была занимать гостью, но, впрочемъ, не долго. Уже въ одиннадцать часовъ у Антонины Петровны глаза начали меркнуть.

— Вамъ навѣрно хочется спать?—спросила Ирина Васильевна.

— Да, ужъ извините, у насъ вѣдь въ девять часовъ весь городъ спитъ, такъ это по привычкѣ.

Явился вопросъ о томъ, гдѣ помѣстить пріѣзжую. Въ домѣ не было лишней комнаты. Была небольшая, почти темная, получавшая свѣтъ изъ корридора, но она, за негодностью для жилья, давно была превращена въ шкафную. Въ маленькой гостинной стоялъ очень короткій диванъ, на которомъ спать было неудобно.

— Ну, мы потомъ что-нибудь придумаемъ,—сказала Ирина Васильевна,—а пока придется помѣстить васъ въ большой гостинной, тамъ длинный диванъ и вамъ будетъ удобно. Только гардинъ тамъ у насъ нѣтъ. Но наше солнце поднимается поздно оно вамъ не помѣшаетъ.

— Ахъ, мнѣ все равно. Гдѣ ни положите, вездѣ будетъ хорошо. Вы и представить не можете, какъ я жила въ нашемъ городѣ,—чуть что не на чердакѣ! А тутъ въ гостинной, да еще на диванѣ, это прямо роскошь.

И Антонинѣ Петровнѣ доставили эту роскошь, уложили ее въ гостинной на диванѣ.

Было около часу ночи, когда Ирина Васильевна и Людмила рѣшили идти спать.

— Какъ ты думаешь, мама, она говоритъ правду?—спросила Людмила.

— Насчетъ чего?

— Да все... Вотъ этотъ дѣлежъ наслѣдства... и потомъ эти наставленія, когда она просила помощи.

— Почему-жъ ты думаешь, что это неправда?

— Да такъ... Очень ужъ это...

Людмила затруднилась дать опредѣленіе.

— Гнусно?—подсказала ей Ирина Васильевна.

— Нѣтъ, не то... Я знаю, что люди совершаютъ гораздо бóльшія подлости, но это какъ-то черезчуръ ужъ мелочно.

— Мой другъ, большіе капиталы составляются изъ маленькихъ сбереженій, а большія подлости изъ маленькихъ гнусностей.

— А какъ великъ его капиталъ?—спросила Людмила.

— Я думаю, что тысячъ полтораста у него есть, а можетъ быть и двѣсти. Меня это никогда не интересовало. Впрочемъ,—прибавила Ирина Васильевна какимъ-то какъ бы примиряющимъ тономъ:—должно быть, у нихъ тамъ есть какія-нибудь свои основанія.

— Ты думаешь, что для этого могутъ найтись основанія?

— Богъ ихъ знаетъ! Они устроены какъ-то особенно. Ты замѣтила, она жаловалась только на судьбу, а больше ни на кого! Можетъ быть, она даже считаетъ все это только въ порядкѣ вещей.

На другой день Модестъ Петровичъ, явившись домой въ четыре часа ночи, всталъ по обыкновенію рано, и въ своемъ всегдашнемъ видѣ, то-есть въ затасканномъ пиджакѣ, изъ-подъ котораго выглядывалъ отстегнутый воротъ ситцевой рубашки, открывавшій его пухлую грудь, съ распухшими вѣками, нечесанный и растрепанный, вышелъ изъ кабинета, чтобы пройти въ столовую и напиться чаю.

Проходя черезъ гостиную, онъ замѣтилъ, что на диванѣ что-то лежитъ и съ удивленіемъ остановился. Онъ подошелъ ближе, пригляд ѣлся и убѣдился, что это его собственная сестра. Лицо его выразило крайнее недовольство и онъ сердито пошелъ въ столовую, какъ-то особенно выразительно шлепая туфлями. Здѣсь онъ надавилъ пуговку звонка. Явилась горничная Саша.

— Послушайте, кому это пришла въ голову такая глупость помѣстить Антонину Петровну въ гостиной на диванѣ?—строго спросилъ онъ горничную.

— Это сами барыня велѣли,—отвѣтила горничная.

— Удивляюсь я самой барынѣ... Первое—это неприлично. Вотъ я прошелъ черезъ гостиную въ этомъ домашнемъ видѣ, она могла проснуться... Наконецъ, и она можетъ раскрыться во снѣ, мало ли что! А второе—нельзя такъ портить вещи. Мебель почти новая, ее только въ позапрошломъ году сдѣлали. Обивка по три съ полтиной аршинъ. Это значитъ не даромъ. Если на ней этакъ будутъ валяться, она въ одинъ годъ истреплется.

— Барыня сказали, что больше негдѣ помѣстить ихъ.

— Какъ негдѣ? а маленькая комната? Тамъ наставили шкафовъ, но ихъ можно вынести въ корридоръ, да даже и выносить не нужно, только передвинуть на одну сторону. И я прошу это сдѣлать. Сдвинуть шкафы и поставить кровать. У васъ на чердакѣ есть кровать.

— Это, которая сломана?

— Это ничего, что сломана, ее можно починить. Тамъ просто отклеилась ножка. Сейчасъ же сходи на чердакъ, принеси оттуда кровать и приклей ножку.

— Я, баринъ, не съумѣю, я никогда не клеила.

— Пустое, купи на три копейки древеснаго клея, свари его и склей. Вотъ тебѣ деньги, вотъ какъ разъ и нашлось три копейки. Тюфякъ тоже у насъ найдется, и чтобы все это было сдѣлано сегодня. Слѣдующую ночь Антонина Петровна будетъ спать въ *своей* комнатѣ.

И сдѣлавъ эти распоряженія, Модестъ Петровичъ вернулся въ кабинетъ, одѣлся въ вицъ-мундиръ и отправился на службу.

Когда Ирина Васильевна встала, горничная доложила ей о распоряженіи Модеста Петровича. Ирина Васильевна только пожала плечами, но ничего не отмѣнила.

«Это ихъ семейное дѣло», подумала она.

Въ этотъ день Модестъ Петровичъ не обѣдалъ дома; но такъ какъ дружескій обѣдъ былъ у него назначенъ въ семь часовъ, то онъ заѣхалъ домой. Ему надо было кой-что сообщить сестрѣ, да кстати поговорить съ нею о ея положеніи. Онъ пригласилъ ее въ кабинетъ и притворилъ дверь.

— Ну, садись, Антонина, поговоримъ,—сказалъ онъ.

Антонина сѣла и оглядѣла его кабинетъ, который былъ убранъ удивительно скудно. Сѣлъ и Модестъ Петровичъ.

— Вотъ видишь ли, Антонина, ты пріѣхала, хотя я тебя и не ждалъ. Ну, что-жъ дѣлать... Ты, конечно, желала бы здѣсь устроиться...

— А разумѣется желала бы,—отвѣтила Антонина.—Надоѣло мнѣ перебиваться. Ты вонъ какъ живешь здѣсь, а я тамъ, какъ нищая.

— Погоди. Какъ я живу, это мое дѣло. Я живу на свой счетъ, а не на твой. А отчего ты не вышла замужъ, Антонина? Вѣдь къ тебѣ сватался Корольковъ, помнишь, у него была своя рыбная лавка.

— Да, сватался, когда отецъ былъ живъ. Отецъ хотѣлъ дать за мной двадцать тысячъ... А когда отецъ умеръ, что мнѣ досталось? Четыре тысячи... на этакихъ деньгахъ не женятся.

— Гм...да... нѣтъ, это я такъ, къ слову... Такъ я говорю, что ты желаешь устроиться, ладно; и я ужъ объ этомъ подумалъ. Ты по счетной части можешь?

— Когда человѣку нужно, такъ онъ по всякой части можетъ. Отчего не могу? теперь не умѣю, а научусь...

— Я такъ и сказалъ. У меня есть тутъ одинъ знакомый господинъ. У него тутъ своя контора, вотъ въ этой конторѣ ты будешь служить. Отъ десяти до четырехъ ты будешь работать, а остальное время ты свободна.

— Что-жъ, это хорошо. А какое жалованье?

— Жалованье тебѣ дадутъ тридцать рублей.

— Это ничего. Я дома уроками зарабатывала десять рублей въ мѣсяцъ.

— У тебя вѣдь еще своихъ есть около двадцати рублей въ мѣсяцъ.

— Да что-жъ свои? своихъ тогда можно и не трогахъ. Пусть растутъ... На старости понадобятся.

— И очень даже,—согласился Балясовъ,—ну, а какъ же ты думаешь устроиться?

— Не знаю я, какъ здѣсь устраиваются, я думаю, все дорого очень...

— Очень дорого. Я тебѣ скажу, что ежели своей комнатой да со столомъ гдѣ-нибудь въ кухмистерской, такъ на эти деньги не проживешь... Тебѣ выгоднѣе будетъ остаться у насъ.

— Что-жъ, коли выгоднѣе.

— Я полагаю, что выгоднѣе. Разсуди: у тебя будетъ комната, она темновата, но вѣдь это только, чтобы спать, а днемъ ты можешь пользоваться хоть всей квартирой: а ѣсть ты будешь съ нами, значитъ то же, что и мы. И за это ты мнѣ будешь платить всего двадцать пять рублей, а пять рублей тебѣ еще будетъ оставаться на одежду. Разсуди.

— Что-жъ, это ничего.

— Я думаю, что это справедливо.

— Ничего, пожалуй...

— Ну, такъ вотъ ты завтра и начнешь ходить въ контору. Это близко. Вотъ, значитъ, ты и устроена.

— Что жъ, я согласна вполнѣ.

— А мнѣ кажется, Антонина, что ты недовольна. Такъ, по голосу...

— Нѣтъ, что жъ... Я только не знаю.. Можетъ, оно подешевле можно устроиться.

— Никогда! Я хорошо знаю Петербургъ и говорю тебѣ: никогда. Ты вѣдь не знаешь. Здѣсь мясо супное семнадцать копеекъ за фунтъ Курица семьдесятъ копеекъ стоитъ. Телятина по сорокъ пять копеекъ фунтъ... А квартира? У меня, положимъ казенная, но если бы я платилъ за нее, такъ она стоила бы двѣ тысячи, да дрова еще стоили бы рублей триста; вотъ ты и разсуди.

— Да, это все очень дорого...

— Ну, вотъ видишь, а ты думала, что все такъ, какъ у васъ тамъ?.. Ну, хорошо, я тебѣ оставлю десять рублей. Это мнѣ невыгодно, но я для тебя это дѣлаю, потому что ты мнѣ сестра.

— Ну, за это спасибо, такъ ужъ я останусь.

И Антонина Петровна осталась жить въ домѣ своего брата за двадцать рублей въ мѣсяцъ. Съ слѣдующаго дня она начала ходить въ контору. Это было одно изъ маленькихъ дѣлъ Поршнева, которое онъ еще только собирался расширять. Работа была несложная, и Антонина довольно скоро усвоила ее.

Въ домѣ она играла довольно странную роль. Если за обѣдомъ бывалъ кто-нибудь посторонній, она уходила въ свою «темноватую комнату» и обѣдала отдѣльно. Но за чаемъ, если бы даже и былъ кто-нибудь посторонній, обязательно присутствовала и раз-

ливала и раздавала чай. Это была привычка, которую она усвоила еще дома, при отцѣ.

Послѣ службы она приходила домой и уже никуда больше не уходила. Изъ всего Петербурга она знала только улицы и переулки, по которымъ ей приходилось идти на службу. И этотъ большой городъ съ шумной и широкой жизнью нисколько ее не интересовалъ.

— Вамъ развѣ не хочется пойти въ театръ?—спрашивала ее иногда Ирина Васильевна.

— Ахъ, да Богъ съ нимъ, тамъ надо деньги платить и не дешево, а деньги и себѣ нужны. Трудно онѣ достаются, деньги-то.

— Не для всѣхъ, инымъ очень легко,—замѣтила Ирина Васильевна.

Но Ирина Васильевна ничего не знала объ условіи ея съ братомъ. Несмотря на то, что она хорошо знала алчность Модеста Петровича, все-таки подобная мысль не приходила ей въ голову.

Но однажды, когда за столомъ были она, а также Людмила и Михаилъ, а Модестъ Петровилъ отсутствовалъ, Антонина Петровна въ разговорѣ совершенно просто упомянула объ этомъ. Говорили о дороговизнѣ жизни въ Петербургѣ.

— Дорого здѣсь все,—сказала она:—ахъ, какъ дорого... Вотъ у насъ въ конторѣ барышня одна служитъ, молоденькая такая, лѣтъ восемнадцати... двадцать пять рублей получаетъ. Такъ она говоритъ, что приходится всего только три раза въ недѣлю обѣдать, а въ другіе дни однимъ чаемъ пробавляется... Я слушала ее и думала про себя: вотъ все-таки я счастливѣе, меня братъ за двадцать рублей кормитъ и поитъ каждый день...

Ирина Васильевна и Людмила съ непонимающими лицами обѣ взглянули на нее. Это было такъ странно, что обѣ въ самомъ дѣлѣ подумали, что ослышались.

— Какъ вы говорите? Братъ кормитъ васъ за двадцать рублей?—переспросила Ирина Васильевна.

— Да какъ же? за двадцать рублей и кормитъ, и поитъ, и и квартиру даетъ, а она бѣдная...

— Да о комъ вы говорите, я никакъ не пойму...

— Тетя Антонина говоритъ о папѣ, я такъ понимаю,—очень спокойно пояснилъ Михаилъ.

— Значитъ, Модестъ Петровичъ беретъ съ васъ деньги?—съ изумленіемъ спросила Ирина Васильевна.

— А то какъ же не беретъ! Даромъ никто ничего не дѣлаетъ. Какъ условлено съ перваго дня—двадцать рублей ему, а десять мнѣ—это изъ жалованья-то моего—такъ и есть..

Ирина Васильевна сдѣлала строгое лицо и ни слова не сказала. Это казалось ей до такой степени чудовищнымъ, что она

просто не нашлась. Но Людмила, обыкновенно сдержанная въ кругу «полуродныхъ», на этотъ разъ не выдержала.

— Я теперь понимаю твое изреченіе, мама,—дрожащимъ голосомъ и метая глазами молніи въ сторону Михаила, сказала она.

— Какое изреченіе?—спросила Ирина Васильевна.

— «Большіе капиталы составляются изъ маленькихъ сбереженій...»

— Это совершенно вѣрно,—сказалъ Михаилъ.—Это ясно и безъ политической экономіи.

— Есть продолженіе,—саркастически замѣтила Людмила:—«а большія подлости—изъ маленькихъ гнусностей».

Михаилъ покраснѣлъ.—Это къ чему же?—спросилъ онъ, видимо вспыливъ.

— Такъ, ни къ чему... Изреченіе!—отвѣтила Людмила, встала изъ-за стола и вышла въ другую комнату.

Ирина Васильевна нахмурилась еще больше. Эта несдержанность Людмилы, столь необычная для нея, сильно встревожила ее.

— Однако, Людмила ужъ слишкомъ много себѣ позволяетъ,—сказалъ Михаилъ.—Вѣдь это же ясно, о комъ она говоритъ...

— Она никого не назвала,—возразила Ирина Васильевнт.

— Но это такъ прозрачно... Не дуракъ же я въ самомъ дѣлѣ...

Антонина Петровна смотрѣла на обоихъ, не ясно понимая то, что произошло.

— Что это васъ такъ взволновало? Зачѣмъ это Людмила ушла?—спросила она.

— Я съ нею еще буду говорить... Я этого такъ не оставлю!—кипятясь, воскликнулъ Михаилъ.

Подали сладкое и съѣли его въ молчаніи. Ирина Васильевна страшно тревожилась, но не хотѣла подчеркивать это, и потому заставила себя досидѣть до конца и даже выпила кофе. И только послѣ этого встала и пошла къ себѣ.

Людмилы не было ни въ ея спальнѣ, ни въ маленькой гостиной, она была у себя. Ирина Васильевна вошла къ ней и нашла ее сидящей за столомъ, съ головой, подпертой руками, въ энергической позѣ. Она подошла къ дочери и положила руку ей на голову.

— Ты такъ возмутилась, что тебѣ даже измѣнила твоя всегдашняя сдержанность, которою я такъ дорожу...

— И я не жалѣю объ этомъ,—отвѣтила Людмила, не перемѣнивъ позы.

— Даже не жалѣешь?—спросила Ирина Васильевна, наклонивъ голову и стараясь заглянуть ей въ лицо.

— Не жалѣю, потому что тутъ сидѣлъ другой, готовый хоть сейчасъ на то же самое и, можетъ быть, даже сожалѣвшій, что у него нѣтъ такой сестры, которую онъ могъ бы ограбить и потомъ еще наживаться отъ нея...

— Людмила, ты неспокойна, ты меня тревожишь...

— Не тревожься, мама... Вѣдь есть разница между порядочностью и подлостью, а это больше, чѣмъ подлость.

— Ты думаешь, что можно такъ отзываться о своемъ... отцѣ?..

Людмила быстро подняла голову и глаза ея были странны,— въ нихъ выражалась отчаянная рѣшимость. Она рѣшительно тряхнула головой и сказала рѣзкимъ голосомъ:

— Оставь, мама... я хорошо знаю, что онъ мнѣ не отецъ!

Ирина Васильевна вся вздрогнула и застыла на мѣстѣ.—Ты знаешь, ты... это знаешь?.. Откуда? откуда?

— Такъ... Знаю, знаю, знаю!.. И больше ничего не скажу тебѣ.

— Ты должна сказать мнѣ, Людмила. Какъ же ты можешь мнѣ, мнѣ не сказать?—говорила Ирина Васильевна чрезвычайно мягкимъ любовнымъ голосомъ.

Людмила вдругъ тяжело опустила голову на столъ, плечи ея вздрагивали и послышался сдержанный плачъ.

— Не спрашивай... Я ничего не скажу, потому что не могу... Я еще не могу... Пойми... Я скажу... Но потерпи, потерпи...— говорила она сквозь слезы, не поднимая головы.

Ирина Васильевна стояла надъ нею съ блѣднымъ и какъ будто въ одно мгновеніе смертельно похудѣвшимъ лицомъ. Что произошло? Какими тайными воровскими ходами эта запретная мысль проникла въ душу ея дочери? Вотъ она стоитъ надъ этой головой, она была бдительнымъ стражемъ ея почти двадцать лѣтъ, съ самаго ея рожденія, день и ночь оберегала она входъ въ эту голову, не пропуская туда ни одного намека, который могъ бы дать ей понятіе о томъ, что было когда-то, и вотъ результатъ. Запрещенная мысль проникла туда и душа ея смущена. И теперь ужъ она будетъ спрашивать, она имѣетъ право спрашивать, и Ирина Васильевна не посмѣетъ не отвѣтить ей.

А что же это еще? Что значитъ это: «теперь еще не могу?» «Потерпи?» Значитъ, тамъ, въ этой головѣ, посѣяны какія-то зерна, и они уже пустили ростки, но еще не созрѣли.

— Откуда это? Откуда? Какъ же надо еще стеречь человѣческую душу, чтобы уберечь ее отъ зла?—спрашивала она себя и съ выраженіемъ отчаянія ломала руки.

Но самообладаніе никогда не покидало ее. Эти слезы, эта мольба потерпѣть,—это признаки глубоко смущенной души, ихъ надо уважать. Настаивать теперь, давить больной мозгъ бѣдной дѣвушки было бы опасной ошибкой. Пусть переплачетъ. У нея

слезы такъ рѣдки. Она обѣщала сказать и скажетъ. Людмила не можетъ не сказать ей. Это у нея обратилось въ потребность.

Она опять положила руку на ея голову и промолвила нѣжнымъ успокаивающимъ голосомъ:—Ну, хорошо, дитя мое, я потерплю. А ты успокойся. Я потерплю, сколько ты захочешь. Вотъ я уйду къ себѣ, мой другъ, а ты успокойся!

И она въ самомъ дѣлѣ ушла къ себѣ и даже притворила дверь. Она хорошо знала душу Людмилы. Эта душа въ минуту смущенія требовала одиночества. Это была такая же душа, какъ и у нея самой. Она тоже не умѣла ни грустить, ни даже отчаяваться, когда вблизи былъ кто-нибудь другой,—это придавливало ее.

— Надо уважать право человѣка—быть одинокимъ,—такъ говорила она себѣ.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* * *

Въ этомъ мірѣ суетъ недоступно намъ вѣчное,
Замираютъ порывы, мученье сердечное,
Точно звонъ мимоходомъ задѣтой струны.
Не ликуй, вдохновленный стремленьемъ живительнымъ,
Не рыдай, угнетенный сомнѣньемъ томительнымъ:
Все снесется напоромъ грядущей волны.
Что вчера ты любилъ—поблѣднѣло отжившее
Для чего-жъ откликается сердце любившее.
Той же острою болью на каждый разрывъ?
Для чего-жъ ты приносишь себя на закланіе
Предъ богами, которымъ готовитъ изгнаніе
Новой вѣры едва прозвучавшій призывъ?

М. С. М—вичъ.

МОЛОХЪ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

(*Продолженіе*) *).

45.

Въ снѣжную метель, по кучамъ наметеннаго снѣга, возвращалась Верена изъ университета домой. Не доходя до дома, она купила себѣ на обѣдъ ветчины и хлѣба и потомъ, задумавшись, стала подниматься къ себѣ по лѣстницѣ; съ каждымъ поворотомъ ея у нея становилось все тяжелѣе и тяжелѣе на душѣ; веселаго настроенія бѣлоснѣжной улицы какъ не бывало. Наверху она собралась сварить себѣ чай, но оказалось, что нѣтъ спирта. Тогда она, какъ была въ шляпѣ и пальто, сѣла на корточки около печи и наложила въ нее щепы, чтобы вновь раздуть угасшій огонь. Потомъ она подошла къ окну и ея серьезный взглядъ скользнулъ по дѣвственно-бѣлымъ крышамъ и безчисленнымъ, опушенымъ снѣгомъ, окнамъ сосѣднихъ домовъ, выходившихъ на задворки; въ нихъ нѣтъ, нѣтъ, да и появится неясное очертаніе чужого лица. Когда комната стала нагрѣваться, Верена захватила бутылку и по мѣрѣ того, какъ спускалась по лѣстницѣ, вновь почувствовала близость какъ то веселаго зрѣлища; и въ самомъ дѣлѣ, улица походила на залъ ослѣпительной бѣлизны, въ которомъ снѣжные хлопья двигались въ какомъ-то тяжеломъ и неправильномъ танцѣ.

Вернувшись къ себѣ, она вмѣсто того, чтобы заварить чай, сѣла передъ скелетомъ, облокотилась рукой на спинку деревяннаго стула, положила голову на руку и изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ искоса стала глядѣть на высохшій черепъ. Ей надо было сдѣлать усиліе, чтобы побѣдить въ себѣ желаніе поговорить съ нимъ; она даже представила себя самое, лишенной плоти и крови и чувствъ, но и въ такомъ видѣ все еще казалась себѣ чѣмъ-то промежуточнымъ, какимъ-то костянымъ абстрактомъ. Желанія, которыя она считала до сихъ поръ правильными и благоразумными, теперь представлялись ей мертвенно-окостенѣв-

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь, 1903 г.

шими. Ее съ головы до ногъ охватила нѣжная истома; потомъ, организмъ какъ будто утомился перенесенной борьбой, она ощутила потребность сна, легла на постель и заснула. Черезъ четверть часа кто-то вошелъ, и она проснулась. Это оказался Арнольдъ. Испугано спросила она его какимъ образомъ онъ очутился здѣсь. Его объясненіе, что наружная дверь была слегка притворена, она приняла съ задумчиво-нѣжной улыбкой, въ которой сказывалось еще остатки сна.

Поднявшись, она подала ему руку и отбросила со лба каштановые волосы, казавшіеся въ сумеркахъ почти пепельными. Арнольдомъ овладѣло тяжелое оцѣпененіе. Ему казалось, что онъ счастливъ, или что счастье близко... Передъ нимъ проносилась картина сказочнаго лѣта: голые люди, бродящіе между цвѣтами и пестрой листвой; никогда онъ не видалъ Верены такой тихой, до такой степени отдавшейся во власть чисто животнаго довѣрія. Онъ взялъ ея руки, чтобы посмотрѣть, она ли это, прижалъ ихъ къ губамъ и вдавилъ зубы въ кожу, такъ что на ней образовались два полукруга, окруженные кровоподтеками.

Она вздохнула и отодвинулась отъ него.

На его лицѣ, покрывшемся влагой, появилось неувѣренная улыбка, онъ сталъ шептать ей и протянулъ руки — въ пустое пространство.

Тогда онъ послѣдовалъ за нею, обхватилъ за плечи и поцѣловалъ. Ея безуспѣшныя попытки освободиться походили на судороги оглушеннаго животнаго. Выраженіе мольбы въ ея глазахъ исчезало и блескъ ихъ медленно потухалъ. Обѣ руки, словно мертвыя, сначала опустились ему на голову, потомъ скользнули на спину и затѣмъ безсильно повисли. Арнольдъ не выпускалъ ее... Онъ не замѣчалъ ея омоченнаго слезами лица. Онъ уже не спрашивалъ, радостно ли она отдается; не видѣлъ ея смертельнаго страха; она перестала сопротивляться и потеряла способность думать о настоящемъ и будущемъ... всѣ произнесенные раньше слова стали казаться ей легкими точно воздухъ, и въ ней вдругъ пробудилось примитивное, всепокоряющее, необузданное, дикое желаніе.

Вечеромъ они вышли вмѣстѣ; ей казалось невыносимымъ остаться одной въ комнатѣ.

Въ томъ, какъ она прижималась къ нему, чувствовалась какая-то мольба и вмѣстѣ съ тѣмъ боязнь. Она была необыкновенно молчалива; удивленіе и растерянность запечатали ей губы. Физически она чувствовала боль во всѣхъ членахъ, а въ душѣ ея копошилась ненависть къ себѣ, чувство пустоты и утомленія. Еще наканунѣ она стояла выше всего обыденнаго, выше обыкновенныхъ людей, а теперь ей казалось, что она смѣшалась съ ними и должна оставить свою собственную жизнь, и принимать участіе въ тысячахъ мелкихъ дѣлишекъ, хлопотливо, до самой своей смерти, мятущагося человѣчества.

Шумъ и безпрерывная суета въ безчисленныхъ скученныхъ домахъ наполнили ее. На взбудораженной землѣ, невидимыми устами молившей о пощадѣ, точно паровая машина съ раскаленнымъ брюхомъ, высился

городъ, выплевывая паръ и пламя и расплющивая въ своихъ кулакахъ живыя тѣла. Походка Верены была нетверда; она не чувствовала никакой связи между ногами и тѣломъ и не находила иного средства оградить себя отъ своего взбаломученнаго внутренняго міра, кромѣ сна, но разстаться съ Арнольдомъ ей не хотѣлось. Его присутствіе стало ей необходимымъ; теперь онъ казался ей гораздо выше, чѣмъ раньше, и она ощущала что-то въ родѣ боязни приговора въ его веселомъ взглядѣ. Арнольдъ вновь проводилъ Верену домой. Холодный тихій воздухъ освѣтилъ ихъ обоихъ. Передъ воротами они еще немного постояли и поболтали, но было похоже, что каждый говоритъ лишь изъ любезности, потому что внутренній голосъ каждаго все усиливался. Верена съ минуты на минуту старалась отдалить прощаніе. Лицо ея раскраснѣлось; одинъ разъ она даже положила голову на скрещенныя на затылкѣ руки, отчего движеніе груди при дыханіи казалось удивительно мирнымъ. Потомъ она пожелала ему покойной ночи и протянула ротъ для поцѣлуя. Долго смотрѣла она ему вслѣдъ, смотрѣла на то, какъ твердо и увѣренно онъ шагалъ впередъ и какъ въ его движеніяхъ сквозили и радость, и веселье. Она же чувствовала себя одинокой.

Арнольдъ, наоборотъ, дѣйствительно, былъ очень доволенъ; онъ держался такъ прямо, точно ему было поручено командовать цѣлой арміей, а по временамъ лукаво-добродушно улыбался; придя домой, онъ сейчасъ же легъ въ постель и крѣпко проспалъ до утра. Солнце ярко свѣтило въ окно, когда онъ садился завтракать. Вошелъ Христіанъ и доложилъ, что пришла какая-то дама. Это оказалась Верена. Она вошла; лицо ея еле замѣтно подергивалось и было покрыто какой-то особенной сіяющей блѣдностью. Она сѣла точно гостья; глаза ея были широко раскрыты, но ни на чемъ не останавливались; оглянувшись кругомъ, она сказала:

— Я хотѣла только видѣть тебя Арнольдъ. Какъ спалъ? Какъ поживаешь?

— Хорошо очень хорошо, Верена—отвѣтилъ Арнольдъ, счастливый отъ новаго прилива гордости обладанія ею. Но онъ по всему видѣлъ, что она опять «думала», какъ онъ внутренно называлъ ея сомнѣнія и напускной развязностью старался заглушить пробуждающуюся въ себѣ робость. Верена, откинувъ голову, посмотрѣла на него и неопредѣленно улыбнулась.

Ея перчатки упали на полъ. Арнольдъ нагнулся поднять ихъ. Потомъ они встали другъ противъ друга.—Ну, спросила Верена почти съ шаловливой улыбкой, но проницательнымъ взглядомъ желавшая вывести на свѣжую воду даже непонятныя ему самому движенія его души.—Да было бы тебѣ извѣстно, Арнольдъ,- начала она снова и стала теребить крупными, бѣлыми, какъ снѣгъ, пальцами, мѣховую отдѣлку своей зимней жакетки, да было бы тебѣ извѣстно, что я не

предаюсь никакимъ иллюзіямъ. Я всю ночь продумала, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ насъ обоихъ, потому что вѣдь недостаточно идти рядомъ, а надо знать, куда идешь.

— Зачѣмъ, Верена,—съ легкой досадой перебилъ ее Арнольдъ,— зачѣмъ вѣчно ощипывать то, что прекрасно и что произошло само по себѣ?—Онъ немного побаивался того, что она скажетъ.—Достаточно раздумывать о скверномъ. Къ чему тебѣ понадобилось это «куда?» Земла кругла, а потому вѣчно приходится совершать кругъ.

— Ну, положимъ, эта истина нѣсколько поверхностна,—возразила Верена, удивленная увѣренностью и опредѣленностью его взгляда. Еще секунда и она опечалилась, такъ какъ догадалось, что онъ хочетъ избѣжать ея разсужденій.

— Ты слишкомъ любишь предаваться унынію, Верена,—сказалъ онъ успокоительно, напрасно стараясь отгадать причину ея молчанія, полнаго всяческихъ предчувствій.

Верена быстро подняла голову.

— Въ этомъ ты правъ!—воскликнула она.—Понимаешь теперь?

— Я ничего не понимаю, отвѣтилъ онъ запинающимся голосомъ; но одно мгновеніе онъ попрежнему подчинился было ея убѣжденному тону.—Я слишкомъ хорошо себя знаю, къ сожалѣнію;—продолжала Верена,—подумай, Арнольдъ, вѣдь ты стремился взлетѣть на небо, а я почти прожила свой вѣкъ на землѣ. Мои корни уже умерли, тогда какъ ты еще въ полномъ цвѣту. А главное, когда живешь такъ глубоко, какъ я, все кажется темнымъ и, какъ ты говоришь, унылымъ. Это не личное уныніе, потому, можетъ быть, что мнѣ скверно живется и у меня нѣтъ времени для прогулокъ, но уныніе отъ всего склада нашей жизни, ея болѣзненности и фальшивой культуры. Я безсильна и благодаря этому только и стала твоей. Потому-то я и задѣла вопросъ: къ чему же это поведетъ? Вѣдь тебѣ пришлось бы не только тащить меня за собою въ свой путь, но еще раньше самому спуститься внизъ, чтобы потомъ захватить меня. Поэтому я говорю: «живи и спасайся».

Она стояла передъ нимъ и смотрѣла на него. Этотъ волшебный взглядъ, выражавшій честное опасеніе за него же, проникалъ въ самую душу. Но въ то же время онъ почувствовалъ и нѣчто другое. Въ немъ заговорило сомнѣніе: таковъ ли онъ, какимъ она его считаетъ? И это сомнѣніе дѣлало его настолько трусливымъ, что онъ не рѣшался противорѣчить ей, но не рѣшался и признаться въ этомъ даже самому себѣ, а, польщенный, любовался отраженіемъ своего «я» въ ея чистой душѣ. Счастливое сознаніе, что онъ беретъ перевѣсъ, вновь вернуло его добродушное настроеніе; такимъ образомъ, сначала какъ бы отдѣлясь отъ нея, онъ потомъ опять вернулся къ ней, но уже другимъ путемъ и чудесно измѣнившимся, болѣе радостнымъ, болѣе счастливымъ обладаніемъ ея.

— Неужели намъ надо разстаться? — спросилъ онъ съ разсчитаннымъ лукавствомъ.—И чего только ты не придумаешь! Каждый знаетъ, что умретъ когда-нибудь, но никто отъ этого не умираетъ немедленно.

Онъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Потомъ они вдвоемъ вышли. Верена мягко подчинялась ему, но въ этомъ не чувствовалось жизненности; она сознавала, что нельзя перековать въ одно цѣлое желѣзо и дерево, но застывшими руками удерживала около себя Арнольда, счастливая и благодарная ему за это.

Съ этихъ поръ они начали проводить большую часть времени въ тихой комнатѣ Верены.

Тецнеръ постепенно пересталъ посѣщать ихъ. Однажды, весь запушенный снѣгомъ и засунувъ руки въ карманы, онъ вошелъ къ нимъ повидимому, въ хорошемъ расположеніи духа. Но очень скоро выяснилась, что его беззаботность ничто иное какъ съ трудомъ надѣтая на себя маска. Онъ положилъ руку себѣ на лобъ, точно боялся, что голова у него лопнетъ; толстыя губы были сжаты, какъ два кулака; кругло остриженная, линючая борода и слѣпое выраженіе глазъ дѣлало его похожимъ на изображеніе стараго Гомера. Не произнеся ни слова, онъ снова удалился, боязливо стараясь заглушить шумъ своихъ шлепающихъ шаговъ. Онъ точно былъ опутанъ и парализованъ постоянными, сыпавшимися на него, ударами судьбы.

Имъ овладѣла тоска. Причиной ея было не то, что Верена отдалась страсти,—къ этому онъ былъ подготовленъ, да никогда и не желалъ быть чѣмъ-либо инымъ для нея какъ охранителемъ и человѣкомъ расчищающимъ ей путь,—но то, что она заставляла его ждать у дверей, когда сама давно уже ушла очень далеко, онъ считалъ несправедливымъ. Къ этому еще присоединились ужасающія головныя боли, явившіяся съ того времени, какъ онъ попалъ подъ карету; боли эти постоянно усиливались. И вотъ ему приходилось влачить свое существованіе, подобно чистокровному ослѣпшему коню, сбивающемуся на каждомъ шагу съ проторенной дороги.

Но отдаленія онъ не могъ перенести. Четыре дня спустя послѣ перваго раза, вечеромъ, въ то время когда въ домахъ уже запираются входныя двери, его вновь потянуло къ Веренѣ. Швейцаръ, отпиравшій ему, сказалъ съ злой и многозначительной улыбочкой, что молодой баринъ наверху у барышни. Кряхтя поднимаясь по лѣстницѣ, старикъ собиралъ всѣ свои силы, чтобы не заревѣть отъ боли, до того сильно болѣлъ затылокъ. Онъ такъ постучалъ въ дверь, какъ между имъ и Вереной было навсегда условлено, но внутри все оставалось тихо. Печально прислонился онъ въ темнотѣ къ стѣнѣ. Когда онъ закрывалъ глаза, передъ нимъ носились огненные языки. Постучать вторично онъ не смѣлъ, но не хотѣлъ и уходить, чтобы вновь не дать поводъ швейцару къ злобному хихиканію.

Наконецъ, до него донеслись шаги въ передней; ему даже показа

лось, что онъ слышитъ, чье-то дыханіе, будто къ дверямъ подкрадывается человѣкъ, чувствующій свою вину, чтобы послушать не здѣсь ли его обвинитель, и эта картина въ примѣненіи къ Веренѣ показалось ему вдругъ до такой степени безумной и отвратительной, что онъ громко расхохотался.

— Тецнеръ, это вы?—раздался голосъ Верены за дверью.

— Я,—отвѣтилъ Тецнеръ и дверь отворилась.

Въ комнатѣ было свѣтло и тепло. Передъ лампой лежала раскрытая книга. Тецнеръ сдвинулъ очки на лобъ и сначала разсѣянно посмотрѣлъ на Арнольда, точно на чуждый предметъ; потомъ мускулы его лица раздвинулись въ улыбку лунатика. Что-то боязливое, нѣжное, одухотворенное появилось на его лицѣ и онъ проговорилъ:

— Давайте веселиться, пить чай, болтать о будущемъ? Такъ, что-ли, Верена?

Онъ улыбался съ закрытыми глазами и повѣсилъ пальто на стѣну. Верена задумчиво смотрѣла на окно. Арнольдъ казался безпокойнымъ и недовольнымъ. Онъ хотѣлъ остаться съ Вереной вдвоемъ и ему стоило большого труда не дать замѣтить, до чего ему противно присутствіе Тецнера. А тотъ опустился въ большое кресло, протянулъ ноги, положилъ обѣ руки на голову, причемъ съ его губъ сорвался еле слышный стонъ.

— Вы устали, Тецнеръ?—спросила смущенная Верена съ состраданіемъ.

— Да, душечка,—отвѣтилъ онъ,—но устали не ноги, а сердце, сердце устало.

Арнольдъ погрузился въ свои думы. Не чувствуя симпатіи къ Тецнеру, не понимая его, а потому не относясь къ нему съ добротой, единственно чего онъ желалъ, такъ это, чтобы тотъ поскорѣе ушелъ, а такъ какъ не умѣлъ притворяться, то Верена замѣтила, что его мучаетъ, и начала желать того же самого. Она видѣла, что Тецнеръ страдаетъ, задавала ему вопросы, а онъ, испуганный и разстроенный приступами боли въ головѣ, по которой точно били молотками, отвѣчалъ ей. Верена встревожилась и стала хлопотать около друга, положила ему на виски мокрый платокъ, щупала пульсъ и съ мольбой задумчиво смотрѣла на Арнольда, не выказывавшаго никакого участія; его нисколько не трогало и не волновало нездоровье Тецнера, онъ лишь предавался своимъ эгоистическимъ чувствамъ. Ѣдкая печаль закралась въ сердце Верены.

— Проснись, Арнольдъ, — хотѣлось ей крикнуть; — не замыкайся, не забывайся! Обнимай духомъ весь міръ!

И вдругъ она показалась себѣ и грѣховной, и опасной, потому что ей вовсе не хотѣлось обладать душой человѣка, которая, отдаваясь страсти, разрушаетъ этимъ себя самое.

Когда она стояла рядомъ съ Тецнеромъ, озабоченная и задумчи-

вая, Арнольдъ не могъ долѣе обуздывать себя.—Онъ подошелъ, обхватилъ Верену за плечи и, смѣясь, бурно поцѣловалъ ее въ щеку, несмотря на ея сопротивленіе. Этого Верена не ожидала.

46.

Предположимъ, что нѣкто входитъ въ кафе и заказываетъ себѣ какой-нибудь напитокъ — поступокъ незначительный и неважный. Онъ удивленно оглядывается: окружающая обстановка кажется ему какой-то странной; его поражаютъ и крадущіеся, словно привидѣнія, кельнеры, и давящая, какъ свинецъ, важность читающихъ газеты посѣтителей, и стукъ катаемыхъ шаровъ, и возбужденность карточныхъ игроковъ и все это въ то время, какъ онъ самъ, съ каждымъ біеніемъ своего сердца внутренно обновляется, когда мимо него ничто не проходитъ безслѣдно, когда смѣна разныхъ явленій наполняетъ его интересомъ и чисто человѣческимъ безпокойствомъ и каждое новое лицо пробуждаетъ новый вопросъ; словомъ когда онъ живетъ болѣе интенсивной жизнью, чѣмъ всѣ живущіе. Такимъ человѣкомъ когда-то былъ Арнольдъ.

Но теперь настало время, когда онъ разучился чему бы то ни было удивляться. Онъ сдѣлался спокойнѣе, чего самъ, конечно, не могъ замѣчать за собою; но послѣдствія этой перемѣны казались ему благодѣтельными и выгодными, такъ какъ для успѣха во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, необходимо выработать въ себѣ привычку спокойнаго отношенія ко всему и готовность со всѣми примириться. Но кто утратилъ способность дивиться чему бы то ни было изъ окружающаго міра, начиная съ песчинки и кончая самимъ солнцемъ, тотъ неизбѣжно сосредоточитъ свои чувства лишь на самомъ себѣ, что породитъ въ немъ суетность.

Когда Арнольдъ приходилъ къ Веренѣ, онъ безсознательно напрягалъ всѣ силы, чтобы подчинить ее своей волѣ; а то, въ чемъ она подчинялась, уже переставало его манить.

Она думала, что ее порабощаетъ его темпераментъ, но отъ этого увѣренности въ счастьѣ у нея не прибавлялось. Приписывая это недостаточности темперамента въ себѣ самой, она стремилась въ странномъ заблужденіи какъ бы ударами бича заставить свою кровь быстрѣе переливаться по жиламъ.

— Почему я не могу жить не думая?—жаловалась она въ душѣ. Часто разочарованіе, словно сѣрое покрывало, окутывало ее съ головы до ногъ.

Не на такую жизнь надѣялась она: не на бѣготню отъ одного перекрестка къ другому, не на безпрерывное задаваніе себѣ вопросовъ и постоянныя выжиданія. Ея умъ ни на минуту не умолкалъ,

никогда она не переставала анализировать, а между тѣмъ, сознавала, что слѣдовало бы, какъ во снѣ, забыть и часъ, и время. На послѣдней недѣлѣ святокъ она отправилась съ Арнольдомъ на студенческій балъ. Арнольдъ не танцовалъ, но ему доставляло удовольствіе наблюдать со стороны ритмическую толкотню и онъ былъ радъ сопровождать Верену. Ихъ связь ни для кого не была тайной, да они и не желали дѣлать изъ нея тайны; въ тѣсномъ кругу друзей Верена держала себя не стѣсняясь, что дѣйствовало на нее благотворно, но, несмотря на это, она открыто признавалась Арнольду, что не такъ-то скоро рѣшится показаться въ обществѣ и онъ находилъ, что она права. Какъ разъ болѣе снисходительные и добродушные наиболѣе оскорбляли ее своею назойливостью и любопытствомъ. Но нѣсколько дней послѣ этого Эмерихъ Хиртль уговорилъ Арнольда придти съ Вереной на семейный вечеръ, который онъ давалъ въ наемномъ помѣщеніи какого-то отеля. Хиртль охотно пользовался случаемъ поставить всѣмъ на видъ свои передовые взгляды; но еще большее удовольствіе доставляло ему посмѣяться надъ архимѣщанствомъ своихъ знакомыхъ.

Верена отказалась идти. Задѣтый за живое Арнольдъ молча усѣлся въ уголъ. Напрасно старалась она его задобрить и убѣдить. Ей стало страшно. Многое подсказывало ей, что не слѣдуетъ исполнять дѣлающіяся все болѣе и болѣе настойчивыми желанія друга, но когда онъ собрался уходить и капризно не хотѣлъ протянуть ей даже руки, она согласилась. Тогда онъ обхватилъ ее руками, приподнялъ на воздухъ, чуть не задушилъ отъ восторга, смѣялся цѣловалъ, давалъ дѣтски-ласкательныя имена, жалъ ей руки... Увлеченная его порывомъ, она про себя простила ему. Но что могло его побуждать поступать такимъ образомъ?

Между приглашенными была и Петра Кёнигъ и Арнольдъ познакомилъ ее съ Вереной и та все время оставалась около нея. Въ своей чистосердечной жаждѣ знанія она думала позаимствоваться у новой знакомой какими-нибудь крохами его, но въ то же время хотѣла показать насколько она сама свободнѣе и самостоятельнѣе другихъ. Каждой своей улыбкой старалась она подчеркнуть, до какой степени чужда ей щепетильность свѣтскаго общества. Верена была достаточно благоразумна, чтобы отнестись къ этому юмористически, но никогда не чувствовала еще такой пустоты и скуки какъ въ этотъ вечеръ. Хиртль также подходилъ къ ней, острилъ, хвасталъ, былъ меланхоличенъ и вообще съ слѣпымъ рвеніемъ игралъ на немногихъ опредѣленныхъ струнахъ своего характера. На обратномъ пути они шли пѣшкомъ. Верена не то съ горечью, не то иронически стала намекать на стараніе дѣвицы Петры приноравливаться къ ней.

— Да, Петра такова,—задумчиво отвѣтилъ Арнольдъ.—Она всегда выбираетъ самое лучшее изъ того, что надо дѣлать и говорить, но все, что она ни говоритъ и ни дѣлаетъ, остается ей чуждымъ.

*

— Какъ ты хорошо умѣешь судить, — сказала Верена, отвернувшись отъ него.

— Петра не дурная дѣвушка, — продолжалъ Арнольдъ. — Можетъ быть ее испортили хорошія книги.

— Конечно, — подтвердила Верена. — Она путаетъ то, чему удивляется, съ тѣмъ, на что сама способна и, вслѣдствіе этого, становится дѣланной. Но мнѣ-то какое до всего этого дѣло? Изъ-за чего я должна въ продолженіе многихъ часовъ выставлять себя на показъ? Зачѣмъ ты хочешь меня затащить на рынокъ, когда я жажду покоя? Тамъ жизнь короткая. Хотя я понимаю,—сказала она измѣнившимся голосомъ, переходя къ тому, что тайно ее огорчало,—я понимаю, что даже самыя хорошія и свободомыслящія дѣвушки желаютъ брака. Грустно, что люди изобрѣли понятіе о нравственности, которое опошляетъ даже самое прекрасное.

— А тебѣ было бы пріятно повѣнчаться со мною, Верена?—спросилъ Арнольдъ и улыбаясь, нагнулся надъ ней. Верена прикусила губу. Сбоку она бросила на него быстрый взглядъ. Ей вспомнился тотъ день, когда онъ хотѣлъ высыпать передъ нею всѣ свои деньги. Арнольдъ замолчалъ нѣсколько смущенный. Придя къ дому, Верена стала прощаться съ нимъ, но онъ удержалъ ея руку.

— Оставь меня сегодня одну, Арнольдъ, — попросила она. Отъ усталости ея глаза казались темнѣе. Такое лицо у нея бывало, когда ее ждали цѣлые часы раздумья и провѣрки себя.

Арнольдъ упрямо не сходилъ съ мѣста. Верена наморщила лобъ и вздохнула; ея широко раскрытые глаза, обращенные кверху, придавали лицу выраженіе горечи и проникновенія.

— Дорогой мой, — сказала она съ необыкновенною кротостью, — провѣрь себя хорошенько, можетъ быть, ты можешь отказаться отъ меня. Арнольдъ засмѣялся.

— Вѣчно все анализировать и ощипывать,—воскликнулъ онъ.—Въ состояніи ли ты еще отличить радость отъ горя?

— На свѣтѣ есть только страданія, потому что только ихъ и замѣчаешь, — тихо замѣтила Верена. — Остальное лишь минуты отдыха. Я не могу смотрѣть на всякое страданіе какъ на символъ, вотъ и все. Въ противномъ случаѣ мнѣ пришлось бы перестать размышлять.

Не вполнѣ понимая ее, Арнольдъ сдѣлалъ неопредѣленный и нетерпѣливый жестъ рукой. Онъ стоялъ и насвистывалъ. Между ними съ крыши падали дождевыя капли. Съ улицы несся плескъ и шумъ отъ растаявшаго снѣга. Веренѣ казалось, что и ея сердце и ея кровь сковываетъ полярная стужа. Беззвучно замирали въ ея душѣ еще непроизнесенныя слова. Медленнымъ движеніемъ руки нажала она кнопку электрическаго звонка, надѣясь втихомолку, что теперь Арнольдъ непремѣнно пойдетъ съ нею наверхъ. Она даже желала этого, такъ какъ ей не хотѣлось цѣлую ночь провести подъ впечатлѣніемъ недоразумѣ-

нія, досады. Но въ него точно вселился дьяволъ. Когда стало слышно что швейцаръ вставляетъ ключъ въ замочную скважину, онъ отвѣсилъ ей шутливо-почтительный поклонъ, пожелалъ покойной ночи и ушелъ. Тотъ же дьяволъ, словно воздухъ обвѣвалъ его со всѣхъ сторонъ и нашептывалъ на ухо: «Видишь, я милостивъ, какъ богъ, я подарилъ тебѣ самый законченный продуктъ культуры, называемый Вереной. И все-таки ты погубишь себя изъ-за нея».

Верена не могла спать; долгіе часы проходила она по своей комнатѣ; что до этого вечера глухо и тихо шевелилось въ душѣ, теперь съ ужасной силой прорывало покровы безсознательности и ставило ей вопросъ за вопросомъ; а трусливо отступать передъ ними было не въ ея характерѣ. Если между ею и Арнольдомъ не установились тѣ отношенія, какихъ она желала, слѣдовательно, они не могли установиться. Но тогда сама природа говоритъ ей свое предопредѣляющее «нѣтъ» на всѣ радости въ будущемъ и Веренѣ казалось, что ей нужно было выпустить по каплѣ кровь своего сердца въ грязное житейское море, чтобы она вскипала отъ огня ея чувства и стала какъ бы закатомъ короткаго праздничнаго дня, который ей было дано пережить. Она не хотѣла ждать пока наступитъ ночь, а желала еще раньше, при свѣтѣ огней, опуститься на дно потока, у береговъ котораго для Арнольда начинались воспоминанія. «Только такимъ образомъ я могу помочь ему», думала Верена; только такимъ образомъ могу сдѣлать, чтобы онъ сталъ прежнимъ и въ то же время этимъ сохранить себя для него. Вѣдь все равно, непремѣнно настанетъ время, когда онъ оттолкнетъ меня и я останусь тогда какъ нищая на дорогѣ; а теперь я могу навсегда спасти для себя частицу его. Я знаю то, что знаю. Слово конецъ состоитъ изъ шести буквъ и если я стану его писать хоть десять разъ подрядъ, все же не напишу четырьмя. Послѣ послѣдняго поцѣлуя не бываетъ еще наипослѣдняго». Верена отвернула лицо отъ лампы и, стоя въ тѣни, казалась блѣдной, какъ смерть. Всѣ ея энергическія и болѣзненно-проницательныя разсужденія никакъ не слагались въ рѣшеніе. То, что она могла давать Арнольду, казалось ей ужасно мало. У нея было чувство, будто онъ ищетъ въ ней и за нею другую, и что она должна дозволить ему растоптать себя, поглотить, чтобы его путь оставался свободнымъ. Ея руки приподнимали его, ежечасно, во снѣ, въ самыхъ мимолетныхъ помыслахъ, даже тогда, когда она холодно отворачивалась отъ него, но силъ у нея не хватало для такой тяжести: руки опускались, и она сама падала на землю. «Что же теперь будетъ?» съ отчаяніемъ шептали ея губы. Никогда она не бывала такъ страстно взволнована въ присутствіи Арнольда, какъ наединѣ сама съ собою.

Наконецъ она, одѣтая, какъ была, легла на кровать и постепенно уснула. Но уже въ шесть опять проснулась и болѣе не могла уснуть, хотя чувствовала себя усталой и неспособной даже сообразить какая

работа и какое распредѣленіе ея предстоитъ ей на сегодняшній день. А послѣ утренняго тумана, день разгулялся и растянулъ надъ городомъ голубое небо. Солнце заставило Верену встать. Она раздѣлась, облилась холодной водой, такъ что она каплями спадала съ волосъ и потомъ грустно стала одѣваться съ такою медленностью, точно этимъ могла отдалить приближеніе часовъ, которыхъ опасалась. Затѣмъ вскипятила воду для чая, позавтракала и только что собралась идти въ клинику, какъ пришелъ Арнольдъ. Онъ впервые такъ рано являлся къ ней.—Вчера я былъ неправъ, прости меня—сейчасъ же началъ онъ и взялъ ея руку.—А сегодня Верена ты не должна быть прилежна, сегодня мы отправимся за городъ.—Онъ запнулся, замѣтивъ ея нерѣшительное и усталое лицо.—За городъ.

— Я не могу потерять цѣлый день—отвѣтила Верена - у меня впереди очень важный экзаменъ...

Разстроенный ея отказомъ, Арнольдъ, ходя взадъ и впередъ, проговорилъ:—Но я хочу, чтобы ты отправилась со мною, Верена. Ты не должна имѣть иныхъ желаній, кромѣ моихъ.

— Я уже сказала, что не поѣду—тихо проговорила дѣвушка, посвоему поднимая брови и опуская уголки рта. Арнольдъ покраснѣлъ.

— Ты должна—вспыльчиво закричалъ онъ и при этомъ хлопнулъ руками. Но видъ Верены тотчасъ же заставилъ его раскаяться въ своемъ поступкѣ. Ея внезапное, непроизвольное умоляющее движеніе и то, какъ она испуганно отвернула въ сторону свое жалкое лицо, и въ то же время какая то рѣшимость, проскальзывавшая въ ея опущенномъ къ землѣ взглядѣ и съ каждой минутой опредѣлявшаяся все сильнѣе—испугали его.

— Я живу не одною любовью—сказала Верена; въ голосѣ ея послышалось всхлипываніе и онъ оборвался,—можетъ быть въ этомъ моя вина. Но ты, Арнольдъ, рискуешь совершенно распуститься въ любви и это плохо.

— Я не знаю, любишь ли ты меня,—отвѣтилъ Арнольдъ упрямо и робко,—у меня нѣтъ доказательствъ—и, сѣвъ на ящикъ для углей, онъ положилъ голову на руки и уставился въ полъ глазами. Глубоко пораженная Верена нѣсколько минутъ простояла безъ движенія. Потомъ ея ротъ дрогнулъ, а лицо освѣжилось чуднымъ внутреннимъ свѣтомъ. Подойдя къ нему, она обвила его шею рукою, причемъ ей приходилось низко, низко наклониться, и старалась заглянуть ему въ глаза такъ, чтобы ихъ взоры слились.

— Ну, а теперь ступай—прошептала она наконецъ—сегодня мы больше не увидимся.—Поцѣловавъ его въ лобъ, она закрыла глаза рукою и отвернулась. Она плакала, но ей удалось скрыть это, хотя подавленныя рыданія чуть не разрывали ей грудь на части.

Арнольдъ поднялся.—Хорошо, такъ до завтра Верена—сказалъ онъ, охваченный чувствомъ жгучаго стыда.—Тутъ кроется какое-то недо-

разумѣніе—думалъ онъ, спускаясь по лѣстницѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ тоску и не могъ дать себѣ даже отчета, тоска ли это по Веренѣ или по чемъ то въ немъ самомъ, имъ утраченномъ. Внизу около одной изъ дверей висѣло маленькое зеркало. Онъ остановился передъ нимъ, внимательно посмотрѣлъ на себя и разсѣянно улыбнулся. Дома онъ усѣлся за свои книги и тетради, но у него ничего не выходило. Всѣ мысли, какъ лѣнивые пѣшеходы, застревали по дорогѣ. Тогда онъ отправился, какъ часто дѣлалъ въ послѣднее время, когда въ немъ постепенно стало пробуждаться пониманіе живописи, въ картинную галлерею.

Большею частью онъ останавливался передъ ландшафтами, а такъ какъ на улицахъ сегодня замѣчалось что то вродѣ признаковъ весны, то онъ и разсматривалъ картины, изображающія бурыя деревья съ могучими стволами, тихіе пруды, потухающіе вечерніе закаты, пестрыя стада и широко раскинувшіяся поля, причемъ его фантазія дополняла видѣнное. Ему казалось, что время не двигается. Наконецъ наступилъ вечеръ, наконецъ настала и ночь. Арнольдъ не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ нетерпѣніи и боязни. На слѣдующее утро въ опредѣленный часъ явился Вольмутъ и, подавая Арнольду запечатанное письмо, сказалъ дѣловито и покойно, какъ всегда: «Я имѣю передать вамъ тысячу поклоновъ: Верена Гофманъ уѣхала».

Арнольдъ тупо и съ ужасомъ посмотрѣлъ ему въ лицо.—Что? спросилъ онъ и ему показалось что листы бѣлой бумаги на столѣ дѣлаются ярко-красными. Поспѣшно разорвалъ онъ конвертъ и прочелъ:

«Мой милый, я прощаюсь съ тобой. Не старайся отыскать меня, или поѣхать за мной,—это было бы безполезно... если ты поймешь почему, то не станешь и винить меня; если же нѣтъ, то это самое и разлучило бы насъ въ непродолжительномъ времени. Я бросаю, чтобы не потерять. Прощай! Тецнеръ ѣдетъ со мной». Арнольдъ стоялъ у окна. Отъ его дыханія стекло запотѣло и весь міръ казался какимъ-то мутнымъ. Недовѣрчиво взглянулъ онъ на бумагу, содрагаясь на дѣвическій ротъ Вольмута; потомъ схватилъ пальто и шляпу, бросился на улицу, сѣлъ въ первый попавшійся экипажъ и хриплымъ голосомъ крикнулъ кучеру адресъ Верены. Гнѣвъ, испугъ, стыдъ, раскаяніе почти лишали его сознанія. Ему казалось, что время текло слишкомъ равнодушно, слишкомъ медленно вертѣлись колеса и онъ, сидя въ экипажѣ, топалъ ногами. Квартира Верены оказалась пустой. Она быстро выполнила свое намѣреніе. Сердце Арнольда упало. Онъ опять сбѣжалъ внизъ, прошелъ два дома, но оказалось, что и Тецнеръ уѣхалъ и только теперь, убѣдившись въ этомъ собственными глазами, онъ началъ вѣрить случившемуся. Долго стоялъ онъ передъ домомъ, точно не зналъ куда ему обратится.

— Какое же здѣсь недоразумѣніе?—спросилъ онъ себя совершенно разстроенный, все еще не видя во всемъ этомъ ничего кромѣ, недо-

разумѣнія, какъ человѣкъ, заслоняющій глаза рукою,—не видитъ стѣны передъ собою.

Александръ Ханка.

47.

Въ срединѣ марта Арнольдъ успѣшно сдалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Для него это была чистая забава; онъ рѣшилъ впослѣдствіи поступить на юридическій и философскій факультеты. Въ одинъ бурный весенній день, совершивъ всѣ нужныя для этого формальности, онъ отправился провожать Вольмута съ Ринга въ отдаленный форштадтъ, гдѣ тотъ жилъ.

— Вы не рѣшили еще, въ какомъ направленіи будете работать будущій годъ?—снова повторилъ Вольмутъ уже неоднократно задававшійся имъ вопросъ.—Не забывайте, что вы гораздо старше юношей, съ которыми въ настоящее время сравнялись въ познаніяхъ.

— Я не хочу никакихъ программъ, — съ живостью возразилъ Арнольдъ.—Они отнимаютъ свободу. Я хочу хватать все, что встрѣтится по пути и всѣмъ овладѣвать. А расширеніемъ своего кругозора и преодолѣваніемъ того, чего не достигъ сразу, я займусь позднѣе.

— Хорошо; что же, вы немедленно приметесь за это?

— Не знаю.

— Повидимому, вы нѣсколько разсѣянны, а можетъ быть, слишкомъ заняты какой-то одной опредѣленной мыслью,—замѣтилъ Вольмутъ съ свойственной ему дружеской мягкостью, черезъ которую, однако, всегда сквозила холодная наблюдательность. Раньше, чѣмъ отвѣтить, Арнольдъ немного помолчалъ:

— Скажите, какъ слѣдуетъ держать себя съ людьми? Слѣдуетъ ли обнаруживать передъ ними свою настоящую суть, или же надо взвѣшивать и сдерживать каждое случайное слово и выжидать для его произнесенія подходящаго момента? Выжидать до тѣхъ поръ, пока оно не потеряетъ свѣжести, не зачерствѣетъ и уже никому не будетъ интереснымъ?

— Значеніе настоящаго человѣка вовсе не въ томъ, что онъ говоритъ и вовсе не по этому можно узнать его, — взвѣшивая каждое слово, возразилъ Вольмутъ, догадывавшійся, на что намекаетъ Арнольдъ.

— Все, что человѣкъ дѣлаетъ, или не дѣлаетъ, — продолжалъ онъ, — всегда совершается по самымъ глубокимъ изъ всѣхъ возможныхъ причинъ, также какъ равновѣсіе земли происходитъ исключительно отъ центробѣжной и центростремительной силы. Если бы одна изъ этихъ силъ оказалась ослабленной, то земля превратилась бы въ хаосъ или натолкнулась на солнце.

Вольмутъ улыбнулся, взялъ Арнольда подъ руку и они нѣкоторое время шли молча. Дорога вела мимо узенькаго, но довольно длиннаго садика; въ немъ сквозь кусты и вѣтви едва проглядывали бѣлыя стѣны дома. Вѣтеръ со свистомъ и ревомъ колебалъ верхушки деревьевъ. Одинъ изъ порывовъ сорвалъ съ Арнольда шляпу и ему пришлось позвонить у садовой калитки и оставаться довольно долго съ непокрытой головой, прежде чѣмъ удалось снова завладѣть своимъ головнымъ уборомъ. Шляпа спокойно висѣла на голомъ розовомъ кустѣ, точно повстанецъ, превосходно себя чувствующій въ новомъ мѣстѣ. Когда Арнольдъ по пустыннымъ садовымъ дорожкамъ снова направился къ улицѣ, въ немъ смутно шевелились какія то чудныя воспоминанія и вдругъ у него явилось рѣшеніе съѣздить, въ Подолинъ. Съ сіяющимъ лицомъ подошелъ онъ къ Вольмуту, спокойно поджидавшему у входа, но не сообщилъ ему своего намѣренія точно опасаясь уговоровъ и предостереженій. Придя домой, онъ вытащилъ изъ угла свой деревенскій дорожный сундукъ, но оказалось, что эта достопочтенная вещь слишкомъ мала и слишкомъ безобразна. Вслѣдствіе этого, ему пришлось вторично выйти, чтобы пріобрѣсти большой кожаный сундукъ и саквояжъ. Онъ проукладывался далеко за полдень и только окончивъ сборы съ удивленіемъ замѣтилъ, что точно готовится къ продолжительному отсутствію. Опредѣливъ часъ отъѣзда, онъ рѣшилъ попрощаться съ Барромео. Ему сообщили, что дядя въ гостинной. Такъ какъ всѣ его помыслы были въ будущемъ, то пройдя рядъ комнатъ, онъ, не отдавая себѣ отчета, раздвинулъ красную дверную драпировку и очутился лицомъ къ лицу съ Анной Барромео и лейтенантомъ Валескотъ. Они сидѣли другъ противъ друга за узенькимъ чайнымъ столикомъ и обратились въ его сторону съ такимъ напряженнымъ выраженіемъ лицъ, которое ясно указывало нежелательность его присутствія. Арнольдъ извинился, вошелъ въ комнату и сообщилъ о причинѣ своего прихода. Такъ какъ его обращеніе было просто и скорѣе изобличало внутреннее довольство нежели пустое любопытство, то Анна понемногу стала привѣтливѣе. Валескотъ, повидимому, былъ раздосадованъ. Въ концѣ концовъ Арнольдъ замѣтилъ это, но ему доставляло злое удовольствіе слегка помучить этого разряженнаго и способнаго только на извѣстнаго рода разговоры человѣка. Онъ не могъ постичь, какъ Анна Барромео терпѣла около себя подобную рыбину, разъ уже выудила ее; она ему казалась бѣглянкой, которая впопыхахъ хватается за что ни попало, лишь бы найти защиту, или человѣкомъ, ищущимъ пристанища въ сгорѣвшемъ домѣ. Мало-по-малу присутствіе Арнольда стало тяготить и ее и они сдѣлались молчаливѣе. Валескотъ, въ совершенствѣ обладая тактомъ своего класса, поднялся, улыбнулся, хозяйкѣ протянулъ руку, а Арнольду съ досадливой вѣжливостью отвѣсилъ поклонъ и исчезъ. Послѣ продолжительной паузы Анна начала:

— У Валескота горячее сердце, глубокая и благородная душа.

Пальцами обѣихъ рукъ она принялась поправлять свои мѣдно-красные волосы, поднятые на головѣ въ видѣ короны, причемъ матерински улыбнулась Арнольду; затѣмъ оперлась кулаками на колѣни и смотрѣла въ полъ.

— А что ты будешь дѣлать въ Подолинѣ?—спросила она, какъ бы пробуждаясь отъ задумчивости. — Въ деревнѣ теперь еще холодно. Развѣ ты прекращаешь занятія и думаешь отдохнуть? Какъ бы я желала тоже когда-нибудь имѣть возможность отдохнуть! Непріятно затронутый ея элегическимъ тономъ и тѣмъ, что она говоритъ, Арнольдъ возразилъ, что отдыхъ свѣтской женщины, вѣроятно наступаетъ лишь на небѣ. Губы Анны Барромео высокомѣрно вытянулись. Она перегнулась впередъ, положила руку на плечо Арнольда, причемъ ея глаза сверкнули какъ изумруды, когда она произносила:

— Можешь ли ты чувствовать моимъ сердцемъ? Нѣтъ. Есть только одинъ моментъ впродолженіи дня, который я поджидаю съ радостью, а именно: тотъ моментъ, когда ночью тушу свѣчу.

Арнольдъ заявилъ, что торопится, поднялся съ мѣста; въ это время вошелъ дядя и Анна сообщила ему о намѣреніи Арнольда. Сначала тотъ, повидимому, пропустилъ ея слова мимо ушей, но потомъ одобрительно кивнулъ головой. Арнольдъ еще разъ простился съ Анной Барромео; полузакрывъ глаза, высоко поднявъ голову и вытянувъ нижнюю губу, она улыбнулась ему на прощанье.

Докторъ вышелъ съ нимъ вмѣстѣ и заявилъ, что если Арнольдъ ничего не имѣетъ противъ, то онъ проводитъ его на вокзалъ. А такъ какъ было еще довольно рано, то Арнольдъ отправилъ багажъ на извозчикѣ, а самъ съ дядей пошелъ пѣшкомъ.

— Какъ долго думаешь ты тамъ остаться?—спросилъ Барромео.— И зачѣмъ, въ сущности, ты ѣдешь? Просто потянуло туда или имѣешь какую-нибудь опредѣленную цѣль? Время года не подходящее.

Тихое, бархатное, гладко-суровое обращеніе доктора было лишено какихъ бы то ни было внѣшнихъ признаковъ сочувствія; но, несмотря на это въ немъ чувствовалось какое-то робкое и, повидимому, совершенно безсознательное желаніе какъ бы тѣснѣе прижаться къ Арнольду, такъ что послѣдній сначала съ удивленіемъ, а потомъ испуганно почуялъ какую-то бѣду. Барромео оставался на вокзалѣ до самаго отхода поѣзда; на его губахъ играла безсмысленная улыбка и лишь въ послѣднія минуты онъ вдругъ разговорился и даже сталъ давать совѣты и высказывать свои взгляды насчетъ сельскаго хозяйства. Поѣздъ тронулся, но Барромео оставался на мѣстѣ пока дебаркадеръ окончательно не опустѣлъ. Когда на разсвѣтѣ Арнольду пришлось ѣхать въ экипажѣ со станціи въ свое помѣстье, погода стояла очень ненастная. Колеса то вязли въ грязи, то, попадая на булыжникъ, издавали скрипъ, по бокамъ тянулись обнаженныя поля, а лѣса скрывалъ туманъ. Урсула

была не мало удивлена прибытіемъ молодого хозяина. Богемецъ-управляющій нанятый съ лѣта, встрѣтилъ его безъ шапки у самой садовой калитки. На его красномъ плоскомъ лицѣ какъ бы застыло выраженіе рабскаго подчиненія. Урсула спрашивала, вздыхала, смѣялась, трясла головой, всплескивала руками, но спустя немного ея душевное спокойствіе было вновь возстановлено. Она хотѣла подать счета и словесно пополнить письменные отчеты управляющаго, но Арнольдъ заявилъ, что пока не желаетъ заниматься дѣлами.—Какъ вы выросли и похорошѣли—говорила Урсула и, увлекшись и подбоченясь, стала любоваться его платьемъ и измѣнившейся походкой; ничто не ускользало отъ ея невинной наблюдательности. Но прошелъ часъ и ея обращеніе снова измѣнилось. Сначала она пыталась говорить съ нимъ по старому игриво-ворчливо, какъ бы журя и приказывая въ одно и то же время, но скоро замѣтила, что это не идетъ, не потому что бы Арнольдъ выказалъ неудовольствіе на это, но благодаря своему врожденному такту. И съ этого момента Арнольдъ сталъ для нея далекимъ хозяиномъ, безразличнымъ, а себя она почувствовала чужой ему, хотя не сознавалась въ этомъ даже себѣ. Она окружила его какъ бы цѣлымъ облакомъ почтенія, которое, однако, заволокло прежнія шутливо-игривыя воспоминанія. Арнольдъ немного отдохнулъ послѣ дороги, потомъ напился кофе изъ знакомой съ давнихъ временъ чашки; все казалось ему здѣсь мизернымъ и чужимъ. Комната стала какъ будто болѣе узкой, голой и мрачной, окна казались маленькими, точно бойница; мебель и посуда неудобной и убогой... Онъ улыбнулся про себя, точно старикъ вспоминающій свою юность. Проходя въ пальто и шляпѣ все съ тою же снисходительной улыбкой на губахъ черезъ палисадникъ, чтобы отправиться въ Подолинъ, онъ вдругъ задалъ себѣ вопросъ, какъ бы онъ отнесся къ необходимости остаться здѣсь навсегда, но постарался какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ этой мысли.

48.

И все же проходя по лугамъ, онъ ощущалъ трепетъ, отголосокъ того же могучаго движенія, что когда-то прогнало его изъ этихъ равнинъ; этотъ трепетъ такъ же былъ похожъ на тотъ, какъ и легкое колебаніе воздуха, случайно заблудившееся въ тихихъ долинахъ, похоже на органъ, отъ котораго оно взяло начало. Онъ любовался далекимъ небомъ, на которомъ облака мало-по-малу начинали уступать мѣсто прозрачной синевѣ; на берегу черной рѣки онъ остановился помечтать и насладиться крикомъ воронъ. «Есть ли на свѣтѣ звуки, болѣе дставляющіе наслажденія», думалъ онъ, идя дальше, «нежели плескъ воды на лугахъ?

Любопытные взгляды и раздающійся вслѣдъ шопотъ подолинцевъ развеселили Арнольда; ему казалось удивительнымъ что каждый до-

мишко попрежнему находился на старомъ мѣстѣ и онъ съ улыбкой заглядывалъ по очереди во всѣ ворота; перейдя площадь, онъ сталъ подниматься вверхъ къ кладбищу; мясникъ Уроваръ стоялъ въ дверяхъ своей лавки, точно за все это время не сходилъ съ мѣста, паукъ крестовикъ подъ губой попрежнему что-то подкарауливалъ, а лицо было вздуто и красно, точно у трубача, дующаго въ трубу. Арнольдъ остановился и привѣтливо кивнулъ ему головой, у него явилось ощущеніе, будто между ними существовали всегда самыя дружескія отношенія, Ураваръ вытаращилъ глаза, растерянно раскрылъ ротъ, а потомъ отвѣсилъ почтительный поклонъ.

На кладбищѣ все было тихо, вѣтеръ наклонилъ деревянные кресты на сторону, часть ихъ сгнила и была поломана. Отсюда открывался самый обширный видъ на равнину, начинавшую холмиться лишь на большомъ разстояніи, а поблизости напоминающую хорошо защищенную бухту, до которой не достигали волненія океана. Могила госпожи Анзорге находилась какъ бы на краю возвышенности, огороженной со всѣхъ сторонъ словно крѣпость, на которой раскинулось кладбище. Ее украшалъ простой камень, а вокругъ уже выросло довольно много травы. Арнольдъ прислонился спиной къ оградѣ и пытался вызвать въ своемъ воображеніи образъ усопшей, но мысль о ней перебивало многое пережитое за послѣднее время, разныя пестрыя воспоминанія носились кругомъ и полный благородства образъ, лишенный жизни, всецѣло продуктъ мысли, воспоминаній и исканій, но не чувства, поднимался надъ могилой неясно, неуловимо... Арнольдъ не ожидалъ ничего подобнаго; онъ не думалъ, что будетъ чувствовать себя здѣсь до такой степени одинокимъ, и, смущенный и немного испуганный, сталъ искать въ умѣ моста, по которому современная мысль могла бы пробраться въ то царство, которое скрыто отъ нея. Съ тою же довѣрчивою пытливостью, что и въ дѣтствѣ, обратился онъ къ Богу, но тутъ же долженъ былъ сознаться, что вселенная, раньше вмѣщавшая въ себѣ Отца неученыхъ людей, отнынѣ опустѣла для него. «Быть можетъ, я ищу въ Богѣ лишь отговорку», стоически подумалъ онъ и выраженіе спокойствія и вдумчивости на его лицѣ смѣнилось печалью и чѣмъ-то очень трезвеннымъ. Направляясь къ выходу, онъ замѣтилъ втиснутый въ уголъ между церковью и оградой маленькій, омытый дождями, могильный камень, въ который была вдѣлана выцвѣтшая фотографія за стекломъ, изображавшая гордаго и красиваго мужчину. На плоской сторонѣ камня красовалась надпись: «Фурмалли, наѣздникъ цирка изъ Милана. Mal fa chi tanta fè oblia».

Арнольдъ усмѣхнулся. Какимъ образомъ могъ попасть господинъ Фурмалли въ Подолинъ? Никогда раньше онъ не замѣчалъ стараго камня съ слащаво-красивымъ портретомъ. Съ трудомъ угадалъ онъ значеніе итальянской надписи: «не хорошо со стороны того, кто забывалъ подобную вѣрность». Съ каждой минутой чувство, что его кто-

то направилъ сюда, чтобы онъ прочелъ эту надпись, въ немъ крѣпло... Вѣрность—вотъ, что повидимому, дѣйствительно, составляло зерно всей жизни и что служило связью между всѣмъ хорошимъ; и точно ища защиты отъ упрека самому себѣ, онъ мысленно произнесъ имя Верены. На обратномъ пути передъ нимъ все время носилось ея просвѣтленное лицо, а дома его охватила жгучая тоска по ней и онъ въ тысячный разъ задавалъ себѣ вопросъ, почему она ушла отъ него, но въ то же время не давалъ себѣ труда углубиться въ этотъ вопросъ. Ему стало казаться, что не можетъ быть и сомнѣнія, что онъ снова встрѣтитъ ее въ городѣ и одиночество, на которое онъ обрекалъ себя въ данное время представлялось ему чѣмъ-то въ родѣ испытанія, добровольно принятаго имъ на себя. Дома, на дворѣ, его дожидалась молодая крестьянская баба; некрасивыя черты лица ея были искажены нѣмымъ отчаяніемъ. Она тотчасъ же поспѣшила къ нему, и съ ея губъ полился цѣлый потокъ непонятныхъ словъ. Вышла Урсула, на лицѣ ея появилось презрительно-холодное выраженіе. Лишь мало-по-малу Арнольду удалось понять въ чемъ дѣло. Молодая женщина была жена Кубу, обладавшаго на селѣ домикомъ, но не имѣвшаго земли; раньше онъ служилъ на желѣзной дорогѣ и лишь пять лѣтъ тому назадъ принялъ на себя хозяйство отца. За невзносъ 68 гульденовъ податей у него наложили запрещеніе на пару воловъ, а сегодня сообщили, что если онъ не внесетъ чистыми деньгами всего долга, то ихъ продадутъ съ аукціона. И женщина умоляла барина дать ей эту сумму и призывала матерь Божію во свидѣтельницы, что вернетъ ее послѣ уборки хлѣба.

Арнольдъ всецѣло поглащенный своимъ собственнымъ душевнымъ состояніемъ и настроенный мягко лишь по отношенію къ себѣ самому, отказалъ женщинѣ: ея крикливость дѣйствовала на него непріятно. Простоявъ еще нѣкоторое время на мѣстѣ, склонивъ къ землѣ мрачное лицо, она наконецъ ушла.

Арнольдъ отправился въ домъ.

Погода разгулялась. По блѣдному небу тянулись бѣлыя туманныя облака. Арнольдъ попробовалъ читать, но его снова потянуло наружу: онъ выбралъ дорогу чрезъ Подолинъ. У одной изъ крайнихъ избъ стояла толпа людей, повидимому сильно возбужденныхъ. За заборомъ двора виднѣлось шесть жендармовъ. Арнольдъ хотѣлъ было разспросить одного изъ крестьянъ, но къ нему торопливо подошелъ какой-то толстякъ въ золотыхъ очкахъ и задыхаясь, и спѣша, спросилъ: не онъ ли господинъ Анзорги не приходила ли къ нему сегодня жена Кубу занять денегъ? Самъ онъ—желѣзнодорожной экспедиторъ, когда-то былъ начальникомъ Кубу и удостовѣряетъ, что тотъ очень порядочный человѣкъ.

— Это и есть домъ Кубу?—въ свою очередъ спросилъ его Арнольдъ.

Экспедиторъ разсказалъ, что въ двѣнадцать часовъ къ Кубу явился сборщикъ податей изъ Собіельска съ двумя жандармами. Кубу заперъ

хлѣвъ и объявилъ, что не отдастъ воловъ: восемь лѣтъ онъ исправно платилъ налоги, но теперь, въ виду прошлогодняго неурожая, уплатить ихъ не можетъ и предлагаетъ въ залогъ свой домъ и дворъ; онъ заявлялъ еще, что безъ скота онъ погибшій человѣкъ. Жена, въ свою очередь, обѣщала выпросить деньги у своего крестнаго и оба, со сложенными руками, умоляли дать имъ отсрочку. Но все было напрасно: сборщикъ рѣшилъ — подавай деньги или воловъ! Кубу кричалъ: «Я не отдамъ ихъ, лучше мнѣ сейчасъ же погибнуть, нежели постепенно погибать со всею семьей. Все село сбѣжалось и видъ этихъ людей не предвѣщалъ ничего хорошаго. Сборщикъ послалъ въ Собіельскъ еще за жандармомъ, а самъ сталъ ждать, когда тѣ явятся. Прійдя на мѣсто, они хотѣли связать Кубу, но это имъ не удалось; тогда одинъ изъ нихъ обнажилъ саблю, жена бросилась къ нему и вопила: «не бейте его по головѣ». Ударъ, предназначавшійся Кубу, упалъ на нее и такъ сильно ранилъ въ руку, что одинъ изъ пальцовъ повисъ на кожѣ. Потомъ всѣ жандармы выстроились въ двухъ метрахъ отъ Кубу и крикнули, что будутъ стрѣлять, если онъ не сдастся. Увидѣвъ, что жена ранена, Кубу бросился въ хлѣвъ, схватилъ вилы и закричалъ: «вы уведете воловъ только черезъ мой трупъ!» Жена выхватила у него вилы, стала передъ нимъ и прикрыла собою отъ бросившихся на него жандармовъ. Наконецъ-таки имъ удалось оттащить женщину и связать Кубу. Собравшійся на улицѣ народъ роптаъ и грозилъ, но жандармы держали себя сдержанно. Сборщикъ податей отвязалъ описанныхъ воловъ и приказалъ четыремъ жандармамъ угнать ихъ.

Услыхавъ все это, Арнольдъ до того поблѣднѣлъ, что экспедиторъ спросилъ—не дурно ли ему? Вытащивъ изъ кармана бумажникъ, тотъ отсчиталъ семьдесятъ гульденовъ и, подавая ихъ, сказалъ:

— Я плачу за Кубу. Два гульдена мнѣ слѣдуетъ получить сдачи.

Добросердечный экспедиторъ, очевидно, сильно обрадовался и растроганно пожалъ Арнольду руку. Между зрителями также пробѣжала вѣсть о великодушіи молодого помѣщика; нѣкоторые протискивались къ нему, другіе издали выкрикивали слова благодарности. Арнольду невольно припомнился другой день, когда онъ былъ готовъ принести имъ въ жертву всего себя, а они бросали въ него каменьями... сегодня же превозносятъ за данныя, и то слишкомъ поздно, какія-нибудь семьдесятъ гульденовъ. Онъ начиналъ горько ненавидѣть эту безсмысленную и тупую толпу, но самъ обманывалъ себя этимъ чувствомъ: его облѣнившемуся и опустившемуся сердцу было и больно, и стыдно, но оно не передовало, да и не могло передавать этихъ чувствъ разсудку.

Бредя одинокой тропинкой, ведущей къ лѣсу, Арнольдъ вдругъ почувствовалъ просвѣтленіе и, непріятно пораженный, онъ остановился и пробормоталъ:

— Возможно ли?

— Стоя около дерева онъ сталъ пристально разглядывать его кору; теперь только онъ началъ догадываться объ истинной причинѣ бѣгства Верены. Онъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ до лѣсной опушки и сѣлъ на опрокинутый древесный стволъ; онъ весь какъ бы истекалъ жалостью и тоской. Да, онъ былъ готовъ осудить себя, даже не принимая во вниманіе причинъ и послѣдствій своихъ поступковъ, даже не желая вполнѣ уяснить себѣ ихъ — для него уже было достаточно, что онъ продолжаетъ винить себя. Ему уже теперь перестало казаться простымъ недоразумѣніемъ то, что носило такой ясный отпечатокъ судьбы. Но немного погодя, онъ уже началъ дѣлать нѣкоторыя попытки къ самозащитѣ. То глубокое и серьезное, что на минуту съ такою ужасающею ясностью предстало передъ нимъ, уступило мѣсто туманнымъ надеждамъ. Онъ не хотѣлъ допустить, что слышалъ звукъ меча, разсѣкшаго ихъ связь, и думалъ, что снова безъ труда найдетъ путь къ сердцу Верены. Свои сомнѣнія и мученія онъ намѣренно и съ радостью растравлялъ, потому что нравился себѣ въ роли человѣка, съ грустью размышляющаго о прошедшемъ счастьѣ, нравился себѣ, воображая, что когда-нибудь вновь овладѣетъ Вереной и тѣмъ крѣпче станетъ держать ее, чѣмъ болѣе придется напрячь всѣ силы для ея вторичнаго покоренія. Въ его глазахъ съ ея образа исчезала малѣйшая тѣнь и онъ теперь кротко освѣщалъ всю его жизнь. Даже мѣсто одиночества доставляло ему теперь удовольствіе; ни единый звукъ не нарушалъ тишины. Бѣлая, широкая, медленно поднимающаяся дорога вилась вверхъ по холму и точно собственными усиліями пробивалась сквозь чащу стволовъ и низкаго кустарника. У Арнольда явилась потребность въ утѣшеніи покоя и безаботности; онъ требовалъ отъ природы, чтобы она принесла ему этотъ даръ, но самъ онъ не составлялъ съ нею одного цѣлаго, не отдавался ей, не былъ ни деревомъ, ни лѣсомъ, ни воздухомъ. Онъ мечталъ и любовался, чувствовалъ себя буквально охваченнымъ ею, но гдѣ-то, въ самыхъ тайникахъ души, скрываясь даже отъ его сознанія, шевелилась скука.

До усадьбы было всего часъ ходьбы. Сумерки все еще спускались довольно рано, и въ семь уже наступала ночь. Арнольдъ читалъ и писалъ при свѣтѣ лампы.

На слѣдующій день шелъ дождь, черезъ день—тоже. Арнольдъ отправился въ кухню къ Урсулѣ, потянулъ въ себя воздухъ, зѣвнулъ и сказалъ:

— И что можно дѣлать въ такую погоду?!

— Разскажите-ка мнѣ, какъ вамъ нравится жизнь въ городѣ, — спросила старуха.

— О, это нѣчто совсѣмъ особенное, Урсула. Объ ней никогда не кончишь разсказывать. Это будто кругъ ада: безъ начала и конца. Тамъ зѣвать не приходится—каждый день приноситъ нѣчто новое.

— Но вамъ, кажись, это-то и по душѣ. У насъ вамъ, чай, теперь, все кажется мелкимъ. И, Господи Боже мой, какъ время-то бѣжитъ, точно вода изъ пожарной трубы: года такъ и уходятъ одинъ за другимъ.

Арнольдъ засмѣялся.

— Я этого не нахожу. У васъ-то здѣсь не замѣчаешь даже утро ли, полдень или вечеръ. Но тамъ... тамъ въ промежутокъ времени между жаренымъ и сладкимъ блюдомъ совершаются міровыя событія и даже человѣкъ, не желающій вовсе двигаться, и тотъ будетъ вынужденъ плясать и кричать.

— Ну, да; а когда идетъ дождь, то и тамъ бываетъ мокро, въ этомъ нѣтъ разницы,—сказала Урсула.

Лицо Арнольда приняло хитрое выраженіе.

— Въ городѣ и не замѣчаешь, когда идетъ снѣгъ или дождь, потому что всѣ улицы и площади покрыты стеклянными крышами и снабжены печами. На нихъ всегда и тепло, и сухо.

— Такую старуху, какъ я, можно, пожалуй, увѣрить, что картофель дѣлаютъ ткачи — съ досадой, но неувѣренно возразила Урсула; казалось, что чья-то рука, шутки-ради, сдавила ея старое лицо около носа, точно шапо-клякъ.

Арнольдъ вышелъ на крыльцо. «Отчаянная погода», повторялъ онъ, приправляя это однообразное замѣчаніе то юморомъ, то досадой. Наконецъ, онъ рѣшилъ, несмотря на дождь отправиться въ Подолинъ. Ему сообщили, что полька Зальша служитъ у бюргемейстера и онъ рѣшилъ какъ-нибудь повидать ее. Но это ему не удалось. Скучая и все снова и снова поглядывая на свинцовое небо, онъ стоялъ подъ низкой, далеко выдающейся впередъ крышей на площади Подолина, подъ которую онъ вынужденъ былъ укрыться, такъ какъ небеса точно разверзлись и идти стало немыслимо. Вдругъ какая-то сгорбленная фигура съ чернымъ кожанымъ тюкомъ на спинѣ присосѣдилась къ нему подъ защиту той же крыши; прислонивъ тюкъ къ выступу стѣны, человѣкъ сталъ вытирать мокрое лицо и бороду, съ которой капала вода. Арнольдъ узналъ Самуэля Элассера. Когда еврей въ свою очередь узналъ его, то протянулъ ему руку, и все его лицо озарилось радостью.

— Ахъ это вы, милостивый господинъ!— сказалъ онъ.— А я сейчасъ же подумалъ про себя, что за знакомое лицо? Вы опять пожаловали въ наши края? Гдѣ же вы были все это время?

— Да, я снова здѣсь,—неохотно и смущенно отвѣтилъ Арнольдъ.— Какъ поживаете?

— Ну, жить еще можно. Надо какъ-нибудь терпѣть; надо подгонять ее, жизнь-то, кнутомъ.—Онъ разсмѣялся и на его лицѣ отразилась скрытая сердечная доброта, хотя, въ общемъ, онъ казался еще болѣе безобразнымъ и болѣе на сторожѣ, нежели раньше.

Арнольдъ молчалъ и напряженно всматривался въ частый дождь. Онъ съ радостью покинулъ бы защищенное мѣсто, потому что его раздражалъ запахъ затхлости, исходившій отъ жида, точно отъ гнилой земли. Элассеръ сдѣлалъ еще замѣчаніе о погодѣ, а потомъ смолкъ. У Арнольда на языкѣ все время вертѣлся вопросъ, но онъ зябъ и чувствовалъ нетерпѣніе, а потому тотчасъ же сталъ думать о другомъ. Ему было жаль Элассера.

Наконецъ, дождь сталъ понемногу стихать. Кивнувъ разносчику головой, Арнольдъ поспѣшно направился обратно въ усадьбу.

49.

На слѣдующее утро наступила сіяющая весна. Небо занялось основательнымъ омовеніемъ земли прежде, нежели накинуть ей на робкія плечи весеннія одежды. Настроеніе Арнольда стало лучше; въ немъ пробудилась любовь къ ходьбѣ и онъ много часовъ подрядъ прогуливался по знакомымъ и незнакомымъ дорогамъ. Отдыхая гдѣ-нибудь или утоляя голодъ въ первой попавшейся деревушкѣ молокомъ и сыромъ, онъ вытаскивалъ изъ кармана книгу и начиналъ читать, такъ какъ не могъ долгое время сидѣть или лежать безъ дѣла. Его воля не засыпала въ это время и умъ не отдыхалъ; многое занимало его и ко многимъ голосамъ онъ внимательно прислушивался. Иногда его вдругъ наполняло какое-то нетерпѣніе и тогда одиночество полей дѣйствовало на него подавляюще и ничего ему не говорило. Виды, плоскія тѣнистыя равнины съ котловинами не глубже тарелки, грязные крестьянскіе дворы, бѣдная трава луговъ, непріятный восточный вѣтеръ, любопытныя дѣти въ деревняхъ—все ему казалось тогда непріятнымъ и у него являлось чувство, будто онъ пропускаетъ время для совершенія какого то важнаго поступка. Въ немъ вспыхивало безпокойство и блуждающія мысли тѣшились тѣмъ, что склеивали осколки прошлаго и пересаживали чувства лишенныя корней, на почву воспоминаній.

Въ Вербное воскресенье онъ возвращался къ себѣ черезъ Подолинъ. Не успѣлъ онъ дойти до площади, какъ кто-то басомъ окликнулъ его. Повернувшись, онъ увидалъ Александра Ханка, спѣшившаго къ нему.

— Я только вчера узналъ, что вы здѣсь и узналъ отъ почтальона,— радостно произнесъ Ханка съ чувствомъ пожимая ему руку. Онъ казался выше прежняго, потому что еще больше похудѣлъ; лицо стало еще длиннѣе и безкровнѣе, а черные глаза приняли новое выраженіе мрачное и необычайно серьезное. Радость Арнольда при видѣ Ханка была не совсѣмъ свободна отъ смущенія и недовѣрчивой важности должника.

— Откуда вы?—спросилъ онъ съ нѣсколько поверхностнымъ участіемъ.—Гдѣ пропадали такъ долго?

— Я былъ въ Римѣ, Сициліи и Тунисѣ, — перечислялъ Ханка. — Теперь же пріѣхалъ сюда, потому что заболѣла сестра Агнеса.

— Вотъ что! Что съ нею?

Ханка пожалъ плечами.

— Нервы, сердце, кровь...—Пытливо и со страннымъ ожиданіемъ заглядывалъ онъ Арнольду въ глаза, точно каждое произнесенное тѣмъ слово имѣло необыкновенно важное значеніе для составленія правильнаго взгляда на вещи. Въ сущности, онъ былъ удивленъ, что видитъ и слышитъ Арнольда, потому что уже давно жизнь, проявляющаяся внѣ его собственнаго «я» обрѣла для него прелесть загадки. Арнольдъ почуялъ что въ Ханка совершилась перемѣна.

— Долго ли здѣсь пробудете? Не скучаете?

Арнольдъ, улыбаясь, покачалъ головой.

— Я никогда не скучаю,—отвѣтилъ онъ.

— Это великое слово, — задумчиво проговорилъ Ханка. — Что до меня, то я скучаю въ достаточной мѣрѣ. Онъ произносилъ букву «о» тягуче, протяжно, нараспѣвъ, словно выталкивалъ ее изъ себя; это заставило Арнольда разсмѣяться.

— Нельзя же ныть въ такую погоду,—сказалъ онъ, оглядываясь вокругъ,—вѣдь весна!

— Я вижу весну уже три мѣсяца; три мѣсяца перекочевываю за нею изъ Сиракузъ во Флоренцію, чтобы любоваться миндальными деревьями въ цвѣту. Но даже и это надоѣдаетъ,—и Ханка посмотрѣлъ на Арнольда съ нѣмымъ но искреннимъ удивленіемъ: въ томъ онъ видѣлъ въ полномъ цвѣту и полной силѣ то, что въ немъ самомъ давнымъ-давно уже превратилось въ пустошь; онъ думалъ, что передъ нимъ воплощеніе избытка наивныхъ силъ и въ то же время умъ плодовитый и безпристрастный. За время продолжительнаго одиночества образъ Арнольда выросъ въ его душѣ и онъ привязался къ нему, потому что находилъ въ немъ то, чѣмъ самъ никогда, даже въ малой степени, не обладалъ. Теперь видя его передъ собою, онъ сообразилъ, что для Арнольда близость съ нимъ можетъ быть до нѣкоторой степени опасна и рѣшилъ избѣгать встрѣчъ съ нимъ.

— Станемте почаще сходиться по вечерамъ,—сказалъ Арнольдъ.— Они такъ долго тянутся здѣсь! Произнеся это, онъ вздрогнулъ, такъ какъ эти слова вырвались у него помимо воли; Ханка также оторопѣлъ, но дѣло было ужъ сдѣлано. Арнольдъ покраснѣлъ, обернулся къ нему и съ ласковой укоризной сказалъ, показывая на папиросу:

— Никогда-то вы не разстаетесь съ нею. Зачѣмъ вы курите? Только кровь отравляете. Мнѣ это не нравится. Простите.

Ханка снисходительно улыбнулся.

— Можетъ быть я завтра зайду къ вамъ,—сказалъ онъ, останавливаясь чтобы проститься. «Здоровые всегда думаютъ, что больному доставляетъ удовольствіе лежать», подумалъ онъ, оставшись одинъ и

направляясь къ забору своего садика. Открывъ калитку, онъ увидалъ около нея на землѣ умирающую птичку; его это поразило, онъ нагнулся и поднялъ ее. Маленькое сердечко еле-еле билось подъ холодѣющимъ опереніемъ, крылья безжизненно повисли, желтенькія ножки окоченѣли...—И ты!—пробормоталъ Ханка, глядя на пичужку съ холодною печалью. Онъ раздобылъ соломы и уложилъ ее на ней въ кухнѣ, поближе къ печкѣ. Желтый, выпачканный въ землѣ клювикъ механически потерся о желѣзо печной дверьки и потомъ наступила смерть. Маленькія, черненькія, словно бусинки, глазенки, только что преисполненныя непонятнымъ движеніемъ, зовущимся жизнью, теперь свѣтились пустымъ, минеральнымъ блескомъ.

Ханка улыбнулся, какъ будто къ его вящему удовольствію исполнилось то, чего онъ ждалъ, или точно какая-то гложущая его мысль насытилась этимъ зрѣлищемъ. Онъ отправился къ постели сестры; она лежала исхудалая и пожелтѣвшая, съ наивнымъ страхомъ въ глазахъ и напоминала птичку, только что подобранную имъ въ саду. Онъ сталъ разговаривать съ нею, разсказывать ей разныя разности изъ своего путешествія и заставилъ разсмѣяться. Агнесѣ было извѣстно лишь самое необходимое изъ исторіи короткой брачной жизни брата. Они обмѣнялись по этому поводу едва ли болѣе чѣмъ тремя фразами, причемъ Агнеса вовсе не настолько поразилась происшедшимъ, какъ этого ожидалъ Ханка. Она видѣла, что братъ до такой степени измѣнился что выразить этой перемѣны нельзя никакими словами, словно весь его внутренній міръ получилъ иную окраску. «Это дѣло Беаты», близоруко рѣшила она и сильно взволновалась. А Ханка, въ сущности было безразлично за что его принимаютъ. Еслибы онъ дѣйствительно страдалъ отъ разочарованія, то устыдился бы Агнесы и сталъ оправдываться передъ нею. Но буря можетъ стоять выше мнѣнія глухихъ, принимающихъ ее за жужжаніе мухи.

— Уже много лѣтъ не было такого чуднаго дня,—сказала Агнеса, облокачиваясь на локоть. Ей были видны на фонѣ нѣжнаго блѣдно-голубого неба вѣтви деревьевъ, покрытыя почками. На вопросъ Ханка не почитать ли ей вслухъ, она радостно кивнула головой. Любимымъ ея писателемъ былъ Жанъ Поль, да она никогда почти ничего другого и не читала. Но читая его произведенія, она не переносила впечатлѣній, полученныхъ отъ нихъ на его личность. Раньше Ханка вышучивалъ эту слабость, казавшуюся ему старомодной; онъ никакъ не могъ открыть подъ пышной оболочкой фразъ Жана-Поля истиннаго ихъ значенія. Но скоро онъ научился считать глубокій и свѣтлый міръ, развертываемый имъ передъ читателемъ за даръ, какъ бы ниспосланный небомъ для Агнесы.

Онъ вынулъ изъ ряда книгъ томикъ, на который ему указала больная и, чтобы она могла хорошенько разслышать его, сталъ читать какъ можно громче. Вскорѣ его забѣгающій впередъ взглядъ,

*

замѣтилъ одну фразу, раньше, чѣмъ онъ успѣлъ произнести ее, и онъ замолчалъ. «Какъ только мы начинаемъ жить, прочелъ онъ про себя «судьба изъ вѣчности спускаетъ стрѣлу смерти. Она летитъ пока мы дышимъ, а когда долетаетъ до насъ, мы перестаемъ существовать. О если бы и намъ умереть такими же старыми и пресыщенными жизнью, какъ тотъ старецъ», говорятъ тогда тѣ, чья стрѣла еще находится въ пути».

Испуганно наморщивъ лобъ, Ханка опустилъ книгу. Онъ извинился, всталъ и отправился въ садъ. Его мучило одиночество, онъ скучалъ по толпѣ, болтовнѣ и по карточной игрѣ. Безбрежное небо подавляло его. Наклонивъ голову, онъ сталъ наблюдать, какъ нѣсколько тысячъ муравьевъ напали на дождевого червя, разгрызли его на части, разложили ихъ на кучи и затѣмъ принялись перетаскивать къ себѣ красные куски. Онъ отвернулся со страхомъ и отвращеніемъ; взявъ дома шляпу и пальто, онъ отправился къ Арнольду Анзорге, котораго засталъ также прогуливающимся взадъ и впередъ по саду. Сѣвъ на скамью, они принялись болтать. Садъ и особенно что-то въ родѣ парка, примыкающаго къ нему, были запущены; повсюду валялись сухія поломанныя сучья и на солнцѣ свѣтился неудобный коверъ изъ темныхъ, коричневыхъ листьевъ. Воробьи, преисполненные надежды, шумно чирикали, а по полямъ уже шагали пахари.

Что-то въ родѣ зарожденія дружбы чувствовалось въ свиданіи этихъ двухъ людей, безъ словъ глубоко уважающихъ другъ друга. Ханка намѣренно настраивалъ разговоръ на болѣе задушевный тонъ, какъ музыкантъ, который одной нотой покрываетъ всю мелодію. Арнольдъ высказывался охотно и въ сильныхъ выраженіяхъ, какъ человѣкъ, въ душѣ котораго скопилось много такого, отъ чего бы онъ хотѣлъ отдѣлаться; иногда онъ немного смущался, точно ловилъ себя на самодовольномъ созерцаніи въ зеркалѣ. Онъ говорилъ о сельскомъ хозяйствѣ и упомянулъ, что за послѣднее время ничѣмъ не занимался, такъ какъ не можетъ успокоиться. Его тянетъ къ большимъ дѣламъ, требующимъ риска и смѣлости; если же сидѣть на мѣстѣ и растрачивать свои способности внутри себя, то можно скоро ослабнуть, поэтому онъ убѣжденъ, что жизнь въ деревнѣ для молодыхъ людей если не опасна, то, во всякомъ случаѣ, весьма стѣснительна. Говоря все это, Арнольдъ чуть-чуть взвинчивалъ самого себя, подобно тому какъ мясникъ, повидимому изъ любезности, подкладываетъ къ мясу на придачу костей и этимъ увеличиваетъ его вѣсъ.

Все это не только не ускользнуло отъ Ханка, но доставило ему удовольствіе, такъ какъ заставило оторваться отъ своего «я», а его мысли приняли менѣе удручающее направленіе. Далѣе Арнольдъ высказалъ, что способность рисковать и жертвовать, какъ онъ ихъ понимаетъ, отнюдь не имѣютъ ничего общаго съ денежными аферами. Ханка согласился съ нимъ, такъ какъ несмотря на то, что въ настоя-

щую минуту все его состоянiе было помѣщено въ разныхъ биржевыхъ операцiяхъ, лично онъ не занимался этимъ, а, наоборотъ, оставался равнодушнымъ и празднымъ. Наступило короткое молчанiе, а потомъ Арнольдъ безо всякаго перехода сообщилъ ему исторiю съ Кубу, не для того чтобы обрѣсти въ его лицѣ защитника или обвинителя, а просто чтобы имѣть человѣка знающаго то-же, что и онъ, Ханка на это замѣтилъ:

— «Пока на свѣтѣ будутъ существовать добрые люди, чувствующiе заодно съ несчастными, ничто еще не выиграно для мiра. Сочувствiе къ счастливымъ—вотъ что слѣдовало бы воспитать въ людяхъ.

Они сговорились предпринять на слѣдующiй день прогулку, но такъ какъ Ханка былъ слишкомъ лѣнивъ для того чтобы идти пѣшкомъ, то онъ и вызвался раздобыть гдѣ-нибудь экипажъ. Въ назначенный часъ къ дому Арнольда подъѣхала коляска запряженная двумя откормленными лошадьми. Экипажъ медленно покатился по дорогѣ. Погода была еще лучше чѣмъ наканунѣ. Черезъ часъ они въѣхали въ лѣсъ. Только что обтесанные древесные стволы лежали поперекъ канавы и блестѣли на солнцѣ словно слитки золота. Дорога была узкая; за ними раздалась добрая рысь и ихъ стала догонять крестьянская телѣга, на передкахъ которой сидѣло четверо удалыхъ парней; одинъ изъ нихъ такъ взмахнулъ бичомъ, что весь лѣсъ наполнился его щелканiемъ: остальные, сдвинувъ шапки на бекрень, со всѣми ухватками настоящихъ разбойниковъ, горячо грозили, гоготали, кричали... Телѣга все приближалась, но коляска уже покатилась быстрѣе; парни размахивали руками и ревѣли, морды ихъ лошадей вспѣнились, точно и онѣ принимали участiе въ непонятномъ для нихъ возбужденiи. Арнольдъ выхватилъ у кучера возжи, смѣясь, подогналъ своихъ раскормленныхъ лошадей и они, какъ безумные, помчались впередъ. Крестьяне остались далеко позади; въ лѣсу стоялъ стонъ отъ всего этого шума. Ханка заглянулъ въ пламенныя горящiя красноватымъ блескомъ глаза гонящихся за ними лошадей. Возникшiй передъ ними ужасный образъ заставилъ исчезнуть его равнодушiе: онъ припомнилъ стихотворенiе, въ которомъ говорится о человѣкѣ висящемъ въ колодцѣ, а надъ нимъ и подъ нимъ ожидающую его смерть. Наконецъ они поравнялись съ кабакомъ и крестьянская телѣга остановилась, они же вернулись кратчайшимъ путемъ обратно въ Подолинъ. Въ Ханкѣ поднималось странное чувство презрѣнiя—онъ презиралъ то, что разъѣдало его сердце.

Часто въ молчанiи кроется самое разительное признанiе; Арнольдъ вскорѣ убѣдился въ этомъ: на его настроенiе влiяло именно то, что Ханка молча таилъ въ себѣ. Онъ рѣдко давалъ себѣ отчетъ въ проведенномъ днѣ и часто довольствовался просто созерцанiемъ, за которое потомъ вознаграждалъ себя оживленнымъ разговоромъ. Онъ снова началъ заниматься математикой, но больше изъ любви къ равномѣрно движущейся механикѣ абстрактной мысли, чѣмъ изъ побужденiя позна-

вать вѣчное закона. Просто забавлялся, вѣдь въ концѣ концовъ совершенно безразлично играетъ ли человѣкъ въ карты или въ рѣшеніе вѣчныхъ вопросовъ. А надо всѣмъ этимъ, подобно облакамъ, витала тоска по Веренѣ. Иногда эта тоска словно дождь осѣдала и наполняла его сладкой влажностью и грустью. Но голова сама собою стремилась отгадать загадку ея личности и разрѣшить ее словно алгебраическую формулу. Что она загадочна это по его мнѣнію явствовало изо всего; ему было необходимо такъ думать, потому что только въ этомъ случаѣ онъ могъ еще на что-либо надѣяться и его самолюбіе могло успокоиться въ созданныхъ имъ самимъ сумеркахъ.

Онъ скучалъ. И вотъ во время этой, не настоящей тишины и мнимо-святого одиночества пришло письмо отъ Анны Барромео. Она писала Арнольду, что не можетъ себѣ иначе объяснить его долгаго отсутствія, какъ тѣмъ, что ея домъ и ея личность отталкиваютъ его: «Но милый племянникъ и другъ, мы повидимому менѣе можемъ обойтись безъ тебя, нежели ты безъ насъ. Мы ломаемъ себѣ головы и безъ того утомленныя безчисленными дѣлами надъ причинами твоего отсутствія, тогда какъ ты, точно на зло, сидишь себѣ да посиживаешь у своей деревенской печки. Мой мужъ мучается опасеніемъ, что наше гостепріимство не вполнѣ удовлетворяло тебя, что до меня, то мнѣ хотѣлось бы дать тебѣ лучшее представленіе объ Аннѣ Барромео, нежели то, что ты увезъ съ собою на родину. Дурнымъ людямъ мы открываемъ свою душу, а передъ тѣми, за которыхъ въ сущности слѣдовало бы держаться, мы закрываемъ ее. Пріѣзжай скорѣе. Твоя А. Б.».

Арнольдъ почти былъ благодаренъ Аннѣ за это письмо, положившее конецъ его колебаніямъ и ускорившее отъѣздъ. Онъ былъ радъ вернуться въ городъ и немедленно сообщилъ Ханкѣ о своемъ намѣреніи.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

(1857—1864 гг.).

*(Продолженіе *).*

VI.

Говоря объ *Искрѣ* лучшаго ея періода, нельзя не упомянуть почти на каждомъ шагу двухъ именъ: Василія Степановича Курочкина и Николая Александровича Степанова. Поэтому считаю умѣстнымъ напомнить сперва вкратцѣ о жизни и литературной дѣятельности основателей лучшаго и понынѣ изъ бывшихъ у насъ сатирическихъ журналовъ.

Мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не имѣемъ сколько-нибудь подробной біографіи Курочкина, поэтому принуждены ограничиться лишь немногими свѣдѣніями для характеристики этого далеко недюженнаго человѣка.

В. С. Курочкинъ родился въ 1831 г.; воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ былъ переведенъ въ Дворянскій полкъ, который и окончилъ въ 1849 г. прапорщикомъ л.-гв. гренадерскаго полка. Учитель словесности Курочкина, извѣстный переводчикъ и критикъ,— Иринархъ Введенскій,—видѣлъ въ юношѣ задатки писателя и не мало помогъ ему своими совѣтами и указаніями. Уже въ Дворянскомъ полку Курочкинъ сталъ издавать журналъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ однокашникъ его г. Миклашевскій: «...въ одну изъ лекцій Введенскаго мы поднесли ему довольно объемистую тетрадь, величиною въ листъ писчей бумаги; на верхнемъ листѣ перомъ была нарисована хорошенькая виньетка, съ крупною надписью: «Дворянскій Вѣстникъ». На первой страницѣ сіяли стихи В. С. Курочкина, потомъ какой-то разсказъ въ прозѣ Д. Д. Минаева и, наконецъ, критическій отдѣлъ былъ мой; конечно, на второй уже мѣсяцъ журналъ не вышелъ, за недостаткомъ матеріала **).

---

*) См. „Міръ Божій“, № 6, іюнь, 1903 г.

**) „Дворянскій полкъ въ 40-хъ годахъ“, „Рус. Стар.“ 1891 г., I, 117.

Въ воспоминаніяхъ г. Миклашевскаго есть описаніе одного эпизода, которое очень цѣнно для характеристики Курочкина, какъ прекраснаго товарища,—качество его характера перешедшее изъ стѣнъ дворянскаго полка въ жизнь до самой могилы.

При командирѣ полка Г. кадетъ кормили очень плохо, а помѣщеній совсѣмъ почти не отапливали. Холода стояли страшные и вотъ однажды кадеты рѣшили истопить печи ясеневыми табуретами, составлявшими ихъ единственную мебель. Командиръ полка немедленно поскакалъ съ докладомъ-жалобой къ великому кн. Михаилу Павловичу. Великій князь приказалъ всѣхъ высѣчь, зачинщиковъ сдать въ солдаты, выпускъ отсрочить на годъ, сбавить всѣмъ по баллу за поведеніе и не пускать со двора всѣхъ впредь до особаго приказанія. Все это было исполнено. Между тѣмъ приближался 25-ти лѣтній юбилей Михаила Павловича. Курочкину пришла въ голову мысль получить амнистію товарищей.

„Наконецъ, насталъ юбилейный день... Не помню ни дня, ни числа, когда это было. Классовъ по этому случаю не было. Замѣтили мы съ утра, что Курочкинъ что-то особенно суетится; ему дали все новенькое, все блестящее, онъ уже одѣлся. Герцыгъ *) пріѣхалъ тоже въ полной парадной формѣ, со всею тщательностью осмотрѣлъ Курочкина и всю его аммуницію, обративъ вниманіе даже на сапоги. Оказалось, наконецъ, что Василій Курочкинъ сочинилъ ко дню юбилея великаго князя стихи; его вмѣстѣ со стихами везли во дворецъ представить юбиляру. Всѣхъ стиховъ не помню, но вотъ ихъ первый куплетъ:

„Въ великій день воспоминанія
Твоихъ дѣяній и заслугъ,
Пріими, какъ дань, символъ признанія
Твоихъ младыхъ, но вѣрныхъ слугъ“ и. т. д.

„Стихи были написаны очень хорошо и хорошимъ языкомъ, мы, однако же, не придавали этому никакого особеннаго значенія и ничего хорошаго для себя не ждали. Въ 4 часа Курочкинъ вернулся изъ дворца вмѣстѣ съ Герцыгомъ. Мы, конечно, его обступили; прелестный брилліантовый перстень красовался на правой рукѣ Курочкина, самъ онъ сіялъ необыкновеннымъ восторгомъ и радостью. Намъ дана была полная амнистія... Восторгъ былъ полный, каждый чувствовалъ что-то особенное къ Курочкину, тутъ была и благодарность, и уваженіе, и нѣкоторая гордость, что-де и между нами явился поэтъ“ **).

Приведенный разсказъ, между прочимъ, самъ по себѣ свидѣтельствуетъ, до какой степени несправедливы обвиненія, взведенныя впослѣдствіи на Курочкина, котораго его враги старались выставить «прислужникомъ-поэтомъ». Какъ читатели сами могутъ убѣдиться, побужденія юнаго поэта были совсѣмъ иныя и враги, Курочкина, а ихъ у него было не мало,—совершенно извращали факты, чтобы выставить его въ дурномъ свѣтѣ.

Дворянскій полкъ былъ оконченъ Курочкинымъ на 18-мъ году. Дѣлая общую характеристику будущаго талантливаго переводчика и редактора *Искры*, г. Миклашевскій говоритъ: «Василій Курочкинъ, какъ товарищъ, былъ очень странный, какой-то непонятный: то бывало, отъ души, простодушно хохочетъ отъ какихъ нибудь пустяковъ,

---

*) Ротный командиръ.

**) „Рус. Стар.“, 1891 г., I, 119—124.

то бродитъ угрюмо, и всегда около стѣнки, ни съ кѣмъ не разговариваетъ, и тогда его уже ничѣмъ не разсмѣшите, что-то болтаетъ и бормочетъ самъ съ собой. На его лицѣ была какая-то иронія, такъ бы вотъ, кажется, и осмѣялъ всѣхъ и все, онъ какъ будто всѣхъ чуждался, всѣхъ избѣгалъ, но въ сущности это была очень мягкая, дѣтски-прямодушная и далеко не заносчивая натура.

Портретъ В. С. Курочкина.

«Переводить Беранже онъ началъ еще въ стѣнахъ дворянскаго полка, скрывая объ этомъ отъ всѣхъ; весьма немногимъ читалъ онъ свои произведенія...» *).

Офицеромъ Курочкинъ пробылъ около трехъ лѣтъ,—«проведя годъ на гауптвахтѣ, куда попалъ, по словамъ г. Скабичевскаго,—по суду

*) Idem., 124—125.

за самовольное оставленіе взвода, возвращавшагося съ парада, что было замѣчено императоромъ Николаемъ. Затѣмъ, по приговору полевого суда, онъ былъ посаженъ на мѣсяцъ въ крѣпость, послѣ чего попытался было вступить въ военную академію, но это ему не удалось, и онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы. Не имѣя средствъ, Курочкинъ опредѣлился въ вѣдомство путей сообщенія, на жалованье въ 14 руб. въ мѣсяцъ, которымъ и довольствовался въ теченіе почти двухъ лѣтъ до полученія пятидесяти рублеваго мѣста» *).

Съ 1855 г. онъ начинаетъ печататься въ «Сынѣ Отечества», потомъ въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ», «Современникѣ», и др. изданіяхъ и въ короткое время дѣлается необыкновенно популярнымъ, благодаря талантливымъ переводамъ Беранже, которыми онъ по преимуществу и прославился. Переводы другихъ авторовъ — Мольера, Гюго, Барбье, Шимлера и пр.—не были такъ блестящи. Но Беранже всецѣло обязанъ Курочкину своимъ успѣхомъ въ Россіи. При первой возможности жить на литературный заработокъ Курочкинъ совершенно бросилъ службу и окунулся въ писательское дѣло со всѣми его радостями, горестями и печалями. Знавшій его довольно близко, г. Скабичевскій характеризуетъ Курочкина, какъ горячаго энтузіаста во всѣхъ передовыхъ идеяхъ своего времени, какъ неподкупнаго рыцаря, всегда свято чтившаго славныя имена Бѣлинскаго, Добролюбова, Герцена, всегда готоваго на бой за внесенные ими идеалы. «Въ то же время въ практической жизни это было дитя, блуждающее въ лѣсу. Не говоря о какихъ-либо своекорыстныхъ заботахъ и разсчетахъ, онъ и въ дѣлѣ общественнаго служенія не помышлялъ о завтрашнемъ днѣ и, какъ истинный сынъ вѣка, жилъ увлеченіемъ сегодняшняго протеста. Это была чистая, прозрачная душа, чуждая какой-либо раздвоенности или затаенности; у Курочкина не было ничего на душѣ, чего не было бы на языкѣ» **). Эту характеристику можно считать совершенно вѣрной: ей не противорѣчатъ тѣ изъ знавшихъ Курочкина, которыя не состояли въ рядахъ его враговъ; изъ личныхъ разспросовъ нѣкоторыхъ и теперь еще живыхъ его товарищей и знакомыхъ я вынесъ совершенно аналогичное впечатлѣніе.

Почему-то г. Скабичевскій умолчалъ о двухъ важныхъ явленіяхъ въ жизни Курочкина: о его страсти къ вину и о неудачномъ бракѣ. Въ данномъ случаѣ такая «скромность» неумѣстна, потому что понять всего Курочкина безъ этихъ двухъ обстоятельствъ почти невозможно. Когда Василій Степановичъ бывалъ въ веселомъ обществѣ, онъ считался общимъ забавникомъ и острякомъ, шутилъ и каламбурилъ, словомъ, снаружи походилъ, пожалуй, на своего излюбленнаго автора. Но въ душѣ его происходила постоянная борьба именно вслѣд-

---

*) „Исторія нов. рус. литературы", изд. 3-е, 459—460.
**) Idem., 460.

ствіе разлада въ семейной жизни, вслѣдствіе брака на совершенно неразвитой женщинѣ, которую знали всѣ, знавшіе Курочкина. Не позволяя себѣ никакихъ разоблаченій интимнаго свойства, я все же не могу не указать на это обстоятельство, пользуясь свидѣтельствомъ Н. К. Михайловскаго, В. Р. Щиглева, Н. А. Лейкина, А. Г. Шиле, и П. К. Мартьянова.

Вотъ что, между прочимъ, пишетъ первый: «По тогдашней моей молодости, я считалъ В. С. очень веселымъ человѣкомъ. Можетъ быть, вино дѣйствовало на него иногда и угнетающимъ образомъ, но я его такимъ не видалъ. На моихъ глазахъ вино только усиливало его добродушную веселость и остроуміе, онъ сыпалъ каламбурами, остротами, экспромтами, смѣшилъ и самъ хохоталъ. А между тѣмъ, какъ я оцѣнилъ впослѣдствіи, съ этимъ смѣхомъ сочеталось глубокое и постоянное горе, даже не одно, а, по крайней мѣрѣ, два горя *). Дальше г. Михайловскій называетъ эти два горя: одно — неудача съ *Искрой*, необходимость жертвовать собственнымъ талантомъ, тратя силы и время на черную редакторскую работу, а потомъ и другое — «условія его семейной жизни». По отзыву Н. К. Михайловскаго, «Курочкинъ топилъ свое горе въ винѣ». Г. Мартьяновъ подробнѣе остановился на второмъ горѣ. «Редакторъ *Искры* былъ человѣкъ строгихъ правилъ, твердый и рѣшительный. Его положительность и неуклонность въ принятомъ рѣшеніи была извѣстна. Но во всемъ, касавшемся лично его и семейныхъ дѣлъ, онъ находился подъ вліяніемъ этой простой и необразованной женщины. Во всѣхъ его домашнихъ столкновеніяхъ съ нею ей стоило только нахмуриться, возвысить голосъ, прикрикнуть—и бѣдный В. С., по мѣткому его выраженію, «старался устраниться», стушевывался, умолкалъ или уходилъ прочь» **). Я не знаю точнаго времени женитьбы Курочкина на Н. Р., но есть вѣрныя основанія предполагать, что она произошла въ первые годы изданія *Искры*, по крайней мѣрѣ, не позже.

По мѣткому выраженію Н.К. Михайловскаго, талантъ Курочкина былъ «хоровой». «Курочкина,—говоритъ онъ,—занимала преимущественно организаторская сторона дѣла. По свидѣтельству людей, знавшихъ Курочкина въ лучшую пору *Искры*, онъ былъ положительно душой газеты, настоящимъ дѣятельнымъ ея организаторомъ, собиравшимъ и распредѣлявшимъ подходящія силы. Несмотря на все свое авторское самолюбіе, онъ топилъ свой талантъ въ дѣлѣ газеты: здѣсь давалъ мысль, предоставляя выработку формы другимъ, тамъ бралъ на себя только форму, и я думаю, что весьма трудно было бы опредѣлить, что именно принадлежало въ *Искрѣ* Курочкину и что другимъ. Онъ и создавалъ и вербовалъ солдатъ, и самъ исполнялъ невидную солдатскую работу.

---

*) „Литер. воспоминанія и современ. смута“, I, 32—37.

**) „Дѣла и люди вѣка“, 1893 г., I, 222.

Въ этомъ состояла вся его самостоятельная литературная дѣятельность; внѣ *Искры* онъ былъ только талантливый переводчикъ Беранже. Онъ вполнѣ отвѣчалъ своему собственному идеалу газетнаго человѣка. Я не думаю, чтобы блестящая пора *Искры*, даже при вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ, могла повториться въ жизни Курочкина, но только потому, что жизненныя неудачи сильно помяли его да и годы взяли свое, хоть онъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ: 42 лѣтъ» *).

Въ своемъ мѣстѣ читатели ознакомяться съ исторіей самой *Искры*, теперь же замѣчу, что послѣ блестящаго своего періода 1859—1864 гг., она изъ года въ годъ влачила все болѣе жалкое существованіе и, наконецъ, прекратилась въ 1873 г. Курочкинъ послѣдніе годы жизни принужденъ былъ работать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Полетики и, самъ безпечный всю свою жизнь, умеръ отъ безпечности врача, сдѣлавшаго ему усиленное подкожное вспрыскиваніе морфія.

На похороны собрались человѣкъ тридцать-сорокъ литераторовъ, но больше никого не было. Курочкина забыли; не помнятъ его и теперь, а надо бы помнить...

Теперь о Степановѣ.

Николай Александровичъ родился въ 1807 г., съ ранняго дѣтства рисовалъ каррикатуры на окружающихъ, воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, изъ котораго въ1826 г. былъ выпущенъ съ чиномъ XII класса, и въ слѣдующемъ году отправился въ главное управленіе Вост. Сибири, съ откомандированіемъ въ Красноярскъ, гдѣ отецъ его былъ губернаторомъ. Тогдашняя Сибирь—это средоточіе произвола, беззаконія и взяточничества въ высшей степени возможнаго въ Россіи—вдохновила Степанова, и вотъ она надумываетъ сатирическій журналъ «Минусинскій раскрыватель». Изъ затѣи ничего не вышло, но, какъ попытка въ 1828 году, она очень характерна. Въ 1833 г. Н. А. ѣдетъ въ Петербургъ и поступаетъ въ департаментъ государственнаго казначейства. Страсть къ каррикатурамъ на чиновничество не ослабѣваетъ. Вскорѣ, по мѣрѣ расширенія горизонта, поле ея расширяется... Осенью 1843 г. Степановъ женится на сестрѣ композитора Даргомыжскаго, а немного спустя выходитъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и Владиміромъ 4-й степени. Публичное «крещеніе своего карандаша» Н. А. получаетъ въ «Ералашѣ» Неваховича (1846—1849 гг.); въ 1848 г. выпускаетъ каррикатуры свои въ «Иллюстрированномъ Альманахѣ» «Современника» **), а въ слѣдующемъ вмѣстѣ со своимъ зятемъ Даргомыжскимъ

---

*) „Собр. соч.“, III, 593—600. Тутъ небольшая ошибка. Курочкинъ въ годъ смерти (1875 г.) было 44 года.

**) Г. Трубачевъ, свѣдѣніями котораго о Степановѣ приходится пользоваться, впадаетъ въ очень большую ошибку, говоря, что Н. А. „посылались на предварительный просмотръ и одобреніе“ всѣ статьи альманаха и что это проис-

издаетъ «Музыкальный альбомъ». Въ то же время Степановъ лѣпитъ статуэтки-каррикатуры и бюстики выдающихся современниковъ *).

Все это въ связи съ работами, о которыхъ сказано выше, дало Степанову громкое имя очень талантливаго каррикатуриста. И оно вполнѣ заслужено. Если Спепановъ не обладалъ широкимъ развитіемъ и образованіемъ, если онъ самъ не былъ передовымъ бойцомъ новыхъ идей, то въ немъ была, необыкновенная способность во-первыхъ, оттѣнить смѣшныя стороны даннаго лица или извѣстнаго факта, во-вторыхъ, быстро схватывать чужую мысль и давать ей образное выраженіе. Послѣдне нуждается въ поясненіи. Я совершенно не могу согласиться съ тѣми, кто приписываетъ Степанову безусловно самостоятельную иниціативу бойкой, мѣткой, злой каррикатуры, особенно общественныхъ явленій. Наоборотъ, знавшіе его всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ, что Степановъ всегда очень внимательно прислушивался къ тому, что говорилось въ редакціи *Искры*, и быстро схватывалъ необходимую для каррикатуры мысль. Это свидѣтельство какъ нельзя лучше подтверждается фактами: пока Н. А. не кипѣлъ въ газетномъ котлѣ, всѣ его работы были гораздо ниже тѣхъ, которыми онъ началъ *Искру*, гдѣ, особенно въ опредѣленные дни, или на «пятницахъ» Степанова, была всегда «непротолченая труба» народа. Въ *Сынѣ Отечества* онъ, какъ мы уже видѣли, не бывалъ—каррикатуры зато блѣдны. Впрочемъ, немногое могло бы дать ему общество Старчевскаго... Въ *Искрѣ* же пятидесятидвухлѣтняго старика окружала дружная компанія молодежи, полной силы и старическихъ способностей.

Конечно, за Степановымъ нельзя отрицать громадной заслуги, но преувеличивать ее тоже нельзя. Въ этомъ-то отношеніи статья г. Трубачева особено неудовлетворительна.

VII.

Трудно рѣшить, кому принадлежала мысль основанія *Искры*, но изъ суммированія всѣхъ данныхъ, имѣющихся на этотъ счетъ въ литера-

---

ходило потому, что, „*можетъ быть, Панаевъ и Некрасовъ находили, что Степановъ компетентнѣе ихъ въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній*“. Во-первыхъ, уже одно имя Бѣлинскаго, при жизни котораго альманахъ былъ разрѣшенъ сначала цензурой—гарантія за невмѣшательство въ литературное дѣло чужого человѣка, даже и бывшаго пайщикомъ альманаха; во-вторыхъ, можно ли серьезно говорить это наивное „можетъ быть“? Надо не знать совершенно ни Панаева, ни тѣмъ болѣе Некрасова, чтобы дѣлать такія предположенія. Наконецъ, имена такихъ сотрудниковъ, какъ Дружининъ, Панаевъ, его жена и др., достаточное ручательство за ихъ самостоятельность. Г. Трубачевъ просто не понялъ писемъ къ Степанову.

*) За подробностями интересующихся отсылаю къ уже названной статьѣ г. Трубачева. Интересный фактъ переданъ и въ „Рус. Стар.“ 1887 г., III, 756—757.

турѣ *) и полученныхъ мною отъ ея современниковъ, можно, не рискуя произвольностью, приписать иниціативу Курочкину. Онъ же черезъ С. В. Максимова получилъ отъ Кокорева, извѣстнаго тогда милліонера-откупщика, 6.000 руб. на основаніе журнала, которыя и были возвращены «водочному барону» изъ подписки на 1860 годъ, опять-таки черезъ Максимова. Ссуду эту Кокоревъ дѣлалъ изъ желанія показать себя передовымъ человѣкомъ, что онъ очень любилъ, если и не всегда умѣлъ. Надо-ли говорить, что относительно него *Искра* вела себя совершенно самостоятельно и свободно, не разъ съ самаго начала давъ ему почувствовать свои взгляды на «культуру» и на откупную систему. Для этого достаточно посмотрѣть хотя бы только №№ 25 и 27 за 1859 годъ... Тамъ, его портреты и какъ «цивилизовавшагося» мужика, и какъ откупщика-благодѣтеля...

Какъ бы то ни было, въ концѣ 1858 года при газетахъ разсылалось и раздавалось въ книжныхъ магазинахъ объявленіе о выходѣ въ слѣдующемъ году «сатирическаго журнала съ каррикатурами *Искра*». Послѣ зазывательно-лавочнаго объявленія *Весельчака*, скромное анонсированіе *Искры* не могло не обратить на себя вниманіе серьезностью и дѣловитостью. «На нашу долю,—говорилось тамъ,—выпадаетъ разработка общихъ вопросовъ путемъ *отрицанія ложнаго во всѣхъ его проявленіяхъ въ жизни и въ искусствѣ*. Этою задачею объясняется характеръ комизма, составляющаго спеціальность нашего изданія...» «Средствомъ достиженія нашей цѣли, какъ это видно изъ самаго заглавія изданія, будетъ сатира въ ея *общемъ обширномъ смыслѣ*. Рядомъ съ сатирою строго-художественною читатели будутъ постоянно встрѣчать въ нашемъ изданіи ту вседневную, практическую сатиру образцы которой хорошо извѣстны читающимъ иностранныя и преимущественно англійскія этого рода изданія, и которая, уступая первой въ глубинѣ содержанія и красотѣ формы, достигаетъ однихъ съ нею результатовъ всѣмъ доступною мѣткостью выраженія и упорствомъ въ непрерывно продолжающемся преслѣдованіи *общественныхъ* аномалій. Обширная область этой сатиры, въ ея высокомъ значеніи съ одной стороны, съ другой—примыкаетъ къ *шуткѣ*, все значеніе которой ограничивается *веселостью*, не выходящею, разумѣется, изъ предѣловъ литературнаго приличія. Эта безпритязательная, бойкая веселость, сама въ себѣ заключающая свою цѣль и значеніе и всѣми признанная необходимою въ жизни, не составляя главнаго въ нашемъ изданіи, никакимъ образомъ не можетъ быть изъ него исключена».

1-го января 1859 г. вышелъ первый нумеръ *Искры* за подписью редакторовъ-издателей Н. Степанова и В. Курочкина. Это была первая болѣе или менѣе серьезная бомба хорошо отлитой пушки.

---

*) Воспоминанія Старчевскаго („Истор. В." 1891 г., III), „Исторія нов. рус. литературы" А. Скабичевскаго, стр. 461 и др.

На первомъ мѣстѣ стояли стихи В. С. Курочкина, въ которыхъ, встрѣчая новый годъ, онъ какъ бы кратко выразилъ свою програму:

„Съ Новымъ Годомъ, братья! Сдвинемъ чаши;
Добрымъ словомъ встрѣтимъ Новый годъ
И—впередъ! Отважнѣе впередъ!
Пусть добромъ насъ вспоминаютъ дѣти наши
И царя благословитъ народъ!
Пусть заря всѣхъ дремлющихъ разбудитъ
И святого торжества идей
Мракъ не сгонитъ, холодъ не остудитъ.
Съ новымъ счастьемъ! И что будетъ—будетъ
Черезъ триста шестьдесятъ пять дней!“

Дальше шли стихи П. И. Вейнберга, разсказъ И. И. Панаева и другіе отдѣлы. Размѣръ журнала, и потомъ не измѣнившійся, былъ немного болѣе нынѣшней «Нивы», объемъ — около печатнаго листа цѣна въ СПБ.—6 р., въ провинціи — 7 р. 50 к. Въ каррикатурномъ отдѣлѣ участвовали Н. А. Степановъ и К. Д. Даниловъ. Издатели не разсчитывали на большое число подписчиковъ и первые три номера пришлось выпустить сейчасъ же вторымъ изданіемъ, съ третьяго номера *Искра* начинаетъ выходить по пятницамъ и только въ 1864 г.— по вторникамъ.

Прежде чѣмъ остановиться на самомъ содержаніи журнала, будетъ удобнѣе ознакомить сначала читателя съ его сотрудниками, а потомъ и съ самымъ ходомъ дѣла до конца интересующаго насъ періода *Искры*. Въ такомъ порядкѣ яснѣе станетъ затѣмъ и самое содержаніе, всецѣло, конечно, зависящее отъ дѣйствующихъ лицъ и регулирующихъ ихъ работу условій.

Сотрудниковъ я буду называть въ хронологической послѣдовательности вступленія ихъ въ журналъ.

Панаевъ работалъ въ *Искрѣ* до самой смерти (1862 г.), хотя вообще немного и съ перерывами. П. И. Вейнбергъ участвовалъ все время, чаще подъ псевдонимами: Гейне изъ Тамбова, Каракатопуло, Хазеръ Трефный, Старшій чиновникъ особыхъ порученій и пр. Первый псевдонимъ впервые появился въ № 2 подъ стихотвореніемъ «Отпрыски сердца», которое и теперь еще помнятъ многіе, но, навѣрное, не знаютъ автора. Оно начиналось такъ:

„Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
Она генеральская дочь...“

П. И. былъ членомъ редакціи.

Съ перваго же нумера очень дѣятельнымъ сотрудникомъ былъ и Н. С. Курочкинъ, подписывавшійся: Пр. Вознесенскій, Пр. Преображенскій, Густáвъ Не-Надо, Шэрэрро, а часто писавшій и просто безъ подписи. Это—также членъ редакціи. Во второмъ нумерѣ стихи А. Жемчужникова, а съ 4 № выступаетъ А. А. Мей, нѣсколько разъ подписывавшійся «Пассажиромъ».

Въ пятомъ номерѣ всю первую страницу заняло письмо къ редакторамъ начинавшее извѣстную «Хронику прогресса» Г. З. Елисеева, ни разу не выступившаго и въ *Искрѣ* подъ своей фамиліей. Письмо это настолько оригинально, что я приведу его конецъ:

„Имѣя въ виду упоминать въ своей хроникѣ только о друзьяхъ прогресса и человѣчества, я вовсе не имѣю желанія живымъ отдаваться въ руки враговъ успѣха и просвѣщенія. Слѣдовательно—тайна! Подписи не будетъ никакой. Выставить свое имя я не могу, а скрываться подъ псевдонимомъ для меня обидно. Отвѣчайте за меня вы, г. редакторъ литературной части.

„Примите увѣреніе“ слишкомъ старо и пошло. Прощайте.

„*P. S.* Предупреждаю читателей вашихъ: когда не появится въ *Искрѣ* моей хроники, значитъ, прогрессъ подвигается плохо. Если хроника моя прекратится совсѣмъ, пусть разумѣютъ они, что друзья человѣчества восторжествовали вполнѣ. Тогда ужъ мнѣ нельзя будетъ и писать. На первый разъ посылаю статейку, подписанную моимъ хорошимъ пріятелемъ“.

И, дѣйствительно, «прогрессъ подвигался плохо»: хроника его сплошь и рядомъ отсутствовала, а въ теченіе 1860 года ни разу не была помѣщена *).

Очень рѣдко «хронику» подписывалъ Пр. Знаменскій (В. С. Курочкинъ). Кромѣ того, Елисеевъ — третій членъ редакціи — помѣщалъ и отдѣльныя статьи, также всегда публицистически-полемическаго характера. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мы каснемся дальше **). Не надо даже знать характера *Искры*, чтобы все-таки не удивляться сосѣдству словъ: сатирическій журналъ и Елисеевъ. Но послѣдній самъ понималъ, что онъ тяжелъ для такого изданія, и выразилъ это прямо въ одномъ изъ отвѣтовъ В. Коршу, редактору «С.-Петерб. Вѣдомостей». Это признаніе настолько характерно, что я приведу изъ него выдержки:

„...Но сказавъ любезность *Искрѣ* вообще, вы тѣмъ съ большею силою стараетесь поразить тотъ отдѣлъ, въ которомъ засѣдаю я. „Тамъ,—говорите вы,—сидитъ господинъ очень скучный и пишетъ вещи очень скучныя. Съ такими

---

*) Будущимъ біографамъ Елисеева, можетъ быть, не безполезно указаніе номеровъ съ его „хроникой“: 1859 г.—5, 7, 9, 11, 12, 14, 21, 22, 25, 29, 32, 33, 34, 40, 46; 1861 г.—7, 9, 11, 13, 16, 17, 19, 21, 25, 33, 35, 38, 40, 42, 47, 49, 1862 г.—3, 5, 7, 8, 9, 12, 14, 18, 20, 22, 24, 26, 28, 31, 33, 36, 41, 42, 47, 49; 1863 г.—6, 7, 10, 12, 15, 40, 42, 44, 47. Кстати отмѣтимъ описку или ошибку въ статьѣ объ Елисеевѣ г. Южакова въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, гдѣ вм. „Искры“ названа газета „Голосъ“.

**) Вотъ ихъ, кажется, полный списокъ: „Теорія полемики“ (1859—44), „Указанія и совѣты“ (1859—43), „Жизнь, какъ она есть“ (1860—28, 45), „Литературныя вѣсти“ (1860—35, 36, 38, 40, 43, 48; 1861—4), „Что значитъ лай на луну“ (1860—49), „Vivart art pereant поморные?; (1861—1), „Замѣтка о тѣлесныхъ наказаніяхъ“ (1861—8), „Еще кой-что по поводу юбилея князя Вяземскаго“ (1861—20), „Пробная лекція, читанная pro grandu doctoris по наукамъ историческимъ“ (1862—1), „Балаганчики *Дня*“ (1862—38), „Наши газеты“ (1863—17), „Современная элеія“ (1863—20), „Какъ аукнется, такъ и откликнется“ 1863—45).

скучными статьями не пустили бы ни въ Пончъ ни Кладдерадачъ *); въ Пончѣ и Кладдерадачѣ, дескать, даже вовсе и отдѣла такого скучнаго нѣтъ. „Признайтесь, г. Коршъ, когда вы писали эти строки, вы думали, что поразили меня въ самое сердце, возмутили до глубины души—не правда ли? А, между тѣмъ, я думалъ объ этомъ же самомъ еще въ то время, когда написалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ первую статью мою въ „Искру". Зачѣмъ,—такъ размышлялъ я тогда,—нуженъ „Искрѣ" такой скучный человѣкъ, какъ я? Вѣдь она губитъ себя и свою репутацію черезъ меня! Вѣдь такихъ скучныхъ вещей, какія пишу я, не помѣстятъ не только въ „Пончѣ" и „Кладдерадачѣ", но даже и въ послѣднемъ европейскомъ юмористическомъ журналѣ. Но потомъ, поразмысливъ хорошенько, я нашелъ, что я для „Искры" едва-ли не нужнѣе всѣхъ тѣхъ, которые пишутъ веселенькіе статейки и стишки. И скажу вамъ почему это такъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ издаются „Пончъ" и „Кладдерадачъ", нѣтъ такихъ крѣпкихъ умовъ, которые нужно бы было раздѣлывать заступомъ или ломомъ. Мое назначеніе состоитъ вовсе не въ томъ, какъ вы думаете, чтобы, смѣшить, а въ томъ, чтобы приводить людей, смѣха достойныхъ, въ смѣшное положеніе, дѣлать ихъ удобными для смѣха" **).

Елисеевъ былъ совершенно правъ. Можетъ быть, въ приглашеніи его къ постоянному участію въ *Искрѣ* лучше всего и обнаружился редакторскій талантъ Курочкина. Мало было только отрицать, только смѣяться; надо было указывать все-таки, ради чего отрицаешься, надо было сердиться и рычать, какъ льву. Курочкинъ это прекрасно понялъ съ самаго начала и, конечно, Елисеевъ былъ едва ли не болѣе другихъ подходящъ на такое сложное въ ту эпоху амплуа. Одно впечатлѣніе производитъ *Искра* 1860 года безъ «хроники прогресса», другое—съ нею, за остальные годы. Читатель понималъ, что съ такимъ, правда, нѣсколько тяжеловатымъ отдѣломъ у него въ рукахъ *органъ*, а не органчикъ, журнальчикъ, шутъ гороховый. Не благодаря ли главнымъ образомъ Елисееву *Искра* имѣла серьезное публицистическое значеніе, къ ея голосу прислушивались, хоть и затыкали уши...

Въ 6 № помѣщена статья Добролюбова и притомъ съ очень ядовитой подписью: «сообщено». Это была насмѣшка надъ только что образованнымъ «комитетомъ по дѣламъ книгопечатанія» (24-го января 1859 г.), въ обязанность которому ставилась разсылка благонамѣренныхъ статей, подписанныхъ къ свѣдѣнію публики словомъ «сообщено» ***). Въ № 8 Добролюбову принадлежитъ стихотвореніе «Чувство законности». Странная судьба этихъ двухъ произведеній: первое изъ нихъ помѣщено въ «Сочиненіяхъ» Добролюбова въ группѣ произведеній, озаглавленныхъ «Дополненіе къ Свистку», второе же прямо поставлено въ № 1 «Свистка», гдѣ оно никогда не было.

И что еще страннѣе, это что такая ошибка сдѣлана не только въ

---

*) „Punch" и „Kladderadatch"—лучшіе англійскій и нѣмецкій сатирическіе журналы.

**) 1863 г., № 44.

***) См. мои „Очерки по исторіи цензуры" въ III и IV книжкахъ „Рус. Богатства за 1903 г.

послѣдующихъ, но и въ самомъ первомъ изданіи, просмотрѣнномъ Чернышевскимъ. Впрочемъ, съ сочиненіями Добролюбова произошла ошибка еще болѣе значительная: въ ихъ собраніе включена статья Елисеева и притомъ съ искаженнымъ заглавіемъ. Въ № 9 *Искры* Елисеевъ написалъ «хронику прогресса» съ подзаголовкомъ: «Еще и еще о гласности», а въ сочиненіяхъ Добролюбова она названа: «Успѣхи гласности въ нашихъ газетахъ» *).

Эти недосмотры можно объяснить только невозможностью для Чернышевскаго додержать корректуру IV тома, что за него сдѣлалъ, послѣ ареста Н. Г., М. А. Антоновичъ, не могшій, однако, входить въ обсужденіе готоваго тома.

Тутъ кстати будетъ упомянуть о проектѣ Добролюбова и Некрасова издавать самостоятельную газету «Свистокъ». Вотъ что мнѣ передалъ объ этомъ М. А. Антоновичъ, лично отъ Добролюбова знающій исторію неудавшагося органа. *Искра* побудила Добролюбова искать способа дѣйствовать на читателей не только серьезными статьями, но шуткой, насмѣшкой, сатирой. Свой планъ онъ сообщилъ Некрасову, и они нашли вполнѣ благонамѣреннаго редактора, зятя Некрасова, нѣкоего Буткевича, очень заслуженнаго воина; для подкрѣпленія были добыты рекомендаціи четырехъ генераловъ. Но все было напрасно: разрѣшенія на газету дано не было. Нечего и говорить о томъ, какъ подѣйствовало на Добролюбова это обстоятельство и насколько оно усилило его недовольство вообще, а въ частности—пресловутой тогда фразой о процвѣтаніи гласности. Чтобы поправить неудачу рѣшено было помириться на томъ «Свисткѣ», который шелъ въ «Современникѣ» и, конечно, всѣмъ хорошо знакомъ.

Съ № 7 начинаютъ работу въ *Искрѣ* В. Бенедиктовъ и П. Кулишъ; въ типографіи послѣдняго она и печаталась первые два года. Первому принадлежатъ стихотворенія, второму—разсказы изъ малороссійскаго быта **). Въ № 20 помѣщенъ первый въ *Искрѣ* разсказъ изъ народнаго быта Н. Успенскаго, тутъ же стихи Н. В. Гербеля (Эрастъ Моховоевъ). Съ № 25 начинаетъ сотрудничать А. Гацискій, съ 45-го—А. Н. Плещеевъ, съ 48-го—И. Ѳ. Горбуновъ; затѣмъ въ первой половинѣ года вступаютъ еще Ив. Кушнеревъ и А. Ивановъ (Классикъ), а во второй половинѣ—Н. Кроль, М. М. Стопановскій, А. П. Сниткинъ (Амосъ Шишкинъ).

Уже однихъ этихъ именъ было бы достаточно, чтобы обезпечить *Искрѣ* полный успѣхъ. Но на нихъ притокъ свѣжихъ и талантливыхъ силъ не кончился. Въ теченіе 1860 года замѣтнѣе другихъ вступле-

---

*) См. т. IV изд. 5-го. Тамъ же стихотвореніе Некрасова „Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ", въ которой лишь примѣчанія принадлежатъ Добролюбову.

**) Въ словарѣ Брокгауза о сотрудничествѣ Кулиша въ *Искрѣ*—ни слова.

ніе Д. Д. Минаева. Товарищъ по Дворянскому полку В. С. Курочкина, онъ былъ безусловно необходимъ для *Искры*; его дарованія, казалось, для нея созданы. Не поэтъ, но замѣчательный стихотворецъ, прославившійся совершенно необыкновенною способностью риѳмовать быстро и удачно; не злой, но обладавшій бичомъ хлесткаго языка; не широко образованный, но моментально все схватывавшій—такой сотрудникъ, при наличности другихъ, былъ кладомъ для еженедѣльнаго журнала, обязаннаго отзываться на все бойко и быстро *). Понятно, Минаевъ сдѣлался сразу необходимымъ звеномъ редакціи **).

Затѣмъ, въ теченіе 1860 г., послѣдовательно вступили: Н. Л. Ломанъ (Гнутъ Н.), Г. Н. Жулевъ (Скорбный поэтъ), А. В. Дружининъ, (Иванъ Чернокнижниковъ), Козьма Прутковъ и С. Максимовъ. Въ слѣдующемъ году: Алексѣй Потѣхинъ, Николай Потѣхинъ, В. П. Буренинъ (Владиміръ Монументовъ и Церѣдриновъ). Въ 1862 г.—Я. П. Полонскій, Б. Н. Алмазовъ (Адамантовъ), Н. И. Наумовъ, В. И. Богдановъ (Власъ Точечкинъ, Власъ Точкинъ); въ 1863 г. начинаетъ работать Н. А. Лейкинъ, въ 1864 г.—П. И. Якушкинъ, Л. И. Пальминъ. Конечно, это далеко не всѣ сотрудники *Искры*, но, во всякомъ случаѣ, почти всѣ, ярко опредѣлявшіе ея характеръ.

Въ объявленіи о выходѣ своемъ съ 1-го января 1859 г. *Искра* назвала въ числѣ сотрудниковъ Д. В. Григоровича, П. А Каратыгина, М. Л. Михайлова, Н. А. Некрасова и Н. Щедрина. Я всячески старался выяснить участіе этихъ лицъ, особенно двухъ послѣднихъ, но ни одного ихъ произведенія ни за фамиліями, ни за извѣстными пока псевдонимами не нашелъ. Произошло это, конечно, не потому, что Некрасовъ или Щедринъ умышленно не участвовали въ *Искрѣ*, а просто или по недостатку времени, или и писали, да не печатались...

Что касается художественной стороны дѣла, то и Степановъ старался привлекать молодежь, вырабатывать изъ нея необходимыхъ помощниковъ. Самъ онъ не пропустилъ ни одного нумера, какъ, впрочемъ, и В. С. Курочкинъ ***), но это не мѣшало притоку постороннихъ силъ. Съ самаго начала очень усердно работаетъ К. Д. Даниловъ, затѣмъ постепенно къ нему присоединяются: Волковъ, П. Ѳ. Марковъ, А. Н. Шестаковъ, А. М. Протасовъ, А. В. Богдановъ, М. И. Знаменскій, И. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, Н. В. Іевлевъ, Г. С. Дестунисъ, В. Р. Щиглевъ (Романычъ), Аполлонъ Б. Это наиболѣе замѣтныя силы, давшія совершенно прочное положеніе нарождавшейся каррикатурѣ.

---

*) Для біографіи его, можетъ быть, небезынтересна дѣятельность Минаева какъ каррикатуриста; укажу хотя бы на № 16 за 1861 г.

**) Вотъ его псевдонимы: Михаилъ Бурбоновъ, Литературное домино, Маіоръ Бурбоновъ, М. Брбв., Обличительный поэтъ, Темный человѣкъ, Т. Ч.

***) Кстати, вотъ псевдонимы Курочкина: Порфирій Знаменскій, Пр. Зн., Темный поэтъ.

*

Въ числѣ менѣе замѣтныхъ отмѣтимъ Э. Т. Кмара, Ѳ. Х. Громова, С. Любовникова, Ф. Павленкова, А. Іонина, Рѣдкина, С. Худякова и В. Д. Лабунскаго.

1. М. Степановскій. 2. Д. Минаевъ. 3. Н. Курочкинъ. 4. Н. Ломанъ (Гнутъ). 5. Н. Степановъ. 6. В. Курочкинъ. 7. Г. Елисеевъ. 8. П. Вейнбергъ. 9. Граверъ Ивановъ. 10. Живописецъ Волковъ. 11. А. Даргомыжскій (композиторъ). 12. В. Толбинъ. 13. Граверъ Куренковъ. 14. Сынъ Н. Степанова.

VIII.

По удачному опредѣленію Шелгунова, общество интересующей насъ эпохи требовало отъ публицистическаго органа нерва, чуткости и живого слова, а не солидной учености. Это едва ли не лучше всего

иллюстрируется отношеніемъ къ *Искрѣ*, гдѣ и нерва, и чуткости и живого слова было вдоволь. Это былъ оркестръ, состоящій изъ музыкантовъ, почти поголовно неспособныхъ къ исполненію симфоническаго solo, но зато въ рукахъ талантливаго дирижера дававшихъ вполнѣ эстетическое наслажденіе; это были писатели преимущественно хорового таланта. Сыгровки происходили или на пятницахъ Степанова или на пирушкахъ Курочкина. Въ день выхода номера *Искры* вся редакція собиралась къ старику-редактору художественной части, и здѣсь готовился слѣдующій номеръ, обсуждался его планъ, вырисовывались детали, сотрудники дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями, давали другъ другу совѣты и указанія, каррикатуристу подсказывали тему, поэту—бойкій стихъ, передовику—популярную форму; словомъ, здѣсь происходила та коллективная работа, которая даетъ внутреннюю силу изданію и безъ которой немыслимъ жизненный органъ общественнаго мнѣнія... Засиживались иногда до поздней ночи, пили, веселились, но не потому, что приходили пить и веселиться, а вслѣдствіе молодости и «силъ избытка».

Курочкинъ рѣдко устроивалъ собранія дома, этому мѣшали неладныя семейныя условія. Загородный ресторанъ — вотъ мѣсто совѣщаній «искристыхъ». Общій отзывъ современниковъ—*Искра* веселилась... И, дѣйствительно, достаточно было уже двухъ братьевъ Курочкиныхъ, Василія и Николая, чтобы поднять на ноги любой ресторанъ, сервировать прекрасный столъ, составить меню, удовлетворявшее вкусамъ самыхъ требовательныхъ гастрономовъ, заставить плясать французженокъ и итальянокъ, словомъ, поднять дымъ коромысломъ. А вѣдь ихъ было больше. Прибавьте Минаева, Кроля, Толбина, еще двухъ-трехъ человѣкъ, и веселье, часто необузданное и забубенное,—вотъ атмосфера курочкинскихъ пирушекъ. Сухой моралистъ, не склонный къ тому же справляться съ условіями времени, предалъ бы ихъ, этихъ искреннихъ работниковъ прогресса, строгому осужденію, но развѣ это справедливо? Да, пили, пили и пили, но что же изъ этого? Пили потому, что у каждаго внутри была какая-нибудь заноза, лежало часто тяжелое горе. Развѣ въ этомъ разгулѣ проходила буквально вся ихъ жизнь? Развѣ эти люди ничего не дали настоящему и будущему? Развѣ не они основали прочно сатирическую русскую прессу? И развѣ ихъ вина, если прочное зданіе, подъ давленіемъ совершенно неожиданнаго стихійнаго урагана, разрушилось до основанія? Они сдѣлали все, что могли *они* сдѣлать...

Кто, какъ не эти же люди вставали на защиту слабаго, гонимаго, преслѣдуемаго?! И общество лучше гг. моралистовъ понимало ихъ работу. Вотъ что вспоминаетъ г. Вейнбергъ теперь, когда *Искру* покрыли почти сорокъ лѣтъ:

«Въ настоящее время нельзя себѣ и представить, какъ жадно набрасывалась публика на каждый номеръ *Искры*, какой авторитетъ завое-

вала она себѣ на самыхъ первыхъ порахъ, какъ боялись ея всѣ, имѣвшіе основаніе предполагать, что они могутъ попасть или подъ карандашъ ея каррикатуристовъ, или подъ перо ея поэтовъ и прозаиковъ, съ какою юношескою горячностью, наконецъ, относились къ своему дѣлу и мы сами, хотя большинство наше состояло изъ людей совсѣмъ ужъ не такихъ юныхъ *). Помню, напримѣръ, очень хорошо случай, когда въ Николаевѣ вывели изъ клуба одну даму, нисколько того не заслуживавшую, и въ газетахъ появилась корреспонденція объ этомъ «событіи». Боже мой, какую тревогу забили въ нашей редакціи! Мы составляли цѣлыя конференціи для обсужденія этого дѣла; мы говорили о немъ такъ, какъ будто вся Россія находилась въ опасности, мы писали статьи за статьями, мы подняли на ноги чуть не всю тогдашнюю газетную печать... А при воспоминаніи о томъ, какъ относилась къ нашему обличительному рвенію публика, припоминаю тоже, напримѣръ, тотъ фактъ, что когда въ № 9 *Искры* **) появилась подъ заглавіемъ «Аристидъ Термаламаки» написанная мною юмористическая біографія знаменитаго въ то время милліонера Б., то въ теченіе нѣсколькихъ дней число подписчиковъ возросло на 1.000 человѣкъ» ***).

Очень цѣнное замѣчаніе объ обличеніяхъ эпохи, насъ интересующей находимъ у г. Неизвѣстнаго, который, по своему міросозерцанію, могъ бы быть нихъ, казалось, иного мнѣнія. «Слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—отдать справедливость обличителямъ того времени (1857—1861 г.), что почти всѣ они относились къ дѣлу обличенія, быть можетъ, и съ лишнимъ усердіемъ, но безусловно честно. Обличая, они, такъ сказать, священнодѣйствовали...» ****). Тотъ же авторъ указываетъ на распространенность *Искры* въ провинціи, благодаря отдѣлу «Намъ пишутъ».

Вотъ какъ были серьезно въ общественномъ смыслѣ настроены эти «веселые» люди.

Конечно, не вся редакція *Искры* бывала на курочкинскихъ пирушкахъ, но это не мѣшало всѣмъ дружно работать. Личныя склонности не позволяли, напримѣръ, нѣсколько мрачному и сосредоточенному Елисееву часто бывать на такихъ собраніяхъ, но связь его съ редакціей была и крѣпка, и прочна, чему доказательство — почти шестилѣтнее сотрудничество въ *Искрѣ*.

Кстати замѣчу, что Курочкинъ очень высоко ставилъ авторитетное слово Елисеева и нерѣдко сложные редакціонные вопросы рѣшалъ именно по его совѣтамъ и указаніямъ. Такъ же поступалъ и Степановъ.

Пріемные дни въ редакціи были по тогдашнимъ временамъ совершенно необыкновенны: толкалась такая масса народа самаго разно-

---

*) Однако, большинство не старше 30 лѣтъ.

**) Въ № 10, а не въ 9-мъ, 1859 г.

***) „Безобразный поступокъ „Вѣка", „И. В." 1900 г., V, 476.

****) *Неизвѣстный*. „За много лѣтъ", „Р. С." 1895 г., II, 138.

шерстнаго, что свѣжій человѣкъ просто терялся. Тутъ были и студенты, и чиновники, и впервые пріѣхавшіе въ столицу провинціалы, и старики, и зеленая молодежь, и прозаики, и поэты... Курочкинъ со всѣми успѣвалъ побесѣдовать, ему помогали члены редакціи. Общеніе съ публикой съ самаго начала легло въ основаніе редакціонной организаціи и нигдѣ такъ легко не замѣтно, какъ именно въ *Искрѣ*.

Вотъ почему ни одно мало-мальски уродливое общественное явленіе, ни одно серьезное злоупотребленіе, ни одинъ возмутительный фактъ не проходили мимо глазъ и ушей редакціи. Далеко не все попадало въ журналъ, масса матеріала оставалась въ типографскомъ наборѣ и въ деревяшкахъ каррикатуристовъ, но и то, что проходило, приводило въ трепетъ всѣхъ, у кого было «рыльце въ пушку»...

«*Искра* сдѣлалась грозою для всѣхъ,—справедливо замѣчаетъ г. Скабичевскій,—у кого была не чиста совѣсть, и попасть въ *Искру*, упечь въ *Искру*—были самыми обыденными выраженіями въ жизни шестидесятыхъ годовъ. Не было ни одного крупнаго или мелкаго безобразія общественной или литературной жизни, которое не имѣло бы мѣста на страницахъ *Искры*, въ игривыхъ, полныхъ необузданнаго остроумія куплетахъ, пародіяхъ или въ прозѣ, исполненной убійственныхъ сарказмовъ; не существовало такой пошлости, которая не была бы представлена во всемъ безобразіи, и не было такого подлеца, который не увидѣлъ бы въ одинъ прекрасный день своей физіономіи въ ряду каррикатуръ *Искры* съ полною подписью всѣхъ нравственныхъ качествъ. Самыя талантливыя, остроумныя и безпощадно злыя строки въ газетѣ принадлежали самому издателю, который трудился неутомимо, писалъ куплеты, пародіи, передовыя и обличительныя статьи, изобрѣталъ каррикатуры для исполненія художниками. Это была дѣятельность изумительная по своей плодовитости. Довольно сказать, что изъ 700 слишкомъ нумеровъ, составляющихъ полное изданіе *Искры* за все время ея существованія *), едва ли найдется одинъ, въ которомъ не было бы помѣщено его передовой или обличительной статьи, оригинальнаго или переводнаго стихотворенія **).

Главное крѣпостное укрѣпленіе, однимъ своимъ видомъ приводящее въ ужасъ провинцію, былъ отдѣлъ «Намъ пишутъ», въ которомъ въ очень бойкой, но всегда дѣловой формѣ (прозы) описывалась провинціальная жизнь, по сообщеніямъ безчисленныхъ корреспондентовъ. Завѣдывалъ этимъ отдѣломъ все время М. М. Стопановскій—четвертый членъ редакціи,—молодой, талантливый публицистъ, человѣкъ очень серьезно понимавшій громадное значеніе своей работы и очень дѣльный. Добросовѣстная переработка присылаемаго матеріала, внимательное къ нему

---

*) За 1859—64 гг. вышли 300 номеровъ, по 50 въ году.

**) *А. Скабичевскій*, „Исторія нов. рус. литературы“, 461. Эти строки немного преувеличиваютъ исключительную роль Курочкина.

отношеніе, умѣнье поддержать въ корреспондентѣ «искру Божію» — все это какъ нельзя лучше способствовало упроченію отдѣла, давшаго *Искрѣ* не одну тысячу подписчиковъ, не одинъ десятокъ тысячъ читателей изъ самыхъ глухихъ угловъ тогдашней Россіи.

«Факты! Факты!.. Въ этой жизни нужны только факты... Набивайте голову, сэръ, одними фактами, а остальное выбрасывайте вонъ, за окошко...» Эти слова Диккенса редакція *Искры* поставила во главу угла зрѣнія на отдѣлъ «Намъ пишутъ», а въ 19 нумерѣ 1860 г., съ котораго онъ былъ введенъ,—и эпиграфомъ къ первому опыту. Рѣдко мѣсто дѣйстія, а особенно дѣйствующія лица назывались открыто; для этого не было возможности по независѣвшимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ читатель имѣлъ дѣло съ вымышленными городами, съ вымышленными именами и фамиліями, но это не лишало отдѣла силы. На мѣстѣ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ какой-нибудь Христофоръ Христофоровичъ Фуфирычъ, какъ только получался нумеръ, его разворачивали дрожащими отъ волненія руками, а глаза лихорадочно бѣгали по страницамъ. Когда находили своего «воеводу»—одни рукоплескали и прыгали отъ радости: долго они ждали случая обличить притѣснителя; другіе скрежетали зубами и спѣшили эстафетой оправдаться передъ начальствомъ. «*Искра* получена»—были страшныя слова для темнаго провинціальнаго міра.

Приступая къ изданію журнала на третій годъ, редакція увидѣла себя вынужденной увеличить объемъ номеровъ до полутора - двухъ листовъ и прямо приписывала это увеличенію отдѣла «Намъ пишутъ», который составлялся массою все увеличивающихся корреспондентовъ. Достаточно посмотрѣть въ «отвѣты редакціи», чтобы получить надлежащее представленіе объ этой арміи рядовыхъ солдатъ, которою такъ умѣло командовалъ Стопановскій. 40 — 50 отвѣтовъ разнымъ лицамъ—дѣло вполнѣ обыкновенное.

Для иллюстраціи того страха, который внушала, особенно въ провинціи *Искра*, достаточно сказать, что гдѣ-то въ лотерею между другими выигрышами была разыгрываема и *Искра* за 1860 годъ. Она досталась гимназисту, но у него сейчасъ же отобрали журналъ, выдавъ деньгами за полную подписную стоимость. Начальство мотивировало такое свое распоряженіе стремленіемъ къ огражденію юноши отъ непризнанія поставленныхъ закономъ властей!..

Не съ искренней радостью встрѣчали нумера и въ центрахъ административной системы. Изъ разговора съ однимъ и теперь еще живымъ современнымъ *Искры*, тогда бывшимъ на довольно бойкомъ бюрократическомъ креслѣ, я вынесъ впечатлѣніе того ужаса, который проходилъ по всему «департаменту», когда «попадалось» начальство. Въ глубинѣ души каждый чиновникъ былъ, разумѣется, радъ видѣть осмѣяннымъ его превосходительство, но развѣ онъ могъ обнаруживать что-нибудь, кромѣ ужаса, негодованія и желанія сокрушить «пасквил-

лянта»? «Генералы» ѣздили, кланялись, оправдывались, просили оградить ихъ сѣдыя головы; болѣе сильные иногда настаивали на мѣрахъ крутого «воздѣйствія», но развѣ все это спасало? Кары въ видѣ потоковъ красныхъ чернилъ лились на *Искру*, но тамъ была молодежъ, были люди, обрекшіе себя на самоотверженную борьбу—и, смотришь, черезъ мѣсяцъ тотъ же «генералъ» преподнесенъ подъ такимъ соусомъ, что и жаловаться ужъ неудобно...

Вышесказаннаго болѣе или менѣе достаточно, чтобы составить представленіе о редакціоной организаціи этого образцоваго журнала.

IX.

Изъ отзывовъ объ *Искрѣ* я приведу только два изъ безчисленной массы, но такихъ, которые не оставятъ мѣста сомнѣніямъ въ ея высокихъ достоинствахъ.

Одинъ изъ нихъ принадлежитъ самому Елисееву, набросавшему характеристику *Искры* спустя долгое время послѣ своего выхода оттуда и притомъ намѣренно далеко не полную.

„Въ *Искрѣ*,—пишетъ Г. З., — кромѣ безчисленныхъ обличительныхъ корреспонденцій во всѣхъ родахъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, и въ разсказахъ, замѣткахъ, подписанныхъ обыкновенно псевдонимами, существовалъ еще особый отдѣлъ „Намъ пишутъ", составлявшійся по корреспонденціямъ, получаемымъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Цензура не позволяла называть обличаемыхъ по имени, ни даже называтъ тѣ города, гдѣ они живутъ и гдѣ происходятъ обличаемыя дѣйствія. Поэтому образовался цѣлый словарь городовъ съ условными названіями: Красноръцкъ, Кутерма, Лиліенградъ, Тмутаракань, Златогорскъ, Чернилинъ, Бѣлокаменскъ и т. д., съ условными именами дѣйствующихъ въ нихъ героевъ, въ особенности, если они занимали въ нихъ выдающійся постъ по своему общественному положенію. Въ провинціи каждый городъ, о которомъ шла рѣчь, немедленно узнавалъ свой псевдонимъ, такъ какъ описываемое то или другое совершившееся въ немъ безобразіе было, конечно, извѣстно цѣлому городу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, узнавалось и лицо, о которомъ шла рѣчь. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ цѣль гласности такимъ путемъ не могла достигаться,—развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, когда какой-нибудь крупный скандалъ дѣлался извѣстнымъ всему городу. Тогда дѣлу гласности помогали отчасти рисунки *Искры*. Покойный Степановъ, прекрасный рисовальщикъ, давалъ изображаемымъ на этихъ рисункахъ лицамъ такое сходство съ подлинными, что цензура нерѣдко приказывала или сбривать бакенбарды съ изображеннаго лица, или поставить его не en face, а въ профиль, чтобы не такъ рѣзко бросалось въ глаза сходство. Кромѣ того, у *Искры*, вѣроятно, благодаря рисункамъ, появились совершенно неизвѣстные редакціи добровольные *словесные* сотрудники въ пользу гласности. Въ 1859 г. мнѣ нѣсколько разъ случалось обѣдать въ одномъ небольшомъ табльдотѣ на Морской, гдѣ собиралось до пятнадцати и болѣе человѣкъ, все люда интеллигентнаго,—чиновниковъ, моряковъ и т. п. И при мнѣ, въ день выхода *Искры* или на другой, являлся молодой человѣкъ изъ служащихъ, обѣдавшій постоянно тутъ и, повидимому, знакомый со всѣми, вынималъ вышедшій номеръ *Искры* изъ кармана и начиналъ излагать чуть не цѣлую лекцію объ этомъ номерѣ, объяснялъ рисунки—кого они изображаютъ, по какому поводу они явились, говорилъ о статьяхъ, о затрудненіяхъ,

которыя встрѣтились въ цензурѣ, и т. д., и т. д. Всѣ присутствующіе слушали внимательно, дѣлали возраженія, требовали поясненій. Онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы и возраженія, давалъ требуемыя поясненія; повидимому, онъ былъ au courant всего, что дѣлалось въ *Искрѣ*. Я былъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ участвуетъ въ *Искрѣ*, стоитъ близко къ ея редакціи и что его обѣденные разговоры дѣлаются съ вѣдома редакціи для вящаго распространенія журнала. Оказалось, совсѣмъ нѣтъ. Впослѣдствіи я довольно близко познакомился съ редакторомъ *Искры*, В. С. Курочкинымъ, былъ иногда на его журфиксахъ, и здѣсь познакомился и съ другимъ редакторомъ *Искры*, Степановымъ, но ни тотъ, ни другой не имѣли никакого свѣдѣнія о неизвѣстныхъ добровольцахъ, дѣйствовавшихъ въ ихъ пользу; оба они увѣряли меня, что у нихъ не было и въ мысляхъ пользоваться подобнаго рода пропагандой для распространенія *Искры*, которая и безъ того шла очень шибко" *).

Не менѣе интересенъ общій взглядъ на *Искру* и самого Н. К. Михайловскаго. По моему, онъ лучше другихъ вкратцѣ опредѣляетъ ея роль въ тогдашнее время: «Общество, освѣженное приближающимся вѣяніемъ реформъ, откликнулось и создало для В. С. Курочкина или, пожалуй, вѣрнѣе, онъ самъ создалъ себѣ положеніе совершенно исключительное. Это былъ какъ бы предсѣдатель суда общественнаго мнѣнія по множеству дѣлъ, часто очень мелкихъ и вполнѣ личнаго характера, но иногда и крупныхъ и, во всякомъ случаѣ, захватывавшихъ, въ своей совокупности, всю грамотную Россію. Положеніе высокое, трудное и отвѣтственное. Многіе и многіе боялись *Искры*, многіе и многіе возлагали на нее надежды. Тройственная формула писательской дѣятельности—мысль, слово, дѣло, если не всегда и не вполнѣ осуществлялась для Курочкина, то была все-таки близка и возможна. Надо замѣтить, что тогда провинціальная печать не существовала и, значитъ, тѣ факты всероссійской жизни, которые нынѣ черпаются столичными газетами и журналами изъ провинціальной прессы, *Искрѣ* приходилось получать изъ первыхъ рукъ; это создавало особенно живое общеніе между редакціей газеты и читателями, которые были или могли стать въ любую минуту также и сотрудниками» **).

Указаніе совершенно вѣрное и очень важное: *Искрѣ*, дѣйствительно, приходилось принимать на себя роль судилища всей необъятной провинціи, потому что въ послѣдней были лишь 10—15 частныхъ, не субсидированныхъ газетъ, да и изъ нихъ не всѣ выходили ежедневно ***).

По указанію г. Скабичевскаго, у нея было въ лучшіе годы (1862 и 1863) около 10.000 подписчиковъ; г. Трубачевъ указываетъ на 7.000; разница значительная, но мы думаемъ, что истинное число ближе къ

*) *Н. Михайловскій* „Литер. воспоминанія и современная смута", I, 33—34.

**) Idem., 34—35.

***) „Одесскій Вѣстникъ", „Кіевскій Телеграфъ", „Кронштадтскій Вѣстникъ", „Черниговскій Листокъ", „Волга", „Воронежскій Листокъ", „Кіевскій Курьеръ", „Кяхтинскій Листокъ", „Ростовскій-на-Дону Вѣстникъ", „Кіевлянинъ", „Рыбинскій Листокъ", „Сибирскій Вѣстникъ" и еще два-три органа.

первому, хотя провѣрить ихъ мнѣ нигдѣ не удалось. Знаю только, что сплошь и рядомъ всѣ нумера, оставленные на продажу, раскупались до послѣдняго, а иногда наиболѣе удачные выходили вторымъ изданіемъ. При маломъ распространеніи этого не бываетъ. Кромѣ того, есть еще два указанія на матеріальный успѣхъ *Искры*. Въ 1866 г. г. Нестеровъ вмѣстѣ съ Е. И. Екшурскимъ выпустилъ альбомъ каррикатуръ и рисунковъ изъ *Искры*—«Неугасшія Искры», гдѣ были употреблены въ дѣло скупленныя у г. Степанова клише, и альбомъ этотъ имѣлъ громадный успѣхъ. Во-вторыхъ, въ серединѣ 1862 г. *Искры* за 1859 г. въ продажѣ уже не было совсѣмъ, а за 1860 и 1861 гг. оставалось очень немного экземпляровъ *).

X.

Общеизвѣстно, что краеугольнымъ камнемъ дореформенной Россіи являлось крѣпостное рабство и что просыпавшееся общество интересующей насъ эпохи видѣло въ немъ перваго и самаго ужаснаго врага своего возрожденія. Извѣстно также, какую печать молчанія по этому поводу наложили своевременно на прессу. *Искра* не была исключеніемъ. Робко, боязливо, кое-гдѣ только и очень рѣдко прокрадывалась пара—другая словъ для обличенія этого исключительнаго по силѣ зла. Удивительно даже, что и то пропускалось, что появилось на ея страницахъ. Болѣе или менѣе ясно сочувствіе редакціи къ угнетенному мужику сказалось впервые въ стихотвореніи «Палашка»:

Не Пелагея, а Палашка—
Ужъ такъ она,
Со дня рожденія, бѣдняжка,
    Окрещена.
Она какъ лошадь почтовая:
Впрягутъ—вези!
Всегда въ лохмотьяхъ и босая,
    Всегда въ грязи.

---

*) Кое-что изъ сказаннаго выше находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ статьей г. Трубачева,—единственнымъ до сихъ поръ болѣе или менѣе подробнымъ источникомъ, дающимъ возможность слегка познакомиться съ „Искрой“. Я не считаю, однако, нужнымъ слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми ошибками и неправильностями изложенія ея автора и, чтобы не возвращаться больше къ нему, укажу лишь главнѣйшія изъ нихъ. Основаніе *Искры* больше вѣроятія приписать Курочкину; главенства Степанова послѣдній никогда не признавалъ, будучи совершенно полноправнымъ хозяиномъ половины дѣла и автономнымъ редакторомъ литературной части; сотрудники *Искры* скрывались за псевдонимами вовсе не изъ трусости; Курочкинъ никогда не преслѣдовалъ въ журналѣ своихъ личныхъ цѣлей; сатира *Искры* была глубока и очень содержательна; литература занимала въ ней выдающееся мѣсто не потому, что это были личные счеты, а потому, что общество видѣло ее во главѣ новой жизни.

На ней заплатки да заплатки—
И счету нѣтъ!
Сухія корки да остатки—
Ея обѣдъ.
. . . .
Одно глубокое смиренье
И вѣчный страхъ—
Другого нѣту выраженья
Въ ея чертахъ.
Все остальное шито-крыто,
Давнымъ-давно;
Въ ней все запугано, забито,
Заглушено.
Никто ничѣмъ не озадачитъ,
Безстрастный взглядъ...
А можетъ быть, она и плачетъ,
Когда всѣ спятъ *).

Бывшіе раньше намеки очень блѣдны. Такъ, напримѣръ, на каррикатурѣ изображенъ старикъ-помѣщикъ въ вольтеровскомъ креслѣ, весь обвязанный, окруженный всякими банками и склянками, видъ очень утомленный. Передъ нимъ старый слуга-дворовый, отъ усталости спящій стоя.

«— Васька, ты усталъ?

«— Усталъ сударь, всю ночь простоялъ около вашей милости.

«— И я постоялъ бы, да не могу и сна нѣтъ. А спать хочешь?

«— Хочу сударь.

«— Экая счастливая бестія» **).

Въ другомъ мѣстѣ разсказывается про одного помѣщика-степняка, называвшаго своего Фильку «Эманципаціей» и тутъ же со скрежетомъ зубовнымъ «дувшаго его въ рыло»...

Отмѣтить освобожденіе крестьянъ *Искрѣ* совсѣмъ не пришлось, ни однимъ словомъ! Ближайшая пятница, вслѣдъ за объявленіемъ воли, приходилась 10 марта, на первой недѣлѣ великаго поста, но ни на первой, ни на послѣдней недѣлѣ *Искра* никогда не выходила ***), а 17 марта въ нумерѣ ни звука о колоссальномъ событіи. Очевидно, весь нумеръ былъ уничтоженъ... Только 24 февраля, когда редакція, конечно, знала о подписанномъ манифестѣ, Елисеевъ замѣнилъ свою «Хронику прогресса» «Замѣтками о тѣлесныхъ наказаніяхъ», которыми какъ бы подсказывалъ дальнѣйшій логическій шагъ по пути поднятія личности.

Но вотъ реформа прошла, а *Искрѣ* все-таки нельзя обращать вниманія на жизнь деревни. Случайно проскочитъ мордобитіе мирового посредника изъ лихихъ господъ или ворчанье урядника, связывающаго

---

*) 1860 г., № 46.

**) 1859 г., № 11.

***) Это дѣлалось не по желанію редакціи.

мужика по рукамъ веревкой: «По крайней мѣрѣ теперь вы чувствуете себя свободнѣе?—Нѣтъ, родимый не чувствую.—Ну, ужъ это прихоть—привычка быть всегда недовольнымъ».

Изъ «самыхъ живыхъ современныхъ національныхъ вопросовъ Россіи» названныхъ еще Бѣлинскимъ за 12 лѣтъ до основанія *Искры*, оставался судъ. Но и его *Искрѣ* приходилось обходить молчаніемъ—на стражѣ охраненія суда отъ гласности стоялъ гр. Панинъ, всѣми мѣрами ограждавшій свое министерство отъ вмѣшательства непрошенныхъ обличителей. Введеніе же судебныхъ уставовъ совпало съ концомъ лучшаго періода *Искры* и тоже не было отмѣчено сколькó-нибудь замѣтно: *Искру* въ это время давили со всѣхъ сторонъ, о чемъ мы поговоримъ дальше.

Очень удачна каррикатура Шестакова, которую и воспроизводимъ.

Затѣмъ наибольшею ясностью отличалась прежде всего каррикатура, изображающая важнаго, тучнаго предсѣдателя суда, приказывающаго молодому человѣку: «Въ этомъ дѣлѣ надо обвинить Зайцева—понимаете?—Понимаю, но я не могу вести дѣло противъ своей совѣсти, поэтому прошу васъ передать его другому.—Это вы начитались всякой дряни; не хотите—такъ убирайтесь; мнѣ не нужно праведныхъ» *).

Передъ предсѣдателемъ суда стоитъ съ дѣломъ въ рукахъ секретарь:

Секретарь (читая рѣшеніе суда)... «Изъ трехъ воровъ одинъ умеръ, другой находится въ безвѣстномъ отсутствіи, а такъ какъ, вслѣдствіе вышеозначеннаго обстоятельства, невозможно опредѣлить, какая доля изъ украденнаго досталась на долю главнаго вора, имѣющагося на лицо, то и рѣшили единогласно: освободить его отъ суда безъ послѣдствій и т. д.». Я не рѣшился подписать это рѣшеніе, оно и незаконно и не логично!..

Предсѣдатель. Но... естественно! И я... стою за это рѣшеніе! **).

При обозрѣніи *Искры* въ области обличенія чиновничества придется, конечно, увидѣть тамъ многія черты, присущія въ свое время и жрецамъ Ѳемиды.

Но, несомнѣнно, въ числѣ самыхъ важныхъ вопросовъ стоялъ вопросъ о свободѣ печати, Бѣлинскимъ подразумѣваемый, какъ необходимое основаніе для разрѣшенія всего другого. Время обличительнаго жара породило къ гласности то отношеніе, которое такъ прекрасно схвачено въ нѣсколькихъ словахъ Салтыковымъ: «Гласность въ настоящее время составляетъ ту милую болячку сердца, о которой всѣ говорятъ дрожащимъ отъ радостнаго волненія голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно перекосивши рыло въ сторону...» *). Именно такъ относился каждый, желавшій казаться современнымъ человѣкомъ.

*) 1859 г., № 21.
**) 1864 г., № 49.

Когда же эти господа оставались наединѣ или сидѣли въ компаніи своихъ вѣрныхъ единомышленниковъ, они говорили далеко не то.

Секретарь. Какого вы мнѣнія?
Засѣдающій. А?
Секретарь. Какого вы мнѣнія по этому дѣлу-съ?
Засѣдающій. А? Съ кѣмъ? Съ сосѣдями?
Секретарь. Съ какими-съ?
Засѣдающій. Съ Перепелывымъ.
Секретарь. Они ужъ скончались.
Засѣдающій. А? Когда?
Секретарь. Да еще въ 1835 году-съ.
Засѣдающій. Ну, ну, хорошо, пожалуй, я подпишу.
(*Искра*, 1863 г., № 25).

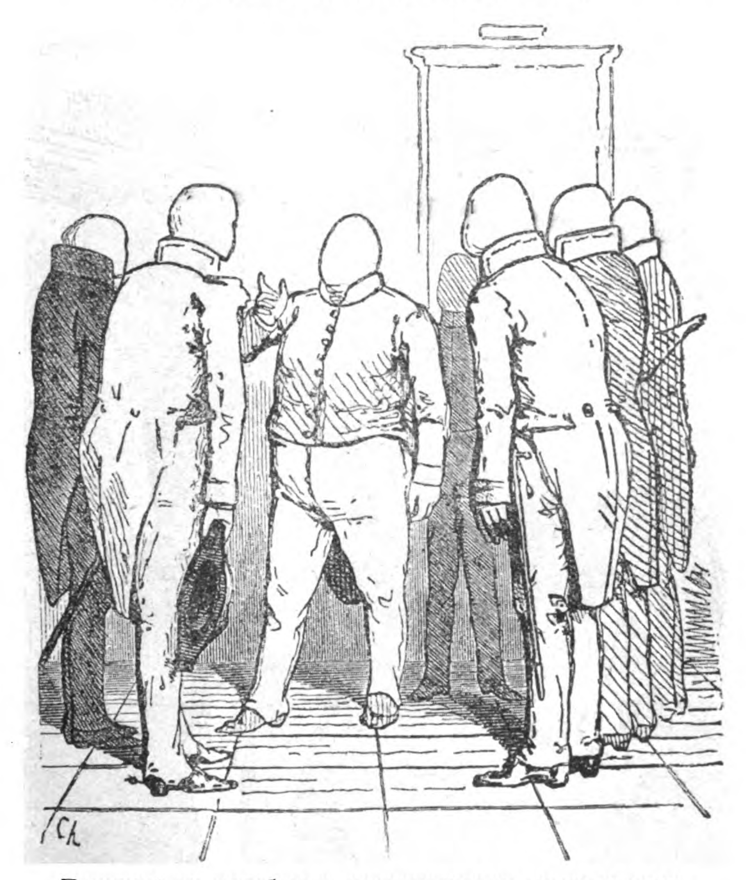
Вообще это было время, когда поневолѣ приходилось говорить о совершенно новомъ началѣ общественной жизни, и лишь очень незначительное меньшинство бюрократовъ склонялось къ гласности, но и то умѣренной и осторожной. Вотъ что находимъ, между прочимъ, по этому поводу въ *Искрѣ*, въ елисеевской «Хроникѣ прогресса»:

---

*) „Сатиры въ прозѣ“, „Собр. соч.“, II, 377.

Теперь въ нашихъ газетахъ мы уже не встрѣчаемъ восторженныхъ описаній оффиціальныхъ обѣдовъ въ честь начальниковъ губерній, фельетоны не ограничиваются дифирамбами въ честь учредителей загородныхъ гуляній и отчетами о сценическихъ представленіяхъ, съ осторожными замѣчаніями, что такой-то актеръ при полномъ сборѣ въ его бенефисъ не совсѣмъ твердо выучилъ и не совсѣмъ хорошо выполнилъ свою роль, а такая-то актриса, хотя и очень любимая публикою, къ сожалѣнію, очень рѣдко появляется на сценѣ,— нѣтъ, теперь мы уже выше всѣхъ этихъ мелочей, мы уже шагнули отъ нихъ

БЕЗОПАСНЫЙ СПОСОБЪ РИСОВАТЬ КАРРИКАТУРЫ, НЕ КАСАЯСЬ НИ ЧЬИХЪ ЛИЧНОСТЕЙ.

Подписей къ подобнымъ каррикатурамъ не полагается.
(*Искра*, 1899 г., № 14).

на неизмѣримое разстояніе. Теперь мы знаемъ на перечетъ всѣ злоупотребленія, совершающіяся въ городахъ: Крутогорскѣ, Чернорѣчкѣ, Святославѣ, въ городѣ А, въ городѣ Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, І, К, Л и пр., въ губерніяхъ:—ской, —вской, —овской, —ковской, —сковской и —осковской. Пусть эти губерніи не названы и эти города не существуютъ: случившіеся въ нихъ факты возможны, и мы радостно привѣтствуемъ ихъ литературное обличеніе. Нельзя же допустить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы города и губерніи назывались ихъ настоящими именами; это было бы не всегда удобно и привело бы вовсе не къ тѣмъ

результатамъ, какихъ мы желаемъ. Намъ нужна гласность *умѣренная*, гласность, благоразумно располагающая своими ударами: въ одномъ случаѣ называющая того, кого обокрали, въ другомъ—того, кто обокралъ, а ни въ какомъ случаѣ не называющая обоихъ; гласность никому не обидная; гласность прозрачная, какъ стихотворенія г. Фета и, какъ стихотворенія г. Фета, оставляющая въ умѣ сочувствующаго читателя вопросъ, намекающая ему о испытанномъ имъ впечатлѣніи, не разрѣшая самаго вопроса, не развивая минутнаго впечатлѣнія въ опредѣленную мысль и ясное указаніе *).

Художникъ иллюстрировалъ эту мысль очень остроумно.

А вотъ картинка изъ области провинціальнаго трепета передъ *Искрой*:

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО БЫТА.

Аграфена Өедоровна. Съ этой минуты я запрещаю въ нашемъ городѣ чтеніе „Искры", какъ запретила прежде чтеніе „Московскихъ Вѣдомостей".—Нагайку освободить отъ дежурства и возложить на него исключительно бдительный надзоръ за этими непозволительными газетами. Слышите-ли?

— Слушаюсъ-съ. (*Искра*, 1860 г., № 4).

*) 1859 г., № 22.

Ставшее теперь обыкновеннымъ явленіемъ преслѣдованіе и козни противъ «скарипадента», тогда только начиналось, зарождалось. Изъ матеріала этого рода приведу разговоръ корреспондента съ какимъ-то подрядчикомъ:

«— Что вамъ угодно?

«— Будучи наслышанъ, что вы статейки разныя о нашемъ городѣ пописываете-съ, такъ пришелъ предложить вашей милости молодцовъ, сколько пожелаете-съ, за умѣренную плату.

«— На что же мнѣ вашихъ молодцовъ?

«— А примѣрно-съ, куда выйти, все же съ ними безопаснѣе-съ»*).

Характерна также небольшая каррикатура:

„Наши собственные корреспонденты" стекаются со всѣхъ сторонъ просить у журналовъ освобожденія и надѣла землею. (*Искра*, 1861 г., № 48).

Но гласности приходилось выдерживать не только натискъ извѣстныхъ сферъ, но и прямыя препятствія со стороны цензуры, не приспособившейся къ духу эпохи великихъ реформъ. Въ этой области *Искра* дала интересный матеріалъ для характеристики прошлаго.

Вотъ, напримѣръ, степановская каррикатура полная глубокаго смысла (см. стр. 242).

Другая, его же, непосредственно касающаяся *Искры* и сатирической прессы вообще (см. стр. 243).

---

*) 1860 г., № 17.

А вотъ и необыкновенно остроумное пародированіе порядковъ, существовавшихъ тогда въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, принадлежащее карандашу неутомимаго Степанова: сидитъ солидный

Идея. Мы уговорились ѣхать вмѣстѣ?
Пресса. Извините—не могу... дала обѣтъ идти пѣшкомъ: три шага впередъ и два назадъ.
Идея. Ну такъ конный пѣшему не товарищъ—прощайте!
(*Искра*, 1862 г., № 40).

господинъ, передъ нимъ маленькій гимназистикъ въ сторонѣ классный наставникъ.

«— Что вы дѣлаете! Развѣ можно давать мальчику Грановскаго? Вѣдь, онъ тамъ Искандера расхваливаетъ...

«— Это онъ Александра Македонскаго называетъ Искандеромъ.

«— Александра Македонскаго! Знаемъ мы! Нѣтъ, батюшка, это, я вамъ скажу, просто уловка, чтобы пропустили...» *).

Двое писателей ведутъ разговоръ:

«— Есть одинъ пунктъ, гдѣ сходятся всѣ писатели, несмотря на различія своихъ убѣжденій.

«— Гдѣ-же это?

---

*) 1863 г., № 35.

«— Въ цензурномъ комитетѣ» *).

На диванѣ сидятъ двое, вдали, у стола, писатель съ рукописью.

«— Кто это?

Редакторы отстаиваютъ свои статьи.
(*Искра*, 1862 г., № 32).

«— Мертвый капиталъ.

«— Какъ такъ! Значитъ, скряга-милліонеръ?

«— Нѣтъ, литераторъ, неудобный для печати» **).

Редакторъ газеты заключаетъ условіе съ факторомъ типографіи:

«*Ред.* Ну, а за строки *помаранныя* также полагается плата?

---

*) 1863 г., № 12.
**) 1864 г., № 14.

«*Фак.* Да, мы беремъ 1½ коп. за строку.
«*Ред.* Дорого; это составитъ большой разсчетъ.
«*Фак.* Развѣ у васъ такъ много не пропускаютъ?
«*Ред.* Нѣтъ, все пропускаютъ» *).

— Куда лѣзешь, воструха? Ты начальства не безпокой—осерчаетъ. Вотъ твое мѣсто: въ этой грязи ройся.
(*Искра*, 1868 г., № 36).

Діалогъ писателя съ однимъ изъ редакторовъ:

«— Этотъ журналецъ становится очень неисправенъ; мнѣ не донесли трехъ номеровъ. А къ вамъ?
«*Ред.* Ну, меня не забываютъ: постоянно доносятъ» **).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Мих. Лемке.

---

*) 1863 г., № 23.
**) 1862 г., № 49.

ДОНАТЬЕННА

Романъ Ренэ Базэна.

Переводъ **З. Журавской.**

Часть I.

I.

Путешествіе.

Жанъ Луарнъ шелъ уже много часовъ, таща за собою въ небольшой деревянной повозочкѣ и двухъ младшихъ дѣтей, спавшихъ рядышкомъ на днѣ, и черный коробъ Донатьенны, и заступъ, и шестифунтовый каравай хлѣба, поданный ему изъ жалости. Ничего больше не осталось у него отъ родного угла, кромѣ горя, которое онъ также унесъ съ собой. Онъ шелъ на востокъ, нагибаясь корпусомъ впередъ, глядя поверхъ головъ попадавшихся навстрѣчу прохожихъ, и его худое лицо, равнодушное къ случайностямъ пути, подобно носу барки, разрѣзало свѣтъ и вѣтеръ, не мѣняя своего выраженія.

Онъ шелъ. На придорожныхъ поляхъ работники, косившіе спѣлый овесъ или перепахивавшіе землю подъ новый посѣвъ, иногда спрашивали другъ друга:

— Это кто-жъ такой будетъ?

— Да ты его знаешь; это Жанъ Луарнъ, тотъ бѣдняга, котораго описали, а потомъ и продали все имущество изъ-за Донатьенны.

— Ага, той, что была кормилицей въ Парижѣ. Она и домой не вернулась, и деньги перестала присылать. Помню, помню. Куда же это онъ идетъ?

— Сказываютъ, въ Вандею.

— Не всякому тамъ удается пристроиться,—въ Вандеѣ то.

— Понятно, не всякому. Однако, ты братъ того не-зѣвай; работа не ждетъ. Да и онъ можетъ услышать.

Въ этихъ немногихъ словахъ заключалась вся исторія Жана Луарна.

Позже, въ городѣ, двѣ женщины, сидя на порогѣ открытой двери, разговаривали между собой.

— Я увѣрена, что этотъ прохожій изъ Плека; по платью видать. А вотъ имени не припомню, не знаю. Куда же это онъ везетъ своихъ ребятишекъ?

— Должно быть, къ родственникамъ. Сегодня вѣдь, кажись, ни отпуска, ни храмового праздника нигдѣ нѣтъ.

Теперь его уже не узнавали. Онъ вышелъ за предѣлы тѣснаго круга, гдѣ часто поминалась въ разговорахъ названіе его деревни. Онъ уже сталъ неизвѣстнымъ. При видѣ его говорили только:

— Вотъ гдѣ голь-то перекатная!

И самъ онъ не узнавалъ мѣстности и людей. То не были уже поля, которыя онъ привыкъ видѣть съ дѣтства, ланды, лѣса и луга Плека,— луга, обыкновенно состоявшіе изъ двухъ зеленыхъ склоновъ, раздѣленныхъ ручьемъ, полураскрытые, какъ листы брошенной книги. То были похожіе, но другіе луга, лѣса, поля гречихи, на которыя круглыми островками ложилась тѣнь яблонь. Онъ самъ искалъ этихъ новыхъ впечатлѣній, самъ хотѣлъ, чтобы вокругъ ничто не говорило сердцу, не напоминало о прежней жизни. А теперь, когда его окружало все чужое, онъ и не смотрѣлъ по сторонамъ. Всѣ его мысли остались тамъ, позади; новыя впечатлѣнія не могли еще ослабить его горя.

Онъ шелъ. Его короткая куртка и большая шляпа съ черной бархатной каймой мѣрно раскачивались на ходу. Рука неустанно тащила тележку, за все утро онъ останавливался только однажды, чтобы запастись молокомъ для Жоэля. Солнце сильно пекло. Насѣкомыя трещали въ воздухѣ, привѣтствуя полдень. Дѣтскій голосъ окликнулъ его:

— Батя, ѣсть хочу!

Неужели онъ забылъ о тѣхъ, кого увлекалъ съ собою въ изгнаніе? Онъ, словно въ изумленіи, остановился и, не сразу сообразивъ, въ чемъ дѣло, посмотрѣлъ на свою старшую дочку, шедшую вслѣдъ за нимъ, по лѣвую сторону повозки, скрипѣвшей на каждомъ поворотѣ. Дѣвочка до того утомилась, что не могла больше двигаться. Она подогнула подъ себя лѣвую ножку, должно быть, натертую во время пути, и стояла на одной правой, словно отдыхающій аистъ. Глаза ея были полны тревоги отъ всѣхъ этихъ неожиданностей и невысказанныхъ вопросовъ, которые она задавала самой себѣ, и еще невысохшихъ слезъ, которыхъ не замѣтилъ Луарнъ. Круглая шапочка изъ черной матеріи, расшитая золочеными блестками, какія носятъ дѣти въ Бретани, покрывала всю голову дѣвочки, оставляя на виду лишь тоненькую кайму свѣтло-каштановыхъ волосъ, еще не успѣвшихъ потемнѣть. Взглядъ ея былъ печальный, недѣтскій взглядъ ребенка, нежданно окунувшагося въ жизнь, наводящій на мысль:—«Вотъ какимъ будетъ современемъ это лицо».

— Мнѣ ѣсть хочется,—повторила она.—Намъ еще далеко идти?

Отецъ, присѣвшій на корточки, чтобы потрепать по щечкѣ маленькую Ноэми, покачалъ головой и отвѣтилъ:

— О да, моя дѣвочка, еще очень далеко!

Онъ самъ не зналъ въ точности, куда идетъ, но чувствовалъ, что

идти придется далеко, ибо онъ бѣжалъ отъ воспоминаній и былой радости и горя. Онъ искалъ покоя душевнаго и не находилъ. Замѣтивъ, что лицо Ноэми исказилось отъ волненія, онъ брякнулъ:

— Съ вами, пожалуй, еще не дойдешь!—и сейчасъ же пожалѣлъ о томъ, что сказалъ.

— Мы вѣдь не сразу... Будемъ отдыхать по дорогѣ... Да вотъ мы сейчасъ сдѣлаемъ привалъ; пора ужъ закусить.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, справа, открывалась другая дорога, такая же широкая, какъ и проѣзжая, но окаймленная буками, скрещивавшими свои вѣтви надъ заброшеннымъ шоссе, поросшимъ и мхомъ, и травой. Куда вела она, эта дорога? Къ замку, къ фермѣ или къ развалинамъ? Она спускалась по скату извивами, уходила вдоль со своей двойной каймой высокихъ деревъ и сливалась съ синевою полей. Луарнъ свернулъ по ней, но, не рѣшаясь заходить далеко, поставилъ свою телѣжку въ тѣни одного изъ ближайшихъ къ дорогѣ буковъ, спустилъ нà-земь Люсьенну и досталъ каравай.

— Сядемъ въ кружокъ,—сказалъ онъ, но самъ легъ. Онъ тоже былъ голоденъ и замѣтилъ это по тому, съ какимъ удовольствіемъ жевалъ вкусный мякишъ пёлкскаго хлѣба, таявшаго во рту. Ножомъ, лезвіе котораго отъ долгаго употребленія стало тонкимъ и дугообразнымъ, онъ отрѣзывалъ себѣ большіе куски,—и поменьше,—для Люсьенны и Ноэми. Одна стояла, другая сидѣла напротивъ него. Одѣляя дѣвочекъ, онъ иногда сопровождалъ это ласковымъ словомъ или же слегка посвистывалъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе, когда темная головка Ноэми или бѣлокурая Люсьенны поворачивались въ другую сторону. Она была еще такая маленькая, эта Ноэми, что приходилось примѣняться къ ней, напускать на себя веселый тонъ, выдумывать, хотя это было ему тяжело. Она и то слишкомъ часто обнаруживала наклонность угадывать несчастье и говорить о немъ. Луарнъ, отвѣчая ей, всякій разъ думалъ: «Не надо чтобы она думала, что у нея нѣтъ больше матери». И онъ лгалъ такъ мучительно, такъ неумѣло, что она снова и снова повторяла тѣ же вопросы.

Жоэль раскричался въ телѣжкѣ, и отецъ, говоря себѣ: «какъ мнѣ уберечь *этого* во время пути?» взялъ малютку на руки и сталъ качать его на ладони, прохаживаясь взадъ и впередъ. Это подѣйствовало, и скоро, разморенные августовской жарой, отецъ и дѣти всѣ четверо спали у проѣзжей дороги, подъ изгородью изъ дикаго терна, а надъ ними, перекрещиваясь, летали и кружились мошки.

Половина перваго—часъ—половина второго...

Луарнъ вздрогнулъ и проснулся, разбуженный громкимъ голосомъ, спрашивавшимъ:

— Эй вы, кто вы такой? Что за человѣкъ?

И рука въ перчаткѣ, но плотная и сильная, схватила его за шиворотъ.

— Да, ну, просыпайтесь! Вы откуда? Изъ сосѣдней деревни?

— Нѣтъ, сударь,—съ живостью отвѣчалъ Луарнъ.

— Такъ откуда же.

— Я вамъ этого не скажу.

— Не скажете?

— Нѣтъ.

Они посмотрѣли другъ на друга. Одинъ остался сидѣть; другой отнялъ руку и выпрямился. Этотъ послѣдній только что вышелъ изъ низкаго кабріолета, запряженнаго однимъ пони. У него было круглое лицо, властные сѣро-голубые глаза и румяныя щеки. Свобода его движеній, ловкость, съ которой онъ помогъ Ноэми подняться, сразу показывали человѣка богатаго. На немъ были клѣтчатые шерстяные чулки, широкіе, короткіе панталоны, такая же шерстяная куртка и соломенная шляпа. Луарнъ сначала подумалъ, что этотъ богачъ бранитъ его за то, что онъ улегся не на проѣзжей дорогѣ и портитъ пейзажъ со своими тремя бѣдно одѣтыми ребятишками и убогой деревянной повозочкой. Вотъ почему онъ не послушался сразу, изъ независимости и угрюмаго упорства бретонца. Но скоро онъ замѣтилъ, что ошибся. Богачъ должно быть самъ былъ здѣшній уроженецъ и такого рода гордость была ему не въ диковинку. Лицо его выразило состраданіе, почти нѣжность, когда онъ про себя пересчиталъ немногіе предметы, составлявшіе скудный багажъ Луарна, и онъ сказалъ такимъ же грубымъ голосомъ, какъ и въ первый разъ:

— Мнѣ все равно, можете и не говорить, кто вы такой; оставьте при себѣ ваши тайны; я готовъ вамъ помочь, и не зная ихъ. Скажите мнѣ только, нужна ли вамъ работа?

Глаза обоихъ остановились на рукояткѣ заступа, торчавшей изъ телѣжки Луарна.

— Я только пускаюсь въ путь... Я еще нигдѣ не нанимался. Но если у васъ есть работа?.

— Есть. Идите вотъ этой дорогой. Вы тамъ скажете завѣдующему работами, что я васъ нанялъ.

Онъ пошелъ къ экипажу и опять вернулся.

— Вы скажете также женѣ моего эконома, чтобы она занялась ребятишками и пустила васъ въ ригу.

Онъ долго вопросительно вглядывался въ сѣрые глаза Луарна и наконецъ, пожалъ плечами.

— Скажите, что я васъ знаю.

Это была правда. Онъ узналъ горе, которое ничего не ждетъ отъ людей. Минуту спустя Луарнъ остался одинъ на дорогѣ, извивавшейся между двухъ рядовъ буковъ. Онъ выложилъ на ладонь свои деньги, хранившіяся въ старомъ табачномъ кисетѣ, и насчиталъ четыре франка сорокъ сантимовъ.

— Немного,—проборматалъ онъ.—И вправду лучше мнѣ сейчасъ же приняться за работу, разъ тутъ можно что-нибудь заработать.

Онъ не чувствовалъ къ этому никакого желанія; его заставляла только нужда. Онъ вздохнулъ, вспомнивъ, какъ онъ торопился вставать прошлую зиму и пахать и сѣять, чтобы принять веселѣе и пышнѣе, и радостнѣе ту, которая не вернулась.

Онъ испытывалъ непреодолимое желаніе подѣлиться своимъ рѣшеніемъ, услышать слово одобренія, какъ бывало прежде, почувствовать, что онъ не одинъ, и, не имѣя возлѣ себя никого, кто бы могъ понять его, кромѣ Ноэми, онъ нагнулся къ дѣвочкѣ, разрывавшей мохъ на откосѣ, устраивая себѣ пещеру.

— Малютка Ноэми, знаешь, что я хочу сдѣлать?

Довѣрчивая юность, нѣжность, польщенное самолюбіе засвѣтились въ ея улыбкѣ и этотъ свѣтъ проникъ ему въ душу, какъ прежде, когда улыбалась Донатьенна.

— Я думаю здѣсь остаться на нѣсколько дней; ты можешь играть и отдохнуть. Согласна?

Длинныя рѣсницы опустились надъ карими глазками и отвѣтили:

— Да, охотно.

— У тебя будетъ домъ. А я буду опять работать. Вѣдь надо же мнѣ опять приниматься за работу. Не правда ли?

— О, да!

Смыслъ и вопроса, и отвѣта былъ не вполнѣ ясенъ для дѣвочки, вѣдь ей было всего шесть лѣтъ, но улыбка ея сразу исчезла. Просіявшее было личико вспыхнуло. Осталась только пара большихъ глазъ, замершихъ въ ожиданіи, въ одной сосредоточенной мысли.

— А потомъ,—спросила она,—мы вернемся въ Ро-Гриньонъ?

— Нѣтъ, моя милочка.

Личико Ноэми омрачилось.

— Такъ мы пойдемъ къ мамѣ, туда, гдѣ она?

— Можетъ быть.

— Въ Парижъ?

Онъ отвернулся, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Потомъ, можетъ быть... Я не говорю, нѣтъ... Попозже, дѣтка.

Луарнъ думалъ: «Какъ она уже умѣетъ разсуждать! Съ ней надо держать ухо востро. Она страдаетъ почти, какъ большая».

— Ну, ребятки, вставайте,—скомандовалъ онъ вслухъ.—Идемте дальше. Надо жить.

Они стали спускаться между двумя рядами буковъ, посаженныхъ нѣкогда для того, чтобы укрывать въ своей тѣни проходящее войско, маленькіе, тщедушные, подъ навѣсомъ толстыхъ вѣтвей и скрипъ тележки смѣшался съ трескомъ кузнечиковъ.

Былъ теплый безвѣтреный день, какіе океанъ даритъ иногда бретонской землѣ для того, чтобы могли созрѣть рожь и яблоки.

Еще до заката солнца, котораго въ августѣ приходится долго ждать, Луарнъ принялся за работу и дѣлалъ свое дѣло не хуже другихъ. Работа была несложная. Онъ надѣлъ деревянные башмаки, которые приставъ, продававшій его имущество въ Ро-Гриньонъ, разрѣшилъ ему взять съ собою и вмѣстѣ съ пятьюдесятью другими рабочими, какъ онъ, захожими людьми и поденщиками, чистилъ прудъ, высохшій отъ лѣтнихъ жаровъ. Вся толпа рабочихъ топталась на узкомъ пространствѣ посреди грязной лоханки въ нѣсколько гектаровъ величиною, мѣстами мягкой и топкой, мѣстами затвердѣлой и потрескавшейся, покрытой корнями, сухими вѣтками, прошлогодними листьями, липкой пѣной, ракушками, какія водятся въ прѣсной водѣ, изрытой червями, направлявшимися къ еще сырой серединѣ пруда и проводившими ходы на его вязкой поверхности. У каждаго изъ рабочихъ была своя тачка; каждый медленно подвигался впередъ, раскапывая заступомъ илъ толщиною въ два фута, а затѣмъ, наполнивъ тачку, выкатывалъ ее на берегъ и тамъ опорожнялъ. Здѣсь были люди всѣхъ возрастовъ, изъ разныхъ мѣстъ, смѣсь всевозможныхъ одеждъ, нарѣчій и типовъ—волки, лисицы, собаки, кабаны, ягуары, но въ каждомъ взглядѣ читалось одно и то же предупрежденіе: «берегись меня!» Они копали илъ или отдыхали, какъ имъ вздумается, даже не отвѣчая на замѣчанія подрядчика, высокаго, толстаго человѣка въ блузѣ, похожаго на мясника, раздувшагося отъ жира. Они уже знали другъ друга, хотя были наняты только вчера и пришли со всѣхъ четырехъ сторонъ горизонта; они перекликались, ругали стебли кувшинокъ, толстые, какъ канаты которые приходилось отрывать отъ дна, ругали скверный запахъ, хозяина, солнце; порой, оглушивъ ударомъ лопаты завязшаго въ илѣ угря, съ хохотомъ швыряли его на сосѣдній лугъ. Многіе бросали работу безъ объясненія причинъ и уходили. Болѣе нуждающіеся продолжали копать и вырабатывали дневную плату за другихъ.

Изъ этихъ былъ и Жанъ Луарнъ. Онъ подошелъ своей медленной поступью, глядя съ одинаковымъ равнодушіемъ и на прудъ, куда ему нужно было спуститься, и на товарищей, уже спустившихся раньше его. Обмѣнявшись двумя словами съ надсмотрщикомъ, онъ взялъ тачку и полѣзъ въ лужу. И съ той поры онъ, не переставая, копалъ и раскапывалъ илъ увѣренными и мѣрными взмахами заступа, словно машина, и передъ нимъ лежалъ уже большой вычищенный кусокъ. Не все ли ему было равно, копаться въ грязи или жать, или разбивать на пашнѣ комья черной земли, теперь, когда работа вообще утратила для него всякую привлекательность, когда его выгнали изъ дому и работать приходилось изъ-за куска хлѣба, который ѣшь одинъ! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, никто не спросилъ его имени, не заговаривалъ съ нимъ. Подъ стукъ заступовъ думалось не хуже, чѣмъ на пустынной дорогѣ. Его даже утѣшала немного мысль, что его ребятишки въ хорошихъ

рукахъ. На фермѣ ихъ встрѣтила старушка, наказывавшая потомъ другой женщинѣ, совсѣмъ еще молодой:

— Это бѣдные, Анна. Ты за ними ходи, какъ за своими; супу имъ свари, дѣвочекъ уложи въ постель, а малютку положи возлѣ себя, въ коляску. Такая жалость, когда у дѣтей нѣтъ матери.

Луарнъ не могъ сказать ей правды и сказалъ, что дѣти остались сиротами. И за работой онъ видѣлъ лицо красивой дѣвушки, которая съ такой материнской лаской прижала къ груди Жоэля, совершенно не думая о томъ, сколько лишнихъ хлопотъ онъ ей доставитъ.

— Ребятишкамъ тамъ будетъ отлично, навѣрное.

И отецъ ихъ не жалѣлъ, что нанялся на работу въ самомъ началѣ пути.

Онъ копалъ, не останавливаясь, но, подымая голову, смутно дивился, что мѣста вокругъ все какъ будто знакомыя. За тростниками, поблекшимъ кольцомъ окаймлявшими прудъ, низко надъ горизонтомъ стояло солнце, и къ нему со всѣхъ сторонъ тянулись луга вперемежку съ ландами, кустарникомъ, широкими. свѣтлыми и темными выгонами, по которымъ бродили овцы и вѣтеръ, замыкавшіеся въ дали буковыми аллеями, словно грядами круглыхъ скалъ. Позади такой гряды виднѣлись замокъ и ферма, выстроенные изъ изъ одного и того же гранита, оба старинные и словно сросшіеся другъ съ другомъ. Среди этого пейзажа, напоминавшаго покинутую бухту, откуда. отхлынула вода, изрывъ все дно, Луарнъ не чувствовалъ себя чужимъ. Конечно очертанія луговъ и ландъ были уже не тѣ, какія онъ оставилъ за собой, но они такъ же хватали за сердце и надъ ними носилось, подымаясь и затихая, вмѣстѣ съ приливомъ, то же мѣрное дыханіе моря Что-то родное было во всемъ этомъ, словно онъ не совсѣмъ еще ушелъ изъ дому. И Луарнъ думалъ сначала, что это поможетъ ему переносить жизнь.

Но спустились первыя сумерки, быстрыя и унылыя. Навстрѣчу имъ поднялись испаренія изъ пруда и сосѣднихъ полей. И когда свѣтъ погасъ, эта мѣстность стала такъ дика и убога, что у Луарна сжалось сердце. Опершись на заступъ, онъ смотрѣлъ, какъ красный свѣтъ скользилъ по вершинамъ буковъ и медленно спускался по ихъ словно закопченнымъ стволамъ. Въ той сторонѣ гдѣ закатъ, было и его горе. Тамъ гдѣ-то во тьмѣ на пригоркѣ осталась маленькая ферма, гдѣ живетъ теперь другая семья. Другая! Бѣдный Луарнъ! Какъ это близко отъ тебя. Ребенку не въ трудъ дойти. Вѣтеръ могъ бы донести до тебя запахъ *твоей* ржи, которую будутъ жать чужіе. Эти чужіе заняли твое мѣсто. Они будутъ спать на твоей постели. Смотри, тамъ впереди, не плёкскій ли это лѣсъ? Не тотъ ли это самый часъ. когда дверь отворялась, чтобы впустить усталаго труженика, и ты сразу видѣлъ и стѣны, и огонь, и любимую женщину, и дѣтскія кровати, все

что составляло для тебя жизнь? Бѣдный Луарнъ! Былые поцѣлуи сочатся кровью, какъ раны, вмѣстѣ съ сумерками спускается страхъ за будущее, со свѣтомъ дня гаснетъ и способность прощать...

«Нѣтъ, долго мнѣ здѣсь оставаться нельзя,—думалъ Луарнъ;—это мнѣ слишкомъ напоминаетъ домъ!

— Эй ты, бретонецъ, у тебя горе, что ли?—сказалъ чей-то голосъ.

Луарнъ медленно повернулъ голову и увидалъ на берегу на травѣ, курносаго булонца, надѣвавшаго синюю холщевую блузу, сброшенную для работы.

— Съ чего ты взялъ, что у меня горе?

— Чего же ты сидишь, когда всѣ ушли, вотъ рохля-то?

Бретонецъ только пожалъ плечами, и обидчикъ быстро удалился, заложивъ руки въ карманы штановъ, такъ что верхняя часть ихъ оттопыривалась какъ женская юбка. Дѣйствительно всѣ эти движущіяся тѣни и группы, расходившіяся въ разныя стороны, все это были товарищи по работѣ. Луарнъ послѣднимъ вышелъ изъ пруда, вытеръ пучкомъ травы руки и деревянные башмаки и пошелъ на ферму, гдѣ его ждали дѣти. Ночь онъ провелъ въ хлѣву на соломѣ.

Такъ прошло семь дней. На восьмой поднялся теплый туманъ, отъ котораго увядали листья, а люди приходили въ нервное состояніе. И наканунѣ, и третьяго дня булонецъ не разъ принимался подтрунивать надъ Жаномъ Луарномъ, который за полдникомъ не садился къ столу вмѣстѣ съ другими, но ѣлъ одинъ, поодаль отъ всѣхъ, и никогда не смѣялся. Онъ видѣлъ, что Луарнъ сталъ еще угрюмѣе и молчаливѣе, чѣмъ былъ вначалѣ, и, не умѣя задѣть его, или, по крайней мѣрѣ разсердить, началъ выдумывать, такъ какъ не зналъ ничего опредѣленнаго объ этомъ бродягѣ, который ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

— Ну, братцы, вотъ и работа наша наполовину готова. И слава Богу! Я такъ не пожалѣю ни о ней, ни о моемъ сосѣдѣ по лужѣ... Онъ должно быть укокошилъ кого-нибудь, этотъ бретонецъ, что онъ такъ мраченъ, если только жена...

— Замолчи!—сдавленнымъ голосомъ выговорилъ Луарнъ.

Но тотъ, возбужденный, видя, что онъ наконецъ задѣлъ за живое бретонца, докончилъ!

— Если только жена его не бросила!

— Она умерла!—крикнулъ Луарнъ.

— Не кричалъ бы ты объ этомъ такъ громко и свирѣпо, если бы это была правда,—насмѣшливо возразилъ булонецъ.—Смотрите всѣ...

Онъ не договорилъ. Луарнъ бросилъ заступъ, подтянулъ повыше кожаный поясъ, придерживавшій его панталоны, ударилъ два раза въ ладоши въ знакъ нападенія и съ протянутыми руками, словно внезапно выросшій, пошелъ на булонца. Тотъ насторожился и весь подобрался прижимая къ груди кулаки, а глаза его стали совсѣмъ безумные отъ гнѣва. Поднялся шумъ, крики: «браво»! Иные съ ненавистью

кричали «убей его, булонецъ! убей его»! Затѣмъ наступила полная тишина. Въ этомъ циркѣ съ бортами изъ ила пятьдесятъ человѣкъ, затаивъ дыханіе, ждали удара. Ждать пришлось не долго. Булонецъ головой впередъ кинулся на Луарна, чтобъ ударить его въ животъ. Уклонившись въ сторону, Луарнъ избѣжалъ удара; внезапно присѣвъ, онъ схватилъ противника на бѣгу поперекъ тѣла, поднялъ на воздухъ судорожно сжатыми кулаками, перекинулъ черезъ плечо и, трижды подбросивъ кверху,—тотъ каждый разъ вскрикивалъ,—швырнулъ его въ прудъ, гдѣ бродяга растянулся, приплюснувшись лицомъ къ илу, въ пяти метрахъ отъ берега.

Къ Луарну уже подступали другіе, кто съ заступомъ, кто съ ножомъ. Онъ повернулся къ нимъ.

— Чья очередь теперь?

— Моя,—отвѣтило нѣсколько голосовъ заразъ.

Но никто не рѣшался сразиться съ бретонцемъ, который отряхивалъ свои пальцы, выпачканные грязью, и, весь дрожа, напрягшись каждымъ мускуломъ, готовый начать сызнова ждалъ новаго противника.

Увидавъ, что никто не рѣшается помѣряться съ нимъ силой, онъ поднялъ заступъ и прошелъ черезъ толпу, разступившуюся передъ нимъ.

— Куда ты бретонецъ?—спросилъ надсмотрщикъ, который смотрѣлъ на борьбу, какъ на интересное зрѣлище, но теперь опять принялъ начальническій тонъ.—Куда это ты собрался? Протяни руку твоему товарищу-булонцу и принимайся всякъ опять за работу.

Онъ немного побаивался своихъ рабочихъ, какъ vaqueros предпочитаютъ издали слѣдить за быками, которыхъ подготовляютъ къ бою. Но Луарнъ, раскачивая заступъ на плечѣ, продолжалъ свой путь къ фермѣ, которая едва виднѣлась во мракѣ за линіями деревьевъ.

— Я пойду дальше,—бормоталъ онъ про себя.—Не хочу я, чтобы со мной говорили о ней. Ахъ, какъ она меня преслѣдуетъ! Какъ они скоро угадали мое горе! Надо уходить.

Когда онъ сказалъ, что уходитъ и все было уже готово, и Люсьенна съ Жоэлемъ снова уложены въ ручную телѣжку, Луарнъ, стоя на дворѣ фермы, у входной двери, гранитный сводъ которой позеленѣлъ отъ зимней сырости, и снимая шляпу, чтобы проститься, замѣтилъ въ глубинѣ комнаты высокую, красивую работницу. Она плакала. Она такъ нѣжно вглядывалась въ дѣтей, такъ ловила прощальные привѣты Люсьены и Ноеми; ей такъ хотѣлось бы услыхать хоть слово и отъ Жоэля, съ которымъ она столько возилась и нянчилась, что въ душѣ Луарна зашевелилось смутное сожалѣніе, почти нѣжность. Онъ думалъ: «Эта не могла бы ихъ покинуть, если бы она была ихъ матерью!» Но сейчасъ же онъ рѣшилъ, что это дурная мысль и простившись со старой фермершей, стоявшей всѣхъ ближе къ порогу, потянулъ за

орѣховую вѣтку, служившую рукояткой дышла телѣжки, и на дворѣ, заглушенные навозомъ, устилавшимъ землю, раздались тяжелые, удалявшіеся шаги и другіе, совсѣмъ легкіе, а позади скрипъ колесъ.

Эту ночь Луарнъ спалъ уже на другой фермѣ, менѣе гостепріимной, чѣмъ только что покинутая ими. Здѣсь его попрекнули позднимъ часомъ прихода, заставили ждать, но все-таки не прогнали. Въ этомъ дозволеніи переночевать, выспаться на соломѣ былъ страхъ—страхъ мщенія, поджога, злобы обиженнаго, но была и святая жалость, остатокъ божественнаго милосердія, которое и сейчасъ еще подъ вечеръ открываетъ путнику столько дверей въ каждой французской деревнѣ. И на другой день, и всю недѣлю подрядъ онъ безъ труда находилъ себѣ кровъ. Онъ шелъ къ востоку, никому не говоря, куда онъ идетъ, и въ особенности, почему онъ пустился въ путь. Онъ говорилъ: «я ѣду въ Вандею на уборку картофеля». И для простыхъ душъ, задававшихъ ему вопросъ, этого было достаточно. Вандея, французская страна, вся позлащенная солнцемъ, слыветъ страной изобилія среди жителей полуострова.

Погода почти все время стояла хорошая. Луарнъ шелъ два-три дня, потомъ дѣлалъ привалъ на какой-нибудь фермѣ, чтобы заработать себѣ на дальнѣйшій путь. Не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ всегда ужъ можно было услыхать утромъ храпъ молотилокъ; достаточно было придти и спросить: «я вамъ не понадоблюсь?» чтобы быть принятымъ въ толпу мущинъ и женщинъ, окружавшихъ машину и прислуживавшихъ ей. Въ этой толпѣ, какъ на свадьбѣ, всякому находилось мѣсто. Повсюду, несмотря на усталость хозяекъ, которымъ приходится готовить обѣдъ на всю эту ораву, охотно возились съ дѣтьми и всегда кто-нибудь брался сварить имъ супъ и выстирать пеленки для маленькаго. Мущины почти всегда завидѣвъ телѣжку, говорили: «нѣтъ». Женщины говорили: «да» и впускали путниковъ и ставили телѣжку въ тѣни скирдъ, трепетавшихъ отъ сосѣдства ремней и колесъ молотилки. Но, провожая Луарна, каждая неизмѣнно предупреждала его, жалостливо поглядывая на Жоэля:

— Вы его уморите, голубчикъ! Когда настанетъ осень, вы увидите, что будетъ. Нельзя обойти всю Францію съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ.

Но, какъ ни медлителенъ былъ его путь, все же онъ подвигался впередъ. Городовъ Луарнъ старался по возможности избѣгать, отчасти изъ робости, ибо онъ былъ не мастеръ на разговоры, отчасти также изъ страха полиціи, чувствуя, что онъ внушаетъ подозрѣніе, какъ вообще бродяга осѣдлому человѣку. Онъ часто миновалъ деревни завидя у околицы столбъ съ надписью: «Просить милостыню воспрещается». И хотя онъ не просилъ милостыни, онъ зналъ, что его готовность работать не будетъ принята въ разсчетъ, что онъ бродяга, существо неопредѣленное, принадлежащее къ огромной ассоціаціи ни-

щеты, праздношатайства и воровства, члены которой издревле пользуются неизмѣнной и заслуженной дурной репутаціей. Онъ тѣмъ болѣе внушалъ подозрѣніе, что мѣста вокругъ пошли уже совсѣмъ чужіе.

Здѣсь его куртка, вышитая чернымъ бархатомъ, большая шляпа, штаны изъ синяго драгета, слишкомъ широкіе и вытершіеся привлекали любопытство; здѣсь эта старинная французская одежда была уже забыта. Самая почва измѣнилась. Пашня, жирная отъ глины, уже не имѣла того свѣтлаго или фіолетоваго оттѣнка, какъ въ Бретани, и не разсыпалась въ рукахъ порошкомъ, словно соль; эта была уже не садовая, но огородная земля. Широкіе выгоны, никуда не ведущія аллеи, пустыри, гдѣ хозяинъ вѣчно отсутствуетъ, попадались все рѣже; и меньше было слѣдовъ работы вѣтра, меньше искривленныхъ вязовъ и больше прямыхъ дубковъ. Въ особенности измѣнился видъ холмовъ; изъ нихъ уже не торчали обнаженныя скалы; съ нихъ не сбѣгали шумные ручьи; они не страдали отъ нордъ-веста и приносили жатвы, не погибавшія отъ обваловъ. Ржаныхъ полей почти совсѣмъ не было видно, точно также и терна; верескъ попадался рѣдко, зато чаще пахло мятой; здѣсь совсѣмъ не чувствовалось соленаго, бодрящаго вкуса въ воздухѣ, влагающаго въ сердца духъ предпріимчивости, и вѣтеръ налеталъ неправильными порывами, и не слышно стало шума прибоя, и пѣсня вѣтра доносилась урывками.

Луарнъ зналъ, что наступили дни разставанія медленнѣе, шелъ и чаще взглядывался, словно ища дружескаго отвѣтнаго взгляда.

Во время одного изъ такихъ медлительныхъ переходовъ путниковъ захватилъ дождь. Онъ полилъ какъ изъ ведра. Луарнъ укрылся подъ откосомъ во рву, у поросшей травою дороги, поставивъ телѣжку съ ребятишками подъ защиту дуплистаго пня, изъ мертвой коры котораго выбивались вверхъ зеленые побѣги. Ноэми прижалась къ самому пню, уткнувшись головой въ колючки. Луарнъ поодаль, почти незащищенный, покорно согнувшись, смотрѣлъ на траву и ждалъ конца дождя. Но гроза усиливалась; вѣтеръ грозилъ ихъ сбросить съ откоса. Ровъ наполнился водой; мокрые листья не защищали болѣе отъ дождя; намокшее платье прилипало къ плечамъ. Луарнъ замѣтилъ, что малютка совсѣмъ похолодѣлъ, онъ сбросилъ съ себя куртку и накинулъ ее на дѣтей. Увы! воздухъ становился все холоднѣе и все сильнѣй дрожали дѣтскія ручки, поддерживавшія куртку. Часъ спустя, дотронувшись до тѣльца Жоэля, отецъ замѣтилъ, что ребенокъ весь горитъ. Тогда, укутавъ курткой младшихъ дѣтей, какъ одѣяломъ, онъ вытащилъ повозку изъ канавы и вернулся на большую дорогу. Вопреки обыкновенію, онъ рѣшилъ зайти въ ближайшую деревню и просить помощи; этотъ сильный мужчина пугался легче самой заботливой матери, не умѣя разбираться въ дѣтскихъ болѣзняхъ. Ноэми сѣменила ножками рядомъ съ нимъ, поднявъ юбку на голову. Дождь шелъ такой частый, что ничего нельзя было разглядѣть, кромѣ двухъ изго-

родей, справа и слѣва. Луарнъ думалъ: «Только бы мнѣ найти пріютъ и помощь для малютки!»

Онъ не зналъ, какъ называется ближайшее мѣстечко. Къ счастью, черезъ три четверти часа ходьбы Ноэми и отецъ ея увидѣли по сторонамъ дороги крыши, по которымъ барабанилъ дождь въ ореолѣ разлетающейся кругомъ дождевой пыли.

— Наконецъ,—сказалъ Луарнъ,—ты отогрѣешся, моя бѣдняжка Ноэми, а я уложу въ постель твоего братца, у него лихорадка.

Онъ почти бѣжалъ, хотя ему мѣшали панталоны, прилипавшія къ колѣнамъ. Двѣ женщины, смотрѣвшія изъ оконъ на бѣжавшій посреди дороги ручей и на небо, гдѣ боролись между собою солнце, вѣтеръ и тучи, замѣтивъ Луарна съ повозочкой и его движеніе въ ихъ сторону, поспѣшили опустить шторы. Два раза повозочка сворачивала направо и дважды возвращалась на средину дороги. Третья женщина стояла на порогѣ двери и метлой отгоняла воду, залившую полъ сѣней. Она сразу поняла, какая опасность ей угрожаетъ, и поспѣшила предупредить:

— Проходите мимо, мнѣ нечего дать вамъ.

Луарнъ, у котораго зубы стучали отъ холода, началъ:

— Видите ли, у меня ребенокъ...

— У меня тоже дѣти. Проходите.

Дальше жилъ столяръ, который при видѣ Луарна ни на минуту не переставалъ строгать, мѣрно нагибаясь и разгибаясь въ рамкѣ круглаго открытаго окна. Когда бѣднякъ остановился посрединѣ дороги, не рѣшаясь пройти ничтожное разстояніе, отдѣлявшее его отъ столяра, этотъ послѣдній добродушно оглянулся на него черезъ плечо, но это добродушіе означало только, что ему пріятно сидѣть въ сухой комнатѣ, засунувъ ноги въ стружки, и быть обезпеченнымъ работой на цѣлый годъ. Онъ, конечно, не думалъ этимъ обидѣть жалкаго бродягу, растеряннаго и блѣднаго, который спрашивалъ его:

— Нельзя ли здѣсь пристать у кого-нибудь.

— Въ нашей общинѣ, другъ мой, нищенство запрещено.

У него было лицо отставного солдата, превратившагося въ рантье круглое, съ длинной эспаньолкой, розовое, съ бѣлыми бликами, словно фарфоровое

— Я не прошу милостыни,—возразилъ Луарнъ.—У меня ребенокъ захворалъ.

Изъ глубины лавки чей-то голосъ замѣтилъ:

— Можетъ быть, заразной болѣзнью?.. Смотри, Александръ, нельзя знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Молчи, мать,—бросилъ столяръ.

И повернулся лицомъ къ Луарну. Тотъ наклонился надъ повозкой и мокрыми руками, на которыя спускались намокшіе рукава сорочки, поднялъ куртку, прикрывавшую Жоэля и Люсьенну. Дождь

не переставалъ. Изъ-подъ куртки выглянуло личико дѣвочки съ живыми смѣющимися глазами, но малютка лежалъ неподвижно, желтый, какъ воскъ.

— Посмотрите лучше сами,—сказалъ Луарнъ.

Столяръ сдѣлалъ выразительную гримасу. Онъ видывалъ, какъ умираютъ грудныя дѣти.

— У насъ въ городкѣ есть два врача,—сказалъ онъ,—попытайте счастья. Одинъ, старичокъ, не дурной человѣкъ, немножко реак...

— Они не захотятъ пріютить меня, да мнѣ и не это нужно. Мнѣ надо, чтобы кто-нибудь принялъ насъ, чтобы ребенка можно было уложить въ постель.

— Ужъ не знаю.

— Больница у васъ есть?

— Есть одна, только для здѣшнихъ. Если бы пришлось принимать всѣхъ проходящихъ, вы понимаете!..

Луарнъ выронилъ куртку и, сжавъ кулакъ, подъ дождемъ, хлеставшимъ его по лицу, воскликнулъ:

— Жестокіе, безсердечные люди! Куда же мнѣ дѣваться? Не могу же я дать ему умереть!

— Сами вы жестокій человѣкъ. Чего васъ носитъ по дорогамъ? Неужели вы не могли найти себѣ работу вмѣсто того, чтобы ходить и просить милостыни, да еще съ ребятишками! Проходите, знаемъ мы васъ...

— Эй вы, прохожій! —произнесъ хриплый голосъ. Гдѣ ваши бумаги?

Толстякъ въ вязаной курткѣ, съ самоувѣренными движеніями, давно уже слѣдилъ за бретонцемъ, который теперь повернулъ повозку, чтобы выйти опять на большую дорогу.

— Да-съ, пожалуйте-ка ваши бумаги! Вы не отвѣчаете? У васъ ихъ нѣтъ? Послушайтесь добраго совѣта, уходите-ка лучше по добру по здорову!.. Пошевеливайтесь живѣе.

Полевой сторожъ захохоталъ презрительнымъ смѣшкомъ мелкаго чиновника, въ глазахъ котораго законъ всегда правъ, который чувствуетъ за собой силу и не помнитъ завѣтовъ Христа. Онъ всегда предлагалъ этотъ вопросъ: «гдѣ ваши бумаги?» и неизмѣнно съ тѣмъ же успѣхомъ: бѣднякъ уходилъ, избавляя общину отъ своего присутствія и своихъ лохмотьевъ. И этотъ таковъ-же. Сначала было попробовалъ протестовать, потомъ сообразилъ, испугался и опять впрегся въ свою телѣжку, поднявъ дышло изъ грязи. Сторожъ смѣялся, заложивъ руки въ карманы жилета. Но Жанъ Луарнъ вдругъ выпрямился. Страхъ, что ребенокъ умретъ, отогналъ всю кровь съ его лица къ сердцу; глаза его выступили изъ орбитъ и свѣтились какимъ-то особеннымъ блескомъ. Онъ однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ ручей, образовавшійся посрединѣ улицы, подошелъ къ дому столяра

и, ломая свои костлявыя руки, прижавшись животомъ къ низкой стѣнѣ, всѣмъ корпусомъ протянулся къ окну. Столяръ пересталъ строгать.

— Другъ мой, я тебя не знаю, но ты сжалишься надо мной.

Горе заставило позабыть всѣ условности, и онъ перешелъ на «ты».

— Если у тебя есть ребенокъ, пожалѣй моего, пойдемъ со мною.

— Зачѣмъ?

— Я тебѣ скажу зачѣмъ, только пойдемъ?.. Я такой же человѣкъ, какъ и ты, и у меня былъ свой домъ, а теперь ничего не осталось!..

Такой крикъ истиннаго горя, такой призывъ къ братству услышишь не часто. Столяръ былъ взволнованъ. Душа его, обыкновенно спавшая, дрогнула; волненіе передалось рукѣ, которая стиснула горсть стружекъ и сжала ее точно братскую руку. Но сознательная воля, менѣе податливая и стѣсняемая присутствіемъ постороннихъ свидѣтелей, медлила. А Луарнъ, не получая отвѣта и видя передъ собой только старика рабочаго, который сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову и уйдя по колѣно ногами въ стружки, отшатнулся и отошелъ.

И опять жалобно заскрипѣли колеса убогой повозки. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и ста шаговъ, какъ услыхалъ за собою топотъ: кто-то спѣшилъ, стараясь нагнать его. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, думая, что, можетъ быть, это полевой сторожъ рѣшилъ его самолично выпроводить изъ мѣстечка, но къ его оледенѣвшему отъ дождя плечу скоро прикоснулось другое плечо; кто-то шелъ рядомъ съ нимъ стараясь попадать въ ногу, и спрашивалъ:

— Ну что тамъ у тебя? Сказывай!

— О теперь ничего нѣтъ... Было...

Онъ все шелъ, даже не оглядываясь на того, кто окликнулъ его, такъ что его спутникъ принялъ его за сумасшедшаго.

— Что съ тобой, бѣдняга?—спросилъ онъ опять.—Я бросилъ работу, чтобы помочь тебѣ. Что тебѣ нужно.

Мѣстечко осталось уже позади. Они шли по грязной дорогѣ—столяръ, наклонивъ голову и сосредоточившись, какъ человѣкъ, готовый выслушать горестное признаніе; Луарнъ, наоборотъ, какъ всегда, вытянувъ шею по вѣтру; обоихъ хлесталъ дождь, который то утихалъ, то начиналъ лить сильнѣе. Наконецъ, бретонецъ заговорилъ, тихо, шопотомъ, словно обращаясь къ бѣжавшимъ по небу тучамъ, по временамъ обрывая свою рѣчь и умолкая надолго, когда у него не хватало мужества или когда ему становились страшно произнести имя Донатьенны.

— Какое горе со мной приключилось, этого я не могу тебѣ разсказать... Но, повѣрь мнѣ, вина не моя,.. Я работалъ, я никому не дѣлалъ зла; у меня былъ свой уголъ, славный домикъ... А теперь все, что у меня осталось, здѣсь, вотъ въ этой телѣжкѣ... И мой крошка Жоэль умираетъ; подыми куртку, которою я укрылъ его, тронь его щечку;

ты видишь, онъ непремѣнно умретъ, если не найдется сострадательная душа, которая позаботится о немъ. Укажи мнѣ кого-нибудь.

Столяръ подумалъ съ минуту, оглядѣлся и сказалъ:

— Свернемъ сюда, мнѣ пришла мысль.

Они повернули налѣво, въ ту сторону, гдѣ земля поднималась, образуя длинный обнаженный бугоръ, немного напоминавшій холмы Бретани, увѣнчанный вдали группой сосенъ. Лучъ солнца пробился сквозь тучи и заигралъ по всей измокшей равнинѣ. Луарнъ, сжимая руку Ноэми, продолжалъ:

— Я могу взять съ собой только эту—она ужъ большая дѣвочка, и Люсьенну, которая можетъ немножко ходить. Но когда я найду работу и соберу немного денегъ, я приду за Жоэлемъ и заплачу тому, кто пріютитъ его... Обѣщаю тебѣ...

— Куда ты идешь?—спросилъ его спутникъ.

— Искать работы.

— Гдѣ же ты думаешь найти ее?

— Въ Вандеѣ.

— Это говорятъ всѣ проходящіе, а потомъ ихъ и въ глаза не увидишь.

Тѣмъ не менѣе столяръ проникся довѣріемъ къ Луарну, выслушавъ его разсказъ. Его сѣдая эспаньолка время отъ времени приподнималась; онъ заглядывалъ черезъ заборъ, словно кого-то отыскивая. Дождь пересталъ, вѣтеръ стихъ, земля дымилась. Люди выходили изъ домовъ, чтобы наскоро докончить прерванную ливнемъ работу; одни подбирали каштаны, другіе боронили, третьи выводили стадо на пастбище. Столяръ зналъ почти каждаго въ лицо и, не останавливаясь, шелъ дальше. А небо все прояснялось. Наконецъ, онъ увидѣлъ на полѣ двухъ женщинъ, серпами жавшихъ траву. Онѣ его не замѣтили. Онъ позвалъ ихъ, онѣ подошли. Онъ показалъ имъ ребенка, горѣвшаго въ лихорадкѣ, и объяснилъ, въ чемъ дѣло прибавивъ:

— Я ручаюсь за этого человѣка, сдѣлайте, что онъ проситъ.

Старшая изъ женщинъ спросила:

— Сколько онъ дастъ?

Поднялся споръ. Но пока они торговались, младшая нагнулась, взяла ребенка на руки и прижала его къ груди, говоря:

— Я беру его себѣ!

Это было усыновленіе...

Часъ спустя Луарнъ спускался съ холма, гдѣ на вершинѣ между сосенъ стояла ферма, пріютившая Жоэля. Отойдя на двадцать шаговъ, такъ что самому возвращаться было уже неудобно, онъ сказалъ Ноэми:

— Поцѣлуй его хорошенько!

*

Дѣвочка побѣжала назадъ и скоро вернулась.

— Бѣги еще разъ, — сказалъ ей отецъ. — Она опять вернулась.

И въ третій разъ онъ послалъ ее, говоря:

— Приласкай его хорошенько, какъ будто ты долго не увидишь его, цѣлую недѣлю!

Плана своего онъ дѣвочкѣ не объяснялъ. Она вернулась вся радостная.

Тогда онъ приблизился къ столяру, провожавшему его, и снялъ шляпу, безъ словъ благодаря его. Потомъ спросилъ:

— Куда мнѣ теперь идти?

Тотъ оказался еще малодушнѣе Жана Луарна. Онъ совсѣмъ не могъ говорить, только указалъ рукой по направленію къ востоку.

И Луарнъ спустился съ холма съ двумя дѣтишками вмѣсто трехъ.

Пока было свѣтло, онъ шелъ скоро, скоро, не оборачиваясь. Онъ былъ какъ безумный. Онъ разговаривалъ съ неодушевленными предметами. Онъ говорилъ деревьямъ: «Смотрите, что она заставила меня сдѣлать», и давалъ волю гнѣву, который никогда еще съ такой силой не бушевалъ въ его сердцѣ. Онъ обвинялъ Донатьенну. Во всемъ горѣ, постигшемъ его, во всѣхъ напастяхъ, и прежнихъ и будущихъ, виновата она. «Скверная женщина, — говорилъ онъ,—я былъ вынужденъ покинуть твое дитя! Твой ребенокъ плачетъ; твой мужъ сталъ бродягой. Посмотри на Ноэми—у нея даже нѣтъ башмаковъ». Но выплакавшись хорошенько, онъ сталъ говорить: «Вѣдь она не знаетъ, что со мной приключилось. Если бы она знала, какое зло она причинила, она, быть можетъ, и вернулась».

И онъ продолжалъ бормотать про себя, отходя все дальше отъ мѣстечка, лежавшаго на границѣ Бретани.

Въ слѣдующіе дни уже не встрѣчалъ больше ландъ и на фермахъ побогаче, гдѣ онъ нанимался работать, ему давали вино вмѣсто сидра. Его не спрашивали, откуда онъ, но сторонились отъ него. «Перекати поле немногаго стоитъ», говорили ему,—«а ваши бретонцы такъ привязаны къ своимъ яблонямъ и ландамъ, что бродяжить идутъ только худшіе». Его рѣже пускали на ночь и давали худшее помѣщеніе. Спать ему приходилось въ свиныхъ хлѣвахъ и нерѣдко платить за ночлегъ, не только въ гостинницахъ, куда ихъ загонялъ холодъ, но и фермеру, пускавшему его на сѣноваль. Здѣсь у людей сердца были жестче. Впереди были осеннія непогоды, а пока уже пришли холодныя ночи. Надежда Луарна, что чѣмъ дальше, тѣмъ легче будетъ идти, совсѣмъ не оправдывалась.

Путникъ соображалъ иногда, сколько это прошло уже дней съ тѣхъ поръ, какъ онъ пустился въ дорогу и, не зная, гдѣ онъ собственно находился, старался представить себѣ, какое разстояніе можно пройти въ столько-то дней: семь недѣль, восемь недѣль, девять не-

дѣль—и не могъ. Часто также ему не удавалось наняться на работу на фермѣ. Онъ былъ такъ худъ, что казался безсильнымъ На вопросъ: «Не нужно ли вамъ картофель копать?»—ему отвѣчали: «Конечно, нужно, но у насъ и своихъ работниковъ достаточно». А то и совсѣмъ не отвѣчали. И онъ думалъ: «Должно быть, я еще не пришелъ въ Вандею, здѣсь народъ не богаче нашего».

Часто также ему приходили дурныя мысли: то искушеніе убить себя, кинуться въ озеро съ камнемъ на шеѣ, то, еще чаще, какая-то нравственная слабость, смутное и волнующее сожалѣніе обо всемъ, что онъ сдѣлалъ хорошаго: «Что я выигралъ отъ того, что любилъ эту Донатьенну? Надо было и мнѣ дѣлать то же, что она; все равно, она насмѣялась надо мной. И вотъ, я сталъ бродягой, бѣднѣе тѣхъ, кому прежде подавалъ милостыню; дѣтей мы оба наплодили, а нянчить приходится мнѣ одному; сплю, какъ собака,—пустятъ переночевать на соломѣ, и за то спасибо. А между тѣмъ, стоило только мнѣ захотѣть!..»

И ему вспоминались двусмысленные намеки дѣвушки, оставленной самой Донатьенной присматривать за порядкомъ въ хозяйствѣ, въ первые мѣсяцы послѣ разлуки. Ему мерещился лукавый смѣхъ этой Анеты Думеркъ, ея взглядъ, сохранившійся гдѣ-то въ глубинѣ его памяти, какъ маленькая не зажившая ранка.

Почти всегда ему довольно скоро удавалось отогнать эти мысли. Потомъ онъ испытывалъ угрызенія. Онъ искалъ поддержки цѣловалъ безъ конца Ноэми и Люсьенну, говорилъ имъ ласковыя слова, смѣшилъ ихъ, словно дѣтскій смѣхъ звучалъ для него прощеніемъ. Дѣвочки смутно дивились этимъ нежданнымъ приливамъ нѣжности которые впрочемъ становились всѣ рѣже и рѣже.

Съ горки на горку, по полямъ и лѣсамъ, черезъ города и деревни Луарнъ шелъ все дальше и дальше къ юго-востоку. Временами, на вершинахъ холмовъ, онъ дивился, чувствуя снова въ воздухѣ соленый вкусъ моря. Дѣло въ томъ, что онъ приближался къ огромной равнинѣ, врѣзывающейся въ сердце Франціи, и самъ того не зная, былъ ближе къ морю, чѣмъ на половинѣ своего пути.

Въ одинъ октябрьскій вечеръ онъ шелъ медленнѣе обыкновеннаго; дожди уже порядкомъ размыли дорогу и Луарнъ думалъ о томъ, что теперь время сѣять. Рука его сама собой тянулась за отсутствующимъ зерномъ,—рука, осужденная не касаться больше ни ржи, ни пшеницы. Онъ то выпускалъ дышло телѣжки, то снова брался за него. Въ воздухѣ чувствовалась надвигавшаяся гроза. Луарнъ былъ голоденъ, Ноэми и Люсьенна тоже. Они поднимались по склону, но до вершины было, очевидно, еще очень далеко, потому что на самомъ верху виднѣлся колыхавшійся въ воздухѣ парусиновый верхъ извозчичьей фуры, казавшейся не больше тростниковой корзины. День близился къ концу, одинъ изъ тѣхъ дней, когда солнце исчезаетъ невѣдомо когда и куда.

Только справа отъ удалявшейся фуры полосы неба были блѣднѣе и по нимъ словно вился дымокъ. Но вблизи ни одной крыши, ни лица, ни звука: одни темныя, свѣже-взрытыя пашни, пересѣкаемыя виноградниками которые за послѣднюю недѣлю попадались все чаще; а за виноградниками, въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ отъ вершины небольшой лѣсокъ, всѣмъ своимъ существомъ, листьями, мхомъ, грибками, лишаями, пористой, рыхлой землей подъ ними, впивавшій влагу изъ воздуха. «Неважное пристанище,—думалъ Луарнъ», а все-таки надо будетъ сдѣлать привалъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, сучьевъ можно собрать для костра. Дѣвочкамъ надо поѣсть горячаго.

Прошла добрая четверть часа, пока онъ добрался до рощицы, спустился туда по скату и оставилъ телѣжку на краю небольшой круглой просѣки, какія прорубаютъ угольщики вокругъ угольной ямы. А затѣмъ досталъ изъ телѣжки старую кострюлю, бутылку съ водой и пять большихъ брюквъ. Ноэми присѣла на корняхъ дуба, выбравъ мѣстечко посуше, усадила возлѣ себя сестру, закутала ее и себя въ платки и принялась чистить овощи перочиннымъ ножомъ, пока отецъ собиралъ хворостъ.

Оставшись вдвоемъ, дѣвочки чему-то засмѣялись, и смѣхъ ихъ былъ нѣженъ, какъ чириканіе птичекъ и этотъ звонкій смѣхъ въ вечернемъ воздухѣ подъ дождемъ доносился до ближней дороги, до отца ихъ, сбиравшаго хворостъ, описывая круги, чтобы не отойти слишкомъ далеко. Заслыша этотъ смѣхъ, онъ почувствовалъ, что послѣднее мужество покидаетъ его. Дѣвочки не понимали, что они навѣкъ уходятъ изъ родной стороны въ чужой враждебный міръ, что наступаетъ зима; не понимали, какъ онъ усталъ отъ этихъ случайныхъ ночевокъ, отъ возраставшей съ каждымъ днемъ неопредѣленности жизни; онѣ не испытывали гнетущаго унынія этого мрака, спускавшагося на лѣсъ, отъ котораго могъ бы заплакать и счастливецъ. Два пучка вѣтвей, двѣ пригоршни мха, который онъ выжалъ какъ губку, и Луарнъ вернулся къ дѣвочкамъ.

Кострюля была полна водой и четвертушками очищенной брюквы. Луарнъ сложилъ очагъ изъ камней, покрылъ его сучьями и потеръ о штаны одну изъ спичекъ, которыя онъ носилъ въ старой роговой табакеркѣ. Спичка не загоралась. Поднялся только дымокъ и сейчасъ же исчезъ въ этомъ раздражающемъ туманѣ.

— Нужно добыть сухихъ листьевъ,—сказалъ Луарнъ; — возьми спички, Ноэми, я пойду поищу. Холодно вамъ будетъ сегодня ночью, мои бѣдняжки!..

Онъ стоялъ безъ шляпы; мокрые волосы его прилипли къ вискамъ; онъ смотрѣлъ на западъ, гдѣ тянулся длинной желтой полосой, словно раздавленная ящерица, остатокъ свѣта, между землей и тучами, повисшими такъ низко, что подъ ними казалось, не было воздуха. Тамъ, Луарнъ, тамъ когда-то по вечерамъ для тебя зажигали яркій огонь и

встрѣчали тебя привѣтомъ и навстрѣчу тебѣ раскрывались любящія объятія...

— Не надо,—шепталъ онъ,—не стану больше смотрѣть въ ту сторону, никогда!.. Холодно вамъ будетъ, мои бѣдняжки!—повторилъ онъ.

И опять отошелъ, въ поискахъ сухихъ листьевъ. Ноэми въ свою очередь, принялась тереть спички и смѣялась, потому что отъ дождя и тумана пламя сейчасъ же гасло. Этотъ дѣтскій смѣхъ такъ странно звучалъ среди зловѣщаго унынія.

Вдругъ она перестала смѣятся. Отецъ, бывшій отъ нея въ тридцати шагахъ, услышалъ, что она съ кѣмъ-то разговариваетъ. Видѣть ее онъ не могъ, ибо тучи спустились еще ниже и мракъ сгущался. Онъ едва различалъ свои собственныя руки, шарившія по землѣ и стрѣльчатыя вѣтки на дымчатомъ фонѣ неба... Ноэми разговариваетъ... Съ кѣмъ? Не съ сестрой... У дѣтей не одинаковый голосъ, когда они болтаютъ между собою и когда разговариваютъ со взрослыми... Она несомнѣнно разговариваетъ, отвѣчаетъ на вопросы, но вопросовъ не слышно, вѣтеръ относитъ ихъ. Луарнъ осторожно крадется, прислушиваясь; сердце его шибко бьется отъ гнѣва. Если это какой-нибудь бродяга, они помѣряются силой! Почему? Да потому что... потому что онъ запретилъ Ноэми разговаривать съ бродягами, потому что сердце его сегодня полно черезъ край не только горемъ, но и ненавистью... Онъ осторожно поворачивается, сжимаетъ въ рукахъ набранные листья и безшумно подходитъ къ угольной просѣкѣ. Надъ очагомъ склонились три фигуры: двѣ маленькія, одна большая; чей-то голосъ говоритъ:—Дай мнѣ спички дѣвочка, небось у меня загорятся!

— Не давай Ноэми!—вскрикиваетъ Луарнъ.—Я запрещаю тебѣ!

Онъ уже возлѣ дѣтей. Вотъ вспыхиваетъ фосфорическій свѣтъ, а затѣмъ и пламя, защищенное отъ дождя двумя широкими ладонями. Неожиданный яркій отблескъ его выдвигаетъ изъ этой дождливой ночи человѣческое лицо, круглое съ рѣзкими чертами; оно показывается на мигъ, въ три четверти, и снова исчезаетъ во мракѣ. Это женщина. Она смотритъ на Луарна... Она говоритъ:

— Хочешь, я сварю супъ?

— Нѣтъ!—крикнулъ Луарнъ.—Уходите! Вы не нужны мнѣ!

Ихъ раздѣляли всего два-три шага. Они были одного роста. Не обращая вниманія на отказъ, женщина нагнулась и стала разводить огонь. Повалилъ дымъ, затѣмъ подъ котелкомъ вспыхнуло пламя, озаряя траву и дѣтей, и лицо женщины, которая присѣвъ, на корточки, снизу вверхъ смотрѣла на бретонца и смѣялась съ необычайной наглостью, самоувѣренностью и любопытствомъ. Она еще разъ спросила:

— Хочешь, я сварю супъ?

— Нѣтъ.

Но теперь онъ уже не собирался гнать ее.

Она была безъ шляпы; ея густые волосы, черные, вьющіеся, были

свернуты жгутомъ на макушкѣ. Она долго вглядывалась въ Луарна. Костеръ разгорѣлся, тогда женщина поднялась, гибкая, стройная, и, не сводя глазъ съ Луарна, сказала уже другимъ тономъ, хватавшимъ за сердце:

— Слушай, хочешь, я буду варить супъ?.. всякій день? пока не надоѣдимъ другъ другу... Гдѣ же тебѣ одному усмотрѣть за ребятами!

Луарнъ отошелъ и остался въ тѣни, куда не хваталъ огонь, подъ предлогомъ собиранія хвороста. Но все время онъ смотрѣлъ на нее, некрасивую, но еще молодую и сильную, въ колеблющемся свѣтѣ костра...

И вернувшись, онъ не сталъ разговорчивѣе, но больше не уходилъ и ѣлъ супъ, сваренный ею...

Три дня спустя путники спускались по песчанной дорогѣ. Ихъ было четверо. Женщина несла только узелокъ съ бѣльемъ, перекинутый черезъ плечо. Прогнанная ли подруга какого-нибудь бродяги, или преступница, выпущенная изъ исправительной тюрьмы, она встрѣтила въ пути мужчину, и они пошли вмѣстѣ. Съ нею рядомъ шла Ноэми. У дѣвочки было испуганное лицо; она старалась не отставать, временами почти бѣжала, такъ какъ новая спутница шагала быстро, не дожидаясь Луарна, который придерживалъ на склонѣ телѣжку, теперь болѣе нагруженную, чѣмъ при выходѣ въ путь. Какъ и прежде ему приходилось тащить и телѣжку, и Люсьенну. Онъ былъ еще угрюмѣе прежняго и совсѣмъ не разговаривалъ съ дѣтьми. Прежде у него свѣтилась во взглядѣ доброта и покорность; теперь онѣ исчезли и не появлялись, даже когда онъ смотрѣлъ на избранную имъ подругу скитаній. Эта послѣдняя не обращала на него вниманія; она шагала съ краю дороги, въ развалку, зорко высматривая все вокругъ, какъ человѣкъ, привыкшій бродяжить. Проходя мимо фруктоваго сада, она перелѣзала черезъ изгородь и подбирала тамъ яблоки, груши или срывала кисти винограда. Впрочемъ, достаточно было намекнуть ей, чтобы она занялась дѣтьми, накормила бы ихъ или взяла на руки въ такомъ мѣстѣ, гдѣ телѣжка могла опрокинуться, зачинила бы имъ платье или чулки на привалѣ. Она не старалась и не упрямилась. Почти всегда у нея во рту былъ стебелекъ травы, который она жевала своими бѣлыми зубами.

Луарнъ посрединѣ дороги, везя въ телѣжкѣ Люсьенну, женщина слѣва и позади нея Ноэми молча спускались по извилистой и песчаной дорогѣ. День былъ прекрасный; въ пронизанномъ свѣтомъ воздухѣ, казалось, заживали всѣ раны осени. По обѣимъ сторонамъ дороги за изгородью тянулись виноградники вперемѣшку съ барбарисомъ и хмѣлемъ. Почти вездѣ шелъ сборъ винограда; запахъ новаго вина носился въ воздухѣ. Никогда еще Луарнъ не чувствовалъ такъ живо этого тяжелаго запаха, который въ теченіе цѣлаго мѣсяца носится надъ южны-

ми провинціями Франціи. Этотъ запахъ ничего не напоминалъ ему. Но когда по временамъ западный вѣтеръ крѣпчалъ, Луарнъ выпрямлялъ свой исхудалый станъ и втягивалъ въ себя это могучее дыханіе вѣтра, знакомое ему съ дѣтства. И, какъ прежде, оно волновало его.

На послѣднемъ поворотѣ дороги путникъ остановился. Его молчаливыя губы зашевелились, и онъ тихонько прошепталъ:

— Море!

За лугомъ, гладкимъ, какъ дорога, текла широкая рѣка, величественная какъ одинъ изъ морскихъ заливовъ, которые врѣзываются въ бретонскій гранитъ и бѣгутъ дальше узкимъ потокомъ, изгибающимся, какъ буравъ. У нея были такія же песчаныя отмели, бухты, приливы и отливы, она такъ же расширялась къ западу. И Луарнъ, котораго до сихъ поръ ничто еще не трогало изъ видѣннаго имъ во время пути, вздохнувъ всей грудью, повторилъ:

— Море, море!

Женщина презрительно пожала плечами.

— Что ты понимаешь! Это Луара.

Они пошли дальше, теперь черезъ лугъ, навстрѣчу вольному вѣтру, который впивалъ въ себя разлитый въ воздухѣ запахъ винограда и примѣшивалъ его къ запаху пѣны. У Луарна блестѣли глаза, онъ не могъ оторваться отъ этой живой, движущейся воды. Названіе «Луара» ничего ему не сказало. Онъ думалъ о волнахъ моря, набѣгающихъ на берега и потомъ уходящихъ; онъ думалъ также, что по другую сторону этой воды навѣрное уже Вандея. У него сжалось сердце отъ сознанія, что онъ все дальше и дальше, навсегда уходитъ отъ Бретани. Онъ замедлилъ шагъ и молчалъ весь, блѣдный, ибо ему предстояло перейти то, что онъ называлъ моремъ и что на самомъ дѣлѣ было для него моремъ,—роковую границу, которую эмигрантъ не переходитъ дважды.

Его спутница не имѣла никакого представленія о томъ, какъ онъ страдаетъ. Но его старшая дочка, Ноэми, подошла къ отцу и взяла его за свободную руку, говоря;

— Парусъ, смотри-ка, парусъ.

Но онъ смотрѣлъ только на нее, на маленькую Ноэми, и такъ нѣжно, что дѣвочка удивилась и сама посмотрѣла на него, спрашивая себя: «Что онъ такъ на меня смотритъ?»

Поляна, по которой они шли навстрѣчу вѣтру, дувшему съ рѣки, находилась въ окрестностяхъ Варада, довольно далеко отъ моста и отъ берега. Они спустились къ самой водѣ. Луарнъ, замѣтивъ человѣка, собравшагося въ лодкѣ переѣхать на другой берегъ, окликнулъ его и попросилъ перевести ихъ. Тотъ оглядѣлъ убогую кампанію. Подобно большинству здѣшнихъ крестьянъ, онъ былъ человѣкъ съ достаткомъ, и бѣдность казалась ему порокомъ.

— Отчего не услужить,—сказалъ онъ,—но я тороплюсь. Позовите же вашу жену. О чемъ она тамъ раздумываетъ?

При словахъ «вашу жену» Луарнъ такъ сильно задрожалъ, что лодочникъ, выросшій на бѣломъ хлѣбѣ и винѣ, расхохотался. Его не трудно было разсмѣшить. Спутница Луарна собирала грибы на лугу и складывала ихъ въ подолъ юбки. Несмотря на зовъ, она не торопилась и, подходя, нагнулась еще два - три раза, чтобы подбавить добычи. Это было имъ на ужинъ. Крестьянинъ, опершись на шестъ, наблюдалъ за ней, пока она подходила; замѣтивъ ея черные вьющіеся волоса, ея неряшливый, наглый видъ, онъ сказалъ:

— Скверное у васъ ремесло—все бродить по дорогамъ, такъ денегъ не заработаешь. Ну идите, садитесь!

Они, не отвѣчая, усѣлись въ плоскую барку, втащивъ туда и повозочку, и весь багажъ. На передней скамьѣ усѣлся Луарнъ, рядомъ съ Ноэми, снова взялъ ее за руку и не выпускалъ во все время переѣзда.

Но сидѣлъ онъ молча и даже не смотрѣлъ больше на дочку. Взоръ его блуждалъ по блестящей водѣ, въ которой медленно двигалась, плывя по теченію, лодка, затѣмъ переходилъ на берегъ. Ноэми нравилось скользить по водѣ. Не нужно было больше идти. Сама вода бѣжала за нею. На серединѣ рѣки она почувствовала, какъ отецъ сильнѣе сжалъ ея руку и увидѣла его страдальческое лицо, наполовину отвернувшееся и озаренное солнцемъ, игравшимъ на убѣгающей вдаль глади водъ до самаго края горизонта.

— Дѣвчурка,—сказалъ онъ шопотомъ,—тебѣ ничего не напоминаетъ эта большая вода.

Дѣвочка посмотрѣла по направленію его слегка приподнятой руки и покачала головой, не зная, что отвѣтить.

— Мнѣ,—такъ же тихо продолжалъ Луарнъ,—мнѣ это напоминаетъ море. Очень похоже на Иффиньякъ и Сторожевой берегъ. Ты не помнишь.

На этотъ разъ дѣтскій голосъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

— Ты не помнишь твоего дѣдушку Ле-Клёха, рыбака, у котораго тоже была лодка.

— Нѣтъ.

— А вѣдь мы разъ ѣздили къ нему въ гости съ тобой и ...

Онъ хотѣлъ сказать «съ твоей мамой Донатьенной», но удержался, низко опустилъ голову, и дѣвочка услышала его жалобнй шопотъ:

— Я одинъ въ цѣломъ мірѣ.

Онъ не подымалъ головы, пока они не переѣхали на другой берегъ.

Тогда Луарнъ вышелъ изъ лодки, поблагодарилъ крестьянина, который уже пристегивалъ цѣпь, и, отойдя, остановился. Онъ смо-

трѣлъ на рѣку, на другой берегъ, на эту далекую Бретань, которую онъ видѣлъ въ послѣдній разъ.

Онъ былъ такъ поглощенъ созерцаніемъ луга и покрытыхъ виноградниками береговъ, которыми онъ шелъ часъ тому назадъ, и тѣнистыхъ тропинокъ, бѣгущихъ на сѣверо-западъ и всего, что ему представлялось позади ихъ, что даже и не помогъ выйти Ноэми и пропустилъ мимо себя свою спутницу, которая съ бранью катила повозочку и несла корзину съ пожитками. Онъ остался одинъ на песчаномъ берегу между тростниковъ. Вся душа была тамъ, на холмахъ и равнинахъ Бретани. Несмотря на всѣ благія рѣшенія, она рвалась на родину, туда, гдѣ онъ столько выстрадалъ. И онъ страдалъ снова. Онъ не могъ оторвать ее отъ этихъ мѣстъ. Онъ одинъ зналъ, почему онъ уходитъ, какъ жестоко это прощаніе и какое огромное мѣсто занималъ въ его душѣ тѣсный кругъ, въ которомъ замыкалась его жизнь. Изъ ивняка уже издали донесся голосъ:

— Луарнъ, идешь ты или нѣтъ?

Онъ очнулся.

Голосъ продолжалъ:

— Куда идти-то?

Онъ крикнулъ въ отвѣтъ:

— Все прямо, все прямо.

Потомъ повернулся и пошелъ за своимъ горемъ, окликнувшемъ его. Они углублялись все дальше внутрь страны.

II.

«A la petite Donatienne».

Ужъ восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она оставила мужа и дѣтей, и свой домъ въ Ро-Греньонѣ и уѣхала въ Парижъ, чтобы поступить въ услуженіе, и семь съ того дня, какъ Жанъ Луарнъ, доведенный до отчаянія ея уходомъ, съ разбитымъ сердцемъ, послѣ продажи съ молотка имущества, покинулъ Бретань и отправился въ Вандею, по дорогѣ, которая ведетъ куда угодно. Сейчасъ она содержала кафе на окраинѣ города, носившее ея имя: «У малютки Донатьенны». Въ кофейнѣ сидѣлъ посѣтитель, передъ которымъ стыла кружка цикорнаго кофе, поставленнаго хозяйкой. Это былъ случайный гость, не завсегдатай. Положивъ локти на столъ и наклонивъ голову надъ кружкой, такъ что дымъ отъ кофе ласкалъ его бритый подбородокъ и тяжелые выцвѣтшіе усы, закрывавшіе его губы, онъ смотрѣлъ въ пространство, машинально мѣшая ложечкой черную жидкость Всѣ мускулы его лица точно ослабли. Онъ отдыхалъ. Онъ сидѣлъ противъ окна, и его зеленые глаза, въ которыхъ свѣтилась неопредѣленная улыбка, говорившая объ отсутствіи заботъ и благодушномъ на-

строенія, пристально смотрѣли на туманъ, поверхъ маленькихъ занавѣсокъ, закрывавшихъ первый рядъ стеколъ витрины. Впрочемъ, время отъ времени онъ считалъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ, по народному обычаю, унаслѣдованному отъ прежнихъ, болѣе милосердныхъ временъ, и изъ вѣжливости къ случайной хозяйкѣ, хотя и незнакомой и даже не находившейся въ полѣ его зрѣнія. Она сидѣла въ лѣвомъ углу комнаты, спиною къ свѣту, почти касаясь стеколъ, отдѣлявшихъ залъ кофейни отъ улицы, и вязала заразъ пару черныхъ чулокъ, какъ дѣлала это всю жизнь, съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда шалуньей, дѣвочкой она каждый день вмѣстѣ со взрослыми женщинами бѣгала на берегъ въ Иффиньякѣ ждать прилива и возвращенія рыбачьихъ лодокъ, разсыпавшихся по морю. Она шевелила спицами, не глядя, молча, останавливаясь и снова принимаясь за работу. Она такъ же мало думала о своемъ вязаньѣ, какъ и посѣтитель, пристально вглядывавшійся въ туманъ на улицѣ. Она думала о томъ, какой это скучный кліентъ и какъ онъ долго ѣстъ, и что ей давно уже пора идти за провизіей. Молочники уже возвращались домой съ пустыми кувшинами. Посматривая на посѣтителя, она видѣла, что у него кожа потрескалась отъ вѣтра, какъ у тѣхъ, кто работаетъ на лѣсахъ, и видѣла въ трещинахъ слѣды извести, иногда отпадавшей и попадавшей въ кофе, которое онъ мѣшалъ ложечкой. Ни тотъ, ни другая не спѣшили отвѣтомъ. А между тѣмъ, слова, которыми они обмѣнивались такъ вяло и безъ проблеска интереса, безсознательно вели ихъ къ трагическому перелому жизни.

— Такъ вы, значитъ, думаете вернуться на родину,—говорила Донатьенна.

— Да,—отвѣчалъ каменьщикъ.—Вѣдь уже ноябрь на дворѣ. Для нашего брата это мертвый сезонъ. До марта мѣсяца будемъ теперь работать на кладкѣ. Вы, можетъ быть, знаете Жантіу?

— Нѣтъ, я никогда не выѣзжаю изъ Парижа. У васъ красивая мѣстность?

— Не очень. Да и потомъ, знаете, когда никто тебя не ждетъ, никакая мѣстность не покажется особенно красивой.

Она зѣвнула, связала семь-восемь петель и не отвѣтила. Ей хотѣлось, чтобы кліентъ поскорѣе ушелъ. А тотъ наклонилъ голову, покрытую жесткой войлочной шляпой, поднялъ обѣими руками кружку и отпилъ глотокъ.

— Нѣтъ,—продолжалъ онъ,—чтобы красиво было, этого не скажу, а все же родная сторона; не родныхъ найдешь, такъ знакомыхъ; узнаешь, кто родился, кто женился, кто умеръ за время твоего отсутствія—вѣдь на цѣлое лѣто уходишь. Вотъ мнѣ, напримѣръ, постоянно приходится ребятъ крестить; такъ ужъ и ждутъ моего возвращенія, чтобы позвать меня въ кумовья.

— Что-жъ, это не худо,—сказала хозяйка.

— Сколько ихъ тамъ у меня: Марьи, Юліи, Гортензіи, Петры, Констаны, Леонарды, ужъ какъ водится... Тамъ у насъ есть всякія имена...

Онъ ухмыльнулся себѣ подъ носъ и подулъ на кофе.

— Можете себѣ представить, я даже знаю одного мальчугана, который зовется Жоэлемъ.

И онъ опять засмѣялся.

Хозяйка вдругъ вскочила съ мѣста. Маленькая, проворная, вся въ черномъ, она подошла къ нему съ вязаніемъ въ рукѣ, съ горящими глазами. У нея уже не было прежняго скучающаго выраженія лица, а щеки ея, еще свѣжія, хотя со множествомъ мелкихъ морщинокъ на вѣкахъ, вдругъ заалѣли.

— Какъ вы сказали? Повторите.

Гость хотѣлъ взять ее за руку, которую она подняла вмѣстѣ съ чулкомъ, словно приказывая. Но она нетерпѣливымъ движеніемъ отдернула руку.

— Да ну, оставьте!

— Не гнѣвайтесь, моя красавица; я не хотѣлъ васъ обидѣть... Ну, вотъ, такъ я встрѣтилъ мальчика, котораго звали Жоэлемъ.

— Какихъ лѣтъ?

— Лѣтъ восьми-девяти.

— Волосы вьются?

— Не припомню.

— Славный?

— Само собой, какъ всѣ дѣти.

Донатьенна схватила его за руку.

— Смотрите же на меня!.. Надо вспомнить!.. Это имя меня интересуетъ... Вы видите, мнѣ не все равно... Я знала ребенка, котораго звали такъ же... Гдѣ живетъ вашъ?

— Не очень далеко отъ нашихъ мѣстъ, отъ Жантіу, такъ, миляхъ въ пяти или въ шести, тамъ, гдѣ сворачиваютъ съ большой дороги на проселочную, я не знаю названіе этой деревни... Я его видѣлъ въ мартѣ мѣсяцѣ, когда мы проходили мимо съ однимъ товарищемъ... Мы шли пѣшкомъ на станцію... Помню что-то въ родѣ садика, огороженнаго со всѣхъ сторонъ, нѣсколько срубленныхъ тополей... Въ этомъ садикѣ игралъ мальчуганъ. Мой товарищъ указалъ мнѣ на него и говоритъ: «Его зовутъ Жоэлемъ; его отецъ работаетъ тамъ наверху, въ каменоломнѣ; онъ, кажется, родомъ изъ Бретани».

Раздался сдавленный крикъ.

— Изъ Бретани? Вы увѣрены, что онъ сказалъ: изъ Бретани? Ахъ, не лгите мнѣ! Вы неспособны на это! Мнѣ нужно знать... Не обманывайте меня!

Ея рука дрожала на плечѣ каменьщика.

— Съ нимъ была маленькая сестренка, неправда ли?

— Скорѣй большая, и недурная собой, немножко на васъ похожа..

— Вы говорите: большая?

— Да, ужъ подростокъ. Глаза красивые, блестящіе, какъ вода, если ее всколыхнешь.

— Это Ноэми!—мечтательно выговорила женщина, словно видя ее передъ собою.—Ноэми! И съ нею..?

— Были ли еще дѣти?

— Да.

— Я видѣлъ только одного сморкача.

— Дѣвочку?

— Нѣтъ, мальчугана... Да-да, онъ былъ въ штанишкахъ, я помню...

Донатьенна перемѣнилась въ лицѣ.

— Тогда, значитъ, это не они... А я думала... Что только въ голову придетъ...

Она отняла руку. Ее душило волненіе, которое она не въ силахъ была побороть, и сердце ея, подъ двойнымъ ударомъ неожиданности и разочарованія, помимо ея воли жаждало открыть свое горе незнакомцу. Она была такъ несчастна отъ этой неоправдавшейся надежды, такъ выбита изъ колеи, что призналась.

— Въ первую минуту я думала, что нашла своихъ... у меня когда-то было трое дѣтей, да, у меня... а теперь я не знаю, гдѣ они и что съ ними... понимаете—ничего не знаю!.. Самаго маленькаго звали Жоэлемъ... Но у меня былъ только одинъ мальчикъ; дѣвочекъ звали Ноэми и Люсьенной... Какая пряткая! Только измучила себя напрасно!.. Не правда ли?

Она вытащила кончики спицъ изъ вязанья и отошла, пытаясь засмѣяться; посѣтитель пилъ свой кофе, глядя на нее поверхъ кружки. Передъ нимъ было какое-то таинственное горе. Это волновало его. Ему больно было видѣть такъ близко отъ себя чужое страданіе. Мать, дѣти, онъ точно своими глазами видѣлъ, какъ они играли вмѣстѣ... А потомъ, дѣти брошены... Низачто на свѣтѣ онъ не сталъ бы ее разспрашивать... Но ему случалось слышать подобныя же исторіи, и душа его переполнилась смутной жалостью. Онъ медленными глотками пилъ кофе, между тѣмъ какъ Донатьенна, не подымая глазъ съ трепетавшими вѣками и наудачу перебирая спицы, отошла на свое прежнее мѣсто.

Она чувствовала, что онъ жалѣетъ ее. Она спросила:

— Вы работаете въ нашемъ кварталѣ?

—Нѣтъ, мадамъ, я былъ здѣсь, по порученію подрядчика, у торговца гипсомъ. Но я знаю многихъ вашихъ друзей. Мнѣ говорили о васъ.

— Не въ этомъ дѣло. Вотъ что: разъ ужъ вы все равно идете домой на побывку, справьтесь вы все-таки объ этомъ Жоэлѣ... А весной принесете мнѣ отвѣтъ. Ладно?

— Понятное дѣло, принесу, мадамъ Донатьенна... Отчего не зайти? Это намъ плевое дѣло.

Въ карманѣ жилета онъ отыскалъ монету въ пять су и бросилъ ее на мраморный прилавокъ. Онъ уже опять сталъ прежнимъ, безпечнымъ рабочимъ-поденщикомъ.

— А все-таки, хозяюшка, это странно, что даже къ намъ въ Крезу заходятъ голяки изъ вашей стороны. Вѣдь вы, кажись, тоже бретонка?... Ну, прощайте, не поминайте лихомъ!

Длинная бѣлая блуза, широкія плечи, голова съ коротко остриженными волосами, почти не видными подъ фетровой шляпой, перепачканной известью, мелькнули въ рамкѣ дверей, потомъ еще разъ въ туманѣ улицы, направо, надъ занавѣской витрины. Донатьенна слѣдила за нимъ глазами, пока онъ не скрылся изъ виду, не затерялся въ этомъ огромномъ Парижѣ. Когда онъ исчезъ, какъ призракъ, она все еще продолжала смотрѣть на то мѣсто, гдѣ видѣла его въ послѣдній разъ. Проѣхавшій мимо экипажъ разрѣзалъ этомъ молочный туманъ; видѣніе исчезло. Донатьенна сдвинула брови, съ повелительнымъ и недовольнымъ видомъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда хотѣла добиться чего-нибудь отъ родителей. Родители всегда уступали. Но жизнь не такъ послушна... Черезъ дверь въ глубинѣ залы Донатьенна вошла въ небольшую узкую кухню, взяла корзину, вернулась въ кафэ и хотѣла уже идти за покупками, уже взялась за мѣдную ручку двери, когда позади нея чей-то голосъ, сильно картавя, спросилъ:

— Ты, кажется, забыла о патронѣ?

На подвижномъ лицѣ женщины снова выразилось нетерпѣніе. Но ей хотѣлось уйти, и, чтобы избѣжать объясненія, она торопливо отвѣтила:

— Твой кофе на плитѣ можешь самъ взять.

— Да вѣдь его выпилъ гость.

— Я ему свой отдала. Иди, ложись!

И она снова взялась за ручку двери.

— Постой!

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ мужчина, блѣдный, со смѣсью тупости и гнѣва въ лицѣ, какъ это часто бываетъ у алкоголиковъ.

— Постой, говорю!

Онъ зашлепалъ по полу стоптанными туфлями красной кожи. На немъ были только синіе суконные панталоны съ желтымъ кантомъ и ночная рубашка, вылѣзавшая изъ-подъ пояса, съ разстегнутымъ воротомъ, изъ-подъ котораго виднѣлась толстая красная шея съ натянутой кожей, приподымавшейся отъ пульсаціи крови въ артеріяхъ. Очевидно, когда-то это былъ красавецъ—мужчина, но теперь онъ отяжелѣлъ отъ лѣни; бритое лицо его съ коротенькими бѣлокурыми бровями было слишкомъ кругло; руки, покрытыя рыжеватыми волосками, слишкомъ жирны; отяжелѣвшія вѣки спускались на глаза, гдѣ мысль едва мерцала, борясь съ дремотой.

— Что тебѣ еще?—спросила Донатьенна.

Онъ скрестилъ руки на груди.

— Я хочу знать, о чемъ ты разговаривала съ гостемъ.

— Опять ревновать вздумалъ?

— Можетъ быть.

— Ревновать къ этому пачкуну!

Она расхохоталась слишкомъ громкимъ и раскатистымъ, нервнымъ смѣхомъ, и на мигъ въ этомъ насмѣшливомъ взглядѣ, въ позѣ раздраженной и презирающей женщины, въ движеніи головы, сохранившей изящную посадку и чистоту линій, мелькнулъ образъ былой красавицы-бретонки...

— Да, ты наклонялась къ нему,-вотъ такъ, слушала его, взяла его за руки... Не отпирайся; я видѣлъ тебя сверху лѣстницы.

Она пожала плечами.

— Не воображаешь ли ты, что я стану тебѣ давать отчетъ въ каждомъ словѣ? Ну ужъ нѣтъ! Подумаешь, мы женаты. Скажите, пожайлуста!

— Что онъ тебѣ говорилъ?

— Не твое дѣло.

— Донатьенна!

Онъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ схватить стулъ и ударить ее: Тогда Донатьенна выронила корзинку, подбѣжала къ нему и выпрямилась передъ нимъ во весь ростъ и, высоко поднявъ голову, задорная, вызывающая:

— Ну что-жъ? Ударь! Кто тебѣ мѣшаетъ? Убей меня!.. Ты думаешь, съ тобой жизнь сладка?... Я ее презираю, эту жизнь! Слышишь ли ты?.. И тебя тоже!.. Можешь не церемониться! Чего же ты ждешь? Не воображай, что я буду тебя слушаться и отдавать тебѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, тебѣ мужчинѣ, котораго я содержу.

Черты ея исказились отъ гнѣва, лицо стало увядшимъ, измятымъ. Теперь она казалась почти старухой. Въ лѣвомъ уголкѣ полуоткрытаго рта недоставало одного зуба. Остальные были, впрочемъ, всѣ налицо, бѣлые, мелкіе, блестящіе. И глаза ея блестѣли, какъ гребни пѣнящихся волнъ. Она повторила:

— Да, котораго я содержу!

Стрѣла попала въ цѣль; мужчина пытался возражать:

— Ты сама знаешь, нѣтъ работы...

— Да, для подлецовъ нѣтъ...

Раздражаясь все больше, по мѣрѣ того, какъ онъ сдавался, она продолжала:

— Повторяю тебѣ, ты мнѣ надоѣлъ, и у тебя нѣтъ власти надо мной, и я тебѣ когда-нибудь это докажу!

Онъ, усмѣхаясь, возразилъ:

— Ты слишкомъ стара.

— Не для того, чтобы уйти отсюда.

Мужчина прищурилъ глаза и сквозь зубы пробормоталъ:

— Куда же ты пойдешь?

Наступило молчаніе. Каждый думалъ о томъ, куда онъ могъ бы пойти, и какъ трудно было бы имъ обоимъ уйти отъ своего грѣха, «развязаться» другъ съ другомъ. Донатьенна снова почувствовала на себѣ цѣпи унизительнаго рабства. Не споря больше, она повернулась и вышла.

Она была зла и еще болѣе несчастна, чѣмъ зла. Она думала о томъ, въ сколько мѣстъ ей нужно зайти и что, закупивъ все необходимое, нужно будетъ вернуться домой... Она уже вышла изъ того возраста, когда человѣку легко забыться, и, хотя избѣгала вспоминать прошлое или предугадывать будущее, время отъ времени ей случалось заглядывать въ печальную глубь своей души. Никогда, еще можетъ быть, она не видѣла ея такъ ясно, какъ нынче утромъ.

Этотъ неожиданный разговоръ съ каменьщикомъ изъ Крезы и потомъ перебранка съ любовникомъ—какое суровое напоминаніе объ убожествѣ ея жизни, объ одиночествѣ, терзавшемъ ее съ того дня какъ...

Въ загрязненномъ дымомъ туманѣ, который впивали въ себя и снова изрыгали сточныя трубы, животныя, люди, въ которомъ расплывались очертанія стѣнъ, и крышъ, она шла, опустивъ голову и не слыша ни вопроса молочницъ: «вы нынче не возьмете молока, мадамъ Донатьенна?», ни привѣта сосѣдки-цвѣточницы. Послѣдняя была молодая женщина, съ тремя дѣтьми на рукахъ. Ей трудно жилось, и она иногда завидовала содержательницѣ кафэ, не обремененной семьей и слывшей въ кварталѣ богачкой.

Донатьенна шла, не глядя куда, противъ обыкновенія сосредоточенная, вся занятая одной мыслью о дѣтяхъ.

Она всегда мучилась изъ-за нихъ. Въ первое время послѣ выѣзда изъ Ро-Гриньона она плакала, призывая въ своемъ сердцѣ Ноэми, Люсьенну и Жоэля, въ особенности послѣдняго, груднаго, котораго ей напоминалъ ея парижскій питомецъ. Ей чудилось нѣжное прикосновеніе маленькихъ губокъ, сотканныхъ изъ ея плоти и крови и продолжавшихъ тянуться къ ней, какъ къ источнику жизни; ей чудилось, что она прижимаетъ къ груди своего собственнаго ребенка. Ахъ, если бы онъ былъ здѣсь, съ нею, ея желанный, богоданный сынокъ! Если бы она могла хоть черезъ день, хоть разъ въ недѣлю обнимать своихъ дѣвочекъ! Она чувствовала, что дѣти защитили бы ее отъ искушеній—отъ развращающей новизны, отъ соблазнительнаго примѣра, отъ манившаго ее наслажденія... Не разъ она восклицала въ душѣ, еще въ періодъ первыхъ угрызеній лишь на половину сознанныхъ желаній: «Дѣти, спасите меня!» Но они были слишкомъ далеко. А тотъ ребенокъ, котораго она кормила, былъ не ея ребенокъ и не обладалъ такой охраняющей силой. Опасности со всѣхъ сторонъ

окружали бѣдную, хорошенькую бретонку, вовсе не подготовленную къ борьбѣ со столькими врагами.

Ея товарки по первому мѣсту, на которое она поступила, въ улицѣ Монсо, не всѣ были потерянныя женщины, но всѣ не стѣснялись въ выраженіяхъ и привыкли не придавать никакого значенія тому, что Донатьеннѣ казалось грѣхомъ. Не имѣвшія любовниковъ говорили и повторяли, что онѣ берегутъ себя только потому, что такъ легче найти себѣ мужа. Онѣ оцѣнивали каждый поступокъ не тѣмъ, насколько онъ самъ по себѣ достоинъ уваженія, но лишь съ точки зрѣнія выгоды. Многія были на первый взглядъ умнѣе Донатьенны и обо всемъ судили съ высока. Донатьенна слушала ихъ охотно, тѣмъ болѣе что онѣ ей говорили: «А знаете ли, бретоночка, вѣдь вы прехорошенькая въ вашемъ плекскомъ чепцѣ съ лентами, въ костюмѣ кормилицы; на улицѣ всѣ оборачиваются на васъ!»

Она слишкомъ хорошо это знала. Женщины говорили ей это, чтобы заручиться ея протекціей у господъ, въ чемъ всегда нуждаются недобросовѣстные слуги, а также потому, что она получала хорошее жалованье. Мужчины еще лучше умѣли ей дать понять это, и все само собой складывалось такъ, чтобы погубить ее. Она была такъ молода, такъ легкомысленна, такъ тщеславна и жадна къ удовольствіямъ; роскошь казалась ей счастьемъ. Ее волновали, опьяняли, съ каждымъ днемъ ослабляли ея нравственную самозащиту. Видъ денегъ, которыя такъ щедро тратились у нея на глазахъ, ласкающее прикосновеніе тонкихъ тканей, шелка, кружева, лентъ, безстыдный или тайный призывъ къ наслажденію, ни днемъ, ни ночью не смолкающій въ городахъ и завладѣвающій грезами послѣ того, какъ онъ уже покорилъ и глаза, и память, и сердце, ставшее такимъ слабымъ, слабымъ...

За шесть мѣсяцевъ эта разрушительная работа сильно подвинулась впередъ. Молодая женщина уже перестала писать мужу... Всѣ знали, что она замужемъ за неотесаннымъ мужикомъ. Бѣдный Луарнъ! Она первая смѣялась надъ нимъ, когда ее спрашивали на сборищахъ въ лакейской или за вечернимъ чаемъ у кухарки, въ отсутствіе господъ: «Скажите, Донатьенна, это правда, что вы сами копали землю и жали? Да что же, у него сердца не было, что ли, у вашего мужа? Неужели онъ не могъ пожалѣть васъ?... Желалъ бы я видѣть его физіономію... У васъ есть его портретъ? Покажите!..» И такъ говорили всѣ. Женщины возмущались, какъ много у нея было дѣтей— трое за пять лѣтъ, и жалѣли ее за это прошлое, о которомъ ей безъ нихъ иногда сладко было вспоминать.

Лакеи, кучера, метръ д'отели, камердинеры—вся мужская прислуга въ домѣ болѣе или менѣе ухаживала за ней. Она нравилась своей свѣжестью, красивымъ костюмомъ, смѣсью задора и сдержанности. Она казалась имъ существомъ другой породы. Между тѣмъ, она была

просто хорошая женщина съ сильно развитымъ воображеніемъ, немного вѣтреная и тщеславная; она смѣялась больше другихъ, но въ сущности была честнѣе, потому что ея прошлое было лучше. Она не позволяла съ собой такихъ вольностей, какъ другія. Къ ней и господа относились иначе: какъ кормилица, она жила въ ихъ квартирѣ, а не наверху. Ее баловали, осыпали подарками; это также выдвигало ее среди остальныхъ и давало поводъ къ ухаживанію.

Въ это время умеръ ребенокъ, котораго она кормила, умеръ почти внезапно отъ неизвѣстной болѣзни. Донатьенна плакала по немъ. Ей было и горько и жутко; ей предстояла перемѣна судьбы. Она чувствовала себя утомленной и молоко у ней почти пропала. Прошло нѣсколько дней. Она все еще спала въ господскихъ покояхъ: ее жалѣли, ждали, пока у нея перегоритъ молоко... Однажды вечеромъ ее позвали къ барынѣ. Барыня была добра къ ней; она, страдавшая сама, нашла въ своемъ материнскомъ сердцѣ слово жалости для другой женщины, которая кормила ея погибшее дитя и какъ бы дѣлила съ ней ея материнство. Бѣлокурая, блѣдная, въ глубокомъ траурѣ, она ласково встрѣтила Донатьенну.

— Кормилица, — сказала она, — вѣдь вы остаетесь у насъ, не правда ли? Мнѣ хочется что-нибудь сдѣлать для васъ—вы такъ хорошо ходили за нимъ!.. Да и притомъ послѣ несчастья, постигшаго насъ, кто знаетъ, что будутъ говорить тамъ, у васъ на родинѣ, ваши бретонцы. Да и сами вы, бѣдняжка, врядъ ли захотите отвѣдать снова нищеты. Хотите остаться у меня второй горничной? Только я не могу дать вамъ комнаты здѣсь въ квартирѣ.

Молодая женщина искренно была увѣрена, что она сдѣлала доброе дѣло. Ея свѣтская сострадательность рисовала ей бѣдность худшимъ изъ золъ. На ея мѣстѣ нужно было-бы быть святой, чтобы думать иначе. Да, впрочемъ, она и не имѣла почти никакого понятія о томъ, что дѣлали ея слуги послѣ десяти часовъ вечера. И откуда же ей было знать? А въ ея хорошенькой квартиркѣ въ улицѣ Монсо, дѣйствительно, не было мѣста для слугъ. Въ томъ была виновата привычка, архитекторъ, домовладѣлецъ, сосѣди, поступавшіе также, дороговизна земли, недостатокъ средствъ, не позволявшій имѣть отель, огромное разстояніе, сотканное изъ невѣжества, ненависти и недовѣрія, раздѣляющее господъ и слугъ; непрочность и хрупкость отношеній между ними; пагубная мысль, что каждый отвѣчаетъ самъ за себя; молодость этой двадцатипятилѣтней женщины, у которой не было времени думать о подобныхъ вещахъ и которую мать не научила думать о нихъ... И Донатьенна погибла.

Она познакомилась съ грязнымъ корридоромъ шестого этажа, съ мансардами, раздѣленными только перегородками съ просверленными въ нихъ дырочками, затыкаемыми бумагой, съ хихиканьемъ и смѣшками за перегородкой, съ двусмысленными разговорами, приставаніями,

стукомъ въ дверь по ночамъ, когда мужчины возвращаются изъ театра или кафэ, съ тайными сборищами, открывавшимися по данному знаку жалюзи или двери, съ трелью электрическихъ звонковъ, на которую откликались бранью десятокъ мужчинъ и спускалась внизъ одна только женщина, съ раутами подъ крышей, которые начинались, какъ и тѣ, что внизу, минусъ обстановка, а кончались распутствомъ и грязью.

Донатьенна меньше кого бы то ни было способна была избѣжать этой заразы.

Она сдѣлалась любовницей лакея, красавца-мужчины, извѣстнаго своими любовными похожденіями, наглаго и въ ливреѣ, судившаго о господахъ съ самоувѣренностью и компетентностью двадцативосьми-лѣтняго малаго, который съ тринадцати лѣтъ терся по парижскимъ лакейскимъ, во всѣхъ кругахъ общества. Онъ очень гордился своею побѣдой. Донатьенна въ это время получала изъ дому умоляющія письма, не отвѣчая на нихъ, письма отъ мужа съ извѣщеніемъ, что скоро его имущество продадутъ съ молотка. Она не вѣрила. Ея любовникъ говорилъ: «это они тебя шантажируютъ», или: «они хотятъ, чтобы ты вернулась». Она и денегъ не послала, и сама не поѣхала спасать свою землю и домъ въ Ро-Гриньонѣ. Послѣднихъ двухъ писемъ она даже не получила: они были перехвачены, чтобы имѣть право сказать ей. «Ты видишь они тебя забыли. И вообще вся эта твоя семейная жизнь въ Бретани такая была ерунда. Они даже перестали писать тебѣ».

Въ это же время приблизительно она попросила у господъ позволенія не носить больше своего головного убора. Теперь, когда она уже не была больше кормилицей, меньше выходила и не являлась принадлежностью внѣшняго благолѣпія дома, имъ было все равно. И Донатьенна сняла свой чепецъ съ плоенными оболочками, уложила его въ сундукъ вмѣстѣ съ шерстянымъ платьемъ, сплошь заложеннымъ въ мелкія складочки, и не заглядывала туда больше. Теперь она завивала волосы и укладывала ихъ въ высокую прическу, носила шляпки и стала похожа на всѣхъ. Это измѣнило ее. Только зоркій глазъ могъ бы узнать дочь Бретани въ этой проворной и ловкой хорошенькой горничной, съ такимъ нервнымъ смѣхомъ и такой грустной улыбкой.

Лѣто прошло. Ро-Гриньонъ перешелъ въ чужія руки, а Донатьенна и не знала объ этомъ. Она часто думала о дѣтяхъ; ей хотѣлось бы знать, что съ ними. Порой она чувствовала угрызенія. Въ ранней юности она была очень набожна; и теперь она сохранила остатокъ вѣры и знала, что жизнь ея нехорошая. Но размышляла она объ этомъ и не часто, и не подолгу. Тамъ, на ея бѣдной родинѣ ей помогли бы уберечь себя или снова взять себя въ руки. Тамъ были церковные праздники съ подготовительнымъ постомъ и хожденіемъ въ церковь, обѣдня, заутреня, крещенія, похороны, проповѣдь священника; тамъ колокола звонили angelus; тамъ весь воздухъ молится три раза въ день, тамъ ей подавали хорошій примѣръ благочестивыя старушки, иногда захаживавшія къ ней въ гости, немного болтуньи и любитель-

ницы читать наставленія, но все же оставлявшія послѣ себя желаніе честной жизни. Въ Парижѣ ничего подобнаго, ничего кромѣ домашней службы безъ пѣнія, когда барынѣ случалось вспомнить о случаяхъ, назначить часъ и самой прослѣдить...

Наступилъ сентябрь. Донатьенна жила въ окрестностяхъ Парижа, въ замкѣ, все той же жизнью. Писемъ изъ дому больше не получалось. Наконецъ, тревога заставила ее нарушить приказъ любовника, и она написала: «Мадмуазель Ноэми Луарнъ въ Ро-Гриньонъ, Плекъ Бретань», спрашивая про всѣхъ, какъ кто поживаетъ... Прошла недѣля—отвѣта не было. Она думала, что Луарнъ узналъ, чѣмъ она стала, и запретилъ Ноэми отвѣчать ей. И она упрекала мужа. Чтобы узнать навѣрное, она написала той дѣвушкѣ, которую оставила вмѣсто себя присмотрѣть за домомъ и за дѣтьми, Анетѣ Думеркъ: «Почему они молчатъ»? На этотъ разъ отвѣтъ не заставилъ себя ждать, прямой и рѣзкій: «Развѣ вы не знаете, что все продано? У васъ нѣтъ больше дома. Вашъ мужъ ушелъ, по дорогѣ въ Вандею. И дѣтей забралъ съ собою». Ушелъ! Взялъ дѣтей! Гдѣ же они теперь? Этого ей никто не могъ сообщить ни меръ, ни священникъ, ни аббатъ Уртье, не получавшій писемъ отъ Луарна.

Тогда Донатьенной овладѣло отчаяніе. Ея горе было сильно и страстно. Она порвала съ своимъ любовникомъ, обвиняя его въ томъ, что онъ скрылъ отъ нея послѣднія письма Луарна;—она не ошиблась, хотя и не знала навѣрное; она ничего не ѣла и цѣлую недѣлю плакала, повторяя: «Ноэми! Люсьенна! Жоэль!» Господа жалѣли ее, потому что она была ловка, услужлива и, кромѣ того, была кормилицей умершаго ребенка. Но скоро здоровье ея пошатнулось, и въ одинъ ноябрьскій вечеръ ее пришлось свезти въ больницу. Докторъ констатировалъ горячку. Три дня спустя ея барыня послала справиться о ея здоровьѣ и потомъ на дневномъ пріемѣ говорила пріятельницамъ: «Вы помните у меня служила такая хорошенькая бретоночка. Бѣдняжка! Ей очень худо; на другой день послѣ ея поступленія въ больницу у нея было 40°. Она была такая милочка, не правда ли? И потомъ очень приличная, хорошая мать; она и умираетъ-то отъ того, что слишкомъ любитъ своихъ дѣтей. Представьте себѣ, мужъ-пьяница увезъ куда-то далеко дѣтей и ничего ей не пишетъ. Не правда ли, какъ это грустно?»

Въ самомъ дѣлѣ Донатьенна чуть не умерла. Выздоровленіе шло очень медленно. Выписавшись изъ больницы, она была такъ слаба, что ей и думать было нечего о томъ, чтобы сейчасъ же опять поступить на мѣсто, а денегъ у нея могло хватить всего на нѣсколько недѣль. Къ тому же она такъ измѣнилась физически, что ей стыдно было вернуться въ улицу Монсо, гдѣ мѣсто второй горничной было, конечно, уже занято, но гдѣ ей такъ или иначе помогли бы, посовѣтовали, направили бы къ какой-нибудь пріятельницѣ, нуждающейся въ честной прислугѣ. Ей не хотѣлось встрѣтиться съ человѣкомъ который былъ ей теперь противенъ, и показаться ему и другимъ съ

плѣшью на вискахъ, съ впалыми щеками и глазами, которые отъ слабости стали косить.

Она поселилась въ меблированной комнатѣ, сама не зная, что ей предпринять, куда дѣваться, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ съ прислугой по выходѣ изъ больницы или отказѣ отъ мѣста. Ей приходила мысль вернуться въ Бретань; но что бы она стала тамъ дѣлать, чѣмъ жить? Что можно заработать въ такой жалкой норѣ, какъ Плекъ, да еще теперь, когда всѣ вооружены противъ нея? Ея заставили бы жестоко страдать, а она и такъ уже столько выстрадала. Ея прирожденная бретонская грусть превратилась въ такое опредѣленное горе! Попытка примириться съ родителями, рыбаками изъ Иффиньяка, не удалась, ибо Донатьенна созналась, что не выучилась никакому ремеслу и ничего не скопила. А нищета уже стучалась въ двери. Не дождавшись, пока къ ней вѣрнутся силы, Донатьенна рискнула послѣднимъ золотымъ, записалась въ конторѣ и поступила на новое мѣсто, къ свѣтской дамѣ, у которой было двѣ взрослыхъ дочери. Но прослужила она недолго, ибо тамъ приходилось поздно ложиться. Она опять вернулась въ номера, гдѣ ее ждало полное отчаяніе, а затѣмъ вскорѣ и нехорошая жизнь.

Она не старалась больше нравиться и блистать; она просто боялась умереть съ голоду. И вотъ безъ увлеченія и почти безъ борьбы, со стыдомъ, но рѣшительно, какъ бы бросаясь въ воду, она «спуталась», по народному выраженію, съ бывшимъ кучеромъ, богатымъ, грубымъ и пьяницей, который бросилъ службу и хотѣлъ завести какую-нибудь торговлю. Онъ, какъ водится, купилъ кафэ и заботу объ успѣхѣ предпріятія возложилъ на Донатьенну.

Вотъ ужъ шесть лѣтъ она жила здѣсь по семейному, и сосѣди думали, что они мужъ и жена. Она вела хозяйство, стряпала, прислуживала посѣтителямъ, кромѣ утренних часовъ, когда она ходила за провизіей; она же вела счетъ приходу и расходу, а въ свободное время чинила бѣлье. Кафэ процвѣтало, благодаря энергіи Донатьенны, ея аккуратности, умѣнью поставить себя и вѣжливому обращенію съ посѣтителями, привлекавшему кліентовъ. Ея сожитель, Бастіенъ Ларэй, нисколько не помогалъ ей. Онъ шатался по цѣлымъ днямъ, подъ предлогомъ пополненія погреба и кладовой и поисковъ мѣста кочегара, хотя былъ бы въ отчаяніи, еслибъ нашелъ его. Зачѣмъ ему мѣсто? Ему и такъ хорошо жилось на покоѣ. Два раза изъ трехъ онъ возвращался домой пьянымъ. Донатьенна держала его въ подчиненіи, ибо была умнѣе его, но прежде, чѣмъ уступить, онъ колотилъ ее, ибо онъ былъ сильнѣе. Любви между ними не было. И никто изъ нихъ не обманывался насчетъ другого. Но они не знали, какъ имъ разойтись и какъ потомъ жить врозь. Всѣ заботы, труды и терпѣніе, за которыя любимыхъ женъ и матерей вознаграждаетъ умиленная признательность, нѣжность дѣтей и мужа, Донатьена расточала, не

получая взамѣнъ хотя бы ласковаго слова, не мечтая о будущемъ, не находя ускользавшаго отъ нея душевнаго покоя.

Она пробовала поселить въ своей душѣ этотъ покой или, по крайней мѣрѣ, безмолвіе и пустоту. Она упорно гнала религіозныя воспоминанія и укоры совѣсти, которые, возвращаясь, все больше и больше слабѣли, и почти восторжествовала надъ ними. Ея обычная жизнь, занятая и нескучная, постоянное движеніе и шумъ вокругъ помогали ей отгонять назойливые образы прошлаго. Иногда только ее охватывала неопреодолимая потребность излить на кого-нибудь свою материнскую нѣжность, и тогда, вся разбитая, она была безсильна и противъ остального—воспоминаній о лицахъ, о вещахъ, которыя она считала забытыми. Тогда она пробовала забыться, болтала съ кліентами, играла съ ними въ карты или даже, довѣривъ кассу сосѣдкѣ, шла одна или вмѣстѣ съ любовникомъ бродить по парижскимъ улицамъ, въ толпѣ. Въ такія минуты душевныхъ грозъ она говорила себѣ, что вѣдь она же лишена возможности выполнить хотя бы часть обязанностей, отъ которыхъ она отреклась, хотя бы узнать, живы ли еще ея дѣти и мужъ, не погибъ ли кто-нибудь изъ нихъ, если не всѣ, отъ кочевой нужды, которая еще хуже осѣдлой. Цѣлыхъ семь лѣтъ безъ всякихъ извѣстій, семь лѣтъ.

И вотъ она неожиданно узнаетъ, что въ Крезѣ видѣли мальчика Жоэля, однихъ лѣтъ съ ея сыномъ и родомъ изъ Бретани... Она не могла узнать, ея ли это ребенокъ. Но этого было достаточно, чтобы нарушить ея покой. Мысль о покинутыхъ снова завладѣла ея умомъ, откуда она была изгнана только наполовину. Она вернулась съ именемъ Жоэля на устахъ. Сомнѣніе, тревога, самообвиненія, на которыя нечего было отвѣтить,—все сразу ожило. «Изъ-за чего ты мучаешься,—говорила себѣ Донатьенна, быстро шагая въ туманѣ. Изъ-за ничего!.. Какъ будто въ Бретани только одного твоего сына зовутъ этимъ именемъ!... Вѣдь каменьщикъ же видѣлъ двухъ мальчиковъ и дѣвочку,—значитъ, это не они... Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ это были мои дѣти. Да и потомъ, я знаю ихъ отца; онъ навѣрное умеръ съ горя... Мой мужъ навѣрное умеръ...

Лавочники, къ которымъ она заходила, дивились на ея глаза—«точно она спитъ наяву и видитъ сонъ»; она нигдѣ не останавливалась поболтать. «У мадамъ Донатьенны, навѣрное есть что-нибудь на душѣ», говорили въ одинъ голосъ булочница, торговка зеленью и пирожница но никто не угадалъ настоящей причины ея волненія. Да и кто могъ бы угадать?...

Когда онъ вернется, этотъ каменьщикъ? Не раньше, какъ черезъ четыре мѣсяца. Его разсказъ былъ такъ похожъ на правду, но были и подробности, заставлявшія сомнѣваться...

Донатьенна ходила сегодня за покупками дольше обыкновеннаго. Когда она вернулась, кафэ былъ уже наполовину полонъ. Бастіенъ

Ларэй сидѣлъ, какъ всегда днемъ, на возвышеніи, за стеклянной перегородкой. Онъ ласково улыбнулся Донатьеннѣ, что дѣлалъ не часто, и подозвалъ ее вполголоса, какъ-то особенно подмигнувъ ей. Благодаря этой его манерѣ въ кварталѣ про нихъ говорили, что они «хорошо живутъ между собою».

— Что ты такъ долго? Много покупокъ?... Какъ видишь собрался народъ, я подавалъ вмѣсто тебя... Ну, что ты, по крайней мѣрѣ отошла послѣ прогулки?... Нѣтъ... Все еще сердишься на меня? Ну, хочешь, вечеромъ пойдемъ въ театръ?... Идетъ?...

Стукъ мѣдной монеты о мраморный столикъ прервалъ разговоръ. Бастіенъ Ларэй докончилъ громко, словно отдавая приказаніе:

— Въ кассу! № 15-й.

И самъ пошелъ получать деньги за кружку пива.

Молодая женщина прошла на свое мѣсто. Посѣтители, знавшіе ее, слѣдили за ней, другіе тоже, хотя менѣе внимательно. Темнѣло; туманъ все сгущался. Лошади на улицѣ скользили, какъ по снѣгу. Дымъ изъ трубы стлался низко надъ землею; вѣтеръ не давалъ ему подняться, кружилъ его вихрями на высотѣ оконъ, и эти вихри глядѣли въ лицо Донатьеннѣ, когда она подымала голову надъ счетной книгой.

Она говорила себѣ: «Не то я сказала этому каменьщику... Надо было толкомъ разспросить его... А теперь гдѣ его найдешь? Тревога и досада на себя терзали ея сердце. Какъ можно было не узнать названія деревни, гдѣ живетъ Жоэль, или хотя бы сосѣдней деревни? Она написала бы дѣтямъ. Изумленіе, волненіе и быстро наступившее разочарованіе помѣшали ей это сдѣлать, а это было необходимо. Но нѣтъ! Развѣ она можетъ написать дѣтямъ? Что же она имъ скажетъ? Чѣмъ оправдаетъ себя передъ ними? Если они живы, если это вправду Ноэми и Жоэль, не явится ли у нихъ искушенія, не дадутъ ли имъ приказа отвѣтить сурово и рѣзко недостойной матери?... О нѣтъ! Не надо писать. Въ сущности, даже хорошо, что такъ вышло... Надо ждать... нѣсколько мѣсяцевъ... Чего? Чтобы, изстрадавшись отъ ожиданія можетъ быть ничего не узнать?... Можетъ быть, это просто обманщикъ? Злой шутникъ, подосланный кѣмъ-нибудь, кто знаетъ, что она была замужемъ, и хочетъ заставить ее сознаться въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ?... Хотя видъ у него скорѣе простоватый... И онъ ни разу не засмѣялся... И вообще онъ кажется хорошимъ человѣкомъ, если не считать той вольности, которую онъ себѣ позволилъ. Впрочемъ, всѣ они это себѣ позволяютъ съ такими женщинами, какъ она, еще не старыми и красивыми.

Страшно усталая отъ этихъ мыслей, она все-таки думала: «Я хотѣла бы, чтобъ это оказалось правдой, хотя бы мнѣ и не удалось никогда свидѣться съ ними. Я хотѣла бы знать, что они живы что они красивые и хорошіе, и гдѣ они...»

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ КЛИМАТЫ.

«Если геологія представляетъ изученіе прошлаго при свѣтѣ настоящаго, то современнымъ географическимъ методомъ должно быть изученіе настоящаго при свѣтѣ прошлаго» — этой формулой англійскій ученый Мэкиндеръ связываетъ геологію и географію. Въ этой формулѣ выражается съ достаточной опредѣленностью сознаніе преемственности между различными факторами минувшихъ эпохъ въ жизни земли и условіями, опредѣляющими въ настоящее время физико-географическія особенности ея поверхности. Различіе климатовъ въ минувшія эпохи, или такъ называемые геологическіе климаты и современныя физико-географическія особенности необходимо разсматривать, какъ одну непрерывную цѣпь событій. При заключеніяхъ отъ извѣстныхъ теперь соотношеній къ неизвѣстнымъ прошлаго необходимо постоянно помнить обратную зависимость, подъ вліяніемъ которой развивались современныя условія.

Физико-географическія условія земной поверхности въ любой моментъ жизни земли обнимаютъ не только распредѣленіе суши и воды, т.-е. горизонтальное расчлененіе поверхности, и самый видъ поверхности, или ея вертикальное расчлененіе, но также и условія климатическія и какъ слѣдствія всѣхъ этихъ причинъ, общій характеръ фауны и флоры. Возстановленіе картины физико-географическихъ условій земной поверхности въ различные геологическіе періоды составляетъ задачу такъ называемой *палеографіи*. Вопросы о климатахъ минувшихъ періодовъ, или о такъ называемыхъ *палеотермальныхъ* условіяхъ, составляетъ, слѣдовательно, только часть грандіозной задачи палеогеографіи.

Современная климатическая дифференцировка земной поверхности есть одно изъ наиболѣе сложныхъ сочетаній физическихъ и астрономическихъ условій жизни нашей планеты. Имѣемъ ли мы достаточно основаній для попытокъ возстановленія хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ климатовъ прошлаго? Въ сущности, только теперь проявляется надежда на возможность опредѣленія абсолютныхъ температуръ нѣкоторыхъ моментовъ этого прошлаго, всѣ же соображенія о геологическихъ климатахъ основаны на фактахъ, имѣющихъ только относительное

значеніе. Тѣмъ не менѣе въ настоящее время все болѣе суживаются рамки простора, служившаго полемъ для различныхъ спекулятивныхъ соображеній въ этомъ отношеніи. Теперь можно отмѣтить въ этомъ вопросѣ только два направленія научной мысли, которыя даже не исключаютъ другъ друга. Одно стремится привести въ стройное единство всю массу фактовъ, считая [внѣшнія термальныя условія земли неизмѣнными со времени появленія на ея поверхности первой органической жизни; другое, напротивъ, считается съ возможностью измѣненія этихъ внѣшнихъ условій. Большинство геологовъ придерживается перваго направленія; но нельзя не замѣтить, что это зависитъ не столько отъ подавляющаго сочетанія фактовъ, сколько отъ преувеличеннаго нѣсколько представленія о неизмѣнности качества геологическихъ факторовъ, хотя въ данномъ случаѣ дѣло идетъ даже объ измѣненіи только напряженности одного изъ факторовъ.

Современная климатологія, опираясь на извѣстныя изслѣдованія *Брюкнера* и *Блитта*, показываетъ, что климатъ каждой области (какъ среднее состояніе атмосферы, т.-е. барометрическаго давленія, температуры и осадковъ въ зависимости отъ постоянныхъ орографическихъ условій) не есть нѣчто постоянное, что въ каждой данной области могутъ быть отмѣчены различныя періодическія колебанія, такъ называемыя *волны*. Въ настоящее время различаютъ уже волны многолѣтнія и вѣковыя. Послѣднія приводятъ, повидимому, естественно къ предположенію о существованіи геологическихъ волнъ, которыя извѣстный проф. *Зупанъ* пробуетъ установить для ледниковой эпохи. Признавая, согласно съ нѣкоторыми геологами, три ледниковыя эпохи для Европы, раздѣленныя болѣе теплыми междуледниковыми, Зупанъ насчитываетъ шесть періодовъ колебанія климата отъ перваго пліоценоваго до шестого въ видѣ третьей ледниковой эпохи.

Физическая географія для объясненія многолѣтнихъ волнъ исчерпала всѣ доступные ей методы изслѣдованія; можно считать доказаннымъ одновременное распространеніе по всей землѣ многолѣтнихъ волнъ, а при наличности неизмѣннаго положенія какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ географическихъ условій приходится прибѣгать для объясненія такихъ колебаній къ причинамъ внѣ земли, т.-е. космическимъ *). Къ нимъ не разъ обращались и для объясненія условій такъ называемой ледниковой эпохи, въ особенности до выясненія истиннаго характера этихъ условій, даннаго проф. Воейковымъ, работа котораго о климатическихъ условіяхъ ледниковыхъ явленій на-

---

*) По мнѣнію, напр., *Экгольма* измѣненіе климата, какое наблюдается въ сѣверо-западной и западной Европѣ, гдѣ климатъ становится болѣе островнымъ, т.-е. зимы мягче, а лѣто холоднѣе, объясняется измѣненіемъ наклона земной оси къ эклиптикѣ; въ теченіе послѣднихъ 9.000 лѣтъ этотъ наклонъ постепенно увеличивается и достигнетъ максимума приблизительно черезъ 10.000 лѣтъ.

стоящихъ и прошедшихъ (1881 г.) открываетъ новую эру въ разработкѣ вопроса о причинахъ ледниковой эпохи. Основное положеніе *Воейкова* о вліяніи на климатическія колебанія совокупныхъ причинъ распредѣленія суши и воды и неизбѣжно связанныхъ съ этимъ измѣненій морскихъ и воздушныхъ теченій, особенно близко геологамъ, въ задачу которыхъ и входитъ всестороннее освѣщеніе вліянія на жизнь земли причинъ, лежащихъ въ ней самой, такъ называемыхъ *теллурическихъ*. Геологія, широко пользуясь помощью другихъ наукъ, все болѣе отказывается отъ попытокъ вводить причины космическія для объясненія земныхъ явленій; космическія причины для объясненія явленій вулканизма, сейсмическихъ, колебаній границъ между моремъ и сушей (трансгрессіи и регрессіи) потеряли, можно сказать, всякій кредитъ.

О термальныхъ условіяхъ прежнихъ эпохъ обыкновенно дѣлали заключенія по общему характеру фауны и флоры того времени. *Ляйель* первый показалъ, что при такихъ заключеніяхъ необходимо помнить о значительной способности приспособленія организмовъ къ измѣняющимся условіямъ жизни и о возможности для животныхъ перемѣщаться при наступленіи условій, неблагопріятныхъ для ихъ жизни въ области, болѣе соотвѣтствующія ихъ организаціи. Мы въ правѣ еще дѣлать нѣкоторыя заключенія на основаніи общаго характера ископаемой фауны и флоры (методъ палеонтологическій), опираясь на чрезвычайную медленность акклиматизаціи, лишь для періодовъ, ближайшихъ къ современному, когда можно съ нѣкоторой вѣроятностью сдѣлать допущеніе, что ископаемыя формы жили при тѣхъ же климатическихъ условіяхъ, въ какихъ продолжаютъ жить теперь ихъ ближайшіе родичи. Чѣмъ дальше мы удаляемся въ глубь временъ, тѣмъ менѣе обоснованными будутъ такія заключенія, такъ какъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы близкія или только сходныя формы жили всегда въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ. Измѣненіе этихъ условій реагируетъ вообще медленнѣе на морское населеніе, чѣмъ на флору суши; при разрѣшеніи палеотермальныхъ вопросовъ для ближайшихъ предшествующихъ эпохъ болѣе надежное основаніе могутъ дать, слѣдовательно, остатки сухопутныхъ растеній. Тѣмъ не менѣе и для различныхъ эпохъ третичнаго періода такой методъ нельзя считать вполнѣ удовлетворительнымъ; приложимость его ограничивается въ значительной мѣрѣ какъ неизвѣстной для насъ степенью приспособляемости, напр., насушной флоры къ различнымъ климатическимъ условіямъ, такъ и неполнотой нашихъ свѣдѣній объ истинныхъ условіяхъ жизни многихъ морскихъ животныхъ, какъ это показано недавно, напр., нашимъ зоологомъ *Н. М. Книповичемъ* на формахъ, образъ жизни которыхъ считался сравнительно даже хорошо изученнымъ.

Для болѣе древнихъ періодовъ *Неймайръ* предложилъ иной методъ

(стратиграфическій), основанный на изученіи географическаго распространенія растеній и животныхъ въ опредѣленные періоды. Если при такомъ сравнительномъ изученіи обнаружится какая-нибудь связь между географическимъ распространеніемъ ископаемыхъ организмовъ и широтою мѣста, то этимъ выяснится для соотвѣтствующей эпохи дифференцировка земной поверхности на климатическіе поясы или зоны; въ зависимости отъ широтнаго положенія такихъ зонъ, или, при менѣе значительномъ ихъ развитіи, такъ называемыхъ провинцій, можно уже опредѣлить характеръ населенія каждой такой провинціи или даже цѣлаго пояса, хотя бы условія жизни этого населенія оставались намъ совершенно неизвѣстными. При сравненіи послѣдовательныхъ эпохъ можно рѣшить, какъ измѣнялись климатическія условія, былъ ли раньше однообразный жаркій климатъ или теплыя и холодныя эпохи смѣняли другъ друга.

Разселеніе морскихъ животныхъ небольшихъ глубинъ и смѣшеніе фаунъ происходитъ вдоль береговъ суши; слѣдовательно, широкое распространеніе мелководныхъ ископаемыхъ формъ какой-нибудь эпохи служитъ яснымъ доказательствомъ однообразія климатическихъ условій, такъ какъ распространеніе въ настоящее время такихъ животныхъ, также какъ обитателей суши и озеръ, подчинено климатическимъ условіямъ. Въ каждомъ изъ такихъ пространствъ, подчиненныхъ одинаковымъ климатическимъ условіямъ, различныя мѣстныя причины, какъ измѣненія глубины моря, его солености, характера его дна, или различія въ высотѣ надъ уровнемъ моря на сушѣ, вызываютъ крупныя различія въ характерѣ населенія, которыя называютъ *фаціальными*. Наконецъ, кромѣ климата и фаціальныхъ причинъ, на распространеніе организмовъ оказываютъ вліяніе также внѣшнія географическія условія, напр., высокіе хребты и глубокія пространства открытаго моря, составляющіе непреодолимыя преграды для разселенія организмовъ какъ сухопутныхъ, такъ и прибрежныхъ морскихъ. Какъ на сушѣ, такъ и въ морѣ можно, слѣдовательно, отличить и независимо отъ климатическихъ условій, еще отдѣльныя географическія области или провинціи, характеризующіяся также равномѣрнымъ и исключительнымъ распредѣленіемъ опредѣленныхъ группъ органическихъ формъ; такія же геологическія провинціи можно замѣтить и по распредѣленію ископаемыхъ формъ въ нѣкоторыя минувшія эпохи.

Такія геологическія провинціи, которыя особенно отчетливо обнаруживаются въ моряхъ, конечно, не нужно отожествлять съ климатическими поясами, но онѣ показываютъ, во всякомъ случаѣ, различіе физико-географическихъ условій, отражающихся на постоянствѣ данной фауны. Провести границу между такими провинціальными и болѣе частными, фаціальными, отличіями для осадковъ минувшихъ эпохъ не всегда возможно. Каждая провинція можетъ представлять совокупность

самыхъ разнообразныхъ фацій, а каждый климатическій поясъ, или, какъ теперь называютъ, тепловой поясъ (жаркій, два умѣренныхъ и два холодныхъ, границы которыхъ не совпадаютъ съ математическими линіями прежнихъ климатическихъ поясовъ), можетъ обнимать нѣсколько географическихъ (или геологическихъ) провинцій.

На составъ ископаемаго населенія опредѣленнаго пространства могутъ оказывать вліяніе, слѣдовательно, и климатическія условія, и фаціальныя различія, и геологическія провинціи. *Неймайру* принадлежитъ крупная заслуга критической оцѣнки вліянія этихъ разнообразныхъ причинъ на составъ ископаемой фауны отдѣльныхъ геологическихъ отложеній и опредѣленія сферы каждаго вліянія путемъ возстановленія очертаній материковъ и океановъ въ соотвѣтствующія геологическія эпохи, такъ какъ только послѣ этого мы можемъ различить фаціи и провинціи. Если одновременность глубоководныхъ и прибрежныхъ отложеній въ какой-либо группѣ геологическихъ образованій установлена, то первыя даютъ возможность показать распространеніе открытаго моря данной геологической эпохи, а прибрежныя отложенія позволяютъ намѣтить близость суши; распространенія суши опредѣляется не только на основаніи отрицательныхъ признаковъ, т.-е. тамъ, гдѣ соотвѣтствующихъ отложеній вовсе не найдено, но также и на основаніи положительныхъ, именно, наличности всей суммы признаковъ такъ называемыхъ *континентальныхъ* отложеній, т.-е. образованій, возникшихъ на поверхности суши. Широкое распространеніе мелководныхъ ископаемыхъ формъ позволяетъ иногда намѣтить направленіе древняго берега, вдоль котораго могло происходить разселеніе данныхъ формъ.

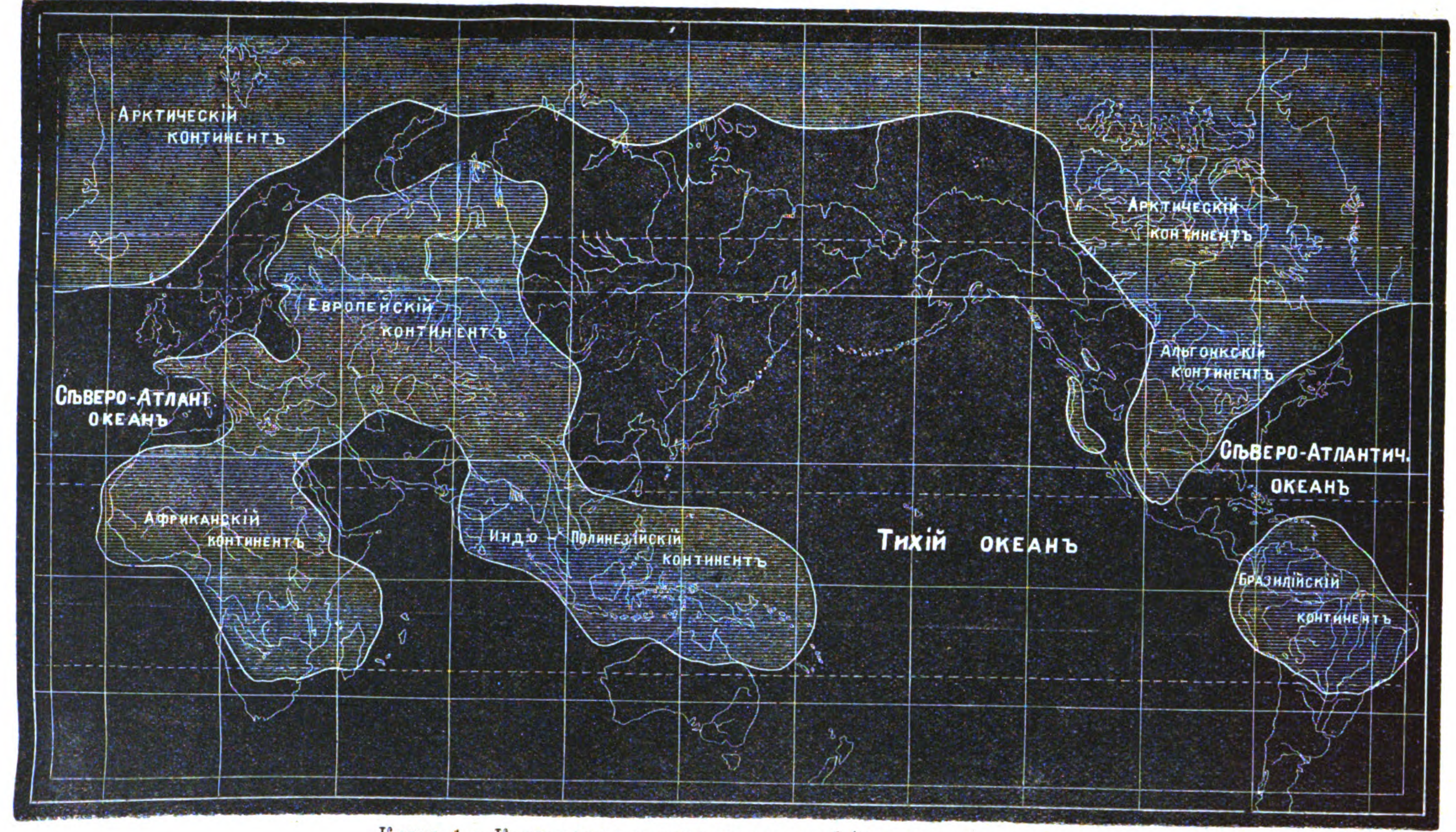
Приложимость стратиграфическаго метода для возстановленія термальныхъ или климатическихъ условій древнихъ минувшихъ эпохъ зависитъ, слѣдовательно, всецѣло отъ успѣха геологическихъ знаній; неполнота ихъ и отражается, прежде всего, на достигнутыхъ до сихъ поръ результатахъ.

Необходимо помнить, что всѣ, включительно до новѣйшихъ—*Фреха* и *Лаппарана*, попытки возстановленія очертаній суши въ различныя геологическія эпохи представляютъ только эскизы, для полноты которыхъ не хватаетъ еще данныхъ для обширнѣйшихъ пространствъ земной поверхности, въ особености южнаго полушарія; часто одинъ новый фактъ заставляетъ еще значительно измѣнять все построеніе. Глубоководныя изслѣдованія еще продолжаютъ знакомить насъ съ вліяніемъ рельефа дна на морскія теченія и распредѣленіе организмовъ; антарктическія экспедиціи только теперь обѣщаютъ намъ значительное расширеніе геологическихъ свѣдѣній для пространствъ, куда давно уже обращались взоры геологовъ. Но не только глубины океановъ и неизвѣданныя пространства суши таятъ новые факты для геологовъ; они должны жадно слѣдить за успѣхами трудовъ и физика, и химика, бле-

стящія изслѣдованія которыхъ иногда неожиданно открываютъ геологу возможность извлечь изъ прошлаго земли цифры, которыя только и могутъ безповоротно рѣшить нѣкоторыя изъ его наведеній.

Прослѣдимъ тѣмъ не менѣе, что даетъ геологія для вопроса о климатахъ прошлаго.

Доисторическое время въ развитіи земли началось съ образованія такъ называемой первозданной земной коры и закончилось съ появленіемъ на ней первой органической жизни. Объ этомъ времени можно имѣть только нѣкоторыя теоретическія представленія, которыя сводятся къ слѣдующей схемѣ, предложенной знаменитымъ американскимъ геологомъ *Дэна*. За возникновеніемъ первозданной коры, которымъ закончилось *звѣздное* время существованія нашей планеты, послѣдовало время *азойское* (безжизненное), въ теченіе котораго можно предполагать два періода: *ангидридовый* или безводный и *океанскій*, или азойскій въ тѣсномъ смыслѣ. Въ теченіе ангидридоваго періода на поверхности земли можно предполагать отложеніе только изверженныхъ горныхъ породъ, разнообразно выступавшихъ среди разломовъ сравнительно слабой и гибкой еще земной коры и распространявшихся обширными покровообразными массами на ея поверхности. Въ теченіе океанскаго періода нужно предполагать начало отложенія осадочныхъ горныхъ породъ, совпадающее съ образованіемъ первой воды отъ сгущенія мощной атмосферной оболочки; эта оболочка должна была заключать значительное количество не только газовъ, составляющихъ современную атмосферу, но также и водяныхъ паровъ, происшедшихъ отъ соединенія продуктовъ выдѣленія, сопровождавшихъ изліянія изверженныхъ массъ въ теченіе ангидридоваго періода; одновременно должно было происходить сгущеніе и другихъ газообразныхъ веществъ; воды такого первичнаго океана должны были имѣть высокую температуру и заключали значительное количество различныхъ растворенныхъ веществъ; органической жизни въ водахъ такого океана не могло быть. Едва ли возможно составить себѣ представленіе о свойствахъ осадочныхъ отложеній этого времени, а продолжающіеся вулканическіе и геодинамическіе (при дальнѣйшемъ сокращеніи объема земли) процессы должны были кореннымъ образомъ измѣнить такія первичныя осадочныя отложенія. Новѣйшія изслѣдованія, напр., финляндскихъ геологовъ, открывшихъ осадочныя образованія среди древнѣйшихъ кристаллическихъ сланцевъ Финляндіи, все болѣе понижаютъ горизонты нахожденія болѣе или менѣе нормальныхъ осадочныхъ образованій и отдаляютъ вѣроятность открытія осадочныхъ образованій океанскаго періода. Соотвѣтствуютъ ли образованіямъ этого доисторическаго времени тѣ изъ гнейсовъ или другихъ кристаллическихъ сланцевъ, для которыхъ пока не удается доказать ихъ происхожденія путемъ измѣненія нормальныхъ изверженныхъ или нормальныхъ осадочныхъ породъ, остается вопросомъ открытымъ. Можно сказать только,

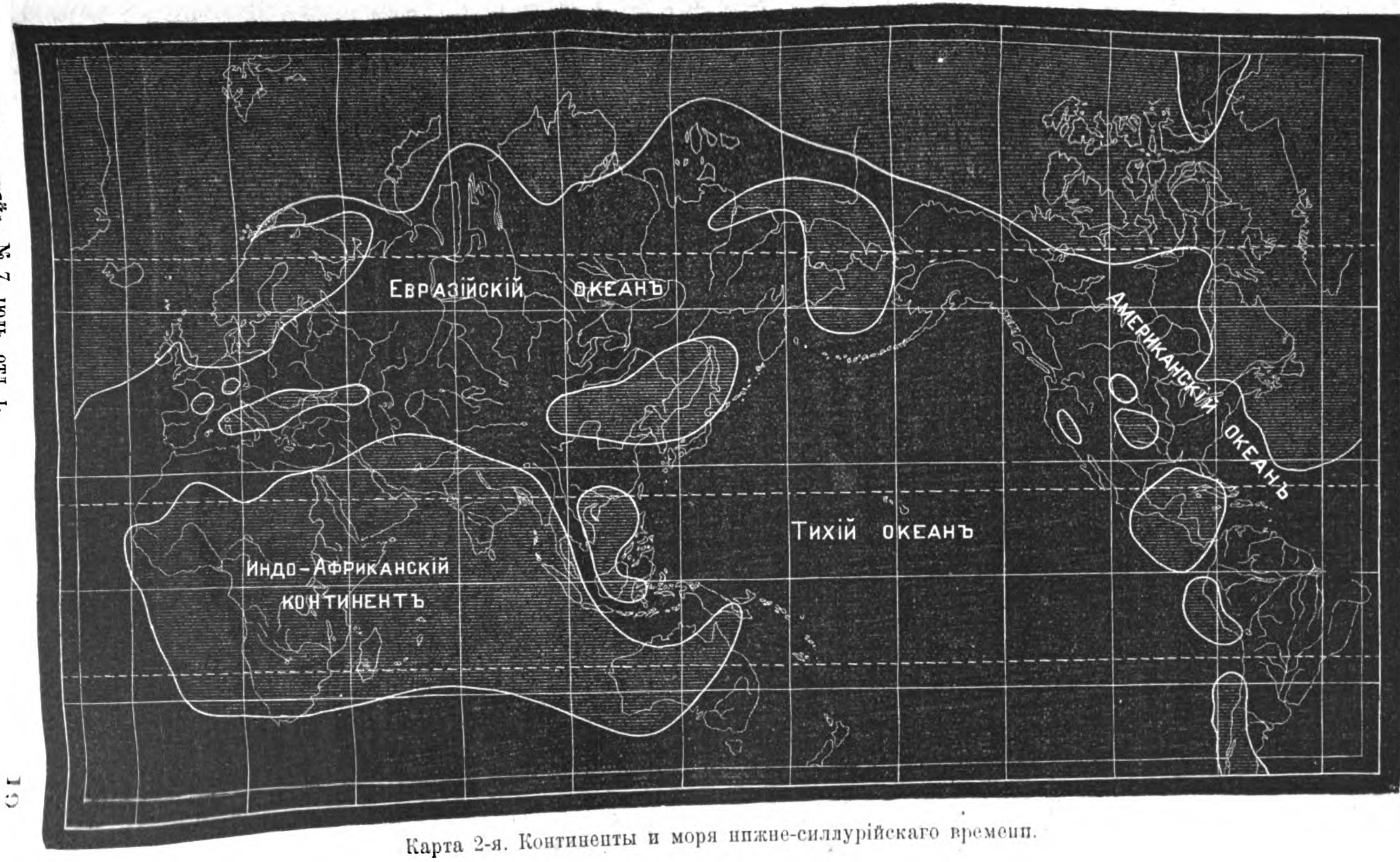
Карта 1-я Континенты и моря нижне-кембрійскаго времени.

что дѣйствительно азойскій или археискій возрастъ можно приписывать кристаллическимъ сланцамъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ залегаютъ несогласно *) отложенія *археозойскія*, въ которыхъ обнаруживаются первые признаки органической жизни на землѣ. Мощныя толщи такихъ отложеній, начинающихся грубо-обломочными породами, открыты уже въ различныхъ странахъ (Канада, Уэльсъ, Богемія, Бретань, Финляндія и различныя части Азіи). Покрываясь въ свою очередь несогласно древнѣйшими, заключающими окаменѣлости, слоями, археозойскія отложенія представляютъ обособленную группу образованій, которую въ настоящее время разсматриваютъ, какъ самостоятельную между архейской группой и палеозойской; съ нея начинаются уже *историческія* эры въ развитіи земли. О невѣроятной величинѣ промежутка времени этой археозойской эры (ее называютъ также эозойской, протерозойской и не совсѣмъ удачно докембрійской) нельзя составить даже приблизительнаго представленія; въ отложеніяхъ нижняго кембрія, т.-е. древнѣйшаго періода палеозойской эры, находятся остатки уже высоко организованной фауны (трилобиты изъ ракообразныхъ и плеченогія), но гдѣ было море, въ которомъ происходило развитіе фауны предшествоваашей, мы не можемъ намѣтить даже приблизительно.

Тѣмъ интереснѣе, что среди отложеній археозойскихъ Индіи открыты (Нötлингомъ) мощные слои темнокрасныхъ песчаниковъ съ волноприбойными знаками и діагональной слоистостью и подчиненные имъ слои соленосныхъ глинъ. Согласно взглядамъ, развиваемымъ въ послѣднее время іенскимъ профессоромъ *Вальтеромъ*, такія континентальныя отложенія можно считать за фацію жаркаго климата пустынь.

Палеозойская эра. Характеръ кембрійскихъ породъ, состоящихъ преимущественно изъ обломочнаго матеріала, показываетъ существованіе уже значительныхъ массъ суши. Отъ нижняго кембрія (Карта 1-я) почти до времени верхняго можно указать (по картамъ проф. *Фреха* изъ Бреславля) на существованіе трехъ континентовъ: *альгонкскаго*, въ серединѣ нынѣшней сѣверной Америки, *арктическаго* на сѣверѣ Атлантическаго океана (послѣдующая *Атлантида* другихъ авторовъ) и *европейскаго* на мѣстѣ нынѣшней средиземноморской области. Ко времени нижняго силура (Карта 2-я) альгонкскій материкъ уже исчезъ; арктическій расширился къ юго-западу въ область сѣверной Европы, но потерялъ свою непрерывность въ широтномъ направленіи. На юго-западѣ отъ Сибирско-Китайскаго моря появился непрерывный Индо-Африканскій материкъ; бразилійская масса, вѣроятно, дополняла такое

*) Т.-е., если верхняя свита слоевъ занимаетъ положеніе не параллельное нижней свитѣ, что обнаруживаетъ перерывъ по времени между отложеніями обѣихъ свитъ.

Карта 2-я. Континенты и моря нижне-силурійскаго времени.

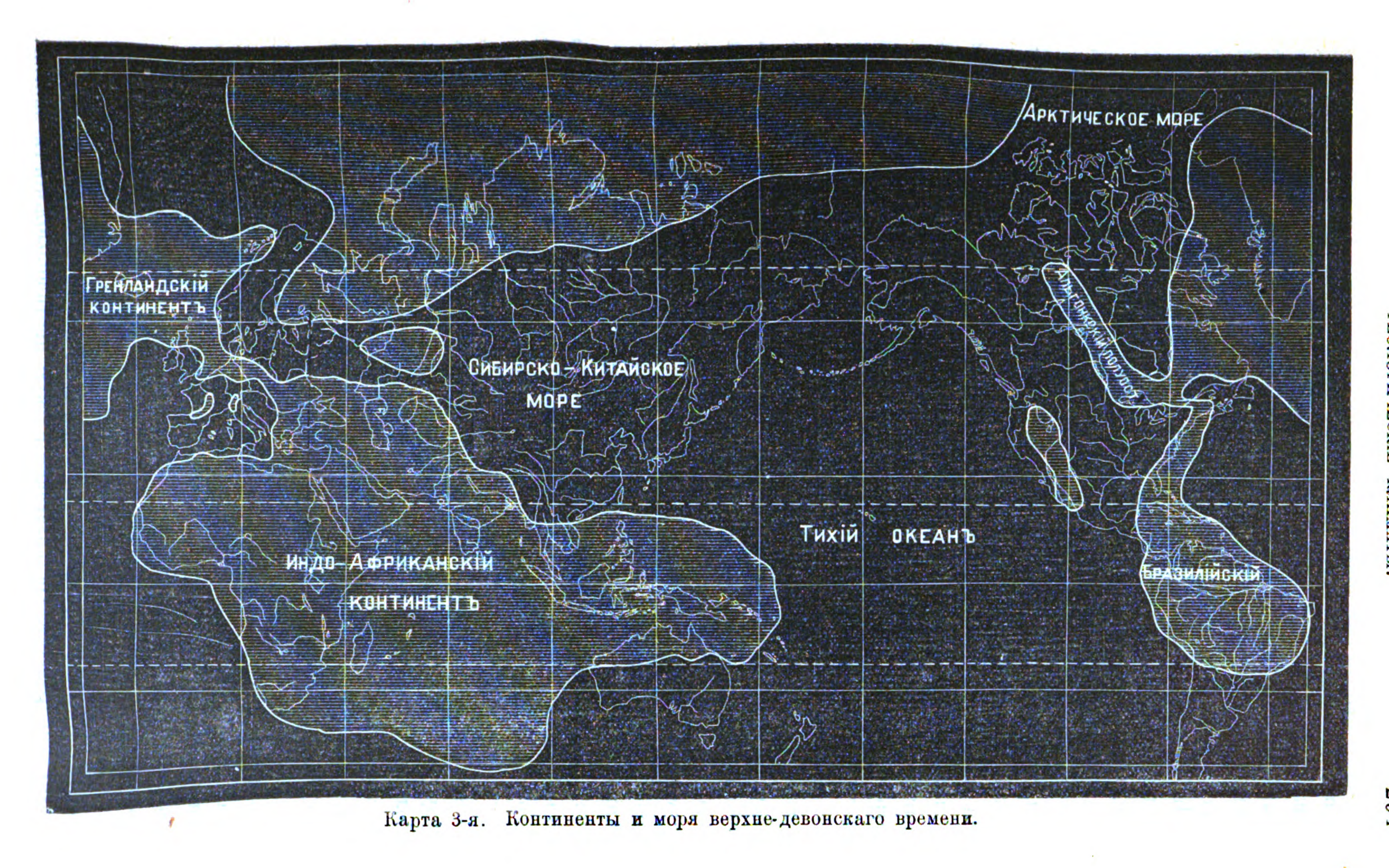
расчлененіе земной поверхности того времени. Во вторую половину силурійскаго періода море замѣтно наступаетъ на части суши, покрывая и такія ея пространства, которыя до этого момента ни разу подъ водами океана еще не были; такое расширеніе моря далеко за предѣлы его распространенія въ ближайшую предшествовавшую эпоху называютъ въ геологіи *трансгрессіей*. Проливы между отдѣльными морями замѣтно расширяются, и естественно, что въ связи съ этимъ должно обнаружиться и измѣненіе въ характерѣ населенія этихъ морей.

Нѣкоторыя фаунистическія особенности въ морскомъ населеніи можно обнаружить уже въ кембрійскихъ отложеніяхъ Австраліи и Индіи, слѣдовательно третьяго кембрійскаго океана (первый—сѣверо-атлантическій, второй—тихоокеанскій бассенъ). Среди различныхъ горизонтовъ кембрійскихъ отложеній обнаруживаютъ широкое распространеніе красные песчаники, несогласное положеніе которыхъ среди другихъ породъ и петрографическія особенности позволяютъ разсматривать ихъ также за образованія пустынь жаркаго сухого климата.

Для времени нижняго силура распредѣленіе морской фауны позволяетъ выдѣлить нѣсколько морскихъ провинцій (Фрехъ различаетъ четыре), которыя съ расширеніемъ моря во вторую половину этого періода исчезаютъ; для верхняго силура при повсемѣстномъ распространеніи какъ въ сѣверномъ, такъ и въ южномъ полушаріи формъ, совокупность которыхъ называютъ теперь періарктическимъ типомъ фауны, только въ центрѣ Европы (отъ Бельгіи до восточныхъ Альпъ) въ соотвѣтствующихъ отложеніяхъ находится фауна совершенно иного типа, такъ называемаго южно-европейскаго, или богемскаго. Неймайръ высказывалъ предположеніе о возможности такого обособленія богемскаго типа, какъ остатка экваторіальнаго пояса, по обѣ стороны котораго распространялись сѣверное и южное полярныя моря. Но по мѣрѣ расширенія верхне-силурійскаго моря можно прослѣдить постепенное смѣшеніе фаунъ болѣе древней эпохи, обособленіе которыхъ объясняется какъ распредѣленіемъ суши, такъ и вѣроятными морскими теченіями; необыкновенное же распространеніе періарктическаго типа отъ Скандинавіи до Бразиліи и Австраліи наглядно показываетъ однообразіе климатическихъ условій того времени.

Отступаніе періарктическаго моря (регрессія) въ однихъ случаяхъ и рѣзкое измѣненіе глубинныхъ условій въ другихъ даютъ возможность довольно рѣзко разграничить силурійскія отложенія отъ послѣдовавшихъ за ними девонскихъ, за нѣкоторыми впрочемъ исключеніями, какъ въ Богеміи и на Гарцѣ, гдѣ силурійскія формы продолжали еще долго жить при новыхъ условіяхъ. Для всей области сѣвернаго Атлантическаго океана, именно для восточныхъ частей Сѣверной Америки, Англіи, Скандинавіи, Гренландіи, Шпицбергена и Россіи съ конца верхне-силурійскаго періода наступаетъ регрессія періарктическаго моря.

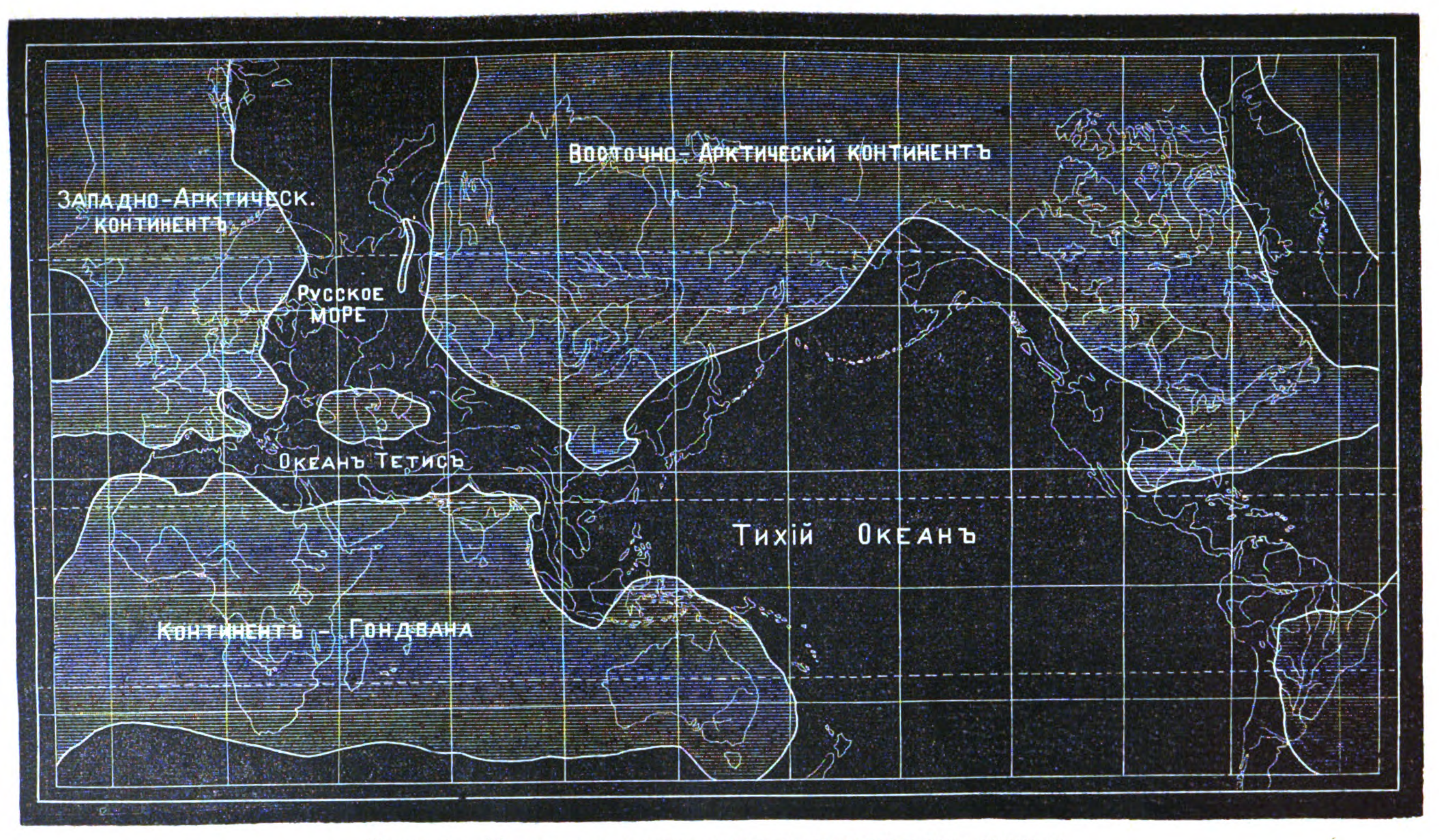
Отложенія девонскаго возраста Англіи, Скандинавіи, Шпицбергена

Карта 3-я. Континенты и моря верхне-девонскаго времени.

и отчасти Россіи, именно такъ называемый древній красный песчаникъ, представляютъ образованія въ предѣлахъ около-континентальныхъ пространствъ или во внутреннихъ моряхъ, изрѣзывавшихъ по различнымъ направленіямъ обширную сушу; эта суша, простиравшаяся отъ сѣверныхъ береговъ громаднаго русскаго девонскаго моря до Шпицбергена, ставится въ связь съ арктическимъ материкомъ, Атлантидой, продолжавшимъ существовать и въ теченіе всего девонскаго періода. Одновременно съ такими континентальными (въ широкомъ смыслѣ этого слова) отложеніями, которыя можно прослѣдить отъ конца силура до конца девона, имѣютъ обширное развитіе и чисто морскія отложенія, выражающіяся необыкновеннымъ богатствомъ фаціальныхъ различій. Въ эпоху средняго девона почти повсемѣстно начинается расширеніе моря, достигающее въ теченіе верхняго девона степени одной изъ обширнѣйшихъ въ исторіи земли трансгрессій (Карта 3-я). Сравнивая распространеніе въ различныхъ изслѣдованныхъ до сихъ поръ пространствахъ земной поверхности отложенія силурійской и девонской системъ, проф. Фрехъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ (1902 г.) особенно настаиваетъ на томъ, что нижне-силурійскія отложенія появляются далеко не всюду, верхне-силурійскія—повсемѣстно, нижне-девонскія—значительно рѣже, а болѣе верхнія девонскія, хотя снова въ обширномъ развитіи, но не повсемѣстно. Средне-и верхне-девонская трансгрессія распространялась какъ бы неодновременно и неправильно: компенсаціей этого расширенія моря въ нѣкоторыя эпохи, напр., средняго девона служило его сокращеніе во внутреннихъ бассейнахъ, напр. Англіи. Необыкновенно широкое распространеніе многихъ формъ верхняго (напр., спириферовыхъ слоевъ со Spirifer Verneuili) и средняго (какъ кальцеоловые слои съ Calceola sandolina и стрингоцефаловые слои со Stringocephalus Burtini) девона въ мелководныхъ образованіяхъ отъ Канады и сѣвера Европы до Австраліи снова показываетъ однообразіе климатическихъ условій въ теченіе этихъ эпохъ. Смѣшеніе фаунъ различныхъ морскихъ провинцій времени девона позволяетъ съ большой вѣроятностью намѣтить южную границу непрерывной арктической суши, омываемой рукавами, простиравшимися отъ Тихаго океана, какъ общаго бассейна, остававшагося открытымъ, вѣроятно, съ древнѣйшихъ временъ по настоящее время.

Послѣ трансгрессіи второй половины девона въ началѣ каменноугольнаго періода (карбона) во многихъ мѣстахъ замѣчается снова сокращеніе моря. Въ однихъ случаяхъ такая регрессія продолжалась до конца періода; въ другихъ, напр., на сѣверѣ Европейской Россіи, море наоборотъ даже расширялось. Такая компенсація движеній тѣмъ не менѣе не затемняетъ общаго сокращенія моря какъ въ сѣверномъ полушаріи, такъ и въ южномъ, напр. въ Австраліи. Ко времени конца карбона (Карта 4-я) устанавливается распредѣленіе главныхъ элементовъ земной поверхности, составляющее рѣзкую противоположность верхне-

Карта 4-я. Материки и океаны верхне-каменноугольнаго времени.

девонской трансгрессіи. Главной чертой этого времени служитъ обособленіе обширнаго Средиземнаго моря, океана Тетисъ (названнаго такъ Зюссомъ по имени сестры и жены Океана), простиравшагося отъ неизмѣннаго Тихаго океана черезъ Индо-Китай, южную Европу, часть современнаго Атлантическаго океана и центральную Америку до соединенія съ восточной частью Тихаго океана. Особенной чертой времени карбона, при замѣтномъ расширеніи суши, является частое колебаніе границъ суши и моря, т.-е. одновременныхъ незначительныхъ трансгрессій и регрессій, какъ бы компенсирующихъ другъ друга, часто въ смежныхъ частяхъ земной поверхности. Къ концу второй половины этого періода замѣчается однако болѣе широкая трансгрессія моря, распространявшаяся, какъ показываютъ новѣйшія замѣчательныя изслѣдованія Чернышева, на Азію и арктическія области. Эта трансгрессія, дѣйствительно, какъ бы компенсируетъ обратное движеніе моря (регрессія), напр., въ предѣлахъ значительной части западной Европы.

Конецъ палеозойской эры отмѣчается замѣчательными горообразовательными явленіями (орогеническими); это было время крупныхъ движеній въ земной корѣ, начавшихся въ концѣ первой половины карбона и продолжавшихся въ теченіе его второй половины и значительной части слѣдующаго пермскаго періода. Эти движенія, слѣды которыхъ въ Западной Европѣ въ видѣ въ послѣдствіи разрушенныхъ древнихъ складчатыхъ хребтовъ *Зюссъ* соединилъ въ систему *армориканскихъ* горъ, могутъ быть открыты черезъ Уралъ въ области центральной и сѣверной Азіи въ связи съ положеніемъ океана Тетисъ. Они не были уже первыми; въ Западной Европѣ сѣвернѣе армориканскихъ горъ проходитъ линія *каледонскихъ* складокъ до-девонскаго возраста, а древнѣйшія (архейскія) образованія повсюду обнаруживаютъ слѣды мощной до-кембрійской складчатости; обширностью своего распространенія и напряженностью она превосходила и движенія конца палеозойской эры.

Съ наступленіемъ времени карбона получаетъ необыкновенное развитіе насушная флора. Папоротники, плауновыя и хвощи, достигшіе наиболѣе полнаго развитія въ теченіе этого періода, распространяются въ тѣхъ же видахъ отъ широтъ Шпицбергена и Новой Земли до южной Бразиліи и Замбези. Появляются въ большомъ развитіи сравнительно съ предшествовавшими эпохами насѣкомыя, пауки и многоножки. Морское населеніе карбона, представляя нѣкоторыя особенности, важныя при изслѣдованіи соотвѣтствующихъ отложеній, какъ, напр., необыкновенное развитіе фораминиферъ (слагающихъ цѣлыя толщи, какъ Fusulina и Schwogerina въ верхне-каменноугольныхъ отложеніяхъ), существенно не отличается отъ морского населенія девонскаго времени.

Въ распространеніи морскихъ организмовъ замѣчается такое же

однообразіе, какъ и въ распространеніи насушнаго населенія; плеченогія мелководной зоны, Productus semireticulatus и Spirifer mosquensis (верхне-каменноугольныя отложенія), кораллы и другія встрѣчены повсюду въ морскихъ образованіяхъ того времени отъ полярнаго круга до Австраліи и сѣверной Африки.

Образованіе отложеній каменнаго угля, хотя не составляетъ исключительной особенности каменноугольнаго періода, но достигаетъ въ это время необычайнаго развитія. Послѣ ничтожныхъ залежей слоевъ ископаемаго горючаго среди силлурійскихъ отложеній, онѣ нѣсколько усиливаются среди слоевъ девонскихъ, достигаютъ наибольшаго развитія въ каменноугольныхъ, затѣмъ значительнаго развитія въ нижнеюрскихъ отложеніяхъ (лейасъ); снова уменьшаются случаи нахожденія ископаемаго горючаго среди осадковъ мѣлового періода и достигаютъ еще разъ значительнаго развитія въ третичныхъ отложеніяхъ. Что касается системъ пермской и тріасовой, то за исключеніемъ нижнихъ горизонтовъ (по дѣленію принятому западно-европейскими учеными) первой и верхняго отдѣла второй, въ нихъ отложеній ископаемаго горючаго не извѣстно. Несомнѣнно, что образованіе пластовъ горючаго зависитъ «не столько отъ количества растительныхъ остатковъ, сколько отъ того, благопріятны или неблагопріятны условія для ихъ сохраненія» (*Неймайръ*) и, прибавимъ, для ихъ накопленія (*Оксеніусъ*).

Два крайнихъ мнѣнія относительно условій накопленія растительныхъ остатковъ, именно путемъ отложенія на мѣстѣ произростанія растеній (аутохтонное образованіе) и путемъ сплава (аллохтонное), справедливыя въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ настоящее время примиряются и вообще, какъ недавно (1900 г.) показалъ *Гранд'Эри* для каменноугольныхъ залежей Луары. По его изслѣдованіямъ оба процесса часто принимаютъ участіе въ образованіи отложеній растительныхъ остатковъ одновременно, какъ это должно было естественно происходить въ обширныхъ болотистыхъ дельтовыхъ пространствахъ, гдѣ части растеній, падавшихъ на окраинахъ болотъ, сносились къ ихъ наиболѣе глубокимъ мѣстамъ, гдѣ и происходило медленное отложеніе растительнаго вещества, представляющаго нерѣдко отчетливую тонкую слоистость. Каменноугольныя растенія по изслѣдованіямъ того же ученаго были растеніями болотистыми, хотя и деревянистыми, которыя жили, подобно формамъ, загромождающимъ *свампы* Алабамы въ Сѣверной Америкѣ; корневища и часть стволовъ ихъ распространялись по дну этихъ болотъ, а придаточные корни свободно омывались водами. Всѣ идеальные пейзажи камменноугольной растительности, изображая значительную часть растеній на сушѣ по низменнымъ берегамъ болотистыхъ пространствъ, по мнѣнію *Гранд'Эри*, не передаютъ этой основной особенности каменноугольной флоры почти во всемъ ея объемѣ. Малѣйшей причины было достаточно, чтобы эти ископаемые

гиганты падали, плохо удерживаемые только немногими подземными корнями; на мѣстѣ произрастанія часто оставались только тонкіе корни, какъ это и наблюдается въ извѣстныхъ слояхъ, проникнутыхъ корнями, въ Новой Шотландіи (Канада) и С.-Этьеннѣ (Франція).

Что касается благопріятныхъ условій сохраненія растительныхъ остатковъ въ теченіе каменноугольнаго періода, то всѣ доказательства со временъ Ляйеля опирались на предположеніи равномѣрнаго влажнаго, но умѣреннаго климата. Въ своихъ знаменитыхъ «Основахъ геологіи» Ляйель начинаетъ рядъ главъ, трактующихъ о климатическихъ измѣненіяхъ, словами: «Доказательства первобытныхъ переворотовъ въ климатѣ, основанныя на ископаемыхъ остаткахъ, представляли одно изъ самыхъ сильныхъ препятствій для теоріи, которая старается объяснить всѣ геологическія измѣненія, теперь совершающіяся на землѣ».

Всѣ послѣдующіе авторы, какъ *Неймайръ* и тюбингенскій профессоръ *Кокенъ* *), преслѣдующія ту же цѣль, что и *Ляйель*, именно найти доказательства измѣненій климата только въ иномъ распредѣленіи суши и воды, а отчасти и новѣйшіе авторы, какъ *Фрехъ*, опираются на то же доказательство, что условія жаркаго климата не благопріятствуютъ процессу обуглероживанія растительныхъ остатковъ «какъ на воздухѣ, такъ и въ водѣ». Что процессъ обуглероживанія можетъ однако, успѣшно происходить и при условіяхъ тропическаго климата показываютъ, напр., значительныя мѣсторожденія бураго угля третичнаго времени въ Инсулиндѣ.

Микроскопическія изслѣдованія ископаемыхъ углей, произведенныя *Рено* (Renault), не оставляютъ уже никакого сомнѣнія, что въ процессѣ обуглероживанія первичной растительной массы, образующей вещество углей, принимали дѣятельное участіе бактеріи. Въ настоящее время высказываются любопытные взгляды на бактеріальный процессъ образованія ископаемыхъ горючихъ. На послѣднемъ геологическомъ конгрессѣ (1900 г.) въ Парижѣ *Лемьеръ* развилъ остроумную гипотезу образованія ископаемыхъ горючихъ, сближающую этотъ процессъ съ алькогольнымъ броженіемъ, которое, правда, даетъ продуктъ только съ 52% углерода изъ крахмаловъ съ 42% углерода. По этой гипотезѣ процессъ состоитъ изъ 1) мацераціи подъ вліяніемъ діастазическихъ **) явленій, 2) собственно броженія подъ вліяніемъ живыхъ ферментовъ или бактерій и наконецъ 3) дѣйствія антисептики, которая, развиваясь, останавливаетъ броженіе. Первые два—дѣятели пре-

*) E. Koken, Die Vorwelt und ihre Entwickelungsgeschichte, 1893.

**) Діастазъ, или растворенные ферменты, заключающіеся въ плодахъ и сѣменахъ или выдѣляемые также микроорганизмами, превращаютъ углеводы въ гумусовое или растительное тѣсто, которое является основнымъ веществомъ всѣхъ ископаемыхъ горючихъ. Этотъ процессъ (мацерація) въ спиртовомъ броженіи есть превращеніе крахмаловъ въ глюкозу, или сахаръ.

образованія, третья—сохраненія. Правда, углеродныхъ бактерій, способствующихъ обуглероживанію клѣтчатки, до сихъ поръ неизвѣстно, и синтезъ ископаемаго горючаго еще не исполненъ, но въ ряду другихъ гипотезъ объ образованіи каменныхъ углей бактеріальная особенно интересна по тѣмъ выводамъ, къ которымъ она приходитъ. А именно: 1) разнообразіе горючихъ (антрацитъ, каменные угли, бурый уголь, торфъ) объясняется различіемъ растительныхъ остатковъ и различнымъ сочетаніемъ основныхъ факторовъ преобразованія и сохраненія, т.-е. отъ преобладанія дѣятельности живыхъ ферментовъ (антрацитъ), діастазическихъ (каменные угли) или значительнаго колебанія въ дѣятельности тѣхъ и другихъ (бурые угли), или, наконецъ, отъ быстраго наступленія антисептическихъ условій (торфъ, при образованіи котораго антисептика, именно дубильная кислота, быстро развивается на счетъ работы живыхъ бактерій); 2) съ теченіемъ геологическаго времени живые ферменты могли измѣняться, какъ измѣнялись и флоры; 3) каждое ископаемое горючее находится въ постоянномъ состояніи по истеченіи нѣкотораго промежутка времени, разъ только расходованъ растворенный ферментъ и исчезли микробы. Кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ вмѣшательства внѣшнихъ причинъ (напр., высокая температура) торфъ всегда останется торфомъ, лигниты никогда не сдѣлаются каменными углями, антрацитъ всегда былъ антрацитомъ. Время, какъ геологическій факторъ, безъ дѣятельныхъ агентовъ, въ присутствіи только инертной матеріи, не можетъ вызвать никакихъ измѣненій въ этой матеріи.

Между прочимъ, *Лемьеръ* предполагаетъ, что, во время преобразованія растительнаго вещества въ минерализованное, давленіе не могло быть значительнымъ, а температура должна была поддерживаться около 60°C; слѣдовательно, эта гипотеза отнюдь не противорѣчитъ предположенію о тропическомъ климатѣ времени карбона, въ то же время наиболѣе естественно объясняетъ сложный процессъ минерализаціи растительныхъ остатковъ и структуру ископаемыхъ горючихъ, еще разъ указывая на возможность измѣненія въ теченіе исторіи земли качества, если можно такъ выразиться, геологическихъ агентовъ, по существу остающихся тѣми же. По мнѣнію *Лемьера*, высокая однородная температура и влажность климата земли въ періодъ карбона способствовали обилію ферментовъ и ихъ правильному распредѣленію въ массѣ растительныхъ остатковъ. Лемьеръ опирается при этомъ на общее мнѣніе французскихъ геологовъ, что въ эпохи карбона не было временъ года; *Гранд'Эри*, напр., основываясь на строеніи нѣкоторыхъ частей каменноугольныхъ растеній, указываетъ на ихъ быстрый ростъ въ вышину и необыкновенно скорое развитіе; способъ наростанія древесины и коры показываетъ, по его мнѣнію, что эти растенія, не сбрасывающія своихъ листьевъ, не испытывали никакихъ задержекъ въ своемъ развитіи отъ перемежающихся временъ года, слѣдовательно,

внѣшнія условія распредѣленія тепла и свѣта въ то время могли быть совершенно иными. При такихъ условіяхъ нѣтъ надобности и въ допущеніи, что гигантскія каламаріи, сигилляріи и лепидодендроны были растеніями однолѣтними.

Едва ли можно возражать противъ такихъ заключеній, вытекающихъ изъ анатомическихъ свойствъ ископаемыхъ растеній; изъ 27 видовъ каменноугольныхъ папоротниковъ, продолжающихъ жить до сихъ поръ, 22 относятся къ тропическимъ формамъ, и было бы слишкомъ смѣло утверждать, какъ это дѣлаетъ *Фрехъ*, что представленіе о тропическомъ климатѣ каменноугольнаго времени представляетъ только ни на чемъ не основанную «басню». Защитники такого мнѣнія указываютъ, что перемежаемость угленосныхъ отложеній съ образованіями, обнаруживающими ясные признаки вліянія холода (именно отложеніями, оставляемыми плавающими льдами, какъ это наблюдается въ каменноугольныхъ образованіяхъ Австраліи), отнюдь не говоритъ даже въ пользу климата безъ морозовъ. Эта ссылка, однако, такъ же мало доказательна, какъ и постоянное указаніе, что торфяники въ настоящее время возникаютъ только въ условіяхъ умѣреннаго климата, т.-е. глубокое убѣжденіе, что процессъ образованія торфа тожественъ процессу возникновенія другихъ видовъ ископаемаго горючаго.

Въ недавно вышедшей интересной работѣ (Zur Theorie der Steinkohlenbildung Zeitschr. für angewandte Chemie, 1902, Heft 33, стр. 821—831) авторъ ея, химикъ Гофманъ, также приходитъ къ заключенію, что процессъ минерализаціи растительныхъ остатковъ есть броженіе, но этотъ процессъ можетъ обнимать только первую фазу образованія угля, а слѣдующая фаза есть объуглероживаніе безъ броженія. Въ отдѣленіи такой фазы, слѣдовательно, и заключается существенное разногласіе между взглядами нѣмецкаго и французскаго химиковъ. Гофманъ именно полагаетъ, что одного давленія, согласно старымъ взглядамъ, еще недостаточно, чтобы обезводить уголь до той степени сухости, какую онъ обнаруживаетъ въ настоящее время (не болѣе 5%), равно какъ и одно броженіе при обыкновенной температурѣ недостаточно, чтобы вызвать полное разложеніе растительной массы на углеродъ и воду. Искусственнымъ путемъ до сихъ поръ удалось получить вещество, только подобное каменному углю и антрациту, подвергая дерево нагрѣванію въ закаленныхъ трубкахъ до 300° и 400° С; по вычисленіямъ Гофмана отдѣленіе углерода изъ углеводовъ сопровождается выдѣленіемъ тепла, достаточнымъ для нагрѣванія остатка до 900°, но начало этого процесса можетъ происходить при температурѣ не ниже 130°, слѣдовательно, исключаетъ уже прямое бактеріальное участіе, которое, тѣмъ не менѣе, можетъ служить поводомъ для постепеннаго повышенія температуры всей массы. Гофманъ предполагаетъ, что вторая фаза образованія угля происходитъ подъ вліяніемъ самонагрѣванія и даже самовозгаранія минерализующагося углеродистаго

вещества. Подобные процессы хорошо извѣстны, напр., для сѣна и рѣже для хлѣба, муки, отрубей, льна и т. под.; необходимый для такого самонагрѣванія кислородъ извлекается изъ самого вещества, если процессъ происходитъ безъ доступа воздуха. Моментъ самовозгоранія обусловливается внутренней теплотой матеріала, его плохой теплопроводностью и его массой. Въ каменныхъ угляхъ уже готовыхъ самонагрѣваніе вызывается другими химическими процессами, чѣмъ въ органической массѣ, именно присутствіемъ соединеній желѣза (сѣрный колчеданъ) и высокимъ содержаніемъ водородныхъ соединеній, которыя окисляются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ мельче раздробленъ уголь; отсюда и проистекаетъ опасность самовозгоранія сухого мелкаго угля и влажнаго, если онъ содержитъ сѣрный колчеданъ. Противъ высокой температуры, какая необходимо должна развиваться при процессахъ минерализаціи, согласно взглядамъ Гофмана, рѣшительно однако показываютъ всѣ геологическія условія залеганія ископаемыхъ горючихъ; въ окружающихъ ихъ слояхъ вовсе не наблюдается признаковъ какого-либо повышенія температуры. Также необъяснимые съ этой точки зрѣнія случаи минерализаціи незначительныхъ залежей растительныхъ остатковъ, иногда тонкихъ прослоевъ или даже отдѣльныхъ частей растеній; не вяжется съ этимъ, какъ замѣчаетъ и самъ Гофманъ, незначительная степень минерализаціи залежей горючаго среди третичныхъ отложеній, заключающихъ значительныя скопленія органическихъ веществъ, которыя должны были способствовать первому повышенію температуры.

Въ отношеніи условій освѣщенія въ теченіе палеозоя уже *Ляйель* высказалъ правильный взглядъ, что «minimum свѣта, достаточный для нынѣ существующихъ растеній, не можетъ быть принятъ за мѣрило для всѣхъ сходныхъ съ ними растеній, которая нѣкогда процвѣтали на земной поверхности», а какихъ-либо другихъ достаточныхъ основаній для предположенія объ иныхъ условіяхъ внѣшняго освѣщенія земной поверхности для полеозойской эры нѣтъ вовсе.

Каменноугольный періодъ незамѣтно, безъ сколько-нибудь рѣзкихъ видимыхъ измѣненій въ границахъ между сушей и моремъ смѣнился пермскимъ. Морское населеніе пермскаго времени представляетъ такую постепенную смѣну формъ карбона, что геологи давно уже отказались проводить какую-либо границу между отложеніями обоихъ періодовъ. Среди морскихъ отложеній пермскаго періода можно отчетливо замѣтить фаціи открытаго моря и внутреннихъ морей, а континентальныя отложенія своей яркой пестрой окраской (напр., мертвый красный лежень Западной Европы, наши красноцвѣтныя и пестроцвѣтныя породы по Западному склону Урала и въ Волжско-Камскомъ бассейнѣ), появленіемъ залежей гипса и соли указываютъ на исключительно сухой и жаркій климатъ.

До сихъ поръ часто повторяется мнѣніе (напр., Фрехомъ въ его послѣдней крупной работѣ «Die Dyas»), что каменноугольный періодъ съ его равномѣрнымъ и повсемѣстнымъ развитіемъ однообразной фауны и флоры представляетъ полную противоположность времени пермскому, когда особенно отчетливо обнаруживается обособленіе географическихъ провинцій и климатическое измѣненіе на всей землѣ. Въ дѣйствительности это едва ли такъ.

Конецъ палеозоя давно уже привлекаетъ особенное вниманіе наиболѣе выдающихся геологовъ; это время отмѣчено и нѣкоторыми особенностями, важными и для интересующаго насъ вопроса.

Первоначально въ южномъ полушаріи, именно въ Австраліи, среди верхне-каменноугольныхъ морскихъ слоевъ были встрѣчены слои съ растительными остатками, совершенно иного характера, чѣмъ флор каменноугольная. Общій характеръ этой флоры скорѣе приближаетъ ее къ мезозойской изъ папоротниковъ и хвощей; по наиболѣе характерному роду папоротниковъ она получила названіе *глоссопторіевой* флоры. Слои съ глоссопторіевой флорой сопровождаются и подстилаются другими замѣчательными образованіями изъ отложеній съ валунами и и неправильными обломками, покрытыми бороздами и шрамами; характеръ этихъ отложеній, по мнѣнію большинства геологовъ безъ ясныхъ признаковъ обработки водой, позволяетъ признать ихъ за ледниковыя образованія. Открытіе однородныхъ валунныхъ образованій не замедлилось и въ другихъ странахъ; въ Индіи среди прѣсноводныхъ отложеній такъ называемой гандванской системы были открыты такіе же слои, названные въ нижнихъ горизонтахъ талчирскими слоями съ ледниковыми валунами и обломками, а въ верхнихъ панчетскими съ глоссопторіевой флорой и фауной крупныхъ пресмыкающихся; въ Южной Африкѣ къ этимъ отложеніямъ приравниваютъ слои Карроо съ конгломератами Двайка въ нижнихъ горизонтахъ; подобные же слои были найдены въ Бразиліи и Аргентинѣ съ глоссопторіевой флорой и каменноугольными лепидодендронами.

Благодаря трудамъ русскихъ изслѣдователей и ученыхъ, въ особенности Карпинскаго и Чернышева, въ настоящее время удается съ точностью установить возрастъ предполагаемыхъ ледниковыхъ образованій и глоссопторіевой флоры. Несмотря на возраженія многихъ западно-европейскихъ геологовъ (Фреха, Нётлинга и другихъ), время конгломератовъ толчирскихъ, Двайка и другихъ приходится считать верхне-каменноугольнымъ (древнѣе такъ называемаго артинскаго яруса русскихъ геологовъ); открытія глоссопторіевой флоры по с. Двинѣ, по р. Печорѣ (слои Оранца), въ Кузнецкомъ бассейнѣ Алтая, а раньше еще въ Альпахъ, показываютъ, что на рубежѣ каменноугольнаго и пермскаго періодовъ характерная флора карбона уже смѣнилась не только въ южномъ полушаріи, но и на значительной части сѣвернаго совершенно инымъ населеніемъ. Первоначально, какъ

бы центромъ разселенія этой новой флоры, новаго нарождающагося міра, считали южный материкъ, откуда она постепенно распространялась къ сѣверу и, какъ думали, достигла Европы только ко времени тріаса. Устойчивость этого новаго типа объясняли его приспособленностью къ болѣе холодному климату (аггресивной силой этихъ новыхъ формъ), такъ какъ появленіе его слѣдовало за предполагаемымъ оледенѣніемъ, покрывшимъ часть южнаго материка; была нарисована стройная картина громадныхъ хребтовъ этого материка, покрытыхъ ледниками, все болѣе спускавшимися и расширявшимися; глоссопторіевая флора постепенно спускалась вмѣстѣ со льдами, вытѣсняя болѣе требовательную къ мягкому климату флору карбона. Слѣды такихъ хребтовъ, дѣйствительно, можно видѣть въ сильной складчатости, которая обнаруживается въ слояхъ древнихъ образованій, подстилающихъ, напр., систему Карроо въ Южной Африкѣ.

Одновременное распространеніе глоссопторіевой флоры по всей земной поверхности, а не только въ субтропическихъ областяхъ, нарушаетъ такой предполагаемый ходъ измѣненій; эта флора является повсюду, какъ развитіе болѣе древнихъ формъ, не связанное съ климатическими колебаніями только въ южномъ полушаріи. Конгломераты, подобные отчасти гондванскимъ валуннымъ отложеніямъ, доказаны и для восточнаго склона Урала (Карпинскимъ); хотя доказательства ихъ ледниковаго происхожденія, также какъ для конгломератовъ Бразиліи, и нѣтъ, но важно, что время ихъ, дѣйствительно, предшествовало (приблизительно въ серединѣ каменноугольнаго періода) появленію глоссопторіевой флоры Печоры, С. Двины, гдѣ проф. Амалицкимъ была открыта замѣчательная фауна пресмыкающихся, и Кузнецкаго бассейна на Алтаѣ. Словомъ, всюду, гдѣ встрѣчены были конгломераты и валунныя отложенія, однимъ изъ которыхъ приписываютъ ледниковое происхожденіе, они предшествовали появленію глоссопторіевой флоры, а время ихъ нисходитъ до эпохи развитія еще роскошной каменноугольной флоры.

Вмѣстѣ съ глоссопторіевой флорой среди отложеній верхняго палеозоя появляются въ особенно богатомъ развитіи разнообразныя гигантскія пресмыкающіяся и земноводныя. Если дѣлать, хотя бы условно, какія-нибудь заключенія на основаніи извѣстныхъ соотношеній, то такое роскошное развитіе холоднокровныхъ животныхъ, распространенныхъ одновременно отъ сѣвера Россіи до Южной Африки и Бразиліи, едва ли говоритъ въ пользу сколько-нибудь замѣтнаго охлажденія климатовъ со времени карбона съ его характерной флорой. Съ одинаковымъ правомъ можно, пожалуй, говорить, что обособленіе и развитіе глоссопторіевой флоры явилось слѣдствіемъ не охлажденія а увеличенія сухости климатовъ.

Каменноугольный и пермскій періоды отнюдь не являются противоположностями въ смыслѣ, устанавливаемомъ Фрехомъ. Какъ въ томъ,

такъ и въ другомъ можно отмѣтить обособленіе областей периферическихъ съ климатомъ морскимъ, влажнымъ и центральныхъ съ климатомъ болѣе континентальнымъ. Рѣзкое обособленіе такихъ провинцій началось не въ пермскомъ періодѣ, а въ каменноугольномъ; одновременно съ образованіемъ залежей каменнаго угля въ однихъ мѣстахъ, въ другихъ происходило отложеніе загадочныхъ валунныхъ и конгломератовыхъ образованій. Частыя колебанія уровня моря характерныя для конца палеозоя, являются причиной физико-географическихъ особенностей различныхъ пространствъ; продолжавшееся поднятіе горныхъ цѣпей должно было еще болѣе усиливать такія провинціальныя особенности.

Сравнительно недавно, въ особенности благодаря выдающимся трудамъ *Іогана Вальтера*, стали обращать вниманіе на значеніе первичныхъ свойствъ геологическихъ образованій для заключеній о климатическихъ условіяхъ, при которыхъ возникли эти образованія. Такое значеніе достаточно было оцѣнено уже и раньше только для ледниковыхъ отложеній, какъ фаціи полярныхъ климатическихъ поясовъ. Противоположный смыслъ отложеній соли и гипса съ одной стороны и каменнаго угля съ другой, соотвѣтствующій условіямъ центральныхъ и периферическихъ областей, только недавно былъ оттѣненъ *Зюссомъ*. Послѣдовательная смѣна угленосныхъ образованій гипсоносными можетъ показывать превращеніе периферической области въ центральную и обратно, т.-е. смѣну климатическихъ фацій.

Для каменноугольнаго періода мы знаемъ преимущественно отложенія или морскія, или на окраинахъ бывшихъ материковъ; совершенно естественно, что по такимъ отложеніямъ мы и можемъ дѣлать заключеніе только о влажномъ морскомъ климатѣ, но распространявшемся равномѣрно отъ полюсовъ до экватора. Для внутреннихъ частей материковъ почти съ одинаковымъ основаніемъ можно предполагать климатъ и болѣе холодный, и болѣе сухой.

Для пермскаго періода, какъ мы видѣли, распространеніе пестроцвѣтныхъ породъ можетъ показывать климатъ значительно болѣе сухой и по окраинамъ материковъ. Такія фаціи континентальнаго климата покрываютъ собою фаціи морского климата предшествовавшей эпохи; послѣдовательность физико-географическихъ колебаній для однихъ и тѣхъ же мѣстъ можно прослѣдить иногда достаточно ясно, но развить полную картину одновременныхъ климатическихъ особенностей далеко еще нельзя. Если развитіе органическаго міра вызывается сложностью физико-географической дифференцировки, то скорѣе эта сложность падаетъ на каменноугольный періодъ, а не на пермскій, для отдѣленія котораго отъ каменноугольнаго остается все менѣе достаточныхъ физико-географическихъ основаній.

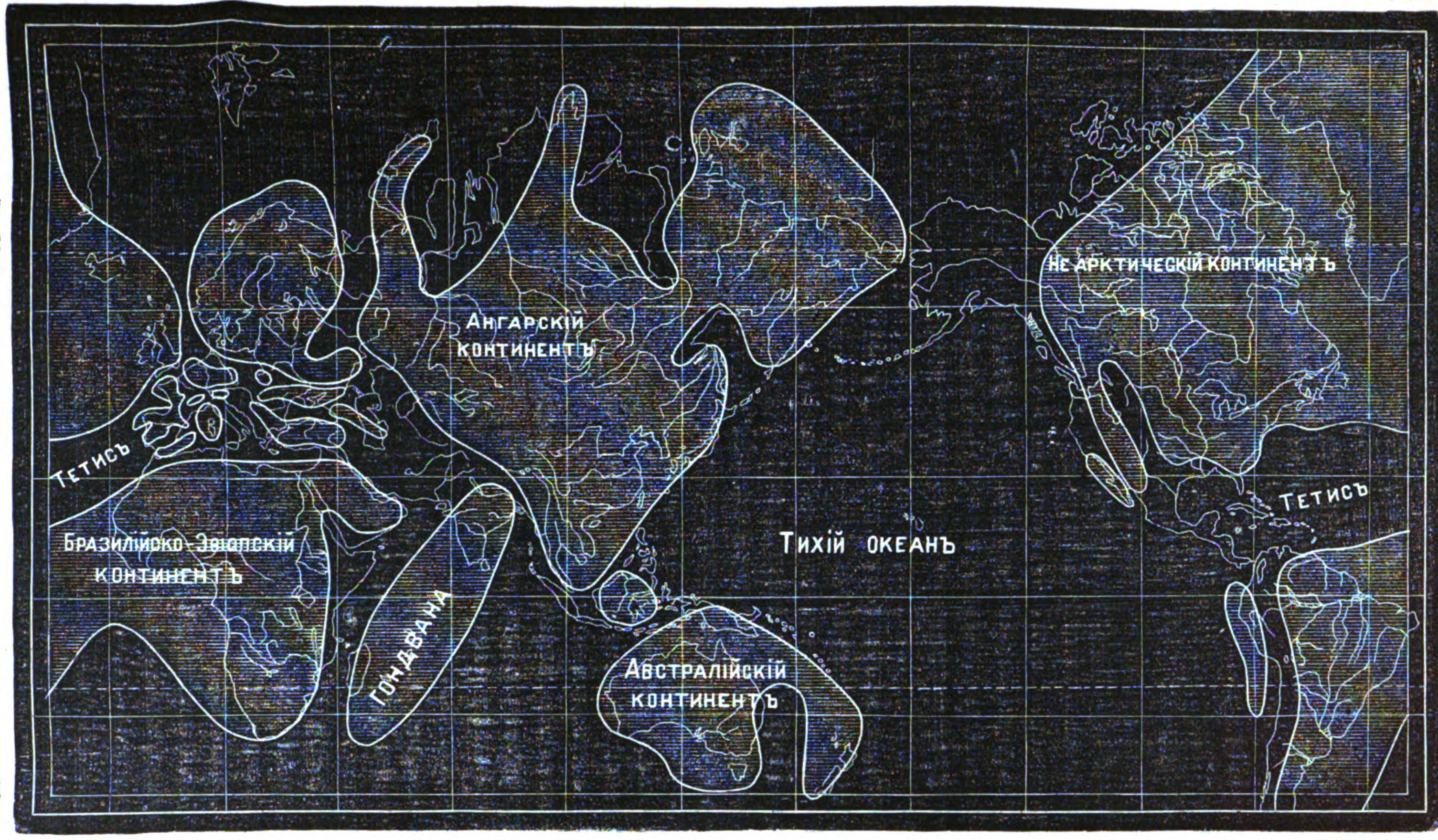
Если для каменноугольнаго періода вопросъ относительно абсолютной температуры возбуждаетъ еще рядъ сомнѣній, то для пермскаго

неожиданно мы получаемъ подтвержденіе геологическихъ наведеній о высокой температурѣ того времени. Возможность опредѣленія абсолютной температуры давно минувшихъ эпохъ была недавно указана знаменитымъ химикомъ *Вант' Гоффомъ*. Онъ показалъ, что нѣкоторыя изъ соединеній, химически отлагающихся изъ воды и встрѣчаемыхъ теперь въ ряду геологическихъ образованій, не могутъ возникать ниже извѣстной опредѣленной температуры. Вант' Гоффъ указываетъ цѣлый рядъ химическихъ соединеній и ихъ сочетаній, присутствіе которыхъ въ мѣсторожденіяхъ каменной соли можетъ служить «геологическими термометрами». Эти изслѣдованія возбуждаютъ самыя широкія и основательныя надежды для рѣшенія поясотермальныхъ вопросовъ; пока можно указать уже важные выводы для пермскаго періода. Къ такимъ «термометрамъ» относится, напр., *тахгидритъ* (двойная соль хлористаго магнія и хлористаго кальція съ двѣнадцатью частицами воды), образующій скопленія въ плотномъ ангидритѣ стассфуртскаго мѣсторожденія каменной соли среди отложеній верхне-пермскаго времени. Это соединеніе образуется только при температурѣ не ниже 22° С при обыкновенномъ давленіи; при температурѣ ниже въ присутствіи воды оно распадается на свои составныя части. Увеличеніе давленія и присутствіе въ растворѣ другихъ солей, какъ хлористаго натрія и хлористаго калія, не оказываютъ почти никакого вліянія на измѣненіе этой постоянной температуры. Слѣдовательно, температура воды, изъ которой происходило отложеніе солей стассфуртскаго мѣсторожденія, не могла быть ниже 22° С; въ настоящее время средняя годовая температура этой области около 9° С. Температура моря этой эпохи въ широтахъ между 52° и 53° была бы достаточной для жизни въ немъ и современныхъ коралловъ, строющихъ рифы.

Мезозойская эра. Развитіе материковъ не закончилось въ концѣ палеозойской эры; въ томъ же почти направленіи оно продолжалось и въ теченіе тріасоваго періода. Въ теченіе всего періода можно отмѣтить съ наибольшей вѣроятностью океанъ Тетисъ, раздѣлявшій Гондванскій и Ангарскій материки; первый вѣроятно еще болѣе увеличился въ широтномъ направленіи, такъ какъ тріасовыхъ отложеній болѣе не встрѣчаемъ ни въ Австраліи, ни въ южной Америкѣ, гдѣ были еще наблюдаемы (на восточной сторонѣ Австраліи и западной Южн. Америки) пермскія образованія; Ангарскій материкъ обнималъ почти всю Евразію. Отъ Уссурійскаго края простирался Сѣверный проливъ черезъ западную часть Охотскаго моря на устье Оленека къ Ново-Сибирскимъ островамъ; Тихій океанъ и Арктическій соединяются въ одну арктическо-тихоокеанскую провинцію. Къ концу періода океанъ Тетисъ вѣроятно продолжается черезъ Атлантическій океанъ и Центральную Америку до соединенія съ восточной частью Тихаго океана, неизмѣнно продолжавшаго существовать все въ тѣхъ же почти размѣрахъ.

Развитіе материковъ достигаетъ, повидимому, своего максимума; орогеническія движенія прекращаются, а мощные материки становятся ареной денудаціонныхъ процессовъ, вѣроятно достигавшихъ высокаго напряженія. Кромѣ отложеній фаціи открытаго моря (альпійскій тріасъ), остались осадки того времени внутреннихъ морей (раковинный известнякъ) и континентальные, частью прибрежные и эоловые (такъ называемый пестрый песчаникъ). Континентальный характеръ яруса пестраго песчаника обнаруживается постояннымъ присутствіемъ гипса и соли, характернымъ краснымъ цвѣтомъ, часто строеніемъ безъ слоистости (діагональная слоеватость), а на плоскостяхъ наслоенія слѣдами дождевыхъ капель и ногъ насушныхъ животныхъ.

Сухой и жаркій климатъ пустынь, повидимому, безъ измѣненій со времени пермскаго періода продолжался на значительныхъ пространствахъ земной поверхности и въ теченіе тріаса, напр., на пространствѣ Средней и Сѣверной Европы. Распространеніе мелководныхъ моллюсковъ, какъ Pseudomonotis ochotica, встрѣченныхъ отъ Аляски и Охотскаго моря до Перу, Новой Зеландіи и Новой Каледоніи, показываетъ равномѣрное распредѣленіе тепла по берегамъ материковъ, омывавшихся водами тріасовыхъ океановъ. Флора и фауна, первые представители которыхъ нисходятъ до каменноугольнаго періода, продолжаютъ развиваться въ новомъ направленіи, которое рѣзко отличаетъ этотъ мезозойскій міръ отъ палеозойскаго. Пресмыкающіяся и крупныя земноводныя представляютъ отличительную особенность фауны этого міра; повсемѣстное распространеніе ихъ отъ Европы до южной Африки позволяетъ, конечно условно, предполагать климатъ безъ морозовъ; дѣйствительно, въ настоящее время полярныя области почти совершенно свободны отъ пресмыкающихся, которыя достигаютъ только ничтожныхъ размѣровъ въ нашихъ широтахъ, подверженныхъ періодическому пониженію температуры ниже 0°. Такія же термальныя условія показываетъ распространеніе саговой пальмы цикадеи, главной представительницы флоры первой половины мезозоя; ея ближайшія родственныя формы характерны для тропической современной флоры и только, какъ исключенія, встрѣчаются въ субтропической зонѣ. Цикадовыя пальмы достигаютъ своего наибольшаго развитія во время тріаса, и онѣ встрѣчены даже въ наиболѣе сѣверныхъ частяхъ тріасовыхъ побережій, напр., на землѣ Франца-Іосифа. Растенія земли Франца-Іосифа, относящейся къ переходному времени между юрой и и мѣломъ, представляютъ тѣ же тропическія формы безъ всякихъ указаній на возможность особеннаго холода. Однако, въ теченіе мезозойской эры, по словамъ *Шенка*, обнаруживается постепенное исчезновеніе большей части цикадовыхъ растеній, которыя оставляютъ только немногіе *слѣды въ отложеніяхъ мѣлового періода.*

Карта 5-ая. Континенты и моря верхне-юрскаго времени.

Но вернемся снова къ распредѣленію суши и моря. Наиболѣе интереснымъ представляется время верхней юры, когда распредѣленіе главныхъ элементовъ земной поверхности уже рѣзко измѣнилось со времени тріаса и нижней юры. Возстановленіе очертаній юрской суши было сдѣлано *Неймайромъ*, показавшимъ на этомъ впервые примѣненіе стратиграфическаго метода. Центральное Средиземное море, океанъ Тетисъ, продолжало существовать, какъ соединеніе между Тихимъ и Индѣйскимъ океаномъ черезъ Центральную Америку и Антлантическій океанъ (Карта 5-ая). На сѣверѣ Неарктическій континентъ обнимаетъ большую часть сѣверной Америки, Гренландіи и сѣверную Атлантику; отъ Ангарскаго континента отдѣляются острова Скандинавскій и другіе въ области Средней Европы, а къ юго-востоку онъ продолжается рядомъ островов въ Австралійскій кантинентъ. Между Бразилійско-Эѳіопскимъ континентомъ и Ангарскимъ располагался Индо-Мадагаскарскій островъ какъ часть прежняго материка Гондвана *). Распространеніе моря, покрывшаго къ этому времени части суши, гдѣ вовсе не было нижне-юрскихъ отложеній, какъ на площади всей Россіи, С. Америки, арктическихъ областяхъ, Персіи, Индіи, Африки и др., характеризуетъ замѣчательную верхне-юрскую трансгрессію.

Изученіе населенія юрскихъ морей показало развитіе различныхъ фаунистическихъ типовъ, или провинцій. *Неймайръ* на основаніи главнѣйшихъ европейскихъ мѣстонахожденій выдѣлилъ три провинціи: *средиземноморскую*, обнимающую альпійскую область и прилежащія части Средиземнаго моря, какъ Италія, Испанія, Балканы; *среднеевропейскую*—въ областяхъ распространенія юры внѣ Альпъ, во Франціи, Англіи и Германіи; *русскую* или *бореальную*—въ Россіи и арктическихъ областяхъ. Располагая эти провинціи въ широтномъ направленіи и указывая развитіе среднеевропейскаго типа и къ югу отъ средиземноморскаго, *Неймайръ* совмѣщалъ эти провивція съ климатическими поясами; различіе въ климатическихъ условіяхъ вызывало и различіе фаунъ; въ бореальномъ поясѣ вовсе не встрѣчается строющихъ рифы коралловъ, обычныхъ въ среднеевропейской провинціи, т.-е. въ умѣренныхъ поясахъ, и въ особенности въ средиземноморскомъ или экваторіальномъ; изъ другихъ животныхъ необыкновенно характерное распредѣленіе по выдѣляемымъ Неймайромъ поясамъ представляютъ различные роды аммонитовъ, а для бореальнаго являются отличительными нѣкоторые роды пластинчатожаберныхъ моллюсковъ (Aucella). Экваторіальный поясъ Неймайръ предполагалъ шириною почти въ 60° по обѣ стороны экватора; юрскія отложенія южной Африки, Австраліи, Новой Зеландіи онъ относилъ къ среднеевропейскому типу, т.-е., умѣренному поясу.

---

*) Это распредѣленіе уже не соотвѣтствуетъ первоначальному Неймайра, а сдѣлано по *Зюссу* и новѣйшей картѣ Лаппарана; ст. „Traité de Géologie“, 1900.

Это построеніе Неймайра оказалось однако преждевременнымъ; уже и въ то время (1883 г.) русскіе ученые, во особенности *Никитинъ*, не соглашались съ выводами Неймайра, указывая на совершенную произвольность ограниченія бореальной провинціи, а новѣйшія данныя только подтвердили взгляды Никитина; фауна бореальной провинціи оказалась и въ тропическихъ областяхъ, а средиземноморская значительно южнѣе (Аргентина) чѣмъ 30° ю. ш., а по другую сторону Андъ въ Чили и Боливіи оказалась въ то же время фауна среднеевропейскаго типа. Не обнаруживается никакой зависимости между предполагаемыми климатическими поясами и фаунистическими типами, хотя остается несомнѣннымъ широкое распространеніе бореальнаго типа, распространявшагося отъ арктическихъ областей къ югу. Здѣсь впервые въ исторіи земли обнаружилось съ достаточной отчетливостью распространеніе животнаго населенія отъ сѣвера къ югу; *Неймайръ* объяснялъ эту миграцію большей аггресивной силой сѣверныхъ типовъ, устойчивостью ихъ въ борьбѣ за существованіе, подкрѣпляя свои выводы ссылкой на современное распространеніе животныхъ, древнѣйшіе типы которыхъ какъ бы оттѣснены южнѣе экватора на крайнія оконечности остатковъ геологическихъ материковъ, къ Новой Зеландіи, Тасманіи и Мадагаскару.

Примемъ ли мы это объясненіе или другое, по которому бореальная фауна распространялась отъ сѣвера къ югу, вытѣсняемая все болѣе неблагопріятными условіями для ея жизни, причемъ на смѣну ей развивались болѣе приспособленные типы, въ обоихъ случаяхъ мы сталкиваемся съ фактомъ уже замѣтнаго климатическаго различія между полярными и экваторіальной частями поверхности земли, хотя далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе предполагалъ Неймайръ. Болѣе опредѣленно и рѣзко выраженное различіе того же характера обнаруживается въ мѣловомъ періодѣ.

Граница между юрскимъ и мѣловымъ періодомъ отмѣчена въ исторіи земли значительными мѣстными колебаніями; въ однихъ мѣстахъ обширное юрское море наступало на сушу, оставляя поверхъ древнихъ образованій конгломераты (трансгрессія) уже нижняго мѣла; въ другихъ мѣстахъ морскія отложенія юры переходятъ безъ перерыва въ нижне-мѣловыя при условіяхъ глубинъпочти постоянныхъ (средняя Россія); въ третьихъ въ концѣ юрскаго періода (эпоха пурбека юры и вельда мѣлового періода въ Англіи и сѣверо-западной Германіи) море сокращалось (регрессія), оставляя солоноватыя бассейны, снова наступало и послѣ нѣсколькихъ такихъ колебаній распространялось съ новой силой на новые участки суши. Съ первой половины мѣлового періода постепенно происходитъ, въ общемъ, расширеніе океановъ, которое ко второй половинѣ выражается въ распространенной трансгрессіи, она обнаруживается со времени эпохи сеномана повсемѣстно во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ были только открыты мѣловыя отложенія; море покры-

ваетъ пространства, оставшіяся сушей еще съ древнѣйшихъ временъ, напр., въ сѣверной Америкѣ, сѣверной Африкѣ, Бразиліи, на Мадагаскарѣ, въ Австраліи и въ друг. мѣстахъ.

Очертанія океана Тетисъ подвергаются наибольшимъ колебаніямъ, и къ концу періода онъ замѣтно расширяется; происходитъ расширеніе Ангарскаго материка къ сѣверу и къ западу и въ то же время дальнѣйшее расчлененіе бразилійско-эфіопской массы на два отдѣльныхъ материка. Наступаетъ первый моментъ, когда горизонтальное расчлененіе земной поверхности получаетъ уже отдаленное сходство въ крупнѣйшихъ чертахъ съ современнымъ. Въ распредѣленіи морского населенія обнаруживается замѣчательное различіе между сѣверными и южными типами; нѣкоторыя формы верхняго мѣла, какъ гиппуриты *), вмѣстѣ съ другими организмами показываютъ своимъ распространеніемъ опредѣленно выраженную тропическую область верхне-мѣлового моря; различіе въ фаунѣ сѣверной и южной обнаружено не только въ Европѣ и Азіи, но съ не меньшей отчетливостью и на всемъ протяженіи Сѣверной Америкѣ. Въ связи съ проявленіемъ нѣкотораго климатическаго различія между полярными и тропическими областями въ юрскую эпоху и съ исчезновеніемъ ко времени мѣла большей части такихъ представителей тропическаго климата, какъ саговыя пальмы, изъ такого характера климатической поясовой дифференцировки ко времени верхняго мѣла можно сдѣлать заключеніе объ измѣненіи общихъ термальныхъ условій сравнительно съ послѣ-палеозойской эпохой. Относительно найденной въ полярныхъ странахъ ископаемой флоры мѣлового періода Шенкъ высказываетъ также сильное сомнѣніе въ ея принадлежности къ тропической. На смѣну цикадовой и хвойной растительности тріаса въ нижне-мѣловыхъ слояхъ (въ Сѣверной Америкѣ, потомакскіе слои) появляются первыя растенія съ опадающей листвой, т.-е. *двудольныя*, которыя, повидимому, отсюда распространялись къ западу въ Европу. Крупныя пресмыкающіяся первой половины мезозойской эры постепенно къ началу кенозойской эры уступаютъ мѣсто млекопитающимъ и птицамъ; одновременно съ этимъ происходитъ и дальнѣйшее распространеніе въ сѣверномъ полушаріи двудольныхъ растеній. Обнаруживается все большее усиленіе формъ, по своей организаціи болѣе приспособленныхъ къ климатическимъ колебаніямъ.

Изъ черепахъ и крокодиловъ, двухъ наиболѣе древнихъ геологическихъ порядковъ пресмыкающихся, извѣстныхъ съ начала мезозоя послѣдніе ограничиваются теперь на материкахъ тропиками и субтро-

---

*) Массивныя, воронкообразныя или коническія съ небольшой крышкой прикрѣпляющіяся раковины двустворчатаго моллюска изъ обширнаго семейства рудистовъ. Въ настоящее время изъ этого семейства продолжаетъ жить только одинъ родъ Chama.

пическими областями, а первыя достигаютъ здѣсь наибольшаго развитія; такое распространеніе обнаруживаютъ и морскіе ихъ родичи (черепахи и крокодилы, ищущіе морскую воду). Геологически болѣе новыя группы пресмыкающихся, какъ ящерицы и змѣи, лучше приспособлены къ климатическимъ измѣненіямъ и географически распространены теперь гораздо шире, хотя все-таки достигаютъ наибольшаго распространенія и наибольшихъ размѣровъ въ тропикахъ. Исчезновеніе большей части холоднокровныхъ позвоночныхъ къ началу слѣдующей кенозойской эры и географическое распространеніе оставшихся, также какъ и саговыхъ пальмъ, является какъ бы слѣдствіемъ наступавшихъ все менѣе благопріятныхъ условій для ихъ существованія.

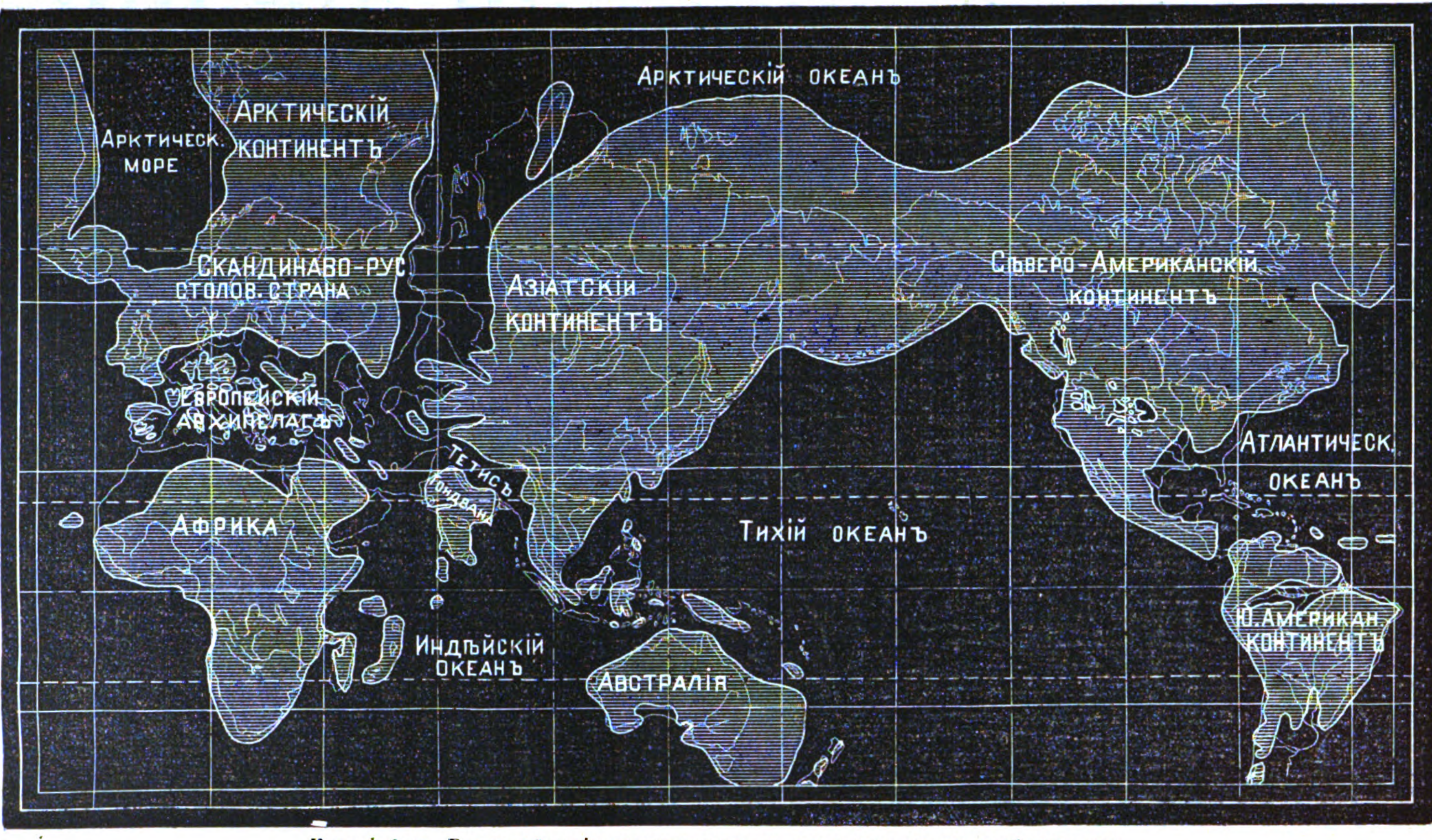
Со второй половины мезозоя, т.-е. со времени болѣе рѣзкаго проявленія климатическихъ поясовъ, обнаруживается какъ бы воздѣйствіе болѣе сложныхъ внѣшнихъ условій на характеръ населенія. Исчезновеніе, морскихъ хищниковъ, какъ ихтіозавры и плезіозавры, повидимому, совпадаетъ съ медленнымъ вымираніемъ головоногихъ моллюсковъ (аммонитовъ и белемнитовъ), составлявшихъ ихъ главную пищу исчезновеніе ихъ могло зависѣть также (по мнѣнію *Кокена*) отъ постепеннаго развитія до громадныхъ размѣровъ акулъ, т.-е. новыхъ хищниковъ; громадныя рептиліи съ крайней специализаціей отдѣльныхъ органовъ ихъ тѣла, какова удивительная лебединая шея плезіозавровъ или, наоборотъ, короткая шея съ узкой головой дельфинообразныхъ ихтіозавровъ, оказывались менѣе приспособленными къ неожиданнымъ перемѣнамъ физико-географическихъ условій, чѣмъ маленькія и болѣе совершенныя млекопитающія и птицы.

Конецъ палеозоя и послѣ—палеозская эпоха съ ихъ необыкновеннымъ развитіемъ материковъ и крупными горообразовательными явленіями характеризуются появленіемъ новаго органическаго міра, который достигъ своего развитія и увяданія въ теченіе мезозоя. Преобладаніе морского развитія надъ материковымъ составляетъ отличительную черту второй половины мезозоя. Конецъ мезозойской эры, когда опредѣленнѣе всего выразилось увяданіе мезозойскаго міра, обнаруживаетъ признаки измѣненія общихъ термальныхъ условій въ смыслѣ появленія климатическихъ поясовъ и охлажденія околополярныхъ областей. Трудно оцѣнить вліяніе на климатическую дифференцировку распредѣленія суши и воды, но изъ сравненія очертаній материковъ во время верхне-девонской, верхне-юрской и верхне-мѣловой трансгрессій едва ли можно видѣть только въ послѣдней причину достаточную, чтобы вызвать первое рѣзкое охлажденіе околополярнаго пояса.

Кенозойская эра. Въ распредѣленіи суши и моря въ теченіе этой эры (Карта 6-ая) можно отмѣтить, что океанъ Тетисъ продолжалъ существовать еще вначалѣ (эоценъ); постепенно происходитъ его сокращеніе отъ востока; во время олигоцена часть его образуетъ обширное замкнутое море, распространявшееся отъ южной Россіи черезъ Тур-

гайскую область и по восточному склону Урала до далекаго сѣвера; во время міоцена остаткомъ этого океана является Средиземноморской бассейнъ, подвергавшійся многообразнымъ измѣненіямъ въ теченіе міоцена и пліоцена. Полагаютъ, что связь Евразіи съ Сѣверной Америкой существовала въ теченіе всего третичнаго періода съ одной стороны черезъ Исландію и Гренландію, а съ другой—черезъ сѣверовосточную оконечность Азіи и Беринговъ проливъ; также существовало еще нѣкоторое соединеніе между восточной Индіей и Африкой и быть можетъ обнаруживалось временное соединеніе Азіи и Австраліи черезъ Зондскій архипелагъ. Третичный періодъ характеризуется частымъ колебаніемъ границъ суши, постепенно стягивавшейся до ея современныхъ очертаній. Высочайшія горныя цѣпи современной земной поверхности были воздвигнуты въ теченіе третичнаго періода; горообразовательныя явленія достигли напряженія, небывалаго со времени конца палеозоя; третичныя отложенія эоцена подняты въ Гималаяхъ до высоты 5.000 метровъ надъ уровнемъ моря; міоценовыя образованія на Кавказѣ находятся мѣстами на высотѣ болѣе $2^1/_2$ т. метровъ; даже пліоценовыя образованія въ южной Европѣ находятся мѣстами на высотѣ 1.800 метровъ надъ уровнемъ моря. Исчезновеніемъ океана Тетисъ, появленіемъ мощнаго пояса складчатыхъ горъ отъ Гималаевъ до Тянь-Шаня и соединеніемъ Ангарскаго материка съ индѣйскимъ отломкомъ такого же древняго материка Гандвана была создана канфигурація современной Азіи, говоритъ *Зюссъ*.

Измѣненіе общаго характера фауны, какое было отмѣчено къ концу верхне-мѣлового періода, закончилось совершенно къ началу третичнаго. Упомянутые морскіе хищники и гигантскіе динозавры, эти странные исполинскіе ящеры, ходившіе на заднихъ ногахъ, исчезаютъ безъ слѣда уже въ нижне-третичныхъ образованіяхъ; въ морѣ появляются акулы и громадные киты. Исчезновеніе многихъ родовъ изъ безпозвоночныхъ животныхъ (аммониты, белемниты, рудисты и друг.) и появленіе новыхъ семействъ въ отрядѣ фораминиферъ (*нуммулиты*, чечевицеобразныя или круглыя скорлупки сравнительно крупныхъ размѣровъ) придаютъ нѣкоторую особенность и этой части морского населенія третичнаго періода, хотя въ общемъ безпозвоночная фауна третичнаго періода мало отличается отъ соотвѣтствующей фауны мезозоя. Насушное населеніе измѣнилось рѣзче; такъ появляются, какъ упомянуто, въ большомъ разнообразіи формъ млекопитающія. Нынѣ живущія животныя и растенія постепенно усиливаются среди ископаемыхъ формъ третичнаго періода, появляясь или въ видѣ тожественныхъ современнымъ или весьма близкихъ къ нимъ формахъ. Степень измѣненія органическаго міра въ теченіе кенозойской эры сравнительно съ его измѣненіями въ различныя предшествовавшія эпохи оказывается гораздо менѣе значительной, и необходимо предполагать, что

Карта 6-ая. Распредѣленіе континентовъ и океановъ въ кенозейскую эру

кенозойская эра по своей продолжительности значительно короче, предшествовавшихъ эръ или даже періодовъ (*Неймайръ*).

Извѣстный знатокъ ископаемой флоры проф. *Шенкъ* *) отмѣчаетъ въ эоценовой флорѣ сѣвера Европы преобладаніе тропическихъ и субтропическихъ формъ. Флора олигоцена обнаруживаетъ уже уменьшеніе температуры и частью влажности атмосферы; повидимому, обнаруживается уже вліяніе географическихъ широтъ и съ другой стороны мѣстныхъ (фаціальныхъ) условій; среди нея много уже такихъ формъ, которыя вовсе не относятся къ тропическимъ. Міоценовая флора Европы представляетъ еще много общаго съ олигоценовой; пальмы и цикадовыя росли еще повсюду къ сѣверу отъ Альпъ. Ко времени верхняго міоцена тропическія формы исчезаютъ, замѣщаясь формами умѣреннаго пояса; въ высокихъ сѣверныхъ широтахъ, какъ на Шпицбергенѣ и въ Гренландіи, въ концѣ міоцена флора показываетъ уже замѣтное пониженіе температуры, хотя по мнѣнію другого авторитета, *Освальда Геера*, общій характеръ этой флоры требуетъ еще повышенія средней годовой температуры сравнительно съ современной для Шпицбергена по крайней мѣрѣ на $17^1/_2$°C, а для Гриннеллевой земли на 28°C, т.-е. среднія годовыя температуры Іессо въ Японіи и Средней Германіи (9° и 8°C). По новѣйшимъ изслѣдованіямъ графа Сапорта ископаемая флора полярныхъ мѣстонахожденій относится даже скорѣе къ эоцену; въ этой флорѣ совершенно нѣтъ пальмъ и мало лавровыхъ деревьевъ, которыя однако извѣстны въ Средней Европѣ въ эоценовыхъ отложеніяхъ. Флора полярныхъ мѣстонахожденій, состоящая изъ бука, тополя, вяза и дуба съ платанами и магноліями, представляется многими видами, тожественными съ міоценовыми формами Европы. Она является какъ бы предшественницей міоценовой флоры, возникшей черезъ миграцію этихъ эоценовыхъ формъ отъ сѣвера къ югу; но такъ какъ въ міоценовыхъ отложеніяхъ Европы извѣстны и пальмы, то послѣднія, повидимому, никогда не проникали за полярный кругъ. Пониженіе температуры продолжается и въ эпоху пліоцена; вмѣстѣ съ типами, родственныя формы которыхъ продолжаютъ жить въ Европѣ еще и теперь, встрѣчаются формы азіатскія, африканскія и американскія, не распространяющіяся теперь далеко къ сѣверу. Распредѣленіе формъ не показываетъ уже на вполнѣ однообразный климатъ даже для Европы, такъ около Ліона развиты формы болѣе нѣжныя, чѣмъ въ долинѣ Рейна.

Климатическія условія, медленно измѣнявшіяся во время двухъ предшествовавшихъ эръ, когда однообразіе въ распредѣленіи тепла по всей поверхности земли независимо отъ широты мѣста составляло какъ бы обычное явленіе, начинаютъ быстро измѣняться съ конца мѣлового періода въ теченіе третичнаго, продолжительность котораго

*) Zittel-Schenk „Palaeophytologie“, 1890, II Abth., стр. 806—822.

была во много разъ меньше, чѣмъ двухъ минувшихъ до него эръ. Относительно слабые еще признаки климатическихъ поясовъ эоцена смѣняются ко времени пліоцена уже условіями, вѣроятно мало чѣмъ отличавшимися отъ современныхъ. Измѣненія въ горизонтальномъ расчлененіи земной поверхности въ теченіе третичнаго періода, какъ ни значительны они, едва ли достигаютъ той степени различія, какую предоставляютъ, напр., верхне-девонская трансгрессія и материковое развитіе конца палеозоя. Одно такое сравненіе подрываетъ уже довѣріе къ соображеніямъ объ исключительномъ вліяніи на распредѣленіе тепла только конфигураціи замной поверхности. *Воейковъ* на одной изъ первыхъ страницъ своей классической книги о климатахъ земного шара говоритъ, что умѣряющее вліяніе воды такъ велико, что извѣстное распредѣленіе суши и воды рѣзко уменьшаетъ разности географическихъ широтъ; отсюда и выводъ, что возможно такое распредѣленіе суши и морей, при которомъ лѣтняя температура на полюсѣ была бы выше, чѣмъ у экватора. При особыхъ, вполнѣ возможныхъ, условіяхъ, препятствующихъ лучеиспусканію въ зимнія полярныя ночи, вѣчно зеленыя растенія могли бы жить и тамъ; съ такимъ объясненіемъ, которое поддерживаетъ *Кокенъ*, плохо вяжется однако та роскошная форма развитія крупныхъ листьевъ ольхи, липы и магноліи, какія извѣстны, напр., изъ мѣстонахожденій Шпицбергена по изслѣдованіямъ *Натгорста*.

Иное распредѣленіе суши и воды и теплыя морскія теченія не позволяютъ еще объяснить всѣ особенности флоры полярныхъ странъ третичнаго времени. Изслѣдованіе *Семпера* (въ 1896 году *), исполненное со образцовой научной осторожностью, не особенно утѣшительно для защитниковъ неизмѣнныхъ внѣшнихъ условій. Результаты этого изслѣдованія, хотя и показывающаго крупное вліяніе на климаты горизонтальнаго расчлененія земной поверхности, вмѣсто старыхъ гипотезъ о болѣе значительномъ лучеиспусканіи солнца въ предшествовавшія эпохи или о перемѣщеніи точекъ полюсовъ выдвигаетъ необходимость новыхъ предположеній. Извѣстные пока факты заставляютъ предполагать для сѣвернаго полушарія въ теченіе третичнаго періода такое распредѣленіе суши и воды, которое отнюдь уже не исключаетъ возможности даже холоднаго климата около полюсовъ: но въ такомъ случаѣ для объясненія особенностей околополярной флоры того времени необходимо сдѣлать два допущенія: или 1) что полярная, напр., эоценовая флора выносила зимнія темперетуры значительно болѣе низкія, чѣмъ это предполагаютъ ботаники, или 2) мѣстныя орографическія условія около полюсовъ были таковы, что климатическое вліяніе ихъ на флору околополярныхъ странъ, гдѣ теперь найдены

---

*) „Das Paläothermale Problem“. „Zeitschr. d. Deutsch. geol. Gesellsch.“, „XLVIII B.“.

уже остатки субтропической фроры, совершенно исключалось. Первое допущеніе едва ли заслуживаетъ особаго вниманія, что касается второго, то здѣсь мы остаемся пока въ области догадокъ, которыя могутъ быть разсѣяны только дальнѣйшими геологическими изслѣдованіями околополярныхъ странъ.

Вертикальное расчлененіе земной поверхности, образованіе современныхъ горныхъ цѣпей, вліяніе воздушныхъ теченій, быть можетъ, въ этомъ разрѣшеніе загадки о быстромъ измѣненіи въ распредѣленіи тепла въ теченіе третичнаго періода? Но на рубежѣ современной эпохи, въ концѣ пліоцена при условіяхъ горизонтальнаго и вертикальнаго расчлененія, въ основныхъ чертахъ уже тожественныхъ съ современными, наступаетъ эпоха, «въ тѣни которой» продолжаетъ развиваться жизнь земной поверхности до сихъ поръ. Эпоха великаго оледенѣнія какъ бы завершаетъ быстрое измѣненіе термальныхъ условій въ теченіе третичнаго періода; наступаетъ на всей земной поверхности пониженіе температуры, послѣ котораго температурная волна снова поднимается до прежнихъ условій пліоценовой эпохи. Медленный ходъ развитія въ органической и неорганической природѣ, смѣнившейся ускореннымъ темпомъ уже въ третичномъ періодѣ, достигаетъ въ эту эпоху наибольшаго напряженія.

Ледниковая эпоха. Изученіе современныхъ ледниковъ показало, что главными факторами для ихъ развитія при соотвѣтствующихъ топографическихъ условіяхъ являются количество осадковъ и средняя годовая температура; оба факта находятся въ причинной зависимости другъ отъ друга,—увеличеніе осадковъ, выпадающихъ въ видѣ снѣга, понижаетъ среднюю годовую температуру, а пониженіе этой температуры естественно увеличиваетъ количество твердыхъ осадковъ. Правда, въ Новой Зеландіи и въ Огненной Землѣ развитіе ледниковъ обусловливается исключительно количествомъ осадковъ, отнюдь не понижающихъ среднюю годовую температуру, которая соотвѣтствуетъ мягкому климату этихъ странъ. Необходимость обилія осадковъ, главнаго условія для развитіе ледниковъ, впервые установленная *Воейковымъ*, другими учеными часто переоцѣнивалась, и *Неймайръ* справедливо указываетъ, что великая ледниковая эпоха сопровождалась на пространствѣ Средней Европы развитіемъ арктической флоры и фауны. Послѣ ледниковой эпохи тамъ установился степной климатъ, а влажный морской появился только на границѣ современной эпохи. Отсюда *Неймайръ* дѣлаетъ выводъ, что развитіе ледниковъ въ плейстоценовую эпоху не было обусловлено исключительно обиліемъ осадковъ, но было вызвано также уменьшеніемъ температуры*). Охлажденіе климата, начавшееся для сѣверной Европы и полярной области въ началѣ эоценоваго

*) Противоположнаго взгляда до сихъ поръ держится проф. *Кокенъ*.

періода, и еще раньше, достигло въ ледниковую эпоху своего максимума, который отнюдь не слѣдуетъ понимать, какъ время сильнаго холода, а лишь какъ время пониженія средней годовой, быть можетъ, не болѣе 4—5° *(по Брюкнеру)*. Ледниковая эпоха на значительныхъ пространствахъ Азіи и Сѣверной Америки, гдѣ особенныя климатическія условія не благопріятствовали развитію ледниковъ, выразилась въ такъ называемовъ *плювіальномъ* періодѣ, т.-е. сильномъ увеличеніи осадковъ; слѣдствіемъ этого было необыкновенное поднятіе уровня озеръ, напр., на нагоріи западныхъ Соединенныхъ Штатовъ (озеро Бонневиль, остаткомъ котораго является Большое Соленое озеро въ Ютахъ; озеро Лахонтанъ у подножія Сіерра - Невады), также озеръ Средней Азіи (Аральскаго и Каспійскаго, Лобъ-Нора). Одновременность плювіальнаго періода и ледниковой эпохи можно считать доказанной собственно только для озеръ Сѣверной Америки. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи и, быть можетъ, на пространствѣ всей Сибири, гдѣ не было сплошного отдѣленія, главная фаза ледниковой эпохи была временемъ суроваго континентальнаго климата (*Черскій*; *Воейковъ* называетъ условія Сибири континентальной фаціей ледниковаго времени); время же развитія мѣстныхъ ледниковъ, напр., на Камчаткѣ, въ области Анадыра, также на Олекминскомъ плоскогорьи и въ Верхоянскомъ хребтѣ, относится къ эпохѣ послѣдующаго расширенія площади моря (трансгрессія), сопровождавшейся обильными атмосферными осадками и болѣе мягкимъ климатомъ (послѣ-ледниковая эпоха или между-ледниковая по Рамзаю). Такъ называемыя *между-ледниковыя* эпохи, которыхъ для сѣверо-западной Европы считаютъ двѣ, а другіе ученые, какъ *Джемсъ Гики* для Англіи—пять *), свидѣтельствуютъ, конечно, о колебаніи климатическихъ условій, мало нарушавшемъ, однако, общій характеръ этого удивительнаго періода. Можно считать доказаннымъ, что пониженіе температуры, вызвавшее ледниковую эпоху, при условіяхъ очертаній земной поверхности, мало отличныхъ отъ современныхъ, обнаружилось не только въ сѣверномъ полушаріи, но также въ тропическомъ поясѣ (Сѣверная Колумбія и Венецуэла) и въ южномъ полушаріи (Чили, Патагонія, Огненная Земля, Новая Зеландія, Альпы Викторіи на материкѣ Австраліи и Африка въ области Кеніи и Киламанджаро).

Если для объясненія климатическихъ особенностей третичнаго періода можно прибѣгать къ предположеніямъ объ иномъ распредѣленіи суши и воды при совершенно отличномъ орографическомъ строеніи материковъ, то нужно помнить, что для объясненія причинъ ледниковой эпохи мы не имѣемъ особаго основанія пользоваться тѣми же доказательствами. Распредѣленіе материковъ и морей и рельефъ земной поверхности къ концу третичной эры отличались отъ современ-

*) Въ Сѣверной Америкѣ нѣкоторые ученые *(Чэмберленъ)* также считаютъ пять между-ледниковыхъ эпохъ.

ныхъ слишкомъ незначительно; лишь нѣкоторыя колебанія въ границѣ суши и морей наступили уже послѣ ледниковой эпохи (напр., сѣверная трансгрессія моря въ Европѣ и Азіи); также только нѣкоторыя несущественныя черты въ конфигураціи горъ и равнинъ произошли уже послѣ нея. Однородность орографическихъ условій земной поверхности передъ наступленіемъ ледниковой эпохи и въ теченіе современной и повсемѣстность ледниковаго періода, при вѣроятной одновременности, объясняютъ тотъ успѣхъ астрономическихъ гипотезъ, какой выпалъ на ихъ долю для объясненія причинъ ледниковой эпохи.

Въ настоящее время выдвигается все болѣе значеніе теплыхъ теченій на климатъ прибрежныхъ пространствъ. Такъ *Нансенъ* и *Книповичъ* приходятъ къ заключенію, что при уменьшеніи количества воды такого теченія, какъ Гольфстремъ, напр., вслѣдствіе поднятія дна океана, можетъ произойти постепенное передвиженіе полярныхъ льдовъ къ югу, а соединеніе сѣвера Европы съ Гренландіей и совершенное отклоненіе этого теченія отъ арктическаго моря можетъ повлечь за собой пониженіе температуры и накопленіе льдовъ, достаточныя для воспроизведенія условій ледниковаго періода, но во всякомъ случаѣ только въ сѣверномъ полушаріи, а не по всей землѣ *).

Всѣ онѣ ведутъ свое начало отъ гипотезы *Роде* (J. P. von Rohde, 1809 г.), формулированной имъ еще задолго до выясненія самыхъ условій ледниковаго періода. Основываясь на теоріи Лапласа, *Роде* пришелъ къ выводу, что для каждаго полушарія попеременно черезъ опредѣленные промежутки времени наступаетъ извѣстное увеличеніе продолжительности зимняго полугодія сравнительно съ лѣтнимъ, или перемѣщеніе зимняго полугодія изъ положенія въ афеліи въ перигелій *). *Роде* указываетъ, какъ на слѣдствіе изъ этого, особыя условія неодинаковаго согрѣванія и освѣщенія, неизбѣжно вліяющія на климатическія особенности каждаго полушарія. Въ 1875 году *Кролль* развилъ эту гипотезу *Роде*, внося поправку на измѣненіе эксцентриситета земной орбиты, при наступленіи максимума котораго (послѣдній разъ за 850,000 лѣтъ до нашей эры) разность продолжительности полугодій достигала до 36 дней. Полушаріе, имѣющее зиму въ офеліи должно имѣть суровый и холодный климатъ, получая въ теченіе зимы менѣе тепла вслѣдствіе значительнаго удаленія отъ солнца, а короткое лѣто для этого полушарія, хотя болѣе теплое, вслѣдствіе близости отъ солнца, будетъ недостаточно, чтобы превратить въ воду всю массу льда и снѣга, накопившихся въ теченіе долгой зимы, и въ этомъ полушаріи наступаетъ ледниковая эпоха.

Не останавливаясь подробнѣе на этой и другихъ астрономическихъ

---

*) Вѣроятность охлажденія климата Европы вслѣдствіе появленія суши между Америкой и Европой и прекращенія отъ этого Гольфстрема указывалъ уже *Гопкинсъ* въ 1852 г.

гипотезахъ, напр. *Шмика**) (періодическое и попеременное для каждаго полушарія наступаніе моря вслѣдствіе притяженія солнцемъ водъ океана при положеніи полушарія въ перигеліи), достаточно замѣтить, что всѣ такія астрономическія гипотезы имѣютъ общій недостатокъ: онѣ требуютъ періодичности въ наступленіи теплыхъ и холодныхъ эпохъ климата, слѣдовательно періодическаго повторенія ледниковой эпохи и притомъ поперемѣнно въ каждомъ полушаріи. Ни то, ни другое не подтверждается.

Въ настоящее время геологія приходитъ, правда, къ выводу, (*Фрехъ*, *Хогъ* и другіе), что въ общемъ ходѣ географо-геологическихъ измѣненій въ исторіи земли обнаруживаются рядомъ съ исключительными, рѣдкими событіями также явленія другого порядка, періодически повторяющіяся. Послѣднія выражаются въ послѣдовательности регрессій и трансгрессій моря, управлявшихъ непрерывнымъ развитіемъ и дифференцировкой органическаго міра. Цѣлые періоды въ исторіи земли, какъ во время верхняго кембрія и въ теченіе конца палеозоя и начала мезозоя, отмѣчены частыми колебаніями границъ между сушей и моремъ; это были періоды наибольшей дифференцировки и обособленія физико-географическихъ условій на земной поверхности и слѣдовательно организмовъ, которые должны были приспособляться къ вновь поступавшимъ условіямъ жизни. Можно замѣтить также послѣдовательную смѣну, по крайней мѣрѣ для сѣвернаго полушарія болѣе изученнаго, эпохъ рѣзкаго обособленія морскихъ провинцій подъ вліяніемъ продолжительной регрессіи, какъ въ началѣ періодовъ силлурійскаго, девонскаго, юрскаго и мѣлового, и эпохъ широкаго распространенія однообразныхъ фаунъ подъ вліяніемъ трансгрессій въ теченіе второй половины тѣхъ же періодовъ. Границы между геологическими періодами отмѣчены слѣдовательно сильными измѣненіями физико-географическихъ условій (регрессіи моря). Конечно, въ различныхъ частяхъ земной поверхности такія измѣненія наступали неодновременно. Все болѣе выясняется также вѣроятность сопряженности регрессій въ одномъ мѣстѣ съ трансгрессіями въ другомъ; явленія горообразованія и постепеннаго повышенія дна моря подъ вліяніемъ отложенія новыхъ осадковъ служатъ причинами колебаній границъ между сушей и моремъ, или, иными словами, каждое перемѣщеніе въ твердой земной корѣ вызываетъ перемѣщеніе въ ея водной оболочкѣ. Для объясненія всѣхъ такихъ періодически повторяющихся явленій геологу нѣтъ надобности прибѣгать къ какимъ либо факторамъ внѣ земли. Нѣтъ надобности къ нимъ обращаться даже для объясненія такихъ широкихъ явленій, какъ обширныя трансгрессіи

---

*) Въ настоящее время для сѣвернаго полушарія зимнее полугодіе болѣе короткое на 8 дней, чѣмъ лѣтнее, приходится въ положеніи земли въ перигеліи, т.-е. въ ближайшемъ отъ солнца.

второй половины нѣкоторыхъ періодовъ, какъ силура, девона и мѣла для которыхъ въ предѣлахъ изслѣдованныхъ частей земной поверхности нельзя еще указать съ полной достовѣрностью сопряженныхъ съ ними регрессій. Расширеніе періарктическихъ океановъ силура и девона вѣроятнѣе всего вызывается уменьшеніемъ ихъ средней глубины, разъ количество воды не измѣняется, какъ это давно уже было высказываемо *Зюссомъ*.

Словомъ, цѣлый рядъ періодически возобновлявшихся явленій въ исторіи земли выражается въ сопряженныхъ, взаимно компенсирующихся, движеніяхъ моря, которыя вызывались очень сложными причинами въ самой землѣ, т. е. теллурическими.

Этотъ непрерывный ходъ развитія земли прерывается тѣмъ не менѣе нѣсколькими событіями, которыя какъ бы ускоряютъ темпъ ея жизни и проявляются одновременно по всей поверхности земли, поскольку она уже изслѣдована. Такія событія сосредоточены въ концѣ палеозоя и на рубежѣ современной эпохи.

Они выражаются въ крупнѣйшихъ орогеническихъ движеніяхъ, а въ отношеніи геологическихъ климатовъ двумя эпохами предполагаемаго и доказаннаго оледѣненія. Великой ледниковой эпохѣ предшествовала фаза крупнѣйшихъ движеній въ твердой земной корѣ въ теченіе второй половины третичнаго періода; отношеніе такихъ орогеническихъ фазъ и предполагаемой ледниковой эпохи конца палеозоя нѣсколько иное.

Если вопреки мнѣнію *Фреха* и другихъ западно-европейскихъ геологовъ предполагаемую ледниковую эпоху конца палеозоя не выдѣлять въ пермское время, то необходимо признать, что эта эпоха и нѣсколько фазъ крупнѣйшихъ орогеническихъ движеній, обнявшихъ поверхность всей земли, были одновременными и частью даже эти фазы слѣдовали за ледниковой эпохой.

Конецъ палеозоя и время великаго ледниковаго развитія, дѣйствительно, отмѣчены рѣзкими чертами, которыя позволяютъ сохранить за этими періодами исторіи земли названіе *критическихъ*, впервые предложенное *Ле-Контомъ* (1895 г.).

Только эти два періода обнаруживаютъ особенности, какихъ нельзя замѣтить въ другіе моменты исторіи земли; въ концѣ палеозоя физико-географическая дифференцировка земной поверхности, при отсутствіи климатическихъ поясовъ въ тѣсномъ смыслѣ, достигла крайняго напряженія; рядомъ съ флорой и фауной, равномѣрно распространявшимися независимо отъ широты мѣста, встрѣчаются признаки предполагаемаго охлажденія, непостоянные, повторяющіеся въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ по нѣсколько разъ. Термальныя условія на поверхности земли повидимому подвергаются колебаніямъ, крайнія минимальныя степени котораго сосредоточиваются не только въ южномъ полушаріи, но распространяются и на сѣверное, преобладая все-таки,

какъ было уже указано, въ низкихъ широтахъ, частью въ тропическомъ поясѣ. Такое колебаніе термальныхъ условій продолжается въ теченіе цѣлаго геологическаго періода (конецъ палеозоя), вслѣдъ за которымъ эволюція земной поверхности снова продолжается болѣе спокойно. Великая ледниковая эпоха явилась естественнымъ продолженіемъ пониженія общихъ термальныхъ условій съ начала третичнаго періода. Такому пониженію предшествовало постепенное обособленіе климатическихъ поясовъ въ мѣловомъ періодѣ и, быть можетъ, съ конца юрскаго.

Естественнымъ заключеніемъ изъ такого разсмотрѣнія измѣненій термальныхъ условій земной поверхности въ теченіе исторіи земли можетъ быть только одно, что истинная причина какъ ледниковой эпохи, такъ и сложной климатической дифференцировки конца палеозоя тѣсно связана съ эволюціей земли, какъ нераздѣльнаго члена всей солнечной системы. Предлагаемыя для объясненія великой ледниковой эпохи причины астрономическія, т.-е. такія, которыя зависятъ отъ особенностей только движенія земли, не оправдываются, дѣйствительно, наблюдаемыми явленіями; причины теллурическія, какъ иное распредѣленіе сушѣ и морей и зависящее отсюда измѣненіе морскихъ и воздушныхъ теченій, или перемѣщеніе точекъ полюсовъ, вслѣдствіе иныхъ условій равновѣсія въ массѣ земли при иномъ распредѣленіи континентовъ и океановъ, являются или недостаточными, или требуютъ предположенія перемѣщеній въ распредѣленіи суши и воды, какія не оправдываются дѣйствительно отмѣченными.

Палеоклиматическія измѣненія, насколько они намѣчены до сихъ поръ, показываютъ, что до наступленія ледниковой эпохи, или, правильнѣе, времени пліоцена, термальныя условія на земной поверхности были повышены сравнительно съ современными.

Количество тепла, такъ или иначе распредѣляемаго на земной поверхности, можетъ повыситься отъ болѣе высокой степени лучеиспусканія солнца или же отъ болѣе высокой степени поглощенія тепла земной атмосферой *). Хотя противъ перваго предположенія еще недавно высказывался одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъхъ физиковъ и метеорологовъ, *Экгольмъ* (1901 г.), тѣмъ не менѣе основанная на этомъ предположеніи гипотеза *Дюбуа*, въ особенности съ поправками къ ней *Воейкова* и недавно сдѣланными самимъ *Дюбуа* (1902 г.), снова обращаетъ на себя вниманія.

Главныя положенія этой гипотезы заключается въ слѣдующемъ **).

*) Предположенія о вліяніи внутренной теплоты земли и прохожденія солнечной системы черезъ болѣе нагрѣтыя небесныя пространства—первое неосновательно, а второе слишкомъ гипотетично.

**) Пользуюсь изложеніемъ и критикой гипотезы *Дюбуа*, сдѣланными *Воейковымъ* въ его статьѣ: „Geologiesche Klimate“, Peterm. Mitt. 1895, стр. 252—256.

Климаты земли со времени появленія органической жизни зависятъ только отъ солнца. Солнце представляетъ звѣзду, которая должна была испытать въ своемъ развитіи четыре фазы: 1) состоянія бѣлой звѣзды, температуры значительно болѣе высокой, чѣмъ теперь; въ теченіе этой фазы колебанія температуры были ничтожны; этой фазѣ соотвѣтствуетъ время до-третичнаго періода; 2) относительно короткаго переходнаго времени къ состоянію желтой звѣзды; это время сопровождалось быстрымъ охлажденіемъ, которое обнаружилось и на землѣ съ начала третичнаго періода до плейстоценовой эпохи (т.-е. ледниковой); 3) состоянія желтой звѣзды, температуры почти постоянной въ теченіе долгаго времени; во время этой фазы черезъ значительные промежутки времени, постепенно сокращающіеся, на солнцѣ происходятъ химическія соединенія, причемъ звѣзда принимаетъ красноватый цвѣтъ; спектры такихъ звѣздъ характеризуются колоннами темныхъ линій, а не отдѣльными линіями, какъ для желтыхъ звѣздъ. Этимъ періодамъ затемнѣнія солнца и соотвѣтствуютъ отдѣльныя ледниковыя эпохи, а временамъ возврата солнца къ желтому состоянію—эпохи междуледниковыя, болѣе продолжительныя сравнительно съ временами развитія ледниковъ; въ одной изъ такихъ междуледниковыхъ эпохъ мы живемъ въ настоящее время; вслѣдствіе медленнаго и равномѣрнаго уменьшенія солнечнаго лучеиспусканія въ теченіе желтой фазы такія перемежающіяся эпохи будутъ, вѣроятно, повторяться очень долго; 4) лишь передъ концомъ жизни солнца холодные періоды должны значительно увеличиваться, пока солнце не перейдетъ въ состояніе красной звѣзды и наконецъ темнаго тѣла. Тогда наступитъ по выраженію Воейкова «начало конца».

Гипотеза *Дюбуа* находится въ полномъ согласіи съ современными представленіями о состояніи солнца и звѣздъ по Гельмгольцу, Томсону, Секки. Равномѣрность лучеиспусканія въ состояніи бѣлой и желтой звѣзды и быстрое уменьшеніе лучеиспусканія въ переходномъ—отъ бѣлой къ желтой—состояніи подтверждается, напр., тѣмъ, что только немногія звѣзды находятся въ такомъ переходномъ состояніи, а безконечное множество или въ постоянномъ бѣломъ, или въ постоянномъ желтомъ состояніяхъ. Труднѣе, кажется, объяснить однообразіе климатовъ минувшихъ эпохъ, такъ какъ избытокъ тепла того времени долженъ распредѣляться тремя частями для тропиковъ и только одной частью для полярныхъ областей. *Дюбуа* предполагаетъ атмосферу земли болѣе насыщенной парами съ постоянными густыми облаками, болѣе сильную циркуляцію воздушныхъ и морскихъ теченій и преобладаніе въ солнечныхъ лучахъ отъ болѣе раскаленнаго тѣла лучей фіолетовыхъ и ультра-фіолетовыхъ (короткой волны), болѣе поглощаемыхъ атмосферой, чѣмъ красные лучи; при такихъ условіяхъ нижніе слои воздуха тропическихъ областей должны получить отъ бѣлаго солнца относительно немного больше тепла, чѣмъ теперь, а избытокъ.

поглощенный верхними слоями атмосферы, поступаетъ на усиленіе циркуляціи воздуха отъ низкихъ широтъ къ высокимъ, т.-е. косвеннымъ путемъ на поднятіе общей температуры околополярныхъ областей. Слѣдовательно, избытокъ тепла, получаемаго нижними слоями воздуха въ тропикахъ, не можетъ быть настолько великъ, чтобы исключить тамъ возможность органической жизни, что нерѣдко указывается, какъ возраженіе противъ гипотезы болѣе сильнаго лучеиспусканія солнца. Обратно, при переходѣ солнца въ состояніе красной звѣзды, когда преобладаютъ ультра-красные и красные лучи, они достигаютъ въ большемъ процентномъ отношеніи нижнихъ слоевъ атмосферы, и подъ тропиками температура можетъ быть даже выше, но вслѣдствіе общаго уменьшенія тепла во всемъ слоѣ атмосферы надъ тропиками температурный градіентъ (т.-е. разница) между тропиками и полярными областями уменьшается и условія согрѣванія послѣднихъ становятся менѣе благопріятными, чѣмъ теперь.

Воейковъ дѣлаетъ поправки къ выводамъ *Дюбуа*, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что условія согрѣванія полярныхъ областей зависятъ существенно отъ развитія тамъ морского климата, а не континентальнаго; этимъ можно было бы объяснить и относительную умѣренность холода теперь въ полярныхъ странахъ, сравнительно съ ледниковой эпохой, если тогда существовало еще соединеніе Европы съ Гренландіей. Далѣе *Воейковъ* доказываетъ, что въ тропическихъ областяхъ при уменьшеніи количества солнечнаго тепла разница въ согрѣваніи нижнихъ слоевъ атмосферы, сравнительно съ временемъ болѣе жаркаго солнца, еще невелика, но она значительна въ верхнихъ слояхъ атмосферы; это объясняетъ, между прочимъ, возможность образованія ледниковъ въ высокихъ тропическихъ горахъ. Это соображеніе можетъ имѣть нѣкоторое значеніе для оцѣнки предполагаемыхъ ледниковыхъ явленій времени карбона. Если только допустить возможность временнаго переходнаго состоянія солнца изъ бѣлой въ желтую звѣзду или вообще колебаній въ лучеиспусканіи въ концѣ палеозоя, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ образованіи ледниковъ въ тропическихъ областяхъ того времени.

Ледниковая эпоха конца палеозоя, если даже допускать согласно съ Дюбуа обилія осадковъ въ субтропическихъ областяхъ того времени, представляетъ тѣмъ не менѣе явленіе настолько исключительное и обособленное въ исторіи земли, что естественно возникаетъ сомнѣніе въ правильности его опредѣленія. Среди геологовъ давно уже многіе указывали, напр., *Пенкъ*, что полнаго тожества между валунными отложеніями конца палеозоя и ледниковыми отложеніями великой ледниковой эпохи все-таки нѣтъ; слоистостью и частымъ появленіемъ валуновъ, отшлифованныхъ по нѣсколькимъ гранямъ, эти отложенія отличаются довольно рѣзко отъ несомнѣнно ледниковыхъ, напоминая отложенія бурныхъ потоковъ и нѣкоторыя псевдоледниковыя образованія,

напр., у подножія Альпъ. Слоистость валунныхъ отложеній Австраліи объясняется теперь происхожденіемъ ихъ частью при стаиваніи плавающихъ айсберговъ, распространявшихся отъ антарктическаго ледниковаго покрова; направленіе бороздъ и шрамовъ показываетъ также довольно согласно движеніе отъ полюса къ сѣверу. Что касается до ошлифованныхъ валуновъ изъ отложеній Пенджаба въ Индіи (Соляной кряжъ), то *Кокенъ* и *Нотлингъ* разсматриваютъ ихъ какъ части ледниковаго ложа, шлифуемаго дѣйствіемъ поддонной морены; валуны были заключены въ тонкомъ пескѣ, превращенномъ теперь въ песчаникъ; при повторенномъ оттаиваніи песка подъ ледниковымъ покровомъ валуны могли переворачиваться, и шлифовкѣ подвергались различныя стороны; при оттаиваніи такой почвы части ея могли увлекаться движеніемъ льда, становясь въ свою очередь частью поддонной морены, и ограненные ошлифованные валуны попадаются также въ верхнихъ валунныхъ отложеніяхъ, теперь въ видѣ валуннаго мергеля. Слоистость отложеній покрывающихъ валунный мергель позволяетъ разсматривать ихъ за осадки отъ совмѣстной дѣятельности ледниковъ и воды (флювіо-гляціальныя). Пониженіе снѣговой линіи въ субтропической области при замѣтномъ преобладаніи тамъ материковаго развитія (см. карту № 4) трудно объяснимо безъ допущенія временнаго пониженія радіаціи солнца. Продолжительность эръ палеозойской, мезозойской и кенозойской находится въ отношеніи $3^1/_2 : 1^1/_2 : 1\,^3/_4$ (по Дэна); продолжительность археозойской эры вѣроятно больше суммы этихъ трехъ. Слѣдовательно, допущеніе перваго временнаго перехода солнца отъ состоянія бѣлой звѣзды къ желтой приходится на эпоху ближе къ концу первой фазы жизни солнца и является не произвольнымъ, а согласнымъ съ общей эволюціей солнечной системы. Какъ ни убѣдительны новыя данныя *Кокена* и *Нётлинга*, но вопросъ о ледниковомъ происхожденіи валунныхъ отложеній конца палеозоя не можетъ считаться рѣшеннымъ безповоротно; отрицательное его рѣшеніе въ смыслѣ происхожденія этихъ отложеній дѣйствіемъ воды, а шлифовки дѣйствіемъ предварительной обработки частью вѣтромъ, конечно, болѣе соотвѣтствуетъ эволюціи земли согласно гипотезѣ *Дюбуа*, чѣмъ положительное рѣшеніе.

Гипотеза *Дюбуа* представляетъ только дальнѣйшее развитіе небулярной гипотезы мірозданія и совершенно исключаетъ элементъ періодичности, понимаемой какъ простая законность отъ возвращенія земли на старое мѣсто и рѣшительно ничѣмъ не оправдываемой въ исторіи земли. Понять и привести въ стройное цѣлое сложный міръ явленій въ ихъ поступательномъ движеніи, конечно труднѣе, чѣмъ опредѣлить законы періодичности, и мы далеки еще отъ такого представленія. *Зупанъ* не совсѣмъ правъ, когда говоритъ, что если ледниковая эпоха была не единственной въ исторіи земли, то получили бы высшее значеніе слова *Бенъ-Акибы*: «все уже когда-нибудь было». Исторія земли

есть вѣчно измѣняющееся сочетаніе причинъ и слѣдствій; что было, то никогда въ томъ же видѣ не повторится; въ этомъ высшая тайна природы, болѣе высокая, чѣмъ иногда кажущійся круговоротъ явленій.

На предположеніи, что распредѣленіе тепла на земной поверхности при неизмѣнномъ его притокѣ отъ солнца, зависитъ только отъ неодинаковой степени поглощаемости лучей атмосферой, построены гипотеза *Арреніуса* *). *Арреніусъ* предполагаетъ, что увеличеніе количества водяного пара ведетъ къ повышенію температуры, причемъ часть воды снова превратится въ паръ; увеличеніе водяного пара вызоветъ новое повышеніе и т. д. до извѣстной, конечно, границы. По опытамъ *Арреніуса*, болѣе существенное вліяніе на поглощеніе тепла, излучаемаго землею и получаемаго ею отъ солнца, оказываетъ содержаніе угольной кислоты въ воздухѣ. Съ увеличеніемъ угольной кислоты въ воздухѣ возрастаетъ слѣдовательно температура нижнихъ слоевъ атмосферы и поверхности земли.

Теперь содержаніе угольной кислоты составляетъ всего 0,03% воздуха по объему. Уменьшеніе этого количества до 0,67 теперешняго содержанія вызоветъ, по вычисленіямъ *Арреніуса* пониженіе температуры въ широтахъ между 40° и 60° с. ш. на 4—5° С, т.-е. будетъ достаточнымъ, чтобы вызвать новое оледенѣніе Сѣв. Америки и Средней Европы. При увеличеніи количества угольной кислоты отъ 2 до 3 разъ сравнительно съ теперешнимъ произойдетъ повышеніе температуры въ тѣхъ же широтахъ и полярныхъ областяхъ на 8—9° С, слѣдовательно достаточное для объясненія теплаго климата полярныхъ странъ въ началѣ третичнаго періода. Такое увеличеніе количества угольной кислоты, конечно, еще далеко отъ предѣльнаго для жизни высшихъ животныхъ.

Гипотеза *Арреніуса*, основанія которой, впрочемъ, теперь оспариваются другимъ извѣстнымъ шведскимъ физикомъ *Энгстремомъ* (Ångström), не могла не отразиться на соображеніяхъ геологовъ. Дѣйствительно, среди геологическихъ явленій можно отмѣтить двѣ группы, одна изъ которыхъ является источникомъ въ атмосферѣ угольной кислоты, именно вулканическія изверженія и выдѣленія газовъ **), а другая поглощаетъ угольную кислоту, именно химическіе и біологическіе процессы, напр., образованіе известняковъ и залежей ископаемаго горючаго. Естественно возникаетъ предположеніе, если періоды тепла и холода въ исторіи земли обнаруживаютъ опредѣленное отношеніе

*) *Svante Arrhenius.* „Ueber den Einfluss des atmosphärischen Kohlensäuregehalts auf die Temperatur der Erdoberfläche“, въ изданіяхъ шведской акад. наукъ, 1897 г.

**) Буровая скважина около Бургброля въ области Лаахерскаго озера даетъ ежедневно 2½ милл. литровъ CO_2, идущей на производство жидкой угольной кислоты.

къ вулканической дѣятельности на землѣ, то гипотеза *Аррениуса* расширяется, а указываемые ею основанія получаютъ значеніе факторовъ, постоянно, но не періодически, дѣйствующихъ теллурическихъ причинъ различія климатовъ земли въ ея геологической жизни.

Такая геологическая провѣрка гипотезы была только что исполнена проф. *Фрехомъ* *). Періодами наибольшаго возбужденія вулканической дѣятельности, когда поверхность земли покрылась мощными массовыми изліяніями различныхъ изверженныхъ горныхъ породъ, были конецъ палеозоя и третичный періодъ, именно время наиболѣе сильныхъ горообразовательныхъ процессовъ. Оставаясь на почвѣ фактовъ, нужно признать, что время необыкновеннаго расхода угольной кислоты на образованіе единственныхъ по величинѣ и распространенію залежей ископаемаго горючаго каменноугольнаго періода и на отложеніе мощныхъ известняковъ карбона было одновременнымъ и частью предшествовало фазамъ горообразованія и вулканическихъ изверженій, а предполагаемая ледниковая эпоха конца палеозоя предшествовала эпохѣ мощныхъ вулканическихъ изліяній нижне-пермскаго времени. Если можно еще съ нѣкоторыми натяжками считать эти вулканическія изліянія причиной повышенія температуры и прекращенія палеозойскаго ледниковаго періода, то связывать увеличеніе количества угольной кислоты отъ этихъ изліяній съ незначительными залежами горючаго въ пермской и тріасовой системѣ, какъ это дѣлаетъ *Фрехъ*, едва ли есть какое-нибудь основаніе. *Фрехъ* совершенно обходитъ молчаніемъ мощныя угленосныя образованія времени лейаса (нижняя юра) и замѣчательныя по обилію известняковъ отложенія верхней юры, которымъ предшествовало значительное сокращеніе вулканической дѣятельности на землѣ. Вся мезозойская эра, а тріасовый ея періодъ въ особенности, представляетъ такъ мало случаевъ изліянія изверженныхъ породъ, что на это давно и справедливо обращено вниманіе геологовъ, но болѣе, чѣмъ смѣло, было бы связывать съ этимъ первое болѣе отчетливое проявленіе климатическихъ поясовъ на землѣ. Предполагая медленное, конечно, воздѣйствіе насыщенія атмосферы угольной кислотой на распредѣленіе тепла, мы могли бы скорѣе удивляться, что особенно выдающіеся въ исторіи земли изліянія изверженныхъ породъ нижне-третичнаго времени (эоцена и олигоцена) не имѣли никакого вліянія на постепенно усиливающееся охлажденіе земной поверхности. Если такимъ же и даже меньшимъ изліяніемъ *Фрехъ* придаетъ важное значеніе на колебаніе климатовъ въ теченіе періодовъ палеозоя и мезозоя, то насколько сильнѣе, казалось бы, должно быть такое вліяніе въ теченіе сравнительно болѣе короткаго

*) „Studien über das Klima der geologischen Vergangenheit". „Zeitsch. der Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin", 1902, № 7—8. Также въ сочиненіи „Die Dyas", 1902, стр. 665—670.

времени третичнаго періода; быстрый расходъ угольной кислоты вызывалъ, быть можетъ, по предположенію *Фреха* развитіе цвѣтковыхъ растеній.

Весьма интереснымъ являются сопоставленія между образованіемъ залежей ископаемаго горючаго и вулканической дѣятельностью въ теченіе третичнаго періода въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности, но въ особенности на Суматрѣ, Явѣ и Борнео (Инсулинда) по новѣйшимъ изслѣдованіямъ *Вольтца.* Оказывается, что эпохи возбужденія вулканической дѣятельности правильно чередуются съ эпохами образованія залежей угля. Ледниковая эпоха соотвѣтствуетъ времени замѣтнаго сокращенія вулканической дѣятельности, хотя далеко не полнаго прекращенія, и *Фрехъ* даже выражаетъ догадку, не соотвѣтствуютъ ли времена пробужденія этой дѣятельности междуледниковымъ эпохамъ: также мощное распространеніе ледниковъ, ограничивая развитіе растительности, съуживая районъ строющихъ рифы коралловъ, породообразующихъ водорослей и фораминиферъ и ослабляя химическое вывѣтриваніе *), уменьшаетъ расходъ угольной кислоты и слѣдовательно, подготовляетъ, такъ сказать, причину послѣдующаго сокращенія ледниковыхъ массъ. Химическіе и органическіе процессы на земной поверхности и въ океанахъ являются, по предположенію *Фреха* какъ бы *регуляторомъ*, который черезъ опредѣленные промежутки времени вызываетъ прекращеніе ненормальныхъ климатическихъ условій.

Нѣсколько удачныхъ, а еще болѣе неудачныхъ сопоставленій между періодами оживленія вулканической дѣятельности и послѣдующими періодами усиленнаго поглощенія угольной кислоты не даютъ еще права заключать, что колебаніе въ содержаніи угольной кислоты въ атмосферѣ даетъ ключъ для физическаго объясненія различій геологическихъ климатовъ, какъ это высказываетъ *Фрехъ* въ концѣ своего весьма любопытнаго изслѣдованія. Что касается до параллелизированія періодовъ значительнаго тепла на землѣ и періодовъ особеннаго возбужденія вулканической дѣятельности, то два, напр., періода такого возбужденія въ эоценѣ и міоценѣ соотвѣтствуютъ только двумъ положеніямъ температуры на плавно понижающейся кривой, а отнюдь не двумъ повышеніямъ на такой кривой.

Однимъ словомъ, гипотеза Арреніуса, если основанія ея окажутся правильными, увеличиваетъ число теллурическихъ причинъ, вліяющихъ несомнѣнно на распредѣленіе солнечнаго тепла на земной поверхности,

---

*) Химическое вывѣтриваніе заключается именно въ дѣятельности угольной кислоты воздуха и угольной кислоты, растворенной въ водѣ на силикатовые минералы горныхъ породъ; процессъ идетъ въ холодныхъ и полярныхъ областяхъ медленнѣе, гдѣ онъ замѣщается въ экономіи природы механическимъ вывѣтриваніемъ подъ вліяніемъ физическихъ процессовъ.

не исключая, конечно, другихъ, какъ распредѣленіе суши и воды. Эта гипотеза открываетъ новые горизонты для оцѣнки значенія вулканизма въ исторіи земли и показываетъ новыя соотношенія въ ея сложной жизни.

Геологическіе климаты--одно изъ наиболѣе сложныхъ явленій въ этой жизни; «многое въ этомъ вопросѣ уже сдѣлано, говоритъ Воейковъ,—еще больше остается сдѣлать». Для геологовъ въ этомъ вопросѣ наиболѣе важнымъ является сознаніе, что прошлая жизнь нашей планеты могла протекать при условіяхъ, далеко не одинаковыхъ съ тѣми, которыя окружаютъ насъ въ настоящее время. Это сознаніе ослабляетъ завѣщанную намъ Ляйелемъ вѣру въ однообразіе дѣйствующихъ причинъ на земной поверхности; задача геологіи становится отъ этого еще болѣе трудной, но еще болѣе высокой.

Окружающая насъ природа таитъ еще далеко не использованный запасъ фактовъ и указаній, которые могутъ освѣтить для насъ прошлое нашей земли. Окружающая природа, эта истинная лабораторія геолога, есть кровь отъ крови и плоть отъ плоти прошлаго, но ключъ отъ него не въ однообразіи дѣйствія геологическихъ факторовъ, и въ этомъ нѣтъ противорѣчія. Чѣмъ пытливѣе всматриваться въ природу, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ возможность иныхъ условій, только производной отъ которыхъ являются современныя. Непоколебимая вѣра въ однообразіе и непрерывность дѣйствующихъ факторовъ, только съ поправкой на безконечность геологическаго времени, все болѣе шатается подъ напоромъ скептически настроенныхъ умовъ, направляющихъ свои изслѣдованія въ новыя стороны, не по традиціонному пути. Такъ, раздаются уже голоса (Штюбель, Ротплетцъ), что вулканизмъ есть одно изъ наиболѣе непрерывныхъ и длительныхъ явленій въ исторіи земли, хотя постепенно ослабѣвающихъ, а горообразовательныя явленія относятся къ числу періодически возобновляющихся; они не только не вызываютъ явленій вулканизма, но, наоборотъ, даже прерываютъ ихъ. Окружающая насъ природа носитъ всѣ признаки непрерывнаго проявленія вулканизма и никакихъ признаковъ возбужденія горообразовательныхъ явленій; землетрясенія, видимо не связанныя съ вулканическими изверженіями, могутъ быть отраженіемъ вулканическихъ явленій, только не проявившихся на поверхности земли. Какъ колеблютъ такіе взгляды стройность зданія геологіи, созданную предшествующей школой Ляйеля! Но эти взгляды уже намѣчаютъ новыя руководящія линіи зданія, за прочность котораго нѣтъ основаній бояться, такъ какъ оно заложено на наблюденіяхъ и только наблюденіяхъ.

Проф. **К. Богдановичъ.**

Французскій романъ на тему „Воскресенія" Толстого.

„Тщетное усиліе" Эдуарда Рода.—Искусственность построенія романа.— Элементъ національнаго предубѣжденія противъ англичанъ.—Сатира буржуазныхъ воззрѣній.—Идея отвѣтственности въ новомъ романѣ Анатоля Франса: „Комедіантская исторія".

Въ домѣ одного парижскаго адвоката, Леонарда Перрёза, давался обѣдъ въ честь пріѣхавшей изъ Италіи знатной англичанки, лэди Ливерморъ. Привелъ ее къ Перрёзамъ младшій братъ хозяина, Раймондъ, болѣзненный молодой человѣкъ, находящійся «не у дѣлъ», но даровитый, высокообразованный и съ прекрасной душой. Собралось нѣсколько представителей высшихъ слоевъ французской буржуазіи, и, между прочимъ, братъ хозяйки, архитекторъ Гастеллье, увлекающійся всѣми модными новинками, вдругъ задаетъ вопросъ:

— Кто изъ васъ читалъ «Воскресеніе»?

Не дожидаясь отвѣта, онъ пускается самъ въ длинное разсужденіе по поводу романа гр. Л. Н. Толстого, сыпля словами—«великолѣпно»—«огромно»—«истинно»... Ему дѣлаютъ нѣсколько возраженій, между прочимъ называя другія иностранныя произведенія на ту же тему: «Виновный» Франсуа Коппэ, «Красное письмо» Гауторна и «Адамъ Бэдъ» Джорджъ Эллiотъ. Гастеллье пренебрежительно отзывается объ этихъ книгахъ и замѣчаетъ: «Сюжетъ (романа Толстого) не новъ, потому что нѣтъ новыхъ сюжетовъ. Но онъ вѣченъ, онъ великолѣпенъ! И какую силу пріобрѣтаетъ онъ въ рукахъ этого «стараго мужика»! Онъ становится потрясающимъ обвинительнымъ актомъ противъ всей гнили нашего общества, защитой...» Оратора перебиваютъ присутствующіе гости, типичные буржуа, которые очень рѣзко осуждаютъ произведеніе Толстого, называютъ намѣреніе Нехлюдова жениться на Масловой—вопіющей нелѣпостью и т. п. «Предположимъ, что Нехлюдовъ уже былъ женатъ,—восклицаетъ одинъ изъ гостей, совѣтникъ Арондель,—что онъ отецъ семейства: что бы онъ тогда сдѣлалъ? Неужели онъ долженъ былъ бы развестись, чтобы жениться на этой...»

Высказанное совѣтникомъ Аронделемъ предположеніе и послужило содержаніемъ новаго романа Эдуарда Рода—«Тщетное усиліе», изъ котораго мы привели вышеизложенную сцену: Леонардъ Перрёзъ—это «женатый Нехлюдовъ», «отецъ семейства», и ему предстоитъ рѣшить вопросъ—какъ ему поступить по отношенію къ его Масловой—Франсуазѣ Дессомъ, скромной модистки, съ которой онъ въ молодые годы былъ въ связи и отъ которой имѣлъ ребенка.

Леонардъ Перрёзъ своевременно не призналъ этого ребенка и не женился на Франсуазѣ. Она, впрочемъ, и не требовала этого отъ блестящаго и честолюбиваго молодого человѣка, съ которымъ сошлась добровольно, не ставя никакихъ условій и не принимая никакихъ обязательствъ. Это былъ обыкновенный «collage» между студентомъ и гризеткой,—свободное сожительство, черезъ которое во Франціи проходятъ почти всѣ молодые люди. Но вотъ появляется ребенокъ; такая непріятная «неожиданность» выводитъ изъ себя Леонарда, которому его младшій братъ совѣтуетъ или жениться на Франсуазѣ, или признать ребенка. Ни то ни другое не улыбается Леонарду: «сильный человѣкъ,—говоритъ онъ брату,—не долженъ связывать себя при вступленіи въ жизнь». Онъ все-же поступилъ, какъ «галантный человѣкъ», т. е. посылаетъ Франсуазѣ нѣкоторое обезпеченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ разстается съ ней. Франсуаза отъ «вознагражденія» отказывается: она рада имѣть ребенка и намѣрена посвятить ему всю свою жизнь. Безъ отца можно обойтись, но мать необходима, и Франсуаза мужественно принимается за трудовую жизнь, переселяется въ Лондонъ, получивъ мѣсто модистки, и вся отдается воспитанію дочери. Проходитъ восемь лѣтъ. Перрезъ и Франсуаза сначала переписывались, но постепенно переписка обрывается. Леонардъ «дѣлаетъ карьеру». Онъ женится на невѣстѣ съ приданымъ; у него уже двое дѣтей, уютная семейная обстановка, обезпеченный достатокъ, видное положеніе и въ близкомъ будущемъ предстоитъ получить орденъ почетнаго легіона. Неожиданно,—это произошло незадолго до приведеннаго разговора за обѣдомъ у Перрёзовъ,—Леонардъ прочелъ въ газетахъ о сенсаціонномъ процессѣ въ Лондонѣ: французская модистка, Франсуаза Дессомъ, обвиняется въ томъ, что, гуляя съ дочерью по берегу Темзы, намѣренно ее столкнула въ воду, и дѣвочка утонула. Леонардъ страшно потрясенъ этимъ извѣстіемъ; онъ вѣритъ и не вѣритъ невинности Франсуазы, хочетъ ѣхать въ Лондонъ, чтобы представить свои показанія на судѣ, къ чему особенно побуждаетъ его братъ. Въ концѣ концовъ онъ откладываетъ поѣздку, предположивъ, что Франсуаза не можетъ быть осуждена, такъ какъ противъ нея нѣтъ никакихъ положительныхъ уликъ. Однако, присяжные выносятъ обвинительный приговоръ, и Франсуаза приговорена къ смертной казни. Тогда Леонардъ, рѣшительно махнувъ рукой на всѣ соображенія о возможномъ «компрометированіи» своей карьеры, ѣдетъ съ братомъ въ Лондонъ и старается выхлопотать хотя бы помилованіе у королевы, на утвержденіе которой представленъ смертный приговоръ. Это имъ не удается: приговоръ утвержденъ, и усилія Леонарда и его брата оказались «тщетными».

Такова схема романа. Мы имѣемъ очевидную варіацію на тему моральной проблемы, выдвинутой Л. Н. Толстымъ въ «Воскресеніи», и авторъ остроумно предупредилъ возможный упрекъ критиковъ въ заимствованіи темы ссылкой на произведеніе Толстого и указаніемъ, что «новыхъ сюжетовъ нѣтъ». Пусть будетъ такъ, и, хотя бы все же была существенная разница между *встрѣчными* сюжетами и *навѣянными* темами изъ литературныхъ источниковъ, заимствованіе не есть плагіатъ, и обвинять автора за такое откровенное заимствованіе никто не станетъ. Вопросъ лишь въ томъ — съумѣлъ ли

г. Родъ придать самостоятельный интересъ своей обработкѣ? Что внесъ онъ въ нее своего, оригинальнаго, и въ какомъ направленіи развилъ данный сюжетъ? Мы, конечно, не рѣшимся сравнивать оба произведенія, по слишкомъ очевидной несоразмѣрности таланта ихъ авторовъ. Кромѣ того, напомнимъ, что произведеніе Толстого захватываетъ въ широкомъ художественномъ синтезѣ разныя стороны общественной и индивидуальной жизни: проблема морали тѣсно сплетается съ геніальной обрисовкой характеровъ и лицъ; психологія, этика и философія идутъ рука объ руку съ сатирой нравовъ и проблемами общественности. Г. Эд. Родъ значительно съузилъ свою задачу и разсматриваетъ поставленный вопросъ почти исключительно съ точки зрѣнія «общественныхъ взглядовъ», противъ несправедливой тираніи которыхъ онъ съ полнымъ основаніемъ ополчается. Но при этомъ допущена чрезвычайная искусственность во всемъ построеніи романа. Въ самомъ дѣлѣ, фактъ «свободнаго сожитія» молодого человѣка съ гризеткой не только не является роковымъ моментомъ въ жизни Франсуазы, какъ у Масловой,—ибо Катюша именно Нехлюдовымъ была какъ бы сбита на путь разврата (довершили ея паденіе—другіе),—но, напротивъ того: Франсуаза, разойдясь съ Леонардомъ, вступила на путь честной, трудовой жизни, чтобы обезпечить судьбу своего ребенка. Она отказалась изъ гордости отъ предложенной матеріальной поддержки отцомъ ея дочери, разсчитывая самостоятельно зарабатывать свой хлѣбъ и не желая грязнить воспоминанія о своей свободной любви, такъ какъ была искренна въ своемъ увлеченіи и думала со временемъ оправдаться передъ дочерью. Какъ узнается впослѣдствіи, изъ судебнаго разбирательства, за Франсуазой, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ея жизни въ Англіи, ухаживалъ «серьезный» претендентъ, который зналъ, что у нея дочь, рожденная внѣ брака,—Франсуаза этого не скрывала,—и тѣмъ не менѣе онъ просилъ ея руки, имѣя въ виду усыновить ребенка. Произошелъ несчастный случай: дѣвочка, потянувшись за осокой, растущей на берегу рѣки, сорвалась съ берега и была унесена теченіемъ, раньше, чѣмъ обезумѣвшая мать успѣла броситься за ней и позвать на помощь. Чтобы придать этой случайности характеръ преступленія, автору пришлось очень сгустить краски въ передачѣ показаній свидѣтельницы, явившейся на мѣсто несчастья уже послѣ того, какъ оно свершилось, и заднимъ числомъ заподозрившей, что «дѣвушка-мать» непремѣнно должна была быть дурной женщиной, которая намѣренно загубила своего ребенка. Прямыхъ уликъ противъ Франсуазы нѣтъ, однако, присяжные въ странѣ свободныхъ учрежденій приговариваютъ ее къ смертной казни! Отсутствіе правдоподобія въ такомъ приговорѣ было отмѣчено даже французской критикой, въ общемъ весьма сочувственно отнесшейся къ роману Рода. Зачѣмъ автору понадобилась такая натяжка? Причины очевидны. Во-первыхъ, безъ обвинительнаго приговора не было бы нравоучительной фабулы; во-вторыхъ, авторъ внесъ —и это одинъ изъ главныхъ недостатковъ «гуманитарнаго» романа,—элементъ національнаго предубѣжденія, на почвѣ соревнованія двухъ великихъ державъ, француза противъ англичанъ.

Г. Родъ, правда, швейцарецъ по происхожденію; но онъ совершенно вошелъ во французскую жизнь, какъ бы натурализировался во Франціи, поселившись

въ Парижѣ, и нѣсколькими намеками, разсѣянными тамъ и здѣсь въ его романѣ, даетъ ясно чувствовать, что онъ раздѣляетъ взгляды политической партіи, которая, отстаивая выгоды для Франціи союза съ Россіей, признаетъ въ Англіи опаснаго соперника. Поэтому свои обличенія авторъ и направилъ противъ англійскаго судопроизводства: сперва онъ заставляетъ присяжныхъ произнести явно несправедливый приговоръ, затѣмъ обличаетъ упорство англійскихъ сановниковъ въ нежеланіи загладить эту несправедливость исходатайствованіемъ помилованія у высшей инстанціи. Леонардъ и его братъ, при содѣйствіи лэди Ливерморъ, обращаются къ министру внутреннихъ дѣлъ, Арчибальду Браунборну, представляя ему всѣ данныя въ пользу Франсуазы и умоляя его выхлопотать помилованіе у королевы. Лордъ Браунборнъ внимательно выслушиваетъ братьевъ Перрёзъ; какъ частный человѣкъ, онъ глубоко заинтересовывается исторіей Франсуазы, готовъ вѣрить ея невинности, но въ то же время отказывается дать совѣтъ королевѣ помиловать ее, потому что новыхъ фактовъ въ пользу обвиненной Перрёзы не могутъ привести: разсказъ о ея прошлой жизни, объ ея честной натурѣ, беззавѣтной преданности дочери и т. п.— все это, если бы было своевременно сообщено передъ судомъ присяжныхъ, могло повліять на ихъ рѣшеніе въ пользу подсудимой; теперь уже поздно: присяжные вынесли вердиктъ по указаніямъ своей совѣсти, и министръ, изъ чувства уваженія къ законности судопроизводства, не можетъ взять на себя посовѣтовать королевѣ отмѣнить ихъ рѣшеніе. Все это усугубляетъ вину Леонарда, но въ то же время представляется весьма шаржированной характеристикой принципа невмѣшательства правительства въ дѣло общественнаго самоуправленія, при свободныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ, подъ охраной закона, каждое свою спеціальную миссію. Ошибки возможны вездѣ, и непонятно упорство министра настаивать на исполненіи смертнаго приговора надъ невинной женщиной. Правда, Франсуаза и не желаетъ себѣ помилованія: она такъ страстно любила свою дочь, что съ ея смертью, въ которой все же чувствуетъ себя до нѣкоторой степени отвѣтственной по допущенію роковой неосторожности, сама потеряла охоту жить. Ея жизнь все равно разбита; она удовлетворена сознаніемъ, что Перрёзы, какъ она могла въ этомъ убѣдиться послѣ свиданія съ Раймондомъ, вполнѣ увѣрены въ ея невиновности и глубоко сочувствуютъ ей; тотъ или другой родъ смерти ей безразличенъ. Авторъ старается этимъ смягчить впечатлѣніе читателя по поводу совершенной вопіющей несправедливости, а все-таки ему не удалось убѣдить, что она при данныхъ обстоятельствахъ правдоподобна и типична. Приговоръ надъ Франсуазой не только не выдерживаетъ никакого сравненія съ приговоромъ надъ Масловой, имѣющимъ яркій обличительный характеръ, но даже съ тѣмъ изображеніемъ неправильнаго постановленія суда, которое рисуется въ посмертномъ романѣ Зола, обрисовавшаго всѣ мотивы, повліявшіе на несправедливое рѣшеніе. Обличая хорошо ему извѣстный домашній строй, онъ выставилъ на сцену борьбу политическихъ партій во Франціи, различныя обстоятельства, повліявшія на неправильное веденіе судебнаго слѣдствія, пристрастіе судей и присяжныхъ, и, когда правда, наконецъ, была разоблачена и возстановлена,—получилась цѣльная и

выразительная картина, нѣсколько томительная по длиннотамъ въ романѣ, который является скорѣе публицистическимъ, чѣмъ художественнымъ произведеніемъ, но тѣмъ не менѣе обладающая качествами настоящей сатиры. У г. Рода элементъ національнаго антагонизма ослабляетъ впечатлѣніе сатирическаго изображенія, и его произведеніе страдаетъ искусственностью, надуманностью и всѣми недостатками разсудочной композиціи по заранѣе вымышленному плану. Персонажи романа больше разсуждаютъ, чѣмъ живутъ и дѣйствуютъ, и даже «психологія» ихъ сведена къ минимуму.

За всѣмъ тѣмъ въ романѣ есть и положительная сторона, которая сводится къ критикѣ буржуазныхъ воззрѣній и изображенію тѣхъ страшныхъ усилій, которыя потребовались отъ человѣка, чтобы внять простому и ясному указанію своей совѣсти, при сознаніи своей отвѣтственности и вполнѣ естественномъ желаніи придти на помощь человѣку въ бѣдѣ. Первый фазисъ психическаго настроенія Леонарда,—когда онъ прочелъ извѣстіе о привлеченіи Франсуазы къ суду,—это стремленіе выгородить себя, оправдать себя въ собственныхъ глазахъ и заочно осудить Франсуазу; но это настроеніе не могло долго продолжаться, и, главнымъ образомъ, благодаря брату, Леонардъ перестаетъ лукавить съ самимъ собою, убѣждается въ невинности Франсуазы и въ своей отвѣтственности передъ ней; тогда онъ рѣшаетъ ѣхать въ Лондонъ, но очень быстро даетъ себя отговорить отъ этой поѣздки женѣ, которой онъ во всемъ сознался. Аргументы жены Леонарда вполнѣ шаблонны: онъ можетъ повредить своей карьерѣ; онъ теперь долженъ принадлежать своей законной семьѣ; та «прежняя» для него, какъ и для всѣхъ ихъ, чужая и даже врагъ, потому что отклоняетъ отъ его прямыхъ обязанностей; наконецъ, за отсутствіемъ уликъ—всѣ данныя за оправдательный приговоръ.

Третій и послѣдній моментъ въ настроеніи Леонарда, послѣ прочтенія приговора,—взрывъ негодованія за свою малодушную пассивность въ то время, когда рѣшалась судьба матери его ребенка, въ невинность которой онъ вполнѣ и безусловно вѣрилъ. Онъ старается свалить вину на уговоры жены, но послѣдняя отлично помнитъ легкость, съ которой онъ внялъ ея резонамъ, потому-что онъ слишкомъ расположенъ былъ заранѣе поддаться имъ. Леонардъ человѣкъ компромиссовъ по преимуществу. Авторъ съ самаго начала старается оттѣнить въ немъ эту черту въ разговорѣ съ братомъ по поводу какого-то процесса надъ анархистомъ, при чемъ Леонардъ Перрёзъ восхищается ловкимъ пріемомъ защитника—выставить преступника сумасшедшимъ. Раймондъ издавна выказывалъ большую склонность идеализировать своего старшаго брата и велъ дневникъ, въ которомъ изложилъ все свое восхищеніе передъ сильнымъ, здоровымъ и талантливымъ человѣкомъ, обладавшимъ отъ природы всѣми преимуществами, которыхъ самъ Раймондъ былъ лишенъ. Однако, въ мнѣніяхъ онъ не уступалъ брату и энергично возстаетъ противъ всякой лжи. Пріемъ, къ которому прибѣгъ защитникъ анархиста основанъ на лжи: «эти люди совсѣмъ не сумасшедшіе, говоритъ Раймондъ. Нужно вникнуть въ условія, натолкнувшія ихъ на преступленія, искать причины не въ нихъ самихъ, а въ окружающей обстановкѣ...» Леонардъ смѣется надъ аргументами своего брата,

а его жена, вмѣшавшись въ разговоръ, ставитъ ему въ упрекъ ихъ парадоксальность, называетъ его фантазеромъ, привыкшимъ жить въ мечтахъ, не считаясь съ запросами дѣйствительности и т. д. Въ разыгрывающейся за тѣмъ душевной драмѣ Леонарда — «запросы дѣйствительности» сводятся лишь къ условностямъ общественнаго мнѣнія: только съ ними ему приходится бороться, чтобы внять голосу совѣсти, который въ немъ не заглохъ, а лишь дремлетъ по привычкѣ во всемъ искать компромиссовъ. Боязнь нарушить предписанія общественнаго мнѣнія—вотъ то, что заставило Леонарда опоздать со своими показаніями въ пользу обвиненной; тоже общественное мнѣніе, настроенное въ Англіи враждебно къ «дѣвушкамъ-матерямъ» (fille-mère), повліяло во время процесса и на показаніе свидѣтелей не въ пользу Франсуазы и, наконецъ, на настроеніе присяжныхъ, приговоръ которыхъ почти исключительно вызванъ соображеніемъ, что отъ такого рода «созданій» ничего хорошаго ожидать нельзя; въ нихъ заранѣе предполагается готовность ко всякимъ проступкамъ и даже преступленіямъ, хотя бы мотивы не были ясны и даже само преступленіе не доказано. Этическая и соціальная проблема подъ перомъ французскаго романиста обратилась въ моральный памфлетъ противъ тиранніи «общественнаго мнѣнія». Признаемъ въ этомъ—заслугу г. Рода, при всемъ ограниченіи сюжета и вышеуказанной искусственности построенія фабулы; остается проблема психологическая идеи отвѣтственности, которая принята авторомъ какъ понятіе готовое, предрѣшенное, не по существу, а по формѣ. Такъ, въ вышеприведенной бесѣдѣ по поводу «Воскресенія», когда доходитъ очередь до лэди Ливерморъ высказаться, она замѣчаетъ: «мы не постигаемъ, чтобы человѣкъ былъ способенъ бросить женщину, которую онъ сдѣлалъ матерью». И на вопросъ Гастеллье—«развѣ это никогда не случается въ Англіи?»—лэди Ливерморъ находчиво отвѣчаетъ: «это *не должно* случаться». Другой собесѣдникъ поясняетъ французскую точку зрѣнія: во Франціи осуждаютъ только огласку, а по существу относятся къ такимъ случаямъ съ большой терпимостью: «le mepris ne va pas à l'acte, mais au scandale» (презрѣніе относится не къ самому факту, а къ его огласкѣ). И Леонардъ, въ концѣ концовъ мучится только опасаясь неблагопріятной для него «огласки», если онъ выступитъ въ качествѣ свидѣтелей на судѣ. Франсуаза великодушно не называетъ его, при вопросахъ о томъ, кто былъ отцемъ ея ребенка? Она отвѣчаетъ, что онъ умеръ.

Отмѣтимъ кстати другую обработку идеи отвѣтственности въ новомъ романѣ Анатоля Франса: «Комедіантская исторія» («Histoire comique»), которая переноситъ насъ за кулисы, въ среду актеровъ, драматическихъ писателей, актрисъ и ихъ ухаживателей. Здѣсь «общественное мнѣніе» не играетъ той роли, какъ въ буржуазныхъ кругахъ; поэтому авторъ могъ ближе подойти къ разсмотрѣнію вопроса по существу. Молоденькая актриса изъ «Одеона», Фелиси Нантёль», была въ связи съ актеромъ той же труппы, Шевалье, но измѣнила ему для свѣтскаго молодого человѣка, Роберта Линьи, въ котораго страстно влюбилась. Шевалье,—трагическій типъ, съ роковымъ видомъ вѣчнаго комика,—прослѣдилъ измѣну, но, изъ глубокаго убѣжденія, къ которому онъ пришелъ

послѣ долгой внутренней борьбы, что человѣкъ не имѣетъ права лишать жизни другого человѣка, онъ не мститъ ни Линьи ни Фелиси, которую продолжаетъ безумно любить, а самъ застрѣливается на порогѣ уединенной квартиры, куда ѣздятъ на свиданіе вѣроломная его подруга и ея новый обожатель. Это обычная—«комедіантская исторія», т.-е. «принадлежащая комедіантамъ», замѣчаетъ драматическій писатель, Константинъ Маркъ, который даже находитъ ее забавной *). Отнюдь не забавной представилась она самой Фелиси Нантёль, которую съ тѣхъ поръ неотступно преслѣдуетъ кошмаромъ—образъ самоубійцы изъ-за нея. Кошмаръ принимаетъ характеръ настоящихъ галлюцинацій и Фелиси должна разойтись со своимъ возлюбленнымъ, не переставая любить его,—но она не въ силахъ освободиться отъ мучащаго ее призрака. Это, конечно, тоже форма выраженія идеи отвѣтственности за смерть другого человѣка, разработанная, впрочемъ, не столько на психологической, какъ уже на патологической почвѣ; варіація темы прежняго романа того же автора — «Красная лилія», но съ перемѣною ролей и съ усиленнымъ, именно патологическимъ характеромъ.

Есть огромная разница въ характерѣ и пріемахъ творчества Эд. Рода и Анатоля Франса, равно и въ ихъ міровоззрѣніи. Насколько первый «моралистъ» въ тѣсномъ смыслѣ слова, суховатъ въ изложеніи, разсудоченъ и прямолинеенъ, настолько Ан. Франсъ,—этотъ неизмѣнный скептикъ, — остроуменъ, даетъ живые и тонко очерченные образы, уклончивъ въ выводахъ, но безподобенъ въ оттѣнкахъ, какъ при передачѣ психическихъ свойствъ выставленнаго дѣйствующаго лица, такъ и попутныхъ разговорахъ, которые ведутъ персонажи его произведеній. Въ настоящемъ романѣ роль резонера выполняетъ докторъ Трюблэ, по прозвищу «Сократъ», который пользуетъ артистокъ и артистовъ театра и является повѣреннымъ ихъ «тайнъ». Мы не имѣемъ въ виду здѣсь разбирать все содержаніе романа, съ очерченными въ немъ бытовыми особенностями жизни актеровъ, съ затронутыми попутно вопросами общественнаго и обрядового-религіознаго характера, разсѣянными въ немъ словечками и остротами, оригинальнымъ сочетаніемъ скептицизма и фатализма въ разсужденіяхъ доктора «Сократа»: всѣ эти придатки, которыми авторъ пользуется, какъ настоящій виртуозъ въ своемъ искусствѣ, служатъ ему также средствомъ избѣгнуть мелодраматизма, въ который можно было легко впасть при данномъ сюжетѣ. И въ концѣ концовъ—субъектъ все-таки выставленъ патологическій; если этюдъ такого характера не лишенъ интереса, его выборъ представляетъ уклончивый отвѣтъ на вопросъ объ отвѣтственности за гибель любившаго васъ человѣка, для котораго вы были «всѣмъ», а онъ для васъ—лишь эпизодомъ въ вашей жизни. Когда Фелиси остается одна, въ ея головѣ проносятся без-

---

*) Игра словъ по поводу выраженія „comique"—не передаваема по русски, однако правильнѣе переводить „histoire comique"—„комедіантской", а не „комической" исторіей, какъ въ появившемся русскомъ переводѣ романа А. Франса. Французскій авторъ очевидно припомнилъ заглавіе одного стариннаго произведенія, знаменитаго „Roman comique" Скаррона (XVII в.), который тоже представляется романомъ изъ быта „комедіантовъ".

связныя мысли и отрывки фразъ, которыя тѣмъ упорнѣе привязываются, чѣмъ случайнѣе на видъ ихъ воспоминаніе. Такъ, она не можетъ отдѣлаться отъ одной фразы изъ роли, которую она репетировала: «Nos jours sont ce que nous les faisons» (наша жизнь такова, какою мы ее дѣлаемъ). Фелиси не придавала этимъ словамъ никакого значенія и тѣмъ не менѣе машинально повторяла ихъ въ вереницѣ другихъ мелькавшихъ въ ея головѣ соображеній и воспоминаній. Вотъ провѣряетъ она мысленно счетъ портнихи — «наша жизнь такова, какою мы ее дѣлаемъ». Какъ жарко! Фелиси вспоминаетъ своего возлюбленнаго Линьи, который уѣхалъ въ Англію, и передъ ней проносятся картины, когда они были вмѣстѣ... «Наша жизнь такова, какою мы ее дѣлаемъ. Наша жизнь такова, какою мы ее дѣлаемъ. Наша жизнь».. и опять мелькаетъ въ памяти счетъ портнихи, другія впечатлѣнія и, наконецъ,—грознымъ призракомъ встаетъ убившій себя Шевалье изъ любви къ ней! Какъ это забыть, какъ вычеркнуть изъ своей жизни печальную страницу прошлаго? Это — видѣнія, преслѣдовавшія Макбета, это укоры совѣсти, раскаяніе въ невольной прикосновенности къ роковой развязкѣ, сожалѣніе о погибшемъ изъ-за васъ живомъ существѣ, это все,—какими бы именами вы его ни обозначали,—неизгладимое прошлое, за которое приходится нести отвѣтственность. И надъ головой Фелиси обрушилось то «нестрашное», обратившееся въ «страшное», принявъ неожиданно грозный характеръ, какъ и въ исторіи Леонарда Перёза: дѣйствительно, вѣдь въ одномъ случаѣ мы имѣемъ обыкновенную «актерскую исторію» (размолвка съ однимъ возлюбленнымъ и новая связь съ другимъ), а въ другомъ романѣ исторію заурядной связи студента съ гризеткой; и то и другое—будничныя явленія. Ихъ трагическій исходъ—есть то «страшное», которое можетъ быть и не быть, но когда наступаетъ, оно служитъ напоминаніемъ, какъ въ недавнемъ разсказѣ В. Г. Короленко, подъ тѣмъ же заглавіемъ,—что въ жизни—«все такъ связано... и эта взаимная связь—налагаетъ общую отвѣтственность».

Ѳ. Батюшковъ.

КЪ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. ПЫПИНА.

(1853—1903).

Среди многочисленныхъ русскихъ N-лѣтнихъ юбилеевъ всевозможныхъ службъ въ чинахъ очень рѣдки юбилеи дѣятельности, столь значительной и плодотворной, какъ пятидесятилѣтняя служба наукѣ и русскому обществу изслѣдователя нашей литературы и общественности,—Александра Николаевича Пыпина. Эта дѣятельность значительна въ количественномъ и превосходна въ качественномъ отношеніяхъ; началась она съ монографическихъ изысканій по спеціальнымъ вопросамъ: изслѣдованіе о драматургѣ XVIII в. Лукини было первой журнальной статьей А. Н. (1853 г.). Затѣмъ вниманіе начинающаго ученаго привлекла старая русская рукописная литература, которой почти не

касалось научное изученіе; результатомъ занятій были замѣчательные труды по исторіи русской повѣсти и старой русской отреченной или апокрифической литературы. Въ 1857 году вышло капитальное изслѣдованіе А. Н.: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ». Книга прямо-таки *открывала* спеціалистамъ важный и большой отдѣлъ нашей литературы—исторію русской повѣсти: авторъ начиналъ съ заимствованій изъ литературы византійской и южно-славянскихъ, переходилъ къ повѣстямъ западнаго происхожденія и заканчивалъ первыми опытами оригинальнаго творчества. Молодой ученый ставилъ своему изслѣдованію широкія задачи: оно должно было отвѣтить на вопросы: «въ какомъ объемѣ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повѣствовательная литература, такъ богато расцвѣтавшая въ Западной Европѣ среднихъ вѣковъ? Насколько было въ ней начала самостоятельнаго или, если наравнѣ съ другими сторонами нашей письменности она подчинялась чужому вліянію и пользовалась чужими богатствами, гдѣ были ея источники? Существовала ли связь между произведеніями книжными и устнымъ народнымъ эпосомъ? Какіе факты открываются въ нашей повѣсти для характеристики народнаго быта и понятій? «Благодаря обилію и новизнѣ матеріала, тщательности его изученія и необыкновенной строгости научнаго метода, трудъ А. Н. былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ изслѣдованій, которые долго не старѣются, выводы которыхъ прочно осѣдаютъ въ наукѣ, и до сихъ поръ эта книга еще не потеряла своего значенія. Въ другомъ, тоже не менѣе важномъ, отдѣлѣ литературы—области отреченныхъ книгъ—А. Н. Пыпинъ былъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ, обратившихся къ ихъ изученію: Н. С. Тихонравову и ему принадлежатъ первыя изданія текстовъ и первыя изслѣдованія (1861—1862 гг.).

Отъ занятій древне-русской литературой А. Н. перешелъ къ исторіи нашей общественности въ XIX вѣкѣ; результатомъ занятій явились хорошо извѣстные труды: Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ, В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Эти книги имѣютъ въ виду установить историческую связь эпохи шестидесятыхъ годовъ съ предшествующей, выяснить исторію зарожденія и судьбу тѣхъ идей, которыя лежали въ основѣ общественныхъ теченій эпохи шестидесятыхъ годовъ и развитіе которыхъ далеко не завершено ни въ этотъ періодъ, ни въ послѣдующій—до нашихъ дней включительно. Эти три книги опять изъ разряда тѣхъ, которыя не старѣютъ, которыя сохраняютъ свое значеніе, несмотря на обиліе матеріала, опубликованнаго позднѣе ихъ появленія, и на рядъ позднѣйшихъ работъ. Особенно много новыхъ данныхъ—матеріаловъ и работъ—появилось по эпохѣ Александра, и все-таки общія характеристики лицъ и теченій, классификація идей, сдѣланныя А. Н., остаются непоколебленными. Въ «характеристикахъ» данъ общій историческій очеркъ литературныхъ теченій, имѣвшій цѣлью, по мысли автора, показать, по какимъ мотивамъ, въ какой мѣрѣ и цѣною какихъ усилій литература даннаго періода могла служить образованію общественныхъ понятій въ новомъ направленіи и создать то преданіе, къ которому восходятъ лучшія общественныя стремленія

нашего времени. Этотъ общій очеркъ глубоко вѣренъ и до сихъ поръ, а характеристикѣ оффиціальной народности, данной А. Н., суждено сдѣлаться вѣчной. Наконецъ, книга о Бѣлинскомъ, открывшая на основаніи писемъ образъ Бѣлинскаго подъ новымъ угломъ зрѣнія, до сихъ поръ остается единственной научной и психологической біографіей критика. Названными трудами не исчерпывается область монографическихъ изслѣдованій А. Н., многія изъ нихъ даже не появлялись въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Упомянемъ еще о книгѣ, посвященной разсмотрѣнію журнальной дѣятельности М. Е. Салтыкова и выясненію идеалистическаго характера его дѣятельности. Въ настоящее время А. Н. заканчиваетъ предпринятое академіей наукъ изданіе сочиненій имп. Екатерины II, въ которое войдутъ и ея «Записки»; конечно, вслѣдъ за изданіемъ появится монографія о ея литературной дѣятельности; нѣкоторыя главы уже появились на страницахъ «Вѣстника Европы».

Но ученая дѣятельность А. Н. далеко не ограничивается монографіями по отдѣльнымъ вопросамъ; онъ далъ русской наукѣ и русскому читателю три труда общаго характера, три «великихъ свода», по мѣткому выраженію акад. А. Н. Веселовскаго: это — «Исторія славянскихъ литературъ» (т., 2-е изд. въ 1879 г.), «Исторія русской этнографіи» (4 т., 1890—1891 г.) и «Исторія русской литературы» (4 т., 2-е изд. въ 1902 г.). Первый сводъ по исторіи славянскихъ литературъ представляетъ явленіе, замѣчательное не только для русской науки; со времени его появленія прошло 24 года, но и теперь онъ остается цѣннымъ и единственнымъ общимъ трудомъ въ области славянскихъ литературъ; въ теченіе 24 лѣтъ русскіе слависты на университетской скамьѣ начинаютъ свое знакомство съ славянскими литературами съ этой книги. Важна основная идея книги—идея племенной равноправности и глубокаго уваженія къ народной личности. Авторъ исходилъ изъ того положенія, что «національно-правдивое и научно-вѣрное пониманіе славянскихъ отношеній возможно только при уваженіи ихъ народной личности, и само должно внушать это уваженіе». Книга А. Н. нанесла рѣшительный ударъ славянофильскимъ тенденціямъ въ области русскаго славяновѣдѣнія. «Исторія русской этнографіи» по своему содержанію гораздо шире своего заглавія. При обзорѣ изученій народности авторъ отмѣчаетъ зависимость науки отъ даннаго момента, и исторія этнографіи въ его изложеніи является исторіей успѣховъ народнаго самосознанія. Этотъ трудъ А. Н. имѣетъ цѣлью, въ противоположность мнимымъ попыткамъ опредѣленія народности, указать истинный путь, по которому можно дойти до истиннаго понятія народности. Основная идея и этого, и другихъ трудовъ А. Н. та, что національность вовсе не есть нѣчто неподвижное; наоборотъ, національность есть начало развивающееся и въ самомъ процессѣ развитія таящее задатки лучшаго будущаго. Наконецъ, третій великій сводъ по исторіи русской литературы представляется первымъ и единственнымъ научнымъ трудомъ въ этой области: его задачей является построеніе схемы литературныхъ теченій. Это первый опытъ ученой обработки огромной массы частныхъ изслѣдованій, имѣющій большое значеніе для развитія нашей исто-

рико-литературной науки. Изслѣдованія А. Н. принадлежатъ къ числу вліятельнѣйшихъ трудовъ въ нашей наукѣ. Понятно ихъ образовательное значеніе: книги А. Н., говорится въ адресѣ, поданномъ въ день юбилея А. Н. кружкомъ преподавателей русской словесности и исторіи, настольныя книги для тѣхъ преподавателей, которые хотятъ поддержать въ себѣ и создать въ учащихся сознательное отношеніе къ прошлому и настоящему своей родины.

Дѣятельность ученаго историка служитъ синтезомъ его міросозерцанія, его общественныхъ взглядовъ, являющихся отраженіемъ того или другого общественнаго теченія, и пристальнаго изученія матеріаловъ его науки, стоящаго въ прочной связи съ даннымъ состояніемъ науки. Значеніе политическихъ и общественныхъ взглядовъ всякаго изслѣдователя исторіи общества можно бы сравнить съ значеніемъ категорій въ кантовой теоріи познанія. Характеръ этихъ категорій въ историческихъ сочиненіяхъ опредѣляетъ общественное значеніе изслѣдованій. Чтобы оцѣнить общественное значеніе дѣятельности А. Н. Пыпина, необходимо обратиться къ тому періоду, когда формировались его взгляды, къ средѣ, его окружавшей въ это время, къ первымъ вліяніямъ. Эти первыя вліянія были замѣчательны. На долю А. Н. выпало рѣдкое счастье пользоваться искренней дружбой и руководительствомъ своего двоюроднаго брата Н. Г. Чернышевскаго, человѣка, еще не оцѣненнаго должнымъ образомъ ни въ исторіи нашей общественности, ни въ исторіи нашей науки. Приведемъ цѣнныя слова самого А. Н. о своемъ наставникѣ: «Въ началѣ сознательной жизни моимъ ближайшимъ руководителемъ, старшимъ товарищемъ былъ мой двоюродный братъ,—не родной, но ближе, чѣмъ родной. Онъ былъ юноша, ревностно искавшій научнаго знанія и полный идеализма; я былъ мальчикъ. Онъ былъ уже богатъ свѣдѣніями, которыя сохраняла его рѣдкая память; въ поэзіи онъ носился съ Шиллеромъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. Его увлекали поэтическія картины, но и возвышенныя человѣческія идеи. Когда онъ былъ въ университетѣ, я былъ въ верхнихъ классахъ гимназіи. Въ письмахъ онъ поддерживалъ во мнѣ интересъ къ занятіямъ, особенно рекомендовалъ исторію;—съ тѣхъ поръ я узналъ имена Раумера, Шлоссера, хотя въ провинціи не могъ имѣть ихъ въ рукахъ. Часто писалъ онъ мнѣ длинныя письма по латыни; самъ онъ былъ отличный латинистъ и хотѣлъ меня пріучить къ латыни, а также онъ касался въ письмахъ такихъ предметовъ, о которыхъ было менѣе удобно писать по-русски. Здѣсь въ первый разъ къ концу сороковыхъ годовъ я увидѣлъ возможность крестьянскаго вопроса. Въ письмахъ въ связи съ исторій говорилось о «glebae adscripti» и «terrae firmi» *). Руководительство продолжалось и послѣ переѣзда А. Н. въ Петербургъ, въ 1849 г., во все время, пока онъ былъ въ университетѣ (1849—1853) и позже. Руководитель ввелъ своего ученика и въ прогрессивные литературные круги, въ которыхъ давно

*) „Русск. Вѣдомости", 1903, № 94

уже съ начала сороковыхъ годовъ жило и крѣпло стремленіе къ иному порядку вещей, къ широкимъ реформамъ, которыя только отчасти были приведены въ шестидесятыхъ годахъ. Чуялась необходимость большей свободы общественной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ. Н. Г. Чернышевскій былъ однимъ изъ вождей прогрессивнаго направленія русской мысли, расцвѣтшаго черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ тяжелаго 1848 года. Подъ такимъ вліяніемъ складывались общественные взгляды А. Н.; имъ онъ не измѣнялъ во все продолженіе своей пятидесятилѣтней дѣятельности. Онъ былъ «современникомъ и славнымъ соучастникомъ всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ русскаго умственнаго движенія за цѣлыхъ полвѣка». Принимая близкое участіе въ современной журналистикѣ, А. Н. тѣмъ не менѣе никогда не былъ публицистомъ и даже во время существованія «Современника», по собственному своему признанію, онъ былъ такъ далекъ отъ публицистики, что въ эти самые годы писалъ «Исторію славянскихъ литературъ». Но эпоха шестидесятыхъ годовъ нуждалась не только въ агитаторахъ и публицистикѣ, но и въ ученыхъ историкахъ: А. Н. Пыпинъ былъ этимъ ученымъ.

Всякое новое крупное общественное теченіе несетъ новыя точки зрѣнія на прошлое; въ своихъ трудахъ А. Н. явился представителемъ новаго общественнаго теченія. Въ борьбѣ со старыми, консервативными взглядами выростаютъ и развиваются новыя теоріи; и А. Н. Пыпинъ въ своихъ изученіяхъ нашего прошлаго сталкивался и долженъ былъ бороться со взглядами славянофильской партіи. Когда въ шестидесятыхъ годахъ говорили о славянофильскихъ взглядахъ, то подъ ними почти всегда имѣли въ виду теоріи, если не прямо тождественныя съ теоріей оффиціальной народности, то во всякомъ случаѣ, консервативныя. Другой вопросъ, правильно ли было такое отношеніе къ славянофиламъ, но всегда нужно помнить, какія теоріи и какія программы имѣлись въ виду почти во всѣхъ опроверженіяхъ славянофильства. Въ сущности истинная задача всѣхъ трудовъ А. Н.— ученое опроверженіе славянофильскихъ взглядовъ на нашу исторію, на нашу національность и т. д., а истинная тема ихъ— процессъ постепенной европеизаціи Россіи. Ярко развиваетъ А. Н. тему и въ изслѣдованіяхъ по древне-русской литературѣ, и въ трудахъ по исторіи общественности въ XIX вѣкѣ, и въ сводахъ по исторіи литературы и этнографіи. Замѣчательно стройно развивается идея европеизаціи въ первомъ сводѣ. Выше мы уже указали на отношеніе исторіи славянскихъ литературъ къ теоріямъ славянофиловъ. Эту область А. Н., такъ сказать, вырвалъ изъ предмета спеціальнаго вѣдѣнія славянофильствующихъ славистовъ.

Итакъ, въ опроверженіи славянофильскихъ взглядовъ на наше прошлое, въ выясненіи исторической преемственности современныхъ прогрессивныхъ идей,— общественное значеніе дѣятельности А. Н. Пыпина. Въ адресѣ историко-филологическаго факультета гельсингфорскаго факультета выразительно опредѣлены общественныя заслуги А. Н. «Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ—читаемъ въ этомъ адресѣ—вашихъ въ дѣлѣ содѣйствія развитію русской мысли заключается въ выясненіи внутренняго смысла русской исторіи, изъ которой вы

извлекаете историческіе завѣты будущаго, надо уповать, уже недалекаго. Невзирая на трудности и препятствія, какія условія нашей жизни ставили вамъ на пути вашихъ научныхъ и литературныхъ работъ, вы стойко и неуклонно не переставали доказывать, что исторія Россіи говоритъ сперва робко и неясно, затѣмъ сознательно во всеуслышаніе о необходимости того движенія впередъ въ сближеніи съ общечеловѣческими началами, выработанными западной Европой, которое единственно обезпечиваетъ возможность развитія русской народности. Неустанно, твердо и спокойно, не сворачивая съ пути изслѣдованія, вы доказывали, что возводимый въ культъ своеобразный патріотизмъ, прикрываясь оффиціальной народностью, останавливалъ и останавливаетъ понынѣ естественный ростъ русскаго народа. Этимъ вы закладывали въ души русскихъ людей чувства и мысли, которыя должны быть порукой общаго пробужденія сознанія достоинства государства и народа».

Пятидесятилѣтній юбилей ученой и литературной дѣятельности А. Н. Пыпина засталъ его среди тѣхъ же неослабѣвающихъ неустанныхъ и энергичныхъ занятій, которымъ было посвящено пятьдесятъ лѣтъ его жизни. По прежнему, почти каждая книжка «Вѣстника Европы» приноситъ или статью, или рецензію А. Н. Среди трудовъ по изданію сочиненій Екатерины II, А. Н. намѣревается привести къ окончанію обширный библіографическій сводъ всей литературы по этнографіи, дать новое дополненное и улучшенное изданіе «Исторіи славянскихъ литературъ». Въ печать проникли слухи о томъ, что А. Н. началъ писать воспоминанія о своей жизни и дѣятельности. Пожелаемъ А. Н. довести до конца задуманные имъ труды и еще долго, съ тою же энергіей и тѣмъ же успѣхомъ, нести свое столь важное и авторитетное служеніе наукѣ и русскому обществу.

П. Щеголевъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Вопросъ о земскомъ избирательномъ цензѣ въ Саратовѣ. 16-го мая, подъ предсѣдательствомъ гр. А. А. Уварова, состоялось засѣданіе коммиссіи саратовскаго губернскаго земства по вопросу объ измѣненіи земскаго избирательнаго ценза. Засѣданіе открылось чтеніемъ доклада предсѣдателя коммиссіи, въ которомъ былъ собранъ матеріалъ по данному вопросу. Авторъ доклада пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

При всемъ искреннемъ желаніи содѣйствовать развитію земскаго дѣла и расширенію круга лицъ, въ этомъ дѣлѣ участвующихъ, нѣтъ возможности ограничиться болѣе или менѣе значительнымъ пониженіемъ избирательнаго земельнаго ценза. Такое пониженіе ценза въ общемъ объемѣ желательныхъ измѣненій условій земской жизни, созданныхъ положеніемъ 1890 года, можетъ, конечно, имѣть извѣстное значеніе въ смыслѣ привлеченія нѣсколько большаго числа лицъ къ непосредственному участію въ земской жизни, но взятое отдѣльно, какъ оно представляется въ данное время, проектируемое пониженіе земельнаго ценза, по крайней мѣрѣ, для Саратовской губерніи, не можетъ дать никакой чувствительной перемѣны.

Въ виду такого положенія вопроса, коммиссія, по мнѣнію гр. Уварова, не можетъ ограничить свою дѣятельность только вопросомъ о цензѣ и необходимо должна подробно разсмотрѣть всѣ другія возможныя измѣненія земскаго положенія 1890 года, которыя могли бы привлечь къ земской жизни большое количество дѣятелей и вообще дать земству новую силу и развитіе.

Въ этомъ отношеніи имѣетъ крайне важное значеніе подробное сличеніе земскихъ положеній 1864 и 1890 годовъ и особенно выясненіе условій выборовъ по обоимъ положеніямъ.

Однако, общаго вопроса о сословномъ характерѣ выборовъ по положенію 1890 г. гр. Уваровъ пока не касается и переходитъ къ болѣе мелкимъ измѣненіямъ прежней системы выборовъ, введенныхъ положеніемъ 1890 года.

Докладчикъ полагаетъ, что можно было бы съ пользой для дѣла возстановить прежнія условія, даже не касаясь коренного вопроса о сословности выборной системы.

На этомъ мѣстѣ чтеніе доклада было прервано, и члены коммиссіи обмѣнялись мнѣніями.

Основываясь на только что прочитанной части доклада, нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи поставили вопросъ: можетъ ли имѣть серьезное значеніе для земскаго дѣла одно пониженіе ценза?

Въ концѣ-концовъ, коммиссія пришла къ заключенію, что одно пониженіе земельнаго ценза не можетъ имѣть большого значенія для развитія земскаго дѣла.

Затѣмъ коммиссія перешла къ слѣдующему вопросу объ участіи въ земскихъ выборахъ духовенства.

Земское положеніе 1890 года лишило священно—и церковнослужителей права участія въ избирательныхъ собраніяхъ не только по церковной землѣ, но даже по собственному цензу. Участіе духовенства въ губернскомъ и уѣздномъ земствахъ ограничивается теперь назначеніемъ депутата отъ духовнаго вѣдомства. Это устраненіе духовенства отъ земскихъ выборовъ гр. Уваровъ считаетъ нежелательнымъ и предлагаетъ вернуться къ прежнему порядку участія духовенства въ земскихъ выборахъ и въ земской жизни.

Н. Н. Львовъ. Я, прежде всего, не согласенъ съ мотивировкой этого предложенія. Здѣсь говорится о полезности участія духовенства въ выборахъ. Дѣйствительно, первое время по положенію 64 года священниковъ было много, ихъ избирали, но затѣмъ становилось все меньше и меньше.

А. А. Павловъ. Я вполнѣ сочувствую вообще привлеченію духовенства къ земскимъ дѣламъ, но при томъ лишь условіи, чтобы церковныя земли подлежали обложенію наравнѣ съ другими.

Н. Н. Львовъ. Я иначе смотрю на этотъ вопросъ. Дѣло въ томъ, что церковная земля вовсе не собственность священника, діакона и т. д. Они лишь пользуются доходами земли, принадлежащей всей епархіи.

С. М. Ермолаевъ. Совершенно вѣрно. Кромѣ того, интересы отдѣльныхъ священниковъ могутъ не сходиться съ интересами владѣльца церковной епархіи. Удѣльное вѣдомство имѣетъ, напримѣръ, массу участковъ и отдѣльныхъ владѣній, но посылаетъ на земскія собранія одного представителя, представителя всего вѣдомства. Въ такомъ же положеніи и церковное вѣдомство. Вполнѣ правильно посылаетъ оно одного депутата на собранія.

Гр. А. А. Уваровъ. Мой идеалъ тотъ, что всякая земля должна имѣть своего представителя и притомъ по выборамъ, а не по назначенію.

А. А. Павловъ. Я за то, чтобы число представителей отъ духовенства увеличить.

Н. Н. Львовъ. А я стою за то, чтобы представительство предоставлять тѣмъ, кто имѣетъ наибольшее вліяніе въ данной мѣстности, кто имѣетъ у населенія авторитетъ. Слѣдуетъ, конечно, сблизить духовенство съ населеніемъ, но если вы предоставите крестьянамъ выбирать на земскія собранія не крестьянъ, то, между прочимъ, и этотъ вопросъ былъ бы разрѣшенъ. Священникъ, избранный въ собраніи уполномоченнымъ отъ крестьянъ, а не оффиціально назначенный, это былъ бы цѣнный элементъ въ земскомъ собраніи. Это

былъ бы, дѣйствительно, представитель мѣстныхъ интересовъ, а не дѣйствующее по предписанію начальства лицо.

С. М. Ермолаевъ. Нельзя говорить категорически о желательности привлеченія къ земскому дѣлу духовенства. У него свои кастовые интересы и польза отъ этого элемента въ земской жизни, во всякомъ случаѣ, гадательна. Здѣсь можно попасть на подводные камни.

Н. Н. Львовъ. Кастовое начало могло бы повредить, если бы мы согласились съ проектомъ гр. Уварова. Но я предлагаю выборы мѣстнымъ населеніемъ. Это-то именно и разрушаетъ кастовое начало.

Гр. Уваровъ. Повидимому, всѣ согласны—и я буду баллотировать этотъ вопросъ, что представитель отъ духовенства долженъ быть лицомъ избраннымъ, а не по назначенію.

Коммиссія отвѣчаетъ утвердительно.

По вопросу о сословности высказались:

Н. Н. Львовъ, что дворянство въ земскомъ дѣлѣ не замыкалось въ узкосословные интересы и не проявляло корыстныхъ инстинктовъ, но, именно, поэтому-то и не слѣдуетъ создавать для дворянства какихъ-либо привилегій въ такомъ широкомъ общественномъ дѣлѣ, каково земское дѣло. Всякая искусственная обособленность отъ другихъ общественныхъ элементовъ способна создать зависть, рознь, вражду, съ одной стороны, и вызвать дурные инстинкты—съ другой. Какіе типы могутъ воспитаться на этой почвѣ, мы видимъ на примѣрѣ прусскаго юнкерства. Дожидаться ли и намъ этого? Мы должны быть представителями всего населенія по праву, а не по привилегіи.

К. Н. Гримъ. Я не вижу этихъ привилегій. Вся 40-лѣтняя дѣятельность земства доказала, что дворянство забывало свои интересы ради общаго дѣла. Было бы очень печально, если бы неразвитой, малокультурный элементъ подавилъ бы собой тѣхъ, кто вынесъ на плечахъ земское дѣло.

М. С. Ермолаевъ замѣчаетъ, что если до сихъ поръ не проявлялъ дворянскій элементъ сословности интересовъ, такъ это потому, что главные дѣятели-дворяне въ земствѣ были воспитаны на традиціяхъ 60-хъ годовъ, но на сцену выдвигается новое поколѣніе, появляются въ собраніяхъ гласные - дворяне иной формаціи, заявляющіе, что «надо поддержать дворянскіе интересы» и т. д.

Они растутъ въ числѣ, и это представляетъ уже нѣкоторую опасность, что современемъ образуются группы, отстаивающія узко-сословные интересы. Нельзя поэтому не пожелать уничтоженія всякихъ сословныхъ привилегій въ земскомъ дѣлѣ.

При подсчетѣ голосовъ по этому вопросу, четверо оказались за уничтоженіе сословнаго начала при земскихъ выборахъ (гр. Олсуфьевъ, А. Д. Юматовъ, Н. Н. Львовъ и Ермолаевъ) и пятеро (гр. Уваровъ, кн. Ухтомскій, гг. Павловъ, Гримъ и Мономаховъ)—противъ. Получился перевѣсъ одного голоса за сохраненіе сословнаго начала.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій коммиссія еще разъ вернулась къ вопросу о сословности выборовъ (при обсужденіи вопроса о числѣ гласныхъ 2-го избирательнаго собранія) и на этотъ разъ коммиссія (въ нѣсколько иномъ

составѣ) большинствомъ голосовъ высказалось за возстановленіе порядка избранія гласныхъ по принципамъ положенія 1864 года, по которому всѣ землевладѣльцы были соединены въ одно безсословное избирательное собраніе, а горожане составляли отдѣльное собраніе.

О средствахъ Герцена. Въ «Русск. Вѣд.» напечатана статья г-жи Некрасовой, въ которой авторъ, со словъ хорошо знавшаго Герцена нѣмецкаго журналиста Раша, разсказываетъ, на что Герценъ тратилъ свои значительныя средства (свыше 500 тыс. руб.):

«Его (т.-е. Герцена) домъ, который онъ купилъ въ 1848 году въ Парижѣ, въ Avenue Елисейскихъ полей, служилъ сборищемъ для изгнанниковъ самыхъ различныхъ національностей; тутъ встрѣчались нѣмцы и итальянцы, поляки и румыны, венгры и сербы; каждый день въ домѣ Герцена накрывалось на столъ двадцать приборовъ для эмигрантовъ, которые, за неимѣніемъ денегъ на обѣдъ въ ресторанѣ, пожелали бы обѣдать у него въ домѣ. Для этого не требовалось никакихъ формальностей, никакого приглашенія, никакой рекомендаціи. Какдое изъ такихъ лицъ въ домѣ Герцена встрѣчало радушный пріемъ».

«Герцевъ въ 1848 и 1849 гг. тратилъ много тысячъ на помощь эмигрантамъ. Для того, чтобы получить отъ него денежное пособіе, не требовалось ничего, кромѣ дѣйствительной нужды и одного слова, сказаннаго ему объ этомъ. Герценъ,—говоритъ Рашъ,—давалъ черезъ меня деньги вѣнскимъ октябрьскимъ эмигрантамъ, которыхъ онъ зналъ только по фамиліямъ, лично же никогда не видалъ, и всегда вручалъ суммы съ величайшей охотой, но только при одномъ непремѣнномъ условіи, чтобы при передачѣ не называлась фамилія того, кто даетъ».

Многіе изъ изгнанниковъ и совсѣмъ жили на счетъ Герцена. Оказывая помощь живущимъ въ Парижѣ изгнанникамъ, Герценъ никогда не забывалъ позаботиться о томъ, чтобы форма оказываемой помощи была самой деликатной, такой, которая бы не могла ни въ какомъ случаѣ оскорбить даже щепетильнѣйшаго человѣка.

Были и другіе расходы. Такъ, въ первой половинѣ 1894 г. Герценъ раза два или три взносилъ залогъ за газету Прудона «La Voix du Poeuple». И деньги эти по судебнымъ приговорамъ отбирались у него, какъ штрафныя,—въ общемъ, скажемъ, это составило сумму тысячъ въ 100 франковъ, чтобы ужъ не упоминать больше о другихъ подобныхъ жертвованіяхъ.

Интересное дѣло. 13-го мая, какъ сообщаетъ газета «Южн. Край», харьковская судебная палата въ публичномъ судебномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента Н. Н. Крестьянова, разсмотрѣла дѣло объ исполняющемъ обязанности сумскаго уѣзднаго исправника статскомъ совѣтникѣ В. И. Отроховѣ, обвиняемомъ по 466 ст. улож. о нак.

Въ прочтенномъ на судѣ обвинительномъ актѣ обстоятельства настоящаго дѣла изложены такъ: 16 сентября 1901 г., въ селѣ Павловкахъ, Сумскаго

уѣзда, крестьяне-сектанты произвели крупные безпорядки. Ближайшей причиной, побудившей крестьянъ къ подобнымъ преступленіямъ, было появленіе въ первыхъ числахъ сентября въ селѣ Павловкахъ неизвѣстнаго человѣка, оказавшагося впослѣдствіи крестьяниномъ Моисеемъ Тодосіенкомъ, который, появившись въ средѣ сектантовъ-штундистовъ, участвовалъ въ ихъ собраніяхъ, распространялъ слухи, что пріѣдетъ съ княземъ Хилковымъ, прочтетъ Высочайшее повелѣніе объ отобраніи у помѣщиковъ земли и т. п.

По распоряженію харьковскаго губернатора, чиновникомъ особыхъ порученій Познанскимъ произведено дознаніе о дѣйствіяхъ мѣстной полиціи по предупрежденію означенныхъ безпорядковъ, причемъ обнаружено: мѣстный полицейскій урядникъ, получивъ свѣдѣнія о пропагаторской дѣятельности Тодосіенка, 9-го сентября арестовалъ его, какъ безпаспортнаго, и при рапортѣ препроводилъ его къ приставу. Тодосіенко былъ задержанъ въ домѣ штундиста Никитенка, во время происходившаго тамъ собранія, которому онъ читалъ Библію. При допросѣ Тодосіенко объяснилъ, что мѣсяцъ тому назадъ онъ ѣздилъ въ Петербургъ по штундистскому дѣлу и, возвращаясь на родину въ Васильковскій уѣздъ, заѣхалъ въ Павловки побесѣдовать съ собратьями. При слѣдованіи Тодосіенка къ приставу Лебову, его сопровождала толпа, человѣкъ до 30, крестьянъ села Павловокъ. 10-го сентября приставъ Лебовъ при рапортѣ препроводилъ Тодосіенка въ сумское полицейское управленіе, изложивъ въ рапортѣ причины ареста Тодосіенка, а произведенное по дѣлу дознаніе, согласно 29 ст. уст. о нак., препроводилъ земскому начальнику 4-го участка. 12-го сентября Тодосіенко прибылъ въ сумское полицейское управленіе, гдѣ въ удостовѣреніе своей личности сослался на сопровождавшихъ его крестьянъ села Павловокъ: Червяка, Данильченка и другихъ, которые подтвердили заявленіе Тодосіенка о его личности и дали соотвѣтствующія подписки, а потому исполяющій обязанности помощника сумскаго уѣзднаго исправника Крыжановскій распорядился о выдачѣ Тодосіенку проходного свидѣтельства на слѣдованіе въ теченіе пяти дней на родину. Въ то же время полицейскій урядникъ Заичка представилъ приставу Лебову дополнительный рапортъ о томъ, что Тодосіенко волнуетъ крестьянъ села Павловокъ, выдавая себя за человѣка, занимающаго въ Петербургѣ высокій постъ и имѣющаго 14 тысячъ десятинъ земли, которыя роздалъ крестьянамъ. Этотъ рапортъ писанъ 10-го и полученъ приставомъ 11-го сентября. Приставъ Лебовъ, препровождая рапортъ Заички сумскому уѣздному исправнику, просилъ разъяснить ему, не имѣетъ ли разговоръ Тодосіенка о передѣлѣ земли противоправительственнаго характера, о которомъ должно довести до свѣдѣнія жандармской власти, или же случай этотъ является проступкомъ, преслѣдуемымъ по 37 ст. уст. о наказ. Рапортъ Лебова полученъ въ управленіи исправника 13-го, а 14-го сентября послѣдовала резолюція исполненіи обязанности сумскаго исправника Отрохова: «Задержаннаго отправить этапнымъ пордякомъ, а приставу 2-го стана предложить произвести дознаніе и представить мнѣ». За выдачей Тодосіенку проходнаго свидѣтельства, о чемъ не могъ не знать Отроховъ, эта резолюція осталась безъ исполненія, а освобожденный Тодосіенко появился вновь въ

селѣ Павловкахъ, гдѣ его сопровождало много штундистовъ. За выбытіемъ пристава въ уѣздъ, Заичка только 15-го могъ доложить объ этомъ приставу, добавивъ, что штундисты разбрасываютъ деньги и имущество. Прибывъ того же числа въ Павловки, Лебовъ узналъ, что вторичное появленіе Тодосіенка призвело на штундистовъ такое дѣйствіе, что они ходятъ толпами по слободѣ, открыто проповѣдываютъ свое ученіе, приглашая къ себѣ православныхъ; они заявляли, что скоро послѣдуетъ распоряженіе о передѣлѣ земли, что Христосъ воскресъ, и что теперь имъ ничего не надо; что священниковъ и всѣхъ властей они разнесутъ и завтра въ церкви они будутъ читать по своему. Возвратившись въ Бѣлополье въ 11 часовъ вечера, приставъ Лебовъ передалъ полицейскому надзирателю рапортъ на имя исправника съ просьбой немедленно отправить его по назначенію, а самъ, въ сопровожденіи городовыхъ, въ 4 часа утра, 16-го сентября, отправился въ село Павловки. Его рапортъ полученъ исправникомъ въ г. Сумахъ 16-го сентября въ 8 часовъ утра. Въ 3 часа дня исправникъ Отроховъ прибылъ въ г. Бѣлополье и только въ 7 часовъ вечера выѣхалъ въ село Павловки, куда пріѣхалъ въ 10 часовъ когда безпорядки прекратились, и виновники были арестованы.

На основаніи изложеннаго, исп. обяз. сумскаго исправника ст. сов. Отроховъ обвиняется въ томъ, что въ среднихъ числахъ сентября 1901 г., будучи предувѣдомленъ приставомъ Лебовымъ о появленіи въ с. Павловкахъ кр. Тодосіенка, пропагандировавшаго въ средѣ сектантовъ, и о могущихъ произойти поэтому въ Павловкахъ между сектантами безпорядкахъ, по неосмотрительности и невнимательности къ обязанностямъ службы, не принялъ никакихъ мѣръ въ предупрежденіе безпорядковъ, чѣмъ и допустилъ таковые, т.-е. въ преступленіи, предусм. 1 ч. 446 ст. улож. о нак., а потому и согласно опредѣленія харьк. губ. правленія предается суду харьковской судебной палаты.

Обвиняемый виновнымъ себя не призналъ.

Затѣмъ были допрошены свидѣтели—полицейскіе чиновники, которые показали, что сектанты своимъ поведеніемъ не давали повода предполагать, что они намѣрены произвести какіе-нибудь безпорядки, что это народъ трудолюбивый и ведетъ трезвый образъ жизни; по отношенію къ полиціи были все время почтительны и вѣжливы. Судебная палата, по выслушаніи преній сторонъ, опредѣлила: признать ст. сов. Виктора Отрохова невиновнымъ и по суду оправданнымъ.

На заводѣ въ Сормовѣ. «Нижегородсткій Листокъ» даетъ недурную иллюстрацію отношенія заводской администраціи въ Сормовѣ къ своимъ рабочимъ, для которыхъ она не находитъ нужнымъ устраивать какія-либо развлеченія или учрежденія просвѣтительнаго характера, считая ихъ, вѣроятно излишними. Корресподентъ газеты прямо съ парохода наткнулся на знакомаго «пріятеля»-рабочаго. По случаю «Духоваго дня» «пріятель» имѣлъ на головѣ новенькій картузикъ и насквозь пропитанную пылью тройку. Разговорились.

«— Что новенькаго?

«— Новостей у насъ достаточно. Ивана Сидорова знали?

«— Ну?

«— Выгнали. Гаврюху Өедорова помните? Уничтожили. Съ Иваномъ Өалалеевымъ велъ знакомство?

«— Велъ.

«— Подъ это мѣсто... Василія...

«— Почему такъ?

«— По случаю сокращенія «производства работъ». Всѣ паровозные цехи, кромѣ кузницъ, сократили на половину. Такъ что теперича двѣ недѣли работаемъ, двѣ недѣли на дачѣ живемъ... Въ родѣ каникулъ...

«— Та-а-къ.

«— Въ рощѣ у насъ были?

«— Нѣтъ.

«— Не были?—переспросилъ онъ и, удостовѣрившись, торопливо повлекъ меня черезъ все Сормово въ рощу.

«— Большое удовольствіе черезъ нее нашъ братъ мастеровой получаетъ!

«Долго мы вязли въ пескѣ подъ не прекращающійся аккомпанименъ паровозныхъ гудковъ. Пыль въ душномъ воздухѣ висѣла густыми клубами и, смѣшиваясь съ фабричнымъ дымомъ и грохотомъ, дѣлала утомительную длинную прогулку отнюдь непривлекательной.

«Вотъ и роща.

«Мелькаютъ между оголенныхъ полузасохшихъ стволовъ сосенъ яркія платья дамъ, «спиньжаки» и внушительныя «сормовскія» трости кавалеровъ.

«Подъ «тѣнью» сосенъ, по-турецки, свернувъ ноги калачиками, прямо на грязной пыльной землѣ расположился заводскій оркестръ.

«Кругомъ тѣснымъ кольцомъ толпа слушателей.

«— Что же это у васъ ни одной скамеечки?

«— Были при Фоссѣ, при прежнемъ директорѣ. Да, впрочемъ, мало ли что было. Вотъ здѣсь площадка для танцевъ была...

«— А вотъ здѣсь,—продолжаетъ пріятель,—хотѣло потребительское общество баньку выстроить. Да вѣдь не дали! Такъ безъ бани и моемся, въ жарѣ, духотѣ, копоти...

«Пыль стоитъ густымъ столбомъ. Рулады вальса вязнутъ въ сухихъ колючихъ вѣтвяхъ сосенъ; пыльная толпа уныло бродитъ «вокругъ да около».

«— Вотъ здѣсь гигантскіе шаги были... здѣсь качели...

«Да, все это было «при Фоссѣ», а теперь уничтожено.

«Зимой въ вагончикѣ, въ столовой, на частныхъ квартирахъ я постоянно слышалъ: «У насъ строго... Строгости у насъ достаточно... Чего другого, а ужъ строгости...»

«Теперь на пароходѣ, въ школѣ, въ рощѣ только и слышишь: уничтожено... сокращено... за ненадобностью... не позволено... подъ это мѣсто...

«Почему?

«Очевидно почтенная администрація изъ «интеллигентовъ» дошла своимъ умомъ до сознанія, что «все это» глупости, пустыя забавы дѣтскія игрушки»...

О школьныхъ сберегательныхъ кассахъ. 25-го мая въ засѣданіи школьнаго комитета харьковскаго общества грамотности былъ прочитанъ интересный докладъ относительно вліянія сберегательныхъ школьныхъ кассъ на учащихся начальныхъ училищъ. Опытъ такого вліянія произведенъ былъ въ одной изъ харьковскихъ начальныхъ школъ.

За самое короткое время существованія кассы она успѣла, въ буквальномъ смыслѣ слова, развратить учащихся. Они, напримѣръ, прекратили завтракать, чтобы на эти деньги купить марокъ, стали съ азартомъ играть въ бабки и пуговицы, стремясь во что бы то ни стало выиграть, даже путемъ обмановъ начались воровство, продажа учебниковъ и учебныхъ пособій; проявились зависть, попрошайничество и самыя темныя коммерческія сдѣлки. Такъ, не говоря уже о похищеніи кассовыхъ книжекъ и марокъ у товарищей, многія изъ дѣтей, когда взносы ихъ доходили до 1 рубля, что дозволяло взять деньги изъ кассы, сейчасъ же брали таковой, чтобы азартными играми или другимъ способомъ повысить проценты на этотъ рубль, такъ какъ проценты въ кассѣ незначительны. Для учителя касса оказалась чистѣйшимъ бѣдствіемъ. Не говоря о времени, которое отнимается на продажу марокъ и разныя операціи, связанныя съ кассой, онъ видѣлъ, какъ теряется его педагогическое достоинство, и какъ на его глазахъ развиваются пороки, которые являются результатомъ его же содѣйствія по развитію «бережливости». Присутствовавшіе въ комитетѣ педагоги единодушно отнеслись отрицательно къ школьнымъ кассамъ. Этотъ же вопросъ разсматривался на курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, въ которое былъ внесенъ докладъ особой комиссіи. Послѣдняя пришла къ слѣдующему заключенію:

«Считаясь съ фактомъ экономическаго упадка крестьянскаго населенія губерніи, слабымъ развитіемъ денежнаго обращенія въ крестьянской средѣ, коммиссія думаетъ, что разсчитывать на наличность карманныхъ денегъ у деревенскихъ школьниковъ, на возможность для нихъ дѣлать какія-либо сбереженія совершенно невозможно; это подтверждается и данными нашей текущей школьной статистики, изъ которой видно, что большое количество дѣтей школьнаго возраста не посѣщаютъ школы вслѣдствіе недостатка въ теплой одеждѣ. Такимъ образомъ, развитіе бережливости въ населеніи съ дѣтскаго возраста, при отсутствіи въ деревнѣ для этого необходимыхъ и естественныхъ условій, можетъ быть привито къ крестьянскимъ дѣтямъ-школьникамъ только искусственнымъ путемъ. Послѣднее же обстоятельство—искусственное развиваніе бережливости—не можетъ, по мнѣнію коммиссіи, не отразиться на дѣтскомъ характерѣ». Все это заставило коммисію считать желательнымъ, чтобы школьныя сберегательныя кассы въ земскихъ училищахъ Курской губерніи не открывались. Коммиссія предложила губернскому собранію возбудить ходатайство передъ высшимъ правительствомъ о непримѣненіи утвержденныхъ 8-го августа 1901 г. правилъ о школьныхъ сберегательныхъ кассахъ въ школахъ Курской губерніи, содержимыхъ на средства земства. Губернское земское собраніе вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи и выразило пожеланіе, чтобы правила эти не примѣнялись въ Курской губерніи въ земскихъ школахъ».

О положеніи почтовыхъ служащихъ. «Промышленность и здоровье» останавливается на давно наболѣвшемъ вопросѣ о положеніи почтовыхъ служащихъ.

Въ Петербургѣ почтальонъ занятъ по 11—13 часовъ въ сутки, изъ которыхъ ходитъ съ корреспонденціей по 8 и 11 часовъ, а вѣсъ мѣшка, съ которымъ онъ выходитъ изъ отдѣленія, равенъ приблизительно полутора пудамъ.

Столько работаетъ низшій почтовый служащій; немногимъ лучше, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже хуже, положеніе его ближайшаго начальства. Распредѣленіе дня чиновниковъ отдѣленія обусловливается временемъ, когда отдѣленіе открыто для публики, такъ что приблизительно они должны быть на мѣстѣ около 8-ми часовъ, что нельзя было бы считать слишкомъ изнурительнымъ, но черезъ день у нихъ вечернія дежурства, а черезъ два дня въ третій затягиваются дневныя до 5 часовъ, такъ что иногда приходится быть занятымъ болѣе 12 часовъ.

Работа въ отдѣлѣ начинается съ приходомъ почтальоновъ и кончается съ уходомъ ихъ, и послѣ того, какъ принята книга отъ послѣдняго возвратившагося почтальона. Въ дни дежурства такой чиновникъ работаетъ 16 часовъ, не имѣя даже непрерывнаго 8 часового отдыха. Когда чиновникъ не дежурный, то онъ на службѣ 9 часовъ. Но при двухъ чиновникахъ, служащихъ въ отдѣлѣ, дежурство бываетъ черезъ день; тамъ, гдѣ трое—что считается большой роскошью—черезъ два дня.

Въ Москвѣ почтальоны заняты разборкой почты на центральномъ почтамтѣ, являются въ почтамтъ въ 4 ч. утра и работаютъ здѣсь до половины десятаго вечера, т.-е. $17^1/_2$ часовъ въ сутки. За все это время имъ полагается на отдыхъ и пріемъ пищи какихъ-нибудь полтора часа. И хотя по росписанію смѣнъ время отдыха должно быть и больше, но благодаря огромному количеству корреспонденціи, работа переходитъ въ положенные для отдыха часы.

Если чиновники страдаютъ отъ недостатка воздуха, сидя въ удушливыхъ конторахъ, то, напротивъ, почтальонамъ приходится жаловаться на слишкомъ долгое пребываніе на свѣжемъ воздухѣ. Разноска писемъ продолжается, какъ мы видѣли, до 11 час. Въ снѣгъ, дождь, метель они должны ходить съ тяжелой сумкой, отсчитывая безчисленное число ступеней. Опыты съ шагомѣромъ давали невѣроятные результаты. Измѣреніе произведенное въ Смоленскѣ, показало, что почтальонъ проходитъ въ сутки 42 версты. И это съ ношей въ пудъ-другой; принимая во вниманіе, что разноской писемъ работа почтальоновъ не ограничивается, надо признать, что нѣтъ ни одной фабрики и ни одного завода, гдѣ бы условія труда были хуже.

Перейдемъ теперь къ вопросу о заработкѣ. Почтово-телеграфные чиновники дѣлятся по получаемымъ окладамъ на разряды: 1-й разрядъ 100 р., 2—75 р., 3—60 р., 4—45 р., 5—34 р., 6—старшій—27 р., 6—младшій—23 р. въ мѣсяцъ. Чиновниковъ перваго и второго разряда приходится одинъ на сто, и слѣдовательно даже эти скромные сравнительно оклады получаетъ ничтожная часть чиновниковъ, большинство же состоитъ въ низшихъ разрядахъ, пятомъ и шестомъ. Это—чиновникъ. Вольнонаемный почтальонъ долженъ довольство-

ваться меньшимъ жалованьемъ. Онъ получаетъ вначалѣ 20 руб. и 2 руб. квартирныхъ. Увеличеніе оклада идетъ съ поразительной медленностью, достигая въ рѣдкихъ случаяхъ высшаго 30 рублеваго предѣла. Такое жалованье получаютъ почтальоны и послѣ 35 л. службы. Форменное платье и обувь поглощаютъ бо́льшую часть заработка. Обувь при усиленной ходьбѣ изнашивается скоро, и письмоносцы тратятъ на нее 25 — 30 руб. въ годъ. Въ провинціи, гдѣ работы часто больше, оклады меньше, и 15 рублевый окладъ почтальона считается нормальнымъ.

Итакъ, оплата труда почтовыхъ служащихъ не только не соотвѣтствуетъ возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ и затрачиваемому труду, но абсолютно недостаточна для сноснаго существованія. Семейный почтовый человѣкъ съ самыми скромными потребностями всегда долженъ нуждаться и, дѣйствительно, нуждается.

Письмо Л. Н. Толстого. Въ «Южн. Об.» напечатано письмо Л. Н. Толстого. «Дорогой N. N. Ваше письмо я получилъ. Всѣ мои корреспонденты, подобно вамъ, требуютъ, чтобы я высказался по поводу кишиневскихъ событій. Мнѣ кажется, что требованіе это покоится на недоразумѣніи. Оно является слѣдствіемъ предположенія, что голосъ мой пользуется вліяніемъ. Недоразумѣніе это состоитъ въ томъ, что отъ меня требуютъ, въ данномъ случаѣ, дѣятельности, которая, собственно говоря, присуща лишь публицисту, въ то время, какъ я занятъ теперь вопросами, ничего общаго со всѣмъ происходящимъ не имѣющими—вопросами религіозными и изслѣдованіемъ ихъ примѣненія къ жизни. Если бы я вздумалъ поступать такъ, мнѣ пришлось бы лишь повторить то, что уже было сказано другими, и тогда мое заявленіе не имѣло бы того значенія, котораго въ немъ пожелали бы искать. Что касается моего отношенія къ евреямъ и страшнымъ кишиневскимъ событіямъ, то оно, отношеніе это, должно быть, полагаю, извѣстнымъ всѣмъ тѣмъ, кто знаетъ мое міросозерцаніе. Отношеніе мое къ евреямъ можетъ быть только братскимъ. Я люблю ихъ притомъ не потому, что они евреи. Нѣтъ. А потому что мы, они,—всѣ люди—дѣти единаго Отца—Бога. Любовь эта не требуетъ съ моей стороны никакихъ усилій вдобавокъ еще и потому, что я тѣсно сходился съ выдающимися еврейскими людьми и знаю ихъ... Еще до моего ознакомленія со всѣми подробностями происшедшаго, вскорѣ послѣ полученія первыхъ газетныхъ отчетовъ, я постигъ всю чудовищность случившагося и испыталъ тяжелое смѣшанное чувство состраданія къ невиннымъ жертвамъ кровожадной массы и удивленія предъ озвѣрѣніемъ людей, этихъ лже-христіанъ, чувство глубочайшаго ужаса и отвращенія предъ такъ называемыми «образованными» людьми, которые науськивали массу и руководили ея дѣйствіями и—главнымъ образомъ—крайняго удивленія предъ истинными виновниками кроваваго происшествія».

Письмо заканчивается указаніемъ на общія причины, дѣлающія такія событія, какъ кишиневскія, возможными—и заканчивается такъ:

«Вотъ все, что я могъ сказать о кишиневскомъ разгромѣ, но все это я уже давно сказалъ...

Вашъ Левъ Толстой.
Ясная Поляна, 27 апрѣля 1903 г.

Къ біографіи К. М. Станюковича. Въ «Кіевск. Газ.» г. Личковъ сообщаетъ нѣкоторые матеріалы для біографіи К. М. Станюковича, интересные вообще для характеристики условій, въ которыхъ приходится жить и работать даже такимъ сравнительно крупнымъ писателямъ, какимъ былъ покойный авторъ «Морскихъ разсказовъ».

«Для семьи,—говорилъ онъ,—мнѣ нужно ежегодно 3.000 руб., да для себя 1.500 р., всего, какъ видите, 4.500 р., и все это я долженъ достать, такъ сказать, изъ своей головы, а голова—чувствую, уже не та, что прежде и, главное, то и дѣло болѣю, а потому приходится усиленною, надрывающею силы работою наверстывать потерянное время. Хорошо еще, что въ послѣднее время толстые журналы, спасибо имъ, сами стали платить мнѣ уже по 200 р. съ листа, а то было бы совсѣмъ плохо». Забота о предстоящемъ путешествіи въ Карлсбадъ для лѣченія отъ діабета,—путешествіи, связанномъ не только съ расходами, но и съ сокращеніемъ литературнаго заработка въ періодъ поѣздки и лѣченія, необходимость обезпечить семью на лѣто, затрудненіе съ продажей своихъ сочиненій—все это, видимо, сильно его волновало и вліяло на его расположеніе духа, когда онъ оставался одинъ или глазъ-на-глазъ съ кѣмъ-нибудь изъ близкихъ людей. Тогда онъ начиналъ жаловаться на діабетъ, вычислять колебанія въ процентахъ сахара, сѣтовалъ на неудачу переговоровъ о продажѣ собранія своихъ сочиненій Марксу, высказывалъ соображенія о продажѣ отдѣльнаго изданія новыхъ своихъ разсказовъ.

Или вотъ, напр., выдержки изъ письма къ автору воспоминаній:

«Простите великодушно за хлопоты изъ-за моихъ телеграммъ. Надоѣдалъ вамъ монстрами-телеграммами, разумѣется, не для подчеркиванія вашего вниманія къ моимъ просьбамъ. Вѣдь я понялъ и почувствовалъ ваше доброе отношеніе ко мнѣ съ перваго знакомства...

«Отчего я былъ расточителенъ въ телеграммахъ?

«Да развѣ вы, умный человѣкъ и литераторъ, не могли догадаться? Развѣ мои «судорожныя» телеграммы не напомнили вамъ стараго волка, котораго травятъ, и онъ мечется?

«Признаюсь вамъ, что я отчасти нахожусь въ такомъ положеніи. Въ день отъѣзда изъ Кіева я получилъ отъ Маркса письмо, въ которомъ онъ отказался отъ покупки въ настоящее время права на изданіе навсегда собранія сочиненій. А я имѣлъ полное основаніе разсчитывать на полученіе 60 или 70 тысячъ, обезпечить семью, поправить дѣла, т.-е. уплатить авансы и передохнуть. Положеніе изъ «бамбуковыхъ» и очень невеселое для стараго писателя, который почти около года, вслѣдствіе переутомленія, не могъ работать и—догадаетесь—долженъ былъ заботиться о семьѣ. Поймите, что авансы увеличились и изворачиваться было тяжело. А работать по прежнему, т.-е.

часовъ по 8 въ день, было запрещено и послѣ выздоровленія... По счастью хорошо продалъ два изданія «Вокругъ свѣта на Коршунѣ» и первое изданіе «Исторіи одного вопроса», и это помогло мнѣ до новаго 1901 года въ дополненіе къ гонорару за написанное,—гонорару конечно, не полному, а за вычетомъ по частямъ авансовъ...

«Необходимо было въ февралѣ 300 руб., для содержанія за мѣсяцъ семьи. И я замотался... И я сыпалъ телеграммами... И не отходилъ отъ стола, наверстывая время. То и дѣло получалъ изъ редакціи цидулки о рукописяхъ.

«Вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Кіева я заболѣлъ инфлуэнціею и когда получилъ присланные отъ общества грамотности 200 руб., уже совсѣмъ расхворался. Діабетъ зашалилъ поднялся до 5 проц. на нервной почвѣ...

«Писать запретили... Слабость и мрачное настроеніе... Безсонница, галлюцинаціи. И я безотлучно сидѣлъ въ конурѣ своей, выжидая, когда, наконецъ, оправлюсь хотя бы настолько, чтобы работать».

Угнетающее впечатлѣніе производитъ одно изъ предсмертныхъ писемъ умирающаго писателя къ проф. И. В. Лучицкому, написанное подъ диктовку К. М., въ Неаполѣ:

«Дорогой И. В. Можетъ быть, вы слышали, или прочли о томъ, что со мною снова мозговое переутомленіе и я пріѣхалъ въ Неаполь, попалъ въ госпиталь и недавно перебрался въ пансіонъ Poli. Догадаетесь, что почти инвалидъ. Писать не могу пока, а диктую. Дѣла—бамбукъ. Заботъ много. Надо думать о семьѣ и прокармливаться самому».

Затѣмъ идутъ подробности предполагавшейся продажѣ полнаго собранія сочиненій, и въ концѣ такая приписка:

«Очень жудтко. Но пока еще работаю, т.-е. диктую. Недавно началъ, а то лежалъ въ больницѣ Hopital International. Все равно, что въ тюрьмѣ. А главное—крики по ночамъ да еще для больного мозговымъ переутомленіемъ! Вашъ окаянный писатель К. Станюковичъ. О! О, какъ тяжело, если бы знали!»

За мѣсяцъ. Высочайшій рескриптъ, данный на имя министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Зенгера. «Григорій Эдуардовичъ. Въ Бозѣ почивающій Дѣдъ Мой Императоръ Александръ II въ 13-й день августа 1880 года Всемилостивѣйше повелѣлъ управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія не возбранять на будущее время преподаванія Закона Божія римско-католическаго исповѣданія на природномъ языкѣ учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губерній Царства Польскаго, съ тѣмъ, чтобы сія мѣра не была распространяема на нѣкоторыя изъ заведеній, въ коихъ названное преподаваніе производилось дотолѣ на русскомъ языкѣ.

«Признавъ нынѣ за благо, чтобы порядокъ, установленный Высочайшимъ повелѣніемъ 13-го августа 1880 года для большинства среднихъ учебныхъ заведеній варшавскаго учебнаго округа, былъ распространенъ и на тѣ шесть мужскихъ и два женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній сего округа, относительно которыхъ допущено было вышеуказанное ограниченіе, Я поручаю вамъ озаботиться принятіемъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы съ начала

будущаго учебнаго года преподаваніе Закона Божія римско-католическаго исповѣданія на природномъ языкѣ учащихся разрѣшалось во всѣхъ, безъ изъятія, среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ коихъ обучаются воспитанники или воспитанницы сего исповѣданія».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Николай».

Царское Село 25-го мая 1903 г.

Въ «Прав. Вѣстникѣ» напечатано: «Въ виду цѣлаго ряда враждебныхъ Россіи кореспонденцій въ газету «Times» изъ Петербурга, а также вымышленности многихъ содержащихся въ этихъ корреспонденціяхъ свѣдѣній, министръ внутреннихъ дѣлъ, по предоставленной ему власти, сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ петербургскаго кореспондента названной газеты, Брахама, изъ предѣловъ имперіи. Распоряженіе это приведенно въ исполненіе 18-го минувшаго мая. Вслѣдъ затѣмъ въ газетѣ «Times» появился рядъ статей, въ коихъ описаніе высылки Брахама изъ Россіи сопровождалось свѣдѣніями, противорѣчащими истинѣ, и, между прочимъ, сообщалось, будто бы полиція угрожала Брахаму отправленіемъ по этапу.

«Въ дѣйствительности названный Брахамъ былъ удаленъ за границу съ соблюденіемъ всѣхъ закономъ установленныхъ для сего формальностей и никакихъ угрозъ высылкой по этапу ему не дѣлалось. При этомъ въ особое вниманіе къ ходатайству за Брахама великобританскаго посла, удаленіе названнаго корресподента изъ Петербурга было отсрочено на 3 дня, для предоставленія ему возможности устроить передъ отъѣздомъ свои личныя дѣла».

Въ «Прав. Вѣстн.» напечатано Высочайшее повелѣніе о временномъ воспрещеніи совершенія отъ имени и въ пользу евреевъ въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту общей еврейской осѣдлости, всякаго рода крѣпостныхъ актовъ. Комитетъ министровъ, выслушавъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 3-го апрѣля 1903 года, за № 2125, о временномъ воспрещеніи совершенія отъ имени и въ пользу евреевъ въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту общей еврейской осѣдлости, всякаго рода крѣпостныхъ актовъ, полагалъ: впредь до пересмотра въ законодательномъ порядкѣ постановленій о евреяхъ, воспретить въ губерніяхъ, не входящихъ въ черту общей еврейской осѣдлости, совершеніе отъ имени или въ пользу евреевъ всякаго рода крѣпостныхъ актовъ: 1) служащихъ къ укрѣпленію за ними правъ собственности владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, внѣ городскихъ поселеній расположенными, и 2) представляющихъ имъ возможность выдавать подъ обезпеченіе сихъ имуществъ денежныя ссуды.

Государь Императоръ 10-го мая 1903 года положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

Объ измѣненіи временныхъ правилъ 3-го мая 1882 года о жительствѣ евреевъ внѣ городовъ и мѣстечекъ. Комитетъ министровъ, выслушавъ: 1) представленіе бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 27-го марта 1902 года, за № 1828, объ измѣненіи временныхъ правилъ 3-го мая 1882 г., о жи-

тельствѣ евреевъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, и 2) отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ управляющему дѣлами комитета министровъ, отъ 27-го апрѣля 1903 года, за № 460, съ дополнительными по сему дѣлу свѣдѣніями, полагалъ:

1) Повергнуть на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе списокъ поселеній въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости, въ коихъ можетъ быть допущено, въ изъятіе отъ дѣйствія правилъ 3-го мая 1882 года, свободное жительство евреевъ.

2) Въ означенныхъ поселеніяхъ (ст. 1) предоставить евреямъ тѣ же, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, права по пріобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ, въ предѣлахъ селительной площади такихъ поселеній, и управленію или распоряженію ими. Разрѣшеніе сомнѣній относительно опредѣленія границъ селитебной площади поселеній (ст. 1) предоставляется мѣстнымъ губернскимъ или губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, по принадлежности,

и 3) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, когда онъ признаетъ это необходимымъ, входить въ Комитетъ министровъ съ представленіями о соотвѣтственномъ, по мѣрѣ надобности, пополненіи упоминаемаго въ ст. настоящаго заключенія списка.

Государь Императоръ на положеніе комитета Высочайше соизволилъ, а проектъ списка поселеній въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости удостоенъ разсмотрѣнія и утвержденія Его Величества, въ Царскомъ Селѣ, 10-го мая 1903 года.

— Въ томъ же 113 № «Прав. Вѣстн.» напечатанъ и списокъ поселеній въ губерніяхъ черты еврейской осѣдлости, въ коихъ можетъ быть допущено въ изъятіе отъ дѣйствія закона 3-го мая 1882 года, свободное жительство евреевъ.

Число этихъ поселеній ограничено 101.

— Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату, бессарабскій губернаторъ, ген.-лейт. фонъ-Раабенъ уволенъ отъ настоящей должности, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, почему бессарабскій вице-губернаторъ, д. с. с. В. Г. Уструговъ вступилъ въ управленіе губерніею.

— Предложеніемъ г. управляющаго Бессарабской губерніей, кишиневскій полицеймейстеръ отставной войсковой старшина Ханженковъ, уволенъ отъ должности. Кишиневскимъ полицеймейстеромъ назначенъ хотинскій уѣздный исправникъ, надв. сов. Брониковскій.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ 29-го мая 1903 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить тамбовскому губернатору, примѣнительно къ ст. 15 и 16 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, на время съ 1-го іюня по 1-е октября 1903 г. право издавать въ предѣлахъ Темниковскаго уѣзда обязательныя постановленія по санитарной части, а также о сходкахъ и сборищахъ, устанавливать за нарушеніе таковыхъ взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ пятьсотъ руб-

лей, и разрѣшать дѣла по нарушенію означенныхъ постановленій въ административномъ порядкѣ.

— Въ «Фин. Газ.» напечатано: «Какъ извѣстно, обнародованіе въ установленномъ порядкѣ Высочайшаго манифеста отъ 29-го іюня 1901 г. и приложеннаго къ нему устава о воинской повинности встрѣтило противодѣйствіе со стороны руководителей мѣстнаго противоправительственнаго движенія, подъ вліяніемъ которыхъ участіе въ протестѣ противъ новаго военнаго закона приняли даже многія общественныя учрежденія и должностныя лица. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, и магистратъ города Ньюстадта, который въ составѣ предсѣдателя своего Густава-Вильгельма Сандбека и членовъ—шведско-норвежскаго вицеконсула Эрика Савона и купца Карла Густава Бельмана, возвратилъ поступившій къ нему изъ губернской канцеляріи для передачи пастору съ цѣлью обнародованія въ церкви экземпляръ вышеозначеннаго закона. Несмотря на вторичное предписаніе—немедленно, подъ опасеніемъ отвѣтственности—передать этотъ законъ подлежащему пастору, члены магистрата осмѣлились не исполнить этой обязанности и вновь вернуть этотъ присланный экземпляръ закона, сопровождая этотъ поступокъ дерзкимъ заявленіемъ, что манифестъ и уставъ, будучи изданы не въ томъ порядкѣ, какъ то предписано для изданія законовъ въ Финляндіи, не могутъ, слѣдовательно, имѣть силы закона, а поэтому магистратъ противъ своего долга и совѣсти не можетъ содѣйствовать тому, чтобы означенные акты посредствомъ опубликованія съ церковной каѳедры получили съ формальной стороны значеніе закона. За столь явное и упорное неповиновеніе члены ньюстадтскаго магистрата были привлечены къ суду, однако, абосскій гохгерихтъ прежняго состава, на разсмотрѣніе котораго было передано настоящее дѣло, оказался сторонникомъ тѣхъ же противоправительственныхъ воззрѣній, такъ какъ, согласившись съ мнѣніемъ адвоката фиска Шюберсона, въ настоящее время по Высочайшему повелѣнію уже уволеннаго отъ должности безъ пенсіи, гохгерихтъ нашелъ, что предсѣдателю и членамъ магистрата въ данномъ дѣлѣ нельзя поставить въ вину ничего предосудительнаго, а потому они подлежатъ освобожденію отъ всякой отвѣтственности. Очевидно, что не могли остановиться на этомъ. Приговоръ гохгерихта былъ обжалованъ и переданъ въ высшую судебную инстанцію, т.-е. въ судебной департаментъ сената, по опредѣленію котораго виновные въ настоящее время понесли заслуженную кару въ видѣ денежнаго штрафа: предсѣдатель магистрата въ размѣрѣ 400 марокъ, а члены его въ размѣрѣ 200 марокъ съ каждаго, съ замѣною, въ случаѣ несостоятельности, заключеніемъ въ тюрьмѣ: перваго—на 50, а вторыхъ—на 30 дней. Независимо отъ этого, генералъ-губернаторомъ обращено было вниманіе на то, что среди участниковъ этой преступной демонстраціи находилось лицо, занимающее почетную должность вице-консула иностранной державы. По подлежащемъ сношеніи объ этомъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь графъ Ламздорфъ, вполнѣ раздѣляя выраженное генералъ-адъютантомъ Бобриковымъ мнѣніе о томъ, что участіе Савона въ политическихъ манифестаціяхъ несовмѣстимо съ должностью иностраннаго консула, обратился къ пребывающему въ Петербургѣ шведско-норвежскому

посланнику, и затѣмъ правительствомъ Швеціи и Норвегіи опредѣлено уволить Савона отъ занимаемой имъ должности вице-консула этого государства въ городѣ Ньюстадтѣ».

— 20-го мая въ отдѣленіи сената слушалось дѣло по кассаціонной жалобѣ бывшаго кронштадтскаго полицеймейстера Шафрова, осужденнаго петербургскимъ окружнымъ судомъ и приговореннаго, какъ мы въ свое время сообщали, за взяточничество, лихоимство, мздоимство и растрату казенныхъ суммъ къ лишенію воинскаго званія, орденовъ и отдачѣ на 2 года въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Предсѣдательствовалъ сенаторъ Рѣпинскій, заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора Редингеръ, кассаціонную жалобу поддерживали присяжные повѣренные Бобрищевъ-Пушкинъ и Гулавинцевъ. Въ кассаціонной жалобѣ указывалось на слѣдующіе главные поводы; подсудимый, какъ лицо военнаго сословія, подлежитъ не гражданскому, а военно-окружному суду; подсудимый, какъ лицо, назначенное на должность Высочайшимъ указомъ, долженъ былъ быть преданъ суду не по опредѣленію губернскаго правленія, а по опредѣленію правительствующаго сената; суммы наградныя и нарядныя, въ растратѣ которыхъ обвиняется подсудимый, суть суммы неоффиціальныя, такъ какъ онѣ, по существу своему, противозаконны, являясь видомъ мздоимства, и поэтому растрата этихъ суммъ не можетъ быть квалифицирована, какъ растрата служебныхъ денегъ; свидѣтелями въ этомъ дѣлѣ выступали нѣкоторыя лица, такія, которымъ мѣсто должно было бы быть отведено на скамьѣ подсудимыхъ рядомъ съ Шафровымъ и ихъ показанія были оговоромъ подсудимаго и проч. Товарищъ оберъ-прокурора высказался за оставленіе кассаціонной жалобы безъ послѣдствій. Сенатъ опредѣлилъ: жалобу подсудимаго Шафрова оставить безъ послѣдствій.

— Кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, г.-ад. М. И. Драгомировъ, разсмотрѣвъ свѣдѣнія объ уличныхъ безпорядкахъ, происходившихъ въ гор. Кіевѣ 4-го мая 1903 г., на основаніи ст. 15 п. 2 положенія о государственной охранѣ постановилъ, какъ напечатано въ «Кіевл.»:

«Лицъ, принимавшихъ участіе въ означенныхъ безпорядкахъ и виновныхъ въ нарушеніи обязательнаго постановленія отъ 9-го апрѣля 1901 г., подвергнуть слѣдующимъ административнымъ взысканіямъ: 38 лицъ къ аресту на 3 мѣсяца, 18 лицъ къ аресту на 2 мѣсяца, 10 лицъ къ аресту на 1 мѣсяцъ и 4 лицъ къ аресту на 2 недѣли. Всѣмъ этимъ лицамъ приказано зачесть въ срокъ назначеннаго имъ по настоящему постановленію наказанія время, проведенное ими въ предварительномъ арестѣ, и потому срокъ опредѣленнаго имъ ареста считается съ 4-го мая. Затѣмъ 17 лицамъ вмѣнено въ наказаніе зачесть время со дня ареста до освобожденія (съ 4-го по 13-е мая), 5 освобождены отъ всякой отвѣтственности и объ одномъ воспитанникѣ средняго учебнаго заведенія сдѣлано представленіе попечителю учебнаго округа, которымъ этотъ воспитанникъ уволенъ изъ заведенія. Изъ числа приговоренныхъ къ аресту: 20 крестьянъ, 42 мѣщанина, 1 дворянинъ, 1 пот. поч. гражданинъ, 1 казакъ, 1 персидскій подданный и 4 студента. Лицъ еврейскаго происхожденія въ числѣ приговоренныхъ къ аресту около 40 человѣкъ, женщинъ 12.

изъ нихъ 11 евреекъ, главнымъ образомъ ученицы зубоврачебной школы и повивальныя бабки. Что же касается лицъ, которымъ вмѣненъ въ наказаніе предварительный арестъ, то изъ нихъ 10 мѣщанъ, 5 крестьянъ, 1 дворянинъ и 1 казакъ; евреевъ въ этомъ числѣ 7, изъ нихъ 5 женщинъ».

— Согласно ходатайства балахано-сабунчинскаго полицеймейстера, для содѣйствія гражданскимъ властямъ Балахановъ, кромѣ находящейся тамъ сотни казаковъ, послѣдовало распоряженіе о командировкѣ туда одной роты солдатъ сальянскаго полка.

— По словамъ «Курьера», отдѣлъ промышленности разослалъ чинамъ фабричной инспекціи слѣдующій циркуляръ:

«Съ 6-го мая сего года выходитъ первый номеръ новаго общедоступнаго журнала съ картинами «Дружескія Рѣчи», подъ редакціей редактора-издателя сего журнала князя В. П. Мещерскаго. Препровождая вамъ при семъ экземпляръ объявленія объ изданіи журнала для выставленія его въ вашей пріемной комнатѣ съ цѣлью ознакомленія фабрикантовъ и рабочихъ, отдѣлъ промышленности считаетъ долгомъ присовокупить, что съ этой же цѣлью вамъ будетъ высылаться этотъ журналъ, и что его высокопревосходительство г. министръ финансовъ относится къ изданію упомянутаго журнала сочувственно».

— Могилевскій губернаторъ обратился къ земскимъ начальникамъ Могилевской губ. съ слѣдующимъ циркуляромъ отъ 20-го мая сего года, за № 38:

«Гг. земскимъ начальникамъ Могилевской губерніи.

«Извѣстный своею публицистическою дѣятельностью, отличавшеюся всегда патріотическимъ направленіемъ, князь Мещерскій приступилъ съ 1-го мая сего года, къ изданію новаго ежемѣсячнаго журнала, подъ названіемъ «Дружескія Рѣчи». Цѣна журнала за годъ, съ 1-го мая 1903 г. по 1-е мая 1904 года, одинъ рубль, съ пересылкою. Крестьяне могутъ подписываться въ волостныхъ правленіяхъ съ разсрочкою по 25 коп. за каждые три мѣсяца. Редакція журнала находится въ С.-Петербургѣ, Гродненскій переулокъ, д. № 6.

«Прошу гг. земскихъ начальниковъ сдѣлать распоряженіе о выпискѣ журнала «Дружескія Рѣчи» въ количествѣ не менѣе одного экземпляра на волость и открыть при волостныхъ правленіяхъ подписку на указанныхъ выше условіяхъ».

— Въ «Циркулярѣ по московскому учебному округу» напечатано слѣдующее разъясненіе Министерства Народнаго Просвѣщенія по запросу о примѣненіи временныхъ правилъ 24-го августа 1902 г. о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ:

«1) Министерство нисколько не затрудняется разъяснить, что примѣненіе профессорскимъ судомъ такихъ каръ, какъ увольненіе, удаленіе или исключеніе за академическіе проступки отнюдь не создаетъ основанія въ глазахъ Министерства къ административной высылкѣ или инымъ тяжкимъ для соотвѣтственныхъ лицъ мѣропріятіемъ гражданской власти. Отъ всякихъ ходатайствъ о наложеніи гражданскою властью дополнительныхъ каръ на осужденныхъ за академическіе проступки Министерство принципіально отстраняется и категорически проситъ профессорскій судъ принять сіе къ свѣдѣнію. 2) Если вы-

бывшія изъ числа студентовъ по опредѣленію профессорскаго суда лица вслѣдъ затѣмъ путемъ насильственнаго вторженія въ университетскія помѣщенія поставятъ учебную администрацію въ необходимость ограждать заведеніе отъ ихъ своеволія и буйства, то прямымъ долгомъ администраціи учебнаго вѣдомства и будетъ обратить вниманіе гражданской власти на необходимость пресѣчь незаконныя дѣйствія чуждыхъ составу университета нарушителей академическаго спокойствія. Но обращеніе органовъ учебнаго вѣдомства къ гражданской власти должно въ этихъ случаяхъ носить чисто оборонительный характеръ, что и надлежитъ принять къ руководству какъ начальству округа, такъ и ректору университета. 3) Ежели осужденный профессорскимъ судомъ окажется совершившимъ или совершавшимъ, помимо академическаго проступка, дѣянія, наказуемыя въ порядкѣ, указанномъ общими законоположеніями, то разсмотрѣніе допущенныхъ имъ нарушеній закона будетъ лежать на обязанности должностныхъ лицъ и учрежденій, отнюдь не обязанныхъ сноситься по такого рода дѣламъ съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, а потому наложеніе наказанія общей администраціей или судомъ на такихъ лицъ не можетъ свидѣтельствовать въ глазахъ профессорскаго суда или студентовъ объ органической связи академическихъ взысканій съ административными или судебными карательными послѣдствіями. 4) Встрѣчаются далѣе въ практикѣ сочетанія академическихъ проступковъ съ неакадемическими проступками или даже преступленіями. Случаи такого рода служатъ, къ сожалѣнію, лишь доказательствомъ того, что нарушеніе законныхъ требованій учебной дисциплины производится зачастую лицами, для которыхъ учебное заведеніе является лишь однимъ изъ поприщъ осуществленія ихъ общаго стремленія къ уничтоженію законнаго порядка вещей. Когда это послѣднее обстоятельство обнаружится въ связи съ возбужденіемъ дѣла объ академическомъ проступкѣ соотвѣтственнаго лица, то распоряженія, касающіяся этой стороны дѣла, лежатъ на обязанности ректора, который и не передаетъ подлежащихъ обстоятельствъ на разсмотрѣніе профессорскаго суда. 5) Остается, наконецъ, категоріи случаевъ, упоминаемая въ ст. 17-й Высочайше утвержденныхъ 24-го августа 1902 г. временныхъ правилъ о профессорскомъ дисциплинарномъ судѣ. По дѣламъ этого рода и надлежитъ въ точности руководствоваться означенной статьей 17-й».

«Съ подлежащими частями» настоящаго предложенія Министерство проситъ попечителя округа ознакомить, помимо совѣта и ректора университета, и соотвѣтственные органы другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

— Цензурная кара. По распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати въ Финляндіи, изданіе выходящей въ гор. Таммерфорсѣ газеты «Aamulehti» пріостановлено на семь дней за помѣщенное въ № 99 отъ 1-го минувшаго мая стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Kevätmietteitä».

— Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ (15-го мая 1903 года). Въ виду продолжающагося вреднаго направленія газеты «Восходъ», выразившагося, между прочимъ, въ статьѣ «Письмо изъ Одессы», помѣщенной въ № 20 этого изданія, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 144 уст. о ценз. и печ., свод. зак., т. XIV (изд. 1890 г.), опредѣлилъ: объявить газетѣ

«Восходъ» второе предостереженіе въ лицѣ издателя-редактора ея, присяжнаго повѣреннаго Максима Сыркина.

— Распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ (5-го іюня 1903 года). Министръ Внутреннихъ Дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты «Волынь», пріостановленной распоряженіемъ отъ 5-го мая сего года.

Некрологъ. † *М. М. Филипповъ.* 12-го іюня скоропостижно скончался редакторъ и издатель журнала «Научное Обозрѣніе». Покойный родился въ 1858 году и образованіе получилъ сначала въ одной изъ одесскихъ гимназій, а затѣмъ на юридическомъ факультетѣ петербургскаго и физикоматематическомъ Новороссійскаго университетовъ. Литературную дѣятельность М. М. Филипповъ началъ очень рано; уже въ 1881 г. появляется въ журналѣ «Мысль» (издав. проф. Н. И. Ванеромъ) статья его «Борьба за существованіе и кооперація въ органическомъ мірѣ». Поразительны плодовитость и разносторонность М. М. Филиппова: онъ писалъ по вопросамъ естествознанія, математики, философіи, логики, психологіи, политической экономіи, соціологіи, былъ критикомъ, публицистомъ, политическимъ обозрѣвателемъ, и даже беллетристомъ (повѣсти «Остапъ», «Осажденный Севастополь», «Дворянская честь»). Покойный писалъ въ началѣ своей дѣятельности во многихъ повременныхъ изданіяхъ: въ 1884 г. онъ принималъ участіе въ «Вѣкѣ», въ 1885—1887—въ «Русскомъ Богатствѣ» (изд. Оболенскаго), въ 1887—1888 гг. велъ политическую хронику въ журналѣ «Дѣло», а въ 1889 г. сталъ фактическимъ редакторомъ «Славянскихъ Извѣстій», затѣмъ перешелъ въ газету «День». Въ 1890 г. М. М. Филипповъ уѣзжаетъ за границу и посвящаетъ свое время спеціальнымъ занятіямъ математикой; результатомъ этихъ занятій явилась его работа «Sur les invariants des équations different-linéaires», за которую онъ былъ удостоенъ гейдельбергскимъ университетомъ степени доктора философіи;—но даже и такія спеціальныя научныя занятія не могли заглушить, хотя бы на время, его общественныхъ стремленій — и въ 1890 году онъ печатаетъ въ «Nouvelle Revue» статью «La réconciliation polono-russe», а въ 1892 году онъ уже принимаетъ дѣятельное участіе въ «Русскомъ Богатствѣ» (изд. Оболенскаго), гдѣ и помѣщаетъ рядъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ «Судьба русской философіи». Въ 1894 г. покойному удалось, наконецъ, осуществить свою мечту— имѣть собственный журналъ: онъ основываетъ «Научное Обозрѣніе,—сначала еженедѣльную газету, посвященную, главнымъ образомъ, вопросамъ математики и отчасти естествознанія. Вскорѣ редакторъ увидѣлъ, что журналъ долженъ измѣнить свой характеръ; математика исчезла съ его страницъ; журналъ превратился въ ежемѣсячный и въ немъ все болѣе и болѣе мѣста стали отводить вопросамъ экономическимъ и соціологическимъ. Съ этимъ временемъ совпала эпоха «марксизма», и «Научное Обозрѣніе» становится боевымъ органомъ этого теченія; въ «Научномъ Обозрѣніи» принимаютъ участіи Струве, Туганъ-Барановскій, Бельтовъ и самъ редакторъ журнала, какъ рѣзкіе представители марксисткой доктрины. Когда эта доктрина стала претерпѣвать на русской почвѣ различныя превращенія и въ средѣ ея проповѣдниковъ произо-

шелъ расколъ, создавшій «защитниковъ ортодоксіи» и «критиковъ», М. М. Филипповъ сначала примкнулъ къ послѣднимъ, но затѣмъ, когда они повернули въ сторону метафизическаго идеализма, повелъ съ ними (Струве) полемику и отказался отъ поправокъ къ трудовой теоріи цѣнности Карла Маркса. Въ своихъ критико публицистическихъ статьяхъ (объ Ибсенѣ, Зудерманѣ, Гауптманѣ, о Горькомъ и др.) М. М. Филипповъ стремился примирить индивидуализмъ и коллективизмъ. Кромѣ громаднаго числа журнальныхъ статей покойнымъ изданы отдѣльныя большія сочиненія, изъ которыхъ назовемъ: «Философія дѣйствительности, исторія и критическій анализъ научныхъ міросозерцаній отъ древнихъ до нашихъ дней». «Лекціи по логикѣ, психологіи и исторіи философіи» и др.

За годъ до смерти М. М. задумалъ собрать всѣ свои работы, разбросанныя въ разныхъ журналахъ—и издать въ пяти томахъ. Первый изъ нихъ содержитъ «Исторію философіи съ древнѣйшихъ временъ» и уже вышелъ въ свѣтъ. Остальные предположено распредѣлить по слѣдующей программѣ: — II—«Критизмъ и догматизмъ», III—«Судьбы русской философіи», IV—«Марксизмъ и его критики», V—«Исторія новѣйшей философіи». Въ вышедшей нѣсколько дней тому назадъ V книжкѣ «Научнаго Обозрѣнія» начата новая серія «Философскихъ писемъ» Филиппова; первый очеркъ посвященъ интересному вопросу «О творчествѣ личности».

Такая поистинѣ лихорадочная литературная дѣятельность не могла, конечно, не отразиться на слабомъ организмѣ покойнаго и сильно разстроила его сердечную дѣятельность. Наканунѣ смерти М. М. Филипповъ заперся въ своемъ кабинетѣ для производства какихъ-то химическихъ опытовъ, которымъ онъ придавалъ громадное значеніе. Утромъ 12-го іюня онъ былъ найденъ мертвымъ у своего письменнаго стола, уставленнаго различными приборами и препаратами, среди которыхъ оказалась синильная кислота; поэтому вначалѣ даже думали, что внезапная смерть послѣдовала отъ отравленія, — но вскрытіе показало, что это предположеніе совершенно неосновательно.

«Русскія Вѣдомости» 11-го іюня, «С.-Петербугскія Вѣдомости» 12-го,— получили отъ покойнаго одно и то же письмо, назначенное, очевидно, для печати, но которое эти газеты напечатали лишь послѣ его смерти. Вотъ это письмо:

«Въ ранней юности я прочелъ у Бокля, что изобрѣтеніе пороха сдѣлало войны менѣе кровопролитными. Съ тѣхъ поръ меня преслѣдовала мысль о возможности такого изобрѣтенія, которое сдѣлало бы войны почти невозможными. Какъ это ни удивительно, но на-дняхъ мною сдѣлано открытіе, практическая разработка котораго фактически упразднитъ войну.

«Рѣчь идетъ объ изобрѣтенномъ мною способѣ электрической передачи на разстояніе волны взрыва, причемъ,—судя по примѣненному методу,—передача эта возможна и на разстояніе тысячъ километровъ, такъ что, сдѣлавъ взрывъ въ Петербургѣ, можно будетъ передать его дѣйствіе въ Константинополь. Способъ изумительно простъ и дешевъ. Но при такомъ веденіи войны на разстояніяхъ, мною указанныхъ, война фактически становится безуміемъ и должна

быть упразднена. Подробности я опубликую осенью въ мемуарахъ академіи наукъ. Опыты замедляются необычайною опасностью примѣняемыхъ веществъ, частью весьма взрывчатыхъ, какъ NCl^3 (треххлористый азотъ), частью крайне ядовитыхъ. Михаилъ Филипповъ».

Было ли это настоящее изобрѣтеніе, — или же только—заблужденіе утомленнаго мозга, покажетъ будущее (говорятъ, будетъ произведено изслѣдованіе и препаратовъ и приборовъ покойнаго), — для характеристики покойнаго это безразлично и не прибавитъ ни единой лишней черты; идея его предсмертной «работы» останется столь же высокой, это — наука, вышедшая изъ тѣснаго кабинета и идущая на помощь человѣчеству.

Похороненъ М. М. Филипповъ 15-го іюня, на Волковомъ кладбищѣ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(«Русская Старина»—май. «Русское Богатство»—апрѣль. «Русская Мысль»—апрѣль).

Въ послѣднихъ книжкахъ «Русской Старины» печатались еще и теперь неоконченныя записки нѣкоего г. Стогова. Особеннаго интереса появлявшіяся до майской книжки части записокъ этихъ не представляли, поэтому мы не считали нужнымъ объ нихъ упоминать; но съ майской книжки онѣ пріобрѣли несомнѣнный интересъ, ибо даютъ чрезвычайно характерныя подробности прежняго крѣпостническаго строя русской жизни, о которыхъ полезно вспоминать въ противовѣсъ ложной идеализаціи старины. Авторъ записокъ, о которыхъ идетъ рѣчь, служилъ во флотѣ, побывалъ въ разныхъ передѣлкахъ во многихъ мѣстахъ нашего отечества, отмаячилъ въ томъ числѣ цѣлыхъ двадцать лѣтъ на Камчаткѣ и въ чинѣ капитанъ-лейтенанта прибылъ въ тридцатыхъ годахъ въ Петербургъ, съ цѣлью устроить какъ нибудь получше свою дальнѣйшую судьбу. Скоро представился къ этому благопріятный случай, который состоялъ въ слѣдующемъ: въ Петербургѣ въ это время былъ нѣкій американецъ Добель, женившійся на русской крѣпостной дѣвушкѣ, отличавшейся красивою наружностью и гренадерскимъ ростомъ. Добель восполнилъ образованіе своей жены настолько, что она говорила прекрасно по испански и по англійски, но обычная русская рѣчь образованнаго общества ей какъ-то не давалась, и выраженія «пошто, не проѣдайся, экой озорникъ» и т. п. такъ и сыпались съ ея устъ. Съ Добелемъ и его женою Стоговъ познакомился еще въ Камчаткѣ. «Добель очень полюбилъ меня,—разсказываетъ Стоговъ;—и, предполагая во мнѣ знаніе свѣта и приличій, просилъ меня быть наставникомъ Дарьи Андреевны. Я охотно согласился и скоро сдѣлался ея другомъ». Послѣднее обстоятельство и сослужило Стогову въ Петербургѣ большую службу. Произошло это такъ: «былъ концертъ въ домѣ Николая Ивановича Греча, былъ тамъ и Добель съ женою. Я сѣлъ какъ разъ сзади Дарьи Андреевны; по старому знакомству, когда всѣ внимательно слушали, она шалила со мною. Кончился концертъ, всѣ встали; кто-то ущипнулъ мнѣ лѣвую руку выше локтя, да такъ больно,

что я съ трудомъ удержался отъ крика. Смотрю, это Дубельтъ (знаменитый «Леонтій Васильевичъ», начальникъ штаба отдѣльнаго корпуса жандармовъ). Я думалъ, что онъ съ ума сошелъ: маленькіе его глаза горятъ, какъ угольки, самъ красный, воспламененный, задыхается.

«— Что съ вами, зачѣмъ такъ больно ущипнули?

«— Молчи, пойдемъ къ амбразурѣ окна.

«Онъ приступилъ ко мнѣ съ разспросами: кто та дама, которая шалила со мною? Какъ я съ нею знакомъ? Давно ли и пр. Тутъ же признался мнѣ, что онъ лучшей красавицы не видалъ во всю жизнь, что онъ просто влюбленъ въ нее страстно. Оказалось, что этотъ небольшого роста человѣчекъ можетъ любить только большого роста женщинъ и чѣмъ выше, тѣмъ онѣ ему привлекательнѣе; но Дарья Андреевна была гигантъ между женщинами и, правда, очень хороша. На другое утро Дубельтъ признался, что онъ не спалъ всю ночь,—предъ нимъ стояла Дарья Андреевна. Онъ, какъ друга, просилъ меня познакомить его съ нею и зато онъ цѣлую жизнь будетъ мнѣ слуга. Такой человѣкъ, какъ Дубельтъ, былъ мнѣ очень нуженъ; я видѣлъ, что онъ пойдетъ далеко, *скрѣпить дружбу* съ нимъ было не только нужно, но и очень для меня важно. Я далъ ему слово хлопотать по этому дѣлу... Въ тотъ же день, не заставъ Добеля дома, я въ спальнѣ упалъ на колѣна передъ Дарьей Андреевной, и вотъ нашъ разговоръ:

«— Ты чево дурачишься?—спросила она.

«— Я, сударыня Дарья Андреевна, самый покорный проситель.

«— Это что еще выдумалъ; пошелъ, не дури, прощалыга.

«Я приставалъ и просилъ.

«— Да что тебѣ надоть, вѣрно какое нибудь дурачество?

«Я разсказалъ ей положеніе дѣла, и какъ мнѣ нуженъ Дубельтъ, и что онъ устроитъ судьбу ея мужа. Положено было встрѣтиться на другой день у Мордвинова на обѣдѣ. Дубельтъ былъ въ восторгѣ, цѣловалъ меня и обѣщалъ заслужить».

Послѣ этого Стоговъ получилъ назначеніе отправиться на должность жандармскаго штабъ-офицера въ Симбирскъ.

«Уѣзжая изъ Петербурга, я спросилъ графа Бенкендорфа, въ чемъ будетъ состоять моя прямая обязанность? Онъ отвѣчалъ:

«— Утирай слезы несчастныхъ и отвращай злоупотребленія власти и тогда ты все исполнишь».

И Стоговъ отправился утирать слезы несчастнымъ жителямъ Симбирска.

«Итакъ, совершилось: я жандармъ т.-е. *нравственный* полицеймейстеръ», думалъ Стоговъ, получивъ переводъ въ корпусъ жандармовъ.

На новомъ мѣстѣ служенія, такъ счастливо и такъ «нравственно» устроившій свою карьеру, эксъ-морякъ не находитъ достаточно теплыхъ выраженій, чтобы охарактеризовать всю ту «благость», которая пролилась съ его прибытіемъ на Симбирскъ и не скупится на обильныя похвалы самому себѣ.

«Я все зналъ, что творилось въ Симбирскѣ,—пишетъ онъ, но никто не зналъ, что я знаю, и потому принимали меня радушно. Попадались чинов-

ники во взяткахъ, возьметъ и съ того и съ другого, а сдѣлаетъ, разумѣется, для одного,—другой жалуется. Я никогда не дѣлалъ исторій, позову къ себѣ въ кабинетъ, мылю, мылю ему голову, настращаю очень сильно и прикажу возвратить обиженному. Жизнь моя въ Симбирскѣ устроилась по моему желанію: я былъ любимымъ членомъ общества; вѣрили, что я не мелочной доносчикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрили, что и затронуть меня очень опасно; я прощать не умѣлъ, но никого не трогалъ. Никто меня не чуждался, я могъ смѣло входить въ кабинетъ генерала и въ кабинетъ отставного прапорщика, какъ пріятель».

Словомъ, въ Симбирскѣ воцарилась такая благодать, что жителямъ его только и оставалось, что служить благодарственныя молебствія... Но, вотъ, «утѣшителю» пришлось вступить и во брань: не все же сидѣть да утирать слезы обиженнымъ какъ-то тайкомъ, въ собственномъ кабинетѣ... Случай скоро представился и для ратнаго дѣла. Въ Симбирскѣ губернаторомъ былъ одинъ изъ тѣхъ «попавшихъ въ случай» людей, которыхъ водилось много въ доброе старое время. Этотъ случай былъ даже проще случая стоговскаго. Все-таки Стогову пришлось «похлопотать» прежде чѣмъ онъ достигъ вожделѣнной должности тогда какъ З-му (такъ обозначаетъ Стоговъ фамилію симбирскаго губернатора) даже и хлопотать не пришлось. Просто «случай» вышелъ. Проживалъ этотъ З—ій, какъ разсказываетъ Стоговъ, въ концѣ царствованія Александра Перваго въ скромномъ званіи отставного капитана преображенскаго полка. «Четырнадцатаго декабря 1825 года, во время возмущенія на Сенатской площади, онъ явился ко дворцу. Государь нѣсколько разъ посылалъ Якубовича образумить бунтощиковъ и убѣдить ихъ, чтобы покорились. Якубовичъ шелъ къ мятежникамъ и З—ій за нимъ. Такъ было нѣсколько разъ. З—ій перевязалъ себѣ ногу платкомъ и шелъ, прихрамывая, будто бы ударили его по ногѣ». Государь оцѣнилъ самоотверженность З—го и сказалъ великому князю Михаилу Павловичу:

«— Спроси его, чего онъ хочетъ?

«— Желаю быть губернаторомъ, отвѣчалъ, не задумываясь, З—ій.

«— Не много ли будетъ?—замѣтилъ великій князь.

«— Для государя все возможно».

И З—ій былъ назначенъ губернаторомъ въ Симбирскъ.

«Дѣлами онъ совершенно не занимался,—разсказываетъ Стоговъ;—бывало при мнѣ подписываетъ сотню бумагъ, ни одной не читая. Я одинъ разъ спросилъ его, какъ онъ подписываетъ, не читая.

«— Пробовалъ читать всѣ бумаги,—отвѣчалъ онъ,—и совершенно ничего не понялъ; увѣрился, что, читаю ли я бумаги или не читаю, результатъ одинъ, такъ лучше подписывать, не читая».

Всего этого, конечно, было достаточно, чтобы «повалить» губернатора, если бы Стоговъ того захотѣлъ, но ему показалось это «мелочнымъ», и онъ рѣшилъ выждать болѣе благопріятной обстановочки. Тутъ начинается уже настоящій романъ, и, дабы не повредить его «поэтическимъ красотамъ»

нашимъ грубымъ изложеніемъ, мы передадимъ это происшествіе словами самого Стогова. Вотъ что произошло:

«Въ 12 верстахъ отъ Симбирска жилъ князь Б—въ, бывшій седьмое трехлѣтіе губернскимъ предводителемъ. Онъ прежде былъ богатъ, но прожился на предводительствѣ, и у него осталось только 250 душъ да пять взрослыхъ дочерей и маленькій сынъ. Не знаю или не помню, зачѣмъ жилъ въ Симбирскѣ князь Д—нъ, чистый азіатецъ, черный, съ огромными глазами, говорилъ сквозь зубы, сригся подъ гребенку, всегда былъ щегольски одѣтъ, корчилъ, какъ только могъ, Байрона; тогда много было Байроновъ—это было въ модѣ. Былъ холостъ, жилъ весьма скромно, былъ принятъ вездѣ, ему было за тридцать лѣтъ. Слышалъ я давно о волокитствѣ З—го (губернатора) за старшей дочерью кн. Б—ва; разсказывали, какъ З—скій наряжался старухою (онъ былъ не дурной актеръ) и ходилъ на свиданіе къ княжнѣ, теперешней невѣстѣ кн. Д—на, а она въ мужской одеждѣ также ходила на свиданіе къ З—скому. Жилъ въ Симбирскѣ полковникъ графъ Т—ой, онъ числился по министерству иностранныхъ дѣлъ, былъ холостой, знакомства почти не имѣлъ, но былъ пріятелемъ З—му и другомъ кн. Д—ну. Губернаторъ, по своему обычаю, не могъ не разсказать Т—му о своемъ мнимомъ успѣхѣ у дочери Б—ва. (Стоговъ еще раньше отмѣчалъ эту черту З—го. «Успѣть въ интрижкѣ и не разсказать,—говорилъ онъ,—это все равно, что имѣть андреевскую звѣзду и носить ее спрятанною въ карманѣ»).

«Наступали выборы дворянства. На выборы являлось до 350 дворянъ, а выборы безъ шуму и скандала никогда не проходили, непремѣнно поссорятся въ залѣ выборовъ, но ничего своя семья. Замѣчено,—философски добавляетъ по этому поводу Стоговъ,—что если собаки грызутся и никто имъ не мѣшаетъ, такъ одна другой вреда не сдѣлаетъ, такъ и ссорамъ дворянъ не надобно мѣшать,—скоро помирятся. Передъ самыми выборами кн. Д—нъ посватался за старшей дочерью кн. Б—ва. Вдругъ графъ Т—ой разсказываетъ кн. Д—ну о бывшей интригѣ З—скаго съ княжной. Азіатская кровь Д—на заклокотала, ѣдетъ къ Б—ву и отказывается. Кн. Б—въ едва устоялъ на ногахъ, а княжна не устояла, обмороки, истерика, пошла писать. Кн. Д—нъ успѣлъ страстно влюбиться въ княжну, и въ неистовствѣ своемъ поклялся при всей публикѣ надавать пощечинъ З—скому. Между тѣмъ, Б—въ, убитый, какъ осрамленный отецъ, рѣшился на выборахъ пожаловаться всему дворянству. Хотя громко объ этомъ не говорили, но по секрету знали всѣ объ этой исторіи, и мнѣ тайно сообщенно было, что многіе, погорячѣе, съѣзжаются и сговариваются, какъ только кн. Б—въ пожалуется, то высѣчь губернатора.

«За два дня до выборовъ я передалъ З—скому о намѣреніи Б—ва, кн. Д—на и всего общества дворянъ. Онъ струсилъ, растерялся, говорилъ о самоубійствѣ, но такіе люди не убиваютъ себя, и кончилъ тѣмъ, что просилъ моей защиты и покровительства. Я потребовалъ письмо отъ него о затруднительномъ положеніи и тогда, говорилъ я, по данной мнѣ инструкціи, я возьму дѣло на свою отвѣтственность и даже обѣщалъ уладить такъ, что все затихнетъ. Надо было видѣть малодушнаго этого человѣка, какъ онъ обрадовался,

какъ подличалъ передо мною. Письмо ко мнѣ объясняло всѣ обстоятельства дѣла, а З—кій отдавалъ подъ мою защиту санъ губернатора. Онъ даже боялся, что Д—нъ ворвется въ его домъ и раздѣлается съ нимъ по-азіатски, и потому для охраненія его, какъ губернатора, я далъ ему двухъ жандармовъ».

Послѣ этого Стоговъ отправился домой дабы спланировать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. «Не умѣй я отвратить скандалъ съ З—скимъ, гордо говоритъ онъ, вспоминая этотъ характерный для добраго стараго времени эпизодъ,—я недостоинъ былъ бы называться жандармомъ». Агенты Стогова донесли ему, что кн. Б—въ сочинилъ уже и рѣчь къ дворянамъ.

«Наступилъ день открытія выборовъ. Въ 6 часовъ утра я уже былъ въ кабинетѣ Б—ва. Князь, удивленный, спросилъ:

— Чему я обязанъ такому раннему посѣщенію?

— Вы, князь, намѣрены сегодня говорить рѣчь и жаловаться дворянству на З—го.

— Кто вамъ это сказалъ? Можетъ быть, это неправда, да и какое вамъ дѣло до того?

— Что это правда, то вы вчера въ этомъ кабинетѣ читали приготовленную рѣчь тремъ помѣщикамъ, а что мнѣ есть дѣло, такъ я, не имѣя нужды защищать З—го, обязанъ не допустить до публичнаго оскорбленія губернатора, какъ высшую власть въ губерніи, поставленную императоромъ.

— Вы не знаете всѣхъ обстоятельствъ.

— Знаю, даже болѣе, чѣмъ вы, иначе я не былъ бы жандармъ.

— Вы молоды, вы не отецъ, вы не можете чувствовать оскорбленія въ своихъ дѣтяхъ.

— Я сынъ моихъ родителей и братъ моихъ сестеръ, а болѣе—я честный и благородный человѣкъ.

— Если такъ, то вы не должны вступаться за мерзавца.

— Да я и не думаю заступаться за З—го, а не могу допустить до оскорбленія губернатора и долженъ положительно сказать вамъ, князь, что вы не будете говорить рѣчи противъ губернатора передъ дворянами.

— Какъ вы можете мнѣ запретить?

— Я съ тѣмъ пришелъ и не выйду отсюда, не запретивъ вамъ говорить.

— Какъ это?

— Если вы не откажетесь отъ своего намѣренія, то я, на основаніи данной мнѣ государемъ инструкціи, арестую васъ, и вы, до рѣшенія государя, не выйдете изъ этого кабинета».

Аргументъ этотъ Б—въ нашелъ убѣдительнымъ, а когда Стоговъ прибавилъ, что онъ возьмется самъ уладить все дѣло, то почтенный предводитель дворянства совершенно отказался отъ своего намѣренія и лишь спросилъ своего собесѣдника:

— Какое ручательство вашимъ словамъ?

— Мое честное и благородное слово, которому я не измѣнялъ во всю мою жизнь.

Взявъ росписку съ Б—ва въ томъ, что онъ рѣчи говорить не будетъ, Стоговъ отправился послѣ этого къ кн. Д—ну. Когда онъ объяснилъ Д—ну цѣль своего визита, то послѣдній спросилъ его:

— Желалъ бы я знать, какое вы имѣете право мѣшаться въ чужія дѣла?

Я разсмѣялся и сказалъ:

— Жандармы для того и учреждены, чтобы мѣшаться въ чужія дѣла.

— Я не имѣю нужды ни въ чьемъ участіи!

— Дѣло то въ томъ, что я имѣю необходимость принять участіе въ вашемъ дѣлѣ.

При этомъ Стоговъ сослался на данныя ему полномочія посадить, въ случаѣ отказа кн. Д-на, строптиваго жениха подъ арестъ.

Этотъ доводъ произвелъ на азіатскаго князя такое же впечатлѣніе, какъ и на симбирскаго губернскаго предводителя дворянства. Губернатору опасности больше не грозило, но «голубой рыцарь», разумѣется, не оставилъ безъ удовлетворенія и обиженныхъ. Они устроили дѣло такъ, что въ его же присутствіи губернаторъ выдалъ кн. Д—ну росписку слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь! Дошедшія до васъ слова, сказанныя мною о княжнѣ Б., совершенно ложныя и если я сказалъ, то утверждаю клятвою, что солгалъ. Клятвою утверждаю, что ничего подобнаго не было и вездѣ, всегда готовъ подтвердить это. Если же я осмѣлюсь повторить мою ложь или безъ особаго уваженія произнести имя княжны, то даю право князю Д—ну, вездѣ и во всякое время, бить меня по лицу, какъ безчестнаго человѣка».

Этимъ инцидентъ и былъ исчерпанъ.

«Всѣ счастливы, довольны,—разсказываетъ Стоговъ, - но конецъ то вышелъ трагическій. Я написалъ подробное донесеніе шефу обо всемъ этомъ происшествіи и, вотъ черезъ три недѣли—указъ объ увольненіи губернатора З—го и высочайшее повелѣніе «впредь никуда не опредѣлять». Мой кредитъ высоко поднялся въ Симбирскѣ».

Еще-бы!...

Имя Стогова должно быть занесено въ отечественныя лѣтописи и въ качествѣ покровителя литературныхъ талантовъ, ибо одинъ изъ chef—d'oeuvre'овъ русской литературы увидѣлъ, какъ оказывается, свѣтъ лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію «умиротворителя». Это было такъ: умиленный и восхищенный оказанной ему Стоговымъ важной услугой касательно—дамы гренадера, госпожи Добель, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ не только устроилъ судьбу «честнаго и благороднаго» капитанъ-лейтенанта Стогова, но еще до отправленія его въ Симбирскъ, дабы дать ему возможность пожуировать нѣкоторое время въ Петербургѣ, помѣстилъ его «по особымъ порученіямъ» при самомъ графѣ Бенкендорфѣ. «Какъ то Дубельтъ захворалъ,—разсказываетъ Стоговъ,—и приказалъ мнѣ идти съ портфелемъ къ графу для доклада и подписи бумагъ. Докладъ сошелъ хорошо. Графъ постоянно называлъ меня Стокгофъ,—я не противорѣчилъ, у нѣмца выгодно быть нѣмцемъ. Много разъ я занималъ должность Дубельта при пріемахъ графа и входилъ въ роль дѣльца, а узнавъ графа—смѣло лгалъ, чего не зналъ, и шло хорошо».

Вотъ это то обстоятельство и послужило причиною спасенія отъ запрещенія «выдающагося» произведенія отечественной словесности.

«Былъ у меня двоюродный братъ Вася Семеновъ,—повѣствуетъ Стоговъ. Онъ былъ тогда цензоромъ *и у него часто собирались литераторы*; я бывалъ на этихъ любопытныхъ вечерахъ въ морской формѣ, Вася даже не зналъ, что я жандармъ. Тогда былъ диктаторомъ русской словесности Осипъ Ивановичъ Сенковскій. Онъ издавалъ журналъ «Библіотеку для чтенія», журналъ гремѣлъ, онъ былъ во всѣхъ домахъ и во всѣхъ рукахъ. Въ одинъ вечеръ у Васи собралось человѣкъ шесть писателей, которымъ онъ съ горемъ объявилъ, что имѣетъ великолѣпную, небывалую въ русской литературѣ вещь, но не смѣетъ пропустить, а не пропустить—преступленіе. Его просили прочитать. Вася былъ замѣчательный чтецъ, онъ вынесъ тетрадь и началъ читать «Большой выходъ у Сатаны» Сенковскаго. При чтеніи этой піесы всѣ приходили въ восторгъ: языкъ, сравненія, обороты—все было не слыханно. Восклицаніямъ, удивленіямъ, похваламъ не было конца, нѣкоторыя мѣста перечитывались два—три раза съ равнымъ восхищеніемъ. Вася объявилъ, что пьесу эту онъ пропустить не смѣетъ: всѣ возстали противъ того.

— Это преступленіе,—говорили слушатели,—что грабежъ литературы, это убійство таланта, это святотатство; лучше лишиться мѣста, чѣмъ погубить такой перлъ литературы.

Долго судили и рядили, что дѣлать. Вася рѣшилъ: отнеси завтра эту вещь для просмотра графу Бенкендорфу и если онъ дозволитъ, то никто не будетъ отвѣчать. При этомъ Вася надѣялся на содѣйствіе Дубельта.

Поутру я былъ въ пріемной у графа и распоряжался просителями вмѣсто больнаго Дубельта. Входитъ Вася съ тетрадью, подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

«— Гдѣ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ?

«— Я вмѣсто него къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ я.

«Насилу узналъ меня Вася, даже поблѣднѣлъ.

«— Что это значитъ, Эразмъ?

«— Ничего, я вмѣсто Дубельта, и только.

«— Я ничего не понимаю.

«— И понимать нечего, буду у тебя, объясню. Я знаю, ты принесъ статью, хорошо, я помогу тебѣ, чѣмъ могу.

«Вышелъ графъ; онъ зналъ Васю, который представилъ ему статью и сказалъ, что въ ней ничего нѣтъ, но можетъ быть задѣтъ кто-либо изъ вельможъ, отношеній которыхъ онъ тонко не знаетъ. Бенкендорфъ передалъ мнѣ тетрадь и приказалъ положить у него на столѣ, а Васѣ придти черезъ недѣлю. Я положилъ статью подъ старыя бумаги и придавилъ ихъ прессъ-папье».

Гр. Бенкендорфъ о статьѣ, разумѣется, забылъ, и когда «Вася» черезъ недѣлю пришелъ за обѣщаннымъ отвѣтомъ, то его попросили придти снова черезъ недѣлю, а затѣмъ повторилась та же исторія. Наконецъ, когда проситель снова появился, то, разсказываетъ Стоговъ, «графъ пригласилъ его въ кабинетъ, а мнѣ приказалъ подать статью и сталъ откровенно спрашивать, въ

чемъ онъ сомнѣвается. Вася указалъ на самыя пустыя и невинныя мѣста, графъ прослушалъ и написалъ на послѣднемъ листѣ: «можно печатать, графъ Бенкендорфъ». Я засыпалъ пескомъ, и статья вышла. Шуму много было въ Петербургѣ, обратилъ на нее вниманіе и государь, но сошло все благополучно».

Таковы были обстоятельства, сопровождавшія появленіе въ свѣтъ того «перла русской литературы», о самомъ существованіи котораго извѣстно теперь, конечно, однимъ только записнымъ библіографамъ.

Да, вотъ какъ жили, и совсѣмъ еще недавно, наши дѣды и отцы!

Послѣ 1855 года золотой вѣкъ для русской литературы, завершившійся какъ извѣстно, учрежденіемъ бутурлиновскаго комитета, какъ-то омрачился., Появилась зловреднѣйшая мысль о необходимости размежеваться, т,-е. положено было начало тлетворной «дифференціаціи». И вотъ «пагубными» идеями заразились даже такіе люди, какъ Ѳ. И. Тютчевъ, состоявшій самъ съ 1848 года старшимъ цензоромъ. Въ печатающихся въ «Русскомъ Богатствѣ» интересныхъ «Очеркахъ по исторіи цензуры» г. Лемке приведена, между прочимъ, слѣдующая интересная записка, поданная по начальству Тютчевымъ въ 1857 году. (Г. Лемке приводитъ ее въ извлеченіи, но она была напечатана и полностью въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 годъ. Мы воспроизводимъ лишь цитаты, приведенныя въ статьѣ г. Лемке).

«Если среди многихъ другихъ существуетъ истина,—писалъ Тютчевъ,—которая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть, несомнѣнно, слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнетъ, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, а правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событій Къ счастью, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго императора уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостающій имъ просторъ...

«Не болѣе другихъ и я нисколько не желаю скрывать слабыя стороны и подчасъ даже уклоненія современной литературы; но нельзя по справедливости отказать ей въ одномъ достоинствѣ, весьма существенномъ, а именно: что съ той минуты, когда ей была дарована нѣкоторая свобода слова, она постоянно стремилась сколько возможно лучше и вѣрнѣе выражать мнѣніе страны. Къ живому сознанію современной дѣйствительности и часто къ весьма

замѣчательному таланту въ ея изображеніи, она присоединила не менѣе искреннюю заботливость о всѣхъ положительныхъ нуждахъ, о всѣхъ интересахъ, о всѣхъ язвахъ русскаго общества. Въ смыслѣ предстоящихъ улучшеній она, какъ и сама страна, озабочивалась только тѣми, которыя были возможны, практичны и ясно указаны, не дозволяя себѣ увлекаться утопіей—этимъ недугомъ, столь присущимъ литературѣ. Если въ борьбѣ, ею предпринятой противъ злоупотребленій, она иногда доходитъ до очевидныхъ преувеличеній, то слѣдуетъ отнести къ ея чести, что въ пылу преслѣдованія ихъ она въ своихъ мысляхъ никогда не отдѣляла интересовъ верховной власти отъ интересовъ народныхъ, проникнутая твердымъ и честнымъ убѣжденіемъ, что вести войну противъ злоупотребленій значило вести ее въ то же время противъ личныхъ враговъ государя».

Что нужно дѣлать, чтобы жизнь пошла болѣе нормально, чѣмъ шла она въ предшествующее время? На этотъ вопросъ Тютчевъ отвѣчаетъ такъ:

«Прежде всего, слѣдуетъ взять страну, какъ она есть въ настоящую минуту, погруженную въ весьма тягостныя и законныя умственныя заботы, между своимъ прошлымъ (правда, изобилующимъ не только указаніями, но и многими опытами, приводящими въ уныніе) и своимъ будущимъ, преисполненнымъ загадочности. Слѣдовало бы по отношенію къ государству придти къ тому сознанію, къ которому обыкновенно приходятъ съ такимъ трудомъ родители относительно выростающихъ на ихъ глазахъ дѣтей, а именно: что настаетъ возрастъ, когда мысль тоже мужаетъ и желаетъ, чтобъ ее признавали таковой. Такимъ образомъ, для того, чтобы пріобрѣсти надъ умами, достигшими зрѣлости, то нравственное вліяніе, безъ котораго нельзя помышлять о возможности руководить ими, слѣдовало бы, прежде всего, вселить въ нихъ увѣренность, что по всѣмъ великимъ вопросамъ, которые озабочиваютъ и волнуютъ нынѣ страну, въ высшихъ слояхъ правительства существуютъ если не совсѣмъ готовыя рѣшенія, то, по крайней мѣрѣ, строго сознанныя убѣжденія и сводъ правилъ, во всѣхъ частяхъ согласный и послѣдовательный.

«Считаю излишнимъ говорить, что я вовсе не желаю для этого обратить правительство въ проповѣдника, возводить его на каѳедру и заставлять его произносить поученія предъ безмолвною толпою. Ему слѣдовало бы сообщить свой духъ, а не свое слово, той прямодушной пропагандѣ, которая творилась бы подъ его сѣнью. И такъ какъ, если желаешь убѣдить людей, первымъ условіемъ успѣха служитъ умѣніе возбуждать ихъ вниманіе къ вашимъ словамъ, то весьма понятно, что эта спасительная пропаганда для своего успѣха должна не только не стѣснять свободу преній, но, напротивъ, стремиться къ тому, чтобы свобода эта была настолько искренна и серьезна, насколько состояніе страны можетъ это дозволить. При этомъ нужно въ сотый разъ повторять слѣдующее, столь очевидное, положеніе: что въ наше время вездѣ, гдѣ свобода преній не существуетъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ, ничто невозможно, рѣшительно ничто въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ».

Появленіе русской заграничной печати (изданій Герцена) послужило однимъ изъ наиболѣе убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу необходимости упразд-

нія отеческой опеки надъ печатью. По этому поводу Тютчевъ писалъ въ той же запискѣ слѣдующее:

«Это явленіе безмѣрно важное и даже весьма важное, заслуживающее самаго глубокаго вниманія. Было бы безполезно скрывать уже осуществившіеся успѣхи этой литературной пропаганды. Намъ извѣстно, что въ настоящую минуту Россія наводнена этими изданіями, что онѣ переходятъ изъ рукъ въ руки съ величайшею быстротою въ обращеніи, что ихъ съ жадностью домогаются и что онѣ уже проникли если и не въ народныя массы, которыя не читаютъ, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма низшіе слои общества. Съ другой стороны, нельзя не сознаться, что, за исключеніемъ мѣръ, положительно стѣснительныхъ и тираническихъ, было бы весьма трудно существеннымъ образомъ воспрепятствовать какъ провозу и распространенію этихъ изданій, такъ равно и высылкѣ за границу рукописей, предназначенныхъ къ ихъ поддержкѣ.

«Итакъ, рѣшимся признать истинные размѣры, истинное значеніе этого явленія: это просто отмѣна цензуры, но отмѣна ея во имя вреднаго и враждебнаго вліянія, и, чтобы лучше быть въ состояніи бороться съ нимъ, постараемся уяснить себѣ, въ чемъ заключается его сила и чему оно обязано своими успѣхами».

Объясняя это, Тютчевъ говоритъ, что успѣхъ заграничной литературы покоится отнюдь не на увлеченіи русскаго общества «соціальными утопіями и революціонными проектами Герцена», а зависитъ отъ другихъ причинъ.

«Найдутся ли двое на сто,—пишетъ онъ,—которые бы отнеслись серьезно къ его (Герцена) ученію и не считали оное болѣе или менѣе невольною мономаніею, имъ овладѣвшею? На-дняхъ меня даже увѣряли, что нѣкоторыя личности, заинтересованныя въ его успѣхѣ, очень искренно убѣждали его откинуть подальше эту революціонную оболочку, чтобы не ослабить вліянія, которое они желали бы упрочить за его изданіемъ. Не доказываетъ ли это, что газета Герцена служитъ для Россіи выраженіемъ чего-то совершенно иного, чѣмъ исповѣдываемыя ея издателемъ доктрины? Для чего же скрывать отъ себя, что именно ему даетъ значеніе и доставляетъ вліяніе именно то, что онъ служитъ для насъ представителемъ свободы сужденія, правда, на предосудительныхъ основаніяхъ, исполненныхъ непріязни и пристрастія, но, тѣмъ не менѣе, настолько свободныхъ,—отчего въ томъ не сознаться?—чтобы вызывать на состязаніе и другія мнѣнія, болѣе разсудительныя, болѣе умѣренныя и нѣкоторыя изъ нихъ даже положительно разумныя. И теперь, какъ скоро мы убѣдились, въ чемъ заключается тайна его силы и вліянія, намъ не трудно опредѣлить, какого свойства должно быть оружіе, которое мы должны употребить для противодѣйствія ему. Очевидно, что газета, готовая принять на себя подобную задачу, могла бы разсчитывать на извѣстную долю успѣха лишь при условіяхъ своего существованія, нѣсколько подходящихъ къ условіямъ своего противника. Вашему (князя Горчакова) доброжелательному благоразумію предстоитъ рѣшить, возможны ли подобныя условія въ данномъ положеніи, вамъ лучше меня извѣстномъ, и въ какой именно мѣрѣ они осуществимы».

Приведенныя слова, не заключая въ себѣ, съ абсолютной точки зрѣнія, ничего особенно глубокаго или выдающагося, значительны именно въ устахъ Тютчева. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, признаніе изъ устъ одного изъ цензоровъ, насколько была неудовлетворительна прежняя система, казавшаяся такъ прочно установленной въ періодъ времени съ 1825 по 1855 годъ, эти наиболѣе мрачныя для русской литературы времена...

Въ «Русской Мысли» за текущій годъ печатаются, между прочимъ, «деревенскія письма» г. Балова, носящія общее названіе «Санитарные недочеты нашей деревни». Восьмое изъ этихъ писемъ посвящено вопросу, что представляетъ собою современная деревенская «кутузка»? И, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ интересный. Общеизвѣстно, что «кутузка» является прежде всего синонимомъ «холодной» и «темной». И это, дѣйствительно, такъ: «кутузка» никогда или почти никогда не отапливается, въ кутузкѣ никогда или почти никогда нѣтъ даже самыхъ маленькихъ оконъ и ужъ рѣшительно никогда нѣтъ никакихъ принадлежностей для освѣщенія ея въ вечернее и ночное время. А между тѣмъ въ «кутузкахъ» вѣчно сидятъ на всемъ пространствѣ Россіи сотни тысячъ людей. Это какой-то удивительный пережитокъ «нашего славнаго прошлаго», пасынокъ судьбы до котораго нѣтъ дѣла, кажется, рѣшительно никому. По свидѣтельству г. Балова, что нибудь болѣе антисанитарное и представить себѣ трудно. «Иногда въ «кутузкѣ» устроены бываютъ,—пишетъ онъ,—нары, существующія, по крайней мѣрѣ, со временъ Святополка Окаяннаго, иногда же нары эти замѣняютъ собою связки соломы, брошенныя на полъ. Комната отдѣляется отъ сѣней дверью, запертою замкомъ. При нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ одна и таже комната служитъ мѣстомъ заключенія и для мужчинъ и для женщинъ. Никакой предѣльной нормы для числа арестантовъ не полагается. Садятъ въ эту комнату двухъ-трехъ человѣкъ, а придетъ ярмарка посадятъ туда и пятьдесятъ человѣкъ. Въ темницу эту ввергается и безпаспортный бродяга, и пьяница-буянъ, только-что изуродовавшій нѣсколько человѣкъ и пятнадцатилѣтній мальчикъ, «упившійся» по глупости и молодости. Все это населеніе «кутузки» копошится впотьмахъ, натыкаясь другъ на друга и расшибая другъ другу головы, очень часто среди пьяныхъ завязывается драка, которая нерѣдко кончается увѣчьемъ. Вмѣстѣ съ здоровымъ субъектомъ зачастую лежитъ здѣсь рядомъ субъектъ, носящій зачатки острой заразной болѣзни. О сифилисѣ мы уже и не говоримъ. Никакой дезинфекціи или даже простого провѣтриванія комнаты не полагается. Полы и нары въ комнатѣ не моются никогда. Зато клопы, блохи и другія чужеядныя достигаютъ здѣсь величины чудовищной... А между тѣмъ, деревенская «кутузка» служитъ мѣстомъ не только для вытрезвленія пьяныхъ, но и мѣстомъ заключенія. Къ сожалѣнію, большинство лицъ, попадающихъ въ «кутузку», ничего не могутъ сказать въ защиту своихъ человѣческихъ правъ, а если иногда и скажутъ, то ихъ никто не услышитъ или, что еще хуже, никто не захочетъ слушать».

Въ роли бытописателя того, что творится въ современной деревнѣ, г. Баловъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Менѣе удачны его разсужденія о средствахъ,

какъ помочь бѣдѣ. «Улучшить санитарное состояніе деревни,—пишетъ онъ въ тонѣ упрека по адресу нашихъ земствъ, — возможно, между прочимъ, и путемъ подъема умственнаго уровня народной массы, путемъ распространенія въ народѣ здравыхъ понятій по саниторіи и гигіенѣ. Распространеніе это возможно прежде всего путемъ народныхъ брошюръ, листковъ, путемъ конкурсовъ на лучшія брошюры по саниторіи, гигіенѣ и описанію болѣзней и т. д.»

Или заключительныя слова г. Балова:

«Многое, повторяемъ мы, можетъ сдѣлать земство въ дѣлѣ оздоровленія нашей деревни даже и теперь, несмотря на ограниченность земскаго бюджета. Еще больше оно можетъ сдѣлать своими ходатайствами предъ правительствомъ о принятіи тѣхъ или иныхъ мѣръ къ оздоровленію деревни. Возбуждать такія ходатайства есть прямая обязанность земства. *Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ*».

Значитъ, все дѣло въ томъ, что земства мало возбуждаютъ ходатайствъ, клонящихся къ увеличенію народнаго благосостоянія.

Такъ ли это въ дѣйствительности, г. Баловъ?

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Государственный переворотъ въ Бѣлградѣ. «Фоссова Газета» (Vossische Zeitung) приводитъ подробное описаніе событій въ ночь переворота въ Сербіи со словъ своего спеціальнаго корреспондента, осматривавшаго конакъ и бесѣдовавшаго съ офицерами, участвовавшими въ мрачной драмѣ, разыгравшейся въ ночь на 29-е мая. Они любезно показывали ему мѣсто дѣйствія и съ полнымъ спокойствіемъ и непринужденностью разсказывали при этомъ, какъ происходило дѣло. Описаніе это носитъ отпечатокъ правдивости и дополняетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прежнія извѣстія. Вотъ разсказъ самого корреспондента какъ онъ былъ напечатанъ въ «Фоссовой Газетѣ»:

«Полученное наконецъ сегодня разрѣшеніе осмотрѣть старый конакъ и разсказы офицеровъ, служившихъ мнѣ проводниками, даютъ возможность послѣ многихъ неизбѣжныхъ ошибокъ возстановить исторически вѣрную картину страшной ночи.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа, участвовавшіе въ заговорѣ офицеры привели къ конаку шестой и седьмой полки Бѣлградской кавалеріи и одну баттарею. Всего вмѣстѣ это составляло около тысячи человѣкъ. Солдаты ни о чемъ не догадывались. Одинъ офицеръ разсказывалъ мнѣ съ улыбкой, какъ онъ увѣрилъ солдатъ, что король хочетъ дать отставку министрамъ и призвалъ войско, такъ какъ министры не слушаются его и угрожаютъ ему. Другой офицеръ объяснилъ своимъ солдатамъ, что король хочетъ развестись съ королевой и не можетъ избавиться отъ нея безъ помощи военной силы.

Черезъ желѣзныя рѣшетчатыя ворота, отпертыя начальникомъ охраны Костичемъ, войско проникло съ Михайловской улицы—главной улицы Бѣлграда—во дворъ и въ садъ конака. Эти ворота были обыкновенно заперты, такъ какъ

главный входъ въ конакѣ не здѣсь, а съ боковой стороны двора. Противъ этого главнаго входа расположена въ видѣ подковы низкая казарма для охраны и рядомъ небольшой адъютантскій домикъ.

Послѣ этого конакъ былъ окруженъ и извнутри во дворѣ, и снаружи вдоль улицъ двойнымъ военнымъ карауломъ. Сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ начался штурмъ самого дома офицерами. Изъ рядовыхъ солдатъ ни одинъ не былъ привлеченъ къ участію въ преступленіи. Никто изъ офицеровъ не зналъ, въ которомъ этажѣ и въ какой сторонѣ находится спальня королевской четы. Рѣшено было взять въ проводники генералъ-адъютанта Лазаря Петровича, стоявшаго въ спискѣ приговоренныхъ къ смерти заговорщиками. Петровичъ уже легъ спать. Чтобы проникнуть къ нему, надо было вышибить дверь въ адъютантскій домикъ, пройти маленькую проходную комнату, служившую канцеляріей, и, наконецъ, взломать дверь въ его спальню. Заговорщики принесли съ собой достаточное количество динамитныхъ патроновъ. Первый былъ брошенъ въ дверь адъютантскаго дома. Жандармъ, стоявшій на караулѣ у этой двери, бросился защищать входъ, но былъ застрѣленъ. Онъ палъ первой жертвой. Разрушеніе, произведенное тутъ динамитомъ, до сихъ поръ не исправлено. Изъ каменнаго пола вырванъ камень, дверные косяки выломаны, карнизы разрушены. Проникнувъ наконецъ въ спальню Петровича заговорщики заставили его встать и вести ихъ въ конакъ.

Между тѣмъ другая группа офицеровъ начала свою разрушительную работу въ конакѣ. Вслѣдъ за маленькой передней, отдѣленной отъ двора только стеклянной дверью, расположенъ большой вестибюль. У входа въ него находится комната дежурнаго адъютанта и караульнаго офицера. Въ эту ночь здѣсь дежурили участвовавшій въ заговорѣ адъютантъ Наумовичъ и офицеръ Милковичъ. Милковичъ выстрѣлилъ изъ револьвера, но никого не ранилъ. Въ него бросили динамитный патронъ и онъ упалъ мертвымъ. Рядомъ стоявшему адъютанту Наумовичу динамитомъ оторвало лѣвую руку съ плечомъ и частью груди. Онъ умеръ вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ. Въ вестибюлѣ отъ сотрясенія, вызваннаго взрывомъ, лопнуло вставленное въ потолокъ окно и вмѣстѣ съ люстрой упало на полъ. Пока это разыгрывалось здѣсь, явились остальные офицеры, таща за собой захваченнаго генералъ-адъютанта, и стали съ помощью топора и динамита выламывать среднюю дверь вестибюля, ведущую въ такъ называемый турецкій салонъ. Топоръ и до сихъ поръ лежитъ около разнесенной въ щепки двери, но гардины, обои и мебель, спаленные динамитомъ, уже замѣнены новыми.

Изъ турецкаго салона Лазарь Петровичъ намѣренно повелъ офицеровъ въ лѣвое крыло дворца, между тѣмъ, какъ королевская спальня находится въ концѣ правой амфилады комнатъ. Въ комнатахъ царилъ полнѣйшій мракъ, такъ какъ Наумовичъ перервалъ электрическіе провода. Офицеры скоро догадались, что Петровичъ ведетъ ихъ по ложному направленію, они притащили его назадъ въ вестибюль и тамъ уложили его на мѣстѣ выстрѣломъ въ лобъ. Большое пятно крови и мозга до сихъ поръ не могли вывести съ паркета. Рядомъ съ нимъ находится пятно поменьше. Здѣсь былъ убитъ сопровождав-

шій генералъ-адъютанта жандармъ. Когда онъ увидѣлъ, что жизнь его начальника въ опасности, онъ храбро бросился на его защиту и изъ своего револьвера ранилъ нѣсколькихъ изъ заговорщиковъ. Выстрѣлы этого жандарма вызвали большое смятеніе среди офицеровъ, имъ показалось, что стрѣляютъ изъ внутреннихъ комнатъ конака, и они подумали, что имъ былъ подготовленъ отпоръ. Они бросились изъ вестибюля назадъ во дворъ и только черезъ нѣсколько времени, послѣ того какъ мужественный жандармъ былъ убитъ, они рѣшились снова войти въ конакъ. Только когда все остальное зданіе было обыскано, заговорщики вошли наконецъ въ правое крыло. Всѣ двери приходилось взрывать динамитомъ. Наконецъ, они прошли и музыкальный салонъ, и маленькую гостиную и добрались до дверей спальни.

«Съ момента начала штурма до этой минуты прошло почти полтора часа. Никакая фантазія не въ силахъ вообразить, какія страшныя мученія ужаса должны были перенести въ это время король и королева. Полтора часа весь конакъ сотрясался отъ взрывовъ динамита, вокругъ раздавались выстрѣлы, удары топора, звонъ сабель, крики. Наконецъ, динамитная бомба пробила брешь въ двери спальни. Съ поднятыми револьверами и обнаженными саблями бросились туда офицеры. Король и королева спали на одной постели. Золоченая кровать стоитъ на томъ же мѣстѣ, какъ и тогда. Шелковые одѣяла и шелковыя подушки пробиты пулями. Подъ изголовьемъ королевы лежитъ образъ Божіей Матери. На небольшомъ письменномъ столѣ лежатъ книги, рисунки, бумаги. Заглавія двухъ изъ этихъ книгъ какъ-то особенно странно дѣйствуютъ на этомъ мѣстѣ: «Le mariage de Gertrude», романъ Ухарда, и «Измѣна» Генри Тревиля.

«Но все же не въ этой комнатѣ были убиты король и королева. Когда офицеры ворвались туда, они остановились пораженные. Королевской четы тамъ не было. Эта комната выходитъ одной стороной на главную улицу—это угловая комната перваго этажа. Два окна по поперечной стѣнѣ выходятъ на улицу. Обойдя всю комнату, офицеры замѣтили, что третье окно закрыто тяжелой портьерой. Задыхаясь отъ безсильной ярости, стояли офицеры: они были увѣрены, что всѣ ихъ усилія пропали даромъ. Вдругъ, среди страшной сумятицы, одинъ капитанъ артиллеріи услышалъ женскій голосъ. Это былъ голосъ королевы. Она умоляла стоявшихъ на улицѣ солдатъ оказать помощь ей и королю. Голосъ раздавался за портьерой. Всѣ бросились туда. Оказалось, что они приняли за окно стеклянную дверь. Эта дверь, закрытая портьерой, вела въ узкую комнату въ одно окно, въ которой стояли три большихъ шкафа. Въ одномъ изъ нихъ, совершенно разрушенномъ динамитомъ, находилась личная касса королевы. Двѣ желѣзныя вѣшалки стояли въ углу. На одной изъ нихъ до сихъ поръ виситъ платье и шелковыя юбки королевы, которыя она сняла, когда ложилась спать. Въ другомъ углу, въ полу желѣзный полукругъ закрываетъ входъ на винтовую лѣстницу, ведущую въ одно изъ подземелій. Королю не удалось поднять этого люка, да если бы онъ и сдѣлалъ это, онъ наврядъ ли нашелъ бы тутъ спасеніе.

«Итакъ, въ указанной комнаткѣ заговорщики увидѣли передъ собой короля

и королеву. Королева молчала, она поняла, что ея крики о помощи безполезны. Оба стояли, крѣпко обнявъ другъ друга. Король старался прикрыть собою жену. Единственныя слова, которыя онъ произнесъ, были: «Простите мнѣ все, что я сдѣлалъ». Сейчасъ вслѣдъ за этимъ оба упали на землю, пронзенные пулями. Полъ у окна носитъ слѣды большихъ пятенъ крови.

«На вопросъ, сколько пуль попало въ короля и королеву, сопровождающій насъ офицеръ отвѣтилъ: «Да штукъ 12—15, должно быть, всего». Онъ и другіе его товарищи, присоединившіеся тоже къ намъ, были очень вѣжливы и любезны. О происшествіяхъ кровавой ночи они говорятъ спокойно.

«Мы спрашиваемъ далѣе, протыкали ли они саблями трупы? «Возможно, но самую малость, развѣ. Раза два-три—не больше, проткнули грудь и тѣло королевы. Да еще обрубили нѣсколько пальцевъ у короля и королевы—вотъ и все, по крайней мѣрѣ все, о чемъ стоило бы упоминать». Что трупы были выкинуты въ окошко—это всѣ отрицаютъ, какъ чистѣйшій вымыселъ. Ихъ отнесли въ подполье и тамъ оставили.

«Между тѣмъ, войска терпѣливо ждали исходъ событій. Совершивъ свое дѣло, офицеры вышли къ нимъ и закричали: «Да здравствуетъ Петръ Карагеоргіевичъ!»—«Что это значитъ? При чемъ здѣсь Карагеоргіевичъ?» спросилъ одинъ унтеръ-офицеръ того офицера, который сегодня изложилъ мнѣ всѣ обстоятельства. «Молчи!—отвѣтилъ ему офицеръ,—если ты хочешь сохранить свой чинъ». Онъ замолчалъ, и солдаты молчали еще минутъ пять. Потомъ, когда они оправились отъ перваго потрясенія, они повторили вслѣдъ за офицерами: «Да здравствуетъ Петръ Карагеоргіевичъ!» Въ слѣдующее же утро весь міръ облетѣла вѣсть, что армія провозгласила королемъ Петра Карагеоргіевича.

«Число убитыхъ въ самомъ конакѣ—8 и трое раненыхъ. Внѣ конака убито четверо и ранено 6; изъ раненыхъ умерло двое, такъ что общее число убитыхъ—четырнадцать.

«Послѣ убійства короля одинъ изъ офицеровъ съ четырьмя солдатами отправился къ Любоміру Живковичу. Когда офицеръ сталъ стучать въ запертую дверь Живковича и объяснилъ ему, что произошло, тотъ отвѣтилъ, что онъ не такъ глупъ, чтобы повѣрить такимъ баснямъ. Только когда одинъ изъ его друзей закричалъ ему въ окно, что офицеръ говоритъ правду, онъ открылъ дверь и поѣхалъ въ сопровожденіи офицера въ министерство. Со Стояномъ Протичемъ дѣло шло почти такъ же. Онъ сразу впустилъ офицера и сталъ просить того, чтобы его оставили, наконецъ, въ покоѣ. Онъ достаточно на своемъ вѣку носилъ кандалы на ногахъ. Наконецъ, онъ сталъ умолять, какъ о милости, чтобы ему позволили остаться дома и поискали бы другихъ министровъ. Авакумовича не было въ это время въ Бѣлградѣ. Онъ долженъ былъ пріѣхать изъ Ниша съ поѣздомъ въ $4^3/_4$ ч. утра. На вокзалѣ его ждали два офицера съ придворной каретой и провезли его прямо въ министерство. Когда всѣ новые министры были собраны, присутствовавшіе тутъ же офицеры приказали имъ съ револьверами въ рукахъ подписать указъ, которымъ они объявляли себя министрами».

Корреспондентъ утверждаетъ, что временное правительство было назначено офицерами и находилось подъ ихъ давленіемъ.

Администрація и порядки въ Турціи. Въ европейской печати очень много писали и продолжаютъ писать о турецкихъ порядкахъ. Турецкая администрація вообще даетъ много поводовъ къ жалобамъ и негодующимъ протестамъ какъ со стороны жителей, такъ и со стороны пріѣзжающихъ въ Константинополь, но въ тоже время служитъ неизсякаемымъ источникомъ для анекдотовъ. Одинъ французскій журналистъ, которому пришлось прожить въ Константинополѣ нѣкоторое время, разсказываетъ, что его чрезвычайно забавляло, когда кто-нибудь изъ лицъ, съ которыми онъ случайно познакомился наканунѣ, съ таинственнымъ видомъ бралъ его за руку и говорилъ: «Вамъ представили г. X. Остерегайтесь его. Это шпіонъ». Вслѣдъ затѣмъ непремѣнно, этотъ самый г. X., обвиненный въ шпіонствѣ, такъ же таинственно шепталъ журналисту: «Будьте осторожнѣе съ Z, съ которымъ вы только что разговаривали; онъ шпіонъ!» Журналистъ сознается, что вначалѣ такого рода предостереженія нѣсколько смущали его, но потомъ онъ привыкъ къ нимъ. Изъ огромнаго числа его знакомыхъ турокъ и армянъ, изъ которыхъ многіе занимали высокопоставленныя должности, врядъ ли нашлось два-три человѣка, относительно которыхъ его никто не предостерегалъ; всѣ же остальные непремѣнно занимались шпіонствомъ, то по порученію какого-нибудь министра или посольства или были придворными шпіонами. Взаимныя обвиненія въ шпіонствѣ, которыя расточались въ такомъ изобиліи, далеко не были лишены основанія. Стоитъ вступить ногою на турецкую почву, чтобы почувствовать вокругъ себя атмосферу предательства. Да и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго! Всѣ чиновники Блистательной Порты, какъ извѣстно, получаютъ жалованье только на бумагѣ и... бумагами. Дѣло въ томъ, что казначейство, вмѣсто того, чтобы выдавать чиновникамъ въ концѣ мѣсяца слѣдуемое ими жалованье турецкими фунтами, выдаетъ имъ, да и то не безъ усилій, бумажку-вексель на соотвѣтствующую сумму. Съ этой бумажкой чиновникъ отправляется прямо къ мѣнялѣ, который и учитываетъ ему вексель, но такъ какъ мѣняла не питаетъ большого довѣрія къ кредитоспособности турецкаго казначейства, да притомъ еще долженъ дожидаться иногда годы, прежде чѣмъ ему будетъ уплочено по этому векселю, то разумѣется, учитывая вексель турецкаго казначейства, онъ удерживаетъ 50—60, а иногда и 75 процентовъ. Что же остается дѣлать бѣдному турецкому чиновнику? Онъ изыскиваетъ способъ пополнить недостающую сумму и самымъ легкимъ средствомъ является шпіонство, которое заключается въ составленіи донесеній о разныхъ лицахъ, особенно иностранцахъ, и препровожденіи ихъ какому-нибудь высокопоставленному чиновнику или главному евнуху султана. Лживые или нѣтъ, эти доносы всегда принимаются съ благодарностью и бываютъ хорошо оплачены, такъ какъ если въ Турціи не хватаетъ денегъ, чтобы платить честнымъ чиновникамъ, то онѣ всегда находятся, чтобы платить шпіонамъ, поэтому то ремесло шпіона въ Турціи не только не вызываетъ презрѣнія, но даже считается почетнымъ. «Всѣ эти

изящные джентльмены, которыхъ вы встрѣчаете въ салонахъ, въ клубахъ, въ кофейняхъ Порты, говоритъ французскій журналистъ, одѣтые часто по послѣдней модѣ, съ моноклемъ въ глазу и съ неизбѣжною феской на головѣ, иногда очень интеллигентные, образованные, съ прекрасными манерами, всѣ они служатъ шпіонами и зорко наблюдаютъ другъ за другомъ, тщательно скрывая имя своего патрона, для котораго они работаютъ. Каждый изъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Константинополь, непремѣнно служитъ предметомъ ихъ особеннаго вниманія. Съ моимъ пріятелемъ Л. былъ такой случай. Однажды къ нему въ номеръ гостинницы, гдѣ онъ остановился, вошелъ безъ всякаго предупрежденія какой-то субъектъ, весьма невзрачнаго вида и сказалъ:— «Г. маркизъ, простите мою нескромность, но будьте такъ добры, скажите мнѣ, что вы дѣлаете въ Константинополѣ?» Л. разсердился и только что собирался спустить нахала съ лѣстницы, какъ тотъ умоляющимъ голосомъ произнесъ: «О, не сердитесь, г. маркизъ, выслушайте меня, умоляю васъ. Видите ли, вы не художникъ, не промышленникъ, не журналистъ... Тамъ, въ высшихъ сферахъ, спрашиваютъ себя, что васъ задерживаетъ такъ долго въ Константинополѣ. Мнѣ приказали слѣдить за вами и... я ничего не могъ открыть. Разумѣется, мои донесенія о васъ не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго и мнѣ пригрозили, что отнимутъ отъ меня мое жалованье. О, маркизъ, умоляю васъ, уѣзжайте, скорѣе уѣзжайте отсюда! Право! Константинополь вѣдь долженъ былъ уже надоѣсть вамъ... За три-то недѣли! Уѣзжайте же, вы спасете меня этимъ».

«Л., смѣясь, попросилъ у шпіона нѣсколько дней отсрочки и затѣмъ уѣхалъ, довольный, что своимъ отъѣздомъ онъ сохранилъ бѣднягѣ его положеніе, такъ какъ это былъ мелкій сыщикъ, полуголодный, находившійся въ подчиненномъ положеніи. Но какъ много въ салонахъ Перы и въ дипломатическомъ мірѣ вращается такихъ, которые носятъ громкія имена и въ то же время занимаются такимъ же низкимъ ремесломъ! Туркамъ, которые имъ не занимаются, приходится терпѣть не мало непріятностей. Сына одного паши, котораго обвинили въ томъ, что онъ сообщилъ одному корреспонденту русской газеты подробныя свѣдѣнія о состояніи здоровья султана, ночью арестовали и отвезли во дворецъ. Съ тѣхъ поръ его больше никто не видалъ, а отецъ его былъ сосланъ въ Іеменъ, что для человѣка въ его возрастѣ равносильно было осужденію на смерть».

Произнесеніе одного имени Мурада, низверженнаго султана, достаточно, чтобы навлечь подозрѣнія и преслѣдованія полиціи. Извѣстно, что Мурадъ былъ въ теченіе долгаго времени заключенъ во дворцѣ Черогана и его выдавали за съумасшедшаго, но дальнѣйшая судьба его неизвѣстна, также какъ неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ умеръ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые. Во всякомъ случаѣ, произносить его имя не безопасно и ни одинъ турокъ въ Константинополѣ не осмѣлится сдѣлать это.

Турецкая полиція, по пятамъ выслѣживающая каждаго иностранца, конечно, съ такою же подозрительностью относится и къ произведеніямъ иностранной литературы. Всѣ словари, такъ какъ въ нихъ упоминается о султанѣ, запре-

щены, и даже басни Лафонтена считаются опасными, не говоря уже о произведеніяхъ Золя, Виктора Гюго, Вольтера и др. Тѣмъ не менѣе всѣ эти запрещенныя книги свободно продаются въ книжныхъ лавкахъ Перы, только на нихъ перемѣняютъ обложку. Запрещеніе, если оно не исходитъ прямо изъ султанскаго дворца, налагается особымъ бюро печати, въ которомъ, по словамъ французскаго журналиста, засѣдаютъ разные господчики, претенденты на дипломатическія должности, не желающіе слишкомъ затруднять себя работой, но желающіе увеличить свои доходы. Они собираются не болѣе двухъ разъ въ недѣлю для исполненія своихъ весьма несложныхъ обязанностей, которыя заключаются лишь въ наложеніи запрещенія на иностранныя газеты, въ которыхъ обсуждаются турецкія дѣла, хотя бы только вскользь, но не съ благопріятной для Турціи точки зрѣнія, и въ запретѣ мѣстнымъ газетамъ касаться разныхъ вопросовъ и въ особенности передавать разные слухи. Но, какъ увѣряетъ французскій журналистъ, никто изъ этихъ господъ не относится серьезно къ своимъ обязанностямъ и предоставляетъ писарямъ, проникнутымъ важностью своей миссіи, разсматривать газеты и вычеркивать все, что они найдутъ нужнымъ. Разумѣется, писаря порою широко пользуются своимъ правомъ и тщательно вычеркиваютъ опасныя слова, напр., революція, реформа и т. д. Напрасно было бы искать развитіе какой-нибудь логической мысли въ ихъ дѣйствіяхъ; они придираются только къ словамъ, которыя страшатъ турецкое начальство, и больше ничего. Вездѣ господствуетъ полное смятеніе, глупость и непониманіе. Рутина, однако, пустила такіе глубокіе корни, что бороться съ нею немыслимо. Одинъ изъ турецкихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, теперь уже умершій, часто жаловался на эту рутину. Однажды одинъ англичанинъ, бывшій у него съ визитомъ, сталъ говорить ему о томъ, какъ много непріятностей доставляетъ Ирландія англійскому правительству. «Да, да, —отвѣчалъ министръ,—у васъ есть Ирландія, но у насъ, каждый посолъ, который входитъ ко мнѣ въ эту дверь, непремѣнно приноситъ съ собою такую же Ирландію въ своемъ портфелѣ и каждый драгоманъ посольства — это въ своемъ родѣ Парнелль». Бѣдному министру приходилось постоянно находиться между двухъ огней и постоянно лавировать между подводными камнями, наталкиваясь, съ одной стороны, на непреодолимую рутину турецкой администраціи, а съ другой—на вѣчныя притязанія дипломатовъ, съ ихъ постояннымъ соперничествомъ и претензіями и не прекращающеюся борьбою вліяній.

Среди безработныхъ въ Берлинѣ. Половина девятаго утра. У маленькаго окошечка, сдѣланнаго въ перегородкѣ, раздѣляющей комнату на двѣ половины, остановился съ нерѣшительнымъ видомъ какой-то бѣдно одѣтый человѣкъ. Въ окошечко выглянулъ служащій и спросилъ: «Что вамъ угодно?»— «Работы», послѣдовалъ отвѣтъ. «Работы?—переспросилъ нѣсколько удивленнымъ тономъ служащій.—Но вѣдь тутъ нѣтъ работы. Тутъ вы можете только записаться и за это нужно уплатить 20 пфенниговъ. Работу же вы получите только тогда, когда найдется таковая для васъ. Но, правду сказать, работы теперь бываетъ мало. Посмотрите, сколько тамъ дожидаются ся».

Бѣдняга, очевидно, въ первый разъ явившійся въ бюро пріисканія работы, стоитъ нѣсколько мгновеній въ смущеніи, затѣмъ, пробормотавъ что-то непонятное, снова направляется къ выходной двери. Но вслѣдъ за нимъ къ окошечку подходитъ другой, очевидно, уже знакомый съ порядками учрежденія. Онъ не спрашиваетъ работы, а только называетъ свою профессію и, уплативъ 20 пфенниговъ, получаетъ входной билетъ, съ которымъ направляется въ общую залу, гдѣ дожидаются такіе же, какъ онъ, безработные.

«Такія сцены можно наблюдать ежедневно въ берлинскомъ центральномъ бюро пріисканія работы,—говоритъ сотрудникъ франкфуртской газеты.—Бюро существуетъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ, и поэтому несчастные, ищущіе работы, еще не вполнѣ усвоили себѣ смыслъ этого учрежденія. Они думаютъ, что бюро раздаетъ работу, между тѣмъ какъ оно устроено лишь, какъ мѣсто для ожиданія. Ищущій работы, получивъ билетъ, отправляется въ огромную залу, гдѣ можетъ помѣститься болѣе тысячи человѣкъ, и занимаетъ мѣсто на одной изъ скамеекъ, поставленныхъ рядами. Билетъ дѣйствителенъ на три мѣсяца и ожиданіе носитъ, такъ сказать, организованный характеръ. Устроители бюро все сдѣлали, чтобы облегчить это ожиданіе безработнымъ, которые проводятъ это тяжелое время въ тепломъ и свѣтломъ помѣщеніи. Они не чувствуютъ уже себя такими одинокими и покинутыми среди своихъ товарищей, съ которыми они могутъ дѣлиться своими заботами и обсудить свое положеніе. Притомъ же и служащіе въ бюро съ большимъ сочувствіемъ относятся къ нимъ и, видимо, не имѣютъ другого желанія, какъ только помочь имъ найти работу. Кто-то сравнилъ это бюро съ биржей труда. Дѣйствительно, тутъ можно наблюдать всѣ колебанія рабочаго рынка. Безработные это чувствуютъ и находятъ въ этомъ бюро, какъ во всякой такой организаціи, нѣкоторую нравственную поддержку въ своемъ безпомощномъ положеніи. Поэтому пребываніе въ этой залѣ не производитъ ожидаемаго гнетущаго впечатлѣнія. Тутъ же находится маленькій буфетъ, гдѣ ожидающіе могутъ получить кружку пива и хлѣбъ за самую дешевую цѣну. Кромѣ того, ферейнъ, устроившій бюро, позаботился о томъ, чтобы безработные могли тутъ же отдавать въ починку свое платье и сапоги, уплативъ 10 пфенниговъ. При бюро находится также пріемный покой для поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ, и вообще все это учрежденіе проникнуто духомъ гуманности. Съ утра до четырехъ часовъ зала бываетъ переполнена и надо видѣть съ какимъ напряженнымъ ожиданіемъ всѣ смотрятъ на дверь, куда входятъ посѣтители и какъ прислушиваются къ звонку телефона, раздающемуся въ другой комнатѣ. Почти три четверти ищущихъ работы въ бюро получаютъ ее черезъ телефонъ и наниматели рѣдко сами являются для найма рабочихъ. Какъ разъ, когда я находился въ бюро, говоритъ нѣмецкій журналистъ, въ канцелярію пришла молодая дѣвушка и заявила: «Мнѣ нуженъ рабочій». Ее спросили какой и вызвали трехъ человѣкъ изъ залы. Взглянувъ на перваго изъ нихъ, дѣвушка сказала мило улыбаясь: «о, вы слишкомъ слабы для этой работы». Худой, изможденный молодой человѣкъ также улыбнулся ей въ отвѣтъ, но улыбка его вышла принужденная. Видно было, что не легко у него на душѣ. Онъ смущенно отошелъ

въ сторону, съ тяжелымъ сердцемъ и уступилъ мѣсто своему болѣе счастливому товарищу, котораго дѣвушка увела съ собой».

Устройство помѣщенія бюро, получающаго ежегодную субсидію въ 20.000 марокъ отъ общины, весьма практично во всѣхъ отношеніяхъ. Въ первомъ этажѣ находится небольшая комната для ищущихъ работы подростковъ, которые помѣщаются отдѣльно отъ взрослыхъ. Они сидятъ тутъ на скамьяхъ, словно въ школѣ, а служащій, принимающій записи, точно учитель стоитъ за пюпитромъ и наблюдаетъ за своими учениками. Для этихъ подростковъ, ищущихъ работы, бюро оказывается еще болѣе благодѣтельнымъ учрежденіемъ, нежели для взрослыхъ безработныхъ, такъ какъ имъ пришлось бы иначе бродить по улицамъ и терпѣть стужу зимой, отыскивая какой-нибудь заработокъ. Тутъ они сидятъ въ тепломъ и уютномъ помѣщеніи и ждутъ, иногда весело болтая другъ съ другомъ, не понадобятся ли кому-нибудь ихъ услуги. Въ этомъ случаѣ посредничество бюро приноситъ большую пользу.

Въ бюро существуетъ также отдѣленіе и для женщинъ, ищущихъ работы. По словамъ корреспондента франкфуртской газеты, оно бываетъ далеко не такъ переполнено, какъ мужское отдѣленіе. Въ этомъ году безработица особенно сильно отразилась на мужскомъ трудѣ, женщины же легче находили себѣ работу какъ въ разныхъ швейныхъ и др. мастерскихъ, такъ и по хозяйству. Рабочій же всецѣло подвергся давленію экономическаго кризиса, сократившаго производство, и поэтому число безработныхъ мужчинъ страшно возросло за послѣдніе мѣсяцы.

— Къ сожалѣнію мы не можемъ находить работу для всѣхъ, ищущихъ ее,— сказалъ инспекторъ.—Наша задача по возможности облегчить ожиданіе и поиски работы.

Центральное бюро, конечно, облегчаетъ эти поиски, такъ какъ служитъ мѣстомъ, куда направляется спросъ.

При бюро устроены также паровыя бани для безработныхъ, гдѣ каждый изъ ожидающихъ въ бюро можетъ во всякое время взять ванну, заплативъ только пять пфенниговъ.

Слѣдственная коммиссія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Лѣтъ пять тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ много шума надѣлала книга, озаглавленная: «Какъ живетъ другая половина», въ которой нарисована была картина жизни американскаго пролетаріата; теперь такое же волненіе вызываетъ только что опубликованный отчетъ коммиссіи, занимавшейся въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ разслѣдованіемъ положенія горнорабочихъ въ угольномъ округѣ Пенсильваніи. Въ прошломъ году лѣтомъ въ этомъ округѣ 147.000 рабочихъ прекратили работу, и забастовка, продолжавшаяся полъ-года, вызвала огромныя бѣдствія. 750.000 человѣкъ женщинъ и дѣтей очутились въ крайней нуждѣ. Дѣло кончилось благодаря личному вмѣшательству президента Рузвельта, который настоялъ на томъ, чтобы обѣ стороны подчинились третейскому суду спеціальной коммиссіи, которой и было поручено подробно изслѣдовать положеніе рабочихъ въ Пенсильваніи. Эта коммиссія или трибуналъ, состоявшая

изъ семи членовъ, въ числѣ которыхъ находились одинъ почтенный американскій генералъ и католическій епископъ, проработали четыре мѣсяца, допрашивая безконечное количество свидѣтелей, и, кромѣ того, члены коммиссіи сами спускались въ копи и тамъ изучали условія работы. Всѣ засѣданія коммиссіи были публичны, и американское общество и печать съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ея работами. Коммиссія раскрыла много темныхъ сторонъ и много злоупотребленій, которыя иначе, можетъ быть, и не выплыли бы на свѣтъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело появленіе въ коммиссіи вызванныхъ, въ качествѣ свидѣтелей, стариковъ-инвалидовъ, изувѣченныхъ на работѣ, вдовъ погибшихъ въ копяхъ рабочихъ, рахитическихъ дѣтей и т. д. Врачи-свидѣтели также показали, что 99% рабочихъ въ копяхъ страдаютъ астмой и сильнымъ малокровіемъ, ревматизмомъ и невралгіями. На вскрытіи умершихъ горнорабочихъ большею частью оказывается, что легкія пропитаны у нихъ угольною пылью. Одна изъ свидѣтельницъ, мужъ которой погибъ въ копяхъ и оставилъ ее съ четырьмя дѣтьми, показала, что компанія не только не дала ей никакого обезпеченія, но взыскала съ нея плату за уголь и помѣщеніе, и ей пришлось уплатить работою своихъ дѣтей. Ея слова подтвердились дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ коммиссіи, которая раскрыла ужасную эксплуатацію дѣтскаго труда. Эти разоблаченія коммиссіи вызываютъ особенное негодованіе американской печати. Никто не обращалъ вниманія до сихъ поръ на тотъ фактъ, что въ угольномъ округѣ изобилуютъ шелковыя фабрики. Оказывается, что эти фабрики преимущественно употребляютъ на работу дѣвочекъ, дочерей углекоповъ, которыя работаютъ за ничтожную плату отъ 10 до 12 часовъ въ день. Такимъ образомъ, сыновья углекоповъ съ дѣтскихъ лѣтъ отправляются въ копи, а дочери идутъ на шелковую фабрику.

Показанія многихъ свидѣтелей раскрыли такую картину человѣческихъ страданій, что члены коммиссіи очень часто чувствовали себя растроганными до глубины души. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ разсказъ одного старика, по имени Кселля: «Я работалъ въ копяхъ «Мэркль и К°» въ теченіе 19 лѣтъ,—сказалъ онъ,—и жилъ до послѣдняго времени въ домѣ, принадлежащемъ компаніи. Теперь меня выселили оттуда. Моя семья состоитъ изъ жены, двухъ пріемныхъ дѣтей, сына и слѣпой тещи, которой 102 года.

«— Вы были когда-нибудь ранены въ копяхъ?—спросили его.

«Раненъ?.. Да у меня нѣтъ ни одной цѣлой кости во всемъ тѣлѣ, мой черепъ былъ разбитъ, одинъ глазъ у меня вынутъ и одна нога у меня совсѣмъ не дѣйствуетъ, какъ будто она изъ дерева».

Далѣе этотъ старикъ, взявшій на воспитаніе двухъ сиротъ, отецъ которыхъ погибъ въ копяхъ, разсказалъ, какъ его выгнали изъ дому за то, что онъ присоединился къ своимъ товарищамъ. Вся его семья, со слѣпой столѣтней старухой, очутилась на улицѣ, подъ проливнымъ дождемъ, не зная, гдѣ приклонить голову.

Старикъ разсказывалъ просто и безъ всякой аффектаціи грустную повѣсть своихъ страданій, но видно было, что его слова производятъ впечатлѣніе, такъ

какъ президентъ не могъ скрыть своего волненія, задавая ему вопросы, а епископъ, членъ коммиссіи, даже закрылъ лицо руками.

Разумѣется, показанія заинтересованныхъ лицъ, служащихъ въ компаніи, и патроновъ носили совершенно иной характеръ. Вся вина сваливалась на дурныхъ рабочихъ, которые увлекаютъ своихъ товарищей. По ихъ словамъ хорошій, энергичный рабочій можетъ получать столько же, сколько губернаторы штатовъ Орегона, Делавара или Мэна. Дѣйствительно, одинъ изъ рабочихъ, явившійся свидѣтелемъ со стороны компаніи, показалъ, что онъ получаетъ отъ 5 до 10 долларовъ въ сутки, однако, какъ потомъ оказалось, всѣ эти рабочіе, получающіе такъ много, должны имѣть отъ пяти до шести помощниковъ, которымъ они уплачиваютъ изъ своего большого заработка. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности заработокъ ихъ оказывается меньше. Американская печать особенно подчеркиваетъ этотъ видъ эксплуатаціи «своего своимъ», выгодный для компаніи, но деморализующій среду рабочихъ и вредно отзывающійся на ихъ товарищескихъ отношеніяхъ. Однако, въ общемъ, солидарность все-таки между ними еще очень велика, и компаніи не удалось расшатать ее, несмотря на нѣсколько единичныхъ фактовъ, указывающихъ на расколъ между членами одной и той же среды.

Коммиссія еще не высказала своихъ заключеній, она только опубликовала данныя, полученныя слѣдствіемъ, показанія сторонъ и собственныя наблюденія. Рѣшеніе третейскаго трибунала будетъ объявлено позднѣе, но отчетъ коммиссіи указываетъ, какой громадный трудъ былъ выполненъ ею. Такъ какъ все производилось публично, то каждый могъ провѣрить факты, опубликованные слѣдствіемъ. Въ Америкѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія трибунала, которое конечно, измѣнитъ во многомъ существовавшія до сихъ поръ отношенія между трудомъ и капиталомъ въ угольномъ округѣ Пенсильваніи.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Французскій критикъ о русскомъ художникѣ Шмельковѣ. — Физическое воспитаніе въ университетахъ.—Усиленіе дѣтской преступности во Франціи и борьба съ нею.—Изслѣдованіе американскаго бюро воспитанія.—Статья Пикара о дѣлѣ Дрейфуса.

Во французскомъ журналѣ «Le Carnet» напечатанъ весьма содержательный очеркъ о русскомъ художникѣ П. М. Шмельковѣ, съ портретомъ художника и нѣсколькими снимками его картинъ. Авторъ статьи, г-нъ Денисъ Рошъ, сообщаетъ кстати отзывъ о Шмельковѣ Л. Н. Толстого (въ частномъ письмѣ къ г-ну Рошу—Ильи Львовича Толстого), который называетъ его «настоящимъ художникомъ» и выражаетъ сожалѣніе, что «не зналъ объ немъ своевременно, чтобы сослаться на него въ своемъ разсужденіи объ искусствѣ».

Дѣйствительно, къ сожалѣнію «своевременно» не знали у насъ Шмелькова, и этотъ талантливый и «весьма выразительный художникъ», какъ спра-

ведливо называетъ его г. Рошъ («un artiste russe très expressif»), всю жизнь тянулъ неблагодарную лямку учителя рисованія и умеръ (въ 1890 г.), оцѣненный лишь весьма немногими. Авторъ передаетъ главныя черты его біографіи, составленой по очерку М. С. Васильева, въ предисловіи къ посмертному изданію альбома рисунковъ Шмелькова (изд. Харитоненко, ч. I; слѣдующія части такъ и не появились въ свѣтъ), и переходитъ затѣмъ къ оцѣнкѣ его работъ, отмѣчая черты большой искренности и простоты въ его произведеніяхъ. «Онъ ничего не воспроизводилъ, чего бы самъ, до извѣстной степени, не испыталъ и не провѣрилъ, чего бы онъ ясно и полно себѣ не представлялъ». Никакая погоня за эффектомъ не могла бы заставить его измѣнить задуманный образъ... Мы не знаемъ художника, который менѣе Шмелькова способенъ былъ бы «насиловать свой талантъ, стараться ослѣпить, вдаваться въ аффектаціи». Разсматривая Шмелькова какъ художника—бытописателя по преимуществу, французскій критикъ признаетъ за нимъ качества «заразительной правдивости», большую чуткость, «зрительное остроуміе», силу концентраціи впечатлѣнія, трезвость и добросовѣстность работы и. т. д. и. т. д. Быть можетъ, нѣкоторыя достоинства художника перевышены, но г. Рошъ безусловно правъ, указывая, что Шмельковъ былъ изъ немногихъ нашихъ художниковъ, которые «поддержали въ свое время усилія русскаго національнаго искусства и указали новыя точки зрѣнія, способныя возбудить интересъ». Его авторитетную оцѣнку признавалъ кружокъ московскихъ избранниковъ», которые преклонялись передъ его сужденіями. А нынѣ—большинство работъ Шмелькова купленныхъ, какъ оказывается, какимъ-то англичаниномъ, находятся неизвѣстно гдѣ (въ Третьяковской галлереѣ въ Москвѣ имѣется только 8 картинъ Шмелькова), и французскій критикъ напоминаетъ намъ о выдающемся русскомъ художникѣ, сыгравшемъ немаловажную роль въ исторіи русской живописи и самостоятельными произведеніями и своимъ вліяніемъ на другихъ художниковъ; однако, наше общество «своевременно» не съумѣло ни признать ни оцѣнить его, и изящно составленная статья г-на Роша, сообщая о немъ свѣдѣнія, служитъ намъ также и нѣкоторымъ, къ сожалѣнію вполнѣ заслуженнымъ, укоромъ.

Извѣстный итальянскій профессоръ Анджело Моссо печатаетъ въ «La Revue» статью о физическомъ воспитаніи въ университетахъ. Онъ занимается преимущественно англійскими и американскими университетами и очень восхваляетъ то, что въ Англіи и Америкѣ такъ много обращается вниманія на физическое развитіе. Соединенные Штаты, въ особенности, придерживаются взгляда о безусловной полезности физическихъ упражненій, атлетическихъ игръ, состязаніи и. т. п. По словамъ ректора Колумбійскаго университета атлетическія упражненія студентовъ не мѣшаютъ умственнымъ занятіямъ и студенты нисколько не становятся индифферентными къ своему умственному прогрессу отъ того, что со страстью предаются какому-нибудь виду спорта. Но такъ какъ существуетъ опасеніе, что физическое воспитаніе можетъ превратиться въ профессію, то студентамъ воспрещается пользоваться тѣми преимуществами, которыя предлагаются имъ разными городами, желающими устроить какое-нибудь

состязаніе въ физической силѣ и ловкости. Въ настоящее время поднять вопросъ о возрожденіи древнихъ олимпійскихъ игръ въ американскихъ университетахъ. Многія изъ университетскихъ атлетическихъ игръ и состязаній происходятъ публично, при чемъ иногда собирается до 40.000 зрителей. Такія публичныя состязанія очень поощряются всѣми университетами, также какъ и всякій ручной трудъ. На европейскомъ континентѣ только германскіе университеты ушли въ этомъ отношеніи нѣсколько впередъ, введя гимнастическія упражненія и спортъ. Однако, въ берлинскомъ университетѣ физическое воспитаніе находилось въ полномъ пренебреженіи и только два года тому назадъ было обращено на это должное вниманіе. Въ настоящее время уже существуетъ нѣсколько университетскихъ ассоціацій для спорта и такъ какъ онѣ процвѣтаютъ, то вѣроятно число ихъ разростется гораздо значительнѣе.

Родина автора статьи, Италія, сильно отстала въ томъ, что касается физической культуры, между тѣмъ какъ именно такая культура безусловно необходима, чтобы предупредить угрожающее вырожденіе итальянскихъ правящихъ классовъ. Въ Англіи, напримѣръ, члены ученаго и образованнаго общества въ физическомъ отношеніи выше рабочихъ классовъ, въ Италіи же наблюдается какъ разъ обратное явленіе, т. е. образованные классы далеко уступаютъ крестьянамъ въ физическомъ отношеніи. Вліяніе хорошаго питанія уничтожается отсутствіемъ физическихъ упражненій.

Нынѣшній премьеръ Англіи, Бальфуръ, бывшій нѣкогда канцлеромъ эдинбургскаго университета, произнесъ недавно въ этомъ городѣ рѣчь по случаю праздника, организованнаго съ цѣлью собранія необходимыхъ фондовъ для устройства арены для игръ въ этомъ университетѣ. Бальфуръ нарочно пріѣхалъ изъ Лондона, чтобы поощрить это предпріятіе: «Foot ball» и «Cricket», сказалъ онъ въ своей рѣчи,—пріучаютъ къ терпѣнію, умѣренности, мужеству и дисциплинѣ всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ научиться играть съ нѣкоторымъ совершенствомъ. Но существуетъ еще одно, не менѣе важное условіе, говорящее въ пользу такихъ общественныхъ игръ въ университетѣ. Цѣль и воспитательная миссія университета ограничиваются не только возбужденіемъ любви къ наукѣ и профессіональною культурой, необходимыми для совмѣстной гражданской жизни, университетъ долженъ пробудить въ душѣ молодежи сознаніе, продолжающееся всю жизнь, что она принадлежитъ къ великой общинѣ, въ которой она провела свои первые молодые годы и духовная связь ея съ этою общиной должна быть ненарушима. Университетъ считаетъ своими членами не только тѣхъ студентовъ, которые обитаютъ въ его стѣнахъ, но и прежнихъ своихъ питомцевъ, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, но не забывшихъ, что они члены великаго учрежденія, воспитавшаго ихъ. Совмѣстная жизнь, посѣщеніе однихъ и тѣхъ же курсовъ, подготовленіе къ экзаменамъ, общіе интересы все это оставляетъ неизгладимое воспоминаніе въ душѣ человѣка, но совмѣстныя игры и атлетическія упражненія, происходящія на аренахъ, еще болѣе укрѣпляютъ это чувство солидарности, которое студенческая жизнь оставляетъ въ каждомъ, кто испыталъ ее».

Въ «Nouvelle Revue» обсуждается важный вопросъ объ увеличеніи дѣтской преступности во Франціи. Статистика послѣднихъ лѣтъ указываетъ ужасающее выростаніе испорченности и преступности среди дѣтей во всей Франціи, но главнымъ образомъ въ Парижѣ. Нѣсколько времени тому назадъ въ окрестностяхъ Парижа дѣйствовала шайка мальчиковъ, назвавшихся «Желѣзными сердцами», которые буквально терроризировали все населеніе и произвели цѣлый рядъ грабежей, нападеній и даже убійствъ. Вообще въ столицѣ Франціи изобилуютъ юные преступники, грабители и убійцы, поражающіе судей своимъ цинизмомъ и хладнокровіемъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ возникло общество, взявшее на себя защиту юныхъ преступниковъ и устроившее много прекрасныхъ учрежденій для такихъ мальчиковъ, которыхъ не годится отправлять въ тюрьму, но въ тоже время нельзя оставлять на свободѣ. Вслѣдъ затѣмъ былъ проведенъ законъ, по которому каждый преступникъ, моложе 18 лѣтъ, долженъ считаться ребенкомъ, и поэтому не можетъ быть заключенъ въ тюрьму, а долженъ быть отправленъ въ исправительное заведеніе. Но когда этотъ прекрасный законъ началъ дѣйствовать, то именно среди юныхъ преступниковъ онъ возбудилъ ропотъ, такъ какъ они предпочитали, повидимому, тюрьму всякой профессіональной школѣ или исправительному заведенію. Такихъ заведеній во Франціи двѣнадцать; часть изъ нихъ представляетъ земледѣльческія коллегіи, а въ другихъ преподаются ремесла. Государство устроило три исправительныя заведенія для дѣвочекъ и, кромѣ того, во Франціи существуютъ до двадцати частныхъ исправительныхъ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, гдѣ каждый питомецъ содержится на счетъ какого-нибудь благотворителя и куда родители иногда помѣщаютъ на время своихъ дочерей или сыновей для исправленія. Режимъ въ этихъ исправительныхъ заведеніяхъ совершенно особенный. Въ первыя три недѣли по своемъ поступленіи мальчикъ или дѣвочка бываютъ совершенно изолированы отъ прочихъ питомцевъ заведенія и за ними тщательно наблюдаютъ со спеціальною цѣлью изученія характера, темперамента, наклонностей и привычекъ. Бываютъ даже случаи, что въ такое исправительное заведеніе попадаетъ совсѣмъ маленькій ребенокъ и до десятилѣтняго возраста его окружаютъ только заботами и попеченіями, пока здоровье его не окрѣпнетъ. Затѣмъ онъ поступаетъ въ школу, гдѣ учится три года и уже послѣ того обучается какому-нибудь ремеслу. Въ земледѣльческихъ исправительныхъ коллегіяхъ каждаго мальчика обучаютъ огородничеству и садоводству въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и весьма многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ этихъ коллегій достигли теперь значительнаго благосостоянія, сдѣлавшись огородниками поблизости Парижа.

Всѣ французскія исправительныя заведенія имѣютъ ту характерную особенность, что они всѣми силами стараются сохранить связь между дѣтьми и ихъ родительскимъ домомъ. Разъ въ мѣсяцъ дѣти проводятъ воскресенье въ родительскомъ домѣ; впрочемъ, это допускается лишь въ томъ случаѣ, если родители порядочные люди. Но задача исправительнаго заведенія не кончается послѣ того, какъ мальчикъ или дѣвочка выйдутъ изъ него. Отношенія между воспитателями и бывшими воспитанниками сохраняются и впослѣдствіи, въ

трудныя минуты бывшіе воспитанники и воспитанницы всегда находятъ совѣтъ и поддержку у людей, которымъ они обязаны тѣмъ, что вышли на дорогу.

Нѣмецкій журналъ «Die Kultur» сообщаетъ, что американское «Bureau of Education» напечатало и разослало брошюру, въ которой собраны наблюденія надъ дѣтьми въ школахъ, состояніемъ ихъ здоровья, умственнымъ развитіемъ, ростомъ и т. д. Въ брошюрѣ, главнымъ образомъ, обращается вниманіе на тѣ условія, которыя мѣшаютъ или задерживаютъ правильное развитіе ребенка въ школьномъ возрастѣ. Такъ, напримѣръ, слишкомъ большая подвижность, чрезмѣрныя тѣлесныя движенія задерживаютъ ростъ, но еще хуже они дѣйствуютъ на мозгъ. Одна форма дѣятельности организма, напр., пищевареніе, можетъ дѣйствовать угнетающимъ образомъ на другого рода дѣятельность, напр., на мозговую дѣятельность. Дѣти всегда бываютъ неспокойны и въ этомъ отношеніи они похожи на всѣхъ молодыхъ животныхъ, выказывающихъ всегда большую подвижность. Отсюда вытекаетъ побужденіе къ игрѣ, въ которой они находятъ выходъ для избытка своихъ силъ. Наблюденія надъ дѣтьми указываютъ, что дѣти до школьнаго возраста бываютъ болѣе подвижны и, кромѣ того, дѣти, выросшія въ деревнѣ, подвижнѣе городскихъ дѣтей. Подвижность же обоихъ половъ почти одинакова.

Давно извѣстно, что дѣти могутъ сидѣть спокойно лишь короткое время и тщательныя наблюденія надъ ними подтверждаютъ, что безпокойство дѣтей составляетъ физіологическую необходимость. Дѣти моложе 10 лѣтъ могутъ сохранять спокойствіе не болѣе полуторы минуты, но и взрослые признавались, что они испытывали весьма непріятныя ощущенія, стараясь сохранить полное спокойствіе болѣе или менѣе продолжительное время. Изъ 97 дѣтей и взрослыхъ, надъ которыми производили наблюденія во время сна, 83 дѣлали частыя движенія. Оказывается также, что здоровыя дѣти большею частью бываютъ безпокойны. При этомъ замѣчено также, что безпокойство это усиливается весной, въ дурную погоду и передъ грозой. Учитель долженъ мѣнять работу, если только онъ замѣчаетъ, что его классъ становится безпокойнымъ. Чрезмѣрная умственная работа несомнѣнно можетъ ослабить организмъ и задержать развитіе роста. По мнѣнію комиссара бюро, производившаго наблюденія, современная система воспитанія въ корнѣ невѣрна. «Мы живемъ въ эпоху науки,—говоритъ онъ,—основными методами которой являются наблюденіе и опытъ. Дѣти лучше научаются путемъ наблюденія, нежели изъ книгъ, и городъ со своими парками, музеями, библіотеками, лавками, театрами, церквами и т. д. представляетъ богатый матеріалъ для воспитанія». Въ общественныхъ школахъ въ Вашингтонѣ такія идеи проводятся уже на практикѣ и дѣтей какъ можно болѣе стараются поучать не въ классѣ а во время посѣщеній музеевъ, зоологическаго сада, прогулокъ по парку и вообще заботятся о томъ, чтобы не переутомить ихъ неподвижнымъ сидѣніемъ въ комнатѣ, вслѣдствіе чего они занимаются преимущественно на чистомъ воздухѣ.

Наблюденія надъ чувствительностью дѣтей къ болевымъ ощущеніямъ указываютъ, что дѣти богатыхъ родителей оказываются гораздо болѣе,—почти

втрое—чувствительными къ болевымъ ощущеніямъ, нежели дѣти, выросшія въ бѣдности.

«Review of Reviews» перепечатываетъ изъ одного швейцарскаго журнала статью полковника Пикара о дѣлѣ Дрейфуса, которое теперь снова начинаетъ волновать общественное мнѣніе Франціи. Начало статьи носитъ политическій характеръ и представляетъ обзоръ первоначальныхъ стадій этого дѣла. Полковникъ Пикаръ говоритъ, что огромный интересъ, который возбуждало это дѣло въ публикѣ, когда оно носило общественный характеръ, значительно уменьшился послѣ того, какъ оно сдѣлалось чисто личнымъ дѣломъ и когда помилованіе положило конецъ страданіямъ несправедливо осужденнаго человѣка. Большинство легко освоилось съ идеей, что законная реабилитація несправедливо осужденнаго человѣка представляетъ лишь формальность, которая вовсе не такъ необходима и притомъ можетъ быть отложена до болѣе поздняго времени когда страсти, возбужденныя этомъ дѣломъ, улягутся.

По мнѣнію полковника Пикара правительство Вальдека Руссо не сдѣлало ничего для полнаго торжества провосудія. Немногіе мужественные голоса протестовавшіе противъ амнистіи, поставившей на одну доску такихъ людей какъ Золя съ членами генеральнаго штаба, почти не встрѣтили сочувствія; всеобщее оживленіе было такъ велико, что даже такое кажущееся удовлетвореніе, какъ помилованіе, возбудило энтузіазмъ общества. Дрейфусары были обезоружены, но полнаго умиротворенія все таки не произошло; не проходило дня, чтобы «измѣнникъ» не подвергался самымъ возмутительнымъ нападкамъ въ печати и при каждомъ удобномъ случаѣ, особенно во время какихъ нибудь выборовъ, дрейфусаровъ обзывали «друзьями измѣнника» и агентами иностраннаго государства. «Просто удивительно,—восклицаетъ Пикаръ,—что такое положеніе вещей могло продолжаться такъ долго! Безъ сомнѣнія, Жоресу дѣлаетъ честь его попытка покончить съ этимъ, но правда, что съ политической точки зрѣнія ему не удалось снова вызвать къ жизни дѣла. Амнистія убила его и воскресить его невозможно. Но по крайней мѣрѣ противники дрейфусаровъ знаютъ теперь, чему они подвергаютъ себя, пробуя воспользоваться дѣломъ Дрейфуса для своихъ избирательныхъ цѣлей. Кромѣ того, краснорѣчіе Жореса принесло пользу въ томъ отношеніи, что оно вдохнуло мужество въ тѣхъ, кто иначе не рѣшилъ бы затѣять дѣло реабилитаціи. Во всякомъ случаѣ они готовы теперь исполнить свой долгъ и помогать правосудію своими показаніями для того, чтобы, наконецъ, былъ пролитъ свѣтъ на это темное дѣло.

Пикаръ не думаетъ, однако, чтобы это дѣло могло такъ же волновать общество теперь, какъ оно волновало его раньше.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

О природѣ человѣка и о «сущности» жизни.

*(Продолженіе *).*

Еще болѣе роковой и неизбѣжной дисгармоніей человѣческой природы является старость. Мечниковъ соглашается, что наука не только не владѣетъ еще средствомъ противъ старости, но что она вообще очень мало знаетъ объ этомъ періодѣ жизни человѣка и животнаго; о немъ можно только сказать слѣдующее: человѣкъ, а также и высшія животныя, претерпѣваютъ, приближаясь къ этому возрасту, очень важныя измѣненія: силы ихъ слабнутъ, тѣло сморщивается, волоса или шерсть бѣлѣютъ, зубы снашиваются—это старческая атрофія; она наступаетъ у различныхъ животныхъ въ различное время; организмъ становится слабо сопротивляющимся внѣшнимъ вреднымъ вліяніямъ и быстро погибаетъ; иногда причина смерти ускользаетъ и её приписываютъ общему истощенію тѣла, которое приводятъ, какъ примѣръ естественной смерти.

Является вопросъ, свойственна ли старческая атрофія только человѣку и высшимъ животнымъ, или же всѣмъ живымъ существамъ? Извѣстно, что среди деревьевъ нѣкоторые виды старѣютъ очень скоро, другіе же достигаютъ возраста сотень или даже тысячъ лѣтъ. Что касается низшихъ животныхъ, то опыты Моппа и Келкинса показали, что низшія животныя, напр., инфузоріи, могутъ путемъ дѣленія воспроизводить длинный рядъ поколѣній, пока, наконецъ, у нихъ не наступаютъ явленія старости; но эти явленія пропадаютъ, и инфузорія снова получаетъ способность дѣлиться, если такое старческое поколѣніе обновляется, благодаря коньюгаціи (соединеніе двухъ особей въ одну) или какимъ-нибудь внѣшнимъ возбуждающимъ агентамъ, какъ, напримѣръ, прибавкѣ новой порціи бульона.

У насѣкомыхъ также нельзя подмѣтить ни малѣйшихъ слѣдовъ явленій старости, у низшихъ позвоночныхъ они, можетъ быть, и имѣются, но плохо изучены и, во всякомъ случаѣ, не рѣзки. Наоборотъ, у птицъ и млекопитающихъ признаки старческой атрофіи проявляются съ большой ясностью. Продолжительность жизни птицъ, въ общемъ, значительнѣе, чѣмъ млекопитающихъ. Вороны,

---

*) См. „Міръ Божій“ № 6, 1903 г.

лебеди, нѣкоторыя хищныя птицы живутъ иногда больше 50 лѣтъ, тогда какъ у млекопитающихъ такая продолжительная жизнь является исключеніемъ. Особенно долго живутъ попугаи; нѣкоторые какаду достигаютъ болѣе 80 лѣтъ. Мечникову удалось наблюдать попугая изъ Южной Америки, который околѣлъ 82 лѣтъ. Этотъ попугай обнаруживалъ явные признаки старческой атрофіи: задолго до своей смерти онъ сталъ менѣе живымъ, его окраска потеряла обычный блескъ, связки обнаруживали явные признаки артрита.

У млекопитающихъ симптомы старости выражены еще болѣе рѣзкими признаками: всѣмъ знакомо печальное состояніе старой лошади или собаки. Жители Борнео увѣряли, что старые орангутанги не только теряютъ всѣ свои зубы, но становятся настолько слабыми, что не могутъ уже лазать и питаются только тѣмъ, что падаетъ съ деревьевъ, и сокомъ травъ; гориллы къ старости становятся совершенно сѣдыми. Такимъ образомъ, старость не является только печальной привилегіей человѣческаго рода. Посмотримъ же, нельзя ли установить общихъ анатомическихъ и физіологическихъ признаковъ старости.

Давно уже было извѣстно, что мясо старыхъ животныхъ твердо; также тверды и ихъ внутренніе органы—почки, печень. Это старческое отвердѣніе тканей зависитъ отъ сильнаго развитія соединительныхъ тканей и носитъ названіе *склероза*. Старческій склерозъ обнаруживается иногда въ видѣ отвердѣнія печени (сиррозъ печени) или почекъ (сиррозъ почекъ), но наиболѣе часто ему подвергаются артеріи (артеріо-склерозъ). Когда артеріи, вслѣдствіе усиленнаго развитія въ нихъ соединительной ткани, претерпѣваютъ это старческое измѣненіе, то становятся болѣе хрупкими и менѣе способными къ сокращенію. Кости у стариковъ, раньше отдѣленныя другъ отъ друга, начинаютъ спаиваться, благодаря отложенію известковыхъ солей; такому процессу, напр., часто подвергаются позвонки; большинство хрящей тоже окостенѣваетъ; несмотря на это костякъ стариковъ становится болѣе легкимъ и хрупкимъ и количество минеральныхъ веществъ въ немъ уменьшается: этимъ обусловлены столь частые въ старости поломы костей.

Мечниковъ рисуетъ такую общую картину старческой атрофіи.

Благородные специфическіе элементы тканей атрофируются и замѣщаются разросшейся соединительной тканью; въ мозгу, напр., наиболѣе благородными элементами, служащими для отправленія наиболѣе высокихъ функцій, являются нервныя клѣтки, при старческой атрофіи они исчезаютъ и уступаютъ мѣсто элементамъ низшаго порядка—невроглія́мъ (особаго рода соединительная ткань нервныхъ центровъ); въ печени такое же перерожденіе испытываютъ печеночныя клѣтки; въ яичникахъ—яйца. Иными словами старость характеризуется борьбой между благородными элементами и простыми или первичными. Побѣда въ этой борьбѣ склоняется на сторону послѣднихъ. Во всѣхъ частяхъ нашего тѣла находится много клѣтокъ, которыя сохранили свою независимость, они подвижны и способны поглощать самыя разнообразныя твердыя тѣла—это *фагоциты*. Фагоциты играютъ очень важную роль въ организмѣ: они собираются въ громадномъ числѣ вокругъ микробовъ или какихъ-нибудь другихъ, постороннихъ, внѣдрившихся въ нашъ организмъ, тѣлъ, способныхъ причинить вредъ

нашему здоровью, и пожираютъ ихъ; поглощаютъ фагоциты также и различныя внутреннія кровоизліянія и другіе элементы, которые проникаютъ въ данную область тѣла и не могутъ выполнить тамъ какой-либо полезной роли: такъ напр., во время апоплексіи кровь приливаетъ въ мозгъ и вызываетъ параличъ, фагоциты собираются вокругъ кровяного свертка и поглощаютъ его. Это поглощеніе идетъ медленно, но по мѣрѣ того, какъ кровяной сгустокъ исчезаетъ, движеніе возстановляется, и организмъ можетъ совершенно выздоровѣть. Роль фагоцитовъ въ большинствѣ случаевъ благотворна. Имѣются двѣ группы фагоцитовъ: *микрофаги*—небольшіе подвижные фагоциты, и *макрофаги*—большіе фагоциты, иногда прикрѣпленные иногда подвижные. Микрофаги происходятъ изъ спинного мозга, циркулируютъ въ нашей крови и составляютъ часть бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ ея. Благодаря своей формѣ они могутъ проникать въ маленькіе кровеносные сосуды и образовать тамъ эксудаты вокругъ микробовъ. Быстрое образованіе этихъ эксудатовъ указываетъ на благопріятное теченіе данной заразной болѣзни. Макрофаги служатъ намъ для поглощенія различныхъ кровоизліяній и зарубцовыванія ранъ, вообще при поврежденіяхъ механическихъ. Макрофаги имѣютъ простое ядро безъ полостей, (какъ у микрофаговъ) и являются то въ видѣ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ крови, лимфы и эксудатовъ, то въ формѣ неподвижныхъ клѣтокъ соединительныхъ тканей, селезенки, лимфатическихъ узловъ и т. д.

Старческое перерожденіе зависитъ, по мнѣнію Мечникова, отъ дѣятельности макрофаговъ; они, напримѣръ, вызываютъ атрофію почекъ у стариковъ, гдѣ они собираются въ большомъ количествѣ около почечныхъ каналовъ, уничтожаютъ послѣдніе и изанимаютъ ихъ мѣсто, образуя вмѣсто нормальной почечной ткани соединительную.

Аналогичный процессъ происходитъ и въ другихъ тканяхъ, переживающихъ старческое перерожденіе: благородные элементы организма поглащаются макрофагами; это процессъ общій для всѣхъ органовъ старика. Чтобы изучить его въ частности Мечниковъ обратился къ явленіямъ посѣдѣнія волосъ—одному изъ первыхъ видимыхъ признаковъ старости. Нормальные волоса, еще не сѣдые, наполнены зернами пигмента, расположенными въ двухъ слояхъ волоса. Въ опредѣленный моментъ, клѣтки сердцевины волоса начинаютъ приходить въ возбужденіе и пожирать пигментъ; нагруженныя зернами его, эти клѣтки—одна изъ разновидностей макрофаговъ (*хромофаги*)—становятся подвижными, покидаютъ полость и направляются то въ кожу, то совсѣмъ вонъ изъ организма; такимъ образомъ макрофаги уносятъ пигментъ изъ волосъ, волоса сѣдѣютъ. Можетъ быть, такою же дѣятельностью макрофаговъ объясняется и разрушеніе скелета при старческой атрофіи, выражающееся въ томъ, что кости становятся болѣе пористыми.

Большая подвижность макрофаговъ въ періодѣ старческаго перерожденія организма сильно приближается къ явленіямъ, которыя происходятъ при нѣкоторыхъ хроническихъ заболѣваніяхъ. Старческій сиррозъ можно отнести совершенно къ той же категоріи, какъ и сиррозы органовъ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ различнымъ болѣзнетворнымъ причинамъ. Напримѣръ,

внѣ всякаго сомнѣнія старческое вырожденіе почекъ совершенно аналогично съ хроническимъ нефритомъ, а разрушеніе въ старости нервныхъ клѣтокъ макрофагами происходитъ также и во время многихъ болѣзней нервныхъ центровъ, напримѣръ во время общаго паралича. Артеріосклерозъ стариковъ—настоящая воспалительная болѣзнь, подобная воспаленію артерій, вызванному какой угодно причиной.

Уже давно было замѣчено, что старость весьма близка къ болѣзни; дѣйствительно, разсматривать старость, какъ явленіе физіологическое, было бы большимъ заблужденіемъ—это явленіе чисто патологическое. Изъ того, что нами сказано выше, ясно, что бороться съ этою болѣзнью можно или усиленіемъ наиболѣе драгоцѣнныхъ элементовъ нашего организма или же ослабленіемъ дѣятельности макрофаговъ. Эта проблема еще не разрѣшена, говоритъ Мечниковъ, но разрѣшеніе ея не представляетъ ничего невозможнаго. Мы знаемъ, что свойства клѣточныхъ элементовъ весьма легко измѣняются въ зависимости отъ различныхъ вліяній, поэтому нѣтъ ничего фантастичнаго въ томъ, чтобы искать какихъ-нибудь способовъ усилить, напримѣръ, красные кровяные шарики, нервныя, почечныя, печоночныя клѣтки, мускульныя волокна сердца и т. п.

Эта задача облегчается открытіемъ сыворотокъ, дѣйствующихъ на всѣ эти элементы. Мы умѣемъ въ настоящее время готовить сыворотки, которыя растворяютъ красные кровяные шарики только опредѣленныхъ видовъ животныхъ и щадятъ всѣ остальные элементы. Также мы умѣемъ—готовить сыворотку, способную почти мгновенно останавливать движеніе человѣческихъ сперматозоидовъ, не оказывая никакого вліянія на подобные же элементы другихъ животныхъ. Принципъ приготовленія такихъ сыворотокъ всегда одинъ и тотъ же. Впрыскиваютъ данный клѣточный элементъ (красные кровяные шарики, сперматозоиды, клѣтки почекъ, печени) какого-нибудь животнаго въ организмъ животнаго другого вида; послѣ нѣсколькихъ такихъ вспрыскиваній кровяная сыворотка послѣдняго животнаго становится активной по отношенію къ тѣмъ клѣткамъ, которыя были введены въ его организмъ. Это такъ называемыя *цитотоксическія сыворотки*. Затѣмъ было открыто, что маленькія дозы такихъ сыворотокъ, вмѣсто того, чтобы убивать или растворять специфическіе элементы тканей (что они совершаютъ будучи употреблены въ большихъ количествахъ) ихъ усиливаютъ. Здѣсь мы имѣемъ нѣчто аналогичное съ дѣйствіемъ большинства обыкновенныхъ ядовъ, которые въ большихъ дозахъ убиваютъ, тогда какъ въ малыхъ—улучшаютъ состояніе нѣкоторыхъ элементовъ тѣла. Такимъ образомъ констатировали, напр., что малыя дозы сыворотки, способной въ большихъ дозахъ растворять красные шарики человѣческой крови, наоборотъ—увеличиваютъ у человѣка число этихъ элементовъ.

Вотъ какимъ путемъ можно стремиться къ поставленной цѣли—усилить благородные элементы человѣческаго организма и препятствовать появленію старческой атрофіи.

На первый взглядъ казалось бы, что эту задачу легко выполнить: стоитъ только вспрыскивать лошадямъ или нѣкоторымъ другимъ животнымъ нѣкото-

рые элементы человѣческихъ органовъ, напр.: сердца, мозга, печени и т. д., чтобы получить черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого сыворотки, дѣйствующія на эти самые органы. Въ дѣйствительности задача гораздо сложнѣе и однимъ изъ главныхъ препятствій является чрезвычайная трудность достать человѣческіе органы въ достаточной степени сохранными. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ опыты съ полученіемъ сыворотокъ, предназначенныхъ для укрѣпленія благородныхъ элементовъ человѣческаго организма, требуютъ продолжительнаго времени.

Почему же всѣ эти благородные элементы (нервныя клѣтки, почечныя, печеночныя и сердечныя) испытываютъ такое прогрессивное ослабленіе? Мы уже упоминали о той аналогіи, которая имѣется между старческимъ вырожденіемъ и нѣкоторыми спеціальными болѣзнями; это позволяетъ Мечникову предположить, что и причины, вызывающія оба ряда явленій также сходны. Склерозъ мозга, почекъ, печени часто обусловливается внѣдрѣніемъ въ организмъ различныхъ ядовъ: алкоголя, свинца, ртути и т. п., а также и различныхъ органическихъ ядовъ, среди которыхъ первую роль играетъ сифилисъ. Согласно недавнимъ изслѣдованіямъ шведскаго врача Эдгрена 20% артеріосклероза обязаны своимъ происхожденіемъ сифилису, 25%-хроническому алкоголизму. Ревматизмъ, подагра и разныя инфекціонныя болѣзни играютъ второстепенную роль въ развитіи артеріосклероза. Въ концѣ концовъ Эдгренъ приходитъ къ выводу, что въ 20% случаевъ артеріосклероза нельзя указать истинной причины болѣзни; въ большинствѣ случаевъ здѣсь дѣло идетъ о лицахъ пожилыхъ, о тѣхъ, которыя, по выраженію Эдгрена, подвержены уже физіологическому склерозу. Мечниковъ думаетъ, что склерозъ этотъ—тоже патологическій, какъ и склерозъ, являющійся слѣдствіемъ сифилиса или алкоголизма; только въ данномъ случаѣ ядъ, вызывающій этотъ склерозъ, вырабатывается микробами, населяющими нашъ пищеварительный каналъ. Кишечникъ человѣка, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Страсбургера, питаетъ около 128.000.000.000.000 микробовъ въ день. Относительно небольшое число ихъ находится въ тѣхъ частяхъ кишечника, въ которыхъ происходитъ перевариваніе пищи, наибольшая же масса бактерій приходится на толстыя кишки, роль которыхъ, какъ мы знаемъ, сводится къ сохраненію отбросовъ пищи; и эти отбросы, овлажняемые слизистыми выдѣленіями, являются необыкновенно благопріятной средой для развитія микробовъ. Такимъ образомъ, третья часть человѣческихъ отбросовъ приходится на микробовъ; здѣсь присутствуютъ самые разнообразные виды ихъ: бациллы и кокки и различнаго рода другіе микробы, нѣкоторые изъ которыхъ до сихъ поръ еще недостаточно изучены. Мечниковъ не согласенъ съ тѣми учеными, которые приписываютъ этой флорѣ микробовъ громадное значеніе въ процессѣ пищеваренія: изъ міра животныхъ можно привести факты, какъ говорящіе за, такъ и противъ этого утвержденія; что же касается млекопитающихъ, то хорошо извѣстно, что ихъ желудочный сокъ и сокъ панкреатической железы легко перевариваетъ пищевые продукты даже въ средѣ, заключающей различныя антисептическія вещества, гдѣ, слѣдовательно, вліяніе микробовъ совершенно устранено. По отношенію же къ чело-

вѣку Мечниковъ ссылается на указанные нами раньше случаи, когда атрофія толстыхъ кишекъ не оказывала никакого вліянія на здоровье человѣка. Между тѣмъ эта флора микробовъ кишечника является причиной многихъ болѣзней и даже смерти. Извѣстно, что раны живота не очень опасны, если только, благодаря имъ, содержимое кишечника не попадаетъ въ полость брюшины; въ послѣднемъ случаѣ эти микробы проникаютъ въ организмъ, размножаются тамъ и вызываютъ тяжелую и часто даже смертельную болѣзнь. Изъ неповрежденныхъ кишекъ большинство этихъ микробовъ не можетъ проникнуть черезъ стѣнку кишечника въ кровь, но ихъ растворимые продукты проникаютъ легко и въ кровь и въ лимфу. Давно уже было извѣстно, что при многихъ болѣзняхъ кишечника количество въ мочѣ такихъ веществъ, какъ фенолъ и индолъ увеличивается; послѣднія работы *Баумана* и *Эвальда* указываютъ на то, что эти вещества вырабатываются микробами кишечника и, просачиваясь оттуда въ кровь и лимфу, вызываютъ болѣе или менѣе сильное разстройство организма. Мечниковъ думаетъ, что эти же микробы вырабатываютъ и многіе другіе яды, поглощаемые нашимъ организмомъ; среди нихъ имѣются и медленно дѣйствующіе яды, вызывающіе артеріосклерозъ и прочія явленія старости.

Мы уже приводили въ предыдущемъ фельетонѣ предположенія Мечникова, о томъ, какъ развились у млекопитающихъ толстыя кишки. Мечниковъ считаетъ это «пріобрѣтеніе» причиной того, что млекопитающія живутъ въ общемъ меньше, чѣмъ птицы, у которыхъ толстыя кишки отсутствуютъ. Подтвержденіемъ этому является и слѣдующій фактъ. У страуса и у другихъ бѣгающихъ птицъ, образъ жизни которыхъ долженъ былъ вызвать, подобно тому, какъ у млекопитающихъ, развитіе толстыхъ кишекъ, послѣднія, дѣйствительно, имѣются, но въ то же время и продолжительность жизни этихъ птицъ крайне незначительна: страусы не живутъ болѣе 35 лѣтъ; съ другой стороны, птицы, имѣющія наибольшую продолжительность жизни, не имѣютъ слѣпой кишки, этой части пищеварительнаго канала, наиболѣе богатой микробами; у попугая, очень долговѣчной птицы, микробная флора кишечника очень бѣдна.

Люди получили отъ своихъ предковъ млекопитающихъ печальное наслѣдство въ видѣ толстыхъ кишекъ; въ настоящее время мы не можемъ отвязаться отъ него хирургическимъ путемъ, но мы можемъ непосредственно бороться съ вредными микробами, населяющими этотъ безполезный для насъ органъ. Среди микробовъ кишечника мы видимъ анаэробныхъ бактерій, способныхъ жить въ средѣ, лишенной свободнаго кислорода, и получающихъ нужную имъ пищу путемъ разложенія органическихъ веществъ; такое разложеніе вызываетъ явленія броженія и гніенія, при которыхъ часто выдѣляются различнаго рода яды, напримѣръ, алкалоиды (птомаины), жирныя кислоты и даже настоящіе токсины. Въ кишечникѣ здороваго человѣка явленій гніенія почти не происходитъ, но при кишечныхъ заболѣваніяхъ микробы гніенія развиваются въ громадныхъ количествахъ и выдѣляютъ свои яды.

Чтобы избѣжать болѣзней, вызываемыхъ этими микробами у маленькихъ дѣтей, стали давать имъ стериллизованное молоко и вообще всякую пищу обез-

заражать отъ микробовъ. Тотъ фактъ, что молоко загниваетъ очень рѣдко, тогда какъ говядина очень легко, объясняли присутствіемъ въ молокѣ казеина и молочнаго сахара (лактоза), но недавнія изслѣдованія *Бинштока*, *Тисье* и *Мартелли* доказали, по мнѣнію Мечникова, что причиной, препятствующей молоку загнивать, является особаго рода микробы, вызывающіе скисаніе молока, благодаря превращенію молочнаго сахара въ молочную кислоту. Эти-то микробы и являются антагонистами микробовъ гніенія, такъ какъ послѣдніе требуютъ щелочной среды. Этимъ объясняется, почему молочная кислота часто останавливаетъ нѣкоторые поносы и почему молочный режимъ такъ полезенъ при многихъ кишечныхъ заболѣваніяхъ; той же причиной обусловлено и благопріятное дѣйствіе кефира и простокваши. Итальянскій врачъ *Ровичи* ежедневно пилъ полтора литра кефира (т.-е. молока, претерпѣвшаго молочно-кислое и алкогольное броженіе); уже по истеченіи нѣсколькихъ дней онъ замѣтилъ полное исчезновеніе въ мочѣ индикана (одного изъ продуктовъ кишечнаго гніенія) и значительное уменьшеніе всѣхъ вообще продуктовъ гніенія. Простокваша имѣетъ даже преимущество надъ кефиромъ, потому что не заключаетъ въ себѣ алкоголя, принятіе котораго втеченіе долгаго времени можетъ ослабить жизненность нѣкоторыхъ важныхъ клѣтокъ нашего организма; присутствіе въ простоквашѣ большого количества бактерій молочно-кислаго броженія препятствуетъ размноженію микробовъ гніенія.

Но мы можемъ, говоритъ Мечниковъ, не только вводить въ нашъ пищеварительный каналъ полезныхъ микробовъ, но и препятствовать проникновенію въ него микробамъ, опаснымъ для нашего здоровья. Напримѣръ, надо остерегаться пищевыхъ продуктовъ, имѣвшихъ продолжительное соприкосновеніе съ землею, особенно богатой навозомъ; такая земля заключаетъ въ себѣ большое количество различныхъ микробовъ, въ томъ числѣ и такихъ опасныхъ для нашего здоровья и даже жизни, какъ бацилла столбняка. Поэтому Мечниковъ рекомендуетъ не употреблять въ пищу сырыхъ плодовъ и фруктовъ и вообще не употреблять нестереллизованной какимъ бы то ни было способомъ пищи. Такая предосторожность, а также и соотвѣтственный пищевой режимъ (простокваша) могутъ значительно измѣнить въ благопріятную для насъ сторону микробную флору нашего кишечника.

Итакъ, мы не безоружны въ борьбѣ съ медленнымъ и хроническимъ отравленіемъ нашего организма микробами толстыхъ кишекъ, ведущимъ къ перерожденію благородныхъ элементовъ нашего тѣла; усилить сопротивленіе послѣднихъ и превратить враждебную для насъ флору кишечника въ флору безвредную и даже полезную — вотъ средства сдѣлать нашу старость явленіемъ не патологическимъ, а физіологическимъ и даже продолжить нашу жизнь. Если нѣкоторыхъ вредныхъ микробовъ кишечника намъ не удастся удалить совершенно, то можно сдѣлать ихъ безвредными при помощи спеціальныхъ сыворотокъ; въ настоящее время уже извѣстна сыворотка противъ микроба ботулизма (колбаснаго яда), который при проникновеніи своемъ въ пищеварительный каналъ вызываетъ очень серьезныя заболѣванія.

У нѣкоторыхъ авторовъ прежнихъ макробіотикъ (искусство увеличить

продолженіе человѣческой жизни) Мечниковъ находитъ иногда діэтическія предписанія, соотвѣтствующія его собственнымъ научнымъ выводамъ. Такъ, Гуфеландъ совѣтуетъ «ѣсть растительной пищи больше, чѣмъ какой-либо другой; говядина всегда загниваетъ скорѣе, чѣмъ зелень, въ которой находится кислотное начало, разрушающее гніеніе—нашего смертельнаго врага». Вообще Мечниковъ убѣжденъ, что возможно сильно поднять продолжительность нашей жизни, тѣмъ болѣе, что мы знаемъ много историческихъ примѣровъ, когда люди достигали 120, 140 и даже 185 лѣтъ. Несмотря на повышеніе средней продолжительности жизни въ теченіе XIX вѣка, въ нѣкоторый періодъ библейскихъ временъ люди жили дольше, чѣмъ теперь, и весьма вѣроятно достигали возраста выше 100 и 120 лѣтъ. И этому не надобно удивляться, такъ какъ евреи той эпохи не знали о существованіи сифилиса — одной изъ главныхъ причинъ преждевременной, патологической старости, артеріосклероза и перерожденія наиболѣе благородныхъ элементовъ нашего организма. *Гэзеръ* говоритъ, что если народы древности и заболѣвали сифилисомъ, то все же «онъ оставался локализированнымъ и, во всякомъ случаѣ, гораздо рѣже, чѣмъ въ настоящее время, приводилъ къ общему люетическому зараженію». Если намъ удастся искоренить сифилисъ—причину $^1/_5$ случаевъ артеріосклероза, говоритъ Мечниковъ, то уже одно это сильно повыситъ продолжительность жизни человѣка; исчезновеніе алкоголизма, другой наиболѣе важной причины перерожденія артерій, приведетъ еще къ болѣе благопріятнымъ послѣдствіямъ, а научное изученіе явленій старости и средствъ измѣнить ея патологическій характеръ, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ нашу жизнь болѣе долгой и счастливой. Такимъ образомъ, и въ этой области —въ борьбѣ со старостью — нѣтъ основаній для пессимизма.

Но не все ли равно—жить 120 лѣтъ или 70, если вамъ всегда будетъ угрожать страшная перспектива неизбѣжнаго уничтоженія—смерть? Вспомнимъ знаменитое изреченіе Марка Аврелія: «Безразлично, созерцаешь ли происходящее впродолженіи 100 лѣтъ или 3-хъ». При такого рода разсужденіяхъ, говоритъ Мечниковъ, не принимаютъ во вниманіе качественнаго различія въ оцѣнкѣ вещей въ различные періоды жизни: человѣкъ въ 25 лѣтъ и въ 50 лѣтъ не только разсуждаетъ различно, но и различно воспринимаетъ впечатлѣнія бытія. Оцѣнка жизни мѣняется съ возрастомъ. Не происходитъ ли то же самое и по отношенію къ смерти?

Прежде чѣмъ разсматривать, какой путь должна избрать наука для разрѣшенія проблемы о смерти, посмотримъ, что она знаетъ о ней.

Въ обыденной жизни такъ привыкли считать смерть чѣмъ-то естественнымъ и неизбѣжнымъ, что принимали ее однимъ изъ свойствъ всякаго организма, но когда біологи начали изучать этотъ вопросъ, они тщетно пытались найти какое либо доказательство этому мнѣнію, считавшемуся всѣми догмой. Мы видимъ среди низшихъ организмовъ, у которыхъ разноженіе происходитъ посредствомъ дѣленія, какъ поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями безъ того, чтобы наблюдался хотя бы одинъ случай смерти, хотя бы одинъ трупъ; среди

низшихъ одноклѣточныхъ организмовъ не существуетъ явленій естественной смерти, аналогичной смерти высшихъ животныхъ и человѣка. Но даже среди животныхъ, сложенныхъ изъ многихъ клѣтокъ и владѣющихъ многими органами, встрѣчаются семейства, въ которыхъ нельзя указать явленія естественной смерти, таковы, напримѣръ, многіе полипы и аннелиды. Нѣкоторые ученые утверждаютъ даже, что естественной смерти вообще не существуетъ въ природѣ. Напримѣръ, Негелли указываетъ на многія деревья, достигавшія возраста нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ и существованіе которыхъ прерывалось не естественной смертью или истощеніемъ силъ, но совершенно внѣшней причиной, какой-нибудь катастрофой.

Безсмертныя животныя встрѣчаются, по мнѣнію Мечникова, только среди низшихъ безпозвоночныхъ; чѣмъ болѣе мы поднимаемся по лѣстницѣ организмовъ, тѣмъ менѣе рѣзки явленія возрожденія. Тогда какъ черви, напримѣръ, земляные, могутъ быть разрѣзаны на многіе куски, изъ которыхъ каждый можетъ развиться въ цѣлаго червя, моллюски способны уже только къ частичному возрожденію: улитки, у которыхъ вырвали антены, возрождаютъ ихъ, но улитка, разрѣзанная на многія части, уже совершенно мертва. Среди позвоночныхъ только представители низшихъ, какъ, напримѣръ, тритоны и саламандры, могутъ возрождать оторванный хвостъ или лапы, но также, какъ и моллюски, не способны размножаться кусками. У высшихъ же позвоночныхъ и у млекопитающихъ явленія возрожденія, если и происходятъ, то въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ: ни оторванный хвостъ ни лапы не могутъ уже вырасти снова. Такимъ образомъ, можно придти къ заключенію, что прогрессъ организаціи животныхъ происходилъ въ ущербъ воспроизводительной способности ихъ элементовъ и тканей. Даже у самыхъ высшихъ животныхъ мы встрѣчаемъ способность возстановлять нѣкоторые органы, напримѣръ, печень. Но у этихъ животныхъ имѣются клѣтки, характернымъ признакомъ которыхъ является неспособность къ возрожденію; это— нервныя клѣтки, наиболѣе благородные, наиболѣе усовершенствованные элементы организма; развившись въ теченіе эмбріональной жизни, они сохраняются въ теченіе всей жизни индивидуума, не возрождаясь и не вырождаясь; пріобрѣтя наиболѣе высокія свойства—психическія отправленія; они совершенно утратили свойство безсмертныхъ клѣтокъ—именно способность дѣлиться; если существуютъ элементы, неизбѣжно обреченные на индивидуальную смерть, то ихъ нужно искать между нервными клѣтками.

Нельзя сомнѣваться, говоритъ Мечниковъ, въ существованіи естественной смерти въ животномъ мірѣ, но нельзя сказать, чтобы это явленіе происходило часто; наилучшимъ примѣромъ такой смерти являются насѣкомыя—эфемериды (подёнки, однодневки). Эфемериды выходятъ изъ воды, гдѣ живутъ ихъ личинки иногда въ теченіе 2-хъ 3-хъ лѣтъ, и затѣмъ быстро превращаются въ крылатыхъ насѣкомыхъ. Жизнь этихъ послѣднихъ, наоборотъ, крайне коротка, она продолжается всего нѣсколько часовъ; весь ихъ организмъ указываетъ на то, что они осуждены на такую мгновенную жизнь: тогда какъ ихъ личинки владѣютъ прекрасно развитыми жевательными органами, сами однодневки имѣютъ только рудиментарные остатки

челюстей и не могутъ принимать никакой пищи; вся ихъ короткая жизнь посвящена любви; какъ только они выходятъ изъ воды, самцы и самки сейчасъ же спариваются и кладутъ цѣлые свертки яицъ, которыя падаютъ въ воду и черезъ нѣсколько недѣль превращаются въ молодыя личинки; сами насѣкомыя послѣ этого также падаютъ мертвыми и часто покрываютъ своими тѣлами довольно большія пространства, особенно вокругъ какихъ-нибудь свѣтящихся предметовъ, на которые они слетаются цѣлыми кучами. Здѣсь мы имѣемъ прекрасный примѣръ естественной смерти: поденки умираютъ, потому что родились неспособными къ жизни, лишенными органовъ, безъ которыхъ жизнь невозможна. Смерть заложена здѣсь въ самомъ организмѣ, а не вызывается какими-либо внѣшними причинами. Мечниковъ не нашелъ въ тѣлѣ умирающихъ эфемиридъ никакихъ микробовъ, которымъ можно было бы приписать эту смерть; также недопустимо предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что такая быстрая смерть подёнокъ и нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ объясняется истощеніемъ, которое они испытываютъ при кладкѣ яицъ и выдѣленіи мужскихъ элементовъ. Недопустимо это предположеніе потому, что у эфемеридъ число самцовъ всегда значительно больше, чѣмъ число самокъ, и слѣдовательно, весьма многіе самцы поставлены въ невозможность удовлетворить свой половой инстинктъ, а между тѣмъ, и эти индивидуумы умираютъ одновременно со всѣми.

Трудно сказать, умираютъ ли всѣ ткани этихъ насѣкомыхъ одновременно, или же, что весьма вѣроятно, раньше другихъ умираютъ клѣтки нервныхъ клѣтокъ, а это уже вызываетъ смерть всего организма. Также трудно рѣшить, что испытываютъ эти существа, умирая во время полового акта, но все же здѣсь могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя наведенія. Всѣ эфемериды, не только тѣ, которые живутъ только нѣсколько часовъ, но и тѣ, продолжительность жизни которыхъ равняется многимъ днямъ, какъ, напримѣръ, Chloe, ловятся весьма легко: они могутъ быть просто взяты пальцами, безъ всякихъ предосторожностей, и не оказываютъ при этомъ никакого сопротивленія, никакого желанія летѣть или бѣжать. Тоже наблюдается и у крылатыхъ муравьевъ и травяныхъ вшей, но тогда какъ послѣднія насѣкомыя не спасаются отъ враговъ въ теченіе всей своей жизни, эфемериды въ личиночномъ состояніи проявляютъ большую пугливость; слѣдовательно, инстинктъ сохраненія жизни развитъ въ этотъ періодъ жизни у нихъ сильно; ясно, что онъ пропадаетъ только у взрослаго насѣкомаго. Это не можетъ быть объяснено недостаткомъ ихъ органовъ чувствъ: они не только сохранили глаза, которые имѣли въ личиночномъ состояніи, но самцы пріобрѣли даже еще пару громадныхъ глазъ, необходимыхъ имъ для того, чтобы розыскивать самокъ во время брачнаго полета, въ сумеркахъ солнечнаго заката. Органы осязанія также развиты у нихъ хорошо; и несмотря на это, взрослыя эфемериды остаются совершенно индифферентными къ своимъ врагамъ: инстинктъ сохраненія жизни исчезъ у нихъ.

То, что наилучшій примѣръ естественной смерти мы нашли среди насѣкомыхъ, не—простая случайность. Эта группа животныхъ отличается большою устойчивостью своихъ клѣточныхъ элементовъ и отсутствіемъ способности воз-

рожденія тканей; въ этомъ отношеніи насѣкомыя походятъ на высшихъ животныхъ и на человѣка, и потому можно ожидать встрѣтить примѣры естественной смерти среди животныхъ и болѣе высоко стоящихъ на лѣстницѣ организмовъ и, между прочимъ, у человѣка. Но только нигдѣ больше не встрѣчается уже такого яснаго и рѣзкаго примѣра естественной смерти, какъ у эфемеридъ.

Мы уже упоминали, говоритъ Мечниковъ, что наибольшее число смертей отъ старческаго истощенія, которое обыкновенно разсматриваютъ, какъ естественную смерть, должны быть причислены къ инфекціоннымъ болѣзнямъ стариковъ (пнеймонія, нефритъ и т. п.). Детальный анализъ тканей подтверждаетъ это заключеніе: столь частое разрушеніе благородныхъ клѣтокъ фагоцитами указываетъ скорѣе на бурный процессъ, чѣмъ на естественную смерть, подобную смерти крылатыхъ эфемеридъ; естественная смерть у человѣка есть скорѣе явленіе потенціальное, чѣмъ реальное, а старость—явленіе не физіологическое, а болѣзненное; поэтому не удивительно, что она заканчивается случайной, патологической смертью. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что и у людей въ очень преклонномъ возрастѣ наблюдается иногда естественная смерть. Извѣстно, что нѣкоторые органы и ткани живутъ своею частною жизнью еще относительно долго послѣ смерти человѣка; даже 30 часовъ спустя послѣ смерти отъ заразительной болѣзни, сердце, вынутое изъ человѣческаго трупа и помѣщенное въ опредѣленныя условія, можетъ еще сокращаться въ теченіи нѣкотораго времени; бѣлые кровяные шарики, сперматозоиды и сократительныя рѣснички еще продолжаютъ свои движенія послѣ смерти человѣка. Происходитъ ли то же въ столь рѣдкихъ случаяхъ естественной смерти? Вопросъ этотъ рѣшитъ будущее.

Болѣе существеннымъ для насъ является вопросъ: сопровождается ли естественная смерть у человѣка исчезновеніемъ инстинкта жизни и появленіемъ новаго инстинкта—инстинкта смерти? Имѣется ли здѣсь аналогія съ естественною смертью эфемеридъ? Понятно, что и въ данномъ случаѣ нельзя отвѣтить съ безусловной точностью. Самому Мечникову не удалось наблюдать замѣны инстинкта жизни инстинктомъ смерти, но онъ цитируетъ случай, описанный русскимъ врачомъ *Токарскимъ*, когда одинъ столѣтній старецъ высказывался слѣдующимъ образомъ о смерти: «Если бы ты жилъ столько же, сколько я, то понялъ бы, что не только можно не бояться смерти, но даже привѣтствовать ее и чувствовать въ ней такую же потребность, какъ и потребность сна». Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ появленіе естественнаго инстинкта смерти у столѣтняго старца, сохранившаго въ достаточной степени еще свои духовныя силы. Докторъ Фовель также разсказываетъ объ одной 85-ти-лѣтней дамѣ, владѣвшей еще вполнѣ хорошимъ здоровьемъ и вполнѣ достаточными средствами, у которой желаніе смерти выражалось почти тѣми же словами, какъ и у старца, о которомъ повѣствуетъ Токарскій. Вообще, по мнѣнію Мечникова, инстинктъ смерти можетъ, вѣроятно, проявляться относительно въ различные годы. Такъ, несомнѣнное проявленіе этого инстинкта Мечниковъ видитъ у нѣкоторыхъ библейскихъ патріарховъ (Авраама, Іова и нѣкоторыхъ другихъ), про которыхъ Библія говоритъ, что они скончались въ преклонныхъ лѣтахъ (отъ 140—180 лѣтъ),

«пресыщенные днями своими». Что это библейское выраженіе «пресыщенные днями своими» не есть поэтическая метафора, видно, по мнѣнію Мечникова, изъ того, что про другихъ патріарховъ, достигшихъ только 140-лѣтняго возраста Библія говоритъ только, что они скончались, выраженіе о «пресыщенности днями своими», отсутствуетъ. Такимъ образомъ, у библейскихъ патріарховъ инстинктъ смерти смѣнялъ инстинктъ жизни въ возрастѣ отъ 100 до 140 лѣтъ.

У насъ такъ силенъ инстинктъ сохраненія жизни, что намъ кажется страннымъ превращеніе его въ совершенно противоположный инстинктъ смерти, но вѣдь инстинктъ жизни и боязнь смерти могутъ быть сравнены съ инстинктами голода, жажды, потребности сна, половой и материнской любви; всѣ же эти инстинкты, какъ мы знаемъ, могутъ превращаться въ противоположные. Даже материнскій инстинктъ, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ, продолжается у многихъ животныхъ только въ теченіе того періода, когда птенцы не въ состояніи удовлетворять свои нужды, но какъ только птенцы становятся достаточно независимыми, такъ материнскій инстинктъ исчезаетъ и вмѣсто него появляется равнодушіе, а часто и ненависть къ своимъ возмужавшимъ дѣтямъ; при появленіи второго помета тѣ же самыя матери начинаютъ чувствовать нѣжность къ новому поколѣнію, и такимъ образомъ происходитъ періодическое измѣненіе материнскаго инстинкта. Новорожденный инстинктивно сосетъ молоко матери, оно кажется ему единственно хорошей пищей, но этотъ инстинктъ сохраняется только въ періодъ кормленія грудью, а затѣмъ совершенно исчезаетъ и у многихъ смѣняется рѣзко выраженнымъ отвращеніемъ къ женскому молоку, хотя вкусъ его не имѣетъ ничего непріятнаго. Такъ могутъ измѣняться и даже исчезать инстинкты.

Человѣчество, которое такъ цѣпляется за жизнь, скорѣе согласно вѣрить въ вѣчную жизнь, чѣмъ въ возможность замѣщенія инстинкта жизни инстинктомъ смерти; этотъ послѣдній инстинктъ внѣдренъ въ глубины человѣческой природы въ видѣ потенціальной формы. Если бы жизнь людей шла идеальнымъ физіологическимъ путемъ, то инстинктъ смерти появлялся бы въ свое время послѣ нормально прожитой жизни и здоровой и долгой старости, но человѣческая жизнь подвержена печальному вліянію дисгармоній человѣческой природы; это вліяніе становится все болѣе и болѣе значительнымъ съ теченіемъ жизни и приводитъ къ патологической старости. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этихъ условіяхъ люди не испытываютъ желанія старости и не ощущаютъ инстинкта смерти; старики, несмотря на ихъ привязанность къ жизни, все же неспособны оцѣнить всего ея счастья и умираютъ съ боязнью смерти, не зная, что такое инстинктъ смерти; ихъ можно сравнить съ женщинами, которыя выходятъ замужъ очень молодыми, еще до наступленія своего полового развитія, и умираютъ въ родахъ, не зная, что такое настоящій инстинктъ жизни; когда-то число этихъ женщинъ было очень велико, но и теперь во многихъ некультурныхъ странахъ, напримѣръ, въ Абессиніи, такіе браки имѣютъ широкое распространеніе, и, по словамъ Рассенштейна, почти треть молодыхъ женщинъ умираетъ во время родовъ. Прогрессъ отодвинулъ это печальное явленіе въ далекое прошлое и въ некультурныя страны, и Меч-

никовъ надѣется, что наука, углубивъ прогрессивное развитіе человѣчества и поборовъ дисгармоніи человѣческой природы, увеличитъ продолжительность нашей жизни и тѣмъ заставитъ проявиться инстинктъ смерти.

Выработавъ въ теченіе эволюціи мозгъ неизмѣримо болѣе развитой, чѣмъ у его предковъ животныхъ, человѣкъ началъ совершенно новый путь въ эволюціи высшихъ существъ. Столь быстрое измѣненіе природы вызвало цѣлый рядъ органическихъ дисгармоній, которыя даютъ себя чувствовать тѣмъ болѣе, чѣмъ интеллигентнѣе и чувствительнѣе становятся люди. Отсюда всѣ несчастія человѣчества. Отчаявшись возстановить столь желанную гармонію, люди предались пассивному пессимизму и нѣкоторые пришли даже къ выводу, что самое существованіе человѣческаго рода есть злая насмѣшка, ложный шагъ въ эволюціи живыхъ существъ. Точное знаніе въ своемъ медленномъ, но безостановочномъ развитіи, идя отъ простого къ сложному и отъ частнаго къ общему все же установило цѣлый рядъ истинъ, которыя для всѣхъ обязательны, но человѣчество слишкомъ быстро ставитъ наукѣ вопросъ за вопросомъ и теряетъ терпѣніе передъ медленностью научнаго прогресса, временами оно предпочитаетъ даже вернуться назадъ, къ тѣмъ красивымъ миражамъ, которые когда-то развертывали передъ нимъ религія и философія. Наука спокойно продолжаетъ свое дѣло и въ настоящее время мы можемъ уже отвѣтить на нѣкоторые изъ этихъ вѣчныхъ вопросовъ.

Откуда мы явились? На этотъ вопросъ теорія эволюціи даетъ опредѣленный, хотя и не вполнѣ выработанный въ деталяхъ, отвѣтъ.

Куда мы идемъ? Приводитъ ли смерть къ полному уничтоженію, или же это начало новой безконечной жизни? Мы видѣли уже, что безсмертіе существуетъ только для низшихъ организмовъ, которые размножаются путемъ дѣленія и полнаго возрожденія, но въ то же время не владѣютъ достаточно развитымъ сознаніемъ; наука не можетъ принять безсмертія сознанія. Наша смерть, дѣйствительно, полное уничтоженіе, и мысль о ней намъ кажется невыносимой вслѣдствіе того, что человѣкъ умираетъ въ настоящее время, не закончивъ своей физіологической эволюціи, когда въ немъ силенъ еще инстинктъ жизни, а инстинктъ смерти еще не появился.

Уже давно человѣкъ ставилъ вопросъ о цѣли своего существованія и часто, не находя таковой, приходилъ къ пессимизму. Вслѣдствіе основныхъ дисгармоній природы развитіе человѣка идетъ ненормально; первая часть жизни протекаетъ еще безъ большихъ тревогъ, но въ зрѣломъ возрастѣ наше развитіе уклоняется отъ идеальнаго все болѣе и болѣе и заканчивается преждевременной патологической старостью и раннею ненормальною смертью.

Нельзя ли, спрашиваетъ Мечниковъ, признать цѣлью человѣческаго существованія совершеніе полнаго физіологическаго круга жизни, съ нормальной старостью, которая приводитъ къ потери инстинкта жизни и къ появленію инстинкта естественной смерти? И знаменитому біологу кажется, что онъ, дѣйствительно, нашелъ смыслъ жизни человѣческаго существованія въ нормальной смерти, которой должна предшествовать нормально прожитая жизнь. Въ природѣ человѣка имѣются качества и хорошія и дурныя, послѣднія-то и

дѣлаютъ существованіе человѣка столь печальнымъ. Но природа человѣка можетъ быть измѣнена въ благопріятную для него сторону. Мораль должна быть основана не на испорченной природѣ человѣка, каковой она является въ настоящее время, но на идеальной, каковой она должна быть въ будущемъ. Прежде всего нужно, такъ сказать, исправить эволюцію человѣческаго рода, превративъ дисгармонію въ гармонію; только наука способна совершить это и человѣчество должно дать ей для этого всѣ возможныя средства. Между тѣмъ, въ настоящее время поступательное движеніе науки сильно задерживается различными пережитками старины, напримѣръ, суровыми законами по отношенію къ вскрытіямъ, благодаря чему такъ трудно достать для изслѣдованія и полученія сыворотокъ свѣжіе трупы, а безъ этого невозможно изучать научнымъ образомъ явленія старости и смерти...

Мечниковъ не соглашается съ опредѣленіемъ Спенсера культуры и прогресса; по его мнѣнію, Спенсеръ смѣшиваетъ прогрессъ съ эволюціей, и спенсеровская формула прогресса, охватывая слишкомъ обширный кругъ явленій, становится мало точной, когда ее примѣняютъ къ явленіямъ человѣческой жизни; дифференціація не составляетъ еще прогресса и въ каждомъ конкретномъ случаѣ приходится спрашивать, гдѣ она должна остановиться или какимъ образомъ она должна быть измѣнена. Свою теорію эволюціи и прогресса Спенсеръ кладетъ въ основу морали и опредѣляетъ послѣднюю, какъ стремленіе къ возможно болѣе полной и продолжительной жизни; но полнота жизни, по его мнѣнію, синонимъ сложности ея, а цивилизація—осуществленіе прогресса сравнительно съ примитивной жизнью. Спенсеръ видитъ прогрессъ, между прочимъ, и въ томъ, что и пища человѣка и его одежа и жилище стали разнообразнѣе, но, по мнѣнію Мечникова, это разнообразіе еще вовсе не есть признакъ прогресса. Несомнѣнно, напримѣръ, что разнообразная изысканная пища должна препятствовать наступленію физіологической старости, что въ этомъ отношеніи болѣе простая пища некультурныхъ народовъ является болѣе идеальной и потому истиннымъ прогрессомъ въ данномъ случаѣ было бы оставить современную кухню и вернуться къ простымъ блюдамъ нашихъ предковъ. Во имя этого же прогресса нужно отказаться отъ роскоши, которая также препятствуетъ созданію нормальнаго цикла человѣческой жизни. Молодые люди вмѣсто того, чтобы пользоваться всевозможными «благами жизни», влекущими за собою печальную старость и патологическую смерть, должны, наоборотъ, готовиться къ физіологической старости и къ естественной смерти; этотъ подготовительный періодъ, конечно, будетъ очень дологъ, но явится прелюдіей къ зрѣлому возрасту и къ идеальной старости; тогда въ человѣческой жизни также появится дифференціація, но она не коснется индивидумовъ, какъ, напримѣръ, у муравьевъ и пчелъ, но выразится только различными функціями человѣка въ различные возрасты его жизни. Жизнь человѣка раздѣлится на два періода: періодъ половой плодовитости и періодъ безплодія; старики нормально и своевременно утратятъ способность къ половой жизни. Старость, которая въ настоящее время является безполезной тяжестью для общества, станетъ періодомъ полнымъ полезной работы; старецъ не будетъ уже испытывать ни потери па-

мяти, ни умственной слабости, и потому сможетъ приложить свой долголѣтній опытъ къ наиболѣе сложнымъ и запутаннымъ вопросамъ общественной жизни—къ политикѣ. Политикой теперь занимается всякій, какъ когда-то всякій могъ заниматься медициной, но, по мнѣнію Мечникова, здѣсь нужна такая же большая подготовка, какъ и для медиковъ; молодые люди, по его мнѣнію, плохіе политики, и это печально отражается на общественной и международной жизни. Человѣчество много выиграетъ, когда управленіе страною перейдетъ въ руки старцевъ, умудренныхъ опытомъ и въ то же время еще полныхъ силъ и энергіи.

Эта цѣль жизни—создать идеальный, но въ то же время нормальный кругъ человѣческой жизни съ продуктивной молодостью, физіологической старостью и естественной смертью—столь обща, по мнѣнію Мечникова, что можетъ лечь въ основу международнаго единенія и уничтожить рознь различныхъ національностей, созданную различіями языка, обычаевъ и интересовъ. Эта цѣль явится идеаломъ, вокругъ котораго сгруппируется человѣчество, какъ группировалось нѣкогда вокругъ религіозныхъ идеаловъ.

Весьма вѣроятно, говоритъ Мечниковъ, что научное изученіе старости и смерти, которое создастъ двѣ отрасли знанія: геронтологію и танатологія, приведетъ къ большимъ измѣненіямъ въ теченіи старости—этого послѣдняго періода жизни, и хотя въ настоящее время проявленіе инстинкта смерти встрѣчается у человѣка такъ же рѣдко, какъ напр., случаи выдѣленія молока изъ грудныхъ железъ мужчины, но все-же этотъ инстиктъ можетъ быть пробужденъ и развитъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и соотвѣтственномъ воспитаніи.

Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, придется много поработать; но въ этомъ, говоритъ Мечниковъ, характерная черта науки: она требуетъ усиленной дѣятельности, тогда какъ религія и метафизическая философія приводятъ къ фатализму и къ покорности судьбѣ. Перспектива разрѣшенія, хотя бы даже въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, великихъ проблемъ, занимающихъ человѣчество, уже одна можетъ доставить чувство полнаго удовлетворенія. Нашему поколѣнію, конечно, не достигнуть физіологической старости и естественной смерти, но мы можемъ утѣшаться той надеждой, что молодые сдѣлаютъ уже нѣсколько шаговъ къ осуществленію этой цѣли и что каждое новое поколѣніе будетъ все болѣе и болѣе приближаться къ окончательному разрѣшенію этой проблемы, и, въ концѣ концовъ, человѣчество достигнетъ истиннаго счастья. Это прогрессивное движеніе потребуетъ многихъ жертвъ; люди должны будутъ привыкнуть къ мысли о всемогуществѣ знанія и о вредѣ суевѣрій, столь глубоко еще внѣдренныхъ въ человѣчество; нужно будетъ измѣнить многія привычки и установленія, отказаться отъ многихъ, весьма распространенныхъ обычаевъ, преобразовать всю систему воспитанія и образованія. Идя впередъ къ поставленной цѣли, люди должны будутъ утратить большую часть своей свободы, но взамѣнъ того станутъ болѣе солидарными, такъ какъ они поймутъ, что конечная цѣль человѣчества не можетъ быть достигнута иначе, какъ при ограниченіи эгоизма и при расширеніи со-

лидарности. Идя впередъ къ этой цѣли нужно все время совѣтываться съ природой; въ эфемиридахъ она осуществила уже полный циклъ нормальной жизни, кончающейся естественной смертью, но человѣкъ не долженъ довольствоваться только тѣмъ, что ему даетъ природа, необходимо, чтобы онъ вносилъ сюда и свои измѣненія, стремясь сдѣлать свою природу болѣе гармоничной.

«Когда ставятъ себѣ цѣлью получить новыя рассы, которыя лучше удовлетворяли бы нашему эстетическому чувству или были бы полезны человѣку, говоритъ Мечниковъ, спеціалисты прежде всего создаютъ себѣ тотъ идеалъ, котораго они желаютъ достигнуть; затѣмъ они наблюдаютъ индивидуальныя различія животныхъ или растеній, которыя они желаютъ измѣнить, и производятъ для осуществленія этого самый детальный подборъ. Идеалъ долженъ быть въ соотвѣтствіи съ природой организмовъ, которыхъ мы выбираемъ.

«Чтобы измѣнить природу человѣка нужно также прежде всего отдать себѣ отчетъ въ идеалѣ, котораго мы желаемъ достигнуть, а затѣмъ привести въ дѣйствіе всѣ способны, которыми владѣетъ наука, для того, чтобы достигнуть этого результата. Если существуетъ идеалъ, способный соединить людей, какъ бы въ нѣкоторой религіи будущаго, то онъ можетъ быть основанъ только на научныхъ принципахъ; и если вѣрно то, какъ иногда утверждаютъ, что невозможно жить безъ вѣры, то она должна быть вѣрой во всемогущество знанія».

Мы совершенно объективно передали содержаніе труда знаменитаго біолога. Мы предпочли такой объективный пересказъ этой книги всякому другому изложенію потому, что центръ тяжести ея, ея главный нервъ не въ тѣхъ конечныхъ выводахъ, къ которымъ приходитъ авторъ, а въ той массѣ, въ томъ подборѣ крайне интересныхъ фактовъ и мыслей, которыми онъ аргументируетъ. Ихъ такъ много—этихъ фактовъ и мыслей,—что входить въ разборъ и оцѣнку ихъ удѣльнаго вѣса мы не можемъ на страницахъ нашего фельетона и потому всецѣло оставляемъ ихъ подъ мощной защитой автора книги; но за то мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу морально-философскихъ выводовъ этого произведенія, такъ какъ они, по нашему мнѣнію, компрометируютъ нѣкоторымъ образомъ эти факты и мысли, идя подъ ихъ флагомъ.

Согласимся съ И. Мечниковымъ, что, въ силу указанныхъ имъ причинъ, жизнь современнаго человѣка короче, чѣмъ могла бы быть. Предположимъ, что, побѣдивъ дисгармоніи своей природы, человѣкъ будетъ жить до 120—150 лѣтъ, что онъ пріобрѣтетъ, наконецъ, инстинктъ смерти, что мудрые и бодрые старцы будутъ прекрасно заниматься политикой, а юноши, мужья и жены плодиться и размножаться и готовиться къ физіологической старости. Предположимъ, что такой гигіеническій идеалъ осуществится, но развѣ думаетъ нашъ знаменитый соотечественникъ, что только въ силу этого люди тогда будутъ «счастливы, какъ боги», не будутъ страдать отъ зависти къ болѣе умному или талантливому, страдать отъ неудовлетворенной любви, мучиться вѣчными

муками неисполнимыхъ желаній, безконечностью идеала и медленностью приближенія къ нему, развѣ они не будутъ презирать своихъ ближнихъ и въ то же время страдать своимъ превосходствомъ, а нѣкоторые даже и тѣмъ, что раньше, до ихъ эпохи счастья «физіологической старости» и «инстинкта смерти», существовали люди, захлебывавшіеся въ горѣ и страданіяхъ. Если эти счастливцы ничего этого не будутъ чувствовать, то это будетъ поистинѣ не только новая порода людей, но даже совершенно новый зоологическій видъ.

Но зачѣмъ удаляться въ такое далекое будущее. Насъ-то, современниковъ И. Мечникова, развѣ можетъ удовлетворить и хоть нѣсколько успокоить предлагаемый имъ идеалъ: то, что наши праправнуки не будутъ хворать, станутъ крѣпкими стариками и умрутъ 150-ти лѣтъ, безъ всякаго страха передъ смертью. Дай Богъ имъ всего хорошаго, но, право же намъ отъ этого ни тепло ни холодно.

Мы голодаемъ и объѣдаемся, мы отравляемся алкоголемъ, мы болѣемъ и преждевременно гибнемъ, мы убиваемъ другъ друга, мы плохіе политики, мы начинаемъ нашу общественную жизнь юношами, мы любимъ и ненавидимъ, но мы не промѣняемъ все же нашихъ маленькихъ и разноцѣнныхъ идеаловъ на общечеловѣческій питомникъ для выработки краснощекаго и самодовольнаго стопятидесятилѣтняго старика. Оставьте намъ наши страданія—они радостнѣе и идеальнѣе рисуемаго вами покоя.

Вотъ что мы хотѣли сказать по поводу нѣкоторыхъ общихъ морально-философскихъ выводовъ, сдѣланныхъ И. Мечниковымъ изъ его интересной книги, но это нисколько не умаляетъ ея научныхъ достоинствъ и ея научныхъ выводовъ.

Особенно пріятное впечатлѣніе производитъ книга нашего знаменитаго біолога своимъ позитивизмомъ. На протяженіи 400 страницъ авторъ трактуетъ вопросы о жизни и смерти, но вы нигдѣ не встрѣтите у него попытокъ дать общія опредѣленія «сущности» жизни и «сущности» смерти. Ему не нужны эти «сущности», а между тѣмъ сколькихъ ученыхъ и талантливыхъ людей занимаетъ теперь этотъ метафизическій вопросъ, сколько книгъ написано, сколько остроумія потрачено въ спорахъ, сколько «малыхъ сихъ» соблазнено. 25 лѣтъ тому назадъ Клодъ-Бернартъ въ своей книгѣ «Leçons sur les phenomènes de la vie communs aux animaux et aux végétaux» стоялъ уже на вѣрномъ пути. Оставалось только промѣтить болѣе рѣзко основные его мотивы. Почему же теперь, черезъ четверть вѣка, снова идетъ война и снова смятеніе и путаница? *)

В. Агафоновъ.

---

*) Нашъ фельетонъ такъ разроссся, что вторую часть его, разбирающую вопросъ о „сущности" жизни, мы принуждены отложить до августовской книги.
В. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Іюль **1903 г.**

Содержаніе: Беллетристика.—Критика, исторія литературы и исторія искусства.—Философія и логика.—Исторія, русская и всеобщая.—Соціологія, юриспруденція и политическая экономія.— Естествознаніе.—Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. А. Измайловъ. (Смоленскій) „Въ бурсѣ". „Рыбье слово", (повѣсти и разсказы).—*Марко Вовчекъ,* „Народна оповидання" (Разсказы).

А. А. Измайловъ (Смоленскій). 1) «Въ бурсѣ». Ц. 1 р. 2) «Рыбье слово». Повѣсти и разсказы. Ц. 1 р. Спб. 1903 г. Бурса, которую, по характерному семинарскому выраженію, «переплываетъ» юный герой автора, сынъ дьячка, Кузьма Ильинскій, это современная намъ, и если не сегодняшняя, то, во всякомъ случаѣ вчерашняя бурса. Читая повѣсть г. Измайлова, чувствуешь, что даже нравы и бытъ, такъ талантливо описанные г. Потапенко въ его «Бурсацкихъ воспоминаніяхъ», уже отошли отъ насъ въ даль времени, образовавъ какъ бы средній этапъ, связующій теперешнее духовное училище съ приснопамятной, страшной бурсой Помяловскаго. Но, несмотря на то, что многое смягчилось, просвѣтлѣло, улучшилось, все-таки мрачныя тѣни Элпахи, Ірѳе, Тавли и ихъ достойныхъ наставниковъ и до сихъ поръ еще незримо витаютъ въ стѣнахъ разсадниковъ будущаго духовенства. Наставники уже не порятъ своихъ питомцевъ «на воздусяхъ» и прочими способами, но часто вздыхаютъ объ этихъ прелестяхъ стараго добраго времени, ограничиваясь невинными щелчками въ лобъ, и между ученикомъ и учителемъ лежитъ глубокій антагонизмъ. Вымазать серебряныя пуговицы учительскаго мундира чернилами, напихать въ его карманы бумажекъ, заставить учителя испачкаться о парту, натертую мѣломъ, считается высокимъ проявленіемъ бурсацкой доблести. Въ преподаваніи, сравнительно съ до-историческими временами, произошли, конечно, большія перемѣны. Варварскіе учебники, переполненные архаизмами и ломоносовскими періодами, вышли изъ употребленія, но катехизисъ и церковный уставъ и теперь еще учатъ «на зубокъ», иногда не постигая смысла предмета, но запоминая даже порядокъ вопросовъ. «Ученикъ заучивалъ,—пишетъ г. Измайловъ,—что въ такіе-то дни стихиры поются «на шесть», а въ такіе-то «на десять», что есть стихиры на «Господи воззвахъ» и на «Хвалите», но какой смыслъ заключался въ этихъ кабалистическихъ терминахъ, «на десять» и «на шесть», это знали только очень немногіе счастливцы, которымъ это уяснили дома». Взаимныя отношенія учениковъ замѣтно смягчились, но все-таки «силачи» облагаютъ произвольными налогами «блаженныхъ», или устраиваютъ новичкамъ «избіеніе по алфавиту»; «отчаянные» пьянствуютъ и творятъ всякія мерзости; классные шуты, по-бурсацки — «смѣшные», — пьютъ чернила и ѣдятъ траву, съ цѣлью вызвать у зрителей смѣхъ, «торгаши занимаются ростовщичествомъ и лихоимствомъ» и

т. д. Кормятъ бурсу, конечно, нѣсколько получше, чѣмъ во времена Помяловскаго, но тѣмъ не менѣе она весь день ходитъ полуголодная. Ея внутренняя жизнь мало интересуетъ педагогическій персоналъ, и, предоставленные самимъ себѣ, ученики наполняютъ свободное время поразительными по своей дикой безцѣльности развлеченіями. Вотъ, напримѣръ, перечень тѣхъ неоффиціальныхъ занятій, которымъ однажды Кузьма посвятилъ вечерніе часы:

„Онъ началъ съ того, что на собственныхъ ногтяхъ нарисовалъ чернилами рожи. Сталъ писать на ладони таблицу умноженія, но на пятомъ десяткѣ сбился. Въ священной исторіи замазывалъ чернилами всѣ буквы *о*;—этимъ занятіемъ онъ развлекался уже четвертый день и дошелъ до 22 страницы. Сдѣлалъ изъ платка зайца. Старался поймать носъ нижней губой. Нажималъ руками животъ и прислушивался, какъ въ немъ переливалась вода. Старался искусственно зѣвнуть, долго не могъ этого сдѣлать и, наконецъ, сдѣлалъ. Пытался зѣвнуть, не раскрывая рта, но не съумѣлъ. Учился скрипѣть зубами. Трижды просился у гувернера „выйти", но безуспѣшно. Снималъ подъ партой сапогъ, надѣвалъ его и снова снималъ безъ помощи рукъ. Косилъ глаза и силился увидѣть носъ. Заплелъ мизинецъ правой руки за безымянный палецъ, безымянный за средній и средній за указательный, и размышлялъ, какъ это вышло. Долго мялъ хлѣбный мякишъ, каталъ его по партѣ, хотѣлъ бросить имъ въ товарища, но раздумалъ и съѣлъ. Наблюдалъ за полетомъ мухъ. Пробовалъ съѣсть комочекъ бумаги. Предлагалъ своему сосѣду угадать, о чемъ онъ думаетъ. Сдѣлалъ восемь пѣтуховъ..."

Г. Измайловъ, очевидно, хорошо знаетъ нравы бурсы и описываетъ ихъ ярко, мѣстами не безъ юмора, благодаря чему очерки его читаются съ большимъ интересомъ. Но въ нихъ совсѣмъ отсутствуютъ эпизодическій и художественный элементы. Поэтому читатель не выводитъ своихъ заключеній о бурсацкой жизни изъ хода событій, сценъ и разговоровъ, а вѣритъ въ этомъ на слово автору и совсѣмъ не проникается участью дѣйствующихъ въ разсказѣ лицъ. Впрочемъ, и самъ г. Измайловъ въ предисловіи къ своей «бытовой хроникѣ» заявляетъ, что онъ не придаетъ этому произведенію художественной значительности, оставляя за нимъ только исторически-бытовой смыслъ.

А. К—инъ.

Марко Вовчокъ. Народни оповидання (разсказы). Т. I и II. Кіевъ. Цѣна каждаго тома 50 коп. Стр. 294—283. Имя Марка Вовчка давно уже принадлежитъ исторіи, хотя почтенная писательница (г-жа М. А. Марковичъ), прославившаяся подъ этимъ псевдонимомъ, здравствуетъ понынѣ и не далѣе, какъ въ прошломъ году, послѣ многолѣтняго молчанія, отозвалась печатнымъ малорусскимъ словомъ на страницахъ «Кіевской Старины». Какъ извѣстно, г-жа Марко Вовчокъ писала свои произведенія на русскомъ и на малорусскомъ языкахъ. Ея первые литературные опыты, относящіеся къ концу 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, были встрѣчены какъ русскими, такъ малорусскими литературными кругами съ величайшимъ энтузіазмомъ. Кулишъ въ предисловіи къ первому изданію малорусскихъ разсказовъ Марка Вовчка ставитъ молодую, начинающую писательницу рядомъ съ Квиткою Основьяненкомъ и Шевченкомъ, привѣтствуя въ лицѣ Марка Вовчка новаго «народнаго глашатая», въ произведеніяхъ котораго лицомъ къ лицу съ читателемъ ведетъ бесѣду самъ народъ; Добролюбовъ посвящаетъ разсказамъ Марка Вовчка одну изъ своихъ лучшихъ критическихъ статей («Черты для характеристики русскаго простонародія»); Шевченко называетъ молодую писательницу своей преемницей и литературной дочерью и совѣтуетъ по ея произведеніямъ учиться малорусскому языку; Тургеневъ переводитъ разсказы Марка Вовчка на русскій языкъ.

Дальнѣйшая литературная карьера Марка Вовчка извѣстна. Въ русской литературѣ ей не удалось занять сколько-нибудь выдающагося мѣста; ея «Живая душа», «Въ глуши» и «Записки причетника», появившіяся въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, давно забыты, и историкъ литературы вспоминаетъ о нихъ

лишь вскользь и неохотно; сама писательница съ конца 70-хъ годовъ совершенно прекратила свою литературную дѣятельность.

Иная доля досталась малорусскимъ произведеніямъ Марка Вовчка. Помалорусски г-жа Марко Вовчокъ перестала писать еще раньше, чѣмъ по-русски,— въ концѣ 60-хъ годовъ; болѣе того, ея малорусскіе разсказы, по причинамъ, о которыхъ здѣсь говорить не приходится, не переиздавались около 40 лѣтъ; но, ни долголѣтнее молчаніе автора, ни отсутствіе его произведеній на книжномъ рынкѣ не омрачили свѣтлаго ореола славы и популярности, съ которымъ г-жа Марко Вовчокъ выступила на литературное поприще. Безъ произведеній Марка Вовчка исторія малорусской литературы была бы не полна, не доставало бы важнаго звена, связующаго прошлое съ настоящимъ, не доставало бы одной изъ ступеней въ той эволюціи, которую прошла эта демократическая литература въ XIX-мъ вѣкѣ. Какъ извѣстно, Марко Вовчокъ посвятила всѣ свои малорусскія произведенія изображенію страданій малорусскаго народа, стонавшаго подъ тяжкимъ и позорнымъ игомъ крѣпостничества; какъ антитезой, писательница пользуется картинами привольной жизни казаковъ, тѣхъ же крестьянъ, но свободныхъ, сельскаго сословія, распространеннаго въ Полтавской и Черниговской губ. Палитра г-жи Марка Вовчка бѣдна, красками ея распоряжается чувство. Всю силу своихъ благородныхъ, гуманныхъ симпатій обращаетъ писательница на несчастныхъ страдальцевъ-крестьянъ, все свое общественное негодованіе изливаетъ на ихъ притѣснителей-помѣщиковъ. Крестьянинъ—герой разсказовъ Марка Вовчка, по выраженію Кулиша, самый умный человѣкъ, самое нѣжное сердце, самая чистая душа; помѣщикъ—извергъ, дикій насильникъ, мрачный развратникъ, грабитель. Г-жу Марка Вовчка часто сравнивали съ знаменитою американскою писательницей Бичеръ-Стоу; въ этомъ сравненіи много правды, оно даетъ ключъ къ пониманію необычайнаго успѣха произведеній малорусской писательницы въ годы, предшествующіе уничтоженію крѣпостного права въ Россіи. «Народни оповидання» Марка-Вовчка проникнуты тѣмъ же негодующимъ обличеніемъ рабства, той же страстной проповѣдью свободы, какими насыщена и «Хижина дяди Тома» Бичеръ-Стоу. Г-жа Марко Вовчокъ, какъ и Бичеръ-Стоу, съумѣла во-время сказать свое возвышенное слово въ защиту «униженныхъ и оскорбленныхъ», чѣмъ и обезпечила за своими произведеніями крупное и почетное мѣсто въ исторіи литературы того народа, на языкѣ котораго она создала свои «Оповидання».

Помимо общественно-историческаго значенія малорусскихъ произведеній г-жи Марка Вовчка, въ талантѣ этой писательницы есть еще характерная черта, сообщающая ея «Народнымъ оповиданнямъ» исключительную живучесть и привлекательность. Черта эта—необычайно красивый, поэтическій и музыкальный языкъ ея произведеній. Шевченко считалъ г-жу Марка Вовчка лучшимъ стилистомъ въ малорусской литературѣ; Кулишъ писалъ о ней: «Нашъ Марко Вовчокъ, какъ пчела Божія, выпилъ наилучшую росу изъ цвѣтковъ нашей рѣчи»; всѣ позднѣйшіе малорусскіе критики единогласно признаютъ высокое изящество стиля знаменитой писательницы, соперничающаго по красотѣ своей съ величавымъ и граціознымъ стилемъ народной малорусской пѣсни. Эта красота и поэтичность языка въ произведеніяхъ г-жи Марка-Вовчка породила даже литературную легенду, проникшую въ печать. Утверждали, что «Народни оповидання» написаны не г-жой М. А. Марковичъ, орловской уроженкой, до замужества своего ничего общаго съ Малороссіей и малорусскимъ языкомъ не имѣвшей, а ея мужемъ, извѣстнымъ малорусскимъ патріотомъ и этнографомъ А. В. Марковичемъ, умершимъ въ 1867 году. Долголѣтнее литературное молчаніе г-жи М. А. Марковичъ служило какъ бы подтвержденіемъ этого предположенія. Возобновленіе малорусской литературной дѣятельности г-жи Марка Вовчка въ прошломъ году служитъ лучшимъ опро-

верженіемъ легенды; новыя произведенія знаменитой писательницы блещутъ той же красотой слога, что и написанные много лѣтъ тому назадъ «Народни оповидання». *М. Славинскій.*

КРИТИКА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

Волжскій. „Очерки о Чеховѣ".—„Труды Я. К. Грота".—*А. П. Новицкій.* „Исторія Русскаго искусства".

Волжскій. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903. Брошюра г. Волжскаго читается не безъ интереса, хотя отнюдь не можетъ считаться законченнымъ трудомъ объ одномъ изъ корифеевъ современной литературы, сложное и многостороннее дарованіе котораго критику не удалось вполнѣ освѣтить. Авторъ съ наибольшей подробностью останавливается на выясненіи міросозерцанія А. П. Чехова, но выводы его во многомъ представляются спорными. Собственному анализу произведеній г. Чехова г. Волжскій предпослалъ очеркъ «эволюціи взглядовъ Н. К. Михайловскаго на развитіе таланта Чехова» (въ главѣ «Конфликтъ идеала и дѣйствительности») и далѣе пытается примѣнить къ г. Чехову пріемъ г. Михайловскаго относительно *десницы* и *шуйцы* Льва Н. Толстого. Десница г. Чехова, по опредѣленію г. Волжскаго, это его «пессимистическій идеализмъ», а шуйца—«оптимистическій пантеизмъ».—А. П. Чеховъ «имѣетъ идеалъ, но не вѣритъ въ его фактическое могущество»; а съ неприглядной дѣйствительностью примиряетъ (?) его угодливая шуйца, т.-е. «радостное пантеистическое поклоненіе существующему». Однако, и по замѣчанію г. Волжскаго, «изображеніе безсмысленной пошлости жизни, даже и сдобренное (?) успокоительной философіей авторскаго пантеизма, все-таки *часто* будитъ въ душѣ читателя скорѣе чувство возмущенія и активнаго недовольства, чѣмъ чувство примиренія и успокоенія». Почему только *часто*, а не *всегда?* Откуда г. Волжскій вывелъ *радостное поклоненіе* существующему у г. Чехова? Авторъ совершенно стушевалъ элементы сатира и облегченія въ произведеніяхъ г. Чехова и весьма произвольно опредѣляетъ его credo. «Оптимизмъ—съ отчаянія, отъ нравственнаго переутомленія»—совершенно не подходящая формула для характеристики міросозерцанія Ант. П. Чехова. Въ пантеистическомъ преклоненіи передъ дѣйствительностью и «рабски равнодушномъ примиреніи съ нею» упрекалъ автора, какъ вспоминаетъ и г. Волжскій,—г. Михайловскій въ самомъ началѣ его писательской дѣятельности, замѣнивъ потомъ эту характеристику другой, а именно, послѣ выхода въ свѣтъ «Скучной исторіи», онъ назвалъ г. Чехова «поэтомъ тоски по общей идеѣ и мучительнаго сознанія ея необходимости». Но и это опредѣленіе было только временнымъ и не можетъ служить характеристикой цѣльнаго образа писателя, такого, какимъ онъ выясняется намъ теперь, въ результатѣ съ лишнимъ двадцатилѣтняго, неустаннаго, интенсивнаго творчества. Окончательные итоги еще рано подводить, но и въ оцѣнкѣ созданнаго до сихъ поръ уже нельзя останавливаться на квалификаціи лишь отдѣльныхъ моментовъ, не считаясь съ ихъ органической преемственностью въ исторіи развитія духовнаго облика писателя. Г. Волжскій, считаясь съ мнѣніями разныхъ критиковъ, пестритъ свое изложеніе ссылками и цитатами: г. Михайловскій сказалъ то-то, а г. Скабичевскій выразился такъ-то; г. Л. Оболенскій отстаивалъ слѣдующую точку зрѣнія, а г. Андреевичъ высказалъ такой-то взглядъ и т. д. и т. д. Имена приводятся въ перемежку и мы не имѣемъ ни связной исторіи «мнѣній критиковъ», т.-е. обзора оцѣнокъ въ повременной прессѣ различ-

ныхъ произведеній г. Чехова, тотчасъ или вскорѣ по ихъ напечатанію, ни цѣльнаго и самостоятельнаго критическаго этюда о самомъ авторѣ. Желаніе примирить различныя точки зрѣнія зачастую приводитъ критика къ нѣсколько насильственнымъ построеніямъ и искусственнымъ сочетаніямъ противорѣчивыхъ понятій, не уясняющимъ возможныя противорѣчія и въ самомъ міросозерцаніи художника (хотя мы считаемъ эти противорѣчія лишь кажущимися и думаемъ, что они могутъ быть сглажены, если встать на болѣе общую точку зрѣнія, выходя за предѣлы тѣхъ клѣточекъ, въ которыя г. Волжскій какъ бы пытается заключить взгляды А. П. Чехова, не достаточно считаясь съ пріемами его художественнаго творчества). Обличительныя картины неприглядной дѣйствительности, пессимистическая нотка въ минуты унынія и разочарованія, любовное отношеніе ко всему живому и вѣра въ окончательное торжество правды и добра въ отдаленномъ будущемъ—все это разныя стороны одной міровой концепціи, которая требуетъ болѣе широкой формулы, чѣмъ слишкомъ рудиментарныя опредѣленія г. Волжскаго «десницы» и «шуйцы», съ произвольнымъ сочетаніемъ исключающихъ другъ друга понятій. Когда авторъ отдается непосредственному впечатлѣнію произведеній разсматриваемаго имъ писателя, у него попадаются интересныя и мѣткія замѣчанія, порою высказанныя въ красивой и образной формѣ. Отмѣтимъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто: «Подобно Мопассану, пишетъ г. Волжскій (стр. 58), излюбленной формой произведеній Чехова является новелла. Онъ раскалываетъ свой талантъ фонтаномъ блестящихъ брызгъ. Каждая отдѣльная капля, въ той или другой степени, содержитъ въ себѣ основныя свойства породившаго ее источника, но только всѣ эти брызги вмѣстѣ, и большія и малыя, сверкая взаимной игрой тѣней и оттѣнковъ, создаютъ красоту и силу этого прекраснаго фонтана». Г. Волжскій, такимъ образомъ, самъ вполнѣ правильно указываетъ, что о творчествѣ Ант. П. Чехова нужно судить лишь при совокупномъ разсмотрѣніи его богатой и многообразной дѣятельности. *Ѳ. Бат—овъ.*

Труды Я. К. Грота. Т. V. Дѣятельность литературная, педагогическая и общественная. Спб. 1903. Стр. 628. Ц. 3 р. Пятымъ томомъ закончено изданіе «Трудовъ» Я. Грота, куда вошло почти все написанное покойнымъ академикомъ въ теченіе свыше полувѣковой его литературной и ученой дѣятельности. Неизданными остались только «самыя незначительныя и мелкія газетныя замѣтки», а также біографическіе матеріалы и письма, исключая переписки съ Плетневымъ, занявшей три огромныхъ тома. Не вошла въ это изданіе и обширная біографія Державина. Первые четыре тома «Трудовъ» Грота отличаются болѣе или менѣе однороднымъ содержаніемъ. Въ І-мъ томѣ помѣщено все относящееся къ скандинавскому и финскому міру; во II-мъ томѣ—«Филологическія розысканія», въ III-мъ томѣ очерки изъ исторіи русской литературы, въ IѴ-мъ—статьи по русской исторіи. По сравненію съ этими томами, Ѵ-й томъ отличается необыкновенно разнообразнымъ содержаніемъ. Тутъ и автобіографія Грота, и «мысли», посвященныя цесаревичу Николаю въ 1859 году, и путевыя замѣтки, и замѣтки о русской журалистикѣ и печати, и педагогическія статьи, и стихотворенія, оригинальныя и переводныя, и стихи и проза для дѣтскаго возраста, извлеченные изъ журнала Ишимовой «Звѣздочка», и т. д., и т. д.

Очень многое въ Ѵ-мъ томѣ имѣетъ только историческій или біографическій интересъ и перепечатано для полноты изданія; но кое-что среди обширнаго матеріала, занявшаго шестьсотъ большихъ страницъ, заслуживаетъ вниманія и современнаго читателя. Прежде всего, не лишена общаго интереса краткая автобіографія Грота, съ воспоминаніями о лицейской жизни, о службѣ у барона Корфа, о жизни въ Гельсингфорсѣ, о преподаваніи покойному цесаревичу Николаю и т. д. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ педагогическія

статьи Грота. Если статьи о классическомъ образованіи, направленныя противъ А. Н. Бекетова и М. М. Стасюлевича, защищавшихъ естественныя науки и новые языки, будутъ съ удовольствіемъ прочитаны только классиками гуманистами, то «Замѣтки педагога» полезно прочитать всѣмъ педагогамъ безъ исключенія. Отмѣчая излишнее обремененіе учащихся занятіями *), Гротъ справедливо указываетъ, что одной изъ причинъ этого обремененія является чрезмѣрное усердіе преподавателей, увлекающихся желаніемъ блеснуть отвѣтами своихъ учениковъ передъ начальствомъ. «Будемъ постоянно имѣть въ виду,—совѣтуетъ Гротъ такимъ честолюбивымъ или не въ мѣру рьянымъ педагогамъ—что собственно нужно знать не спеціалисту, а вообще образованному человѣку, и убережемся отъ безразсуднаго стремленія къ тому, чтобы наши несовершеннолѣтніе ученики знали то, чего не знаютъ не только большинство образованныхъ людей, но и многіе ученые. Къ ряду такихъ познаній надобно отнести, напримѣръ въ географіи—множество мало извѣстныхъ рѣкъ и рѣчекъ, городовъ и мѣстечекъ съ ихъ такъ называемыми примѣчательностями, педантически-точныя цифры численности населеній, мелкія статистическія данныя, градусы положенія странъ и проч.; въ исторіи—имена разныхъ незначительныхъ лицъ и мѣстъ, ничтожные факты съ цифрами годовъ, къ которымъ они относятся, такъ что приходится исчислять чуть не всѣ годы каждаго столѣтія; въ законѣ Божіемъ—безчисленное множество названій и событій изъ исторіи евреовъ, множество текстовъ, объясненіе богослуженія до мельчайшихъ подробностей—въ объемѣ, нужномъ только для священнослужителей, и проч» (стр. 196).

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и отношеніе Грота къ университетскому образованію. Будучи воспитанникомъ, а впослѣдствіи преподавателемъ лицея, Гротъ неоднократно высказывалъ, что университетъ—лучшее мѣсто для подготовки государственныхъ дѣятелей, чѣмъ привилегированныя учебныя заведенія. «Слѣдуетъ желать,—писалъ онъ въ 1871 году,—чтобъ былъ положенъ предѣлъ слишкомъ важнымъ привилегіямъ нѣкоторыхъ закрытыхъ заведеній, когда-то имѣвшимъ свой смыслъ, но уже давно составляющимъ въ нашемъ обновленномъ общественномъ строѣ вопіющій анахронизмъ» (стр. 201, ср. стр. 193). *С. А.*

А. П. Новицкій. Исторія русскаго искусства. Выпуски VI—XII. Москва 1899—1903 гг. Многолѣтній трудъ г. Новицкаго, о первыхъ выпускахъ котораго мы въ свое время говорили, наконецъ доведенъ до конца. Какъ первая попытка прослѣдить развитіе русскаго искусства отъ древнѣйшихъ временъ до нашей эпохи, эта книга во всякомъ случаѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и несомнѣнно сослужитъ хорошую службу русскому читателю. Быть можетъ, позволительно было бы уже мечтать о другого рода исторіи русскаго искусства, въ основѣ которой лежала бы научно продуманная обще-историческая концепція; искусство только въ такомъ случаѣ заслуживаетъ исторіи, если оно составляетъ замѣтный факторъ культурной исторіи общества, другими словами—исторія исскуства, какъ и литературы не есть исторія памятниковъ, а должна была бы быть исторіей художниковъ, какъ членовъ даннаго общества. Только при этомъ условіи можно надѣяться глубже всего проникнуть въ пониманіе самыхъ художественныхъ произведеній. Такого рода изслѣдованій впрочемъ еще очень мало даже въ западно-европейской литературѣ, а у насъ и подавно, и трудъ г. Новицкаго скорѣе всего можно при-

---

*) „Въ цѣлой Европѣ,—писалъ Гротъ въ 1869 году,—ни одинъ взрослый человѣкъ, ни государственный сановникъ, ни ученый не сидитъ въ сутки столько часовъ надъ рабочимъ столомъ, какъ нашъ бѣдный гимназистъ, если онъ хочетъ совѣстливо исполнить то, чего отъ него требуютъ“ (стр. 268).

числить къ болѣе обычному роду лѣтописей искусства; экскурсы, которые авторъ иногда дѣлаетъ въ область общественныхъ настроеній, носятъ случайный характеръ и ограничиваются самыми общими указаніями. Тѣмъ не менѣе добросовѣстная и безпристрастная лѣтопись, какою остается до конца работа г. Новицкаго, безусловно полезнѣе, чѣмъ легкомысленное хозяйничаніе и изъ пальца высосанная философія г. А. Бенуа.

Второй томъ «Исторіи» г. Новицкаго, въ который входятъ отмѣчаемые здѣсь выпуски, разсматриваетъ русское искусство послѣднихъ двухъ вѣковъ. Впрочемъ искусство XVIII-го вѣка въ Россіи съ трудомъ можетъ быть названо русскимъ, такъ какъ оно почти всецѣло находилось въ рукахъ выписанныхъ иностранцевъ; выборъ ихъ притомъ производился въ большинствѣ случаевъ безъ достаточнаго пониманія и вкуса, поэтому естественно, что лишь по исключенію нѣкоторые изъ нихъ оказывались нелишенными таланта, какъ напр., архитекторъ Растрелли, скульпторъ Фальконетъ и портретистъ Лампи. Прочіе не выходили изъ самой ординарной ложно-классической рутины и ничѣмъ не обогатили ни русскаго искусства, ни искусства вообще. Понятно, что историкъ отводитъ этому періоду сравнительно немного мѣста сосредоточивъ свое вниманіе главнымъ образомъ на возникновеніи академіи художествъ и на характеристикѣ перваго выдающагося русскаго художника-портретиста Левицкаго, относительно котораго авторъ располагалъ нѣкоторыми неизданными матеріалами. Также кратко очерчены первыя десятилѣтія XIX-го столѣтія, которыя оставили, если возможно, еще менѣе цѣннаго въ области искусства, кромѣ одной отрасли—опять той же портретной живописи. Здѣсь мы имѣемъ непрерывный рядъ живыхъ, выразительныхъ, хорошо понятыхъ лицъ. Болѣе подробнымъ изложеніе становится лишь съ эпохи Брюллова. Новицкій далекъ отъ того слѣпого непониманія, какое долгое время проявляла критика къ этому художнику. Отрицательное отношеніе къ Брюллову вполнѣ понятно исторически и имѣло смыслъ, какъ реакція послѣ безграничнаго поклоненія ему; но вражда эта затянулась по инерціи чуть не на сорокъ лѣтъ, и давно пора была признать вполнѣ опредѣленныя заслуги Брюллова передъ русскимъ искусствомъ. Его отожествляли съ деспотическою косностью и условною шаблонностью академизма, а это совсѣмъ не соотвѣтствовало истинѣ. Никто больше него не отрицалъ опошленный школьный класицизмъ. Примѣромъ и словомъ внушалъ онъ своимъ ученикамъ и поклонникамъ, что красота не въ образцахъ, а въ природѣ. Правда, онъ понималъ красоту болѣе внѣшнимъ образомъ, подъ угломъ новой, романтической условности, но это пониманіе было не заимствовано, а вытекало изъ самой натуры художника. Довольно обстоятельно характеризованъ другой крупный художникъ, графъ Ѳ. П. Толстой, значеніе котораго, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, еще до сихъ поръ недостаточно оцѣнено. Быть можетъ, причина этого отчасти заключается въ томъ, что произведенія его были мало доступны для обозрѣнія. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ третьяковская галлерея обогатилась довольно обширной коллекціей его рисунковъ и акварелей, а также его извѣстнымъ среди знатоковъ мраморнымъ Морфеемъ, въ то же время въ музеѣ имп. Александра III выставлена его единственная картина масляными красками. Медали же его и барельефы, которыми онъ пріобрѣлъ въ свое время европейскую извѣстность, и до сихъ поръ находятся подъ спудомъ. Если Брюлловъ реагировалъ противъ академическаго шаблона во имя романтизма, то гр. Ѳ. П. Толстой во имя греческаго искусства, того самаго греческаго искусства, продолжателемъ котораго называла себя академія. Любопытное и часто повторявшееся въ исторіи явленіе: возрожденіе послѣ періодовъ упадка, застоя, манерности и рутины, знаменуется обращеніемъ къ непосредственному изученію классическаго міра, которое всегда возвращало художниковъ къ простотѣ и

указывало путь къ самой природѣ. Съ чутьемъ таланта, которому нельзя достаточно удивляться, гр. Толстой съ раннихъ лѣтъ по собственной инициативѣ принялся за пристальное изученіе не только общеизвѣстныхъ образцовъ скульптуры и архитектуры, но также литературы, быта и художественной промышленности древнихъ, насколько это было возможно при тогдашнемъ состояніи эллинистики. Въ искусствѣ его это отразилось чисто античной простотой и изяществомъ формы, которымъ не могли надивиться современники.

Съ особенною любовью г. Новицкій останавливается на дѣятельности А. Иванова, которому онъ раньше посвятилъ объемистую монографію («Опытъ полной біографіи А. А. Иванова». М. 1895). Это третій и самый крупный изъ всѣхъ художниковъ, проложившій русскому искусству путь къ свободѣ и къ самобытному существованію. Не только глубина и величіе его произведеній, но самая его жизнь, полная сплошного подвижничества для излюбленной цѣли, составляютъ самую цѣнную страницу исторіи русскаго искусства.

Въ изложеніи событій и явленій, начиная съ 60-хъ годовъ г. Новицкій не прибавляетъ ничего существенно новаго къ тому, что уже излагалось многократно, между прочимъ имъ самимъ («Передвижники и ихъ вліяніе на русское искусство», М. 1897 г.). Нельзя не указать, что для новѣйшаго періода система изложенія автора оказывается весьма неудобной. Искусство до-петровской Руси и XVIII-го вѣка безъ труда распредѣлялось по отдѣльнымъ своимъ родамъ; но когда на сцену выступаютъ крупныя и сложныя индивидуальности художниковъ, то, чтобы сохранить единство своей системы, автору приходится разбивать характеристику ихъ дѣятельности на отдѣльные кусочки, что сильно вредитъ впечатлѣнію, ибо при изслѣдованіи искусства, какъ и всякой духовной дѣятельности человѣка, недѣлимымъ, единицей, къ которой все должно быть сведено, является человѣческая личность. При этомъ г. Новицкій не ограничивается даже общими рубриками, какъ живопись, скульптура, архитектура, а проводитъ еще гораздо болѣе частныя дѣленія, напр., разсматриваетъ отдѣльно религіозную, историческую, батальную, портретную, жанровую и пейзажную живопись. Вслѣдствіе этого ему приходится по нѣсколько разъ возвращаться къ одному и тому же художнику, а иногда и съ большой натяжкой втискивать какое-нибудь художественное произведеніе въ произвольную рамку. Искусство, какъ и литература давно уже отдѣлалось отъ всякихъ «родовъ и видовъ». Напр., только насильно можно подвести «Неутѣшное горе» Крамского къ бытовой живописи, а куда дѣвать его «Русалокъ»? Кромѣ того, авторъ не доводитъ до конца своей системы и почему-то выдѣляетъ въ отдѣльную группу всѣхъ художницъ, какъ будто существуетъ какой-то отдѣльный «дамскій» родъ искусства. Если таковой и существуетъ, то во всякомъ случаѣ многія изъ русскихъ художницъ не заслужили обиды попасть въ это «отдѣленіе для дамъ». *Е. Дегенъ.*

ФИЛОСОФІЯ И ЛОГИКА.

А. Прессъ. „Общедоступная философія". — *Т. Липпсъ.* „Основы логики". — *Роджерсъ.* „Краткое введеніе въ исторію новой философіи".

Общедоступная философія въ изложеніи Аркадія Пресса. Гоббсъ. Левіафанъ. О человѣкѣ (психологія). О государствѣ. Цѣна 40 коп. Спб. стр. 57. Эта книжка предназначена, очевидно, для самаго первоначальнаго, самаго бѣглаго ознакомленія съ Гоббсомъ (если только съ Гоббсомъ возможно знакомиться бѣгло). Поэтому, мы не будемъ предъявлять къ ней сколько-нибудь обширныхъ требованій, а посмотримъ насколько удачно авторъ справился съ поставленною имъ себѣ, очевидно, задачею: дать самое общее представленіе о поли-

тическихъ воззрѣніяхъ Гоббса тѣмъ лицамъ, которые еще ровно ничего о немъ не знаютъ. Мы должны сказать, что эта задача не всюду равномѣрно удалась г. Прессу, но она и по существу своему была не легка. Во всякомъ случаѣ, его книжка принесетъ пользу; если читатель, ею неудовлетворенный, все-таки настолько заинтересуется англійскимъ философомъ, что возьмется за курсы государственнаго права и его исторіи, гдѣ, обыкновенно, отводится такое обширное мѣсто ученіямъ, связаннымъ съ именемъ Гоббса, или, такъ или иначе, соприкасающимся съ его идеями. Г. Прессъ мѣстами излагаетъ, мѣстами переводитъ Гоббса. Это нѣчто среднее между изложеніемъ и сокращеннымъ переводомъ. Въ общемъ, первая часть изложена лучше, чѣмъ вторая. Во второй есть пропуски такихъ мыслей, которыя нельзя ни подъ какимъ видомъ пропускать, ибо безъ нихъ получается не настоящій Гоббсъ, а какой-то новенькій. Напримѣръ, на стр. 37 читаемъ: «конечная цѣль человѣка -самосохраненіе»—и точка. А въ подлинникѣ *) читаемъ послѣ слова «людей» (тамъ множественное число) слѣдующія слова въ скобкахъ: «которые естественно любятъ свободу и владычество надъ другими». На стр. 38: «государство учреждено, когда большинство согласилось передать власть одному» и опять точка. А въ англійскомъ текстѣ сказано: «...to whatsoever man *or assembly of men*», т.-е. у г. Пресса пропущена та ясно выраженная мысль, что власть можетъ быть вручена не только одному лицу, но и собранію. А это,—вѣрно переводчикъ не будетъ спорить,—весьма существенно. Это мы цитируемъ англійскій текстъ, ибо съ него переводилъ г. Прессъ; а въ текстѣ латинскомъ «Левіафана» та же мысль выражена столь же категорически: «cuicunqe homini *vel coetui*» **). Далѣе. Одиннадцатый пунктъ правъ суверена выраженъ у г. Пресса такъ: «право награжденія богатствами и честью, — и право наказанія». Въ англійскомъ же текстѣ послѣ словъ о наказаніяхъ находятся слова: «according to the law he hath formerly made», т.-е. «сообразно закону, раньше имъ (т.-е. сувереномъ) изданному». Въ латинскомъ текстѣ сказано еще сильнѣе (тамъ это въ 12-мъ пунктѣ, а не въ 11-мъ): «poenas *legibus* praefinitas», т.-е. суверенъ, значитъ, связанъ въ дѣлѣ наказаній—законами,—даже и не имъ изданными (но имъ своевременно неотмѣненными). Любопытно, что такихъ погрѣшностей т.-е. въ духѣ «распространительнаго» толкованія воззрѣній Гоббса на верховную власть и ея права,—мы нашли у г. Пресса еще нѣсколько. Это любопытно именно потому, что въ коротенькой (но толково составленной) вступительной замѣткѣ о Гоббсѣ г. Прессъ, между прочимъ, говоритъ: «среди политическихъ мыслителей Гоббса считаютъ сторонникомъ абсолютной монархической власти. Это невѣрно». Казалось бы, человѣку, полагающему, что «это невѣрно», нужно было бы избѣгать такихъ (къ тому же ничѣмъ неоправдываемыхъ, очень существенныхъ) пропусковъ, которые искажаютъ мысль Гоббса: на вышеприведенныхъ примѣрахъ видно, что подобныя сокращенія скорѣе всего убѣдятъ читателя въ основательности мнѣнія о Гоббсѣ, именно какъ о теоретикѣ абсолютизма. Вѣрно это мнѣніе или односторонне,—другой вопросъ; но, какъ бы то ни было, основныхъ мыслей философа нельзя перeиначивать сокращеніями. Это слишкомъ дорогая плата за экономію мѣста. Отмѣтили мы и еще нѣсколько неточностей (и все во второй части, первая почти безупречна).

Повторяемъ, наибольшую пользу подобныя изданія могутъ принести *только* если на нихъ читатель посмотритъ, какъ на «введеніе къ введенію», т.-е. какъ на самый первый, самый элементарный шагъ къ изученію той или иной политической доктрины. *Е. Т.*

---

*) „The moral and political works“ (London MDCCL), стр. 169.

**) „Thomae Hobbes opera philosophica“ etc. (Amsterd. 1668 г.) стр. 86 (с. XVIII).

Т. Липпсъ. Основы логики. Переводъ съ нѣмецкаго Н. О. Лосскаго. Ц. 1 р. Авторъ настоящей книги, Т. Липпсъ, сторонникъ того пониманію философіи, по которому эту послѣднюю отожествляютъ съ психологіей, наукой о внутреннемъ опытѣ, благодаря чему изъ области философіи исключается философія природы, такъ какъ послѣдняя обобщаетъ явленія не внутренняго, а внѣшняго опыта. Согласно съ такимъ пониманіемъ философіи, Липпсъ и логику считаетъ частью психологіи, такъ какъ и логическіе процессы совершаются въ сознаніи, а потому и они психологическіе процессы.

Въ настоящемъ сочиненіи Липпсъ ограничивается изложеніемъ только основъ логики. Книга очень обильна содержаніемъ и изложена весьма ясно; но вслѣдствія того, что авторъ предполагаетъ читателя уже знакомаго съ начальными понятіями логики, книга Липпса не можетъ быть рекомендована для первоначальнаго знакомства съ этой наукой. Читателю безъ навыка въ философскомъ мышленіи, особенно труднымъ можетъ показаться введеніе, гдѣ Липпсъ выясняетъ свое отношеніе къ логикѣ, психологіи и теоріи познанія.

Переводъ г. Лосскаго исполненъ весьма добросовѣстно.

Библіотека для самообразованія. XXVIII. Роджерсъ А. Краткое введеніе въ исторіи новой философіи. Цѣна 1 руб. Вышепомѣченная книга Роджерса представляетъ собою первую попытку редакціи «Библіотеки для самообразованія» дать русскому обществу общедоступное руководство къ ознакомленію съ философіей. Задача этой книги, какъ видно изъ заглавія,— дать краткое введеніе въ исторію новой философіи. Подъ введеніемъ въ любую науку единственно можно понимать разработку философской части этой науки, разработку тѣхъ основныхъ философскихъ принциповъ, которыми она пользуется при изслѣдованіи своего предмета, какъ готовыми, напередъ данными, и которые въ ней самой не могутъ найти обоснованіе. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ законно появленіе «введенія въ исторію философіи», задача котораго должна и можетъ единственно состоять въ томъ, чтобы открыть для ея пониманія и освѣщенія руководящую точку зрѣнія; послѣдняя же можетъ быть найдена лишь путемъ вскрытія закономѣрности изучаемыхъ явленій. Поскольку Роджерсъ пытается понять развитіе философскихъ проблемъ внѣ связи съ какими либо явленіями другого порядка, онъ, очевидно, признаетъ за объектомъ исторіи философіи самостоятельную закономѣрность; однако поскольку онъ приступилъ къ изложенію новой философіи внѣ связи съ предшествующей, онъ, разумѣется, не сумѣлъ схватить развитіе философской мысли во внутренней имманентной связи, благодаря чему и долженъ былъ для начертанія основныхъ философскихъ проблемъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи прибѣгнуть къ чисто внѣшней схемѣ. Онъ постулируетъ въ качествѣ основной философской проблемы проблему реальности и пытается характеризовать главнѣйшія философскія направленія съ точки зрѣнія разрѣшенія ими этой проблемы: дуализмъ видитъ сущность реальности въ матеріи и духѣ; пантеизмъ признаетъ реальностью общеміровую основу, проявленія и элементы которой—индивидуальные предметы и которая не сообщаетъ имъ отдѣльной субстанціональности, а, напротивъ, свое собственное бытіе имѣетъ лишь въ ихъ суммѣ; теизмъ признаетъ за основную и единственную такую реальность, которая вызываетъ къ бытію индивидуальныя тѣла и души и творческая сила которой служитъ къ объясненію ихъ взаимодѣйствія, и т. д. Однако недостаточность этой схемы сама собою очевидна: во 1) и самъ Роджерсъ, подойдя къ направленіямъ «раціонализма» и «сенсуализма», принужденъ былъ измѣнить ей и характеризовать послѣднія съ точки зрѣнія разрѣшенія ими проблемы познанія; во 2) благодаря ей системы Гегеля и Канта которыя къ слову сказать, единственно только и изложены Роджерсомъ, получили въ освѣщеніи послѣдняго совершенно ложное, искаженное толкованіе. Главный

упрекъ бросаемый имъ по адресу Канта и Гегеля,—упрекъ въ индивидуализмѣ. Онъ утверждаетъ, что подъ объективнымъ опытомъ Канта слѣдуетъ понимать не что иное, какъ совокупность индивидуальной жизни, подразумѣвая, конечно, подъ послѣдней не пучокъ ощущеній, а разумное единство, въ которомъ представленъ міръ вещей и другихъ «я»; гегелевскую же философію онъ трактуетъ какъ толкованіе, раскрытіе смысла индивидуальнаго опыта въ его постепенномъ развитіи. Но если Канта еще и можно упрекнуть въ томъ, что онъ дѣйствительно на ряду съ изслѣдованіемъ условій возможности объективнаго опыта изучаетъ познаніе какъ чисто психологическій процессъ, то упрекъ въ индивидуализмѣ по отношенію къ Гегелю совершенно уже неумѣстенъ, неумѣстенъ потому, что само понятіе индивидуума появляется у него только внутри системы.

Такимъ образомъ внѣшняя схема, избранная Роджерсомъ, лишила его возможности правильно во внутренней связи понять и освѣтить важнѣйшія философскія направленія, да онъ, повидимому къ этому и не стремился: вся его критика разнообразныхъ философскихъ направленій, очевидно, бьетъ на то, чтобы подготовить почву для построенія собственной философской теоріи.

Роджерсъ характеризуетъ то философское направленіе, къ которому онъ самъ примыкаетъ, какъ теистическій идеализмъ; существенная черта послѣдняго, какъ и всякой идеалистической философіи, состоитъ въ томъ, что онъ основную реальность понимаетъ по аналогіи съ жизнью сознанія; отличіе же его отъ другихъ идеалистическихъ направленій Роджерсъ видитъ въ способѣ конструкціи этой реальности, сообразующейся съ здравымъ смысломъ и результатами, добытыми наукой. Такая реальность должна носить такой характеръ, чтобы за индивидуальными «я» была сохранена отдѣльность въ той степени, въ какой требуетъ того здравый смыслъ, чтобы телеологическое развитіе, постулированное для нея, не противорѣчило научному механическому міропониманію и т. д. Не говоря уже о субъективной позиціи занятой теистическимъ идеализмомъ, онъ не выдерживаетъ научной критики потому, что онъ мѣриломъ истинности философскаго знанія дѣлаетъ здравый смыслъ и научные результаты: философія-то потому только и имѣетъ право на существованіе, что ни здравый смыслъ, ни даже научный опытъ не даютъ намъ такого познанія, которое не нуждалось бы въ дальнѣйшемъ обоснованіи, философскомъ.

Итакъ все введеніе Роджерса въ исторію новой философіи можно разсматривать только какъ введеніе въ его собственную философію; послѣдняя же въ научномъ отношеніи не можетъ быть признана плодотворной. Мы, конечно, согласны съ редакторомъ русскаго перевода, что работа Роджерса не лишена многихъ достоинствъ—сжатости, краткости, популярности, но, думается намъ они не въ состояніи искупить ея главный недостатокъ. *N. N.*

ИСТОРІЯ, РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

М. М. Богословскій. „Областная реформа Петра Великаго". — *Н. Г. Тарасовъ и С. П. Моравскій.* „Культурно-историческія картины изъ жизни западной Европы IV—XVIII вѣковъ".

М. М. Богословскій. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—1727 гг. М. 1902 г. in 8-vo. Стр. XVI+522+46. Ц. 2 руб. 50 коп. Было время, когда тѣмъ или другимъ отношеніемъ писателя къ Петру I и реформѣ начала XVIII вѣка измѣрялось его направленіе, оцѣнивался прогрессивный или реакціонный запасъ его научно-литературнаго багажа. Говорить о реформѣ начала XVIII вѣка значило тогда или безъ конца восторгаться, или

страстно негодовать на преобразователя, повиннаго въ реформѣ ровно столько же, сколько его «тишайшій» отецъ. Тогда для многихъ XVII вѣкъ былъ прекраснымъ идеаломъ неподвижно стоящей старины, корни которой уходятъ далеко вглубь временъ; мысль о томъ, что вторая половина XVII вѣка не что иное, какъ характерно выраженный моментъ «подготовки реформъ», когда робко ставились и ощупью разрѣшались тѣ же вопросы, что и въ началѣ XVIII вѣка, не имѣла правъ гражданства. Между Русью XVII вѣка и Россіей XVIII столѣтія многимъ чудился разрывъ; пропасть между тою и другой ничѣмъ не хотѣли заполнить; напротивъ,—весьма естественнымъ казалось наслѣживать эту фантастическую пропасть; каждая сторона черпала въ ней свой источникъ радости или горя, причемъ одна благословляла мигъ, когда Россія повернулась фронтомъ къ западу, другая кляла измѣну прошлому и въ новомъ видѣла только *западное* и ничего хорошаго. Передъ нашими глазами уже нѣтъ этой фантастической пропасти, мы уже не восторгаемся и не негодуемъ. Пропасти, разрывы и перевороты смѣнились опредѣленнымъ представленіемъ о единомъ историческомъ процессѣ, непрерывномъ и закономѣрномъ; восторги и проклятія—объективизмомъ серьезнаго научнаго анализа. Мы рѣшительно сошли съ почвы умозрительныхъ разглагольствованій, всегда шаткихъ и очень часто пошлыхъ, и погрузились въ изображеніе послѣдовательной смѣны фактовъ *народной жизни* въ собственномъ смыслѣ этого слова. Не надо думать, что мы стали равнодушными къ суровой русской дѣйствительности, что мы потеряли вовсе эту страстность русскихъ людей 40-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Совсѣмъ нѣтъ. Мы выучились лучше разграничивать области собственно науки и политики; мы стали смѣлѣе и самостоятельнѣе: опредѣленную идею мы стремимся провести въ жизнь не потому, что она *западнаго происхожденія*, а потому, что намъ она кажется цѣлесообразною; тотъ или другой идеалъ практической политики или морали, какова бы ни была старинность его происхожденія и какими бы незыблемыми авторитетами онъ ни прикрывался, мы отвергаемъ и опорочиваемъ, не стѣсняясь. Разумъ нашего поколѣнія для насъ выше всяческаго преданія, лучше любого образца со всѣхъ четырехъ странъ свѣта. Мы не безразличны поэтому и къ реформамъ начала XVIII вѣка. Для всякаго непредубѣжденнаго ума ясно, что въ наши дни, въ началѣ XX вѣка, основы стараго порядка уже не удовлетворяютъ требованіямъ русской дѣйствительности, пережили сами себя и должны рано или поздно смѣниться новыми. Какъ и какимъ путемъ можетъ произойти эта смѣна, въ какомъ направленіи должна пойти реформа и какой матеріалъ созданъ для нея старымъ порядкомъ—все это вопросы капитальной важности и для уясненія ихъ громадное *практическое* значеніе получаетъ строго *научное* изученіе русскихъ реформъ XVIII и XIX вѣковъ. Онѣ еще слабо изучены, ибо область новой русской исторіи весьма мало разработана. Конечно, о петровскихъ реформахъ было писано сравнительно много, но съ такихъ точекъ зрѣнія, которыя въ глазахъ современнаго читателя и большіе фоліанты превращаютъ въ пустое мѣсто. Все вышеизложенное поясняетъ читателю и значительный интересъ, и основные взгляды, съ какими мы подходили къ очень толстой и очень дешево изданной книгѣ г. Богословскаго. Нашъ авторъ принадлежитъ къ московской школѣ русскихъ историковъ и выгодно отличается обширностью эрудиціи на ряду съ осторожностью и сдержанностью сужденія. Быть можетъ, его слѣдуетъ нѣсколько пожурить за извѣстное пристрастіе къ академическимъ авторитетамъ... Перечисливъ на стр. IV-й работы по исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи И. Е. Андреевскаго, А. Д. Градовскаго, Б. Н. Чичерина и П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго, г. Богословскій пишетъ: «Тянущееся непрерывной цѣпью послѣдовательное изученіе областныхъ учрежденій Россіи доведено было именно до второй провинціальной реформы Петра. Это облегчало трудъ, позволяя на-

чать изслѣдованіе прямо съ того момента, на которомъ оно остановилось. Но и здѣсь грозила автору своего рода опасность, и онъ не скрывалъ отъ себя ни той тяжелой отвѣтственности, которую налагала на него попытка продолжать работу ряда представителей русской науки съ такими блестящими именами, ни того риска, которому эта попытка его подвергала». Упомянутые выше писатели, блестящія имена которыхъ смущали г. Богословскаго, не обладали (говорится не въ видѣ упрека) и десятою долей той эрудиціи въ области избранной темы, какою обладаетъ нашъ авторъ. Классическая книга Б. Н. Чичерина «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ», классическая для 50-ыхъ годовъ прошлаго вѣка, представляется современному изслѣдователю не болѣе, какъ толковымъ конспектомъ въ небольшомъ количествѣ изданнаго матеріала по вопросу. Сравненіе, которое пытался провести г. Богословскій, невозможно и неумѣстно: ростъ нашей науки такъ силенъ, что получается сопоставленіе двухъ несравнимыхъ величинъ, мало полезное для читателя изъ публики. Иное дѣло сопоставленіе съ магистерскою диссертаціей П. Н. Милюкова: «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Перваго»; сопоставленіе это сдѣлано самимъ г. Богословскимъ, и мы нарочно выдѣляемъ его особо, какъ возможное и допустимое... Итакъ, предметъ изслѣдованія—вторая областная реформа Петра 1719 года, заключавшаяся въ созданіи новой областной единицы—провинціи, замѣнившей собою прежнюю губернію,—и въ созданіи новой системы провинціальнаго управленія. Авторъ занятъ не столько выясненіемъ идей данной реформы и ихъ генезиса (о чемъ см. въ упомянутой выше книгѣ г. Милюкова), сколько тѣмъ, что стремится «выяснить встрѣчу идей съ дѣйствительною жизнью и прослѣдить послѣдствія этой встрѣчи». «Прослѣдить взаимодѣйствіе плановъ реформатора съ жизнью, показать не только то, чѣмъ *должны были быть* учрежденія 1719 года, но чѣмъ они *дѣйствительно были*, посмотрѣть на нихъ въ ихъ ежедневной практикѣ и, такъ какъ они скоро разрушились, выяснить, какія условія въ окружающей средѣ и въ нихъ самихъ были причинами ихъ паденія»—такова основная задача г. Богословскаго, который изучаетъ, прежде всего, бюрократическую сторону областной реформы 1719 года и слѣдитъ за всѣми перемѣнами, которымъ подвергались провинціальныя учрежденія, какъ бы ни были микроскопичны тѣ грани, въ предѣлахъ которыхъ эти перемѣны совершались. Нельзя отрицать присущаго всякому изслѣдователю права съ извѣстною свободою ставить изученіе очередной въ наукѣ темы, но все-таки критикѣ надлежитъ отмѣтить то обстоятельство, что *бюрократическая сторона* областной реформы 1719 года авторомъ рѣзко выдвинута на первый планъ, и это вовсе не случайность. Такая постановка темы находится въ зависимости отъ первичныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ авторомъ изъ знакомства съ нашею академическою наукой, долгое время находившейся подъ обаяніемъ представленій о всемогущей роли «государства» въ русскомъ историческомъ процессѣ. Вся исторія областной реформы 1719 года изучается авторомъ по памятникамъ законодательства и неизданнымъ офиціальнымъ актамъ изъ дѣлопрозводства центральныхъ и областныхъ учрежденій петровской эпохи. Источникъ во многихъ отношеніяхъ очень надежный, но нерѣдко нуждающійся въ коррективѣ... Въ самомъ дѣлѣ, время Петра—время, когда начала создаваться настоящая бумажная Россія; пройдетъ еще не такъ много времени, и въ бюрократической канцеляріи «*бумага*» совершенно заглушитъ живую дѣйствительность, а вопіющіе факты этой дѣйствительности исчезнутъ подъ формулой «все обстоитъ благополучно». Бумага стала госпожой положенія, непроницаемой стѣной между властью и обществомъ; голоса и вопли изъ общества стали растворяться въ однообразную бумажную массу подъ этикетками рапортовъ, отношеній, доношеній, предложеній, представленій, циркуляровъ,

положеній и пр., и пр., покрываемыхъ всевозможными отчетами. Что, напр., получилось бы путнаго въ научномъ отношеніи, если бы какой нибудь современный русскій историкъ сталъ изучать положеніе губерніи въ прошломъ вѣкѣ по ежегоднымъ отчетамъ губернаторовъ. Въ результатѣ получилось бы все что угодно, кромѣ вѣрной дѣйствительности характеристики губерніи... Въ петровское время «бумага» была эластичнѣе, элементарнѣе, а потому лучше отражавшей дѣйствительность, но все-таки ей трудно отказать и въ лицепріятіи, и въ односторонности... Г. Богословскій извѣстенъ намъ какъ очень суровый критикъ достовѣрности такого офиціальнаго памятника, какъ писцовыя книги московскаго государства XVI—XVII-го вѣковъ. Весьма любопытнымъ поэтому представляется его ученый взглядъ на «бумагу» XVIII столѣтія, ибо въ общественномъ сознаніи давно укрѣпилась мысль, что съ теченіемъ времени росли ложь и пустота *«бумаги»* параллельно съ углубленіемъ пропасти между силами общественными и силами бюрократическими. Въ отношеніи оффиціальной бумаги петровской эпохи г. Богословскій оказался болѣе снисходительнымъ критикомъ, хотя и не болѣе убѣдительнымъ. Какъ извѣстно, г. Богословскій готовъ потратить не мало горькихъ словъ на тему о злоупотребленіяхъ «писцовъ» XVII-го вѣка; писцы XVII-го вѣка злоупотребляли не меньше канцеляристовъ XVIII-го... и вотъ нашъ авторъ открыто признаетъ, что «оффиціальныя бумаги иногда не полно отражали, иногда искажали дѣйствительность». Но, говоритъ г. Богословскій, даже «намѣренная порча изображенія» не можетъ сколько-нибудь ощутительно повредитъ изслѣдователю: «Если перо подьячаго кривило нѣсколько (?!), записывая показанія въ судебномъ дѣлѣ или выводя цифры въ финансовыхъ вѣдомостяхъ, можетъ ли такое искаженіе, больно или пріятно ощущавшееся въ свое время прикосновенными къ дѣлу лицами, повліять чѣмъ-нибудь на вѣрность представленія о составѣ и функціяхъ судебнаго учрежденія или о дѣятельности финансовыхъ органовъ? Если воевода въ своемъ донесеніи высшей власти преувеличивалъ или уменьшалъ дѣйствительность, онъ все-таки допускалъ эти отклоненія въ ту или другую сторону, не выходя за предѣлы вѣроятности, иначе ему никто бы изъ современниковъ не повѣрилъ». Если изучать главнымъ образомъ бюрократическую сторону реформы 1719 года, то приведенные мотивы быть можетъ производятъ очень успокоительное дѣйствіе, но тогда отчего vice versa не примѣнить подобную мотивировку къ критикѣ содержанія писцовыхъ книгъ: вѣдь такъ легко было бы утверждать, что, если невѣрны абсолютныя цифры (а это не такъ важно), то соотвѣтствуютъ дѣйствительности отношенія, а въ нихъ центръ тяжести всей работы надъ писцовымъ матеріаломъ. Замѣчаніе о достовѣрности воеводскихъ донесеній можетъ быть и приложимо къ петровской эпохѣ, но никакъ не къ болѣе позднимъ временамъ, и не намъ указывать г. Богословскому примѣры изъ очень близкихъ временъ, когда донесенія изъ области въ центръ абсолютно не могли сколько-нибудь напоминать «вѣрное подобіе истины»... Мы обозначили и тему и общій характеръ ея постановки въ изслѣдованіи г. Богословскаго; изъ бѣгло проскользнувшихъ выше замѣчаній не трудно замѣтить общее направленіе его недостатковъ, а теперь пора перейти къ его достоинствамъ, весьма цѣннымъ для большой публики. Книга г. Богословскаго не только ученая диссертація; она — весьма любопытный матеріалъ для серьезнаго историческаго чтенія, матеріалъ богатый цѣннымъ фактическимъ содержаніемъ и поучительными сопоставленіями... Мы именно настаиваемъ на томъ, что работа г. Богословскаго заслуживаетъ быть отмѣченной какъ опытъ весьма удачнаго сочетанія ученой исторической диссертаціи съ серьезной книгой для чтенія большой публики (съ уровнемъ университетскаго образованія). Изложеніе автора въ цѣломъ отличается живостью, конкретностью, ясностью и постоянно исходитъ изъ со-

ображеній общаго характера. Тема—устройство областного управленія при Петрѣ—представляетъ въ наши дни самый живой интересъ и нѣкоторое значеніе въ области практической политики (особливо по вопросу объ отношеніяхъ государства къ земскимъ силамъ, къ автономной областной единицѣ). Авторъ выясняетъ въ своей книгѣ основныя черты областной реформы 1719 года, изображаетъ строй областныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій и послѣдовательный порядокъ ихъ разложенія и отмѣны, а въ заключительномъ раздѣлѣ книги даетъ превосходное сжатое изложеніе всего содержанія и выводовъ. Нашъ отзывъ и безъ того затянулся, такъ что мы не можемъ предложить сжатый пересказъ содержанія работы г. Богословскаго или привести изъ нея болѣе или менѣе характерныя выдержки... Мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, доступной, живой и въ высокой степени содержательной; она возбуждаетъ рядъ принципіальныхъ вопросовъ, по нѣкоторымъ изъ нихъ возможны очень серьезные споры... Но, книга г. Богословскаго представляетъ во всякомъ случаѣ весьма цѣнный вкладъ въ науку русской исторіи; безъ нея не обойдется теперь ни одинъ русскій историкъ, и мы позволяемъ себѣ завѣрить ея автора въ томъ, что «рядъ представителей русской науки съ блестящими именами» для него вовсе не опасенъ, ибо самъ онъ занялъ теперь въ этомъ ряду очень почетное мѣсто, тѣмъ болѣе почетное, что «Областная реформа Петра Великаго» не сухое академическое изслѣдованіе, доступное «для немногихъ» а живой трактатъ, долженствующій пойти въ образованные слои читающей русской публики. *В. Сторожевъ.*

Н. Г. Тарасовъ и С. П. Моравскій. Культурно-историческія картины изъ жизни западной Европы, IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 иллюстраціями. М. 1903 г. 196 стр. Цѣна 1 р. 25 коп. За эту книгу составителей, навѣрно, поблагодарятъ всѣ преподаватели исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, которые находятся въ законномъ затрудненіи всякій разъ, когда имъ нужно рекомендовать учащимся пособія для ознакомленія съ бытомъ народовъ западной Европы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они въ правѣ будутъ кое-на-что и пожаловаться. Во-первыхъ, названіе книги нѣсколько излишне заманчиво: даются картины изъ жизни исключительно одной только Германіи, а вовсе не «западной Европы» всей или хотя бы нѣсколькихъ странъ ея. Составители намъ на это могутъ замѣтить, что такія главы, какъ 3-я, трактующая о монастырѣ, какъ 11-я, описывающая лагерный бытъ, какъ 6-я, гдѣ рѣчь идетъ о турнирѣ, въ значительной мѣрѣ могутъ относиться и къ Франціи, и къ Италіи (сѣверной) и къ Даніи и т. д. Но остальныя девять главъ? Очень похожъ «нѣмецкій городъ XV вѣка» (гл. 8) на Гренаду, Миланъ, Флоренцію, Венецію, Лондонъ, скажемъ, эпохи Плантагенетовъ или первыхъ Тюдоровъ? Напоминаютъ ли «государевы посланцы въ области свевовъ» (гл. 2) административный бытъ при французскихъ Каролингахъ и Капетингахъ или англійское управленіе хотя бы къ концу среднихъ вѣковъ? А вѣдь объ администраціи этой позднѣйшей эпохи уже ничего въ книгѣ не говорится даже относительно Германіи. Глава о крестьянахъ, говорящая объ ихъ закрѣпощеніи въ концѣ среднихъ вѣковъ, вполнѣ справедлива относительно Германіи, но вполнѣ ложна, напр., относительно Тосканы, гдѣ *именно* въ эту пору городъ побѣдилъ феодаловъ и эмансипировалъ крестьянъ.

Разсматриваемая книга представляетъ собою, какъ сообщаютъ и составители въ предисловіи, переработку нѣмецкаго текста Геймана и Юбеля, поясняющаго превосходныя историческія иллюстраціи Лемана, которыя воспроизведены въ лежащемъ предъ нами изданіи. Но никто не мѣшалъ дополнить эту переработку новыми главами, которыя бы касались не одной только Германіи и оправдывали бы распространительное названіе книги.

Второй недостатокъ книги — слишкомъ преобладающее вниманіе, обращен-

ное на *матеріальный* бытъ разныхъ классовъ общества въ минувшіе вѣка; вѣдь подъ культурно - историческими характеристиками можно и должно понимать и еще кое-что. Напр., въ главѣ 5-й, описывающей праздникъ въ замкѣ XIII-го столѣтія, миннезенгерамъ можно было бы посвятить не одну, а двадцать страницъ (даже сохраняя общіе размѣры книги) и подобный масштабъ былъ бы вполнѣ правиленъ съ точки зрѣнія культурно-историческаго ихъ значенія (конечно, не въ одной Германіи). Въ главѣ о монастырѣ—францисканцамъ и доминиканцамъ посвящено нѣсколько строчекъ. Въ главѣ объ аристократическомъ домѣ въ XVIII в. совсѣмъ не дается понятія объ умственной культурѣ этого столѣтія (слова о «дерзкой смѣлости мыслей» слишкомъ неясны для читателя, на котораго разсчитана книга, — и слишкомъ абстрактны).

Если отъ того, чего нѣтъ въ этой работѣ, перейдемъ къ тому, что въ ней есть, то должны будемъ признать ее и нужной, и интересной, и очень хорошо написанной. Для нагляднаго обученія исторіи она въ высокой степени цѣнна; она можетъ служить прекраснымъ введеніемъ въ болѣе или менѣе обстоятельное изученіе среднихъ вѣковъ и начала новаго времени. Прочтя эту книгу, учащійся (или человѣкъ, занимающійся самообразованіемъ) можетъ перейти къ виноградовской хрестоматіи («Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ») — и тогда многое, что онъ прочтетъ въ хрестоматіи, станетъ для него понятно и близко. Вѣяніе прошлаго, «дыханіе исторіи» чувствуется и въ текстѣ и въ иллюстраціяхъ работы гг. Тарасова и Моравскаго. Прекрасный, легкій, обработанный, литературный слогъ, конечно, можетъ только еще болѣе привлечь читателей. *Е. Т.*

СОЦІОЛОГІЯ, ЮРИСПРУДЕНЦІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Н. С. Таганцевъ „Русское уголовное право“.—*В. Кеннингемъ*. „Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія.

Н. С. Таганцевъ. Русское уголовное право. Лекціи. Часть общая. Томы I и II. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1902. Цѣна 10 р. Второе изданіе извѣстнаго труда проф. Таганцева являетсея тѣмъ болѣе своевременнымъ и интереснымъ, что авторъ переработалъ свои лекціи примѣнительно къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя внесены въ русское законодательство только что утвержденнымъ уголовнымъ уложеніемъ, и, такимъ образомъ, придалъ имъ значеніе единственнаго пока пособія для теоретическаго изученія совершившейся реформы. Но въ настоящей рецензіи мы не имѣемъ возможности входить въ детальное разсмотрѣніе чисто юридическихъ достоинствъ и недостатковъ обширной работы проф. Таганцева. Это—дѣло спеціальныхъ изданій. Намъ, въ интересахъ читателей, которые съ цѣлью самообразованія пожелаютъ обратиться къ лекціямъ проф. Таганцева, необходимо только раскрыть научную позицію автора и указать основныя положенія, признанныя имъ опорными пунктами его практическихъ построеній. Къ сожалѣнію, именно общія воззрѣнія проф. Таганцева наименѣе способны удовлетворить мысль, ищущую постигнуть тайны уголовнаго міра. Маститый ученый всецѣло примыкаетъ къ тому направленію науки, которое извѣстно подъ именемъ позитивнаго и которое беретъ за отправную точку своихъ изслѣдованій реально существующія уголовно-правовыя отношенія, строя не только ученіе объ отдѣльныхъ видахъ преступныхъ дѣяній, но и общее ученіе о преступленіи и наказаніи на основаніи постановленій того или другого уголовнаго законодательства, данныхъ практики, положеній

обычнаго права и т. д. Попытки вывести всѣ положенія теоріи преступленія и наказанія дедуктивнымъ путемъ изъ a priori установленныхъ понятій о преступномъ, о существѣ карательной дѣятельности, объ условіяхъ гарантіи личности и т. п., признаются проф. Таганцевымъ явно несостоятельными. По его мнѣнію, система права создается исключительно путемъ обработки конкретнаго юридическаго матеріала и отвлеченія отъ него общихъ началъ. Критическая оцѣнка правовыхъ установленій, конечно, допускается, но только съ точки зрѣнія ихъ устойчивости, опредѣляемой вѣрностью законодательства историческому прошлому даннаго народа, и жизнепригодности, опредѣляемой соотвѣтствіемъ дѣйствующаго права условіямъ текущей народной жизни. Естественнаго, всеобщаго права нѣтъ и не можетъ быть, существуютъ только мѣстныя, національныя, исторически сложившіяся права, разработка которыхъ и составляетъ задачу науки. Правда, г. Таганцевъ дѣлаетъ нѣкоторую оговорку относительно наличности во всякомъ законодательствѣ рядомъ съ моментомъ національности и момента всеобщности, но послѣдній занимаетъ въ его системѣ крайне незначительное служебное мѣсто. Такое пониманіе правовыхъ явленій, присущее далеко не одному проф. Таганцеву, обусловливается не столько позитивизмомъ, сколько преувеличеннымъ историзмомъ, пробѣлы котораго теперь уже выясняются съ достаточною убѣдительностью. Преувеличенный историзмъ, если и не велъ науку назадъ, то только потому, что самъ не былъ способенъ ни къ какому движенію. Онъ остановилъ развитіе науки и замкнулъ право въ тѣсныя оковы временныхъ и случайныхъ національныхъ отличій; онъ почти призналъ пресловутый афоризмъ: все существующее разумно. Право застыло и превратилось въ скромную служанку дѣйствительности. Яркимъ примѣромъ этого являются и лекціи проф. Таганцева, и наше новое уголовное уложеніе, въ составленіи котораго г. Таганцевъ принималъ такое дѣятельное участіе. И въ томъ и въ другомъ трудѣ ясно обрисовываются черты исторической школы права: отсутствіе широкихъ философскихъ идей и господство повседневнаго практицизма. За отдѣльными статьями и примѣчаніями не чувствуется цѣльнаго и твердаго міросозерцанія, не видно теоріи, оправдывающей сдѣланныя построенія. Между тѣмъ, для того, чтобы отыскать эту теорію, вовсе не нужно обращаться въ метафизическія дебри. Періодъ метафизическаго мышленія пережитъ человѣчествомъ; наука же всегда обращается впередъ, къ будущему, завоевываетъ новыя, неизвѣданныя еще области внѣшняго и внутренняго міра. И наука права вовсе не обречена или расплыться въ метафизическомъ туманѣ, или застыть въ мелочномъ практицизмѣ исторической школы. Нѣтъ. Она только должна признать, что самъ по себѣ правовой матеріалъ не можетъ дать сколько-нибудь цѣнныхъ теоретическихъ обобщеній, что наука права—прикладная наука, основанная на условно принятыхъ извнѣ апріорныхъ положеніяхъ. Эти положенія современное право можетъ заимствовать только изъ соціологіи, которая одна компетентна разрѣшить всѣ спорные вопросы, привлекающіе вниманіе ученыхъ юристовъ. Такимъ образомъ, право, даже заимствуя предварительно установленныя понятія, не теряетъ характера положительной науки; оно занимаетъ, можетъ быть, при такомъ пониманіи, менѣе почетное мѣсто, но зато изъ схоластически безплодной игры опредѣленіями становится живымъ и плодотворнымъ дѣломъ. Проф. Таганцевъ, какъ современный ученый, не отвергаетъ громаднаго значенія соціологіи. По его словамъ, даже при настоящемъ несовершенствѣ соціологическихъ знаній, нельзя не признать значительнымъ вліянія, оказаннаго изученіемъ соціальной стороны преступленія на уголовное право. «Пересмотръ всего ученія о вмѣняемости и созданіе новой формулы вмѣненія, своеобразная постановка ученія о повторяемости преступленій и его наказуемости, наконецъ, всѣ измѣненія системы карательныхъ мѣръ и порядка отбытія наказанія, въ значительной степени обязаны своимъ

возникновеніемъ соціологическому изученію преступленія; наконецъ, предпринятое соціологическою школою изученіе условій, содѣйствующихъ или ограничивающихъ развитіе преступности населенія, дало основаніе болѣе разумной постановкѣ уголовной, если такъ можно выразиться, гигіены» (стр. 13). И въ другихъ случаяхъ на мнѣніяхъ маститаго ученаго явно отразилось вліяніе соціологовъ-юристовъ. Такъ, напримѣръ, отрицая необходимость смертной казни политическихъ преступниковъ, сохраненной нашимъ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, проф. Таганцевъ говоритъ, что «въ то время, когда политическія движенія, революціи, имѣли личный, такъ сказать, династическій характеръ, являлись переворотомъ, передававшимъ власть отъ одного лица къ другому, отъ одной главы партіи къ другой, тогда, конечно, уничтоженіе главы или коноводовъ революціоннаго движенія могло похоронить и самое движеніе, ихъ смерть могла, дѣйствительно, обезпечить на время, а иногда и навсегда, спокойствіе правящей власти; но эпоха подобныхъ движеній для большинства европейскихъ государствъ отошла въ прошлое. Нынѣ господствующее мѣсто заняли движенія, если можно такъ выразиться, идейнаго характера. Стремленія пересоздать государственный или экономическій строй, распространить то или другое религіозное вѣрованіе, какъ революціонные двигатели, не могутъ, по самому существу своему сосредоточиваться въ опредѣленной личности, а уподобляются скорѣе гидрѣ Геркулеса, съ ея саморастущими головами. Движенія, такъ сказать, демократизировались, а потому истребленіе, хотя бы и массами, ихъ кажущихся вожаковъ, безсильно остановить самое движеніе и обезопасить отъ него общество. Лишь въ самомъ содержаніи этого движенія лежитъ залогъ его жизни и смерти» (стр. 1.132). Однако, признавая, въ частностяхъ, всю плодотворность соціологическаго изученія преступленій, г. Таганцевъ отклоняетъ претензіи соціологовъ на опредѣленіе коренныхъ понятій уголовнаго права, понятій преступленія и наказанія. Онъ полагаетъ, что тамъ, гдѣ кончается работа соціолога или антрополога, только начинается работа юриста. Мы сейчасъ увидимъ не только неправильность этой точки зрѣнія, но и невозможность въ настоящее время выдержать ее послѣдовательно даже для такого убѣжденнаго сторонника классической школы, какъ проф. Таганцевъ. Что такое преступленіе? Съ точки зрѣнія классическаго уголовнаго права, это опредѣленное юридическое отношеніе. До послѣдняго почти времени это положеніе считалось въ наукѣ сакраментальнымъ, по выраженію проф. Таганцева, но теперь соціологическая и антропологическая школы права установили иное пониманіе. Первая разсматриваетъ преступное дѣяніе, какъ соціальное явленіе, вторая—какъ явленіе біологическое. Г. Таганцевъ очень убѣдительно сгруппировалъ всѣ доводы противъ пресловутыхъ выводовъ Ломброзо и его послѣдователей, хотя мы должны сказать, что исторія отмѣтитъ заслуги антропологической школы, поскольку послѣдняя выяснила, какъ соціально-экономическій строй отражается на анатомической и психической природѣ преступника. Но, разумѣется, попытки опредѣлить естественно-историческіе признаки преступниковъ различныхъ категорій вполнѣ заслуживаютъ той отрицательной оцѣнки, которую онѣ встрѣтили со стороны проф. Таганцева и другихъ авторитетныхъ ученыхъ. Другое дѣло соціологическая школа права и ея опредѣленіе понятія преступленія. Вліяніе этого направленія уже теперь очевидно и, несмотря на всѣ доводы противниковъ, встрѣчаетъ все больше и больше сторонниковъ. Конечно, не только практическая, но и теоретическая побѣда его еще далека: это ученіе кореннымъ образомъ порываетъ со всѣмъ, что привыкъ считать преступленіемъ и наказаніемъ не только профессіональный юристъ, но и вообще современный человѣкъ. Еще Робертъ Оуэнъ утверждалъ, чте преступникъ, т.-е. членъ общества, одаренный наихудшими природными качествами и поставленный въ наиболѣе вредныя условія, долженъ быть предметомъ

сострaданія всѣхъ, находящихся въ лучшемъ положеніи: наказывать его жестоко и несправедливо. Государство должно употребить всѣ усилія на выработку предупредительныхъ мѣръ и на правильную организацію воспитанія подрастающихъ поколѣній (860 стр.). Въ настоящее время ученіе Оуэна получило болѣе обстоятельную разработку, новѣйшіе продолжатели англійскаго филантропа выдвигаютъ воззрѣніе на наказаніе, какъ на соціальную защиту, понимая подъ нею рядъ предупредительныхъ мѣръ соціальнаго характера; развитіе въ послѣдніе годы такъ называемой соціальной политики, къ которой цѣликомъ относится и признаваемая г. Таганцевымъ «уголовная гигіена», находится, между прочимъ, въ связи съ распространеніемъ взгляда на преступленіе, какъ на соціальное явленіе. Такимъ образомъ, соціологическая школа переноситъ въ право заранѣе установленныя понятія объ идеальномъ обществѣ и о соціальной сущности преступленія и наказанія и, сообразно съ ними, строитъ систему права. Послѣдователи исторической школы. естественно, держатся другого взгляда. Для нихъ преступленіе и наказаніе прежде всего вопросъ факта. «Преступнымъ почитается дѣяніе, посягающее на юридическую норму въ ея реальномъ бытіи, или дѣяніе, посягающее на охраненный нормою интересъ жизни», гововитъ проф. Таганцевъ. Соотвѣтственно этому, и наказаніе есть «не самодовлѣющее проявленіе карающей Немезиды, а цѣлесообразное дѣйствіе, направленное къ осуществленію общей государственной задачи—содѣйствовать всемѣрно личному и общественному развитію». Однако, это содѣйствіе ограничивается только тѣмъ, что наказаніе «должно заботиться о заглаженіи вреда, причиненнаго преступленіемъ обществу, и объ обезпеченіи общества отъ преступника» (стр. 923). Эти положенія являются исходными пунктами въ лекціяхъ проф. Таганцева, и они вполнѣ обнаруживаютъ невозможность оставаться на чисто юридической точкѣ зрѣнія. Понятіе «жизненнаго интереса», какъ и понятія «личнаго и общественнаго развитія», составляющаго цѣль существованія государства, вовсе не представляютъ обобщеній конкретнаго правового матеріала, они внесены въ право извнѣ, изъ области соціологіи. Иначе, конечно, не могло быть. Вѣдь нельзя же поставить во главу права абстракціи отъ нашего устава о предупрежденіи и пресѣченіи?.. Остальная часть лекцій г. Таганцева носитъ болѣе спеціальный характеръ и посвящена исторіи образованія и опредѣленію современнаго содержанія различныхъ юридическихъ понятій, какъ-то: уголовный законъ, виновное посягательство на норму, виновность, смертная казнь, ограниченіе и лишеніе свободы и т. д. Неотъемлемую и въ высшей степени цѣнную заслугу этой части работы составляетъ обиліе фактическаго матеріала. Г. Таганцевъ далъ не только догму, но и исторію права и не только русскаго, но по нѣкоторымъ вопросамъ и европейскаго, въ особенности англійскаго, французскаго и нѣмецкаго. Можетъ быть, при болѣе детальномъ разсмотрѣніи, спеціалисты и найдутъ въ исторіи русскаго и иностранныхъ законодательствъ нѣкоторые недосмотры и пробѣлы. (Просматривая внимательно отдѣлъ о полицейскомъ надзорѣ, мы находимъ, напримѣръ, указаніе на § 22 германскаго закона 1878 г. противъ соціалистовъ безъ упоминанія объ отмѣнѣ этого закона). Но мы предпочитаемъ отмѣтить только тѣ отдѣлы, которые изложены съ исчерпывающею полнотою и ознакомляютъ читателей со всѣмъ наиболѣе важнымъ, что сказано или сдѣлано по данному вопросу. Таковы главы, трактующія о смертной казни, о ссылкѣ, объ одиночномъ заключеніи, о тѣлесныхъ наказаніяхъ и нѣкоторыя другія. Проф. Таганцевъ принадлежитъ къ числу безусловныхъ противниковъ смертной казни, и страницы, направленныя имъ противъ этого «юридическаго отношенія», проникнуты чувствомъ истинной человѣчности. Глава о ссылкѣ представляетъ цѣлую монографію и интересна въ особенности тѣмъ, что авторъ защищаетъ ссылку, правда, не внутреннюю, а лишь ко-

лонизаціонную. Надо замѣтить, что доводы г. Таганцева производятъ впечатлѣніе, и многіе читатели, вѣроятно, согласятся съ авторомъ, что ссылка, при извѣстныхъ условіяхъ гораздо болѣе цѣлесообразна, чѣмъ многолѣтнее тюремное заключеніе. Серьезнаго вниманія заслуживаетъ также отдѣлъ о тюремномъ заключеніи. Авторъ скептически относится къ увлеченію системою одиночнаго заключенія и совершенно справедливо требуетъ такихъ ограниченій его, которыя безусловно необходимы въ интересахъ гуманности. Всѣ эти достоинства не исключаютъ одного крупнаго недостатка, но онъ вытекаетъ изъ общаго воззрѣнія проф. Таганцева на задачи науки уголовнаго права, и мы о немъ только упомянемъ. Это—недостатокъ критической оцѣнки. Груды матеріала проходятъ предъ читателями почти всегда въ прекрасномъ расположеніи, но лишь въ рѣдкихъ случаяхъ освѣщенныя общею идеею, позволяющею разсмотрѣть данный правовой институтъ съ точки зрѣнія общаго міросозерцанія. Это относится къ изложенію какъ иностранныхъ, такъ и русскаго законодательствъ. Поэтому, лекціи г. Таганцева могутъ служить цѣлямъ самообразованія только въ соединеніи съ какими-либо другими, болѣе теоретическими и, скажемъ, болѣе идейными работами, не обезцвѣченными холоднымъ безстрастіемъ исторической школы юристовъ. *Ник. Іорданскій.*

Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія (Древній міръ). Соч. В. Кеннингема. Переводъ съ англ. П. С. Когана. М. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія (Средніе вѣка и новое время). Соч. Кеннингэма. Переводъ съ англ. П. Кончаловскаго съ предисловіемъ профессора Московскаго университета. А. А. Мануилова. М. 1903 г. Стр. VII + 269. Ц. 1 р. 40 к. Въ этихъ двухъ книжкахъ дается полный обзоръ экономической исторіи съ первыхъ зачатковъ цивилизаціи въ древнемъ Египтѣ и вплоть до нашихъ дней. Богатый фактическій матеріалъ изложенъ сжато и интересно, съ искусствомъ опытнаго преподавателя и съ осторожностью серьезнаго ученаго. Главное же: сообщая факты, авторъ внушаетъ читателю сознаніе необходимаго единства всѣхъ фактовъ, собранныхъ на протяженіи тысячелѣтій, сознаніе внутренней связи, объединяющей необъятное прошлое съ настоящимъ и будущимъ. Экономистамъ это сознаніе дается не такъ-то легко. Не такъ-то легко придти къ мысли, что банки, биржи, синдикаты, желѣзныя дороги, безпроволочный телеграфъ и рабочіе союзы, что все это порожденіе того же человѣческаго духа, который создалъ храмы и скульптуру древнихъ грековъ и далъ побѣду христіанству, вооруженному лишь проповѣдью непротивленія злу. Матеріальная, вещественная сторона богатства заслоняетъ отъ экономистовъ его жизненное человѣческое значеніе и когда они принимаются за экономическую исторію, они еще болѣе, чѣмъ другіе историки-спеціалисты склонны забывать единство историческаго процесса. Военная исторія, исторія литературы, исторія философіи, политическая исторія и разныя другія спеціальныя историческія «науки» нерѣдко превращаются въ безпорядочный наборъ случайныхъ фактовъ, потому что каждая такая отдѣльная «наука» работаетъ независимо отъ другихъ и изучаетъ не всего человѣка, а отвлеченную его часть: человѣка-солдата, человѣка-стихотворца, человѣка-мыслителя, человѣка-политика. А потомъ приходитъ историкъ-эклектикъ и заявляетъ, что историческій человѣкъ есть сумма, получаемая отъ сложенія нѣсколькихъ слагаемыхъ, какъ-то: солдата, поэта, мыслителя, политика. И вполнѣ естественно, что экономисты пришиваютъ къ этой полосатой исторіи свою собственную полоску, которую они называютъ экономической исторіей.

Происходитъ же эта пестрота и искусственная разъединенность отъ того, что ученые, стремясь къ безпристрастію и объективности, не считаются съ цѣлями и идеалами окружающей ихъ жизни. Если бы военный историкъ не принималъ войну, только какъ фактъ, естественный и неизбѣжный, но искалъ

въ исторіи отвѣта на вопросъ: зачѣмъ людямъ нужна война, то его военная исторія была бы однимъ изъ многихъ способовъ познанія единой человѣческой исторіи. И если бы всѣ спеціалисты ясно ставили себѣ вопросъ о *цѣли* каждой спеціальной области—политической, литературной, экономической и. т. д., то и пониманіе *причинъ* историческихъ явленій не вызывало бы пререканій и недоразумѣній между изслѣдователями отдѣльныхъ «факторовъ», и всѣ искали бы, каждый въ своей области, одной и той же исторіи человѣчества.

Нашъ авторъ подходитъ къ исторіи съ опредѣленными идеалами, онъ сознательно ставитъ и рѣшаетъ вопросъ о цѣли матеріальнаго богатства, а потому и въ исторіи хозяйственныхъ явленій онъ не ищетъ самостоятельнаго экономическаго процесса, а ищетъ отраженіе общаго хода исторіи. Его сочиненіе, собственно говоря, не экономическая исторія, а исторія человѣчества съ экономической точки зрѣнія, т.-е. исторія человѣчества, поскольку она отразилась на экономическихъ явленіяхъ. Идеалы изслѣдователя могутъ носить нежелательный отпечатокъ той или другой эпохи и національности, но если они взяты изъ жизни, если они принадлежатъ живой и сильной общественной группѣ, изслѣдователь, ихъ свѣтомъ освѣщающій исторію, увидитъ больше, чѣмъ ученый, отказавшійся отъ всякихъ идеаловъ, кромѣ идеала отвлеченной, самодовлѣющей науки. Идеалы проф. Кеннингема суть идеалы лучшей части британской буржуазіи. Подъ «западной цивилизаціей» онъ понимаетъ именно то, чего желаетъ, во что вѣруетъ, чѣмъ наслаждается просвѣщенный, богатый британецъ, гордый политическимъ могуществомъ и богатствомъ своей страны и спокойно пользующійся своимъ личнымъ богатствомъ для устройства себѣ наилучшей жизни, какую онъ только можетъ придумать. И все, что нужно было для созданія этого историческаго типа, все, что взрастило и вскормило эту гордую, самодовольную «западную цивилизацію», открываетъ нашъ авторъ въ дали вѣковъ при свѣтѣ своихъ идеаловъ. А нужно было очень много... Нужно было не только вырвать у природы ея тайны, обуздать моря, покорить пустыни. Нужно было, чтобъ греческое искусство и философія обуздали жадность къ богатству, чтобъ христіанское чувство долга положило предѣлъ произволу деспотовъ и жестокости рабовладѣльцевъ, чтобы христіанство сгладило крайности язычества, и язычество сгладило крайности христіанства. И вотъ проф. Кеннингемъ, вѣрующій въ матеріальное богатство, но вѣрующій въ него, какъ въ средство къ достойной человѣческой жизни, придаетъ огромное значеніе для объясненія современныхъ формъ богатства и древне-греческой культурѣ, и въ особенности христіанству. «Греки оставили неизгладимый слѣдъ не только въ нашей умственной и художественной, но и въ нашей промышленной и коммерческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, хотя всѣ элементы матеріальнаго преуспѣянія получили развитіе уже до грековъ, но эти послѣдніе сообщили имъ новый характеръ. Они сдѣлали шагъ впередъ въ разрѣшеніи задачи, состоявшей въ примиреніи тяжести труда съ свободой рабочаго. Они показали, что жизнь человѣка заключается не въ обиліи принадлежащихъ ему предметовъ. Какъ ни много энергіи проявляли они въ дѣлѣ развитія торговли, какъ ни стремились къ богатству, они смотрѣли на матеріальное благосостояніе, какъ на средство къ достиженію извѣстной цѣли, какъ на условіе, благопріятствующее политической и умственной жизни» (т. I, 69—70). Мысль же о значеніи христіанства для матеріальнаго прогресса Европы, какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ предисловіи проф. Мануиловъ, проходитъ черезъ всю книгу, посвященную среднимъ и новымъ вѣкамъ и сообщаетъ ей внутреннюю цѣльность и законченность. «Христіанское ученіе»,—по словамъ проф. Кеннингема—открывало безконечные горизонты индивидуальной личности и вѣчной надеждой поощряло ее къ прилежанію и дѣятельности. Но такое сосредоточеніе мысли на загробной жизни не отвлекало вниманія отъ мірскихъ обязанностей;

христіанство не гнушалось ими»; «христіанство ввело новое понятіе о долгѣ» (т. II, 10). «Главная заслуга монашества заключается въ томъ, что оно помогало распространять лучшія понятія о долгѣ и достоинствѣ труда»; «монахи установили истинный характеръ и достоинство честной работы» (II, 35).

Только вѣра во внутреннюю силу идей можетъ открыть глаза на связь такихъ противоположныхъ по внѣшности явленій, какъ древне-греческая культура, средневѣковое христіанство и капитализмъ новаго времени. Поэтому для историка лучше какіе-нибудь идеалы, чѣмъ никакихъ, чѣмъ грубый эмпиризмъ и наивный реализмъ. Но это не значитъ, что идеалы проф. Кеннингема могутъ удовлетворить русскихъ читателей и что «западная цивилизація» не создала до сихъ поръ другихъ, болѣе высокихъ, идеаловъ. Проф. Кеннингемъ вскрылъ тѣсную связь между капитализмомъ и христіанствомъ. Это—заслуга, потому что другіе экономисты находили возможнымъ изучать капитализмъ безъ всякой связи съ христіанствомъ. Но самое христіанство Кеннингемъ понимаетъ не глубоко. Онъ признаетъ его ровно настолько, насколько признаетъ благочестивый и просвѣщенный англійскій капиталистъ. Благочестіе англійской буржуазіи—совершенно честное благочестіе—не помѣшало ей основать собственное благополучіе на несчастьи англійскихъ рабочихъ и населенія Индіи, на работорговлѣ и истощеніи колоній. И это потому, что благочестивые буржуа отожествили христіанскую идею труда съ идеей товарнаго производства. Все, что въ христіанствѣ противорѣчитъ капитализму, непонятно для буржуазіи, непонятно и для нашего автора. Онъ знаетъ, что въ созданіи «западной цивилизаціи» (которая у него отожествляется съ просвѣщеннымъ капитализмомъ) участвовали, кромѣ христіанства, другія великія силы новой исторіи, а именно: образованіе большихъ національныхъ государствъ съ свѣтской властью и такъ называемый промышленный переворотъ XVIII—XIX вв. Но авторъ не видитъ, чтобы эти разныя силы противорѣчили другъ другу и боролись другъ съ другомъ. Намъ показываютъ возникновеніе и ростъ всѣхъ силъ, создавшихъ «западную цивилизацію», но не показываютъ ихъ взаимной борьбы. Намъ объясняютъ пользу, которую капитализмъ извлекъ изъ христіанства, но ничего не говорятъ о вредѣ, который христіанство потерпѣло отъ капитализма. И потому многое остается загадочнымъ и въ христіанствѣ и въ капитализмѣ. Авторъ, наприм., находитъ, что суровая власть капитала необходима, какъ сдерживающая дисциплинирующая сила. «То, что сфера независимой дѣятельности ограничена капиталистической организаціей, является дѣйствительнымъ стѣсненіемъ личности; но, съ соціальной точки зрѣнія, это стѣсненіе полезно, потому что оно дисциплинируетъ человѣка и дѣлаетъ его болѣе сильнымъ, чѣмъ онъ могъ бы быть при иныхъ условіяхъ» (II, 243—244). Но если для дисциплины необходимъ капитализмъ, то, значитъ, оказалась безсильной дисциплинирующая роль христіанства, христіанская идея долга. Куда же исчезла эта сила христіанства? И если она исчезла, то не осужденъ ли на паденіе и капитализмъ? Но проф. Кеннингемъ относительно будущаго возлагаетъ одинаково горячія надежды и на капиталистическую организацію промышленности, какъ на лучшее средство достиженія матеріальнаго богатства (II, 245), и на христіанскую вѣру, какъ на наиболѣе здоровую (изъ до сихъ поръ изображенныхъ) схему самовоспитанія (II, 259).

Такое же противорѣчіе можно отмѣтить и въ отношеніи Кеннингема къ античной культурѣ. Онъ признаетъ ея величіе и силу, но лишь постольку, поскольку она не посягаетъ на его идею капитала и дохода на капиталъ. А много ли останется отъ идеи капитала, если допустить, что «жизнь человѣка заключается не въ обиліи принадлежащихъ ему предметовъ»? «Можетъ быть,—говоритъ авторъ, «зданія въ Акрополисѣ были достойны тѣхъ усилій, которыя пришлось сдѣлать для нихъ; и тѣмъ не менѣе остается фактомъ, что они со-

*

дѣйствовали истощенію энергіи Аѳинъ... Они были просто мѣстомъ для стока накопленныхъ богатствъ настоящаго и ничѣмъ не содѣйствовали росту богатствъ въ будущемъ. Богатства Милета находились постоянно въ обращеніи и давали средства промышленной общинѣ расти и процвѣтать; богатства Аѳинъ и ихъ союзниковъ были разъ навсегда поглощены твореніями дивной красоты» (I, 116). Здѣсь мы видимъ ясное отожествленіе всякаго богатства вообще съ его капиталистической формой. Еще яснѣе это обнаруживается въ другомъ мѣстѣ. «Въ древнемъ мірѣ повсюду существовала тенденція затрачивать накопленныя средства на дворцы, храмы и декоративныя зданія предпочтительно передъ затратой ихъ на производство товаровъ. Хотя большая доля изъ имперскихъ средствъ удѣлялась на общественныя зданія, очень немного изъ нихъ шло на общественныя зданія, которыя возвращали затрату, т.-е. на такія, которыя приносили ежегодный доходъ и, такимъ образомъ, позволяли возмѣстить истраченныя на нихъ суммы... Пошлины, которыя взимались у многочисленныхъ торговыхъ заставъ, разсѣянныхъ по имперіи, дѣлали, вѣроятно, большіе военные пути прибыльными предпріятіями. Тѣмъ не менѣе значительная часть богатствъ, принадлежавшихъ имперіи и находившимся въ ней городскимъ общинамъ, пропадала безъ пользы» (I, 176). Тутъ уже прямо говорится, что есть только одинъ способъ возвращать произведенныя затраты—полученіе ежегоднаго денежнаго дохода. И если бы древній міръ тратилъ всѣ свои богатства на общественныя школы, больницы и безплатныя дороги, нашъ авторъ все-таки долженъ былъ бы сохранить въ силѣ всѣ свои упреки...

Мы не исчерпали всѣхъ случаевъ, когда автора можно уличить въ узости идеаловъ, искажающей историческую перспективу. Но, какъ видно изъ сказаннаго, въ разбираемомъ сочиненіи рѣшаются такіе вопросы, по которымъ читатели еще не въ правѣ требовать отъ ученыхъ безповоротныхъ, безошибочныхъ, окончательныхъ выводовъ. Мы убѣждены, что сочиненіе проф. Кеннингема можетъ принести большую пользу также и тѣмъ читателямъ, которые имѣютъ болѣе возвышенное представленіе о «западной цивилизаціи» и не согласны отожествлять ее съ просвѣщеннымъ капитализмомъ.

Обѣ книжки изданы аккуратно и изящно, съ сохраненіемъ подстрочныхъ примѣчаній, въ которыхъ авторъ приводитъ богатую литературу по всѣмъ эпохамъ. Въ краткомъ предисловіи проф. Мануилова указываются достоинства книги и отмѣчается излишній оптимизмъ автора по отношенію къ капиталистической организаціи промышленности. Кой-какія оплошности замѣчены нами въ географическихъ картахъ, приложенныхъ къ изданію. На картѣ древняго Египта вовсе не показаны Ѳивы; на картѣ Финикіи и Палестины нѣкоторыя названія приведены по-англійски, безъ перевода на русскій языкъ.

А. Рыкачевъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Русскіе методики, учебники и хрестоматіи по естествознанію.—*К. Гофманъ.* „Радій и его лучи.—*Ф. Гизель.* „О радіоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ.

Русскіе методики, учебники и хрестоматія по естествознанію. Прошло два года съ тѣхъ поръ какъ естествовѣдѣніе снова появилось въ числѣ учебныхъ предметовъ общеобразовательной средней школы. Характеръ преподаванія новаго предмета былъ тогда же намѣченъ въ объяснительной запискѣ министерства народнаго просвѣщенія, предложившей къ руководству извѣстный «Опытъ программы природовѣдѣнія» проф. Кайгородова. У всѣхъ еще въ па-

мяти страстная полемика, поднявшаяся по поводу этой программы, которая на ряду со многими другими недостатками отличалась еще крайней неопредѣленностью какъ своихъ основныхъ требованій, такъ и средствъ, ведущихъ къ ихъ исполненію. Это чувствовалось всѣми—и сторонниками и противниками новаго «натуральнаго» метода, теоретиками и практиками. Но фактъ былъ на лицо: естествовѣдѣніе получило право гражданства въ школѣ, жизнь начала предъявлять свои требованія, понадобилась созидательная педагогическая дѣятельность.

Какъ и слѣдовало ожидать, эта дѣятельность выразилась прежде всего появленіемъ въ учебной литературѣ по естествовѣдѣнію ряда новыхъ книгъ—по методикѣ предмета, хрестоматій, учебниковъ. Особенно плодовитымъ оказался прошлый 1902 г. Въ текущемъ году наступило затишье, вызванное, по всей вѣроятности, наступленіемъ вопроса о школьной реформѣ въ новый фазисъ существованія, заставляющій сомнѣваться въ долговѣчности мѣропріятій 1901 г. Это обстоятельство заставляетъ насъ обратиться къ разсмотрѣнію имѣющагося. въ нашемъ распоряженіи матеріала, не претендуя на полноту и законченность.

Передъ нами три труда по *методикѣ* естествовѣдѣнія: гг. В. И. Голикова, А. Павлова и Л. С. Севрука *). Книга г. *Голикова* носитъ совершенно особый характеръ, какъ видно изъ ея подзаглавія: «Историческіе обзоры, учебные планы и программы, примѣрные уроки, отрывки, образцы и извлеченія изъ произведеній представителей педагогической литературы». Это собственно не методическое руководство (послѣднее готовится авторомъ къ печати), а подробная историческая справка по вопросу о преподаваніи естествовѣдѣнія въ Россіи, составленная очень обстоятельно и—что мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ—съ достаточной объективностью. Содержаніе книги изложено хрестоматически, въ отрывкахъ и извлеченіяхъ, которымъ кое-гдѣ предпосланы очень сжатые общіе очерки. Изложеніе ведется по періодамъ, которые въ жизни нашей школы намѣчены временемъ дѣйствія ея прежнихъ уставовъ.

Въ основѣ труда г. Голикова лежитъ мысль о необходимости создать собственный методъ преподаванія естествовѣдѣнія, примѣнительно къ русской школѣ, какъ къ таковой. «По меньшей мѣрѣ странно, – говоритъ онъ,—было бы стремленіе перейти отъ Любена и Россмеслера къ новымъ, иностраннымъ же методамъ Юнге и Лёва, во всей ихъ цѣлости, какъ будто мы имѣемъ въ виду не русскую, а нѣмецкую школу, которая сама еще нуждается въ лучшихъ методахъ преподаванія естествовѣдѣнія». Ставъ на такую точку зрѣнія, г. Голиковъ ищетъ выхода въ историческомъ изученіи методики естествовѣдѣнія въ Россіи. Но одного такого изученія мало: оно, во-первыхъ, «не можетъ быть вполнѣ выдѣлено, изолировано отъ обзора общаго состоянія образованія въ данную эпоху»; во-вторыхъ, «педагогическія и дидактическія требованія, предъявляемыя къ школамъ вообще и къ преподаванію естествовѣдѣнія въ частности, всегда были въ опредѣленномъ соотвѣтствіи съ господствующими тенденціями въ образованіи... Одинъ и тотъ же учебный матеріалъ въ разное время подлежалъ различной обработкѣ» (предисловіе, стр. Ѵ—IѴ). Все это безусловно вѣрно, и «Методика» г. Голикова принадлежала бы къ числу лучшихъ трудовъ этого рода, если бы автору ея удалось осуществить свои намѣренія. На дѣлѣ, однако, этого нѣтъ. Объемистая книга (568 стр. in 8⁰) представляетъ собою не болѣе какъ сводку сырого матеріала почти безъ всякаго

---

*) В. И. Голиковъ. Методика естествовѣдѣнія въ главнѣйшихъ ея представителяхъ и историческомъ развитіи въ нашей общеобразовательной школѣ—средней и низшей. Съ приложеніемъ сборника „Вопросы преподаванія естествовѣдѣнія“. Изданіе К. И. Тихомірова, Москва 1902 г. Цѣна 1 р. 80 к.

А. Павловъ. Методика природовѣдѣнія. Спб., 1902 г. Цѣна 2. р.

Методика начальнаго курса естествовѣдѣнія. Составилъ Л. С. Севрукъ. Въ текстѣ 523 рисунка. Спб., изданіе автора, 1902 г. Цѣна 2 р. 25 к.

освѣщенія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, считать руководящими статьями коротенькіе очерки автора, касающіеся обыкновенно лишь внѣшней стороны дѣла: въ такомъ-то-де году случилось то-то. По нашему мнѣнію, для *русскаго* естествовѣдѣнія какъ нельзя болѣе характерна шаткость его положенія въ школѣ. Прямымъ слѣдствіемъ этого и является невыработанность его методики. То вводимое, то опять упраздняемое по причинамъ совершенно особаго свойства (какъ, напр., въ 1871 г.), наше естествовѣдѣеіе все время должно было заниматься собственной реабилитаціей и балансировать между Сциллой систематики и Харибдой біологическаго направленія: первая душила учениковъ, вторая заставляла безпокоиться учебное начальство. Автору, который самъ же указываетъ на тѣсную зависимость между господствующими въ образованіи тенденціями и ходомъ историческаго развитія школы, не мѣшало бы обратить вниманіе на эти тенденціи: гдѣ-гдѣ, а ужъ у насъ въ Россіи онѣ имѣли болѣе чѣмъ выдающееся вліяніе—стоитъ вспомнить о министерствѣ гр. Д. А. Толстого.

Положенію естествовѣдѣнія въ младшихъ классахъ средней школы по учебнымъ планамъ 1901 г. авторъ посвящаетъ особый «Сборникъ», въ который вошли выдержки изъ трудовъ педагоговъ, занимавшихся этимъ вопросомъ. Рѣчь идетъ о новомъ методѣ преподаванія, представителемъ котораго является проф. Кайгородовъ (ему, между прочимъ, г. Голиковъ посвящаетъ свою книгу). Здѣсь мы находимъ—въ извлеченіяхъ и подлинникахъ—статьи: автора программы, профессоровъ: А. П. Павлова, Фаусека, Шимкевича и гг. Акинфіева, В. Вагнера, Дмитріева и Коробчевскаго. Приведенъ также отзывъ г. попечителя московскаго учебнаго округа П. А. Некрасова. Послѣдній, равно какъ извлеченіе изъ доклада г. Акинфіева, читаннаго въ екатеринославскомъ научномъ обществѣ, вполнѣ благопріятенъ проф. Кайгородову. Примѣрно такого же мнѣнія держится и г. Коробчевскій. Остальные авторы выступаютъ противъ новой программы. Особеннаго вниманія заслуживаетъ блестяще написанная и солидно обоснованная статья проф. Шимкевича. Какихъ-либо самостоятельныхъ выводовъ авторъ «Сборника» не дѣлаетъ, находя ихъ преждевременными.

Второй трудъ по методикѣ естествовѣдѣнія принадлежитъ г. *Павлову*. Здѣсь мы уже встрѣчаемся съ самостоятельной попыткой дать нѣчто новое въ области трактуемаго предмета, примѣнительно къ оффиціальнымъ требованіямъ и потребностямъ современной намъ школы. Говоря въ предисловіи о затруднительности такой работы, авторъ заранѣе соглашается съ тѣмъ, что въ его книгѣ много недочетовъ: недостаточно подробное изложеніе въ однихъ мѣстахъ, слишкомъ сжатое въ другихъ, повтореніе, недомолвки. Къ этому перечню мы прибавимъ еще одинъ недостатокъ, по нашему мнѣнію, важнѣйшій: слишкомъ беззавѣтная преданность воззрѣніямъ проф. Кайгородова и сохраненіе того антинаучнаго духа, которымъ проникнута вся его программа. Яркій образчикъ мы находимъ на стр. 114. Тамъ, въ концѣ перваго параграфа IV главы (очень, кстати сказать, напоминающаго карамзинское «Разсужденіе о любви къ отечеству и о народной гордости»), говорится слѣдующее: «Обращая же вниманіе дѣтей на *совершенство* тварей, на архитектуру частей каждаго организма, на явленія любви, взаимопомощи, *содружества*, сожительства и даже *самопожертвованія* среди животнаго и растительнаго міра, не скрывая и законовъ борьбы за существованіе, на *цѣлесообразность* всѣхъ частей организма и уясняя, что всѣ эти творенія постоянно возобновляются въ безчисленныхъ индивидуумахъ, мы наполняемъ душу дѣтей чувствомъ возвышеннаго благоговѣнія къ Тому, Кто есть первая причина всему этому» *).

Не мѣшало бы г. Павлову вспомнить возраженіе, которое сдѣлалъ проф.

---

*) Курсивъ нашъ.

Кайгородову проф. Шимкевичъ *): «Если проф. Кайгородовъ хочетъ, чтобы преподаватель природовѣдѣнія говорилъ о цѣлесообразности въ религіозномъ смыслѣ, то на этотъ счетъ существуетъ весьма опредѣленный и вполнѣ правильный взглядъ, что эти вопросы составляютъ неотъемлемую привилегію законоучителя».

Ошибокъ, и довольно грубыхъ, въ книгѣ г. Павлова не мало: напримѣръ, на стр. 5, онъ сообщаетъ, что въ наше время физикой называется «одинъ изъ элементовъ науки о природѣ—ученіе о законахъ происходящихъ въ природѣ явленій». Ратуя за «біологію» въ курсѣ средней школы онъ считаетъ ее вмѣстѣ съ физіологіей подчиненной отраслью зоологіи, послѣдняя же фигурируетъ у него въ качествѣ родового понятія. На стр. 7 сказано: «Наука о природѣ расчленилась, какъ мы уже видѣли, на элементы: зоологію, ботанику, минералогію, геологію, физику, химію и т. п. Но мало этого, каждый элементъ опять, въ свою очередь, расчленился, какъ, напр., зоологія—на морфологію, анатомію, гистологію, физіологію, *біологію*, систематику» **). Правда, въ другихъ мѣстахъ книги, напр., на стр. 114, онъ даетъ правильное опредѣленіе біологіи, какъ «ученія о жизни»; но, имѣя въ виду только что приведенную выдержку, приходится сдѣлать выводъ, что авторъ самъ хорошенько не усвоилъ это понятія. Ухитряется г. Павловъ дѣлать ошибки, совершенно непростительныя для преподавателя, имѣющаго за собой «опытъ почти четверти вѣка педагогической дѣятельности». Ну, развѣ возможно, напримѣръ, писать (стр. 23), что «пріятные запахи доставляются намъ углеводородомъ (эфиръ, алкоголь, ароматическія благоуханія)». Какой такой есть на свѣтѣ «углеводородъ», заключающій въ себѣ чуть ли не всѣ классы химическихъ соединеній, совершенно различныхъ по своему составу и свойствамъ?

Но довольно объ этомъ. Посмотримъ, что же собственно намъ даетъ книга г. Павлова. Первая глава, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, озаглавлена: «Логическія основы естествовѣдѣнія» и составлена по Владиславлеву, Д. Миллю, К. Ушинскому и др. Во второй главѣ авторъ даетъ очеркъ исторіи методики естествовѣдѣнія до 1901 г. включительно, заключая его программой проф. Кайгородова. Послѣдней, по его мнѣнію, «принадлежитъ таковое же значеніе, какъ Юнге, т.-е. подрывъ стараго схоластическаго преподаванія».—«Конечно не «въ общежитіяхъ» спасеніе,—читаемъ мы въ заключеніе.—Въ сознательномъ пониманіи явленій и въ большемъ обращеніи (вниманія?) на біологію заключается главная сущность преобразовательнаго движенія. И такъ какъ жизненныя сообщества наталкиваютъ на біологическое изученіе, то они не лишены значенія въ школьномъ преподаваніи. Они показываютъ, что въ школѣ не должна господствовать систематика, но что должно быть дано мѣсто біологіи». Если той, о которой столь высокимъ стилемъ повѣствовалъ раньше г. Павловъ, то избави отъ нея Богъ! Кромѣ безполезной траты времени никакого толка изъ нея не будетъ. Или если и будетъ результатъ, то вполнѣ отрицательный: рано или поздно ученики поймутъ, какая масса намѣренной лжи преподносилась имъ на урокахъ естествовѣдѣнія и по своему будутъ реагировать на эту ложь...

Наиболѣе существенной частью книги является глава IV, посвященная собственно методикѣ «природовѣдѣнія» и содержащая, кромѣ общихъ разсужденій, составленную авторомъ «примѣрную программу на біологической основѣ». Изложимъ вкратцѣ требованія, которыя предъявляетъ г. Павловъ къ элементарному курсу «природовѣдѣнія». Сначала нужно сообщить ученикамъ краткія свѣдѣнія объ устройствѣ человѣческаго тѣла, которыя дадутъ имъ возмож-

---

*) Голиковъ. „Методика“, стр. 523.
**) Курсивъ нашъ.

ность сравнивать организацію животныхъ со своей собственною. Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣніе мѣстной флоры и фауны, какъ доступной непосредственному наблюденію, затѣмъ отечественной, наконецъ, чужеземной. Въ курсъ долженъ входить и неорганическій міръ, а также первое знакомство съ физикой, необходимое для пониманія біологическихъ фактовъ. Попутно сообщаются анатомическія и физіологическія свѣдѣнія, причемъ здѣсь «главное состоитъ въ *наглядномъ* *) изображеніи дѣятельности органовъ указаніемъ на наиболѣе выдающіяся біологическія особенности животнаго». Что касается группировки матеріала, то здѣсь долженъ примѣняться біоцентрическій принципъ Юнге и Кайгородова: «При изученіи животныхъ и растеній не слѣдуетъ отдѣлять ихъ отъ окружающей среды, а разсматривать ихъ въ тѣснѣйшей, насколько это возможно, связи съ условіями, для которыхъ они приспособлены, а также въ связи съ организмами, съ какими они находятся въ біологическомъ взаимодѣйствіи» (стр. 117). Согласно съ этими требованіями авторъ строитъ свою программу. Излишне, разумѣется, добавлять, что выполненіе этой программы неразрывно связано съ экскурсіями, которыя «должны служить дополненіемъ къ урокамъ».

Сравнительно съ проф. Кайгородовымъ г. Павловъ стоитъ на болѣе правильной точкѣ зрѣнія: онъ не возстаетъ противъ лабораторныхъ опытовъ, не ведетъ смѣшной войны противъ анатомическихъ препаратовъ, не ухватывается за пресловутыя «общежитія», видя въ нихъ лишь естественныя группы, и не стремится къ выводу сложныхъ отношеній ихъ членовъ. Но какъ бы то ни было, его программа сохранила всѣ характерныя черты кайгородовской и поэтому къ ней примѣнима значительная часть того, что сказала серьезная критика по поводу этой послѣдней.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію третьяго труда по интересующему насъ вопросу—«Методики» г. *Севрука.* Эта прекрасная книга представляетъ собою «попытку отвѣтить на вопросъ о томъ, какъ вести классныя занятія по начальному курсу естествовѣдѣнія». Безъ лишнихъ словъ и фразъ, чрезвычайно подробно и послѣдовательно, проникнувшись опредѣленной идеей, авторъ описываетъ каждый шагъ въ преподаваніи такого курса. Въ обстоятельномъ «Введеніи» изложена теоретическая часть «Методики». Г. Севрукъ полагаетъ, что обычное расчлененіе науки о природѣ на отдѣльныя дисциплины невозможно въ элементарномъ курсѣ. Это исходная точка зрѣнія, раздѣляется, впрочемъ, и предыдущими авторами. Далѣе начинается оригинальный и вполнѣ правильный ходъ мыслей. «Не простое накопленіе фактовъ, а прочное осмысленіе ихъ составляетъ задачу образованія на всѣхъ ступеняхъ», говоритъ авторъ, не пускаясь въ разглагольствованія о томъ, почему сіе важно во-первыхъ, во-вторыхъ и въ-третьяхъ. Дѣти школьнаго возраста уже обладаютъ кой-какими свѣдѣніями о природѣ, и потому первой заботой преподавателя должно быть приведеніе въ порядокъ этихъ свѣдѣній. Самый курсъ распадается на двѣ части: неживой природѣ отведено первое мѣсто, потому что безъ уясненія ея явленій немыслимо знакомство съ проявленіями жизни; вторая часть посвящена живой природѣ. Центръ тяжести курса заключается въ осмысленномъ наблюденіи и изслѣдованіи явленій, а не въ описаніи тѣлъ природы. *Все преподаваніе основано на непосредственномъ наблюденіи и экспериментѣ.* Въ этомъ заключается главное достоинство «Методики» г. Севрука. То, что въ «натуральномъ методѣ» является только pium desiderium вслѣдствіе практической невозможности точно согласовать классное преподаваніе съ экскурсіями, здѣсь, даже въ рукахъ малоопытнаго преподавателя, осуществляется сравнительно легко. Авторъ настаиваетъ на возможно большей само-

*) Курсивъ автора.

дѣятельности учениковъ. Въ этомъ отношеніи онъ, по нашему мнѣнію, доходитъ даже до крайности, совѣтуя, напримѣръ, предлагать дѣтямъ самимъ придумывать названія для вновь пріобрѣтенныхъ ими понятій.

«Методика» предназначается не только для преподавателей, но и для лицъ, совершенно неопытныхъ въ дѣлѣ обученія. Этимъ объясняется черезчуръ подробное изложеніе, входящее въ мельчайшія подробности каждаго отдѣльнаго опыта, предусматривающее чуть ли не каждое слово учителя. Въ концѣ каждой главы помѣщенъ списокъ матеріаловъ и пособій которые нужно «приготовить» къ уроку, и перечень опытовъ и демонстрацій подъ рубрикою «показать».

Авторъ не настаиваетъ на неизмѣнности своихъ плановъ: въ зависимости отъ личности учащаго, отъ степени развитія учениковъ и другихъ условій даваемый въ книгѣ учебный матеріалъ можетъ подвергаться измѣненіямъ. Можетъ и долженъ, скажемъ мы, потому что залогомъ успѣшности преподаванія служитъ самодѣятельность не только со стороны учениковъ, но и учителя.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію *учебниковъ*. Учебниковъ въ обычномъ смыслѣ этого слова передъ нами два *): г. *Севрука*, примѣнительно къ его только что разсмотрѣнной «Методикѣ», и г. *Ерошенки*. О первомъ изъ этихъ руководствъ много говорить не приходится: полагая въ основу курса опытно-демонстративную работу, авторъ признаетъ за учебникомъ единственно значеніе репетиторія, который помогалъ бы ученикамъ освѣжить въ памяти то, чему они уже выучились во время урока, а также запомнить новые для нихъ термины. Такимъ образомъ учебникъ г. Севрука является лишь иллюстрированнымъ конспектомъ того, что сказано на урокѣ. Мы здѣсь не будемъ разбирать, насколько справедлива такая точка зрѣнія на учебникъ по элементарному естествовѣдѣнію, и ограничимся лишь указаніемъ на неважное качество рисунковъ въ учебникѣ г. Севрука, это серьезный недостатокъ, извинительный, впрочемъ, если принять во вниманіе количество рисунковъ (346) и дешевизну довольно толстой книжки (75 к.).

Появленіе въ литературѣ учебниковъ г. *Ерошенки*—знаменательный фактъ. Это своего рода Иловайскій отъ природовѣдѣнія. Чтобы насъ не заподозрили въ пристрастномъ отношеніи, сдѣлаемъ выписки. Для чего, во-первыхъ, понадобился учебникъ при прохожденіи курса природовѣдѣнія? Безъ него, оказывается, обойтись трудно. Преподавателю приходится писать на доскѣ краткое изложеніе пройденнаго, ученики списываютъ, путаютъ, а время уходитъ. Дѣти, вдобавокъ, не умѣютъ сосредоточить свое вниманіе тамъ, гдѣ нужно. «Въ виду этого, пишетъ авторъ, и составленъ настоящій учебникъ, который можетъ служить пособіемъ какъ для повторенія пройденнаго на урокахъ и экскурсіяхъ, такъ, *главнымъ образомъ, и для прохожденія курса* **), а въ особенности для тѣхъ, кто по разнымъ причинамъ пропускаетъ уроки или готовится къ экзамену дома».

Пошли мы, скажемъ, на экскурсію въ краснолѣсье; тамъ по штату намъ полагается увидѣть клеста и дятла, а мы вдругъ ничего не увидѣли; какъ тутъ быть? Учебникъ—одно спасенье! Вдобавокъ ученики (особенно если они зимой увязнутъ въ снѣгу) могутъ вынести превратное впечатлѣніе о хвойномъ

---

*) „Начальный курсъ естествовѣдѣнія. Книга для учащихся". Составилъ *Л. С. Севрукъ*. Въ текстѣ 346 рисунковъ. Спб., изданіе автора, 1902 г. Цѣна 75 к. *Н. М. Ерошенко*. „Природовѣдѣніе. Краткій учебникъ по естественной исторіи съ 87 иллюстраціями. По программѣ профессора Д. Н. Кайгородова для средней школы". Часть 1-ая. Изданіе 2-ое, вновь исправленное и значительно измѣненное. Изданіе книжнаго магазина Е. П. Распопова въ Одессѣ. Одесса, 1902 г. Цѣна 40 к. То же часть 2-ая. Цѣна 40 к.

**) Курсивъ нашъ.

лѣсѣ. Но если есть учебникъ, ихъ эстетическое чувство не пострадаетъ, потому что они вызубрятъ и продекламируютъ звучную тираду: «А какъ хороши хвойныя деревья въ зимній морозный день! Убранныя густыми хлопьями снѣга, разукрашенныя инеемъ въ разныя кружева и освѣщенныя солнцемъ—деревья эти представляютъ очаровательную картину» и т. д. (ч. I, стр. 21). Экскурсіи г. Ерошенки въ область чувствительнаго и прекраснаго прямо-таки комичны. Врядъ ли составитель программы *этимъ* способомъ хотѣлъ развивать въ дѣтяхъ «чувство природы», какъ онъ выражается. «Скромная маргаритка», которая «наклонила свою розовую головку съ желтой подушечкой въ серединѣ и слегка покачивается на своемъ безлистомъ стебелькѣ» (ч. I, стр. 16), можетъ вызвать только смѣхъ у дѣтей, чуткихъ ко всякой фальши. Языкъ учебника неправильный, тяжелый. Вотъ примѣръ (ч. I, стр. 4):

„Плодовыя деревья первоначально росли дико, потомъ разведеніемъ и уходомъ за ними получили способность приносить вкусные плоды, и какъ домашнія животныя, переродились и образовали множество другихъ породъ. Правда, много заботъ и хлопотъ за садомъ, зато превосходно воздѣланный плодовый садъ съ его цвѣтниками, оранжереями, усыпанными пескомъ аллеями и проч, доставляетъ намъ не только наслажденіе въ прогулкахъ по саду, но и огромную пользу отъ плодовъ, цвѣтовъ и огородныхъ овощей“.

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ книгѣ, тоже не лишены интереса: такъ на 44 стр. I-ой ч. мы узнаемъ, что наши хлѣбныя растенія называются злаками потому, что «принадлежатъ къ группѣ растеній у которыхъ стебель длинный, колѣнчатый и внутри полый, т.-е. пустой, а листья длинные». На 26 стр. мы читаемъ, что изъ однѣхъ почекъ появляются весною листья, а изъ другихъ цвѣты, и что «и тѣ и другіе, сверхъ этого, понесутъ новыя вѣточки и новые побѣги».

Приведенные нами примѣры всѣ взяты изъ первой части учебника; вторая часть не лучше. Возьмемъ для разнообразія параграфъ, трактующій о неорганическихъ тѣлахъ (стр. 65—67). Тамъ мы находимъ напр. интересное опредѣленіе ляписа (азотно-серебряной соли): это, оказывается, «примѣсь серебра, кислорода и крѣпкой водки...» Рисунки невозможны.

Мы боимся утомить читателей перечисленіемъ достоинствъ новаго Иловайскаго, да и боязно какъ-то становится за судьбу естествовѣдѣнія въ русской школѣ...

Хрестоматіямъ и книгамъ для чтенія болѣе посчастливилось. Такого рода пособія являются, пожалуй, самымъ удачнымъ литературнымъ явленіемъ, обусловленнымъ введеніемъ въ дѣйствіе программы проф. Кайгородова. Мы остановимся на трехъ книгахъ этого рода: г.г. *Кайгородова*, *Павлова* и *Львова*. Первая изъ нихъ *) представляетъ собою объемистый, хорошо изданный томъ, снабженный недурными рисунками. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что наиболѣе соотвѣтствующими цѣли его программы книгами «являются сборники очерковъ и статей о предметахъ и явленіяхъ изъ различныхъ царствъ родной природы,—сборники-хрестоматія для чтенія, приноровленные къ пониманію дѣтей младшаго и средняго возрастовъ». Характеръ статей опредѣляется цѣлью всего преподаванія—культивированіемъ въ дѣтяхъ «чувства природы»; статьи поэтому «должны быть, насколько возможно, пропитаны этимъ чувствомъ (любовь вызываетъ любовь!)». Но вѣдь для достиженія этого идеала составитель долженъ обладать литературнымъ талантомъ; никакіе ахи и охи, восклицательные знаки и многоточіе не вызовутъ въ читателѣ художественнаго образа одѣтой снѣгомъ сосны, а поэтъ, прочувствовавшій его, сдѣлалъ это въ четырехъ коротенькихъ строчкахъ. Въ статьяхъ самого проф. Кайгородова, а

---

*) *Дм. Кайгородовъ.* „Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ семьѣ“. Спб., изданіе А. С. Суворина. 1902 г. Цѣна 1 р. 30 к.

такихъ въ хрестоматіи большинство, замѣчается, наоборотъ, недостатокъ искренняго чувства и отсутствіе художественнаго таланта.

Гораздо больше удивили насъ ошибки, допускаемыя проф. Кайгородовымъ. Такъ, на стр. 5, гдѣ выясняется роль древесныхъ листьевъ, говорится слѣдующее: «Они (листья) перерабатываютъ въ себѣ сырые соки, которые доставляются къ нимъ корнями. Переработавъ, они возвращаютъ эти соки обратно дереву, которое изъ этихъ переработанныхъ соковъ отлагаетъ на себѣ подъ корой новую древесину и выращиваетъ новые почки для будущаго года». Мы рѣшительно не пониманіемъ, зачѣмъ проф. Кайгородову понадобилось сообщать дѣтямъ завѣдомую неправду. Допустимъ даже, что авторъ не считаетъ возможнымъ говорить дѣтямъ объ ассимиляціи углерода; но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ искажать факты? Лучше бы ужъ молчать. Въ книгѣ много и тенденціозныхъ толкованій въ духѣ новой программы, но говорить объ этомъ мы ужъ не будемъ.

«*Природовѣдѣніе*» *г. Павлова* *) даетъ намъ второй образецъ сборника-хрестоматіи, нѣсколько отличающійся отъ только-что разсмотрѣнной. Довольно обширный матеріалъ расположенъ въ книгѣ по естественнымъ группамъ, замѣняющимъ, какъ мы видѣли, общежитія въ программѣ автора. На первый планъ выставлены біологическія особенности описываемыхъ организмовъ; въ связи съ ними сообщаются анатомическія и физіологическія свѣдѣнія. Языкъ книги довольно правильный, но рисунки плоховаты, и между ними есть много совершенно лишнихъ. При этой характеристикѣ слѣдуетъ, конечно, имѣть въ виду все сказанное нами выше по поводу «Методики» того же автора. Впрочемъ, нужно замѣтить, что «Природовѣдѣніе» г. Павлова производитъ гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ его теоретическія разсужденія.

Книжечка *г. Львова* **), составленная по Бёклей, М. Н. Богданову, Д. Н. Кайгородову и другимъ источникамъ, предназначается для класснаго чтенія. Это нѣчто среднее между учебникомъ и хрестоматіей. Объемъ руководства очень незначительный; всего 47 стр. in 16^0. Содержаніе его составляютъ двѣнадцать очерковъ изъ жизни растеній (2) и животныхъ (10). Всѣ они написаны по одному шаблону: «я» или «мы» увидѣли или нашли что-то и что-то; потомъ «братъ» объяснилъ намъ, чего мы сами не могли понять. Книжечка предназначается для учениковъ младшихъ классовъ учебныхъ заведеній, но по простотѣ изложенія доступна и для дѣтей дошкольнаго возраста. Въ такихъ книжечкахъ должно быть строго обдумано каждое слово, тщательно вырисованъ каждый рисунокъ,—и въ этомъ отношеніи книжка г. Львова оставляетъ желать многаго; особенно плохи рисунки.

Вообще на рисунки что-то не повезло. Книга для чтенія г. *Чеглока* ***) страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ. Недостатокъ, впрочемъ, не единственный и не самый важный. Уже самый характеръ изложенія нельзя признать удачнымъ. Авторъ придумываетъ фабулу разсказа и уже по ней, какъ по готовой канвѣ, вышиваетъ естественно-историческій узоръ. Это извѣстный пріемъ, дающій хорошіе результаты въ рукахъ талантливаго беллетриста, но г. Чеглокъ плохой беллетристъ. Въ его разсказахъ фабула составляетъ одно, а сообщаемыя естественно-историческія свѣдѣнія—другое; органической связи между ними нѣтъ, отчего также уменьшается художественное впечатлѣніе разсказа.

Повредить книга г. Чеглока не можетъ, но хорошей ее назвать нельзя.

---

*) *А. Павловъ.* „Природовѣдѣніе. Бесѣды и описанія изъ природы. Пособіе по элементарному естествовѣдѣнію и проч.", часть І-ая, Спб., Цѣна 1 р.

**) „Первое знакомство съ природой". Выпускъ I. Въ полѣ и въ лѣсу. Составилъ по Бёклей и др. В. Н. Львовъ. Съ рисунками и цвѣтными таблицами. Москва, изданіе М. и С. Сабашниковыхъ, 1902 г. Цѣна 40 к.

***) *А. А. Чеглокъ.* „Родная природа. Звѣри птицы и гады Россіи". 12 разсказовъ изъ жизни животныхъ съ 25 рисунками. Выпускъ II. Спб., 1903 г. Цѣна 1 р.

Послѣднія книжки, которыхъ мы здѣсь коснемся, имѣютъ болѣе спеціальный характеръ. Самостоятельное наблюденіе и самостоятельный опытъ учащихся составляютъ основу раціональнаго преподаванія естествовѣдѣнія. Но въ этомъ отношеніи педагогическая практика далеко отстала отъ теоріи. Хорошо, если преподаватель самъ экскурсантъ, самъ экспериментаторъ, ну а если нѣтъ? Какъ тогда онъ можетъ быть полезнымъ своимъ ученикамъ? Остается учиться самому. Руководствъ набралось уже достаточно (см. «Методику» А. Павлова, стр. 169, 192, 199—200); изъ болѣе новыхъ укажемъ на руководства *Г. А. Кожевникова* и *Эрнста Пильца* *). Первое имѣетъ въ виду научныя экскурсіи и собираніе научныхъ коллекцій. Составлено оно очень подробно, знатоками дѣло, и намъ здѣсь остается лишь отмѣтить появленіе этой книги, такъ какъ разборъ ея умѣстенъ лишь въ спеціальномъ журналѣ.

О руководствѣ Пильца мы тоже не будемъ много распространяться. Насколько оно удобно, покажетъ опытъ. Намъ кажется только, что эта книга будетъ лишней въ рукахъ учениковъ, такъ какъ она слишкомъ сжата, суха и педантична. Преподаватель, наоборотъ, можетъ почерпнуть оттуда много цѣнныхъ указаній. Содержаніе распадается на шесть отдѣловъ (о небѣ, о воздухѣ, о почвѣ, о водѣ, о растеніяхъ, о животныхъ), раздѣленныхъ на параграфы, заключающіе, въ свою очередь, рядъ вопросовъ и предписаній. Нѣкоторыя наблюденія требуютъ продолжительнаго времени, напримѣръ, счетъ дождливыхъ дней, и мы сомнѣваемся, чтобы у дѣтей хватило на нихъ терпѣнія и интереса. Книгѣ предпослана обширная объяснительная статья автора.

Итакъ, истекшіе два года кое-чѣмъ обогатили нашу учебную литературу. Нельзя сказать, чтобы матеріалъ былъ обширный, но его достаточно для заключенія, которое мы хотимъ сдѣлать. Программа проф. Кайгородова, выступивъ противъ величайшаго достоянія человѣчества—научнаго естествознанія, сдѣлала попытку замѣнить его фетишемъ—мудрой, цѣлесообразной природой. Не считаясь съ условіями мѣста, времени, степени подготовки преподавателей, она пыталась вдругъ достичь того, что болѣе принадлежитъ воспитанію, чѣмъ обученію—развитія въ дѣтяхъ чувства природы. Правовѣрные послѣдователи новаго направленія въ родѣ г. Ерошенки быстро свели его ad absurdum; болѣе умѣренные ищутъ и вводятъ палліативы. Это уже признакъ банкротства системы. На смѣну ей должна явиться другая, не лживая и не лицемѣрная *научная* система преподаванія, одинаково свободная какъ отъ систематики, такъ и отъ цѣлесообразности и преслѣдующая одну единственную цѣль—развитіе интеллектуальныхъ способностей учащихся во всей ихъ полнотѣ.

Д. Монастырскій.

К. Гофманъ. Профессоръ мюнхенскаго университета. Радій и его лучи. Переводъ съ нѣмецкаго, съ добавленіями Ф. Н. Индриксона, подъ редакціею проф. И. И. Боргмана (съ 7 рисунками), С.-Петербургъ, 1903. Цѣна 70 коп.

Ф. Гизель. О радіоактивныхъ веществахъ и ихъ лучахъ. Переводъ приватъ-доцента Императорскаго московскаго университета А. Е. Чичибабина, подъ редакціей проф. М. И. Коновалова. Съ 4 рис. въ текстѣ. Москва, 1903 г. Цѣна 35 коп. До настоящаго времени въ нашей популярно-научной

---

*) „Руководство къ зоологическимъ экскурсіямъ и собиранію зоологическихъ коллекцій". Составлено коммиссіей для изслѣдованія фауны Московской губерніи подъ редакціей прив.-доц. *Г. А. Кожевникова.* Изданіе К. И. Тихомірова, Москва, 1902 г. Цѣна 1 р.

Эрнстъ Пильцъ. „Задачи и вопросы для наблюденія окружающей природы. Пособіе для веденія образовательныхъ естественно-историческихъ прогулокъ и самостоятельныхъ занятій учениковъ". Переводъ съ измѣненіями и дополненіями относительно русской природы съ четвертаго нѣмецкаго изданія *Павла Фрейберга.* Изданіе К. И. Тихомірова, Москва, 1902 г. Цѣна 50 к.

литературѣ не существовало общихъ, болѣе или менѣе полныхъ, обзоровъ современнаго состоянія знаній о радіоактивныхъ явленіяхъ. Между тѣмъ, явленія эти, благодаря ихъ глубокому интересу и загадачности, возбуждаютъ вниманіе не только спеціалистовъ ученыхъ, но и образованной публики вообще. Послѣдняя, не имѣя возможности разбираться въ довольно уже обширной научной литературѣ (почти исключительно иностранной) по этому вопросу, ни слѣдить за ней, принуждена довольствоваться лишь тѣми отрывочными свѣдѣніями о наиболѣе сенсаціонныхъ открытіяхъ въ этой области, которыя время отъ времени попадаютъ въ общую печать *). Указанный нами пробѣлъ едва-ли вполнѣ устраняется переводомъ на русскій языкъ тѣхъ двухъ монографій о радіоактивныхъ веществахъ, заглавіе которыхъ мы выписали.

Въ предисловіи къ своей книжкѣ Гофманъ, между прочимъ, говоритъ, что она «появилась вслѣдствіе желанія издателя (вѣроятно, автора?) дать возможность ознакомиться съ радіоактивными веществами и тѣмъ лицамъ, которыя не занимаются спеціально этимъ предметомъ». Но въ виду того, что понятіе «о лицахъ, спеціально не занимающихся этимъ предметомъ», крайне неопредѣленно, такъ какъ въ него могутъ входить по меньшей мѣрѣ двѣ совершенно различныхъ по подготовкѣ категоріи читателей, предисловіемъ этимъ мало уясняются задачи, преслѣдуемыя авторомъ. Судя же по характеру изложенія монографіи Гофмана, слѣдуетъ думать, что ея авторъ имѣлъ въ виду если не спеціалистовъ по химіи и физикѣ, то, во всякомъ случаѣ, людей, обладающихъ весьма солидной подготовкой по этимъ наукамъ, такъ что для болѣе широкаго круга читателей его книга является мало пригодною.

Въ книжкѣ Гофмана изложены въ хронологическомъ порядкѣ почти всѣ извѣстные до сихъ поръ факты, касающіеся какъ самихъ радіоактивныхъ веществъ, такъ и свойствъ испускаемыхъ ими лучей. Мы намѣренно сказали *почти*, такъ какъ ни авторъ книги, ни переводчикъ, сдѣлавшій къ ней добавленія по работамъ, появившимся за послѣдніе полъ-года, не упоминаютъ, напр., о физіологическомъ дѣйствіи лучей, хотя нѣкоторый матеріалъ по этому интересному вопросу въ литературѣ о радіоактивныхъ веществахъ уже имѣется **); съ другой стороны, мы не нашли указаній на опыты Густава Лебона, имѣющіе въ виду показать, что свойство радіоактивности присуще вообще всѣмъ тѣламъ. Можно, конечно, относиться различно ко взглядамъ этого изслѣдователя на сущность радіоактивныхъ явленій, но нѣтъ основанія обходить его опыты въ книжкѣ, которая стремится дать исчерпывающій обзоръ всего до сихъ поръ сдѣланнаго въ этой области.

Почти все сказанное нами о монографіи Гофмана можетъ быть отнесено и къ монографіи Гизеля. Здѣсь лишь нѣсколько иной порядокъ изложенія, но характеръ его тотъ же. У Гизеля, между прочимъ, упоминается о физіологическомъ дѣйствіи радіоактивныхъ лучей, но нѣтъ указаній, напр., на опыты Гейдвейлера (относительно потери въ вѣсѣ радіоактивныхъ веществъ), ни на опыты того же Лебона. Дополненія къ переводу книжки Гизеля помѣщены въ концѣ книги въ видѣ отдѣльныхъ примѣчаній. Обѣ книжки изданы хорошо. Цѣна книжки Гофмана (70 коп. безъ переплета) вдвое дороже книжки Гизеля (35 коп. въ переплетѣ) почти при одинаковомъ съ нею объемѣ, и должна быть признана довольно высокой. *Г. Б—ичъ.*

---

*) Недавно (въ февралѣ текущаго года) на страницахъ нашего журнала былъ напечатанъ очеркъ радіоактивныхъ явленій г. Агафонова. Этотъ очеркъ съ интересомъ и пользою прочтется и тѣми лицами, которыя обладаютъ лишь среднею подготовкою по химіи и физикѣ. О разбираемыхъ же нами монографіяхъ этого сказать нельзя. *Г. Б.*

**) Во второмъ, только что вышедшемъ, изданіи книжки Гофмана въ переводѣ Индриксона пробѣлъ этотъ отчасти пополненъ приложеніемъ статьи г. Лондона. *Ред*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го мая до 15-го іюня.

С. Катунскій. Около волости. Очерки. Мск. Изд. Курнина. 1903 г. Ц. 50 к.

З. Осетровъ. На родной землѣ. Пов. и разск. изъ народн. быта. Спб. Сойкина. 1903 г. Ц. 75 к.

З. Осетровъ. Драмы, комедіи, водевили и феерія. Спб. Сойкина. 1903 г. Ц. 1 р.

З. Осетровъ. Сорокъ пьесъ изъ жизни народа. Спб. Сойкина. 1903 г. Ц. 2 р.

А. Гринъ. Передъ закрытой дверью. Спб. 1903 г. Ц. 75 к.

А. Кругловъ. Вчера и сегодня. Повѣсти и разск. Мск. Кн. маг. Соловьева. 1903 г. Ц. 1 р.

Р. Циммерманъ. Разсказы. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Ф. Фальковскій. Въ огнѣ. Сонъ жизни. Спб. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 50 к.

Ф, Лангманъ. Драмы и новеллы. Спб. Изд. Кусковой. 1903 г. Ц. 1 р. 35 к.

М. Гербановскій. Лепестки. Стихотв. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. Эльснеръ-Каранскій. Петръ Великій. Ист. романъ. Спб. 1903 г. Ц. 50 к.

Панасъ Мырнывъ. Кныжна перша творивъ. Кіевъ. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

П. А. Травинъ. Думы. Думы и жизнь. Кн. I и II. Мск. 1903 г. Ц. 15 и 20 к.

К. Бальмонтъ. Будемъ, какъ солнце. Мск. «Скорпіонъ». Ц. 2 р. 40 к.

П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Мск. Скирмунтъ. Ц. 1 р. 50 к.

Е. Щепкинъ. Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до 1881 года. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Т. Циглеръ. Очеркъ общей педагогики. Спб. «Образованіе». 1903 г. Ц. 50 к.

Теляковъ. Отхожіе промыслы и рынки найма сельско-хоз. рабочихъ въ Сарат. губ. Саратовъ. Губ. з—ство. 1903 г.

Л. Левенфельдъ. Гипнотизмъ. Саратовъ. Изд. Самсонова. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

М. Филипповъ. Т. I. Исторія философіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

Географическія чтенія. Америка — Океанія. Пер. съ англ. Мск. 1903 г. Ц. 80 к.

Гастонъ де-Сегюръ. На краю свѣта (Годъ въ Новой Зеландіи). Спб. О. Н. Поповой. 1903 г. Ц. 60 к.

А. Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи. Спб. Е. Кусковой. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. Томскъ. 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

А. Шумахеръ. Императоръ Александръ II. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

С. Зенгеръ. Дж.-Ст. Милль, его жизнь и произведенія. Спб. «Образованіе». 1903 г. Ц. 50 к.

Діонео. Очерки современной Англіи. Спб. «Русское Богатство». 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Неждановъ. О старомъ вопросѣ. Спб. «Образованіе». 1903 г. Ц. 25 к.

Л. Черкасовъ. Мозгъ и его дѣятельность. Мск. 1903 г. Ц. 30 к.

А. Е. Кроттэ. Правда о нашей промышленности. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

М. Владимірскій. Какъ устроенъ нашъ уголовный судъ и какъ въ немъ судятъ. Мск. «Книжное Дѣло» 1903 г. Ц. 12 к.

В. Устиновъ. Идея національнаго государства. Харьк. 1903 г.

Г. Пенаторосъ. Современныя настроенія. Одесса. Газ. «Южное Обозрѣніе». Ц. 30 к.

М. Марголинъ. Болѣзнь глазъ — трахома. Спб. 1903 г. Ц. 5 к.

Н. Новомбергскій. Нѣкоторые спорные вопросы по исторіи врачебнаго дѣла въ до-петровской Руси. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

Начальный курсъ географіи. Мск. Кушнерева. 1903 г. Ц. 75 к.

Ю. Эсслингеръ. Грамматика русскаго языка для средн. учебн. завед. Кіевъ. 1903 г. Ц. 60 к.

И. Скворцовъ. О водѣ вообще и о минеральн. водахъ въ частности въ геологическомъ и біологическомъ отношеніи. Спб. 1903 г.

Н. Нечаевъ. Основные законы чувствъ. Мск. 1903 г. Ц. 25 к.

П. Заболотскій. О гуманныхъ мотивахъ поэзіи. Н. А. Некрасова. Варшава. 1903 г. Ц. 60 к.

М. Горькій за границей. Къ десятилѣтію его литерат. дѣятельности. Спб. Изд. С. Гринберга. 1903 г. Кн. I—Ц. 25 к. Кн. II—Ц. 30 к.

К. Лапизе. Профанаторы печатнаго слова. Тифл. 1903 г. Ц. 20 к.

Н. Тепловъ. Классификація соціальныхъ наукъ. Мск. 1903 г. Ц. 30 к.

Гр. Гордѣенко. Современный недугъ и его причина. Екатериносл. 1903 г. Ц. 30 к.

М. Черниховъ. Гнойная язва на общественномъ тѣлѣ. Одесса. 1903 г. Ц. 30 к.

В. Львовъ. Новая земля. Мск. «Трудъ». Ц. 25 к.

В. Боцяновскій. Леонидъ Андреевъ. Спб. 1903 г. Ц. 40 к.

А. Столповская. Сношенія китайцевъ съ иностранцами и ихъ послѣдствія въ Китаѣ. Мск. 1903 г. Ц. 40 к.

.А Субботинъ. Еврейскій вопросъ въ его правильномъ освѣщеніи. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

Врачебно-воспитательное заведеніе въ Спб. основ. въ 1882 г. Ив. Маляревскимъ. Спб. 1903 г.

Н. Зиминъ. Хозяйственно - противопожарное дѣло въ Россіи, какъ возможный рынокъ для увеличенія потребленія русскаго желѣза. Мск. 1903 г.

Фельдшерскій сборникъ по поводу десятилѣтія газеты «Фельдшеръ». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сельскохозяйственный обзоръ нижегородской губ. за 1901 годъ.

Отчетъ тифлисскаго общества трезвости за 1902 годъ.

Обзоръ мѣропріятій въ борьбѣ съ чумой въ Одессѣ въ 1901—1902 гг.

Указатель изданій м-ва земледѣлія и госуд. имуществъ по сельско-хоз. и лѣсной части, вышедшихъ за 1901 г.

Сборникъ по текущей статистикѣ за 1902 г. вып. I. Симфероп. 1903 г.

Отчетъ казанскаго мѣстнаго управленія россійск. о-ва Краснаго Креста за 1902 г. Казань. 1903 г.

Отчетъ харьк. о-ва взаимн. вспоможенія занимающимся ремесленнымъ трудомъ за 1902 г.

Отчетъ комиссіи по учрежденію въ г. Вѣрномъ о-ва ревнителей просвѣщенія за 1901—1902 годъ.

Отчетъ о-ва «Помощь» при Вологодской безплатной библіотекѣ за 3 года его существованія.

Отчетъ о-ва для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ—за 1901—1902 годъ.

Путеводитель для ѣдущихъ на Сергіевскія минеральныя воды Самарск. губ. 1903 г. Ц. 50 к.

Пермская губ. въ сельско-хозяйств. отношеніи. Вып. 1901—1903 г.

Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ—1901—1902 уч. годы.

Проекты общихъ основаній оцѣнки недвижимыхъ имуществъ Вытегорск. уѣзда, Олон. губ. 1903 г.

Отчетъ Иваново-Вознесенской общ. публ. библіотеки за 1902 г.

Отчетъ благотворительнаго о-ва изданія общепол. и дешев. книгъ за 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Les Microbes et la Mort» par D-r I. de-Fontenelle (Schleicher frères). fr. 50. (*Микробы и смерть*). Задача этой книги— познакомить читателей съ главными основами микробіологіи. Генезисъ этой доктрины изложенъ очень ясно и доступно для самаго большого круга читателей, иллюстраціи же помогаютъ уясненію текста. Въ началѣ книги помѣщенъ портретъ Пастёра, а въ концѣ портреты Ру, Іерсика и Бёринга. Авторъ подробно разсказываетъ о микробахъ, которые попадаютъ въ организмъ и вносятъ туда зародыши инфекціонныхъ болѣзней. Въ заключеніе онъ говоритъ о гигіеническихъ мѣрахъ, которыя надо принимать противъ различныхъ заразныхъ болѣзней.

(Journal des Débats).

«Natalité et Démocratie» par A. Dumont (Schleicher frères). 3 fr. (*Рождаемость и демократія*). Франціи грозитъ упадокъ вслѣдствіе уменьшенія прироста населенія, такъ какъ цифра рожденій падаетъ постоянно. Пониженіе рождаемости должно быть приписано, однако, не столько физіологическимъ причинамъ, сколько, главнымъ образомъ, причинамъ психологическимъ, нежеланію имѣть дѣтей. Произвольное безплодіе родителей зависитъ преимущественно отъ преобладанія у нихъ чувства разсудительнаго эгоизма надъ слѣпыми побужденіями инстинкта.

(Journal des Débats).

«Le Préhistorique» par G. et A. de-Mortillet. 3-ème édition, entièrement refondue et complètement au courant des découvertes modernes (Schleicher frères). 8 fr. (*Доисторическое*). Въ это новое изданіе включены всѣ новѣйшія открытія, касающіяся доисторическаго прошлаго человѣка и первыхъ эпохъ его развитія, физическаго и нравственнаго. Въ первой части заключается изложеніе всѣхъ имѣющихся у насъ свѣдѣній о предшественникѣ человѣка на землѣ и о слѣдахъ его дѣятельности, находимыхъ въ третичной формаціи. Во второй части очень подробно изслѣдуются первыя человѣческія расы, ихъ промышленная эволюція, среда, окружавшая ихъ, животныя и растенія и т. п., такъ что получается болѣе или менѣе вѣрное изображеніе жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ. (Journal des Débats).

«Les Guerres et la Paix» par Ch. Richet (Schleicher frères). 1 fr. 50 (*Войны и миръ*). Въ этой книгѣ выдающійся французскій мыслитель и ученый Шарль Рише резюмируетъ труды всѣхъ другихъ мыслителей, какъ приверженцевъ, такъ и противниковъ войны, и подводитъ итоги потерямъ, которыя были причинены человѣчеству столкновеніями расъ и государствъ. Книга его представляетъ настоящее воззваніе къ міровой совѣсти и краснорѣчивую защиту прогресса и цивилизаціи противъ остатковъ варварства.

(Journal des Débats).

«Histoire et rôle du boeuf dans la civilisation» par E. Chester (Schleicher frères). 1 fr. 50. (*Исторія и роль быка въ цивилизаціи*). Читателю достаточно будетъ раскрыть эту книгу, названіе которой можетъ нѣсколько удивить его, чтобы убѣдиться въ той дѣйствительно важной роли, которую игралъ быкъ въ исторіи нашей цивилизаціи, въ нашемъ питаніи и промышленности, въ увеселеніяхъ (бой быковъ), въ войнѣ, какъ вьючное животное и въ миѳологіи древнихъ народовъ.

(Journal des Débats).

«Life and Labour of the People of London». Religions influences, by Charles Booth (Macmillan and C°). 30 s. (*Жизнь и работа лондонскаго населенія*). Это самое обширное изъ современныхъ изслѣдованій соціальной статистики приближается къ своему окончанію. Въ первой серіи авторъ изслѣдовалъ бѣдность, а во второй промышленность; теперь онъ подробно изучаетъ религіозныя вліянія, дѣйствующія въ лондонскомъ населеніи. Этому изслѣдованію онъ посвящаетъ шесть томовъ, а въ седьмомъ дѣлаетъ общіе выводы и резюмируетъ свои наблюденія. Яркими штрихами авторъ рисуетъ картины жизни лондонскихъ трущобъ. Онъ и его помощники собрали огромный матеріалъ, оставаясь по нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ въ лондонскихъ округахъ и изучая на мѣстѣ жизнь людей, населяющихъ лондонскія трущобы.

(Daily News).

«Heredity and Social Progress» by Simon F. Patten (Macmillan). 5 s. (*Наслѣдственность и соціальный прогрессъ*). Авторъ этой книги, профессоръ Паттенъ,

оставляя въ сторонѣ свой спеціальный предметъ, политическую экономію, занимается исключительно біологическимъ закономъ, прилагая его къ соціальной эволюціи. Прежде всего онъ изслѣдуетъ законъ наслѣдственности, примыкая въ данномъ случаѣ къ той школѣ эволюціонистовъ, которая основывается на ученіи Дарвина.

(Daily News).

«Pure Sociology: a Treatise on the origin and Spontaneous Development of Society» by Lester F. Ward (Macmillan). 17 s. (Чистая соціологія: трактатъ о происхожденіи и самопроизвольномъ развитіи). Авторъ, какъ многіе другіе соціологи, изучаетъ вопросъ съ индивидуальной точки зрѣнія, такъ что его изслѣдованіе соціологическихъ явленій носитъ болѣе характеръ аналитическій, нежели синтетическій. Но онъ и не стремится къ созданію полной системы и основою своего изслѣдованія беретъ исторію человѣческихъ дѣйствій. Общество двигается впередъ именно посредствомъ этихъ дѣйствій. Окружающая среда преобразуетъ животныхъ, заставляя ихъ приспособляться къ себѣ, но человѣкъ приспособляетъ къ себѣ среду, вызывая въ ней измѣненія. Никакихъ важныхъ органическихъ перемѣнъ въ человѣкѣ въ теченіе историческаго періода не произошло, но зато его способность пользоваться для своихъ цѣлей силами природы увеличилась очень значительно. Въ этой возрастающей власти надъ природой заключается прогрессъ общества. Духовную часть цивилизаціи авторъ приравниваетъ къ цвѣтку, который можетъ расти только на богатой почвѣ матеріальнаго благосостоянія и поэтому не нуждается въ спеціальномъ взращиваніи. Авторъ подвергаетъ подробному изслѣдованію пути, по которымъ человѣчество подвигалось впередъ, и затѣмъ уже переходитъ къ изслѣдованію происхожденія духовной жизни, удовольствія и страданія, развитія первобытной нравственности и роста человѣческихъ учрежденій.

(Daily News).

«A New Earth» by James Adderley. (Brown Langhum). 3 s. 6 d. (Новая земля). Главная задача этой книги заключается въ разъясненіи и опредѣленіи нѣсколько неясныхъ экономическихъ идеаловъ той партіи, которая объединяетъ политическую дѣятельность съ религіей, т.-е. такъ называемыхъ христіанскихъ соціалистовъ, представляющихъ одну изъ самыхъ интересныхъ группъ, на которыя распадается англиканская церковь.

(Daily News).

«Der habituelle Schwachsinn des Mannes» von D-r med. Heberlin Zoologisch-sociale Studie (Verlag E. Pierson). Dresden (Привычное слабоуміе мужчинъ). Авторъ окончательно развѣнчиваетъ сильный полъ, утверждаетъ, что мужчина во многихъ отношеніяхъ выказываетъ тупоуміе и что въ каждомъ положеніи жизни онъ обнаруживаетъ непремѣнно недостатки разума, разсудительности и характера.

(Berliner Tageblatt).

«George Canning and his Times» a Political Study by J. A. R. Marriot. New College, Oxford. London (John Murray) 5 s. (Георгъ Каннингъ и его время). Герой этого очерка, первый министръ короля Георга IV, представляетъ историческую личность, возбуждавшую всегда много споровъ. Блестящій литературный талантъ придавалъ его имени ореолъ, который не исчезъ и послѣ того, какъ кончилась его политическая карьера. Авторъ очерка, имѣвшій въ своемъ распоряженіи огромный матеріалъ для біографіи Каннинга, изображаетъ его въ совершенно новомъ свѣтѣ.

(Morning Post).

«London in the Eighteenth Century» by Sir Walter Besant (A. and C. Blook). 30 s. (Лондонъ въ XVIII вѣкѣ). Читатель, взявшій въ руки эту прекрасно изданную и объемистую книгу, непремѣнно порадуется, что авторъ ея, прежде чѣмъ началъ писать исторію, былъ популярнымъ беллетристомъ. Благодаря этому, онъ не стремится говорить напыщеннымъ тономъ и не перечисляетъ историческія событія, а даетъ рядъ яркихъ картинъ изъ соціальной жизни Лондона за время четырехъ поколѣній. Методъ автора заключается въ слѣдующемъ: онъ беретъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ эпизодовъ изъ національной исторіи того времени и ими иллюстрируетъ состояніе гражданскаго духа и настроеніе общественнаго мнѣнія въ Лондонѣ. Затѣмъ, въ нѣсколькихъ короткихъ и блестящихъ главахъ авторъ даетъ картину Лондона того времени, обычаевъ и нравовъ и разсказываетъ о трагической судьбѣ неисправныхъ должниковъ и преступниковъ. Вообще нѣкоторыя страницы этой исторіи Лондона вызываютъ содроганіе и заставляютъ радоваться, что «доброе старое время миновало».

(Morning Post).

«Education in Accordance with Natural Law» by Charles B. Lugham (Novello). 3 s. (Воспитаніе, согласованное съ законами природы). Эта небольшая книга представляетъ рѣзкую критику современной системы воспитанія, которая, по мнѣнію автора, не имѣетъ философскаго основанія, игнорируетъ личное сознаніе индивида и утилизируетъ для своихъ цѣлей искусственныя, а не естественныя побужденія.

(Times).

«Beiträge zur Geschichte des Spanischen Protestantismus und der Inquisition im Sechzehnten Jahrhundert, von D-r Ernst Schäfer (Verlag C. Bertelsmann, Güters-

loh). (*Исторія испанскаго протестантизма и инквизиціи въ шестнадцатомъ вѣкѣ*). Чрезвычайно интересное историческое изслѣдованіе борьбы протестантства съ могуществомъ инквизиціи въ Испаніи. Авторъ старается, на основаніи историческихъ документовъ, выяснить сущность испанской инквизиціи, ея цѣли и стремленія и прослѣдить первые шаги протестантства у самаго нетерпимаго изъ всѣхъ народовъ; описаніе дѣйствій инквизиціи, основывающееся на историческихъ данныхъ, невольно заставляетъ содрогнуться душу каждаго читателя.

(Berliner Tageblatt).

«*La Psychologie ethnique*» *par Ch. Letourneau* (*Schleicher frères*). *6 fr.* (*Этническая психологія*). Читатель найдетъ въ этомъ новомъ сочиненіи французскаго ученаго общую картину человѣчества, причемъ различныя расы оцѣниваются имъ главнымъ образомъ по своимъ духовнымъ качествамъ. Авторъ избѣгаетъ абстрактныхъ разсужденій и оцѣнку психическихъ качествъ человѣческихъ обществъ, классовъ, племенъ, націй и т. д. Онъ исключительно пишетъ на основаніи наблюденія осязательныхъ фактовъ, находящихся въ тѣсной связи съ жизнью сознанія. Какъ и въ прежнихъ своихъ трудахъ, авторъ начинаетъ съ животныхъ, потомъ, изучивъ ихъ жизнь, переходитъ къ ребенку, къ первобытному человѣку и наконецъ къ цивилизаціямъ великихъ расъ, такъ что передъ читателемъ развертывается цѣлая картина умственной эволюціи всего человѣческаго рода.

(La Revue).

«*La vie mystérieuse des mers*» *pas Emile Déschamps. 1 fr. 50* (*Schleicher frères*) (*Таинственная жизнь морей*). Авторъ посвящаетъ читателя въ тайны глубинъ океана. Разсмотрѣвъ исчезнувшіе виды первобытныхъ эпохъ, авторъ переходитъ къ теперешней работѣ морей, изслѣдуетъ теченія, морскія рѣки и т. д. Во второй части онъ разсматриваетъ фауну моря, начиная отъ его поверхности, до царства слѣпыхъ морскихъ животныхъ. Заканчивается книга главою о морской растительности. Ничего не пропущено въ этомъ сжатомъ описаніи морского царства и авторъ заставляетъ читателя мысленно совершить вмѣстѣ съ нимъ волшебное путешествіе по морскому дну.

(Journal des Débats).

«*La Fatigue Intellectuelle*» *par A. Binet et V. Henri* (*Schleicher frères*). *8 fr.* (*Умственная усталость*). Эта книга резюмируетъ превосходныя изслѣдованія, произведенныя авторами надъ переутомленіемъ въ школахъ. Дѣйствіе умственнаго труда на дѣятельность сердца, капиллярное кровообращеніе, давленіе крови, температуру тѣла, дыханіе, мускульную силу и пищевареніе, очень тщательно и подробно изучены авторами, также какъ и дѣйствіе отдыха на умственную работу и опыты, произведенные въ этомъ направленіи въ школахъ. Оригинальный трудъ авторовъ выполненъ очень тщательно и конечно возбудитъ интересъ въ обществѣ, такъ какъ затрогиваетъ въ высшей степени важный вопросъ объ умственномъ переутомленіи и выдвигаетъ на сцену много новыхъ и мало извѣстныхъ фактовъ.

(La Revue).

«*Le crime, causes et remèdes*» *par C. Lombroso* (*Schleicher frères*). *10 fr.* (*Преступленіе, причины и лекарства*). Въ первой части этого труда Ломброзо, основываясь главнымъ образомъ на статистикѣ, старается опредѣлить вліяніе, которое оказываютъ на преступность различныя метеорологическія и орографическія причины, раса, гигіеническіе обычаи, извѣстныя формы цивилизаціи и соціальной экономіи, религіи, воспитанія, гражданскихъ условій, наслѣдственныхъ пороковъ и т. п., причемъ Ломброзо въ особенности интересуется политическими преступленіями. Вторая часть посвящена профилактикѣ и терапіи преступленій; Ломброзо обсуждаетъ всѣ извѣстныя предупредительныя мѣры противъ преступности. Репрессивныя мѣры разсматриваются имъ въ третьей части, также какъ и различныя уголовныя наказанія, которыя онъ обсуждаетъ съ антропологической точки зрѣнія.

(Journal des Débats).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова**. Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ**.

Годъ XII-й. № 8-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

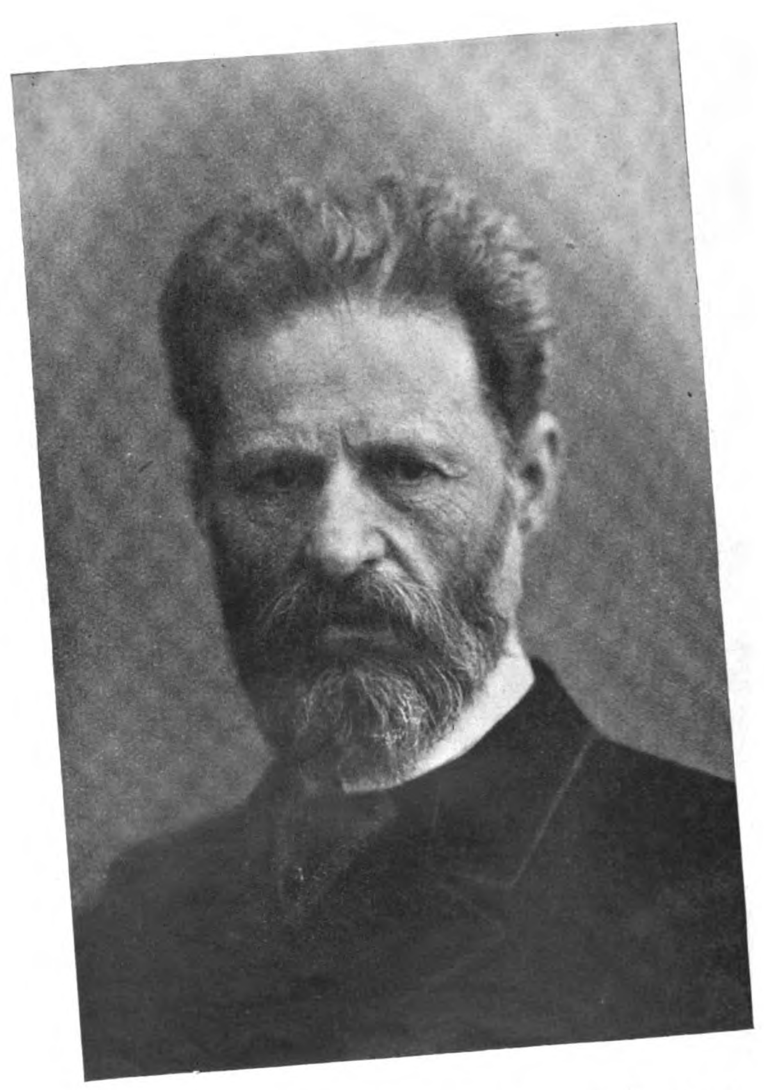
Дозволено цензурою 28-го іюля 1903 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІИ.

М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ТВОРЕНІЯ.

(Род. въ 1842 г.; умеръ 26 іюня 1902 г.).

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій—одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые своимъ необычайнымъ талантомъ, оригинальнымъ умомъ и настойчивостью характера достигли всемірной славы, и справедливо будутъ пользоваться этой славой всегда. Онъ принадлежитъ къ числу талантовъ-самородковъ, которые рождаются при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и прокладываютъ свой путь сквозь терніи, только благодаря изъ ряда вонъ выходящимъ личнымъ качествамъ. Вотъ отчего біографія этого выдающагося человѣка и высоко-даровитаго художника одна изъ самыхъ интересныхъ. Жизнь его полна фактовъ въ высшей степени поучительныхъ, — фактовъ, которые проливаютъ свѣтъ на нѣкоторые вопросы, касающіеся условій развитія таланта вообще. Такъ, споконъ вѣка установился взглядъ на то, что евреи, способные къ искусствамъ, поэзіи и музыкѣ, неспособны къ изобразительнымъ искусствамъ, живописи и скульптурѣ, въ особенности къ послѣдней. Дѣйствительно, по разнымъ причинамъ, а также потому, что еврейская религія запрещаетъ дѣлать скульптурныя изображенія, искусство это не развилось у евреевъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта способность совершенно отсутствовала у евреевъ. Причины, мѣшающія развиваться искусству, могутъ исчезнуть, а религія не всегда была единственнымъ двигателемъ и объектомъ искусства, какъ это мы видимъ во фламандскомъ и въ голландскомъ искусствѣ. И вотъ появляется первый скульпторъ-еврей Антокольскій, и этотъ примѣръ достаточенъ, чтобы разрушить всю легенду о неспособности евреевъ къ скульптурѣ. Сейчасъ послѣ него является цѣлая плеяда молодыхъ евреевъ, которые занимаются скульптурой съ такимъ же успѣхомъ, какъ и другими искусствами. Это доказалъ русскій отдѣлъ на всемірной выставкѣ, на которой число еврейскихъ скульпторовъ, получившихъ награду, было весьма значительно. Второй поучительный фактъ это то, что М. М., вышедшій изъ очень бѣдной, религіозной еврейской семьи и никогда не порывавшій со своими сородичами близкихъ отношеній, однако всю жизнь творилъ и рабо-

талъ въ русскомъ духѣ, исторически вѣрно изображалъ русскихъ героевъ и царей. А этому способствовало то, что онъ попалъ въ такое время, когда въ искусствѣ и въ наукѣ не дѣлалось различія между національностями, и что среда хорошихъ русскихъ людей приблизила М. М. къ себѣ и отнеслась къ нему какъ къ таланту, а не какъ къ чужому человѣку другой вѣры и другой расы. Впрочемъ, о вліяніи 60-хъ годовъ на талантъ М. М. я скажу послѣ, когда буду говорить о его работахъ, а пока сообщу нѣсколько біографическихъ свѣдѣній.

М. М. не любилъ говорить о своемъ дѣтствѣ, которое было безотрадно и печально. В. В. Стасову онъ писалъ въ 1898 году: «Въ дѣтствѣ я не былъ балованъ никѣмъ. Я былъ нелюбимый ребенокъ. Мнѣ доставалось отъ всѣхъ; кто хотѣлъ, билъ меня, даже прислуга, а ласкать меня никто не ласкалъ». Неудивительно, что такое дѣтство непріятно ему было вспоминать. Только о матери своей онъ часто говорилъ; онъ обожалъ ее за ея доброту, за ея свѣтлый, живой умъ. Въ 1899 г. М. М. диктовалъ мнѣ краткій конспектъ своей біографіи; вотъ что я тогда записалъ: «Родился я въ 1843 году въ городѣ Вильнѣ, среди очень небогатой семьи; насъ было семеро. Я былъ нелюбимцемъ родителей и исправлялъ въ семействѣ должность рабочей лошади. Понятія о художествѣ въ то время въ городѣ Вильнѣ, а тѣмъ болѣе въ нашемъ семействѣ, были самыя ограниченныя; тѣмъ не менѣе страсть къ искусству появилась у меня съ самаго ранняго возраста. За неимѣніемъ днемъ свободнаго времени я рисовалъ только по ночамъ и за работою такъ бывало засыпалъ. Чтобы доставать бумагу и карандашъ, я взамѣнъ отдавалъ свой завтракъ и обѣдъ. Моя страсть не была понятна родителямъ, и они не только ее не поощряли, но жестоко преслѣдовали ее. Я былъ отданъ въ ученіе къ самымъ прозаическимъ ремесленникамъ, ничего общаго не имѣвшимъ съ художествомъ. Я не могъ долго оставаться: у однихъ хворалъ, а отъ другихъ бѣжалъ. Наконецъ, былъ отданъ рѣзчику, будто болѣе подходящее ремесло по моему внутреннему стремленію. Но и это меня не удовлетворяло; втайнѣ отъ всѣхъ продолжалъ по ночамъ любимое мое занятіе—рисовать». Объ этомъ рисованіи разсказывала мнѣ его любимая сестра Эстеръ: «Маркъ еще маленькимъ мальчикомъ имѣлъ страсть къ рисованію. По цѣлымъ днямъ бывало онъ рисовалъ на столахъ и стѣнахъ и иногда изображалъ на стѣнѣ въ натуральную величину цѣлую фигуру и сцены. У насъ была харчевня. Внизу мы торговали, а наверху у насъ была комната для посѣтителей. Гости бывало нарочно приходили смотрѣть рисунки Марка и удивлялись его мастерству. Конечно, родители не знали и не понимали его влеченія къ рисованію; они отдали его сперва къ позументщику, а потомъ къ рѣзчику по дереву. Впослѣдствіи, когда Маркъ поступилъ въ академію, онъ лѣтомъ пріѣзжалъ къ намъ. У него была своя комната на чердакѣ и тамъ онъ работалъ изъ дерева и изъ слоновой

кости». Рѣзчикъ Стесельбраутъ, у котораго М. М. былъ въ ученіи почти три года, еще теперь имѣетъ свой магазинъ рамъ и картинъ въ Вильнѣ. Вотъ что онъ мнѣ разсказалъ: «М. М. былъ мальчикъ очень добраго и тихаго нрава. Я его полюбилъ за его прилежаніе. Способности у него были огромныя, и онъ страшно увлекался работой. Не забуду я, какъ разъ, поднимаясь въ свою мастерскую, я наткнулся на слѣдующую сцену. Ученикъ мой М. М. держитъ въ рукахъ деревянную рамку, имъ только что оконченную, держитъ ее на манеръ того, какъ держатъ тору въ синагогѣ. Торжественно съ этой рамкой ходитъ онъ по комнатѣ и напѣваетъ псалмы; такъ онъ былъ доволенъ удачной работой. Послѣ меня онъ работалъ у другого мастера, Джимодра, у котораго получалъ хорошее жалованье. У него онъ работалъ иконостасы для церквей, и для этой цѣли ему часто приходилось разъѣзжать по другимъ городамъ. Тамъ онъ познакомился съ религіозной живописью и скульптурой».

М. М. въ своей автобіографіи, напечатанной въ 1887 г. въ «Вѣстникѣ Европы» описываетъ подробно свое положеніе въ Вильнѣ. «Жизнь дома не удовлетворяла меня. Моей завѣтной мечтой было—ѣхать куда-нибудь учиться. Родители и слышать не хотѣли; мечты мои они называли бредомъ, который нужно изъ головы выкинуть. Они хотѣли видѣть своего сына во время пристроеннымъ, какъ Богъ и добрые люди велятъ». Но не такъ думалъ и не о томъ мечталъ молодой талантъ. Внутреннее чувство тянуло его куда то впередъ. Притомъ разсказы его друга-идеалиста, какого то землемѣра, объ искусствѣ, о высшихъ задачахъ жизни совершенно вскружили ему голову и сдѣлали для него невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе дома. И вотъ «свѣтъ не безъ добрыхъ людей», пишетъ М. М. «Много пришлось мнѣ пережить, но безъ этихъ добрыхъ людей я бы совсѣмъ не пережилъ. Первая среди нихъ была А. А. Назимова, жена бывшаго виленскаго генералъ-губернатора. Ей понравились первыя мои работы: это было копія, голова Христа и Божья Матерь изъ дерева. Она дала мнѣ письмо въ Петербургѣ къ баронессѣ Радэнъ, а та рекомендовала меня профессору Пименову». Живо и талантливо описываетъ М. М. свой отъѣздъ въ Петербургъ и свое поступленіе въ академію. Искренностью и правдивостью дышитъ его разсказъ о томъ, что онъ тогда пережилъ. Пріѣхалъ онъ (ему былъ тогда 21-й годъ) въ чужой ему Петербургъ совершенно безъ средствъ къ существованію но жажда ученія заглушала въ немъ чувство одиночества и бѣдноты. Со страшнымъ трудомъ ему удается поступить въ академію, о которой онъ столько мечталъ. Онъ ожидаетъ получить въ академіи ту духовную пищу, достигнуть тѣхъ идеаловъ, о которыхъ ему разсказывалъ пріятель въ Вильнѣ, но скоро ему приходится разочароваться. Въ академіи тогда царила мертвящая рутина и застой. Профессора были всѣ старые, очень добрые, почтенные, у каждаго изъ нихъ была своя прошедшая

заслуга, но «они всѣ уже были утомлены, добродушіе ихъ превратилось въ апатію, свойственную старости, когда наступаетъ время думать о превратностяхъ міра. Мы были для профессоровъ чужіе, какъ и они для насъ; ихъ мастерскія были для насъ закрыты, ихъ работы не были видны на выставкахъ; однимъ словомъ, мы блуждали безъ руководителей. Единственные люди, которые и по таланту и по участію къ молодежи внушали къ себѣ уваженіе и любовь, это были Пименовъ и Реймерсъ. Но оба они скоро умерли, и въ академіи какъ будто никого не стало. И вотъ, по странному стеченію обстоятельствъ, въ то время, какъ въ самомъ храмѣ искусства царствуетъ апатія, лѣнь и отжившая традиція, внѣ его зарождается нѣчто особенное, живое: цѣлая плеяда молодыхъ, высоко-даровитыхъ людей ищетъ ученія и жаждетъ живого свѣтлаго слова. Понятно, почему эти молодые люди, не находя у профессоровъ отвѣта на мучившіе ихъ вопросы, сплотились, вмѣстѣ стали работать, учиться другъ у друга и сблизились такъ, какъ могутъ сблизиться люди, которые стремятся къ одной и той же духовной цѣли и любятъ одно и то же дѣло. Въ особенности М. М. близко сошелся съ И. Е. Рѣпинымъ; вмѣстѣ они жили, вмѣстѣ развивались. Это былъ лучшій его другъ; товарищи собирались, спорили, говорили объ искусствѣ. Жажда знанія была у всѣхъ огромная. Общій потокъ стремленій шестидесятыхъ годовъ увлекъ и этихъ воодушевленныхъ любовью къ искусству людей, и они стали слѣдить за наукой и литературой, желая выяснить вопросы искусства. Къ сожалѣнію тогда существовали крайніе взгляды на искусство подъ вліяніемъ Чернышевскаго, Добролюбова и др., крайность, вызванная пробужденіемъ искусства отъ долгаго сна. «Мы сознавали, что мы стоимъ не на твердой почвѣ, что намъ нечѣмъ защищать то, что мы такъ любимъ, что насъ такъ сильно влечетъ къ себѣ. И мы бросились искать знаніе, сами не зная, гдѣ его найти: искали въ книгахъ, читали все, что только тогда было въ переводѣ на русскомъ языкѣ, читали безъ разбора и безъ системы». Словомъ, этимъ молодымъ пришельцамъ въ академію пришлось самимъ искать и создавать то, что ни въ академіи, ни въ обществѣ не было для искусства подготовлено. Но вскорѣ пришла и помощь. Ученый идеалистъ М. В. Праховъ своими бесѣдами объ искусствѣ страшно заинтересовалъ Рѣпина и Антокольскаго. Они увлекались его лекціями и любили его за его безкорыстіе и сердечность. Еще больше вынесли они отъ знакомства съ умнымъ, развитымъ художникомъ Крамскимъ и всестороннее образованнымъ, талантливымъ критикомъ В. В. Стасовымъ. «Такъ пріобрѣлъ я столько знакомыхъ, столько добрыхъ, простыхъ и искренних друзей, что въ ихъ духовной средѣ я чувствовалъ, что я духовно обогащаюсь, что горизонтъ мой расширяется».

«Жизнь кипѣла горячимъ ключемъ», пишетъ А. К. Савицкій въ своихъ воспоминаніяхъ о М. М. Антокольскомъ. «Непреодолимо было стремленіе къ самодѣятельности. Мы радовались проявленію оригиналь-

ности и самобытности замысловъ и съ еще большимъ восторгомъ и ликованіемъ такихъ сверстниковъ, товарищей по искусству, когда работы ихъ имѣли успѣхъ или поощрялись академіей. Это бодрило насъ; мы внутренно сознавали, что «наша беретъ». Кумиръ академіи мало-по-малу блѣднѣетъ. Такому увлеченію нельзя было ограничиться работами только въ академіи; каждый изъ насъ, бывшихъ учениковъ, писалъ самостоятельно картины и выставлялъ.

«Теперь я не былъ уже прежнимъ юношей», пишетъ М. М., «блуждающимъ по ночамъ по набережной и умоляющимъ звѣзды вразумить его, сказать ему, что такое искусство, научить куда и какъ идти. Теперь я зналъ себя, зналъ свою дорогу. Сталъ я понимать, что въ искусствѣ есть двоякая красота, физическая и душевная; насколько первая принадлежитъ къ декоративному искусству, настолько вторая свойственна духовной; понялъ, что между душевной красотой и добромъ есть близкое родство, сталъ смотрѣть на античное искусство болѣе сознательно, любовался его величавымъ спокойствіемъ, простотой, пластической шириной, однимъ словомъ, всѣмъ его внѣшнимъ совершенствомъ. Но я любовался всѣмъ этимъ только глазами; я не могъ испытывать того духовнаго наслажденья, которое греки испытывали, и не могъ просто потому, что это были ихъ идеалы, ихъ боги, а не мои». Это быстрое умственное развитіе принесло свои плоды, и на работахъ уже отражается зрѣлость и болѣе сознательное отношеніе къ задачамъ своимъ. Въ это время М. М. работаетъ сцены изъ еврейской жизни, которая была ему столь близка и знакома. Какъ растеніе, геніальный и глубокій талантъ питается соками той почвы, на которой онъ выросъ. Онъ вырѣзалъ изъ дерева еврея—«портного» и изъ слоновой кости еврея «скупого», а затѣмъ цѣлую композицію: «споръ о талмудѣ». Въ этихъ работахъ чувствуется тонкая наблюдательность, правдивость и чрезвычайно талантливая передача быта евреевъ. Но скоро М. М. не удовлетворяется однимъ жанромъ: его талантъ склоненъ къ болѣе идейнымъ сюжетамъ, и онъ приступаетъ къ исполненію эскиза: «нападеніе инквизиціи на евреевъ». «Въ этомъ эскизѣ мнѣ хотѣлось вывести цѣлый рядъ еврейскихъ типовъ, выработанныхъ историческимъ ходомъ событій, но главное, это показать въ скульптурѣ по своему, до сихъ поръ еще небывалымъ образомъ». Стасовъ, описывая эту вещь, говоритъ: «Эта сцена, эти выраженія, эти народные и племенные характеры и типы, эти разнообразныя душевныя движенія, то высокія, то низкія, то великодушныя и широкія, то дрянныя и мелкія, образовали одну изъ капитальнѣйшихъ страницъ еврейской исторіи, переданную въ совершенно новыхъ формахъ искусствомъ, въ продолженіи столѣтій трусливымъ и отсталымъ, а теперь смѣлымъ и ступающимъ на новые пути». А эти новые пути были такъ смѣлы и оригинальны, что академическіе профессора не на шутку разсердились на смѣлаго новатора. Изъ за этой «Инквизиціи» М. М. чуть не былъ прогнанъ изъ академіи. Дѣйствительно, какъ имъ не

возмущаться? Въ «Инквизиціи» М. М. отступилъ отъ всѣхъ правилъ барельефнаго искусства, да еще ввелъ новый элементъ: искусственное освѣщеніе. Но товарищи и истинные знатоки привѣтствовали М. М. и радовались его успѣху. Этой работой заканчивается періодъ его работы на еврейскія темы, и хотя впослѣдствіи М. М. еще задумываетъ сюжеты изъ еврейской жизни, дѣлаетъ эскизы изъ еврейской исторіи: Моисея, Вѣчнаго жида, Ревекку, однако къ ихъ исполненію онъ не возвращается. Лишь за годъ до смерти своей онъ опять возвратился къ «Инквизиціи».

Послѣ первой своей «Инквизиціи» у М. М. является въ творчествѣ перерывъ: это время для него было очень тяжелое. Его неопредѣленное положеніе въ академіи очень его безпокоило: какъ вольнослушающій онъ не могъ пользоваться правами при окончаніи академіи. Кромѣ того матеріальное положеніе было незавидное. «Судьба не баловала художника», писалъ А. К. Савицкій, «такъ какъ рядомъ съ большимъ подъемомъ душевнаго настроенія, подъ вліяніемъ того, что его работа всѣмъ нравится, возбуждаетъ всеобщій интересъ, Антокольскій страшно перебивался, нуждаясь въ каждомъ рублѣ». И вотъ М. М. думаетъ попытать счастье въ другой академіи; и онъ ѣдетъ въ Берлинъ, но оттуда скоро возвращается еще болѣе печальный и разочарованный. Тогда берлинская академія по своей отсталости ни чѣмъ не отличалась отъ петербургской. Лишенія и внутреннія сомнѣнія въ это время такъ дѣйствуютъ на М. М. Антокольскаго, что онъ падаетъ духомъ, и кажется ему, что и товарищи стали къ нему иначе относится. Однако это состояніе продолжается у него недолго. Онъ много читаетъ, изучаетъ исторію и замышляетъ новую крупную работу. Работа эта опредѣляетъ сразу его талантъ и рѣшаетъ его судьбу: онъ вылѣпилъ статую Ивана Грознаго. Но какъ это случилось, что М. М., работавшій на темы еврейскія, вдругъ поворачиваетъ на русскую исторію, исполняетъ историческую статую такъ, какъ до сихъ поръ никто изъ русскихъ художниковъ не дѣлалъ? Мы видимъ, что въ Вильнѣ, когда онъ еще только началъ работать, единственными образцами искусства для него были иконостасы, и онъ копируетъ вещи религіознаго содержанія. Поступивъ въ академію и получивъ тамъ технику, онъ почувствовалъ потребность творить и сталъ черпать свои сюжеты изъ жизни евреевъ, жизни наиболѣе ему близкой и извѣстной. Но по натурѣ своей М. М. не былъ жанристомъ: развиваясь, онъ сталъ стремится къ общимъ идеямъ, къ исторіи. Въ Петербургѣ, какъ онъ самъ пишетъ, подъ вліяніемъ высоко-образованныхъ людей, онъ духовно обогащается и его горизонтъ расширяется. Его «Инквизиція» задача широкая и глубокая. Въ средѣ даровитыхъ товарищей онъ изучаетъ русскую литературу, русскую старину. Жизнь русскихъ начинаетъ его глубоко интересовать и онъ проникается ею. Всему этому помогаетъ то сердечное отношеніе, которое проявляло къ нему тогдашнее общество: не только не дѣлали различія между нимъ—евреемъ и товари-

щами его, но всѣ смотрѣли съ особеннымъ участіемъ на него, приближали его къ себѣ и отнюдь не давали ему чувствовать, что его происхожденіе чѣмъ то отличаетъ его отъ всего окружающаго. Вообще въ то время русскіе люди сознавали важность для родины полнаго объединенія людей на почвѣ правды и справедливости. Слѣдствіемъ этого объединенія было то, что всѣ образованные люди безъ различія вѣры и происхожденія дружно работали, стремясь къ прогрессу. Разительный примѣръ такого сближенія представляетъ М. М.: онъ всѣмъ сердцемъ полюбилъ тѣхъ, которые его приласкали и которые его просвѣтили. Онъ изучаетъ исторію русскаго народа, которому онъ посвящаетъ свой талантъ. Словомъ, онъ дѣлается русскимъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

М. М. останавливается на двухъ противоположныхъ типахъ русской государственности: на Иванѣ Грозномъ и Петрѣ. «Мнѣ хотѣлось олицетворить двѣ совершенно противоположныя черты русской исторіи», пишетъ онъ. «Мнѣ казалось, что эти столь чуждые одинъ другому образы въ исторіи дополняютъ другъ друга и составляютъ нѣчто цѣльное. Я бросился изучать ихъ по книгамъ». Онъ началъ съ Ивана Грознаго. Въ то время типъ этого загадочнаго царя страшно занималъ русскихъ художниковъ. Зачитывались произведеніями графа Алексѣя Толстого, изображающаго Ивана Грознаго; интересовались рисунками Шварца на ту же тему. Но Антокольскій совершенно своеобразно представилъ типъ этого царя. И по идеѣ и по исполненію ничего подобнаго не было еще создано въ скульптурѣ не только у насъ, но и въ Европѣ. Это была первая оригинальная русская статуя. До этого въ скульптурѣ царствовало вліяніе классицизма и итальянскаго искусства XVII в.; сюжеты изъ русской исторіи совершенно игнорировались скульпторами, по долгу жившими въ Римѣ, или исполнялись по образцамъ классическихъ. Статуя Антокольскаго была сдѣлана непосредственно, безъ всякаго вліянія какой-бы то ни было школы, и въ этомъ отношеніи Антокольскій сказалъ новое слово въ скульптурѣ.

Несмотря на то, что скульптура въ Россіи стояла тогда на очень низкой ступени и чужда было пониманію толпы, появленіе статуи Ивана Грознаго было событіемъ для всѣхъ въ Петербургѣ. Мастерская М. М. осаждалась народомъ. Государь императоръ Александръ II самъ поднялся на четвертый этажъ академіи, чтобы посмотрѣть статую и ее одобрилъ. В. В. Стасовъ привѣтствовалъ появленіе этой статуи словами: «Это безспорно примѣчательнѣйшее созданіе русской скульптуры. Подобной силы и глубины выраженія, подобной реальности и правды не представляло еще до сихъ поръ отечественное ваяніе». Почти одновременно писалъ Тургеневъ: «По силѣ замысла, по мастерству и красотѣ исполненія, по глубокому проникновенію въ историческое значеніе и въ самую душу лица, изображаемаго художникомъ, статуя эта рѣшительно превосходитъ все, что являлось у насъ до сихъ поръ въ этомъ родѣ». Успѣхъ былъ огромный. Академія вопреки всѣмъ

правиламъ присудила ему званіе академика. «Я заснулъ бѣднымъ и всталъ богатымъ», пишетъ М. М. Антокольскій въ своей автобіографіи. «Вчера былъ неизвѣстнымъ, сегодня сталъ моднымъ, знаменитымъ». Однако это торжество стоило ему дорого: вкладывая въ эту работу всю свою душу, онъ слишкомъ не пожалѣлъ своего тѣла. Здоровье его настолько пошатнулось, что С. П. Боткинъ нашелъ его состояніе опаснымъ и велѣлъ ему немедленно уѣхать въ Италію. Не замѣтилъ онъ также, что работа поглотила всѣ его средства, и онъ остался безъ гроша. Еще незадолго до того онъ отказался отъ стипендіи, которую онъ съ самаго пріѣзда въ Петербургъ получалъ отъ барона Гинцбурга, извѣстнаго филантропа, помогшаго не одной сотнѣ молодыхъ людей выбраться на свѣтъ. Онъ былъ упоенъ успѣхомъ и ни слабаго здоровья ни бѣдности своей не замѣчалъ. И только когда доктора его напугали, а товарищи сами предложили ему нѣсколько десятковъ рублей, онъ точно очнулся отъ глубокаго сна и сталъ думать о себѣ, о своемъ здоровьѣ. Къ счастью императоръ Александръ II заказалъ статую Ивана Грознаго въ бронзѣ, а великая княгиня Марія Николаевна заказала повтореніе «Инквизиціи» въ терракоттѣ. Онъ скоро собрался и уѣхалъ въ Италію. Уѣхалъ онъ не одинъ, а взялъ меня съ собой. За восемь мѣсяцевъ до того времени, о которомъ пишу, М. М., съѣздивъ на короткое время въ Вильну, увидѣлъ тамъ мои первые опыты въ скульптурѣ. Показалось ему, что у меня есть способности къ лѣпкѣ, и онъ взялъ меня, незнакомаго ему мальчика, въ Петербургъ. Тогда онъ только что началъ «Ивана Грознаго». Онъ былъ страшно озабоченъ этой работой и очень нуждался въ деньгахъ. Но несмотря на это онъ помѣстилъ меня у себя, въ своей небольшой комнатѣ и дѣлилъ со мной послѣдніе свои гроши. Я привязался къ нему, какъ только можно привязаться къ человѣку, который дѣлаетъ добро во имя любви къ ближнему. Все, что тогда происходило у него и вокругъ него, меня интересовало, и его радости и печали отражались и на мнѣ. Я тогда былъ свидѣтелемъ его духовнаго подъема. Онъ вѣрилъ въ людей, любилъ всѣхъ, платя имъ за то добро, которое они ему дѣлали. Уѣхалъ онъ, съ сожалѣніемъ оставивъ лучшихъ друзей и знакомыхъ, о которыхъ онъ не переставалъ мнѣ говорить и по дорогѣ и въ Италіи. Говоря объ отношеніяхъ къ нему, онъ слова «еврей» не произносилъ и считалъ въ порядкѣ вещей, что его признаютъ за русскаго. Не думалось тогда ему, что пройдетъ десятокъ-другой лѣтъ и все перемѣнится такъ, что добрыя чувства превратятся въ озлобленіе. Взявъ меня съ собою, онъ увезъ съ собою и свидѣтеля его радостей. Впослѣдствіи я былъ свидѣтелемъ его горя.

Въ Италіи М. М. очутился въ средѣ русскихъ художниковъ и людей, сочувствующихъ ему. «Въ Римѣ,—пишетъ товарищъ его баталистъ П. О. Ковалевскій,—Антокольскій опять сталъ жить полной художественной жизнью». Несмотря на недавній свой успѣхъ, М. М. остался тѣмъ же добрымъ пріятелемъ и доброжелательнымъ человѣ-

комъ. Черезъ годъ уже появляется новая статуя М. М. «Петръ Великій». Въ этой статуѣ М. М. проявилъ столько мощи и силы, что не вѣрилось, что это сдѣлалъ человѣкъ слабаго здоровья который годъ тому назадъ былъ докторомъ приговоренъ къ смерти. Въ «Петрѣ Великомъ» М. М. олицетворяетъ высшую активную силу и торжество воли. Это не Иванъ больной, ушедшій въ себя и обдумывающій свое печальное прошлое: Петръ устремляется впередъ. Это будущность, прогрессъ Россіи. Впослѣдствіи, черезъ большой промежутокъ въ 18 лѣтъ, М. М. сдѣлалъ подобную статую, выражающую такую же активную силу и отвагу: это Ермакъ. Съ технической стороны «Петръ Великій» выдѣляется изъ общаго уровня современной скульптуры. Въ Италіи статуя Петра произвела фуроръ, но въ Петербургѣ, гдѣ она была выставлена въ 1873 г., она не имѣла успѣха. Впослѣдствіи «Петръ», купленный государемъ, былъ поставленъ въ Петергофѣ въ Monplaisir'ѣ. Изъ русской исторіи М. М. дѣлаетъ еще четыре эскиза конныхъ статуй, проекты для моста. Изъ нихъ въ особенности замѣчательны проекты Іоанна III и Ярослава Мудраго, полные исторической правды и художественной красоты. Къ сожалѣнію, проекты эти никогда не были осуществлены; между тѣмъ это лучшія вещи въ монументальномъ искусствѣ, которыя могли бы быть украшеніемъ любой столицы Европы.

Послѣ указанныхъ работъ М. М. переходитъ къ сюжетамъ изъ всеобщей исторіи; всемірный Римъ еще болѣе развилъ въ немъ любовь къ міровымъ идеямъ. «Есть четыре степени эгоизма,—писалъ онъ мнѣ,—личный, семейный, національный и общечеловѣческій. Излишне сказать, чей эгоизмъ лучше, кто больше страдаетъ и наслаждается, чья жизнь шире и глубже. Я не могу прослѣдить самого себя, какими путями и почему складывался у меня взглядъ и любовь на общечеловѣческія идеи. Съ тѣхъ поръ какъ помню себя, я иначе не думалъ, хотя вначалѣ и по-ребячески. Я тогда разсуждалъ о томъ, что мы родились на всемъ готовомъ и что наша задача—отплатить человѣчеству чѣмъ-нибудь. Съ тѣхъ поръ и понынѣ я иду той же дорогой, и я рѣшительно не раскаиваюсь». Его «Христосъ», «Сократъ» и затѣмъ «Спиноза» выражаютъ всемірную идею неблагодарности толпы къ своимъ великимъ людямъ. «Толпа никогда не почитаетъ своихъ великихъ людей, а ихъ тиранитъ», часто говорилъ онъ. И вотъ этотъ упрекъ толпѣ онъ выражаетъ въ своихъ герояхъ, принадлежащихъ разнымъ эпохамъ человѣчества: Христосъ, связанный, стоитъ передъ тѣмъ народомъ, которому онъ ясно, свободно говорилъ о любви къ ближнему; Сократъ лежитъ отравленный ядомъ, который преподнесенъ ему неблагодарными согражданами, не понявшими его проповѣдей о любви и справедливости; Спиноза, преслѣдуемый общественнымъ мнѣніемъ, шепчетъ: «Я прохожу мимо зла человѣческаго, ибо оно мнѣ мѣшаетъ служить идеѣ Бога». По исполненію статуи эти представляютъ собой оригинальнѣйшія произведенія искусства. Нѣтъ у него условныхъ классическихъ пріемовъ,

которые тогда еще господствовали въ Италіи, М. М. трактуетъ всякій сюжетъ просто, естественно и правдиво. Рядомъ съ сюжетами историческими М. М. работаетъ вещи, выражающія общую печаль, скорбь и смиреніе. Образцомъ поэтичности и элегичности можетъ служить статуя его: «Надгробный памятникъ княжнѣ Оболенской». Въ этой статуѣ М. М. передалъ въ удивительно правдивыхъ и простыхъ формахъ печаль. Такою же поэтичностью отличаются его барельефы «Безвозвратная потеря», «Послѣдній вздохъ» и въ особенности барельефъ молодого художника, барона Гинцбурга.

Шесть лѣтъ пробылъ М. М. въ Италіи. Прекрасный климатъ, чудная природа и интимный кружокъ русскихъ благотворно дѣйствовали на его здоровье и на его настроеніе. Его художественный кругозоръ расширился благодаря изученію музеевъ и итальянскихъ древностей. Въ особенности полюбилъ онъ эпоху до-ренессанса и флорентійскую школу. Задушевность, простота этихъ эпохъ болѣе отвѣчали его поэтической натурѣ и его душевному настроенію. Изъ скульпторовъ онъ особенно полюбилъ Донателло, Лука делла Роббіа и Сансовино.

Въ 1878 г. М. М. выставляетъ всѣ свои работы на всемірной парижской выставкѣ и имѣетъ огромный успѣхъ. Онъ получаетъ высшую награду и орденъ Почетнаго Легіона. Еще за нѣсколько лѣтъ до того кенсингтонскій музей пріобрѣлъ слѣпокъ съ «Ивана Грознаго», честь, которой удостаиваются только лучшіе художники въ мірѣ. М. М., поработавъ еще въ Парижѣ два года, сдѣлалъ голову Іоанна Крестителя, Мефистофеля и нѣсколько бюстовъ. Онъ всѣ свои вещи везетъ въ Петербургъ и устраиваетъ выставку, въ 1880 г., въ своей alma mater, въ академіи. Никогда въ залахъ академіи не было столько скульптурныхъ произведеній одного и того же художника; никогда въ скульптурныхъ работахъ, выставленныхъ въ академіи, не было столько серьезности, глубокой мысли и художественнаго совершенства, какъ на этотъ разъ. Товарищи и друзья М. М. были въ восторгѣ отъ этой выставки. Они привѣтствовали талантъ, который въ короткій промежутокъ времени успѣлъ сдѣлать столько замѣчательныхъ вещей. Но не такъ поняли и не такъ думали нѣкоторыя газеты и часть публики. Съ семидесятаго года многое уже перемѣнилось. Ужъ не было того единенія и тѣхъ стремленій; отчужденность и вражда на почвѣ національной розни уже стала распространяться и Антокольскому стали ставить въ упрекъ его происхожденіе и его вѣру. Успѣхъ выставки былъ слабый. Разочарованный, съ чувствомъ горечи, М. М. уѣхалъ въ Парижъ и принялся опять за работу. Въ Италію онъ больше не вернулся, хотя часто порывался туда переселиться. Парижъ онъ не особенно любилъ. Онъ не выносилъ шума и блеска этого всемірнаго города. Кромѣ того само искусство французское было ему не по душѣ. «Есть тутъ въ искусствѣ много хорошаго и прекраснаго»—писалъ онъ мнѣ въ то время, «но есть и нѣчто такое, отъ котораго хотѣлъ бы бѣжать и бѣжать». «Я немного усталъ отъ французскаго искусства,—

писалъ онъ В. В. Стасову въ 1886 г.—Въ немъ мало глубины и очень много внѣшности. Они затрагиваютъ въ своей живописи все, но по всему они только скользятъ. Много вкуса, но мало чувства. Часто превосходное тѣло, но безъ души и смысла. Эта односторонность далеко не удовлетворяетъ меня и еще меньше ихъ скульптура. Тутъ они еще больше придерживаются старыхъ традицій; то, что дѣлалось въ прошломъ столѣтіи, дѣлается и понынѣ, и эта традиція мѣшаетъ имъ идти впередъ. Тѣ же аллегоріи, что были, та же миѳологія, та же внѣшность во всемъ». Однако, онъ считалъ французовъ геніальными по части исполненія и вкуса. Неудивительно, что М. М., не раздѣляя взгляда французовъ на искусство, уединился въ своей мастерской. Дома онъ окружаетъ себя старинными вещами, въ особенности эпохи среднихъ вѣковъ. «Я въ нихъ черпаю духъ поэтическій,—говорилъ онъ мнѣ;—онѣ помогаютъ мнѣ работать». Въ свободное время отъ работы онъ занимается коллекціонерствомъ. Парижское искусство имѣетъ мало вліянія на М. М. Онъ беретъ отъ французовъ только то, что касается техники и исполненія. «Французы спрашиваютъ, какъ сдѣлано, а не что сдѣлано,—говорилъ онъ часто.—Ихъ скульптура граціозна, красива, ласкаетъ глазъ, но не одухотворена». М. М. продолжаетъ работать все въ томъ же духѣ какъ и въ Италіи. Его новыя статуи носятъ тотъ же глубокій смыслъ какъ прежде Всѣ онѣ полны мысли и поэзіи. Его «Спиноза» весь погруженъ въ глубокую думу; его «Несторъ» поразительно вѣрно передаетъ всю задушевность, простоту и любовь къ труду смиреннаго монаха-историка; его «Не отъ міра сего» олицетворяетъ кротость, смиреніе и всепрощеніе; его «Мефистофель» отличается отъ всѣхъ статуй подобныхъ, сдѣланныхъ другими художниками: онъ не пугаетъ своимъ внѣшнимъ, ложно придуманнымъ чертовскимъ видомъ; не глупо злорадствуетъ, какъ это принято было изображать, а какъ человѣкъ умный, зорко слѣдившій за наукой, глубоко обдумываетъ свои замыслы противъ свѣта и правды. «Сестра милосердія» реально представляетъ такъ часто встрѣчающійся типъ женскаго самопожертвованія. Всей душой, всѣмъ существомъ своимъ она предана дѣлу благотворенія и облегченія страданій. Во всѣхъ этихъ работахъ М. М. проводитъ философскую идею торжества духа и разума и борьбы противъ мрака и насилія; но борьбы не внѣшней, а внутренней, и хотя внѣшнимъ образомъ герои его побѣждены: Христосъ связанный, Сократъ отравленный, Спиноза всѣми покинутый, мученица слѣпая,—но ихъ дѣло не покорено и не умерло. И въ своей собственной жизни М. М. придерживался той же идеи: никакія непріятности, лишенія и печали не помѣшали ему заниматься своимъ до фанатизма любимымъ дѣломъ; точно все внѣшнее до него не касалось. Къ портретамъ М. М. не чувствовалъ особаго влеченія, хотя многіе его бюсты отличаются удивительнымъ сходствомъ: портретная статуя Полякова до того реальна и изумительно жизненна, что можетъ сравняться съ лучшими работами Гудона.

М. М—а приглашаютъ на всѣ европейскія выставки. Въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Берлинѣ, вездѣ, гдѣ появляются его работы, онѣ имѣютъ колоссальный успѣхъ: ему присуждаютъ высшія награды, его избираютъ членомъ всѣхъ академій. Слава его упрочена во всей Европѣ. Какъ не показать родинѣ-матери своей то, чѣмъ восхищаются чужіе? Вѣдь эта всемірная слава, эта честь, которую ему оказывала Европа, все это принадлежитъ Россіи. И онъ вторично везетъ свои вещи въ Петербургъ. На этотъ разъ у него вещи болѣе близкія русскому сердцу: «Несторъ», «Ермакъ», «Ярославъ Мудрый» и др. Забылъ М. М. свой неуспѣхъ восьмидесятаго года. Въ Парижѣ, вдали отъ русской жизни онъ не зналъ, что то, что въ восьмидесятомъ году только насаждалось, въ 1893 году уже выросло и расцвѣло. Проповѣдники національной розни усилились, выставку М. М—а часть печати встрѣтила бранью и порицаніемъ. Газеты извѣстнаго ужъ тогда лагеря обрушились на Антокольскаго и ругали его какъ преступника, точно онъ своими статуями, своей дѣятельностью вредилъ Россіи. Любимый публикой фельетонистъ наиболѣе распространенной газеты безъ стѣсненія писалъ, что случайно удалось бездарному жиду сдѣлать статую Ивана Грознаго и что Антокольскій всякими пройдошескими пріемами достигъ извѣстности въ Европѣ. Время уже было такое, что истинно просвѣщенные люди не имѣли храбрости и силы возстать противъ всѣхъ замысловъ этого новаго лагеря. Одинъ только В. В. Стасовъ какъ богатырь грудью защищалъ ни въ чемъ неповиннаго художника. Одинъ онъ воевалъ съ цѣлымъ роемъ комаровъ. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Какъ разъ въ это время появилась въ одномъ изъ каррикатурныхъ журналовъ слѣдующая каррикатура: Антокольскій, облитый помоями, удаляется, а Стасовъ, Баярдъ въ рыцарскомъ одѣяніи, вонзаетъ пику въ грудь врага. Состояніе Антокольскаго было ужасное. Это видно изъ того письма, которое онъ помѣстилъ въ «Новостяхъ» 10-го апрѣля 1893 г. Это письмо до такой степени характеризуетъ то время и положеніе Антокольскаго въ Россіи, что я считаю необходимымъ тутъ привести. Называется письмо «Послѣ выставки».

«По поводу шума, поднятаго извѣстной газетой изъ-за моей выставки, мнѣ вспоминается одинъ эпизодъ, когда-то слышанный мною въ дѣтствѣ: однажды кому-то приснилось, что воры взломили дверь; со сна онъ закричалъ: «воры»! Всѣ домашніе вскочили на ноги и начали кричать: «воры! гдѣ воры?» Посыпались удары. Кто кричалъ, что воры его бьютъ, кто—что онъ крѣпко держитъ вора... и пошла свалка, шумъ и гамъ. Услышали сосѣди и начали стучать въ закрытыя ставни. Суматоха еще больше увеличилась.. Наконецъ, кто-то догадался зажечь огонь, и зрителямъ представилась траги-комическая сцена: всѣ стояли въ ночныхъ костюмахъ, уцѣпившись другъ за друга, а воръ?—вора, конечно, вовсе не было...

«Не происходитъ ли что либо въ этомъ же родѣ и у насъ теперь,

только въ колоссальныхъ размѣрахъ?.. Поймали вора! Причина всѣхъ бѣдъ... Ну, и—ату его!.. Кого? Меня. Да я то въ чемъ виноватъ?

«Что я дурного сдѣлалъ кому-либо? Отнимаю ли у кого хлѣбъ, срамлю ли честь русскаго художества?..

«Первый, кто подалъ мнѣ руку помощи, былъ русскій... Товарищи и друзья какъ въ академіи, такъ и внѣ ея были русскіе... Создала мнѣ извѣстность и спасла жизнь—также русская. Чувствовалъ ли я тогда и давали-ль мнѣ чувствовать, что—еврей?! Нисколько!.. Мы всѣ были воодушевлены одною мыслью, всѣ стремились къ одной цѣли—любить свою родину и будить въ ней чувство добра. Съ этимъ чувствомъ уѣхалъ за границу; оно поддерживало меня многіе годы, и если на моихъ произведеніяхъ не отразилась та горечь, которую за послѣднее время мнѣ приходилось глотать въ столь большихъ дозахъ и такъ часто, то опять благодаря тѣмъ же добрымъ людямъ, тѣмъ же русскимъ, внушившимъ мнѣ то же, что и Спиноза: «проходить мимо человѣческаго зла, потому что оно мѣшаетъ служить идеѣ Бога».

«Съ тѣхъ поръ прошло ровно двадцать лѣтъ... И Боже, какая перемѣна! Вмѣсто единства—разъединеніе, вмѣсто мира—ссоры, вмѣсто любви къ ближнему—какое-то тупое, слѣпое озлобленіе.

«Я далекъ отъ полемики; она ни къ чему не ведетъ; мы и безъ того пресыщены желчью; наши нервы раздражены; мы готовы видѣть врага даже тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ... Мои «Сократъ», «Христосъ», «Спиноза», «Христіанская мученица», «Несторъ», «Послѣдній вздохъ» не несутъ съ собой ни ссоры, ни вражды, а Pax (что и начертано на табличкѣ въ рукахъ «Не отъ міра сего»), Pax, который такъ близокъ и родственъ добру и красотѣ...

«Дурно ли, хорошо ли, все-таки, надъ этими произведеніями я работалъ двадцать пять лѣтъ. Я отдалъ имъ лучшіе годы моей жизни. Но при какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ душевномъ настроеніи я работалъ ихъ въ послѣдніе годы?.. Въ то время, когда гнулось желѣзо для «Ермака», когда я лѣпилъ «Нестора»—шелъ погромъ за погромомъ, и, вмѣсто обязательнаго въ подобныхъ случаяхъ со стороны каждаго просвѣщеннаго человѣка сочувствія, мои родные и братья встрѣчали одни лишь глумленія... Горькая чаша не миновала и меня.

«Я бросилъ читать газеты, сталъ избѣгать разговоровъ, заперся у себя въ мастерской; но и тамъ мнѣ было не легче... Мнѣ казалось, что я не хорошо поступаю, не то дѣлаю... Я чувствовалъ себя въ роли Риголетто,—пѣлъ, когда хотѣлось плакать. Писалъ къ друзьямъ—молчаніе; умолялъ заступиться, сказать свое авторитетное слово—отвѣта не было!..

«Но вѣра моя была сильна, сильнѣе моихъ терзаній. Я вѣрилъ и до сихъ поръ всей силой своей души вѣрю въ справедливое и доброе чувство русскаго народа. Я вѣрилъ, что причина всѣхъ столь печальныхъ и жестокихъ явленій—не въ тѣхъ русскихъ, которыхъ зналъ и знаю, а въ какихъ-то новыхъ, ненормальныхъ, чуждыхъ намъ прежде элементахъ, которые умѣютъ гнуться по направленію случайнаго вѣтра...

«И вотъ, наконецъ, мои работы за послѣднія 12 лѣтъ явились передъ судомъ русской публики. Я не могу пожаловаться на недостатокъ сочувствія; напротивъ, оказанное мнѣ сочувствіе превзошло всѣ мои ожиданія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ извѣстнаго лагеря съ озлобленіемъ обрушились на меня: ату его!.. И все это за то, что я еврей!

«Но развѣ я виноватъ въ томъ, что я еврей? И что дурного въ томъ, что я—еврей! Развѣ мои произведенія не доказываютъ, что я люблю Россію тысячу тысячъ разъ больше, чѣмъ тѣ, которые меня гонятъ только за то, что я еврей?! Развѣ все то, что я пережилъ, прочувствовалъ, всѣ мои радости и печали, все, что вложено въ мои произведенія, не отъ Россіи и не для Россіи?! Развѣ пріобрѣтенное мною имя не принадлежитъ Россіи? Развѣ почести и награды, которыми удостоили меня разныя академіи, были даны мнѣ, не какъ русскому?

«Я не взялся бы за перо, если бы всѣ эти инсинуаціи и клеветы только касались меня... Меня очень мало затрагиваютъ—мой мраморъ отъ этого не почернѣетъ, а волосы мои и безъ того уже бѣлѣютъ. Отъ людей, которые печатно глумятся и ругаются площадными словами,—просто сторонятся... Повторяю, не они меня интересуютъ, а почва, почва, на которой они живутъ и плодятся, публика, для которой они пишутъ и за которую они даже думаютъ...

«Вотъ почему я и позволю себѣ сказать слѣдующее:

«Многіе годы уже люди извѣстнаго лагеря издѣваются надъ моими работами, глумятся надо мной, надъ моимъ племенемъ, клевещутъ и обвиняютъ меня при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ въ разныхъ небылицахъ: я «нахалъ», «трусъ», «пролаза», «гордецъ», «рекламистъ», «шантажистъ», «получаю заказы нечистыми путями», «получаю почетныя награды, благодаря жидовскимъ банкирамъ», и т. д., и т. д... И при этомъ не замѣчаютъ, что, обвиняя меня, обвиняютъ шесть академій разныхъ странъ, членомъ которыхъ я имѣю честь состоять, и жюри двухъ международныхъ выставокъ, почтившихъ меня наградами».

Но въ Парижѣ, какъ бы въ догонку, посыпались на него еще новые удары и неудачи. При разборкѣ вещей съ выставки сломали его любимую статую «Не отъ міра сего». Можно себѣ представить, какъ извѣстіе это его поразило. «Положимъ, эта работа куплена», пишетъ онъ, но кто меня вознаградитъ за мою душу, которую я вложилъ въ эту статую». Къ его пущему огорченію Третьяковъ, которому принадлежала эта статуя, ни за что не согласился, чтобы Антокольскій сдѣлалъ новую и настаивалъ на томъ, чтобы ему отдали эту статую склеенную. Притомъ Антокольскій не имѣлъ права, по условію, ее повторить. «Не могу согласиться, чтобы это произведеніе осталось въ единственномъ видѣ въ безобразномъ видѣ», пишетъ онъ изъ Парижа. «Къ чорту съ матеріализмомъ,—говоритъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ.—Родители пристраиваютъ своихъ дѣтей, но не продаютъ ихъ. Когда я работалъ, менѣе всего я думалъ о деньгахъ. Охотно

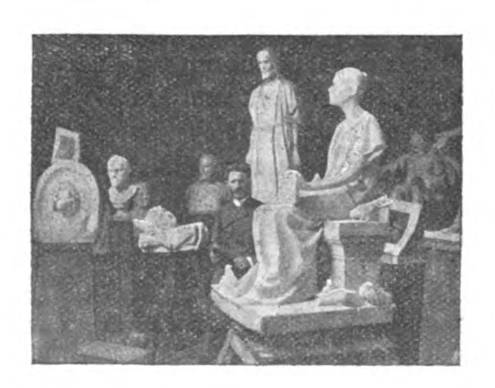
я отдамъ деньги назадъ, чтобы спасти мое произведеніе отъ вѣчнаго уродства. Отголоски петербургской печати о выставкѣ, какъ серьезная болѣзнь, еще долго давали о себѣ знать М. М. «Здѣсь никого не вижу изъ русскихъ,—пишетъ онъ сейчасъ по возвращеніи въ Парижъ;—говоря вѣрнѣе, никто изъ русскихъ не хочетъ меня видѣть. Причина ясная: здѣсь всѣ читаютъ только одну газету и не прочь вѣрить всему тому, что она на меня наговариваетъ. Кого встрѣчаю, тотъ смотритъ на меня съ недоумѣніемъ: дескать, здоровъ ли я, не съѣли ли меня въ Петербургѣ?.. Когда настанетъ всему этому конецъ?»—Но недолго продолжается у художника это состояніе; принявшись за работу, онъ всѣ обиды забываетъ, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, разсуждая объ искусствѣ, онъ высказываетъ въ письмѣ ко мнѣ слѣдующіе взгляды: «Развѣ искренно влюбленный спрашиваетъ себя, съ чего онъ будетъ жить? А если спрашиваетъ, то любовь его не юная, а запоздалая. Надо раньше всего не думать о послѣдствіяхъ, а начать работать, увлекаться сильно, страшно полюбить ее, бороться за нее, отстаивать со всей своей силой души, выдержать испытанія, невзгоды. Тогда только, тогда творчество будетъ плодъ твоего душевнаго состоянія; оно будетъ цѣльное, какъ выкованное изъ одного куска желѣза». Это онъ писалъ въ то время, когда его денежныя дѣла были въ очень плохомъ состояніи. Неуспѣхъ выставки 1893 г. въ Петербургѣ сильно отражался на его матеріальномъ положеніи: изъ Россіи стали меньше къ нему обращаться съ заказами. Въ это время опять выплываетъ наружу вопросъ о постановкѣ конныхъ статуй на мосту. Правительство не прочь заказать эти статуи Антокольскому, но нашлись доброжелательные люди, которые вмѣшались въ это дѣло и разстроили этотъ заказъ. Еще болѣе раздражало Антокольскаго то, что за всѣ эти 25 лѣтъ ему не удалось воздвигнуть ни одного общественнаго памятника, въ то время какъ всѣ художники, и малые и незначительные, исполняли подобные заказы. Правда, со времени конкурса на памятникъ Пушкину (1876 г.), когда его оригинальнѣйшій, чудесный проектъ провалился, М. М. пересталъ участвовать въ конкурсахъ, и не потому, что онъ ихъ боялся или что зазнавался, а по принципу, по всѣмъ извѣстнымъ причинамъ, что конкурсы въ вь томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, нелѣпы и не достигаютъ своей цѣли. Объ этомъ уже писалось много въ Европѣ, и негодность конкурсовъ многимъ уже доказана *). Но и неучастіе его не должно было людямъ, искренно любящимъ искусство, помѣшать обратиться къ тому скульптору, работы котораго говорятъ сами за себя. И вотъ проходитъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, М. М. видитъ, какъ вездѣ наставлены па-

*) Вопросъ о значеніи конкурсовъ, конечно, не можетъ считаться исчерпаннымъ: еще въ античномъ мірѣ они играли огромную роль въ исторіи искусства и отрицательное отношеніе къ нимъ покойнаго М. М. Антокольскаго представляется весьма субъективнымъ. За коллегіальнымъ жюри всетаки больше данныхъ для справедливаго приговора, чѣмъ при единоличномъ рѣшеніи. *Ред.*

мятники, между ними многіе плохіе, а ему ничего не поручаютъ, а скорѣе мѣшаютъ. «Мои враги,—пишетъ онъ мнѣ въ 1897 г., какъ нарывы: выдавишь ихъ въ одномъ мѣстѣ, они выскочутъ въ другомъ. А я усталъ бороться съ ними. На это уходитъ все мое здоровье, и я рѣшился разъ навсегда выяснить мое положеніе. Я вижу, что отъ меня хотятъ закрыть всѣ дороги, но безъ боя не дамъ проглотить себя. Мнѣ не предлагаютъ работы; мои работы стараются отнимать. Я закаленъ въ бою. Мнѣ всю жизнь приходится работать точно въ чужомъ станѣ. Но тѣмъ лучше: моя совѣсть спокойна, моя честь чиста. Мой мраморъ твердъ и бѣлъ; проглотить его будетъ трудно моимъ, хотя бы и многочисленнымъ врагамъ».

Въ послѣдніе годы своей жизни М. М. лѣпилъ небольшія вещи: «На перепутьи», «Ундина», «Спящая красавица» — замѣчательно граціозныя, красивыя и поэтическія вещи, которыя петербургская публика еще не видала. Мечталъ М. М. издать всѣ свои работы въ малой величинѣ. Хотѣлось ему собрать всѣ свои вещи и сдѣлать выставку передвижную по Европѣ. Но для этого надо было потратить много денегъ, времени и силы, но ни того ни другого, ни третьяго уже у него не хватало. Незадолго до своей смерти М. М., задумалъ цѣлый циклъ новыхъ вещей, подъ названіемъ «Всемірная трагедія». Онъ долженъ былъ состоять изъ трехъ горельефовъ и одной группы: 1) нападеніе европейцевъ на варваровъ; 2) нападеніе язычниковъ на христіанъ; 3) нападеніе инквизиціи на евреевъ. Въ заключеніе группа «Помирились»: два врага, обнявшись, лежатъ мертвыми. Изъ этихъ вещей онъ успѣлъ только наполовину сдѣлать «Инквизицію», и заключительное слово этой трагедіи: «Помирились», онъ какъ бы самъ выразилъ преждевременной своей кончиной. Крупнѣйшія работы М. М. находятся въ музеяхъ и у частныхъ лицъ. Было бы желательно, чтобы всѣ его работы были собраны вмѣстѣ, въ одномъ помѣщеніи, и тогда еще болѣе ясенъ будетъ весь обликъ этого замѣчательнаго художника.

И. Гинцбургъ.

ПРИ ЗВѢЗДНОМЪ СІЯНЬИ.

(На мотивъ изъ Лонгефело).

Настала ночь. Раздумія полна
Нисходитъ тѣнь за тѣнію дозоромъ...
Задумчиво глядитъ съ небесъ луна
На землю яснымъ и глубокимъ взоромъ.

Померкнулъ лучъ заката огневой...
Зардѣлись ярко звѣзды золотыя,
Но ярче всѣхъ звѣзды сторожевой
Лучи сверкнули, кровью залитыя.

То Марсъ горитъ. Не вѣстникъ то любви,
То не свѣтило сновидѣній роя...
О, нѣтъ!—въ его лучахъ отливъ крови
И яркій блескъ оружія героя.

Могучихъ чувствъ, могучихъ мыслей строй
Въ груди моей въ гармоніи роится,
Когда любуюсь имъ вечернею порой,
Дивлюсь, какъ гордо онъ на небѣ золотится.

О, надъ моей безумною тоской
Смѣешься ты далекій, величавый,
Къ себѣ манишь желѣзною рукой
И путь одинъ указываешь—правый!

Могучій Марсъ, я силенъ, какъ и ты,
Какъ въ эту ночь, въ душѣ моей отрадой
Лучъ не блеститъ полдневной чистоты,
Горятъ лишь звѣзды грустною плеядой.

Свѣтила ночи!.. Ярче, ярче всѣхъ
Во тьмѣ горитъ вашъ Марсъ непобѣдимый,
Въ груди моей, замкнутой для утѣхъ,
Его зажженъ огонь неугасимый.

Чтобъ свѣточъ этотъ міру возсіялъ,
Какъ та звѣзда, облейся, сердце, кровью!..
Тотъ не поэтъ, кто гордо не страдалъ,
И жизни ночь не озарялъ любовью!

Ник. Кир.

ОПЕРАЦІЯ.

Очеркъ.

— On vous appelle—descendez tout de suite à la chambre des operations!—внезапно раздается молодой голосъ. Дверь въ мой корридоръ стремительно отворяется, влетаетъ миловидная «діаконисса» *); она только что взбѣжала со всѣхъ ногъ по лѣстницѣ, вся запыхалась; изъ-подъ бѣлаго накрахмаленнаго чепца у нея выбились темные волосы. Очевидно ей совершенно некогда.

Я готовъ и все утро дожидаюсь призыва, но все-таки онъ застигаетъ меня почти врасплохъ; я еле успѣваю поцѣловать свою мать, наскоро говорю ей два-три слова успокоенія и уже спускаюсь съ бьющимся сердцемъ по лѣстницѣ. Нужно пройти въ операціонную: послѣдняя въ другомъ зданіи.

Я быстро пересѣкаю дворикъ, обсаженный деревьями и кустами; свѣжая іюньская зелень и усыпанныя мелкими камешками дорожки залиты яркимъ солнцемъ, въ воздухѣ запахъ скошенной травы и сладкое благоуханіе цвѣтущихъ липъ; все спокойно и ясно... Кое-гдѣ лѣниво бродятъ выздоравливающіе, наслаждаясь дивнымъ утромъ, или лежатъ, растянувшись на лавкахъ, и нѣжатся на теплѣ; здѣсь и тамъ уродливыя сѣрыя куртки, забинтованная голова или нога, костыль...

Передо мною выростаетъ несуразное одноэтажное зданіе съ стеклянными фонарями въ крышѣ, навстрѣчу выходитъ служитель и ведетъ меня; сзади захлопнулась дверь. Мимо мелькаетъ аванзалъ; въ памяти остаются его стѣнные шкафы, сверху до низу уставленные какими-то подозрительными стеклянными банками, гипсовыми слѣпками разныхъ хирургическихъ уродствъ, костями, черепами и т. п., потомъ кабинетъ ассистента, пріемная. Она запружена больными на перекатныхъ кроватяхъ, и ихъ испитыя лица производятъ тяжелое впечатлѣніе: «тоже, видно, кандидаты, какъ и я»... А вотъ это, должно быть, инструментарная

*) Евангелическая сестра милосердія.

съ безконечными сверкающими рядами всевозможныхъ инструментовъ за зеркальными витринами...

Я «приватный» паціентъ К—а, и меня прямо проводятъ, по кратчайшей дорогѣ, въ предоперaціонную, въ которой должны докончить мой «туалетъ» передъ операціей. Здѣсь я узнаю, что въ сосѣдней «асептическій» профессоръ додѣлываетъ сложную брюшную операцію. Всѣ поглощены своимъ дѣломъ и меня оставляютъ пока одного.

Я въ небольшой комнатѣ съ верхнимъ свѣтомъ, каменнымъ поломъ и выкрашенными въ сѣрую масляннную краску стѣнами. Посрединѣ узкій полый столъ изъ цинка, налитый горячей водой и покрытый черными клеенчатыми подушками; полъ весь мокрый и по нему разбросаны клочки марли; вдоль одной изъ стѣнъ— длинный жестяной умывальникъ въ видѣ корыта, ярко блестятъ никелированные краны; повыше тянется мраморная полка съ мыломъ, банками, въ которыхъ мокнутъ въ сулемѣ ногтяныя щетки и т. п. Здѣсь моютъ себѣ руки передъ операціями профессоръ и его ассистенты. Въ сторонѣ, на жестяныхъ столахъ разныя снадобья и инструменты, въ углу блеститъ какой-то мѣдный цилиндръ, вдѣланный въ стѣну. Что-то шумно кипитъ на газѣ: тоже инструменты.

Въ предоперaціонной очень тепло, и воздухъ пропитанъ тѣмъ особымъ запахомъ, который всегда слышется въ хирургической клиникѣ: пахнетъ смѣсью влажной отъ пара кисеи, эѳира, карболки, лизола и іодоформа; мнѣ сразу становится гадко и тошно отъ этого воздуха.

Мимо снуютъ сестры въ бѣлыхъ балахонахъ, ассистенты— тоже въ бѣломъ, съ гуттаперчевыми фартуками и въ полотняныхъ колпакахъ; то и дѣло проносятъ инструменты, перевязочные матеріалы... Гдѣ-то за стѣной съ шумомъ вырывается паръ.

Сначала мой взоръ безцѣльно блуждаетъ кругомъ, но вскорѣ его приковываетъ къ себѣ то, что происходитъ въ смежной комнатѣ. Сквозь пріотворенную дверь въ операціонной виднѣется плотная кучка бѣлыхъ фигуръ. Онѣ столпились вокругъ чего-то, чего нельзя разглядѣть, накренились впередъ всѣмъ корпусомъ и въ напряженныхъ позахъ слѣдятъ за чѣмъ-то съ глубокимъ вниманіемъ. Задніе ряды иногда приподнимаются на цыпочки и черезъ плечи товарищей стараются получше разглядѣть то, что совершается тамъ, въ центрѣ этой безмолвной группы. Яркій разсѣянный свѣтъ проникаетъ сквозь матовыя стекла потолка и освѣщаетъ этихъ людей, которые стоятъ, стоятъ такъ тихо и *неподвижно*; въ нихъ что-то неизъяснимо тягостное, почти зловѣщее. Лишь по временамъ слышется тяжелое, хриплое, словно механическое дыханіе усыпленнаго больного, раздается холодный

стальной лязгъ инструментовъ и изрѣдка долетаетъ отрывистое приказаніе профессора или какое-нибудь его объясненіе. Только тогда, когда надо пропустить сестру или служителя, которые принесли оператору тотъ или другой инструментъ, группа слегка раздвигается и можно различить наклоненную голову профессора онъ возится надъ продолговатымъ бѣлымъ предметомъ... Дверь затворяется, доносится заглушенное, однообразное металлическое позвякиваніе и тѣ же отрывистыя восклицанія... Какъ-то трудно себѣ представить, что здѣсь, въ эту минуту рѣшается вопросъ жизни или смерти человѣка.

Я присаживаюсь на табуретъ въ ожиданіи своей очереди. Въ мозгу запечатлѣваются машинально, до мельчайшихъ подробностей, впечатлѣнія, получаемыя извнѣ слухомъ и зрѣніемъ. Одновременно въ головѣ проносятся мысли о томъ, что со мною происходитъ въ настоящую минуту и что предстоитъ... Да, операція... Какъ просто и... какъ странно... Не чужая, а моя операція... Вотъ я опять въ хорошо знакомомъ и ненавистномъ мнѣ мѣстѣ... Не въ первый разъ все это переживается съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ мною былъ схваченъ плевритъ, запущенный и потребовавшій вмѣшательства хирурговъ... Въ душѣ ярко встаетъ воспоминаніе этого сквернаго періода моей жизни, со всей ея грустной подноготной. Какъ ужасно тяжело было чувствовать всѣ эти годы—молодые годы—свою зависимость, закрѣпощенность у докторовъ! Только надежда сбросить это иго заставляетъ меня ложиться подъ ножъ. На великаго К—а послѣднее мое упованіе... Если мнѣ суждено исцѣленіе, то только онъ одинъ съумѣетъ закрыть упорно незаживающую, глубокую до самаго легкаго рану въ груди... Но на этотъ разъ ожиданіе особенно тошно: операція будетъ безъ общаго наркоза: мой ослабленный организмъ могъ бы и не выдержать его... Это будетъ буквально «рѣзка живьемъ», вивисекція, и навѣрное очень мучительная, хотя профессоръ и обѣщалъ сдѣлать какія-то впрыскиванія для ослабленія боли.. И въ головѣ тянутся сѣрой вереницей, одна за другой, удручающія думы... Приходится вновь убѣждаться, что только въ самой этой «операціонной» обстановкѣ непосредственно просыпается сознаніе того, что должно совершиться. До самой минуты призыва предстоящее всегда кажется дѣломъ такимъ отдаленнымъ, чужимъ. Но съ того мгновенія, когда меня позвала діаконисса этимъ запыхавшимся голосомъ, точно озаренная молніей вся программа мытарства встаетъ въ воображеніи и облекается въ живыя формы съ удвоенною же интенсивностью, когда впечатлѣнія слуха, зрѣнія и обонянія дополняютъ картину, созданную фантазіей.

Поднимается малодушное чувство: «Нѣтъ, отказаться отъ

всего, бросить, не давать себя мучить!.. Однако, это ребячество!.. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ идти на попятный дворъ въ послѣднюю минуту; къ тому же, операція не опасна для жизни». Но несмотря на эти разсужденія разума, приходится дѣлать усиліе воли и призывать на помощь свой здравый смыслъ, чтобы побороть закрадывающуюся въ сердце робость; я говорю себѣ: «Вѣдь операція должна меня исцѣлить, избавить отъ несносной тяготы; наконецъ, малодушно и смѣшно отступать, когда дѣло зашло такъ далеко! Всѣ будутъ смѣяться!» Конечно, серьезно ни на секунду не собираешься поступать такъ нелѣпо: говоритъ лишь примитивное чувство самосохраненія; совершенно подавить это чувство въ своемъ сердцѣ нельзя, какъ себя не урезонивай...

Какъ глубоко противны эти послѣднія минуты до операціи, эти послѣднія приготовленія: чистка, увязываніе на операціонный столъ... Сердце болѣзненно сжимается въ ожиданіи, подъ ложечкой томительно сосетъ: лишь бы поскорѣе!..

Спокойный голосъ произноситъ мое имя. Это—младшій ординаторъ, симпатичный, совсѣмъ еще молодой блондинъ, въ очкахъ. Онъ входитъ въ полномъ операціонномъ «парадѣ» и говоритъ мнѣ ободряющимъ тономъ:

— Мнѣ надо васъ приготовить. Будьте добры—раздѣньтесь и лягте сюда на столъ.

Я покорно стаскиваю съ себя верхнее платье и бѣлье и, оставшись въ однихъ «невыразимыхъ» и носкахъ, взлѣзаю на столъ и ложусь.

— Повернитесь чуточку на бокъ... Лѣвѣе! Поднимите руку!.. А, вы не можете?.. Сестра! Фрицъ!

Около меня вдругъ показывается служитель, мнѣ поднимаютъ руку, подкладываютъ подушки, подстилаютъ теплыя салфетки... Все дѣлается какъ по неслышной командѣ; сестра приноситъ бутыль съ эѳиромъ, подаетъ ассистенту куски марли и льетъ на нихъ эту ненавистную жидкость. Мнѣ начинаютъ чистить всю грудь и спину съ ожесточеніемъ. Я вздрагиваю—сначала эфиръ холодитъ, затѣмъ невыносимо жжетъ; но чистка идетъ своимъ чередомъ, несмотря на мои гримасы и дрыганье.

— Еще эѳиру!.. Еще!..

Эѳиръ льютъ, кисея летитъ кусокъ за кускомъ на полъ, тѣло багровѣетъ. За эѳиромъ слѣдуетъ алкоголь. Меня слегка дурманитъ и я безотвѣтно отдаюсь въ руки истязателей.

Я уже не морщусь и не вздрагиваю, но лежу на спинѣ и молча гляжу въ люкъ верхняго свѣта. Солнце свѣтитъ мнѣ прямо въ лицо во всю, и я жмурюсь отъ этихъ нестерпимыхъ лучей... Мое вниманіе поглощается всецѣло мухой, которая ползетъ по краю стекла. Муха снимается со стекла и ее замѣчаетъ ассистентъ...

Начинается ея преслѣдованіе: сестра и служитель стараются ее поймать или изгнать изъ помѣщенія—Богъ знаетъ, какую заразу она можетъ занести въ это святое святыхъ асептики!

Охота за мухой даетъ мнѣ возможность перевести духъ, и мое вниманіе вновь просыпается къ происходящему вокругъ: слышу гулъ сдержанныхъ голосовъ, шарканье многихъ ногъ и общее движеніе. Вотъ выходитъ изъ смежной комнаты одинъ изъ ассистентовъ; онъ бережно несетъ какой-то довольно большой красный комокъ на кускѣ кисеи. За нимъ высыпаютъ врачи, присутствовавшіе при операціи, только что законченной знаменитымъ профессоромъ. Проходя мимо, кое-кто изъ нихъ бросаетъ въ мою сторону равнодушный взглядъ. Я оглядываю ихъ также безучастно и прислушиваюсь къ разноязычному говору; тутъ представители всевозможныхъ національностей: кромѣ швейцарцевъ, еще нѣмцы, американцы, англичане, голландцы, французы, шведы, русскіе, итальянцы, даже японцы...

А вотъ и самъ профессоръ—маленькій человѣчекъ, съ очень прямой, изящной фигуркой, длинной шеей и плечами, какъ у бутылки шампанскаго. Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ. онъ довольно некрасивъ и хотя черты лица правильны, впечатлѣніе,—почти невзрачности; его лицо блѣдное, болѣзненное, изборожденное глубокими морщинами на высокомъ лбу, подъ глазами и около рта, окаймленнаго щетинистыми коротко подстриженными усами и бородой желѣзно-сѣраго цвѣта. Выраженіе утомленное... Онъ пресмѣшно одѣтъ: бѣлый колпачокъ, не то поварской, не то ермолка, желтый резиновый балахонъ, спускающійся отъ подбородка до пола, и сверху какая-то батистовая ночная кофточка до колѣнъ. Если бы не борода—точь-въ-точь католическій ксендзъ въ стулѣ и орнатѣ. Рукава кофточки слегка завернуты, и онъ стаскиваетъ на ходу окровавленныя нитяныя перчатки; его кофточка кое-гдѣ забрызгана кровью и даже на колпакѣ видны темно-красныя крапинки.

Шлепая высокими калошами по мокрому полу, профессоръ подходитъ живой, энергичной походкой, и вдругъ глаза и все лицо преображается удивительно чарующей улыбкой, точно освѣщенное какимъ-то невидимымъ свѣтомъ; невзрачность пропала,—лицо его кажется мнѣ почти прекраснымъ. Удивительные глаза—большіе, сѣрые, умные, полные энергіи и воли, вселяющіе бодрость и надежду! Одного ихъ взгляда достаточно, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія и опасенія. Въ его рукахъ, чувствуешь, самая сложная операція не страшна.

— Какъ поживаете? Хорошо?—спрашиваетъ профессоръ, обнажая большіе, немного торчащіе въ стороны, зубы.—Вы готовы, докторъ? Ну, такъ пусть перенесутъ паціента. Я скоро буду.

Пока онъ говоритъ, рука его, мягкая и теплая, ласково опускается на мое плечо, и это магическое прикосновеніе сразу успокаиваетъ меня. Я машинально изучаю его крупные рѣзцы, которые меня словно загипнотизировали, и мой взоръ не можетъ оторваться отъ нихъ: я размышляю о томъ, что хоть профессору и шестой десятокъ на исходѣ, но не видать ни одного порченаго зуба, и тутъ же я ловлю себя на этихъ, Богъ вѣсть откуда приходящихъ мысляхъ... Сестра проноситъ на подносѣ стаканъ молока и булку—на подкрѣпленіе силъ профессора... Пахнуло свѣжимъ хлѣбомъ и горячимъ молокомъ: какъ ужасно несуразенъ этотъ запахъ въ подобной обстановкѣ—*мнѣ* противна всякая мысль о пищѣ... А впрочемъ, вѣдь я единица безконечнаго клиническаго матеріала... Не надо этого забывать...

Профессоръ отходитъ. Меня загребаетъ въ охапку дюжій служитель, мое тѣло оказывается на воздухѣ... Я уже въ операціонной и меня бережно кладутъ на блестящій, совсѣмъ теплый мѣдный столъ. Мимо проносятъ оперированнаго: полуобнаженная фигура, вытянутое блѣдно-зеленое, отъ пота глянцевитое, точно облитое масломъ лицо; полузакрытые закатившіеся глаза, губы подернутыя легкой пѣной, безпомощно болтающіяся руки и голова... брр!..

Здѣсь въ операціонной жарко—почти какъ въ банѣ. Весь полъ заплесканъ кровью и водой и усѣянъ огромнымъ количествомъ окровавленныхъ тампоновъ. Двѣ сестры убираютъ великое множество только что бывшихъ въ употребленіи инструментовъ. Меня увязываютъ: щелкаютъ пряжки, я не могу шевельнуться, мягкіе широкіе ремни закрѣпили неумолимо руки, ноги, колѣни... Потомъ меня накрываютъ теплыми салфетками и оставляютъ одного.

Въ сосѣдней комнатѣ слышется говоръ на своеобразномъ швейцарскомъ нарѣчіи и раздается отчетливый, звенящій голосъ профессора, смѣхъ, стучитъ посуда, трещитъ звонокъ телефона... А я жду и жду... цѣлую вѣчность... И опять мозгъ начинаетъ автоматически регистровать разныя мелочи. Лежа безпомощно на спинѣ, на этотъ разъ я тщательно изучаю ржавое пятно на горизонтальной шторѣ, которой сверху задернутъ стеклянный потолокъ; я до сихъ поръ отчетливо помню форму этого пятна, похожаго на изображеніе почки въ разрѣзѣ на анатомическомъ атласѣ... Одновременно меня ужасно угнетаетъ чувство, что я въ положеніи барана, котораго собираются зарѣзать, запроданъ хирургамъ—вотъ, вотъ они придутъ и сдѣлаютъ со мной, что захотятъ... и я не могу ихъ оттолкнуть... Вскорѣ къ этому отвратительному сознанію присоединяется жуткое любопытство: «Каково это, когда тебѣ рѣжутъ твое живое тѣло, при полномъ твоемъ сознаніи почти что на твоихъ глазахъ?..»

Наконецъ, дверь растворяется, и входитъ профессоръ со своими ассистентами. По его приказанію меня кладутъ нѣсколько иначе, изъ-подъ одного мѣста вынимаютъ подушки, подъ другое подкладываютъ, подъ ноги профессору подставляютъ низенькій табуретикъ, кто-то набрасываетъ мнѣ на голову кусокъ марли и я чувствую какъ чьи-то цѣпкіе и проворные пальцы начинаютъ оттягивать, щупать, тискать и щипать кожу на груди и плечѣ.

— Мнѣ трудно дышать, снимите эту тряпку съ лица!—я почти кричу.

— Снимите же съ его лица салфетку, дайте ему свободно дышать!—говоритъ и профессоръ

Невидимая рука освобождаетъ лицо—покрываютъ лишь бороду и усы. Становится сразу легче. Я могу видѣть окружающихъ: тягостно лежать безпомощнымъ, но ничего не видѣть еще хуже.

Въ головахъ стоитъ приготовлявшій меня ассистентъ; теперь онъ держитъ мой пульсъ.

— Такъ подъ кокаиномъ, что ли?—обращается ко мнѣ весело профессоръ.

— Да, пожалуйста. Но скажите мнѣ, будетъ ли это очень болѣзненная исторія?

— А это вы сейчасъ сами увидите,—говоритъ К—ъ съ добродушной ироніей и затѣмъ добавляетъ:—нѣтъ, со *Schleich'омъ* не должно быть очень больно.

Потомъ онъ оборачивается къ старшей сестрѣ:

— Ну, такъ скажите, господамъ докторамъ, что мы готовы, пусть идутъ!

Въ мгновеніе ока, беззвучно подкатываются столы съ инструментами и, точно по волшебству, вокругъ меня выростаетъ такая же группа бѣлыхъ фигуръ, какъ вокругъ того, другого...

— Сдѣлаемъ рисунокъ!—провозглашаетъ профессоръ.—Дайте небольшой ножъ! И профессоръ начинаетъ съ разстановкой и обдумывая все вслухъ, дѣлать «рисунокъ». По груди скользитъ что-то острое холодное. Кругомъ ни звука, кромѣ сосредоточеннаго бормотанія профессора:—вотъ это отрѣжется такъ... гм... да! Потомъ такъ (холодное острое скользнуло). Затѣмъ это придется сюда (опять скользнула тончайшая холодная змѣйка, оставляя огненный слѣдъ): здѣсь освѣжимъ, тутъ придется швовъ... и т. д.

Пока не больно по настоящему, только непріятное нервное ощущеніе. Наконецъ рисунокъ законченъ.

— Кокаину! Одну на тысячу!

Сестра быстро составляетъ разстворъ.

— Вы не ошиблись? Точно ли одна на тысячу?

— Да.

— Правацъ!

У профессора моментально появляется въ рукѣ шприцъ съ длинной, острой, блестящей иглой, и я чувствую довольно непріятный уколъ.

— Чувствуете что-нибудь! Больно?

— О, да!

Уколъ слѣдуетъ за уколомъ, кожа вздувается и становится нечувствительной.

Все это время профессоръ говоритъ безъ устали, сообщая слушателямъ исторію моей болѣзни или попросту болтаетъ и балагуритъ съ тѣмъ или другимъ изъ присутствующихъ.

Впрыскиванія окончены, профессоръ куда то пропадаетъ... Въ ушахъ начинаетъ немного шумѣть, дѣлается сердцебіеніе, дыханіе учащается и я отдаюсь чувству какого-то разслабленія, мною овладѣваетъ лѣнивая истома... Время идетъ... Возвращается профессоръ.

— Сколько? Восемь минутъ? Достаточно! Ножъ!

Опять что-то холодное начинаетъ скользить по груди. Лезвіе точно рѣжетъ постороннее тѣло, въ ушахъ отдается странный, слабый звукъ; но скоро острая боль заставляетъ вздрогнуть— будто полоснуло раскаленнымъ металломъ; зубы сжимаются, дыханіе еще болѣе учащается. «Начинается!» промелькнуло въ головѣ.

По груди и шеѣ заструились теплыя струйки.

— Tupfen!.. Aber zum tupfen! *) отрывисто и властно командуетъ профессоръ.

Къ разрѣзу крѣпко прижимаются тампоны, уголкомъ глаза я вижу какъ ассистентъ что-то разнимаетъ крючками... Операція налаживается, работа кипитъ, мнѣ кажется, будто профессоръ пришелъ въ какой-то дикій азартъ..

— Schieber, Schwester! Schieber... Schieber!.. **). Непостижимо быстро, одинъ за другимъ, со щелкомъ замыкаются какіе-то щипчики, два ассистента еле успѣваютъ подавать все, чего требуетъ профессоръ.

— Tupfen! Aber bitte zum tupfen!..—онъ взываетъ жалобнымъ голосомъ, ожесточенно надавливая тампонами на разрѣзъ.—Schieber!.. Aber warum geben sie mir nicht zum tupfen!.. Einen stumpfen Haken!—mit dem scharfen werden sie mir die ganze Wunde auseinander reissen! ***).

---

*) Тампонировать!.. Давайте же тампонировать!..

**) Сосудозажиматель, сестра! Сосудозажиматель...

***) Почему же не даете мнѣ тампоновъ!.. Тупой крючокъ!—острымъ вы мнѣ раздерете всю рану!..

Иногда, на мгновеніе, вижу, какъ ему черезъ плечо летятъ маленькіе темные фонтаны.

У меня ощущеніе незримой силы, страшно давящей грудь, проникающей въ самыя нѣдра, и, несмотря на кокаинъ, боль быстро возрастаетъ. Я дышу, какъ паровикъ, и все крѣпче сжимаю челюсти, изрѣдка мычу. Наконецъ, я сдаюсь, и мои стоны вырываются съ каждымъ дыханіемъ. Точно въ унисонъ съ болью, тембръ моихъ стоновъ то повышается, то понижается. Это дѣлается полубезсознательно... Мнѣ представляется, что это лучшій способъ для сообщенія профессору о степени испытываемой боли. Когда меня спрашиваетъ профессоръ: «Was fühlen sie? Was mache ich jetzt?. Ist der Schmerz auszuhalten?» *) я отвѣчаю сквозь стиснутые зубы; почему то ужасно боюсь, что иначе схватитъ неожиданная спазма боли и я откушу себѣ языкъ... А тамъ, невидимо для меня, на груди и у шеи накопляется груда холодящихъ стальныхъ инструментовъ, которая все растетъ и растетъ, по мѣрѣ того какъ подвигается со своей работой профессоръ... «Точно коклюшки на подушкѣ кружевницы»... Собственно говоря, самыя скверныя первыя минуты боли; потомъ я къ ней притерпѣлся— точно я ее терпѣлъ годами: успокаиваетъ меня и то, что профессоръ увѣрилъ меня, хуже де не будетъ... Все же достаточно гадко. Наконецъ я не выдерживаю.

— Скоро ли кончится?

— Двадцать три процента операціи готовы!

Какъ всего только 23%! Хватитъ ли силъ выдержать остальныя 77%? Впрочемъ, должно хватить! Затѣмъ я соображаю, что это сказано полу-шутя, и опять дѣлаю надъ собой усилія и напряженно, насколько позволяютъ узы, выгибаюсь дугой всѣмъ корпусомъ... Когда я очень уже жалуюсь, профессоръ громкимъ голосомъ велитъ дѣлать новыя впрыскиванія... «Не военная ли это хитрость?..» Начинаютъ отдѣлять отъ груди лоскутъ... Мучительно, ужасно подавляюще мучительно! А сладкія слова профессора?!. Но, къ счастью, процедура краткая: что-то сдаетъ, словно обрываясь, со слабымъ звукомъ, напоминающимъ распарываніе шва, нѣсколько мгновеній тяжелой, тошной боли...

— Не дайте остыть лоскуту!—говоритъ профессоръ.

— Что вы дѣлаете теперь?

— Повертываемъ лоскутъ на новое мѣсто.

Новая пытка!

Профессоръ начинаетъ вертѣть рукой; да вѣдь это мнѣ вытягиваютъ жилы! Я буквально начинаю выть чужимъ себѣ голо-

*) Что чувствуете? Что я теперь дѣлаю?.. Выносима ли боль?

сомъ; что же оказывается?—мелкіе перерѣзанные сосуды просто «откручиваются»—операторъ вертитъ зажиматель, пока не оборвется... Мило...

— Zum spülen! *).

Меня обдаетъ благодатная теплая струя, мои напряженные мышцы ослабляются и я отдаюсь съ наслажденіемъ, почти сладострастнымъ, чувству пріятнаго изнеможенія.

Начинается шитье.

Сестра проворно вдѣваетъ нить въ кривую иглу, замыкаетъ въ иглодержатель и подаетъ профессору.

— Что вы подаете мнѣ такія иглы—это не иглы, а цѣлые заступы: паціентъ не усыпленъ, а мнѣ суютъ такія иглища!—брюзжитъ профессоръ.

Работаютъ споро: оператору подаютъ одну за другой иглы, я чувствую проколы, продергиваніе шелковинки и стягиваніе краевъ раны съ упругимъ, точно гуттаперчевымъ звукомъ...

— Давайте же мнѣ нитку подлиннѣе!—ворчитъ профессоръ.— Не будьте скупой! Не будьте скупой! Послѣ можете быть скупой, а теперь не скупитесь!..

Чуть сестра замѣшкается или такъ покажется профессору, и онъ уже иронизируетъ на ея счетъ, проситъ ее разбудить или поясняетъ окружающимъ, что у него въ клиникѣ состоятъ не сестры милосердія, а принцессы, для которыхъ ему приходится самому прислуживать. Діаконисса улыбается немного сконфуженно, но видно, что она привыкла къ подобнымъ выходкамъ «старика».

Шовъ накладывается за швомъ и эта работа тянется безконечное время, не менѣе получаса, и хотя порой мнѣ очень больно, но я больше не жалуюсь: сознаніе, что главное свалено съ плечъ—огромное облегченіе...

Я прошу испить. Мнѣ даютъ черезъ трубочку портвейну. Дѣйствіе кокаина и вина и пережитое возбужденіе даютъ себя чувствовать: наступаетъ реакція, языкъ развязывается, овладѣваетъ неудержимая болтливость, и я забрасываю профессора всевозможными вопросами. Мы бесѣдуемъ на самыя разнообразныя темы: говорю я о своихъ операціяхъ, спрашиваю мнѣнія К—а о «Запискахъ врача» Вересаева и т п., и милый старикъ отвѣчаетъ на все съ неизмѣннымъ благодушнымъ терпѣніемъ.

Но вотъ послѣдній стежокъ!

— Готово!

— Такъ все готово?

— Да.

---

*) Промыть!

— Довольны ли вы операціей, Herr Professor?

— Даже очень!

— Закроется ли теперь все? Навѣрное?

— Да, уже закрыто! Посмотрите сами... Дайте-ка ему посмотрѣть въ зеркало.

Мнѣ показываютъ въ ручное зеркало мою грудь: нѣтъ больше раны! Вмѣсто нея три новыхъ чистенькихъ шва, прикрѣпляющихъ вшитый на свѣжее мѣсто большой языкъ моего же тѣла— больше ничего. «Да вѣдь это прелесть!» Я положительно упоенъ.

— Такъ вы ручаетесь, что все крѣпко прирастетъ?—спрашиваю я, не вѣря своему счастью.

— Да, ручаюсь.

Профессоръ даетъ приказанія насчетъ перевязки, улыбается мнѣ на прощаніе еще разъ своей свѣтлой улыбкой и улетучивается. Всѣ присутствовавшіе уже успѣли испариться, и я опять остаюсь наединѣ съ сестрой и ассистентомъ.

Черезъ четверть часа я уже лежу въ своей просторной свѣтлой палатѣ, въ чистомъ бѣльѣ, въ чистой, согрѣтой постели. Боль у меня не сильная, на душѣ удивительно легко! Конецъ, конецъ всему тому, что мнѣ пришлось испытать за послѣдніе кошмарные годы! Да—и эта зловѣщая, невѣдомая операція, которая была въ сущности такъ проста—дѣло прошлаго! И вѣдь вовсе не такъ это было ужасно. Худшее—приготовленія и ожиданіе...

И воспоминаніе всего пережитаго отходитъ у меня куда-то далеко... далеко...

С. Линденъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Историческій очеркъ).

(*Окончаніе* *).

Глава VI.

Уставъ „Союза Благоденствія" или „Зеленая книга".—Цѣль общества и его мирный характеръ.—Откровенность пропаганды.—„Отрасли" Союза. — Организація общества.—Условія вступленія въ союзъ.—Число членовъ, ихъ дѣятельность въ 1818—1820 гг.—Роль Тургенева и другихъ.—Недовольство правительствомъ.—Имѣла ли дѣятельность „Союза Благоденствія" прямую политическую цѣль?—Подготовительный характеръ этой дѣятельности.—Факты, приводимые въ „Донесеніи".—Правительственная реакція и предупрежденія, полученныя нѣкоторыми членами.—Закрытіе общества послѣ съѣзда въ Москвѣ въ 1821 году

Возвращаясь къ «Союзу Благоденствія», иначе именовавшемуся «Обществомъ Зеленой книги» по цвѣту переплета, въ который былъ заключенъ уставъ, выработанный Михаиломъ Муравьевымъ, изложимъ вкратцѣ содержаніе этого устава. Прототипомъ ему послужилъ уставъ Tugendbund'а, напечатанный въ «Freiwillige Blätter» и доставленный Муравьеву, по разсказу его брата Сергѣя Николаевича, кн. П. П. Лопухинымъ, а по словамъ «Донесенія», привезенный изъ-за границы кн. И. А. Долгорукимъ. Уставъ этотъ напечатанъ полностью во-2-мъ изданіи книги А. И. Пыпина, который сопоставляетъ въ примѣчаніяхъ отдѣльныя статьи его съ соотвѣтствующими статьями устава Tugendbund'а.

«Убѣдясь,—гласитъ § 1 устава,—что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, союзъ благоденствія въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена.

*) См. „Міръ Божій", № 7, іюль, 1903 г.

«§ 2. Имѣя цѣлью *благо отечества, союзъ не скрываетъ оной отъ благомыслящихъ сограждань*, но для избѣжанія злобы и зависти дѣйствія онаго должны производиться втайнѣ.

«§ 3. Союзъ, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдать въ полной строгости правила справедливости и добродѣтели, *отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ*, ибо не тщеславіе или иное какое побужденіе, но стремленіе къ общему благоденствію имъ руководитъ.

«§ 4. *Союзъ надѣется на доброжелательство правительства*, основываясь особенно на слѣдующихъ изреченіяхъ наказа въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Екатерины Вторыя: «Если умы ихъ недовольно пріуготовлены къ нимъ (къ законамъ), то возьмите на себя трудъ ихъ пріуготовить и вы тѣмъ уже много сдѣлаете». И въ другомъ мѣстѣ: «Весьма дурная политика та, которая исправляетъ законами то, что должно исправить нравами» *).

Эти четыре §§ показываютъ, что составители устава заранѣе имѣли въ виду, что существованіе «союза», по всѣмъ вѣроятіямъ, не укроется отъ вниманія правительства; сами же они и не намѣревались, повидимому, дѣлать изъ этого особаго секрета. Біографъ М. Н. Муравьева со словъ его брата разсказываетъ, что Муравьевъ предложилъ даже, подобно тому, какъ это хотѣлъ сдѣлать Орловъ въ отношеніи своего общества, испросить на основаніе «Союза» разрѣшеніе государя **). Члены «Союза» не приняли этого предложенія, и г. Кропотовъ совершенно напрасно упрекаетъ ихъ по этому поводу въ излишнемъ честолюбіи, тщеславіи и проч.: неудавшаяся попытка Воронцова и Меньшикова въ 1820 году образовать открытое общество изъ помѣщиковъ для подготовленія освобожденія крестьянъ показываетъ лучше всего, что «союзъ благоденствія» при всей скромности своихъ цѣлей едва ли получилъ бы разрѣшеніе правительства. А что тайна его существованія, дѣйствительно, не охранялась строго,—это доказывается фактомъ широкой и свободной пропаганды среди лицъ, принадлежавшихъ къ высшему петербургскому обществу, изъ которыхъ нѣкоторые близко стояли ко двору. Н. И. Тургеневъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ откровенно и, какъ онъ выражается, «наивно» велъ свою пропаганду кн. С. П. Трубецкой. «Въ концѣ 1819 г.,—разсказываетъ Тургеневъ,—ко мнѣ пришелъ однажды кн. Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя много въ предварительныя объясненія, онъ мнѣ сказалъ, что по всему тому, что онъ знаетъ о моихъ взглядахъ, онъ полагалъ себя обязаннымъ предложить мнѣ вступить въ

---

*) „Законоположеніе союза благеденствія“. Приложеніе къ „Обществ. движен.“ А. Н. Пыпина, стр. 505—506.

**) Кропотовъ, н. с. 216. Срав. у Богдановича, т. VI, стр. 419—420 и въ „Донесеніи“ слѣдств. коммиссіи.

одно общество, уставъ котораго онъ тутъ же мнѣ передалъ. Это былъ уставъ того самаго «Союза Благоденствія», о которомъ говорится въ «Донесеніи», слѣдственной коммиссіи о событіяхъ 1825 года. Онъ прибавилъ, что сдѣлалъ только что такое же предложеніе одному поэту, съ которымъ я находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ, но что тотъ отказался. Кн. Трубецкой, надо замѣтить,—прибавляетъ Тургеневъ,— и этого поэта зналъ не болѣе, нежели онъ зналъ меня» *). Поэтъ этотъ, очевидно, былъ Жуковскій, который въ это время уже близко стоялъ ко двору, давая уроки русскаго языка великой княгинѣ (впослѣдствіи императрицѣ) Александрѣ Θеодоровнѣ.

По уставу члены союза дѣлились по роду своихъ занятій на четыре *отрасли:* каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, причемъ не возбранялось участвовать въ занятіяхъ и всѣхъ остальныхъ. Въ первой отрасли предметомъ дѣятельности было *человѣколюбіе*, т.-е. благотворительность.

Замѣчательно, что въ противность нѣмецкому прототипу членамъ союза не предписывалось отпускать своихъ крестьянъ на волю (что требовалось обязательно отъ членовъ Тугендбунда), а установлялись лишь слѣдующія два правила (§ 11 книги IV): «члены сей отрасли обращаютъ вниманіе помѣщиковъ на отклоненіе крестьянъ бродить по міру: и тѣхъ, у коихъ болѣе таковыхъ, подвергаютъ сужденію соотечественниковъ, дабы тѣмъ заставить ихъ взять мѣры къ прекращенію празднoшатанія», и § 12: «Вообще стараются склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя, *что подданные такіе же люди и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которые дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться».*

Изъ этого можно видѣть, какъ отразились на уставѣ союза Благоденствія консервативныя тенденціи его составителя.

Во второй отрасли предметомъ занятій должно было служить *умственное и нравственное образованіе,* распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, а также и черезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, соотвѣтствующія этимъ задачамъ и цѣли общества. Членамъ этой отрасли поручался надзоръ за всѣми школами; *они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію.*

Послѣднее обстоятельство показываетъ, что предпріятіе членовъ союза благоденствія основывалось во всякомъ случаѣ не на однихъ общихъ либеральныхъ стремленіяхъ и любви къ человѣчеству вообще,

*) „La Russie et les russes“, I, 77.

но и на чисто патріотическихъ чувствахъ, которыя особенно ярко проявлялись у нѣкоторыхъ членовъ (Якушкина, Муравьевыхъ, Орлова).

Предметомъ попеченія членовъ третьей отрасли являлось *правосудіе.* Члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выбору дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства.

Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ *политической экономіи;* стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ... «Вѣроятно—сказано въ «Донесеніи» слѣдственной коммиссіи – что для сего въ особенности нѣкоторые (въ томъ числѣ Михаило Муравьевъ) предлагали испросить согласіе покойнаго императора на учрежденіе ихъ общества...»

Въ донесеніи Бенкендорфа, поданномъ въ 1821 году, сказано, что число членовъ «Союза» въ 1818 году было уже болѣе 200 человѣкъ *). Ту же цифру приводитъ и Н. И. Тургеневъ для 1819 года **). Онъ утверждаетъ, однако, что во время его вступленія въ «союзъ»—въ концѣ 1819 года—требованія устава вовсе не соблюдались, что молодежь, вступавшаявъ союзъ, требовала себѣ живого дѣла со всѣмъ пыломъ и нетерпѣніемъ молодости и что ставила этимъ въ большое затрудненіе вожаковъ союза ***). Если разумѣть подъ этимъ опредѣленную политическую дѣятельность, то ея, повидимому, дѣйствительно, не было, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и поведеніе членовъ «союза», напримѣръ, Сергѣя Муравьева — Апостола, во время возмущенія семеновскаго полка ****). Даже въ донесеніе генерала Бенкендорфа, который не стѣсняется утверждать, что Николай Тургеневъ «бредитъ гильотиною», что генералъ Орловъ предлагалъ дѣлать и распространять фальшивыя ассигнаціи, что генералъ Фовизинъ и полковникъ Граббе «готовы на все» и что члены тайнаго общества возлагаютъ большія надежды въ дѣлѣ революціи на Воронцовыхъ и тому подобныя нелѣпости, при всей своей безцеремонности, то-же не указывается ни единаго факта, могущаго подтверждать наличность какого-нибудь *политическаго заговора*

*) Шильдеръ, н. с., IV, 210.
**) La Russie et les Russes, I, 85.
***) Ibidem, 81.
****) Богдановичъ, н. е. т V.

или вообще опредѣленнаго политическаго предпріятія въ средѣ союза благоденствія, и въ концѣ концовъ сводится все лишь къ тлетворному вліянію на молодежь Николая Тургенева и нѣкоторыхъ его друзей, имъ руководимыхъ *). При тогдашнемъ общемъ положеніи вещей, при томъ уставѣ, который былъ принятъ въ «союзъ благоденствія, дѣятельность его членовъ едва ли и могла выражаться въ какихъ-либо политическихъ предпріятіяхъ, и съ этой точки зрѣнія она не могла не быть и въ дѣйствительности была достаточно прѣсной, и конечно, не могла удовлетворить пылкія требованія нетерпѣливой молодежи, что и повело естественно къ упадку дѣятельности «союза» и къ закрытію его въ 1821 году.

Очень можетъ быть, что формальности и порядокъ управленія, установленный «Зеленой книгой», не соблюдались строго, но Тургеневъ едва ли вполнѣ основательно утверждалъ, что члены «Союза» не приписывались къ секціямъ или «отраслямъ» и не исполняли никакихъ дѣлъ, предписываемыхъ уставомъ. Лучшимъ опроверженіемъ его словъ можетъ служить прежде всего его собственная дѣятельность. Хотя онъ можетъ быть формально и не приписался ни къ одной изъ секцій «Союза», но своими дѣйствіями по крестьянскому дѣлу онъ выполнялъ болѣе, чѣмъ требовало бы отъ него участіе въ 1-й отрасли «Союза» (по части человѣколюбія); своей научной и литературной дѣятельностью онъ несомнѣнно выполнялъ обязанности, связанныя съ принадлежностью ко 2-й и 4 й отраслямъ (распространеніе просвѣщенія и занятіе политической экономіей), не говоря уже объ организаціи имъ лекцій и чтеній для молодыхъ офицеровъ-членовъ общества, и въ довершеніе всего онъ принималъ живое участіе въ разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, относившихся къ упорядоченію судоустройства и судопроизводства въ Россіи. Однимъ словомъ самъ Н. И. Тургеневъ по своей государственной, общественной и литературной дѣятельности можеть быть безъ сомнѣнія признанъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Союза Благоденствія». Конечно, было бы очень трудно сказать, что именно Николай Тургеневъ сдѣлалъ въ качествѣ члена «Союза Благоденствія», за то можно сказать, что все, что онъ дѣлалъ,—онъ дѣлалъ въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлями «Союза Благоденствія».

Такою же представляется дѣятельность М. Ѳ. Орлова, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ланкастерскихъ школъ, вполнѣ отвѣчавшая требованіямъ 2-й отрасли «Союза». Такова же дѣятельность И. И. Пущина,

*) Шильдеръ, н. с. IV. 204-215. Для читателя, прочитавшаго со вниманіемъ все изложенное въ первыхъ главахъ этой работы, личность и дѣятельность Н. И. Тургенева достаточно выяснилась на основаніи данныхъ, основанныхъ на документахъ, чтобы понять, насколько нелѣпы обвиненія и клеветы, взводимыя на него Бенкендорфомъ. Неудивительно, что Александръ не обратилъ на это никого вниманія и сталъ даже показывать къ послѣднему холодность.

пожертвовавшаго своей карьерой и вступившаго вскорѣ по окончаніи лицея въ надворный судъ засѣдателемъ, исключительно въ цѣляхъ способствованія правосудію въ духѣ обязанностей, налагавшихся уставомъ на членовъ 3-й отрасли Союза. Такова же была дѣятельность Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, Якушкина, Шаховского и другихъ офицеровъ Семеновскаго полка и нѣкоторыхъ другихъ гвардейскихъ частей, о которой вспоминаетъ Н. И. Тургеневъ *), и которая безъ сомнѣнія вполнѣ соотвѣтствовала 1-й и 2-й отрасли «Союза Благоденствія» **).

Совершенно понятно, что молодежь, видѣвшая усиливавшееся вліяніе Аракчеева и подвиги Магницкихъ и Руничей въ сферѣ народнаго образованія, не могла удовлетвориться одной подготовительной, культурной работой. Она естественно казалась ей слишкомъ ничтожной по сравненію съ тѣми блистательными идеалами, которые внушены ей были отчасти ознакомленіемъ съ европейскими порядками, отчасти начинаніями и обѣщаніями самого правительства.

Н. И. Тургеневъ, смотрѣвшій глубже въ корень вещей, не могъ увлечься стремленіями пылкой, но неподготовленной молодежи, потому что онъ ставилъ на первый планъ крестьянскій вопросъ и разрѣшенія его ждалъ отъ самодержавной власти. Но и онъ не могъ особенно дорожить существованіемъ «союза благоденствія» потому, что все, что онъ дѣлалъ для достиженія своей завѣтной цѣли—освобожденія или, по крайней мѣрѣ, облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ,—онъ могъ дѣлать и дѣлалъ помимо «союза» и независимо отъ своей принадлежности къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдился, что тайныя общества не могли служить ему удобной ареной для распространенія его идей.

Поэтому и онъ, какъ и другіе члены «союза», довольно легко согласился на его распущеніе.

Но прежде чѣмъ остановиться подробнѣе на распущеніи «союза благоденствія», попытаемся выяснить, имѣлъ ли «союзъ» въ виду какую-либо политическую цѣль въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ. «Донесеніе» слѣдственной коммиссіи утверждаетъ главнымъ образомъ на основаніи показанія Семенова секретаря союза, что скрытая цѣль «союза благоденствія» была политическая, а именно учрежденіе въ Россіи представительнаго правленія. Если сопоставить это показаніе и показанія другихъ членовъ съ принятымъ ими намѣреніемъ составить таинственную вторую часть устава, о которой упоминается

---

*) „La Russie et les Russes", II, 351.

**) Вигель недоброжелательно относившійся къ Тургеневу, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ; что ему неоднократно случалось видѣть гражданскихъ и военныхъ юношей „густой толпой" наполнявшихъ кабинетъ Тургенева и съ подобострастнымъ вниманіемъ принимавшихъ его слова (ч. V, стр. 47).

въ 1-ой части и которую пытался составить, хотя и неудачно, Никита Муравьевъ, то, повидимому, необходимо признать, что политическая цѣль имѣлась въ виду членами коренного союза, причемъ едва ли можно назвать ее «скрытой», такъ какъ довольно ясные намеки на нее можно найти и въ первой части устава. Такъ, § 4 книги первой говоритъ о *подготовленіи умовъ* къ новымъ законамъ, и если принять во вниманіе, что это писалось въ 1818 г., то подъ этими законами можно разумѣть не что иное, какъ конституціонный режимъ, который императоръ Александръ въ рѣчи, торжественно сказанной въ этомъ именно году въ Варшавѣ при открытіи польскаго сейма, обѣщался распространить на всѣ части имперіи, *когда онѣ будутъ къ тому достаточно подготовлены.*

Было бы однако ошибочно думать, что первая часть устава была лишь ширмой, сочиненной для отвода глазъ правительства. Если бы это было такъ, то въ ней не было бы, конечно, никакого упоминанія о 2-ой части, которая (согласно § 24 кн. 3) должна была (по ея составленіи и принятіи) сообщиться членамъ союза. *Подготовительная* роль союза была воспринята его членами, несомнѣнно, совершенно серьезно и сознательно, на что указываетъ, между прочимъ, и включеніе въ уставъ такихъ правилъ, какъ § 3 книги I, въ которомъ указывалось, что союзъ, серьезно стремясь къ общему благоденствію, *отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ*, или какъ § 16 книги 2-ой, воспрещавшій членамъ союза вступать въ неодобренныя правительствомъ сообщества, ибо союзъ, «дѣйствуя къ благу Россіи и слѣдовательно къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣнію».

И если принять во вниманіе, что члены союза, дѣйствительно, могли въ 1818 г. съ полнымъ основаніемъ разсчитывать, что само правительство желаетъ введенія въ Россіи свободныхъ учрежденій, то легко можно понять и повѣрить, что подготовительной дѣятельности въ смыслѣ гражданскаго воспитанія общества они должны были искренно придавать весьма серьезное значеніе. Этимъ и объясняется, вѣроятно, тотъ фактъ, что въ 1818 г. они не торопились принять и ввести въ дѣйствіе вторую часть устава, которая должна была, вѣроятно, ставить передъ ними уже не подготовительную, а прямую политическую задачу. Нетерпѣливое же стремленіе къ политическимъ реформамъ стало обнаруживаться лишь по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ западно-европейскихъ событій и западноевропейскихъ вліяній, ускользала надежда на осуществленіе прежнихъ либеральныхъ намѣреній императора Александра, особенно начиная съ 1820 г. Итакъ, хотя политическая цѣль не упускалась изъ виду членами союза благоденствія, но въ то же время всѣ помыслы и толки о достиженіи этой цѣли въ

---

*) Срав. Богдановича, VI, 420.

*

1818—1820 гг. отнюдь не имѣли еще характера заговора, потому что въ то время члены союза надѣялись многого достичь при помощи самого правительства, а вовсе не наперекоръ ему. Это обстоятельство придавало многимъ политическимъ мечтаніямъ и планамъ того времени совершенно лойяльный характеръ. И вотъ почему и слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ было довольно трудно придать криминальный или даже просто неблагонамѣренный характеръ политическимъ толкамъ и планамъ членовъ союза благоденствія. Въ ихъ частныхъ собраніяхъ несомнѣнно очень часто дебатировались политическіе вопросы; среди нихъ устраивались чтенія и диспуты политическаго содержанія; но едва ли подготовленіе умовъ путемъ чтенія и толкованія сочиненій Бенжамена Констана, Бентама, Траси, Адама Смита и т. п. можно было признать противоправительственнымъ въ то время, когда самимъ императоромъ было громогласно объявлено, что онъ намѣревается распространить на всю Россію свободныя политическія учрежденія, какъ только признаетъ ее болѣе готовой къ воспріятію этихъ учрежденій. Единственный намекъ на приготовленіе къ *незаконной* политической агитаціи, путемъ изданія нелегальнаго журнала, слѣдственная коммиссія добыла не изъ показаній членовъ общества, а изъ доноса «посторонняго свидѣтеля». Тургеневъ былъ пораженъ тѣмъ, что намѣреніе издавать журналъ (вполнѣ легальный), которое, дѣйствительно, было ему присуще, обращено было въ одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ него. Онъ не зналъ, конечно, въ то время, что это обвиненіе взято было изъ донесенія Бенкендорфа, и не обратилъ вниманіе на то, что ему приписано было намѣреніе издавать журналъ *нелегальный* и даже завести для этого тайную типографію въ Россіи или заграницей *). Несправедливость этого обвиненія для насъ очевидна; оно казалось, повидимому, сомнительнымъ и самой слѣдственной коммиссіи, которая привела его съ оговоркой; но авторитетъ Бенкендорфа былъ великъ въ глазахъ императора Николая и въ этомъ и заключалась, можетъ быть, главная причина суровости приговора, постановленнаго противъ Тургенева.

Другой фактъ, приведенный въ «донесеніи» слѣдственной коммиссіи для характеристики «Союза Благоденствія», опирается на показанія Пестеля, впрочемъ настолько несогласныя съ показаніями другихъ членовъ союза, что сама слѣдственная коммиссія не рѣшалась сдѣлать его однимъ изъ пунктовъ обвиненія. Пестель въ одномъ изъ показа-

---

*) La Russie et les Russes, I, 165. Срав. записку Тургенева въ статьѣ подъ названіемъ „Никол. Ив. Тургеневъ въ своемъ оправданіи“ въ „Русской Старинѣ за 1901 г. № 8, стр. 280 и слѣд. Замѣчателно, что въ „Донесеніи“ слѣдст. веной коммиссіи донесеніе Бенкендорфа скромно названо „показаніемъ одного посторонняго свидѣтеля“, а въ примѣчаніи къ этому мѣсту сказано: „Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго императора, бывшій, какъ видно, членомъ „союза благоденствія“.

ній заявилъ, что въ 1820 году въ засѣданіи управы на квартирѣ у полковника Глинки онъ излагалъ по предложенію блюстителя совѣта кн. И. А. Долгорукаго относительныя выгоды и невыгоды республиканской и монархической формы правленія, послѣ чего вопросъ о предпочтеніи той или другой формы правленія пущенъ былъ на голоса...— Глинка доказывалъ, что въ Россіи не могло быть другого правленія кромѣ монархическаго и что, наконецъ, Тургеневъ сказалъ вовсе не то, что приписалъ ему Пестель, а слѣдующую фразу: «республиканское правительство съ президентомъ во главѣ очень хорошо; но вообще все зависитъ отъ системы народнаго представительства». Изъ всѣхъ этихъ показаній слѣдственная коммиссія сдѣлала заключеніе, что можно считать установленнымъ фактомъ, что между членами союза происходили о различныхъ формахъ правленія *разговоры* и дебаты, которые многіе изъ членовъ могли разсматривать, какъ формальныя постановленія. Тѣмъ не менѣе сама же коммиссія приводитъ тутъ же показаніе Никиты Муравьева, — а его показанія отличались какъ извѣстно, полной откровенностью, — что эти дебаты не имѣли никакого вліянія на огромное большинство членовъ Союза за исключеніемъ одной лишь Тульчинской управы.

Во всякомъ случаѣ изъ вышеизложеннаго видно, что всѣ разговоры о формахъ правленія въ 1820 г. между членами «Союза Благоденствія» были простыми *разговорами* и отнюдь не имѣли значенія постановленій или рѣшеній «Союза», сколько-нибудь обязательныхъ для его членовъ. Наличность ихъ и особенно рѣзкость высказывавшихся сужденій показываетъ только, что къ этому времени среди нѣкоторыхъ членовъ Союза значительно усилилось стремленіе къ чисто политической дѣятельности. Очевидно, что ихъ уже не могла удовлетворять мирная подготовительная дѣятельность «Союза Благоденствія».

Между тѣмъ принадлежность и къ этому мирному «Союзу» становилась небезопасной. Послѣ «Исторіи» въ Семеновскомъ полку, разразившейся въ маѣ 1820 года, и въ особенности послѣ конгресса въ Лайбахѣ, императоръ Александръ сталъ очень неблагосклонно смотрѣть на всякаго рода тайныя общества, пропагандѣ, которыхъ онъ приписывалъ бунтъ Семеновскаго полка *) и силу которыхъ вообще склоненъ былъ преувеличивать **). Такое настроеніе Александра поддерживалось докладами Паулучи, Новосильцова, Васильчикова, доносами въ родѣ Бенкендорфскаго и тревожными извѣстіями изъ Западной Европы, а также наставленіями кн. Меттерниха ***).

Члены «Союза» съ разныхъ сторонъ стали получать предостере-

*) Шильдеръ, IV, стр. 185.

**) „La Russie et les Russes“, I, стр. 88.

***) Шильдеръ, IV, passim; Богдановичъ, V и VI.

женія *) и многіе изъ нихъ стали опасаться если не за свою личную неприкосновенность, то за свою карьеру. Другимъ дальнѣйшее пребываніе въ «Союзѣ» сдѣлалось неудобнымъ по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, напр. М. Ѳ. Орлову, задумавшему около этого времени жениться на дочери генерала Раевскаго, родные невѣсты поставили непремѣннымъ условіемъ ихъ согласія выходъ изъ общества **). Нѣкоторымъ пребываніе въ «Союзѣ» просто наскучило. Въ результатѣ, когда члены «Союза» съѣхались въ Москвѣ въ январѣ 1821 г. для совѣщаній о преобразованіи «Союза», вопросъ о преобразованіи очень быстро превратился въ вопросъ о распущеніи общества. Въ первомъ же засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Орлова, онъ заявилъ о своемъ выходѣ изъ общества. Его примѣру послѣдовали: Глинка, князь Илья Долгорукій и другіе. За этимъ послѣдовалъ рядъ совѣщаній, происходившихъ большею частью на квартирѣ у М. А. Фонвизина, причемъ предсѣдательствовалъ обыкновенно Н. И. Тургеневъ ***).

На этихъ совѣщаніяхъ предлагались и обсуждались различные планы преобразованія общества, но съѣхавшіеся не могли столковаться и остановились на мысли о необходимости, въ виду отсутствія единенія и единомыслія между членами, закрыть союзъ. Это рѣшеніе было объявлено въ послѣднемъ засѣданіи Н. И. Тургеневымъ и ему же было поручено редактировать письменное постановленіе съѣзда о распущеніи союза и разослать его во всѣ управы, что имъ и было исполнено. Засѣданія этого съѣзда продолжались около трехъ недѣль, и по всѣмъ вѣроятіямъ, нѣкоторыя изъ предложеній о преобразованіи союза, обсуждавшіяся въ теченіе этого срока, и послужили ошибочнымъ основаніемъ къ послѣдующимъ утвержденіямъ и толкамъ о томъ, что будто бы Н. И. Тургеневъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами, тотчасъ по объявленіи союза прекратившимся, обсуждали вопросъ о его возобновленіи въ иномъ видѣ. Тургеневъ же не переставалъ утверждать и до осужденія и по осужденіи своемъ, что съ момента закрытія «Союза

---

*) Черезъ Глинку, адъютанта Милорадовича, петербургскаго генералъ-губернатора („Зап.“, Волконскаго, 411), чрезъ Орлова (отъ его брата ген.-адъют. А. Ѳ. Орлова, см. „La Russie et les Russes“, I, 84), чрезъ Ермолова, при проѣздѣ его на Кавказъ (ibidem, I, 88) и др.

**) „Записки“ Волконскаго, 410. Выше мы уже говорили о недостовѣрности свѣдѣній, сообщенныхъ Якушкинымъ въ его запискахъ и Бенкендорфомъ въ его доносѣ о поведеніи Орлова въ этомъ случаѣ. Ср. „Русс. Старину“ 1873 г., III, 374, письмо гр. Граббе.

***) Онъ и Глинка были уполномоченными Коренной управы, братья Фонвизины, И. Д. Якушкинъ, Граббе, Калошины и М. Н. Муравьевъ—отъ Московской, Бурцовъ и Комаровъ — отъ Тульчинской, М. Ѳ. Орловъ и Охотниковъ (адъютантъ Орлова) пріѣхали изъ Кіева. Кн. С. Г. Волконскій также пріѣхалъ въ Москву депутатомъ Тульчинской управы, но онъ не участвовалъ въ рѣшеніяхъ, не будучи членомъ коренного союза („Записки“, 411).

Благоденствія» онъ не принадлежалъ ни къ какимъ тайнымъ политическимъ обществамъ и не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ ихъ возстановленію. Въ Москвѣ онъ принялъ лишь участіе въ обсужденіи проекта И. Д. Якушкина объ учрежденіи общества помѣщиковъ для постепеннаго освобожденія крестьянъ на волю, подобнаго тому, какое гр. Воронцовъ и кн. Меньшиковъ хотѣли устроить въ 1820 г. при участіи между прочимъ и Н. И. Тургенева *). Затѣмъ, побывавъ въ своемъ симбирскомъ имѣніи и возвратившись въ Петербургъ, Н. И. Тургеневъ, по желанію нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ «Союза Благоденствія», собралъ ихъ у себя и далъ имъ полный отчетъ обо всемъ происходившемъ на съѣздѣ въ Москвѣ **). При этомъ онъ излагалъ имъ, по всѣмъ вѣроятіямъ тѣ проекты преобразованія союза, которые были обсуждаемы, но не были приняты московскимъ съѣздомъ, и, надо думать, что это и дало поводъ впослѣдствіи показать одному изъ бывшихъ при этомъ лицъ (Семенову), что будто бы Н. И. Тургеневъ читалъ свой проектъ возстановленія тайнаго общества ***). Во всякомъ случаѣ самъ Семеновъ присовокупилъ, что этотъ проектъ не былъ осуществленъ тогда же, вслѣдствіе выступленія гвардіи въ походъ. Никита Муравьевъ свидѣтельствовалъ, что въ Петербургѣ члены «Союза Благоденствія» въ 1821 году были совершенно разсѣяны и что тайное общество возникло тамъ вновь лишь въ 1822 году.

Глава VII.

Возникновеніе „Южнаго“ и „Сѣвернаго“ обществъ. -- Участіе, приписываемое Тургеневу.—Неосновательность нѣкоторыхъ показаній противъ него.—Обвиненіе, высказанное С. Г. Волконскимъ.—Его несправедливость.—Кривилъ ли Тургеневъ душой въ своихъ позднѣйшихъ показаніяхъ? -Факты, относящіеся къ Тургеневу, и обвиненія, выставленныя противъ него слѣдственной коммиссіей.—Его осужденіе.—Текстъ приговора.

Въ Тульчинѣ Пестель и его друзья протестовали противъ рѣшенія московскаго съѣзда о распущеніи общества. Какъ только Волконскій привезъ имъ это извѣстіе, они собрались у Юшневскаго въ числѣ десяти членовъ и постановили не признавать общества закрытымъ, а дѣйствовать дальше по программѣ, предложенной Пестелемъ и Юшневскимъ. При этомъ была возстановлена та организація общества, которая введена была Пестелемъ еще въ 1817 году въ уставъ «Союза Спасенія». Директоры «Южнаго общества» Пестель и Юшневскій попытались тотчасъ объединить и членовъ бывшаго союза благоденствія, жившихъ въ Петербургѣ и вообще на сѣверѣ, для

---

*) Проектъ Якушкина, на основаніи его „Записокъ“, подробно изложенъ В. И. Семевскимъ въ I т. „Крестьянскаго вопроса въ Россіи“, стр. 461, 462.

**) „La Russie et les Russes“, I, 196—199.

***) Ibidem, 196. Сравн. „Русская Старина“ за 1901 годъ, № 10, стр. 208. „Н. И. Тургеневъ въ своемъ оправданіи“.

чего они назначили третьимъ директоромъ Никиту Муравьева *). Но эта попытка не удалась, такъ какъ Никита Муравьевъ, какъ и другіе петербургскіе члены «Союза Благоденствія», не раздѣляли намѣреній Пестеля и Юшневскаго и не согласились принять ихъ радикальную программу **). Тайное общество было возстановлено въ Петербургѣ лишь въ концѣ 1822 года, по возвращеніи гвардіи изъ западныхъ губерній, подъ именемъ «Сѣвернаго общества». «Донесеніе» слѣдственной коммиссіи приписываетъ его образованіе — на основаніи показаній главнымъ образомъ Никиты Муравьева — князю Е. П. Оболенскому, Никитѣ Мих. Муравьеву и Н. И. Тургеневу, которые и были избраны членами думы. Никита Муравьевъ прибавилъ лишь къ своему показанію, что Тургеневъ воздерживался отъ пріема новыхъ членовъ. Г. Богдановичъ, которому доступны были кромѣ самаго «Донесенія» также и подлинныя показанія декабристовъ и другіе матеріалы, излагая это обстоятельство, указываетъ лишь, что «при отъѣздѣ за границу въ апрѣлѣ 1824 года Тургеневъ разорвалъ всякія сношенія съ обществомъ и считалъ себя уже вышедшимъ изъ него. Охлажденію его къ обществу - прибавляетъ почтенный историкъ—много способствовали переданныя ему отъ имени государя увѣщанія—не какъ приказанія, а какъ совѣтъ одного христіанина другому—оставить свои заблужденія» ***). На самомъ дѣлѣ все это было не такъ. Мы видѣли, *что онъ давно уже прекратилъ связь съ южнымъ обществомъ*. Самъ Тургневъ подробно разбираетъ показанія Никиты Муравьева и выводы «Донесенія» относительно своего участія въ «Сѣверномъ обществѣ» и категорически отрицаетъ, какъ участіе въ возстановленіи общества, такъ и свою принадлежность къ нему ****).

---

*) Богдановичъ, VI, 428; срав. „Записки“ Волконскаго, 412.

**) Какъ далеки были члены „Сѣвернаго общества“ отъ республиканской программы Пестеля показываютъ, между прочимъ, слѣдующіе довольно характерные факты: Рылѣевъ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей „Сѣвернаго общества“, ставшій въ 1824 г. во главѣ его, написалъ 30 августа 1823 г. „Оду на тезоименитство вел. кн. Александра Николаевича“, которую при всѣхъ благихъ и либеральныхъ пожеланіяхъ, въ ней высказанныхъ, никогда не могъ бы написать республиканецъ. Въ 1825 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до 14 декабря тотъ же К. Ѳ. Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ, издавая 3-ю книжку „Полярной Звѣзды“, посвятили это изданіе государынямъ - императрицамъ, за что Бестужевъ получилъ золотую табакерку, а Рылѣевъ два брилліантовыхъ перстня. Такое посвященіе отнюдь не знаменовало какого-нибудь сервилизма со стороны Бестужева и Рылѣева—людей высоко благородныхъ—оно было въ нравахъ того времени. Но во всякомъ случаѣ они не могли бы этого сдѣлать, если бы они стремились къ водворенію республики въ Россіи. См. біографическій очеркъ Мазаева приложенный къ сочиненіямъ К. Ѳ. Рылѣева, изд. 1895 г. стр. XII и 97.

***) Богдановичъ, VI, 429, 430.

****) „La Russie et les Russes“, I, 200 — 205. Сравн. „Русская Старина“ за 1901 годъ, № 10, стр. 208 — 215. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“.

Что касается показаній Никиты Муравьева, то Тургеневъ, прежде всего обращаетъ вниманіе на противорѣчіе ихъ съ другими данными, приведенными въ томъ же «Донесеніи», гдѣ, между прочимъ, сказано, что въ первое время по возникновеніи «сѣвернаго общества» во главѣ его былъ поставленъ одинъ Никита Муравьевъ, которому лишь въ концѣ 1823 г. приданы были въ товарищи два другіе директора: кн. С. П. Трубецкой и кн. Е. П. Оболенскій, а по отъѣздѣ въ концѣ 1824 г. князя Трубецкого къ новому мѣсту службы въ Кіевъ вмѣсто него былъ избранъ К. Ѳ. Рылѣевъ. Въ томъ же «Донесеніи» сказано, что по свидѣтельству Матвѣя-Муравьева Апостола, Тургеневу предлагали званіе директора «сѣвернаго общества» въ 1823 г., но онъ отказался, ссылаясь на дурной успѣхъ его предсѣдательствованія на съѣздѣ въ Москвѣ. Очевидно, что Тургеневъ не могъ бы такъ мотивировать свой отказъ, еслибы онъ уже былъ членомъ думы въ 1822 году. Что же касается показанія Никиты Муравьева, то Тургеневъ приводитъ свидѣтельство матери и жены Никиты Муравьева о томъ, что въ «Донесеніи» слѣдственной коммиссіи его показанія о Тургеневѣ приведены совершенно невѣрно *).

Образцомъ того, какъ неправильны были нѣкоторыя изъ показаній, свидѣтельствовавшихъ противъ Тургенева, можетъ служить показаніе о томъ, что Тургеневъ участвовалъ въ 1825 году въ одномъ совѣщаніи. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ Тургеневъ болѣе, чѣмъ за годъ передъ тѣмъ, уѣхалъ за границу (въ апрѣлѣ 1824 года), и въ тотъ моментъ, когда происходило въ Петербургѣ указанное совѣщаніе, онъ находился въ Неаполѣ.

Вообще, не трудно вообразить, насколько неточны могли быть показанія многихъ членовъ общества о Тургеневѣ, если принять во вниманіе, что факты, о которыхъ приходилось давать показанія, были по большей части вовсе не исключительные, а довольно часто повторявшіеся въ томъ кругу, гдѣ эти лица вращались, и происходили за нѣсколько лѣтъ до допроса; притомъ многіе могли думать, что ихъ показанія не могутъ нанести Тургеневу особаго вреда, такъ какъ они знали, что онъ находится за границей, и слѣдовательно, внѣ опасности.

---

*) Тургеневъ приводитъ слѣдующую выписку изъ письма одного лица къ его брату: „Давно уже m-me Муравьева (мать Никиты) поручила мнѣ сдѣлать вамъ это сообщеніе. Она просила меня со слезами на глазахъ передать вамъ, что ея сынъ тотчасъ послѣ процесса клялся ей, что онъ вовсе не давалъ противъ вашего брата тѣхъ показаній, которыя приведены въ „Донесеніи“ слѣдственной коммиссіи. Эта ложь угнетала бѣдную женщину и она много разъ просила меня довести до вашего свѣдѣнія истину“.

„Жена Муравьева—прибавляетъ Тургеневъ,—которая пожелала раздѣлить ссылку своего мужа, и которая не вынесла этихъ лишеній, засвидѣтельствовала, что онъ и ей часто повторялъ то же самое“. „La Russie et les Russes“, I, 205.

Такъ, по крайней мѣрѣ разсуждали, по ихъ собственнымъ словамъ, нѣкоторые изъ его судей *).

Однако, независимо отъ показаній членовъ тайныхъ обществъ, данныхъ во время слѣдствія, въ настоящее время имѣются и другія свидѣтельства относительно участія Н. И. Тургенева въ тайныхъ обществахъ послѣ закрытія «союза благоденствія». Таково особенно категорическое заявленіе кн. С. Г. Волконскаго въ его «Запискахъ» **). Волконскій обвиняетъ Тургенева «въ намѣренномъ искаженіи истины.» «Отдавая ему—пишетъ С. Г. Волконскій,—полную справедливость, какъ постоянному защитнику словомъ и дѣломъ уничтоженія крѣпостного права въ Россіи, не могу и не долженъ утаить, что высказанное имъ, даже въ печати, увѣреніе, *что онъ не участвовалъ въ тайномъ обществѣ* и не былъ его членомъ, есть явная ложь. Въ ежегодныя мои поѣздки въ Петербургъ, какъ я выше сказалъ, по дѣламъ общества, я не только имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры, но было постановлено южной думой давать ему полный отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ, и онъ южной думой почитался, какъ усерднѣйшій дѣятель, и былъ однимъ изъ учредителей тайнаго общества».

На это прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Н. И. Тургеневъ вовсе не отрицалъ своей принадлежности къ «союзу благоденствія», а отрицалъ лишь участіе свое въ «сѣверномъ обществѣ» послѣ закрытія «союза». Поэтому въ 1820 г. кн. С. Г. Волконскій могъ говорить съ нимъ, какъ съ членомъ тайнаго общества. Въ послѣдующія свои поѣздки онъ могъ встрѣчаться съ Н. И. Тургеневымъ, какъ съ частнымъ лицомъ, мнѣніемъ котораго однако же вожаки общества могли дорожить, несмотря на то, что онъ въ немъ не принималъ активнаго участія. Кн. Волконскій могъ даже думать по недоразумѣнію, что Тургеневъ принадлежитъ къ обществу. Разговоръ съ Тургеневымъ вовсе не служитъ самъ по себѣ доказательствомъ принадлежности Тургенева къ обществу... Такую фразу могло сказать всякое лицо, которому извѣстны были замыслы южнаго общества. Въ какомъ-нибудь спорѣ или разговорѣ она могла быть сказана иронически, напримѣръ, для выраженія сомнѣнія въ осуществимости этихъ плановъ. И въ такомъ именно смыслѣ, всего скорѣе, могъ сказать ее такой человѣкъ, какъ Тургеневъ, который, безъ сомнѣнія, относился къ планамъ южнаго общества въ высшей степени скептически. Фраза, сказанная Тургеневымъ Пущину, во-первыхъ относится, по словамъ самого Волконскаго, къ 1820 г., когда Тургеневъ былъ членомъ тайнаго общества, хотя онъ могъ, конечно, ее сказать и не будучи имъ. Но сама по себѣ эта фраза, если только она правильно передана, могла

*) „La Russie et les russes“, т. I, стр. 276 „Русск. Стар.“ за 1901 г., № 11, стр. 328.

**) „Записки“ С. Г. Волконскаго, стр. 421.

имѣть значеніе развѣ шутки. Все это противорѣчило бы совершенно тому представленію о Тургеневѣ, которое можно составить себѣ о немъ по его дѣятельности и по многочисленнымъ свидѣтельствамъ знавшихъ его лицъ. Что касается сношеній и разговоровъ съ отдѣльными членами тайныхъ обществъ, то, разумѣется, они у Тургенева были до самаго его выѣзда за границу и не могли не быть, потому что въ тайныхъ обществахъ участвовали люди по своимъ нравственнымъ качествамъ, по своему образованію и стремленіямъ по бóльшей части весьма симпатичные Тургеневу, а съ другой стороны самъ Тургеневъ былъ личностью настолько выдающейся и просвѣщенной, что и со стороны членовъ тайныхъ обществъ и ихъ вожаковъ было вполнѣ естественно поддерживать съ нимъ сношенія. Вѣдь это были люди одного съ нимъ круга, однихъ понятій, даже во многомъ одинаковыхъ взглядовъ. Самъ Тургеневъ разсказываетъ объ одномъ свиданіи своемъ съ Пестелемъ въ началѣ 1824 г., когда Пестель былъ въ Петербургѣ, незадолго до отъѣзда Тургенева за границу. Въ это свиданіе Пестель старался обратить Тургенева къ участію въ политической агитаціи и старался убѣдить его въ правильности своихъ соціальныхъ и политическихъ мнѣній и въ исполнимости и практичности своихъ замысловъ, но не успѣлъ въ этомъ, потому что соціалистическіе идеалы Пестеля были Тургеневу совершенно чужды и казались ему дикой фантазіей, а въ политикѣ у него былъ свой планъ, первымъ актомъ котораго должно было быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права при помощи самодержавной власти императора *).

Благодаря нѣкоторымъ неправильнымъ показаніямъ относительно участія и роли Тургенева въ тайныхъ обществахъ того времени, у многихъ лицъ составилось такое представленіе, что онъ въ своихъ оправдательныхъ запискахъ и въ своихъ мемуарахъ до нѣкоторой степени кривилъ душой, искажалъ дѣйствительный и юридическій смыслъ явленій и фактовъ, желая во что бы то ни стало оправдаться и по мнѣнію нѣкоторыхъ (барона Розена **), В. И. Семевскаго ***) облегчить участь своихъ товарищей, томившихся въ то время въ ссылкѣ. Такая точка зрѣнія мнѣ кажется несправедливой. Я убѣжденъ, что Тургеневъ, что писалъ, то и думалъ, и не говоря о томъ, что одни и тѣ же факты могутъ имѣть не вполнѣ одинаковое историческое и юридическое значеніе, потому что возможность установить между различными фактами историческую связь не даетъ еще возможности установить между ними и связь юридическую и особенно связь криминальную, въ дѣлѣ Тургенева можно, мнѣ кажется, утверждать, что онъ не только былъ неправильно осужденъ съ юридической точки зрѣнія, но

*) „La Russie et les Russes", I, 128—129.

**) „Записки декабриста", стр. 6.

***) Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 67, стр. 108.

и съ простой житейской точки зрѣнія его роль и участіе въ событіяхъ того времени были не таковы, какими ихъ представляютъ большинство историковъ, судящихъ о нихъ главнымъ образомъ по «Донесенію» слѣдственной коммиссіи и показаніямъ его современниковъ и упускающихъ изъ виду его сочиненія, его записки и его дѣйствія, имѣвшія общественное значеніе. Я старался освѣтить ихъ какъ можно ярче и выставилъ ихъ нарочно на первый планъ, чтобы читатель могъ судить о роли Тургенева въ тайныхъ обществахъ и о степени основательности его осужденія, предварительно познакомившись съ нимъ самимъ, какъ можно полнѣе.

Приступая теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ обвинительныхъ пунктовъ, которые выставлены были противъ Тургенева «Донесеніемъ» слѣдственной коммиссіи, остановимся сперва на томъ, какъ установлена была вообще прикосновенность тайныхъ обществъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи въ 1817—1825 годахъ, къ возмущеніямъ войскъ, происшедшимъ 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ и 29 декабря и въ слѣдующіе затѣмъ дни въ Бѣлой церкви. Вопросъ этотъ былъ, повидимому, предрѣшенъ съ самаго же начала: даже коммиссія, которая назначена была для разслѣдованія дѣла, названа была не слѣдственной коммиссіей по дѣлу о возмущеніи 14 декабря, а «коммиссіей для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ» *). Въ составъ коммиссіи не было назначено ни одного юриста: предсѣдателемъ ея былъ военный министръ ген. Татищевъ, членами: вел. кн. Михаилъ Павловичъ, министръ почтъ кн. А. Н. Голицынъ, петербургскій генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ-адъютанты: Чернышевъ **), Бенкендорфъ ***), Левашовъ и Потаповъ; производителемъ дѣлъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ. Допросы вели главнымъ образомъ Чернышевъ, Бенкендорфъ и Левашовъ; Блудовъ въ засѣданіи коммиссіи обыкновенно не присутствовалъ ****) и составлялъ всеподданнѣйшій докладъ или донесеніе на основаніи поступившихъ къ нему записанныхъ въ засѣданіяхъ коммиссіи отдѣльныхъ показаній. Показанія записывалъ обыкновенно полковникъ Адлербергъ *****).

Кн. М. С. Волконскій сообщаетъ, что непрерывные допросы, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, очныя ставки, перекрестные допросы, повторявшіеся почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,

---

*) Срав. добавленіе къ „Запискамъ" С. Г. Волконскаго, составленное его сыномъ кн. М. С. Волконскимъ, стр. 477.

**) Впослѣдствіи князь, военный министръ и наконецъ предсѣдатель Государственнаго совѣта.

***) Впослѣдствіи графъ, первый шефъ жандармовъ и главноуправляющій III отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи.

****) „Записки" С. Г. Волконскаго, добавл., составл. М. С. Волконскимъ, 451. Срав. „Записки декабриста", барона А. Е. Розена, 87.

*****) „Записки" С. Г. Волконскаго, стр. 451.

тяготили его отца и нравственно измучили его совершенно. По отношенію къ самому себѣ показанія кн. Волконскаго были «безусловно искренни, но страхъ своими неосторожными показаніями привлечь къ дѣлу людей непричастныхъ, или же увеличить долю виновности привлеченныхъ, неотступно его преслѣдовалъ» *). Надо думать, что душевное состояніе другихъ его товарищей было такое же. Нѣкоторыхъ мучило раскаяніе, что они увлекли другихъ къ погибели **), были и совершенно упавшіе духомъ и старавшіеся во что бы то ни стало спастись и выгородить себя (таковы въ особенности нѣкоторые изъ членовъ общества «Соединенныхъ славянъ» ***); были, наконецъ, и такіе, которые доведены были до полнаго нравственнаго разстройства ****).

Факты или утвержденія «Донесенія» слѣдственной комиссіи, имѣвшіе непосредственное отношеніе къ Тургеневу, сводятся къ девяти пунктамъ, изъ которыхъ каждый былъ подробно разобранъ въ оправдательной запискѣ Тургенева, составленной имъ при содѣйствіи французскаго юриста Шедестанжа *****).

1) Въ «Донесеніи» констатировано участіе Тургенева въ планахъ М. Ѳ. Орлова образовать въ 1817 г. общество «Русскихъ Рыцарей». Фактъ самъ по себѣ совершенно невинный, причемъ проектъ Орлова даже и не осуществился, Мамонова же, который выставленъ былъ третьимъ соучастникомъ этого предпріятія, Тургеневъ вовсе не зналъ, и самъ Мамоновъ къ дѣлу не привлекался.

---

*) Дополненіе къ „Запискамъ“ С. Г. Волконскаго, 450, 451.

**) Въ сильной степени испытывалъ это Рылѣевъ. Его чувства вылились въ стихахъ, посланныхъ имъ кн. Е. П. Оболенскому:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ,
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію?
Весь міръ какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши!

(„Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева“, изд. 1895 г., стр. 110).

***) Богдановичъ, VI, 491—492.

****) Особенно Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ; см. его статью въ „Русск. Стар.“ за 1873 г., № 8, стр. 105.

*****) „Русская старина“ за 1901 г. №№ 8—12. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“; «La Russie et les Russes“, „Memoire justificatif“, p. 153—290 (брюссельск изд. 1847 г.).

2) Было констатировано участіе въ «Союзѣ Благоденствія», но не въ «Союзѣ Спасенія». Тургеневъ по этому поводу настаиваетъ на томъ, что самъ по себѣ «Союзъ Благоденствія»—въ рамкахъ первой части устава, которая одна только и была извѣстна Тургеневу—хотя и былъ тайнымъ обществомъ, но не имѣлъ никакихъ преступныхъ или наказуемыхъ по закону цѣлей.

3) Тургеневу приписывался проектъ основанія нелегальнаго журнала и заведенія для этой цѣли тайной типографіи. Это обвиненіе, никѣмъ не подтвержденное, взято было слѣдственной комиссіей изъ доноса Грибовскаго, послужившаго повидимому источникомъ и для Бенкендорфа. На самомъ дѣлѣ Тургеневъ имѣлъ въ виду издавать журналъ, программа котораго была имъ составлена и обсуждалось при участіи проф. Куницына и нѣкоторыхъ членовъ «Союза Благоденствія», но этотъ журналъ отнюдь не долженъ былъ имѣть характера нелегальнаго изданія, и, наоборотъ, долженъ былъ выходить съ разрѣшенія цензуры. Притомъ и это предпріятіе не получило осуществленія и дальше обсужденія програмы дѣло не пошло.

4) Тургеневу приписывалось, на основаніи показанія Пестеля, участіе въ одномъ совѣщаніи о различныхъ формахъ правленія, происходившемъ на квартирѣ у полковника Глинки. Показаніями Глинки, фонъ-деръ-Бриггена и Семенова было установлено, что это было не совѣщаніе, а простой разговоръ и что Тургеневъ вмѣсто приписаннаго ему выраженія сказалъ приблизительно такъ: «республиканское правительство съ президентомъ во главѣ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представительствѣ». Поэтому слѣдственная комиссія не рѣшалась выставить это показаніе Пестеля, какъ обвинительный пунктъ противъ Тургенева.

5) Констатировано было участіе Тургенева въ съѣздѣ членовъ «Союза Благоденствія», происходившемъ въ Москвѣ въ началѣ 1821 г. и постановившемъ подъ его предсѣдательствомъ закрытіе «Союза». На этомъ съѣздѣ, прежде чѣмъ постановить рѣшеніе о распущеніи «Союза», дѣлались разныя попытки преобразованія общества *). Очевидно, что по этому пункту Тургеневъ также мало подлежалъ осужденію, какъ освобожденные отъ всякой отвѣтственности его товарищи: Орловъ, Бурцовъ, Калошинъ, Михаилъ Муравьевъ и Комаровъ.

6) Противъ Тургенева выставлено было обвиненіе въ участіи и въ основаніи «Сѣвернаго общества» на основаніи показаній Никиты Муравьева и Семенова. Эти показанія разобраны нами выше, причемъ достаточно выяснена ихъ неосновательность.

7) Показанія Никиты и Матвѣя Муравьевыхъ относительно участія Тургенева въ управленіи «Сѣвернымъ Обществомъ» въ качествѣ одного изъ его директоровъ также подробно разсмотрѣны выше, причемъ ихъ

---

*) „Донесеніе“, стр. 33. Ср. „Русск. Старин“. за 1901 г., № 9, стр. 635.

неточности и противорѣчивость выясняются простымъ сопоставленіемъ датъ, независимо отъ того, что Никита Муравьевъ, по свидѣтельству его матери и жены, самъ считалъ впослѣствіи эти показанія невѣрными, а Матвѣй Муравьевъ во время слѣдствія находился въ совершенно ненормальномъ душевномъ состояніи.

8) Въ «Донесеніи» говорится еще о присутствіи Н. И. Тургенева на одномъ совѣщаніи членовъ «Сѣвернаго Общества» съ делегатами «Южнаго» въ 1824 г., на основаніи показаній одного лишь Никиты Муравьева, который самъ на этомъ совѣщаніи не былъ и показалъ лишь по слухамъ. Тургеневъ совершенно отвергаетъ справедливость этого показанія.

Наконецъ, 9) въ «Донесеніи» приведено явно ошибочное показаніе Рылѣева и Матвѣя Муравьева, который впослѣдствіи отъ него и отказался, что будто бы онъ участвовалъ въ одномъ совѣщаніи членовъ «Сѣвернаго Общества», происходившемъ осенью 1825 г. На самомъ дѣлѣ Тургеневъ, какъ мы уже знаемъ, уѣхалъ изъ Петербурга за полтора года до этого—въ апрѣлѣ 1824 г.—за границу и въ тотъ моментъ находился въ Неаполѣ. Это показаніе не было впрочемъ признано основательнымъ ни слѣдственной коммисіей, ни даже верховнымъ уголовнымъ судомъ.

Такъ какъ Тургеневъ на судъ не являлся, а та оправдательная записка, которую Тургеневъ послалъ черезъ брата при первомъ извѣстіи о выставленныхъ противъ него обвиненіяхъ, не показались достаточно убѣдительной князю Голицыну, разсмотрѣвшему ее при участіи Жуковскаго и кн. Вяземскаго, и такъ какъ показанія Никиты Муравьева и Семенова относительно участія Тургенева въ основаніи и управленіи «Сѣвернымъ обществомъ» не были тогда опровергнуты, то Тургеневъ былъ бы обвиненъ верховнымъ уголовнымъ судомъ даже и въ томъ случаѣ, если бы судъ этотъ отвергъ бы обвиненія Тургенева въ республиканскихъ замыслахъ. Верховный уголовный судъ нашелъ, что Тургеневъ *по показанію 24-хъ соучастниковъ, былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ, равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе, и удалясь за границу, онъ по призыву правительства къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія*, въ виду чего судъ приговорилъ его къ смертной казни, а по Высочайшей конфирмаціи опредѣлено было лишить его всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу безъ срока *).

---

*) Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ. При указѣ сената. Печат. при сенатѣ іюля 13-го дня 1826 г.

Глава VIII.

Жизнь Тургенева за границей послѣ осужденія. — Его братья и В. А. Жуковскій, какъ адвокатъ Тургенева.—Предположенія о пріѣздѣ Тургенева въ Россію и о пересмотрѣ его дѣла, вызванныя недоразумѣніемъ. — Женитьба и поселеніе его вблизи Парижа.—Характеристика его быта.—Матеріальное обезпеченіе благодаря брату.—Мемуары Тургенева.—Изданіе книги „La Russie et les Russes“.—Третій томъ—„Pia desideria“. — Планъ послѣдовательнаго преобразованія Россіи.—„Русская правда“ Н. И. Тургенева.—Связь этого труда съ прежними идеями Тургенева.—Возстановленіе Тургенева въ правахъ.—Поѣздка въ Россію въ 1857 г.—Устройство крестьянъ въ Каширскомъ уѣздѣ.— Участіе въ обсужденіи реформъ въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ. — „Чего желать для Россіи?“—Смерть Тургенева.

Послѣ осужденія Тургеневъ остался за границей. Братъ сохранилъ ему его наслѣдственную долю имущества, такъ что онъ могъ существовать не только безбѣдно, но и съ комфортомъ. Изъ друзей Н. И. Тургенева наиболѣе вѣрнымъ и преданнымъ ему въ его несчастіи оказался В. А. Жуковскій *). Съ самого момента осужденія Тургенева Жуковскій не переставалъ мужественно и дѣятельно хлопотать объ измѣненіи его участи передъ императоромъ Николаемъ. Жуковскій занималъ въ это время должность наставника наслѣдника престола, будущаго императора Александра II-го. Въ 1826 г. призванный на этотъ отвѣтственный постъ, онъ былъ поглащенъ составленіемъ раціональнаго плана воспитанія и обученія Александра Николаевича, которому въ это время исполнилось 7 лѣтъ. Онъ уѣхалъ за границу, чтобы лучше приготовиться къ своей миссіи, и здѣсь, между прочимъ, при содѣйствіи братьевъ Тургеневыхъ составлялъ для своего питомца библіотеку. Младшій изъ братьевъ Сергѣй Ивановичъ первоначально былъ также вызванъ въ Петербургъ къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ; но въ Дрезденѣ онъ былъ остановленъ и получилъ разрѣшеніе остаться за границей, какъ человѣкъ безусловно непричастный ни къ возмущенію 14-го декабря, ни къ тайнымъ обществамъ.

Императоръ Николай Павловичъ, несмотря на свое предубѣжденіе противъ Николая Тургенева, первоначально не препятствовалъ Жу-

---

*) Срав. ст. кн. П. А. Вяземскаго въ „Русск. арх.“ за 1876 г., т. I „Жуковскій, какъ адвокатъ Н. Тургенева передъ императоромъ Николаемъ“, и статью Н. Дубровина въ „Русск. Стар.“ за 1902 г., № 4 „В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ“, стр. 47—94. Живя въ 1826—1827 гг. съ Александромъ Тургеневымъ въ Дрезденѣ В. А. Жуковскій постоянно сносился и съ Николаемъ, которому онъ посвятилъ въ это время басню „О золотѣ“. 8-го сентября 1827 г. А. Тургеневъ писалъ Николаю: „Читая твои письма въ Дрезденѣ и послѣ, Жуковскій часто мнѣ говаривалъ, что онъ обязанъ тебѣ, твоему несчастію, самыми высокими минутами въ жизни“ („Русская Старина“ за 1875 г., № 4, стр. 745).

ковскому поддерживать съ нимъ сношенія и терпѣливо принималъ ходатайства Жуковскаго, хотя давалъ на нихъ неизмѣнно отрицательный отвѣтъ.

Н. И. Тургеневъ остался за границей въ качествѣ пожизненнаго изгнанника. Въ 1833 г. онъ переѣхалъ въ Парижъ и поселился навсегда въ его окрестностяхъ, въ Буживалѣ, гдѣ пріобрѣлъ виллу Вербуа. Передъ тѣмъ онъ женился въ Швейцаріи на дочери офицера наполеоновскихъ войскъ сардинца маркиза Віарисъ, отъ которой впослѣдствіи имѣлъ двухъ сыновей и дочь *).

«Несмотря на многолѣтнее пребываніе за границей, Н. И. Тургеневъ остался—по выраженію И. С. Тургенева—русскимъ человѣкомъ съ ногъ до головы, и не только русскимъ,—московскимъ человѣкомъ. Эта коренная русская суть выражалась во всемъ: въ пріемахъ, во всѣхъ движеніяхъ, во всей повадкѣ, въ самомъ выговорѣ французскаго языка,—о русскомъ языкѣ уже и упоминать нечего. Бывало,—вспоминаетъ Иванъ Сергѣевичъ—находясь подъ кровомъ этого радушнаго, гостепріимнаго хозяина-хлѣбосола (онъ жилъ на большую ногу,—извѣстно, что братъ его, Александръ Ивановичъ, сохранилъ ему все его состояніе); слушая его нѣсколько тяжеловатую, но всегда искреннюю, толковую и честную рѣчь, невольно удивляешься, почему ты сидишь передъ каминомъ, въ убранномъ по иностранному кабинетѣ, а не въ теплой и просторной гостиной старозавѣтнаго московскаго дома, гдѣ-нибудь на Арбатѣ или на Пречестенкѣ, или на той же Маросейкѣ, гдѣ Н. Тургеневъ провелъ свою первую молодость?..» **).

Въ 1837 г., чтобы обезпечить на случай своей смерти матеріальное положеніе Николая Тургенева, А. И. Тургеневъ продалъ родовое симбирское имѣніе своему двоюродному брату, который далъ честное слово «любить и жаловать крестьянъ» ***). Этотъ поступокъ Александра Ивановича многимъ казался предосудительнымъ или по крайней мѣрѣ несоотвѣтствующимъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя проповѣдывали братья Тургеневы въ крестьянскомъ вопросѣ. Но дѣло въ томъ, что въ случаѣ смерти А. И. Тургенева имѣніе не могло перейти къ Николаю, и все равно досталось бы родственникамъ, тогда какъ Н. И. Тургеневъ съ семьей остался бы безъ средствъ къ жизни. Это соображеніе нельзя не принять во вниманіе при оцѣнкѣ этого факта.

Въ Парижѣ Николай Ивановичъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ мемуаровъ, которые онъ предпринялъ сперва въ цѣляхъ своего

*) Некрологъ, написанный Ив. С. Тургеневымъ„ Полное собраніе сочиненій т. X, стр. 450. Ср. статью Д. Н. Свербеева въ „Русск. Архивъ" за 1871 годъ. № 11, стр. 1962.

**) „Полное собраніе соч. И. С. Тургенева", X, 454—455.

***) Названная статья Д. Н. Свербеева, а также статья В. И. Семевскаго о Н. И. Тургеневѣ въ 67 полутомѣ энцикл. словаря Брокгауза и Ефрона, стр. 110.

оправданія, но которые затѣмъ незамѣтно для него самаго разрослись въ цѣлую книгу о Россіи, которую онъ и издалъ въ 1847 г. на французскомъ языкѣ въ 3-хъ томахъ подъ заглавіемъ: «La Russie et les Russes». Въ сущности она была готова гораздо ранѣе, но Жуковскій отсовѣтовалъ Тургеневу ее издавать, опасаясь, что можетъ повредить Александру Тургеневу. 13-го декабря 1846 г. Александръ Ивановичъ умеръ и послѣ того ничто уже не могло помѣшать Николаю Ивановичу опубликовать свой трудъ.

Въ I томѣ этого сочиненія на первомъ мѣстѣ, подъ заглавіемъ «Записки изгнанника» изложены весьма интересныя воспоминанія Н. И. Тургенева, начиная съ 1812 г. до 1825 года, которыми я неоднократно пользовался при составленіи настоящей статьи. Затѣмъ слѣдуетъ его оправдательная записка, содержащая подробную и обстоятельную критику на донесеніе слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ. Наконецъ, въ томъ же томѣ въ видѣ приложеній помѣщены отдѣльныя статьи о Штейнѣ, Лагарпѣ, Поццо ди-Борго, Карамзинѣ, о тайныхъ обществахъ, о проф. Геде, кн. Алексѣѣ Куракинѣ, кн. Александрѣ Салтыковѣ и М. М. Сперанскомъ. Содержаніе этого тома послужило однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для извѣстной книги А. Н. Пыпина—«Общественное движеніе при Александрѣ I».

II томъ «La Russie et les Russes» посвященъ описанію моральнаго, политическаго и соціальнаго положенія Россіи въ половинѣ XIX-го столѣтія. Въ первой части этого тома изображено положеніе отдѣльныхъ классовъ русскаго народа, причемъ особенно обстоятельно очерчено положеніе крестьянъ всѣхъ категорій. Во второй части этого тома описаю государственне устройство и управленіе дореформенной Россіи. Въ этомъ томѣ на ряду съ общеизвѣстственными въ настоящее время свѣдѣніями приводится много интересныхъ данныхъ изъ личныхъ наблюденій и воспоминаній Тургенева, особенно по крестьянскому вопросу и по финансовымъ дѣламъ. Въ видѣ приложеній въ концѣ тома напечатаны: «Записка, поданная въ 1819 г. Н. И. Тургеневымъ гр. Милорадовичу»; «Замѣтки объ указѣ 2-го апрѣля 1842 г. (объ обязанныхъ крестьянахъ)»; «О муштровкѣ солдатъ при Александрѣ I»; «О шпіонствѣ и о реформѣ монетной системы въ Россіи».

III томъ, носящій заглавіе «Будущность Россіи», содержитъ въ себѣ обзоръ необходимыхъ для Россіи реформъ въ опредѣленной последовательности—«pia desideria», какъ назвалъ ихъ самъ авторъ. Тургеневъ начинаетъ эту часть своей книги подробными доказательствами необходимости для Россіи, въ цѣляхъ ея благополучія и развитія ея національнаго могущества, пріобщиться къ благамъ европейской цивилизаціи. Высшей точки могущества и величія, по мнѣнію Тургенева, Россія достигла при Александрѣ I, когда ей посчастливилось явить міру необыкновенное зрѣлище: самодержца, призывающаго на-

родъ къ борьбѣ за независимость и свободу *). Послѣ того Россія не только не прогрессировала, но, наоборотъ, отстала отъ другихъ государствъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ періодъ съ 1813—1845 г. всѣ европейскія страны быстро пошли впередъ въ торговлѣ, промышленности, во всестороннихъ улучшеніяхъ гражданскаго быта и въ организаціи армій. Въ Россіи былъ въ это время полный застой благодаря, главнымъ образомъ, крѣпостному праву. Даже русская армія, какъ доказываетъ Тургеневъ, регрессировала въ это время въ своемъ духѣ и строѣ, что и обнаружилось во время войнъ турецкой (1828) и польской (1831 г.). Этотъ регрессъ зависѣлъ отъ существовавшей тогда рекрутской системы и плохихъ кадетскихъ корпусовъ, выпускавшихъ невѣжественныхъ офицеровъ. Указывая на необходимость для Россіи позаимствовать у Европы всѣ эти улучшенія, Тургеневъ предостерегаетъ противъ всякихъ попытокъ заимствовать одни результаты цивилизаціи, отвергнувъ ея основы. При всемъ горячемъ своемъ патріотизмѣ Тургеневъ является въ этой главѣ рѣшительнымъ западникомъ. Но констатируя отсталость Россіи и почти предсказывая ей пораженіе при будущемъ столкновеніи съ европейскими державами, если она не выйдетъ изъ состоянія застоя, Тургеневъ рекомендуетъ мѣры отнюдь не революціонныя, а совершенно лойяльныя. Въ тогдашней Россіи онъ видѣлъ два капитальныхъ препятствія къ прогрессу: крѣпостное право и положеніе Польши **). Указавъ на повелительную необходимость приступить къ эмансипаціи крестьянъ, онъ высказываетъ даже, что всякая другая реформа, предпринятая въ Россіи до освобожденія крестьянъ, опасна и нежелательна, потому что она можетъ затормозить это послѣднее.

Въ видѣ примѣра, заслуживающаго подражанія, Тургеневъ приводитъ планомѣрную и раціональную реформаторскую дѣятельность Штейна, который въ Пруссіи также поставилъ на первую очередь освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права и имѣлъ въ виду завершить дѣло широкимъ политическимъ представительствомъ народа. Иниціативы преобразованій Тургеневъ ждалъ отъ самой верховной власти, опираясь въ своей надеждѣ на историческіе примѣры и особенно на примѣръ Петра, главную заслугу котораго Тургеневъ видѣлъ въ томъ, что Петръ въ своей реформаторской дѣятельности всегда работалъ для Россіи.

Рекомендуя извѣстную планомѣрность и послѣдовательность въ преобразованіи гражданскаго и политическаго быта Россіи, Тургеневъ раздѣляетъ необходимыя преобразованія на двѣ эпохи. На первое мѣсто онъ ставитъ освобожденіе крестьянъ, причемъ попрежнему онъ представляетъ себѣ освобожденіе безземельное, хотя отдаетъ пред-

*) „La Russie et les Russes“, III, 13.
**) Ibidem, III, 26—50.

почтеніе освобожденію крестьянъ съ землей, причемъ считаетъ достаточнымъ надѣломъ 1 десятину на души или 3 десятины на тягло, но зато безплатно *). За крестьянской реформой должна слѣдовать судебная, которая обезпечила бы хотя нѣкоторую независимость суда, въ видѣ отдѣленія судебной власти отъ административной, и ввела бы судъ присяжныхъ по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ, гласное и устное судопроизводство и періодичность сессій. Тургеневъ полагалъ уѣздный и земскій судъ соединить въ одинъ, подчинивъ ему дѣла мировой юстиціи и слѣдственную часть. Судъ присяжныхъ онъ полагалъ съ одною инстанціей и съ правомъ для недовольной стороны обжалованіе лишь въ кассаціонномъ порядкѣ. Въ кассаціонный судъ онъ предполагалъ преобразовать сенатъ. Отличительной чертой тургеневскаго проекта являлось то, что, проектируя судъ присяжныхъ, онъ въ то же время не желалъ состязательнаго процесса по уголовнымъ дѣламъ и прокурору предоставлялъ роль не обвинителя, а лишь блюстителя законности. Что касается судебнаго персонала, то Тургеневъ предполагалъ открыть доступъ къ юридической карьерѣ лицамъ всѣхъ сословій, а при замѣщеніи должностей отдавалъ преимущество выборному началу, которое въ его глазахъ являлось больше гарантіей независимости судей, нежели ихъ несмѣняемость. Для образованія молодыхъ юристовъ Тургеневъ находилъ желательнымъ командировку молодыхъ людей за границу для ознакомленія съ тамошними судебными порядками. Къ учрежденію адвокатуры Тургеневъ относился съ сомнѣніемъ; не имѣя въ виду вводить состязательнаго процесса, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на роскошь, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ періодѣ реформъ, и ему ка-

---

*) „La Russie et les Russes“, 110—114. Этотъ надѣлъ, какъ справедливо отмѣтилъ уже В. И. Семевскій, весьма походилъ на четвертной, нищенскій надѣлъ, придуманный въ 1860 г. кн. Гагаринымъ. Нельзя не согласиться съ В. И. Семевскимъ, что Тургеневъ, бывшій передовымъ бойцомъ за крестьянское дѣло въ царствованіе Александра I, очень отсталъ отъ русскаго общественнаго теченія по крестьянскому вопросу къ концу сороковыхъ годовъ. Живя за границей, онъ потерялъ способность живо схватывать и понимать жизненныя потребности народа и оставался благодаря этому и ко времени освобожденія крестьянъ въ Россіи на точкѣ зрѣнія реформъ Штейна, на которую онъ сталъ въ первой молодости. Ошибочность и отсталось его точки зрѣнія на крестьянскій вопросъ была очень рѣзко указана однимъ изъ его товарищей по несчастію Н. А. Бестужевымъ въ письмѣ послѣдняго С. Г. Волконскому, написанномъ въ 1849 г. и приведенномъ С. В. Максимовымъ въ ст. „Н. А. Бестужевъ по его письмамъ“ („Наблюдатель“. 1883 г, № 3 стр, 115-119); срав, „Крестьян. вопросъ въ Россіи“ В. И. Семевскаго, т. II, стр, 362. Слѣдуетъ, однако, помнить, что Н. И. Тургеневъ, стоя за маленькіе надѣлы, имѣлъ въ виду вовсе не помѣщичьи интересы, а исходилъ единственно изъ желанія какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе освободить и отмежевать крестьянина отъ помѣщика, причемъ опасался, что выкупъ, опредѣленный за болѣе значительные надѣлы, установленные редакціонными коммиссіями, будетъ разорителенъ для крестьянъ. Впослѣдствіи онъ призналъ самъ свою ошибку.

залось, что гораздо важнѣе такъ редактировать законы, чтобы они были доступны для каждаго гражданина безъ помощи адвоката *). На ряду съ судебной реформой Тургеневъ ставитъ пересмотръ уголовныхъ законовъ. Прежде всего онъ требуетъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, скептически относится къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, особенно т. наз. бродягъ. Смертную казнь онъ признаетъ вредной съ общественной точки зрѣнія; рекомендуетъ тюремное заключеніе современнаго ему французскаго типа, но въ смягченномъ видѣ **).

Въ области администраціи Тургеневъ находитъ нужнымъ, прежде всего, съ освобожденіемъ крестьянъ ввести должности мировыхъ посредниковъ, которые являлись бы защитниками крестьянскихъ интересовъ и разбирали бы различныя недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами по найму земель и т. п. Затѣмъ онъ полагалъ дать самоуправленіе городскимъ обществамъ въ лицѣ домовладѣльцевъ. Изъ соединеннаго присутствія дворянскихъ собраній и городскихъ совѣтовъ онъ проектировалъ нѣчто въ родѣ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній ***).

Въ системѣ управленія и народнаго хозяйства вообще въ первомъ періодѣ реформъ Тургеневъ считалъ возможными и желательными слѣдующія улучшенія: усиленіе децентрализаціи въ смыслѣ представленія мѣстнымъ властямъ большаго круга дѣлъ и невмѣшательства центральной администраціи въ мелочныя дѣла. Въ устраненіе же произвола мѣстныхъ властей Тургеневъ предполагалъ широкое развитіе выборной системы замѣщенія должностей. Въ то же время онъ проектировалъ допущеніе подготовленныхъ лицъ изъ низшихъ классовъ къ замѣщенію должностей, особенно спеціальныхъ, и вообще указывалъ на необходимость открыть дорогу образованнымъ людямъ и людямъ труда и таланта разныхъ сословій; рекомендовалъ также постепенное уничтоженіе чиновъ съ замѣной ихъ на первое время классами должностей ****).

Говоря о начальномъ образованіи, Тургеневъ далекъ отъ мысли о необходимости и справедливости безплатнаго обученія вообще, но въ Россіи временно онъ полагаетъ необходимымъ установленіе именно дарового начальнаго обученія. Останавливаясь по этому поводу надъ вопросомъ о средствахъ, онъ полагаетъ, что слѣдуетъ поступиться для этого нѣсколькими гвардейскими полками (причемъ замѣчаетъ, что содержаніе каждаго изъ нихъ стоитъ столько же, сколько стоитъ содержаніе университета), даже такими блестящими, но дорого стоющими народу, какъ Бородинскій и нѣкоторые другіе, а равно и постройкой роскошныхъ зданій. Съ цѣлью насажденія знаній онъ полагаетъ по-

*) „la Russie et les Russes“, т. III, 121—132.
**) Ibidem, 132—136.
***) Ibidem, 137—139.
****) Ibidem, 140—149.

прежнему полезнымъ поощреніе водворенія въ Россіи честныхъ и образованныхъ иностранцевъ и еще болѣе полезнымъ посылку русскихъ молодыхъ людей для обученія за границу. Онъ предлагалъ даже образовать въ этихъ видахъ за границею особое заведеніе для русскихъ указывая, какъ прототипъ, французскую академію художествъ въ Римѣ *).

Далѣе онъ останавливается на необходимости улучшенія матерьяльнаго положенія духовенства и поднятія его нравственнаго и умственнаго уровня. Между прочимъ онъ рекомендуетъ и молодыхъ духовныхъ посылать за границу для слушанія лекцій на богословскихъ факультетахъ протестантскихъ университетовъ. Въ отношеніи раскольниковъ и сектантовъ Тургеневъ рекомендуетъ полную вѣротерпимость и даже противъ наиболѣе вредныхъ сектъ, каковы напр. скопцы, онъ считаетъ наиболѣе раціональнымъ средствомъ широкое распространеніе просвѣщенія. Столь же полную свободу вѣроисповѣданія Тургеневъ предполагаетъ и для иновѣрцевъ **).

Переходя къ устройству войска, Тургеневъ настаиваетъ на необходимости немедленно вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права уничтожить и рекрутчину, замѣнивъ ее всесословной воинской повинностью по примѣру европейскихъ странъ. Требуя уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, Тургеневъ допускаетъ здѣсь нѣкоторую постепенность, начиная съ гвардейскихъ, гренадерскихъ и артиллерійскихъ войскъ, а также старыхъ солдатъ въ армейскихъ полкахъ, и сводя въ концѣ концовъ къ удержанію подобныхъ наказаній лишь въ дисциплинарныхъ батальонахъ. Далѣе онъ доказываетъ необходимость допущенія въ военныя школы (кадетскіе корпуса) дѣтей не дворянскаго происхожденія и желательность посылки молодыхъ офицеровъ съ учебными цѣлями за границу. Наконецъ, онъ останавливается на необходимости завести во всѣхъ полкахъ школы для солдатъ, подобно тому, какъ это попытался когда-то осуществить въ своей дивизіи М. Ѳ. Орловъ ***).

Въ отношеніи управленія финансами въ первомъ періодѣ реформъ Тургеневъ предлагалъ слѣдующія реформы: 1) отмѣну подушной подати, 2) отмѣну откуповъ и налога съ вина, причемъ настаивалъ на необходимости ввести общества трезвости по примѣру ирландскихъ; 3) взамѣнъ отмѣняемыхъ податей и налоговъ Тургеневъ проектировалъ установленіе поземельнаго и подоходнаго налоговъ. Наконецъ, 4) онъ указывалъ на необходимость отказаться отъ системы покровительства торговли и промышленности въ ущербъ земледѣлію и соотвѣтственно измѣнить таможенное законодательство ****).

---

*) „La Russie et les Russes“, 149—158.
**) Ibidem, 158—163.
***) Ibidem, 163—138.
****) Ibidem, 168—171.

Надзоръ за исполненіемъ этихъ реформъ, по мнѣнію Тургенева, не можетъ быть осуществленъ безъ помощи независимой печати. Онъ сознавалъ, что при абсолютномъ правительствѣ полной свободы печати быть не можетъ, но признавалъ безусловно необходимымъ допущеніе и развитіе гласности и нѣкоторый просторъ въ обсужденіи внутреннихъ народныхъ и общественныхъ нуждъ. Въ числѣ аргументовъ онъ приводитъ тутъ между прочимъ мнѣніе О'Коннеля, что свобода печати также, какъ свобода митинговъ, есть своего рода клапанъ для выхода народныхъ страстей и общественнаго пыла *).

Переходя къ внѣшней политикѣ, Тургеневъ рѣзко критикуетъ политику нераціональнаго и безплоднаго съ точки зрѣнія интересовъ Россіи вмѣшательства нашей дипломатіи во внутреннія дѣла отдаленнѣйшихъ государствъ съ цѣлью повсемѣстной поддержки легитимистовъ противъ революціонныхъ и прогрессивныхъ теченій. Онъ указываетъ на ненормальность и невыгодность для Россіи положенія русскаго императора, какъ главы консервативной или легитимистской партіи въ Европѣ, и отмѣчаетъ измѣненіе повсюду въ Европѣ отношенія къ Россіи со времени 1812—1814 гг., когда Россія пользовалась всемірными симпатіями. Настоящіе интересы Россіи, по мнѣнію Тургенева, на востокѣ и ея миссія тамъ—освободительная. При этомъ онъ ссылается на политику Панина, Безбородко, Потемкина при Екатеринѣ и политику Каподистріи при Александрѣ. Впрочемъ, Тургеневъ далекъ отъ увлеченія славянофильскими взглядами. Онъ называетъ ихъ поэзіей въ политикѣ. Между прочимъ, онъ считалъ выгоднымъ для Россіи содѣйствовать національному объединенію Германіи и Италіи, разсчитывая, что въ восточномъ вопросѣ вліяніе этихъ странъ будетъ благопріятно освобожденію грековъ и славянъ **).

Настаивая на необходимости во 2-омъ періодѣ реформъ обезпечить въ Россіи полную свободу слова и печати съ подчиненіемъ преслѣдованія ея злоупотребленій суду присяжныхъ, Тургеневъ такъ обосновываетъ это положеніе: «Вмѣсто того, чтобы преувеличивать неудобства свободы мысли и печати, которыя безъ сомнѣнія не больше тѣхъ, какія бываютъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, слѣдовало бы лучше глубже оцѣнить опасности, проистекающія изъ отсутствія этой свободы, исчислить все, что теряетъ народъ, которому отказываютъ въ этой свободѣ, въ своемъ матерьяльномъ благосостояніи, въ своемъ умственномъ развитіи и нравственномъ достоинствѣ...»

«Какъ всякая иная свобода, свобода слова и печати влечетъ за собой и отвѣтственность. Эта отвѣтственность должна быть опредѣлена закономъ; и этотъ законъ долженъ быть ясенъ и простъ, и то и другое вполнѣ достижимо, при условіи откровенности и устраненіи всякой задней мысли...» ***).

*) „La Russie et les Russes", 172—176.

) Ibidem, 176—190. *) Ibidem, 202.

О свободѣ совѣсти Тургеневъ замѣчаетъ, что нельзя лишить человѣка этой свободы, не поступаясь частью человѣческаго достоинства, не жертвуя тѣмъ, что есть въ человѣкѣ духовнаго и безсмертнаго. Не требуя отъ Россіи, чтобы она опередила въ этомъ отношеніи другія образованныя страны, онъ не рѣшается настаивать на отдѣленіи церкви отъ государства, а требуетъ лишь, чтобы церковь не служила для государства орудіемъ для его цѣлей и чтобы всѣ культы въ Россіи пользовались полной свободой и одинаковымъ покровительствомъ закона. Отстаивая свободу сектъ, онъ замѣчаетъ: «разнообразіе, а не единообразіе—законъ природы и этотъ законъ возобладаетъ въ области ума и вѣры, какъ онъ царитъ теперь въ физическомъ мірѣ... Скажемъ болѣе,—прибавляетъ Тургеневъ,—секты, въ ихъ разнообразіи, не только есть вещь неизбѣжная, но и чрезвычайно полезная, особенно въ религіи... Свобода—и скажемъ правду—конкуренція,—вотъ что придаетъ и сохраняетъ силу и плодотворность различныхъ вѣроученій: монополія поражаетъ ихъ безплодіемъ и производитъ тупость и равнодушіе...» *).

Мы остановились такъ подробно на изложеніи нѣкоторыхъ частей сочиненія Н. И. Тургенева потому, что оно не безынтересно, какъ «единственное сочиненіе въ эпоху императора Николая, въ которомъ русскій политическій либерализмъ получилъ довольно полное выраженіе» **), для насъ же оно имѣетъ еще особый интересъ въ виду прямого утвержденія кн. С. Г. Волконскаго, что все, что печатно высказано Тургеневымъ «о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи» во время пребыванія его за границей, «есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ» ***). Подробное ознакомленіе съ тѣмъ, что высказано Тургеневымъ въ этомъ отношеніи, какъ нельзя лучше показываетъ, что Тургеневъ, стоя на уровнѣ понятій просвѣщенныхъ людей своего вѣка относительно всѣхъ отдѣловъ государственнаго устройства и управленія, отнюдь не помышлялъ однако о какомъ-нибудь переворотѣ, а разсчитывалъ на мирную преобразовательную дѣятельность самого правительства, которое, по его соображеніямъ вступитъ на путь реформъ, если пожелаетъ сохранить свое мѣсто въ средѣ великихъ европейскихъ державъ. Событія, наступившія вслѣдъ за крымской компаніей, блистательно оправдали эти соображенія Николая Тургенева. Въ 1848 г. Тургеневъ предвидѣлъ уже и самую войну, какъ это видно изъ его брошюры «La Russie en présance de la crise européenne» ****).

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, воспитан-

---

*) „La Russie et les Russes", 209.

**) Ср. ст. о Тургеневѣ В. И. Семевскаго въ Энцик. слов. Брокгауза и Ефрона, полутомъ 67, стр. 110.

***) „Записки", стр. 423.

****) Ив. Сер. Тургеневъ „Некрологъ Н. И. Тургенева" въ Собран. сочин." т. X, стр. 451, примѣчаніе.

ника В. А. Жуковскаго, Тургеневу удалось, наконецъ, быть выслушан нымъ. При личномъ свиданіи съ кн. А. Ѳ. Орловымъ, бывшемъ въ 1856 г. нашимъ уполномоченнымъ въ Парижѣ, ему удалось доказать неосновательность выставленныхъ противъ него обвиненій и несправедливость приговора, осудившаго его въ 1826 году. Вскорѣ послѣ того Тургеневъ по особому высочайшему повелѣнію былъ возстановленъ во всѣхъ правахъ, отнятыхъ у него приговоромъ верховнаго уголовнаго суда *). Онъ не только получилъ право, подобно другимъ осужденнымъ въ 1826 г. лицамъ, возвратиться на родину, но ему были возвращены вмѣстѣ съ тѣмъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена **).

Въ 1857 г. онъ впервые послѣ тридцатитрехлѣтняго изгнанія возвратился въ Россію. Начиналась эпоха великихъ реформъ, и Тургеневъ со всѣмъ интересомъ и пыломъ юности поспѣшилъ принять участіе въ обсужденіи готовящихся преобразованій. Но еще прежде, нежели изданъ былъ знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 года, Николай Ивановичъ приступилъ къ практическому рѣшенію крестьянскаго вопроса въ небольшомъ имѣніи, доставшемся ему по наслѣдству въ 1856 г. въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Крестьяне въ этомъ имѣніи были частью на оброкѣ, частью на барщинѣ; Тургеневъ, прежде всего, перевелъ барщинныхъ крестьянъ на оброкъ, который и былъ установленъ въ размѣрѣ 20 руб. съ души (сравнительно весьма умѣренный). Затѣмъ Тургеневъ предложилъ крестьянамъ выйти на волю и получить въ собственность *безвозмездно* 1/3 всей земли, принадлежавшей къ имѣнію, что составляло, впрочемъ, нѣсколько менѣе 3 десятинъ на тягло. Этотъ надѣлъ былъ, безъ сомнѣнія, недостаточенъ; но если мы примемъ во вниманіе, что въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ большинство членовъ проектировало дать крестьянамъ именно этотъ надѣлъ *за значительный выкупъ* и что Тургеневъ и всю остальную землю сдалъ въ аренду тѣмъ же крестьянамъ по 4 руб. за десятину и сталъ такимъ образомъ получать съ имѣнія вдвое меньше, чѣмъ получалъ оброка при всей его умѣренности, то для насъ не остается никакого сомнѣнія, что онъ хотѣлъ устроить своихъ крестьянъ на условіяхъ весьма льготныхъ для нихъ и очень невыгодныхъ для него самого ***). Независимо отъ этого

---

*) Статья Д. И. Свербеева о И. И. Тургеневѣ въ „Русск. Архив." за 1871 г., № 11, стр. 1477.

**) Прочимъ осужденнымъ одной съ Тургеневымъ категоріи было возвращено дворянство, но не были возвращены ни прежніе титулы, ни чины, ни права на прежнее имущество. Срав. „Записки" С. Г. Волконскаго и продолженіе ихъ, написанное его сыномъ, стр. 496.

***) Д. И. Свербеевъ въ статьѣ о Н. И. Тургеневѣ („Русск. Арх." 1871 г. № 11, стр. 1478) утверждаетъ, что Тургеневъ отдалъ крестьянамъ остальную землю даже по 12 руб. за десятину и эти свѣдѣнія заимствовалъ у Свербеева и В. И. Семевскій въ книгѣ своей „Крест. вопросъ въ Россіи" (т. II, стр. 352);

онъ устроилъ въ этомъ имѣніи школу, больницу и богадѣльню и обезпечилъ безбѣдное существованіе причта; крестьянамъ же предоставилъ въ случаѣ, если условія, на которыхъ правительство освободитъ всѣхъ вообще крестьянъ, окажутся выгоднѣе для нихъ, принять эти условія вмѣсто назначенныхъ въ договорѣ.

Тотчасъ послѣ изданія рескрипта 20-го ноября 1857 года Тургеневъ принялъ горячее участіе въ обсужденіи готовящейся реформы въ цѣломъ рядѣ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Пора!» (1858), «О силѣ и дѣйствіи рескриптовъ 20-го ноября» (1857), «Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ» (1859), «О судѣ крестьянъ и о судебной полиціи въ Россіи» (1860), «Un dernier mot sur l'emancipation der serfs» (1860), «О новомъ устройствѣ крестьянъ» (1861). У насъ нѣтъ подъ руками всѣхъ этихъ брошюръ и потому мы не можемъ въ настоящее время подробно на нихъ останавливаться, да и едва ли ихъ содержаніе представляетъ теперь самостоятельный интересъ. Выше мы упомянули, что Н. И. Тургеневъ, живя за границей и оставаясь въ крестьянскомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія, усвоенной имъ въ дни своей юности подъ несомнѣннымъ вліяніемъ реформъ Штейна, отсталъ отъ передовыхъ теченій русской общественной мысли сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Поэтому его идеи рядомъ со свѣжими статьями Кавелина, Герцена, Чернышевскаго, кн. Черкасскаго и Самарина не могли имѣть практическаго значенія, особенно по вопросамъ о размѣрахъ надѣла, о выкупѣ, о сохраненіи общиннаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ лишь post factum, когда уже вышло положеніе 19 февраля, призналъ превосходство основаній, принятыхъ редакціонными коммиссіями, надъ тѣми, какія предлагалъ онъ самъ. Въ одномъ только отношеніи онъ не могъ одобрить этихъ послѣднихъ—это въ вопросѣ о сохраненіи для крестьянъ тѣлеснаго наказанія. Н. И. Тургеневъ по этому вопросу держался одного мнѣнія съ Я. И. Ростовцевымъ, что тѣлесное наказаніе осталось «пятномъ» на освобожденіи. Къ дѣятелямъ «освобожденія» Н. И. Тургеневъ относился съ трогательнымъ сочувствіемъ. «Я не думалъ,—говорилъ онъ—чтобы послѣ Штейна я могъ полюбить кого-нибудь такъ, какъ я полюбилъ Николая Милютина!» *). Вѣсть объ объявленіи воли Н. И. Тургеневъ встрѣтилъ въ Парижѣ. «Намъ рѣдко случалось—пишетъ впослѣдствіи И. С. Тургеневъ—видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ Н. Тургенева, предстоявшаго, съ бѣгущими по щекамъ слезами, въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за Государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19 февраля...» **). Другой свидѣтель той же сцены,

но въ спеціальной статьѣ о Тургеневѣ (въ энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона) г. Семевскій, пользуясь, очевидно, позднѣйшими данными, приводитъ цифру 4 рубля за десятину и находитъ ее даже нѣсколько высокой въ качествѣ арендной платы.

*) И. С. Тургеневъ. „Собр. сочиненій", т. X, 454.

**) Ibidem, 453.

Д. Н. Свербеевъ, упоминаетъ, что въ церкви было много народу, между прочимъ посолъ графъ П. Д Киселевъ—первый государственный человѣкъ въ Россіи положившій прочное начало устройству государственныхъ крестьянъ, С. Г. Волконскій (не долюбливавшій Тургенева) и др. и всѣ эти лица, когда пришлось прикладываться ко кресту, посторонились и уступили дорогу Николаю Тургеневу, какъ старѣйшему борцу за крестьянское дѣло въ Россіи *).

Въ 1862 г. Тургеневъ издалъ брошюру «Взглядъ на дѣла Россіи», въ которой доказывалъ необходимость введенія мѣстнаго самоуправленія. Онъ предполагалъ учредить уѣздныя и губернскія собранія, или, какъ онъ ихъ называлъ, совѣты (уѣздные изъ 25 человѣкъ), собирающіеся періодически, раза 2 въ годъ, и состоявшіе изъ представителей землевладѣльческихъ сословій: дворянъ, крестьянъ и др. Въ губернскій совѣтъ должны были входить, по проекту Тургенева, также представители отъ городскихъ сословій—купцовъ и мѣщанъ. Этимъ учрежденіямъ Тургеневъ предлагалъ поручить: раскладку земскихъ повинностей, завѣдываніе путями сообщеній, устройство школъ и вообще заботу о мѣстныхъ нуждахъ, связанныхъ съ благосостояніемъ народныхъ массъ. Указывая рядъ другихъ необходимыхъ реформъ, Тургеневъ предлагаетъ въ той же брошюрѣ поручить подготовку ихъ коммиссіямъ, составленнымъ по примѣру редакціонныхъ коммиссій, т.-е. съ участіемъ лицъ, не состоящихъ на государственной службѣ **).

Въ 1866 г. онъ издалъ брошюру «О разноплеменности населенія въ русскомъ государствѣ», касавшуюся польскаго вопроса; въ 1867 г. «Отвѣтъ» Ковалевскому по поводу предпринятой послѣднимъ ***) защиты гр. Блудова отъ нареканій на него Тургенева за «Донесеніе слѣдственной коммиссіи о злоумышленныхъ обществахъ».

Въ 1868 г. Тургеневъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Что желать для Россіи». Въ этой книгѣ ****), онъ начинаетъ съ обзора уже введенныхъ въ Россіи реформъ. По поводу крестьянской реформы онъ признаетъ, что жизнь опередила его проекты и что положеніе 19-го февраля болѣе соотвѣтствуетъ желаніямъ и интересамъ крестьянъ, нежели тѣ способы рѣшенія этого вопроса, которые онъ предлагалъ. Тутъ же онъ выражаетъ сожалѣніе, что «совершеніе святого дѣла освобожденія не обошлось безъ крови, безъ жертвъ. Для водворенія свободы,—замѣчаетъ онъ съ горечью,—прибѣгали иногда къ тѣмъ же средствамъ, какія употреблялись для введенія военныхъ поселеній;

*) „Русск. Арх." за 1871 г., № 11.

**) Ст. В. И. Семевскаго въ энциклопед. словарѣ Брокгауза и Ефрона, 67 полутомъ, стр. 112.

***) Въ книгѣ „Графъ Блудовъ и его время".

****) Не имѣя подъ рукой этой книги, мы пользуемся изложеніемъ ея содержанія въ названной статьѣ В. И. Семевскаго (Брокгаузъ и Ефронъ, 67 полутомъ, стр. 112—113).

противъ недоумѣвающихъ, шумящихъ мужиковъ были иногда принимаемы такія мѣры, кои могутъ быть только извинительны противъ заявленныхъ враговъ и мятежниковъ». Земская и судебная реформы вполнѣ удовлетворяютъ Тургенева; онъ скорбитъ лишь о тѣхъ изъятіяхъ изъ общаго порядка подсудности, которыя незадолго передъ тѣмъ было примѣнены впервые.

Книга Тургенева «Чего желать для Россіи» любопытна, какъ замѣчательный образчикъ постоянной работы мысли этого 80-тилѣтняго старца, который охотно признаетъ себя опереженнымъ новыми передовыми дѣятелями обновленной Россіи; но въ то же время, несмотря на то, что онъ могъ бы подобно Симеону воскликнуть: «нынѣ отпущаеши!» еще въ 1861 году, онъ не теряетъ способности критически относиться къ быстро мѣняющимся передъ его глазами событіямъ и хорошо замѣчаетъ всѣ недостатки и грѣхи въ осуществленныхъ уже преобразованіяхъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни Тургеневъ былъ обезпокоенъ войной и осадой Парижа, которую и ему пришлось выдержать вмѣстѣ со всѣмъ парижскимъ населеніемъ. Личныя безпокойства и передряги были для него не такъ тяжелы, какъ непріятная необходимость быть свидѣтелемъ вандализма нѣмцевъ, которыхъ онъ привыкъ съ молоду такъ высоко ставить и уважать и отъ которыхъ не ожидалъ ничего подобнаго *).

Н. И. Тургеневъ сохранилъ до конца не только ясность мысли и нравственную свѣжесть, но и физическую бодрость. За два дня до смерти, несмотря на свои 82 года, онъ еще дѣлалъ прогулку верхомъ **). Онъ умеръ тихо, почти внезапно, 27-го октября 1871 года въ своей виллѣ Вербуа, близъ Парижа.

«Изъ возможныхъ благъ, доступныхъ людямъ, многія — говоритъ И. С. Тургеневъ,—достались на его долю: онъ вкусилъ вполнѣ счастье семейной жизни, преданной дружбы, онъ узрѣлъ, онъ осязалъ исполненіе своихъ завѣтныхъ думъ. Будемъ надѣяться, что и для тѣхъ изъ нихъ, которыя еще не исполнились и которымъ онъ посвятилъ свой послѣдній трудъ, со временемъ также настанетъ чередъ, и что совершеніе ихъ обрадуетъ его хотя въ могилѣ новою зарею счастья, которое оно принесетъ столь любимому имъ русскому народу!» ***).

А. Корниловъ.

---

*) Статья Д. Н. Свербеева, въ „Русскомъ Архивѣ" за 1871 г. № 11, стр. 1983.

**) Собраніе сочиненій И. С. Тургенева, т. X, стр. 450.

***) Ibidem, стр. 456.

МОЛОХЪ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой*.

(*Продолженіе*) *).

50.

Такъ какъ Агнеса стала поправляться, то Ханка также рѣшилъ ѣхать въ городъ и Арнольдъ былъ радъ компаніи. Наконецъ въ послѣдній вечеръ онъ пересилилъ себя и занялся просмотромъ счетовъ и отчетовъ, представленныхъ ему управляющимъ. На это онъ потратилъ не мало времени, такъ какъ несмотря на скуку принудилъ себя добросовѣстно вникнуть во все. Управляющій разсчитывалъ, что собьетъ его съ толку, но Арнольдъ доказалъ, что провести его не такъ-то легко. Подъ конецъ онъ долженъ былъ рѣшить, согласенъ ли продать общинѣ кусокъ пахотной земли подъ мѣстную желѣзную дорогу; предлагали они за землю до смѣшного низкую цѣну. Арнольдъ съ нетерпѣніемъ отложилъ рѣшеніе вопроса до другого раза, хотя, само собою, ничего этимъ путемъ не выигрывалъ.

— До свиданія, Урсула—сказалъ онъ утромъ, входя къ старухѣ въ кухню. Онъ такъ крѣпко сжалъ протянутую ею руку, что та подняла страшный крикъ, на который прибѣжали управляющій и работникъ, они со смѣхомъ смотрѣли какъ Арнольдъ обнималъ и цѣловалъ старуху.—Скажи, Урсула, ты все также романтично, какъ и прежде, укладываешься спать?—спросилъ онъ, въ порывѣ радости отъѣзда говоря ей ты. Она ударила его по губамъ кухонной ложкой.

Наконецъ то онъ опять сталъ прежнимъ! Должно быть онъ не высыпался тамъ въ городѣ, а вотъ теперь у насъ нагналъ это.

Подъѣхалъ экипажъ съ Ханка. Кланяясь и посылая привѣтствія рукой, Арнольдъ выѣхалъ со двора. Урсула, махала большимъ полотенцемъ, которое еще долго виднѣлось въ отдаленіи.

— Я радъ; теперь опять примусь за работу, сказалъ Арнольдъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

— А почему вы въ такомъ дурномъ расположеніи духа?

Ханка вытянулъ ноги и съ досадй покачалъ головой

— Дѣла мои очень плохи,—сказалъ онъ.—Монтановскія акціи пали на десять процентовъ.

— Что же вы будете дѣлать?

— Вынужденъ продать ихъ.

— А потомъ?

— А потомъ мнѣ предстоитъ великое несчастіе—работа.

Арнольдъ засмѣялся.

— Жаль, сказалъ онъ—Вы какъ бы рождены для праздности.

Когда они послѣ полудня прибыли въ городъ, на Арнольда подѣйствовала благотворно уличная суета и толкотня. У него было чувство, будто онъ вернулся къ себѣ домой. На вокзалѣ они разстались съ Ханка. Кровь быстро переливалась въ жилахъ Арнольда, съ улицъ на него пахнуло теплотой жизни. Здѣсь было не важно свѣтитъ ли солнце или нѣтъ, идетъ ли дождь или нѣтъ. Разнообразіе, крики, стукъ экипажей, шумъ многихъ тысячъ шаговъ—все это представлялось ему не разрозненными звуками и сливалось въ одну выразительную мелодію, гдѣ-то на самой глубинѣ слышался ропотъ страданія, но именно онъ-то и оттѣнялъ въ музыкѣ широту ликованія и могучій размахъ. Придя къ себѣ въ комнату, Арнольдъ расплатился съ носильщиками доставившимъ багажъ и въ ту же минуту въ дверяхъ показалась Анна Барромео. Она радостно протянула ему обѣ руки; Арнольда удивило, что теперь онъ видитъ въ ней женщину поразительной красоты, тогда какъ раньше она была для него лишь женою Фридриха Барромео. Она сообщала ему разныя новости и хотя они еще ни разу запросто не болтали другъ съ другомъ, но Арнольду это казалось вполнѣ естественнымъ и соотвѣтствующимъ его приподнятому настроенію. Анну, въ свою очередь, удивило, что онъ такъ хорошо понимаетъ ея намеки, дополняетъ про себя брошенныя ею фразы, словомъ умѣетъ участвовать въ разговорѣ, мыслимомъ только между людьми одинаковаго развитія и одинаковыхъ привычекъ... Потомъ Арнольдъ принялся читать письма, пришедшія безъ него. Сначала онъ, не распечатывая, перебралъ ихъ, но ни одно не подало ни малѣйшей надежды; большею частію это были просьбы или приглашенія. Между прочими находилось и письмо отъ Вольмута, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что получилъ назначеніе въ Грацъ и что по всѣмъ вѣроятіямъ, ему въ непродолжительномъ времени предстоитъ дальнѣйшее повышеніе. Арнольдъ былъ не слишкомъ-то этимъ доволенъ—ему показалось, что добрый геній покидаетъ домъ и уноситъ съ собою ключъ отъ него.

Арнольда охватила жажда дѣятельности; онъ снялъ съ полки всѣ книги, позвалъ человѣка и приказалъ ему стереть съ нихъ пыль, а потомъ сталъ сортировать по величинѣ, родамъ и внѣшности и разставлять по полкамъ. Исписанные листы бумаги онъ клалъ другъ на

друга, перекладывая однорядной проволочной сѣткой. Онъ приказалъ вымыть окна, вымести полъ, выбить ковры, предпринялъ цѣлый походъ противъ чернильныхъ пятенъ, паутины, блохъ и заставилъ хлопотать весь домъ.

Но въ самый рзагаръ уборки на него вдругъ напало уныніе онъ передалъ человѣку верховный надзоръ надъ разоренными комнатами, а самъ вышелъ и отправился въ улицу Ваза. Войдя въ хорошо знакомыя сѣни онъ увидалъ швейцара, который почтительно расклanялся съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ. Комнаты барышни все еще пустуютъ, сообщилъ онъ и Арнольдъ пожелалъ осмотрѣть ихъ.

Подгоняемый невидимой мукой, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по пустому помѣщенію. Были мѣста на стѣнахъ, казавшіяся ему письмами изъ невозвратнаго прошлаго. Его тянуло назадъ въ пустоту. Задумчиво подошелъ онъ къ окну и какъ ребенокъ, который, чтобы Боженька видѣлъ, какой онъ пай-дѣтка, умненько лежитъ въ своей кроваткѣ, такъ и онъ страрался изгнать изъ своей груди всю горечь и безпокойство, потому что ему казалось, будто Верена словно облако окутываетъ его. О своихъ чувствахъ и даже наружности онъ теперь судилъ ея глазами. Швейцару, наконецъ, надоѣло дожидаться и онъ поднялся наверхъ; Арнольдъ объявилъ ему, что снимаетъ комнату.

Затѣмъ онъ отправился покупать мебель, ковры, кровать, занавѣски и все, по его мнѣнію, необходимое. Купленныя вещи были изящны и цѣнны и стоили большихъ денегъ, но Арнольдъ былъ радъ, что можетъ старательно украсить скромное помѣщеніе, и хлопоталъ словно барсукъ, принимающійся осенью рыть новый корридоръ къ своей норѣ. Такимъ образомъ у Арнольда оказались двѣ квартиры—одну онъ считалъ убѣжищемъ души, другую тѣла; конечно, къ этому опредѣленію онъ самъ относился юмористически, несмотря на свое горе. Когда жильцы дома увидѣли, что за изящныя и дорогія вещи тащатъ по лѣстницѣ, они отъ удивленія широко раскрыли глаза. Но Арнольду, все казалось мало: онъ пріобрѣталъ художественныя произведенія, вазы, картины, маленькія бронзовыя статуэтки, японскія вышивки и все-таки всего этого, по его мнѣнію, было недостаточно; ему хотѣлось каждый уголокъ убрать по своему и нѣкоторые изъ нихъ онъ спеціально устраивалъ для извѣстныхъ вечернихъ свѣтовыхъ эффектовъ. Кухня, служившая Веренѣ складочнымъ мѣстомъ, превратилась въ таинственный уголокъ въ мавританскомъ стилѣ, устланный толстыми коврами и съ широкими диванами вдоль стѣнокъ. Стѣны передней онъ обтянулъ штофомъ и съ потолка спустилъ голубой фонарь. Этотъ поистинѣ княжескій пріютъ уединенія Арнольдъ сначала хотѣлъ скрыть отъ всего свѣта, но когда послѣдній драпировщикъ вышелъ отъ него, ему захотѣлось показать его другу, способному оцѣнить, и онъ отправился за Ханка. Къ своему удивленію онъ засталъ послѣдняго среди уложен-

ныхъ сундуковъ и заколоченныхъ ящиковъ, точно онъ готовился къ продолжительному путешествію.

— Я все распродалъ, милѣйшій: домъ и пожитки,—равнодушно произнесъ онъ, прогуливаясь въ пальто и шляпѣ по комнатамъ.—Я потерялъ большую часть своего состоянія и нахожусь теперь подъ знаменіемъ краха.

Арнольду было это очень непріятно — онъ разсчитывалъ встрѣтить человѣка, не обремененнаго заботами. Но равнодушіе Ханка дало ему смѣлость взглянуть на происшествіе съ комической точки зрѣнія. Проводивъ Ханка, перевозившаго свои сундуки въ отель, гдѣ онъ временно намѣревался поселиться, Арнольдъ потомъ съ любезной настойчивостью сталъ тащить его къ себѣ и съ нѣсколько дѣланной торжественностью привелъ его въ преобразованное жилище Верены. Ханка высказалъ лишь поверхностное удивленіе. До сихъ поръ Арнольдъ не рѣшался дать ему замѣтить свои мечты объ Веренѣ. Теперь же ему показалось возможнымъ воспользоваться удобнымъ предлогомъ и разсказать участливо слушающему его Ханка обо всемъ произошедшемъ. Но въ его устахъ вещи принимали какую то странную окраску; подправленныя его самолюбивымъ страданіямъ онѣ производили впечатлѣніе чего-то романтическаго и вычурнаго. Верену онъ превозносилъ надъ собою, это заставило его самого задуматься. Но черезчуръ подчеркивая превосходство изъ опасенія, чтобы его разсказъ не показался одной изъ сотни обыкновенныхъ любовныхъ интрижекъ, онъ искажалъ естественный и спокойный ходъ событій. Ханка не могъ разобраться въ его повѣствованіи и какъ можно деликатнѣе высказалъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ хваленой Верены; и вдругъ ему стало гораздо болѣе жалко Арнольда за его странный капризъ отдѣлывать эти комнаты, нежели себя, потерявшаго состояніе. Арнольдъ почувствовалъ это. Довольно-таки сильно взволновавшись, онъ принялся сызнова объяснять рѣдкостную натуру Верены, но когда намъ приходится хвалить то, что мы любили, мы невольно впадаемъ въ нѣкоторыя преувеличенія, и потому Ханка становился все грустнѣе и недовѣрчивѣе. Насколько онъ сочувствовалъ проявленіямъ темперамента, настолько же его отталкивала всякая взвинченность. Въ Арнольдѣ шевельнулось что-то въ родѣ гнѣва на него. «Да будь же живѣе! помечтай со мною! вѣрь!» хотѣлось ему крикнуть спокойно сидящему гостю, и вдругъ у него явилось желаніе хоть окно расколотить, лишь бы заставить того увѣровать въ фактъ.

— Идемте!—сказалъ онъ.—Здѣсь жарко. Его глаза сверкали жаждой жизни и сильнѣйшимъ отвращеніемъ къ терпѣливому выжиданію по цѣлымъ часамъ неизвѣстно чего. Ханка медленно послѣдовалъ за нимъ.

— Какъ все тихо кругомъ,—сказалъ Арнольдъ, выходя на улицу. Нельзя ли какъ-нибудь согнать всѣхъ этихъ людей съ ихъ кроватей?

Мнѣ хотѣлось бы плясать въ какомъ-нибудь залѣ съ сотней нагихъ женщинъ.

Взявъ Ханка подъ руку, онъ сталъ шутливо подражать величавой походкѣ друга. Вдругъ онъ сразу измѣнился; въ немъ поднялось какое-то тяжелое, точно смѣсь воды и пепла—уныніе. И это чувство было подобно хвастливо раздувшейся лягушкѣ, сидящей на одномъ мѣстѣ; онъ отправился домой, чтобы заглушить его сномъ.

Ханка было противно ложиться въ новую кровать, а потому онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ отправиться въ одно изъ кафе, остающихся открытыми и на ночь, чтобы тамъ спокойно смотрѣть, какъ проходятъ часы за часами. «Такъ какъ мнѣ суждено, сидя у бочки съ порохомъ, выжидать, когда она взлетитъ на воздухъ, то, по крайней мѣрѣ, я постараюсь хоть нѣсколько скрасить эту черную дѣйствительность», думалъ онъ. Мрачныя тучи скуки, охватывающей весь міръ все болѣе и болѣе заволакивали его горизонтъ. Онъ проходилъ мимо событій, какъ обыкновенно проходишь въ гостинницѣ мимо дверей комнатъ, въ которыхъ не живешь. Леденящій ужасъ ожиданія милліона послѣдствій одной-единственной причины заполнялъ его міръ, все предвидящій и все ожидающій; поэтому чувство отвѣтственности парализовало и умерщвляло всѣ его поступки. Ханка припоминалъ слова Марка Аврелія: «ужасно, если душа твоя устанетъ, а тѣло нѣтъ». Потомъ развивалъ слова св. Августина: «откуда такое несоотвѣтствіе? Зачѣмъ? Духъ повелѣваетъ тѣлу, и тѣло повинуется; духъ повелѣваетъ самому себѣ и встрѣчаетъ отпоръ».

Единственнымъ прибѣжищемъ для Ханка оставалась азартная игра. Онъ растрачивалъ всѣ силы души на изнуряющія волненія карточнаго стола. Здѣсь онъ въ маломъ видѣ сталкивался съ тѣмъ, что въ обычное время вызывало въ его вѣчно все взвѣшивающемъ умѣ мрачное упорство; — это «авось», безумно необходимое, мы споконъ вѣку сторожащее въ міровомъ пространствѣ «авось», которое видимъ при случаѣ въ дурацкомъ колпакѣ, или въ видѣ судьбы съ ликомъ божества, составляетъ великое и малое судилище для всего живущаго. Ханка отправлялся играть, точно шелъ къ колодцу, наполненному сладкимъ ядомъ, доставляющимъ ему забвеніе... Но удрученные игроки не выигрываютъ. Ему стало казаться, что онъ швыряетъ золото въ воду. Въ нѣсколько недѣль онъ проигралъ около пяти тысячъ гульденовъ. Когда сумма обнаружилась и ясно обозначился путь къ пропасти, онъ со свойственнымъ ему хладнокровіемъ поднялся съ мѣста и заявилъ: «Довольно; больше я не дотронусь ни до единой карты».

И какъ будто разрушивъ стѣну, отдѣлявшую его отъ Арнольда Анзорге, его первой живительной мыслью было идти къ нему. Безпокойно проспавъ утро, онъ потомъ, точно отпущенный изъ заключенія, отправился къ Арнольду. Комната, въ которую его провели, была похожа на мѣсто, гдѣ только что кончилась ярмарка. Ящики, сундуки,

книги, постель, все было разбросано; Арнольдъ, весь красный, что-то дѣлалъ, стоя на лѣстницѣ; человѣкъ укладывалъ.

— Ого! — крикнулъ сверху Арнольдъ, — вы пришли какъ разъ вò-время. Какъ видите, у меня есть работа.

— Пока я вижу только, что вы заняты, — съ нѣкоторой досадой отвѣтилъ Ханка.

— Дѣло въ томъ, что я переѣзжаю,—объявилъ Арнольдъ, однимъ прыжкомъ очутившись на полу и ревностно наматывая веревку на руку.—Здѣсь все мнѣ кажется слишкомъ маленькимъ—я снялъ квартиру съ такими высокими комнатами, точно въ церкви. Надо имѣть возможность дышать полной грудью.

— Въ такомъ случаѣ я здѣсь лишній, — замѣтилъ Ханка, — а я думалъ, не сдѣлаемъ ли мы маленькой прогулки за городъ; чудная погода.

— Отлично!—воскликнулъ Арнольдъ и, обратясь къ человѣку, приказалъ привести экипажъ. — Я и такъ довольно наглотался пыли.— Съ этими словами онъ пробрался къ Ханка и съ сіяющею улыбкой пожалъ ему руку.

— Въ сущности, я не понимаю, зачѣмъ вы покидаете такое спокойное помѣщеніе,—сказалъ Ханка, качая головой.

— Потому что оно для меня черезчуръ ужъ спокойно,—возразилъ Арнольдъ и снова у него на лицѣ появилась та же сіяющая, очаровательная улыбка, полная надеждъ, тепла и радости.—Въ этомъ домѣ все старо, все криво. Если хорошенько ступить, всѣ половицы трещатъ. Слишкомъ рано темнѣетъ, не бываетъ настоящаго солнечнаго свѣта. Это не для меня. Тамъ, вы увидите, настоящій дворецъ. И что я купилъ, Ханка! У васъ отъ удивленія глаза вылѣзутъ на лобъ.— Онъ смѣялся; Ханка также улыбался, хотя не могъ отдѣлаться отъ тайнаго опасенія.

— Просто некогда отдышаться, — продолжалъ Арнольдъ, сидя въ экипажѣ, катившемся по направленію къ Пратеру. — И что за день сегодня, какой чудный воздухъ! Жизнь очень пріятное изобрѣтеніе.

— Вотъ какъ!—серьезно замѣтилъ Ханка и задумчиво посмотрѣлъ въ совершенно голубое небо.

— А вы, черный котъ, все еще что-то мурлыкаете о дурной погодѣ.

— Я мурлыкаю, — возразилъ Ханка, — хотя чувствую себя при этомъ вовсе не такъ хорошо, какъ должно бы, занимаясь мурлыканьемъ.

— «Занимаясь мурлыканьемъ», — передразнилъ его Арнольдъ. — Чѣмъ хуже ваше расположеніе духа, тѣмъ лучше вы говорите по-нѣмецки.

Казалось, будто у Арнольда не хватало глазъ, чтобы на все наглядѣться. Всѣ его движенія дышали тою сознательною простотою,

которая, повидимому, и не догадывается, что за нею наблюдають. Кучеръ пустилъ лошадей рысью, и легкій экипажъ быстро покатился по широкой, бѣлой аллеѣ; съ такою же быстротою мимо нихъ проносились встрѣчные экипажи, въ которыхъ мелькали прелестныя женскія личики, съ милыми, но усталыми улыбками на губахъ, и ротъ Арнольда подергивался желаніемъ. Ненасытными глазами скользилъ онъ по всей массѣ народа, толпившейся по дорожкамъ для пѣшеходовъ, и ему казалось, что именно онъ обладаетъ властью заставить ихъ сердца биться ускоренно и что это его заслуга, что ни единый крикъ, ни единый знакъ или движеніе не нарушаютъ ихъ спокойной прогулки. Никто ничего не знаетъ о другомъ, и каждый скрываетъ въ себѣ высшую мѣру горечи, пресыщенія жизнью и бѣдностью, и вотъ въ немъ, въ Арнольдѣ, есть сила направить всѣ ихъ способности къ одной цѣли, заставить ихъ дѣятельно проявить извнѣ то, что, оставаясь скрытымъ, гложетъ и разрушаетъ ихъ внутренній міръ; а вотъ онъ мчится мимо нихъ къ другимъ звѣздамъ, счастливый сознаніемъ своего превосходства. Солнечный свѣтъ играетъ на его лбу, а взглядъ покоится на темно-зеленой долинѣ, украшенной фантастически изогнутыми деревьями, гдѣ безпокойная жизнь внезапно предается краткому сну.

Они поѣхали обратно въ городъ. Арнольдъ пригласилъ Ханка къ чаю.

— Анна Барромео давно уже просила меня привести васъ. Она считаетъ васъ философомъ.

Лошади шли шагомъ; отъ нихъ поднимался паръ, хотя съ улицы также неслись душныя испаренія труда.

— А! гости; къ тому же еще дамы,- сказалъ Арнольдъ въ передней дома Барромео. Они вошли. У Анны сидѣлъ баронъ Валескотъ съ матерью и сестрами. Арнольдъ представилъ Ханка и самъ, въ свою очередь, былъ представленъ дамамъ.

51.

— Представь себѣ, Арнольдъ,—сейчасъ же начала Анна съ присущей ей восторженной и въ то же время сдержанной улыбкой,—въ Бельведерѣ будетъ данъ цвѣточный праздникъ, который посѣтитъ императоръ и весь дворъ.

— И мнѣ поручено спросить васъ,—вмѣшался лейтенантъ Валескотъ,—не пожелаете-ли вы. вступить въ комитетъ праздника?

— Почему именно я?—недоумѣвающе спросилъ Арнольдъ и по очереди окинулъ взоромъ всѣхъ дамъ. Въ его глазахъ все еще свѣтилось то странное сознаніе своей власти, а въ жилахъ все еще клокотала кровь отъ быстрой ѣзды въ прохладно-тепломъ лѣтнемъ воздухѣ.

— Это нашъ секретъ—замѣтила баронесса и маленькій, вѣчно

вздрагивающій ротикъ какъ то по дѣтски выпятился. Ея лицо бросалось въ глаза тѣмъ, что углубленіе между подбородкомъ и нижней губой было необыкновенно велико, отчего черты лица выражали слабость, смѣшанную съ какою то одухотворенностью.

— Я съ удовольствіемъ приму участіе въ комитетѣ—сказалъ Арнольдъ.—Цвѣточный праздникъ! Да это на что нибудь похоже.

Лейтенантъ добродушно улыбнулся.

— Есть ли у васъ идеи?—Спросилъ онъ.—Намъ требуются идеи.

Арнольдъ покачалъ головой.

— Дѣло въ томъ, что Францъ сочинилъ стихи къ живымъ картинамъ,—сказала младшая изъ баронессъ съ милымъ серьезнымъ не по лѣтамъ личикомъ, на которомъ лежало по временамъ какое то элегическое плутовство. Лейтенантъ который такимъ образомъ оказался выданнымъ, съ приличествующей подобному случаю скромностью опустилъ глаза. На лицѣ Александра Ханка появилась почти неумолимая улыбка. Онъ съ удовольствіемъ и съ видомъ знатока ѣлъ прекрасное печенье, пилъ чай, молча курилъ и вообще велъ себя какъ человѣкъ, которому болѣе чѣмъ чуждо желаніе выказаться. Арнольда это нѣсколько смущало; по временамъ онъ ему улыбался, какъ бы желая показать, что думаетъ о немъ и понимаетъ его молчаніе.

— Я думалъ,—началъ Валескотъ, съ живостью поднимая голову, не примите ли вы участіе въ живыхъ картинахъ, господинъ Анзорге?—и онъ подсѣлъ поближе къ Арнольду; въ его обращеніи проглядовало какое-то льстивое благоволеніе.

Арнольдъ удивленно разсмѣялся.

— Я никогда не участвовалъ ни въ чемъ подобномъ—смущенно отвѣтилъ онъ и снова оглядѣлъ всѣхъ подрядъ.

— Въ этомъ-то и суть—снова горячо заговорилъ Валескотъ,— намъ нужно прекрасно сложеннаго человѣка, который держался бы вполнѣ естественно.

— Вы должны будетъ изображать Нарцисса,—сказала старшая баронесса и ея умное и слегка недовольное лицо на минуту прояснилось.

— Приходите какъ-нибудь на-дняхъ ко мнѣ,—предложилъ лейтенантъ, кладя руку на колѣно Арнольда—и мы потолкуемъ объ этомъ. Вѣдь вамъ придется только принять соотвѣтствующую позу, а стихи актеръ произнесетъ. Мы уже имѣемъ согласіе графини Паланской, госпожи фонъ-Герстофъ и моихъ двухъ сестеръ. Какъ видите, въ дамахъ нѣтъ недостатка.

Арнольдъ засмѣялся.—Что вы на это скажете, Ханка? А ты?—и онъ обратился къ Аннѣ Барромео.—Неужели мнѣ въ самомъ дѣлѣ придется участвовать въ представленіи?

— Но madame Барромео сама же подала намъ эту счастливую мысль,—улыбаясь, сказалъ Валескотъ.

Лицо Ханка на этотъ разъ совершенно открыто выразило горькую иронію. Онъ поднялся и сталъ прощаться; его отпустили очень холодно. Арнольдъ проводилъ его до дверей и потомъ, чтобы изгладить дурное впечатлѣніе, оставленое ушедшимъ, сказалъ:

— Я очень бездаренъ милѣйшій баронъ. Впрочемъ завтра и послѣзавтра мнѣ предстоитъ устраиваться на новой квартирѣ, а въ пятницу я зайду къ вамъ. Васъ это устраиваетъ?

Валескотъ былъ доволенъ и они пожали другъ другу руки.

Оживленно и радостно заглядывая въ будущее Арнольдъ отправился по улицамъ и площадямъ къ своему новому помѣщенію. Черты его лица, сильно выравнявшіяся за послѣднее время, свѣтились симпатіей ко всему окружающему. Его взглядъ ни на чемъ долго не останавливался,—видно было, что его занимали самыя разнообразныя вещи и что онъ надо многимъ раздумывалъ. Когда ему кланялись, все его существо, казалось, выливалось въ внимательной и многообѣщающей улыбкѣ.

Солнечный свѣтъ окрашивалъ мостовую краснымъ цвѣтомъ и пыль носившаяся въ воздухѣ, блестѣла всѣми цвѣтами радуги. Арнольду казалось, будто не онъ двигается, а его несетъ чья-то услужливая чужая спина. Серебристый мягкій воздухъ ласкалъ его лицо; какая-то особенная нѣжность ко всему живущему наполняла его; съ минуту онъ прислушивался къ біенію собственнаго сердца и также растроганно подумалъ о его неутомимости и вѣрности. Вдругъ онъ остановился и съ испугомъ уставился на проходившаго мимо человѣка; онъ успѣлъ замѣтить только длинную бороду и мутные, почти потухшіе глаза — ему показалось, что это Самуэль Элассеръ. Какъ можно скорѣе онъ поспѣшилъ слѣдомъ за нимъ, но догнать его не могъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со времени его отъѣзда изъ Подолина, а эта фигура уже успѣла для него какъ въ землю провалиться. Арнольдъ заглядывалъ во всѣ ворота и старался разсмотрѣть сквозь стекляныя двери внутренность магазиновъ — напрасно. Наконецъ, онъ задумался и остановился среди толпы и, какъ бы ища чего-то, взглянулъ на пламя уличнаго фонаря, выдѣлявшееся свѣтло желтымъ пятномъ на фонѣ розовато-желтаго неба. Вдругъ онъ вторично увидѣлъ того же человѣка, но уже возвращающагося обратно. Это не былъ Элассеръ. Арнольда ввело въ заблужденіе необычайное сходство. Задумчиво онъ пошелъ дальше и обдумывалъ планъ дѣйствія, потомъ, отыскавъ ближайшее почтовое отдѣленіе, перевелъ сто гульденовъ на имя разносчика Элассера въ Подолинѣ, послѣ чего, выйдя на улицу, съ облегченіемъ вздохнулъ, точно исполнилъ долгъ.

Поздно вечеромъ онъ отправился въ отель, въ которомъ поселился Ханка, и спросилъ, у себя ли онъ; ему еще не успѣли отворить, какъ появился самъ Ханка, пришедшій домой для ночевки. Арнольдъ состроилъ таинственную гримасу и потащилъ его съ собою. Въ улицѣ Ратгаузъ онъ позвонилъ у подъѣзда очень высокаго дома.

— Здѣсь я живу,—сказалъ онъ.

Надъ устройствомъ и приведеніемъ въ порядокъ комнаты, свѣтлой, похожей на огромный залъ, хлопотали два лакея. Повсюду валялись разбросанныя драгоцѣнныя вещи, точно въ магазинѣ антикварія.

— Вы, какъ видно, расширяете свое дѣло,— замѣтилъ Ханка съ сухимъ лаконизмомъ, дѣлая гигантскій шагъ черезъ плоскій ящикъ. Арнольдъ провелъ его полуосвѣщенной комнатой въ совершенно темное помѣщеніе и сказалъ:—теперь смотрите, — отъ ожиданія у него дрожалъ голосъ; онъ повернулъ кнопки трехъ электрическихъ лампъ и кругомъ разлился ослѣпительный свѣтъ. Въ серединѣ комнаты на широкомъ постаментѣ стоялъ мраморный Антиной, на лицѣ его лежало выраженіе мечтательной, но холодной чувственности; губы были пресыщенны и неподвижны, шея подобна древесному стволу, а тѣло какъ бы свѣтилось желтовато-бѣлымъ свѣтомъ; все говорило о его прирожденномъ спокойствіи, его безбожіи и невѣріи въ дьявола.

— Отткуда у васъ эта вещь?—спросилъ Ханка, помолчавъ.

— Она принадлежала богачу Потчиссеру.

— Да, какъ же, знаю: онъ разорился. Вы купили ее? Цѣнная вещь.

— Какъ она вамъ нравится?—почти робко спросилъ Арнольдъ.

— Прекрасная вещь. Только бы вы не пріобрѣтали ее изъ-за извѣстной тенденціи.

— Что это значитъ?

— Я подразумѣваю эллинизмъ, культъ красоты и т. п. — Ханка большими, странно шумными шагами расхаживалъ взадъ и впередъ, причемъ крѣпко уперся руками въ бока, такимъ образомъ онъ весь, за исключеніемъ глазъ, безпрерывно двигался; лишь глаза его были обращены куда-то въ воображаемую глубину и походили на черные, слегка тлѣющіе шарики.

— А если бы и такъ?—отвѣтилъ Арнольдъ.—Я ничего въ этомъ не смыслю, но если бы и такъ?—У него за послѣднее время явилась привычка повторять вопросы или даже цѣлыя фразы.

Ханка остановился, потянулся, глубоко вздохнулъ и коротко разсмѣялся.

— Ничего особенно дурного не произошло бы, — сказалъ онъ. Только думаю, до всего этого намъ дѣла нѣтъ. Все это чепуха. Мы должны искать идеалы гораздо ниже. Для насъ уже достаточно идеально быть попросту порядочнымъ человѣкомъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ и ротъ его выразилъ отвращеніе, точно собственныя слова казались горькими,—впрочемъ, скажите, вы на самомъ дѣлѣ примите участіе въ живыхъ картинахъ?

— Думаю, что нѣтъ,—отвѣтилъ Арнольдъ. Ханка закурилъ и замолчалъ. Арнольдъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на статую. И вотъ из-

дали на него стало надвигаться что-то крадущееся, жадное и ему захотѣлось положить конецъ посѣщенію Ханка.

Ханка ушелъ, а Арнольдъ остался одинъ передъ мраморной фигурой; хотя въ первую минуту, въ присутствіи Ханка она показалась ему одушевленной, теперь же онъ ничего не видѣлъ въ ней кромѣ изваянія. Онъ прислушался къ шуму на улицѣ: тихое, неумолчное клокотанье, жужжанье и дрожанье достигало его ушей и нарушало обманчивую тишину. Тамъ была жизнь и вѣчное бодрствованіе. Въ груди Арнольда шевельнулся ненасытный голодъ, ему захотѣлось вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь и ждать, сейчасъ, не колеблясь овладѣть всѣмъ неизвѣданнымъ. Сонъ не приходилъ. И что за радость, лежа въ прохладныхъ подушкахъ, проспать самое важное въ жизни! И счастья, и удовлетворенія, и заполненія времени, и дружбы, и знанія жаждалъ онъ ненасытно. Не было такого слова, которое могло бы выразить его желаніе, такой мысли, которая могла бы обнять его. Оно походило на разинутую пасть, для которой милліоны золотыхъ розсыпей составили бы не больше одного ничтожнаго глотка, объятія Психеи едва ли доставили бы хоть каплю наслажденія. Въ пылу страданія отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ или въ опьяненіи предчувствія, ему казалось, что весь міръ заполненъ его слѣпою страстью. То, что раньше заставляло его пылать, теперь казалось ничтожнымъ, чего раньше жаждалъ — нищенской подачкой. Безчисленныя желанія развертывали передъ нимъ очаровательную панораму міра, восторженному созерцанію которой онъ предавался. Но почему же, какъ только буря утихала въ немъ, изъ какого нибудь угла выползало караулившее его чудище, точно паукъ, опутывающій сердце тонкими нитями паутинокъ, отчего оно становилось холоднымъ, лишеннымъ радости?!

Арнольду нужно было переговорить съ Фридрихомъ Барромео относительно новаго помѣщенія одной части своего капитала. У него появилась жажда смѣлыхъ спекуляцій; до чего бы онъ ни касался, все кончалось, какъ нельзя болѣе удачно. Въ канцеляріи онъ не засталъ дяди и, подождавъ до вечера, отправился къ нему на домъ. Постучавъ въ дверь, онъ вошелъ въ комнату и засталъ дядю и Анну Барромео стоящими другъ противъ друга; оба были блѣдны; ея распущенныя волоса висѣли въ безпорядкѣ, а пурпурно-красный ротъ былъ искаженъ волненіемъ.

— Извините,—сказалъ Арнольдъ подавая руку. Анна пристально посмотрѣла на него своими горящими голубыми глазами, а докторъ еле замѣтно и безсмысленно улыбнулся.

— Вамъ надо переговорить другъ съ другомъ?—спросила Анна, глухо вздохнула, откинула голову и шею назадъ и прижала руки къ груди, затѣмъ лѣниво кивнула въ сторону Арнольда, съ изумленіемъ разглядывавшаго массу ея волосъ, вышла изъ комнаты. Арнольдъ взялъ съ блюда папиросу и задумчиво закурилъ.

Барромео не одобрилъ плана Арнольда. Полузакрывъ глаза и слегка склонивъ голову на бокъ, онъ сталъ медленно ходить взадъ и впередъ. Время отъ времени онъ верхней стороной руки поднималъ бороду или зубами закусывалъ блѣдныя губы. Потомъ онъ остановился, прислушался, открылъ дверь, въ которую вышла Анна, и передъ нимъ мрачно раскинулась громадная гостинная. Подойдя ко второй двери, онъ ее также открылъ и заглянувъ въ нее опять притворилъ. Съ поднятыми кверху глазами, неподвижно повисшими руками, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ стоялъ онъ, не шевелясь, передъ Арнольдомъ.

— Ты мнѣ еще ничего не разсказалъ про Подолинъ?—вдругъ заговорилъ онъ, видимо подавляя что-то, очень для него близкое, вертѣвшееся на языкѣ.

— Тамъ ничто не измѣнилось,—отвѣтилъ Арнольдъ.—Управляющій показался мнѣ ненадежнымъ, Урсула состарѣлась. Я желалъ бы раздѣлаться съ имѣньемъ, а то оно словно камень на шеѣ.

Баромео уставился на столъ, по которому были разбросаны карты. Взявъ пачку, онъ выдернулъ изъ нея короля и какъ то особенно мрачно сталъ смотрѣть на него.

— Что ты на это скажешь? спросилъ Арнольдъ.

Барромео кротко покачалъ головой.—Я не могу совѣтовать,—сказалъ онъ тихо. Мнѣ самому нуженъ совѣтъ. Зачѣмъ хочешь продать свое родное гнѣздо?

Арнольдъ внимательно посмотрѣлъ на дядю. Внутри его поднималось негодованіе на желѣзную тоску одного человѣка.

— Я самъ нуждаюсь въ совѣтѣ,—продолжалъ Барромео.

Арнольдъ испуганно вздрогнулъ; испугавшись тѣмъ сильнѣе, что почувствовалъ на себѣ взглядъ дяди, ясный, полный, вѣрѣ въ него, полной уваженія, онъ ничего не могъ сказать и впродолженіи цѣлой секунды чувствовалъ то же, что когда то въ домѣ Верены, когда смотрѣлъ въ зеркало, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли въ немъ отражается его собственное лицо.

Они разстались. Держа свѣтъ прямо передъ собою и заглядывая во всѣ темные углы, Барромео осторожной походкой направился къ себѣ въ кабинетъ. Сѣвъ къ письменному столу онъ взялъ въ руку перо, да такъ и остался сидѣть неподвижно.

52.

Арнольду приснилось, что онъ стоитъ на стеклянномъ полѣ и при каждой попыткѣ сдѣлать шагъ впередъ скатывается обратно по скользкимъ берегамъ бороздъ; отъ дѣлаемыхъ при этомъ усилій онъ проснулся; голова болѣла, и вторично заснуть онъ уже не могъ, а зажегъ свѣчу, взялъ книгу и сталъ читать. Во время чтенія ему пришло въ голову какъ-нибудь вечеромъ пригласить всѣхъ своихъ друзей и зна-

комыхъ на новоселье и тутъ же, желая пересилить въ себѣ чувство одиночества и жуткости, навѣваемое ночной тишиной, занялся составленіемъ изысканнаго меню и придумываніемъ какъ бы получше украсить свои комнаты. Антиною онъ рѣшилъ надѣть черезъ плечо гирлянду изъ розъ. Затѣмъ его мысли перешли къ занятіямъ: ему казалось заманчивымъ пріобрѣсти какъ можно болѣе знаній и съ ихъ помощью потомъ завоевать власть. Утромъ онъ отправился на лекцію, записывалъ ее вмѣстѣ со всѣми и насильно заставилъ себя сосредоточить свои строптивыя мысли на предметѣ чтенія.

Хотя дома былъ заказанъ обѣдъ, онъ послѣ лекціи отправился въ одинъ изъ великосвѣтскихъ и очень дорогихъ ресторановъ вблизи оперы, такъ какъ у него явилось желаніе покушать хорошія и рѣдкія кушанья. Такія фантазіи на него какъ бы навѣвались окружающимъ воздухомъ и рѣшимость выполнять ихъ усиливала въ немъ чувство своей широты и приподнимала надъ тѣми, кто, какъ по желѣзнымъ рельсамъ, катятся по разъ навсегда крѣпко начерченному пути. Онъ съ удовольствіемъ слѣдили за кельнеромъ, сгибавшимся передъ нимъ, точно складной ножъ. Сѣвъ къ столу и заказавъ обѣдъ по своему вкусу, онъ окинулъ взглядомъ торжественный красный залъ и у противоположной стѣны увидѣлъ Максима Шпехта съ Беатой. Шпехтъ отвѣтилъ на поклонъ небрежно-холоднымъ кивкомъ головы. Лицо у него было блѣдное, утомленное, какъ у человѣка необыкновенно занятаго. На рукѣ блестѣли два бриліантовыхъ перстня, а въ галстухѣ торчала жемчужина величиною съ горошину. На Беатѣ было свѣтлозеленое суконное платье англійскаго покроя, плотно облегавшее талію. Въ волосахъ блестѣла гребенка, украшенная жемчугомъ; лицо у нея было необыкновенно блѣдное, усталое, вытянутое. Судя по нему, она все извѣдала въ жизни и ея сдержанность, искусственно-миловидная порядочность производили впечатлѣніе надѣтой маски. На поклонъ Арнольда она засмѣялась ему прямо въ лицо и сдѣлала видъ будто ей досаждаетъ комаръ. Шпехтъ повидимому боролся съ самимъ собою; немного погодя, онъ подошелъ къ Арнольду и пожалъ ему руку. Въ его, повидимому, корректномъ обращеніи въ то же время сквозила притворно-сдержанная злоба.

— Повидимому ваши дѣла идутъ не дурно?—сказалъ Арнольдъ. Выраженіе его лица ясно говорило, что онъ заранѣе отклоняетъ всякую возможность излишней фамильярности.

— Я теперь редактирую «Дворянскую газету»,—сказалъ Шпехтъ, съ легкимъ поклономъ присаживаясь къ его столу.

— Вы также имѣете большой успѣхъ, какъ слышно,—продолжалъ онъ слегка шипящимъ голосомъ, съ легкимъ вопросомъ склоняя голову къ плечу.—Разсказываютъ, будто вы очень выгодно спекулировали на болгарской рентѣ.

Арнольдъ снималъ въ это время кожу съ форели и соскабливалъ

съ костей бѣлое мясо. Онъ весело улыбнулся Шпехту, отчего тотъ опустилъ выпуклыя вѣки.

— Между прочимъ, я долженъ вамъ кое-что сообщить,—вдругъ заявилъ Шпехтъ весело оживляясь,—это очень хорошо, что я васъ встрѣтилъ. Знаете, странное совпаденіе; вы сейчасъ сами убѣдитесь, что моя исторія совершенно тожественна съ той, что произошла тогда: я сговорился съ небольшой компаніей актеровъ послѣ спектакля поужинать въ погребкѣ около св. Стефана и по телефону заказалъ для насъ отдѣльный кабинетъ. Метръ д'отель назвалъ мнѣ номеръ комнаты. По окончаніи спектакля я отправляюсь туда, кельнеръ прекрасно меня знаетъ, и потому пропускаетъ въ корридоръ одного; до меня уже издали доносится говоръ и смѣхъ нашей компаніи. Вдругъ, къ несчастью (по всей вѣроятности я перепуталъ номеръ), я открылъ не ту дверь, и вижу—кого бы вы думали?—молодого барона Валескота и...

— Ни слова болѣе, Шпехтъ!—повелительно воскликнулъ Арнольдъ, кладя вилку на столъ. Шпехтъ вторично опустилъ выпуклыя вѣки. Губы его вытянулись и закруглились, точно онъ собрался играть на флейтѣ.

— Вы правы, имени произносить не дозволяется. Но, надѣюсь, вы безъ того поняли меня. Позднѣе я увидѣлъ ту же даму выходящей изъ кабинета далеко за полночь, подъ очень густой вуалью. Баронъ Валескотъ справлялся у лакея и очень былъ недоволенъ моей глупѣйшей ошибкой, но я подумалъ: вотъ новый случай для васъ вторично разыграть правдолюбца, какъ тогда съ Ханка. Истина великая вещь, особенно если за нее не приходится платиться... О, чортъ, я кажется начинаю пробалтываться. До свиданья, будьте здоровы.

Арнольдъ не подалъ ему руки. Аппетитъ у него сразу пропалъ и заплативъ онъ ушелъ. Онъ чувствовалъ гнѣвъ на Шпехта, нерѣшительность, печаль, неопредѣленную жажду дѣятельности, но прошло немного времени и ему удалось вернуть благотворное чувство собственнаго могущества и совершенства.

Было четыре и онъ рѣшилъ отправиться къ Валескоту. Домъ, который занимала его семья, находился въ улицѣ Брауннеръ, почти въ центрѣ города и былъ однимъ изъ тѣхъ вывѣтрившихся дворцовъ, первоначальная могущественность и величественность которыхъ втиснутая въ мрачную, узкую, извивающуюся какъ червь, улицу, напоминала павшее величіе ех-короля. Уже по лѣстницѣ и сѣнямъ можно было судить о расточительности людей, его построившихъ. Арнольда ввели въ очень высокую комнату, оклеенную красными обоями, съ лѣпного потолка спускалась старинная, очень цѣнная люстра. Вернувшись человѣкъ доложилъ, что господина барона ждутъ домой съ минуты на минуту; уходя, они изволили приказать просить господина Анзорге непремѣнно подождать ихъ.

Арнольдъ кивнулъ головой. Онъ прошелъ къ окну и сталъ спо-

койно смотрѣть на пустынную узкую улицу; ему пришлось напрячь всѣ силы, чтобы не дозволить извѣстной мысли завладѣть своимъ мозгомъ. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздались звуки рояля и заглушенное закрытой дверью и толстой портьерой тихое ритмическое пѣніе. Арнольдъ подошелъ къ дверямъ и сталъ слушать. Молодой дѣвичій голосъ напѣвалъ мелодію для танцевъ.

Съ улыбкой откинувъ портьеру, Арнольдъ, нажавъ на ручку дверей, осторожно пріотворилъ ее и просунулъ голову въ образовавшуюся щель. Старшая Валескотъ сидѣла у рояля и играла, устало, но въ тактъ покачиваясь всѣмъ корпусомъ. Темные волосы, очень низко на затылкѣ свободно закрученныя въ греческій узелъ, придавали всей фигурѣ что-то небрежно-мечтательное. Вторая сестра и еще одна очень молоденькая дѣвушка танцовали посреди комнаты на коврѣ. Онѣ робко держали другъ друга за руки и разучивали повидимому новый танецъ. Старшая изъ нихъ была въ выходномъ платьѣ, младшая въ костюмѣ, коротенькой лиловой юбочкѣ, доходящей до колѣнъ, такихъ же чулкахъ и шелковыхъ туфелькахъ. На каштановыхъ волосахъ былъ вѣнокъ изъ темныхъ анютиныхъ глазокъ, а въ рукахъ корзина, наполненная тѣми же цвѣтами. Ея удивительно нѣжныя и тонкія ножки выдѣлывали па, долженствовавшія казаться то дѣтски - натянутыми, то торжественно - миловидными, но всегда выходившими у нея очень граціозными. Младшая первая замѣтила въ дверяхъ голову Арнольда и, вскрикнувъ, убѣжала. Игравшая на роялѣ испуганно поднялась, но потомъ, вмѣстѣ съ сестрой разсмѣялась.

— Войдите сюда, такъ какъ все равно вы уже ворвались, — сказала средняя, самая находчивая изъ всѣхъ. Старшая, заложивъ руки за спину спокойно стояла прислонившись къ роялю. Хотя на ея лицѣ лежало выраженіе чувственности и эгоизма, но не было ни жизнерадостности, ни легкомысленности, ни серьезности. Стройное тѣло дышало здоровьемъ, подтачиваемымъ однако, какими-то враждебными, разрушительными силами. Въ ней бросалась въ глаза странная смѣсь неустойчивости и тупого каприза. Вторая сестра была не столь непосредственна. Въ ея нѣсколько грустныхъ, но умныхъ глазахъ постоянно просвѣчивали, хотя она старалась скрыть это, знаніе жизни, добродушіе и чувственность. Арнольдъ крѣпко пожалъ руки обѣимъ и сказалъ:—Я до сихъ поръ не знаю еще вашихъ именъ.

— Отгадайте—отвѣтила старшая почти строго.

Онъ сталъ отгадывать, лукавилъ, притворялся, что приходилъ въ отчаяніе, пока дѣвушки не стали утѣшать его и помогать. Старшую звали Феликіей, Дорой—вторую, и младшую, только что убѣжавшую—Анастасіей.

— Вы однѣ дома?—Спросилъ Арнольдъ.

— Мама съ Францемъ приглашены къ тетѣ Рахмизъ,—отвѣтила Дора, препотѣшно глазами, голосомъ и всѣми движеніями, и даже по-

воротомъ головы изображая отчаянную міровую скорбь.—Во всякомъ случаѣ вамъ надо подождать Франца. Вѣдь принимать такимъ образомъ визиты ковалеровъ не принято, но для васъ мы дѣлаемъ исключеніе—и она засмѣялась. Фелиція снова сѣвшая къ роялю, тихо взяла моль-аккордъ.

— Давно ли вы въ Вѣнѣ? — свѣтски-учтиво спросила Дора, опускаясь на стулъ. — Разкажите-ка намъ что-нибудь. Мы любимъ слушать разсказы.

Арнольдъ усѣлся въ необыкновенно широкое кресло и улыбнулся про себя.

— Я не знаю никакихъ исторій,—возразилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ разсказывайте истинныя происшествія или сны, — Дора засмѣялась особеннымъ переливчатымъ, чисто юношескимъ смѣхомъ.

— Разсказывая сны очень трудно воздержаться отъ лжи—сказалъ Арнольдъ. Онъ запнулся, замялся и сталъ смотрѣть прямо передъ собою, причемъ руку, на которую опирался подбородкомъ, сжалъ въ кулакъ. Съ его губъ не сходила задумчивая, даже слегка мечтательная улыбка. Дора не мигая съ серьезнымъ вниманіемъ смотрѣла ему прямо въ глаза. Фелиція тоже нѣсколько разъ черезъ плечо оглянулась назадъ, потомъ опустила руки на колѣни и стала слушать.

— Я помню,—началъ Арнольдъ,—какъ однажды мнѣ приснился очень страшный сонъ. Я видѣлъ двухъ лошадей... зеленыхъ лошадей? А на стѣнѣ около нихъ была надпись: «эти лошади умѣютъ говорить». Надъ стѣной висѣлъ колоколъ и какъ только раздался его звонъ, одна изъ лошадей открыла морду и сказала: «у людей съ ничѣмъ не замаранными руками сила удвоивается». Я испугался, ужаснулся и убѣжалъ. Но тогда я презиралъ сны.

— Гдѣ же вы жили?—спросила Дора.

— Въ Подолинѣ; это моя родина. Тамъ мѣстность некрасивая: долина, лѣсъ, изрѣдка холмики, грязная рѣчка. Но когда я только вспоминаю о ней... Однажды—мнѣ было 17 лѣтъ,—случилось слѣдующее: я лежалъ въ лѣсу далеко отъ дороги, по близости такъ называемой дикой часовни... надо мною одни листья да вѣтви... потихоньку шумятъ... тепло... Вдругъ приходитъ дряхлая предряхлая старушенція, оглядывается во всѣ стороны и, не замѣчая меня, что-то зарываетъ въ землю. Я при этомъ ровно ничего не подумалъ, да въ то время я никогда ни о чемъ не раздумывалъ. Нѣсколько дней спустя у насъ проходитъ слухъ, что женѣ лѣсника во снѣ явилась Матерь Божія и объявила, что у дикой часовни зарыты чудотворныя чотки. Въ воскресенье тысячи народу изо всѣхъ деревней отправляются къ часовнѣ... Впереди всѣхъ старая горбунья: происходитъ ужасающая давка; старуха молится, потомъ начинаетъ рыть землю прямо пальцами; тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей опускаются на колѣна, плачутъ, рыдаютъ,

молятся и также руками роютъ землю, вдругъ моя старуха поднимаетъ надъ головой найденныя чотки. Сотни людей бросаются къ ней, въ клочья разрываютъ платье, потому что теперь она имъ кажется святой и каждому хочется получить частицу святыни. Самые загрубѣлые мужики размякли.. цѣлуютъ ее, воютъ... Вотъ что за сторонка у насъ, и вотъ какіе тамъ люди.

Дѣвушки молчали. Фелицiя совсѣмъ повернулась въ ихъ сторону. Она повидимому совершенно спокойно перегнулась впередъ и смотрѣла внизъ.

— Mademoisselle Dora!—раздался рѣзкій, крикливый голосъ изъ передней. Дора поднялась,—«француженка»,—устало, съ пренебреженіемъ сказала она и вышла. Арнольдъ посмотрѣлъ на Фелицію, подошелъ къ ней и спросилъ:

— Почему вы не играете?

— А что же вы любите? — спросила молодая дѣвушка, глядя на него ясными, испытующими глазами и кладя лѣвую руку на узелъ волосъ. Вдругъ Арнольдъ нагнулся надъ ней и они жадно словно преступники поцѣловали другъ друга. Арнольдъ грустно посмотрѣлъ передъ собою; у него явилось чувство, что онъ оболгалъ себя и Фелицію.

53.

Въ комнату вошелъ Валескотъ съ баронессой и Дорой. Баронесса немного удивленно поздоровалась съ Арнольдомъ. Лейтенантъ въ парадной формѣ тотчасъ же отвелъ его въ сторону и спросилъ, какъ онъ рѣшилъ. Когда Арнольдъ изъявилъ согласіе участвовать въ живыхъ картинахъ, онъ радостно пожалъ ему руку. Появился ливрейный лакей и подалъ на бронзовой тарелкѣ двѣ визитныхъ карточки. Прочтя ихъ, баронесса велѣла просить и ласковымъ движеніемъ руки пригласила Арнольда послѣдовать за нею въ гостиную, гдѣ привѣтствовала двухъ гостей— господина фонъ-Грёденъ и барона Друзіуса. На столѣ оказался сервированъ послѣобѣденный чай. Комната была настолько широка и высока, что напоминала парадный залъ, стѣны были оклеены голубыми обоями съ тиснеными цвѣтами. Всѣ сѣли. Обѣ молодыя дѣвушки и Клементина Рохлицъ, старая глухая дворянка, сидѣла поодаль. Клементина передвигалась съ помощью палки и долго съ молчаливымъ вниманіемъ разсматривала каждаго сидящаго за столомъ. Баронъ Друзіусъ по обыкновенію хрустѣлъ пальцами и съ горячимъ участіемъ предлагалъ самые обыденные вопросы.

Дора, какъ зачарованная, не спускала глазъ съ его исполинскаго кадыка, то подымавшагося, то опускавшагося во время разговора. Господинъ фонъ-Грёденъ что-то шепнулъ хозяйкѣ, на что та, послѣ коротнаго раздумья, пожала плечами. Грёденъ, отличавшійся нѣкото-

рою полнотой и обладавшій круглымъ толстымъ лицомъ и ласковыми, вѣжливо-внимательными глазами, предупредительно обратился къ Арнольду:

— Господинъ Анзорге, если я вѣрно разслышалъ,—спросилъ онъ, помѣшивая ложечкой въ своей чашкѣ,—у васъ есть родные тамъ въ Моравіи въ Подолинѣ?

— Нѣтъ, но я самъ оттуда родомъ,—нѣсколько разсѣянно и въ то же время безпокойно отвѣтилъ Арнольдъ.

Господинъ фонъ-Грёденъ откашлялся.

— Я три года служилъ въ судѣ поблизости оттуда—въ Ломнитцѣ, вы, вѣроятно, имѣете понятіе объ этомъ гнѣздѣ?

— Да, это старенькая деревушка отвѣтилъ Арнольдъ.

— Да проститъ мнѣ Богъ,—продолжалъ любезный молодой человѣкъ, вскидывая кверху влажно-блестящіе глаза,—это было ужасное время. Никого кромѣ мужиковъ, и жидовъ и ничего кромѣ скучныхъ коммиссій. Скажите, господинъ Анзорге, вѣдь вы помните эту исторію съ жидомъ Элассеромъ? Можетъ быть, это вы сами тогда какъ бы выразиться, принимали въ ней такое горячее участіе? Вы—не такъ ли?

— Да,—съ досадой и довольно невѣжливо отвѣтилъ Арнольдъ.

— Для меня это загадка,—продолжалъ съ довольно откровеннымъ удивленіемъ господинъ Греденъ,—съ тѣхъ поръ прошло уже довольно много времени—я не хорошо помню... тамъ былъ учитель... по имени... по имени...

— Шпехтъ?

— Совершенно вѣрно. Шпехтъ! Такъ этотъ Шпехтъ разсказывалъ мнѣ тогда о васъ.

Всѣ смотрѣли на Арнольда.

Друзіусъ съ глупѣйшимъ любопытствомъ, причемъ лѣвая, напоминающая зобъ сторона его шеи замѣтно вздрагивала.

— Почему это для васъ загадка?—отвѣтилъ Арнольдъ, слегка блѣднѣя. Дѣло шло объ открытомъ грабежѣ.—И онъ устремилъ на молодого человѣка строгій полный ожиданія взглядъ.

— Да, да, да! Конечно. Совершенно вѣрно,—съ готовностью подтвердилъ фонъ-Греденъ,—но все таки, иногда не мѣшаетъ слегка пощипать эту гадкую жидовскую клику. Вѣдь вы не станете же отрицать, что этимъ людямъ не доступны наши дифференцированныя ощущенія. Дѣвушкѣ въ тысячу разъ будетъ лучше въ монастырѣ, нежели въ хлѣву, въ которомъ она выросла. Весь поднятый тогда шумъ былъ не болѣе какъ заранѣе подготовленной комедіей. Вѣдь вы должны же допустить...

— Я ничего не допускаю...—прервалъ его Арнольдъ до странности тихимъ голосомъ, его лобъ покраснѣлъ, правая рука сжалась въ кулакъ.—И какъ вы можете такъ разсуждать, вы юристъ, слуга правительства? Когда я впервые услыхалъ объ этомъ, мнѣ казалось, что я

умру отъ стыда. Конечно, мнѣ не слѣдовало бы говорить этого, такъ какъ подобныя слова все-таки лишь слова. Но какъ вы можете оправдывать что-либо подобное? Ни одинъ человѣкъ, требующій для себя справедливости, не смѣетъ утверждать подобные вещи. Подумайте хорошенько: оставивъ въ сторонѣ жидовъ и монастырь и ваше презрѣніе, или вашу способность такъ поверхностно судить—остается еще такое ужасное преступленіе, что мысль не можетъ привыкнуть къ нему. Я вамъ скажу только, что тогда я плакалъ. Я ничего не могъ понять во всемъ этомъ, на моихъ глазахъ разрушался міръ, точно отъ толчка ногой; похищаютъ ребенка, насильно заставляютъ перемѣнить религію, въ которой онъ родился—какую религію—вѣдь безразлично, и кругомъ ничего не дѣлается, нѣтъ справедливости, ее попираютъ ногами, да топчутъ ногами. И вы говорите о какой-то комедіи. О, если бы только захотѣли, какъ бы вы могли правильно чувствовать! А вы вмѣсто того говорите о какихъ-то дифференцированныхъ ощущеніяхъ.

Арнольдъ поднялъ голову; суровость и глубина словъ облегчили его и наполнили гордостью; а вызванное этимъ порывомъ всеобщее молчаніе нѣсколько успокоило, на его губахъ появилась открытая и любезная улыбка.

Баронъ Друзіусъ похлопалъ его по плечу.

— Прекрасно,—сказалъ онъ,—вы сказали смѣлое слово! Я всегда говорилъ, что въ васъ течетъ настоящая кровь. Дьявольски хорошо говорите.

Онъ засмѣялся и это подѣйствовало разрѣшающе на подавленное состояніе духа баронессы. Съ обязательной улыбкой она протянула черезъ столъ руку и сказала:

— Вы говорили, словно читали въ моемъ сердцѣ.

— Prenons le temps, comme il vient — сказалъ господинъ фонъ-Грёденъ со вздохомъ и откинулся къ спинкѣ кресла.

Mademoiselle Рохлицъ неожиданно, крикливо спросила:

— Что онъ такое сказалъ? — на что молодая дѣвушка, до того съ удивленіемъ и испугомъ взиравшая на Арнольда, громко разсмѣялась.

Господинъ фонъ-Грёденъ и баронъ Друзіусъ откланялись. Съ Арнольдомъ Валескоту нужно было еще кое-о-чемъ переговорить.

— Намъ нельзя мѣшкать, Дора,—сказала баронесса,—опера начинается въ половинѣ седьмого. Можетъ быть, вамъ, господинъ Анзорге, доставитъ удовольствіе поѣхать съ нами въ ложу?

Арнольдъ съ поклономъ поблагодарилъ и сказалъ, что пока онъ съѣздитъ переодѣться, будетъ слишкомъ поздно.

Но лейтенантъ настаивалъ и предложилъ даже отправиться съ нимъ вмѣстѣ; выйдя изъ дому они увидали у подъѣзда карету; въ ожиданіи господъ кучеръ и выѣздной сидѣли на козлахъ на вытяжку, оба въ темныхъ ливреяхъ съ отворотами кирпичнаго цвѣта. Дорогой Валескотъ разболтался. Онъ былъ не глупъ, но фатовство портило его

хорошія качества. Уже по тому можно было видить, что онъ пользуется успѣхомъ. Но у него не хватало ума, какъ у Максима Шпехта, напримѣръ, чтобы умственнымъ ханженствомъ сбить съ толку всякое здравое сужденіе о себѣ. Наружность Валескота производила очень пріятное впечатлѣніе: красивый, выхоленный, онъ отличался врожденной, хотя и безличной любезностью. Разсказывалъ онъ о разныхъ своихъ любовныхъ интрижкахъ безъ хвастовства, а даже съ нѣкоторою сухостью и осторожностью, точно желая дать понять, что само собою считаетъ Арнольда въ этомъ отношеніи ничуть не ниже себя.

— Я больше всего люблю имѣть дѣло съ замужними женщинами,— произнесъ онъ холодно и дѣловито,—правда, часто это бываетъ опасно, но зато въ большинствѣ случаевъ очень удобно. Вы, конечно, сами это испытали. Въ подобныхъ отношеніяхъ отъ васъ требуется ровно столько чувства, сколько вы можете удѣлить.

Арнольда страшно затронуло безстыдство подобнаго признанія. Онъ вдругъ остановился, точно собираясь что-то возразить. При воспоминаніи о своемъ сегодняшнемъ разговорѣ со Шпехтомъ, — у него по спинѣ точно капли холодной воды пробѣжали, но онъ промолчалъ. Впродолженіи цѣлой секунды онъ былъ увѣренъ, что его заставило промолчать неизмѣримо болѣе благородное и строгое чувство, нежели онъ проявилъ бы, произнеся слова, которыя ему пришлось бы тщательно выбирать. Но почему въ такомъ случаѣ онъ разразился по адресу господина Грёдена длинной тирадой, преисполненной гнѣва и мужественнаго негодованія? Потому что этимъ могъ произвести впечатлѣніе. Нѣкто похлопалъ его по плечу и произнесъ «смѣлыя слова». Негодованіе, гнѣвъ, возмущеніе — все было лишь легкимъ пусканіемъ крови изъ переполнившагося сердца. Онъ молчалъ и молчалъ. А про себя разсчиталъ, что дважды подъ рядъ разыгрывать моралиста было бы смѣшно. Да, Арнольдъ, дѣйствительно, былъ огорченъ. Чтобы не терять ни минуты, онъ торопливо натянулъ на себя фракъ, но отъ разстройства вдѣлъ въ сорочку не тѣ запонки, что было нужно, потомъ просидѣлъ цѣлыхъ двѣ минуты на мѣстѣ, чтобы спокойно подумать обо всемъ.

Они пріѣхали въ оперу къ концу перваго акта. Окинувъ глазами ряды разукрашенныхъ дамъ, сидѣвшихъ въ ложахъ, Арнольдъ снова ощутилъ захватывающее и все заполняющее собою чувство могущества человѣка, который имѣетъ смѣлость надѣяться, что всѣмъ, что только охватываетъ его дерзкія мечты, онъ овладѣетъ.

Передъ нимъ сидѣла баронесса съ Дорой и Фелиціей. Музыки онъ не слушалъ, а былъ занятъ самимъ собою. Ему казалось, жить, дышать, видѣть передъ собою свободные пути, что подносить къ губамъ каждый день полноый кубокъ, чтобы затѣмъ, вечеромъ, опроставъ его до дна, отбросить въ сторону.

Онъ знакомился съ людьми, приходившими въ антрактахъ къ ба-

ронессѣ: графомъ Фалькенбергъ и его женой, красавицей, съ тихими и громадными, какъ у коровы, глазами; при этомъ замѣтилъ, что на всѣхъ производитъ впечатлѣніе. Тогда онъ старался дать себѣ отчетъ, какія собственно качества въ немъ покоряютъ ихъ и, чтобы не потерять то, чѣмъ уже обладалъ, сталъ тщательно наблюдать за собою. Поступокъ съ Фелиціей вызывалъ въ немъ раскаяніе, онъ находилъ недостойнымъ такъ играть живою душою. Но странно, и она сторонилась его. Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе своею веселостью и извѣстнаго рода привѣтливой глубиной, которыхъ она никогда раньше не замѣчала ни въ одномъ изъ мужчинъ, но сердце ея не обладало никакой потребностью въ логикѣ, а въ головѣ не было ни единаго твердаго жизненнаго понятія. Природа горько мстила ей тѣми муками, которыми она даритъ людей, лишенныхъ внутренной гармоніи.

Арнольдъ осушалъ свой кубокъ. Дни оказывались слишкомъ короткими, ночи также.

Какой богатой казалась ему жизнь. Когда онъ думалъ, какъ мало изъ ея богатствъ при даже благопріятныхъ условіяхъ достанется на его долю, онъ поражался.

Въ концѣ недѣли докторъ Барромео написалъ ему по поводу все еще не рѣшеннаго вопроса о новомъ помѣщеніи капитала и просилъ зайти къ нему въ бюро. Арнольдъ все откладывалъ это посѣщеніе дня два, потомъ взялъ экипажъ и поѣхалъ. Изъ темныхъ сѣней онъ вошелъ въ большую сводчатую комнату, съ неуклюжей мебелью и массой полокъ, педантично заставленныхъ рядами книгъ. Быстрая смѣна уличной толкотни на глухой міръ этого помѣщенія въ первую минуту даже нѣсколько испугала его. Онъ развязно опустился въ кожаное кресло противъ дяди; борода у него сегодня была какъ-то особенно тщательно расчесана, а губы бѣлы какъ песчаникъ. Въ этомъ мрачномъ помѣщеніи Арнольдъ вдвойнѣ интенсивно ощущалъ свою силу, жизнерадостность и довѣріе къ себѣ. Вдругъ случилось нѣчто ужасное—послѣ первыхъ же словъ, произнесенныхъ имъ, раздался сильный раскатъ грома. До того Арнольдъ не замѣтилъ никакихъ признаковъ приближающейся грозы, и вѣроятно она собралась въ какихъ нибудь нѣсколько секундъ. Какъ эхо громового удара раздались внутри его слова Шпехта: «пренепріятная исторія... совершенно тожественная съ той... какъ вы сами сейчасъ убѣдитесь...»

— Шесть процентовъ—это очень хорошо,—говорилъ Фридрихъ Барромео, мелькомъ взглянувъ въ окно и съ секунду прислушавшись къ удалявшимся раскатамъ,—но подумай, какъ ты рискуешь. Я справлялся—пожимаютъ плечами.

Арнольдъ сдѣлалъ усиліе надъ собою, такое усиліе, какъ до того ему рѣдко приходилось дѣлать. Посмотрѣвъ на черную бороду дяди онъ сказалъ:

— Но условія благопріятны. Въ настоящее время предпріятіе имѣетъ шансы на хорошій исходъ. Остальное дѣло счастья.

54.

Только что до Натали дошли слухи о предстоящемъ большомъ праздникѣ цвѣтовъ, какъ она сейчасъ же пустила въ ходъ всевозможныя пружины, чтобы принять въ немъ участіе. Ей удалось даже добиться представленія принцессѣ, почетной предсѣдательницѣ праздника, и услыхать отъ нея нѣсколько благосклонныхъ фразъ; осчастливленная, опьяненная, пылкая, какъ въ огнѣ, полетѣла она послѣ представленія домой. Ей предложили съ двумя пожилыми аристократками продавать конфети въ одной изъ палатокъ. Уже въ дверяхъ, задыхаясь и возбужденно она кричала сестрѣ:

— Петра, подумай только! — И принялась разсказывать. Но Петру, у которой сложилось убѣжденіе, что Натали не можетъ иначе, какъ выходить изъ себя или восторгаться, не особенно трогали ея настоящіе успѣхи. Она была моралистка по натурѣ; конечно, и она желала по возможности больше извлечь счастья и довольства изъ каменныхъ глыбъ своей жизни, но при условіяхъ, чтобы это удалось очень приличнымъ и высоконравственнымъ путемъ. Даже на лицѣ была видна нравственная строгость, и нависшая верхняя губа походила на маленькую крышу, надежную защиту противъ заблужденій,—страстей и возможности забыться.

Обладая сознаніемъ долга, она любила дать понять, будто страдаетъ отъ его выполненія.

Ничѣмъ не занятые часы, дѣйствительно заставлявшіе ее страдать, она заполняла музыкой, подобно тому какъ торопливо и чѣмъ попало набиваютъ для однодневнаго путешествія дорожный сундукъ. У Натали не было ни малѣйшаго сознанія долга и поступки ея находились въ постоянной зависимости отъ всякой перемѣны общественной температуры.

Она прекрасно и неизмѣнно чуяла ничтожество своего существа и своихъ поступковъ, не разбираясь въ нихъ, она чувствовала это, какъ чувствуютъ ночной воздухъ съ завязанными глазами. Бракъ, дѣти, хозяйство все было для нея иногда милой и занимательной, а иногда и скучной забавой. Теперь всѣ ея помыслы исключительно были направлены на цвѣточный праздникъ, и ничто, кромѣ него, не занимало. Госпожа Кенигъ мать, уже нѣсколько недѣль переѣхавшая къ Натали, чтобы постоянно видѣть вокругъ себя всю семью, была безнадежно больна. Но у Натали была лишь одна забота, выстоитъ ли до праздника погода, и она подробно совѣщалась объ этомъ со всѣми, начиная съ мальчика изъ булочной до молочницы включительно. Значеніе всего міра сводилось у

нея на успѣхи ея желаній, и она чувствовала особенную пріязнь къ небесамъ, пока тѣ одаривали ее солнечнымъ свѣтомъ.

Такимъ образомъ наступилъ желанный день. Портниха явилась въ одиннадцать утра, Натали тотчасъ же стала одѣваться, причемъ щеки ея пылали, а глаза увлажнились отъ волненія. На ней было голубое шелковое платье empire, искусно зашитое фіалками. Оно облегало нѣжное тѣло Натали точно благодатный райскій воздухъ.

Въ двѣнадцать явилась парикмахерша.

Темные волосы были перевиты пучочками фіалокъ. На шеѣ, на золотой цѣпочкѣ висѣлъ круглый медальонъ съ чуднымъ бриліантомъ. Длиннѣйшія перчатки, на застегиваніе которыхъ пошло около четверти часа; на ножкахъ голубыя туфельки и голубые шелковые чулки; въ такомъ видѣ вошла Натали въ комнату матери, гдѣ Левинъ и Петра играли въ карты. Госпожа Кёнигъ съ лицомъ сѣро-свинцоваго цвѣта лежала въ постели; сидѣлка держала передъ нею балонъ съ кислородомъ, и больная вдыхала его черезъ трубочку. При видѣ Натали она выронила ее; отъ нѣжной улыбки, появившейся на лицѣ, она не похорошѣла, а, наоборотъ, все лицо ея исказилось.

— Натали, дитя мое, ты отправляешься повеселиться...—сказала она голосомъ, напоминавшимъ хриплое карканье вороны.—Ты права... И я въ твоемъ возрастѣ была веселой, болѣе даже, чѣмъ веселой, когда подумаешь... А ты, Петра, дитя мое, остаешься дома съ своей бѣдной матерью? Это хорошо! О, ты у меня философъ, всегда было имя...

— Не говори такъ много, мама,—сказала Петра, морща лобъ.

Натали стояла нѣсколько сконфуженная и раздосадованная, какъ пѣвецъ, замѣчающій, что поетъ передъ глухими.

— Не находишь ли ты, Левинъ, что платье нѣсколько черезъчуръ вырѣзано?—спросила она.

— Милѣйшая моя Натали,—отвѣтилъ онъ, и его взглядъ въ одно и то же выражалъ время величественность и желаніе поссориться,—у меня на душѣ другія заботы, можешь быть увѣрена... Не знаю, испытывалъ ли кто-либо на землѣ столь ужасную боль, какъ я вотъ тутъ, вотъ тутъ...—и онъ потеръ колѣно.—Къ тому же ты легкомысленнѣйшая женщина...—уже съ бѣшенствомъ продолжалъ онъ,—я не позволяю себѣ купить лишней сигары, а ты...

Обѣ сестры съ ужасомъ посмотрѣли на него. И разстроенный въ конецъ, онъ замолчалъ, съ минуту смотрѣлъ на сидѣлку, потомъ заговорилъ по-французски, причемъ, однако, слово alors играло главную роль; больше ничего нельзя было разобрать.

Госпожа Кенигъ съ интересомъ и ненавистью слѣдила за этой оживленной бесѣдой. Она не вѣрила ни въ свою болѣзнь, ни въ то, что ей скоро придется умереть.

То, что ей приходилось лежать и дышать кислородомъ, она при-

писывала неблагопріятному стеченію обстоятельстъ и ненавидѣла собственныхъ дѣтей, когда тѣ слишкомъ явно напоминали ей о томъ что называется жизнью. Только къ одному человѣку она относилась съ довѣріемъ, а именно къ своему врачу. Ей казалось, что если удастся заслужить его расположеніе, смерть станетъ безсильной. Въ сущности она была доброй старушкой, немного смѣшная въ своемъ тщеславіи и раздутой величественности, но у нея дѣлались судороги отъ ядовитаго бѣшенства, если окружающіе думали не исключительно о ея болѣзни. Руками, ногами и зубами она цѣплялась за настоящую жизнь, какою она себѣ ее представляла, т.-е., чтобы утромъ спокойно попить кофе, потомъ до обѣда выслушивать разныя сплетни, потомъ съ наслажденіемъ пообѣдать, послѣ выѣзжать или по дѣламъ, или кататься въ Пратеръ, вечеромъ съ удовольствіемъ поболтать въ семейномъ кругу, и потомъ крѣпко и глубоко проспать десять часовъ подрядъ, причемъ на ночномъ столикѣ, какъ видится, должны стоять два стакана съ водою. Такъ она съ удовольствіемъ прожила бы нѣсколько тысячъ лѣтъ подрядъ.

Съ сильно бьющимся сердцемъ сѣла Натали въ карету и отправилась къ празднично изукрашенному парку дворца Бельведеръ.

Было еще довольно рано. Въ смущеніи осматривалась она вокругъ и еле разглядѣла длиннаго, изысканно одѣтаго господина, которому было поручено провожать дамъ въ назначенные для нихъ кіоски. Ея глаза застилались туманомъ ошеломляющаго сладострастія—она чуть чуть не спросила совершенно незнакомаго ей мужчину: «ну что скажете, какъ я вамъ нравлюсь?»—такъ какъ для нея это было важнѣе всего.

Она не замѣчала ни разстилающагося надъ нею голубого неба, ни раскаленно-зеленой листвы, ни цвѣтовъ, которые какъ бы цѣлыми потоками вѣнковъ и огненныхъ гирляндъ заполняли всѣ дороги и перекидывались въ видѣ арокъ съ одного дерева на другое; не замѣчала безчисленныхъ искусныхъ фонтановъ, длинныхъ рядовъ палатокъ, любопытныхъ людей; для нея все это было лишь неудовлетворительнымъ зеркаломъ для отраженія ея собственной разряженной фигурки и она улыбалась смущенно, нѣжно, точно во снѣ, почти не сознавая куда идетъ, гдѣ стоитъ, что говоритъ и что ей говорятъ. Ея маленькое сердечко билось легко—весело и скованная душа выглядывала изъ него на свѣтъ Божій, точно черезъ рѣшетку окна. Въ такомъ состояніи Натали тоже прожила бы съ удовольствіемъ тысячи годовъ...

Она пила темный полузамороженный сладкій кофе, кушала тортъ изъ взбитыхъ сливокъ и съ безсодержательной, но блаженной улыбкой отвѣчала на вопросы молодого дворянчика, похожаго на подростка и въ самомъ дѣлѣ бывшаго лишь таковымъ. Продавъ какой-то пустякъ, они выручили за него бумажку. Подошла Анна Барромео и привѣтливо поздоровалась съ Натали. Она завѣдывала съ двумя придворными актрисами лотереей.

На ней было бѣлое, какъ жасминъ, платье съ тяжелыми греческими складками, схваченными на бокахъ дорогимъ, украшеннымъ пятью изумрудами поясомъ. Красновато-золотистые волосы, зачесанные на подобіе короны, придавали ея фигурѣ что-то царственное; это впечатлѣніе увеличивалось еще блѣднымъ лицомъ и блѣдной шеей съ вибрирующими голубыми жилками.

Аристократки большею частью были одѣты проще не аристократокъ. Послѣднимъ хотѣлось похвастаться своимъ умѣньемъ нарядиться, но глубокое впечатлѣніе производитъ лишь безыскуственность и спокойная простота.

Въ этомъ отношеніи Анна Барроммео еще могла ввести въ заблужденіе, но и у нея въ душѣ бушевало честолюбіе.

— Гдѣ господинъ Анзорге?—спросила Натали и ея любопытное дѣтское личико отъ присутствія болѣе красивой женщины подернулось робостью и завистью.

Анна Барромео указала на одну изъ боковыхъ дорожекъ, гдѣ стоялъ Арнольдъ съ графиней Фалькенбергъ, баронессой Валескотъ и Фелиціей. Онъ издали поклонился Натали. Та съ внутреннимъ безпокойствомъ окинула взглядомъ обѣихъ Валескотъ: ихъ простые, почти строгіе наряды снова наполнили ея душу какой-то неопредѣленной заботой. Но Арнольдъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы сегодня прекрасны, madame Натали,—и этихъ словъ было достаточно, чтобы снова настроить ее на веселье и любовь ко всему человѣчеству. Она не попыталась даже отвѣтить ему, только покраснѣла до плечъ.

Съ удивленіемъ, почти съ почтеніемъ, смотрѣла она на блѣдное, но какъ бы отражающее праздничное веселье, лицо Арнольда. Вскорѣ около палатки Натали, украшенной гирляндами розъ, толпилась масса народу.

Графини и княгини подходили, чтобы подарить ее ласковымъ словомъ или поклономъ: одинъ изъ эрцгерцоговъ остановился и попросилъ представить себѣ очаровательную даму; являлись молодые кавалеры и предлагали свои услуги... Она такъ и блистала остроуміемъ; успѣхъ и запахъ цвѣтовъ опьяняли ее и ей стало казаться, что она чужая принцесса, которую долго не признавали и наконецъ-то теперь стали отдавать должныя почести. Въ трехъ различныхъ пунктахъ обширнаго парка играли три оркестра. Покачиваясь на цыпочкахъ, Натали съ восторгомъ прислушивалась къ вальсу, какъ вдругъ замѣтила среди приближающейся толпы Левина, заглядывающаго во всѣ палатки. Мрачный, не предвѣщающій ничего хорошаго видъ мужа подѣйствовалъ на нее такъ, будто ея щекъ и лба коснулось ледяное дыханіе. Рѣшетки въ ея сердцѣ опустились и сладостный вальсъ сразу превратился въ злобный хриплый крикъ. Она совершенно забыла, что была замужемъ за Левиномъ, и теперь его надутая важность, толстыя не-

гритянскія губы, которыя уже издали выдавали ужасную вѣсть, что несли ей, произвели на нее впечатлѣніе удара бича. Увидѣвъ жену и протискавшись къ ней, Левинъ какъ-то странно захлебываясь сказалъ:

— Поѣдемъ домой, Натали, твоя мать...

Натали тихо и тяжело вздохнула. Ей казалось, что она сразу ослѣпла отъ испуга и почувствовала себя самымъ ужаснымъ и предательскимъ образомъ ограбленной. Глаза наполнились слезами, она не двинулась съ мѣста.

— Ты должна вернуться домой,—настаивалъ Левинъ, продолжая захлебываться и въ то же время съ любопытствомъ и завистью оглядываясь по сторонамъ.—У твоей матери ужасный припадокъ...

— Навѣрно, не сильнѣе обыкновеннаго, — возразила Натали, широко и съ упрекомъ раскрывая глаза,—оставь меня здѣсь только до прихода государя.

Левинъ съ большимъ удовольствіемъ далъ бы согласіе, потому что самъ начиналъ входить во вкусъ окружающаго ликованія и забывалъ, что собственно привело его сюда. Но въ Натали уже проснулась совѣсть, и она дрожащими руками набросила на плечи свою накидку. Въ ея возбужденномъ, дрожащемъ и смущенномъ сердечкѣ клокотало неудовольствіе на мать. Когда она попрощалась съ дамами, Левинъ противъ воли послѣдовалъ за ней. На одной изъ боковыхъ дорожекъ, ведущихъ прямымъ путемъ къ выходу, встрѣтился имъ Арнольдъ; онъ спѣшилъ, точно былъ заваленъ дѣлами.

— Куда, куда?—воскликнулъ онъ.—Государь ѣдетъ.

Левинъ ласково щелкнулъ пальцами. Но Натали зарыдала какъ ребенокъ.

— Теперь-то начинается самое интересное,—прошептала она и стала смотрѣть прямо передъ собою. Арнольдъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ Натали вслѣдъ, но лишь одну секунду. Въ глазахъ его свѣтилась жажда удовольствія, онъ смотрѣлъ въ безоблачное небо и вдыхалъ запахъ луговъ и цвѣточныхъ клумбъ, наслаждаясь ощущеніемъ избытка неизрасходованныхъ силъ, способный многое покорить себѣ и прежде всего желавшій себя на чемъ-нибудь испробовать. Но все враждебное уступало ему дорогу, такъ ему казалось по крайней мѣрѣ, и неистраченныя силы и смѣлость порождали дикое, лихорадочное состояніе. Онъ протискался сквозь все увеличивающуюся толпу къ палаткѣ Валескотъ, продававшихъ лотерейные билеты; на каждые сто билетовъ, выпадалъ лишь одинъ единственный выигрышъ—золотая, чудной работы, хризантема. Дора, съ мечтательной улыбкой, протягивала проходящимъ бѣлую вазу, наполненную бумажными трубочками.

— Сколько стоитъ билетъ?—спросилъ Арнольдъ, подходя къ палаткѣ.

— Это зависитъ отъ васъ,—отвѣтила Дора съ притворною скромностью.

Арнольдъ бросилъ на прилавокъ пять гульденовъ и вынулъ билетъ; онъ оказался пустымъ, второй и третій тоже. Вынувъ изъ бумажника сто гульденовъ, онъ взялъ двадцать билетовъ. Со всѣхъ сторонъ подходили любопытные и поспѣшно протискиваясь, составили около него полукругъ. Изъ-за палатокъ показались дамы-патронессы праздника и нѣсколько мужчинъ. Отъ Анны Барромео не ускользнуло ни единаго движенія Арнольда. Ея лобъ сморщился, на губахъ играла выжидательная улыбка.

— У меня нѣтъ больше денегъ, — сказалъ Арнольдъ и оглянулся.

— Но зато кредиту сколько угодно,—воскликнула Дора.

Тогда онъ, смѣясь, вытащилъ полные пригоршни выигрышей и выдалъ росписку на 500 гульденовъ.

— Браво, Нарцисъ!—восклинулъ Валескотъ, также показавшійся у палатки; дамы захлопали въ ладоши, а нѣкоторыя стали даже помогать ему развертывать трубочки. Публики все больше и больше тѣснилось. Арнольдъ, точно опьянѣвъ, схватилъ обѣ еще почти полныя вазы, высоко взмахнулъ ими и высыпалъ легкіе билетики на головы окружающихъ, съ хриплымъ, восторженнымъ крикомъ радости. Безчисленныя руки протянулись за летящими бумажками и вся масса завертѣлась вокругъ самой себя. Это было даже страшно. Дора ликовала вмѣстѣ съ другими; Фелиція точно оцѣпенѣла, Валескотъ обнялъ Арнольда—вдругъ среди этой суеты раздался возгласъ:

— Императоръ, императоръ!

Всѣ капеллы соединились и заиграли народный гимнъ; солдаты раздвигали толпу, посрединѣ образовался широкій проходъ, въ который еще издали стало видно государя. Арнольда охватила непонятная дрожь. Императоръ шагахъ въ пяти отъ него разговаривалъ съ Анной Барромео и графиней Фалькенбергъ, потомъ съ улыбкой кивнулъ головой сестрамъ Валескотъ и прослѣдовалъ далѣе сквозь молчащую толпу. Арнольдъ съ чувствомъ вѣрноподданничества, граничащаго со страхомъ, отвѣсилъ глубокій поклонъ; его глаза подернулись влагой; мозгъ утомился.

Наступилъ вечеръ. На балюстрадѣ, въ верхнемъ концѣ сада, былъ фейеверкъ. Съ трескомъ поднимались въ воздухъ цвѣтныя ракеты, точно хотѣли взобраться на самое небо, но жалкимъ образомъ лопались надъ землею и изъ нихъ вываливались громадныя вздутыя фигуры изъ японской папиросной бумаги; слоны съ всадниками, мандарины, смѣшно кивающіе головой, летающія рыбы и лягушки. Пестрыя фигуры очень мило ковыляли и плыли по воздуху, точно заблудившіяся группы далекихъ созвѣздій; ихъ освѣщали въ высшей степени таинственно бенгальскіе огни. Палатки стали запираться и знать отправилась во дворецъ, чтобы полюбоваться танцами и живыми картинами. Арнольдъ стоялъ подъ деревьями и молча смотрѣлъ въ свер-

кающій огнями садъ. Вспыхнула радуга Цергона и ея лучи заискрились въ лѣтнихъ сумеркахъ. Музыка играла танцы и банальныя мелодіи. Всѣ дорожки были густо усѣяны цвѣтами и самый воздухъ казался сладострастнымъ и душнымъ. Арнольдъ забылъ мѣсто и время и напрасно старался обуздать въ себѣ тысячи внутреннихъ вожделѣній. Онъ былъ разгоряченъ, сознательность нѣсколько притуплена, усталъ, но опьяненіе точно подшпоривало его. Міръ теперь разстилался передъ нимъ не въ мирномъ спокойствіи, а летѣлъ, задыхаясь отъ ликованія, и нужно было сосредоточить все вниманіе исключительно на томъ, чтобы не пропустить моментъ, когда можно будетъ вспрыгнуть наверхъ, какъ на подножку вагона экстреннаго поѣзда. И это чувство вѣчнаго спѣха, вѣчнаго «на сторожѣ», вызывало въ немъ слабость и какую-то странную, безсильную похотливость. Онъ задумчиво шелъ между низко свѣшивающимися кустами бузины. Было темно, но ему хотѣлось немного придти въ себя. Цвѣты слишкомъ сильно и слишкомъ сладко благоухали. Издали неслось безсмысленное брянчанье музыки и крики людей и «народа», какъ выразительно замѣтила баронесса Валескотъ. Арнольдъ вздрогнулъ. Сзади его обхватили двѣ руки и къ нему прижалась чья-то теплая грудь; въ ту же минуту на шеѣ онъ почувствовалъ что-то влажное, теплое, какъ бы сосущее, услышалъ прерывистое дыханіе и шопотъ, а когда насильно повернулся, то увидѣлъ, какъ прошуршало платье и на золотомъ поясѣ въ сіяніи заблудившихся свѣтовыхъ лучей блеснули изумруды.

Арнольдъ опустилъ голову и остановился на мѣстѣ, безсмысленно улыбаясь. Ему казалось, что его захватилъ и закружилъ горячій вихрь. Онъ догадывался, кто обнималъ его, но подавлялъ въ себѣ приближающуюся увѣренность. Потому что въ противномъ случаѣ ему пришлось бы броситься въ траву и умолять своего парящаго въ недосягаемыхъ высотахъ Бога, чтобы онъ заставилъ его бѣжать или даровалъ колеблющейся душѣ больше силы. На одну секунду онъ смирился; поднялъ было глаза къ небу, но не сталъ дожидаться, какъ его осѣнитъ просвѣтленіе, а тотчасъ же насильно принудилъ свое сердце отдаться ликованію, и когда до него донесся съ подъѣзда дворца громкій зовъ, онъ отвѣтилъ на него торжествующимъ далеко разносящимся крикомъ. Онъ выступилъ изъ чащи, и свѣтъ ослѣпилъ его.

Валескотъ шелъ къ нему навстрѣчу и сталъ тащить его за собою, потому что, говорилъ онъ, нельзя больше терять ни минуты. Насмѣшливо улыбаясь, Арнольдъ послѣдовалъ за барономъ въ уборную, гдѣ для него былъ приготовленъ греческій костюмъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Натали. Она вернулась и шла теперь съ блаженной улыбкой, будто происшествіе, что заставило ее уѣхать, было сто лѣтъ тому назадъ. Пронеслась туча по ея радостному небосклону, но не разрядилась.

55.

Арнольдъ праздновалъ свое новоселье; на Антиноѣ по этому случаю красовалась гирлянда изъ розъ, но въ виду расточительной роскоши остальнoго убранства онъ не возбудилъ особеннаго вниманія гостей. Объ этомъ праздникѣ поговорили съ недѣлю, а потомъ забыли. И снова съ насмѣшливою медлительностью потянулись дни за днями... Арнольдъ ходилъ въ гости, но однообразіе разговоровъ утомляло его; какъ-то зашелъ къ Хиртлю и тотъ фестировалъ его точно Бога, но видъ больного только вызвалъ въ немъ отвращеніе. Нерѣдко, выходя изъ какого-нибудь свѣтскаго общества, мускулы его лица сразу опускались, лобъ становился мрачнымъ и глаза подергивались холодомъ. Онъ попробовалъ было принимать участіе въ сборищахъ актеровъ и другихъ причастныхъ кулисамъ лицъ, шатался съ ними по цѣлымъ ночамъ и усвоилъ себѣ ихъ постоянную искусственно-возбужденную веселость. Онъ, какъ и они, началъ относиться критически ко всѣмъ и каждому и высказывалъ плохое мнѣніе о томъ, къ кому только что передъ тѣмъ, повидимому, относился съ полнымъ довѣріемъ. Таящаяся въ глубинѣ его души человѣчность, нѣсколько тяжеловатая грація, рѣшительность, сила, остроуміе, оригинальная манера выражаться, какъ бы облагораживая самыя обыкновенныя вещи, вызывали къ нему уваженіе и онъ единогласно былъ признанъ за человѣка самобытнаго. Но на самой вершины успѣха онъ стряхнулъ съ себя своихъ поклонниковъ, какъ человѣкъ, проспавшій ночь на сѣновалѣ стряхиваетъ съ своего платья сѣно, и вернулся въ болѣе чистоплотное «хорошее общество»; но и тамъ не могъ долго оставаться, не почувствовавъ скуки, страшной тяжестью сдавливавшей ему грудь. Тогда онъ принялся за прерванную работу, но вскорѣ замѣтилъ, что сердце его безпокоится, словно мышь попавшая въ западню и что руки сами по себѣ, маханически-вяло выполняютъ лишь самое необходимое. Вслѣдствіе этого работа оказывалась безплодной и умъ игралъ лишь роль искусственныхъ крыльевъ деревянной птицы. Мѣсто выполнимыхъ плановъ заняли различныя желанія, вызывавшія одну досаду, потому досаду, что даже въ мечтахъ они не могли быть выполненными, и лишь поверхностнымъ свѣтомъ озарявшія мракъ, словно дымъ или копоть осѣдавшая въ груди. Разныя пустяшныя дѣла заставляли его выходить и онъ послушно выполнялъ ихъ, принималъ приглашенія, былъ разговорчивъ, предпріимчивъ, участливъ и беззаботенъ. А безпокойство между тѣмъ все росло; сталъ строить планы различныхъ путешествій и, вслѣдствіе страха пропустить время для чего-то важнаго, снова отбрасовалъ ихъ. Кромѣ того, онъ думалъ, что не имѣетъ права позволять себѣ такихъ царскихъ отдыховъ, такъ какъ, хотя въ настоящую минуту ровно ничего не предпринимаетъ, но отъ каждаго

слѣдующаго дня ждетъ какого то рѣшенія. Стоило ему закрыть глаза и свѣтъ манилъ его; открыть ихъ и онъ отталкивалъ его отъ себя. Въ душѣ у него произошелъ расколъ, какъ между партіями парламента. Возбужденный мозгъ не могъ заставить встрепенуться замершее сердце или наоборотъ. Такимъ образомъ или умъ бывалъ недоволенъ сердцемъ, или сердце умомъ, или же внутри наступала жуткая тишина. Но во снѣ онъ начиналъ волноваться и имъ овладѣла мучительная борьба. День начинался какъ-то безпорядочно и также кончался. Каждая сила въ отдѣльности дѣйствовала разрушительно, даже самообладаніе побуждало къ притворству и въ результатѣ получалось то отчаянное выжидательное положеніе, которое вызывается неоконченной внутренней борьбой. Однажды среди ночи Арнольдъ поднялся съ кровати: ему показалось просто невыносимымъ оставаться въ этихъ комнатахъ. Расхаживая взадъ и впередъ, онъ дождался утра и отправился на бывшую квартиру Верены.

Тамъ Арнольдъ уже не былъ около шести недѣль. Мебель и драпировки были покрыты пылью; войдя въ мавританскую комнату, онъ растянулся тамъ на диванѣ и закрылъ глаза рукою. Враждующія партіи души, точно жаждая ночного отдыха, на время отбросили свои споры, но зато его охватила тоска, да такая, какой еще никогда не испытывалъ. Не по Веренѣ только, а по всему, что она унесла съ собою. Куда все это дѣвалось? При одной мысли неправильно обвинить ее въ чемъ-нибудь, онъ становился самому себя противенъ, а потому мысленно сталъ искать судью надъ собою; тутъ-то изъ темноты смутныхъ ощущеній передъ нимъ ясно въ повелительномъ спокойствіи обрисовался образъ Александра Ханки. Недвижимо полежавъ нѣсколько часовъ въ мирной комнатѣ, онъ отправился къ Ханкѣ, котораго давно не видалъ; на его приглашеніе на новоселье тотъ отвѣтилъ извиненіемъ, и Арнольдъ скоро забылъ о немъ.

Въ отелѣ ему сказали, что докторъ Ханка уже болѣе не живетъ здѣсь, а нанялъ комнату въ 3-мъ округѣ. Получивъ адресъ, Арнольдъ, горя нетерпѣніемъ, нанялъ экипажъ и поѣхалъ къ нему. Въ маленькомъ чистенькомъ домикѣ ему пришлось подняться на двѣ лѣстницы-на нее же выходило окно изъ кухни, и кухарка объявила ему, что господинъ докторъ еще спитъ.

— Такъ разбудите его,—улыбаясь, сказалъ Арнольдъ,—уже одиннадцать. Скажите, что пришелъ другъ.

Когда онъ вслѣдъ затѣмъ вошелъ къ Ханка, тотъ потягивался еще въ кровати.

— Ну, милѣйшій, что же васъ привело ко мнѣ? спросилъ онъ.

— Я хотѣлъ убѣдиться, живы ли вы еще? — отвѣтилъ Арнольдь, садясь возлѣ.—Почему васъ не видать? Почему тогда не пришли ко мнѣ?—Онъ не ждалъ отвѣта на свои вопросы и задавалъ ихъ тѣмъ легкимъ тономъ, который можетъ служить переходомъ или чѣмъ-то

въ родѣ занавѣси для того, что человѣкъ таитъ въ себѣ. Мимоходомъ онъ обратилъ вниманіе на простоту и непривѣтливое убранство помѣщенія, и это заставило его слегка задуматься.

Ханка немного приподнялся и облокотился на руку.

— То, что вы пришли ко мнѣ, плохой знакъ для вашего душевнаго состоянія,—съ удивленіемъ сказалъ онъ.

— Вздоръ,—отвѣтилъ Арнольдъ.—Вставайте-ка, да потолкуемъ какъ слѣдуетъ.

Ханка засмѣялся, поднялся съ кровати, съ жалкой миной погладилъ свои тонкія ноги и, дрожа, натянулъ на себя кальсоны.

— Что подѣлываете?—проронилъ онъ низкимъ голосомъ—У васъ все такой же сильный аппетитъ къ жизни? Вы стали молчаливы, по крайней мѣрѣ со мною, потому что вчера еще нѣкто разсказывалъ мнѣ, что считаетъ васъ самымъ занимательнымлъ человѣкомъ на свѣтѣ и удивляется вамъ.

Указывая быстрымъ жестомъ на масляную картину на столѣ. Арнольдъ спросилъ:—А это кто?

Ханка въ это время умывался, и фыркая, отвѣтилъ:—Человѣкъ, который рано или поздно сойдетъ съ ума.

— Поэтому у васъ и виситъ его портретъ.

— Именно. Для калѣки наслажденіе видѣть человѣка совершенно безъ ногъ. На этомъ чувствѣ зиждется всякое истинное довольство.

Они вмѣстѣ отправились обѣдать, вмѣстѣ сидѣли въ кофейной, вечеръ провели потомъ тоже другъ съ другомъ и разошлись поздно ночью.—Что вы, въ сущности, находите въ моемъ обществѣ? — спросилъ Ханка. Моменты, когда я могу вамъ датъ что-нибудь рѣдки.

Арнольдъ, не задумываясь ни на минуту, отвѣтилъ: Да, но вліяніе этихъ моментовъ продолжительной смѣхъ.

Ханка удивленно замолчалъ. Удивленіе это усилилось еще и отъ того, что онъ, въ концѣ концовъ, не могъ не видѣть, что Арнольдъ шелъ къ нему въ качествѣ просителя, и ему стало стыдно за него; хотя онъ любилъ его, но сталъ постепенно отдаляться. «Проситъ у меня моего времени», думалъ онъ; «и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я могу разсточать его сколько угодно, но чѣмъ болѣе буду удѣлять его ему, тѣмъ бѣднѣе онъ будетъ становиться. Вотъ интересная ариѳметическая задача». Онъ всегда предвидѣлъ конецъ всяческимъ человѣческимъ отношеніямъ и заранѣе опасался его. Заранѣе представлялъ себѣ, какъ нѣжное лицо исказится ненавистью, станетъ гадкимъ, а красота, полная жизни, по его мнѣнію уже отдавала запахомъ разложенія. Для него было бы полезно пожить въ такомъ мірѣ, въ которомъ ничто не измѣнялось бы, гдѣ вода не выдалбливала бы камней и друзья никогда не превращались въ клеветниковъ. Онъ жилъ, какъ бы вѣчно присматриваясь ко всему, что подвергается порчѣ, что приближается къ смерти и подвергается законамъ земныхъ

превращеній. Глядя на воду, онъ уже ждалъ, когда она превратится въ облака; на облака, когда они разольются дождемъ. Думалъ, что камень, о который споткнулась его нога, можетъ причинить смерть идущему вслѣдъ за нимъ... о всякомъ движеніи, улыбкѣ, рѣшеніи онъ думалъ, что вотъ они могутъ измѣнить или окончательно остановить теченіе судьбы; не было такого кушанья, питья, волоска на человѣческомъ тѣлѣ, которыя по своему не могли бы причинить смерти. Въ выжидательномъ выраженіи его темныхъ глазъ таилось нѣчто иное, нежели огонь, который зажигаетъ мысль или фантазія.

Но рѣшеніе избѣжать Арнольда ни къ чему не привело—тотъ точно гнался за нимъ; часто было похоже, что между ними разыграется умственной поединокъ, потому что мысли Арнольда, освобожденнаго отъ броженія крови и душевнаго безпокойства, быстро уносились отъ вопросовъ земли и искали спасенія въ царствѣ отвлеченнаго мышленія и мечтаній. Но и въ этой области Ханка былъ неизмѣримо сильнѣе его. Онъ обладалъ неумолимой логикой во всемъ, что касалось вопросовъ духа, поистинѣ божественной прозорливостью и безграничными познаніями. Никто никогда не видалъ, чтобы онъ чѣмъ-нибудь занимался продолжительное время, и все же не было такой области въ наукѣ, въ которой онъ былъ бы лишь диллетантомъ или рутинеромъ. Безграничному блужданію въ области незрѣлаго эмпиризма онъ противоставлялъ въ видѣ желѣзнаго укрѣпленія формулу и временами человѣчно и благородно опрокидывалъ, словно гнилое дерево, всякое суемудріе и вступалъ въ свѣтлую обитель созерцанія и идеи.

Арнольдъ боролся напрасно. Его духъ взлеталъ въ высь и затѣмъ, изнемогая, снова спускался на землю. Въ немъ зарождалась глухая ненависть къ Ханка; ненависть затаенная, подавленная, пріобрѣтавшая надъ нимъ власть лишь въ часы нравственнаго безсилія. Онъ запутывался въ пустыхъ противорѣчіяхъ, напускалъ на себя презрѣніе къ узкой дѣловитости Ханка; и какъ ужасно у него было на душѣ, когда временами онъ начиналъ догадываться, что, собственно говоря, борется вовсе не за то, что говоритъ, а за нѣчто иное, чего не осмѣливался коснуться ни единымъ словомъ, за то таинственное, что лежалъ далеко назади въ прошедшемъ, словно запертой храмъ. Да, Арнольдъ ненавидѣлъ, завидовалъ спокойному превосходству Ханка и, смущенный, неувѣренный въ себѣ, все таки жаждалъ найти возможность одержать надъ нимъ побѣду; все равно какую, но побѣду во что бы то ни стало, потому что боялся и Ханка, и самого себя, и общества, передъ которымъ его сердце оказывалось теперь настолько же безпомощнымъ, какъ и голова Ханка. Все это иногда прорывалось наружу въ изворотахъ несправедливыхъ и иногда слишкомъ поспѣшныхъ сужденій. Однажды, придя къ Ханка онъ увидалъ у него на углу стола нобольшой листъ картона, на которомъ рукою хозяина было написано: «я вошелъ во врата смерти и вступилъ на порогъ Прозерпины, но,

пройдя всѣ элементы, вернулся обратно. И среди ночи я увидалъ ослѣпительное сіяніе солнца».

Арнольдъ прочелъ это и съ проніей спросилъ:

— Что это за болтовня? Какъ не стыдно заниматься такой чепухой? и, взявъ кусокъ картона, съ пренебреженіемъ отбросилъ его въ сторону.

Ханка по своей привычкѣ двумя пальцами ухватилъ кончикъ своего носа, сжалъ его и снисходительно осторожно возразилъ:

— Это изреченіе взято изъ мистерій Изиды, дорогой мой.

Всякая горячка была чужда его натурѣ.

Ни самый отвѣтъ, ни тонъ его не заставили Арнольда измѣниться въ лицѣ, подойти къ окну и смотрѣть на сѣрое, покрытое облаками небо. Нѣтъ: но онъ поймалъ на себя взглядъ Ханки удивленной, расширенный, вопросительный: «что даетъ тебѣ право вмѣшиваться въ мою жизнь? Неодобрительно относиться къ тому, что я думаю? Можетъ быть, въ этомъ то ищешь спасенія отъ своего собственнаго душевнаго разлада и въ видѣ отвлеченія хочешь заняться чужимъ внутреннимъ міромъ?»—вотъ что приблизительно выражалъ взглядъ Ханка.

Дома Арнольдъ нашелъ письмо отъ Эммериха Хиртеля: «Забыть, окончательно забыть—писалъ тотъ.—Нѣсколько дней тому назадъ я думалъ о васъ и съ тѣхъ поръ никакъ не могу забыть. Приходите ко мнѣ. Я писалъ не выхожу. Приходите сегодня вечеромъ. Я всѣми покинутъ, сижу дома и поэтому чувствую себя плохо. Я приготовилъ для васъ лучшее печенье во всей Европѣ, а не захотите разговаривать, можете молчать, только приходите. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ не видалъ настоящаго человѣка и окончательно одинокъ. Скоро наступитъ мой конецъ. Вашъ Хиртель».

Арнольдъ равнодушно отбросилъ письмо. Бабье нытье больного возбуждало въ немъ отвращеніе. Черезъ часъ онъ уже забылъ о немъ. Попробовалъ было читать, но скоро отбросилъ книгу, взялъ шляпу и трость и отправился въ кафе. Но и тамъ не могъ долго оставаться—его манила улица. Медленно пересѣкъ онъ Рингъ и пошелъ по направленію къ народному дому, но вскорѣ вернулся обратно, такъ какъ къ ужину ждалъ къ себѣ Ханка. На лѣстницѣ его встрѣтилъ одинъ изъ лакеевъ и съ растеряннымъ видомъ пробормоталъ: «Сударь, у насъ случилась бѣда». Арнольдъ съ головы до ногъ смѣрилъ его взглядомъ и тотъ, пройдя впередъ, распахнулъ передъ нимъ двери въ комнату, гдѣ находилась статуя Антиноя. Теперь она уже не стояла, а валялась на полу, голова откатилась къ окну, а лѣвая рука, съ ея чуднымъ жестомъ, была также отломана и лежала рядомъ съ туловищемъ. Арнольдъ произвелъ строжайшее разслѣдованіе. Оказалось, что лакеи въ его отсутствіе забавлялись въ этой комнатѣ единоборствомъ, причемъ опрокинули статую и вмѣстѣ съ нею свалились на полъ. Арнольдъ обоимъ отказалъ отъ мѣста и грустно усѣлся передъ обломками. Когда

пришелъ Ханка, они вдвоемъ подняли торсъ и осмотрѣли мѣсто полома. Ханка объявилъ, что бѣда не такъ еще велика и ее можно исправить съ незначительными затратами. Его забавлялъ разстроенный видъ Арнольда—онъ не могъ бы быть грустнѣе, если бы у него умеръ близкій другъ.

— Съ которыхъ поръ вы такъ сильно полюбили бездушные предметы?—спросилъ онъ немного нетерпѣливо.

56.

Они отправились въ столовую и молча сѣли ужинать; ѣли они съ присущей людямъ образованнаго круга спокойной порядочностью, съ которою тѣ относятся къ подобнаго рода занятіямъ. Было довольно поздно, уже около десяти, когда они встали изъ-за стола и отправились въ другую комнату покурить. Ханка, нѣсколько разстроенный, какъ бы желая облегчить себя разсказомъ, сообщилъ, что продажа дома, цѣнныхъ вещей и упрощенный образъ жизни мало принесли ему пользы. Представлено ко взысканію новое долговое обязательство на 15 тысячъ гульденовъ.. Кромѣ того, ему предстоитъ выплата денегъ прежней своей супругѣ, а тамъ, гдѣ нравственность сводится къ денежному вопросу, онъ не имѣетъ права долѣе колебаться, съ горечью замѣтилъ онъ. Ему прямо страшно обратиться къ сестрѣ Агнесѣ, находящейся на пути къ выздоровленію, ее потрясетъ до глубины души малѣйшій намекъ на его разореніе... И все-таки я долженъ рѣшиться на это,—стоически закончилъ онъ,—если не желаю, чтобы стропила рухнули мнѣ на голову и раздавили меня.

Арнольдъ слушалъ лишь вполовину и скоро мысли его унесли далеко отъ сердечныхъ изліяній Ханка. Ища перехода къ другой темѣ, онъ вспомнилъ письмо Хиртля и подалъ его Ханка. Тотъ дважды прочелъ его, разсмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ бумагу и, наконецъ, спросилъ:

— Почему вы не пошли къ нему?

Арнольдъ пожалъ плечами.

— Этотъ человѣкъ лжетъ,—сказалъ онъ холодно.—Не относительно фактовъ, а относительно чувствъ.

— Такъ не лгутъ,—покачавъ головой отвѣтилъ Ханка.—Въ прежнія времена я часто встрѣчался съ нимъ, большею частью у Натали—Остербургъ. Онъ очень добродушный человѣкъ.

— Хиртль радъ своей хворости — съ живостью возразилъ Арнольдъ,—онъ съ удовольствіемъ умеръ бы, если бы могъ увидать впечатлѣніе, произведенное его смертью.

Ханка усмѣхнулся, однако, нѣсколько удивленно заглянулъ въ лицо Арнольда.

— Да вы психологъ,—замѣтилъ онъ, почесывая у себя за ухомъ,

но психологъ, придерживающійся невѣрнаго метода, а именно, разъ навсегда заготовлять готовыя сужденія. Съ такою же проницательностью вы могли бы утверждать, что дерево есть неудавшійся каменный уголь. Нѣтъ, это не хорошо.

Въ Арнольдѣ вновь шевельнулась загадочная ненависть къ Ханка, соединенная со страхомъ. Онъ собирался что-то возразить, но снаружи позвонили и вслѣдъ затѣмъ человѣкъ доложилъ о господинѣ Хиртлѣ. Арнольдъ и Ханка переглянулись; первый выглядѣлъ нѣсколько сконфуженно, второй смотрѣлъ съ легкой насмѣшкой.

Вошелъ Хиртль, какъ всегда какою-то деревянной походкой, точно бедра не позволяли ногамъ сгибаться.

— Если гора не идетъ къ Магомету, то Магометъ идетъ къ горѣ — произнесъ онъ съ судорожной улыбкой и сдавленнымъ, беззвучнымъ голосомъ. Подавъ обоимъ руку, онъ сѣлъ. — Если бы вы только знали, мои милые, что значитъ одиночество — произнесъ онъ со вздохомъ, стараясь придать своему замѣчанію характеръ шутки.— Въ воздухѣ передъ тобою носится множество лицъ, а стѣны комнаты распадаются, она становится какой-то бездонной...

Лицо Хиртля было грязно-сѣраго цвѣта, точно паутина, глаза ввалились и боязливо вращались въ орбитахъ; на лбу то и дѣло выступали капли пота, который онъ время отъ времени вытиралъ платкомъ. Ханка, не переставая наблюдалъ за нимъ, въ то же время изрѣдка сбоку окидывая Арнольда взглядомъ, но тотъ, молча, тоненькими колечками пускалъ дымъ своей сигары въ воздухъ.

— Какъ же вы поживаете, дорогой мой? — обратился Хиртль къ Арнольду и его взглядъ засвѣтился искренней дружбой и безусловной преданностью.—Онъ видѣлъ въ Арнольдѣ жизнь, здоровье, силу, все, чѣмъ самъ никогда не обладалъ. Ему на долю выпало только чувствовать безграничное удивленіе къ этимъ качествамъ, подобно рабу, смотрящему на высоко парящаго въ воздухѣ орла.

— Хорошо, очень хорошо—сухо отвѣтилъ Арнольдъ,—а вы больны, какъ всегда? — Да встряхнитесь же! И зачѣмъ вы курите, если это вамъ вредно! Какія противорѣчія?

Хиртль покачалъ головой въ знакъ того, что никакой совѣтъ уже не могъ помочь ему.

— Теперь мнѣ хорошо,—сказалъ онъ,—я надулъ своего доктора и вышелъ изъ дому. Когда я вижу милыхъ людей, мнѣ хорошо. Что дѣлать, я слабъ. А вы, докторъ,—обратился онъ къ Ханка, передразнивая его низкое переливчатое «о»,—что вы подѣлываете?

— Ханка благороднѣйшій человѣкъ,—замѣтилъ онъ по своей привычкѣ не стѣсняясь хвалить присутствующаго,—если бы не существовало слова «благородный», его слѣдовало бы создать ради Ханка.

Ханка покраснѣлъ, дѣйствительно покраснѣлъ; потомъ положилъ ногу на ногу и пошевелилъ толстыми губами. Хиртль съ Арнольдомъ

разсмѣялись, причемъ у Хиртля на глазахъ выступили слезы. Потомъ онъ поднялся, одной рукой обнялъ Арнольда и нѣжно похлопалъ его по щекѣ.

— Помните вы нашу прогулку тогда?—спросилъ онъ.—А мой домашній балъ тоже помните?.. Верена! Что за красота! Гдѣ она? Гдѣ Верена?

— Вы опять ребячитесь — произнесъ Арнольдъ почти съ угрозой и отстранилъ его отъ себя. Но Хиртля не такъ легко было смутить. Онъ твердо вѣрилъ въ дружбу тѣхъ, къ которымъ самъ относился хорошо. Причина этого тщеславіе, а не недостатокъ деликатности.

— Я соскучился по зелени, — сказалъ онъ, расхаживая взадъ и впередъ,—и мнѣ страхъ какъ хочется завтра днемъ прокатиться съ вами обоими черезъ Дорибахъ къ Рорерхютте. Мой экипажъ къ вашимъ услугамъ. Тамъ мы отлично пообѣдаемъ — хотите? Какія у меня воспоминанія связаны съ тѣмъ мѣстомъ! Первая любовь и послѣдняя! Соглашайтесь, Арнольдъ, не будьте такимъ мрачнымъ!

Ханка заявилъ, что согласенъ, а за нимъ и Арнольдъ. Хиртль обрадовался. Очевидно, сегодня онъ былъ болѣе самимъ собою и откровеннѣе, чѣмъ когда-либо. Даже его обычная какая-то липкая печаль смѣнилась чѣмъ-то въ родѣ кроткаго веселья. Все, до малѣйшаго движенія въ немъ молило Арнольда о сочувствіи, но тотъ оставался холоденъ, какъ камень.

Хиртль снова усѣлся и какъ всегда, когда бывалъ въ духѣ положилъ щиколодку одной ноги на другую и улыбаясь продолжалъ разсказывать:

— Въ Дорибанѣ была, а можетъ быть и понынѣ существуетъ, площадка для игръ, на которой я ежедневно подвизался. Помню, у меня былъ тогда бѣлый барашекъ и однажды я выковырялъ ему глаза, потому что меня страшно интересовало, что у него позади ихъ. Но, конечно, тамъ оказались однѣ опилки, какъ у очень многихъ изъ нашихъ почтенныхъ гражданъ. — Онъ засмѣялся. — А моя первая любовь! увы! Она была дочкой булочника, четырехъ лѣтъ. Я помню, однажды мнѣ показалось, будто она пренебрегаетъ мною и я заявилъ: «Соня, сегодня я умру». Она презрительно разсмѣялась и отвѣтила: «Люди не умираютъ, дуракъ!»

Такимъ образомъ Хиртль до тѣхъ поръ перебиралъ воспоминаніе за воспоминаніемъ, пока не усталъ и не увидалъ, что пора ему отправляться во свояси. Ханка вышелъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ втихомолку все раздумывалъ объ Арнольдѣ и его мучили и гнѣвъ и печаль, такъ какъ сознавалъ, что образъ этого человѣка начинаетъ меркнуть. «Что побуждаетъ его», думалъ Ханка, «показывать несчастному Хиртлю когти? Почему онъ не оттолкнетъ меня отъ себя, такъ какъ я для него опаснѣе милліоновъ подобныхъ Хиртлю? Правда и то, что когда падаетъ звѣзда, мы видимъ ее лишь благодаря окружаю-

щему насъ мраку». На другой день уже около половины одиннадцатаго онъ подходилъ къ квартирѣ Хиртля. Въ ту же минуту съ другой стороны показался Арнольдъ и каждый началъ дразнить другъ друга соней. Юстинъ на цыпочкахъ встрѣтилъ ихъ въ передней и шопотомъ сообщилъ, что баринъ еще почиваютъ. Безбородое лицо его выражало благоговѣніе, серьезность и скрытность.

Арнольдъ, широко распахнувъ двери въ спальню крикнулъ:—Пора, пора вставать, милѣйшій! Чудесный день!

Хиртль съ мирной улыбкой на губахъ лежалъ въ кровати и не двинулся. Юстинъ, неодобрительно остановившійся въ дверяхъ, медленно приблизился къ кровати, нагнулся надъ нею и взялъ спящаго за руку. Вдругъ онъ воскликнулъ, рыдая:

— Баринъ, баринъ!—и упалъ около постели на колѣни. Ханка ухватился за мѣдные столбики кровати. Его лицо стало блѣдно-зеленымъ. Арнольдъ крикнулъ:—Бѣгите за докторомъ!

Плачущій человѣкъ быстро поднялся съ пола и послѣдовалъ приказанію. Ханка молча сѣлъ въ углу. Арнольдъ не смѣлъ пошевельнуться. Четверть часа спустя явился докторъ.

Въ результатѣ его изслѣдованія оказалось, что смерть наступила нѣсколько часовъ тому назадъ; параличъ сердца во время сна.

Подоспѣли Наталй и Петра, за которыми сбѣгалъ Юстинъ на ихъ квартиру, находящуюся поблизости, потому что Петра считалась невѣстой Хиртля. Петра была блѣдна какъ мѣлъ; глаза были полузакрыты, и, вообще, она производила впечатлѣніе человѣка, обиженнаго судьбой выше всякой мѣры. Наталй не умѣла достаточно миловидно изображать разстроенную особу, а потому пристально приглядывалась къ Ханка, чтобы догадаться до какой степени ей слѣдуетъ быть печальной. Понятіе о смерти ей было настолько же чуждо, насколько непонятенъ снѣгъ жителю Синегамбіи. Входили посторонніе люди, съ комическимъ выраженіемъ напускной мрачности, будто они дали обѣтъ не смѣяться впродолженіи цѣлаго года. Арнольдъ и Ханка обмѣнялись знакомъ и вышли. Ни тотъ, ни другой не были въ состояніи заговорить. Арнольдъ боялся взгляда Ханка; боялся его мыслей, но боялся также, что тотъ оставитъ его одного. Вдругъ его лицо приняло просвѣтленное, почти радостное выраженіе и, остановившись, онъ сказалъ:

— Послушайте, Ханка, мнѣ кое-что пришло въ голову. Вы находитесь теперь въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, мнѣ не трудно ссудить вамъ 15 тысячъ гульденовъ, въ которыхъ вы нуждаетесь. Иначе зачѣмъ бы и называться друзьями.

Ханка также остановился и неподвижно уставился вдаль. Онъ почувствовалъ, точно что-то кольнуло его въ мозгъ и отозвалось въ шеѣ и въ груди.

— Ага,—съ огорченіемъ подумалъ онъ, — ты хочешь подкупить меня, подкупить мое сужденіе, купить снисхожденіе къ себѣ...

— Благодарю,—холодно отвѣтилъ онъ,—мнѣ не нужно.

Еще наканунѣ онъ принялъ бы эти деньги. Въ эту секунду его сердце желало находиться какъ можно дальше. У него было такое чувство, точно какое-то привидѣніе ударило его по лицу. Онъ презрительно смотрѣлъ впередъ печальными глазами и равнодушно выталкивалъ въ открытое море свою опустѣвшую ладью. Ему не хотѣлось такъ разставаться съ Арнольдомъ, хотя въ душѣ онъ уже разстался съ нимъ; поэтому они провели еще нѣсколько часовъ вмѣстѣ.

«Дѣло вовсе не въ томъ, совершаетъ ли человѣкъ хорошій или дурной поступокъ», съ отчаяніемъ раздумывалъ Ханка, «но побужденія его неизмѣнно должны быть одними и тѣми же». Открыто высказать все это Арнольду у него не хватало силы воли. Вечеромъ они еще разъ отправились навѣстить покойнаго Хиртля. Наружная дверь была раскрыта настежъ. Въ сѣняхъ лежали вѣнки. Они уже собирались переступить порогъ комнаты, гдѣ лежалъ покойникъ, когда Ханка остановился и положилъ руку на плечо Арнольда, чтобы обратить его вниманіе на то, что самого его поразило. Въ полуоткрытую дверь они увидѣли, какъ Юстинъ, лакей, одинъ-на-одинъ съ покойникомъ, медленно, съ искреннимъ почтеніемъ склонился надъ нимъ и приложился къ рукѣ своего господина.

Ханка тихонько пошелъ обратно; Арнольдъ механически слѣдовалъ за нимъ.

— Покойной ночи,—произнесъ Ханка, очутившись на улицѣ,—видите ли, для насъ онъ не имѣлъ даже такого значенія, какъ для человѣка, которому платилъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕОРІИ.

20-го мая (н. с.) нынѣшняго года въ Манчестерѣ, гдѣ провелъ лучшіе годы своей ученой дѣятельности знаменитый Джонъ Дальтонъ, съ большою торжественностью, съ какою только англичане умѣютъ устраивать научныя собранія, былъ отпразднованъ столѣтній юбилей атомической теоріи,—теоріи, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть названа фундаментомъ нашихъ знаній объ явленіяхъ природы. Впрочемъ, не сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ возникло основное представленіе этой теоріи, идея объ атомахъ—эта идея явилась, какъ всѣмъ извѣстно, еще у древнихъ философовъ, но впервые Дальтону удалось воплотить эту идею въ отчетливую, вполнѣ конкретную форму и при помощи ея создать теорію строенія всѣхъ веществъ, представившую собою не только руководящую нить въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ химіи и физики, но самымъ существеннымъ образомъ измѣнившую характеръ этихъ изслѣдованій, превратившую ихъ изъ качественныхъ въ количественныя. Лишь съ момента появленія атомическаго ученія Дальтона могло начаться правильное, непрерывное развитіе химіи. И вся современная химія, всѣ законы ея построены, какъ на базисѣ, на дальтоновой теоріи. Благодаря этой же теоріи могли и въ физикѣ возникнуть: кинетическая теорія всѣхъ трехъ состояній вещества, механическая теорія тепла, теорія электролиза, теорія дисперсіи свѣта и многое другое. Ученіе Дальтона неразрывными нитями связало химію съ физикой и создало наконецъ новую науку, много обѣщающую въ будущемъ, физическую химію. Понятно, что, такъ какъ химическія и физическія явленія представляютъ собою главную основу жизни въ природѣ, то и науки о природѣ должны пользоваться атомической теоріей.

Въ настоящее время всѣмъ образованнымъ людямъ хорошо извѣстна сущность дальтонова ученія. Всѣ мы представляемъ себѣ любое физическое тѣло, будетъ ли оно твердымъ, жидкимъ или газообразнымъ, образованнымъ изъ вещества, которое не заполняетъ собою *сплошь* всего объема, занимаемаго этимъ тѣломъ, но имѣетъ зернистое строеніе, является раздробленнымъ на весьма мелкія, но *вполнѣ опредѣленныя* части, отдѣленныя другъ отъ друга промежутками. Такія мельчайшія зернышки носятъ названіе *физическихъ частицъ* или *молекулъ*.

Каждая молекула представляетъ собою наименьшее количество даннаго вещества, обладающее всѣми, принадлежащими этому веществу, химическими свойствами, но эта молекула сама, въ свою очередь, является собраніемъ еще болѣе мелкихъ подраздѣленій вещества—*атомовъ*. Атомъ — вотъ тотъ наименьшій предѣлъ, до котораго можетъ быть доведено, согласно дальтоновому ученію, раздѣленіе какой-либо матеріи, предѣлъ, который при всевозможныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ этою матеріею, остается всегда однимъ и тѣмъ же. Такимъ образомъ атомъ является какъ бы недѣлимымъ. Но эта недѣлимость атома должна быть понимаема не какъ недѣлимость геометрическая—атомъ занимаетъ въ пространствѣ нѣкоторый объемъ, а слѣдовательно мыслимо дѣленіе его на части,—но какъ недѣлимость индивидуума. Любой индивидуумъ, даже такого сложнаго состава и строенія какъ человѣкъ, животное, растеніе, сохраняетъ всѣ присущія ему свойства, только пока онъ цѣлый. При раздробленіи на части, всѣ характерныя особенности этого индивидуума исчезаютъ. То же самое мы представляемъ себѣ и по отношенію къ атому какого угодно вещества. Какимъ бы химическимъ дѣйствіямъ ни подвергалось данное вещество, въ какія бы соединенія съ другими веществами оно ни вступало, всѣ атомы этого вещества, какъ убѣждаютъ насъ непосредственныя опытныя изслѣдованія, *производящіяся по употребляющимся въ настоящее время въ химіи методамъ*, остаются безъ всякаго измѣненія. Кромѣ того, принимается, почти какъ аксіома, положеніе, что вообще всѣ безъ исключенія атомы одного какого угодно химически простого тѣла, такъ называемаго элемента, вполнѣ тожественны, не обнаруживаютъ ни малѣйшей разницы. Но за то атомы двухъ какихъ-либо различныхъ химическихъ элементовъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. И это отличіе выражается прежде всего въ неодинаковости массъ, присущихъ атомамъ, т.-е. въ неодинаковости вѣсовъ ихъ, или точнѣе, въ неодинаковомъ отношеніи ихъ къ одной и той же силѣ, стремящейся вызвать измѣненіе механическаго состоянія атомовъ: изъ состоянія покоя привести ихъ въ движеніе или же при ихъ движеніи произвести измѣненіе скорости этого движенія. По существующимъ въ настоящее время воззрѣніямъ въ химіи масса атома вещества является главнымъ опредѣлителемъ всѣхъ химическихъ свойствъ этого вещества. По величинамъ массы атомовъ или иначе по величинамъ вѣса атомовъ (вѣсъ пропорціоналенъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ на поверхности земли массѣ) и распредѣлены химическіе элементы въ знаменитой періодической системѣ нашего славнаго ученаго проф. Д. И. Менделѣева. Вполнѣ естественно искать зависимость между химическими свойствами различныхъ веществъ и величинами массы атомовъ этихъ веществъ. Вѣдь всѣ химическія дѣйствія, выражающіяся въ распаденіи молекулъ на атомы и въ новой группировкѣ послѣднихъ въ иныя молекулы, сводятся нами къ одной основной причинѣ, къ силѣ взаимодѣйствія

атомовъ. Атомамъ мы приписываемъ свойство притягивать другіе атомы. Это притяженіе между атомами матеріи, какъ отличительное, но пока необъяснимое нами, свойство послѣдней, и представляетъ собою тотъ цементъ, который закрѣпляетъ атомы въ молекулахъ, а молекулы въ тѣлахъ. Очевидно, что отъ количества вещества въ атомѣ, опредѣляющагося отношеніемъ его къ дѣйствію на него постоянной массы земного шара, т.-е. отъ вѣса этого атома, должны зависѣть и тѣ силы, какія, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, будетъ проявлять этотъ атомъ на атомы другихъ веществъ, т.-е. тѣ химическія свойства, какія будетъ обнаруживать данный химическій элементъ.

Но представляетъ ли безусловную истину только что сообщенная, господствующая до настоящаго времени въ химіи, идея о полномъ тожествѣ всѣхъ атомовъ какого-либо одного химическаго элемента, а также и другая основная идея, идея объ абсолютной неизмѣнности атомовъ вещества, какимъ бы дѣйствіямъ ни было подвергнуто это вещество, при какихъ бы условіяхъ оно ни изслѣдовалось? Уже много лѣтъ, какъ время отъ времени стали появляться въ научной литературѣ одинокія возраженія противъ того и другого положенія. Эти возраженія принадлежатъ ученымъ, которые проводили совершенно особый взглядъ на строеніе матеріи, которые разсматривали различные химическіе элементы образованными путемъ эволюціи изъ одной и той же субстанціи. Особенно въ Англіи, чаще, чѣмъ гдѣ-либо, слышались подобныя революціонныя мнѣнія. И такія, несогласныя съ общепринятыми понятіями, идеи принадлежали, главнымъ образомъ, физикамъ. На основаніи физическихъ изслѣдованій, Локіеръ, Круксъ, Стоксъ и нѣкоторые другіе явились сторонниками новой доктрины, допускавшей измѣняемость атомовъ, раздѣленіе ихъ на части, когда данное вещество попадаетъ въ особыя условія, и принимавшей возможность существованія нѣкотораго различія между отдѣльными атомами одного и того же вещества, подобно тому какъ наблюдается въ природѣ нѣкоторая, хотя, можетъ быть, и очень незначительная, разница между отдѣльными особями однихъ и тѣхъ же животныхъ одного и того же пола, одного и того же возраста. И на континентѣ изрѣдка высказывалось то же, высказывалось между прочимъ даже и химиками. Главнѣйшій доводъ въ пользу возможнаго представленія о фактической дѣлимости атомовъ представляли спектрометрическія изслѣдованія. Сложность спектровъ накаленныхъ паровъ металловъ и газовъ и измѣненія, наблюдаемыя въ этихъ спектрахъ при измѣненіи температуры паровъ и газовъ или вообще при измѣненіи условій полученія самаго свѣченія ихъ, представляются трудно объяснимыми, если держаться мнѣнія простоты строенія атомовъ и абсолютной прочности, неизмѣнности ихъ. Высказывалось также положеніе, что величина атомнаго вѣса какого-либо химическаго элемента, или, точнѣе, величина массы атома этого элемента, опредѣляемая обычными, принятыми въ химіи,

способами, не представляетъ собою въ дѣйствительности истинную массу всѣхъ отдѣльныхъ атомовъ этого элемента, но является лишь *среднею величиною* массъ отдѣльныхъ атомовъ, т.-е. что различные атомы одного и того же элемента могутъ, какъ и отдѣльные индивидуумы живой природы, обладать не вполнѣ одинаковыми массами, хотя, конечно, разница въ величинахъ этихъ массъ должна быть незначительная. Были даже указанія на происходящія какъ будто при нѣкоторыхъ химическихъ реакціяхъ измѣненія въ общей массѣ реагирующихъ другъ на друга веществъ. Изслѣдованія Ландольта и въ недавное время Гейдевейлера приводятъ къ такому заключенію. Такое заключеніе кажется невозможнымъ, оно какъ бы противорѣчитъ основному началу сохраненія матеріи, и тѣмъ не менѣе, хотя весьма вѣроятно не на основаніи только опытовъ Ландольта и Гейдевейлера, которые еще мало убѣдительны, быть можетъ, придется придти къ принятію вѣроятности кажущагося измѣненія общей массы дѣйствующихъ другъ на друга и заключенныхъ въ данномъ сосудѣ веществъ. Открытія, произведенныя въ недавнее время при физическихъ изслѣдованіяхъ, заставляютъ существеннымъ образомъ измѣнить основное представленіе о строеніи вещества, заставляютъ внести весьма значительное дополненіе въ атомическую теорію Дальтона. Но прежде чѣмъ затронуть этотъ вопросъ, намъ необходимо разсмотрѣть еще другіе вопросы изъ области электрическихъ явленій.

Въ 1785 г. явился знаменитый мемуаръ Кулона, положившій начало математической теоріи электричества, въ дальнѣйшемъ развитіи которой приняли участіе лучшіе математики первой четверти прошлаго XIX-го столѣтія. Въ этомъ мемуарѣ былъ впервые изложенъ количественный законъ, которому подчинены электрическія дѣйствія, т.-е. дѣйствія, наблюдаемыя между наэлектризованными тѣлами, и впервые была высказана гипотеза, давшая возможность наиболѣе простымъ образомъ объяснить всѣ происходящія въ природѣ электрическія явленія. «Отъ какой бы причины ни происходили дѣйствія, обнаруживаемыя нами между наэлектризованными тѣлами, всѣ эти дѣйствія могутъ быть описаны и опредѣлены количественно, если мы допустимъ, что *въ каждой частицѣ* тѣла находятся равныя количества двухъ особыхъ субстанцій, двухъ электричествъ, положительнаго и отрицательнаго, причемъ оба эти электричества обладаютъ способностію взаимнаго отталкиванія частей однородныхъ и взаимнаго притяженія частей противоположныхъ электричествъ, и сила отталкиванія или притяженія между двумя количествами электричества, мысленно сосредоточенными въ двухъ точкахъ, подчиняется тому же закону, какой былъ данъ Ньютономъ для силы тяготѣнія: *отталкиваніе или притяженіе между этими электричествами пропорціонально произведенію количествъ электричества и обратно пропорціонально квадрату разстоянія между ними*». Вотъ какова формулировка гипотезы и закона

Кулона, остающаяся въ наукѣ въ употребленіи и до настоящаго времени. Ни Кулонъ, ни позднѣйшіе развиватели теоріи электрическихъ явленій, основанной на гипотезѣ и законѣ Кулона, не касались вопроса объ абсолютномъ количествѣ электричествъ, распредѣленныхъ по частицамъ какого-либо тѣла. Въ этой теоріи допускалась даже возможность безпредѣльнаго или, лучше сказать, неопредѣленнаго содержанія обоихъ электричествъ, по крайней мѣрѣ, въ частичкахъ такъ называемыхъ проводниковъ электричества, напр., въ металлахъ. Лишь сравнительно весьма недавно былъ поставленъ и до извѣстной степени рѣшенъ вопросъ объ абсолютномъ количествѣ той или другой электрической субстанціи въ каждомъ атомѣ матеріи, причемъ пришлось и электрической субстанціи приписать строеніе, подобное тому, какое мы принимаемъ согласно дальтонову атомическому ученію въ обыкновенной матеріи. Первый поводъ этому дали тѣ весьма важные результаты, къ какимъ пришелъ знаменитый Михаилъ Фарадей на основаніи произведенныхъ имъ изслѣдованій явленія прохожденія электрическаго тока чрезъ жидкости. Фарадей самымъ неоспоримымъ образомъ доказалъ, что прохожденіе электрическаго тока чрезъ сложную химически жидкость, чрезъ такъ называемый электролитъ, т.-е. движеніе электричества въ такой жидкости происходитъ лишь совмѣстно съ движеніемъ составныхъ частей этой жидкости,—частей, находящихся въ непосредственномъ прикосновеніи къ электродамъ, опущеннымъ въ жидкость, и выдѣляющихся на этихъ электродахъ или же вступающихъ здѣсь около электродовъ въ обмѣнъ съ другими составными частями взятой жидкости и заставляющихъ послѣднія отлагаться на этихъ электродахъ. Фарадей показалъ, что количество вещества, выдѣляющагося изъ жидкости на томъ или другомъ электродѣ, строго пропорціонально количеству электричества, протекшему чрезъ эту жидкость (законъ I), и что *одно то же произвольно большое или произвольно* малое количество прошедшаго сквозь различные электролиты электричества выдѣляетъ на электродахъ количества продуктовъ разложенія этихъ электролитовъ, всегда находящіяся другъ къ другу въ отношеніяхъ, равныхъ отношеніямъ химическихъ эквивалентовъ этихъ веществъ (законъ II). Оба эти закона можно соединить въ одинъ законъ, въ одну формулу: при прохожденіи электрическаго тока сквозь химически сложныя жидкости химически эквивалентныя количества продуктовъ *происходящаго при этомъ* разложенія этихъ жидкостей переносятъ съ собою и выдѣляютъ на электродахъ одинаковыя количества электричествъ. Такъ, въ круглыхъ числахъ, 1 граммъ водорода, выдѣляющагося при электролизѣ, сообщаетъ отрицательному электроду, т.-е. катоду, такое же количество положительнаго электричества, какое сообщаютъ катодамъ выдѣляющіеся изъ другихъ электролитовъ $32^1/_2$ гр. цинка, 108 гр. серебра или же, какое сообщаетъ аноду, только отрицательнаго электричества, 8 граммовъ кислорода. Пользуясь законами Фарадея и зная лишь количество одного

какого-либо вещества, выдѣляющагося при прохожденіи извѣстнаго количества электричества чрезъ электролитъ, въ которомъ это вещество является однимъ изъ продуктовъ электролита, мы въ состояніи при помощи таблицы атомныхъ вѣсовъ и свѣдѣнія относительно *валентности* интересующаго насъ вещества опредѣлить количество этого вещества, получающагося какъ продуктъ электролита отъ дѣйствія какого угодно тока въ какой угодно промежутокъ времени. По многимъ обстоятельствамъ оказалось наиболѣе удобнымъ для опредѣленія такъ называемаго *электро-химическаго эквивалента*, т.-е. отношенія масы вещества, выдѣляющагося при электролизѣ (обозначимъ эту массу черезъ m), къ количеству электричества, произведшаго этотъ электролизъ (обозначимъ это количество электричества черезъ e), выбрать серебро, которое получается на платиновомъ катодѣ при прохожденіи электрическаго тока чрезъ водный растворъ азотно-серебряной соли и при употребленіи въ качествѣ анода серебряной пластинки. Изслѣдованія, произведенныя въ двухъ разныхъ лабораторіяхъ съ различными измѣрительными приборами лордомъ Рэлеемъ и братьями Кольраушами, дали для величины электрохимическаго эквивалента серебра одно и то же число. Выражая массу въ *граммахъ*, а количество электричества въ *кулонахъ*, мы получаемъ, на основаніи опытовъ лорда Рэлея и братьевъ Кольраушъ, для электрохимическаго эквивалента серебра величину, равную 1,001118. Итакъ, для серебра $\frac{m}{e} = 0.001118 \frac{\text{граммъ}}{\text{кулонъ}}$.

Такъ какъ химическій эквивалентъ серебра (въ круглыхъ числахъ) 108, а водорода 1, то по электрохимическому эквиваленту серебра мы получаемъ, на основаніи закона Фарадэя, электрохимическій эквивалентъ водорода равнымъ $\frac{0,001118}{108} = 0,00001035$, т.-е для водорода имѣемъ:

$$\frac{m}{e} = 0,00001035 \ \frac{\text{граммъ}}{\text{кулонъ}} = \frac{1}{96600} \ \frac{\text{гр.}}{\text{кул.}}$$

Такъ какъ употребляемая нынѣ на практикѣ единица количества электричества *кулонъ* представляетъ собою одну десятую величины того количества, которое принимается въ научныхъ изслѣдованіяхъ за единицу измѣренія заряда и носитъ названіе *электромагнитной абсолютной единицы количества электричества въ системѣ C. G. S.* (сантиметръ, грамъ, секунда), то выражая количество электричества въ этой единицѣ, мы получаемъ для электрохимическаго эквивалента водорода величину $\frac{1}{9660}$. Отсюда обратное отношеніе $\frac{e}{m}$, т.-е отношеніе величины электрическаго заряда, выраженнаго въ электромагнитной абсолютной единицѣ, къ величинѣ массы водорода, несущаго съ собою при прохожденіи электрическаго тока чрезъ жидкость, этотъ зарядъ, получается равнымъ 9660 или приблизительно 10000, что можетъ быть

выражено чрезъ 10^4. Итакъ, одинъ граммъ водорода, выдѣляясь на катодѣ вольтаметра, сообщаетъ этому катоду въ круглыхъ числахъ, 10000 (т.-е. 10^4) абсолютныхъ электромагнитныхъ единицъ положительнаго электричества. Такое количество электричества несетъ съ собою каждый граммъ водорода, перемѣщаясь при процессѣ электрическаго тока въ жидкости отъ анода къ катоду. Такое же совершенно количество электричества, какъ заставляетъ насъ принять это безусловно вѣрный законъ Фарадэя,—законъ, подтвержденный многочисленными самыми точными опытами, несетъ съ собою и другое какое-либо вещество въ своей массѣ, которая химически эквивалентна одному грамму водорода. Въ настоящее время физика различными способами даетъ возможность примѣрно подсчитать число отдѣльныхъ атомовъ вещества, заключающихся въ одномъ граммѣ этого вещества, или иначе, примѣрно опредѣлить, такъ сказать, *оцѣнить* величину массы одного атома. Разсчеты, произведенные на основаніи весьма отличныхъ другъ отъ друга физическихъ данныхъ, полученныхъ изъ наблюденія вполнѣ разнородныхъ явленій, дали для массы *одного* атома водорода величины почти равныя. Вслѣдствіе этого съ достаточною вѣроятностью мы можемъ принять массу одного атома водорода равною долѣ грамма, выражающейся дробью, въ числителѣ которой стоитъ 1, а въ знаменателѣ 1 съ 24 или съ 25 нулями, т.-е. равною 10^{-24} гр. или 10^{-25} гр. Примемъ эту массу равною 10^{-24} гр. Зная массу одного атома водорода и зная, что одинъ граммъ послѣдняго обладаетъ, т.-е. переноситъ съ собою при электролизѣ (въ круглыхъ числахъ) 10000, или 10^4, абсолютныхъ электромагнитныхъ единицъ количества электричества, мы уже крайне легко, простою ариѳметикою, опредѣляемъ зарядъ каждаго атома водорода. Этотъ зарядъ будетъ равенъ $10^4 \times 10^{-24}$ абс. электромагнитныхъ единицъ, т.-е. будетъ равенъ 10^{-20} абс. электромагнитныхъ единицъ, или выраженный въ единицѣ кулонъ, будетъ равенъ 10^{-19}.

Атомы другихъ химическихъ элементовъ, какъ это со всею строгостью доказано химическими изслѣдованіями, что, между прочимъ, и является самымъ главнымъ аргументомъ въ пользу атомической теоріи, эквивалентны каждый или одному, или двумъ, или, вообще, цѣлому числу атомовъ водорода, а потому, на основаніи закона Фарадея, атомъ какого-либо элемента, перемѣщаясь въ жидкости при прохожденіи чрезъ нея тока, несетъ съ собою и при прикосновеніи къ электроду сообщаетъ послѣднему или 10^{-20} абс. электромагнит. ед. электричества (атомъ одновалентный) или въ два раза большее количество электричества (атомъ двувалентный) или въ три раза большее (атомъ трехвалентный) и т. д. Итакъ, зарядъ электричества, равный 10^{-20} абс. электром. ед., представляетъ собою наименьшее количество электричества, присущее отдѣльнымъ атомамъ. Изъ сочетанія такихъ зарядовъ полностью, безъ дробленія на части, т.-е. изъ удвоенія, изъ утроенія ихъ и т. д., обра-

зуются заряды атомовъ различныхъ элементовъ. Зарядъ въ 10^{-20} кулонъ является, такимъ образомъ, единичнымъ зарядомъ. Онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ атомъ электричества. Впервые Гельмгольмцъ въ своей замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ при чествованіи памяти Фарадея въ химическомъ обществѣ въ Лондонѣ въ 1881 году, высказалъ идею о такомъ единичномъ зарядѣ. Онъ назвалъ этотъ зарядъ *«электрическимъ зарядомъ іона»* (Elektrische Ladung des Ion). Іонами, какъ извѣстно, назвалъ Фарадей продукты распаденія молекулъ электролита при прохожденіи чрезъ послѣдній электрическаго тока. По предложенію Джонстона Стоней (Johnston Stoney) этотъ зарядъ, т.-е. количество электричества, заключающееся въ одномъ іонѣ водорода, носитъ названіе въ настоящее время *«электрона»*.

Итакъ, въ явленіяхъ электролиза *электронъ* по отношенію къ электричеству играетъ ту же роль, какую въ явленіяхъ химическихъ соединеній или разложеній исполняетъ по отношенію къ матеріи *атомъ*.— Атомъ, вмѣстѣ съ присоединеннымъ къ нему электрономъ, называется нынѣ *іономъ*.

Изученіе явленія электролиза, доказавшее, что при немъ всегда происходитъ распаденіе молекулъ электролита на двѣ части, заряженныя равными, но противоположными по знаку количествами электричества, привело еще въ сравнительно давнее время къ заключенію, что вообще химическія силы, или, точнѣе, химическія соединенія обязаны своимъ происхожденіемъ электрическимъ дѣйствіямъ, что молекулы сложнаго химически вещества образуются только потому, что одна группа атомовъ, входящихъ въ составъ этихъ молекулъ, обладаетъ однимъ электричествомъ, другая группа такимъ же количествомъ другого электричества, вслѣдствіе чего протяженіе между этими противоположными по знаку электричествами и вызываетъ закрѣпленіе обѣихъ этихъ группъ въ одну, электрически нейтральную, систему. Уже Берцелліусъ положилъ въ основу своей теоріи образованія солей такую идею, но еще яснѣе и вполнѣ соотвѣтственно тому, что даютъ опыты, эта идея была высказана Гельмгольмцемъ въ его вышеупомянутой фарадеевской рѣчи. Въ современной физической химіи, такъ быстро прогрессирующей, всѣ химическія реакціи сводятся исключительно къ взаимодѣйствію іоновъ, т.-е. химическія силы разсматриваются не какъ силы *sui generis*, но какъ силы электрическія. Даже преимущественное строеніе молекулы простого химическаго тѣла изъ двухъ атомовъ объясняется въ физической химіи тѣмъ, что эти два атома суть два разнородныхъ іона, одинъ положительный, другой отрицательный *).

---

*) Насколько должны быть значительны по величинѣ электрическія силы, возникающія между сосѣдними іонами, видно изъ сдѣланнаго Гельмгольмцемъ разсчета той силы, съ какою стали бы дѣйствовать другъ на друга два количества электричества, положительное и отрицательное, которыя приносятъ къ электродамъ, при процессѣ электролиза подкисленной сѣрною кислотою воды,

Но что же такое представляетъ собою электричество? Есть ли это лишь особое состояніе матеріи или нѣчто, отличное отъ послѣдней, какъ бы отдѣльная самобытная субстанція? Въ XVIII-омъ столѣтіи и въ первой половинѣ XIX-го столѣтія не было почти иного мнѣнія, какъ только второе. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія взгляды нѣсколько измѣнились и многіе изъ ученыхъ старались свести электричество на чисто механическое измѣненіе самой матеріи.

Если электричество представляетъ собою лишь особое состояніе вещества, какъ теплота, согласно общепринятому мнѣнію, есть безпорядочное движеніе молекулъ въ тѣлѣ и атомовъ въ молекулахъ, то электричество не можетъ существовать отдѣльно отъ вещества, оно должно быть тѣсно связано съ послѣднимъ. Всѣ наблюденія до весьма недавняго времени подтверждали вполнѣ такое заключеніе. Лишь только теперь, какъ увидимъ дальше, является возможность, если пока и не съ увѣренностью утверждать, то съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что электрическіе заряды въ видѣ электроновъ получаются нами совершенно изолированными отъ атомовъ матеріальныхъ, что электричество существуетъ само по себѣ, внѣ матеріи. А если это такъ, то электричество должно быть разсматриваемо, какъ отдѣльная субстанція. Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности принимать эту субстанцію за нѣчто вполнѣ самобытное. Есть много основаній думать, что электричество представляетъ собою тотъ эѳиръ, который по прочно установившемуся въ наукѣ мнѣнію заполняетъ собою все, свободное

продукты разложенія *1 миллиграмма* воды, если бы эти количества были сосредоточены въ двухъ точкахъ, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніи, равномъ *1 километру*. Приведемъ здѣсь этотъ расчетъ.

Какъ уже сообщено выше, 1 гр. водорода несетъ съ собою 9660 абс. электромаг. ед. полож. электр. Выразимъ это количество при помощи другой абсолютной единицы, а именно, *электростатической*. Абсолютною электростатическою, въ системѣ C. G. S., единицею называютъ въ физикѣ то количество электричества, которое дѣйствуетъ на равное себѣ количество электричества, отстоящее отъ него (въ воздухѣ) на разстояніи въ 1 см., съ силою, равною 1 динѣ, т.-е. одинаковою съ давленіемъ тѣла, вѣсящаго $^1/_{981}$ грамма. Эта абсолютная электростатическая единица меньше абсолютной электромагнитной единицы въ 3×10^{10} разъ. А потому зарядъ, соотвѣтствующій 1 гр. водородныхъ іоновъ и выраженный въ электростатической ед., представится чрезъ $9660\times3\times10^{10}$. При разложеніи 1 мгр. воды получается: $^1/_9$ мгр. водорода и $^8/_9$ мгр. кислорода. Въ $^1/_9$ мгр. водорода будетъ заключаться положительнаго электричества въ 9000 разъ меньше, чѣмъ въ 1 гр., т.-е. $3{,}22\times10^{10}$ абс. электрост. ед. Такое же количество отрицательнаго электричества будетъ находиться въ $^8/_9$ мгр. кислорода, выдѣляющагося на аноды. При нахожденіи такихъ зарядовъ въ разстояніи 1 километра, т.-е. въ разстояніи 10^5 см., сила притяженія между ними, по закону Кулона, выразится чрезъ $\frac{(3{,}22\times10^{10})^2}{(10^5)^2}$ динъ, т.-е. эта сила будетъ равна $\frac{1036{,}8}{981}\times10^8$ граммъ или *105700 килограммамъ*. Такова колоссальная величина этой силы.

отъ матеріи, пространство и служитъ передатчикомъ тепловыхъ, свѣтовыхъ явленій, электронныхъ и магнитныхъ дѣйствій, но эѳиръ находящійся въ особомъ состояніи. Согласно такому взгляду, электронъ является какъ бы ядромъ этого эѳира, приведеннаго въ особое состояніе, причемъ вокругъ этого ядра, какъ центра, должны и въ остальномъ окружающемъ его эѳирѣ возникать соотвѣтствующія деформаціи. Первый, кто указалъ на существованіе связи между электризаціей тѣла и состояніемъ окружающаго это тѣло эѳира, былъ Фарадэй. Своими остроумнѣйшими опытами, приведшими къ великимъ открытіямъ, Фарадэй убѣдилъ въ необходимости признать, что электрическія и магнитныя дѣйствія между тѣлами происходятъ не на разстояніи, что они не суть *дальнодѣйствія* (Fernewirkungen), но что всѣ эти дѣйствія обязаны происходящимъ въ промежуточномъ эѳирѣ особымъ измѣненіямъ. Это важное заключеніе Фарадэя было впослѣдствіи разработано Максвеллемъ, создавшимъ на основаніи этого положенія Фарадэя, изящную математическую теорію электрическихъ явленій. Самое важное слѣдствіе теоріи Максвелля было то, что явленія свѣта и электричества вполнѣ родственныя явленія, что свѣтовой лучъ представляетъ собою лишь направленіе, по которому распространяется въ *эѳирѣ* возникновеніе возмущеній электрическаго характера, т.-е. возникновеніе электрическихъ токовъ перемѣннаго направленія и перпендикулярныхъ къ направленію луча. Замѣчательные опыты Гертца вполнѣ доказали справедливость предсказанія Максвелля. Въ настоящее время физика не выдѣляетъ явленій свѣта и лучистой теплоты въ особую рубрику, она разсматриваетъ ихъ какъ частные случаи явленій электромагнитныхъ. Итакъ, электрическій процессъ, происходящій въ какомъ-либо тѣлѣ, немедленно отражается на состояніи эѳира, окружающаго это тѣло. Съ другой стороны, сама матерія, не находящаяся въ состояніи электризаціи, не оказываетъ, повидимому, никакого вліянія на эѳиръ. По крайней мѣрѣ, произведенные опыты не обнаружили даже слѣдовъ зависимости между механическимъ состояніемъ матеріи и состояніемъ соприкасающагося съ нею эѳира. *Одна сама по себѣ матерія не имѣетъ никакой замѣтной связи съ эѳиромъ* (Matter alone has no perceptible connection with the ether) — таково заключеніе, къ которому пришелъ Лоджъ на основаніи весьма обстоятельнаго изученія этого вопроса. *Только присоединенный къ этой матеріи электрическій зарядъ устанавливаетъ подобную связь* — говоритъ Лоджъ. Если между эѳиромъ и электрическимъ зарядомъ тѣла существуетъ такая тѣсная зависимость, то, очевидно, представляется допустимымъ и само электричество считать эѳиромъ, пребывающимъ въ особомъ состояніи. Каково это состояніе, мы пока не знаемъ. Можно надѣяться, что дальнѣйшія изысканія дадутъ возможность въ ближайшемъ будущемъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Какіе же факты указываютъ на существованіе электрическихъ за-

рядовъ отдѣльно отъ матеріи? Косвеннымъ образомъ подтверждаютъ это, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Лоджъ въ своемъ интереснѣйшемъ докладѣ «*Объ электронахъ*» «(One lectrons by Sir Oliver Zodge. The Electrician S, Z[1]), процессъ, происходящій на электродахъ вольтаметра, когда чрезъ этотъ вольтаметръ происходитъ электрическій токъ. Здѣсь на каждомъ электронѣ происходитъ, какъ мы увѣренно утверждаемъ, передача зарядовъ іоновъ заряженнымъ противоположнымъ электричествомъ атомамъ электрода. Если зарядъ электричества передается отъ іона другому заряженному атому, то этотъ зарядъ въ теченіе нѣкотораго, хотя бы и чрезвычайно малаго, промежутка времени, можетъ быть вполнѣ изолированнымъ. Могутъ сложиться такія условія, что такая передача на самомъ дѣлѣ даже и не произойдетъ, а отдѣлившійся отъ іона зарядъ, т. е. электронъ, нѣкоторое, большее чѣмъ нужно для обычной передачи, время будетъ оставаться отдѣленнымъ отъ вещества. Это то по всей вѣроятности и происходитъ въ явленіяхъ прохожденія электричества чрезъ разрѣженые газы. Явленія, наблюдаемыя нами при электрическихъ процессахъ въ разрѣженныхъ гагазахъ, и даютъ поводъ предполагать существованіе электроновъ самихъ по себѣ, въ полномъ отдѣленіи отъ атомовъ матеріальныхъ.

Еще въ 1869 г. былъ напечатанъ интересный мемуаръ Гитторфа, въ которомъ этотъ талантливый ученый подробно описалъ особое явленіе, которое замѣчается на отрицательномъ электродѣ, помѣщенномъ внутри стекляннаго сосуда, когда чрезъ сильно рязрѣженный воздухъ, находящійся въ этомъ сосудѣ, происходитъ разрядъ Румкорфовой катушки. Чрезъ десять лѣтъ послѣ опубликованія этого мемуара Гитторфа, не обратившаго на себя особое вниманіе ученыхъ, явилась работа Крукса, въ которой Круксъ особенно тщательно изучилъ явленіе, впервое открытое Гитторфомъ. Круксъ показалъ, что при разрядѣ Румкорфовой катушки или электрической машины чрезъ сильно разряженный газъ отрицательнымъ электродомъ, т. е. катодомъ, испускаются какъ бы особые лучи, направленія которыхъ не зависятъ отъ положенія другого электрода, анода, и совпадаютъ съ направленіями линій, перпендикулярныхъ къ поверхности катода. Эти лучи, названные «*катодными лучами*», обладаютъ слѣдующими свойствами. При встрѣчѣ съ поверхностью стекла сосуда или при своемъ паденіи на какое нибудь, находящееся на пути ихъ, тѣло, они вызываютъ весьма значительное образованіе тепла. На стеклѣ и на многихъ другихъ тѣлахъ они возбуждаютъ фосфоресценцію или флюоресценцію. Они видимы глазу такъ же благодаря тому, что вызываютъ флюоресценцію газа, сквозь которой они распространяются. Они обладаютъ механическими дѣйствіями, они приводятъ въ движеніе мельничное колесо или подобіе турбинки, если подобное подвижное тѣло будетъ находиться въ соотвѣтствующемъ положеніи на ихъ пути. Эти лучи чувствуютъ на себѣ дѣйствіе приближеннаго къ сосуду магнита,

отклоняются этимъ магнитомъ такъ, какъ отклоняются имъ абсолютно гибкіе проводники, по которымъ распространяются электрическіе токи, имѣющіе направленіе къ испускающему эти катодные лучи катоду. На основаніи своихъ наблюденій Круксъ замѣтилъ, что катодные лучи представляютъ собою матеріальные потоки, что они образуются выбрасываемымъ съ громадною скоростью катодомъ частичками, *болѣе мелкими* чѣмъ обыкновенные атомы, заряженными отрицательнымъ электричествомъ. По мнѣнію Крукса явленіе катодныхъ лучей доказываетъ существованіе особаго состоянія вещества, отличнаго отъ трехъ обычныхъ состояній, твердаго, жидкаго, и газообразнаго, доказываетъ, что при условіяхъ возникновенія катодныхъ лучей вещество является въ четвертомъ состояніи. Находящуюся въ такомъ состояніи матерію Круксъ назвалъ *«радіантною матеріею»*. Въ 1895 г. было открыто еще новое свойство катодныхъ лучей. Рёнтгенъ, въ Вюрцбургѣ, замѣтилъ, что катодные лучи при паденіи на стѣнку того сосуда, въ которомъ они образуются, возбуждаютъ совершенно новое излученіе. Отсюда распространяются во всѣ стороны особые лучи, названные Рентгеномъ X—лучами. Мы знаемъ, на сколько сильно заинтересовались этими новыми Рентгеновыми лучами не только спеціалисты ученые, но и все образованное общество. Кромѣ этого, незадолго передъ испытаніемъ Рентгена, другому прекрасному нѣмецкому ученому-экспериментатору Ленарду удалось выпустить катодные лучи наружу изъ Круксовой трубки. Ленардъ воспользовался наблюденіемъ Гертца, доказавшимъ существованіе у катодныхъ лучей свойства проникать тонкіе слои алюминія. Ленардъ и устроилъ особую трубу, въ которой прямо противъ катода было сдѣлано небольшое отверстіе, герметически закрытое очень тонкимъ листкомъ алюмонія (толщина этого листка была всего 0,003 мм.). При возбужденіи катодныхъ лучей въ такой трубкѣ они проходили сквозь алюминій, а потомъ могли быть изслѣдуемы непосредственно внѣ Круксова сосуда. Удивительныя особенности Рёнтгеновыхъ лучей, а также, многое, напоминающее по свойствамъ Рёнтгеновы лучи, и подмѣченное Ленардомъ въ катодныхъ лучахъ, выпущенныхъ изъ трубки, заставили ученыхъ обратить особое вниманіе на эти катодные лучи. И очень многіе ученые принялись за тщательное изслѣдованіе природы катодныхъ лучей. Эти изслѣдованія не остались безъ результатовъ, напротивъ провели къ въ высшей степени интереснымъ и важнымъ заключеніямъ. Прежде всего оказалось несомнѣннымъ полное отличіе катодныхъ лучей отъ какихъ бы то ни было лучей свѣта. Опыты Перрэна, Дж. Дж. Томсона, Де-Кудре, Війна и др. самымъ строгимъ образомъ доказали, что катодные лучи не суть лучи въ истинномъ смыслѣ этого слова, но представляютъ собою непрерывный потокъ какихъ-то мельчайшихъ частичекъ, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ. Эти опыты, какъ видно, вполнѣ подтвердили то мнѣніе, какое высказывалъ относительно катодныхъ лучей Круксъ, мнѣніе,

не только не раздѣленное большинствомъ физиковъ, но даже почти осмѣянное. Но мало этого. Произведенныя по весьма остроумному методу изслѣдованія *) дали возможность Дж. Дж. Томсону даже опредѣлить величину отношенія между количествомъ электричества, несомымъ каждою частичкою въ катодномъ потокѣ, и величиною массы этой частички, т.-е. для явленія катодныхъ лучей сдѣлать то, что, на основаніи закона Фарадея, было сдѣлано для явленія электролиза. Вмѣстѣ съ этимъ опыты Томсона дали возможность еще найти и самую скорость, съ какою несутся внутри Круксовой трубки въ катодномъ потокѣ эти маленькія частички, заряженныя отрицательнымъ электричествомъ. Какъ величина отношенія между зарядомъ каждой такой частички и массою ея, такъ и величина скорости движенія этихъ частичекъ получились поразительными, вполнѣ неожиданными. Первые опыты Томсона дали для величины отношенія между зарядомъ частички, выраженнымъ въ абсол. электромагн. ед., и массою частички, выраженною въ грамм., число, равное $0,5 \times 10^7$, для скорости движенія частичекъ дали величину, представлявшую около $^1/_{10}$ величины скорости свѣта. Опыты Томсона въ нѣсколько измѣненномъ видѣ были повторены потомъ нѣсколькими физиками, и результаты, полученные имъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи порядка величины, оказались безспорно вѣрными. Какъ наиболѣе вѣроятныя въ настоящее время, эти величины суть: *отношеніе между зарядомъ частички* (ε—въ абсол. электромагн. ед.) *и массою частички* (μ—въ грамм.) *выражается чрезъ* $\frac{\mu}{\varepsilon} = 1,8 \times 10^7$, *скорость движенія частичекъ въ катодномъ потокѣ выражается чрезъ* $V = 0,6 \times 10^{10} \frac{\text{см.}}{\text{сек.}}$

Необходимо особенно замѣтить, что обѣ эти величины получаются безъ измѣненія тѣми же, будетъ ли въ Круксовой трубкѣ, въ которой образуются катодные лучи, воздухъ или другой газъ. Равнымъ образомъ эти величины не зависятъ и отъ вещества электродовъ трубки. Какъ ни интересны сами по себѣ эти результаты опытныхъ изысканій, показывающіе, что въ явленіи катодныхъ лучей мы имѣемъ нѣчто совсѣмъ новое, отличное отъ всего того, что было намъ извѣстно раньше, эти результаты становятся еще болѣе важными, когда мы сравнимъ ихъ съ тѣмъ, что было открыто непосредственно за этимъ. Извѣстно, что очень скоро послѣ открытія Рёнтгеномъ его замѣчательныхъ лучей, было произведено Беккерелемъ другое, не менѣе цѣнное, открытіе другихъ лучей, во многомъ похожихъ по своимъ свойствамъ на Рёнтгеновы лучи, но тѣмъ не менѣе существенно отличающихся отъ послѣднихъ. Беккерель замѣтилъ, что нѣкоторыя соли урана, минералы, содержащіе въ своемъ составѣ уранъ и торій, а также и

*) См. объ этомъ мою статью „Новые лучи и радіоактивность“ въ жур. „Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія“, 1903 г., №№ 21, 22.

самый металлъ уранъ въ чистомъ видѣ непрерывно испускаютъ лучи, обладающіе способностью проникать непрозрачныя для всѣхъ лучей свѣта тѣла и дѣйствующіе на фотографическую пластинку, возбуждающіе флюоресценцію и фосфоресценцію въ нѣкоторыхъ тѣлахъ и при своемъ прохожденіи сквозь воздухъ и другіе газы обращающіе ихъ въ проводники электричества. Во всемъ этомъ открытые Беккерелемъ лучи оказываются вполнѣ подобными лучамъ Рёнтгена, ибо послѣдніе производятъ такія же дѣйствія. Но лучи Боккереля существенно отличаются отъ лучей Рёнтгена тѣмъ, что на нихъ дѣйствуетъ магнитъ, который не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на лучи Рёнтгена. Не много времени спустя послѣ открытія Беккереля, супругамъ Кюри удалось изъ минерала «смоляная урановая руда», обладающаго свойствами непрерывно испускать Беккерелевы лучи, выдѣлить вещества, у которыхъ это свойство количественно превышаетъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ разъ свойство излученія даже чистаго металла урана. Такія, какъ ихъ теперь называютъ, радіоактивныя вещества суть соли двухъ новыхъ, неизвѣстныхъ прежде,металловъ, полонія и радія *).

Изслѣдованія явленій, возбуждаемыхъ радіоактивными веществами, показали, что лучи, испускаемые этими веществами, не представляютъ собою лучей въ прямомъ смыслѣ этого слова. Эти явленія сложны, но вполнѣ отличны отъ явленій свѣта и лучистой теплоты. Наиболѣе сильное радіоактивное вещество, бромистый радій, какъ вытекаетъ это изъ опытовъ, испускаетъ три рода различныхъ лучей. Одни лучи, названные Рудзефордомъ β-лучами, вполнѣ по своимъ свойствамъ подобны катоднымъ лучамъ. Эти лучи, какъ и катодные лучи, отклоняются магнитомъ, а также, какъ и катодные лучи, *притягиваются* тѣломъ, заряженнымъ положительнымъ электричествомъ. Другіе лучи, названные Рудзефордомъ α-лучами, также чувствуетъ на себѣ дѣйствіе магнита, но отклоняются имъ въ сторону, обратную той, въ которую онъ отклоняетъ катодные лучи, или β-лучи. Эти α-лучи *отталкиваются* тѣломъ, заряженнымъ положительнымъ электричествомъ. Они вполнѣ аналогичны тѣмъ лучамъ, которые были наблюдены въ Круксовой трубкѣ Гольдштейномъ и прозваны послѣднимъ *Kanal-Strahlen* или по-русски *закатодными лучами*. Третьи лучи, названные темъ же Рудзефордомъ γ-лучи, во всемъ подобны лучамъ Рёнтгена. Но кромѣ этихъ троякаго рода лучей, бромистый радій выдѣляетъ изъ себя еще нѣчто, какъ бы необычайно легкій паръ, то, что носитъ теперь названіе *эманаціи*.

Какъ уже упомянуто, β-лучи, испускаемые радіоактивными веществами, вполнѣ подобны лучамъ катоднымъ. Для нихъ было также путемъ опытовъ опредѣлено отношеніе $\frac{\varepsilon}{\mu}$ и величина этого отношенія оказалась такого же порядка, какъ и для лучей катодныхъ, т.-е.

---

*) См. Научный фельетонъ „Радіоактивность матеріи". М. Б. февраль 1903. *Ред.*

отношеніе между зарядомъ и массою каждой изъ частичекъ, совокупность которыхъ въ потокѣ образуетъ β-лучи, выражается величиною порядка 10^7.

Лучи-α существенно отличаются отъ лучей-β и отъ лучей катодныхъ. Эти лучи вполнѣ напоминаютъ собою *закатодные лучи*, которые, какъ доказали это сравнительно недавніе опыты Війна, представляютъ собою потокъ частичекъ, заряженныхъ *положительнымъ* электричествомъ. Опыты Війна дали возможность опредѣлить какъ отношеніе заряда къ массѣ каждой такой частички, такъ и скорость движенія этихъ частичекъ. Обѣ эти величины получились далеко не такими, какими онѣ являются для частичекъ, изъ которыхъ образуется катодный потокъ. Обѣ эти величины, кромѣ того, измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ природы газа, внутри котораго возникаютъ закатодные лучи. Для водорода отношеніе заряда (положительнаго электричества) къ массѣ частички выражается величиною порядка 10^4, скорость движенія частичекъ примѣрно въ 1000 разъ меньше скорости свѣта, т.-е. выражается величиною порядка $10^7 \frac{\text{см.}}{\text{сек.}}$. Какъ видимъ, для этихъ частичекъ, несущихъ съ собою положительное электричество, отношеніе заряда къ массѣ одинаково съ тѣмъ, что находится для іоновъ при изслѣдованіи явленія электролиза. Изъ опытовъ Війна оказывается, что и въ другихъ газахъ это отношеніе также равно отношенію заряда къ массѣ іона газоваго вещества.

Намъ извѣстны въ настоящее время еще нѣкоторые, весьма интересные факты. Въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ, на основаніи одного явленія, замѣченнаго Гертцемъ, было открыто Гальваксомъ вліяніе ультрафіолетовыхъ лучей на отрицательную электризацію какого бы то ни было проводника. Гальваксъ нашелъ, что отрицательно наэлектризованное тѣло, помѣщенное въ воздухѣ или другомъ газѣ на самомъ хорошемъ изоляторѣ, тотчасъ начинаетъ терять свой зарядъ, какъ только на это тѣло станутъ падать ультрафіолетовые лучи свѣта. Явленіе, открытое Гальваксомъ, было обстоятельно обслѣдовано потомъ Ричи и покойнымъ профессоромъ А. Г. Столѣтовымъ. Въ послѣднее время это явленіе вновь подверглось тщательному изученію Томсономъ. Своими блестящими опытами Дж.-Дж. Томсонъ доказалъ, что и въ этомъ случаѣ, т.-е. при освѣщеніи ультрафіолетовыми лучами отрицательно наэлектризованнаго тѣла происходитъ выдѣленіе съ поверхности этого тѣла частичекъ, уносящихъ съ собою отрицательное электричество, чѣмъ и вызывается наблюдаемая при этомъ потеря заряда. И для этихъ частичекъ Томсонъ былъ въ состояніи опредѣлить отношеніе $\frac{\varepsilon}{\mu}$, т.-е. отношеніе количества отрицательнаго электричества, уносимаго каждою частичкою, къ массѣ этой частички. Это отношеніе получилось опять того же порядка, какъ и въ случаѣ катодныхъ лучей-β. Оно выразилось числомъ порядка 10^7.

Было извѣстно еще, что накаленная въ водородѣ угольная нить при сообщеніи ей отрицательнаго электричества довольно быстро теряетъ свой зарядъ. Произведенные надъ этимъ явленіемъ опыты Томсона показали, что и въ этомъ случаѣ потеря заряда вызывается отлетающими отъ нити частичками, причемъ снова отношеніе отрицательнаго заряда каждой частички къ массѣ послѣдней выражается величиною того же порядка, какъ и въ вышеприведенныхъ явленіяхъ, т.-е. выражается числомъ порядка 10^7.

Итакъ, и въ катодныхъ лучахъ, и въ β — лучахъ, испускаемыхъ радіоактивными веществами, и при разсѣяніи отрицательнаго электричества отъ дѣйствія ультрафіолетовыхъ лучей или высокой температуры—всюду мы наблюдаемъ возникновеніе потока мельчайшихъ частичекъ, несущихъ вмѣстѣ съ собою отрицательное электричество, и всюду отношеніе заряда каждой такой частички къ массѣ послѣдней получается одно и то же, оно выражается величиною порядка 10^7, т.-е. величиною, превосходящею, по крайней мѣрѣ, въ 1.000 разъ подобное же отношенія для іона водорода въ явленіяхъ электролиза. Такое совпаденіе результатовъ, полученныхъ при изслѣдованіи весьма отличныхъ другъ отъ друга явленій, очевидно, не случайное, а тѣсно связанное съ природою отрицательнаго электричества. Эта связь еще рѣзче сказывается, если мы примемъ во вниманіе явленіе, совершенно изъ другой области, но тѣмъ не менѣе обнаруживающее то же самое, т.-е. показывающее опять, что отрицательное электричество распредѣлено въ частичкахъ, причемъ отношеніе между зарядомъ и массою каждой изъ этихъ частичекъ опредѣляется опять величиною порядка 10^7. Явленіе, о которомъ теперь упоминается открыто также весьма недавно, всего въ 1897 году, въ Амстердамѣ Зееманомъ. Зееманъ нашелъ, что въ магнитномъ полѣ, создаваемомъ сильнымъ электромагнитомъ между его полюсными поверхностями, *качество* свѣта, испускаемаго накаленными парами какого-либо металла, весьма замѣтно измѣняется. Спектръ свѣта, даваемаго этимъ паромъ, въ этомъ случаѣ получается болѣе сложный, чѣмъ при отсутствіи магнитнаго поля. Такъ, напр., спектръ свѣта отъ пламени газовой горѣлки, въ которое введена соль натрія, представляющійся обыкновенно, при наблюденіи помощью сильно разсѣивающаго спектроскопа, въ видѣ двухъ близко расположенныхъ другъ къ другу желтыхъ линій, является состоящимъ изъ 4 или даже 6 линій, (смотря по тому направленію, по которому мы наблюдаемъ лучи свѣта), когда это пламя подвергается дѣйствію магнитнаго поля. Явленіе, открытое Зееманомъ, вполнѣ объясняется, существованіе его становится необходимымъ, если мы примемъ теорію Лоренца, если вмѣстѣ съ послѣднимъ будемъ разсматривать атомъ вещества, какъ группу изъ двухъ частичекъ, сравнительно большого ядра, заряженнаго положительнымъ электричествомъ, и очень маленькой частички, заряжанной отрицательнымъ электричествомъ, представ-

ляющей собою какъ бы спутника этого ядра, и если свѣтъ мы будемъ разсматривать, какъ явленіе возбужденія особыхъ измѣненій въ состояніи эѳира, возбужденія, производимаго движеніями этого отрицательно наэлектризованнаго спутника центральнаго ядра. При такомъ взглядѣ на строеніе атома и причину свѣтоваго явленія, вліяніе магнитнаго поля на качество свѣта, испускаемаго накаленнымъ паромъ, находящимися въ этомъ полѣ, дѣлается абсолютно необходимымъ. Примѣняя теоремы механики и законы электромагнитизма, представляется не труднымъ по величинѣ разстоянія, найденнаго при наблюденіи явленія Зеемана, между двумя спектральными линіями, которыя образовались изъ одной линіи, и по величинѣ напряженія созданнаго магнитнаго поля опредѣлить отношеніе заряда спутника ядра въ атомѣ къ массѣ этого спутника. Произведенныя еще самимъ Зееманомъ измѣренія дали для этого отношенія величину порядка 10^7, т.-е. дали то же, что было приведено раньше. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, въ случаѣ изслѣдованія свѣтового явленія, получается прежнее соотношеніе между количествомъ отрицательнаго электричества и массою (мы увидимъ, что это будетъ только *кажущаяся* масса) носителя этого электричества. Назовемъ каждый такой носитель электричества, другими словами, каждую частичку съ присущимъ ей количествомъ отрицательнаго электричества *газіономъ*. Понятно, что, если намъ извѣстна для такого газіона величина отношенія $\frac{\varepsilon}{\mu}$, то, если будетъ какимъ-нибудь образомъ опредѣлена величина самаго заряда этого газіона, т.-е. ε, явится возможность вычислить и величину массы его. Это и удалось выполнить Дж.-Дж. Томсону. При помощи необыкновенно простого, но вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно остроумнаго пріема Дж.-Дж. Томсонъ *) *сосчиталъ число газіоновъ*, т.-е. частичекъ, уносящихъ съ собою отрицательное электричество, *отдѣляющихся отъ поверхности отрицательно наэлектризованной металлической пластинки, при паденіи на эту пластинку ультрафіолетовыхъ, Беккерелевыхъ или Рёнтгеновыхъ лучей, въ теченіе одной секунды времени.* Зная по показанію электрометра количество электричества, теряемое въ это же время такою пластинкою, Томсонъ простымъ ариѳметическимъ дѣйствіемъ, дѣленіемъ этого количества на число газіоновъ, получилъ величину заряда каждаго газіона, т.-е. величину ε. Найденная Томсономъ величина оказалась равною $3,8 \times 10^{-10}$ абсол. электрост. ед. Повторенные, съ небольшимъ измѣненіемъ, сначала Тоунзендомъ, а затѣмъ въ самое послѣднее время Г. Вильсономъ опыты дали въ результатѣ для ε величину, $3,1 \times 10^{-10}$ абсол. электрост. ед. Итакъ, *зарядъ одного газіона равняется* $3,1 \times 10^{-10}$ *абс. электрост. ед., или*, что то же, 10^{-20} *абсол. электромаг. ед., т.-е. этотъ зарядъ представляетъ собою одинъ электронъ, или то коли-*

---

*) См. мою статью „Новые лучи и радіоактивность" l. c.

чество электричества, которое при электролизѣ переносится однимъ атомомъ водорода.

Намъ извѣстно что, при электролизѣ для іона водорода получается $\frac{e}{m} = 10^4$.

Для каждаго газіона, какъ это слѣдуетъ изъ болѣе точныхъ опытовъ съ катодными лучами, что приведено выше, такое же отношеніе, т.-е. $\frac{\varepsilon}{\mu}$, должно быть положено равнымъ $1{,}8 \times 10^7$. Отсюда и потому, что $e = \varepsilon$, т.-е. потому, что зарядъ іона водорода равняется заряду газіона, мы получаемъ $m = 1800\ \mu$., т.-е. находимъ, что *масса одного газіона въ 1800 разъ меньше массы атома водорода, представляющей собою наименьшее, извѣстнѣе намъ изъ химическихъ изслѣдованій, количество матеріи.*

Такимъ-то образомъ физическія изслѣдованія приводятъ къ заключенію о существованіи массъ, меньшихъ чѣмъ массы атомовъ, какъ бы о возможности дѣленія послѣднихъ. Заключеніе громадной важности, составляющее эпоху въ наукѣ! Замѣтимъ при этомъ, что *положительные газіоны*, т.-е. тѣ частички, которыя своимъ движеніемъ образуютъ закатодные лучи или лучи-x, которыя несутъ вмѣстѣ съ собою заряды положительнаго электричества, *имѣютъ массы, одинаковыя съ массами обыкновенныхъ атомовъ.* Для этихъ газіоновъ, какъ слѣдуетъ это изъ опытовъ Томсона, Тоунзенда и Вильсона *), заряды получаются равными съ зарядами отрицательныхъ газіоновъ, т.-е. эти заряды суть положительные электроны. Вслѣдствіе этого и потому, что для газіоновъ водорода, согласно опытамъ Війна, находится для отношенія $\frac{\varepsilon}{\mu}$ величина 10^4, т.-е. та же, какая соотвѣтствуетъ обыкновенному іону водорода, слѣдуетъ, что $\mu = m$, т.-е. масса положительнаго газіона водорода равна массѣ атома водорода. Опыты Війна съ другими газами приводятъ къ подобному же выводу. Можно съ большею вѣроятностью утверждать, что носителями положительнаго электричества въ газахъ являются массы атомовъ этихъ газовъ.

Обращаемся теперь къ самому важному вопросу. Дѣйствительно ли отрицательные газіоны представляютъ собою *матеріальныя* частички, значительно меньшія, чѣмъ атомы, частички съ присоединеннымъ къ отрицательнымъ электричествомъ, по количеству равнымъ въ каждой такой частичкѣ одному электрону? Не есть ли матеріальность такихъ отрицательныхъ газіоновъ только кажущаяся? Не являются ли они непосредственно электронами, т.-е., такъ сказать, атомами электричества, отдѣлившимися отъ матеріи?

Поставленный вопросъ—очень смѣлый. Онъ слишкомъ не соотвѣтствуетъ обычнымъ нашимъ понятіямъ, какъ бы переноситъ насъ изъ

---

*) См. мою статью «Новые лучи и радіоктивность».

области положительныхъ наукъ въ метафизику, но онъ необходимъ. И то, что даетъ намъ современная физика, позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ и отвѣтить вполнѣ опредѣленно: *да, наблюдаемые нами при весьма различныхъ явленіяхъ, отрицательные газіоны суть на самомъ дѣлѣ электроны, они не матеріальны въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, они лишь атомы электричества.* Какимъ же образомъ мы можемъ придти къ такому отвѣту?

Прежде всего замѣтимъ, что *непосредственные опыты*, произведенные въ недавнее время Кауфманомъ, показали, что при измѣненіи условій, при которыхъ возникаютъ въ Круксовой трубкѣ катодные лучи вмѣстѣ съ увеличеніемъ опредѣляемой при помощи этихъ опытовъ скорости движенія газіоновъ въ катодномъ потокѣ наблюдается уменьшеніе величины отношенія $\frac{\varepsilon}{\mu}$, т.-е. наблюдается какъбы возрастаніе массы каждаго отрицательнаго газіона. Такой результатъ представляется трудно объяснимымъ, если мы будемъ принимать отрицательные газіоны за матеріальныя частички. Для этого намъ нужно было бы дѣлать новое предположеніе, нужно было бы допустить, что съ увеличеніемъ электрическаго импульса, вслѣдствіе чего происходитъ увеличеніе скорости движенія частичекъ въ катодномъ потокѣ, увеличивается и масса каждой такой частички. Хотя такое предположеніе и не представляетъ собою чего либо мало вѣроятнаго, но оно оказывается излишнимъ и то, что замѣтилъ Кауфманъ, является вполнѣ понятнымъ и даже необходимымъ, когда мы примемъ иное воззрѣніе на природу отрицательныхъ газіоновъ, когда мы будемъ разсматривать послѣдніе, какъ отдѣльные электроны.

Но какимъ же образомъ электронъ, т. е. атомъ электричества, а слѣдовательно нѣчто нематеріальное, можетъ обнаруживать массу, иначе свойство инерціи, однимъ словомъ то, что составляетъ главную отличительную особенность обыкновенной матеріи? Но что же такое представляетъ собою инерція матеріи, какъ объясняется эта инерція? На этотъ вопросъ, мы знаемъ, нѣтъ еще отвѣта въ наукѣ. До сихъ поръ мы ограничиваемся однимъ только допущеніемъ, мы прямо приписываемъ матеріи свойство инерціи, какъ нѣчто ей присущее, и не пытаемся даже попробовать хотя отчасти проникнуть въ тайну этого. Но, съ другой стороны, ученіе объ электричествѣ указываетъ, какъ на необходимое слѣдствіе того, что знаемъ мы объ электрическихъ явленіяхъ, на существованіе въ движущемся электричествѣ, а слѣдовательно и въ каждомъ отдѣльномъ электронѣ, сопротивленія перемѣнѣ этого движенія, т.-е. требуетъ принятія во вниманіе электрической инерціи этого электричества, этого отдѣльнаго электрона. Въ самомъ дѣлѣ, еще Фарадей показалъ путемъ опытовъ, что въ каждомъ проводникѣ, въ которомъ проходитъ электрическій токъ, т.-е., иначе, движется электричество, возникаетъ явленіе самоиндукціи, какъ только происходитъ измѣненіе силы тока: движущееся электричество

какъ бы сопротивляется всякому измѣненію характера своего движенія, оно уподобляется въ этомъ отношеніи обыкновенной матеріи, подверженной дѣйствію какой либо механической силы. Теоретическое разсмотрѣніе электрическихъ явленій привело еще много лѣтъ тому назадъ къ выводу, показывающему, что всякое наэлектризованное тѣло, находясь въ движеніи, обладаетъ помимо той кинетической энергіи, которая свойственна этому тѣлу, какъ имѣющему массу и скорость, еще особою дополнительною энергіею, зависящею отъ величины заряда на тѣлѣ, скорости движенія тѣла и размѣровъ послѣдняго. Для частнаго случая, для сферы съ равномѣрно распредѣленнымъ на ней электричествомъ эта дополнительная энергія вычисляется весьма просто. Вычисленіе даетъ для этой энергіи для случая, когда скорость движенія сферы много меньше скорости свѣта, выраженіе: $\frac{\mu e^2 u^2}{3a}$, въ которомъ a обозначаетъ радіусъ сферы, u—скорость, съ которою движется эта сфера, e—количество электричества на сферѣ и μ представляетъ собою величину нѣкоторой постоянной, характеризующей магнитныя свойства среды, въ которой происходитъ движеніе сферы.

Полагая, что электронъ не имѣетъ свойства обыкновенной матеріи, т.-е. не обладаетъ массою, въ истинномъ смыслѣ этого слова, по формѣ же есть шаръ радіуса *a*, мы должны приписать этому электрону, когда онъ находится въ движеніи, энергію, величина которой выразится только что приведенною формулою, т.-е. опредѣлится формулою $\frac{\mu e^2 u^2}{3a}$. Съ другой стороны энергія, запасенная этимъ электрономъ можетъ при удобныхъ условіяхъ совершить какую-либо работу или превратиться въ иную форму энергіи, однимъ словомъ произвести то же самое, что создаетъ обыкновенная двигающаяся масса соотвѣтственной величины. Поэтому-то нематеріальный, въ дѣйствительности не имѣющій массы, электронъ намъ будетъ представляться какъ бы матеріальнымъ. Его фиктивная, *кажущаяся* масса *m* должна будетъ только удовлетворять условію:

$$\frac{1}{2} m u^2 = \frac{\mu e^2 u^2}{3a},$$

ибо разсматривая электронъ, какъ двигающуюся *матеріальную* частичку, мы должны будемъ положить его энергію равною $\frac{1}{2} m u^2$, когда на самомъ дѣлѣ она выражается чрезъ $\frac{\mu e^2 u^2}{3a}$. Итакъ, *кажущаяся масса электрона находится по формулѣ:* $m = \frac{2 \mu e^2}{3a}$.

Эта формула справедлива однако только тогда, когда скорость движенія электрона много меньше скорости свѣта, ибо, какъ замѣчено выше, только при этомъ условіи энергія движущагося заряда выражается простою формулою $\frac{\mu e^2 u^2}{3a}$. Для случая движенія электрона со скоростями, близкими къ скорости свѣта, какъ это на самомъ дѣлѣ

происходитъ въ явленіи катодныхъ лучей, выраженіе энергіи электрона, а отсюда и формула для кажущейся массы его получаются несравненно болѣе сложными. Въ этомъ случаѣ формула для m показываетъ зависимость этой величины отъ скорости движенія электрона, а именно *возрастаніе m вмѣстѣ съ увеличеніемъ скорости*, т.-е. показываетъ то, къ чему пришелъ изъ своихъ наблюденій Кауфманъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что добытыя нынѣ физикою данныя позволяютъ съ весьма большою вѣроятностью говорить о возможности самостоятельнаго существованія электричества въ полномъ отдѣленіи отъ какого либо матеріальнаго тѣла или даже матеріальной частички, матеріальнаго атома. Правда, мы имѣемъ право утверждать это только по отношенію къ одному роду электричества, по отношенію къ электричеству отрицательному, такъ какъ только для отрицательныхъ газіоновъ, какъ слѣдуетъ это изъ всего, что было выше сообщено, опыты приводятъ къ величинамъ массъ, значительно меньшихъ массъ матеріальныхъ атомовъ. Электричество положительное какъ будто всегда связано съ матеріей. Положительные газіоны во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они изслѣдовались, обнаруживаютъ массы по величинѣ такого же порядка, какъ и массы обыкновенныхъ атомовъ. Только будущія изслѣдованія выяснятъ причину этого и вмѣстѣ съ тѣмъ покажутъ природу положительнаго электричества.

Обратимся снова къ вопросу объ отрицательныхъ электронахъ. Изъ приведенной выше формулы для выраженія кажущейся массы каждаго такого электрона и изъ полученныхъ путемъ опытовъ фактическихъ данныхъ является возможность опредѣлить порядокъ размѣровъ электроновъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ $m = \frac{2\mu e^2}{3a}$. Отсюда получаемъ $a = \frac{3}{2} \cdot \frac{e}{m} \cdot e$. Но, какъ показываютъ опыты, величина отношенія $\frac{e}{m}$ выражается числомъ порядка 10^7, количество же электричества въ одномъ электронѣ опредѣляется величиною 10^{-20}, а потому радіусъ электрона, если его принимать за сферу, получается выражающимся долею сантиметра, по величинѣ порядка 10^{-13}. Намъ извѣстны размѣры атомовъ. Полагая, что атомъ имѣетъ форму шара, мы должны принимать радіусъ этого шара выражающимся въ стомилліонныхъ доляхъ сантиметра, т. е. величиною порядка 10^{-8} см. Итакъ, *линейные размѣры электрона въ сто тысячъ разъ меньше линейныхъ размѣровъ атома.* Въ солнечной системѣ, какъ мы знаемъ, діаметръ нашей планеты, т. е. земля, составляетъ примѣрно $\frac{1}{20000}$ діаметра орбиты земли при движеніи ея около солнца. Это даетъ намъ возможность наглядно представить себѣ отношеніе объемовъ электрона и атома. Объемъ электрона примѣрно во столько же разъ меньше объема одного атома, во сколько разъ меньше объемъ земного шара объема сферы, радіусъ которой въ 5 разъ больше разстоянія земли отъ

солнца. Въ вопросѣ объ электронѣ мы имѣемъ такимъ образомъ прямо противоположное тому, что встрѣчаемъ при наблюденіи неба. Астрономія знакомитъ насъ съ громадными размѣрами, физика заставляетъ считаться съ размѣромъ чрезвычайно малымъ. Но понятія «большой» и «малый» суть понятія только относительныя, а потому малые размѣры электроновъ должны для насъ быть на столько же допустимы, на сколько допустимы громадные размѣры, съ которыми мы считаемся, наблюдая движеніе небесныхъ тѣлъ.

Итакъ, явленія катодныхъ лучей, явленія радіоактивности, вліяніе ультрафіолетовыхъ лучей на зарядъ тѣлъ, разсѣяніе электричества при дѣйствіи высокой температуры, измѣненіе качества свѣта при возбужденіи въ источникѣ этого свѣта магнитнаго поля, а также и другіе факты приводятъ насъ къ необходимости допустить въ каждомъ электрически - нейтральномъ атомѣ вещества, кромѣ ядра матеріальнаго, еще существованіе атома отрицательнаго электричества, электрона. Отдѣленіе электрона, т.-е. отдѣленіе атома отрицательнаго электричества, вызываетъ въ матеріальномъ ядрѣ обнаруженіе положительной электризаціи. Но что такое представляетъ собою само это матеріальное ядро или вообще атомъ? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ отвѣтъ, на первый взглядъ, весьма странный, устраняющій необходимость допущенія самой матеріи, но тѣмъ не менѣе не представляющій собою чего-либо, противорѣчащаго нашимъ современнымъ знаніямъ.

Электрически нейтральный атомъ вещества—это агрегатъ одинаковаго числа положительныхъ и отрицательныхъ электроновъ, образующихъ собою, благодаря дѣйствующимъ между ними электрическимъ силамъ, систему въ устойчивомъ равновѣсіи. Атомы различныхъ химическихъ элементовъ суть системы, состоящія изъ различнаго числа и различнаго расположенія паръ положительныхъ и отрицательныхъ электроновъ.

Въ атомѣ водорода, котораго «масса», какъ показываютъ опыты, примѣрно въ 1.800 разъ больше кажущейся массы электрона, число такихъ паръ около 900. Въ атомѣ натрія, въ 23 раза тяжелѣйшемъ атома водорода, такихъ паръ будетъ около 20.000; въ атомѣ ртути ихъ около 180.000. Несмотря на большое число электроновъ въ одномъ атомѣ, объемъ, занимаемый ими, составляетъ, вслѣдствіе относительной малости каждаго электрона, лишь незначительную часть объема атома. Такимъ образомъ густота распредѣленія электроновъ въ атомѣ небольшая, а потому пространство для ихъ движенія внутри объема атома получается вполнѣ достаточное. Итакъ, атомъ вещества составленъ изъ электроновъ подобно тому, какъ звѣздныя системы составлены изъ громаднаго числа отдѣльныхъ тѣлъ. Субстанція электроновъ—вотъ тотъ матеріалъ, изъ котораго путемъ эволюціи, путемъ борьбы за

существованіе возникли вполнѣ опредѣленныя, стройныя, прочныя системы, являющіяся для насъ въ видѣ атомовъ различныхъ химическихъ элементовъ. Но образовались или, скажемъ даже, и нынѣ при извѣстныхъ условіяхъ образуются системы, не обладающія совершенною прочностью. Такія системы должны распадаться, преобразовываться въ иныя, болѣе устойчивыя. Такими системами являются атомы радіоактивныхъ элементовъ, распаденіе которыхъ и обусловливаетъ тѣ явленія, какія мы наблюдаемъ возбуждаемыми этими элементами. Электронная гипотеза устанавливаетъ такимъ образомъ единство происхожденія разнообразныхъ по ихъ свойствамъ веществъ, сводитъ всѣ силы, относимыя до сихъ поръ къ особому свойству матеріи, къ силамъ электрическимъ, возникающимъ, вслѣдствіе особыхъ деформацій, въ эѳирѣ и даетъ возможность въ основу механики положить начала ученія объ электромагнитизмѣ. Эта гипотеза, какъ будетъ показано въ слѣдующей статьѣ, позволяетъ намъ объяснить не только многія явленія электрическія, какъ, напр., электризацію, возникающую при соприкосновеніи двухъ разнородныхъ тѣлъ, прохожденіе электрическаго тока чрезъ металлы, жидкости и газы, но предоставляетъ всѣ средства для полученія наиболѣе полнаго разъясненія разнообразныхъ метеорологическихъ и космическихъ явленій. Электронная теорія, только что возникшая, уже въ короткое время своего существованія успѣла открыть не мало тайниковъ, заключавшихъ въ своихъ нѣдрахъ источники наблюдавшихся намъ явленій; она, какъ смѣло можно надѣяться, обнаружитъ и новыя проявленія силъ природы.

Проф. **И. Боргманъ.**

ГОЛОСЪ МОРЯ.

Надъ моремъ сѣвернымъ лежитъ покровъ тумана,
И монотонный гулъ катящихся валовъ—
Протяжный и глухой—звучитъ, какъ громъ органа,
Немолчной жалобой, стенаніемъ безъ словъ.

И тутъ же море мнѣ припомнилось другое:
Какъ за аккордомъ вслѣдъ идетъ другой аккордъ—
Смѣнялись тамъ валы въ ликующемъ прибоѣ,
И шумъ ихъ былъ пѣвучъ и радостенъ, и гордъ.

Тутъ—стонъ отчаянья, тяжелый и недужный,
И заглушенная безсильная борьба,
А тамъ—свободы пѣснь, порывъ восторга дружный,
И страсть могучая, и грозная борьба!

НА ЗАКАТѢ.

Хвойный лѣсъ—подобье зала,
Ярче пламени свѣчей
Вѣтви сосенъ пронизала
Сѣть изъ пламенныхъ лучей.
Тишина святого храма,
Куполъ—блѣдный небосклонъ,
Льются волны ѳиміама
Отъ стволовъ—его колоннъ.
Здѣсь въ лѣсу благоуханномъ
Духъ стремится въ вышину,
Море голосомъ органнымъ
Нарушаетъ тишину.
Всюду—трепетъ вдохновенья,
Даль свѣтла и хороша,
И полна благоговѣнья—
Словно теплится душа.
Догораетъ блескъ янтарный
Тамъ, гдѣ неба виденъ край...
Только ты, огонь алтарный,
Ты въ душѣ не догорай!

О. Чюмина.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть I.

(*Продолженіе* *).

XII.

Какъ ни была тверда Ирина Васильевна въ своемъ обычаѣ не допускать никогда столкновеній съ Модестомъ Петровичемъ по какому бы то ни было поводу, тѣмъ не менѣе иногда, хотя до чрезвычайности рѣдко, этого нельзя было избѣжать. И если это случалось, то поводомъ всегда бывало что-нибудь постороннее. Все, что касалось ея лично, она умѣла отстранить съ презрѣніемъ. На этотъ разъ роль такого повода суждено было сыграть Антонинѣ Петровнѣ.

Былъ праздничный день. Часа въ два заѣхалъ Поршневъ и, поболтавъ съ полъ-часа, уѣхалъ въ какое-то дѣловое засѣданіе, гдѣ должны были собраться «его акціонеры». Модестъ Петровичъ, очевидно негласно, былъ заинтересованъ этимъ засѣданіемъ, потому что съ большой настойчивостью давалъ Поршневу какіе-то совѣты.

Послѣ отъѣзда Поршнева, Людмила вышла въ Гостинный что-то купить. Въ три часа, по праздникамъ, Модестъ Петровичъ любилъ пить чай съ вареньемъ, и на столъ были поданы чайникъ съ кипяткомъ и посуда.

Чай, по обыкновенію, разливала Антонина Петровна. Ирина Васильевна получила свою чашку и хотѣла поскорѣе выпить ее и уйти къ себѣ.

— Вотъ,—сказалъ Модестъ Петровичъ, указывая глазами на свою сестру, которая, наливъ себѣ чашку чаю, набирала въ блюдце земляничное варенье,—въ своемъ-то городѣ, я полагаю, съ патокой чай пила наша Антонина, а тутъ съ сахаромъ, да еще съ вареньицемъ...

Это замѣчаніе показалось Иринѣ Васильевнѣ до того ориги

---

*) См. „Міръ Божій", № 7, іюль, 1903 г.

нальнымъ, что она подняла глаза и внимательно посмотрѣла на брата и сестру. Антонина Петровна смутилась, и ложка, набиравшая варенье, вывалилась изъ ея руки и вся утонула въ вазочкѣ.

— Я вѣдь только по праздникамъ, Модестъ... Да и много ли я съѣмъ?..—отозвалась она.

Ирина Васильевна съ усиленнымъ вниманіемъ перевела взоръ на Балясова.

— Да я вѣдь ничего. Развѣ я тебя упрекаю? Я только къ тому,—говорилъ Балясовъ,—что здѣсь, стало быть, жить слаще, чѣмъ тамъ, а сама, навѣрное, въ душѣ думаетъ: «вотъ братъ старшій грабитъ меня...» Вѣдь сознайся, думаешь?

— Съ чего это ты, Модестъ? Кажись, я никогда... Ужъ, право, не знаю...—скромно возражала Антонина.

— Да вѣдь это всегда такъ: братья только и дѣлаютъ, что грабятъ сестеръ, такіе ужъ это злодѣи...

Ирина Васильевна видѣла, что рѣчь Модеста Петровича убійственно дѣйствуетъ на Антонину. Глаза ея сдѣлались влажными. Того и гляди, заплачетъ.

— Зачѣмъ это вамъ нужно доводить до слезъ вашу сестру?—сказала она.—Антонина ничѣмъ этого не вызвала.

Модестъ Петровичъ вдругъ обозлился и недружелюбо посмотрѣлъ на нее.

— Я могу обойтись безъ всякихъ указаній насчетъ того, что мнѣ нужно и чего не нужно,—замѣтилъ онъ.

— Вы напрасно разсердились,—сказала Ирина Васильевна,—я не дѣлала вамъ указаній. Я высказала свое мнѣніе.

— Вы могли выбрать для вашего мнѣнія другую тему, а не меня.

— Наша тема теперь не вы, а ваша сестра... Вы ставите ее въ неловкое положеніе.

Модестъ Петровичъ вскипѣлъ. Его опухшее лицо покраснѣло, и онъ собирался выпалить что-то оскорбительное.

Въ это время Антонина быстро отодвинула отъ себя чашку, сказала: «охъ, Господи», поднялась и стремительно вышла изъ комнаты. Очевидно, она не хотѣла быть причиной раздора между супругами, которые и такъ, насколько она могла замѣтить, жили не въ дружбѣ.

— Вотъ видите, чего вы достигли,—сказалъ Модестъ Петровичъ,—она уже фыркаетъ. Скоро, пожалуй, швырнетъ мнѣ въ лицо чашку съ кипяткомъ... Ваше непрошенное покровительство только портитъ отношенія.

Ирина Васильевна почувствовала, что ея негодованіе, которое какъ-то помимо ея воли и противъ ея желанія, возникло въ

душѣ, вдругъ упало. Ей стало обидно допустить какое бы то ни было чувство по поводу такихъ плоскостей, какія говорилъ ея мужъ. И она ограничилась тѣмъ, что насмѣшливо взглянула на Модеста Петровича.

— А знаете,—промолвила она,—я, признаться-таки, удивляюсь мирному характеру вашей сестры. На ея мѣстѣ всякая другая давно сдѣлала бы это.

— То-есть, что это?

— Да вотъ, какъ вы говорите, швырнула бы вамъ чашку съ кипяткомъ.

— Отчего же это такъ, скажите пожалуйста?

— Вы сдѣлали все для этого.

— То-есть, что же это *все*?

— Да вѣдь вы, дѣйствительно, ограбили ее... На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній.

— Вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о моихъ дѣлахъ и не должны разсуждать о нихъ.

— Менѣе всего я желаю разсуждать о вашихъ дѣлахъ... Но если вы поселили вашу сестру въ домѣ, въ которомъ и я живу, и, какъ мнѣ извѣстно, берете съ нея что-то такое за пищу и питье, то, по крайней мѣрѣ, ведите себя съ нею такъ, чтобы въ другихъ не оскорблялось чувство справедливости.

— Въ другихъ? Ужъ не въ васъ ли? Ха!.. Ваша справедливость!.. Кажется, вы давно заживо похоронили ее... Это видно изъ воспитанія, которое вы даете вашей дочери... Вы готовите изъ нея чудовище...

Ирина Васильевна съ видомъ любопытства откинулась на спинку стула, скрестила на груди руки и смотрѣла на него, какъ будто на какое-то чудо. Онъ говоритъ о справедливости, о воспитаніи, это человѣкъ, обокравшій свою сестру, берущій взятки не только деньгами, акціями и ужинами, но и женщинами...

Она смотрѣла на него, и глаза ея говорили это, и онъ понималъ, что глаза ея именно это говорятъ.

Онъ ненавидѣлъ ее уже давно. Но въ эту минуту ненависть его вдругъ выросла до того, что онъ не былъ въ состояніи сдерживать себя. Это спокойствіе, эти смѣющіеся надъ нимъ глаза выводили его изъ себя, и ему хотѣлось нанести ей какую-нибудь обиду, да такую, чтобы она ее почувствовала, какъ боль. И онъ зналъ, что у него за пазухой есть острый камень, которымъ онъ, если захочетъ, можетъ раздробить ей черепъ, и ему не по силамъ было не воспользоваться этимъ.

И онъ вдругъ сильно возвысилъ голосъ, который сдѣлался рѣзкимъ и крикливымъ:

— Вы готовите изъ нея чудовище... Да, да. Милое существо,

которое благодарность считаетъ порокомъ... Вы убѣдили ее, что это такъ и нужно... Но зато,—продолжалъ онъ, очевидно все менѣе и менѣе владѣя собой и уже не отвѣчая за свои слова,—зато вы будете первая, которую она отблагодаритъ такъ, какъ вы её научили... Вы не понимаете? Въ вашихъ глазахъ еще иронія... такъ надо объяснить вамъ... Я объясню, объясню... Съ величайшимъ наслажденіемъ... Въ этомъ вы мнѣ повѣрите.. Вы и представить себѣ не можете, съ какимъ высокимъ наслажденіемъ я доставлю вамъ эту непріятность... Вамъ угодно знать? Угодно?

— Мнѣ ничего отъ васъ не угодно... Ваша злоба сдѣлала васъ невмѣняемымъ!—брезгливо и попрежнему съ видомъ глубокаго спокойствія отвѣтила Ирина Васильевна.

— А вы вмѣните... Вотъ сейчасъ вмѣните... Вотъ я кончилъ чай и ухожу къ себѣ, потому что мнѣ съ вами нечего дѣлать,—онъ всталъ и направился къ двери, а дойдя до нея, остановился.—Я сейчасъ уйду, но все же я успѣю сообщить вамъ интересную, захватывающую новость, вотъ она: въ Петербургѣ больше двухъ лѣтъ проживаетъ нѣкій господинъ, отставной агитаторъ, по фамиліи Рокотовъ, и вашей дочери это не только извѣстно, а, можетъ быть,—за это, впрочемъ, не ручаюсь,—можетъ быть, она уже имѣла ни съ чѣмъ несравнимое счастье видѣть его... небесныя черты!.. Да-съ... И больше мнѣ съ вами нечего дѣлать.

И, сказавъ это, онъ почти побѣжалъ черезъ гостиную, вбѣжалъ въ свой кабинетъ и захлопнулъ за собою дверь.

Ирина Васильевна, не измѣнивъ позы, смотрѣла ему вслѣдъ, когда онъ удалялся съ такимъ видомъ, словно обращался въ бѣгство. Его бѣшенство, доходившее почти до невмѣняемости, какъ ей казалось, заставляло ее отнестись къ его словамъ, какъ къ бреду. Но когда онъ произнесъ это имя и какъ-то странно сопоставилъ его съ именемъ ея дочери, съ ея сердцемъ сдѣлалось что-то необыкновенное. Что-то вдругъ сжало его и не выпускало. Она еще сидѣла съ скрещенными на груди руками, чувствуя, что щеки ея блѣднѣютъ и передъ глазами носится туманъ.

Она поднялась и посмотрѣла вслѣдъ ему, на только что захлопнутую дверь. «Что онъ сказалъ? Этому человѣку ничего не стоитъ оклеветать, втоптать въ грязь самую чистую душу... Но это... Но этого нельзя выдумать... Здѣсь Рокотовъ и уже нѣсколько лѣтъ... Людмила знаетъ это и, можетъ быть, видѣлась съ нимъ... Что же это? Что?»

Балясовъ точно поставилъ передъ нею ларецъ, въ которомъ заключалось что-то дорогое и въ тоже время страшное для нея, а ключъ отъ ларца только показалъ ей и бросилъ въ помойную яму.

Что-жъ, надо рыться въ этой ямѣ, докапываться до самаго

грязнаго дна, чтобы розыскать ключъ. И она рѣшила пойти къ нему.

Она подошла къ двери и постучала. Отвѣта не было. Она повторила стукъ. Онъ точно притаился тамъ. Онъ ничѣмъ не проявлялъ своего присутствія.

— Я должна войти къ вамъ,—строго и повелительно произнесла Ирина Васильевна.

Онъ молчалъ. Тогда она схватилась за ручку двери и съ силой распахнула дверь. Балясовъ сидѣлъ на диванѣ, положивъ ногу на ногу, въ такой позѣ, которой, очевидно, хотѣлъ показать свое глубокое спокойствіе. Но онъ не былъ спокоенъ. Его разбитые ежедневнымъ пьянствомъ и всякими излишествами нервы не подчинялись ему. Мускулы лица его передергивались, глаза были налиты кровью, на губахъ играла злобно-торжествующая усмѣшка.

— Что-же вамъ угодно отъ меня?—спросилъ онъ, стараясь сохранять самообладаніе.

— Мнѣ нужно знать, для какой цѣли вы выдумали эту нелѣпую ложь,—сказала Ирина Васильевна.

— Ха, ха, ха! Вамъ, можетъ быть, угодно знать его адресъ? Ха, ха... Извольте... Васильевскій островъ, Волховской переулокъ, домъ... вотъ не знаю—четвертый или пятый... Но вы можете справиться въ адресномъ столѣ...

— И вы не лжете?—съ пылающими глазами спросила его Ирина Васильевна.

— Ахъ, да, да, вотъ еще примѣта: съ нимъ живетъ нѣкій студентъ Крученинвовъ... Его вѣрная собака, его ищейка...

— Крученинвовъ...—какъ бы про себя произнесла Ирина Васильевна и вдругъ почувствовала, что вся ея успокоительная гипотеза, въ которой она искала опоры, расплывается.

— Этотъ господинъ,—продолжалъ Модестъ Петровичъ,—навѣрняка знаетъ, въ которомъ часу вы ложитесь спать и въ которомъ встаете. А-а... я вижу, что вы, наконецъ, повѣрили... Ну, что-жъ, можете ѣхать къ нему... Можете даже переѣхать, если вамъ угодно... У него, говорятъ, тамъ цѣлый флигель... Дѣла, его кажется, недурны... А я... съ наслажденіемъ выдамъ вамъ на извозчика...

И онъ наслаждался эффектомъ, потому что видѣлъ, что эффектъ этотъ чрезвычайный. Ирина Васильевна какъ будто собиралась еще задавать ему вопросы, но раздумала и, шатаясь, вышла изъ кабинета.

Она прошла черезъ гостинную въ столовую. Тутъ съ глубоко подавленнымъ видомъ возилась съ посудой Антонина Петровна. Ирина Васильевна слышала, какъ она съ чѣмъ-то обратилась къ

ней, кажется—съ сожалѣніемъ, что была причиной непріятностей, но она пропустила это мимо ушей. Въ головѣ ея стучала стремительно прилившая туда кровь. Она остановилась у окна и глядѣла въ пространство, желая собрать свои мысли и овладѣть своими чувствами. Въ передней раздался звонокъ.

Тогда она вдругъ быстро ушла въ свою комнату, легла на кровать и зарылась съ головой въ подушки. Она знала, что это пришла Людмила. Но избави Богъ, если она теперь заговоритъ съ нею. Она боялась самой себя. Теперь у нея нѣтъ ни осторожности, ни самообладанія, ни ума.

Людмила, очевидно предупрежденная Антониной, вошла въ ея спальню на цыпочкахъ и на минуту остановилась.

— У тебя голова болитъ?—спросила она мать.

— Да,—глухо отвѣтила Ирина Васильевна и крѣпко стиснула свои челюсти, какъ бы этимъ преграждая себѣ возможность произнести еще хоть одно слово. То, что она узнала сейчасъ, еще не привилось какъ слѣдуетъ къ ея мозгу, не освоилось съ нимъ. Она еще не полная хозяйка въ этомъ, она не готова. Сперва надо пережить это внутри себя, чтобы потомъ оно было для нея не тяжелой ношей, а опорой.

Людмила прошла къ себѣ и взялась за книжку. Къ пяти часамъ она ждала къ себѣ Любочку. Было условлено, что онѣ поѣдутъ кататься. Любочкѣ прибавили жалованья, и она рѣшила кутить. Былъ уже договоренъ лихачъ, который повезетъ ихъ по набережной и на острова.

Но ей какъ-то не читалось. Что-то тревожное чуялось ей въ этомъ глубокомъ молчаніи въ домѣ. Не вѣрила она въ головную боль матери. Да и видъ Антонины Петровны, когда Людмила проходила черезъ столовую, и когда та предупреждала ее о томъ, что Ирина Васильевна не совсѣмъ здорова, казался ей подозрительнымъ. Но ни на одно мгновеніе не пришла ей въ голову мысль даже близкая къ тому, что произошло.

Было около пяти часовъ, когда пришла Любочка. Людмила не дала ей войти къ себѣ, а рѣшила выйти въ гостинную, чтобы не безпокоить мать.

Когда она проходила черезъ комнату Ирины Васильевны, ей показалось, что мать не спитъ, и она остановилась на секунду. Ирина Васильевна поднялась и сѣла на кровати. Лицо ея было въ тѣни, такъ какъ наступили уже глубокія сумерки, а лампочка не была зажжена.

— Это Любочка пришла за мной,—сказала Людмила.—У тебя все еще болитъ голова?

— Вы ѣдете кататься?—спросила Ирина Васильевна, не отвѣтивъ на ея вопросъ.

— Да, ты вѣдь знаешь...

— Куда вы поѣдете?

— Не знаю... Кажется, на острова...

— Надолго?

— Часа на полтора..

— Не больше?—какъ-то странно допрашивала Ирина Васильевна.

— Я думаю, что нѣтъ.... А что? Ты что нибудь имѣешь противъ?

— Н-нѣтъ, я ничего не имѣю...

И Ирина Васильевна опять положила голову на подушку.

— Вѣдь это Любочка выдумала... Я постараюсь поскорѣе отдѣлаться,—сказала Людмила и тихонько вышла.

XIII.

Оставшись одна, Ирина Васильевна продолжала думать все о томъ же. Почти уже увѣрившись, что слова Балясова были не простой злобой, она все больше и больше приходила къ мысли, что должна поговорить объ этомъ съ самой Людмилой. Но вѣдь это будетъ крайне рѣшительный разговоръ; чтобы приступить къ нему, надо быть «вооруженной съ ногъ до головы».

Съ Людмилой она никогда не говорила о ея происхожденіи, обо всей той исторіи, которая висѣла надъ нею, и вдругъ—все разомъ. Эта недавняя вспышка, когда Людмила такъ опредѣленно обозначила свою ненависть къ Балясову, такъ и осталась неразъясненной. Объ этомъ разговоръ не возобновлялся.

И неужели же она приступитъ къ этому, опираясь лишь на нѣсколько словъ, брошенныхъ въ припадкѣ злобы этимъ человѣкомъ, не заслужившимъ отъ нея никакого довѣрія? А что, если онъ сдѣлалъ это только изъ одной злобы, выдумалъ все, чтобы доставить ей самую большую непріятность, какую онъ только знаетъ? Шагъ будетъ сдѣланъ, и его ужъ нельзя будетъ взять обратно. Требовалась провѣрка. Но у кого? Кто еще во всемъ мірѣ могъ интересоваться ихъ жизнью, въ особенности этой стороной, какъ она думала, закрытой отъ всѣхъ густымъ покрываломъ минувшихъ двадцати лѣтъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ голову ей пришло имя: Поршневъ! Не можетъ быть, чтобы эти люди, встрѣчающіеся каждый день, съ головами, отуманенными винными парами, дѣлившіе между собой самые гнусные интересы, не дѣлились всѣмъ. И если въ словахъ Балясова есть доля правды, то Поршневъ знаетъ это и подтвердитъ.

И когда она подумала такимъ образомъ, то въ то же мгно-

веніе рѣшеніе поѣхать къ Поршневу у нея было готово. Она быстро одѣлась и, сказавъ что-то Антонинѣ, вышла.

Поршневъ жилъ совсѣмъ въ другой сторонѣ города. Хотя онъ и готовился къ формальному разводу съ своей женой, но пока это еще не случилось, они жили въ одной квартирѣ. Квартира была очень большая, и онъ занималъ въ ней нѣсколько совершенно отдѣльныхъ комнатъ.

Ирина Васильевна пріѣхала, вошла въ подъѣздъ и стала подниматься по лѣстницѣ. Когда она прошла нѣсколько ступеней, она увидѣла быстро спускавшагося ей навстрѣчу Поршнева. Онъ узналъ ее и изумился.

— Вы? Кажется, ко мнѣ?

— Да, къ вамъ. А вы должны уѣхать? Вы торопитесь?

— У меня обѣдъ съ Балясовымъ и еще кой съ кѣмъ. Но, разумѣется, я вернусь, они тамъ меня подождутъ.

Ирина Васильевна никогда не бывала у Поршнева, и тѣмъ болѣе это его заинтересовало. Они поднялись во второй этажъ. Поршневъ отперъ дверь американскимъ ключикомъ, и они вошли.

Онъ ввелъ Ирину Васильевну въ огромную комнату, которая была его кабинетомъ. Высокіе потолки, масса воздуха, широкая, мягкая, обитая сукномъ мебель, все это говорило о томъ, что Поршневъ любитъ жизнь и умѣетъ сдѣлать ее пріятной.

Въ каминѣ горѣли дрова. Онъ освѣтилъ комнату и пригласилъ Ирину Васильевну поближе къ огню, чтобы согрѣться.

— Не могу понять, что могло привести васъ ко мнѣ. Васъ, которая никогда не оказывала мнѣ этой чести,—сказалъ Поршневъ.

— Да вѣдь вы въ ней не нуждаетесь,—отвѣтила Ирина Васильевна.—И теперь я пришла не для того, чтобы оказывать вамъ честь, а потому, что нуждаюсь въ васъ.

— Тѣмъ лучше. Значитъ, я могу быть вамъ полезенъ. А вы знаете, что это мнѣ всегда пріятно.

— Допустимъ. Дайте мнѣ слово, что на мои вопросы вы будете отвѣчать правду.

— Почему вы думаете, что я сталъ бы лгать вамъ?

— Потому что вы другъ господина Балясова, а это касается и его.

— Я другъ Балясова!.. Ну, знаете... эта дружба такого рода, что, если бы вамъ вотъ сейчасъ понадобилась его голова, я отдалъ бы ее въ ваше полное распоряженіе. Наша дружба основана на совмѣстномъ чревоугодіи и... ну, и на другихъ тому подобныхъ вещахъ.

— Сегодня господинъ Балясовъ, приведенный въ бѣшенство однимъ моимъ замѣчаніемъ, сообщилъ мнѣ, что здѣсь въ Петер-

бургѣ живетъ нѣкій Рокотовъ, о которомъ вы навѣрно отъ него знаете; правда ли это?

— А, вотъ что... вотъ что... Это вопросъ сложный.

— Но вы отвѣтьте прямо: правда ли?

Поршневъ взялъ щипцы, нагнулся и помѣшалъ ими дрова въ каминѣ.

— Это правда,—сказалъ онъ,—незыблемая...

Ирина Васильевна помолчала. Она поднялась и прошлась по обширному кабинету. Потомъ она вернулась къ камину и опять сѣла на свое мѣсто?

— Давно?—спросила она.

— Три года.

— Кто такой Кручениновъ? Когда вы встрѣтились съ нимъ тогда на вечерѣ, вы отнеслись къ нему странно. Какую роль играетъ онъ при немъ, при Рокотовѣ?

— Какую роль? Ученика, наперсника, послѣдователя... Не знаю, какую еще. Можетъ быть, они вмѣстѣ соблазняютъ наивныхъ женщинъ...

— Вы судите по себѣ, Владиміръ Ивановичъ! Рокотовъ этимъ никогда не занимался.

— Виноватъ, я не зналъ, что его особа для васъ священна..

— Что вы еще знаете по этому поводу? Разскажите... Я не могу спрашивать...

— По поводу Рокотова я знаю, что онъ появился здѣсь года три тому назадъ. Прежнія бредни свои онъ совсѣмъ бросилъ. Разумѣется, предварительно проведя нѣсколько скучныхъ лѣтъ около сѣвернаго полюса... Состоитъ вольнослушателемъ въ университетѣ и занимается химіей, живетъ съ Крученинымъ и принимаетъ у себя молодыхъ людей обоего пола, которые, конечно, смотрятъ на него, какъ на священную развалину прошлаго. Живетъ, впрочемъ, мирно, никакими пропагандами не занимается, а молодые люди большею частью кормятся и поятся у него. А еще что дѣлаетъ онъ, не знаю. Вотъ все, что мнѣ извѣстно относительно Рокотова.

— Все?

— Относительно Рокотова все.

— Когда узнала объ этомъ Людмила?

— А, вы уже начинаете совсѣмъ другую исторію...

— Пусть другую...

— Вы думаете, что я долженъ выдать вамъ Людмилу Модестовну?

— Обязаны и, кажется, въ вашихъ же интересахъ.

— Да, интересъ мой тутъ есть и большой. Но я хотѣлъ бы прежде знать, будетъ ли онъ попрежнему идти рядомъ съ вашимъ?

— О, да. Несмотря на все мое неуваженіе къ вамъ, я положу на это всѣ силы, теперь въ особенности.

— Спасибо и на этомъ. Уважать меня, дѣйствительно, не за что. А я за уваженіемъ и не гоняюсь. Такъ вы спрашиваете, когда Людмила Модестовна узнала о Рокотовѣ? Я думаю, что чуть ли не на томъ вечерѣ, когда въ первый разъ встрѣтилась съ Кручениновымъ...

— Это возможно... Съ тѣхъ поръ она круто измѣнилась.

— Да, но ко мнѣ въ особенности.

— Что было потомъ?

— Потомъ она видѣлась съ Кручениновымъ въ театрѣ. У нихъ была ложа съ аванъ-ложей. Они просидѣли весь спектакль въ аванъ-ложѣ. Надо думать, что здѣсь она узнала о Рокотовѣ болѣе подробно.

—Затѣмъ?

—А затѣмъ, наконецъ, состоялось и свиданіе.

— Съ нимъ?—вдругъ вскочивъ съ мѣста, воскликнула Ирина Васильевна.

—Да, съ нимъ и у него. Свиданіе длилось часа два, и тутъ уже, надо думать, онъ разсказалъ ей всю свою исторію.

Ирина Васильевна довольно долго молчала, какъ бы стараясь впитать въ свою душу свѣдѣнія, которыя были такъ чужды ей. Она, видимо, переживала чрезмѣрное волненіе. И ей стоило большихъ усилій надъ собой, чтобы нѣсколько успокоиться.

—А скажите, промолвила она, наконецъ, какими средствами вы все это узнали?

Поршневъ поднялъ голову, и лицо его, освѣщенное красноватымъ пламенемъ отъ камина, приняло цинически-смѣющееся выраженіе.

—Вамъ и это надо знать?—спросилъ онъ и засмѣялся.

—Это не изъ любопытства,—отвѣтила Ирина Васильевна.—Мнѣ надо знать, насколько этому можно довѣриться...

— О, что до этого, то можете на меня положиться. Все это такъ же достовѣрно, какъ то что вы сегодня сдѣлали мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, и что мы сейчасъ сидимъ здѣсь передъ каминомъ. Вамъ Модестъ Петровичъ сказалъ это въ припадкѣ бѣшенства?

—Да, почти невѣроятномъ для него.

—И прибавилъ, что вы можете хоть переѣхать туда?

—Вы и это знаете!

—И что онъ охотно дастъ вамъ на извозчика?

—Да вы слишкомъ освѣдомлены, слишкомъ... И я боюсь, что попала къ одному изъ заговорщиковъ противъ меня.

—Никогда я не буду противъ васъ... замѣтьте это. Я только

объ одномъ прошу: устройте поскорѣе такъ, чтобы мое пламенное желаніе исполнилось...

— А развѣ вы не думаете, что послѣ того, что вы мнѣ разсказали это сдѣлалось трудно? И почему, почему вы держали это отъ меня втайнѣ? Три года, три года...

— Три года онъ не проявлялъ никакого движенія. Онъ занимался себѣ своей химіей и только. Казалось, ему было все равно, существуете вы или нѣтъ; есть-ли у васъ его дочь или ея нѣту.... И только въ послѣднее время, когда....

— Когда?—спросила Ирина Васильевна, такъ какъ онъ запнулся на этомъ словѣ.

— Да вотъ именно въ послѣднее время,—видимо увильнулъ Поршневъ.

— Вы уклоняетесь, Владиміръ Ивановичъ.

— А вы сегодня совсѣмъ отказываетесь догадываться.

— Послѣднее время, когда до него дошло, что у васъ есть шансы добиться руки Людмилы?

— Есть ли эти шансы, вотъ вопросъ... Есть тѣ шансы, которые находятся у васъ, что же касается самой Людмилы Модестовны, то отъ нея я никакъ не могу добиться простой искренней улыбки...

— А вамъ очень нужна ея искренность?

— Я думаю. А то какъ же?

— Такимъ господамъ, какъ вы, достаточно владѣть женщиной, и вамъ рѣшительно все равно, отдается она вамъ охотно или изъ разсчета... Вѣдь вы же съ господиномъ Балясовымъ чуть не каждый день покупаете женщинъ, и что-жъ, вы спрашиваете ихъ, охотно ли онѣ вамъ отдаются? Вы требуете отъ нихъ искренности? Да я пришла бы въ отчаяніе, если бы замѣтила въ моей дочери хоть каплю искренняго чувства къ вамъ.

— О, да, я знаю ваши взгляды на этотъ счетъ.

— Но мы отклонились... Итакъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о вашихъ шансахъ, онъ сталъ проявлять движеніе...

— Да.

— Онъ сталъ искать встрѣчи съ Людмилой.

— Да, все это такъ и было.

Ирина Васильевна съ выраженіемъ энергіи начала ходить по комнатѣ.

— Значитъ, онъ еще не разстался съ мыслью о своемъ правѣ вліять на ея душу, на исправленіе ея жизни... Онъ ошибается. Этого вліянія я не допущу. Я больше васъ не задерживаю, Владиміръ Ивановичъ!—прибавила она, остановившись:—теперь около семи часовъ. Вы еще поспѣете на вашъ обѣдъ. До свиданія.

— Мы выйдемъ вмѣстѣ, я подвезу васъ въ своемъ экипажѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, этого не нужно...

— Такъ, по крайней мѣрѣ, я посажу васъ на извозчика.

— Я сама сяду. Нѣтъ, право, это неудобно. Дайте мнѣ только шубу. Не зовите для этого никого!

Они вышли въ переднюю. Поршневъ подалъ ей шубу, и она сейчасъ же ушла.

«Балясушка-таки не выдержалъ,» подумалъ Поршневъ, когда она ушла: «до чего онъ сталъ слабъ! Ахъ, до чего ослабѣлъ человѣкъ!

Онъ тоже одѣлся и, выждавъ нѣсколько минутъ, вышелъ изъ дому.

Когда черезъ четверть часа онъ встрѣтился съ Балясовымъ, то ни слова не сказалъ ему о посѣщеніи Ирины Васильевны. Балясовъ выждалъ удобный моментъ—такъ какъ здѣсь было еще третье лицо—и, отведя его въ сторону, разсказалъ ему о сегодняшней сценѣ. Поршневъ выслушалъ это, какъ совершенную новость для него, и ни однимъ намекомъ не далъ ему понять, что знаетъ объ этомъ.

XIV.

Когда Ирина Васильевна, вернувшись домой, вошла въ свою спальню, она увидѣла въ растворенную дверь Людмилу, сидѣвшую за столомъ. Около нея лежала раскрытая книга, которую она не читала.

Ирина Васильевна сняла шляпку, положила ее на подзеркальникъ. Она не зажгла лампочку. Полоса свѣта, падавшая изъ комнаты Людмилы, достаточно свѣтила ей, и Людмила видѣла, что лицо у нея было сосредоточенное, глаза напряженные. Затѣмъ Ирина Васильевна вошла къ Людмилѣ и остановилась на порогѣ.

Людмила встала. Разомъ обѣ почувствовали, что «пришелъ часъ», что больше не можетъ быть ни одной минуты колебанія, и что теперь должно быть сказано все. Должно быть сказано и не можетъ быть не сказано. Точно малѣйшимъ промедленіемъ будутъ нарушены всѣ законы природы и произведена міровая катастрофа. Дошло до того, что дальше жить такъ нельзя.

Ирина Васильевна стояла на порогѣ съ страннымъ лицомъ, съ сомкнутыми губами. Людмила смотрѣла на нее и ждала. Длилась безконечная минута молчанія.

— Ты ничего не имѣешь сказать мнѣ?—спросила, наконецъ, Ирина Васильевна и, неподвижная, осталась на своемъ мѣстѣ.

— Очень много, мама, если ты захочешь меня слушать...—твердо отвѣтила Людмила, и въ голосѣ ея не было слышно ни колебанія, ни смущенія, а скорѣе ясное сознаніе своего права.

— Я хочу слушать тебя, но боюсь, не слѣдовало ли сдѣлать это гораздо раньше...—откликнулась на ея слова Ирина Васильевна.

— Раньше я не могла... Я не была готова. Я и теперь не знаю, какъ начать... Я вижу, что ты знаешь... Слышала или догадалась... Что же тебѣ сказать?

— Что сказать, это все равно, Людмила... Это правда, что едва-ли ты скажешь мнѣ что-нибудь новое... Но для меня важно, что ты уже нѣсколько мѣсяцевъ живешь особою жизнь, со мною врозь, сообща съ моими врагами, и можетъ быть сама уже врагъ мнѣ... Ты понимаешь, почему это мнѣ важно...

— Но это не такъ...—воскликнула Людмила:—Это не такъ.

— А какъ же?

— Ахъ, мама,—вдругъ, какъ бы на минуту потерявъ свою твердость,—промолвила Людмила, нетерпѣливо, нервозно; какъ странно мы съ тобой разговариваемъ... Ты точно допрашиваешь, я какъ будто избѣгаю... Я ничего не хочу избѣгать... Я ничего не хочу скрывать отъ тебя... Да, да,—говорила Людмила съ напряженнымъ волненіемъ, шагая по комнатѣ, въ то время, какъ Ирина Васильевна продолжала стоять у двери, слѣдя за ней глазами.—Я жила особою жизнью и не нѣсколько мѣсяцевъ, а больше, можетъ быть, уже нѣсколько лѣтъ... Ты изумлена, я вижу. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Я выросла... Моя душа выросла, а ты этого не замѣтила и все продолжала со мной, какъ съ малолѣтней... Ты точно думала, что растетъ только мое тѣло, а душа нѣтъ... А вѣдь я твоя дочь, я въ тебя... Впрочемъ, ты не объ этомъ хочешь слышать отъ меня...

— Объ этомъ тоже интересно...—вскользь и какъ будто безъ особаго волненія проговорила Ирина Васильевна.

— Да, но это послѣ. А теперь то, что мучаетъ меня...

— Мучаетъ? Значитъ, мучаетъ?

— О, я думаю! Вѣдь я не могла и представить себя отдѣльно отъ тебя, а тутъ вдругъ... Но вѣдь ты все знаешь?

— Не знаю, все ли...—сказала Ирина Васильевна и, подойдя къ столу, сѣла около него на стулѣ.—Да и то, что слышала отъ другихъ,—продолжала она,—сочту знаніемъ только тогда, когда услышу отъ тебя...

— А... Лучше бы, еслибъ ты уже все знала..

— Какъ это странно,—говорила Ирина Васильевна, подперевъ голову рукой и глядя на дочь грустными, но, повидимому, примиренными глазами:—хватаетъ мужества на дѣла и не хватаетъ на слова...

— Да, вотъ не хватаетъ... Тяжело говорить объ этомъ... Слушай, мама... Людмила подошла къ ней близко и остановилась,—скажи мнѣ, зачѣмъ все это такъ произошло? Нѣтъ, ты, навѣрное, не такъ понимаешь... Что вы съ нимъ не сошлись, у васъ были на то

причины... Я не сужу васъ. Зачѣмъ вотъ это: этотъ подставной отецъ, котораго ни я, ни ты даже уважать не можемъ?

— Постой... Не будемъ забѣгать впередъ... Я хочу, чтобы ты судила насъ... Я этого хочу... До сихъ поръ у меня не было судьи, а теперь ты узнала и, кажется, произвела слѣдствіе, ну такъ суди же, суди...

— Слѣдствіе? Нѣтъ... Тебя никто не обвинялъ...

— Еще бы. Посмѣлъ бы онъ обвинить меня...

— Я не хочу судить васъ... Я не знаю и не хочу знать... Потому что вы оба дороги мнѣ...

— Оба?—Ирина Васильевна подняла голову и выпрямилась.— Оба! Вотъ это для меня ново. Съ одной ты прожила двадцать лѣтъ жизни и, какъ я думаю, ни разу не могла сказать, что она манкировала своими обязанностями матери, что любила кого-нибудь, кромѣ тебя, и занималась чѣмъ-нибудь, кромѣ твоей жизни... А съ другимъ ты видѣлась одинъ разъ—и уже оба одинаково дороги...

— Я не сказала «одинаково»,—отрицательно покачавъ головой, возразила Людмила,—Боже мой, мама, зачѣмъ ты такъ со мной говоришь? Я хочу раскрыть тебѣ душу, а отъ твоихъ словъ, отъ твоего тона она закрывается...

Ирина Васильевна съ безпокойствомъ посмотрѣла на нее, какъ человѣкъ, сдѣлавшій неловкость и вдругъ спохватившійся. Въ самомъ дѣлѣ, она дала перевѣсъ своему чувству обиды, которое сдѣлало ее сухой и требовательной. Она сразу начала съ упрековъ, и въ ея голосѣ слышался суровый допросъ. Съ этимъ она не имѣла права разсчитывать на откровенность дочери, и Людмила такъ хорошо напомнила ей объ этомъ. Ея душа, которую она хотѣла раскрыть передъ нею, закрывается...

— Ты права... Это оттого, что я слишкомъ обижена. Меня обошли...—сказала она съ грустнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ и въ глазахъ.

— О, мама, неужели ты можешь думать, что я сдѣлала это умышленно, что я хотѣла это сдѣлать? Я сдѣлала это только потому, что была поставлена въ необходимость...

— Кѣмъ это?

— Не знаю, кѣмъ... Тобой или такъ осложнившеюся жизнью... Я жила подъ твоимъ... хотѣла сказать вліяніемъ, но это слишкомъ слабо: подъ твоимъ обаяніемъ долгіе годы... Ты, одна ты, лѣпила мою душу и никто не мѣшалъ тебѣ, ты могла сдѣлать изъ нея все, что хотѣла. И ты думала, что ты дѣлаешь то, что хочешь, но вышло не то..

— Почему же? И какъ могло произойти это?

— Погоди, мама, дойду до этого, я дойду до всего... Уже нѣ-

сколько лѣтъ я ломаю голову надъ всѣмъ этимъ, и я уже многое объяснила себѣ...

— Нѣсколько лѣтъ!—произнесла Ирина Васильевна и покачала головой.—Нѣсколько лѣтъ безъ меня!

— Да, мамочка, нѣсколько лѣтъ... Нѣсколько лѣтъ уже я одинока. Я живу бокъ-о-бокъ съ тобой и стараюсь поступать по-твоему, но это уже не обаяніе и даже не вліяніе. Я стараюсь только потому, что люблю тебя и дорожу твоимъ покоемъ, который ты заслужила. Но въ моихъ мысляхъ я одинока. . Какъ это произошло? Не знаю точно. Но думаю, что вотъ начало: я догадалась, что этотъ... Ну, ты знаешь... Что онъ мнѣ не отецъ, и тебѣ не мужъ... Я поняла изъ намековъ, полусловъ... Но все равно. Когда я поняла, я испытала радость. Ты понимаешь, почему... Но тутъ же я задала себѣ и мысленно тебѣ вопросъ: почему и зачѣмъ? Шестнадцать лѣтъ ты заставляла меня почитать за отца человѣка, котораго сама презирала. Значитъ, были серьезныя причины, и я росла въ невѣдѣніи ихъ... Я рано стала жить сознательно. Въ девять, въ десять лѣтъ я уже многое понимала, и я считала, что съ этихъ поръ надъ моей душой было насиліе... Но все равно, не будемъ считаться. Тебѣ я простила это въ тотъ же мигъ, ни на одну минуту я не почувствовала вражды къ тебѣ, но мое безпредѣльное довѣріе къ тебѣ поколебалось. Твоя непогрѣшимость для меня кончилась, и уже съ тѣхъ поръ я стала относиться критически къ тому, что исходило отъ тебя. Вотъ откуда началось мое одиночество... Я постоянно думала о твоемъ прошломъ, которое было для меня загадкой. Я не знала изъ него ничего и все-таки думала о немъ, потому что я знала тебя и не допускала, чтобы ты безъ глубокихъ причинъ допустила близко къ себѣ такого грязнаго человѣка и такъ долго заставляла меня называть его отцомъ. А къ этому времени подоспѣло еще новое, отчего я сразу встала на дыбы: это—Поршневъ, твоя благосклонность къ нему и твое явное покровительство его ухаживанью за мной. Ты не скрывала отъ меня, что это за личность. Напротивъ, ты какъ будто считала своимъ долгомъ показать его въ истинномъ свѣтѣ. Отъ тебя я узнала, что это человѣкъ безчестный, грязный, развратный... И ты, показывая мнѣ его такимъ, толкала меня къ нему. Не скрою отъ тебя, мама, въ иныя минуты изумленіе переходило во что-то другое, и я съ ужасомъ чувствовала, что во мнѣ зачинается вражда къ тебѣ... Не дѣлай такое скорбное лицо. Эта вражда никогда долго не жила во мнѣ, я вытравляла ее моей любовью. Нѣтъ, мама, ты будешь говорить потомъ, а я ужъ доскажу все... У меня такъ все готово!.. Да, враждѣ я не давала мѣста, но ходъ къ тебѣ для меня все затруднялся, точно выростала между нами гора, съ каждымъ днемъ все выше и выше. Сегодня я ее

разбросаю, а завтра новая, выше прежней... Каждый визитъ Поршнева, и твоя любезность съ нимъ повергали меня въ трепетъ.. И не потому, чтобы мнѣ это грозило... О, нѣтъ... Несмотря на свой ужасъ передъ мыслью огорчить тебя, я на это не пошла бы. Я твердо знала, что никогда не сдѣлалась бы женой Поршнева. Меня потрясало другое: что ты можешь по какимъ-то недоступнымъ моему уму соображеніямъ желать этого и готовить мнѣ это. . Это было второе, чего я не понимала въ тебѣ: какъ мнѣ хотѣлось освѣтить все это и понять! какъ я была готова принять всякій лучъ. О, что я говорю... Всякую искру, крупицу свѣта... И когда на студенческомъ балу мнѣ намекнули, что могутъ и хотятъ объяснить, я пошла, я побѣжала навстрѣчу... И ужъ ты сама должна понимать, мама, что къ тому, что мнѣ постепенно открывалось, я не могла относиться иначе, какъ страстно... Крученинов, съ которымъ я познакомилась на балу, сперва разсказалъ мнѣ про отца, а потомъ и показалъ мнѣ его... Мамочка, я не скрою отъ тебя: онъ показалъ мнѣ такого отца, какого я хотѣла бы имѣть... Я вижу, ты хочешь сказать: почему же я къ тебѣ не пришла съ своими сомнѣніями и вопросами?

— Да, вотъ, вотъ,—подтвердила Ирина Васильевна.

— Потому что я не ожидала, не надѣялась на то, что ты разрѣшишь мнѣ ихъ по правдѣ... Прости... У меня на это было много причинъ, и ты знаешь, что это такъ и было бы... По твоему плану такъ должно было быть. Ты твердо рѣшила закрыть передо мной все прошлое. Если бы это было не такъ, ты не прятала бы его отъ меня до девятнадцати лѣтъ... Но, мама, вѣрь мнѣ, вѣрь, пожалуйста, что я страдала и жаждала случая сказать тебѣ все... и вотъ теперь мнѣ стало легче.

Людмила замолчала. Ирина Васильевна тоже сидѣла молча и неподвижно, съ подавленнымъ видомъ. То, что высказала ей дочь, было слишкомъ важно, затрогивало слишкомъ глубокіе вопросы всей ея жизни и создавало какія-то новыя отношенія, которыя сейчасъ и нельзя было предугадать. Казалось, вся прошлая жизнь ея разомъ зачеркнута однимъ этимъ разговоромъ. Все, надъ чѣмъ она такъ самоотверженно работала, объявлено неправильнымъ, ошибочнымъ, ненужнымъ. Вся двадцатилѣтняя борьба, всѣ потраченныя на нее силы, все это было напрасно.

Она казалась себѣ похожей на человѣка, который, оберегая свои милліоны, всю жизнь сидѣлъ на сундукѣ, отказывая себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ жизни, съ единственною цѣлью сберечь сокровище для своихъ дѣтей, и вдругъ однажды, поднявъ крышку сундука, увидѣлъ, что оттуда, какими-то невѣдомыми ему путями, похищены всѣ сокровища, а на мѣстѣ ихъ лежатъ камни и всякій ненужный соръ.

Людмила видѣла, какое впечатлѣніе произвели на мать ея рѣчи и вдругъ на минуту почувствовала себя виноватой передъ ней. Она подошла къ ней близко, близко.

— Мамочка, я причинила тебѣ горе,—промолвила она дрожащимъ голосомъ.

Ирина Васильевна посмотрѣла на нее безконечно грустными глазами и покачала головой.

— Нѣтъ, не горе, но ты... ты уничтожила меня всю, со всей моей прошлой жизнью!..

— Это неправда... Если я такая, а не иная, то только благодаря тебѣ... Слушай, мама, объясни же мнѣ ты, ты сама, почему все это произошло!

— Что все?—чуть-чуть встрепенувшись, спросила Ирина Васильевна.

— Все, все... И то, что ты, будучи подругой такого человѣка, какъ мой отецъ, вдругъ нашла въ себѣ силы допустить къ себѣ близко этого... другого... И то, что ты, противорѣча самой себѣ, своей душѣ, своей сокровенной вѣрѣ, такъ настойчиво желала моей близости съ Поршневымъ... Объясни мнѣ все, я повѣрю каждому твоему слову...

— Повѣришь изъ уваженія къ моей любви... Но ты не поймешь. Ты не можешь понять то время... Оно было единственное, оно никогда не повторялось и не повторится.

— Я знаю о немъ.

— Откуда? Изъ книгъ, изъ разсказовъ,—это все не то... Только тотъ знаетъ его, кто жилъ въ немъ. Тотъ его чувствуетъ...

— Я знаю отъ него... Онъ много-много говорилъ мнѣ о своемъ времени.

— А, да, если онъ говорилъ, это источникъ достовѣрный... Тогда ты знаешь. Ты знаешь, что въ то время любовь для насъ играла ничтожную роль. Люди были поглощены, если не дѣломъ, то стремленіемъ къ дѣлу... Всѣ были заняты имъ, всѣмъ было некогда... Если мужчина и женщина сходились, то просто потому, что они были мужчина и женщина, сходились безъ долгихъ думъ, а расходились безъ сожалѣнія... И еще облегчалось это тѣмъ, что всѣ были однихъ мыслей и одной вѣры... Я была создана иначе. Во мнѣ было что-то противъ этого. Я никому не позволяла близко подойти ко мнѣ... А когда явился онъ, твой отецъ, онъ самъ пришелъ и взялъ меня... Да, я допустила слабость, я впала въ страшную ошибку, въ которую никогда не должна впадать женщина. Я полюбила его. И мы вдругъ сдѣлались съ нимъ не равны. Онъ полюбилъ свою идею, свое дѣло, а на меня смотрѣлъ, какъ на пріятную случайность, а я и идею, и дѣло, все вложила въ него. Видишь ли, я была слишкомъ женщина. Въ то время и въ томъ кругу,

гдѣ я жила, женщина не требовалась. Нужны были дѣятели и все равно, къ какому полу они принадлежали, говорили ли они нѣжнымъ голосомъ или грубымъ, носили ли длинныя платья или короткія, были ли черты ихъ лица изящны, красивы, или грубы, угловаты, ихъ разсматривали одинаково и спрашивали объ одномъ: вѣруешь ли ты въ единый символъ, достойный человѣка, въ народъ, въ его силу въ его будущность? Готовъ ли работать для него, жертвовать всѣми личными благами и даже самою жизнью. И чѣмъ больше горячей убѣжденности слышалось въ твоемъ да, тѣмъ виднѣе тебѣ доставалось мѣсто. Когда я была одинока, я занимала видное, исключительное мѣсто, занимала его по праву. Тогда я не была женщиной, потому что женщина во мнѣ спала. Я была и умнѣе, и убѣжденнѣе многихъ, и на меня смотрѣли снизу вверхъ. Притязанія мужчинъ меня не трогали. Я смотрѣла на нихъ холодными глазами, и мнѣ это было дѣлать легко, потому что женщина была во мнѣ покорена дѣятелемъ. Но вотъ я сблизилась съ твоимъ отцомъ. Онъ былъ крупной величиною, онъ былъ орелъ среди вороновъ. И я сразу еще больше возвысилась. Но тутъ-то и случилась моя страшная ошибка: въ то время, какъ онъ сошелся со мной мимоходомъ, по-пути, не придавая этой связи глубокаго значенія, я полюбила... Женщина проснулась во мнѣ и заняла въ душѣ моей свое властное мѣсто. Видишь, я оказалась изъ тѣхъ женщинъ, которыя не могутъ безнаказанно сближаться съ мужчиной, изъ тѣхъ, что, отдаваясь, отдаютъ, дѣйствительно, всю себя и иначе не могутъ. Это—рабство, но рабство особенное, требовательное рабство. Мы покоряемся, но требуемъ, чтобы и намъ покорялись. Я твоя вся, но зато и ты долженъ быть моимъ весь, нераздѣльно. И я думала, что это такъ и есть. Если бы я такъ не думала, я, конечно, не унизилась бы до... любви. Но было не такъ. И это выяснилось, когда твой отецъ вдругъ рѣшилъ уйти. Ему пришло время уйти. Его идеи и его дѣло этого требовали, и онъ сказалъ мнѣ просто, какъ будто даже не существовало вопроса обо мнѣ: «я ухожу»... О, да, я, конечно, знала, куда и зачѣмъ онъ идетъ, мы были товарищи, я была посвящена въ его дѣла. «Но какъ же я?» «Ты—какъ хочешь. Ты — свободная личность, ты вольна распорядиться собой сообразно своимъ желаніямъ и взглядамъ...»—«А ребенокъ? У меня долженъ родиться ребенокъ...»—«Если онъ долженъ родиться, то онъ и родится... Таковъ незыблемый законъ природы, что отъ близости мужчины и женщины рождается ребенокъ...» — «Значитъ до меня и до него тебѣ все-равно?» Тогда онъ сказалъ:—«Ты знаешь мое дѣло (оно до сегодняшняго дня было и твоимъ), оно требуетъ меня всего. Ты знаешь, что оно въ милліонъ разъ важнѣе одной личной жизни... Ты можешь идти со мной, если чувствуешь для этого

силы...» Но я не пошла. Были ли у меня для этого силы, не знаю, но это все равно. Если бы и были, я уже не пошла бы за нимъ. Во мнѣ была оскорблена женщина—любящая и отдававшая всю себя... И тогда все упало въ моихъ глазахъ. Все вмѣстѣ съ нимъ рухнуло для меня: и то дѣло, которому онъ служилъ, и тѣ идеи, которымъ отдавалъ онъ свои силы. Я чувствовала себя оскорбленной, униженной и имъ, и всѣми... Онъ ушелъ, я осталась... Изъ злобы къ нему я допустила къ себѣ этого, который давно добивался меня... Въ немъ я никогда не заблуждалась, онъ и тогда былъ для меня ясенъ. Но знаешь ли ты, почему я, не задумываясь, согласилась сдѣлаться его женой? Да вотъ именно потому, что онъ былъ гадокъ, и я уже, значитъ, не могла вторично впасть въ ошибку... Любовь сдѣлала меня слабой, любовь отдала меня въ рабство, любовь принесла мнѣ оскорбленіе... А этого я презирала, и презрѣніе сдѣлало меня сильной. Вслушайся въ это... Постарайся понять это...

И она замолкла, какъ бы утомленная столь продолжительнымъ разсказомъ, потребовавшимъ отъ нея большого подъема нервной силы.

— Это разгадка?—полувопросительно произнесла Людмила.

— Да... Разгадка... Ты, значитъ, поняла,—сказала Ирина Васильевна,—ты, Людмила, была единственнымъ существомъ въ мірѣ, которое я любила. Я прилагала всѣ старанія, чтобы воспитать тебя сильной... Развѣ я не сдѣлала все, чтобы ты научилась презирать людей? О, чтобы навѣрняка презирать того, кого судьба поставила рядомъ съ тобой, надо сперва научиться презирать всѣхъ. Ни для кого не должно быть исключенія, потому что всѣ одинаково ничтожны... Изъ милліона людей одинъ, можетъ быть, выше другихъ, но развѣ легко его встрѣтить? И, воспитывая тебя сильной, я больше всего на свѣтѣ боялась, чтобы ты не ослабѣла, не впала въ ту ошибку, въ которую впадаютъ большинство женщинъ, и не отдалась въ рабство... Вотъ почему я хотѣла, чтобы жизнь чувства началась для тебя съ презрѣнія...

— Ты заблуждалась, мамочка, ты страшно заблуждалась... И, кромѣ того, ты... хотѣла быть несправедливой.

— Несправедливой? Къ тебѣ?

— Да, ко мнѣ... Ты сама испытала то чувство, которое сильнѣе и глубже всѣхъ другихъ чувствъ... Ты любила, и ты хотѣла лишить меня этого, замѣнивъ его презрѣніемъ...

— Ага... Я, значитъ, заблуждалась... Я была къ тебѣ несправедлива,—съ чуть пробивающимся оттѣнкомъ сарказма промолвила Ирина Васильевна,—настало время и для этого... Казни, казни...

Людмила близко подошла къ ней и обняла ея шею обѣими руками.

— Не говори такъ, мама... Видишь ли, я уже не дѣвчонка, которую надо вести на помочахъ, показывая ей только правду, какую надо, и закрывая отъ нея всякую другую.. Я все знаю и все поняла... Не произошло ничего злого, увѣряю тебя... Только вдругъ точно міръ раздвинулся, расширился передо мной, и я увидѣла, что жизнь гораздо больше и глубже, и прекраснѣе, чѣмъ я думала...

— И это тамъ показали тебѣ? Тамъ? На Васильевскомъ Острову?—все еще съ оттѣнкомъ ироніи спросила Ирина Васильевна.

— А хотя бы и тамъ? Здѣсь меня приготовили къ жизни, а тамъ раскрыли и показали, какъ она широка и заманчива...

— И потому теперь ты можешь отвергнуться отъ того, что здѣсь... Приготовленіе кончилось...

— Никогда... Слышишь ли, мамочка, никогда... Я слишкомъ много думала, чтобы поступить опрометчиво, я дни и ночи думала о томъ, отчего это такъ вышло, что я, вѣрившая каждому твоему слову, вышла не такою, какъ ты хотѣла, а какъ разъ противуположной... Ты учила меня презирать людей, а я ихъ люблю, не знаю за что, но люблю... Ты учила меня думать, что на землѣ нѣтъ добра, что все кажущееся свѣтлымъ — призракъ, а въ дѣйствительности есть только мракъ, эгоизмъ и зло... А въ моей душѣ, точно невѣдомо кѣмъ зажженная неугасимая лампада, живетъ вѣра въ добро и манитъ меня куда-то къ свѣту, и я вѣрю, что онъ есть, настоящій, а не призрачный, что къ нему стоитъ стремиться, и что онъ достижимъ... Думала я о томъ, почему это такъ произошло. Я перебирала въ памяти всю мою жизнь, и вдругъ однажды поняла это. Я поняла, что все это отъ тебя и только отъ тебя, что этому ты, ты сама научила меня...

— Я научила тебя этому? — спросила Ирина Васильевна, — поднявъ голову и посмотрѣвъ на Людмилу мягкимъ, умиротвореннымъ взглядомъ.

— Ты, мамочка, ты... Потому что твое ученье шло изъ твоей головы, а сердце твое не раздѣляло его... Твоя голова признала, что такъ думать и такъ вѣрить для меня лучше, но въ глубинѣ твоего сердца осталось навсегда, запертое глубоко, то прежнее, чѣмъ ты жила... И когда ты говорила мнѣ свои суровыя, облитыя ядомъ, мнѣнія о жизни и людяхъ, въ твоихъ глазахъ я видѣла горе, въ твоихъ вздохахъ я слышала тоску... Это тосковало то прежнее, твоя вѣра, которой ты жила... То былъ вздохъ заключеннаго въ тюрьму... А развѣ я не слышала о твоей дѣятельности, когда ты еще участвовала въ благотворительномъ обществѣ?.. Вѣдь она противорѣчила всѣмъ твоимъ словамъ, всему

твоему ученію... А развѣ я не слышала твоихъ слезъ, когда душа твоя, оставшись наединѣ, рыдала по лучшимъ днямъ своимъ?.. Ты двоилась, въ тебѣ всегда боролись сердце и разумъ и ты страдала отъ этого, бѣдная... страдала ради меня, потому что это сдѣлаетъ меня счастливой...

— Постой, погоди, Людмила... Ты страшно заблуждаешься, твоя фантазія ужасна,—промолвила Ирина Васильевна, и въ ея голосѣ Людмилѣ опять послышалась прежняя сухость, а на лицѣ какъ будто появилась маска.—Но что же теперь будетъ,—прибавила Ирина Васильевна,—что ты готовишь для меня?

— Что я готовлю? Вотъ что, мама: я хотѣла бы взять тебя за руку и повести въ тотъ свѣтлый храмъ, въ которомъ ты когда-то молилась...

Людмила не докончила фразы, вдругъ Ирина Васильевна съ усиліемъ отодвинулась отъ нея, и высвободила свою голову изъ-подъ ея руки.

— Ты ошибаешься, мой другъ... Этого никогда не будетъ!—и она покачала головой.—Никогда, никогда не будетъ..: Свѣтлый храмъ, — прибавила она, съ какимъ-то выраженіемъ муки устремивъ взглядъ въ пространство,—можетъ быть, онъ и есть, но я забыла всѣ молитвы... Я теперь уже не умѣю молиться...

Она встала, и плечи ея нервно вздрагивали, какъ бы отъ холода.

— Будемъ спать, дитя мое,—сказала она упавшимъ, ослабѣвшимъ голосомъ, — что намъ теперь гадать? Жизнь какъ-нибудь пойдетъ... Этотъ живой ключъ всегда проложитъ себѣ какую-нибудь дорожку...

Она протянула Людмилѣ руку и пожала ее, какъ руку товарища или добраго знакомаго. Это было въ первый разъ. Прежде она на сонъ грядущій цѣловала Людмилу.

Людмила не сказала ни слова и проводила ее долгимъ вопросительнымъ взглядомъ.

Черезъ минуту дверь слегка притворилась, и онѣ, каждая порознь, стали готовиться ко сну. Больше онѣ ни слова другъ дружкѣ не сказали.

Людмила почувствовала, что съ завтрашняго утра между нею и матерью начнутся какія-то новыя отношенія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Былъ превосходный солнечный день необычайно рано наступившей весны въ Петербургѣ. Уже прошло двѣ недѣли ранняго поста, начавшагося въ половинѣ февраля.

Въ воскресный день въ квартирѣ Балясовыхъ, послѣ одиннадцати часовъ, почти всѣ собрались въ столовую и пили чай, соединенный съ завтракомъ. Даже Михаилъ, который почти никогда не ѣлъ съ другими, а какъ-то все опаздывалъ, и ему обыкновенно носили завтракъ и обѣдъ въ его комнату, на этотъ разъ случайно былъ здѣсь и притомъ не въ затрапезномъ грязномъ пиджачишкѣ, какъ онъ всегда ходилъ дома, безсознательно подражая своему отцу, а въ мундирѣ, видимо готовый къ выходу.

Только Модестъ Петровичъ, вчера вернувшійся поздно по случаю какого-то чиновнаго юбилея, еще спалъ и не выходилъ изъ своей спальни. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ точно избѣгалъ встрѣчаться въ столовой съ членами своей семьи и еще чаще прежняго сталъ отлучаться.

Ирина Васильевна была въ темномъ капотѣ, лицо у нея было несвѣжее, блѣдное и, какъ казалось, въ послѣднія недѣли замѣтно похудѣвшее. Слегка припухшія вѣки говорили о плохомъ снѣ, чѣмъ она вообще страдала, но въ иные періоды это обострялось настолько, что отражалось на ея лицѣ.

Людмила была одѣта въ свое черное, довольно нарядное платье, въ которомъ она обыкновенно выходила изъ дому. Лицо у нея было свѣжее, оживленное, здоровое.

Антонина Петровна разливала чай и вообще исполняла обязанности хозяйки и ключницы, а когда надобилось, то и горничной.

— Ты развѣ уходишь сегодня, что въ мундирѣ?—спросила Антонина племянника, къ которому она питала особую благосклонность.

— Какъ же! Я иду въ университетъ,—отвѣтилъ Михаилъ.

— Сегодня? Въ воскресенье? Ты такой усердный?

— У насъ сегодня диспутъ...

— Ну, это я даже не знаю что такое,—простодушно созналась Антонина.

— Вамъ и не нужно этого знать. Вы и безъ этого проживете...—пошутилъ надъ теткой Михаилъ, а затѣмъ обратился къ Людмилѣ и къ матери.—Это диспутъ по химіи, и я, конечно, въ химіи ничего не смыслю, я юристъ... Но много народу будетъ, потому что очень оригинальный диссертантъ.

При этомъ сообщеніи лицо у Ирины Васильевны сдѣлалось сосредоточенное и строгое, она опустила вѣки и сидѣла неподвижно. Людмила же съ живостью подняла голову.

— Я тоже иду на этотъ диспутъ!—сказала она.

— Ты? Ты развѣ что-нибудь понимаешь въ химіи?

— Нѣтъ... Но ты же говоришь, что много будетъ народу, и что диссертантъ оригинальный...

— Да ты откуда это знаешь? Онъ, дѣйствительно, оригиналенъ... Онъ уже почти старикъ, ему сорокъ восемь лѣтъ, и онъ только теперь добивается ученой степени...

— Сорокъ восемь лѣтъ вовсе не старость,—замѣтила Антонина.

— Для вашего жениха, тетушка, конечно, нѣтъ, но для диссертанта на степень магистра да... Говорятъ, онъ лѣтъ двадцать тому назадъ кончилъ, а потомъ забросилъ химію... Про него разсказываютъ, будто онъ былъ въ свое время главой разныхъ кружковъ и даже будто бы пострадалъ... Но теперь раскаялся... и опять занялся химіей... А ты о немъ слышала?

— Я съ нимъ знакома,—отвѣтила Людмила и какъ-то необыкновенно прямо, даже съ нѣкоторой гордостью посмотрѣла ему въ глаза и прибавила:—только это неправда, что онъ раскаялся. Ему не въ чемъ было раскаиваться.

Ирина Васильевна не подняла головы и продолжала сидѣть неподвижно.

— Ахъ, да,—сказалъ Михаилъ:—вѣдь это же пріятель Крученинова! Онъ же тебя и познакомилъ, конечно... Крученинова называютъ его наперсникомъ.

— Что это такое значитъ наперсникъ? — полюбопытствовала Антонина Петровна.

Михаилъ лукаво усмѣхнулся.

— Это, тетушка, далеко не то же, что наперстокъ. Это происходитъ отъ слова «перси».

— Это, значитъ, неприличное слово?

— О, что вы? Во всякой порядочной трагедіи бываетъ наперсникъ и въ операхъ тоже... Перси, это грудь. Наперсникъ почиваетъ на груди, любимецъ, значитъ... Такъ вотъ Крученинovъ любимецъ Рокотова, сегодняшняго диссертанта. Значитъ, онъ и познакомилъ тебя, Людмила?

— Да, онъ.

— Что же, онъ интересный, этотъ Рокотовъ, или такой же дутый, какъ Крученинovъ?

— Тебѣ онъ не понравился бы... Онъ не въ твоемъ вкусѣ,— отвѣтила Людмила.

— А, значитъ, à la Крученинovъ...

Въ это время Ирина Васильевна встала и попрежнему съ

неподвижнымъ лицомъ, съ полуопущенными вѣками промолвила, обратившись къ Людмилѣ:

— Передъ уходомъ ты зайди ко мнѣ.

— Да, мама... Я жду Любочку, она заѣдетъ за мной, —отвѣтила Людмила.

Ирина Васильевна кивнула головой и ушла къ себѣ.

— Ахъ, Любочка Кострова!—подхватилъ Михаилъ.—Я давно ее не видалъ: что же, она попрежнему сіяетъ красотой?

— Ты вовсе не такъ близокъ съ нею, Михаилъ, чтобы называть ее Любочкой, въ глаза ее ты такъ не назовешь...—недружелюбно замѣтила Людмила.

— Да вѣдь ее всѣ такъ называютъ. Что же, она еще не пошла на содержаніе?

Людмила ни слова не отвѣтила, точно и не слышала вопроса. А Антонина воскликнула съ глубокимъ укоромъ:

— Михаилъ, ай, ай!-ай!

— Я спрашиваю,—ни мало не смутившись, повторилъ Михаилъ:—она еще не пошла на содержаніе?

Людмила съ презрѣніемъ посмотрѣла на него и опять не отвѣтила ни слова. Михаилъ пожалъ плечами и больше не приставалъ къ ней. Онъ кончилъ завтракъ, ушелъ въ свою комнату, а потомъ и изъ дому.

Черезъ полчаса явилась Любочка. Она была въ очень нарядной весенней кофточкѣ и въ шикарной шляпкѣ съ пышными перьями.

— Какой у тебя неакадемическій нарядъ,—замѣтила Людмила, осматривая ее,—въ такихъ шляпкахъ на ученые диспуты не ходятъ.

— Я не такъ богата, чтобы заказывать шляпку спеціально для ученаго диспута,—отвѣтила Любочка:—навѣрно, больше одного раза въ жизни не попаду туда. Что же, мы ѣдемъ безпрепятственно?..

— Я почти готова... Только мнѣ хотѣлось бы сперва поговорить съ тобой.

Антонина Петровна сейчасъ же догадалась, что хотятъ говорить «секреты» и, какъ тѣнь, изсчезла. Ушла ли она дѣйствительно въ свою отдаленную комнату въ корридорѣ или притаилась гдѣ-нибудь за дверью, чтобы слышать разговоръ дѣвушекъ, это осталось неизвѣстнымъ. Но въ послѣднее время Модестъ Петровичъ какими-то невѣдомыми путями узнавалъ многое изъ того, что говорилось въ домѣ въ его отсутствіе и совсѣмъ не для него.

Антонина Петровна тяготилась своимъ положеніемъ на хлѣбахъ у брата, который не пропускалъ случая подчеркнуть это и, чтобы

сдѣлать свое присутствіе въ домѣ для него полезнымъ, попробовала разъ другой подслушать и передать Модесту слышанное. И она замѣтила, что Балясову это пришлось на душѣ. Онъ сталъ обращаться съ нею болѣе «по-братски» и пересталъ укорять за безполезное существованіе въ домѣ. Этого было достаточно, чтобы Антонина превратила свое шпіонство въ ремесло.

Ее никто не знакомилъ съ сложными отношеніями, существовавшими между членами семьи, никто даже не намекалъ ей на это. Самъ Модестъ Петровичъ не былъ склоненъ къ такой откровенности съ сестрою. Онъ не питалъ къ ней ни малѣйшаго родственнаго чувства, а объ уваженіи нечего было и говорить. Онъ могъ уважать только человѣка съ достаткомъ или съ какимъ бы то ни было вѣсомъ, Антонина же была нищая, и вся отъ него зависѣла.

Но она часто, проводя время за дверью, когда происходили значительные разговоры, изъ разныхъ намековъ и обрывковъ койчто узнала и, по свойственному человѣческому уму стремленію къ законченности, то, чего не знала, сама сочинила, и въ головѣ ея составилась исторія, не имѣвшая ничего общаго съ дѣйствительностью, но тѣмъ не менѣе занимательная, заключавшая въ себѣ много обвинительныхъ пунктовъ по отношенію къ Иринѣ Васильевнѣ и Людмилѣ. Антонинѣ представлялось, что въ домѣ брата происходитъ измѣна, жертвой которой сдѣлался Модестъ Петровичъ. Да и Людмила, хотя смутно, все же была заподозрѣна «въ чемъ-то нечистомъ», и когда въ недавнее время въ домѣ сталъ бывать Крученинов, Антонина посматривала на него косо.

— Любочка, помоги мнѣ,—сказала Людмила, когда Антонина вышла изъ столовой,—помоги мнѣ убѣдить маму поѣхать на диспутъ.

— Ты думаешь, что они тамъ встрѣтятся?—спросила Любочка.

— О, нѣтъ... Я на это не разсчитываю... Но она увидитъ его. Понимаешь, это такъ рѣдко случается, когда его можно увидѣть... Но я вѣрю, что, увидѣвъ его, она смягчится и захочетъ встрѣтиться съ нимъ... Мнѣ такъ это нужно. Они должны встрѣтиться.

— Зачѣмъ?

— Я не знаю, что изъ этого выйдетъ. Но должна выйти какая-то перемѣна. Развѣ можно такъ жить, какъ мы живемъ? Посмотри, мы окружены врагами... Я увѣрена,—прибавила она тихо, что и сейчасъ насъ подслушиваютъ... и въ то же время мы съ мамой не только не держимся другъ за друга, но какъ будто чуждаемся... Со времени того разговора она стала холодна ко мнѣ. Она какъ чужая... Я ничѣмъ не могу разогрѣть ее... Я точно потеряла ее...

—Я тебѣ давно говорю, что ты хочешь соединить невозмож-

ныя вещи!—замѣтила Любочка.—Ты должна пожертвовать однимъ для другого...

— Я этого не могу сдѣлать... Если я выйду отсюда, изъ этого дома, то только вдвоемъ съ нею... Поддержи меня, пойдемъ къ ней...

Она поднялась и направилась къ спальнѣ. Любочка пожала плечами, но послѣдовала за ней.

Когда онѣ вошли, Ирина Васильевна оживленно ходила по комнатѣ—признакъ того, что она была взволнована. Она остановилась.

— Вы уже уходите?—спросила она съ виду довольно равнодушнымъ тономъ.

— Пора уже,—отвѣтила Людмила.—Да не хочется безъ тебя,—прибавила она нерѣшительно.

— Я была увѣрена, что и вы поѣдете съ нами,—вставила Любочка, очевидно съ единственной цѣлью исполнить просьбу подруги—оказать поддержку.

Ирина Васильевна скептически усмѣхнулась и отвѣтила не Людмилѣ, а Любочкѣ.

— Право, я очень далека отъ того, чтобы интересоваться химіей. А вы развѣ что-нибудь смыслите въ ней?

Любочка разсмѣялась:

— Я знаю только *Ашъ-два-о...*

— Это что же?

— Это вода. Это химическая формула воды.

— Ну, вотъ видите, я даже этого не знала.

— Да, но этотъ диспутъ, мамочка, всѣхъ интересуетъ...—сказала Людмила съ замѣтной настойчивостью.

— Всѣхъ, кромѣ меня!—очень твердо и тономъ безповоротнаго рѣшенія отвѣтила Ирина Васильевна, и подойдя къ дивану, расположилась на немъ.

— Пойдемъ, Любочка,—сказала Людмила.

Онѣ вошли въ ея комнату. Здѣсь Людмила причесала волосы и надѣла шляпку. Дверь осталась отворенной, было неловко говорить тихонько, и онѣ все время молчали.

Когда Людмила была готова, онѣ прошли черезъ комнату Ирины Васильевны, и Людмила подошла къ ней, наклонилась и поцѣловала ее въ голову.

— Жаль, мама,—тихо сказала она и почувствовала, что Ирина Васильевна взяла ея руку и задержала въ своей рукѣ...

— Тебѣ этого очень хочется?—спросила она и, приподнявшись, посмотрѣла на нее какимъ-то горящимъ взглядомъ.

— О, о, мамочка, ты это знаешь...—промолвила Людмила.

Тогда Ирина Васильевна подняла руку, прикоснулась ею къ головѣ Людмилы и нѣжно, какъ ребенка, погладила ее по волосамъ.

— Ну, иди, иди... дитя мое... Любочка ждетъ тебя,—сказала она и, крѣпко пожавъ ея руку, отпустила ее, а сама опять положила голову на диванъ.

Людмила больше ни о чемъ не спросила ее, хотя ей очень хотѣлось спросить: «можетъ быть, ты придешь?» Она была поражена этой неожиданной нѣжностью.

И въ прежнее время, когда ихъ отношенія были лучше, такая нѣжность прорывалась у Ирины Васильевны только при исключительныхъ обстоятельствахъ, во время большого огорченія или нездоровья Людмилы, а теперь, когда между ними появилась эта холодность, она менѣе всего ожидала этого порыва.

Она ушла. Любочка, какъ бы почувствовавъ, что между ними происходитъ что-то интимное, давно уже прошла въ столовую. Отсюда онѣ направились въ переднюю и потомъ вышли на улицу.

— Мнѣ кажется, что мама пріѣдетъ,—сказала Людмила, когда онѣ сѣли въ извозчичьи дрожки.

— Она пообѣщала что-нибудь?

— Нѣтъ, она не обѣщала... Но какъ-то странно... Зачѣмъ-то спросила, очень ли я хочу этого... И вообще... была такая, какой я не ожидала... Я не знаю, что дала бы за то, чтобы она пріѣхала. Ты подумай, уже около двухъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я ей сказала все, и вотъ точно все замерло, окаменѣло. Никакого движенія впередъ. Мнѣ жизнь въ домѣ этого человѣка невыносима, и я не могу шагу сдѣлать.

— Я на твоемъ мѣстѣ давно сдѣлала бы этотъ шагъ...

— И ты не сдѣлала бы. Это только такъ кажется. Вѣдь не считаешь же ты меня слабохарактерной. Я доказала, что способна на рѣшительные поступки, но этого я не могу сдѣлать. У мамы слишкомъ много права на меня... О, гораздо больше, чѣмъ у него, у отца... Это право она добыла двадцатью годами жизни, которые отдала мнѣ всѣ, безъ остатка. Я не начну свою жизнь съ нарушенія такого права...

— А какъ думаетъ объ этомъ господинъ Крученииовъ?—съ чуть слышной ироніей спросила Любочка.

— Это имя, кажется, смѣшитъ тебя,—промолвила Людмила.

— Имя? Нѣтъ. Красивое имя. Мнѣ нравится

— А что же?

— То, что ты въ послѣднее время, кажется, стараешься мыслить точь-въ-точь, какъ онъ.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Крученииовъ мыслитъ благородно. Онъ многому меня научилъ... освѣтилъ многое...

— И это?

— Да, отчасти и это. Онъ сказалъ про маму: она двадцать лѣтъ заблуждалась, за это не казнить надо, а жалѣть.

— А онъ, кажется, никогда ни въ чемъ не заблуждается... Такой счастливецъ!

— Любочка, ты сегодня хочешь злить меня.

— Да, съ особеннымъ наслажденіемъ.

— За что же это?

— Мною всегда овладѣваетъ такое желаніе при видѣ влюбленнаго существа... Въ особенности, если это человѣкъ умный, а еще того хуже, если онъ мнѣ милъ. А ты мнѣ мила... Ты будешь отнѣкиваться?

— Нѣтъ, не буду... Только... Знаешь ли, это не подлежитъ обсужденію... Я сама еще тутъ ничего не разберу. Поговоримъ лучше о твоихъ сценическихъ успѣхахъ...

Любочка уступила. Ей очень хотѣлось поиздѣваться надъ подругой, но она пощадила ее, и перемѣнила разговоръ.

Когда онѣ вошли въ зданіе университета, внизу было движеніе, и во всѣхъ углахъ слышался оживленный говоръ. Много было студентовъ, но они не очень были замѣтны среди большого количества посторонней публики.

Богъ знаетъ какимъ образомъ распространились свѣдѣнія объ интересномъ прошломъ диссертанта. Но несомнѣнно, что огромное большинство публики было привлечено сюда не темой диссертаціи, которая была спеціальна, а личностью будущаго магистра.

Всѣ знали, что онъ почти старикъ и что въ его ученой карьерѣ былъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтній перерывъ. Въ разныхъ кружкахъ сообщались очень неточныя свѣдѣнія о томъ, что онъ дѣлалъ эти двадцать лѣтъ. Никто ничего не зналъ достовѣрно, и это-то главнымъ образомъ и интриговало всѣхъ.

Среди публики были почтенные и сановные люди, попадались даже украшенные звѣздами. Были свѣтскія дамы, одѣтыя въ темныя платья, съ той кокетливо-постной миной на лицахъ, которая вызывается у нихъ уваженіемъ къ наукѣ и присутствіемъ въ суровыхъ академическихъ стѣнахъ.

Дѣвушки сняли свои кофточки внизу и едва только вступили на лѣстницу, какъ увидѣли быстро спускавшагося съ верхней площадки Крученинова. Онъ ихъ узналъ и торопился къ нимъ.

— Я запасся мѣстами для васъ,—сказалъ онъ, здороваясь съ ними,—но я разочарованъ,—я приготовилъ три мѣста.

— Довольствуйтесь пока двумя,—улыбаясь, сказала Люба.

— Пока?—спросилъ Крученинховъ.

— Можетъ быть, пока,—отвѣтила Людмила.

Они поднялись во второй этажъ и вошли въ залъ. Здѣсь была толкотня страшная. Всѣ мѣста были заняты, а въ боковыхъ проходахъ густыми рядами стояли студенты. Крученинховъ проклады-

валъ для нихъ дорогу, и онѣ шли за нимъ. Онъ привелъ ихъ въ третій рядъ и усадилъ на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ.

— Если пока,—замѣтилъ онъ,—то я посижу на третьемъ стулѣ,—и усѣлся рядомъ съ ними.

Людмила начала внимательно осматривать публику. Среди студентовъ, стоявшихъ въ среднемъ проходѣ, она замѣтила Михаила, но не остановила на немъ своего взгляда. Глаза ея остановились на одной точкѣ, которая привлекла ея вниманіе. На другой сторонѣ зала, въ пятомъ ряду, сидѣлъ Поршневъ, его крупная голова рѣшительно выступала изъ ряда другихъ головъ. Шапка его лежала на сосѣднемъ стулѣ, который онъ, повидимому, для кого-то сберегалъ.

И почему-то въ голову ей пришла мысль, что онъ ждетъ Балясова. Ей казалось, что это непремѣнно должно быть такъ. Если Поршневъ нашелъ для себя нужнымъ быть на этомъ диспутѣ, то, вѣроятно, и у того найдутся такія же соображенія. И ей вдругъ стало непріятно, точно она находилась не среди нѣсколькихъ сотенъ людей, а исключительно въ ихъ обществѣ.

Она отвела отъ Поршнева свои глаза и довольно долго осматривала другую публику, но часто ея взглядъ возвращался туда, и она видѣла, что сосѣдній стулъ все оставался незанятымъ. Такимъ онъ и остался, когда въ залѣ произошло новое совсѣмъ особенное движеніе, вошла, должно быть, ученая комиссія, и говоръ въ публикѣ затихъ. Сейчасъ долженъ начаться диспутъ.

Людмила усѣлась и устремила взоры на каѳедру.

II.

То, что происходило на каѳедрѣ, интересовало ее только съ внѣшней стороны. Она никогда не бывала на университетскихъ диспутахъ и смотрѣла на все это, какъ на представленіе. Самая сущность того, о чемъ говорили, была ей чужда и не только ей, а девяти десятымъ всей присутствовавшей публики. И тѣмъ не менѣе у всѣхъ на лицахъ было написано крайнее любопытство.

И объяснялось это нѣсколькими фразами, промелькнувшими въ curriculum vitae магистранта, именно тѣмъ мѣстомъ, гдѣ говорилось о странномъ перерывѣ въ его ученой карьерѣ и возобновленіи имъ научныхъ занятій черезъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ, о вторичномъ экзаменѣ, который онъ выдержалъ и о нѣкоторыхъ научныхъ работахъ, которыя онъ успѣлъ за три года сдѣлать. Эти двадцать лѣтъ составляли тайну того интереса, съ которымъ публика явилась сюда и слушала чуждыя ей и непонятныя рѣчи, потому что эти двадцать лѣтъ были загадочны.

И когда за каѳедрой появилась крупная фигура съ сѣдой го-

ловой, всѣ стали усиленно думать именно объ этихъ двадцати годахъ. И такъ какъ ходили неясные слухи о томъ, что двадцать лѣтъ были проведены имъ съ «жертвами», то, въ противность всѣмъ академическимъ обычаямъ, его встрѣтили громомъ апплодисментовъ.

Людмила съ улыбкой слушала казавшіяся ей странными рѣчи ученыхъ мужей, суровые комплименты однихъ и ласковыя ругательства другихъ; для нея были новы и этотъ языкъ, и эта манера. Но ея собственное чувство, которое тревожило ее, мѣшало ей быть вполнѣ внимательной. Она часто приподымалась съ своего мѣста, поворачивала голову то вправо, то влѣво и пристально осматривала публику.

Но вотъ лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, даже суровымъ, она сѣла и тихонько толкнула Любочку локтемъ.

— И Балясовъ здѣсь,—шепнула она,—рядомъ съ Поршневымъ... Какъ это непріятно...

— Чѣмъ огорчена Людмила Модестовна?—тихо спросилъ Крученинковъ у Любочки.

— Здѣсь Балясовъ,—отвѣтила ему Любочка.

— Этого надо было ожидать... Онъ пришелъ свистать и шикать.

— Онъ не посмѣетъ,—отвѣтила Любочка.

— Вы правы. Онъ въ сущности трусъ. Однако, надо слушать...

— Даже и въ томъ случаѣ, когда ничего не понимаешь?— спросила Любочка.

— Да, изъ уваженія къ почтенной дамѣ, которая называется наукой.

— Я съ этой дамой незнакома.

— Я могу представить васъ ей.

— Безполезно, изъ этого знакомства ничего не выйдетъ. Кто этотъ высокій господинъ съ лицомъ человѣка, постившагося сорокъ дней и сорокъ ночей? Вонъ который стоитъ у стѣны и щиплетъ свою бородку... Длинные волосы и такіе горящіе глаза...

— Онъ васъ заинтересовалъ? Это молодой ученый... Надежда университета.

— Вы съ этой надеждой знакомы?

— Даже очень... Онъ хорошій пріятель Рокотова.

— Такъ вотъ вы лучше его мнѣ представьте.

— А! Вотъ удивительно... Всѣ женщины имъ интересуются, а онъ ихъ игнорируетъ.

— А вотъ мы посмотримъ... А какая его спеціальность?

— Востокъ...

— Какъ?

— Ну, да, востокъ... Онъ знаетъ востокъ, какъ свои пять пальцевъ... Главнымъ образомъ Индію, памятники религіи и народной поэзіи.

— Онъ не факиръ?

— Кажется, нѣтъ.

— Это я спрашиваю потому, что только то и знаю про Индію, что тамъ есть факиры... Но все-таки вы меня познакомьте...

— Помолчимте. Я изъ-за васъ пропустилъ интересныя вещи.

Въ самомъ дѣлѣ около каѳедры поднялся какой-то оживленный споръ. Ученые мужи разгорячились и въ чемъ-то не соглашались. Рокотовъ говорилъ очень убѣжденно и властно—это была его манера, усвоенная въ тѣ времена, когда онъ еще былъ «трибуномъ». Его голосъ звучалъ сильно и благородно, хотя нѣсколько рѣзко.

Это всѣмъ нравилось. Аудиторія была на его сторонѣ, хотя ничего не понимала, и, когда онъ возражалъ, ему аплодировали.

Онъ держался свободно и имѣлъ видъ человѣка, который пришелъ не защищать свои тезисы, а разъяснить кой-что собравшейся ученой братіи. Съ его губъ не сходила улыбка, глаза его были увѣрены и спокойны.

Наконецъ, споръ уладился. Поднялся профессоръ химіи, сѣдовласый, широкоплечій, любимецъ студентовъ, тотъ самый, который нѣкогда былъ товарищемъ Рокотова, а теперь взялъ его къ себѣ въ ученики, и заговорилъ.

Его рѣчь была спеціальна, но все же легко было понять, что онъ высоко ставитъ работу диссертанта и привѣтствуетъ его, какъ солидную научную силу.

Ему тоже аплодировали, но послѣ его рѣчи опять возгорѣлся споръ. У Рокотова были, очевидно, ученые враги, которымъ не хотѣлось его тріумфа. Однако, было ясно, что этотъ тріумфъ неизбѣженъ.

Обо всемъ этомъ Людмила заключала по выраженію лицъ говорившихъ, по ихъ интонаціямъ и по настроенію публики, такъ какъ по существу вовсе не могла судить, кто правъ.

И вотъ наступилъ перерывъ. Ученые мужи удалились для совѣщанія. Въ публикѣ началось движеніе, поднялся говоръ, многіе выходили въ корридоръ и возвращались.

— Я побѣгу къ нему,—сказалъ Крученинковъ:—онъ вѣдь не видѣлъ васъ...

И ушелъ отыскивать Рокотова. Людмила опять начала осматривать публику. Глаза ея медленно переходили отъ одной группы къ другой и вдругъ лицо ея, серьезное и отчасти утомленное, освѣтилось довольной улыбкой. Она прищурила глаза и долго присматривалась къ одной точкѣ, какъ бы провѣряя себя.

— Любочка, встань и посмотри въ самый дальній уголъ справа,—сказала она. Любочка встала и начала смотрѣть по ея указанію.

— Присмотрись, не ошибаюсь ли я? Эта дама въ черномъ платьи и маленькой шляпкѣ...

— Это твоя мама,—воскликнула Любочка.

— Я пойду къ ней...—И Людмила уже сдѣлала движеніе, чтобы выйти изъ своего ряда... Но Любочка остановила ее.

— Погоди... Надо разсудить... Можетъ быть, она не хочетъ, чтобъ ее замѣтили...

Людмила остановилась.

— Почему ты такъ думаешь?

— Я говорю: можетъ быть. И у меня есть основанія. Она не поѣхала съ нами и даже не пообѣщала, что поѣдетъ. А здѣсь помѣстилась въ самомъ отдаленномъ углу, очевидно, чтобы ее не замѣтили. Почему ты знаешь, что, пріѣхавъ домой, она не сдѣлаетъ видъ, что и не думала быть здѣсь, и тогда вѣдь мы съ тобой должны тоже сдѣлать видъ, что не видали ее.

— А вотъ я то и хотѣла бы подчеркнуть это.

— Пригвоздить? А вѣдь это будетъ насиліе, Людмилочка.

— Да мнѣ лишь бы ближе къ цѣли...

— Не будетъ ли это дальше?

— Ты меня смутила...

— Я и хотѣла смутить. Погоди, вонъ возвращается Крученинов, онъ все это разрѣшитъ, какъ по нотамъ.

Въ самомъ дѣлѣ Крученинов уже приближался къ нимъ и скоро былъ у своего мѣста.

— Ну, онъ тамъ нарасхватъ,—сообщилъ онъ,—я едва-едва на одну минуту получилъ его. Я успѣлъ сказать, что вы здѣсь, а онъ велѣлъ звать васъ обѣихъ на пирогъ.

— На пирогъ?

— Ну, да, у насъ послѣ защиты будетъ пирогъ. Его уже пекутъ тамъ. Будетъ человѣкъ двадцать народа. Нѣсколько ученыхъ мужей и нѣсколько студентовъ. Будутъ и дамы...

— Ученыя?—иронически спросила Любочка, которая что-то питала противъ ученыхъ дамъ.

— Не особенно,—отвѣтилъ Крученинов.—А я вамъ разскажу еще чудо. Вы знаете, кто здѣсь?

— Навѣрно знаю,—отвѣтила Людмила.—Это чудо мы хотѣли разсказать вамъ.

— Ваша мама?

— Да, мы ее сейчасъ замѣтили.

— Представьте, и онъ замѣтилъ. Былъ ужасно пораженъ. Я шутя сказалъ ему: и ее просить на пирогъ? Онъ махнулъ рукой:

скорѣе, говоритъ, Петръ Великій съ памятника, что у сената, придетъ ко мнѣ ѣсть пирогъ, чѣмъ она.

— А мы ждали васъ въ качествѣ мудраго Соломона,—сказала Любочка,—разрѣшите недоумѣніе: подойти ли къ Иринѣ Васильевнѣ или дать ей возможность заблуждаться, что она не замѣчена?

— Если вы думаете, что ей пріятнѣе заблуждаться, то не слѣдуетъ мѣшать этому,—отвѣтилъ Крученинов̀ъ.

— А я хотѣла сдѣлать для нея невозможнымъ отступленіе,— сказала Людмила.

— Я противникъ военныхъ пріемовъ, Людмила Модестовна.

Людмила вдругъ нахмурила брови и съ выраженіемъ досады посмотрѣла на него.

— Вы разсердились?—спросилъ онъ.

— Вы знаете, что́ здѣсь мнѣ непріятно...

— Ей-ей, не знаю... Никакъ не могу постигнуть,—растерянно отвѣтилъ Крученинов̀ъ.

— Модестовна,—шепнула ему на ухо Любочка.

Крученинов̀ъ спохватился. Это уже не въ первый разъ, что Людмила хмурилась при произнесеніи ея отчества. На этотъ разъ ей особенно было непріятно, потому что здѣсь были и Балясовъ, и ея настоящій отецъ.

— Простите,—съ смущеніемъ сказалъ Крученинов̀ъ,—но я въ затрудненіи.

— Меня зовутъ Людмилой. Неужели этого недостаточно?

— Если позволяете, я и буду такъ называть. Уже идутъ... сядемте.

Говоръ стихъ. Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Явилась коммиссія, кто-то вышелъ на каѳедру и громкимъ голосомъ объявилъ, что Сергѣй Николаевичъ Рокотовъ признанъ достойнымъ степени магистра химіи. Залъ оглушился громомъ аплодисментовъ, многіе быстро двинулись къ тому мѣсту, гдѣ была каѳедра, столпились тамъ, видимо поздравляя новаго магистра. Онъ совсѣмъ исчезъ въ окружившей его толпѣ, только изрѣдка его сѣдая голова мелькала надъ другими головами.

У Людмилы вдругъ явилось необъяснимое радостное настроеніе. Ей былъ пріятенъ тріумфъ Рокотова, хотя она не предвидѣла отъ этого для него никакихъ выгодъ и преимуществъ.

— Что же мы теперь должны дѣлать?—спросила Людмила у Крученинова.—Не станемъ же мы протискиваться къ нему.

— Конечно, нѣтъ, вы съ нимъ встрѣтитесь дома.

— А мама?

— О, она, навѣрно, уже уѣхала... На прежнемъ мѣстѣ ея нѣтъ...

— Да, вѣроятно...—разсѣянно сказала Людмила, слѣдя глазами

за кѣмъ-то около выхода изъ залы. То были Балясовъ и Поршневъ, они выходили. У Балясова было злое лицо. Онъ, видимо, испытывалъ непріятное ощущеніе. Поршневъ шелъ позади его. Они скрылись за дверью.

— Пойдемте и мы,—предложилъ Крученинов.

— Минуту выждемъ. Дадимъ этимъ пройти... Вы видите?

— Да, имѣю эту непріятность.

Они подождали немного и двинулись къ выходу, уже не обращая вниманія на толпу, окружавшую магистра. Тамъ было много студентовъ, которые всѣ хотѣли пожать ему руку.

Они вышли на площадку и стали спускаться внизъ. Когда они дошли до половины лѣстницы, Крученинов наклонился къ уху Людмилы и тихонько сказалъ ей:

— Ваша мама не ушла. Она тамъ надъ площадкой, въ толпѣ. Поднялась на нѣсколько ступенекъ и ждетъ... Она хочетъ его видѣть... Я нарочно не сказалъ вамъ, чтобы вы не остановились...

— Боже, вотъ если бы они встрѣтились!..

— Не думаю... Но я вижу одно: что уже строится мостъ, по которому они подойдутъ другъ къ другу... Пойдемте скорѣе, Людмила... Пусть она думаетъ, что мы ее не видали.

Они быстро спустились внизъ, Крученинов добылъ имъ кофточки, и вотъ они уже на улицѣ.

Всѣ эти впечатлѣнія очень быстро смѣняли одно другое. Людмила не успѣвала давать себѣ отчетъ въ нихъ, но въ душѣ у нея надъ всѣмъ царило одно нетерпѣливое желаніе, чтобы мать ея какъ-нибудь встрѣтилась съ Рокотовымъ. Ей казалось, что, встрѣтившись, они не могутъ не подать другъ другу руки.

И теперь, идя по направленію къ отдаленному уголку Васильевскаго Острова, она въ своей романтической головѣ рисовала картину, какъ они встрѣчаются, заговорили и вотъ черезъ какіе-нибудь полчаса придутъ вмѣстѣ въ его квартиру. Этихъ мыслей она не сказала ни Крученинову, ни Любочкѣ, въ полной увѣренности, что они оба осмѣяли бы ихъ, но она мечтала объ этомъ и даже почти вѣрила въ это.

Въ знакомомъ флигелѣ они нашли уже гостей. Здѣсь было съ десятокъ молодыхъ людей, съ большинствомъ которыхъ Людмила была знакома, такъ какъ встрѣчалась здѣсь съ ними раньше. Любочкѣ представили ихъ, но она никого не нашла интереснымъ.

Да и ни съ кѣмъ не пришлось говорить, потому что Крученинов тотчасъ же навязалъ имъ обѣимъ хозяйственныя обязанности. Нужно было организовать закуску человѣкъ на двадцать. Правда, не предполагалось ничего опредѣленнаго. При помощи кухарки и случайно пришедшаго къ ней въ гости ея знакомаго выдвинули длинный столъ въ большую комнату, которая была со-

вершенно пуста, накрыли его бѣлой скатертью, вытащили посуду, какая нашлась, и поставили закуски и вино. Пирогъ былъ уже въ печи и ждалъ только виновника торжества.

И вотъ во дворѣ появилась небольшая группа людей, раздался звонокъ, и въ квартиру съ шумомъ и говоромъ ввалилось цѣлое общество, въ которомъ были и двѣ дамы. Людмила вглядывалась въ лица этихъ дамъ, когда онѣ раздѣвались въ полутемной передней, страстно желая въ одной изъ нихъ найти свою мать, но обѣ дамы нисколько не напоминали ее.

Рокотовъ первый вошелъ въ комнату, а Людмила была первая, кому онъ протянулъ обѣ руки.

Потомъ вошли другіе. Всѣ здоровались, болтали, приглашали другъ друга къ столу, говорили о томъ, что проголодались, что ученые диспуты истощаютъ.

Кухарка и ея знакомый засуетились, и скоро былъ внесенъ въ комнату и водруженъ на столѣ грандіозный пирогъ. Всѣ занялись имъ и другими закусками.

А Рокотовъ въ это время подошелъ къ Людмилѣ, взялъ ее за руку и отвелъ къ окну.

— Ты знаешь, Людмила, сегодня мы пожали другъ другу руки!—сказалъ онъ, съ видомъ глубокаго довольства, смотря ей въ лицо.

Людмила широко раскрыла глаза, и лицо ея засіяло радостью.

— Съ мамой?—спросила она, какъ бы боясь, что невѣрно понимаетъ его.

— Ну, да, ну, да... Это случилось какъ-то странно... Я совсѣмъ, совсѣмъ не ожидалъ этого... Ну, ты довольна?

— Почему же она не пришла сюда?—спросила Людмила.

— О-о! ты слишкомъ многаго захотѣла... Посмѣлъ бы я позвать ее!.. Нѣтъ, ты не преувеличивай значенія этого событія... Я, можетъ быть, засталъ ее врасплохъ, когда протянулъ ей руку... можетъ быть, если бы она имѣла время подумать, она отвернулась бы отъ меня... Къ счастью, я не далъ ей времени... Мы не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Но все же это оказалось возможнымъ. А ты не находишь глупымъ, что вдругъ, ни съ того, ни съ сего, я взялъ да и сдѣлался магистромъ?—прибавилъ онъ тономъ шутки, очевидно, желая перебить ея настроеніе, такъ какъ отъ послѣдняго сообщенія глаза ея вдругъ омрачились.

Но Людмила даже не улыбнулась, а въ эту минуту кто-то подошелъ къ нимъ, и они уже не могли продолжать разговоръ.

«Такъ это случилось, это случилось!» думала Людмила въ то время, какъ вокругъ нея общество шумѣло, шутило и весело смѣялось.

«И какъ странно!.. Пожали другъ другу руки и не сказали

ни слова... послѣ двадцати лѣтъ разлуки... Что теперь должна испытывать мама!.. Надо бы убѣжать отсюда къ ней...»

Такъ думала Людмила, но не бѣжала, потому что ею овладѣла глубокая нерѣшительность. Ей хотѣлось подѣлиться своими мыслями съ Крученинымъ. Съ нѣкоторыхъ поръ у нея эта потребность являлась во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Она точно смотрѣла на его голову, какъ на неотдѣлимую часть своей, и всякій, повидимому, обсуженный вопросъ считала нерѣшеннымъ, пока не узнавала его мнѣніе. Она объясняла это тѣмъ, что онъ сыгралъ въ ея жизни такую важную роль: онъ былъ виновникъ перемѣны всего ея существованія.

И она теперь искала случая какъ-нибудь уединиться съ нимъ и поговорить о важномъ событіи. Но сдѣлать это было очень трудно: Крученинъ исполнялъ роль хозяина и угощалъ всѣхъ.

Сосредоточенная на своихъ мысляхъ и очень далекая отъ тѣхъ интересовъ, которые здѣсь господствовали, она обошла всѣ группы, разыскивая Любочку; но, увидѣвъ ее, съ минуту постояла въ нерѣшительности и отошла. Любочка была страшно занята разговоромъ съ тѣмъ самымъ молодымъ ученымъ, знатокомъ Индіи, который такъ привлекъ ея вниманіе на диспутѣ.

Крученинъ познакомилъ ихъ. У Любочки были странные глаза. Они были полны изумленія. Собственно, она почти не говорила, а только задавала вопросы и изумлялась. Новый знакомый, котораго звали Максимомъ Никодимовичемъ Лихаревымъ, былъ для нея дѣйствительно новымъ явленіемъ.

Знакомя ихъ, Крученинъ сказалъ:

— Вотъ, Максимъ Никодимовичъ, я васъ представлю особѣ, на которую вы произвели сильное впечатлѣніе!

И Лихаревъ, пожавъ ей руку, не теряя ни минуты, сразу заговорилъ такимъ тономъ, какъ будто давно уже зналъ ее.

— Мнѣ очень пріятно, потому что у васъ превосходная душа...

— Почему вы думаете?—спросила Любочка.

— Я знаю это навѣрное. Мнѣ совершенно опредѣленно говоритъ объ этомъ ваше лицо.

— О! лицо часто вводитъ въ заблужденіе, въ особенности мое, потому что я актриса.

— Это не имѣетъ никакого значенія. Лицо часто, да почти всегда, старается ввести въ заблужденіе, но это ему удается только въ глазахъ людей, не знающихъ грамоты... Ну, да, я разумѣю грамоту лица... Вотъ вы говорите, что вы актриса, а хотите, я, глядя на ваше лицо, разскажу вамъ тѣ внутреннія движенія, какими вы живете...

— Разумѣется, хочу... Это такъ интересно... Я навѣрное и сама ихъ не знаю...

— Вы, можетъ быть, не констатировали ихъ, но когда я вамъ ихъ назову, вы непремѣнно признаете...

Онъ говорилъ все это съ странными интонаціями человѣка, который въ чемъ-то глубоко убѣжденъ и хочетъ во что бы то ни стало убѣдить въ этомъ другого. Въ первую минуту это производило непріятное впечатлѣніе навязчивости, насилія, но къ этому скоро можно было было привыкнуть. Манера эта стушевывалась передъ горячимъ блескомъ его глазъ и страннымъ обаяніемъ его лица—длиннаго, со впалыми щеками, въ которыхъ однако-жъ не было ничего болѣзненнаго, съ высокимъ прямымъ лбомъ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, съ крупными бѣлыми зубами. При этомъ, говоря, онъ смотрѣлъ въ лицо собесѣдника какъ-то непрерывно и настойчиво, точно боясь хоть на одинъ мигъ выпустить его изъ сферы своего вліянія. Этотъ взглядъ дѣйствовалъ почти гипнотически.

— Вы считаете свой умъ практическимъ,—говорилъ Лихаревъ,—и думаете, что можете управлять всѣми своими чувствами и поступками. Но это вамъ только кажется, и оттого кажется, что въ васъ еще не закончилось ваше органическое развитіе. Вы еще неопредѣлившаяся личность. Вамъ свойственна властность, вы любите управлять человѣкомъ, но не потому, чтобы это насыщало вашу дѣйствительную потребность, а просто потому, что это кажется вамъ занимательнымъ, тѣшитъ васъ. Это у васъ, такъ сказать, искусство для искусства. Поэтому вамъ все равно, чѣмъ управлять—значительнымъ или ничтожнымъ, умнымъ или глупымъ, добрымъ или злымъ. И это оттого, что не закончено развитіе вашей физической личности. Женское существо, пока оно не превратилось въ женщину, всегда ребенокъ, и это вы. Но съ момента, когда закончится развитіе вашей личности, съ тѣмъ, что васъ теперь интересуетъ и забавляетъ, вы поступите совершенно такъ, какъ ребенокъ поступаетъ съ игрушками, которыя ему надоѣли: онъ швыряетъ ихъ и ломаетъ. И если вамъ кажется, что вы теперь способны дѣлать глупости, то тогда вы назовете себя способной на безумства.....

— Вы точно читаете по книгѣ...—промолвила Любочка, ни на минуту не переставая изумляться.

— Но это такъ и есть. Ваше лицо для меня книга.

— Но гдѣ же вы научились этой грамотѣ? Должно быть, въ Индіи?

Лихаревъ разсмѣялся.

— Для этого не надо было такъ далеко ѣздить. Достаточно быть наблюдательнымъ, и можно вовсе не совершать такого далекаго путешествія. Надо видѣть много лицъ, изучать ихъ, срав-

нивать... На лицахъ все написано, ни одно душевное движеніе не ускользаетъ отъ этой записи.

— Съ вами просто страшно... Ничего нельзя подумать, чтобы вы не прочитали.

И Любочка вплотную занялась своимъ интереснымъ собесѣдникомъ, который, видимо, съ большой охотой разсказывалъ ей и о своихъ психологическихъ наблюденіяхъ и выводахъ, чѣмъ онъ усердно занимался, какъ любитель, и о своемъ путешествіи на востокъ, а особенно по Индіи.

И когда Людмила подошла къ ней съ намѣреніемъ поговорить съ нею о своихъ новостяхъ, Любочка посмотрѣла на подругу разсѣяннымъ взглядомъ, и Людмила поняла, что ее не слѣдуетъ «отрывать отъ дѣла».

II.

Встрѣча Рокотова съ Ириной Васильевной была, дѣйствительно, странная, неожиданная для обоихъ.

Когда Ирина Васильевна осталась дома одна, послѣ ухода дѣвушекъ, она почти уже окончательно рѣшила ни въ какомъ случаѣ не ѣздить на диспутъ. Этотъ диспутъ давно уже досаждалъ ей. О немъ начали говорить уже съ мѣсяцъ, вскорѣ послѣ того, какъ Ирина Васильевна объяснилась съ дочерью.

Для Людмилы было это внезапностью. Раньше, когда она бывала у отца, о намѣреніи Рокотова защищать диссертацію не говорили ни онъ, ни Крученинковъ. Они оба не придавали этому значенія, да и не предполагалось, чтобы это могло имѣть какое-нибудь значеніе.

Собственно Рокотовъ не разсчитывалъ дѣлать ученую карьеру. Было поздно уже начинать ее, да къ тому же онъ не чувствовалъ себя пригоднымъ для какой бы то ни было карьеры. Но его уговорилъ товарищъ-профессоръ, который находилъ у него исключительныя способности и познанія.

— Надо, чтобы способные люди носили ученыя степени,—говорилъ онъ,—нельзя же, чтобы это было привилегіей усердныхъ посредственностей.

И Рокотовъ согласился, но все время смотрѣлъ на это, какъ на мимолетный эпизодъ. Только за нѣсколько дней передъ защитой профессоръ высказалъ мысль, что онъ можетъ стать у него ассистентомъ и такимъ образомъ получить возможность заниматься химіей съ лучшими средствами, чѣмъ тѣ, какія есть въ его маленькой лабораторіи, и Рокотовъ призналъ это.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся къ своей старой спеціальности, голова его, какъ онъ самъ говорилъ, «начала неудержимо

работать химически», и у него было уже нѣсколько блестящихъ идей, которыя онъ не могъ разрабатывать при своихъ средствахъ. И такъ какъ онъ вообще страдалъ отъ невозможности съ пользой проводить все свое время, то онъ ухватился за мысль профессора. Поэтому и Людмилѣ онъ сообщилъ объ этомъ однажды только мимоходомъ.

— Надѣюсь, ты будешь на моей защитѣ!

Послѣ этого Людмила все время думала объ этой защитѣ. Она смотрѣла на нее, какъ на рѣшительный моментъ. До сихъ поръ ей не удалось подѣйствовать на мать въ примирительномъ духѣ.

Послѣ ихъ объясненія, въ Иринѣ Васильевнѣ не было замѣтно значительной перемѣны, она только стала болѣе замкнутой и нѣсколько холоднѣй, но видимо своимъ обращеніемъ старалась показать, что не придаетъ важнаго значенія происшедшему. Она какъ бы хотѣла твердо установить мысль, что огромныя ея права не допускаютъ даже и намека на какую-нибудь перемѣну. То, что въ Петербургѣ оказался Рокотовъ, что Людмила узнала объ этомъ и познакомилась съ нимъ, все это неважныя случайности въ сравненіи съ ея правами.

Единственная перемѣна, какая произошла въ домѣ, это та, что Поршневъ на время пересталъ бывать у нихъ, и это онъ сдѣлалъ по прямому указанію самой Ирины Васильевны.

Однажды она сказала ему:

— Не знаю, какъ будетъ дальше, мои взгляды и намѣренія не измѣнились. Но настроеніе Людмилы таково, что ваши визиты могутъ только ухудшить ваши шансы. Вамъ не надо ѣздить къ намъ пока.

И Поршневъ подчинился.

Когда Людмила узнала о диспутѣ, она сейчасъ же сообщила матери.

— Почему ты думаешь, что меня это можетъ интересовать?— очень холодно спросила Ирина Васильевна.

— Я хотѣла бы, чтобы это было такъ,—отвѣтила Людмила.

— Я до сихъ поръ ничего не понимала въ химіи, и не стану понимать только оттого, что написана новая диссертація.

— Не въ химіи дѣло, мама...

— Я это очень хорошо знаю, мой другъ... Ты, конечно, пойдешь на диссертацію, я тебя не отговариваю, но и ты меня не уговаривай...

На этомъ разговоръ прекратился. Чувствуя себя безсильной повліять сколько-нибудь на мать, чтобы направить ея мысли къ возможности сближенія съ Рокотовымъ, Людмила рѣшилась ввести въ домъ Крученинова. Она не возлагала на него никакой опредѣленной надежды, но просто, какъ она мысленно говорила себѣ, «хотѣла усилить свою партію».

Она пригласила его, и онъ явился какъ разъ въ тотъ часъ, когда Ирина Васильевна была дома. Онъ засталъ ее въ столовой, и ей не удалось быстро уклониться. Волей-неволей она должна была узнать его поближе.

Первое впечатлѣніе не дало ей никакого разочарованія. Онъ обо всемъ говорилъ такъ просто, повидимому, безъ задней мысли, безъ хитрости. Людмила посидѣла съ ними полчаса и затѣмъ, можетъ быть нарочно, ушла зачѣмъ-то къ себѣ. Она отсутствовала минутъ десять, но въ этотъ короткій срокъ произошелъ значительный разговоръ.

— Я долженъ просить у васъ прощенія,—сказалъ Крученинов Иринѣ Васильевнѣ.

— За что?

— За то, что безъ вашего позволенія познакомилъ Людмилу Модестовну съ Сергѣемъ Николаевичемъ.

— По всей вѣроятности, вы считали это неизбѣжнымъ,— слегка иронически замѣтила Ирина Васильевна,— и, можетъ быть, важнымъ для ея счастья...

— Счастье не поддается предсказанію,—промолвилъ Крученинов,—но мы обыкновенно дѣйствуемъ пристрастно, а я пристрастенъ... Мнѣ казалось, что такой отецъ имѣетъ право на то, чтобы дочь узнала его...

— Не будемъ теперь говорить о правахъ, тѣмъ болѣе, что они въ сущности никому неизвѣстны,—промолвила Ирина Васильевна.

— Вы въ правѣ вовсе прекратить этотъ разговоръ, но я всетаки прошу у васъ прощенія.

— Почему вы просите у меня прощенія, m-r Крученинов? Не признаете ли вы этимъ самымъ, что сдѣлали мнѣ зло?

— Зло—не знаю... Это тоже спорное понятіе... Но, сколько я знаю, вамъ это причинило страданіе... вотъ въ этомъ и прошу прощенія...

Въ это время вошла Людмила, и разговоръ прекратился. Послѣ этого Крученинов заходилъ къ нимъ не часто и оставался недолго, но эти визиты подкрѣпляли Людмилу. Нисколько они не помогли ей въ «дѣлѣ сближенія», но все же она чувствовала, что не одинока.

Но какъ ни категорически отвергла Ирина Васильевна всякую мысль о томъ, что она можетъ поѣхать на диспутъ, въ сущности не было ни одного момента, когда въ душѣ ея это было бы рѣшено безповоротно. Она думала, что это рѣшено и что это совсѣмъ невозможно, но было что-то странное, чего она сама не могла уловить, въ этомъ рѣшеніи, что какъ бы дѣлало его неокончательнымъ.

Она ни разу не сказала себѣ: «я не поѣду», а все спрашивала себя: «неужели же это возможно?»

Иногда ей казалось, что это могло бы представить своеобразный интересъ: изъ гущины толпы посмотрѣть, чѣмъ теперь сталъ этотъ человѣкъ. Бывали даже такія минуты, когда она видѣла въ этомъ случай посмѣяться надъ нимъ: вотъ онъ, молъ, такъ непримиримо отрицавшій въ тѣ времена науку, теперь добивается ученой степени...

Но это были мимолетныя мысли, какъ бы нечаянно попадавшія въ ея голову, когда же она овладѣвала своей волей, то сейчасъ же начинала понимать, что это не то. И отрицаніе науки въ тѣ времена, и исканіе степени—все не такъ, какъ она силилась объяснить себѣ.

Въ другіе же моменты въ ея душѣ точно вдругъ наступала какая-то ясность. Она понимала этого человѣка вполнѣ, признавала его, не питала къ нему ни малѣйшей злобы... Но за эти мгновенія, когда они проходили, она жестоко казнила себя. Она говорила себѣ: «что значитъ поѣхать на защиту? примириться, протянуть руку? Это значитъ признать, что онъ тогда былъ правъ... Но онъ не былъ правъ. А, да если бы даже онъ былъ правъ, то все равно, куда же дѣвать эти двадцать лѣтъ кошмара, можетъ быть и добровольнаго, но отъ этого не дѣлается легче».

«Она говорила, что я заблуждалась,—раздумывала Ирина Васильевна, вспоминая разговоръ съ Людмилой.—Но пусть это такъ. Я заблуждалась двадцать лѣтъ, и за это заблужденіе заплатила всей своей молодостью. Такъ ужъ надо, по крайней мѣрѣ, быть послѣдовательной, тѣмъ больше, что ужъ осталось времени заблуждаться гораздо меньше».

Такъ думала она, но не было твердости въ ея душѣ, той твердости, которая не покидала ее всѣ эти двадцать лѣтъ. Явилось что-то новое, чего она не хотѣла признать, но оно существовало и незримо подтачивало ея убѣжденность.

И это незримое «что-то» подкралось къ ней и теперь, когда Людмила съ Любочкой уѣхали въ университетъ. Она съ рѣшительнымъ видомъ поудобнѣе улеглась на диванѣ. Это уже значило, что она никуда не поѣдетъ. Ей даже показалось, что теперь, когда въ домѣ тишина, хорошо можно заснуть. Эту ночь она спала плохо (ей мѣшало «незримое»).

Но вотъ мысль, которая была естественной: Людмила такъ хотѣла видѣть ее тамъ. Она въ послѣднее время была холодна съ Людмилой; бѣдная дѣвочка изъ силъ выбивается, чтобы попасть въ тактъ между нею и Рокотовымъ и, конечно, не можетъ, потому что это два различные темпа... Надо бы протянуть ей руку... Наконецъ, она должна видѣть, что ей, Иринѣ Васильевнѣ, рѣши-

тельно все равно, кто тамъ защищаетъ диссертацію. Она просто можетъ сдѣлать ей удовольствіе. Кстати, проѣздится, подышетъ свѣжимъ воздухомъ, посмотритъ на толпу, которой она давно не видала...

Нашъ умъ всегда является къ услугамъ нашимъ затаеннымъ желаніямъ. Въ желаніи онъ находитъ поддержку, и ему легко тогда обмануть насъ. Не надо основательныхъ доводовъ, не надо строгой логики, достаточно наскоро сколотить рядъ посылокъ и вывести изъ нихъ чуть-чуть правдоподобное заключеніе. Мы тогда вѣримъ нашему уму и торопимся опереться на его авторитетъ.

Ирина Васильевна поднялась и начала быстро одѣваться въ полной увѣренности, что главная задача ея—доставить удовольствіе бѣдной дѣвочкѣ и между прочимъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

А что она торопилась, видимо боясь не захватить самаго начала, этого она не замѣчала. Минутъ черезъ десять она уже ѣхала на Васильевскій Островъ.

Когда она вошла въ залъ, было какое-то движеніе, должно быть во время спора возникшаго около каѳедры. Задніе ряды стоявшихъ студентовъ придвинулись поближе къ стульямъ, чтобы лучше слышать, и вдоль стѣны образовался проходъ, она воспользовалась этимъ и безъ всякаго труда прошла въ дальній уголъ. Здѣсь ей достался кѣмъ-то оставленный стулъ, она завладѣла имъ, сидѣла на немъ, а иногда вставала на ноги, чтобы разсмотрѣть происходящее и тогда была нѣсколькими головами выше другихъ.

Устроившись такимъ образомъ, она начала внимательно смотрѣть, и когда взглядъ ея упалъ на каѳедру, и она увидѣла человѣка съ сѣдой головой, съ длинной бородой, съ крупными чрезвычайно опредѣленными и характерными чертами лица, когда услышала его нѣсколько рѣзкій, настойчивый и убѣжденный голосъ, съ нею сдѣлалось что-то непостижимее.

Звуки долетали до нея, но она слышала не тѣ слова, которыя произносились этимъ человѣкомъ и другими возражавшими ему, а совсѣмъ, совсѣмъ другія, она видала другого оратора и другую толпу. Вдругъ воображеніе взяло верхъ надъ всѣми ея способностями и перенесло ее въ далекое минувшее время.

И представилось ей, что это не строгій и чинный диспутъ, а сходка молодежи, и не въ высокомъ университетскомъ залѣ, а гдѣ-то тамъ въ Измайловскомъ полку, въ кухмистерской, подъ низкими сводами, при свѣтѣ пары тускло горѣвшихъ лампъ, висѣвшихъ на стѣнахъ, въ воздухѣ, напоенномъ запахомъ подававшихся здѣсь днемъ щей, супа, котлетъ и лука.

Толпа наполняетъ большую комнату и нѣсколько небольшихъ, и какая толпа! Все молодыя, кудрявыя головы, съ безусыми ли-

цами, съ горящими глазами, съ смѣлымъ вызывающимъ видомъ. Тутъ и дѣвушки въ простыхъ ситцевыхъ рубашечкахъ, съ короткими, небрежно зачесанными волосами.

Тамъ, въ далекомъ углу, кто-то, ставъ на табуретъ, говоритъ громкимъ голосомъ, твердо отчеканивая слова, говоритъ страстно, и какая-то властность слышется въ его голосѣ и свѣтится въ его глазахъ. А слушатели не только слушаютъ его, но какъ бы уже повинуются ему.

О чемъ говоритъ онъ? Ничего особенно умнаго, ничего глубокаго и ничего новаго. Тысячу разъ слышала она эти слова, эти призывы къ работѣ, къ общему дѣлу. Но въ его голосѣ, въ манерѣ, въ движеніяхъ есть какъ будто какая-то сила, исходящая отъ него въ видѣ крѣпкихъ стальныхъ нитей; эти нити окутываютъ толпу, тѣсно связываютъ ее въ одно цѣлое, и всѣ, даже слабые, колеблющіеся, даже пришедшіе сюда изъ любопытства, даже враждующіе, чувствуютъ себя однимъ великимъ цѣлымъ.

Этой силой владѣетъ только онъ, тотъ, кто говоритъ тамъ,— человѣкъ съ такимъ жесткимъ на первый взглядъ лицомъ, съ такой грубоватой наружностью. Такимъ она его видѣла въ первый разъ и тогда же поняла, что этотъ человѣкъ выше всѣхъ, кого она знала до тѣхъ поръ, и тогда же она мысленно присудила ему себя.

Она стояла съ закрытыми глазами и передъ нею проносились картины той жизни, жизни того времени. Сколько въ нихъ дѣтской вѣры, сколько наивнаго восторга, доходившаго иногда до глупости, сколько увлеченія, страданія и величія... И во всемъ этомъ сколько жизни—молодой, кипучей, не знающей и не желающей знать разсчета и удержу...

Теперь уже никто такъ не живетъ, точно остыла кровь, похолодѣлъ огонь, постарѣли люди...

Она открыла глаза и видѣніе кончилось. Слышались аплодисменты, она видѣла человѣка съ бѣлой головой, которая наклонялась передъ публикой, но она отвернула лицо, она не хотѣла видѣть этого.

Она разсматривала публику съ видомъ разсѣянности и даже брезгливости. Она видѣла Балясова и Поршнева и пожала плечами: «Имъ-то зачѣмъ было приходить сюда?..» А Людмилы съ Любочкой она не видала.

И все время она испытывала какое-то тревожное чувство. Ей было досадно, что она попала сюда. Картина, которая пронеслась въ ея воображеніи, напомнила ей ту эпоху ея жизни, которая никогда не повторится. Зачѣмъ это? Тѣ люди и тѣ слова, они были красивы и звонки, а развѣ изъ этого что-нибудь вышло? Вотъ онъ, этотъ трибунъ, зажигавшій сердца, онъ теперь побѣ-

лѣлъ, стоитъ на академической каѳедрѣ и съ такимъ же увлеченіемъ говоритъ о фторахъ и хлорахъ, какъ тогда говорилъ о народѣ, объ общемъ дѣлѣ, о дружной работѣ... Значитъ, для всякаго времени—свои слова. Тѣ слова были сказаны, прозвучали въ воздухѣ и забыты. Теперь говорятся другія слова, которыя тоже звучатъ въ воздухѣ и тоже, вѣроятно, будутъ забыты, смѣнившись другими, новыми.

Вотъ его объявили достойнымъ ученой степени, его поздравляютъ и онъ, конечно, доволенъ, онъ, который тогда презиралъ и науку и всѣ степени, и ученость, и всякую карьеру.

И она торопливо стала пробивать себѣ дорогу къ выходу, но когда вышла на площадку, вдругъ точно противъ воли остановилась.

Она увидѣла нѣсколькихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, поднявшихся на ступеньки, которыя вели въ слѣдующій этажъ и ожидавшихъ. Она машинально тоже поднялась и стала ждать.

Если бы она призналась себѣ во всемъ, то сказала бы, что ей хотѣлось поближе разсмотрѣть черты его лица, чтобы видѣть, во что превратился этотъ человѣкъ. А если бы она еще глубже заглянула себѣ въ душу, то нашла бы тамъ какое-то странное чувство, похожее на трепетное предчувствіе или смутное желаніе чего-то неизбѣжнаго...

И она стояла и ждала. Публика выходила медленно. Многіе изъ стоявшихъ на площадкѣ и на ступенькахъ устали ждать и ушли. Она видѣла, какъ вышли изъ залы Крученинов, Любочка и Людмила съ пылающими глазами, съ возбужденнымъ лицомъ и она отвернулась, чтобы не быть замѣченной ими.

Прошло еще минутъ пять. Вдругъ она почувствовала, что ея сердце какъ будто перестало биться. Что же это? Изъ залы вышелъ Рокотовъ, съ нимъ не было никого, знакомаго ему, онъ вышелъ одинъ и его взглядъ упалъ прямо на тѣхъ, кто стоялъ на лѣстницѣ и остановился на ней.

Она хотѣла отвернуться или подняться выше, совсѣмъ убѣжать наверхъ, но стояла неподвижно и смотрѣла на него, точно уже совсѣмъ не владѣя своими движеніями.

Онъ идетъ прямо къ ней, останавливается и нѣсколько секундъ колеблется, какъ будто что-то хочетъ сказать. Но не говоритъ ни слова, а просто протягиваетъ ей руку, и она, Богъ знаетъ почему, противъ своего убѣжденія, противъ своего чувства, противъ всей себя, протягиваетъ ему свою и чувствуетъ, что лицо ея смертельно блѣдно. Онъ крѣпко пожимаетъ ея руку и опять какъ будто что-то хочетъ сказать... И, можетъ быть, онъ сказалъ, но такъ тихо, что она не могла разслышать. Ей кажется, что она слышала эти слова: «спасибо вамъ...» А можетъ быть, это фантазія.

Но онъ тотчасъ же оставилъ ея руку и ушелъ внизъ, и только тогда она опять почувствовала, что сердце ея бьется.

Она ухватилась обѣими руками за перила и крѣпко держалась за нихъ, чтобы не упасть. На нее смотрѣли нѣсколько паръ глазъ, не то съ изумленіемъ, не то съ любопытствомъ, не то съ завистью. Она простояла здѣсь еще нѣсколько минутъ и начала тихо, едва передвигая ноги, спускаться по лѣстницѣ.

Внизу уже не было ни души. Она одѣлась, вышла на улицу, взяла перваго попавшагося извозчика и поѣхала домой. Дома она бросилась въ постель и впала въ забывчивость.

Когда она пришла въ себя и припомнила все, что произошло въ этотъ день, ее охватило чувство возмущенія. Все, что произошло, казалось ей теперь насиліемъ. Ничего этого не должно было быть. Она не должна была ѣхать туда, оставаться тамъ, ждать на лѣстницѣ и... она даже не понимала, какъ могло это случиться,—протягивать ему руку.

Когда же въ часъ спускавшихся сумерекъ пріѣхала домой Людмила и вошла въ ея комнату, она была больна. Она дѣйствительно была больна, вся разбита, всѣ нервы болѣли у нея, потому что каждый принималъ участіе въ работѣ сопротивленія какой-то непонятной силѣ, работѣ, оказавшейся непосильной и напрасной.

— Ты вѣдь была тамъ, мама?—полувопросительно сказала Людмила, еще не знавшая, желаетъ ли она, чтобы ея присутствіе на диспутѣ было замѣчено.

— Да, да, да...—нетерпѣливо и недружелюбно отвѣтила Ирина Васильевна и голова ея съ какимъ-то отчаяніемъ заметалась на подушкѣ.—Но я больна... Я не могу говорить ни о чемъ... ни о чемъ. Ради Бога, пощадите меня...

Людмила больше не сказала ни слова. Она тихонько, на цыпочкахъ, вошла въ свою комнату и, вставъ у окна, замерла, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ тому, что будетъ съ матерью. Но она ничего не услышала.

Ирина Васильевна нѣсколько часовъ лежала безъ движенія, безъ вздоха.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

(*Окончаніе* *).

Мы подходимъ теперь къ самому главному вопросу психологической исторіи,—къ характеристикѣ *волевой дѣятельности* древнѣйшаго русскаго общества. Воля есть результатъ извѣстнаго сочетанія чувствованій и умственныхъ актовъ, эмоціональныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ. Поэтому, изучая волевыя явленія, мы тѣмъ самымъ открываемъ основной законъ психологическаго развитія общества, устанавливаемъ неясную раньше связь между отдѣльными, изложенными нами раньше, фактами этого психологическаго развитія. Понятно, какую важность имѣетъ вопросъ о правильныхъ методическихъ пріемахъ такого изученія. На немъ мы, прежде всего, и должны остановиться. Можно ли разсматривать общество какъ отдѣльную личность съ психологической точки зрѣнія? Я думаю, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно. Изслѣдуя исторію хозяйства, соціальныхъ отношеній и политическаго строя, нельзя обойтись безъ анализа, безъ расчлененія этихъ сторонъ общежитія на простѣйшіе процессы, изъ совокупности которыхъ и получается цѣлое путемъ установленія связи между этими простѣйшими процессами. Та же аналитическая работа должна быть произведена и въ сферѣ явленій психической жизни, потому что всѣ попытки психологическихъ характеристикъ общества безъ такого анализа неизмѣнно кончались неуспѣхомъ. Въ послѣднее время очень многіе усвоили эту истину и стали искать точки опоры для анализа. Обратили вниманіе, что въ сферѣ такъ называемой матеріальной исторіи выработана уже такая группировка на экономической основѣ—это извѣстное уже намъ дѣленіе общества на классы—и на основѣ юридической—это дѣленіе на сословія. Опираясь на эти данныя, много говорили и писали о сословной и въ особенности о классовой психологіи. Но вѣдь перенесеніе въ область психическихъ явленій группировки, основанной на юридическихъ и хозяйственныхъ при-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

знакахъ, включаетъ въ себѣ апріорное предположеніе, что хозяйственные и юридическіе признаки сполна опредѣляютъ духовную организацію. Не лучше ли, пока не отрицая, но и не утверждая этого, поискать основы для анализа сначала въ самой области психическихъ явленій, чтобы потомъ уже рѣшить серьезный вопросъ объ отношеніи психологическихъ группъ къ юридическимъ и экономическимъ? Вотъ это мы и попытаемся сейчасъ сдѣлать, причемъ намъ придется уйти въ сферы, на поверхностный взглядъ очень далекія отъ изученія древнѣйшей русской исторіи.

Одинъ изъ величайшихъ философскихъ умовъ XIX-го вѣка, Джонъ Стюартъ Милль, въ своей «Системѣ логики» впервые ясно и опредѣленно выставилъ въ качествѣ очередной задачи психологической науки разработку *этологіи* или ученія о характерѣ. И въ самомъ дѣлѣ: общая психологія имѣетъ дѣло съ *человѣкомъ вообще*, съ отвлеченной человѣческой личностью, воплощающей съ себѣ духовныя свойства, въ одинаковой мѣрѣ присущія всѣмъ людямъ. Между тѣмъ всѣ мы въ повседневной жизни непрерывно наблюдаемъ удивительное разнообразіе духовнаго склада отдѣльныхъ лицъ, съ которыми встрѣчаемся. При всей многочисленности и сложности индивидуальныхъ психическихъ отличій, едва-ли однако можетъ существовать сомнѣніе въ возможности подмѣтить въ этихъ отличіяхъ пункты сходства, свести индивидуальное многообразіе къ нѣсколькимъ болѣе крупнымъ категоріямъ, разгруппировать отдѣльныя лица по ихъ типическимъ признакамъ, другими словами, отвлекая общія духовныя свойства, отличающія извѣстную группу людей, объединить эту группу въ одно цѣлое, въ типъ или характеръ. Въ этомъ и заключается основная задача этологіи. Несомнѣнно, что правильное разрѣшеніе основныхъ этологическихъ проблемъ имѣетъ для нашей—исторической и вмѣстѣ соціологической—цѣли громадное значеніе; въ самомъ дѣлѣ: представимъ себѣ, что намъ удалось выработать классификацію психическихъ типовъ или характеровъ; руководясь ею, можно, пользуясь историческими данными, установить для каждаго народа въ каждый періодъ его исторической жизни извѣстное соотношеніе типовъ или характеровъ, въ то время существовавшихъ; тогда можно изобразить эволюцію типовъ, установить ея законы, подобно тому какъ современная наука до извѣстной степени опредѣлила законы эволюціи хозяйственныхъ формъ, соціальныхъ связей, политическихъ отношеній. А вѣдь это какъ разъ и значитъ разрѣшить занимающій насъ въ настоящее время вопросъ.

Совершенно понятно поэтому, что призывъ Милля къ построенію этологіи не остался безъ отклика. Не имѣя даже въ виду полнаго перечня существующихъ въ настоящее время этологическихъ трудовъ, можно все-таки указать на цѣлый рядъ изслѣдователей, занимавшихся и занимающихся психологіей характера: таковы, напр., Бэнъ, Пере, Поланъ, Рибо, Фуллье, Кейра, у насъ гг. Лесгафтъ, Дриль, Викторовъ.

Въ ихъ работахъ, какъ и въ трудахъ другихъ ученыхъ, можно найти много блестящихъ мыслей, тонкихъ психологическихъ замѣчаній, даже интересныхъ попытокъ охватить вопросъ въ цѣломъ и теперь же окончательно разрѣшить его. При этомъ большинство изслѣдователей, работая въ области этологіи, отправляется въ своихъ разсужденіяхъ отъ какого либо одного заранѣе выбраннаго психологическаго принципа и съ этой точки зрѣнія классифицируетъ характеры. Такъ, напр., Бэнъ Фуллье и Кейра берутъ за основу извѣстное ужъ намъ дѣленіе психическихъ явленій на умъ, чувство и волю и различаютъ три основныхъ типа,—умственный, эмоціональный и волевой; Поланъ исходитъ въ своихъ построеніяхъ изъ явленій умственной жизни, изъ законовъ ассоціаціи идей; у Рибо первую роль играетъ чувствованіе и т. д. Но правильнѣе отказаться отъ такихъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія и поискать руководящихъ—при классификаціи характеровъ—нитей въ самой дѣйствительности. Но здѣсь встѣчаются затрудненія: вѣдь дѣйствительность безконечно разнообразна и необъятна; притомъ кругъ наблюденій отдѣльнаго лица случаенъ и ограниченъ; наконецъ,—и это главное—вѣрность наблюденій ничѣмъ не гарантирована и недоступна повѣркѣ. Какъ избѣжать этихъ неудобствъ и затрудненій? Я думаю, что есть для этого средство: есть люди, которые много наблюдаютъ и наблюдаютъ, по общему признанію, точно и вѣрно, обладая способностью въ конкретныхъ образахъ отмѣтить характерное и важное въ данномъ обществѣ; эти люди—великіе художники слова, романисты реалистическаго направленія. Наблюденія талантливаго и тѣмъ болѣе геніальнаго романиста всегда будутъ служить надежной опорой для этологическихъ выводовъ, потому что онъ не можетъ не замѣтить явленій типическихъ. Ихъ мы и возьмемъ за основаніе, для того, чтобы отмѣтить основные типы, существующіе въ современномъ культурномъ обществѣ. Мы ограничимся при этомъ пока только главными и притомъ чистыми, простыми типами, имѣющими одно основное свойство,—со сложными характерами мы познакомимся въ свое время позднѣе. Изучить происхожденіе этихъ типовъ—вотъ задача историческаго изученія, важная и съ соціологической точки зрѣнія. Надо при этомъ замѣтить, что основная задача этологической классификаціи и описанія того или другого характера заключается не только въ томъ, чтобы подмѣтить главную характеристическую черту типа, но и въ томъ также, чтобы изъ этой главной черты вывести, объяснить всѣ остальныя. Эту послѣднюю цѣль мало и рѣдко, во всякомъ случаѣ недостаточно часто принимаютъ во вниманіе при этологическихъ изслѣдованіяхъ *).

Въ общественной и частной жизни нерѣдко приходится имѣть дѣло

---

*) Изложенное ниже было отчасти подробнѣе развито авторомъ въ его статьяхъ въ журналѣ „Образованіе" за 1900, 1901 и 1902 годы

съ людьми, для которыхъ вопросъ долга, совѣсти, идеала имѣетъ совершенно исключительное, первостепенное, даже подавляющее значеніе. Такихъ людей мы будемъ называть *этическими* характерами. Чтобы уяснить себѣ психическую организацію такого рода людей, разберемъ замѣчательный по высотѣ художественной разработки типъ Константина Левина изъ романа гр. Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Первостепенное значеніе нравственнаго идеала для Левина не подлежитъ сомнѣнію. Всегда и вездѣ нравственные интересы и запросы первенствовали у него надъ всѣми другими: Левинъ «боялся запачкать то, что переполняло его душу», «онъ всегда чувствовалъ несправедливость своего избытка въ сравненіи съ бѣдностью народа», постоянно мечталъ о «трудовой, чистой и общей, прелестной жизни», ему всегда было свойственно «не оставляющее его желаніе быть лучше». Будучи носителемъ нравственнаго идеала и дѣятельно осуществляя его по мѣрѣ силъ и возможности, Левинъ именно по этой причинѣ отличался сильно развитыми этическими чувствами разныхъ порядковъ: извѣстна прежде всего его любовь къ дѣтямъ; воспоминаніе о рано потерянной матери для него «было священнымъ»; у Левина было много людей, къ которымъ онъ былъ искренно расположенъ, какъ къ Щербацкому, Облонскому, Свіяжскому и др. Но самое сложное и вмѣстѣ самое характерное для людей каждаго типа чувствованіе — это, конечно, любовь къ существу другого пола. У Левина—и это характерно для людей этическаго склада — физіологическій, чувственный элементъ любви былъ довольно сильно развитъ: его мечты о семейной жизни, неудержимые порывы къ ней имѣютъ своимъ источникомъ, между прочимъ, и напряженный физіологическій инстинктъ. Но его любовь — вовсе не голая чувственность, въ ней еще болѣе силенъ духовный, этическій элементъ; онъ одухотворяетъ и идеализируетъ предметъ своей страсти; «только одни на свѣтѣ были эти глаза, только одно на свѣтѣ существо, способное сосредоточить для него весь свѣтъ и смыслъ жизни». Итакъ, господствующее значеніе этическихъ чувствъ въ натурѣ Левина не подлежитъ сомнѣнію. Посмотримъ теперь, какъ это обстоятельство отражается въ другихъ сферахъ его эмоціональной жизни. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе чувства общественныя, то, что мы называемъ политическими убѣжденіями и что лучше всего было бы, въ сущности, называть политическими чувствованіями. Эта область эмоціональной жизни была сплошь окрашена у Левина этическими красками. Безусловный этическій характеръ общественныхъ чувствъ ведетъ въ сущности къ отсутствію политическихъ убѣжденій, къ невозможности иного отношенія къ существующему соціальному строю, кромѣ отрицательнаго, къ утопіи, потому что этическія требованія въ чистомъ своемъ видѣ — абсолютны и не считаются съ обстоятельствами, не терпятъ поправокъ и ограниченій. Такимъ отрицателемъ и былъ Левинъ, презиравшій земство и не признававшій смысла во всѣхъ обще-

ственныхъ учрежденіяхъ. Понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда люди этическаго склада пытаются создать что-либо положительное въ сферѣ соціальныхъ отношеній, получается нѣчто уродливое и неосуществимое, разрушающееся, какъ карточный домикъ, отъ перваго грубаго соприкосновенія съ дѣйствительностью. Припомните соціальныя мечтанія Левина и ихъ судьбу: онъ задумалъ преобразовать хозяйство, сдѣлавъ рабочихъ пайщиками, но ничего изъ этого не вышло; онъ былъ убѣжденъ, что его сочиненіе о сельскомъ хозяйствѣ «должно было не только произвести переворотъ въ политической экономіи, но совершенно уничтожить эту науку и положить начало новой наукѣ—объ отношеніяхъ народа къ землѣ»; нужно ли прибавлять, что и эти планы уничтоженія политической экономіи кончились неудачей? Тотъ, кто въ жизни ставитъ на первый планъ осуществленіе нравственнаго идеала,— всегда рано или поздно почувствуетъ потребность въ *религіозной* санкціи. Онъ не будетъ углубляться въ метафизическую сторону религіи, въ догматику, но этическая ея сторона привлекаетъ и волнуетъ его, вѣра въ Бога, какъ Высшее Существо, Которое блюдетъ міровой нравственный порядокъ, составляетъ для такого человѣка насущную потребность. И Левинъ, дѣйствительно, послѣ своихъ мучительныхъ порывовъ и исканій кончаетъ вѣрой.

Итакъ, наиболѣе сложныя чувства—этическія, общественныя и религіозныя—отличаются у Левина сильнымъ развитіемъ, значительной напряженностью. Это нельзя сказать о другихъ порядкахъ эмоціональной жизни—о чувствованіяхъ *эгоистическихъ* и *эстетическихъ*. Сравнительная слабость эгоистическихъ и эстетическихъ эмоцій совершенно понятна при господствѣ чувствованій моральнаго порядка: постоянно имѣя передъ своимъ духовнымъ взоромъ нравственный идеалъ, дѣятельно осуществляя его, заботясь о другихъ, этическій человѣкъ забываетъ о себѣ, съ одной стороны, и съ другой—не замѣчаетъ красоты, заслоняемой отъ него присущимъ ему, всецѣло поглощающимъ его понятіемъ добра. Матеріальныя блага и утонченныя физическія наслажденія не имѣютъ въ его глазахъ никакой цѣнности. Это всего яснѣе видно изъ сцены обѣда Левина съ Облонскимъ въ ресторанѣ: «мнѣ лучше всего щи и каша», замѣчаетъ Левинъ въ отвѣтъ на гастрономическіе планы Облонскаго; «Левинъ ѣлъ и устрицы, хотя бѣлый хлѣбъ съ сыромъ былъ ему пріятнѣе». Страхъ во всѣхъ его видахъ былъ чуждъ Левину, деньги не имѣли для него никакой цѣны. Зато не подлежитъ сомнѣнію наличность у Левина болѣе сложнаго эгоистическаго чувства,—самолюбія, хотя опять-таки надо отмѣтить его этическій характеръ: Левина оскорбляетъ, главнымъ образомъ, то, что нарушаетъ его святая святыхъ, грязнитъ его идеалъ. Наконецъ, интересъ къ искусству хотя и былъ у Левина, но не игралъ видной роли.

Въ совершенной гармоніи съ господствующимъ чувствованіемъ находились у Левина и *умственныя* свойства. Основнымъ свойствомъ ума

является то, что̀ Вундтъ называетъ «активной апперцепціей», общее направленіе ума, степень его широты и воспріимчивости къ тѣмъ или инымъ идеямъ. Вообще говоря, можно раздѣлить всѣ умы съ этой точки зрѣнія на два разряда: умы субъективные и умы объективные. Первые вращаются въ узкой сферѣ идей, свойственныхъ мыслящему субъекту или лицамъ, психологически родственнымъ ему; вторые отличаются способностью понимать какъ нельзя болѣе точно все сложное и безконечное разнообразіе чужихъ, даже прямо противоположныхъ умственныхъ движеній и чувствованій. Умъ Левина былъ чисто субъективный; онъ не понималъ умовъ другого склада. Левинъ пріѣзжалъ въ Москву «большею частью съ совершенно новымъ, неожиданнымъ взглядомъ на вещи», смотрѣлъ на все сквозь призму своихъ исключительныхъ воззрѣній и клеймилъ презрѣніемъ то, что нельзя было подъ нихъ подвести. Этотъ субъективизмъ естественно вытекаетъ изъ господства стремленія къ нравственному идеалу надъ всѣми сторонами духовной природы Левина: всѣ умственныя силы его были поглощены этическими запросами опредѣленнаго характера, повелительно ими направлялись къ одной цѣли и по одной дорогѣ. Умственная прямолинейность, безпощадное доктринерство, своего рода безусловность мысли—отличительная черта этическихъ характеровъ. Такіе характеры не чужды интереса къ наукѣ и философіи, но лишь постольку, поскольку наука и философія связаны съ ихъ нравственными идеалами. Поэтому въ философіи Левина занимаютъ не тонкости метафизической теоріи и даже не попытки цѣльнаго научнаго міровоззрѣнія, а первостепенные съ нравственной точки зрѣнія «вопросы о значеніи жизни и смерти». Такимъ же нравственнымъ мѣриломъ опредѣлялось и отношеніе Левина къ наукѣ: занятіе книгой казалось ему ненужнымъ внѣ непосредственнаго его отношенія къ жизни; онъ не понимаетъ, почему Свіяжскій интересуется вопросомъ о паденіи Польши, и ждетъ практическаго вывода, спрашивая: «ну, такъ что же?» Слушая теоретическій разговоръ Кознышева съ профессоромъ, онъ пришелъ къ выводу, что «они, подходя къ самому главному, опять отходятъ», и не сталъ въ концѣ концовъ ихъ слушать.

И господство всеподавляющаго этическаго элемента и субъективизмъ ума въ высшей степени способствуютъ *силѣ воли*, рѣшительности дѣйствія, проявленію большой иниціативы, хотя можетъ быть и не всегда сопровождающейся способностью довести дѣло до конца. По словамъ Левина, «съ собой сдѣлать все возможно»; онъ быстро и безповоротно мѣняетъ свое отношеніе къ тѣмъ или инымъ житейскимъ условіямъ, разъ они его не удовлетворяютъ.

Мы можемъ теперь выразить весь духовный обликъ этическихъ характеровъ въ сжатой формулѣ такого приблизительно вида: этическіе характеры отличаются въ эмоціональной сферѣ преобладаніемъ чувствованій моральнаго порядка, этической окраской общественныхъ и

религіозныхъ чувствованій и слабостью эмоцій эгоистическихъ и эстетическихъ; въ сферѣ интеллектуальной они отличаются субъективизмомъ ума и слабымъ интересомъ къ теоретическому знанію; наконецъ, воля ихъ характеризуется значительной энергіей.

Можетъ быть, произведеннаго только что психологическаго анализа этическихъ характеровъ было бы достаточно для того, чтобы показать, какъ, по моему мнѣнію, надо производить этологическія изслѣдованія. Но я имѣю въ виду въ этомъ довольно обширномъ вводномъ экскурсѣ еще другую задачу: мнѣ хочется изобразить подробно и ясно главные типы, существующіе въ современномъ образованномъ обществѣ, чтобы можно было затѣмъ, сравнивая съ ними психологическія явленія историческаго прошлаго, точно опредѣлить различія послѣднихъ отъ первыхъ. Поэтому надо заняться анализомъ еще нѣсколькихъ типовъ разнаго рода.

Въ обществѣ часто приходится встрѣчать людей, всецѣло преданныхъ чувству красоты не по убѣжденію и не вслѣдствіе какихъ-либо воспитательныхъ вліяній, а по внутреннему влеченію, присущему имъ отъ рожденія. Характеры, отмѣченные такой основной чертой, можно назвать *эстетическими*. Для того, чтобы выяснить духовную организацію подобнаго рода типовъ, возьмемъ характеръ Райскаго изъ романа Гончарова «Обрывъ» и произведемъ его анализъ. Что Райскій—художественная натура, что эстетическія впечатлѣнія составляютъ главное содержаніе его жизни,—это едва ли стоитъ доказывать сколько-нибудь обстоятельно: до такой степени это очевидно и всѣмъ извѣстно. Ограничимся поэтому лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями. «Музыку онъ любилъ до опьяненія», самъ занимался ею; еще въ дѣтствѣ онъ умѣлъ художественно изображать воображаемыя страны, зачитывался Тассомъ, Оссіаномъ, Гомеромъ, Вольтеромъ какъ поэтомъ, Боккачіо, самъ писалъ романъ и стихотворенія. Въ школѣ Райскій хорошо и съ увлеченіемъ рисовалъ и позднѣе не оставилъ этого искусства: писалъ портреты горничныхъ, кучера, деревенскихъ мужиковъ, Марѳиньки, Вѣры, бабушки. Два *эгоистическихъ* чувства—склонность къ грубымъ физическимъ ощущеніямъ и корыстолюбіе—были совершенно чужды Райскому. Комфортъ былъ ему, конечно нуженъ, но наслажденіе вкусовыми ощущеніями или грубая, ничѣмъ не прикрытая чувственность претили ему. Точно также онъ былъ вполнѣ равнодушенъ къ своимъ хозяйству, деньгамъ, бабушкинымъ отчетамъ и вѣдомостямъ по управленію имѣніемъ, хотѣлъ даромъ отпустить мужиковъ на волю, все подарить Вѣрѣ и Марѳинькѣ, давалъ Марку Волохову деньги взаймы безъ всякой надежды получить ихъ обратно. Все это совершенно понятно въ эстетической, художественной натурѣ: въ грубыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ и въ скупости и жадности нѣтъ совершенно элемента красоты, почему эстетическій характеръ мало имъ доступенъ, брезгливо отъ нихъ отстраняется; не безнравственность, а безобразіе этихъ свойствъ и

ихъ проявленій отталкиваетъ такого человѣка отъ нихъ. Но тотъ же перевѣсъ эстетическаго чувства обусловливалъ сильное развитіе другихъ, высшихъ и болѣе сложныхъ, включающихъ въ себѣ элементъ красоты эгоистическихъ чувствованій: самоуваженіе (самолюбіе) и честолюбіе принадлежали къ числу отличительныхъ чертъ Райскаго. Въ школѣ онъ училъ блестяще уроки, если было задѣто его самолюбіе; гордился своимъ легкимъ успѣхомъ въ рисованіи; шатался отъ упоенія при похвалахъ профессора его стихамъ. Еще сильнѣе выражена была у Райскаго неудержимая потребность въ разнообразіи впечатлѣній: чуть бывало отдается онъ извѣстному впечатлѣнію, какъ оказывается, что «лучъ померкъ, краски пропали, форма износилась, и онъ бросалъ и искалъ жадными глазами другого явленія, другого чувства, зрѣлища, и если не было,—скучалъ». Фантазія его постоянно «била лихорадкой какого-нибудь встрѣчнаго ощущенія, мгновеннаго впечатлѣнія»; ему вѣчно нужны были «чадъ, шумъ, студіи художниковъ, обѣды и ужины». Такой большой напряженностью отличались у Райскаго тѣ эгоистическія эмоціи, которыя доступны эстетической окраскѣ. Зато *этическія* чувства Райскаго поражали своей слабостью или отличались чрезвычайно сильной примѣсью эстетическаго элемента,—настолько сильной, что эта примѣсь заслоняла и подавляла основной ихъ характеръ. Напрасно мы стали бы искать у Райскаго тоски по нравственномъ идеалѣ, мучительной работы надъ вопросомъ о томъ, какъ надо жить. Чувство дружбы не было сильно и имѣло эстетическій характеръ: «симпатіи его такъ часто мѣнялись, что у него не было ни постоянныхъ друзей, ни враговъ»; на дружбу и вражду «онъ какъ будто смотрѣлъ со стороны и наслаждался, видя и себя, и другого, и всю картину передъ собой». Такъ же мало значили для него и семейныя привязанности, которыя, подобно дружбѣ, не имѣли у него активнаго характера, а отличались оттѣнкомъ диллетантизма, артистичности, красоты: Райскій любилъ бабушку, но не дѣятельной любовью,—писалъ ей рѣдко и мало, почти не посѣщалъ ея и т. д.; онъ жалѣлъ Наташу, оплакивалъ ея несчастную жизнь и смерть, но скучалъ съ ней и обманывалъ ее, и на смѣну острой душевной боли послѣ ея смерти вскорѣ «въ головѣ только осталась вибрація воздуха отъ свѣчъ, тихое пѣніе, расплывшееся отъ слезъ лицо тетки и безмолвный, судорожный плачъ подруги»;—однимъ словомъ, уцѣлѣлъ лишь художественный образъ. А какъ характерно отношеніе Райскаго къ Вѣрѣ и Марѳинькѣ: послѣдняя скоро перестала его интересовать совсѣмъ, а къ первой, вмѣсто родственной привязанности и дружбы, онъ сразу воспылалъ любовью и опять таки не дѣятельной любовью, а такой, къ которой вполнѣ примѣнимы его собственныя слова: «мы тамъ въ кучѣ стряпаемъ свою жизнь и страсти, какъ повара тонкія блюда». Въ любовныхъ увлеченіяхъ Райскаго гораздо меньше чувственныхъ элементовъ (не говоря уже объ этическихъ), чѣмъ элементовъ эстетическихъ.

Бѣловодова нравилась ему соединеніемъ безупречной красоты съ холодностью; онъ былъ неудовлетворенъ любовью Наташи, въ ней виделось ему «зерно скуки», потому что онъ «мечталъ о страсти, о ея безконечно-разнобразныхъ видахъ, о всѣхъ сверкающихъ молніяхъ». Ему было необходимо чтобы въ глазахъ женщины блестѣлъ «таинственный лучъ затаеннаго, сдержаннаго упоенія». Эти тонкости, оттѣнки, переливы, варіаціи, вообще эстетика чувства имѣла для Райскаго несравненно большее значеніе, чѣмъ самое чувство. Врожденное чувство красоты, артистическія наклонности исключаютъ возможность рѣзкаго отрицанія существующаго общественнаго строя, съ одной стороны, и реакціонныхъ порывовъ и вожделѣній, съ другой: и то и другое не гармонично и некрасиво, уродливо и грубо. Скептическій консерватизмъ—вотъ какъ всего лучше слѣдуетъ опредѣлить *общественныя* чувства эстетической натуры. Райскій «открыто заявлялъ, что, вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его черепашій шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь едва обозначившееся десятилѣтіе, дешево отрекаясь и отъ завѣщанныхъ исторіею, добытыхъ наукой и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнью убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей». «Онъ терпѣливо шелъ за вѣкомъ». По его мнѣнію, «подъ старыми заученными правилами таился здравый смыслъ и житейская мудрость». Чтобы выйти изъ сферы эмоцій, остается только указать, что эстетическій диллетантизмъ приводилъ Райскаго и къ *религіозному* индифферентизму.

Основное свойство натуръ, подобныхъ Райскому, сказывается, конечно, въ сильной степени и въ сферѣ *ума*. Пушкинъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи сравниваетъ поэта съ эхомъ. Въ этомъ сравненіи справедливо не только то, что художественныя натуры отличаются разносторонней впечатлительностью,—здѣсь отражается также главное свойство ума индивидуальностей эстетическаго типа, именно разносторонность, объективность ума. Красота въ своихъ проявленіяхъ безконечно-разнообразна, почему и полное ея пониманіе требуетъ непремѣнно умственнаго объективизма, терпимости къ чужимъ взглядамъ и пониманія ихъ. Это качество было въ достаточной мѣрѣ свойственно Райскому: оно позволяло ему терпимо относиться къ Волохову, напр., и вообще расширяло сферу его интересовъ и наблюденій, къ сожалѣнію только не углубляя ихъ. Эта поверхностность, неустойчивость, недостатокъ выдержки составляетъ вторую отличительную черту умственной природы Райскаго. Въ наукѣ онъ «схватывалъ тѣнь, верхушку истины», «узнавать ему было скучно, онъ отталкивалъ наскучившій предметъ прочь». Этимъ объясняется и философскій скептицизмъ Райскаго: онъ интересовался философіей,—читалъ, напр., Спинозу,—но это опять-таки былъ не активный, а художественный интересъ: философія не осмыслила для него никакого нравственнаго идеала, не вдохновила

его ни на какую опредѣленную дѣятельность. Самый выборъ Спинозы для чтенія характеренъ: онъ указываетъ на господство метафизическаго интереса.

Параличъ *воли* у Райскаго, его полная неспособность къ дѣйствію не разъ уже была отмѣчена въ предшествующемъ изложеніи и представляетъ собою совершенно несомнѣнную черту его характера. Недаромъ всѣ его замыслы и предпріятія сводятся къ нулю: начатый романъ не удается, картины не оканчиваются; напрасно нѣсколько разъ Райскій собирается уѣхать отъ бабушки,—онъ не въ состояніи выполнить это намѣреніе; онъ готовится спасти счастье Козлова и поступаетъ какъ разъ наперекоръ своимъ цѣлямъ и т. д. И здѣсь эстетическое чувство и объективизмъ ума ведутъ къ борьбѣ слишкомъ многочисленныхъ и различныхъ мотивовъ и тѣмъ уничтожаютъ возможность дѣйствія.

Если сдѣлать теперь общій выводъ объ отличительныхъ чертахъ эстетическихъ характеровъ, то придется формулировать его слѣдующимъ образомъ: эстетическіе характеры въ области *чувства* отличаются крайнимъ развитіемъ эстетическаго вкуса, довольно значительной напряженностью эгоистическихъ чувствъ, особенно высшихъ, и слабостью чувствъ этическихъ, общественныхъ и религіозныхъ; въ области *ума* главная черта эстетическихъ характеровъ—объективизмъ и вмѣстѣ поверхностность, при значительномъ однако интересѣ къ теоретическимъ вопросамъ; наконецъ, *воля* индивидовъ съ эстетическимъ духовнымъ складомъ поражаетъ своей слабостью.

Мы должны теперь обратить наше вниманіе на такого рода людей, въ основѣ характера которыхъ лежатъ *эгоистическія чувства*. Но намъ уже извѣстно, что можно различать два разряда эгоистическихъ чувствъ: простѣйшія—напр., страхъ, корыстолюбіе,—это чувства, унижающія человѣческую личность и ея достоинство,—и болѣе сложныя, какъ самоуваженіе или самолюбіе, честолюбіе, стремленіе къ разнообразію впечатлѣній, которыя нисколько не роняютъ личнаго достоинства человѣка. Это различіе между двумя указанными разрядами эгоистическихъ чувствъ настолько велико, что на немъ основывается различіе между двумя типами,—*индивидуалистическимъ*, главной чертой котораго является преобладаніе болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ, и *эгоистическимъ* въ тѣсномъ смыслѣ, господствующимъ свойствомъ котораго надо признать сильную напряженность простѣйшихъ эгоистическихъ чувствъ.

Типическимъ индивидуалистомъ является Вронскій, герой того же романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Въ самомъ дѣлѣ: что составляетъ отличительную, главную, наиболѣе рѣзко выраженную и сразу бросающуюся въ глаза черту его характера? Несомнѣнно, самоуваженіе, необыкновенно высокое и твердое убѣжденіе его въ великой важности своихъ личныхъ интересовъ, своего «я». О себѣ онъ ду-

малъ «не безъ внутренней гордости», «казался гордъ и самодовлѣющъ, смотрѣлъ на людей, какъ на вещи». Отсюда вытекало острое чувство обиды отъ всякаго униженія и нежеланіе этому униженію подвергаться: «еще смолоду, бывши въ корпусѣ, Вронскій испыталъ униженіе отказа, когда онъ, запутавшись, попросилъ взаймы денегъ, и съ тѣхъ поръ онъ ни разу не ставилъ себя въ такое положеніе». Это же высоко развитое чувство самоуваженія даетъ индивидуалисту гордость своими чувствами, необыкновенную прямоту и смѣлость въ ихъ выраженіи. Полюбивъ Анну Каренину, «Вронскій чувствовалъ себя царемъ, не потому, чтобъ онъ вѣрилъ, что произвелъ впечатлѣніе на Анну,—онъ еще не вѣрилъ этому,—но потому, что впечатлѣніе, которая она произвела на него, давало ему счастье и гордость». Не менѣе развито было у Вронскаго и другое высшее эгоистическое чувство,—честолюбіе: оно было «старинной мечтой его юности». Наконецъ, жажда разнообразія впечатлѣній была также ему свойственна: «я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго», говорилъ онъ, «хотя вездѣ отыскиваю»; отказавшись отъ службы и уѣхавъ за границу съ Карениной, Вронскій «скоро почувствовалъ, что въ душѣ его поднялось желаніе желаній—тоска» и «сталъ хвататься за каждый мимолетный капризъ, принимая его за желаніе и цѣль». Но при столь высокомъ уровнѣ развитія *высшихъ* эгоистическихъ чувствъ, мы тщетно стали бы искать въ характерѣ Вронскаго *низшихъ* чувствъ того же порядка. Само собою разумѣется, Вронскій умѣлъ блюсти свои матеріальные интересы: «тамъ гдѣ дѣло шло о доходахъ, продажѣ лѣсовъ, хлѣба, шерсти, отдачѣ земли, онъ былъ крѣпокъ, какъ кремень, и умѣлъ выдерживать цѣну», но корыстолюбивъ онъ не былъ никогда: онъ отказался отъ стотысячнаго дохода въ пользу брата и, хотя нуждался въ деньгахъ, не принялъ ихъ отъ матери, предлагавшей ихъ на условіи разрыва съ Анной. Еще менѣе былъ свойственъ Вронскому всякаго рода страхъ. Господствующая черта характера отразилась на *этическихъ* чувствахъ Вронскаго: тѣ изъ нихъ, въ которыхъ силенъ индивидуалистическій элементъ, въ которыхъ личное «я» можетъ выступить на первый планъ, были у него очень сильны. Это особенно видно въ чувствѣ любви. Встрѣтившись съ Карениной, онъ сразу почувствовалъ сильное и глубокое къ ней влеченіе и весь ему отдался. Онъ не отходилъ отъ нея на балу въ Москвѣ, поѣхалъ за ней въ Петербургъ и въ дорогѣ прямо сказалъ ей: «вы знаете, я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы: я не могу иначе». «Онъ чувствовалъ, что всѣ его доселѣ распущенныя, разбросанныя силы были собраны въ одно и съ страшною энергіей были направлены къ одной блаженной цѣли»; «въ его воображеніи, заставляя замирать сердце, носились картины возможнаго будущаго». Но другія этическія чувства Вронскаго были несравненно слабѣе, хотя онъ не чуждъ былъ и дружбы, и родственныхъ привязанностей, и къ людямъ вообще относился «спокойно и дружелюбно», имѣлъ ко всѣмъ

«простое и ровное отношеніе», чуждъ былъ унизительной злобы и мелкаго ненавистничества. Конечно, никакой тоски по нравственномъ идеалѣ у него никогда не было и замѣтно. Какъ сильная индивидуальность, способная испытывать наслажденіе отъ разнообразія впечатлѣній, Вронскій имѣлъ достаточно развитыя *эстетическія* чувства: «у него была способность понимать искусство и вѣрно, со вкусомъ подражать искусству», но не было вдохновенія, творческаго дара: «онъ имѣлъ настолько вкуса къ живописи, что не могъ докончить свою картину». Рѣзко выраженный индивидуалистическій характеръ виденъ въ *общественныхъ* чувствахъ Вронскаго: въ общественной дѣятельности онъ цѣнилъ не какія-либо стремленія къ справедливости, порядку или общему благу, а интересъ новизны, жаръ борьбы и торжество побѣды. О дворянскихъ выборахъ, напр., Вронскій говорилъ: «да, это забираетъ за живое; и разъ взявшись за дѣло, хочется его сдѣлать. Борьба»! Понятно послѣ всего сказаннаго, что Вронскій обладалъ необыкновенной силой воли, энергіей дѣйствія, проявлялъ и инициативу, и способность быть настойчивымъ въ достиженіи разъ поставленной цѣли. Это видно уже по исторіи его отношеній къ Карениной, замѣтно и въ отношеніи къ матери и въ рѣшимости бросить блестящее служебное положеніе и т. д. и т. д. Вездѣ онъ дѣйствовалъ «твердо и упорно», «съ страшною энергіей», «съ свойственной ему рѣшительностью», «никогда ни на минуту не колебался въ исполненіи того, что должно».

Итакъ формула индивидуалистическаго характера такова: въ *эмоціональной* сферѣ онъ отличается силой болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ и слабостью простѣйшихъ; значительно развиты чувства эстетическія и тѣ этическія, которыя доступныя индивидуалистической окраскѣ; остальныя этическія чувства, равно какъ и эмоціи общественныя и религіозныя, слабы; *умъ* твердъ и не всегда объективенъ; *воля* очень сильна.

Чисто эгоистическіе типы во многомъ противоположны индивидуалистамъ. Для того, чтобы уяснить себѣ ихъ психическую природу, мы возьмемъ характеръ, знакомый всѣмъ еще съ юности, — характеръ главнаго героя гоголевскихъ «Мертвыхъ Душъ»,—Чичикова. Никто, конечно, не будетъ сомнѣваться, что это—эгоистъ чистѣйшей воды. Самъ авторъ заклеймилъ его названіемъ «плута-пріобрѣтателя» и тѣмъ подчеркнулъ сильно-развитое въ немъ чувство карыстолюбія. Вся служебная карьера Чичикова—и исторія его съ повытчикомъ, и служба въ таможнѣ, — годы его воспитанія въ школѣ, когда онъ копилъ деньги и производилъ при помощи ихъ спекуляціи, наконецъ исторія съ покупкой мертвыхъ душъ подтверждаютъ, какъ нельзя лучше, эту характеристику. Другое низшее эгоистическое чувство—рабское чувство страха—также очень сильно выражается въ характерѣ Чичикова: припомнимъ хотя бы его униженное ползаніе на колѣняхъ передъ кня-

*

земъ, когда были открыты его продѣлки. Можно ли при этихъ условіяхъ говорить о развитіи высшихъ эгоистическихъ чувствъ? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтить отрицательно. Тотъ же отрицательный отвѣтъ надо будетъ, конечно, дать и на вопросъ о томъ, сильно ли были развиты въ характерѣ гоголевскаго героя чувства эстетическія, этическія, общественныя и религіозныя. Типъ Чичикова настолько и такъ давно всѣмъ извѣстенъ, что какъ-то даже неловко приводить доказательства крайней бѣдности его эмоціональной жизни. Напомню поэтому для иллюстраціи этой бѣдности только о чувствахъ Чичикова къ губернаторской дочкѣ. Когда онъ ее увидѣлъ, то «нельзя сказать навѣрное, точно ли пробудилось въ немъ чувство любви», но все же онъ «на нѣсколько минутъ въ жизни обратился въ поэта»; «вѣдь если, положимъ, этой дѣвушкѣ», разсуждалъ Чичиковъ, «да придать тысченокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это могло бы составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка». Таковъ былъ Чичиковъ въ своихъ чувствахъ даже тогда, когда онъ обращался въ поэта; понятно, чѣмъ онъ оказывался, будучи лишенъ поэтическаго вдохновенія. Естественно, что слѣдствіемъ бѣдности жизни чувства былъ крайній субъективизмъ *ума* Чичикова, ограниченнаго узкими рамками элементарныхъ эгоистическихъ побужденій и лишеннаго возможности понять все, что выходитъ изъ этой узкой сферы. Одинъ только пунктъ сходства можно найти между эгоистами, индивидуалистами и людьми этическаго склада: мы видѣли, что люди каждой изъ двухъ послѣднихъ сейчасъ названнныхъ психическихъ организацій отличались крайней волевой энергіей; это же надо сказать и объ эгоистахъ вродѣ Чичикова: цѣли ихъ мелки, ничтожны и возбуждаютъ отвращеніе, но энергіи въ ихъ осуществленіи у нихъ очень много.

Такимъ образомъ у эгоистическихъ характеровъ вся эмоціональная сторона ихъ духовной природы, кромѣ элементарныхъ эгоистическихъ чувствъ, крайне неразвита, умъ субъективенъ до послѣдней степени, а воля отличается значитильной силой.

Намъ остается сосредоточить теперь вниманіе на характерахъ, основная черта которыхъ заключается въ преобладаніи во всемъ психическомъ строѣ *ума*, анализа; иными словами на характерахъ *аналитическихъ* или интеллектуальныхъ по преимуществу. Можно намѣтить двѣ основныхъ разновидности аналитическихъ характеровъ: одна изъ нихъ отличается преобладаніемъ умственной сферы надъ сферой чувства по той причинѣ, что всѣ чувства, хотя и отличаются значительной напряженностью, но ни одно изъ нихъ не подавляетъ другихъ, такъ что они другъ друга нейтрализуютъ, находятся въ постоянной борьбѣ безъ перевѣса въ ту или иную сторону; но существуетъ и другая разновидность, характеризующаяся преобладаніе ума или анализа надъ эмоціональной жизнью не вслѣдствіе равномѣрности

и равносильности значительно развитыхъ и достаточно напряженныхъ чувствъ, а по причинѣ именно крайней слабости всѣхъ эмоцій, ихъ ничтожества и безсилія.

Примѣромъ первой разновидности намъ послужитъ шекспировскій Гамлетъ. Въ психической природѣ Гамлета на первый планъ выступаетъ необыкновенная сила анализа, необычайная глубина, объективная широта и поражающая мощь ума. Неутомимый умъ Гамлета постоянно работаетъ, искрится разнообразнѣйшими цвѣтами остроумія, обнаруживаетъ чрезвычайно—развитую наблюдательность и проницательное пониманіе другихъ людей и окружающей среды. Когда король обращается къ Гамлету, называя его другомъ и сыномъ, Гамлетъ сразу замѣчаетъ неискренность и отмѣчаетъ про себя: «поближе сына, но подальше друга». Необыкновенно тонкая иронія и вмѣстѣ глубина мысли замѣтны и въ слѣдующихъ затѣмъ отвѣтахъ принца на вопросъ короля—«какъ, надъ тобой еще летаютъ тучи?»—и на замѣчаніе королевы, что не нужно горевать объ отцѣ, такъ какъ все умретъ: первому онъ остроумно и язвительно замѣчаетъ: «о нѣтъ! мнѣ солнце слишкомъ ярко свѣтитъ», а второй меланхолически вторитъ: «да, все умретъ», разумѣя подъ этими словами, очевидно, и смерть чувства своей матери къ своему покойному отцу. Пониманіе людей и среды Гамлетъ проявляетъ постоянно: онъ хорошо знаетъ Горацiо и увѣренъ, что не лѣность вызвала его изъ Виттенберга; Полоній сразу ему понятенъ, какъ и типическіе придворные Розенкранцъ и Гильденштернъ; онъ составилъ для актеровъ прекрасный планъ представленія и разгадалъ вѣрно чувства короля, увидѣвшаго на сценѣ себя самого. Наконецъ, высшіе научные и философскіе вопросы привлекаютъ сильно вниманіе Гамлета; онъ обнаруживаетъ большую широту теоретическаго мышленія, когда замѣчаетъ нѣсколько педантическому Горацiо: «есть многое на небѣ и землѣ, что и во снѣ, Горацiо, не снилось твоей учености». А кому не извѣстенъ удивительный по глубинѣ мысли монологъ «Быть или не быть?» Но при великой силѣ мысли, при развитомъ умѣ и способности анализа, Гамлетъ вовсе не былъ холоднымъ человѣкомъ, лишеннымъ способности чувствовать. Слабѣе другихъ эмоцій были у него низшія эгоистическія чувства, что, конечно, вполнѣ понятно, потому что эти чувства — неумны, противорѣчатъ здравому мышленію. У Гамлета нѣтъ, напр., наклонности къ грубымъ физическимъ наслажденіямъ: онъ не любитъ пировъ, находитъ, что обычай пировать «забыть гораздо благороднѣй», что «похмелья и пирушки мараютъ насъ въ понятіи народовъ», что «всю славу дѣлъ великихъ и прекрасныхъ смываетъ съ насъ вино». А можетъ ли быть что-нибудь неразумнѣе страха во всѣхъ его видахъ? И Гамлетъ совершенно лишенъ этого унизительнаго чувства: онъ смѣло идетъ за тѣнью отца и ни мало не боится смерти. Онъ не знаетъ и пустого самолюбія: «я обиду перенесъ бы», говоритъ онъ, «во мнѣ нѣтъ желчи, и мнѣ обида

не горька». Но жажда мщенія свойственно Гамлету; не даромъ онъ замѣчаетъ тѣни отца: «на крыльяхъ, какъ мысль любви, какъ вдохновенье быстрыхъ, я къ мести полечу». *Этическія* чувства Гамлета достигли очень значительной напряженности и играли видную роль въ его эмоціональной природѣ. Передъ нимъ ясно стояло понятіе о нравственномъ идеалѣ чистоты и совершенства, и онъ глубоко страдалъ отъ несоотвѣтствія дѣйствительности этому идеалу, что и выразилось особенно ярко во время его полубезумнаго на первый взглядъ, но вполнѣ понятнаго при его душевномъ состояніи разговора съ Офеліей въ третьемъ дѣйствіи. Едва ли не еще болѣе рельефнымъ выраженіемъ высокаго понятія Гамлета о нравственности и любви служитъ первый его монологъ въ первомъ дѣйствіи, когда онъ не можетъ опомниться отъ негодованія по поводу второго брака матери, послѣдовавшаго такъ скоро за смертью его отца. Сознаніе необходимости мщенія и неизбѣжности торжества пошлости и безнравственности на землѣ преисполняютъ Гамлета скептицизмомъ по отношенію къ величайшему изъ этическихъ чувствъ,—любви. Любовь парализуется у него такимъ образомъ другими эмоціями, но она все-таки, несомнѣнно, свойственна Гамлету и даже, напр., постоянно сквозитъ въ его жестокой бесѣдѣ съ Офеліей, такъ что вполнѣ справедливы его слова: «я любилъ Офелію, и сорокъ тысячъ братьевъ со всею полнотой любви не могутъ ее любить такъ горячо». Цѣлый рядъ сложныхъ чувствъ парализуетъ въ Гамлетѣ и всякую возможность непосредственнаго, немедленнаго и энергичнаго проявленія его, несомнѣнно, очень сильной любви къ отцу. Сила этой любви видна всего лучше изъ неподдѣльной скорби Гамлета по поводу смерти отца,—скорби, которой едва ли можно подыскать лучшее выраженіе, чѣмъ слѣдующія его слова: «ни траурный мой плащъ, ни черный цвѣтъ печальнаго наряда, ни грустный видъ унылаго лица, ни бурный вздохъ стѣсненнаго дыханья, ни слезъ текущій изъ очей потокъ—ничто, ничто изъ этихъ знаковъ скорби не скажетъ истины; ихъ можно и сыграть, и это все *казаться* точно можетъ. Въ моей душѣ ношу я то, что́ *есть*, что выше всѣхъ печали украшеній». Еще болѣе парализованной является искренняя любовь Гамлета къ матери, омраченная сознаніямъ ея «гнусной поспѣшности», быстраго паденія «въ кровосмѣшенья ложе». Вообще, можно сказать, что ни одно этическое чувство не чуждо датскому принцу; онъ, напр., знаетъ и цѣнитъ дружбу съ Гораціо и Марцелло; онъ происполненъ доброжелательства ко всѣмъ, хорошо обращается съ актерами, искренне жалѣетъ случайно погибшаго отъ его руки Полонія, хорошо относится къ Лаэрту и т. д. Человѣкъ, въ духовной природѣ котораго видную роль играютъ эмоціи нравственнаго порядка, всегда нуждается въ вѣрѣ, имѣетъ серьезное *религіозное чувство*. Оно свойственно и Гамлету: онъ удерживается отъ самоубійства, потому что считаетъ его грѣхомъ; изъ религіозныхъ побужденій онъ не рѣшается убить короля въ то

время, когда послѣдній молится; «и воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія», замѣчаетъ онъ въ разговорѣ съ Гораціо въ послѣднемъ дѣйствіи. *Эстетическое* чувство, чувство красоты, любовь къ искусству живетъ въ душѣ Гамлета, доступно ему въ высокой степени: онъ, напр., заставляетъ актера декламировать; его критическія замѣчанія и режиссерскія указанія отличаются большой тонкостью и глубиной. Особенно обращай вниманія на то, чтобы не переступать за границу естественнаго. Все, что изысканно, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ». Это, дѣйствительно, «сужденіе знатока», которое «должно перевѣшивать мнѣніе всѣхъ остальныхъ». Но въ то же время Гамлетъ не чистый эстетикъ, который никогда не позволилъ бы примѣшать къ искусству постороннія цѣли: театромъ Гамлетъ пользуется, чтобы изобличить короля въ преступленіи и придать себѣ рѣшимости въ мщеніи. Опять такимъ образомъ мы встрѣчаемъ конфликтъ чувствъ разныхъ порядковъ, причемъ трудно рѣшить, которое изъ нихъ сильнѣе, тѣмъ болѣе, что каждое далеко не ничтожно, а достигаетъ высокаго уровня развитія. Результатъ естественъ, понятенъ и давно сдѣлался ходячимъ общимъ мнѣніемъ: этотъ результатъ сводится къ слабости *воли*, къ крайней нерѣшительности къ внутреннему разладу. Коллизія чувствъ даетъ перевѣсъ анализу, уму, который разлагаетъ на составные элементы всякое хотѣніе, всякое волевое движеніе и тѣмъ уничтожаетъ послѣднее. Гамлетъ все время поступаетъ не такъ, какъ хочетъ, а какъ велятъ ему всесильныя обстоятельства. Онъ, въ сущности, плыветъ по теченію. Ему тяжело оставаться въ Даніи, и все-таки онъ остается, сдаваясь на просьбы короля и королевы. Онъ съ болью въ сердцѣ сознаетъ свою слабость, говоря: «я презрѣнный, малодушный рабъ, я дѣла чуждъ», «я расточаю сердце въ пустыхъ, словахъ «я слабъ и преданъ грусти», «мнѣ нужно основаніе потверже.» Гамлетъ никакъ не можетъ сдѣлать безповоротный шагъ въ ту или другую сторону: тысячи чувствъ и соображеній, взаимно перепутываясь, связываютъ по рукамъ и по ногамъ. Только исключительное стеченіе обстоятельствъ—состязаніе съ Лаэртомъ, коварный замыслъ короля погубить Гамлета, сознаніе Лаэрта, смерть матери—повели къ мщенію королю со стороны Гамлета. Этотъ заключительный поступокъ является такимъ образомъ не столько результатомъ внутренней психической работы и волевой энергіи, сколько слѣдствіемъ внѣшнихъ вліяній, повелительно направившихъ Гамлета на путь рѣшительныхъ дѣй-

Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что люди первой разновидности аналитическихъ характеровъ отличаются сильнымъ, но равномѣрнымъ развитіемъ всѣхъ эмоцій и происходящими отсюда объективизмомъ ума и параличемъ воли. Эту разновидность можно назвать аналитически—эмоціональнымъ типомъ.

Образцомъ второй разновидности аналитическаго типа я выберу характеръ Алексѣя Александровича Каренина опять изъ романа «Анна Каренина». Уже самая внѣшность Алексѣя Александровича, какъ она изображена у Толстого, указываетъ на человѣка необыкновенно уравновѣшеннаго, разсудочнаго, холоднаго. У него была «холодная и представительная фигура», «упорный и усталый взглядъ», говорилъ онъ «холодно и спокойно», «медлительнымъ и тонкимъ голосомъ». Какую важную роль играли въ жизни Каренина потребности и интересы ума—это лучше всего видно изъ его необыкновенной аккуратности и точности; «каждая минута жизни Алексѣя Александровича была занята и распредѣлена. И для того, чтобы успѣвать сдѣлать то, что ему предстояло каждый день, онъ держался строжайшей аккуратности. Безъ поспѣшности и безъ отдыха—было его девизомъ». «Несмотря на поглащавшія почти все его время служебныя обязанности, онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить за всѣмъ замѣчательнымъ, появлявшимся въ умственноой сферѣ». «Его интересовали книги политическія, философскія, богословскія». Каренинъ не былъ лишенъ и наблюдательности: онъ замѣтилъ, напр., что всѣ нашли неприличнымъ оживленный разговоръ Анны съ Вронскимъ во время появленія его въ гостиной графини Тверской; онъ также «зналъ несомнѣнно, что онъ былъ обманутый мужъ». Но на ряду со всѣмъ этимъ, несмотря на обширность, силу и проницательность ума, Каренинъ многого, однако, не понималъ, особенио, въ сферѣ чувства. Такъ, когда онъ сталъ замѣчать, что Анна относится къ Вронскому далеко не безразлично и совсѣмъ особенно, то онъ «чувствовалъ, что стоитъ лицомъ къ лицу передъ чѣмъ-то нелогичнымъ и безтолковымъ, и не зналъ, что надо дѣлать»; онъ не понималъ Анны: «переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо было душевное дѣйствіе, чуждое Алексѣю Александровичу. Онъ считалъ это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ». Характеренъ и выходъ изъ такого положенія, найденный Каренинымъ: «вопросы о ея чувствахъ —это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежитъ религіи,—сказалъ онъ себѣ, чувствуя облегченіе при сознаніи, что найденъ тотъ отдѣлъ узаконеній, которому подлежало возникшее обстоятельство, — моя же обязанность ясно опредѣляется: какъ глава семьи, я — лицо, обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо отвѣтственное; я долженъ указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть». Во всемъ этомъ сказалась какъ нельзя лучше крайняя узость, односторонность, субъективизмъ ума Каренина. Мы сейчасъ увидимъ, какъ дальнѣйшія наблюденія укажутъ на причину такой односторонности: эта причина—бѣдность эмоціональной жизни, слабость чувства въ различныхъ его проявленіяхъ. Едва ли не единственнымъ сколько-нибудь развитымъ *эгоистическимъ* чувствомъ Каренина было самолюбіе, соединенное со служебнымъ или чиновнымъ честолюбіемъ. Это самолюбіе заста-

вляло его скрывать даже тѣ небольшіе проблески нѣжности и привязанности, на какіе онъ былъ способенъ: такъ съ женой онъ говорилъ обыкновенно «тономъ насмѣшки надъ тѣмъ, кто бы на самомъ дѣлѣ такъ говорилъ». Онъ «исключительно отдался служебному честолюбію». Ему свойственно было до нѣкоторой степени и чувство страха: онъ «былъ физически робкій человѣкъ», боялся оружія и не могъ рѣшиться на дуэль. Все это вполнѣ понятно въ разсудочной натурѣ. Понятно также и то, что чувство гнѣва въ его крайнихъ или даже просто сильныхъ проявленіяхъ было несвойственно Каренину: такъ когда Анна прямо объявила ему о своей связи съ Вранскимъ, то «Алексѣй Александровичъ не пошевелился и не измѣнилъ прямого направленія взгляда, но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертваго». Не менѣе бѣдна содержаніемъ и сфера *этическихъ* чувствъ Каренина. Начать съ того, что потребность въ нравственномъ идеалѣ замѣнялась у него узкимъ кодексомъ правилъ общепринятой морали и понятіемъ о приличіи. Зная о связи жены съ Вронскимъ, онъ рѣшилъ бывать у нея на дачѣ разъ въ недѣлю «для приличія». Этому соотвѣтствовала и слабость другихъ чувствъ нравственнаго порядка. «Ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, ни послѣ на службѣ Алексѣй Александровичъ не завязалъ ни съ кѣмъ дружескихъ отношеній». Любовь къ женщинѣ въ сущности мало значила для него: передъ женитьбой онъ «долго колебался» и потомъ только «отдалъ невѣстѣ и женѣ все то чувство, на которое былъ способенъ». А онъ способенъ былъ въ этомъ отношеніи на очень немногое: въ сущности все содержаніе его чувства очень хорошо выразилось въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ имъ Аннѣ при ея возвращеніи изъ Москвы: «опять буду обѣдать не одинъ. Ты не повѣришь, какъ я привыкъ». Нечего и говорить объ отношеніи къ другимъ людямъ, къ чужимъ, къ постороннимъ: холодность, разсчетъ и отчужденіе—вотъ къ чему оно сводилось. Каренинъ, напр., «очень дорожилъ» кружкомъ графини Лидіи Ивановны, состоявшимъ изъ «старыхъ, некрасивыхъ, добродѣтельныхъ и набожныхъ женщинъ и умныхъ, ученыхъ, честолюбивыхъ мужчинъ», но дорожилъ онъ имъ по той причинѣ, что черезъ него «сдѣлалъ свою карьеру». Характерно также отношеніе къ Вронскому при первой съ нимъ встрѣчѣ на вокзалѣ: Каренинъ смотрѣлъ на него «съ неудовольствіемъ, разсѣянно вспоминая, кто это», и «холодно» пригласилъ его бывать у себя. Только гдѣ то далеко въ глубинѣ души тлѣла у Алексѣя Александровича искра истинно человѣческаго состраданія и жалости, приводившая къ тому, что онъ «не могъ равнодушно видѣть слезы ребенка или женщины. Видъ слезъ приводилъ его въ растерянное состояніе, и онъ терялъ совершенно способность соображенія». Только разъ въ жизни эта искра разгорѣлась въ пламя: при опасной болѣзни Анны «радостное чувство любви и прощенія къ врагамъ наполнило его душу». «Онъ у постели боль-

ной жены въ первый разъ въ жизни отдался тому чувству умиленнаго состраданія, которое въ немъ вызывали страданія другихъ людей, и котораго онъ прежде стыдился, какъ вредной слабости». Но это было единственный разъ въ жизни. Если этическія чувства Каренина были слабы, то чувствъ *эстетическихъ* у него, можно сказать, совсѣмъ не было: «искусство было по его натурѣ совершенно чуждо ему, но, несмотря на это, или лучше вслѣдствіе этого, Алексѣй Александровичъ не пропускалъ ничего изъ того, что дѣлало шумъ въ этой области, и считалъ своимъ долгомъ все читать. Въ области политики, философіи, богословія Алексѣй Александровичъ сомнѣвался или отыскивалъ, но въ вопросахъ искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ былъ совершенно лишенъ, у него были самыя опредѣленныя, твердыя мнѣнія. Онъ любилъ говорить о Шекспирѣ, Рафаэлѣ, Бетховенѣ, о значеніи новыхъ школъ поэзіи и музыки, которыя всѣ были у него распредѣлены съ очень ясною послѣдовательностью». Послѣ всего сказаннаго ясно, что натура, подобная Каренину, должна быть лишена и чувствъ *общественныхъ* и *религіозныхъ*. И въ самомъ дѣлѣ: общественныя чувства Каренина не были серьезны; онъ въ сущности не имѣлъ ихъ, и основаніями его убѣжденій служили или его чиновничье честолюбіе и самолюбіе, или взгляды тѣхъ, кто стоялъ выше его на ступеняхъ чиновной лѣстницы. «Алексѣй Александровичъ сочувствовалъ гласному суду въ принципѣ, но нѣкоторымъ подробностямъ его примѣненія у насъ онъ не вполнѣ сочувствовалъ, *по извѣстнымъ ему высшимъ служебнымъ отношеніямъ*, и осуждалъ, насколько онъ могъ осуждать что-либо высочайше утвержденное». «Съ самодовольной улыбкой разсказывалъ онъ о шумѣ, который произвело новое положеніе, проведенное имъ въ совѣтѣ, объ оваціяхъ, которыя были ему по этому случаю сдѣланы». «Въ головѣ его нарождалась капитальная мысль, долженствующая распутать все это (служебное) дѣло, возвысить его въ служебной карьерѣ, уронить его враговъ и потому принести величайшую пользу государству». Тѣ же мотивы лежали и въ основѣ религіознаго чувства Каренина: «переживая тяжелыя минуты, онъ и не подумалъ ни разу о томъ, чтобы искать руководства въ религіи». «Онъ былъ вѣрующій человѣкъ, интересовавшійся религіей преимущественно въ политическомъ смыслѣ». Неудивительно поэтому, что въ концѣ концовъ Каренинъ вдался въ ханжество и мистицизмъ: «онъ каждую минуту думалъ, что въ душѣ его живетъ Христосъ, и что, подписывая бумаги, онъ исполняетъ Его волю». И въ то же время его образъ дѣйствій уже совершенно не соотвѣтствовалъ нравственнымъ принципамъ христіанства: онъ наотрѣзъ отказалъ Аннѣ въ столь необходимомъ для нея разводѣ. Понятно, что тогда, когда можно было положить въ основу своихъ дѣйствій холодныя соображенія ума, Каренинъ не колебался и былъ рѣшителенъ. Но его *воля* совершенно парализовалась, и онъ былъ

безпомощенъ, когда дѣло касалось болѣе деликатныхъ отношеній и интимныхъ чувствъ.

Итакъ чисто аналитическіе характеры отличаются преобладаніемъ ума, чисто однако субъективнаго, слабостью всей эмоціональной сферы и весьма ограниченной силою воли.

Шесть характеризованныхъ нами психическихъ типовъ—этическій, эстетическій, индивидуалистическій, эгоистическій, аналитически-эмоціональный и чистоаналитическій—представляютъ собою главное и основное, что необходимо было выяснить въ этологіи современнаго намъ общества для того, чтобы дать съ той же точки зрѣнія характеристику древнѣйшаго русскаго общества. Само собою разумѣется, для полноты изображенія слѣдовало бы еще коснуться патологическихъ типовъ, изъ которыхъ первенствующее въ общественномъ развитіи значеніе принадлежитъ эротоманамъ, и такихъ сложныхъ характеровъ, въ основѣ психической организаціи которыхъ лежатъ двѣ главныхъ черты, борющихся между собою, но со всѣми этими разновидностями мы познакомимся впослѣдствіи, при ихъ постепенномъ образованіи. Теперь же вернемся къ кіевской Руси.

Чтобы опредѣлить отличительныя свойства извѣстнаго общества съ точки зрѣнія психологіи характера, надо выбрать для характеристики прежде всего такую личность, которая, во-первыхъ, была бы типической для своего времени и, во-вторыхъ, обладала бы выдающимися природными свойствами, достаточно притомъ развитыми всей суммой образовательныхъ и соціальныхъ вліяній, въ то время существовавшихъ. Взявъ такую личность, мы, характеризуя ее, опредѣлимъ *высшій* типъ психологическаго развитія, достигнутый эпохой, а это дастъ намъ возможность разобраться и въ остальныхъ подробностяхъ вопроса. Я думаю, что изложеннымъ условіямъ соотвѣтствуетъ личность Владиміра Мономаха. Онъ стоялъ на вершинѣ общественной лѣстницы, отличался выдающимися талантами и высокимъ по тому времени образованіемъ и въ то же время, какъ признаютъ изслѣдователи, въ сущности, «не возвышался надъ своимъ вѣкомъ». Мы издавна привыкли вѣрить словамъ южнаго лѣтописца, горячаго поклонника Мономаха, что этотъ князь былъ «добрымъ страдальцемъ за русскую землю», которую онъ постоянно защищалъ отъ половцевъ и въ которой устанавливалъ внутренній миръ, устраняя княжескія усобицы. Эта характеристика, если ей безусловно вѣрить, создаетъ впечатлѣніе, что Владиміръ Мономахъ—настоящій этическій характеръ, для котораго нравственный идеалъ—все въ жизни. Но мы не должны принимать ничего безъ критики, а критическій анализъ въ данномъ случаѣ совершенно мѣняетъ первоначальное впечатлѣніе. Нѣтъ спора: въ два послѣднія десятилѣтія своей жизни Мономахъ много боролся съ половцами, сознательно преслѣдуя при этомъ народные русскіе интересы. Но въ этой борьбѣ замѣтны и мотивы иного рода, не имѣющіе ничего об-

щаго съ нравственнымъ идеаломъ: прежде всего Владиміръ былъ очень чутокъ къ общественному мнѣнію, а оно недвусмысленно указывало на необходимость борьбы; затѣмъ онъ хорошо понималъ, что борьба эта выдвигаетъ его на первый планъ между князьями, создаетъ ему славу и даетъ власть, а къ славѣ и власти, какъ сейчасъ увидимъ, онъ далеко не былъ равнодушенъ; наконецъ, Мономахъ владѣлъ съ молодыхъ лѣтъ Переяславской областью, которая, находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ со степью, подвергалась наибольшей опасности отъ половцевъ, такъ что борьба съ кочевниками соотвѣтствовала и собственнымъ, личнымъ интересамъ переяславскаго князя. Притомъ же борьба съ половцами была не главной составной частью даже и военной дѣятельности Мономаха, не говоря уже о другихъ сторонахъ этой дѣятельности. Въ своемъ «Поученіи» Мономахъ доставляетъ намъ драгоцѣнный матеріалъ, позволяющій понять, что онъ воевалъ въ своей жизни не столько для защиты родины отъ внѣшнихъ враговъ, сколько въ интересахъ личныхъ и династическихъ, причемъ не колеблясь направлялъ свое оружіе противъ того самаго народа, добрымъ страдальцемъ за который называетъ его нашъ южный лѣтописецъ. Во время одной изъ такихъ усобицъ, разсказываетъ Мономахъ, онъ взялъ русскій же городъ Минскъ и не оставилъ тамъ «ни челядина, ни скотины»,—всѣ были вырѣзаны. И это—добрый страдалецъ за «русскую землю»? Утвердившись въ Кіевѣ, Мономахъ сталъ вести дѣятельную и разсчетливую политику въ пользу сосредоточенія русскихъ земель въ рукахъ своего потомства и успѣлъ собрать ³/₄ всей Руси. Недавно доказано, какъ двусмысленно и эгоистично было поведеніе Мономаха въ извѣстномъ черномъ дѣлѣ конца XI-го вѣка,—ослѣпленіи князя Василька. Въ самомъ дѣлѣ: странно уже то, что, по разсказу Василя, занесенному въ «Начальный лѣтописный сводъ», Мономахъ проливалъ слезы о преступленіи Святополка и Давида надъ Василькомъ, а потомъ самъ же наградилъ Святополка Волынью и хотѣлъ лишить волости несчастнаго Василька. Въ дѣйствительности не нравственныя соображенія и не стремленіе возстановить попранное право и оскорбленную справедливость вызвали походъ Владиміра и Святославичей на Святополка и Давида: Владиміръ сблизился со Святославичами и пошелъ на Святополка, хорошо понимая недовольство Святополка тѣмъ, что Мстиславъ Владиміровичъ сдѣлался княземъ въ Новгородѣ; но не въ интересахъ Мономаха было лишать Святополка кіевскаго стола, потому что это значило расчищать дорогу для занятія послѣдняго Олегу Святославичу, и потому Мономахъ и не подумалъ наказывать Святополка за участіе въ ослѣпленіи Василька, а ограничился тѣмъ, что разстроилъ союзъ Святополка съ Давидомъ, пообѣщавъ первому Волынь. Мы имѣемъ вообще не мало доказательствъ того, что эгоистическія чувства—простѣйшія и сложныя—играли важную роль въ духовной природѣ Владиміра Мономаха. Правда, въ скупости его нельзя

подозрѣвать—онъ былъ щедръ,—но хозяйственность, практичность въ матеріальныхъ вопросахъ составляла одну изъ его характеристическихъ чертъ: онъ не только умѣлъ пріумножить свои владѣнія, но, по его словамъ, «творилъ и весь нарядъ въ дому своемъ», велъ все свое домашнее хозяйство. Славолюбіе или честолюбіе было его страстью: онъ совѣтуетъ хорошо принимать иностранцевъ, чтобы они разносили добрую славу; онъ гордится и хвалится своими военными подвигами и своей охотничьей удалью, съ удовольствіемъ вспоминая, какъ онъ ловилъ дикихъ коней и какія опасности вытерпѣлъ отъ туровъ, вепрей, медвѣдей. При всемъ томъ было бы ошибкой считать Мономаха эгоистическимъ или индивидуалистическимъ характеромъ, потому что эгоистическія чувства—высшія и низшія—не играли опредѣляющей, главной роли въ его духовной природѣ. Мы уже видѣли, что въ его общественной дѣятельности были и этическіе элементы. Намъ мало извѣстна его интимная жизнь, но, повидимому, и она не лишена была этическихъ элементовъ: по крайней мѣрѣ, изъ письма Мономаха къ Олегу Святославичу видна сильная его привязанность къ сыну, убитому въ усобицѣ съ Олегомъ. Итакъ, надо признать, что эгоистическія и этическія чувства находились въ душѣ Мономаха въ постоянной борьбѣ или даже чаще существовали рядомъ, не вступая между собою ни въ какую связь, а проявляясь въ его дѣятельности попеременно. Все это отразилось и на его религіозномъ чувствѣ: его «Поученіе» свидѣтельствуетъ о несомнѣнной, большой набожности автора, но отъ набожности до глубокаго религіознаго чувства еще далеко; правда, по письму къ Олегу видно, что Мономахъ понималъ «законъ христіанина —прощать и миловать», но едва ли можно признать это примирительное письмо вполнѣ искреннимъ: недаромъ Олегъ ему не повѣрилъ, да и не надо забывать, что въ то время сыновья Мономаха на сѣверѣ были въ большой опасности: по собственнымъ словамъ письма Олегъ могъ ихъ всѣхъ убить. Большая тактичность Мономаха, его ясный, практическій умъ также не вяжутся, наконецъ, съ представленіемъ о немъ, какъ объ этической натурѣ.

Владиміръ Мономахъ далекъ отъ насъ. Мы не имѣемъ никакихъ побужденій выступать противъ него съ обличительными памфлетами въ противовѣсъ панегирику, вышедшему изъ-подъ пера древняго лѣтописателя. Безспорно, у Мономаха были зародыши добрыхъ чувствъ и высокихъ побужденій, но на ряду съ ними въ этой натурѣ можно наблюдать и дурные задатки, столь же зачаточные, безсвязные и безпорядочные. Это собственно не характеръ, не типъ, а только едва разрыхленная, слабо подготовленная почва для развитія цѣлаго ряда разныхъ характеровъ, неорганизованный матеріалъ, первоначальный хаосъ, механическая, безсвязная смѣсь самыхъ разнообразныхъ душевныхъ свойствъ, находящихся притомъ въ зародышѣ. Но если такова была *высшая* ступень психологическаго развитія, достигнутая

въ кіевскій періодъ, то что же можно сказать о низшихъ? Неясно ли, что тамъ характеръ психической неорганизованности долженъ былъ выразиться еще сильнѣе? Мнѣ кажется, что этотъ выводъ освобождаетъ насъ отъ необходимости характеризовать другихъ историческихъ дѣятелей изучаемаго періода и даетъ намъ возможность отмѣтить психическую (въ частности волевую) неорганизованность древнѣйшаго русскаго общества.

Закончивъ изученіе духовной жизни древнѣйшей Россіи, мы, по принятому нами порядку, должны теперь поставить только что изученныя явленія въ связь съ историческими процессами, ранѣе нами изслѣдованными. Эту связь мы можемъ установить только черезъ посредство того соединительнаго звена, которымъ является психологическая характеристика, сейчасъ представленная. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь эта психологическая или этологическая характеристика собираетъ воедино, разомъ обнимаетъ всѣ отдѣльныя наблюденія, произведенныя нами раньше надъ нравственной, эстетической, религіозной, умственной жизнью древнѣйшаго русскаго общества; мы убѣдились въ свое время, что нравственная жизнь отличалась примитивностью, господствомъ грубыхъ инстинктовъ съ примѣсью къ нимъ новыхъ этическихъ началъ, не вступавшихъ притомъ въ органическую связь со старыми и неглубокихъ; что въ религіи господствовала такая же механическая смѣсь разныхъ вѣрованій, отмѣченная названіемъ двоевѣрія, что искусство отразило въ себѣ непереработанныя и безсвязныя вліянія иностранныхъ образцовъ, и что, наконецъ, просвѣщеніе общества стояло на самомъ низкомъ уровнѣ развитія. *Теперь ясна причина всего этого—психологическая неорганизованность общества*: какъ отдѣльный некультурный человѣкъ не въ силахъ противостоять никакому внѣшнему вліянію, не въ состояніи его переработать и найти ему мѣсто въ системѣ своихъ воззрѣній, потому что какъ разъ этой *системы* у него и нѣтъ, такъ и некультурное общество, не имѣя въ своемъ составѣ ни одной личности въ законченномъ, отлившемся въ опредѣленную форму видѣ, представляетъ собою съ психологической точки зрѣнія безпорядочную массу первоначальныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ только въ будущемъ должна выработаться стройная и опредѣленная общественно-психологическая жизнь.

Но если отсутствіе цѣльныхъ и опредѣленныхъ характеровъ всецѣло опредѣляетъ всѣ подробности духовнаго состоянія общества въ кіевскій періодъ русской исторіи, то, спрашивается, чѣмъ же обусловливается самое отсутствіе характеровъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ, что намъ извѣстно о процессахъ политическаго, соціальнаго и хозяйственнаго развитія кіевской Руси. Мы наблюдали тамъ полную неорганизованность государственнаго союза: отсутствіе учрежденій, примитивныя понятія о субъектѣ власти и о цѣли госу-

дарственнаго союза; мы наблюдали слабость расчлененія общества, въ которомъ не было сословій, и даже классы едва только слабо намѣчались; мы видѣли господство натуральнаго хозяйства, первобытной хозяйственной системы, примитивныхъ формъ землевладѣнія съ едва начинавшеюся примѣсью нѣкоторыхъ вновь зарождавшихся явленій. *Неорганизованность, безсвязность—общая черта всѣхъ процессовъ общежитія, совершавшихся въ кіевскій періодъ. Поэтому не отдѣльныя подробности матеріальной (т. е. экономической, соціальной и политической) исторіи, а вся она въ цѣломъ вліяла на духовное состояніе общества, дѣлая послѣднее такимъ-же аморфнымъ, безформеннымъ и безсвязнымъ въ психологическомъ отношеніи, какимъ оно было въ отношеніи хозяйственномъ, соціальномъ и политическомъ.* Самое большее, что можно допустить,—это слабые зародыши новаго будущаго, но это относится ко всѣмъ сферамъ общественной жизни совершенно одинаково.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общіе историческіе и соціологическіе выводы.

Намъ предстоитъ теперь подвести итогъ всему предшествующему изложенію съ исторической и соціологической точекъ зрѣнія. Итогъ историческаго изученія древнѣйшей Россіи сводится къ тому порядку, въ которомъ располагаются изслѣдованныя явленія съ точки зрѣнія ихъ зависимости одно отъ другого. Въ этомъ отношеніи можно, на основаніи всего предшествующаго изложенія, составить слѣдующую связную цѣпь явленій.

I. Основнымъ явленіемъ, зерномъ, изъ котораго развилось все послѣдующее, была рѣдкость населенія сравнительно съ громаднымъ пространствомъ страны, изобиловавшей ботаническими и зоологическими богатствами.

II. Послѣдствіемъ этого основного явленія явилось преобладаніе въ народномъ хозяйствѣ кіевской Руси добывающей промышленности и скотоводства при второстепенномъ значеніи земледѣлія и внѣшней торговли и съ нѣкоторой, совершенно уже ничтожной, примѣсью внутренней торговли и обрабатывающей промышленности.

III. Въ свою очередь относительно значеніе разныхъ отраслей производство оказало вліяніе на формы землевладѣнія; именно: господство добывающей промышленности и скотоводства повело къ преобладанію вольнаго землепользованія, а примѣсь земледѣлія и внѣшней торговли ограничила вольное землепользованіе предѣлами верви и вызвала къ жизни основанное на идеѣ полной собственности землевладѣніе князей, бояръ и монастырей.

IV. Существовавшія въ кіевской Руси отрасли производства (см. II)

и формы землевладѣнія (см. III) опредѣлили форму хозяйства: вольное землепользованіе на ряду съ преобладаніемъ добывающей промышленности и скотоводства создало семейную форму предпріятій, въ то время какъ землевладѣніе князей, бояръ и монастырей вмѣстѣ съ земледѣліемъ и внѣшней торговлей произвело новыя формы труда,—полусвободныя и несвободныя.

V. Тѣми же условіями, т.-е. господствомъ добывающей промышленности и скотоводства и вольнымъ землепользованіемъ, опредѣлялась существовавшая въ кіевскій періодъ экстенсивная система хозяйства.

VI. Второе, третье и четвертое явленія, т.-е. господство первобытныхъ отраслей промышленности (II), вольнаго землепользованія (III) и семейной формы хозяйства (IV), вызвали приблизительно равномѣрное распредѣленіе предметовъ необходимости, между тѣмъ какъ примѣсь внѣшней торговли (II), полной личной собственности на землю (III) и несвободнаго и полусвободнаго труда (IV) сосредоточила денежный капиталъ въ немногихъ рукахъ.

VII. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ второго, третьяго, четвертаго и шестого явленій сложились главныя особенности соціальнаго строя кіевской Руси, именно: преобладаніе добывающей промышленности и скотоводства (II), вольнаго землепользованія (III), домашней формы производства (IV) и равномѣрнаго распредѣленія натурально-хозяйственныхъ благъ между отдѣльными семьями (VI) привело къ господству класса смердовъ; а развитіе классовъ бояръ и купцовъ и ростъ числа холоповъ и закуповъ были вызваны къ жизни примѣсью внѣшней торговли (II), зарожденіемъ личнаго землевладѣнія (III) и владѣльческихъ формъ хозяйства (IV) и, наконецъ, сосредоточеніемъ денежныхъ капиталовъ въ рукахъ торговавшаго меньшинства (VI).

VIII. Соціальныя потребности (VII) и нужды добывающей промышленности и внѣшней торговли (II) совокупнымъ своимъ дѣйствіемъ создали древнѣйшее русское государство.

IX. Соціальное значеніе смердовъ (VII) отразилось на роли вѣча, а боярская дума была отраженіемъ вліянія боярскаго класса (VII).

X. Слѣдствіемъ преобладанія добывающей промышленности и скотоводства (II), господства вольнаго землепользованія (III) и первобытной системы хозяйства (V) явился примитивный государственный строй, отличающійся слабостью организаціи средствъ управленія, преобладаніемъ личныхъ интересовъ и личнымъ господствомъ.

XI. Примитивность государственнаго строя (X) создала церковь, какъ учрежденіе, и духовенство, какъ общественную группу.

XII. Преобладаніе добывающей промышленности и скотоводства (II), вольнаго землепользованія (III), экстенсивной системы хозяйства (V), развитіе полусвободныхъ и несвободныхъ состояній (VII) и примитивный политическій строй (X) произвели и развили рѣзко выражен-

ный процессъ колонизаціи, разселенія русскаго народа по восточно-европейской равнинѣ.

XIII. Неорганизованность общества въ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ (II—X) имѣла послѣдствіемъ психологическую аморфность общества, отсутствіе сложившихся и рѣзко выраженныхъ характеровъ.

XIV. Психологическая аморфность общества повлекла за собой, наконецъ, безсвязность и нестройность нравственныхъ чувствъ, религіозныхъ воззрѣній, подражательность искусства и литературы, слабость просвѣщенія.

Таковы общіе *историческіе* выводы, получающіеся въ результатѣ изученія общественной жизни въ древнѣйшей Россіи. Спрашивается теперь: какое *соціологическое* значеніе они имѣютъ? Другими словами: поскольку можно считать установленныя нами явленія и ихъ связь выраженіемъ общихъ законовъ общественной жизни, и каковы именно эти общіе законы? Мы думаемъ, что *историческое развитіе кіевской Руси надо признать типическимъ для первоначальнаго развитія всякаго другого народа, находящагося на низкомъ уровнѣ культуры и живущаго въ условіяхъ почти еще совершенно дѣвственной природы.* Невозможно вдаваться въ подробныя историческія параллели, но стоитъ напомнить объ основныхъ чертахъ историческаго развитія древнихъ германцевъ передъ ихъ поселеніемъ въ предѣлахъ Западной римской имперіи, отчасти также въ первое время послѣ этого поселенія. Изучая экономическій бытъ кіевской Руси, мы уже проводили параллель между господствующими отраслями промышленности и формами землевладѣнія у древнихъ германцевъ и у русскихъ въ кіевскій періодъ, такъ что повторять это незачѣмъ. Подсѣчная и переложная системы земледѣлія существовали и въ древней Германіи, и въ кіевской Руси. И у германцевъ можно наблюдать—далѣе—появленіе частновладѣльческихъ хуторовъ и обработку земли въ нихъ рабами и полусвободными, закабаленными за долги. На ряду съ просто свободными начали выдѣляться у германцевъ и знатные—principes римскихъ писателей. Вѣче, напр., по свидѣтельству Тацита, являлось у германцевъ первымъ, главнымъ органомъ власти. Мало-по-малу появились князья, герцоги и короли, сложился первоначальный государственный союзъ. Всѣ эти учрежденія и порядки поразительно похожи на древнѣйшіе русскіе. То же надо сказать о языческой религіи германцевъ и о народной ихъ поэзіи, а съ принятіемъ ими христіанства можно видѣть и знакомое уже намъ двоевѣріе, и рядъ римскихъ вліяній въ литературѣ и искусствѣ, и нравственную безпорядочность, и психологическую безформенность.

Явленія, совершенно параллельныя нами изслѣдованнымъ, можно было бы наблюдать и въ древнѣйшихъ Греціи и Римѣ и вообще почти во всякой другой первобытной еще странѣ, начинающей заселяться некультурнымъ народомъ. Исключенія представляютъ лишь такія страны,

какъ Египетъ и Ассиро-Вавилонія, гдѣ самыя природныя условія— главнымъ образомъ разливы громадныхъ рѣкъ, утучняющихъ при этомъ почву и заставляющихъ человѣка позаботиться объ искусственномъ орошеніи въ сухое время, — предопредѣлили преобладаніе земледѣлія. Но исключенія ничего не говорятъ противъ общаго правила.

Изслѣдованный нами матеріалъ не даетъ намъ еще права сдѣлать окончательный выводъ по главному соціологическому вопросу,—о томъ, какой изъ пяти процессовъ общежитія долженъ быть признанъ основнымъ, потому что изученъ только начальный, первый періодъ исторической жизни русскаго народа, и то, что оказывается установленнымъ и прочнымъ для него, легко можетъ быть непримѣнимымъ къ послѣдующему времени. Такимъ образомъ вопросъ этотъ въ его общей, окончательной формѣ остается пока открытымъ. Но это не мѣшаетъ формулировать отвѣтъ на него *для даннаго періода*. Изъ предыдущаго видно прежде всего, что *простѣйшимъ процессомъ является процессъ экономическій*, для объясненія котораго нѣтъ нужды въ изученіи соціальныхъ, политическихъ и психологическихъ явленій, а достаточно принять во вниманіе только отношеніе пространства страны къ ея населенію. Этотъ экономическій процессъ разлагается на составные элементы, изъ которыхъ одни являются производными отъ другихъ. Вообще можно, слѣдовательно, сказать, что *хозяйственныя явленія въ началѣ исторической жизни опредѣляются въ своемъ развитіи вліяніемъ или внѣшней природы, или другихъ хозяйственныхъ же явленій*. Идя далѣе, можно замѣтить, что *соціальный процессъ слагается подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ экономическихъ явленій*,—именно господства первобытныхъ отраслей производства, первоначальныхъ формъ землевладѣнія, семейной формы хозяйства и равномѣрнаго распредѣленія хозяйственныхъ благъ, кромѣ денежнаго капитала. Мы видѣли также, что *непосредственная роль соціальныхъ явленій въ политическомъ процессѣ очень велика; но на ряду съ ними вліяютъ непосредственно и явленія экономическія*. Наконецъ, *психологическій процессъ развитія некультурнаго общества слагается изъ непосредственныхъ вліяній и экономическаго, и соціальнаго, и политическаго процессовъ*. Въ такой перспективѣ располагаются основные процессы общежитія при свѣтѣ тѣхъ конкретныхъ данныхъ, какія представляетъ намъ первый періодъ русской исторіи. Дальнѣйшее изученіе должно повести къ повѣркѣ полученныхъ выводовъ и къ пополненію ихъ большими подробностями.

Существуетъ еще одинъ вопросъ, который нельзя игнорировать,— особенно въ настоящее время: это вопросъ объ оцѣнкѣ историческихъ явленій съ нравственной точки зрѣнія, о томъ, благодѣтельны или зловредны были порядки, существовавшіе въ древней Россіи. Въ предшествующемъ изложеніи намъ неоднократно приходилось сравнивать современные порядки съ древними, но это было только сравненіе, из-

вѣстный пріемъ теоретическаго изученія съ цѣлью большаго уясненія вопроса, а вовсе не нравственная оцѣнка; это было сужденіе, относящееся къ категоріи бытія, а не сужденіе, относящееся къ категоріи долженствованія: мы рѣшали вопросъ о томъ, что было, а не о томъ, что должно было быть съ точки зрѣнія моралистической. Примѣнима ли моралистическая точка зрѣнія въ данномъ случаѣ? Мы думаемъ, что она вполнѣ и всегда законна, потому что человѣкъ но только познаетъ и чувствуетъ, но и имѣетъ желанія и дѣйствуетъ. Въ примѣненіи къ историческимъ явленіямъ она полезна по той причинѣ, что такимъ путемъ лучше всего можно научиться правильно примѣнять ее къ современности. Но какъ ее *правильно* примѣнить? На этомъ вопросѣ необходимо остановиться внимательнѣе.

Ни одинъ сторонникъ научнаго міровоззрѣнія или, что то же, ни одинъ критическій позитивистъ ничего не можетъ возразить противъ сужденій по категоріи долженствованія по той причинѣ, что эти сужденія—эмпирическій фактъ, устанавливаемый научно, т.-е. при помощи точно провѣренныхъ и правильно поставленныхъ опыта и наблюденія. Разногласіе между позитивистами и такъ называемыми идеалистами или метафизиками начинается тогда, когда у послѣднихъ заходитъ рѣчь объ особой природѣ нравственныхъ явленій, объ абсолютномъ характерѣ нравственныхъ понятій, основнымъ изъ которыхъ признается понятіе «добра». Въ основѣ этого разногласія лежитъ гносеологическій вопросъ, т.-е. вопросъ, относящійся къ теоріи познанія. Гносеологія идеалистовъ, слѣдующихъ въ этомъ отношеніи Канту, отличается дуализмомъ: они признаютъ, что въ области чистаго разума (въ явленіяхъ, подводимыхъ подъ категорію бытія) человѣческое знаніе относительно, человѣкъ познаетъ только феномены, а не ноумены, не сущности вещей, ему доступны лишь состоянія собственнаго сознанія, но въ области практическаго разума (въ явленіяхъ, подводимыхъ подъ категорію долженствованія) господствуютъ, по мнѣнію идеалистовъ, абсолютныя начала, не познаваемыя человѣкомъ посредствомъ опыта и наблюденія, а постигаемыя имъ при помощи внутренней интуиціи, умозрѣнія, независимаго отъ научныхъ пріемовъ познанія и ничего общаго съ ними не имѣющаго. Позитивисты не могутъ принять эту дуалистическую гносеологію и настаиваютъ на томъ, что можно назвать феноменологическимъ монизмомъ въ теоріи познанія: человѣкъ познаетъ всегда только феномены и ничего больше; онъ познаетъ ихъ лишь путемъ опыта и наблюденія. Вотъ два положенія, на которыхъ покоится позитивно-критическая теорія познанія. Что эта теорія должна быть примѣняема и къ явленіямъ категоріи долженствованія,—это видно изъ того, во-первыхъ, что, анализируя фармальное, лишенное всякаго содержанія, понятіе добра, мы не найдемъ въ немъ ничего, кромѣ простого констатированія того эмпирически-устанавливаемаго факта, что человѣкъ имѣетъ волю и дѣйствуетъ; во-вторыхъ, изъ того, что

какъ только мы попытаемся заполнить эту форму конкретнымъ содержаніемъ, такъ безъ труда убѣдимся въ относительности и нашихъ нравственныхъ понятій: допустимъ напр., что мы признаемъ добромъ свободу; это признаніе въ его абсолютной формѣ совершенно несостоятельно, потому что не всякая свобода соотвѣтствуетъ реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго: такъ пресловутая свобода труда, отрицающая рабочія организаціи и рабочее законодательство, несомнѣнное зло не только для рабочихъ, но и для общества какъ цѣлаго, потому что ведетъ къ угнетенію и вырожденію значительной части населенія.

Итакъ моральныя истины также относительны, какъ и истины теоретическія, категорія долженствованія и категорія бытія ничѣмъ не отличаются съ гносеологической точки зрѣнія. Но у этой относительности понятій «истина» и «добро» есть свои предѣлы, опредѣляемые опять-таки на основаніи теоріи познанія: при всѣхъ различіяхъ въ условіяхъ мѣста и времени, состоянія сознанія разныхъ людей имѣютъ много общаго между собой; на этомъ основывается преемство идей; это выяснится для насъ съ особенной полнотой позднѣе, когда будетъ развита нами въ послѣдующемъ изложеніи теорія этологическаго развитія общества.

Изъ сказаннаго видно такимъ образомъ, что *основное понятіе позитивной или научной морали это реальные интересы общества какъ цѣлаго*. Понятно, что эти реальные интересы неразрывно связаны съ условіями времени, такъ что при опредѣленіи первыхъ нельзя игнорировать послѣднія. А это значитъ, что, производя нравственный судъ надъ историческимъ прошлымъ, мы не имѣемъ права принимать за основу этого суда наши современныя нравственныя понятія, а должны стать на точку зрѣнія того прошлаго историческаго момента, о которомъ мы судимъ. Съ нашей современной точки зрѣнія хозяйственные, соціальные, политическіе порядки и психологическое состояніе кіевской Руси необыкновенно дурны, мы не въ состояніи представить себѣ, чтобы возможно было для насъ благоденствіе при такихъ условіяхъ. *Для насъ* оно дѣйствительно невозможно, но *для людей того времени* оно было въ большинствѣ случаевъ не только возможностью, но и реальнымъ фактомъ. Возьмемъ одинъ конкретный примѣръ: допустимъ, что по какой-нибудь случайности, на дѣлѣ, конечно, совершенно невозможной, судъ въ кіевскій періодъ потерялъ бы свойственный ему формальный характеръ и обратился бы въ судъ по существу, съ предварительнымъ слѣдствіемъ, съ участіемъ прокуратуры, съ оцѣнкой и оспариваніемъ судебныхъ доказательствъ; не говоря о всемъ прочемъ, такая судебная организація въ конецъ разорила бы населеніе вслѣдствіе своей дороговизны; мало того: она не содѣйствовала бы и правосудію въ той, по крайней мѣрѣ, степени, въ какой его интересамъ удовлетворялъ судебный формализмъ того времени: она открыла бы,

по условіямъ того времени (слабости власти, некультурности населенія отсутствію надзора и т. д.), большой просторъ для судейскаго усмотрѣнія, тогда какъ такое усмотрѣніе въ корень пресѣкалось наличностью извѣстныхъ процессуальныхъ формулъ, неоспоримостью доказательствъ и другими существенными признаками формальнаго судопроизводства, при которомъ судья играетъ чисто-пассивную роль во время самаго судоговоренія и не играетъ никакой почти роли во время слѣдствія.

Итакъ можно признать порядки, существовавшіе въ кіевской Руси, въ общемъ соотвѣтствующими существовавшимъ тогда реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго. Внѣшнимъ выраженіемъ этого является тотъ фактъ, что человѣческое общежитіе въ кіевскій періодъ не только существовало, но и развивалось. Но бываютъ случаи, когда общество какъ самостоятельное цѣлое погибаетъ, уничтожается. Съ такими случаями мы скоро встрѣтимся. Они бываютъ именно тогда, когда порядки общежитія, установившіеся въ извѣстное время, перестаютъ соотвѣтствовать реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго. Тогда неминуемо наступаетъ катастрофа. Признаніе такихъ фактовъ съ нашей стороны всего лучше можетъ отстранить отъ насъ возможный но неосновательный упрекъ въ безграничномъ оптимизмѣ. Въ оптимизмѣ, введенномъ въ извѣстные предѣлы, мы оправдываться не будемъ: такой оптимизмъ законенъ, естественъ и потому необходимъ. Безъ него нѣтъ жизни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Литература по исторіи кіевской Руси.

Цѣль предлагаемыхъ указаній на литературу по исторіи кіевской Руси заключается не въ томъ, чтобы дать полный библіографическій обзоръ—это должно служить задачей спеціальнаго библіографическаго труда,—и не въ томъ, чтобы представить ходъ развитія научной разработки этого періода—развитіе русской исторіографіи входитъ въ нашу задачу въ послѣдующемъ изложеніи, какъ часть цѣлаго процесса психологическаго развитія общества. Мы имѣемъ въ виду указать лишь труды наиболѣе важные или по соотвѣтствію ихъ новѣйшимъ научнымъ требованіямъ, или по оригинальности рѣшенія научныхъ вопросовъ, разбираемыхъ въ этихъ трудахъ, или, наконецъ, вслѣдствіе ихъ своднаго, резюмирующаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣются также въ виду указанія на порядокъ чтенія. Читатель, безъ сомнѣнія, не встрѣтитъ здѣсь многихъ сочиненій по исторіи кіевской Руси именно потому, что они не соотвѣтствуютъ сейчасъ указаннымъ требованіямъ и, слѣдовательно, подлежатъ уже изученію со стороны

спеціалиста, запасшагося достаточными предварительными, важнѣйшими свѣдѣніями.

Принимаясь за изученіе литературы по исторіи кіевской Руси, прежде всего необходимо познакомиться съ общими изложеніями русской исторіи, захватывающими и кіевскій періодъ. Первое мѣсто между этими изложеніями по высокимъ научнымъ достоинствамъ и по оригинальности построенія принадлежитъ лекціямъ по русской исторіи проф. Ключевскаго. Остальные общіе труды или не касаются кіевской Руси въ цѣломъ, какъ «Очерки по исторіи русской культуры» г. Милюкова, или устарѣли, подобно первымъ томамъ «Исторіи Россіи» Соловьева или І-му тому «Русской Исторіи» Бестужева-Рюмина, или, наконецъ, не отличаются особыми достоинствами; поэтому всѣ эти труды подлежатъ изученію уже спеціальному, позднѣйшему. Кромѣ курса г. Ключевскаго въ качествѣ общаго обозрѣнія можно указать еще на изданный подъ редакціей г. Сторожева въ «Библіотекѣ для самообразованія» (изд. Сытина) сборникъ статей подъ заглавіемъ «Русская Исторія».

Основныя свѣдѣнія о физической географіи Россіи можно почерпнуть изъ книги г. Воейкова «Климаты земного шара» и изъ статьи Сибирцева «Краткій обзоръ важнѣйшихъ почвенныхъ типовъ Россіи» въ «Запискахъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства», томъ XI-й, выпускъ 3-й.

Главный матеріалъ по исторіи экономическаго быта собранъ въ книгѣ Аристова «Промышленность древней Руси»; общее изложеніе экономическаго развитія кіевской Руси въ книжкѣ пишущаго эти строки «Городъ и деревня въ русской исторіи (краткій очеркъ экономической исторіи Россіи)». При изученіи формъ землевладѣнія важна статья г. Леонтовича «О значеніи верви» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1864 годъ.

При изученіи соціальныхъ отношеній и политическаго строя на первый планъ слѣдуетъ поставить знакомство со слѣдующими работами: «Боярская дума древней Руси» г. Ключевскаго; «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», Соловьева; «Русскія юридическія древности» г. Сергѣевича (сочиненіе, отличающееся многими своеобразными, хотя и мало основательными, взглядами). Сюда же можно отнести лучшія изъ работъ по мѣстной исторіи: г. Грушевскаго «Исторія кіевской земли», г. Багалѣя «Исторія сѣверской земли» и г. Голубовскаго «Печенѣги, торки и половцы» и «Исторія смоленской земли».

Исторію языческой религіи и христіанской церкви въ древнѣйшей Россіи слѣдуетъ изучать прежде всего по сочиненіямъ: Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», Котляревскаго «Погребальные обычаи языческихъ славянъ» и г. Голубинскаго «Исторія русской церкви».

Въ томъ же трудѣ г. Голубинскаго читатель найдетъ весьма обстоятельные очерки просвѣщенія, литературы и искусства въ кіевской Руси. По исторіи искусства можно рекомендовать для первоначальнаго знакомства съ матеріаломъ «Исторію русскаго искусства» г. Новицкаго и «Русскія древности въ памятникахъ искусства» гр. Толстого и г. Кондакова. Для ознакомленія съ двумя противоположными взглядами на вопросъ полезно прежде всего прочитать сочиненіе Віолле-ле-Дюка «Русское искусство» (или по-французски «L'art russe») и изданную гр. Строгановымъ книгу «Русское искусство» Віолле-ле-Дюка и архитектура въ Россіи съ X-го по XVIII-й вѣкъ». Древности кіевскаго Софійскаго собора обстоятельно описаны въ брошюрѣ гг. Айналова и Рѣдина «Древніе памятники искусства Кіева». Для исторіи живописи важна «Исторія русскихъ школъ иконописанія» Ровинскаго (въ VIII т. «Записокъ Императорскаго Археологическаго общества»).

По исторіи русской литературы кіевскаго періода, кромѣ сочиненій Порфирьева «Исторія русской словесности» (значительно устарѣвшаго) и г. Пыпина «Исторія русской литературы», сводныя работы принадлежатъ г. Владимірову: это, во-первыхъ, «Введеніе въ исторію русской словесности», во-вторыхъ, «Древняя русская литература кіевскаго періода». (Обстоятельный критическій разборъ послѣдняго труда, принадлежащій г. Истрину, напечатанъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1902 г., №№ 3 и 8). Въ частности для занимающагося русской исторіей полезно познакомиться съ главнѣйшими сочиненіями о лѣтописяхъ: Сухомлинова «О древней русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ», Бестужева-Рюмина «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV-го вѣка» и г. Шахматова «О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ».

Для первоначальнаго изученія русскаго права кіевскаго періода можно указать на «Обзоръ исторіи русскаго права» г. Владимірскаго-Буданова, на книгу г. Дювернуа «Источники права и судъ въ древней Россіи» и на сочиненіе Чебышева-Дмитріева «Изслѣдованіе о преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву». Сводная работа— «Очерки юридическаго быта по «Русской Правдѣ» напечатана пишущимъ эти строки въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1897 г., №№ 11 и 12.

Наконецъ, самымъ удобнымъ общимъ руководствомъ по соціологіи, помогающимъ оріентироваться въ литературѣ предмета, является «Введеніе въ соціологію» г. Карѣева.

Только послѣ всего этого наступаетъ очередь изученія сначала первоисточниковъ, а потомъ остальныхъ пособій. Указанія на тѣ и другія читатель легко найдетъ въ названныхъ сейчасъ сочиненіяхъ.

Н. Рожковъ.

ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ.

Романъ

Изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока.

*(Окончаніе *).*

XII.

Побѣдители разбили лагерь у подножія Щелеватой сопки. Молодые люди поставили походную палатку Мами, закололи оленей и приготовили ужинъ. Усталое стадо паслось на сосѣднемъ моховищѣ подъ присмотромъ двухъ добровольныхъ стражей. Каррита отыскала въ скудномъ багажѣ мышеѣдовъ кое-какіе остатки палатокъ своего племени и соединила ихъ всѣ вмѣстѣ въ видѣ большого навѣса надъ четырехъугольнымъ спальнымъ пологомъ Мами. Въ довершеніе всего поздно вечеромъ подъѣхалъ Камакъ, который, отыскавъ на полъ-дорогѣ слѣды своего украденнаго стада, не вытерпѣлъ и, оставивъ обозъ сзади, помчался догонять отрядъ.

На дворѣ давно стемнѣло. Почти всѣ воины, утомленные походомъ и приключеніями дня, спали. Но въ палаткѣ еще горѣла жировая лампа. Передняя пола была слегка откинута, открывая доступъ свѣжему воздуху. Камакъ сидѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ справа. Мами сидѣла рядомъ, рука старика все время лежала на широкомъ мѣховомъ рукавѣ дочери, какъ будто онъ боялся, что она опять можетъ неожиданно исчезнуть.

Ваттанъ сидѣлъ справа на почетномъ мѣстѣ. Поближе къ выходу сидѣли Колхочъ и Каррита. Дѣвочка впрочемъ незамѣтно для самой себя тоже заснула и голова ея опять покоилась на колѣняхъ ея друга, который терпѣливо сидѣлъ и не дѣлалъ ни одного движенія, чтобы не спугнуть ея отдыха.

— А сѣрый съ подпалинами? — спросилъ Камакъ, слегка повернувъ лицо къ дочери.

— Съѣли!—неохотно сказала дѣвушка.

Камакъ перемѣнилъ положеніе, какъ будто ему неудобно стало сидѣть.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль 1903 г.

— А черный упряжной?—

— Убѣжалъ невѣдомо куда!—

Онъ расспрашивалъ ее о потеряхъ стада и при каждомъ новомъ свѣдѣніи все болѣе убѣждался, что значительная часть его богатства исчезла.

— Оставь, старикъ!—сказалъ наконецъ Ваттанъ, который сгоралъ отъ нетерпѣнія, слушая этотъ однообразный перечень и хотѣлъ перейти къ дѣлу, для него несравненно болѣе важному. У меня большое стадо!—

— «Не моей семьи тавро!»—возразилъ Камакъ съ упрямой привязанностью оленевода къ собственному стаду, унаслѣдованному отъ отца и дѣда.

— Смѣшаемъ вмѣстѣ оленей!—утвердительно сказалъ Ваттанѣ.—У нашихъ стадъ будутъ два отца...—

— А съ шатромъ что сдѣлаю?—спросилъ Камакъ угрюмо.

Семейные очаги оленныхъ людей были непримиримы и когда двѣ семьи сливались вмѣстѣ, одна изъ нихъ должна была бросить на произволъ судьбы свой шатеръ, домашнія принадлежности и идоловъ.

— Мой огонь останется безъ кормильца,—продолжалъ Камакъ.—Придется намъ жить на твоей удачѣ и ѣдѣ.

Ваттанъ подумалъ немного, потомъ рѣшительно тряхнулъ головой.

— Пусть Ваттантъ сердится,—сказалъ онъ,—но если зовешь, пойду въ зятья въ твой домъ.

Лицо Камака смягчилось. Лучше такого пріемнаго зятя нельзя было отыскать на своей землѣ между трехъ морей. Однако прежде чѣмъ отвѣтить, онъ посмотрѣлъ на лицо Мами. Оно было озабоченно и какъ будто печально. Дѣвушка весь вечеръ хранила необыкновенную задумчивость и даже неохотно отвѣчала на задаваемые вопросы.

— Я старъ!—наконецъ сказалъ Камакъ.—Вотъ настоящая хозяйка.—

Послѣднія событія пробудили въ его душѣ совершенно новое смиреніе.

— Ты знаешь!—съ гордостью продолжалъ старикъ.—Мы изъ памятливой семьи. Я помню имена восьми поколѣній, а она одна дочь. Она приноситъ жертву домашнимъ богамъ, колетъ оленей, въ ея чреслахъ все будущее потомство...—

— Она—моя добыча!—снова сказалъ Ваттанъ, какъ на мѣстѣ побоища.

Мами вдругъ очнулась отъ своей думы.

— Пойдемъ со мною!—сказала она молодому оленоводу.—Я скажу тебѣ.—

Они вылѣзли изъ подъ полуприподнятой полы. Ваттанъ почувствовалъ, что наступаетъ торжественная минута, ибо дѣвушки оленоводовъ любили кончать объясненія съ своими искателями на вольномъ воздухѣ вдали отъ нескромныхъ глазъ.

— Посмотри на небо, Ваттанъ! — сказала дѣвушка послѣ короткаго молчанія.

Вечеръ былъ необычайно тихъ, ночной воздухъ былъ прозраченъ и чистъ, но на небесахъ мерцали только крупныя звѣзды, знакъ того, что ясная погода установилась надолго.

— Вотъ Юлтаятъ!—сказала дѣвушка, указывая рукой на Оріона. А вонъ четыре сестры!—продолжала она, указывая на Плеядъ.

— Я знаю звѣзды,—сказалъ Ваттанъ съ удивленіемъ. Онъ не понималъ, къ чему клонятся рѣчи дѣвушки.

— Видишь бѣгутъ, а онъ гонится съ лукомъ... Вотъ и стрѣла летитъ!—она протянула руку по направленію къ Альдебарану.— Все равно не догнать. Онѣ быстрѣе...

— Какое намъ дѣло?—возразилъ Ваттанъ съ непріятнымъ чувствомъ. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ онъ догонялъ и не могъ догнать Мами на бѣгу.

Мами продолжала глядѣть на звѣзды и вдругъ запѣла тихимъ голосомъ старинную пѣсню или легенду:

— Юлтаятъ съ кривой спиной пришелъ свататься къ четыремъ сестричкамъ. Онѣ говорятъ: намъ тебя не нужно. Ты великъ и тяжелъ. Намъ нужно ровню?..

— Я служу Сестрамъ!—прибавила она, переставъ пѣть.— Онѣ на меня зарокъ положили.

Голосъ ея былъ тихъ, но совершенно внятенъ.

— Зарокъ?—переспросилъ Ваттанъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ.

Онъ еще не понималъ, къ чему клонятъ рѣчи Мами, но и здѣсь остался вѣренъ своему недовѣрію къ духамъ и всему сверхъестественному.

— Знаешь ты, какъ я на свѣтъ родилась? — продолжала дѣвушка съ возрастающимъ волненіемъ. — Мою мать задушилъ Ивметунъ. Я одна осталась, маленькая хилая, хромая,—одна, какъ перстъ. Даже не росла совсѣмъ, какъ дерево съ чахлымъ корнемъ. Дѣвчонки бѣгаютъ, а я въ пологу сижу. Имъ жарко, а мнѣ холодно. Онѣ смѣются, я плачу...

— Бѣдняжка!—сказалъ Ваттанъ сочувственно.

Даже имя Ивметуна, коварнаго духа таинственныхъ припадковъ, которые для жителей тундры страшнѣе любой заразы, не могло испугать его.

— Отецъ придетъ домой, говоритъ: «на что ты мнѣ такая? Не видать мнѣ отъ тебя внука!..» Думаю, что мнѣ дѣлать?..

Ваттанъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на это молодое сильное тѣло. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы Мами когда-нибудь была такой хилой дѣвочкой, какъ она описывала.

— Разъ ночью—зимняя была, ясная ночь—вылѣзла я изъ полога, смотрю на небо,—думаю: кто бы мнѣ помогъ? Думаю:—мужчины помогаютъ мужчинамъ, женщины женщинамъ, а дѣвушки дѣвушкамъ. Гляжу, а сестры мнѣ смѣются сверху...

Лицо ея было обращено кверху и повидимому она опять переживала эти полузабытыя, давно минувшія чувства.

— Сестры, говорю, сдѣлайте меня проворнѣе всѣхъ, такою быстрою, какъ вы сами! Что попросите дамъ въ плату. Будь это камень, звѣрь, человѣкъ, грудной ребенокъ, все отдамъ... А сестры мигаютъ: ладно!

Озябла я, вошла въ пологъ, легла спать. Во снѣ явились ко мнѣ всѣ четыре сестры. Говорятъ, не нужно намъ ни звѣря, ни малаго ребенка. Но если хочешь служить намъ, будь безъ мужа, какъ мы...

— Какъ безъ мужа?—стремительно возразилъ Ваттанъ.

Онъ почувствовалъ, какъ будто предъ нимъ вдругъ разверзлась бездна.

— Ты сказала: моя кровь—твоя!..—прибавилъ онъ совсѣмъ другимъ, хриплымъ голосомъ.

— Я не отрекаюсь!—сказала Мами.—Вотъ жилы на моей рукѣ. Дай свою руку и свой ножъ! Смѣшаемъ нашу кровь. Будемъ братъ и сестра, какъ два встрѣчные вѣтра.

— Провались съ своимъ сестринствомъ!—запальчиво крикнулъ Ваттанъ.—Я человѣкъ, а не дерево!.. Мнѣ нужно жену!

Мами положила Ваттану руку на плечо.

— Прости меня—сказала она мягкимъ и немного виноватымъ голосомъ. — Боги не судили... Что можемъ мы сдѣлать противъ нихъ?..

Ваттанъ сердито сбросилъ ея руку съ своего плеча.

— Не лги!..—воскликнулъ онъ съ возрастающимъ гнѣвомъ.—Договаривай!.. Твоему отцу нужны внуки!..

— Я говорила имъ!..—сказала Мами, невольно отступая назадъ передъ его угрожающимъ жестомъ.—И я не буду мать. «Кто обгонитъ меня, тотъ сильнѣе меня. Онъ для меня, какъ я для другихъ». Такъ сказали сестры,—прибавила она, мысленно останавливаясь на минуту передъ этой таинственной, знакомой съ дѣтства, но неясной фразой, похожей на оракулъ.

Ваттанъ сдѣлалъ шагъ къ дѣвушкѣ, потомъ остановился и посмотрѣлъ ей въ лицо долгимъ взглядомъ, пронзительнымъ и яркимъ даже въ ночной темнотѣ.

— Лучше бы мнѣ убить тебя!—сказалъ онъ, наконецъ, тѣмъ же чужимъ голосомъ, хриплымъ и заикающимся отъ гнѣва.

Дѣвушка разорвала воротъ своего мѣхового корсажа.

— Вотъ моя грудь!—безстрашно сказала она. — Два раза ты выручилъ меня,—бей, если хочешь!..

Ваттанъ вдругъ схватилъ ее въ свои крѣпкія объятія, которыхъ опасались на тундрѣ самые сильные бойцы.

— Ты моя жена!—шепталъ онъ, задыхаясь и осыпая поцѣлуями это прекрасное и упрямое лицо и крѣпкую бѣлую грудь.

Но Мами выскользнула изъ его рукъ проворнѣе, чѣмъ горностай, и отскочила въ сторону.

— Я уйду!—сказала она поспѣшно.—Прощай, Ваттанъ!..

Губы Ваттана искривились отъ ярости и стыда...

— Куда уйдешь?—крикнулъ онъ задыхаясь.—Я знаю, кто тебѣ нуженъ? Тотъ бродяга, волчій выродокъ!.. Гдѣ поймаю, тамъ и убью его...

Дѣвушка опять повернулась къ Ваттану.

— Тебѣ не поймать его!—громко сказала она. Если медвѣдь на ногахъ, то соколъ на крыльяхъ.

Ваттанъ не могъ ясно видѣть выраженіе ея лица, но голосъ ея звучалъ насмѣшкой, какъ послѣ бѣга на Чагарскомъ полѣ.

Насмѣшка переполнила чашу. Ваттанъ быстро выдернулъ изъ-за пояса короткую плеть съ ручкой изъ китоваго уса, которая служила ему для обученія молодыхъ оленей, и угрожающе замахнулся ею на дѣвушку.

— Что-жъ, — спокойно сказала Мами, не дѣлая движенія, чтобы уклониться отъ удара, — мышеѣдъ билъ меня утромъ, теперь твой чередъ.

Ваттанъ съ проклятьемъ бросилъ плеть на землю.

— Уйди!—сказалъ онъ глухо.—Ты меня сдѣлала хуже, чѣмъ мышеѣды.

Дѣвушка молча повернулась, чтобы войти въ пологъ, но потомъ посмотрѣла на небо и вдругъ побѣжала по дорогѣ въ глубину спокойной ночи. Ваттанъ остался стоять на мѣстѣ. Ему показалось на минуту, что онъ Юлтаятъ, а Мами меньшая и самая быстрая изъ небесныхъ сестеръ, убѣгающая прочь, чтобы избѣгнуть его объятій.

Мами пробѣжала нѣсколько сотъ шаговъ и вдругъ чуть не наткнулась на другую человѣческую фигуру, которая бѣжала прямо ей навстрѣчу.

— Это ты, Гирканъ?—спросила она безъ удивленія.

Одулъ остановился и взялъ ее за руку.

— Откуда ты?—спросила дѣвушка.

Гирканъ показалъ рукой въ сторону горъ.

Послѣ минутнаго появленія на скалѣ, Гирканъ исчезъ и больше не показывался. Оленные люди не могли даже судить, были ли съ нимъ другіе соплеменники, или онъ одинъ сбрасывалъ съ верху обломки вывѣтрившихся скалъ, нависшіе надъ обрывомъ. Иные продолжали думать, что это былъ горный духъ, принявшій на короткое время форму молодого охотника.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? — снова спросила Мами.— Можетъ ты, вправду, духъ? Эти горы—твои горы?

— Всѣ горы—мои горы и тундра—моя тундра. — отвѣчалъ Гирканъ.

— А гдѣ отецъ твой?—спросила Мами.

Гирканъ пожалъ плечами.

— Ты, значитъ, одинъ пришелъ, — настаивала Мами. — Зачѣмъ?

— Рынто, небось, не спрашивалъ, зачѣмъ!—проворчалъ охотникъ.—Было бы вамъ хлопотъ съ мышеѣдами, если бы не я.

Мами почувствовала, что волна радости влилась въ ея сердце. Гирканъ, очевидно, интересовался ея судьбой.

— Мой шатеръ здѣсь,—торопливо заговорила она. — Пойдемъ къ намъ. Ты всѣхъ проворнѣе, мой отецъ не скажетъ: нѣтъ. Онъ знаетъ!..

Гирканъ взялъ ее и за другую руку и привлекъ ее къ себѣ.— На что мнѣ твой отецъ?—возразилъ онъ.—Я искалъ тебя...

Дѣвушка сдѣлала попытку вырваться, но Гирканъ безъ особаго труда удержалъ ее на своей груди, ибо ея движенія потеряли прежнюю стремительность.

— Послушай!—сказалъ охотникъ, близко нагибая свое лицо къ ея горячей щекѣ. Волки сходятся на большой дорогѣ. Олень и важенка ищутъ другъ друга въ ночной темнотѣ; а мы чѣмъ лучше?... И звѣзды видятъ!—прибавилъ онъ, слѣдуя глазами за направленіемъ ея взгляда.

Мами почувствовала, что слабѣетъ. Ей показалось, что старый сонъ воскресаетъ и хочетъ сбыться на яву..

— Развѣ ты хочешь,—прошептала она,—чтобы я бросила отца и стадо и пошла за твоимъ племенемъ?

Гордая дочь оленнаго племени добровольно признала себя побѣжденной.

Гирканъ не отвѣтилъ словами, но губы его были болѣе, чѣмъ краснорѣчивы. На холодномъ снѣжномъ ложѣ, подъ пологомъ темно-прозрачнаго неба совершился ихъ вольный бракъ, внезапный и таинственный, какъ вѣтеръ, пролетающій мимо. Ночной морозъ тщетно пытался охладить знойную силу ихъ объятій, а звѣзды подмигивали съ высоты благосклонно и насмѣшливо, какъ пожилыя брачныя гостьи передъ юной и счастливой четой.

Гирканъ и Мами провели ночь на открытомъ воздухѣ, какъ въ прекрасномъ брачномъ чертогѣ. Они выгребли яму въ снѣгу и молодой Одулъ устлалъ ея дно широкимъ и тонкимъ плащомъ, который онъ носилъ скатаннымъ за плечами. Оба они привыкли къ холоду и не испытывали неудобства. Они заснули въ своей снѣжной берлогѣ, сжимая и грѣя другъ друга въ своихъ объятіяхъ.

Мами приснился даже сонъ, связанный съ событіями дня. Ей снилось, что Юлтаятъ, Кривая Спина, съ лицомъ Ваттана, одержалъ надъ нею полную побѣду и держитъ ее въ объятіяхъ вмѣсто Гиркана. Объятья его такъ крѣпки и холодны, что она не можетъ вырваться и крикнуть и постепенно костенѣетъ подъ ихъ несокрушимымъ ярмомъ. Наконецъ, она сдѣлала послѣднее усиліе, вскрикнула и проснулась. Гирканъ проснулся еще раньше и стоялъ на снѣгу, рядомъ съ ихъ импровизированнымъ ложемъ.

— Вставай!—окликнулъ онъ ее.—Зачѣмъ ты кричишь во снѣ?

Какъ только она поднялась на ноги, онъ немедленно сталъ скатывать свой плащъ. Въ это время вдали послышался протяжный свистъ.

— Меня зовутъ!—сказалъ Гирканъ,—надо идти!

— Кто зоветъ?—съ удивленіемъ спросила Мами. Она думала, что Гирканъ дѣйствительно пришелъ одинъ.

— Шестеро насъ пришли!—сказалъ Гирканъ, въ первый разъ давая прямой отвѣтъ.

— Хочешь, я пойду запрягу оленей, себѣ и тебѣ?—предложила дѣвушка.

— Не нужно!—отказался Гирканъ.—Мы пришли на лыжахъ.

Онъ досталъ изъ подъ изголовья свои лыжи и тщательно осмотрѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Онѣ были широки, какъ лодки, и тонки, какъ береста, а наружная сторона была подклеена гладкимъ и тонкимъ мѣхомъ молодой выдры.

Такія лыжи придавали своему владѣльцу фантастическую быстроту особенно внутри лѣсной черты, гдѣ снѣгъ лежалъ мягче и ровнѣе.

— Не то вправду!—сказалъ Гирканъ,—ступай домой!... Стадо разбѣжится безъ тебя, отецъ умретъ съ горя.

— Чтожъ дѣлать?—сказала Мами, сжимая губы, чтобы не заплакать. Теперь, когда она готовилась навсегда покинуть свой родной очагъ, сердце ея было готово разорваться отъ жалости.

— Мнѣ надо спѣшить,—сказалъ Гирканъ.—Нашъ родъ въ шести переходахъ отсюда. Ступай лучше домой. Я приду послѣ!

— Какъ послѣ?—воскликнула Мами съ оживленіемъ на лицѣ. Ей показалось, что въ концѣ концовъ онъ хочетъ остаться при домѣ ея отца.

— Только бы ты пришелъ,—радостно сказала она,—и весь родъ твой!.. Буду кормить всѣхъ, не попрекну никого кускомъ, не заставлю пасти стадо. Лежите, ѣшьте, пейте; спите, какъ Лѣнивый Богатырь Тало изъ старой сказки...

— Я приду!—повторилъ Гирканъ.—Когда дикому волку надоѣстъ шляться на волѣ, онъ возвращается къ волчихѣ!—прибавилъ онъ въ видѣ поясненія.

Дѣвушка внезапно умолкла и посмотрѣла ему въ лицо. Послѣднія слова Гиркана не показывали желанія сдѣлаться оленеводомъ.

— Я пойду за тобой!—рѣшила она послѣ короткаго раздумья.—Жалко стада, а тебя еще жальче. Любовь—крѣпкій арканъ, хотя и не видно его.

— Пойдемъ!—спокойно согласился Гирканъ.

Онъ подвязалъ свои лыжи и пустился въ путь, тихо скользя по гладкому снѣгу и останавливаясь время отъ времени, чтобы дождаться дѣвушки, которая несмотря на быстроту своихъ ногъ, не могла держаться наравнѣ съ широкимъ и легкимъ движеніемъ своего спутника.

Они перерѣзали нѣсколько низкихъ уваловъ, лежавшихъ подъ снѣжнымъ покровомъ, какъ широко застывшія волны, и, перебравшись черезъ послѣдній подъемъ, почти неожиданно наткнулись на группу товарищей Гиркана, которые стояли рядомъ, совершенно готовые къ походу, съ подвязанными лыжами, съ котомками на спинахъ и посохомъ въ рукѣ. Всѣ они были худощавы и очень статны и даже лицомъ походили на Гиркана. Одинъ приводилъ въ порядокъ завязки на лыжахъ. Онъ очевидно приходилъ за Гирканомъ и вернулся за нѣсколько минутъ предъ молодой четой.

На лѣвой сторонѣ съ краю былъ тотъ же самый старикъ, который явился вмѣстѣ съ Гирканомъ на игрище на Чагарскомъ полѣ.

Отсюда дорога спускалась внизъ широко и полого и значительная часть предгорій открывалась предъ глазами внизу.

— Неужели вы все этакъ бѣжите?—невольно спросила дѣвушка.

Она не могла примириться съ этимъ способомъ путешествія, дѣйствительно похожимъ на волчій.

Гирканъ пожалъ плечами. Одулы стали выравниваться, какъ будто готовые къ состязанію.

— А я какъ?—съ безпокойствомъ спросила дѣвушка.—У меня нѣтъ лыжъ.

Она вдругъ увидѣла, что идти за молодымъ одуломъ вовсе не такъ легко, даже при полномъ желаніи съ ея стороны.

— У тебя нѣтъ лыжъ!—повторилъ Гирканъ, какъ эхо.

— Куга!—воскликнулъ гортаннымъ голосомъ старикъ, стоявшій слѣва.

Одулы вдругъ пригнулись къ лыжамъ и стремительно ринулись впередъ. Они походили на дикихъ оленей, внезапно испуганныхъ и сорвавшихся съ пастбища.

— Куда же вы?—крикнула Мами, бросаясь вслѣдъ и тщетно пытаясь догнать ихъ своими невооруженными шагами. Она напрягла всю свою быстроту и нѣсколько минутъ держалась вмѣстѣ, но на первомъ поворотѣ одулы взяли по подвѣтренной сторонѣ, гдѣ снѣгъ лежалъ толще и мягче. Лыжи пошли еще ходчѣе, а дѣвушка, напротивъ, стала проваливаться. Одулы стали уходить впередъ и понемногу уменьшаться передъ глазами Мами. Иногда они бѣжали рядомъ, потомъ начинали обѣгать и обгонять другъ друга, какъ будто играя.

Мами вспомнила свое вчерашнее слово: Гирканъ дѣйствительно походилъ на сокола, но теперь въ положеніе неуклюжей медвѣдицы, тщетно пытающейся догнать летучую птицу, попалъ не Ваттанъ, а уже она сама. Снѣжная полоса прервалась промежуткомъ болѣе твердой почвы. Она опять помчалась впередъ, задыхаясь отъ напряженія, но одулы были далеко. Вотъ они взлетѣли на пригорокъ, какъ будто несомые попутнымъ вѣтромъ. Гирканъ вдругъ наполовину обернулся, сорвалъ съ себя мѣховой шлыкъ и высоко взмахнулъ имъ въ воздухѣ въ знакъ прощанія, или какъ обѣщаніе новой встрѣчи.

Черезъ минуту они снова исчезли за подъемомъ. Мами вдругъ грянулась объ землю и зарылась въ снѣгъ своей разгоряченной головой. Она припомнила странныя слова предсказанія Сестеръ, которое она нѣкогда принимала, какъ разрѣшеніе зарока, но которое неожиданно сбылось такъ зловѣще правдиво, ибо Гирканъ насмѣялся надъ ней до конца и дѣйствительно поступилъ съ ней, какъ она поступала съ другими.

Мами вернулась домой поздно вечеромъ.

На импровизированномъ стойбищѣ былъ шумъ и оживленіе, ибо обозъ Камака только что пришелъ и вмѣстѣ съ нимъ четыре другихъ шатра, которые неожиданно подоспѣли сзади на полдорогѣ. Стойбище превратилось въ оживленный лагерь, женщины ставили палатки, молодые пастухи отгоняли оленей на пастбище. Камакъ сидѣлъ на порогѣ своего жилища и глядѣлъ на дорогу.

— Гдѣ ты была?—спросилъ онъ Мами со вздохомъ облегченія.—Я думалъ ты опять дерешься съ мышеѣдами.

— Пойдемъ въ стадо?—сказала Мами, не отвѣчая на вопросъ.

Старый оленеводъ поднялся съ мѣста и послѣдовалъ за дочерью. Стадо паслось на склонахъ ближайшей горы среди жидкихъ порослей ползучаго кедровника.

— Вотъ пятнистый,—говорила Мами, подходя къ оленю, который вынесъ ее изъ давки на Щелеватой сопкѣ, и обнимая его за шею:—вотъ сѣрый упряжной!.. Важенки, бѣгуны, все наше стадо!..

Она переходила отъ животнаго къ животному и ласкала ихъ, какъ мать ласкаетъ дѣтей. Это была привязанность, которая не угрожала измѣной.

— Наше стадо!—повторяла она, какъ въ лихорадкѣ.—Поѣдемъ, покочуемъ!.. Домой! домой!

Такъ раненая лисица убѣгаетъ черезъ холмы и лѣса на знакомое поле, гдѣ вырыта ея нора.

— Покочуемъ!—согласился старикъ.—А Ваттану сказала?

Мами вся затряслась отъ отвращенія.

— Не надо!—крикнула она.—Мы сами, мы одни!

— Вѣдь онъ женихъ твой!—съ удивленіемъ уговаривалъ ее старикъ, не имѣвшій никакого понятія о событіяхъ.

— Не надо жениха!—крикнула дѣвушка.—Утоплюсь лучше.

Она упала на землю и забилась въ припадкѣ, откидывая голову назадъ и судорожно сжимая кулаки. Пѣна выступила на углахъ ея рта и двѣ тонкія струйки крови брызнули изъ глазъ.

Старикъ отступилъ въ ужасѣ. Это былъ знакомый, хорошо памятный припадокъ, печать Ивметуна, ужаснаго духа тоски, который гнѣздится въ брошенныхъ шатрахъ и подстерегаетъ людей на кочевыхъ дорогахъ.

Нѣкогда онъ погубилъ его жену, послѣ того, какъ она родила мертваго сына и забеременѣла въ послѣдній разъ; теперь онъ хотѣлъ привязаться къ дочери.

Ивметунъ страшнѣе всѣхъ духовъ на тундрѣ, ибо никто не знаетъ, откуда онъ приходитъ. Ступни его выворочены, онъ вѣчно ходитъ задомъ и является не съ той стороны, откуда его ожидаютъ.

— Покочуемъ!—твердилъ старикъ въ ужасѣ.—Бѣжимъ!..

Отъ Ивметуна одно спасеніе—бѣгство, ибо онъ не можетъ гнаться сзади, но уловки его такъ коварны, что жертвы приходятъ къ нему по доброй волѣ...

Они покочевали на другой день утромъ, снова отдѣлившись отъ всѣхъ спутниковъ. Дѣвушка скоро очнулась, но осталась ночевать въ стадѣ. Предъ ихъ уходомъ Ваттанъ сдѣлалъ еще одну попытку приблизиться къ Мами, но при видѣ его она обратилась въ бѣгство и стала прятаться между оленями, какъ два дня тому назадъ, спасаясь отъ Рынто.

Ни одному изъ своихъ избавителей она не сказала добраго слова на прощанье.

Обозъ Камака двинулся по дорогѣ на сѣверъ. Гнать стадо

было труднѣе, чѣмъ прежде, ибо у Камака почти не осталось пастуховъ, но дѣвушка не входила въ шатеръ и все время проводила съ оленями. Она совсѣмъ перестала разговаривать съ людьми, но въ стадѣ чувствовала себя лучше. Она переходила отъ одного оленя къ другому, называла ихъ по именамъ и говорила съ ними, какъ съ друзьями. Въ концѣ концовъ они такъ привыкли къ ней, что слѣдовали за ней, какъ собаки, и ея высокая фигура, двигаясь впереди стада, увлекала его впередъ, не нуждаясь въ помощникахъ и пастухахъ, какъ важенка, ведущая свободный полевой косякъ.

XIII.

Черезъ три мѣсяца стадо Ватанта было на своихъ обычныхъ пастбищахъ на берегу Боброваго моря, верстахъ въ двадцати отъ лѣтнихъ жилищъ, въ которыхъ поселились старики и дѣти стойбища. Лѣто выдалось удачное. Насѣкомыхъ было мало; олени спокойно паслись, жирѣя и не доставляя хлопотъ пастухамъ. Молодые люди сходились вмѣстѣ у костровъ и устраивали борьбу и состязанія; подростки, оставленные у стада, забавлялись, бросая камешки изъ пращи, и по цѣлымъ часамъ дули въ маленькія костяныя дощечки съ дрожащимъ язычкомъ, извлекая изъ нихъ простую мелодію. Вся тундра жила весело и привольно, только старшій сынъ Ватанта, доблесть котораго прогремѣла отъ Кончана до высокаго хребта на востокѣ, и о которомъ дѣвушки пѣли пѣсни на всѣхъ стойбищахъ, ходилъ безучастный ко всему и не посѣщалъ состязаній и вечернихъ пиршествъ у костровъ.

Сверхъ обыкновенія, Ваттувій тоже былъ при стадѣ. Онъ ушелъ вслѣдъ за племянникомъ и теперь наблюдалъ за нимъ, не безпокоя его разспросами и только время отъ времени показываясь въ его полѣ зрѣнія, притомъ такъ искусно, что Ваттанъ почти не замѣчалъ его. Шаманъ съ неудовольствіемъ видѣлъ, что Ваттанъ много спитъ теперь и часто среди бѣлаго дня ложится подъ первымъ попавшимся кустомъ и не встаетъ до полуночи.

Въ одинъ ясный и безвѣтреный полдень шаманъ тихо бродилъ въ ивовыхъ кустахъ, собирая небольшую черную ягоду, которую жители тундры называли вороньими глазами. Онъ зналъ, что въ сотнѣ шаговъ къ югу Ваттанъ сидитъ подъ кустами на краю небольшой поляны. Въ сущности, теперь Ваттувій всегда зналъ, гдѣ находится его племянникъ. У него образовалось на время какъ бы особое шестое чувство, при помощи котораго онъ такъ же вѣрно могъ находить предметъ своихъ поисковъ, какъ игла отыскиваетъ магнитъ.

Переходя отъ куста къ кусту, Ваттувій нашелъ мѣсто, обиль-

ное ягодой, и сталъ собирать ее полными горстями. Въ самомъ разгарѣ этого пріятнаго занятія шаманъ вдругъ пригнулся къ землѣ и быстро поползъ впередъ между сухими вѣтвями мелкаго валежника, изгибаясь взадъ и впередъ, какъ лисица, подползающая къ добычѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ шаманъ вылѣзъ изъ зарослей на край прогалины и очутился прямо за спиной Ваттана, всего въ десяти или пятнадцати шагахъ.

Но молодой оленеводъ не могъ замѣтить его приближенія, даже если бы Шаманъ былъ менѣе остороженъ. Ваттанъ сидѣлъ подъ кустомъ и былъ занятъ страннымъ и страшнымъ дѣломъ.

Притянувъ къ землѣ одну изъ самыхъ крѣпкихъ вѣтвей, колебавшихся надъ его головой, онъ привязалъ ее къ корню, выставившемуся наполовину изъ-подъ земли. Снявъ съ себя тонкій ременной поясъ, онъ связалъ одинъ конецъ петлей и надѣлъ себѣ на шею. а другой конецъ привязалъ къ серединѣ вѣтви. Потомъ, откинувшись назадъ онъ вытянулся во всю длину на землѣ и протянулъ руку, готовый распустить связку вѣтви, которая должна была отпрянуть вверхъ и внезапно затянуть на его шеѣ узелъ. Онъ, очевидно, лѣнился встать съ мѣста и идти на поиски достаточно высокаго дерева, какихъ на берегу моря было мало, и вмѣсто того устроилъ для себя самодѣйствующую петлю, которою въ былые годы онъ не разъ ловилъ зайцевъ, лисицъ и даже оленей.

Передъ тѣмъ какъ окончательно привести въ дѣйствіе импровизированную пружину, Ваттанъ еще разъ поднесъ руку къ шеѣ, ощупалъ, все ли въ порядкѣ, потомъ схватилъ концы связки и безъ колебанія опустилъ петлю.

Вѣтвь отпрянула вверхъ, но голова Ваттана даже не сдвинулась съ мѣста и обрывокъ веревки упалъ ему на лицо.

Въ рѣшительную минуту Ваттувій перерѣзалъ веревку своимъ блестящимъ ножомъ и спасъ племянника отъ смерти.

Шаманъ проворно скользнулъ сквозь кустарникъ и опустился на землю впереди Ваттана.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ онъ, усаживаясь предъ племянникомъ, какъ лѣсной бѣсъ, пришедшій посмотрѣть на самоубійцу.

— А что видишь! — сказалъ Ваттанъ, даже не поднимая головы.

— Зачѣмъ?—спросилъ шаманъ, сдвинувъ брови. Даже его необузданная душа была смущена этимъ нечеловѣческимъ спокойствіемъ.

— Зачѣмъ жить?—отвѣтилъ равнодушно Ваттанъ.

Ваттувій медленно обвелъ глазами окружающую природу

Былъ ясный лѣтній день. Солнце только что перешло на полдень. На лѣсной полянкѣ было ясно и тепло. Вблизи тихонько журчалъ ручей. Птицы весело щебетали и перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку прямо надъ головой самоубійцы и бѣлые цвѣточки дресвянки выглядывали изъ травы и заглядывали ему въ глаза, какъ будто пытаясь отвѣтить на заданный вопросъ.

— Посмотри,—сказалъ Ваттувій, — дятелъ стучитъ носомъ въ пустое дерево, какъ въ бубенъ. Маленькая синяя плиска въ углу вѣтви распѣваетъ шаманскіе напѣвы. Горное эхо живетъ въ рѣчномъ яру и тонкимъ голосомъ откликается на вопросы. Весь свѣтъ живетъ, движется и поетъ!..

— Скучно жить на свѣтѣ!—возразилъ Ваттанъ, не поднимая головы.

— Послушай!—сказалъ Ваттувій.—Я знаю, что тебѣ нужно: есть въ лѣсу корень, медвѣжій любистокъ. Когда медвѣжьему старику придетъ время, онъ ищетъ его и веселится, находя. Если съѣстъ одинъ корень, отъ него идетъ духъ, медвѣжья старуха радуется ему и сама ждетъ его и ложится предъ нимъ.

— Все враки!—проворчалъ Ваттанъ не поворачиваясь.

— Послушай! — сказалъ Ваттувій, помолчавъ. — Есть еще средство человѣческое?..

— Какое?—лѣниво спросилъ Ваттанъ

— Если будешь лежать, какъ колода, то не скажу, — возразилъ Ваттувій.

— Ну, говори! — Ваттанъ повернулся и сѣлъ, опираясь спиной на упавшее дерево.

— Ты, желавшій умереть, ты знаешь, что смерть сильнѣе всего,—сказалъ Ваттувій.

Ваттанъ утвердительно кивнулъ головой.

— Смерть сильна,—продолжалъ Ваттувій. — Мертвецы могутъ много. Кто не боится приблизиться къ нимъ, можетъ отнять часть ихъ силы и присвоить себѣ...

Измѣнчивая природа дикаго шамана уже перешла отъ наивнаго поклоненія живой природѣ къ мрачному увлеченію магическими колдованіями.

На лицѣ Ваттана опять отразилось недовѣріе.

— Враки все!—проворчалъ онъ прежнимъ тономъ.

— Зачѣмъ я стану обманывать тебя?—настаивалъ шаманъ.— Есть одно колдовство—я научу тебя. Старое средство, даже нынѣшніе старики не знаютъ.

— Какое?—опять спросилъ Ваттанъ.

— Свѣтъ забылъ его, ибо оно опасно,—продолжалъ Ваттувій пониженнымъ голосомъ.—Все равно, какъ черезъ обрывъ

переходить по жердочкѣ. Пройдешь—твоя взяла; сорвешься—голову разбилъ! Ну, да вѣдь тебѣ не страшно!—прибавилъ онъ тихо и какъ будто про себя.

— Правда!—сказалъ Ваттанъ съ чѣмъ-то въ родѣ интереса въ глазахъ.

Оригинальная идея рискнуть головой, чтобы пріобрѣсти загадочное средство, соблазнила его, какъ послѣдняя ставка игрока. Опасеніе, звучавшее въ голосѣ дикаго шамана, было до такой степени необычно, что оно заинтересовало даже его каменное равнодушіе.

Хитрый Ваттувій, быть можетъ, разсчитывалъ на это съ своими таинственными и важными ужимками.

— Какое колдовство?—спросилъ Ваттанъ.—Ну говори!

— Не надо!—замахалъ руками шаманъ.—Теперь день, лѣсъ слушаетъ... Придетъ полночь. Я научу тебя... Пойдемъ въ шалашъ; намъ нужно готовиться.

Онъ заставилъ племянника подняться съ земли и повелъ его на опушку кустарника, гдѣ стоялъ ихъ походный шалашъ и были спрятаны запасы подъ дерномъ.

— Смотри же!—сказалъ вдругъ Ваттанъ.—Не шути со мной. Либо чтобы вышло по моему, либо конецъ.

Мрачный огонь вспыхнулъ въ его глазахъ.

— Не шути со мной,—прибавилъ онъ съ угрозой.—Черти страшны, а я еще страшнѣе чорта.

Онъ схватилъ своими крѣпкими руками ту самую вѣтвь, которой пытался удавиться и вдругъ выдернулъ ее изъ земли съ частью корня и съ цѣлой сѣтью молодыхъ побѣговъ, зеленыхъ сверху и засыпанныхъ снизу землей.

— Увидишь!—сказалъ Ваттувій.

Лицо дикаго шамана имѣло напряженное и какъ бы прислушивающееся выраженіе. Ваттанъ шелъ за нимъ сзади съ лицомъ человѣка, который внезапно проснулся отъ сна и по дорогѣ каждый разъ протягивалъ руку, схватывалъ и ломалъ толстыя вѣтви и вырывалъ изъ земли цѣлые кусты, движимый стихійной силой разрушенія.

Въ полночь того же дня, когда птицы и звѣри крѣпко спали и только мѣсяцъ смотрѣлъ бѣлымъ взглядомъ на росистую землю, Ваттанъ и Ваттувій поспѣшно шли впередъ по узкой тропинкѣ между кустами. Горная рѣка попалась имъ навстрѣчу. Они сняли обувь и, перепрыгивая съ камня на камень, стали перебираться на небольшой островъ, со всѣхъ сторонъ опоясанный мелкими струями развѣтвившагося теченія.

— Здѣсь!—сказалъ Ваттувій, ступивъ на сухую землю.—Сдѣлаемъ, какъ я сказалъ тебѣ.

На островѣ не было кустовъ, но онъ весь поросъ густой травой по поясъ человѣку.

Они разошлись въ стороны и, очутившись на разныхъ концахъ острова, стали почти одновременно снимать съ себя одежду. Скоро оба они стояли совершенно нагіе, снявъ съ себя даже шейные амулеты. Ноги ихъ скрывались въ травѣ, но верхняя часть ихъ тѣлъ бѣлѣла въ лунномъ свѣтѣ. Прежде чѣмъ начать колдованіе, Ваттувій посмотрѣлъ на мѣсяцъ

— Солнце мертвыхъ,—громко сказалъ онъ,—свѣтило злыхъ духовъ, посмотри благосклонно на мои злыя мысли!..

Онъ самъ не зналъ, вѣритъ ли онъ или нѣтъ въ силу заклинанія, но ему непремѣнно хотѣлось, чтобы эта ночь дала Ваттану настоящее средство для чаръ.

— Ка! Ка! Ка! --закричалъ шаманъ, съ неподражаемымъ искусствомъ подражая призыву песца и подавая условный знакъ.

Оба они упали на четвереньки и поползли къ срединѣ острова, почти совершенно скрываясь въ травѣ.

— Ка! Ка!—кричалъ Ваттувій.

— Ка! Ка!—вторилъ ему съ противоположной стороны болѣе густой голосъ Ваттана.

Они представляли песцовъ и для большаго сходства ползли на трехъ конечностяхъ, волоча за собой одну ногу, какъ хвостъ.

Въ срединѣ острова была небольшая круглая ложбина съ влажнымъ дномъ, густо поросшимъ хвощами и осокой. Въ осокѣ лежалъ прошлогодній трупъ, почти совершенно объѣденный воронами и песцами. Трупы были рѣдки въ этой части тундры, ибо оленные люди сжигали своихъ мертвецовъ. Ваттанъ даже не могъ сообразить, чье именно тѣло лежало на островѣ. Въ минувшемъ году по стойбищамъ ходилъ духъ Колотья и во время осеннихъ кочевокъ, пастухи изъ разныхъ лагерей ослабѣвали на пути и пропадали безъ вѣсти.

Они остановились передъ трупомъ съ разныхъ сторонъ. Лицо мертвеца было обращено къ Ваттану; щеки его были совершенно объѣдены. но на головѣ присохла большая черная прядь волосъ. Мертвецъ, повидимому, сердился. Ротъ его сердито оскалился и пустые глаза напряженно смотрѣли прямо въ лицо Ваттану.

— Мѣсяцъ, смотри!—громко сказалъ Ваттувій.—Это не покойникъ, это ея любовникъ. Она не дѣвушка, а полевая телка. Трупнымъ запахомъ наноситъ на нее отъ ея прежней} любви, она убѣгаетъ стремглавъ, бѣжитъ по нашей тропѣ, чтобы стать нашей добычей!..

Они подползли къ трупу совсѣмъ близко и нагнулись надъ этими черными, полуобглоданными костями.

— Ну!—нетерпѣливо шепнулъ Ваттувій.

Ваттанъ, пересиливая невольное отвращеніе, припалъ къ трупу и сорвалъ своими крѣпкими зубами частицу чего-то жесткаго, мясо или кость, онъ самъ не зналъ хорошенько. И когда зубы его прикоснулись къ трупу, въ головѣ у него помутилось, и онъ на минуту почувствовалъ себя песцомъ, оскверняющимъ останки покойника. Мертвыя кости заскрипѣли и развалились въ разныя стороны. Мертвецъ по своему протестовалъ противъ святотатственнаго оскорбленія, но Ваттанъ уже ползъ обратно, зловѣщая частица была зажата въ его рукѣ, и ему казалось, что она такъ велика, что мѣшаетъ ему какъ слѣдуетъ опираться на землю.

Онъ продолжалъ чувствовать отвратительный вкусъ и зловонный запахъ гнилого мяса и ему казалось, что часть покойника осталась у него во рту и что ему никогда не отвязаться отъ нея.

Черезъ нѣсколько минутъ, накинувъ на себя одежду, они опять переходили рѣку, прыгая съ камня на камень своими босыми ногами. Ваттанъ спряталъ частицу въ свой шейный мѣшочекъ, гдѣ лежала голова горностаевой шкурки, данная ему шаманами во время очистительнаго обряда при рожденіи. На самой срединѣ рѣчки Ваттувій, бывшій немного впереди, остановился и дождался племянника. Они стояли рядомъ, разставивъ ноги, какъ жонглеры, и слегка балансируя, чтобы сохранить равновѣсіе на скользкихъ камняхъ. Спереди, сзади, подъ ногами шуршала бѣгущая вода, заглушая всѣ остальные звуки.

Ваттувій приблизилъ свое лицо къ лицу молодого оленевода.

— Отняли!—сказалъ онъ.—Захватили!

Въ глазахъ его блеснуло торжество.

— Слушай,—продолжалъ онъ:—кругомъ вода, никто не услышитъ, ни люди, ни духи. Въ этомъ сильная порча, присуха, тайное колдовство. Отъ бѣлой суки, не родившей щенковъ, возьми сердечной крови, тѣмъ обмажь. У пятнисто-чернаго кобеля вырѣжь кожу изъ-подъ горла, сшей мѣшокъ, туда вложи, надѣнь на шею. Тогда ищи ее, кого тебѣ нужно.

Онъ все время избѣгалъ называть имя дѣвушки.

— Ну!—жадно спросилъ Ваттанъ.

Отъ его прежняго спокойствія не осталось и слѣда.

Шаманъ еще ближе нагнулся къ уху Ваттана и далъ ему послѣднее краткое и безстыдное наставленіе.

— А что тогда будетъ?—спросилъ Ваттанъ.

— На-двое,—сказалъ шаманъ.—Я тебѣ говорилъ, все на-двое. Если твои духи сильнѣе, будетъ она у тебя, какъ важенка, пью-

щая изъ рукъ, а если ея духи сильнѣе, порча твоя отскочитъ и вернется къ тебѣ!

— А она?—спросилъ Ваттанъ.

— И ей тоже не поздоровится!—объяснилъ Ваттувій.—Будетъ на гибель обоимъ. Ты самъ выбиралъ!

— Лишь бы вмѣстѣ!—сказалъ Ваттанъ.—Что за бѣда! Все равно уходить надо,—прибавилъ онъ съ страннымъ равнодушіемъ къ смерти, которое всегда лежало въ самой основѣ характера сѣверныхъ племенъ и дѣлало ихъ такими безстрашными въ битвахъ и поспѣшными къ самоубійству.

XIV.

Уже третью недѣлю Ваттанъ странствовалъ пѣшкомъ, переходя съ сопки на сопку и съ рѣки на рѣку и направляясь на сѣверъ. Это было трудное и необыкновенное путешествіе, ибо лѣтомъ не странствуетъ никакое изъ племенъ сѣверной пустыни.

На каждомъ шагу ему попадались неожиданныя препятствія. Онъ переходилъ болота, перепрыгивая съ кочки на кочку и погружаясь при каждомъ невѣрномъ шагѣ въ холодную воду, хранившую въ глубинѣ вѣчно не тающее дно, и цѣлыми часами искалъ брода на горной рѣкѣ, вздувшейся отъ внезапнаго прилива, выносилъ дождь и солнцепекъ, и нападеніе комаровъ въ сырыхъ низинахъ. Онъ не имѣлъ съ собой запасовъ и питался случайной добычей: мелкой рыбой, попавшейся на крюкъ во время вечерняго отдыха, куропаткой, подстрѣленной изъ лука, горстью ягодъ, парой съѣдобныхъ корней.

Сперва ему попадались по дорогѣ стойбища соплеменниковъ, потомъ началась горная пустыня и продолжалась много дней безъ малѣйшихъ слѣдовъ человѣческаго пребыванія, столь же дикая, какъ тотъ Щелеватый перевалъ, на которомъ онъ одержалъ побѣду надъ мышеѣдами.

Наконецъ воды, попадавшіяся ему на встрѣчу, потекли на сѣверъ, сопки стали ниже и горные отроги стали перемежаться полосами открытой равнины. Это начиналась земля Таньговъ, соплеменниковъ Мами. Снова стали встрѣчаться стойбища и стада. Шатры были похожи на южные, но болѣе грубы и грязны; люди говорили сходнымъ языкомъ, но были болѣе свирѣпы, чѣмъ соплеменники Ваттана, и однажды онъ набрелъ на разграбленный лагерь, гдѣ нѣсколько труповъ валялось среди опустѣвшихъ шатровъ. Однако его принимали привѣтливо на стойбищахъ и даже не насмѣхались надъ его южнымъ произношеніемъ, ибо Таньги ненавидѣли мышеѣдовъ непримиримой ненавистью, и по всѣмъ

стойбищамъ ихъ земли съ увлеченіемъ передавался разсказъ о великой побѣдѣ Ваттана надъ хищниками.

Ваттанъ все шелъ впередъ, распрашивая о предметѣ своихъ поисковъ и на двадцать пятый день приблизился къ стойбищу Мами.

Его послѣдній ночлегъ былъ въ шатрахъ Коплянто, приходившагося старому Камаку двоюроднымъ братомъ и здѣсь ему разсказали странныя вѣсти.

Мами съ самаго ухода съ Щелеватой сопки продолжала избѣгать людей и проводила все время съ оленями.

Придя на родную землю, она внезапно отбила лучшую половину стада и угнала его на юго-западъ въ ближайшія предгорья. Никто не осмѣлился послѣдовать за ней, ибо она забралась въ Ущелье Каменныхъ Людей, наполненное каменными столбами и обломками странной формы.

Таньги считали ихъ недодѣланными людьми и вѣрили, что Всемогущій Воронъ, вырубивъ на зарѣ Творенія еще неопытнымъ рѣзцомъ такія неуклюжія фигуры, разсердился и не захотѣлъ вдохнуть въ нихъ жизнь.

Мами жила въ ущельѣ уже третій мѣсяцъ и никто не посѣщалъ ее, тѣмъ не менѣе Коплянто разсказалъ, что по словамъ людей Камака, она ведетъ въ ущельѣ странную жизнь, не ѣстъ мяса и не разводитъ огня и все время проводитъ въ разговорѣ съ оленями, которые понимаютъ ея рѣчь какъ люди.

На тундрѣ вѣрили, что подъ вліяніемъ духа Ивметуна, иные люди уподобляются различнымъ животнымъ, оленямъ, волкамъ и даже лисицамъ, и живутъ съ ними одной жизнью, изъ года въ годъ питаются мхомъ и листьями, или сырымъ мясомъ и подъ конецъ даже покрываются шерстью и пріобрѣтаютъ когти, или копыта.

На ранней зарѣ Ваттанъ оставилъ стойбище Коплянто и отправился на юго-западъ. Сердобольныя дѣвушки стойбища, которымъ были извѣстны многія подробности его неудачнаго сватовства, почти насильно навязали ему котомку съ сушеннымъ мясомъ и проводили его до ближайшей рѣки.

Ущелье Каменныхъ Людей отстояло оттуда на два долгихъ дневныхъ перехода, и Ваттанъ торопился, сгорая желаніемъ увидѣть свою прежнюю невѣсту.

На другой день поздно вечеромъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, онъ вступилъ въ ущелье. Это была широкая круглая долина, среди которой лежало небольшое, но глубокое озеро. Берега его были покрыты разнообразной порослью, дающей лѣтнюю пищу оленямъ, а горные склоны бѣлѣли отъ пышныхъ моховыхъ пастбищъ. Всѣ они были усѣяны странными каменными обломками,

остатками неудачныхъ твореній Полярнаго Бога. Каменные люди стояли и лежали въ разнообразныхъ позахъ по одиночкѣ и группами; другіе камни побольше представляли окаменѣвшіе шатры и хижины. Все вмѣстѣ дѣйствительно напоминало недодѣланный городъ, капризно брошенный художникомъ въ половинѣ работы.

Въ одной изъ стѣнъ ущелья открывался темный ходъ внутрь.

Впереди лежалъ большой обломокъ скалы, круглый какъ куполъ, и подъѣденный внизу подземнымъ ключемъ. Пещера была извѣстна по всей сѣверной тундрѣ подъ именемъ Каменнаго Шатра, а куполъ назывался сѣнями.

Между обломками окаменѣвшаго города тамъ и сямъ спокойно паслись олени. Ваттанъ подвигался впередъ, пытливо разглядывая всѣ закоулки ущелья. и стараясь отыскать ту, ради которой онъ предпринялъ свое необыкновенное путешествіе.

— Кто ты: человѣкъ или олень?—Мами показалась изнутри Каменнаго Шатра и остановилась въ проходѣ.

Она показалась Ваттану выше и тоньше прежняго. Лицо ея было очень блѣдно; тонкая лѣтняя одежда плотно прилегала къ стройному тѣлу и большой зеленый вѣнокъ украшалъ ея густыя растрепанныя косы.

Ваттанъ стоялъ, не зная, что отвѣтить, но Мами сама вывела его изъ затрудненія.

— Пришелъ!—крикнула она, выбѣгая впередъ и бросаясь ему на шею.

— Милый! А я ждала, ждала.

Можно было подумать, что это молодая жена, дождавшаяся домой отсутствовавшаго супруга.

— Пойдемъ домой!

Она увлекла его вглубь каменнаго прохода. Въ пещерѣ у передней стѣны на сухой каменной площадкѣ было устроено широкое и уютное ложе изъ опавшихъ листьевъ.

«Дѣйствуетъ присуха!» подумалъ Ваттанъ съ торжествомъ и крѣпко прижалъ къ себѣ молодую дѣвушку.

— Милый!—сказала Мами, прилегая щекой къ его лицу.— Олень мой быстроногій, желанный мужъ!..

Сердце Ваттана на минуту сжалось. Ему показалось, что эти слова относятся къ другому, а не къ нему, но это мимолетное чувство тотчасъ же исчезло. Душа его была слишкомъ переполнена бурнымъ и необузданнымъ счастьемъ, ибо онъ держалъ въ своихъ рукахъ дорогое лицо и заглядывалъ въ глаза, которые сіяли лаской, хотя въ глубинѣ ихъ таилась закутанная душа и подмѣненный духами разсудокъ.

XV.

Они прожили въ ущельи недѣлю, какъ мужъ и жена странной жизнью, не похожей ни на что существующее на землѣ.

Былъ конецъ лѣта, стояли ясные, теплые дни. Послѣдніе цвѣты отцвѣтали, наполняя тихое ущелье слабымъ ароматомъ. Утромъ верхушки каменнаго шатра золотились отъ восходящаго солнца, а окаменѣлые люди неподвижно стояли на берегу озера и заглядывали внутрь, и призраки ихъ, еще болѣе мрачные и таинственные, наполняли спокойную черную глубину озера, какъ новое подземное царство.

Мами не называла Ваттана по имени, и онъ никакъ не могъ рѣшить, узнаетъ ли она его или нѣтъ. Но онъ страшился разспрашивать ее, чтобы внезапно не провалиться въ истину, какъ въ бездну. Потерять ее опять было бы слишкомъ мучительно. Въ самой болѣзни своей она была окружена какимъ-то новымъ и страннымъ очарованіемъ, и онъ любилъ ее еще больше, чѣмъ прежде. Она дѣлила свое вниманіе между нимъ и оленями, которые собирались вокругъ нея каждый разъ, когда она показывалась на пастбищѣ, и слѣдовали за ней повсюду, какъ собаки. У ней было для каждаго особое имя, и она описывала ихъ Ваттану, какъ описываютъ близко знакомыхъ людей. Она показывала ему косяки молодыхъ телятъ, которые дружно паслись и рѣзвились вмѣстѣ, не обращая вниманія на полъ, и группы подростковъ, гдѣ молодые бычки уже начинали ухаживать за своими подругами, ибо приближалось время любви. Она указывала капризныхъ важенокъ, которыя ежегодно отвергали всѣхъ искателей своего стада и дожидались незнакомыхъ гостей съ вольныхъ пастбищъ на тундрѣ. Мимо нихъ тяжелой поступью проходили старые, отяжелѣвшіе, быки, думавшіе только о кормѣ и отдыхѣ, сильные самцы съ острыми рогами расхаживали между камнями, угрюмо поглядывая другъ на друга и приготовляясь къ предстоящимъ битвамъ, а легконогіе двухлѣтки, на сторонѣ которыхъ была численность, соединялись партіями и готовились отстаивать свои права.

Мами знала характеръ и особенности каждаго. Такой-то черный быкъ съ третьимъ рогомъ на лбу, ѣлъ всегда вмѣстѣ съ бѣлой важенкой, у которой были желтыя копыта и концы роговъ были закручены изящной спиралью.

А этотъ быкъ въ бѣлыхъ чулкахъ, для того, чтобы приняться за ѣду, сгонялъ товарищей съ мѣста. Эти телята постоянно рѣзвились и прыгали вокругъ каменныхъ обломковъ, какъ будто играли въ чехарду. А тѣ копались въ узенькой песчаной полосѣ на берегу озера и подбирали тамъ тонкую гусиную травку.

Скоро и Ваттанъ сталъ разсматривать оленей глазами Мами. Среди каменныхъ призраковъ и живыхъ четвероногихъ друзей своей подруги онъ совсѣмъ потерялъ свое человѣческое мѣрило, и ему не показалось бы удивительно, если бы олени или даже камни и кусты заговорили съ нимъ понятнымъ языкомъ.

Съ перваго же дня онъ убѣдился, что Мами ничѣмъ не пользуется отъ стада. Никакихъ признаковъ убоя не было около ея каменнаго жилища, и у ней не было даже свѣжей оленьей шкуры, чтобы защититься отъ холода. Онъ не понималъ хорошенько, чѣмъ она питается. Прогуливаясь съ нимъ по своимъ вольнымъ владѣніямъ, она иногда срывала нѣсколько ягодъ или выдергивала изъ земли мясистый корешокъ макарши, но этого было бы мало для больной птицы, а не только для взрослой женщины. Впрочемъ, Мами замѣтно похудѣла, хотя была попрежнему бодра и проворна. Быть можетъ, ее поддерживала настойчивая выносливость первобытныхъ людей, которые способны долгое время поддерживать свою силу самой умѣренной пищей.

Самъ Ваттанъ питался сухимъ мясомъ, которое женщины послѣдняго стойбища дали ему на дорогу. Она ничего не говорила, но отворачивалась, если это было въ ея присутствіи, и у него не хватало духу предложить ей часть.

На пятый день произошла ихъ первая размолвка.

Они сидѣли у входа въ пещеру, на широкомъ плоскомъ камнѣ, который лежалъ впереди каменнаго купола, какъ порогъ или нарочно устроенная скамья. Мами положила голову на колѣни Ваттану и незамѣтно задремала. Онъ медленно перебиралъ рукою ея волосы и пристально разсматривалъ жилы на ея бѣлыхъ вискахъ, которыя теперь выдѣлялись замѣтнѣе прежняго. Огромный быкъ съ пестрой шкурой и тяжелыми рогами смѣло подошелъ и протянулъ голову, собираясь потереть морду о щеку дѣвушки. Это былъ любимецъ Мами, тотъ самый олень, который вынесъ ее изъ свалки на Щелеватой сопкѣ. Вмѣстѣ съ большимъ бѣлымъ быкомъ, котораго убилъ Рынто, онъ принадлежалъ къ собственной упряжкѣ дѣвушки. Теперь онъ былъ самымъ крупнымъ быкомъ и вожакомъ стада. Ваттанъ посмотрѣлъ на него, и въ его душѣ шевельнулось непріязненное чувство. Онъ поднялъ руку и ударилъ оленя кулакомъ по лбу. Олень неохотно отошелъ и опять остановился, уставившись въ Ваттана недружелюбнымъ взглядомъ.

Мами тотчасъ же проснулась.

— Зачѣмъ ты бьешь оленя?—сказала она съ упрекомъ.

Ваттанъ все смотрѣлъ на пестраго быка.

— Давай убьемъ его!—вдругъ предложилъ онъ.

Дѣвушка тотчасъ же сѣла и посмотрѣла на него испуганными глазами.

— Убивать худо!—сказала она.—Развѣ ты не знаешь, все это мои братья?

Ея рука продолжала лежать на его колѣняхъ, и онъ почувствовалъ, что она вся начинаетъ дрожать.

— Ну, полно!—успокоительно сказалъ онъ.—Братья, такъ братья.

— Убивать грѣхъ!—продолжала дѣвушка, нѣсколько успокоившись.—И такъ всѣ убиваютъ. Волки, люди, совы, орлы... Я не хочу.

— А какъ же жить?—невольно возразилъ Ваттанъ.

— Я не знаю,—возразила Мами,—я живу, какъ они.

Она указала рукой на оленя, продолжавшаго стоять вблизи.

Ваттанъ вдругъ припомнилъ разсказы, ходившіе по тундрѣ.—Неужели она вправду кормится мхомъ?—подумалъ онъ.

Ему внезапно до смерти захотѣлось ѣсть. Онъ протянулъ руку къ котомкѣ, которая лежала въ двухъ шагахъ, и вынувъ ломоть сухого мяса, принялся раздирать его по волокнамъ.

Мами тотчасъ же убрала свою руку и отвернулась въ сторону.

— Что ты, Мами?—невольно спросилъ онъ.

До сихъ поръ она не высказывала еще своего отвращенія такъ ясно.

— Вѣдь это мертвое тѣло!—сказала дѣвушка.—Ты мертвечину ѣшь.

Ваттанъ вздрогнулъ и съ ужасомъ посмотрѣлъ на нее. Повинуясь своему отвращенію къ сверхъестественнымъ вещамъ, онъ совсѣмъ забылъ про амулетъ, хотя при первомъ удобномъ случаѣ исполнилъ предписаніе Ваттувія и нисколько не сомнѣвался, что именно частицѣ мертваго мяса, висѣвшей на его груди, онъ обязанъ своимъ торжествомъ. Слова Мами показались ему исполненными нечеловѣческой прозорливости, и онъ со страхомъ и печалью смотрѣлъ на нее, чувствуя, что ихъ счеты съ судьбой еще не сведены, и что эта странная жизнь въ забытомъ людьми ущельи не можетъ длиться долго и окончиться счастливо.

XVI.

Тепло внезапно окончилось, какъ оторвалось. Начались крѣпкіе ночные заморозки, земля отвердѣла, какъ желѣзо, на ивовыхъ кустахъ не осталось ни одного листочка. Небо постоянно хмурилось. Тонкій снѣжокъ выпалъ и не растаялъ... Мами проводила больше времени въ пещерѣ. Она теперь много спала и нерѣдко

показывалась на свѣтъ только въ полдень. Ваттанъ съ опасеніемъ видѣлъ, что сила ея убываетъ вмѣстѣ съ уходящимъ тепломъ. Онъ чувствовалъ себя вдвойнѣ несчастнымъ, ибо запасъ его кончился, и уже два дня онъ провелъ безъ пищи.

Въ противность своему лѣтнему образу жизни, онъ спалъ мало и все время, пока Мами лежала въ пещерѣ, зарывшись въ листья, онъ бродилъ по ущелью, съ непріязненнымъ чувствомъ разсматривая ожирѣвшихъ оленей и расчленяя своимъ опытнымъ взглядомъ каждое упитанное тѣло, проходившее мимо. Онъ никакъ не хотѣлъ допустить, что они съ Мами должны погибнуть среди этого обилія.

Инстинкты скотовода, владѣтеля стадъ, проснулись въ его голодномъ тѣлѣ и неспокойномъ умѣ, и онъ уже не думалъ о томъ, могутъ ли олени говорить понятной рѣчью. Онъ разсматривалъ ихъ, какъ рабовъ, которые должны служить ему и приносить пользу своей жизнью и смертью.

У оленей начиналась пора любви. Подростки затѣвали первыя драки. Крупные быки съ налитыми кровью глазами гонялись взадъ и впередъ за стройными двухлѣтками, которые пользовались у легкомысленныхъ важенокъ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ владыки стада.

Ваттанъ медленно прошелъ среди стада, какъ будто выбирая наиболѣе подходящее животное, потомъ свернулъ къ озеру и сталъ спускаться внизъ по широкимъ каменнымъ уступамъ.

Пестрый быкъ стоялъ у самой воды. Онъ пришелъ для водопоя и, удовлетворивъ жажду, остановился на краю озера, заглянулъ вглубь и сердито встряхнулъ подгривкомъ, увидѣвъ тамъ собственную рогатую голову. Потомъ онъ протянулъ шею и испустилъ неописуемый хриплый ревъ, которымъ оленьи самцы вызываютъ другъ друга на состязаніе. Послѣ этого онъ повернулъ голову, и увидѣвъ молодого человѣка, внезапно бросился на него, опустивъ рога.

Ваттанъ почувствовалъ приливъ страшной ненависти къ этому оленю. Пестрый быкъ былъ какъ будто соперникъ, который уже второй разъ попадался ему на дорогѣ.

Онъ выхватилъ изъ-за пояса блестящій ножъ Колхоча, который дядя отдалъ ему обратно передъ уходомъ съ родной рѣки, и, отскочивъ въ сторону, схватилъ лѣвой рукой подбѣжавшаго оленя за отростки рога, а правой вонзилъ ему ножъ въ сердце, привычнымъ жестомъ богатаго оленевода, который ежегодно убиваетъ многія сотни животныхъ для своихъ домочадцевъ и сосѣдей.

Олень остановился, какъ вкопанный, еще больше протянулъ

шею и посмотрѣлъ на Ваттана дикими глазами, гдѣ послѣдняя вспышка злости погасала, какъ свѣтильня, внезапно вынутая изъ лампы; ноги его задрожали и стали гнуться въ колѣняхъ; черезъ минуту онъ грянулся на землю и разъ или два ударилъ задними копытами въ послѣдней агоніи.

Ваттанъ съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на ножъ; потомъ небрежно пощупалъ у оленя за ушами. Быкъ былъ немного старъ, но очень жиренъ

Молодой оленеводъ чувствовалъ себя въ своемъ элементѣ, какъ рыба въ водѣ. Всѣ тревожныя мысли покинули его передъ этой блестящей дѣйствительностью. Съ горящими глазами онъ распоролъ оленье брюхо, запустилъ обѣ руки въ дымящіяся внутренности и вытащилъ почки, обвитыя нѣжнымъ бѣлымъ жиромъ. Одну изъ нихъ онъ тщательно обтеръ объ шкуру оленя и положилъ на камень, а другую, не теряя времени, сталъ рѣзать на кусочки и отправлять въ ротъ сырьемъ, какъ до сихъ поръ дѣлаютъ всѣ сѣверные скотоводы.

Въ это время высокая фигура дѣвушки показалась вверху. Она только что проснулась и тоже отправлялась къ водѣ, чтобы умыться и утолить жажду.

— Мами, иди ѣсть почки!—громко закричалъ Ваттанъ, нисколько не думая о томъ, что дѣвушка можетъ взглянуть на его поступокъ тѣмъ же испуганнымъ взглядомъ, какой онъ видѣлъ у нея четыре дня тому назадъ при первомъ предложеніи заколоть оленя.

Отвѣтомъ Мами былъ громкій и пронзительный крикъ. Она быстро бросилась впередъ, какъ будто желая остановить убійство, которое уже совершилось.

Не добѣжавъ десяти шаговъ до кровавой сцены, она остановилась, какъ будто опасаясь приблизиться ближе.

— Людоѣдъ!—сказала она, глядя глазами, полными неописуемаго ужаса, на кровавый кусокъ мяса, который Ваттанъ держалъ въ рукѣ.—Убійца! Пожиратель труповъ!

Лицо ея исказилось отъ отвращенія и въ углахъ глазъ началось странное подергиванье.

— Что ты? что ты?—безсвязно возразилъ Ваттанъ, заражаясь ея волненіемъ и страхомъ.

Онъ бросилъ свой кусокъ и протянулъ къ ней руки, по локоть покрытыя кровью.

— Кто ты?—дико закричала дѣвушка, отступая назадъ.—Ты не Гирканъ! Тебя подмѣнили!

Ваттанъ, не смотря на испугъ, почувствовалъ болѣзненный уколъ въ сердце. Очевидно, она все время принимала его за ненавистнаго соперника.

— Не подходи!—кричала дѣвушка.—Ты—Рынто!

Высокая фигура Ваттана съ засученными по локоть и окровавленными руками внезапно вызвала въ ея умѣ воспоминаніе о предводителѣ мышеѣдовъ, когда онъ разбиралъ на части къ ужину перваго оленя изъ ея стада.

— Мами!—воскликнулъ тоскливо Ваттанъ, дѣлая шагъ впередъ.

Дѣвушка повернулась и, какъ дикая коза, бросилась вверхъ по тропинкѣ.

Ваттанъ послѣдовалъ сзади, увлеченный ея примѣромъ и опасаясь, что съ ней случится какое-нибудь несчастіе, и на бѣгу онъ вспомнилъ, какъ минувшей весною онъ точно также бѣжалъ сзади и не могъ догнать дѣвушку.

Мами бѣжала также быстро, какъ прежде, но въ головѣ ея мутилось. Обрывки мыслей дико и странно мелькали въ ея умѣ, и какъ будто тоже бѣжали взапуски. Ей казалось, что это Чайвунъ лежитъ тамъ на снѣгу, среди кровавой лужи. Рынто гнался сзади и хотѣлъ сдѣлать ее своей женой, какъ въ послѣднюю памятную ночь.

Они добѣжали до стѣны ущелья. Ваттанъ, пользуясь выгодой поворота дороги, взялъ наперерѣзъ, но Мами стала перебѣгать между каменными столбами, стараясь найти мѣсто, чтобы спрятаться. Но среди странныхъ сѣрыхъ колоннъ, похожихъ на кучу неправильныхъ окаменѣвшихъ зубовъ, спрятаться было негдѣ.

Ваттанъ уже набѣгалъ; тогда молодая дѣвушка, объятая внезапной силой отчаянія, вдругъ стала лѣзть на самую высокую, совершенно отвѣсную колонну, поднимавшуюся среди окаменѣвшихъ людей, какъ стволъ каменнаго дерева.

Черезъ минуту она была на вершинѣ. Ваттанъ стоялъ внизу и простиралъ руки вверхъ. Ей показалось, что онъ сейчасъ подскочитъ и схватитъ ее. Голова ея закружилась, свѣтлые круги побѣжали передъ глазами, потомъ проплыло какое-то страшное лицо съ огненнымъ взглядомъ и клыкастой, разинутой пастью.

То было лицо Ивметуна.

Она судорожно стиснула кулаки, зажавъ больше пальцы внутрь, вскрикнула хрипло и слабо и какъ снопъ слетѣла внизъ къ ногамъ Ваттана, который съ крикомъ отскочилъ назадъ. Голова ея ударилась о каменный выступъ, въ углахъ рта показалось немного крови; потомъ ноги ея передернулись два раза точно также, какъ у пестраго быка, и тѣло ея стало совершенно неподвижно.

Обѣ половины предвѣщанія, сдѣланнаго Ваттувіемъ, исполнились. Чары, созданныя имъ, привлекли Мами въ объятія молодого оленевода, но грозный Ивметунъ оказался сильнѣе, чѣмъ мертвецъ съ южной рѣки, и окончательно унесъ свою добычу.

Ваттанъ поднялъ дѣвушку на руки и отнесъ ее къ водѣ, потомъ тщательно обмылъ ея лицо и положилъ ее на ровномъ мѣстѣ, старательно очищенномъ отъ снѣга; онъ снялъ съ себя амулетъ, тяжелымъ камнемъ раздробилъ на мелкія части и бросилъ въ воду вмѣстѣ съ мѣшкомъ и горностаевой головой. Онъ готовился исполнить послѣднюю часть предвѣщанія и снова чувствовалъ себя свободнымъ отъ вліянія людей, духовъ и боговъ.

Послѣ этого онъ съ дѣловымъ видомъ содралъ съ оленя шкуру, ощипалъ и оскоблилъ ее отъ шерсти, искусно разрѣзалъ ножомъ на очень тонкіе ремни и сталъ переплетать ихъ между собою. Черезъ нѣсколько минутъ усердной работы онъ сплелъ еще сырой арканъ, надставивъ его съ одного конца ремнями отъ котомки, связанными вмѣстѣ. Онъ хотѣлъ устроить Мами торжественныя похороны сообразно съ обычаемъ тундры и сжечь ея тѣло на кострѣ. И въ жертву ей онъ хотѣлъ принести стадо, неумѣренная любовь къ которому погубила ее. Весь остатокъ дня онъ занимался исполненіемъ своей кровавой затѣи, закидывая арканъ оленямъ на рога и закалывая ихъ ножомъ въ сердце. Олени до такой степени обручнѣли, что первыхъ пятнадцать или двадцать онъ могъ перехватить просто руками. Но потомъ запахъ крови и видъ труповъ, лежащихъ на землѣ, сталъ пугать тѣхъ, которые проходили или пробѣгали близко. Мало-по-малу стадо пришло въ смятеніе и въ стремительномъ бѣгствѣ разсыпалось по ущелью. Но Ваттанъ мчался за ними вслѣдъ проворнѣе полевого волка, арканъ его не зналъ промаха и сверкающій ножъ убивалъ, какъ ударъ молніи. Мелкимъ оленямъ онъ для скорости просто скручивалъ головы своими крѣпкими руками и спѣшилъ перейти къ новой жертвѣ. Бойня продолжалось до поздней ночи. Даже въ темнотѣ Ваттанъ продолжалъ колоть и душить слабыхъ и отстающихъ сзади, пока самъ не упалъ отъ изнеможенія на землю. Большая часть стада была перебита, остальные олени спаслись изъ рокового ущелья и разбѣжались куда глаза глядятъ, разнося по сосѣднимъ пастбищамъ и ущельямъ вѣсть о великомъ несчастіи.

Съ первымъ лучомъ разсвѣта Ваттанъ сталъ стаскивать оленей на мѣсто выбранное для погребенія. Ихъ было такъ много, что работа длилась дольше полудня, хотя огромная сила витязя казалось удесятерилась и онъ переносилъ тяжелыя туши на плечахъ такъ легко, какъ будто это были зайцы, убитые на охотѣ. Онъ не считалъ животныхъ, но клалъ ихъ большимъ полукругомъ вокругъ тѣла Мами, оставляя со стороны озера широкій входъ. Это было подобіе загона, какъ его дѣлаютъ оленные люди передъ тѣмъ, какъ отправиться въ путь.

Молодой оленеводъ собирался отправиться въ путь вмѣстѣ со своей женой и хотѣлъ взять съ собой всѣхъ этихъ животныхъ.

Наконецъ, валъ грузныхъ сѣрыхъ тѣлъ окружилъ Мами. Ваттанъ принялся ломать и вырывать съ корнемъ кусты и сносить ихъ на мѣсто. Они были такъ смолисты и сухи, что представляли прекрасный матеріалъ для костра. Эта работа шла гораздо быстрѣе и къ вечеру на мѣстѣ погребенія воздвиглась груда вѣтвей и корявыхъ корней вышиной почти съ круглыя сѣни каменнаго шатра.

Когда все было готово, Ваттанъ сдѣлалъ приборъ для вытиранія огня, съ деревянной дощечкой, сверломъ и вращательнымъ лукомъ, какъ его устраиваютъ оленные люди, и не далѣе какъ черезъ минуту съ обычной ловкостью дѣтей тундры добылъ необходимую искру.

Когда первая струя дыма повалила изъ костра, онъ взялъ Мами на руки и взошелъ на вершину дровяной кучи. Потомъ усѣлся на срединѣ, положилъ голову мертвой дѣвушки себѣ на колѣни и сталъ тихонько перебирать пальцами ея тонкіе волосы. Костеръ быстро разгорался, смолистыя вѣтви трещали, шишки ползучаго кедровника громко лопались отъ жара, сырые корни скручивались, какъ живыя руки. Когда языки пламени стали пронизывать костеръ и дымъ повалилъ столбомъ, окутывая мертвую жену и добровольно погибающаго мужа, Ваттанъ поднялъ лежавшій подлѣ ножъ и твердою рукою всадилъ его себѣ въ сердце. Струя крови хлынула прямо въ огонь, и лицо его низко склонилось внизъ, какъ будто стремясь слиться съ лицомъ Мами въ послѣднемъ смертномъ поцѣлуѣ.

Танъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

(1857—1864 гг.).

(*Окончаніе* *).

XI.

Чиновничій міръ стараго времени представленъ въ *Искрѣ* такъ полно и всесторонне, что его удобнѣе выдѣлить въ особую главу.

Устами «мичмана Кропотова» *Искра* писала министру внутреннихъ дѣлъ:

«Если бы вы взяли на себя трудъ анатомировать и раскрыть порученную вамъ внутренность, то сколько бы вы нашли въ нѣдрахъ ея испорченныхъ сильною несправедливостью кишекъ! Вы бы увидѣли. что иной тощій желудокъ третьи сутки страдаетъ спазмою: сколько бы вы обрѣли попорченныхъ нервовъ, могущихъ въ порученной вамъ внутренности служить для варенія пищи всеобщаго благоденствія, но угнетеніе остановило въ нихъ кровь патріотическаго усердія. Я увѣренъ, что ваше превосходительство, прочитавъ письмо сіе, въ предложеніи вашемъ департаменту, пришлете мнѣ спасительную микстуру. Впрочемъ, если вы письмо сіе примите въ противномъ смыслѣ, то для меня все равно: въ Сибири тоже солнце свѣтитъ. Здѣсь кровь леденѣетъ отъ всеобщей холодности, а тамъ оная согрѣвается землянымъ соучастіемъ» **).

Когда стали ходить слухи о назначеніи М. Н. Муравьева-Виленскаго генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края, въ *Искрѣ* появилась такая каррикатура. На первомъ планѣ дерево; на немъ сидитъ птица, подъ деревомъ—большая муравьиная куча. Въ отдаленіи пересѣченіе дорогъ и верстовой столбъ съ надписью: «Петербургъ—Вильно». Подъ каррикатурой подпись:

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

**) 1863 г., № 14. Впослѣдствіи оказалось, что мичманъ Кропотовъ дѣйствительно существовалъ—его письма къ министрамъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“.

„Муравьевъ-то, муравьевъ,
Вотъ гдѣ пища соловьевъ;
Прилетай же поскорѣй,
Обличитель-соловей“ *).

Не обиженъ былъ невниманіемъ и гр. Валуевъ, только что назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ изображенъ балансирующимъ на канатѣ между «да» и «нѣтъ». Подъ каррикатурою подпись: «либералъ-эквилибристъ, ловко колеблющійся во всѣ стороны и отыскивающій благоразумную середину» **).

Очень остроумна другая работа Степанова, въ нѣсколькихъ штрихахъ нарисовавшаго несообразности въ распоряженіяхъ чиновниковъ.

Проскакалъ, сломя голову, 6 т. верстъ въ 12 дней, чтобы доставить очень нужную бумагу, на которой тотчасъ же было написано рукою Его Пр-ва: „принять къ свѣдѣнію“.

(*Искра*, 1859 г., № 11).

---

*) 1863 г., № 1.
**) 1862 г., № 21.

Такихъ господъ законъ весьма мало стѣснялъ.

Передъ военнымъ генераломъ стоитъ чиновникъ.

— По моему мнѣнію, съ Иванова слѣдуетъ взыскать въ пользу казны.

— По закону нельзя-съ.

— Такъ вы такъ и напишите, что хоть по закону нельзя взыскать, но по духу законодательства онъ подлежитъ платежу» *).

Къ важному «генералу» приходитъ чиновникъ.

— Помилуйте! За что вы уволили меня со службы?

— Я не увольнялъ, кто вамъ это сказалъ?

— Да вы вчера изволили подписать мое увольненіе, я самъ читалъ его.

«(*Звонитъ, входитъ камердинеръ*). Какъ же это ты, братецъ, такъ неосмотрителенъ! Вчера, какъ докладывалъ мнѣ бумаги, сказалъ, что нѣтъ ни одной важной, а вотъ вышла важная. Пошелъ вонъ дуракъ!» **).

«Въ г. Арбатовѣ одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ обратился къ знакомому и, кажется, ему подвѣдомственному доктору съ слѣдующей рѣчью: «У предводителя послѣ завтра балъ; я не приглашенъ, а между тѣмъ, слышалъ, что мои чиновники А. и Г. получили пригласительные билеты. Потрудитесь передать имъ, что если будутъ на предводительскомъ балѣ, то чтобъ на другой же день подали въ отставку!» Коротко и ясно» ***).

Вообще съ подчиненными не стѣснялись.

— Доложи, что секретарь съ бумагами пришелъ.

— Нельзя-съ, не принимаютъ теперь... курятъ сигару-съ.

— А потомъ?

— Потомъ приказали набить трубку-съ» ****).

Теперь перейдемъ въ область взяточничества, мздоимства, лихоимства, вымогательства и tutti qnanti.

Въ концѣ 1858 года Н. А. Вышнеградскій (братъ И. А., бывшаго потомъ министромъ финансовъ), бывшій тогда начальникомъ перваго женскаго маріинскаго училища, печатно заявилъ о предлагаемыхъ ему по службѣ взяткахъ и о своемъ безкорыстіи. За нимъ послѣдовало нѣсколько человѣкъ. Это было совершенно ново и не потому, что не было людей, не принимавшихъ взятки, а потому, что объ этомъ никто никогда печатно не заявлялъ... Въ *Искрѣ* появляется пародія на подобныя заявленія:

„Замѣчено мною—къ несчастію и соболѣзнованію—уже не разъ, что многіе слѣпые или близорукіе люди поставляютъ себѣ долгомъ приносить ко мнѣ по

*) 1859 г., № 12.
**) 1861 г., № 14.
***) 1860 г., № 35.
****) 1859 г., № 19.

праздникамъ различныя снѣди и питья. Принимая въ соображеніе, что я, какъ человѣкъ, назначенный къ исправленію занимаемой мною должности, обезпеченъ съ избыткомъ получаемымъ мною по службѣ содержаніемъ, принимаю смѣлость напомнить объ этомъ вышеозначеннымъ людямъ и этимъ печатнымъ внушеніемъ, къ которому я приступилъ послѣ тягостной борьбы съ самимъ собою, исцѣлить ихъ отъ дальнѣйшихъ подобныхъ приношеній, присовокупляя, что приношенія эти, несогласныя съ здравымъ разсудкомъ и духомъ нашихъ учрежденій, будутъ оставляемы мною безъ вниманія. Въ заключеніе долженъ увѣдомить, что кулекъ съ пшеничною мукою, полученный мною отъ одного господина, фамилію котораго на сей разъ я скрою отъ публики, возвращенъ по принадлежности, а десятокъ утокъ, присланныхъ недавно изъ одной прилегающей деревни, возвратятся приславшему ихъ, если онъ потрудится сходить ко мнѣ на кухню и потребовать ихъ отъ повора Авдѣя.

„Секретарь уѣзднаго суда *Н. Нижнесельскій*“ *).

Когда же вятскій губернскій прокуроръ Сырневъ явился въ «Москов. Вѣдомостяхъ» съ заявленіемъ, что онъ вообще въ теченіе свой 35-лѣтней службы взятокъ ни отъ кого не бралъ, Вс. С. Курочкинъ помѣстилъ стихотвореніе, пресѣкшее на время такую «гласность особаго рода»:

Привело меня въ смущенье
Это объявленье.
Неужели только въ Вяткѣ
Не берутся взятки?
Нѣтъ! Въ столицѣ есть подобный,
Нѣкій мужъ незлобный;
О себѣ онъ также внятно,
Возвѣстилъ печатно.
Правда держится межъ нами
Оными мужами:
Господиномъ Вышнеградскимъ
Съ прокуроромъ вятскимъ.
Мужи правды и совѣта!
Вамъ зачтется это.
Передъ честностію вашей,
Всплывшей солнца краше,
При хвалебномъ общемъ кликѣ,
Нынѣ всѣ языки
Благодарныя Россіи
Преклоняютъ выи *).

А вотъ подражаніе «Вѣткѣ Палестины», озаглавленное «Кредитная бумажка»:

Скажи мнѣ, ветхая бумажка:
Гдѣ ты была, гдѣ ты жила?
Въ какомъ чиновничьемъ карманѣ
Ты темный вѣкъ свой провела?

Не на дому-ль тебя въ халатѣ
Совѣтникъ важный принималъ?
Въ части-ль, въ полиціи, въ палатѣ
Писецъ ревниво поджидалъ?

---

*) 1859 г., № 4.
**) 1859 г., № 45.

Указъ суда тогда-ль читали,
Обрядъ свершая старины,
Когда къ рукамъ тебя прибрали
Ѳемиды честные сыны?

И тотъ, кто взялъ, на службѣ-ль нынѣ?
Беретъ, какъ прежде, каждый день?
На мѣстѣ *злачномъ*, въ крупномъ чинѣ
Имѣетъ *вѣсъ*, даетъ ли тѣнь?

Иль разлученъ со взяткой, гладный,
Въ одеждѣ ветхой, какъ и ты,
Кончаетъ вѣкъ свой безотрадный
На лонѣ гнусной нищеты?

Повѣдай: подлою рукою
Кто первый въ даръ тебя принесъ?
Что было куплено тобою:
Дѣла-ли крови, или слезъ?

Воръ—откупщикъ къ большому-ль плуту
Тебя послалъ въ день именинъ?
И отдана ты въ ту-жъ минуту
Женой за тряпки въ магазинъ?

Ходатай-ли за каверзъ ловкій
Тебя вручилъ секретарю?
И гдѣ ты съ нимъ потомъ, плутовка,
Встрѣчала блѣдную зарю?.. *)

Въ другомъ мѣстѣ изложена очень остроумная «практическая ариѳметика», а вслѣдъ за нею дана для упражненія слѣдующая «задача на всѣ четыре правила»:

Нѣкто въ нашемъ уѣздномъ городѣ получаетъ въ годъ казеннаго содержанія 800 руб.

Изъ числа 800 руб. платитъ:

За квартиру	450 руб.
Прислугѣ	200 —
За четырехъ дочерей. въ разные пансіоны	800 —
На аристократическіе наряды жены и дочери	1.200 —
На одежду и обувь собственно для себя .	250 —
На ремонтъ экипажа, мебель и проч. . .	300 —
На столъ и четыре бала въ годъ	900 —

(Не мѣшаетъ замѣтить, что большая часть живности доставляется изъ деревень—gratis). Затѣмъ откладывается въ запасный капиталъ отъ 3 до 5.000 р. Спрашивается, откуда берется такая благодать?“ **).

Понятно, кто этотъ магъ и чародѣй:—капитанъ-исправникъ, премированный жизнью волшебникъ, умѣвшій, какъ и городничій, изъ всего извлечь пользу. Русскій исправникъ не сходилъ со страницъ *Искры* и, конечно, клялъ ее всѣми силами своей души. Вотъ, напримѣръ, «Идеальная ревизія»:

---

*) 1859 г., № 16.
**) 1860 г., № 10.

— Дороги у васъ въ околоткѣ!
Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуста, рюмочку водки;
Пожалуста, свѣжей икры.
— Выходитъ, что вы, не по чину...
За это достанется вамъ...
— Пожалуста, кюммелю, джину,
Пожалуста, рижскій бальзамъ.
— Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери.
— Пожалуста, честеръ, швейцарскій,
Пожалуста, стильтону, бри.
— Дороги положимъ, бездѣлки;
Но былъ я въ острогѣ у васъ...
— Пожалуста, старой горѣлки,
Галушекъ, грибочковъ, колбасъ.
— Положимъ, что часъ адмиральскій:
Да вотъ и купцы говорятъ...
— Угодно-съ ветчинки вестфальской?
Стерлядка-съ, дичинка, салатъ...
— Положимъ, что въ вашу защиту
Вы фактъ не одинъ привели...
— Угодно-съ икемцу, лафиту?
Угодно-съ рейнвейну, шабли?
— Положимъ, что вы увлекались...
Сходило предмѣстнику съ рукъ.
— Сигарочку вамъ-съ: Имперьялисъ,
Регалія, Упманъ, Трабукъ.
— Положимъ, я строгъ черезъ мѣру
И какъ-нибудь дѣло сойдетъ...
— Пожалуста... Ей! Редереру!
Поставить двѣ дюжины въ ледъ *).

Молодому человѣку, повидимому пробовавшему объяснить такому капитану-исправнику, что такое «прогрессъ», сѣрый волкъ отвѣчаетъ: «Э, Лука Лукичъ, это только кричатъ—прогрессъ, прогрессъ. А я вамъ скажу: все это вздоръ! Мой предшественникъ по 20 тысячъ въ годъ получалъ, а я едва десятокъ могъ собрать съ уѣзда—вотъ вамъ и прогрессъ!» **).

Очень остроуменъ и «словарь словъ, доставлявшихъ вѣрный доходъ городничимъ былого времени». Вотъ онъ:

А. Артель, Арестанты, Аптекаря.

Б. Бани, Бродяги, Билеты, Бойни.

В. Вводъ во владѣніе, Взносъ купеческихъ капиталовъ, Винные погреба, Водка, Воры, Ворожеи.

Г. Говядина, Гурты, Грабители, Годовые праздники.

Д. Домовладѣльцы, Драки, Доносы.

Е. Ереси, Евреи.

---

*) 1860 г., № 18.
**) 1860 г., № 51.

Ж. Живность, Жиды.

З. Знахари, Звѣринцы.

И. Именины.

К. Кабаки, Камеліи, Конокрады, Купцы, Колбасники, Кузнецы, Квитанціи.

Л. Лавки, Лодочники, Лабазники.

М. Моровая язва, Модистки, Мощеніе улицъ, Мука, Медъ, Музыканты.

Н. Находка, Наводненія, Новый годъ.

О. Обманъ, Отводъ квартиры, Отопленіе, Освѣщеніе, Откупъ, Оптовая продажа, Обмѣръ, Обвѣсъ.

П. Пожары, Подрядчики, Поставщики, Портные, Постоялые дворы, Паспорты, Продукты, Пожарные инструменты.

Р. Разбойники, Ремесленники, Рестораціи, Рекрутскіе наборы, Ревизскія сказки, Ремонтъ.

С. Слѣдствія, Сахарные, Свѣчные заводы, Судохозяева, Сало, Солонина, Сѣно, Столяры, Сапожники, Слесаря.

Т. Товары, Табуны, Такса, Торговля.

У. Утопленники, Улицы, Увѣчья.

Ф. Фабрики, Фонари, Фигляры, Фортунки, Фальшивая монета.

Х. Холера, Хлѣбники, Харчевни.

Ц. Цѣны справочныя, Цыгане, Цѣловальники.

Ч. Чай, Чума, Чумаки, Чародѣи, Чудеса.

Ш. Шапошники, Шиканье (въ театрѣ), Шумъ, Шайки, Шулера, Шабашъ.

Ѣ. Ѣзда (быстрая по городу).

Э. Эпидеміи, Экзекуція.

Я. Ярмарки, Яды, Ябедники *).

Невѣжество чиновничества, какъ извѣстно, доходило до геркулесовыхъ столбовъ. *Искра* полна всевозможными иллюстраціями этой черты стараго крючкотвора, но и здѣсь я приведу лишь кое-что.

Одному просящему мѣста начальство дало тему: «Нева съ притоками и ея исторія», отъ выполненія которой зависѣла дальнѣйшая судьба кандидата. Сочиненіе было представлено. Вотъ помѣтка на немъ «генерала»: «Приведенныя г. авторомъ цифры и данныя по излагаемому вопросу оказались, по провѣркѣ съ дѣлами канцеляріи, вполнѣ правильными. Что же касается до положенія г. автора, что будто бы при устьѣ р. Ижоры в. к. Александръ Ярославичъ одержалъ побѣду надъ шведами и за это получилъ названіе «Невскаго», то, по справкѣ, свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ канцеляріи не имѣется»... **).

«— Департаментъ спрашиваетъ: не имѣется ли въ здѣшней губерніи антрацита? то какъ прикажите отписать. Я не знаю, что это за антрацитъ.

«— Такъ какъ наша губернія изобилуетъ лѣсами, то, надо полагать, что тутъ спрашивается о какомъ-нибудь звѣрѣ; отвѣчайте, что въ нашей губерніи такихъ звѣрей не водится» ***).

---

*) 1861 г., № 2.

**) 1859 г., № 3.

***) 1859 г., № 45.

Вообще антрациту везло. Вотъ еще о немъ же.

«— Я уже сдѣлалъ-съ распоряженіе объ отысканіи *его.*

«— Извините, я не догадываюсь.

— *(Шопотомъ)* Объ отысканіи антрацита.

«— А вѣдь это, мой милый, должно быть, какой-нибудь важный злоумышленникъ.

«— Это минералъ-съ.

«— Прошу покорно, еще и генералъ!» *)

Передъ начальникомъ стоитъ чиновникъ, съ руками, вытянутыми «по швамъ».

«— Изъ какихъ доходовъ вы, милостивый государь, купили голову сахару?

«— Я купилъ не одинъ, а съ двумя товарищами, потому что такъ выгоднѣе.

«— Гм... это въ нѣкоторомъ родѣ соціализмъ, такъ знайте же, что я немогу этого допустить между моими подчинеными!» **).

Но невѣдомы были не только «антрацитъ», «коммунизмъ», «соціализмъ» и пр., но даже дѣдушка Крыловъ.

«— Какъ вы смѣли сказать вашему начальнику, что у сильнаго всегда безсильный виноватъ?!

«— Это такъ Крыловъ выразился.

«— А! такъ подать сюда Крылова!» ***).

Вотъ рапортъ, содержаніе котораго рѣшительно всѣмъ покажется загадкой:

« Въ А—скую казенную палату.

«Мез—скаго виннаго пристава рапортъ.

«Отъ скотской гнусности по обряду ихъ звѣрства, на гвоздѣ пригвождена насильственная скота дерзость. О чемъ Ар—ской казенной палатѣ и имѣю честь донести. Мез-скій винный приставъ Шепелевъ» ****). Этотъ ребусъ значилъ: винные погреба требуютъ починки: они пришли въ такую ветхость, что скотина, почесываясь объ углы, расшатываетъ зданіе и грозитъ ему конечнымъ паденіемъ. Удостовѣриться можетъ всякій на мѣстѣ, такъ какъ на гвоздяхъ видны клочья шерсти...

Кто не помнитъ щедринское: «Ну, я, разумѣется, сейчасъ же запросъ: «почему нѣтъ статьи о шелководствѣ?». Конечно, не скоро забудется и счетъ пчелъ, которыхъ оказалось «тридцать одна тысяча девятьсотъ девяносто семь штукъ»... Статистика губернаторовъ, исправниковъ и становыхъ стараго времени, поистинѣ, была сказочна по

---

*) 1860 г., № 11.
**) 1863 г., № 48.
***) 1861 г., № 38.
****) 1859 г., № 31.

своей нелѣпости. *Искра* дала не мало по этому поводу очень интересныхъ фактовъ.

«...Собачкѣ дворника, чтобы ласкова была». Эта заповѣдь Молчалина перешла въ его потомство съ плотью и кровью. Угодничество, самое наглое, самое нахальное,—средство для снисканія у начальства милостей и расположенія. На эту удочку не идутъ только исключительные люди.

Въ Брюсселѣ стали издавать русскій оффиціозъ—газету «Le Nord». Конечно, немедлено были приняты мѣры, чтобы доказать начальству, насколько блестяща эта мысль. Въ запискахъ гр. Валуева и другихъ свидѣтельствахъ современниковъ встрѣчаются положительныя указанія на старанія губернаторовъ распространить эту газету въ деревнѣ... И распространили... *Искра* отмѣтила эту нелѣпость не одинъ разъ.

«Проѣзжій. Что это у тебя въ рукахъ, мой другъ?

«Мужичокъ. Вѣдомости Нортъ, батюшка. Какъ же, вѣдь, и насъ приглашали подписываться.

«Проѣзжій (*другому проѣзжему*) Что ты на это скажешь, а? Небось замолчалъ... Ахъ вы, крикуны! Туда же: надо распространять грамотность! А ты укажи мнѣ, гдѣ простой народъ читаетъ иностранные журналы!.. Нѣтъ, братъ, далеко еще до насъ всѣмъ нашимъ иноземцамъ». *)

А сколько жизни въ этой каррикатурѣ! (стр. 236).

Сколько ея и въ стихотвореніи А. Жемчужникова «Разногласіе»!

Два господина однажды сошлись,
Очень умѣренно ѣли и пили—
И разговоромъ потомъ занялись.
Все о разумныхъ вещахъ говорили:
        О томъ, что такое обязаность, право,
        И какъ надо дѣйствовать честно и право,
        Съ пути не сбиваясь ни влѣво, ни вправо.
Кажется, мнѣнье должно быть одно—
Подлость и честь вѣдь не спорное дѣло?
Бѣлымъ нельзя ужъ назвать что черно,
Также и чернымъ назвать то, что бѣло?
        Пошли у нихъ толки, пошли примѣненія;
        Того и другого терзали сомнѣнья,
        Того и гляди, что раздѣлятся мнѣнья!..
Входитъ вдругъ третье лицо невзначай.
Стало оно говорить безъ умолку
То, о чемъ даже не снилося имъ, чай,
И окончательно сбило ихъ съ толку...
        Одинъ изъ нихъ былъ титулярный совѣтникъ,
        Межъ тѣмъ какъ другой былъ коллежскій совѣтникъ—
        А третій—дѣйствительный статскій совѣтникъ **).

Приведу еще одну иллюстрацію (стр. 237).

---

*) 1859 г., № 28.
**) 1859 г., № 2.

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО БЫТА.

Подчиненный. Позвольте узнать, за что вы меня лишили мѣста?.
Начальникъ. За то, что вы не умѣете служить какъ эти господа.
(*Искра*, 1862 г., № 17).

Не мало перепадало и полиціи, едва ли не сконцентрировавшей въ себѣ всѣ отрицательныя стороны современнаго чиновничества.

Прежде всего нельзя пройти молчаніемъ одну изъ самыхъ удачныхъ елисеевскихъ «хроникъ прогресса»—удачныхъ по злой пародіи и насмѣшкѣ. Она написана по поводу извѣстнаго письма Павла Якушкина о его злоключеніяхъ въ рукахъ псковской полиціи, арестовавшей писателя за простонародный костюмъ. Думаю, что читателямъ болѣе или менѣе памятна эта исторія, а потому не буду приводить ни ея содержанія, ни всей «хроники». Остановлюсь только на двухъ ея мѣстахъ.

„Г. Якушкинъ является юмористомъ и юмористомъ замѣчательнымъ. Помѣщенный въ „Рус. Бесѣдѣ“ разсказъ его, по смѣлости вымысла, не уступаетъ самымъ фантастическимъ сказкамъ Гофмана...

„Очевидно, все это шутка, и напрасно будемъ искать въ ней другого зна-

ченія, кромѣ художественнаго. Г. Якушкинъ своею шуткою доказалъ окончательно, что въ искусствѣ фотографически-вѣрное отраженіе личностей мертво передъ свободною кистью художника, иногда набрасывающею яркіе, черезчуръ смѣлые, черезчуръ даже каррикатурные, но живые, надѣленные плотью и кровью образы. Въ этомъ тайна и послѣднее слово искусства.

„Мы не вѣрили ни одной буквѣ разсказа, но при всей видимой шаржировкѣ вымысла, въ изумленіи останавливаемся передъ поразительно вѣрными очертаніями идеально-возможныхъ характеровъ"... *).

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО БЫТА.

Чиновники города Т—ва продаютъ свое имущество, чтобы дать обѣдъ по подпискѣ вновь прибывшему начальнику.
(*Искра*, 1862 г., № 10).

Несомнѣнно, такое отношеніе *Искры* къ документально установленнымъ фактамъ было едва ли не сильнѣе многихъ громовъ и восклицаній, разумѣется, вполнѣ искреннихъ. Елисеевъ хотѣлъ показать всю сказочность якушкинскихъ злоключеній и успѣлъ въ этомъ вполнѣ...

---

*) 1859 г., № 40.

Многіе, вѣроятно, слышали такое четверостишіе:

Съ полисменомъ поневолѣ
Долженъ я хлѣбъ-соль вести:
Иль они со мною въ долѣ,
Или я у нихъ въ части.

Этотъ «экспромтъ арестованнаго лондонскаго мазурика»—произведеніе *Искры* *).

Проситель. Я къ вамъ-съ... всё насчетъ пропавшей шкатулки.

— А... да... да... воръ пойманъ! Но шкатулка еще не найдена; впрочемъ, вы не безпокойтесь: мы объ ней позаботимся. (*Искра*, 1859 г., № 36).

Полна также жизненной правды такая сценка. Будочникъ приходитъ къ торговкѣ мочеными яблоками и суетъ ей билетъ на спектакль въ пользу бѣдныхъ:

«— На, бери билетъ!

«— Какой? Зачѣмъ?

«— На бѣдныхъ... Тальянская ночь будетъ, поди посмотри.

«— Да Господь съ ней, я и не знаю, что это такое. Куда я пойду?

«— Не мое дѣло; приказано—такъ бери.

---

*) 1860 г., № 30.

«— Да когда-жъ эта будетъ ночь?

«— Когда будетъ?! Вчера была! — Да это все равно, бери, велѣно, а не то лавку запру» *).

Идутъ два пріятеля, въ отдаленіи «недреманное око».

«— Скажи-ка, Ванюха, зачѣмъ это городовымъ дали шапки съ огненными околышами?

«— А это чтобъ знали, на чьей головѣ шапка горитъ» **).

Не рыба ловитъ крючокъ, а крючокъ рыбу.
(*Искра*, 1863 г., № 7).

Нѣтъ возможности исчерпать наиболѣе удачные номера *Искры*, въ которыхъ давалась отповѣдь русскому чиновничеству. Читатель этого, разумѣется, и не потребуетъ, потому что понимаетъ мою задачу: намѣтить лишь тѣ вопросы, освѣщенію которыхъ, главнымъ образомъ,

*) 1859 г., № 28.
**) 1863 г., № 13.

посвящали свои силы эти люди, дать общій абрисъ ихъ колоссальной работы на поприщѣ пересмотра всякаго стараго хлама, который намъ такъ нужно было поскорѣе выбросить вонъ. Заглянемъ теперь въ другія стороны многосложной и многообразной сатиры *Искры*.

XII.

Точно въ отвѣтъ на запросъ реформъ, русское общество было огорошено рядомъ выходокъ ретроградовъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Разставаться съ старымъ сапогомъ многимъ тяжело и непріятно. *Искра* всегда стояла на стражѣ новыхъ идей, всегда доблестно отстаивала цѣнныя общественныя пріобрѣтенія. Когда, напримѣръ, раздался

Отставная скамейка. Прощай, благодѣтель! Попомни хоть ты мою ревностную, долголѣтнюю службу.

Педагогъ. Прощай, голубушка, прощай моя вѣрная, благородная спутница. (*Искра*, 1862 г., № 29).

голосъ изступленнаго Беллюстина о вредѣ грамотности *), когда предлагалось оставить народъ въ прежнихъ потемкахъ абсолютнаго невѣжества,—она встала какъ тигрица на защиту своего дѣтеныша. Беллюстинъ сразу, благодаря хлесткому перу Минаева, сталъ общественнымъ посмѣшищемъ, съ нимъ уже мало кто пробовалъ говорить серьезно. Другого—«педагога»—гонителя просвѣщенія — Миллера-Красовскаго, откровенно предлагавшаго, въ особой книгѣ, замѣнить «спасительныя розги» еще болѣе «удобными пощечинами» — *Искра* наградила тоже щедро, поразсказавъ о немъ такую правдивую басню, которая была хуже всякой лжи, а заканчивалась такъ:

«Толкъ этой басни тотъ, что также-бъ не мѣшало
Смирять пощечиной и взрослаго нахала,
Да не слегка
(Особенно когда болванъ учить берется),
А со всего плеча, ужъ какъ ни размахнется
Здоровая рука» **).

Очевидно, Елисеевымъ рекомендовалась пощечина не такого содержанія, какъ предлагалъ Миллеръ-Красовскій, а пощечина общественнаго смѣха и глумленія надъ изступленнымъ мракобѣсомъ. Не былъ, конечно, пройденъ молчаніемъ и извѣстный Н. И. Пироговъ въ качествѣ покровительствующаго розгѣ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Чтобы покончить съ школьной розгой, приведу очень удачную картинку Аполлона Б. (см. стр. 210).

На нижнемъ краѣ простыни, покрывавшей скамейку, можно разобрать слово «лазаретъ»—туда, значитъ, уносили «оздоровленнаго» школьника...

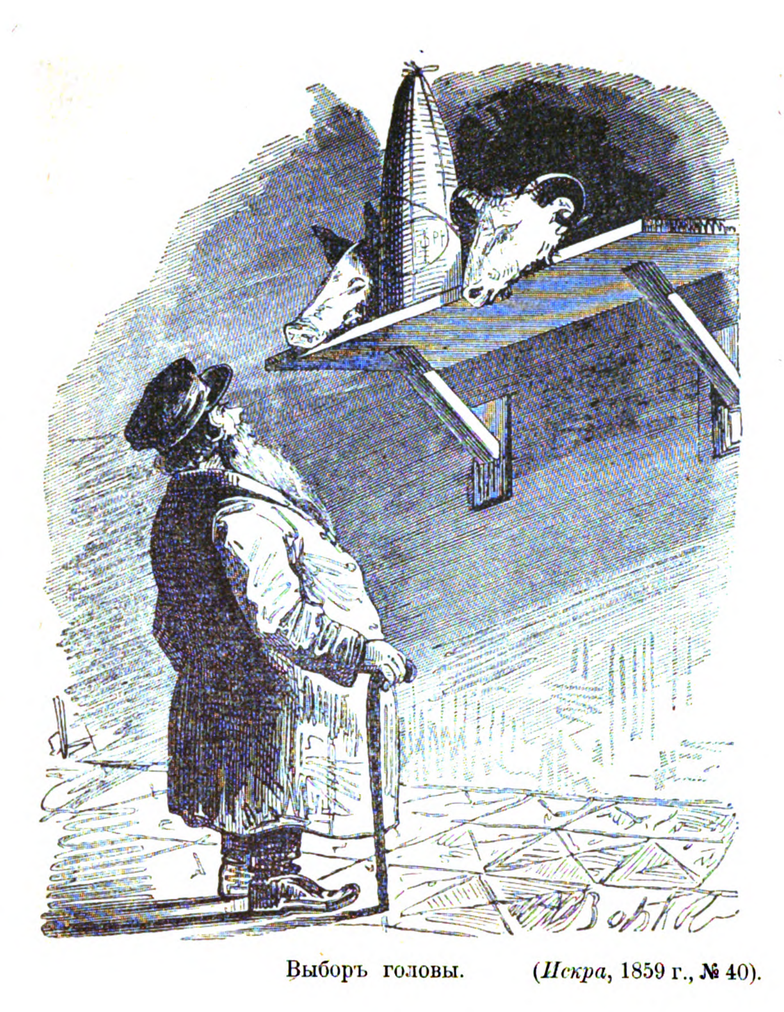
Семейная педагогія, когда гувернеры служили больше огородными пугалами и мухобойцами, чѣмъ наставниками, когда вся семья насквозь была пропитана нелѣпыми традиціями произвола отцовъ, абсолютной покорности матерей, самодурства старшихъ, полнаго угнетенія ребенка, и нравственно и физически—это тоже непрерывная цѣпь работы поэтовъ, прозаиковъ, каррикатуристовъ. Вообще, можно сказать, *Искра* стояла на стражѣ новыхъ путей образованія и воспитанія и всегда подчеркивала полную непригодность старыхъ расхлябившихся дорогъ.

Теперь мы бѣгло просмотримъ ее по другимъ темамъ, чтобы въ заключеніе остановиться на литературѣ, и въ особенности на журналистикѣ.

Что было въ городскомъ управленіи до введенія положенія 1870 г., вамъ скажутъ только двѣ каррикатуры:

---

*) „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1860 г., октябрь.
**) 1859 г., № 25.

Выборъ головы. (*Искра*, 1859 г., № 40).

Выбрали голову. (*Искра*, 1859 г., № 46).

Вглядитесь въ нихъ внимательно и вы узнаете, кто и какъ хозяйничалъ въ муниципалитетахъ, лишенныхъ всякой тѣни самоуправленія.

Изъ массы матеріаловъ объ откупной системѣ ограничусь тоже лишь одной каррикатурой:

ОТЧАЯНІЕ ОТКУПА.

Штофъ докладываетъ откупу, что общее мнѣніе рѣшилось погубить его во имя трезвости. Откупъ въ отчаяніи хотѣлъ проговорить извѣстное изрѣченіе: *все погибло, кромѣ чести,* но запнулся на послѣднемъ словѣ и не договорилъ его. (*Искра*, 1859 г., № 22).

Остальное все было въ сущности лишь перепѣвомъ и варіаціями этой картинки. Да иначе и быть не могло: откупъ, какъ монополія, имѣлъ одну вполнѣ опредѣленную тенденцію: спаивать народъ для собиранія барышей.

Искра очень много занималась дѣлами акціонерныхъ обществъ и въ этой области дала такой богатый матеріалъ, что можно положительно утверждать: не напишетъ тотъ всестороннюю исторію русскихъ акціонерныхъ предпріятій, кто не просмотритъ ее сначала и до конца. Я приведу только одну иллюстрацію, которая одновременно характери-

зуетъ и постановку дѣла, во время желѣзнодорожной горячки, акціонерными компаніями, и самое желѣзнодорожное строительство. Вотъ она въ карандашѣ Степанова:

Нѣкоторые изъ французскихъ инженеровъ, служившіе въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ, возвращаются къ своимъ прежнимъ занятіямъ.
(*Искра*, 1861 г., № 45).

Извѣстно, что въ 1862—63 гг. русское общество присутствовало при усиленіи сыскного режима. Припомните слова Некрасова, относящіяся именно къ этому періоду:

Литература съ трескучими фразами,
Полная духа анти-человѣчнаго,
Администрація наша съ указами
О забираніи всякаго встрѣчнаго,—
Дайте вздохнуть!..

Искра и тутъ не молчала... по мѣрѣ возможности.

«— Я встрѣтилъ васъ недавно въ каретѣ—видно разбогатѣли?

«— Нѣтъ, это карета отъ Цѣпного моста—она даромъ возитъ» *).

Въ буфетѣ вокзала встрѣчаются два пріятеля:

«— Что-жъ посидимъ и поболтаемъ.

«— Не вѣрно. Прежде болтаютъ, а потомъ сидятъ» **). Это снабжено и соотвѣтствующей каррикатурой г. Щиглева.

Какой-то господинъ несетъ связку книгъ. Его встрѣчаетъ знакомый.

«— Донесете ли вы это?

«— Помилуйте-съ, и не это доносилъ» ***).

«— Мнѣ тамъ обѣщали мѣсто.

«— Какъ, значитъ, литературу по боку?

«— Говорятъ, что мои обличенія не совсѣмъ литературны.

«— Вѣрно. Возьмите лучше обѣщанное мѣсто.

«— Требуютъ рекомендаціи.

«— Укажите на свои уши» ****).

«— Состри-ка что-нибудь, а?

«— Нѣтъ, братъ, не такое время; тутъ ухо нужно держать остро, а не языкъ» *****).

Нѣтъ сомнѣнія, что это была жила жизни, а не случайная черточка. Атмосфера дѣлалась тяжела, чувствовалось, что вотъ-вотъ вдругъ все пріостановится... И подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія Аполлонъ Б. набрасываетъ схему страшившей Россію перспективы, тѣмъ болѣе, что частично она уже выполнялась...

Обхожу молчаніемъ очень еще многія стороны русской дѣйствительности гораздо болѣе мелкаго масштаба, на которыя, главнымъ образомъ, и обратилъ вниманіе г. Трубачевъ, обвиняющій *Искру* въ мелочности ея общественной сатиры!.. Такъ, опускаю много остроумнаго текста и рисунковъ по адресу желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа, благотворительности и ея акробатовъ, типичныхъ семейныхъ неурядицъ, торговцевъ и фабрикантовъ, провинціальныхъ сплетницъ и столичныхъ львицъ, модъ—словомъ, всего того, что тонуло среди содержанія гораздо болѣе глубокаго, вдумчиваго и широкаго по размаху мысли, пера и карандаша.

---

*) 1862 г., № 50.
**) 1863 г., № 45.
***) 1864 г., № 32.
****) 1864 г., № 36.
*****) 1864 г., № 30.

Конь прогресса.

(*Искра*, 1863 г., № 29).

XIII.

Переходимъ къ сатирѣ и каррикатурѣ чисто литературнымъ, къ осмѣянію журнальныхъ нравовъ, отдѣльныхъ органовъ, ихъ единичныхъ представителей. Эта сторона общественной жизни занимала серьезное мѣсто въ *Искрѣ* въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ ея лучшаго періода, но неужели не понятна причина такой настойчивости? Редакція понимала, что литературѣ вообще, а журналистикѣ въ частности, предстоитъ громадная работа, работа, результатомъ которой должно было явиться широкое общественное перевоспитаніе, точное политическое міровоззрѣніе, ясныя требованія необходимыхъ элементовъ дальнѣйшаго прогресса. Какъ видно, роль журналистики была настолько широко и глубоко понимаема, что, конечно, нельзя было оставаться без-

участнымъ зрителемъ существующаго. Надо было клеймить ложь, продажность, постепеновщину, опортюнизмъ, наконецъ, политическое безразличіе. У *Искры* въ этомъ отношеніи арсеналъ былъ полонъ самыхъ цѣлесообразныхъ орудій борьбы: смѣхъ, смѣхъ и смѣхъ—вотъ они. И если литература давала пищу для каждаго нумера, то это вовсе не потому, что не объ чемъ было писать, что здѣсь не боялись отвѣтственности за клевету, а потому, что и въ самой тогдашней жизни, ко торую *Искрѣ* надо было отражать вполнѣ, литература была важнымъ звеномъ сложной цѣпи. Въ то время, когда юродивые Катковъ, Аскоченскій, Скарятинъ и tutti quanti, кривляясь, заунывно тянули гнусавую пѣснь, потомъ злобно хохотали и начинали въ изступленіи, надрывая грудь и горло, пророчествовать о будущемъ Россіи «отданномъ на растерзаніе» ихъ свѣтлымъ противникамъ; когда готовы были видѣть въ нихъ именно голосъ русскаго общества; когда, поддаваясь ихъ указаніямъ, предпринимали шаги государственной важности, и когда, наконецъ, ясно было, какъ скоро, рухнетъ новое, только что возведенное зданіе русской общественности, если его вздумаютъ увѣнчать непропорціонально тяжелымъ куполомъ—тогда честные люди не могли, не должны были молчать! И это-то *Искра* хорошо понимала.

Вѣрная лучшимъ завѣтамъ Бѣлинскаго и его кружка, вполнѣ солидарная съ Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и Герценомъ, *Искра* представила ясно русскому обществу, какихъ послѣднее имѣетъ выразителей «общественнаго» мнѣнія. И пощады этимъ господамъ, дѣйствительно, не было. Каждый ихъ шагъ на пути затемнѣнія уже сдѣланнаго Россіей перехода, каждое поползновеніе представить миражъ въ видѣ идеала—все это встрѣчало хорошій, сильный отпоръ.

Съ грустью, съ болью въ сердцѣ приходится сказать, что изъ общихъ характеристикъ современной печати, несомнѣнно, выдается «Дифирамбъ», написанный 40 лѣтъ тому назадъ... г. Буренинымъ, Буренинымъ того, стараго времени... *Искра* отъ этого, конечно, не проигрываетъ въ глазахъ современнаго прогрессивнаго читателя. Могла ли она ручаться за послѣдующую дѣятельность еще безусаго молодого сотрудника... Приведу эту «пѣснь» Владиміра Монументова:

Тебя пою, родная пресса!
Твои мнѣ милы красоты:
Благонамѣренность прогресса
И скромной гласности цвѣты!
Мнѣ мило все: Борисъ Чичеринъ,
Скарятинъ, Мельниковъ, Катковъ,
Я отъ обѣденъ до вечеренъ
Статейки ихъ читать готовъ.
Люблю, когда Скарятинъ дерзкій
Копытомъ бьетъ враговъ своихъ
И другъ раскольниковъ, Печерскій,
Караетъ тѣхъ, кто грабитъ ихъ!
Когда „свободному артисту“

Меланхолическій свистунъ,
Катковъ, въ элегіи цвѣтистой,
Пророчитъ близкій карачунъ;
Когда блестящій самородокъ,
Чичеринъ, примется вѣщать,
Что отъ однихъ *перегородокъ*
Мы можемъ счастья ожидать;
Когда боецъ съ душою страстной,
Хоть и дожившій до сѣдинъ,
Сей бичъ Надимова ужасный
Сей неподкупный гражданинъ,—
Безсмертный Павловъ,—на сближенье
Дворянъ съ народомъ возстаетъ
И въ молодое поколѣнье,
Съ передовыхъ своихъ высотъ,
Швыряетъ грязью, какъ, бывало,
Швырялъ въ него старикъ Ѳаддей *),
Перомъ Бѣлинскаго, нахала,
Сраженный на закатѣ дней.
Люблю „Пчелы" я листъ большущій
И сикофантовъ въ ней люблю,
Люблю порой на сонъ грядущій
Прочесть Юркевича статью.
И послѣ сытнаго обѣда
Душѣ незлобивой моей
Такъ милъ, „Домашняя Бесѣда",
Твой примирительный елей.
Заочный, Ржевскій и компанья
Равно мнѣ сердце веселятъ
И чтить привыкъ ихъ дарованья
И здравый ихъ на вещи взглядъ! **)

Не одного какого-нибудь изданія, а нѣсколькихъ касается и очень остроумная по замыслу каррикатура Степанова (стр. 249).

Каткову посвящено такъ много стиховъ, прозы, шарадъ, загадокъ, каррикатуръ, что просто теряешься въ выборѣ наиболѣе выдающагося. *Искра* понимала, что это—главный отрядъ непріятельской для прогресса арміи, и потому, понятно, всѣ выстрѣлы направляла въ его сторону. Передамъ кое-что.

Передъ Катковымъ фотографъ; московскій громовержецъ спѣшитъ снять англійское платье и надѣть русское.

«— Въ каррикатурѣ васъ изображаютъ обыкновенно англичаниномъ, я хотѣлъ и карточки сдѣлать въ такомъ же видѣ.

«— Да будетъ анаѳема тѣмъ, кто заподозритъ меня въ прежнихъ убѣжденіяхъ! Я русскій, такой же русскій, какъ они, эти люди малые, бѣдные, нищіе духомъ» ***).

---

*) Ѳ. В. Булгаринъ.
**) 1862 г., № 24.
***) 1863 г., № 16.

Собесѣдникъ говоритъ Каткову:

— Черезъ Ніагару онъ вѣдь перешелъ, вотъ что-съ!...

— Что жъ такое? А ему все-таки такъ не перейти, какъ я перешелъ» *).

ЖУРНАЛЬНЫЕ ФОКУСЫ.

— ...Теперь, г-да, позвольте доказать вамъ нагляднымъ образомъ, что убѣжденія наши стоятъ всегда выше подкупа.

(*Искра*, 1863 г., № 4).

Въ каррикатурахъ Катковъ всегда фигурировалъ въ одномъ и томъ же видѣ, вѣчно въ англійской шапочкѣ. Впервые его изобразилъ такъ Степановъ, другіе каррикатуристы приняли эту форму, а затѣмъ Катковъ перешелъ точно такимъ и въ прочіе журналы.

*) 1864 г., № 32.

Вотъ характерная и вполнѣ реальная каррикатура Степанова: Каткова преслѣдуютъ пугала: свѣтъ науки, женская эмансипація и подпольная пресса.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

— Вздоръ! *этой тишинѣ довѣряться нельзя*: изъ всѣхъ щелей пахнетъ *враждебнымъ*. Чортъ возьми, какой скверный духъ! Надо поскорѣе законопатить всѣ *входы и выходы*.

(*Искра*, 1863 г., № 37).

Степанову же принадлежитъ, между прочимъ, каррикатура, изображающая изступленнаго московскаго мракобѣса при видѣ новыхъ пугалъ: малороссійскихъ, бурятскихъ, татарскихъ и другихъ книгъ. Онъ бросается на нихъ, одобренный «анафемой» Аскоченскаго, издателя «Домашней Бесѣды» *). Когда въ 1863 г., съ Страстнаго бульвара,

*) 1863 г., № 44.

раздался возгласъ: «шапками закидаемъ», *Искра* рисуетъ шляпный магазинъ:

«— Это неслыханная цѣна за фуражку—очень дорого!

«— Вздорожали-съ; а скоро нигдѣ не достанете: «Московскія Вѣдомости» скупаютъ всѣ шапки» *).

1863 годъ—этотъ роковой переломъ многихъ сторонъ русской жизни—начиналъ ясно обнаруживать успѣхъ страстнобульварскаго завыванія. *Искра* во-время отмѣчаетъ это явленіе:

«— Единственное мое желаніе, ваше п—во, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе чтеніе «Московскихъ Вѣдомостей» распространилось по всему земному шару...

— Теперь все къ тому и идетъ, ваше п—во» **).

Но Каткову мало было такого успѣха, и вотъ онъ добивается еще раньше монополіи на частныя объявленія, не желая ограничиваться одними казенными. По этому поводу въ *Искрѣ* появляется трагическая сцена—«Лордъ и маркизъ, или жертва казенныхъ объявленій». Лордъ Катковъ и маркизъ Павловъ (редакторъ издатель «Нашего Времени») ведутъ, между прочимъ, такой разговоръ:

Маркизъ Павловъ.

Милордъ! Мы, помнится, сходились съ вами въ мнѣньяхъ
Объ, объ... я...

Лордъ Катковъ.

Да, маркизъ, объ *частныхъ* объявленьяхъ? Мы бурю подняли, статей писали тьмы
И выиграли...

Маркизъ Павловъ.

Да-съ...
И выиграли мы.
Но... въ обстоятельствахъ, какъ я, весьма стѣсненныхъ,
Я поднялъ бы, милордъ, вопросъ и объ *казенныхъ*.

Лордъ Катковъ

Хе, хе, хе, хе, маркизъ!

Маркизъ Павловъ.

Хе, хе, хе, хе, милордъ!

Лордъ Катковъ *(въ сторону)*.

Еще смѣется, бѣсъ!

Маркизъ Павловъ *(въ сторону)*.

Еще хохочетъ, чортъ! *(Вслухъ)*
Мнѣ въ петлю лѣзть, милордъ, а вамъ, милордъ, забава!
Зачѣмъ же вамъ однимъ досталось это право?

Лордъ Катковъ *(продолжая хохотать)*

На объявленья?

Маркизъ Павловъ *(робко)*

Н... да...

---

*) 1863 г., № 28.
**) 1863 г., № 44.

Лордъ Катковъ (*хохочетъ*)

Ка-зен-ныя?

Маркизъ Павловъ

Ну да-съ...
При нашей бѣдности не дурно-бъ и для насъ.

Лордъ Катковъ (*покатываясь со смѣху*).

Да право-то, маркизъ, про бѣдность—слова нѣту,
Принадлежитъ не мнѣ, а университету.

Маркизъ Павловъ (*значительно*).

Въ законѣ нѣтъ, милордъ.

Лордъ Катковъ (*еще значительнѣе*).

Маркизъ въ законѣ есть;
Я вамъ совѣтую законы перечесть.

Маркизъ Павловъ.

Повѣрьте мнѣ, милордъ, когда-бъ въ законѣ было,
Я началъ бы...
(*выпрямляя станъ и закидывая голову*),
Милордъ! во мнѣ осталась сила!
Я сталъ бы *сѣтовать, роптать, негодовать*.
Писать протестъ!...

Лордъ Катковъ (*очень строго*).

Маркизъ, совѣтую молчать!
Мальчишки въ наши дни молчатъ передъ закономъ
А вы... опять таки, вы смотрите Прудономъ *).

Такую полемику эти господа, дѣйствительно, вели... Еще два штриха, и мы перейдемъ къ другому мракобѣсу.

Два пріятеля сидятъ у окошка, подходитъ баба съ связкой катковъ для пасхальнаго развлеченія ребятъ и кричитъ:

«— Катковъ! Катковъ!

«— Каково! Слышишь, какъ эта баба бранится?!» **).

На столѣ лежитъ портретъ, гость спрашиваетъ хозяина:

«— Кто это такой?

«— Это Катковъ, да вотъ не знаю, гдѣ его повѣсить...» ***).

Катковъ перваго періода,—англоманскаго, ознаменованнаго призывомъ къ намъ правящей аристократіи—зарисованъ вмѣстѣ съ редакторомъ-издателемъ «Дня»—И. С. Аксаковымъ: у нихъ тогда были нѣкоторые общіе взгляды на прогрессъ, печать и молодежь.

На первомъ планѣ сидитъ Катковъ, на второмъ Аксаковъ; оба съ перунами. Конечно, послѣ 1862 года *Искра* уже не ставила за одну скобку рѣзко разошедшихся публицистовъ.

Вообще можно рекомендовать охотникамъ составить цѣлый альбомъ изъ массы матеріала, посвященнаго *Искрой* Каткову; однѣхъ каррикатуръ наберется съ полсотни.

---

*) 1862 г., № 44.
**) 1863 г., № 16.
***) 1863 г., № 10.

Асконченскій и по сіе время остался въ памяти, какъ славный преемникъ Ѳаддея Булгарина по части доносовъ, извѣтовъ и кляузы. Кромѣ того, за нимъ остается несомнѣнная слава изувѣрнаго обскуранта, никогда не потерявшаго своей завидной позиціи. О его «Домашней Бесѣдѣ» *Искра* писала, конечно, гораздо меньше, чѣмъ о «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но все же не пропускала удобнаго случая освѣдомить Россію съ истиннымъ значеніемъ «народнаго проповѣдника», когда онъ пробовалъ опорочить дорогіе принципы и имена.

Праздные доктринеры, безголовые прогрессисты изъ кружковъ жалкаго подобія общества, пустоголовые литераторы, готовые лаять на всякаго, и разные юные, недозрѣлые пустозвоны благодарятъ за нѣжное отеческое объ нихъ попеченіе и просятъ величавыхъ олимпійцевъ не разстраивать своего драгоцѣннаго здоровья разными свирѣпыми выходками, а плюнуть и махнуть рукою на безтолковое движеніе народной жизни.
(*Искра*, 1861 г., № 46).

Очень хлестко отмѣтилъ Минаевъ эту представительницу гласности, «снискавшую мало уваженія между свѣтскими читателями», какъ призналъ одинъ оффиціальный документъ. Въ стихотвореніи «Грозный актъ» онъ изобразилъ совѣтъ въ кабинетѣ редактора, какъ встрѣтить идущій прогрессъ. Приведу вторую половину этого стихотворенія:

Собралося засѣданье
И внимало съ умиленьемъ,
Какъ редакторъ—жрецъ премудрый—
Всѣмъ читалъ актъ отлученья.
Волоса назадъ отбросивъ,
Ставъ приличной сану позой,
Началъ онъ, сверкнувъ глазами,
Раскаленными угрозой:

Силой правды и закона,
Силой истинъ всемогущихъ,—
Всѣхъ науки и прогресса
Власть открыто признающихъ,
Мы клянемъ, и къ мукамъ вѣчнымъ
Абизона и Дафона
Обрекаемъ ихъ для казни,
Горькихъ мукъ, и слезъ, и стона.
Мы клянемъ ихъ именами
Ксенофонта и Ѳаддея *)
И отнынѣ и во вѣки
Проклинаемъ, не жалѣя.
Всюду, гдѣ-бъ ихъ ни застали:
Дома, въ клубѣ, въ балаганѣ,
За перомъ, смычкомъ иль кистью,
Въ министерствѣ, въ ресторанѣ,
Спящихъ, бодрствующихъ, пьющихъ,
Трапезующихъ, cocando,
Недугующихъ, плѣненныхъ,
Чуть живыхъ... flebotomando,
Проклинаемъ во всѣхъ членахъ,
Въ сердцѣ, чревѣ и глазницахъ,
Въ волосахъ, ногтяхъ и жилахъ,
Въ бакенбардахъ и рѣсницахъ...
Всюду ихъ найдетъ проклятье
И предастъ въ жилище бѣса:
Такъ клянемъ дѣтей мы блудныхъ
Окаяннаго прогресса"...
И собратья съ дружнымъ плескомъ:
„Такъ да будетъ", повторили
И всѣ подписью формальной
Актъ проклятья закрѣпили **).

Это «отлученіе отъ церкви» нельзя не признать очень талантливо написаннымъ для обрисовки кутейника-Аскоченскаго. Лучшей каррикатурой на него нужно признать степановскую, нарисованную послѣ смерти въ Москвѣ юродиваго-прорицателя Ивана Яковлевича (стр. 255).

Изъ другихъ мишеней, въ которыя стрѣляли съ батареи *Искры*, отмѣчу тѣ, которыя поражались наиболѣе часто и удачно.

Что былъ за журналъ «Отечественныя Записки» за время со смерти Бѣлинскаго и до покупки Некрасовымъ, говорить, конечно, не надо. Также ясенъ и «Голосъ» того же Краевскаго.

«Нѣкоторая академія,—читаемъ въ *Искрѣ*,—предложила для соисканія преміи слѣдующую задачу: на какомъ логическомъ основаніи мѣсто Бѣлинскаго занялъ въ «От. Зап.» г. Дудышкинъ? По обыкновенію прислано было множество сочиненій, изъ которыхъ увѣнчано преміями два: первое, получившее полную премію, гласило: «на томъ же осно-

---

*) К. Полевой, Ѳ. Булгаринъ.

**) 1860 г., № 15.

ваніи, на какомъ мѣсто г. Дудышкина займетъ со временемъ г. Басистовъ»; второе, удостоенное лишь половинной преміи, отвѣчало: «на томъ основаніи, что г. Дудышкинъ прежде того находился на службѣ въ коммиссаріатскомъ департаментѣ». Справедливость, однако-жъ, требуетъ сказать, что премія за послѣднее сочиненіе присуждена едва ли не пристрастно» *).

СЦЕНА ВЪ ДОМѢ УМАЛИШЕННЫХЪ.

Не стало прорицателя Ивана Яковлевича!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала....
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна!..

Не стало прорицателя Ивана Яковлевича!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна! *Н. Некрасовъ.*

Поклонницы Ив. Як. Умеръ благодѣтель нашъ, другъ нашъ, умеръ Иванъ Яковлевичъ.

Тѣнь Ив. Як. Жива „Домашняя Бесѣда“, живъ другой Иванъ Яковлевичъ.

Врачъ при заведеніи. Успокойтесь, сударыни! Въ томъ №, гдѣ жилъ уважаемый вами Иванъ Яковлевичъ, мы помѣстили другого почтеннаго мужа—вы останетесь довольны его „Домашней Бесѣдой“.

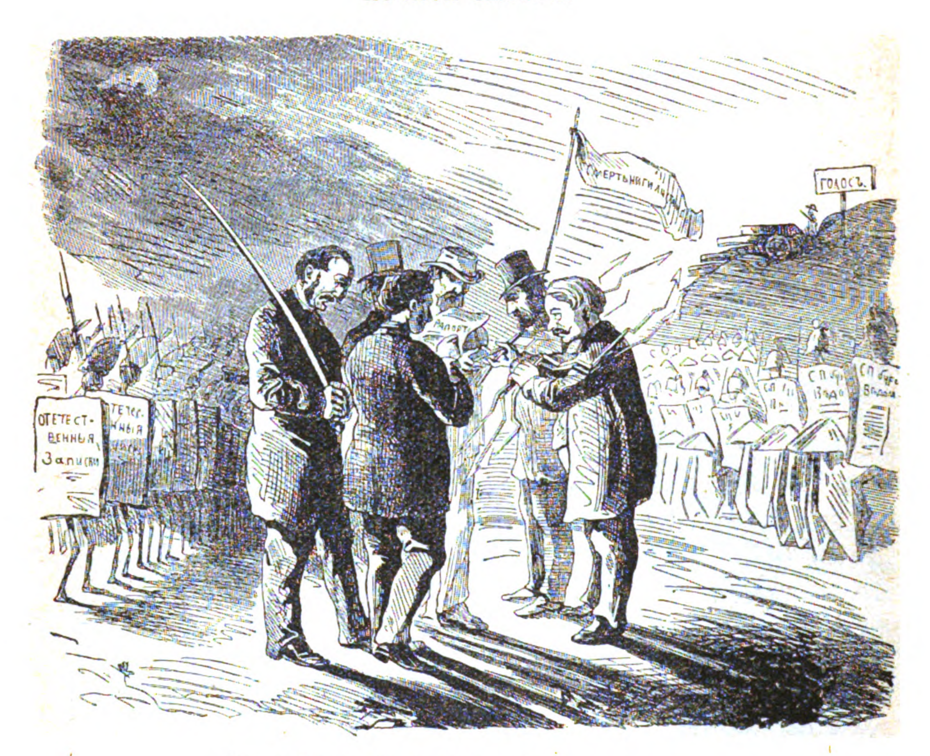
(*Искра*, 1861 г., № 15).

---

*) 1860 г., № 25.

«Голосъ», «Отечественныя Записки» и «Петерб. Вѣдомости» Очкина, въ которыхъ Краевскій былъ первой скрипкой, запечатлѣны карандашомъ Степанова очень мѣтко.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.

Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ,
Скарятинъ встаетъ на тревогу
И публикѣ пишетъ рапортъ,
Что ладно здѣсь все, слава Богу.

Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ,
Съ оружьемъ Громека выходитъ,
Встаютъ полководцы—и самъ
Поднялся редакторъ и ходитъ.

И ходитъ онъ между вождей—
Громы раздаетъ публицистамъ.
Пароль ихъ „*Редакторъ Андрей*",
А лозунгъ ихъ „*Смерть нигилистамъ*!"

(*Искра*, 1862 г., № 44).

Слѣва Громека, въ серединѣ Скарятинъ—оба сотрудники «Голоса» и «Отеч. Записокъ», справа съ перунами Краевскій; на второмъ планѣ другіе сотрудники. Подъ каррикатурой надпись, составленная, вѣроятно, не Степановымъ, которому мысль передана готовой.

Не мало доставалось «Сѣверной Пчелѣ» и при Гречѣ, и при г. Усовѣ, котораго первый, въ концѣ 1859 г., отрекомендовалъ публикѣ съ са-

мой лучшей стороны...Идейное ничтожество этого органчика, этой тогда всѣмъ извѣстной «Пчелки» отмѣчалось всегда и Елисеевымъ, и другими сотрудниками. Очень недурна баллада «Литературные старовѣры» написанная Жулевымъ. Она начиналась такъ:

Въ ресторанѣ собрались
    Старовѣры злые.
И бесѣды ихъ велись
    Про дѣла былыя.
И бушуетъ, и кричитъ
    Громко шайка эта,
Что теперь уже молчитъ
    Старая газета.
И ватага эта зла
    И ломаетъ стулья,
Что ихъ главная пчела
    Выбыла изъ улья;
Что теперь имъ ходу нѣтъ
    И карманы голы;
Что теперь коварный свѣтъ
    Жаждетъ новой школы;
А что ихъ давно не чтутъ.
    И труды ихъ—Боже!
На толкучемъ продаютъ
    Съ хламомъ на рогожѣ... *).

Когда В. Ѳ. Коршъ, въ серединѣ 1862 года, объявилъ, что съ 1 января слѣдующаго года редакція «Петерб. Вѣдомостей» будетъ принадлежать ему, но умолчалъ о «направленіи», сказавъ, что послѣднее неудобно опредѣлять въ нѣсколькихъ словахъ, *Искра* поспѣшила написать драму въ четырехъ дѣйствіяхъ: «Коршіаду», гдѣ выяснила московскому гостю, что честное направленіе «опредѣлить очень удобно»... Потомъ каждый ложный шагъ Корша былъ своевременно иллюстрируемъ...

Старчевскій, редакторъ-издатель «Сына Отечества», положительно весь вошелъ въ удачную каррикатуру Аполлона Б. (стр. 258).

Тутъ все—и его недалекое развитіе, и скаредничество, и собственные дома, нажитые на эксплуатированіи читателей; словомъ все, что въ разное время рисовалось, даже и Степановымъ, до и послѣ этой каррикатуры.

Зато Степанову принадлежитъ такая же по опредѣленности и всесторонности характеристика «Времени» братьевъ Достоевскихъ съ Н. Н. Страховымъ (Косицей) въ качествѣ правой руки.

«Иллюстрація» В. Р. Зотова, прославившаяся благодаря историческому протесту почти всѣхъ русскихъ литераторовъ и видныхъ общественныхъ дѣятелей, напечатанному въ концѣ 1858 г. всѣми изданіями

*) 1860 г., № 21. Рѣчь идетъ о „Пчелѣ“ уже при г. Усовѣ.

СЫНЪ, НАЧИНЯЮЩІЙСЯ ЕРУНДОЙ.

— Странная, право, эта журналистика. Какія славныя вещи бросаетъ въ корзину—надо подобрать.
(*Искра*, 1864 г., № 16).

по поводу юдофобства г. Зотова,—эта «Иллюстрація» тоже не избѣгла приговора *Искры*. Такъ, напримѣръ, однажды «Иллюстрація» очень откровенно высказала, что женщинѣ нужна не эмансипація, а «букварь да плетка». *Искра*, зная безсиліе редактора-домостроевца, не обрушилась на него, а такъ вышутила, что этотъ господинъ долго помнилъ Вотъ нѣсколько куплетовъ изъ большой статьи «Опытъ объ «Иллюстраціи»:

Въ минуту жизни трудную
Прочелъ я въ „Иллюстраціи"
Одну статейку чудную
Для женщинъ русской націи.
Какая комбинація
Любви съ наукой кроткою:
Прогрессъ, эмансипація

Въ соединеньи съ плеткою!
Не вѣрится... Не плачется
За ходъ цивилизаціи...
Пускай себѣ дурачится
Редакторъ „Иллюстраціи“ *).

МЕЛКО ПЛАВАЮЩІЕ И БЛИЗОРУКІЕ.

Время. Косица! Объяви *мелкоплавающимъ свистунамъ, что они надоѣли публикѣ*, потомъ, *въ видѣ назиданія*, напиши, *что нибудь* этакое, *эхъ вы!..* Ужъ куда вамъ... *Серьезно говорить съ ними не стоитъ.* Они портятъ только дѣло.

Косица. Да у насъ никакихъ дѣлъ нѣтъ.

Время. Какъ! А въ шкафахъ что?

Косица. Сами изволите знать: чужія мнѣнія; ну, а заголовки, точно, наши. (*Искра*, 1863 г., № 7.)

Въ 1860 г. въ Петербургѣ происходилъ нашумѣвшій въ свое время диспутъ Костомарова и Погодина о происхожденіи Руси. *Искра* дала къ нему иллюстрацію, которая заслуживаетъ быть отмѣченной, такъ какъ въ ней всѣ элементы серьезной каррикатуры.

---

*) 1860 г., № 47.

Погодина, какъ несомнѣннаго врага прогресса, сидящаго за московскими стѣнами, *Искра* поняла сразу и опредѣленіе, сдѣланное ею, было даже потомъ ходячимъ. Вотъ оно:

Ты—ученый безъ призванья,
Ты—любитель-журналистъ,
Ты—поэтъ безъ дарованья
Ты—безъ мнѣній публицистъ.
Ты—ходящій по канату—
Пусть бы каждый затвердилъ
Эту дивную кантату... *)

Ее дѣйствительно многіе затвердили.

Съ Погодинымъ, какъ представителемъ офиціальной народности, *Искра* никогда не смѣшивала истинныхъ славянофиловъ и, если смѣялась надъ послѣдними, то только по поводу ненависти къ Европѣ, страсти къ дореформенному костюму и пр. Ни одинъ изъ честныхъ славянофиловъ не былъ мишенью сатиры.

Теперь остановимся на нѣсколькихъ моментахъ литературной жизни чтобы посмотрѣть, какъ къ нимъ отнеслась *Искра*.

Когда поэзія стала наводняться «медовыми рѣчами» Фета, Вс. Крестовскаго, Случевскаго и другихъ, *Искра* поняла, симптомомъ чего это можетъ служить: грезился возвратъ минувшаго, казалось, что вотъ-вотъ

„Лиры тридцатыхъ годовъ вновь зазвучатъ тихострунныя",

что—

„Будто возстали изъ тлѣна Ершовы, Трилунные **),
Ожили съ ними ручьи, соловьи перекатные,
Пѣночки, просѣки, гроты, поля ароматныя—
Все это будто бы снова у насъ водворилося...

Такихъ опасеній было совершенно достаточно, чтобы осмѣять эти страшные призраки, и вотъ Ламанъ начинаетъ цѣлый рядъ остроумныхъ пародій на произведенія «трилунныхъ» поэтовъ. Въ публикѣ онѣ имѣютъ успѣхъ, ихъ заучиваютъ наизусть.

Романъ «Что дѣлать?» вызвалъ тоже не малую волну на поверхности общественной мысли. Это произведеніе толковалось на тысячу ладовъ и вотъ, Вс. Курочкинъ помѣщаетъ громадную статью—«Проницательные читатели», изъ которой заимствую лишь заключительные стихи:

-Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать" не хорошъ!
Не знаетъ авторъ ни цыганъ,
Ни дѣвъ, танцующихъ канканъ,
Алисъ и Ригольбошъ.
Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать" не хорошъ!
Великосвѣтскости въ немъ нѣтъ
Малѣйшаго слѣда.

---

*) 1860 г., № 24.

**) Трилунный—псевдонимъ Д. Ю. Струйскаго въ „Библіотекѣ для Чтенія" 30-хъ годовъ.

Герой не щеголемъ одѣтъ
И подъ жилеткою корсетъ
Не носитъ никогда.
Великосвѣтскости въ немъ нѣтъ
Малѣйшаго слѣда.
Жена героя—что за стыдъ?
Живетъ своимъ трудомъ;
Не наряжается въ кредитъ
И съ бѣлошвейкой говоритъ—
Какъ съ равнымъ ей лицомъ.
Жена героя, что за стыдъ
Живетъ своимъ трудомъ.
Нѣтъ, я не дамъ женѣ своей
Читать романъ такой!
Не надо новыхъ намъ людей
И идеальныхъ этихъ швей
Въ ихъ новой мастерской!
Нѣтъ я не дамъ женѣ своей
Читать романъ такой.
Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать“ не хорошъ!
Въ пирушкахъ романистъ—профанъ
И чудеса бѣлилъ, румянъ
Не ставитъ онъ ни въ грошъ.
Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать“ не хорошъ! *)

Очень интересный эпизодъ представляетъ «протестъ» противъ *Искры* «всей русской литературы». Дѣло въ слѣдующемъ.

Въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» Писемскій, подъ псевдонимомъ «Никиты Безрылова», написалъ фельетонъ полный гнуснаго смѣха надъ всѣми лучшими начинаніями, чаяніями и надеждами прогрессивной части молодого русскаго общества. Тутъ осмѣивались воскресныя школы, стремленіе женщины къ образованію и независимости, литературныя чтенія въ пользу бѣдныхъ литераторовъ, студентовъ и вообще учащихся, Некрасовъ, Панаевъ, Гончаровъ, Тургеневъ и многіе другіе. Тонъ фельетона былъ настолько гнусный въ общественномъ смыслѣ, что Елисеевъ совершенно вышелъ изъ терпѣнья и написалъ «хронику прогресса» полную горячихъ порицаній по адресу когда-то подававшаго надежды Писемскаго. Онъ поставилъ вопросъ очень широко, но совершенно правильно, и въ заключеніе высказалъ мнѣніе редакціи откровенно и безцеремонно: «Прошли тѣ времена, когда литературную извѣстность можно было пріобрѣтать ловкой фразой, гладкимъ стихомъ, даже блестящимъ остроуміемъ, даже умѣньемъ сочинять повѣсти и разсказы. Нынѣ всякому, даже и не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что талантъ, который не имѣетъ искренняго стремленія служить общественному дѣлу, не заслуживаетъ никакого уваженія, а талантъ употребляющій свои силы на разрушеніе этого

*) 1863 г., № 32.

дѣла, достоинъ полнаго презрѣнія. Это общее убѣжденіе раздѣляемъ и мы,—и съ настоящаго времени имя г. Писемскаго въ нашемъ журналѣ будетъ неразлучно съ именемъ г. Аскоченскаго» *).

Брошенную такимъ образомъ перчатку, вмѣсто Писемскаго подняла газета «Русскій Міръ»—ближайшій конкурентъ *Искры*, такъ какъ при ней издавался сатирическій листокъ *Гудокъ*. Повиненъ въ этомъ былъ исключительно редакторъ газеты Гіероглифовъ. Онъ напечаталъ, что за выходку противъ Писемскаго *Искрѣ* готовится протестъ русскихъ литераторовъ, составленіе котораго будетъ поручено особо выбраннымъ уполномоченнымъ. Но вотъ въ *Искрѣ* появляется «Письмо къ В. С. Курочкину», подписанное М. Антоновичемъ, Н. Некрасовымъ, И. Панаевымъ, Н. Чернышевскимъ и А. Пыпинымъ. Вотъ его содержаніе:

„Редакторы и сотрудники „Современника“ послали въ редакцію газеты „Русскій Міръ“ слѣдующую замѣтку, которую просятъ васъ напечатать и въ вашей, уважаемой ими, газетѣ:

„Въ редакцію газеты „Русскій Міръ“.

„Въ № 6 „Русскаго Міра“, на стр. 158, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „О литературномъ протестѣ противъ Искры“ напечатано, между прочимъ, слѣдующее.

„Въ обществѣ здѣшнихъ литераторовъ и журналистовъ составляется протестъ по поводу напечатанной въ № 5 „Искры“ замѣтки о г. Писемскомъ. Когда листъ съ подписями находился въ редакціи „Русскаго Міра“, подписавшихся было до 30 и ожидается еще значительное число. Мы встрѣтили здѣсь имена почти всѣхъ лучшихъ представителей русской литературы и редакторовъ и сотрудниковъ нашихъ наиболѣе популярныхъ журналовъ: „Современника“ и проч.“.

„Какія подписи лицъ, принадлежащихъ къ нашему журналу, могла видѣть на этомъ протестѣ редакція газеты „Русскій Міръ“, мы не знаемъ, потому что не видѣли этого протеста. А не видѣли мы потому, что господа собиратели подписей къ этому протесту не обращались къ намъ и съ вопросами о томъ согласимся ли мы подписать ихъ протестъ, и въ этомъ случаѣ они поступили очень благоразумно, потому что мы вполнѣ одобряемъ ту статью „Искры“, противъ которой, по объясненію редакціи „Русскаго Міра“, хотятъ они протестовать **).

Этого было достаточно, чтобы «протестъ остался въ рукахъ «Русскаго Міра». Но *Искра*, поддержанная «Современникомъ» не пропустила случая, чтобы дать лишній разъ истинную оцѣнку своихъ враговъ—баллада «Протестъ» противъ *Искры* была отвѣтомъ редакціи трусливымъ протестантамъ ***).

Итакъ, вотъ какова была та «литературная сатира», которая нѣкоторыми (напримѣръ, г. Трубачевъ) ставится въ вину *Искрѣ*... Читатель, надѣюсь, увидѣлъ ея серьезное общественное значеніе,— значеніе безусловно боевое—какъ и всего содержанія этого журнала, — а не зубоскальное, не личное, не месть конкурентамъ и личнымъ врагамъ. Такая литературная сатира не могла не быть въ органѣ, широко понимавшемъ свои задачи.

---

*) 1862 г., № 5.

**) 1862 г., № 7.

***) Idem.

XIV.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о стороннихъ обстоятельствахъ, тяготѣвшихъ надъ *Искрой* съ самаго перваго ея шага и, въ концѣ концовъ, заставившихъ ее влачить, сравнительно съ прошлымъ, жалкое существованіе.

Вся политика министерства народнаго просвѣщенія, а съ 1863 года министерства внутреннихъ дѣлъ,—какъ центровъ цензурнаго воздѣйствія,—сводилась лишь къ «терпѣнію» сатирической журналистики. Обличеніе злоупотребленій, неразвитости, иногда просто тупости должностныхъ лицъ никогда не пользовалось поощреніемъ, даже безразличнымъ къ себѣ отношеніемъ. Въ результатѣ — кульминаціонный пунктъ «эзоповщины», цѣлая наука проскочить сквозь игольное ушко съ какимъ-нибудь толсточревымъ взяточникомъ...

Я не буду подробно останавливаться на томъ интересномъ матеріалѣ, который имѣется въ моемъ распоряженіи и очень ярко освѣщаетъ всѣ мытарства *Искры* и другихъ изданій. Ограничусь здѣсь нѣсколькими замѣчаніями.

Самое объявленіе о выходѣ *Искры*, выпущенное въ концѣ 1858 г., было уже принято недружелюбно, благодаря виньеткѣ. Съ перваго нумера журналъ сталъ цензуроваться особенно внимательно. Въ 1862 г. запрещенъ отдѣлъ «Намъ пишутъ». 1864 г. былъ годомъ самыхъ тяжелыхъ событій для *Искры*: то и дѣло нумера опаздывали на 10—15 дней. Наконецъ, 3-го сентября Вас. Курочкинъ былъ отставленъ отъ редактированія своего журнала, а вскорѣ мы уже видимъ только одну редакторскою подпись: «Владиміръ Курочкинъ». Это второй братъ Василія Степановича...

Вотъ тѣ условія. въ которыхъ проходила жизнь *Искры* и благодаря которымъ 1864 г. нужно считать послѣдней ея лебединой пѣснью.

Но почему же одновременно съ подписью Вас. Курочкина исчезаетъ и подпись его соредактора-соиздателя? Судя по нумерамъ, можно предположить, что выходъ Степанова былъ какъ бы непосредственнымъ результатомъ «отставки» Курочкина. Въ томъ нумерѣ, гдѣ начинаетъ подписываться уже Вл. Курочкинъ, помѣщена послѣдняя степановская работа. Что же побудило Степанова бросить дѣло? Почему онъ вышелъ изъ изданія именно въ такой моментъ?

Что, основывая дѣло, Степановъ и Курочкинъ условились дѣлить доходъ пополамъ—это г. Трубачевъ говоритъ вѣрно; что Курочкинъ проживалъ много денегъ и довольно притомъ безалаберно — тоже вѣрно *). Но что Курочкинъ, зарвавшись, все «требовалъ еще и еще»— это врядъ ли такъ; надо совершенно его не знать, чтобы рисовать, какъ какого-то нахала, чтобы не сказать больше, который, забравъ все свое, приставалъ бы къ Степанову: «Подай мнѣ изъ твоего!»

*) Интересующіеся послѣднимъ обстоятельствомъ найдутъ не мало любопытнаго въ цитированной уже книгѣ Мартьянова.

Г. Трубачевъ идетъ дальше и бросаетъ въ безмолвнаго покойнаго тяжкое обвиненіе просто-на-просто въ присвоеніи. Иначе нельзя понять такія слова: «Курочкинъ сталъ требовать весьма значительную сумму на гонораръ сотрудникамъ, несмотря на то, что въ *Искрѣ* очень рѣдко помѣщались статьи извѣстныхъ литераторовъ; большею же частью журналъ наполнялся произведеніями писателей молодыхъ или начинающихъ, а то и даровыми статейками, присылаемыми gratis изъ провинціи» *). Не говоря уже о томъ, что здѣсь полностью незнакомство съ самимъ журналомъ, — какъ могъ рѣшиться г. Трубачевъ, *совершенно не имѣя писемъ Курочкина къ Степанову*, о чемъ онъ самъ же заявляетъ, бросить въ перваго такое обвиненіе! Неужели это сдѣлано только ради желанія дорисовать картину хоть сажей, за недостаткомъ красокъ, но только не оставить чистое полотно? Теперь по существу. Тутъ говорить много не приходится. Курочкинъ не могъ требовать никакихъ себѣ сотрудническихъ денегъ, потому что всѣ разсчеты съ сотрудниками вела жена Степанова, хорошо имъ извѣстная, Софья Сергѣевна, человѣкъ очень аккуратный. Всѣ дальнѣйшія росказни г. Трубачева опровергаетъ также небольшая замѣтка В. О. Михневича, хорошо узнавшаго Степановыхъ въ «Будильникѣ». Что касается причинъ разрыва Курочкина со Степановымъ, то Михневичъ положительно утверждаетъ, что «какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось денежныхъ разсчетовъ и вообще хозяйственной стороны издательства, хлопотала и распоряжалась единственно Софья Сергѣевна—женщина себѣ на умѣ, очень разсудительная и практическая, любовно, къ тому же, оберегавшая мужа отъ всякихъ безпокойствъ и дрязгъ»... «По ея же иниціативѣ и настояніямъ Н. А. разошелся съ Курочкинымъ и основалъ свой журналъ»... Софья Сергѣевна зорко учитывала бюджетъ компанейской *Искры* и, когда убѣдилась, что невозможно сладить съ *безалабернымъ компаніономъ, обидно захватывавшимъ на свои траты большую половину дохода*, рѣшительно повела дѣло къ разрыву. Н. А. покорно этому рѣшенію подчинился» **). Жаль только, что Михневичъ тоже не удержался, чтобы не бросить неосновательнаго упрека по адресу Курочкина. Объясняется это источникомъ его свѣдѣній—ихъ дала ему жена Степанова. Самъ Степановъ до конца своей жизни относился къ Курочкину безусловно хорошо—это подверждаетъ знавшая ихъ отношенія А. Г. Шиле.

Могутъ ли быть сомнѣнія, что послѣ такой перепалки, сходной съ потасовкой, учиненной на «натурѣ» Расплюева, *Искра* начала гаснуть и еле-еле дотлѣла до 1873 года... Свѣтлые ея дни «прошли безвозвратно». «Будильникъ» Степанова не пережилъ и десятой доли успѣха перваго истиннаго сатирическаго русскаго журнала...

Итакъ, вотъ въ чемъ успѣла выразиться эпоха обличительнаго жара.

---

*) „Истор. Вѣстникъ“, 1891, IV, 118.

**) Страничка изъ литературныхъ воспоминаній. „Истор. Вѣстн.“ 1891 г. VI“.

Нѣтъ сомнѣнія, ознакомившись со всѣмъ, прошедшимъ передъ его глазами, читатель въ правѣ сдѣлать выводъ о значительной роли сатирической журналистики 1857—1864 г.г., дѣятельно участвовавшей въ кипучей работѣ передовыхъ общественныхъ элементовъ. Многое было полу-замолчано, еще больше — совершенно пропущено, но развѣ не многое и освѣщено свѣтомъ все исцѣляющаго смѣха? развѣ въ *Искрѣ*, главнымъ образомъ, общество не въ правѣ было чувствовать своего вѣрнаго помощника? Теперь, на разстояніи сорока слишкомъ лѣтъ, многія страницы *Искры*, *Гудка* и отчасти *Занозы* кажутся непонятными, неинтересными, даже безсодержательными, но развѣ можно претендовать на безсмысленность отдѣльныхъ буквъ, только и получающихъ значеніе въ словѣ? Все это были кирпичи, необходимые для возведенія грандіозной постройки...

Закончу свой очеркъ словами Курочкина, сказанными въ *Искрѣ* 1870 года, только что освобожденной отъ предварительной цензуры:

«Было время, когда въ жизни *Искры* и дѣятельности были хорошіе, памятные всѣмъ дни.

«Конечно, потомъ все пошло прахомъ, но прахомъ пошло не въ одной *Искрѣ*, а вездѣ. Полоса такая нашла. Когда начиналась *Искра*, въ русскомъ обществѣ стояли свѣтлые, прекрасные дни. То была пора самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и упованій, пора увлеченій, можетъ быть, юныхъ, незрѣлыхъ, но увлеченій чистыхъ, безкорыстныхъ, полныхъ самоотверженія, проникнутыхъ одною цѣлью—цѣлью общаго добра и счастья, и единодушныхъ. Все лучшее общество жило одними и тѣми же идеалами, если и неопредѣленными въ подробностяхъ и не всегда ясно сознаваемыми, то несомнѣнно одинаковыми въ ихъ общей основѣ; оно признавало и выражало ихъ, какъ одинъ человѣкъ. Литература несла общее, близкое всѣмъ знамя. Она несла его грозно и честно, — и этимъ создала себѣ высокое значеніе и необыкновенную силу въ обществѣ. Мы думаемъ, что нисколько не преувеличимъ заслугъ литературы того времени, если скажемъ, что все, что въ настоящее время остается лучшаго, живого, плодотворнаго въ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ общества, было насаждено ея трудомъ, привито ея заботами и стараніями. Но при этомъ мы могли бы сказать вмѣстѣ съ Гете, что когда тѣснящіеся въ душу образы прошедшаго «приносятъ съ собою картины свѣтлыхъ дней, то вмѣстѣ съ ними появляется изъ него много дорогихъ тѣней, — и дѣлается болѣзненнѣе старая скорбь, начинаетъ вновь сильнѣе чувствоваться досада на ходъ жизни, запутывающій людей съ ихъ пути, подобно лабиринту; въ памяти оживаютъ имена тѣхъ добрыхъ спутниковъ, которые исчезли въ прекрасные часы, обманутые счастьемъ». А счастье, дѣйствительно, было обманчиво. Давно уже наступила и стоитъ другая полоса. Опредѣленная дѣйствительность смѣнила прежніе неопредѣленные идеалы»*)...

Мих. Лемке.

*) 1870 г., № 1.

ДОНАТЬЕННА

Романъ **Ренэ Базэна.**

Переводъ **З. Журавской.**

(*Продолженіе* *).

III.

Въ театрѣ.

Вечеромъ, пообѣдавъ въ комнаткѣ за лавкой, Донатьенна пріодѣлась и, несмотря на усталость въ лицѣ, вышла очень интересная въ своей шляпѣ съ черными и розовыми перьями и сѣромъ мѣховомъ боа; у нея была красивая походка и маленькія ручки, а кожи, испорченной и огрубѣвшей отъ работы, подъ перчатками не было видно. Ея сожитель шагалъ быстро, увлекая ее за собой. Сосѣдки, не хуже, чѣмъ въ провинціи, слѣдившія за всѣмъ, что происходитъ на улицѣ, видя ихъ, говорили одна другой: Опять, навѣрное, отправились въ театръ. Они много зарабатываютъ. Но только она на себя все и тратитъ. Она жить не можетъ безъ развлеченій.

Въ галстукѣ съ поддѣльной брилліантовой булавкой, въ новой жакеткѣ, грудь колесомъ, съ побѣдоноснымъ и наглымъ видомъ шелъ рядомъ съ Донатьенной Бастіенъ Ларэй. Онъ старался изгладить тягостное впечатлѣніе утренней ссоры и своей грубости; онъ понялъ, что Донатьенна въ гнѣвѣ сказала правду, что она способна бросить его даже и безъ причины... Они сѣли въ поѣздъ и скоро очутились на бульварахъ. Было уже около 9 часовъ.

Пьеса уже началась, когда они вошли въ освѣщенную залу. Публика хохотала. Однѣ и тѣ же фразы вызвали одно и то же выраженіе на лицахъ зрителей амфитеатра, принужденныхъ встать, чтобы пропустить Донатьенну и ея любовника на среднія мѣста въ первомъ ряду. Онъ былъ уже настроенъ въ униссонъ съ этой толпой. Ей хотѣлось того же, чтобъ избавиться отъ назойливой мысли, преслѣдовавшей ее весь день. Она любила театръ. Она и въ бытность свою прислугой тратила чуть не половину жалованья, чтобъ имѣть возможность «посмѣяться надъ комедіей», какъ она выражалась. И само-

---

*) См. „Міръ Божій", № 7, іюль, 1903 г.

увѣренность, съ которой она прошла впередъ, высоко держа голову и вполголоса бормоча: «Извините!», и жестъ, которымъ она подобрала платье слѣва, усѣлась и, не глядя на сцену, принялась лорнировать зрителей, все указывала на привычку къ театру.

Скоро она облокотилась на красную бархатную рампу и стала смотрѣть внизъ, на сцену. стараясь сосредоточить свои мысли на томъ, что тамъ говорилось и дѣлалось. Говорилось, повидимому, что-то смѣшное. Но до нея какъ будто долетали только оболочки словъ, пустые звуки, лишенные смысла, ничего не задѣвавшіе въ ней. И наоборотъ, другіе звуки, другія слова, которыхъ никто не говорилъ и не слышалъ, волнами перекатывались въ ея головѣ: «Ноэми! Люсьенна! Жоэль!» Она не могла не слышать этихъ звуковъ, заключавшихъ въ себѣ всю драму ея жизни, какъ не могла бы задержать рукой бьющій изъ земли источникъ. И въ театрѣ она не могла уйти отъ самой себя. Она смотрѣла на оркестръ, на ложи, туалеты... Но глубоко потрясенная душа ея не могла придти въ равновѣсіе. Напротивъ, она чувствовала, какъ горе ея растетъ отъ контраста со всей этой обстановкой и этой нарядной толпой. Не въ силахъ выносить это дальше, она повернулась къ своему любовнику, чтобы сказать: «Уйдемъ!» Но не успѣла она раскрыть ротъ, какъ увидала по правую сторону Бастіена Ларэй, въ креслѣ амфитеатра, женщину, очевидно, одного съ ней общественнаго положенія, молодую, цвѣтущую, съ ребенкомъ на рукахъ, двухлѣтнимъ крошкой, котораго она прижимала къ груди. Отяжелѣвшая бѣлокурая головка свѣсилась на плечо матери. Ровное дыханіе приподнимало маленькое тѣльце, время отъ времени вздрагивавшее во снѣ.

Женщина сидѣла у самой баллюстрады и, повидимому, вся ушла въ то, что происходило на сценѣ. Донатьенна думала: «Что если она выпуститъ ребенка! Стоитъ ей только разжать руки, и онъ полетитъ внизъ, разобьется! Какой онъ хорошенькій!» Она такъ долго смотрѣла на ребенка, что мать, наконецъ, замѣтила это. Обѣ женщины поняли другъ друга. Каждая изъ нихъ была матерью. Донатьенна только грустно улыбнулась, думая про себя, что для нея было бы отрадой покачать на колѣняхъ малютку. Но высказать это она не рѣшалась. А другая женщина опять ушла въ пьесу и не отрывала глазъ отъ сцены. Донатьенна сидѣла въ полуоборотъ къ ребенку и чувствовала какъ она блѣднѣетъ, словно жизнь изъ нея уходила капля за каплей. Театръ, словечки актеровъ, смѣхъ публики,—какъ далеко все это ушло! Какимъ чужимъ казался ей человѣкъ, сидѣвшій съ ней рядомъ, не подозрѣвая, что происходило такъ близко отъ него, и какъ онъ былъ чуждъ ей на самомъ дѣлѣ! Она видѣла передъ собой послѣднія картины своей семейной жизни, сохранившіяся въ ея памяти; много лѣтъ она гнала отъ себя эти видѣнія; теперь они вернулись, торжествуя побѣду и терзая ея душу. Она видѣла домикъ въ Ро-

Гриньонѣ, на вершинѣ каменистаго холма, два поля—гречихи и ржи, двумя свѣтлыми полосами лежавшія у подножья, а за ними ланды и лѣсъ, гудѣвшій отъ вѣтра; видѣла горницу, кровать, колыбельку, дверь, выходившую въ хлѣвъ; видѣла троихъ дѣтей, кидавшихся ей на шею, когда она возвращалась съ поля.

«Родные мои, гдѣ вы? Правда ли, что вы живы?»

Все продано... Да... и убогія поля, гдѣ, не покладая рукъ, трудился Луарнъ, теперь обрабатываютъ другіе... Все кончено, давно, и у Донатьенны не было желанія вернуться къ прежней жизни. Но здѣсь, въ этой театральной залѣ, на вышкѣ, ей вдругъ показалось, она вдругъ поняла яснѣе, чѣмъ когда-либо, что, разставшись съ дѣтьми, она отняла у себя безконечную, единственную радость... Тогда она была слишкомъ молода и легкомысленна, чтобы понять это. Теперь у нея не хватило бы силы оторваться отъ этихъ маленькихъ ручекъ, плечиковъ, глазокъ, отъ этихъ ротиковъ, такъ нѣжно цѣловавшихъ ее. «Ахъ, дѣтки, дѣтки! Какъ могутъ матери оставлять васъ, если только ихъ не разлучаетъ съ вами смерть! Какое безуміе было съ моей стороны ѣхать на мѣсто въ Парижъ! Какое безуміе оставаться, когда я могла вернуться!.. Мнѣ недостаетъ вашихъ ласкъ, прикосновенія вашихъ ручекъ; мнѣ хотѣлось бы держать васъ на колѣняхъ, чувствовать вашу тяжесть... Я страдаю!..» Ея страданіе такъ явственно читалось на ея лицѣ, что Бастіенъ Ларей, обернувшись къ ней съ повеселѣвшимъ лицомъ, расплывшимся въ тяжеловѣсную улыбку, удивленно спросилъ:

— Ты не смѣешься, Донатьенна?

— Нѣтъ.

— Ты, значитъ, не слушаешь?

— Нѣтъ.

— Я не затѣмъ купилъ тебѣ билетъ, чтобы ты строила такую физіономію! Чего тебѣ еще надо?

Сосѣдка, услыхавъ перебранку, повернулась въ сторону Донатьенны, медленно и лѣниво раскачивая свое гибкое, молодое тѣло, убаюкивая ребенка. Къ ней потянулись маленькія руки въ перчаткахъ; вздрагивавшій отъ волненія голосъ спрашивалъ:

— Не дадите ли вы мнѣ покачать его?

— Это вамъ доставило бы удовольствіе?

— И отраду; у меня нѣтъ больше дѣтей.

Она была такъ блѣдна, что сосѣдка поняла, что она говоритъ правду, и пожалѣла ее.

— Ты смѣшна, Донатьенна!—пожалъ плечами любовникъ.

Но женщина осторожно подняла ребенка и за спиной протестовавшаго мужчины, къ полному удовольствію сосѣдокъ и негодованію сосѣдей, шипѣвшихъ «Тише вы бабы!», передала его Донатьеннѣ, не безъ страха однако-жъ. Но, выпустивъ изъ рукъ голубое съ бѣлымъ

платьице, она уже въ свою очередь не могла ни смотрѣть, ни слушать, ей было жаль, что она отдала ребенка. Не переставая улыбаться, изъ вѣжливости, она то и дѣло поглядывала въ сторону Донатьенны. Эта послѣдняя уложила ребенка у себя на колѣнахъ, окружила его руками и сидѣла неподвижная, согнувшись, словно изображая изъ себя колыбель. По временамъ дрожь пробѣгала по ея тѣлу, и она не могла скрыть этого, но она испытывала не удовольствіе, какъ ожидала, а скорбь и раскаяніе, еще болѣе глубокое.

Пьеса приходила къ концу. Занавѣсъ опустился.

— Ну, будетъ дурить!—сказалъ Бастіенъ.—Отдай мальчишку—идти надо.

Она не отвѣтила, подняла теплое дѣтское тѣльце къ своимъ губамъ, помедлила минуту, словно стыдясь и чувствуя себя недостойной, потомъ быстро нагнувшись, поцѣловала розовую щечку, которая сморщилась подъ поцѣлуемъ.

— Благодарю,—сказала она, передавая ребенка матери, и ушла съ Бастіеномъ Ларэй.

Былъ уже часъ ночи, когда они вернулись въ маленькую квартирку надъ кофейной. Бастіенъ, усталый и недовольный, улегся, почти не разговаривая съ ней. Донатьенна медленно раздѣвалась, нарочно не торопясь, прибирая то то, то другое; она предпочла бы провести эту ночь на коврѣ на полу или въ креслѣ. Замѣтивъ что любовникъ ея уже спитъ, она тоже легла, но отодвинулась отъ него какъ можно дальше и всю ночь проплакала.

. . . .

Въ душу Донатьенны закралось сожалѣніе о прошломъ. Но это новое страданіе не вызвало никакихъ перемѣнъ. Съ теченіемъ времени оно даже смягчилось, какъ все на свѣтѣ. Она никого не посвящала въ свою тайну. Картины прошлаго она гнала прочь и увѣряла себя, что ей не дождаться возвращенія вѣстника, который такъ взволновалъ ее.

Зима прошла. Мартъ уже начиналъ разрывать завѣсу тучъ. Каждое утро Донатьенна, отдергивая шторы въ витринѣ, искала взглядомъ человѣка, который обѣщалъ вернуться.

Но его не было. И она противъ воли испытывала разочарованіе. Разводя огонь, кипятя воду для кофе, она все время, не переставая думала о тѣхъ, кого покинула. И все больнѣе ей было, что своихъ дѣтей, свою плоть и кровь она не могла себѣ представить такими, какими они должны быть теперь. Она видѣла только какіе-то безформенные образы. Они не смотрѣли на нее, не улыбались ей; они были безмолвны; она не слыхала ихъ голосовъ. Какъ бы они называли ее? Какіе у нихъ глаза, ростъ, какъ они одѣты? Ничего этого она не знала...

Это мучило ее до прибытія первыхъ кліентовъ; затѣмъ хлопоты заглушали душевную боль.

Мартовскіе дни медлительно тянулись одинъ за другимъ.

IV.

Прохожій.

Далеко отъ Парижа и еще дальше отъ Бретани есть равнина, вся изрытая холмами и лощинами. Съ сѣверной стороны входъ въ нее закрытъ высокимъ плато, отъ котораго идутъ на востокъ или западъ цѣпи холмовъ пониже; такимъ образомъ равнина вся лежитъ точно въ корзинкѣ, зеленой весной, а подъ конецъ лѣта цвѣтомъ напоминающей сухой тростникъ. О размѣрахъ ея можно судить по тому, какъ медленно проходятъ надъ ней гонимыя вѣтромъ тучи. Только въ бурю онѣ проносятся быстро, а въ обыкновенную погоду по полъ-дня видны надъ долиной. Пастухи привыкшіе слѣдить за тучами смотрѣли на все остальное мечтательными глазами, словно сквозь сонъ. Они пасутъ стада барановъ и свиней на ландахъ этого плато, гдѣ между верескомъ и рожью поблескиваютъ неглубокіе пруды. Деревни на этой равнинѣ расположены далеко другъ отъ друга. Въ ясный день ихъ можно распознавать издали, не по шпицу колокольни, такъ какъ у здѣшнихъ церквей колокольни имѣютъ видъ четырехъугольныхъ башенокъ, но по краснымъ черепичнымъ крышамъ. Это центръ французской земли, втиснутый во столько рамокъ, что никогда ни вѣтеръ океана, ни вольный вѣтеръ горъ не можетъ достигнуть его, не сломавъ себѣ крыльевъ. Земля, гдѣ знойное лѣто сжигаетъ еще не налившуюся пшеницу, гдѣ нерѣдко засыхаютъ отъ зноя не успѣвшіе созрѣть плоды.

Невдалекѣ отъ устья долины дорога, круто сбѣгавшая съ горы. поднималась снова, потомъ опять спускалась и у подножія второго спуска проходила въ нѣсколькихъ метрахъ отъ бѣднаго домика: двѣ комнаты подъ крышей изъ старой черепицы, потрескавшейся, разъѣхавшейся, покрытой слоемъ пыли и мертвыхъ листьевъ, мѣнявшей свой видъ съ каждымъ временемъ года. При домѣ нѣсколько грядъ капусты и моркови, лужа, подальше колодецъ, двѣ-три узенькихъ цвѣточныхъ грядки, засѣянныхъ гвоздикой. А вокругъ этого небольшого участка, формой напоминавшаго уголъ, извилистая линія густой живой изгороди и близъ нея нѣсколько тополевыхъ пней, срубленныхъ на высотѣ шести метровъ отъ земли, доставлявшихъ хворостъ на топливо; вотъ и все. А дальше широкія полосы луговъ, клевера, хлѣбныхъ полей. Построекъ по сосѣдству не было; только неширокая дорога отъ угла изгороди вела къ деревнѣ, которая пряталась направо между фруктовыхъ садовъ, на разстояніи полукилометра.

Двадцатаго марта день выпалъ холодный; на плато дулъ вѣтеръ, разстилая надъ равниной тяжелый пологъ тучъ, которымъ, казалось, не будетъ конца. Вотъ уже недѣлю тучи тянулись по направленію къ югу; иногда только въ щель этого импровизированнаго потолка врывался ливень лучей, ярко озаряя уголокъ пейзажа, гдѣ вдругъ такъ отчетливо вырисовывались самыя мелкія подробности—стадо, ѣдущая

телѣга, очертанія рвовъ и откосовъ, золотой пѣтухъ на колокольнѣ или флюгарка. Въ такіе моменты по нѣжной окраскѣ луговъ и купъ деревьевъ видно было, что весна уже началась и на вѣтвяхъ набухаютъ почки. Ни вѣтеръ, ни небо не говорили объ этомъ. Вѣтеръ дулъ сильный, и въ садикѣ у дороги раздувалось и щелкало бѣлье, которое развѣшивала на веревкѣ дѣвочка-подростокъ. Она только что выполоскала его въ лужѣ на концѣ сада, гдѣ до сихъ поръ еще не сгладилась взволнованная поверхность воды, и, сложивъ его на тачку, брала штуку за штукой, рубашки, платки, дѣтскія штанишки и тряпки, развертывала ихъ и деревянными щипчиками укрѣпляла на веревкѣ, протянутой передъ домомъ, вдоль капустныхъ грядъ. Надувавшіяся отъ вѣтра рубашки хлопали рукавами; простыни морщились, свертывались и тоже хлопали. Но дѣвочка невозмутимо продолжала свою работу, начатую съ того конца веревки, что былъ ближе къ дому.

Она была небольшого роста, но стройна и хорошо сложена, и лицо ея было интеллигентнѣе, чѣмъ вообще лица крестьянокъ. Она не видѣла, что на нее внимательно смотритъ черезъ заборъ человѣкъ въ одеждѣ рабочаго, въ плохо пригнанномъ костюмѣ изъ толстаго сукна, въ потертомъ котелкѣ и съ объемистымъ узломъ, который онъ несъ на плечѣ, на концѣ суковатой палки. Человѣкъ этотъ пришелъ, видимо, издалека. Его толстые сапоги невыдѣланной кожи были покрыты грязью. Онъ шелъ противъ вѣтра, и лицо его раскраснѣлось, а глаза слезились, такъ рѣзокъ былъ этотъ вѣтеръ. Замѣтивъ дѣвочку, онъ, еще не доходя до сада, замедлилъ шагъ и подходилъ не спѣша, часто останавливаясь, чтобы передохнуть, поступью сильно уставшаго человѣка. Онъ дѣйствительно, немного усталъ, но, главное, ему хотѣлось разсмотрѣть хорошенько этотъ садикъ и домъ и его обитателей. И онъ старался, чтобы дѣвочка, развѣшивавшая бѣлье, не сразу увидала его

А она думала только о своей работѣ. Она уходила, возвращалась, нагибалась, поднималась на цыпочки, и это мѣшало прохожему разглядѣть ея лицо, то отвернутое, то закрытое отъ него штукой бѣлья или руками, растягивавшими полотно. На ней была коротенькая юбка, изъ-подъ которой виднѣлись деревянные башмаки и чулки, когда-то, очевидно, красные, но теперь совсѣмъ выцвѣтшіе и во многихъ мѣстахъ заштопанные. Юбка на ней была черная, какъ и корсажъ, и поверхъ надѣтъ синій холстинковый фартукъ, очевидно для стирки, но дѣвочка и теперь не сняла его, хотя онъ былъ весь мокрый и висѣлъ жгутомъ

Когда до домика осталось всего шаговъ пятнадцать, прохожій остановился у изгороди и на его спокойномъ лицѣ выразилось волненіе, оттянувшее книзу углы толстыхъ, потрескавшихся губъ. Онъ узналъ дѣвочку, которую видѣлъ годъ тому назадъ сидящей въ саду. Въ эту минуту она какъ разъ подошла ближе къ изгороди и, слѣдовательно, къ дорогѣ. Черты ея лица были такъ же тонки, какъ и линіи тѣла, глаза темные, съ длинными рѣсницами, ротъ крошечный, какъ у До-

натьенны, и такая же блѣдная кожа и острый подбородокъ и печальный, сдержанный видъ. Вѣтеръ развѣвалъ ея платье спереди, игралъ завитками на лбу, но каштановые волосы были уложены на макушкѣ въ тяжелую и прочную прическу, напоминавшую каску. Если бы не бѣдное платье, ее можно было бы принять скорѣе за горожанку. Въ садикѣ не было, кромѣ нея, ни души... Впрочемъ, нѣтъ... Въ дверяхъ дома показался мальчуганъ лѣтъ пяти-шести.

Каменьщикъ вспомнилъ свое обѣщаніе на обратномъ пути потолковать съ этими людьми, о которыхъ говорили, что они пріѣхали издалека, и навести справки. Тамъ на плато ему нужно было захватить поѣздъ, идущій въ Парижъ. Всего нѣсколько шаговъ отдѣляли его отъ дѣвочки, развѣшивавшей въ это время большую, бумажную, клѣтчатую рубаху, которая сейчасъ же раздулась отъ вѣтра. Прохожій кашлянулъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Дѣвочка вздрогнула, попятилась назадъ, не выпуская деревянныхъ колышковъ, которыми она хотѣла прикрѣпить рубаху къ веревкѣ, и тутъ только увидала на дорогѣ за изгородью прохожаго, который положилъ свой узелъ съ пожитками на край канавы и утиралъ рукавомъ потъ съ лица. У прохожаго лицо было не злое. Дѣвочка чувствовала себя дома и въ безопасности по другую сторону изгороди. Она осталась. Онъ спросилъ, стараясь придать ласковое выраженіе своему голосу.

— Нельзя ли, душенька, получить у васъ стаканчикъ вина?

Ей показалось, что онъ нарочно выдумалъ этотъ предлогъ, чтобъ завязать разговоръ. Она отвѣтила:

— У насъ есть только вода.

— Ну, такъ стаканъ воды,—попить охота.

Прежде чѣмъ отвѣтить, дѣвочка всмотрѣлась въ него, чтобы убѣдиться, что это не опасный бродяга, потомъ посмотрѣла въ сторону деревни. Потомъ все тѣмъ же серьезнымъ тономъ, но живо повернувшись, сказала:

— Сейчасъ принесу.

Въ одну минуту она сбѣгала домой, зачерпнула воды въ ведрѣ и вернулась съ полнымъ стаканомъ, гдѣ отъ движенія поблескивали голубыя искорки.

— Вода хорошая и холодная—сами увидите.

Прохожій приподнялъ шляпу, выпилъ, не отрываясь, воду и выплеснулъ остатки на изгородь.

— Благодарю васъ, мадмуазель Ноэми!

Она взяла стаканъ и застыла на мѣстѣ отъ удивленія. Серьезное выраженіе этого юнаго личика смѣнилось враждебностью или тревогой.

— Меня никто не зоветъ «мадмуазель», но мое имя дѣйствительно Ноэми. Откуда вы его знаете?

— Я видѣлъ васъ въ прошломъ году проходомъ въ Парижъ. Вы не помните?

— Нѣтъ.

— Одинъ товарищъ указалъ мнѣ вашъ домъ и говоритъ: «А тутъ говоритъ, живутъ не здѣшніе. Они издалека пріѣхали. У нихъ есть мальчишка, котораго зовутъ Жоэлемъ». Это вѣрно?

— Да.

— Это онъ и есть тамъ въ дверяхъ?

— Нѣтъ, это Батисто. Жоэль съ отцомъ въ каменоломнѣ.

— Сколько же васъ всѣхъ?

— Четверо.

— Тѣмъ хуже.

— Да вамъ то какое дѣло?

Сама не зная почему, дѣвочка вдругъ успокоилась и звонко разсмѣялась.

— Дѣло тутъ не во мнѣ,—выговорилъ прохожій, словно про себя, качая головой.—Тѣмъ хуже!..

— Ну, теперь уходите,—сказала дѣвочка, принимаясь опять за работу.—Мнѣ нужно еще покончить съ бѣльемъ, а то если увидятъ, что я болтаю мнѣ такъ влетитъ!

Этотъ отвѣтъ «насъ четверо» огорчилъ каменьщика, какъ будто дѣло касалась его лично. Вотъ и все, что онъ можетъ сказать этой славной, пригожей хозяйкѣ кафэ въ Леваллуа, этой огорченной матери! Онъ представлялъ себѣ, какъ она заплачетъ и скажетъ ему: «зачѣмъ вы пришли? Пока я васъ не видала, у меня не было надежды, а теперь вы сами отнимаете ее у меня». У прохожаго была наивная и добрая душа, легко откликающаяся на чужое горе. Онъ смотрѣлъ на дѣвочку, которая, въ свою очередь, подозрительно взглядывала на него, разстилая остальное бѣлье на капустныхъ грядахъ, такъ какъ на веревкѣ уже не было мѣста. И между лицомъ дѣвочки и тѣмъ другимъ лицомъ, которое врѣзалось въ его память, сходство было такъ велико, что онъ не поднялъ ни палки, ни узла, хотя онъ и наклонился, чтобы поднять ихъ.

— Не сердитесь, малютка Ноэми, и не думайте, что я похожъ на тѣхъ бродягъ, которые любятъ болтать черезъ заборъ съ кѣмъ придется и ведутъ себя иногда совсѣмъ не красиво. Я самъ здѣшній; я родомъ изъ Жантіу. Про меня тамъ всѣ знаютъ, что я изъ хорошей семьи... Послушайте-ка, что я вамъ скажу.

Дѣвочка подошла на нѣсколько шаговъ, не выпуская изъ рукъ простыни.

— Дѣло въ томъ, что я видѣлъ въ Парижѣ кой кого, кажется, изъ вашей родни.

— Я не знаю никакой родни,—сказала Ноэми.—Это мужчина?

— Нѣтъ.

Дѣвочка приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видѣть прохожаго; ротикъ ея открылся, крылья носа побѣлѣли отъ волненія. Про-

хожій подумалъ: «она что-то знаетъ». Она выронила простыню и мигомъ очутилась подлѣ него по другую сторону изгороди.

— Такъ она жива?—прозвенѣлъ надъ его ухомъ взволнованный голосъ.

— Послушайте...—Прохожій понялъ, что дѣвочку глубоко захватываютъ и радость, и горе.—Видите ли, прежде чѣмъ вамъ сказать въ чемъ дѣло, мнѣ нужно многое знать. Куда же вы? Не волнуйтесь такъ... Смотрите, у васъ руки дрожатъ... Такъ вы говорите, васъ четверо?

— Да, Батисто младшій, потомъ Жоэль, Люсьенна и я. Четверо.

— Мнѣ говорили однимъ меньше. Вы пріѣхали изъ Бретани?

— Да. Мнѣ тогда шелъ шестой годъ. Я помню, я шла пѣшкомъ; остальные были въ ручной телѣжкѣ.

— Ваша мать живетъ съ вами?

Дѣвочка сдвинула брови и не сразу отвѣтила: ей тяжело было говорить съ постороннимъ о томъ, что она хранила въ самой глубинѣ души. Она еще разъ посмотрѣла въ лицо незнакомцу, убѣдилась, что онъ то же взволнованъ, что передъ нею добрый человѣкъ, и нагнувшись къ нему, скороговоркой отвѣтила, довѣрчиво, какъ женщина и ребенокъ.

— Это мать Батисто, сударь. Но мнѣ она не мать. Моя, говорятъ, допустила продать все наше имущество тамъ въ Бретани и не захотѣла вернуться къ намъ. Она уѣхала въ Парижъ въ кормилицы, такъ ее съ тѣхъ поръ и не видали.

— А какъ ее звать?

— Донатьенной.

— Ну, значитъ, я ее видѣлъ.

— Что вы говорите?! Вы ее видѣли?

— Да, и даже разговаривалъ съ ней.—Дѣвочка тихонько заплакала. Слезы катились по щекамъ ея, но она не опускала глазъ, а смотрѣла вверхъ черезъ голову прохожаго на вершины деревьевъ, гдѣ, должно быть, виталъ для нея образъ той, которая звалась Донатьенной... Потомъ она опустила рѣсницы и, рыдая, продолжала улыбаться видѣнію.

— Скажите, сударь, говорила она обо мнѣ?

— Обо всѣхъ васъ.

— Такъ она не забыла насъ? Я это знала... Я была въ этомъ увѣрена, хотя *они* говорятъ другое... Я любила ее... Скажите мнѣ, она старенькая?

— Вовсе нѣтъ, еще красивая женщина.—Про себя онъ подумалъ: «И ты будешь красива: ты такая же, какой она была въ молодости». Но вслухъ онъ сказалъ только:

— Что вы хотите знать? Когда я сказалъ ей, что въ здѣшнихъ краяхъ есть мальчикъ, котораго зовутъ Жоэлемъ, она стала разспра-

шивать меня... Я разсказалъ ей все, что зналъ, а она какъ вскрикнетъ: «Это мои дѣти! Я ихъ мать!..» Можетъ, ей немного и нужно; можетъ быть, еслибъ ей только позволили вернуться, она бы все бросила въ Парижѣ и вернулась бы сюда.

— Охъ, нѣтъ, пусть она лучше не возвращается!—испуганно воскликнула дѣвочка.—Поклонитесь ей отъ меня, отъ Ноэми; скажите, что я ее часто вижу во снѣ... Что я каждый день молюсь за нее—другіе вѣдь слишкомъ для этого малы, не правда ли? Но пусть она не возвращается!.. Я-то очень бы этого хотѣла... Но они ни за что не позволятъ!

— Кто «они»?

Она отвѣтила пылко, трагическимъ тономъ, какъ Донатьена:

— Мой отецъ и та,—другая. Когда они говорятъ о ней, они всякій разъ желаютъ ей смерти или увѣряютъ, что она умерла, и вообще говорятъ про нее всякія гадости... А я не хочу называть ту, другую, мамой и они за это ругаютъ меня—она бы даже колотила меня, еслибъ могла... Не очень-то мнѣ здѣсь сладко живется. Это вы можете сказать мамашѣ Донатьеннѣ... Теперь у меня только и мысли будетъ, что о ней... Но я никому не скажу, что знаю, что она жива. Нѣтъ, клянусь вамъ, я буду молчать. Скажите мнѣ, гдѣ она живетъ.

Прохожій записалъ адресъ Донатьенны на листкѣ изъ записной книжки, смятой, истрепанной, стянутой резинкой, вырвалъ листокъ и отдалъ его дѣвочкѣ. Ноэми опять посмотрѣла въ сторону деревни и сказала:

— Она возвращается домой, мать Батисто. Вонъ, идетъ! Вамъ ея не увидать, но я знаю дорогу и знаю, что это она... Онѣ съ Люсьенной ходили въ городъ за углемъ... Уходите отсюда... Когда она настроитъ отца, онъ иногда бываетъ презлой. Онъ тоже сейчасъ долженъ вернуться изъ каменоломни... Уходите же, а то и меня прибьютъ, и вамъ...

— О, за себя я спокоенъ!

Прохожій показалъ свою палку, нагнулся, перекинулъ черезъ плечо узелъ и приподнялъ шляпу.

— Такъ я скажу, что видѣлъ Ноэми,—такъ, что ли?

Бѣдная дѣвочка была такъ взволнована, что слезы хлынувшія изъ глазъ ея, не давали ей говорить. Она только знакомъ отвѣтила: «Да, скажите»—потомъ указала пальчикомъ на дорогу въ городъ и, чувствуя за собой вину, пригнулась къ самой землѣ, разстилая на грядахъ послѣднія штуки бѣлья.

Каменщикъ ушелъ. Ноэми обернувшись слѣдила за нимъ; онъ уже поднимался по откосу, на вершинѣ котораго находились известковые утесы и каменоломня, гдѣ работалъ Луарнъ. Вся ея юная смятенная и растроганная душа была съ этимъ путникомъ, который открылъ ей

великую тайну, который видѣлъ ея настоящую мать. Кончивъ работу, она позабыла поставить тачку назадъ, подъ навѣсъ. Прохожій поднимался все выше, словно катясь по блѣдной пыли. Вѣтеръ свѣжѣлъ. Солнце садилось. Равнина, омраченная тѣнью бѣжавшихъ по небу тучъ, стала печальна; дали расплывались въ сумеркахъ...

— Что ты тамъ дѣлаешь, лѣнтяйка? На что заглядѣлась?

Ноэми вздрогнула, поспѣшно взялась за тачку и покатила ее по направленію къ дому. Голосъ продолжалъ:

— Погоди ужо! Достанется тебѣ отъ отца! Ты у него запрыгаешь. За два часа, что меня не было дома, бѣлье даже не успѣла просушить—при этакомъ-то вѣтрѣ!

Дѣвочка была уже въ сараѣ и не слыхала. Кстати, и вѣтеръ заглушалъ слова. Онъ шевелилъ черепицы, свисталъ въ вѣтвяхъ обезглавленныхъ тополей вокругъ дома. Но уйти было некуда. Обладательница сердитаго голоса уже свернула съ тропинки на большую дорогу и скоро дошла до перелаза, раздѣлявшаго надвое живую изгородь. Ее сопровождала дѣвочка лѣтъ одиннадцати, худенькая, блондинка, ходившая въ перевалку. Женщина была настоящая мегера, плотная, широкоплечая, съ желтыми рысьими глазами, словно выискивающими предлогъ для ссоры. Кисти рукъ были огромныя; она смѣло могла бы помѣриться силой съ дюжимъ мужчиной. Это она жила съ Луарномъ, ее звали «Луарншей» сосѣди. Она была та самая женщина, которую Луарнъ случайно встрѣтилъ, въ первыя недѣли своихъ странствій, и которая подошла къ нему въ то время, какъ бѣднякъ пытался развести огонь, чтобы сварить супъ плакавшимъ отъ голода дѣтямъ. Ноэми помнила это. Она была единственной стѣснительной свидѣтельницей прошлаго, которая могла сказать:

— У меня была въ Бретани другая мать.

— Лѣнтяйка! — негодница! — снова накинулась на нее женщина, когда она вошла въ комнату.—Ты когда же это супъ-то будешь варить? теперь, что ли примешься? Котелокъ не на огнѣ! — Картофель не чищенъ!—Что ты дѣлала все это время, скажи на милость!

— Во первыхъ, я развѣшивала бѣлье...

— Во первыхъ!.. во первыхъ!.. вотъ сейчасъ придетъ отецъ: я ему разскажу, какая ты негодная дѣвчонка!

Позади нея стояла Люсьенна, принесшая мѣрку угля въ мѣшкѣ и корзину съ выглаженными чепцами, а за нею Батистъ, обдиравшій тростникъ осколкомъ стекла.

— Мамаша, сказала Люсьенна,—вотъ уголь! Только заставь Ноэми работать. Сегодня не моя очередь.

Луарнша ткнула пальцемъ въ сторону кладовушки, гдѣ хранился картофель, и вскричала:

— Ну, негодница, берись за супъ!

Сегодня эта брань больнѣе обыкновеннаго задѣвала Ноэми. Дѣ-

вочка въ душѣ была увѣрена, что ея родная мать не стала бы ни говорить съ нею такъ, ни такъ поступать, какъ эта женщина. Вмѣсто того, чтобы повиноваться, она сняла передникъ и сказала:

— Варите сами!—Мнѣ обсушиться надо; я вся мокрая; я работала больше вашего!

Та вся покраснѣла отъ гнѣва.

— Ахъ ты, дрянь этакая, ты у меня не слушаться?! Ты грубить?! Ну, погоди же!

Она нагнулась, подняла за кожаный ремешокъ свой деревянный башмакъ и швырнула имъ въ Ноэми. Деревянная подошва задѣла дѣвочку, ударилась объ стѣну и упала на землю.

— Вотъ тебѣ! теперь будешь знать, какъ грубить! — восклицала Луарнша.

Ея грубый голосъ сливался съ крикомъ перепуганнаго Батиста. Въ эту минуту въ дверяхъ появилась высокая худая фигура, загородившая входъ.

— Что тутъ еще такое?—спросилъ низкій глухой голосъ.

Это былъ Луарнъ.

Горе, тяжелый трудъ подъ открытымъ небомъ, недовѣріе къ себѣ и людямъ врѣзались глубокими морщинами въ его лицо, наложили неизгладимый отпечатокъ на его черты. Этотъ бретонецъ, съ одеревенѣвшимъ тѣломъ, пересаженный въ чужую землю, казался живой статуей бѣдности. У него отъ природы было длинное лицо; теперь оно еще больше вытянулось, и нижняя челюсть отвисала, — полуоткрывая запекшіяся, потрескавшіяся губы, какъ у сушеныхъ сельдей, искаженныхъ смертью и огнемъ. Губы этого рта, привыкшаго жаловаться на судьбу, сами собой складывались въ плаксивую гримасу; вся нижняя часть лица говорила объ усталости, безсиліи, какъ бы молила о помощи. Ни признака бороды; щеки плоскія, кожа носа натянута, подъ глазами большія темныя щели, впадины, вырытыя усталостью и слезами, и въ глубинѣ ихъ глаза, едва замѣтные, они запали такъ глубоко, что казались темными, но на свѣту они оказывались единственной свѣтлой ноткой въ этомъ мрачномъ лицѣ; они были сѣро голубые, какъ морская вода въ заливахъ, гдѣ ловятъ рыбу, усталая, съ едва замѣтной рябью на поверхности. Волосы Луарнъ носилъ полудлинными, подстриженными наравнѣ съ воротникомъ, выцвѣтшіе и покраснѣвшіе отъ солнца, какъ и кожа. На ходу онъ наклонялся впередъ и втягивалъ въ себя грудь. Въ немъ не осталось и слѣда молодости. Онъ велъ за руку хорошенькаго розоваго мальчика, Жоэля, давно уже взятаго съ той фермы въ Бретани, гдѣ его оставилъ Луарнъ, и теперь проводившаго день вмѣстѣ съ отцомъ въ каменоломнѣ на вершинѣ холма. Жоэлю уже исполнилось восемь лѣтъ.

Весь этотъ день, какъ и всѣ дни, Луарнъ работалъ тамъ, на этомъ холмѣ, возвышавшемся невдалекѣ отъ дома, — на скучномъ голомъ

холмѣ, оживленномъ лишь нѣсколькими купами низкорослыхъ дубковъ, вѣтви которыхъ, скудно питаемыя, стлались почти по землѣ. На вершинѣ, словно укрѣпленный замокъ, высился гребень дикихъ утесовъ, лишь по серединѣ прорѣзанный дорогой. Тамъ находилась каменоломня, гдѣ, семь лѣтъ тому назадъ, Луарнъ, блуждая по Франціи въ поискахъ работы, нанялся на недѣлю. Эта недѣля длилась и понынѣ. Неспособный выучиться трудному ремеслу, поденщикъ, обреченный на работы, гдѣ умъ не принимаетъ участія, онъ разбивалъ камень, подъ открытымъ небомъ, въ разсѣлинѣ утеса, выдолбленной киркою и молотомъ. Медленно, въ зной и холодъ, въ дождь и вѣтеръ, всегда находившій дорогу къ холму, какъ корабль находитъ дорогу къ острову, Жанъ Луарнъ отбивалъ мотыкой куски краснаго и желтаго мрамора отъ скалы, стѣнки которой съ дороги казались пластами живого тѣла. Изъ этого камня строили здѣсь всѣ дома. Работа была тяжелая, заработокъ ничтожный. Къ счастью, забастовки были рѣдки.

Теперь, когда Луарнъ подъ вечеръ спускался съ горы вмѣстѣ съ другими рабочими, онъ ничѣмъ уже не отличался отъ нихъ, кромѣ высокой угловатой фигуры и маленькой головы, подвижной и пугливой, какъ прибережная птица. Да еще въ глазахъ бретонца сохранилось тревожное выраженіе въ этой странѣ спокойныхъ холмовъ, которыхъ не сдвинуть съ мѣста и бурѣ. Эти глаза не могли ни на чемъ остановить на долго взгляда — ни на спѣлыхъ хлѣбахъ, ни мало не похожихъ на тѣ, что онъ выращивалъ въ Плекѣ, ни на прудахъ, тамъ и сямъ поблескивавшихъ на плато и приводившихъ ему на память море, ни на домахъ сосѣдняго городка и менѣе близкихъ деревень, ибо и послѣ многихъ лѣтъ онъ не обжился здѣсь, не сталъ своимъ; его только терпѣли, какъ пришлаго случайнаго работника, какъ чужого человѣка, котораго надо остерегаться. Ничто не привязывало его именно къ этому мѣсту, и онъ никому не былъ здѣсь дорогъ и нуженъ.

Правда, горе давно уже свило себѣ гнѣздо въ его домѣ, но никогда онъ не сознавалъ этого такъ ясно, какъ сегодня, въ этотъ мартовскій вечеръ, когда онъ, вернувшись съ работы, засталъ всѣхъ дома въ слезахъ или въ гнѣвѣ.

— Ну пошли!—сказалъ онъ, щуря глаза, чтобы увидѣть Батиста, который разыскивалъ въ темнотѣ, въ углу, башмакъ своей матери.— Опять драка!

— Она ничего не дѣлаетъ, когда я ухожу изъ дому,—палецъ о палецъ не ударитъ! Видѣть не могу такихъ барышень, бѣлоручекъ! Ей бы все только пѣсенки слушать!.. Ну ужъ, Луарнъ, вырастилъ дочку, нечего сказать! Отъ такой дочки не разживешься... Она даже супу не успѣла сварить...

И минутъ пять еще раздавался подъ закопченными балками потолка этотъ грубый и рѣзкій голосъ, а четверо дѣтей и Луарнъ,

неподвижные въ догоравшемъ свѣтѣ заката, безмолвно ждали, когда мегера перестанетъ ругать старшую дочку.

Когда она, наконецъ, кончила, вмѣшался Луарнъ.

— Проси прощенія у мамы. И такъ какъ супъ не готовъ, вы, бабы, разводите скорѣе огонь; мы подождемъ.

Ноэми сдѣлала знакъ, что не станетъ извиняться.

— Проси прощенія у матери,—повторилъ Луарнъ.

Опять пауза, и вдругъ Ноэми, выпрямивъ станъ, кинула:

— Она мнѣ не мать! Она меня ненавидитъ! Мою маму звали Донатьенной!

— Что ты такое говоришь!

Луарнъ сильной рукой удержалъ свою сожительницу, готовую кинуться съ кулаками на дѣвочку. Мегера, обозлившись на помѣху, повернулась къ Луарну и принялась ругать его.

— А! ты позволяешь оскорблять меня, ты заступаешся за свою дочь!.. Довольно съ меня этой жизни впроголодь въ этой грязной дырѣ, гдѣ мы ничего еще не видали, кромѣ нищеты и презрѣнія. Кто на тебя здѣсь смотритъ, какъ на человѣка? Ты все молчишь, слова не скажешь, даже на вопросъ не отвѣчаешь; ты не стараешься выдвинуться; тобою всѣ помыкаютъ какъ собакой. Будетъ съ меня!

Я уйду, брошу и твою конуру, и эту дрянь, которую ты здѣсь наплодилъ!

— Ну и уходи!—сказалъ Луарнъ, выпуская ее.

Она что то пробормотала себѣ подъ носъ и вмѣстѣ того, чтобъ уйти, чиркнула спичкой, приблизивъ ее къ связкѣ терна. И всѣмъ вдругъ стало легче при видѣ огня,—всѣмъ, кромѣ Луарна. Тотъ, не смѣя заговорить съ Ноэми, чтобъ не разсердить еще больше свою мегеру-сожительницу, привлекъ къ себѣ Жоэля и любовно гладилъ его каштановые локоны, словно ласкалъ свое прошлое. Выраженіе лица не измѣнилось, но костлявая рука медленно и осторожно приглаживала мягкіе кудри, обрамлявшіе дѣтскую головку темнымъ ореоломъ лучей, на которые падалъ золотистый отблескъ огня. Ноэми, прильнувъ къ окну, дѣлала видъ, будто смотритъ въ темноту, на верхушки тополей, на тучи, попрежнему бѣжавшія по небу сплошной пеленой, съ пятнами багроваго свѣта на западѣ.

У Луарна болѣло сердце. Онъ думалъ о Донатьеннѣ.

Но это былъ уже не юный влюбленный мужъ, который пролилъ столько слезъ, когда Донатьенна покинула свой домъ и дѣтей, чтобы поступить на мѣсто кормилицы въ Парижѣ. Далеко ему было до того Луарна, который, въ тревогѣ за свою пересаженную на чужую землю бретоночку, каждую недѣлю снова и снова ждалъ писемъ, все не приходившихъ; который распахивалъ новь, чтобы имѣть лишній заработокъ и пріукрасить и пріютить домъ для *нея*, когда она вернется. Не похожъ онъ былъ теперь и на того крестьянина, оторваннаго отъ

земли, безъ имущества, проданнаго съ молотка за невзносъ арендной платы, безъ работы и безъ пріюта, на странника, у котораго не было иной мысли въ головѣ, кромѣ какъ о кускѣ хлѣба и о томъ, гдѣ его заработать, который однажды, собравъ своихъ дѣтей, двинулся пѣшкомъ по дорогѣ въ Вандею.—этой дорогой часто уходятъ изъ Бретани, но не часто возвращаются. Давно уже гнѣвъ заступилъ мѣсто любви. Луарнъ не переставалъ думать о Донатьеннѣ, но, думая, онъ только бранилъ ее: «Это она во всемъ виновата! Скверная женщина! Дурная мать!» Онъ укорялъ ее въ томъ, что она раззорила его, бросила, заставила вести такую жалкую и грѣховную жизнь, ибо вѣра не умерла въ душѣ этого сына Бретани, и хотя совѣсть съ годами меньше упрекала его, онъ все-таки чувствовалъ потребность оправдать въ собственныхъ глазахъ свою жизнь «не въ законѣ» и винилъ въ этомъ отсутствующую, невѣрную, недостойную Донатьенну... Но когда онъ начиналъ думать объ этомъ, въ концѣ концовъ и его вина, и грѣхъ, и горе, все смѣшивалось въ его не привыкшемъ мыслить умѣ, и онъ обыкновенно говорилъ:

— Не повезло мнѣ въ жизни!

А между тѣмъ—ничто такъ хорошо не скрыто даже отъ насъ самихъ, какъ наши истинныя мысли—Луарну отрадно было узнавать въ Ноэми черты другой. И миніатюрностью, и нѣжнымъ, какъ у фарфоровой куколки, личикомъ, и звуками голоса дѣвочка очень напоминала Донатьенну. Но сердце у нея было не такое легкомысленное, какъ у ея матери...

Въ этотъ вечеръ, когда въ ихъ уныломъ домикѣ было неожиданно произнесено имя Донатьенны, Луарнъ былъ еще мрачнѣй и угрюмѣй обыкновеннаго. Ужинъ кончился; его хозяйка вынимала изъ очага головни, бранила Жоэля и Батиста за то, что они слишкомъ медленно укладывались спать въ сосѣдней комнатѣ, уходила, чтобы запереть на ключъ курятникъ и клѣтку кроликовъ, и снова возвращалась, а Луарнъ, съ гордостью, въ которой онъ никому не могъ признаться, смотрѣлъ на Люсьенну и Ноэми, складывавшихъ принесенное изъ сада, уже высохшее бѣлье. Онѣ входили съ грудой бѣлья на плечѣ, потомъ развертывали и складывали штуку за штукой—простыни, салфетки, рубашки. На дворѣ была темная ночь. Комната освѣщалась одной лишь маленькой коптившей лампочкой въ глубинѣ, далеко отъ входа, и когда въ этомъ полумракѣ появлялась Ноэми, нагруженная бѣльемъ, со своей хорошенькой фигуркой, съ полураспустившимися косами, смѣющаяся, потому что ея четырнадцать лѣтъ нуждались въ радости и создавали ее себѣ тамъ, гдѣ ея не было, Луарну ясно представлялась та, чье имя онъ сегодня неожиданно услыхалъ.

Вспоминанія были такъ отчетливы, такъ ярки, что онъ смотрѣлъ на свои руки, на эти бѣдныя руки, когда-то такъ усердно трудившіяся, вздымая новь изъ любви къ Донатьеннѣ, и говорилъ себѣ:

— Неужели она всю жизнь будетъ меня преслѣдовать?

— Что вы говорите?—спросила Ноэми, думая что онъ обращается къ ней.

Въ этой позѣ, наклонившись, съ блестящими глазами, она была такъ похожа на Донатьенну, что Луарнъ заплакалъ.

Ей вдругъ захотѣлось посвятить его въ свою тайну.

Но она не посмѣла...

. . . .

Ночь убаюкала и невинность и грѣхъ и гнѣвъ, и злобу. Усталость побѣдила одного за другимъ, бѣдныхъ обитателей домика у дороги, взволновавшихся, при имени одной и той же женщины.

Ноэми въ боковушкѣ, на бѣлой сосновой кровати, узенькой и низкой, которую она дѣлила съ Люсьенной, уснула позже всѣхъ. Она положила подъ подушку листокъ съ адресомъ своей матери, далекой матери, которая смутно рисовалась ей въ грезахъ, когда она думала о своемъ раннемъ дѣтствѣ. Она шептала въ забытьи: «Мама, я думала, ты умерла... Ты жива!... Я хотѣла бы увидѣть тебя. О, какъ бы я хотѣла увидѣть тебя! Но этого нельзя... Она убьетъ тебя—она такая злая!... Мама Донатьенна, еслибъ ты могла придти сюда хоть на минуточку, присѣсть вотъ такъ на край постели, чтобъ я могла поцѣловать тебя... Никто бы не услышалъ».

Но въ ушахъ ея отдавался только шумъ вѣтра, который дулъ съ плато въ равнину, трудясь въ темнотѣ, какъ усердный работникъ, проникая въ каменоломни, срубы, листву деревьевъ, оздоровляя землю...

Она видѣла прохожаго, повторяла каждое слово, сказанное имъ, повторяла про себя слово за словомъ весь разговоръ, вопросы и отвѣты, какъ, бывало, учила катехизисъ. Гдѣ онъ теперь? Навѣрное уже сидитъ въ вагонѣ и ѣдетъ въ Парижъ, унося съ собой тайну встрѣчи съ маленькой Ноэми...

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

АНТОКОЛЬСКІЙ.

Искусство древнихъ было стройно,
Ихъ мраморъ грезилъ красотой.
Оно свѣтло, оно спокойно
Съ своей безсмертной наготой,
Свой вѣкъ здоровый отражая.
Весна въ немъ вѣетъ молодая.
Да, «камень все переживетъ»...
Такъ и теперь средь жизни плоской
Въ обломкѣ статуи милосской
Для насъ Эллада возстаетъ.
Но твой рѣзецъ, художникъ новый,
Не шелъ съ Бернини и Кановой
Творить по старымъ образцамъ,—
Себѣ другой воздвигъ ты храмъ.
Глубокихъ вдохновеній сила
Въ иныхъ въ немъ образахъ застыла.
Сомнѣньемъ прежній культъ убитъ;
Твой камень мыслитъ и скорбитъ;
Твои изваянныя грезы
Проблемой дышатъ міровой...
Въ нихъ духъ Сократа и Спинозы,
Притихъ Иванъ передъ грозой,
Встаетъ Петра могучій профиль,
Печаленъ Богочеловѣкъ,
И, какъ пытливый Мефистофель,
На нихъ глядитъ тревожный вѣкъ...

Ев. Моро—овъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ лѣтнихъ впечатлѣній. — Жизнь на западѣ. — Что поражаетъ новичка въ этой жизни?—Свободная борьба силъ. — Закономѣрность ея. — Изъ выборной борьбы въ Германіи. — Народная толпа, ея самостоятельность и дисциплинированность.—Отсутствіе опеки.—Жалобы германца на стѣсненія и опеку личности. -- „Свободный британецъ" въ „Очеркахъ Англіи" г. Діонео. — Содержательность этой книги, ея полнота и безпристрастіе. — Къ 50-лѣтнему юбилею дня рожденія Вл. Гал. Короленко.

«Когда постранствуешь, воротишься домой,—и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». Такъ во время оно, когда еще намъ «были новы всѣ впечатлѣнія бытія», писалъ и думалъ русскій путешественникъ, и писалъ искренно, передавая общее чувство своихъ согражданъ, которымъ привелось побывать заграницей. И искренность понятна. Да, слишкомъ ужъ тогда, сто лѣтъ назадъ, былъ далекъ русскій путешественникъ отъ существа той жизни, которая окружала его на западѣ, хотя внѣшнія формы общественной жизни и были почти одинаковы. Въ Германіи или Австріи онъ встрѣчалъ то же попечительное начальство, что и у себя дома. Печать почти отсутствовала, какъ и въ Россіи, общественной жизни съ ея безпокойнымъ движеніемъ и борьбой тоже не существовало, словомъ, все какъ у себя дома.

Его смущала развѣ разница культуры, которая неизмѣримо выше стояла на западѣ, гдѣ на каждомъ шагу онъ натыкался на слѣды исторіи и культурныхъ завоеваній въ видѣ высокаго искусства, глубокой, подавляющей науки и неустанныхъ стремленій къ широтѣ и свободѣ мысли и совѣсти. Сначала, конечно, нашимъ путешественникомъ овладѣвали восторгъ и преклоненіе. Съ наивностью дикаря онъ метался внѣ себя отъ одной диковинки къ другой, млѣлъ, восхищался и славословилъ безъ конца. Но потомъ уставалъ очень скоро и начиналъ скучать и тосковать по родной жизни, гдѣ все было однообразно и сѣро и не бередило ни пытливости, ни любознательности, ни совѣсти. Глубокій покой, непробудный сонъ, застывшая неподвижность родины сладкимъ отдохновеніемъ манили его душу, слишкомъ усталую и подавленную безконечнымъ разнообразіемъ западныхъ картинъ, и у него невольно вырывался вздохъ облегченія, когда онъ тихо погружался въ дремотную жизнь своей «Пошлеванной».

Полвѣка спустя «Мальчикъ безъ штановъ» выручалъ его патріотическую гордость своимъ удалымъ, безшабашнымъ задоромъ, такъ выгодно отличавшимъ

этого юнаго гражданина отъ «Мальчика въ штанахъ», казавшагося ужъ слишкомъ дряхлымъ въ своей степенности и чрезмѣрной добродѣтельности, граничащихъ съ филистерствомъ. Но и въ утѣшеніи этомъ была уже нѣкая отрава, когда на обратномъ пути нашъ путешественникъ замѣтилъ готовность «Мальчика безъ штановъ» продать свою удаль и задоръ за мѣдный пятакъ первому встрѣчному.

А теперь добрый патріотъ своего отечества (патріотъ не въ ироническомъ смыслѣ) уже не имѣетъ и тѣни утѣшенія. «Мальчикъ въ штанахъ» страшно выросъ, возмужалъ и создалъ вокругъ себя, на устояхъ старой исторической культуры такую жизнь, что врядъ ли у кого-либо повернется нынѣ языкъ для прославленія сладости родного дыма или пресловутыхъ преимуществъ «Мальчика безъ штановъ». Боекъ послѣдній, спору нѣтъ, и симпатиченъ своимъ веселымъ, не знающимъ унынія духомъ. Но и степенный «мальчикъ въ штанахъ» тоже оказался не промахъ и линію свою выводитъ на диво умѣло, строго, и съ пониманіемъ своихъ глубоко человѣчныхъ интересовъ. Видишь на каждомъ шагу, что ни одинъ урокъ исторіи не пропалъ для него даромъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сознательнѣе и духовнѣе начинаетъ онъ смотрѣть на себя, на міръ, на сосѣдей.

И теперь, какъ и раньше, новичка за границей удивляетъ прежде всего внѣшняя культура, чистота жизни, если можно такъ выразиться. Но скоро выдвигается изъ-за нея нѣчто другое, гораздо болѣе удивительное для нашего путешественника: *человѣкъ*, совершенно непохожій на насъ. Проѣхавъ по Германіи, по различнымъ ея областямъ, и фабричнымъ, и земледѣльческимъ, побывавъ и въ глухомъ уголкѣ, и въ огромныхъ городахъ, вы нигдѣ не встрѣчаете «мужика» въ нашемъ смыслѣ, того посконнаго мужика, который трехъ генераловъ прокормилъ.

Всюду видишь трудящуюся массу, иногда закоптѣлую и черную отъ дыма и угля, особенно когда поѣздъ мчитъ васъ по гигантскому фабрично-заводскому району мимо Эссена, Барменъ-Эльберфельда и т., гдѣ на протяженіи сотни километровъ тянется словно одна сплошная фабрика. Въ вагонахъ люди постоянно мѣняются, но «мужика» нѣтъ,—есть человѣкъ, иногда грубо одѣтый, но ничѣмъ не отличающійся отъ всѣхъ. Онъ ведетъ себя также сдержанно-свободно, простъ и вѣжливъ въ обращеніи, ни мало не запуганъ, не забитъ, не безсмысленъ. И только когда возвращаешься обратно, первая фигура, приковывающая ваше вниманіе на нашей границѣ, это—босой крестьянинъ, въ посконныхъ штанахъ, грубой и грязной рубахѣ на выпускъ, подпоясанный чѣмъ-то вродѣ лыка, безъ шапки, съ войлокомъ вмѣсто волосъ. Онъ стоитъ, привалившись къ забору, или валяется на землѣ, съ безсмысленнымъ выраженіемъ безцвѣтныхъ глазъ:—мы на родинѣ, царство «мужика» начинается...

А затѣмъ... нѣтъ начальства. Правда, въ Берлинѣ и большихъ центрахъ, вродѣ Кельна, Мюнхена и т. п., вы видите изрѣдка «шуцмана» — городового на самыхъ бойкихъ мѣстахъ, гдѣ сталкивается въ круговоротѣ нѣсколько потоковъ людей, лошадей, трамваевъ, и «шуцманъ», неподвижно стоящій въ

центрѣ или на углу, своимъ олимпійскимъ величіемъ только напоминаетъ о необходимости порядка и вниманія въ такомъ бойкомъ мѣстѣ. Но начальства нѣтъ тебѣ нигдѣ! Даже какъ-то жутко и неуютно становится первое время, когда со станціи Вержболово перейдешь на «бангофъ Эйдкуненъ». Проживъ около мѣсяца въ одномъ глухомъ городкѣ, гдѣ уютно укрылась одна изъ тѣхъ санаторій, которыми богата Германія, пишущій эти строки шутя спросилъ своего доктора, да есть ли у нихъ здѣсь, вообще, «шуцманы». Оказалось, что есть, но они, по словамъ доктора, предпочитаютъ сидѣть у себя дома или пить пиво въ ресторанахъ, чѣмъ мозолить глаза обывателю вѣчнымъ напоминаніемъ о тщетѣ всего земного. И за все время мнѣ не довелось видѣть никакого безпорядка, хотя какъ разъ случились два большихъ праздника, когда каждый добрый нѣмецъ предпочитаетъ быть гдѣ угодно, только не дома. Первый праздникъ былъ Троица, когда тысячи народа изъ большихъ городовъ наводняютъ такіе тихіе, уютные уголки, какъ тотъ, гдѣ пріютилась наша санаторія: это нѣмецъ устремляется «ins Grüne», на лоно природы, въ поля, въ «кургартены», на высоты, чтобы отдохнуть отъ городского шума, тѣсноты и духоты большихъ центровъ. И нѣмцы въ эти два дня праздника въ буквальномъ смыслѣ слова затопили своей толпой лоно природы, наполнивъ тихій «кургартенъ» и всю окружность тысячными толпами. Но мѣстный «шуцманъ» остался вѣренъ себѣ, ни разу не появившись въ толпѣ «для безпорядку», равнодушно предоставивъ обывателю «обойтись собственными средствами». И обыватель тянулъ пиво въ устрашающемъ для посторонняго наблюдателя количествѣ, пѣлъ пѣсни, танцовалъ и проявлялъ въ разныхъ видахъ свою нѣсколько неуклюжую веселость, нисколько не удрученный такимъ отсутствіемъ опеки. Правда, не было ни одного пьянаго, хотя масса состояла преимущественно изъ рабочаго люда такихъ окрестныхъ фабричныхъ центровъ, какъ Барменъ-Эльберфельдъ, Эссенъ, Дюссельдорфъ и т. п.

То же самое было и во время другого праздника—«Тѣла Христова», праздника католическаго. Населеніе городка было наполовину католическимъ, наполовину протестантскимъ. И несмотря на это, по улицамъ тянулись огромныя процессіи дѣтей, женщинъ, мужчинъ, патеровъ и монаховъ, но... безъ всякой опеки какого бы то ни было начальства. Тысячныя толпы шли, распѣвая гимны, останавливались въ особо устроенныхъ мѣстахъ, гдѣ монахи произносили проповѣди подъ открытымъ небомъ,—и никто не вмѣшивался, не устраивалъ для нихъ прохода среди многочисленныхъ протестантскихъ зрителей. А казалось бы, тутъ именно и должна быть забота для начальства, въ виду двухъ враждующихъ (и очень сильно) религій. Но два или три шуцмана съ ихъ главою—бургомистромъ здраво разсудили, что въ случаѣ порядка они не нужны, а въ случаѣ безпорядка—они безсильны и даже вредны, какъ всякая власть, вмѣшивающаяся безъ достаточнаго авторитета, чтобы помѣшать проявленію насилія.

И только одинъ разъ я видѣлъ нѣмецкое начальство, и было это именно въ такомъ случаѣ, когда начальство это вполнѣ подвердило справедливость опереточной характеристики всякаго начальства, которое, какъ извѣстно, всегда

приходитъ слишкомъ поздно. На одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Берлина, Александровской площади, трое подвыпившихъ «геноссеновъ» подрались и разбили въ кровь голову одному. Дѣло было сдѣлано такъ чисто и быстро, что зрители не успѣли оглянуться, какъ одинъ изъ бойцовъ уже валялся на мостовой съ проломленной головой, а виновныхъ и слѣдъ простылъ. Тогда только, въ виду моментально собравшейся толпы, прибѣжали двое запыхавшихся городовыхъ, которые безъ толку совались изъ стороны въ стороны, убѣждая толпу разойтись—словомъ, совершенно какъ у насъ, и сердце мое преисполнилось патріотической гордости...

Сначала васъ удивляетъ и смущаетъ, что вездѣ и всюду вы предоставлены самому себѣ, никто о васъ не заботится, никто за вами не смотритъ. Потомъ вы привыкаете и тогда только замѣчаете, что кто-то заранѣе о васъ подумалъ, кто - то за васъ уже сдѣлалъ рядъ необходимыхъ шаговъ, кто - то устроилъ вамъ мѣсто, дорогу и т. п.,—и вы чувствуете себя отлично. Вращаясь въ этой густой толпѣ самаго разношерстнаго состава по положенію, профессіямъ, характеру, въ вагонѣ, трамваѣ, общественномъ собраніи или частномъ домѣ, гдѣ собралось больное общество, вы постепенно начинаете понимать, кто этотъ таинственный «кто - то», который все такъ хорошо приспособилъ на общую потребу. И предъ вами вырисовывается собирательная «личность», не мужикъ, рабочій, интеллигентъ или чиновникъ, а *человѣкъ*, до мозга костей проникнутый сознаніемъ своихъ неотъемлемыхъ правъ, человѣческихъ и гражданскихъ, которыя онъ начинаетъ понимаетъ и любитъ еще въ школѣ и затѣмъ всю жизнь отстаиваетъ и защищаетъ ихъ, видя въ этомъ свой первый и главный долгъ. Вся окружающая жизнь постоянно поддерживаетъ въ немъ это сознаніе себя, какъ личности прежде всего и на каждомъ шагу. Отсюда эта дисциплинированность въ толпѣ и въ одиночку, любезность, добродушіе и готовность къ помощи и содѣйствію, совершенно устраняющія необходимость начальства.

Въ особенности наглядно это для новичка во время выборовъ. Въ этотъ день въ нашемъ мѣстечкѣ у двухъ «локалей», гдѣ были устроены выборныя урны и засѣдали власти, съ утра толпились выборные агитаторы разныхъ партій, которыхъ въ нашемъ глухомъ углу оказалось четыре: національ-либералы, центръ, соціалъ-демократы и свободомыслящіе. Агитаторы, съ кучей прокламацій въ рукахъ, сновали во всѣ стороны, раздавая проходящимъ воззванія своихъ партій и «цетели» съ именами кандидатовъ. Энергичнѣе и бойчѣе и здѣсь были соціалъ-демократы, которые даже нашему доктору, завѣдомому національ-либералу, наклеили на дверную дощечку свое воззваніе: «выбирайте Генриха Бекера» (кандидатъ ихъ партіи отъ округа Гаммъ). Каждому, входящему въ «избирательный» залъ, сразу молча протягивались четыре руки съ четырьмя кандидатами. Только соціалъ-демократическій раздаватель «цетелей» считалъ долгомъ поощрить избирателя, восхваляя своего кандидата и поясняя его программу: «нашъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ». Избиратель бралъ тотъ или иной цетель или же, хлопая себя по боковому карману («мой кандидатъ у меня въ карманѣ», что очень веселило непритя-

зательную публику), проходилъ въ помѣщеніе, а ярые борцы за успѣхъ разныхъ партій вступали въ мирную бесѣду или заигрывали съ толпой, окружающей «локаль». А вечеромъ на площади у редакціи мѣстнаго листка («Local - anzeiger») собралась тысячная толпа, въ глубокомъ молчаніи устремившая взоры на окно, гдѣ были выставлены имена кандидатовъ и выставлялись числа поданныхъ за нихъ голосовъ по мѣрѣ полученія свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ округа. Толпа состояла почти исключительно изъ рабочихъ, и когда телеграфъ приносилъ лишнюю сотню голосовъ кандидату соціалъ-демократовъ, раздавалось громовое: «Hoch Heinrich Becker!» И такъ продолжалось до полуночи. На другой день оказалось, что соціалъ-демократы провалились на выборахъ въ деревенскихъ мѣстахъ округа, и предстояла перебаллотировка между центромъ и либералами. Рабочіе, видимо, пріуныли, но никакихъ проявленій недовольства не обнаруживали, а только къ вечеру было довольно много подвыпившихъ «геноссеновъ», которые кучками живо обсуждали на улицахъ свое пораженіе и довольно безцеремонно трактовали «черныхъ» (народное названіе центра). И такъ по всей почти Германіи, за нѣсколькими исключеніями, гдѣ безтактность мѣстныхъ властей вызвала столкновенія между соціалъ-демократами и центромъ.

А между тѣмъ на этихъ выборахъ рѣшались чрезвычайной важности насущные вопросы, въ родѣ хлѣбныхъ пошлинъ, въ которыхъ каждый чувствовалъ себя кровно затронутымъ. Но тутъ-то и сказалась сила сознательной личности, понимающей свои права и привыкшей уважать чужія. Конечно, люди вездѣ люди, о чемъ свидѣтельствуютъ и тѣ столкновенія страстей, о которыхъ мы только что упомянули, хотя къ чести народной толпы надо признать, что въ большинствѣ случаевъ зачинщиками оказывались патеры и ихъ агитаторы. Святые отцы и въ Германіи XX-го вѣка не могутъ отстать отъ усвоенныхъ ими вѣковыхъ привычекъ къ насилію.

Таковъ-то теперь «мальчикъ въ штанахъ», превратившійся въ развитую сознательную личность, высококультурную, съ огромной работоспособностью, смѣлую и гордую. Видя его въ обыденной трудовой жизни и въ дни отдыха, за газетой въ вечерній часъ и въ его политической борьбѣ, за ученіемъ въ школѣ и университетахъ, вы начинаете понимать чувство національной гордости.

А когда въ поѣздѣ, увозившемъ насъ изъ Гейдельберга, какая-то школа дѣвушекъ запѣла хоромъ «Deutschland, Deutschland über Alles, über Alles in der Welt», я глубже, чѣмъ когда-либо въ другомъ мѣстѣ, почувствовалъ, что нѣмцы въ правѣ и могутъ пѣть эту пѣсню. Здѣсь — одинъ изъ старѣйшихъ университетовъ Германіи, праздновавшій не такъ давно свой пятисотлѣтній юбилей, центръ чистѣйшей науки и свободы мысли, куда сотни русскихъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ родныхъ университетахъ, собираются со всѣхъ концовъ Россіи. И то, что они принесутъ отсюда съ собой на родину, право, не окупится тѣми милліонами, которые пресловутый «иностранный капиталъ» яко-бы выбираетъ изъ Россіи...

Но «мальчикъ въ штанахъ», повидимому, не такъ доволенъ собой, какъ

кажется съ перваго взгляда. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по одной оригинальной книгѣ—«Der Deutsche und sein Vaterland» нѣкоего д-ра Ludwig'a Gurlitt, учителя, много лѣтъ занимавшагося въ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ педагога. Онъ жалуется на духъ милитаризма и бюрократизма въ правящихъ сферахъ, скорбитъ объ излишней регламентаціи жизни и боится, что опека вытравляетъ нѣмецкую инициативу. Прочитавъ его книгу, можно подумать, что написалъ ее... младо-турокъ, жалующійся на свои порядки... Всюду, говоритъ почтенный педагогъ, царитъ бюрократизмъ, стѣсняющій каждый шагъ нѣмца, мѣшающій ему проявлять свою личность, ставящій преграды на дорогахъ, не признающій за нимъ правъ взрослой и самостоятельной личности. «Право, — восклицаетъ огорченный авторъ, — ученикъ англійской школы болѣе свободенъ, чѣмъ нѣмецкій отецъ семейства!» Въ чемъ же это сказывается?—невольно спрашиваешь себя съ изумленіемъ, когда испробуешь нѣмецкіе порядки. Дѣйствительно, намъ, русскимъ, трудно понять эти жалобы, но сами нѣмцы признаютъ мнѣніе д-ра Гурлитта правильнымъ и ссылаются на Англію, которая не только Гурлитту представляется въ идеальномъ освѣщеніи.

И завистники, пожалуй, правы. Таково, по крайней мѣрѣ заключеніе, къ которому приводитъ интересная, не безъ таланта написанная книга г. Діонео «Очерки современной Англіи». Страна «свободныхъ бритовъ» всегда служила для континента Европы школой, гдѣ лучшіе люди разныхъ странъ искали поученій и утѣшенія въ особо тяжелыя времена, какія приходилось каждой странѣ переживать въ періодъ усиленнаго роста, уже не укладывавшагося въ прежнія рамки. Такъ было съ Франціей временъ Вольтера, который въ Англіи почерпнулъ матеріалъ для поученія своихъ согражданъ, какъ имъ надо жить и устраиваться. Во второй половинѣ прошлаго вѣка большимъ успѣхомъ и у насъ пользовалась книга Луи Блана объ англійской жизни, не говоря о массѣ отдѣльныхъ брошюръ, книгъ, спеціальныхъ и популярныхъ, рисующихъ общественный, экономическій и интеллектуальный бытъ Англіи. Книга Луи Блана сильно теперь устарѣла (какъ и Тэна), а интересъ къ Англіи нисколько не ослабѣлъ, а скорѣе увеличился, благодаря эволюціи, какую переживаютъ теперь главныя партіи въ Англіи, и нарожденію имперіализма. Книга г. Діонео, поэтому, очень кстати.

Составилась она изъ ряда очерковъ, помѣщавшихся авторомъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ на страницахъ «Русскаго Богатства». Все болѣе или менѣе случайное, что бываетъ необходимо въ текущей журнальной работѣ, устранено авторомъ, и многое изъ печатавшагося въ журналѣ не вошло, чтобы не нарушать цѣльности и стройности изложенія, отъ чего книга значительно выиграла. Несмотря на свой размѣръ — около 40 печатныхъ листовъ—она читается съ неослабѣвающимъ интересомъ и заслуживаетъ глубокаго вниманія.

Нужно отдать справедливость автору за его безпристрастное отношеніе, которое онъ старается выдержать на протяженіи всей книги, и если подчасъ онъ увлекается и самъ тѣмъ, что ему приходится описывать, то вина не его: таково свойство той жизни, которая постепенно развертывается передъ глазами

наблюдателя и исторгаетъ у него невольный крикъ восхищенія. Эту участь раздѣляютъ и другіе авторы, писавшіе до него и пишущіе теперь объ Англіи какъ упомянутый нами Гурлиттъ. При всей мрачности нѣкоторыхъ картинъ современной Англіи, въ видѣ, напр., недавняго дикаго увлеченія войной противъ буровъ, въ общемъ получается такая грандіозная картина мощной, бьющей черезъ край жизни, что самая мрачность отдѣльныхъ сторонъ ея лишь усиливаетъ общій эффектъ великаго общественнаго организма, живущаго всѣми силами, всѣми фибрами, и дающаго возможность каждому проявлять во всей полнотѣ все, что въ немъ есть и хорошого, и дурного.

«Англійскій школьникъ пользуется большей самостоятельностью, чѣмъ отецъ семейства въ Германіи», говоритъ д-ръ Гурлиттъ, самъ педагогъ и директоръ гимназіи. Авторъ «Очерковъ Англіи» въ легкомъ и изящномъ очеркѣ «Фрэнки» рисуетъ намъ, какъ обучается и живетъ въ школѣ будущій гражданинъ, которому съ первыхъ шаговъ его жизни все окружающее внушаетъ, что онъ долженъ быть прежде всего самостоятеленъ, смѣлъ и твердъ въ выполненіи своихъ плановъ. Въ школѣ эти уроки получаютъ рядъ наглядныхъ доказательствъ въ отношеніяхъ къ товарищамъ, въ спортивныхъ играхъ, цѣль которыхъ развить въ немъ смѣлость и духъ предпріимчивости, и въ чтеніи особой школьной литературы, поучающей его будущимъ правамъ и обязанностямъ.

«— Что вы читаете, Фрэнки?—спросилъ я недавно. Мальчикъ подалъ мнѣ небольшую «Книжку Гражданина» Арнольда Форстера, входящую въ составъ «современныхъ школьныхъ учебниковъ», изданныхъ фирмой «Коссечъ и К°». «Книжка Гражданина» предназначена для англійскихъ начальныхъ школъ и, повидимому, сильно распространена. У меня было 335-ое изданіе 1900 г. Вступленіе написано Форстеромъ, членомъ парламента, консерваторомъ. Авторъ Арнольдъ Форстеръ, тоже членъ парламента и тоже сторонникъ министерской партіи. Такимъ образомъ въ «Книжкѣ Гражданина», съ англійской точки зрѣнія, нѣтъ ничего радикальнаго. Поэтому мнѣ особенно любопытно было узнать, какую азбуку гражданственности втолковываютъ маленькимъ англичанамъ. «Въ этой книгѣ,—начинаетъ авторъ,—я хочу объяснить вамъ, какъ управляется наша страна, какъ вырабатываются законы и почему мы должны повиноваться имъ». Прежде всего маленькимъ школьникамъ объясняютъ, что такое патріотизмъ, и сейчасъ же авторъ спѣшитъ прибавить, что есть еще ложный и дурной патріотизмъ. «Иногда вы услышите, что слѣдуетъ всегда поддерживать все то, что дѣлаютъ англичане въ чужихъ странахъ. Намъ говорятъ, «хорошо ли, дурно ли поступаютъ англичане, но изъ патріотизма слѣдуетъ ихъ поддерживать». Это, во-первыхъ, совершенно несправедливо и, во-вторыхъ, можетъ причинить нашей родинѣ немалыя затрудненія. Потому, если допустить, что англичанинъ долженъ поддерживать даже преступленія своего правительства, то, оставаясь послѣдовательнымъ, слѣдуетъ полагать, что тоже должны дѣлать французы, германцы, и т. д. И мы тогда увидимъ, что великія націи, изъ чувствъ ложнаго патріотизма, поддерживаютъ то, что сами считаютъ несправедливымъ. Истинные патріоты не тѣ, которые во всякое время готовы идти на

войну. Напротивъ, иногда, когда всѣ кругомъ за войну,—требуется гораздо больше мужества и истиннаго патріотизма, чтобы стоять за миръ, чѣмъ для того, чтобы рваться на бой». И дальше слѣдуетъ примѣръ—несправедливая война противъ сѣверо-американскихъ колоній, поведшая къ ихъ отложенію, и какъ примѣръ истиннаго патріотизма выставляется Эдмондъ Беркъ, мужественно выступившій противъ всѣхъ. Въ слѣдующей главѣ дѣтямъ объясняется англійскій государственный механизмъ. «Если вы зададите вопросъ, кто управляетъ нами? Вамъ отвѣтятъ: правительство. Кто же управляетъ правительствомъ?—Парламентъ. А кѣмъ же, наконецъ, управляется парламентъ?—спросите вы. Народомъ. Такимъ образомъ вы видите что на вопросъ, кто управляетъ страной, слѣдуетъ отвѣтить: «Страна управляется сама собой!» Дальше слѣдуетъ поясненіе о парламентѣ, о палатѣ общинъ, о выборахъ и, наконецъ, о королевѣ (тогда еще была жива Викторія). «Викторія сидитъ на престолѣ не какъ король Эдуардъ I, который правилъ только потому, что былъ сыномъ Генриха III; не какъ Елизавета, которая правила только потому, что была дочерью Генриха VIII. Викторія стоитъ во главѣ имперіи, потому что она внучка Георга III, который, въ свою очередь, былъ внукомъ Георга I. Послѣдній же *избранъ* королемъ Великобританіи и Ирландіи парламентомъ, т.-е. волей народа. Такимъ образомъ, королева Викторія вступила на престолъ не по прирожденному праву, а *по волѣ народа*. И до тѣхъ поръ, покуда большинство народа желаетъ, чтобы она и ея потомки были на престолѣ, до тѣхъ поръ ихъ слѣдуетъ чтить. Поэтому до тѣхъ поръ, покуда наши короли слѣдуютъ этимъ законамъ, они должны пользоваться нашей любовью и уваженіемъ».

Дальше поясняется весь механизмъ управленія, судопроизводства, мѣстнаго самоуправленія и финансовая система. Въ какой формѣ дѣлаются эти объясненія, мы уже видили, но вотъ еще примѣръ «наглядности» поученія. «Дѣтямъ рекомендуется запомнить слѣдующія шесть «основныхъ правилъ правосудія». «Всѣ люди равны передъ закономъ. Каждый не можетъ быть арестованъ, покуда общество черезъ посредство своихъ представителей, т.-е присяжныхъ, не обвинитъ его въ преступленіи. Никто не можетъ быть судимъ дважды за одно и то же преступленіе. Все слѣдственное производство и весь судъ—публичны. Никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, и никто не можетъ взять законъ въ собственныя руки».

Вездѣ указывается въ книгѣ, что всѣ права англичанина достались ему не даромъ, а взяты путемъ борьбы, приводятся имена мужественныхъ борцовъ за право и свободу и рекомендуется, въ случаѣ покушенія на эти права, подражать этимъ героямъ, отстаивая свое право до послѣдней капли крови.

И Фрэнки не только внимательно прочиталъ книжку,—съ ранняго дѣтства онъ учится примѣнять ея правила на дѣлѣ. Онъ вычиталъ, что организаціи неотъемлемое право свободорожденнаго англичанина,—и вотъ въ школѣ возникаетъ рядъ клубовъ и обществъ. Прежде всего кружки и клубы спорта, рядомъ «общество для дебатовъ», нѣчто въ родѣ школьнаго парламента, гдѣ свободно обсуждаются всякіе вопросы—литературные, политическіе, философскіе, вносятся и обсуждаются билли, произносятся рѣчи. Секретарь ведетъ

протоколъ, который и прочитывается въ слѣдующемъ засѣданіи. Въ старшихъ классахъ Фрэнки издаетъ журналъ «Аргусъ», печатающійся въ трехстахъ экземплярахъ. И ни учителя, ни директоръ не имѣютъ права вмѣшиваться ни въ дебаты, ни въ журналъ: это нарушило бы привилегію свободнаго англичанина. Если Фрэнки очень любитъ своего директора, онъ выбираетъ его почетнымъ предсѣдателемъ на своихъ собраніяхъ—и только.

Немудрено, если д-ръ Гурлиттъ, сравнивая эту свободу воспитанія и школьной жизни, съ горечью начинаетъ перечислять всякія формальности, которыми обставлена жизнь взрослыхъ людей въ Германіи. Еще болѣе, конечно, онъ скорбитъ, когда рѣчь заходитъ о результатахъ такого воспитанія. Вотъ Фрэнки уже внѣ школы—все предъ нимъ открыто и всѣ учрежденія соперничаютъ въ томъ, чтобы ему помочь. Начиная съ пресловутаго полисмэна, «Боби», и до всесильной печати, вся жизнь англичанина ограждена правами и привилегіями, дѣлающими его дѣйствительно своего рода «царемъ созданія», который не ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, разъ они не клонятся къ нарушенію закона.

Его совѣсть свободна и никто не можетъ предписать ему, какой вѣры долженъ онъ придерживаться. Это ведетъ къ возникновенію безчисленныхъ сектъ, подчасъ смѣшныхъ и даже съ нашей точки зрѣнія преступныхъ, но зато нѣтъ страны, гдѣ бы религіозное чувство такъ ярко горѣло, какъ въ Англіи. Англичане—люди прежде всего практическіе, и они поняли ту истину, что всякая секта безвредна, если ее оставить въ покоѣ, а преслѣдованіе только плодитъ фанатиковъ и прозелитовъ. Въ то же время дѣло совѣсти—настолько личное, что не поддается никакой регламентировкѣ, какъ показываетъ опытъ континента, гдѣ до сихъ поръ затрачиваются безплодныя усилія на вкорененіе «религіозности» по заранѣе одобренному шаблону, а въ результатѣ получается нѣчто совершенно обратное...

То же практическое правило руководитъ ими и въ дѣлѣ печати, которая нигдѣ въ мірѣ (даже въ Америкѣ) не достигла такого положенія, какъ въ Англіи. Глава о печати въ «Очеркахъ» г. Діонео одна изъ самыхъ поучительныхъ. Онъ очень много посвятилъ вниманія росту уличной, скверной, шовинистской печати, поощряющей всѣ дурныя страсти и сыгравшей немалую роль въ травлѣ буровъ. Но ни у кого, конечно, не подымется голосъ объ обузданіи или какой бы то ни было цензурѣ надъ нею, такъ какъ такое средство въ глазахъ англичанина хуже самого зла. Кромѣ того, англичанинъ усвоилъ себѣ незыблемо одну истину, что печать, хороша она или плоха, только будучи вполнѣ свободной, можетъ служить отраженіемъ общественнаго мнѣнія. А послѣднее для него важнѣе всего, ибо онъ знаетъ, что въ конечномъ счетѣ управляетъ всѣмъ общественное мнѣніе, и чтобы оно управляло хорошо, т.-е. согласно съ потребностями народа и времени, оно должно выражаться свободно. И его нисколько не смущаютъ продажныя газеты, отравляющія своихъ читателей: это зло временное, пока эти читатели не дорастутъ до истиннаго пониманія правды и истинныхъ своихъ интересовъ. А это необходимо будетъ тамъ, гдѣ все стремится содѣйствовать истинѣ, для которой всѣ пути открыты,

хотя бы временно казалось, что «желтая пресса» и Чэмберлены извратили истинный духъ англичанъ. Въ концѣ концовъ—свободный народъ, какъ коллективная личность, не можетъ быть обманутъ, и когда глаза его раскроются, вся эта мелочь летитъ, какъ шелуха отъ дуновенія вѣтра. Въ Англіи это не опасно, и авторъ правъ, говоря: «Пусть то или другое министерство совершаетъ рядъ крупныхъ ошибокъ или даже преступленій противъ основныхъ человѣческихъ правъ. Пусть «Джо» (Чэмберленъ) устраиваетъ разгромъ республики; но и министерство коллективно, и «Джо» въ отдѣльности сознаютъ, что есть *Нѣкто*, могучій, всесильный, хотя, къ несчастью, покуда въ достаточной степени невѣжественный, согласіе котораго нужно предварительно испросить, которому нужно дать отчетъ во всемъ. Этотъ «Нѣкто» можетъ быть обманутъ, его согласіе можно тогда испросить на злое дѣло невѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности и мнимыми доводами, ибо «Нѣкто» еще недавно проснулся. Его критическое самосознаніе не успѣло еще выработаться вполнѣ. Но «Нѣкто» великодушенъ по натурѣ своей и научился уже цѣнить независимость. Великана обманули въ этой войнѣ, увѣрили, что борьба имѣетъ цѣлью освобожденіе отъ ига деспотизма. Посмотрите, какъ настойчиво повторяютъ въ избирательныхъ рѣчахъ своихъ, и Бальфуръ, и «Джо», что вновь присоединеннымъ колоніямъ будетъ дана самая широкая автономія. И по примѣру Канады и Австраліи мы знаемъ, что такое автономная англійская колонія. Этотъ «Нѣкто» сознательно не допуститъ угнетенія свободы, чужого обычая, вѣры, закона, языка или гоненія на мысль и слово. Посмотрите, какъ во время войны въ самой Англіи, несмотря на буйные протесты «кэдовъ», забили въ набатъ по поводу деспотизма англійскихъ генераловъ въ Южной Африкѣ! Всѣ стрѣлы, которыя континентальные обличители пускали въ «деспота Джона Буля (увы! какъ часто стрѣльцы могли бы выбрать мишень и ближе!), взяты изъ его же собственнаго колчана. Фактъ вскрытія военными властями письма коммонера Эллиса и присвоеніе содержанія (что на континентѣ и въ мирное время составляетъ обычное явленіе) вызвалъ черную грозовую тучу. Обратите вниманіе на эти факты и вы согласитесь, что могущественный, настойчивый, свободолюбивый «Нѣкто» никогда сознательно не будетъ деспотомъ, гнетущимъ мысль и чужой обычай изъ одной лишь ненависти или изъ озорства.

«Кто же этотъ «Нѣкто»?—Демосъ, могучая англійская демократія, полное проявленіе богатыхъ силъ которой мы видимъ въ молодыхъ колоніяхъ»,— Австраліи, Новой Зеландіи, Канадѣ.

Что значатъ для этого «демоса» жалкіе уличные листки, высмѣивающіе честь, истину, свободу,—это просто случайный налетъ, проявленіе дурной минуты, въ худшемъ случаѣ отраженіе интересовъ нѣкоторой части населенія, той части, что всюду не прочь половить рыбку въ мутной водѣ. И не имъ, конечно, извратить основы духа англійскаго народа, основы, къ которымъ съ такой завистью и вниманіемъ присматриваются и поучаются культурнѣйшіе народы континента. Существованіе подлой печати, позорящей свободную и честную англійскую прессу, которая и до сихъ поръ стоитъ, въ общемъ, далеко

выше континентальной по серьезности мысли, по глубинѣ, порядочности и чистотѣ нравовъ,—объясняется отчасти тѣмъ же духомъ, *терпимостью* англичанъ ко всякому мнѣнію. Терпимость—это азбука англійской жизни, и этотъ принципъ такъ вкоренился, что его нельзя здѣсь затронуть, не пошатнувъ всего общественнаго организма. По этому вопросу въ Англіи нѣтъ двухъ мнѣній, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ статья Лесли Стефена въ «Британской энциклопедіи», изъ которой авторъ приводитъ слѣдующую великолѣпную цитату, горячо рекомендуемую нами всѣмъ нашимъ проповѣдникамъ обузданія всѣхъ несогласно мыслящихъ:

«Широкая терпимость къ чужому мнѣнію сдѣлалась *жизненнымъ* фактомъ, а не только отвлеченнымъ принципомъ. Ее признали, наконецъ, тѣ, которые много вѣковъ были противъ толерантности, вначалѣ прямо, потомъ косвенно. Каждый ученый признаетъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, что онъ долженъ доказать свои положенія, а потому онъ стоитъ за изслѣдованія всякаго рода. Онъ желаетъ, чтобы даже дураку позволено было разсуждать. Ученый хочетъ только напомнить дураку, что онъ дуракъ. Время отъ времени является невѣжда, пытающійся оспаривать завоеванія разума. Онъ находитъ вѣчное движеніе, квадратуру круга, и т. п. Никто теперь не утверждаетъ, что невѣжду слѣдуетъ наказывать. Надлежитъ только доказать ему его заблужденія. Послѣднее, можетъ быть, даже полезно, такъ какъ свидѣтельствуетъ о соотвѣтственномъ развитіи знанія... Шарлатанское патентованное средство въ медицинѣ можетъ причинить порой такой же вредъ, какъ и теологическая ересь; но запрещеніе всего того, что не одобрено медицинскимъ департаментомъ, породило бы нежелательную вѣру въ непогрѣшимость этого почтеннаго учрежденія. Если мы согласились, какъ въ данномъ примѣрѣ, что невѣжество не является достаточнымъ поводомъ для расширенія полномочія властей,—ученіе о терпимости получитъ крайне широкій смыслъ. Мы тогда признаемъ, какъ незыблемую истину, что вредно подавлять свободу обсужденія и критики. Совершенно нѣтъ надобности принимать мѣры къ тому, чтобы народъ не думалъ. И безъ всякаго побужденія массы въ достаточной степени косны. Свобода мысли не только право, но обязанность. Главная обязанность прогрессивнаго общества—всячески будить пытливую мысль, а не усыплять ее. Критическая мысль не разрушаетъ, а созидаетъ раціональную власть. Выставляя аргументъ, что свобода мысли ведетъ къ скептицизму, защитники извѣстной общественной формы сами наносятъ ей смертельный ударъ, ибо доктрина, которую можно разрушить критикой, не имѣетъ за собой раціональныхъ основаній къ существованію. Умъ великаго мыслителя полонъ гипотезъ. Онъ постепенно выпутывается изъ лабиринта, пробуетъ каждый выходъ и оставляетъ его, когда послѣдній приводитъ къ тупику. Въ обществѣ, активная дѣятельность котораго велика, должно быть много заблуждающихся сектъ и фракцій; но теорія естественнаго подбора примѣнима и въ мірѣ идей. Выживетъ наиболѣе приспособленная идея, и чѣмъ сильнѣе будетъ свободное соперничество, т.-е. чѣмъ свободнѣе критика, тѣмъ скорѣе совершится эта побѣда». Умственный горизонтъ теперь такъ расширился,—продолжаетъ Лесли Стефенъ,—что

теперь болѣе невозможно «свалить въ одну кучу иностранцевъ, еретиковъ и иновѣрцевъ, объявить ихъ порочными и тѣмъ мотивировать преслѣдованіе ихъ». Тѣ же самыя доктрины примѣнимы и въ области политики. «Теперь надлежитъ понять противника вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его».

Таковы великіе принципы, легшіе въ основу жизни англійскаго народа. Свобода мысли и слова, свобода совѣсти, терпимость, свобода организацій и личной инициативы, что могутъ выставить противъ нихъ наши доморощенные критики западной культуры, гг. Сигмы, Меньшиковы и Демчинскіе, провозглашающіе нашу «самобытность», какъ основу истинной гуманности? Съ непонятной для насъ радостью эти нововременскіе проповѣдники выкапываютъ всякій фактъ, свидѣтельствующій, что и на западѣ, въ Германіи, въ Англіи или Америкѣ, далеко не все благополучно, въ простотѣ душевной не замѣчая противорѣчія, въ которое они при этомъ впадаютъ, ибо тѣмъ самымъ они отдаютъ дань уваженія этимъ принципамъ, какъ бы сознаваясь, что при ихъ полномъ проведеніи въ жизнь исчезли бы мрачныя стороны послѣдней. Темныя явленія западной жизни, въ родѣ несправедливой войны противъ буровъ или гоненія противъ негровъ въ Америкѣ, свидѣтельствуютъ только, что великимъ принципамъ человѣчности есть еще много надъ чѣмъ потрудиться, пока несправедливость и ненависть не будутъ укрощены и побѣждены окончательно. Но только окунувшись въ западноевропейскую жизнь, начинаешь не только понимать, но чувствовать всѣмъ существомъ своимъ, что нѣтъ иного пути къ свѣту и правдѣ, какъ тотъ, который выработала западная культура и которымъ западъ идетъ гигантскими шагами.

Много еще и тамъ неправды, всяческаго зла и насилія, о чемъ повѣствуетъ г. Діонео въ своей богатой содержаніемъ книгѣ и на что справедливо жалуется неоднократно упоминавшійся нами д-ръ Гурлиттъ. Достаточно указать на биржу и милитаризмъ, истощающіе народы, чтобы видѣть, сколько еще предстоитъ работы великому «Нѣкто», такъ еще недавно проснувшемуся отъ многовѣкового сна. Но день тамъ уже наступилъ, день труда и тяжелой неустанной работы, отъ которой гнутся даже могучія плечи мощнаго «Нѣкто», и праздничный отдыхъ еще далеко впереди. Тѣмъ не менѣе, это все же день, и свѣтитъ тамъ яркое солнце...

Солнце, а не слабый огонекъ, что маячитъ вдали, указывая дорогу усталому путнику среди безконечной, темной ночи, когда кажется, что не будь этого привѣтливаго огонька, жизнь замерла бы и остановилась. И нужно много вѣры и мужества, чтобы не сбиться съ дороги и не завязнуть въ болотѣ. Въ это-то время безконечно дороги люди, которые не только сами мужественно идутъ впередъ, но и другихъ увлекаютъ за собой, будятъ въ нихъ вѣру и бодрость. Они являются сами тѣми огоньками, что направляютъ нашъ путь и поддерживаютъ надежду въ усталыхъ сердцахъ.

Такой огонекъ загорѣлся внезапно въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ нашей литературѣ, съ тѣхъ поръ разгораясь все время въ яркое пламя, которое свѣтитъ яснымъ и ровнымъ свѣтомъ. Это было въ 1885 г., когда въ

одной изъ первыхъ книгъ «Русской Мысли» появился разсказъ Владиміра Короленко «Сонъ Макара», сразу привлекшій вниманіе читателей своимъ оригинальнымъ сѣвернымъ колоритомъ и высокимъ человѣчнымъ содержаніемъ. Время тогда было ужасно мрачное, какая-то безотрадная тоска давила всѣхъ. Истинно, это была ночь безъ просвѣта и надежды. Казалось, всѣ мы скатились глубоко-глубоко внизъ, на самое дно какого-то угрюмаго оврага, откуда немыслимо выбраться на настоящую дорогу по отвѣснымъ, поросшимъ бурьяномъ и всякой нечистью бокамъ. И вотъ на вершинѣ показался свѣтъ, и освѣтилъ едва замѣтныя тропки, извивавшіяся по стѣнамъ оврага, и вдохнулъ всѣмъ новую жажду бороться, работать и выбиваться къ свѣту изъ случайной ямы. Такимъ именно свѣтлымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ настроеніемъ повѣяло на всѣхъ отъ новаго произведенія незнакомаго автора, и это впечатлѣніе оставалось неизмѣннымъ съ тѣхъ поръ, усиливаясь съ каждымъ новымъ произведеніемъ того же автора, которыя стали появляться одно за другимъ непрерывной цѣпью. «Въ дурномъ обществѣ», «Изъ записокъ сибирскаго туриста», «Соколинецъ», «Слѣпой музыкантъ», «Лѣсъ шумитъ», «Въ пути», «Сказаніе о Флорѣ Римлянинѣ и о царѣ Агриппѣ» и др. упрочили симпатіи читателей, сразу завоеванные Владиміромъ Короленко, который съумѣлъ только истиннымъ художникамъ доступнымъ способомъ вызвать и поднять на поверхность скрытыя въ душѣ читателей лучшія человѣческія стороны. Мы всѣ тогда безъ колебанія отдались чарующему обаянію тепла и свѣта, вѣявшимъ отъ произведеній молодого художника, и нельзя сказать, что привлекало больше, красота его образовъ или его мысли, то, что принято характеризовать неопредѣленнымъ словомъ «направленіе». Скорѣе все вмѣстѣ очаровывало и привлекало гармоніей и полнотой образовъ и настроенія, властно подчинявшихъ своею искренностью и правдивостью. И даже реакціонная критика, въ то время особенно ожесточенная, какъ-то сконфуженно примолкла, а вскорѣ и преклонилась предъ чистотой и человѣчностью новаго художника. Мы же почувствовали въ немъ не только выдающагося художника, но и общественнаго борца, сильнаго свѣтлой правдой, которую онъ отстаивалъ и въ художественныхъ произведеніяхъ, и въ публицистикѣ, и въ общественной своей дѣятельности. Такимъ онъ выступилъ очень скоро въ своихъ обличеніяхъ воротилъ мѣстнаго (нижегородскаго дворянскаго) банка, вызвавъ правительственную ревизію и тѣмъ охранивъ отъ разоренія тысячи семействъ. Такимъ онъ явился и въ мрачный голодный годъ, который затѣмъ увѣковѣчилъ въ литературѣ своими замѣчательными очерками «Въ голодный годъ». Такимъ же былъ онъ, отстаивая несчастныхъ вотяковъ въ знаменитомъ мултанскомъ дѣлѣ. Въ мѣстной жизни, въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ провелъ больше десяти лѣтъ послѣ возвращенія изъ восточной Сибири, онъ сталъ центромъ, откуда исходилъ свѣтъ на всю окружающую среду, и вліяніе этого свѣта чувствуется еще и теперь...

Въ русской жизни Вл. Короленко представляетъ исключительное явленіе именно цѣльностью, рѣдкимъ сліяніемъ въ одномъ лицѣ выдающагося художника, замѣчательнаго публициста и виднаго общественнаго дѣятеля. Жизнь у насъ такъ сложилась, что каждый живетъ словно въ загородкѣ. Врачъ лечитъ,

купецъ торгуетъ, чиновникъ служитъ, писатель пишетъ, а жизнь, общая всѣмъ, большая, живая жизнь народа и общества, идетъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ каждаго, даже какъ будто не задѣвая никого и не трогая. Писатели какъ-то особенно уединены отъ жизни, и среди нихъ не рѣдкость встрѣтить такихъ, которые ни разу не были ни на одномъ земскомъ собраніи, не были въ думѣ, въ судѣ, не говоря уже о дѣятельномъ участіи въ этихъ учрежденіяхъ, которые только наблюдаютъ жизнь, но не творятъ ее, не смѣшиваются съ нею. Отчего это такъ,—сложный и важный вопросъ, и его нельзя разбирать мимоходомъ. Но фактъ безспорный, что Вл. Короленко единственный писатель, принимавшій и принимающій у насъ живѣйшее участіе въ окружающей его жизни. Общественный темпераментъ преобладаетъ въ немъ надъ чисто художественнымъ и составляетъ основу его, какъ человѣка. Онъ—прежде всего общественный боецъ, и художественный талантъ—только его особое, личное орудіе, кладущее особый отпечатокъ на все, что онъ творитъ, углубляющее содержаніе его дѣятельности, дающее ему проникновенную силу видѣть во всемъ и глубже, и шире, и дальше, чѣмъ обычный человѣкъ, дѣйствующій рядомъ съ нимъ. Выступая защитникомъ въ мултанскомъ дѣлѣ, устраивая столовыя и засѣдая въ комитетѣ о голодныхъ, изслѣдуя кишиневскую трагедію или защищая память редактора Сморгунера, павшаго жертвою наглаго бреттера, Вл. Короленко является общественнымъ борцомъ, художникомъ, который вноситъ въ жизнь ту же правду, человѣчность и любовь, которыми проникнуты и его образы. Мало того, какъ художникъ беретъ типичныя черты даннаго явленія, отбрасывая все случайное, такъ и общественный дѣятель въ Короленкѣ, благодаря его художественному чутью, всегда находитъ въ любомъ дѣлѣ то именно, что составляетъ его сущность и придаетъ ему не частный, а общій характеръ, общее значеніе. Вотъ почему всякое житейское дѣло, въ которомъ Короленко принимаетъ участіе, получаетъ огромный общественный интересъ,—и обратно, почему каждый созданный имъ образъ, помимо, такъ сказать, чистой красоты, еще имѣетъ и общественную основу, которая непосредственно затрагиваетъ насъ и волнуетъ, будитъ совѣсть и заставляетъ внимательно всматриваться въ окружающее. Вотъ почему онъ такъ отзывчивъ на каждое общественное явленіе, нарушающее правду: онъ чутокъ, какъ художникъ, а общественный боецъ не даетъ покоя художнику, пока тотъ не возьмется за дѣло и такъ или иначе не сдѣлаетъ его.

Приходилось слышать выраженіе сожалѣнія, что Короленко слишкомъ много занимается публицистикой и отдается разнымъ общественнымъ дѣламъ, что если бы не эта его безпокойная страсть, онъ больше творилъ бы и созданное имъ было бы выше и значительнѣе, такъ сказать прочнѣе, а теперь эта примѣсь публицистики придаетъ его твореніямъ характеръ временности. Со временемъ исчезаютъ и временные налеты, а потому, чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ прочнѣе и выше произведеніе. Такое мнѣніе глубоко невѣрно по отношенію къ Короленкѣ. Каждый художникъ, прежде всего, дитя своего времени, и чѣмъ полнѣе онъ его захватитъ и выразитъ, тѣмъ цѣльнѣе и прочнѣе его

произведеніе во времени. А кромѣ того, въ художественномъ произведеніи должна отражаться *вся личность* творца его, со всѣми ей присущими особенностями. Вытравить въ Короленкѣ общественный темпераментъ значило бы лишить его произведенія души. Восхваляющіе его, какъ художника, и порицающіе, какъ общественнаго борца, просто его не понимаютъ. Онъ—не созерцатель жизни, не искатель отвлеченныхъ началъ, не беллетристъ только,—онъ—на рѣдкость цѣльная личность, художникъ и общественный боецъ, живой человѣкъ съ сильнымъ общественнымъ характеромъ, увлекающимъ его въ «самую гущу жизни».

И жизнь это поняла съ первыхъ шаговъ его на литературномъ поприщѣ, поняла и оцѣнила. Возникшая тогда связь живого взаимнаго пониманія только крѣпла со временемъ, и ни малѣйшая тѣнь не замутила той атмосферы любви и уваженія, которымъ окруженъ Короленко въ представленіи его читателей, какъ чистѣйшій образецъ писателя и гражданина. И въ трудныя минуты общественной жизни мы какъ-то невольно оборачиваемся и ищемъ его. И видя его всегда на самомъ трудномъ и опасномъ посту, испытываемъ то же утѣшеніе, что и путникъ мрачной ночью на рѣкѣ, при видѣ маячащаго вдали огонька: «а все же онъ свѣтитъ!»

И теперь, когда литература и общество чествуютъ пятидесятилѣтнюю годовщину его рожденія, мы можемъ пожелать только одного,—чтобы Вл. Г. Короленко свѣтилъ намъ еще долго-долго, ибо больше чѣмъ когда-либо намъ нуженъ этотъ ясный, ровный и теплый свѣтъ, который исходитъ изъ всего, что онъ пишетъ, и изъ всего, что онъ дѣлаетъ.

А. Б.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ЛЕКЦІЙ ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГОРОДАХЪ.

Московское лекціонное бюро, которому многіе города почти всей наиболѣе населенной части Россіи обязаны устройствомъ публичныхъ лекцій по различнымъ отраслямъ знанія, существуетъ съ 1896 г. А до этого времени оно носило названіе подкоммиссіи для содѣйствія устройству лекцій въ провинціи; но успѣхъ лекцій П. Н. Милюкова и И. И. Иванова у насъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ декабрѣ 1895 г., вызвалъ новую организацію при московской коммиссіи домашняго чтенія учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, именно въ видѣ лекціоннаго бюро. Въ теченіе первыхъ 4-хъ лѣтъ дѣятельности бюро (съ начала 1896 г. до 1-го января 1900 г.) состоялось всего 55 чтеній или двухъ часовыхъ лекцій въ 20 городахъ, причемъ въ Рязани 10, въ Твери 8, въ Смоленскѣ 5. въ Тулѣ 4, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Калугѣ, Тамбовѣ, Псковѣ и Ригѣ по 3 въ каждомъ, въ Пензѣ и Саратовѣ по двѣ, а въ Иваново-Вознесенскѣ, Ельцѣ, Орлѣ, Костромѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Острогорскѣ, Черниговѣ и Елисаветградѣ по 1 чтенію. Небольшое количество лекцій, состоявшихся въ провинціальныхъ городахъ за первые четыре года лекціоннаго бюро можетъ быть объяснено тѣмъ, что ему на первыхъ же порахъ пришлось очень много поработать какъ при подысканіи необходимаго контингента лекторовъ для провинцій, такъ и при сношеніяхъ съ различными провинціальными организаціями. Въ 1898 г. бюро составило списокъ лекторовъ, выразившихъ согласіе читать лекціи въ провинціи съ указаніемъ выбранныхъ ими темъ, удобнаго для нихъ времени, а также и района, въ которомъ они готовы читать; вмѣстѣ съ тѣмъ оно составило и руководство для провиціальныхъ организацій по устройству чтеній. Какъ списокъ лекторовъ, такъ и руководство по устройству чтеній было разослано 45 организаціямъ, съ которыми бюро имѣло дѣло.

Но не особенно много при участіи лекціоннаго бюро устроено лекцій и въ послѣдніе три года: въ 1900 г.—30, въ 1901 г.—61, а въ 1902 г.—93 двухчасовыя лекціи *), и это относится почти исключительно къ единич-

---

*) При составленіи этого доклада мы пользовались статьею г. А. Д. „Публичныя чтенія въ провинціи“ и докладомъ предсѣдателя лекціоннаго бюро В. Э. Дена „Провинціальныя лекціи въ Россіи“, напечатаннымъ въ „Русск. Вѣдом.“ за 9-е января 1903 г.

нымъ лекціямъ, тогда какъ систематическіе курсы за послѣднее время состоялись только въ Кіевѣ, Николаевѣ, Твери и Харьковѣ. Такъ ничтожны цифры состоявшихся лекцій и курсовъ на всемъ почти пространствѣ нашего обширнаго отечества! *).

Во Франціи число курсовъ для юношества и взрослыхъ, устроенныхъ общественными школами въ 1894—1895 гг. (цитируемъ по ст. В. Э. Дена), составляло 8.288, а черезъ 2 года это число возросло до 30.368, причемъ въ эту цифру не входятъ 5.000 курсовъ, устроенныхъ различными просвѣтительными обществами. Число же слушателей на этихъ курсахъ въ 1897—1898 гг. составляло 482.907 челов. Германское общество распространенія народнаго образованія, насчитывающее до 160.000 своихъ членовъ, располагаетъ цѣлымъ институтомъ путешествующихъ лекторовъ и ежегодно устраиваетъ по всей странѣ болѣе 10.000 публичныхъ чтеній.

Въ Англіи и Америкѣ иниціативу устройства публичныхъ лекцій въ провинціи давно уже взяли на себя университеты, то же самое и въ Австріи. Въ 1893 году, цитируетъ по В. Гебелю проф. В. Э. Денъ, 53 профессора Вѣнскаго университета подали университетскому Сенату петицію объ открытіи народу доступа къ высшему образованію. Эта петиція была сочувственно принята сенатомъ, учредившимъ особую коммиссію для обсужденія этого вопроса. Коммиссія выработала проектъ устава университетскихъ публичныхъ курсовъ, утвержденный затѣмъ какъ университетскимъ сенатомъ, такъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Правительство ассигновало на эти курсы 6.000 рублей и уже въ 1895—1896 гг. состоялось 59 курсовъ, на которыхъ перебывало 6.172 слушателя.

Публичныя чтенія получили также прочное развитіе въ Бельгіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи; въ Канадѣ и Австраліи.

Чѣмъ же объяснить столь медленное развитіе лекціоннаго дѣла у насъ въ Россіи? Большинство лицъ, близко стоящихъ къ устройству лекцій у насъ въ провинціи, указываетъ на четыре причины, которыя тормозятъ у насъ широкое и прочное развитіе публичныхъ чтеній: 1) формальности и административныя затрудненія, которыя приходится преодолѣвать при полученіи разрѣшенія на устройство лекцій; 2) отсутствіе широкаго спроса на лекціи со стороны провинціальныхъ организацій; 3) малочисленность контингента лекторовъ, изъявившихъ согласіе читать въ провинціи, и 4) высота лекторскаго гонорара.

Разсмотримъ же каждую изъ этихъ причинъ на основаніи того опыта, который мы имѣли при устройствѣ лекцій въ Н.-Новгородѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. Формальности, которыя приходится выполнять при полученіи разрѣшенія на каждый курсъ или лекцію, дѣйствительно, очень велики и онѣ, по нашему мнѣнію, лежатъ въ основѣ всѣхъ тормазовъ широкаго развитія лекцій въ Россіи. Дѣло разрѣшенія лекцій, какъ извѣстно, ведется такимъ образомъ. Мѣстная организація, получивъ отъ лектора черезъ лекціонное бюро

*) Мы не имѣемъ здѣсь въ виду педагогическихъ и общеобразовательныхъ курсовъ, устраиваемыхъ земствами для народныхъ учителей.

програму на избранную тему, направляетъ ее мѣстной администраціи съ просьбой представить програму на утвержденіе попечителя учебнаго округа. Администрація дѣлаетъ запросы о правѣ лектора читать публичныя лекціи и, получивъ неудовлетворительный отвѣтъ, прекращаетъ дѣло, но и получивъ благопріятныя свѣдѣнія, она, конечно, въ правѣ прекратить дѣло, не находя возможнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, осуществленіе лекцій, а если администрація находитъ послѣднее возможнымъ, то представляетъ програму лекцій съ своимъ заключеніемъ на утвержденіе попечителя учебнаго округа, который также, какъ и мѣстная власть, можетъ и разрѣшить, и не разрѣшить чтеніе лекцій. Иногда попечитель требуетъ текстъ лекціи, а такое требованіе въ большинствѣ случаевъ равносильно запрещеніе, такъ какъ многіе лекторы не пишутъ своихъ лекцій. Вся процедура разрѣшенія лекціи отъ момента представленія программы мѣстной администраціи до полученія разрѣшенія отъ попечителя учебнаго округа тянется, въ среднемъ, не менѣе двухъ мѣсяцевъ, но и этого мало: для того, чтобы получить самую програму лекціи, проходитъ иногда не одна недѣля, пока бюро получитъ ее отъ лектора, а затѣмъ мало одной недѣли, обыкновенно требуется двѣ недѣли, чтобы организатору списаться съ лекторомъ о днѣ назначенія его лекціи, чтобы получить разрѣшеніе печатать афишу, сдѣлать анонсы и назначить продажу билетовъ. Здѣсь намъ приходится сказать о новомъ затрудненіи чисто мѣстнаго практическаго свойства, которое, разумѣется, существуетъ во многихъ городахъ и иногда ставитъ прямо въ безвыходное положеніе мѣстныхъ устроителей лекцій,—это выборъ помѣщенія для лекцій. Хотя послѣднее затрудненіе не имѣетъ никакого отношенія къ административнымъ формальностямъ, которыя требуются при разрѣшеніи лекцій, какъ и полученіе программы отъ лектора, но они чрезвычайно важны тѣмъ, что по необходимости еще болѣе удлинняютъ и безъ того долгій самъ по себѣ срокъ разрѣшенія, или, вѣрнѣе, еще болѣе отдаляютъ осуществленіе лекцій.

Выборъ помѣщенія обыкновенно приходится дѣлать между заломъ дворянскаго собранія и заломъ мѣстнаго клуба, которые въ большинствѣ случаевъ абонированы на нѣсколько вечеровъ или гастролерами или мѣстными благотворительными и просвѣтительными обществами. При выборѣ зала приходится считаться и съ тѣмъ, чтобы день лекціи совпалъ съ днями скораго поѣзда, напр. у насъ въ Нижнемъ, чтобы дать возможность лектору уѣхать немедленно послѣ лекціи. И сколько разъ приходилось отказываться отъ зала, уступленнаго именно на день со скорымъ поѣздомъ, лишь потому, что лекторъ, въ силу прямыхъ своихъ обязанностей, не могъ пріѣхать къ назначенному дню. Сколько разъ случалось, что лекторъ не могъ пріѣхать ни въ среду, ни въ пятницу—дни со скорымъ поѣздомъ, а только въ воскресенье или понедѣльникъ, но въ первомъ случаѣ онъ долженъ сидѣть цѣлый день въ ожиданіи обратнаго поѣзда, а во второмъ и залъ клуба нельзя получить изъ-за дамскихъ вечеровъ. Такимъ образомъ, чтобы получить програму на публичную лекцію, разрѣшеніе на нее у попечителя округа, выбрать залъ и день для лекціи, получить разрѣшеніе печатать афишу, анонсировать лекцію въ мѣстныхъ газетахъ и организовать продажу билетовъ, требуется не менѣе

3-хъ мѣсяцевъ. А это не малый періодъ времени! И вотъ что случается при такихъ условіяхъ устройства лекцій. Вели мы переписку о разрѣшеніи лекцій И. Х. Озерова: «Итоги экономической и финансовой жизни XIX вѣка», но черезъ два мѣсяца получили отвѣтъ, что попечитель округа требуетъ текстъ лекціи, котораго не было у лектора, почему и пришлось оставить лекцію. Но прошли каникулы и мы снова возобновили ходатайство о разрѣшеніи той же лекціи по программѣ: на этотъ разъ разрѣшеніе получили, но лекторъ уже успѣлъ напечатать свою лекцію. То же самое случилось съ лекціей Н. Н. Сакулина въ настоящемъ году: пока просили разрѣшеніе, пока требовали изъ учебнаго округа текстъ лекціи, прошло 4 мѣсяца, и лекторъ, потерявъ, видимо, всякую, надежду на разрѣшеніе своей лекціи «О Некрасовѣ», напечаталъ ее въ одномъ изъ новыхъ журналовъ. 3-й случай можно привести съ лекціей С. А. Котляревскаго «Церковь и государство во Франціи». Пока мы просили разрѣшеніе, пока требовали изъ учебнаго округа также текстъ лекціи, лектора командировали въ заграничную поѣздку и лекцію пришлось оставить.

Длинная процедура разрѣшенія лекцій имѣетъ крайне неблагопріятное вліяніе на развитіе лекціоннаго дѣла еще и потому, что въ распоряженіи мѣстныхъ организаторовъ имѣется всего $4^1/_2$ мѣсяца въ году, въ теченіе которыхъ съ успѣхомъ можно устраивать лекціи, именно: $2^1/_2$ мѣсяца съ 1-го октября, по 15 декабря, 1 мѣсяцъ съ 15 января по 15 февраля и 1 мѣсяцъ великимъ постомъ. Да и въ теченіе этого короткаго промежутка времени у насъ, напр. въ Нижнемъ, нужно считаться съ двумя переходными временами года, когда переправа черезъ Оку весной и осенью становится чрезвычайно затруднительной и приходится прибѣгать къ помощи рѣчной полиціи и казенныхъ пароходовъ и спасательныхъ лодокъ. А между тѣмъ время передъ вскрытіемъ рѣкъ весьма удобно для устройства публичныхъ чтеній по другимъ мѣстнымъ условіямъ. Время же послѣ Пасхи, наоборотъ, совершенно неудобно для устройства лекцій, такъ какъ весьма значительная часть слушателей, отвлекается или экзаменами, или же, наконецъ, теплымъ весеннимъ временемъ года, въ которое и погулять пріятно, въ особенности молодежи.

Всѣ формальности и препоны, которыя приходится преодолѣвать при устройствѣ лекцій, обыкновенно дѣлятъ на всероссійскія и мѣстныя.

При существованіи препятствій со стороны мѣстной администраціи, дѣло совсѣмъ гибнетъ, но Нижній въ этомъ отношеніи въ настоящее время находится въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ мѣстная администрація относится вполнѣ корректно къ дѣлу организаціи какъ единичныхъ лекцій, такъ и въ особенности систематическихъ курсовъ. Но и при отсутствіи мѣстныхъ административныхъ затрудненій при устройствѣ лекцій, у устроителей иногда опускаются руки, потому что они не могутъ въ самое удобное для лекцій время располагать помѣщеніемъ, не могутъ, напр., въ Нижнемъ, въ наиболѣе удобный день назначить лекціи, такъ какъ скорые поѣзда только три раза въ недѣлю, а лекторъ не можетъ тратить цѣлый день въ ожиданіи поѣзда. Но болѣе всего подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на энергію устроителей, когда имъ, при условленномъ уже днѣ для лекціи, приходится обмѣ-

ниваться телеграммами съ лекторомъ о состояніи переправы черезъ рѣку и успокаивать, что переправа безопасна, что лекторъ при переѣздѣ не потеряетъ лишняго часа времени. А въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ не только непреодолимыя затрудненія при отысканіи зала для чтенія лекцій, но къ нѣкоторымъ изъ нихъ нѣтъ даже сколько-нибудь удовлетворительныхъ путей сообщенія.

При такихъ условіяхъ устройства лекцій мѣстные организаторы ихъ никогда не увѣрены, разрѣшатъ имъ лекцію или курсы и, наконецъ, сколько разрѣшатъ и къ какому времени, а если и разрѣшатъ, то удастся ли еще по чисто мѣстнымъ, приведеннымъ нами, условіямъ осуществить ихъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, чѣмъ объясняется отсутствіе широкаго спроса на лекціи со стороны провинціальныхъ устроителей ихъ. Инертность общества, тѣмъ болѣе инертность представителей общественныхъ и частныхъ организацій здѣсь не при чемъ. Стоитъ какому либо организатору, по неопытности, назначить днями лекцій святки или послѣ пасхальное время и онъ непремѣнно приведетъ лектора въ наполовину пустую аудиторію, и вотъ первая же неудача, при всѣхъ Сцилахъ и Харибдахъ, которыя съ такимъ трудомъ приходится миновать, подавляетъ энергію устроителя.

Но не менѣе серьезную и важную причину, препятствующую широкому развитію лекцій въ провинціи, представляетъ собою и малочисленность контингента лекторовъ, которымъ располагаетъ лекціонное бюро. Въ спискѣ лекторовъ, изъявившихъ согласіе читать въ провинціи, мы обыкновенно находимъ имена людей, еще не успѣвшихъ составить себѣ крупную научную репутацію и по нашему мнѣнію даже трудно ожидать, чтобы корифеи науки, за рѣдкими развѣ исключеніями, взяли на себя трудъ чтенія лекцій въ провинціяхъ. Но чѣмъ менѣе извѣстно имя лектора, тѣмъ больше требованій предъявляютъ къ нему слушатели, тѣмъ болѣе критически они къ нему относятся. И всѣ тѣ лекціи, которыя читаются по тетрадкѣ лекторомъ, не имѣющимъ крупнаго научнаго имени, никогда не имѣютъ успѣха въ провинціи такія лекціи, будучи высланы авторомъ въ провинцію, съ гораздо большимъ успѣхомъ могли бы быть прочитаны въ отсутствіи самого лектора на засѣданіяхъ нашихъ просвѣтительныхъ обществъ.

Это относится къ единичнымъ лекціямъ, которыя по нашему мнѣнію имѣютъ большое воспитательное значеніе, пріучая общество посѣщать лекціи и слушать ихъ. А при изложеніи систематическихъ курсовъ какой либо науки, къ лектору предъявляются еще большія требованія, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ долженъ настолько заинтересовать аудиторію, чтобы обезпечить себя постоянный контингентъ слушателей въ теченіе цѣлаго ряда лекцій.

Переходя къ матеріальной сторонѣ дѣла, должно замѣтить, что мы далеки отъ мысли, что лекція *непремѣнно* должна давать чистый доходъ, будутъ ли то единичныя лекціи или тѣмъ болѣе цѣлые курсы, однако, нельзя согласиться и съ тѣми, по мнѣнію которыхъ *курсы ни въ какомъ случаѣ не могутъ оплатиться.*

Убытокъ въ Твери отъ курсовъ Ю. И. Айхенвальда по психологіи и А. Ѳ. Флерова по ботаникѣ, на который обыкновенно ссылаются въ подобномъ

случаѣ, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что курсы были не вовремя устроены; курсы психологіи, напр., въ концѣ апрѣля, почему они, несмотря на талантливое изложеніе предмета, и не могли привлечь большой постоянный контингентъ слушателей. Защитники того положенія, что курсы лекцій не могутъ оплатиться, обыкновенно указываютъ на то, что какъ въ университетѣ, такъ и во всѣхъ другихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ расходы по содержанію ихъ никогда не покрываются платою за ученіе. Это совершенно вѣрно, но съ тѣмъ исключеніемъ, что и въ университетѣ многолюдная аудиторія у талантливаго лектора всегда сама въ состояніи оплатить всѣ расходы за лекціи, что дѣйствительно и наблюдается на гонорарѣ профессоровъ въ многолюдныхъ университетахъ, на нѣкоторыхъ факультетахъ и по нѣкоторымъ предметамъ. Послѣднее разсужденіе вполнѣ примѣнимо, намъ кажется, къ большимъ провинціальнымъ городамъ, имѣющимъ около сотни тысячъ жителей. Въ такихъ городахъ убытокъ или не убытокъ отъ систематическихъ курсовъ если не всецѣло, то главнымъ образомъ зависитъ отъ талантливости лектора. За примѣрами ходить не далеко: три лекціи проф. К. Э. Линдемана по зоологіи въ Ниж.-Новгородѣ дали большую прибыль въ 345 р. при абонементномъ билетѣ на всѣ три лекціи въ 50 к. для входа въ залъ, тоже самое и 10 лекцій психологіи Ю. И. Айхенвальда дали прибыль въ 607 рублей при 20 к. за входъ въ залъ. Правда, для лекцій зоологіи и психологіи выбрано было самое лучшее время во всемъ сезонѣ и за всѣ 13 лекцій, за залъ ничего не уплочено, а только за освѣщеніе и прислугѣ выдано всего 140 руб Но и вычитая изъ полученной прибыли 380 р., которые пришлось бы уплатить, считая стоимость залы съ освѣщеніемъ и прислугою на одинъ вечеръ въ 40 р., мы все-таки получаемъ отъ 13 лекцій чистую прибыль въ 572 руб. Секція гигіены воспитанія и образованія съ каждымъ годомъ стремится къ пониженію цѣнъ за слушаніе лекцій и только на дняхъ правленіе порѣшило еще болѣе понизить цѣны за слушаніе спеціальныхъ курсовъ, и мы увѣрены, что нѣкоторые курсы по свойству самаго предмета и въ большихъ городахъ непремѣнно дадутъ дефицитъ. Но всѣ другіе матеріальные результаты получаются отъ чтенія лекцій въ небольшихъ городахъ: тамъ дѣйствительно курсы лекцій ни въ какомъ случаѣ не могутъ оплатиться и если московское лекціонное бюро собираетъ капиталъ, изъ котораго можно бы было по временамъ пополнять дефициты провинціальныхъ организацій по устройству лекцій, то этотъ капиталъ всецѣло долженъ имѣть въ виду мелкіе города. Разумѣется, при развитіи потребности въ высшемъ образованіи въ среднемъ слоѣ населенія мелкихъ городовъ, а эта потребность несомнѣнно растетъ съ каждымъ годомъ, дефициты при постановкѣ цѣлыхъ систематическихъ курсовъ будутъ все меньше и меньше. Для большихъ же провинціальныхъ городовъ въ настоящее время достаточно имѣть нѣкоторый фондъ, будетъ ли то городской или земскій или же принадлежащій извѣстной частной организаціи, который давалъ бы нѣкоторую увѣренность устроителямъ курсовъ, что имъ и не придется въ случаѣ необходимости считаться съ дефицитомъ. Что касается высоты лекторскаго гонорара (въ основу его взято 30 рублей за 2-хъ часовую лекцію и плата за проѣздъ по разстоя-

нію—для Нижн.-Новгор. 30 р.), то едва ли на нее можно указывать серьезно, какъ на причину медленнаго развитія въ Россіи лекціоннаго дѣла. Во всякомъ случаѣ понижать лекторскій гонораръ даже не желательно, такъ какъ лекторы въ силу указанныхъ выше формальныхъ препятствій при разрѣшеніи лекцій, никогда не увѣрены, сколько, когда и гдѣ разрѣшатъ имъ чтеній, а оставляя университетскій городъ для провинціи, они всегда теряютъ, бросая свою ежедневную работу. Наконецъ, съ пониженіемъ лекторскаго гонорара пришлось бы отказаться отъ мысли слышать, когда-нибудь въ провинціи видныхъ представителей науки, которые по своему имущественному положенію, также какъ и молодыя силы, рѣдко бываютъ въ состояніи читать за ничтожную плату. Повторяемъ, не за платою лектору дѣло, а за его умѣньемъ талантливо излагать предметъ. Потребность въ пополненіи знаній у довольно значительнаго количества населенія большихъ провинціальныхъ городовъ давно уже опредѣлилась, и кто желалъ, могъ убѣдиться, на сколько постояненъ былъ, напр. въ Н. Новгородѣ, контингентъ слушателей на лекціяхъ зоологіи и психологіи.

Подводя итоги всѣмъ высказаннымъ здѣсь соображеніямъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что прочное и успѣшное развитіе лекцій въ нашихъ провинціальныхъ городахъ и мѣстечкахъ можетъ имѣть мѣсто только при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1) Университеты въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей науки должны придти на помощь лекціонному бюро или взять на себя инціативу устройства лекцій въ провинціи.

2) Земскія и городскія общественныя управленія, такъ много расходующія средствъ на начальное и среднее образованіе народа, не должны отказывать въ помощи и систематическимъ научнымъ курсамъ. Самымъ естественнымъ видомъ помощи такимъ курсамъ и единичнымъ лекціямъ со стороны городскихъ управленій могло бы быть предоставленіе безплатнаго помѣщенія для лекцій въ театрахъ большихъ городовъ *), и

3) Устраненіе нѣкоторыхъ формальностей при разрѣшеніи лекцій, каковыя формальности не рѣдко губятъ все дѣло. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ проф. В. Э. Деномъ, предлагающимъ современную разрѣшительную систему замѣнить системой явочной, при которой на обязанности устроителей лежало бы только заблаговременное заявленіе о проектируемыхъ чтеніяхъ, объ ихъ мѣстѣ и времени и о томъ, кто выступитъ на нихъ въ качествѣ лекторовъ.

Если всѣ эти три условія будутъ осуществлены, то лекціонное дѣло на нашей родинѣ быстро расцвѣтетъ и русское общество съумѣетъ пополнить всѣ недочеты въ знаніи, какіе у него существуютъ сравнительно съ западно-европейскимъ обществомъ.

Н. Граціановъ.

---

*) Нашимъ народнымъ домомъ, который предполагается отдѣлать къ осени 1903 г., едва-ли можно будетъ пользоваться для систематическихъ курсовъ по дальности его разстоянія отъ центра; многіе курсы посѣщаются съ массой дѣтей, которымъ едва ли удобно будетъ брести въ осеннія ночи на край города.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Исторія одного адреса. Интереснымъ отголоскомъ празднованія двухсотлѣтія города Петербурга является исторія съ юбилейнымъ адресомъ, которая разыгралась въ полтавской городской думѣ. Какъ сообщаетъ полтавскій корреспондентъ «Рус. Вѣд.», полностью этотъ адресъ былъ напечатанъ въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», а выдержки были приведены во многихъ другихъ газетахъ.

Самое характерное, вызвавшее разговоры мѣсто этого адреса гласитъ, что «возрожденіе творческаго духа великаго императора въ преобразовательной дѣятельности императора Александра II, въ его реформахъ, опиравшихся на довѣріи къ народной самодѣятельности, ознаменовалось прогрессомъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни». Заканчивался адресъ выраженіемъ горячей увѣренности, что «сильное сочувствіемъ и поддержкой всѣхъ, кому дороги широкіе общественные интересы, твердо направляемое своими дѣятелями по пути, завѣщанному великимъ основателемъ столицы, петербургское городское управленіе всегда будетъ на высотѣ своей задачи—быть въ области своей дѣятельности истиннымъ представителемъ высокой и плодотворной идеи общественнаго самоуправленія».

Казалось бы, въ адресѣ нѣтъ ничего обращающаго исключительное вниманіе: представители мѣстнаго самоуправленія вспоминаютъ съ благодарностью о реформахъ императора Александра II и желаютъ своимъ петербургскимъ собратьямъ быть истинными выразителями той самой идеи, которая лежитъ въ основаніи ихъ общей дѣятельности. И однако съ первыхъ же шаговъ злополучному адресу суждено было столкнуться съ рядомъ странностей, чрезвычайно характерныхъ для настроенія данной минуты.

Прежде всего городской голова В. П. Трегубовъ нашелъ, что адресъ въ этой редакціи не можетъ быть прочитанъ въ открытомъ засѣданіи городской думы, и всѣ гласные удалились въ другую комнату, оставивъ недоумѣвающую публику на жертву самыхъ рискованныхъ предположеній. Между тѣмъ за закрытыми дверями «партикулярнаго засѣданія думы въ полномъ составѣ» происходили совершенно неожиданныя пренія. Какъ стало потомъ извѣстно въ городѣ, четыре слова вызвали нападки. Эти слова: 1) самодѣятельность;

2) самосознаніе; 3) самоуправленіе; 4) реформы Императора Александра II. Тонъ, очевидно, былъ данъ г. городскимъ головой, который обнаружилъ такой страхъ передъ этими ужасными словами, что счелъ невозможнымъ прочесть проектъ адреса въ обычномъ засѣданіи. Но затѣмъ этотъ тонъ непонятной, правда, но довольно пассивной робости былъ усиленъ нѣкоторыми гласными до такого crescendo, что одинъ изъ нихъ, указывая перстомъ по направленію защитниковъ адреса, заговорилъ даже о «крамолѣ». Къ чести полтавскихъ «представителей самоуправленія» нужно сказать, что этотъ неожиданный по своей нелѣпости натискъ встрѣтилъ должный отпоръ. Выяснилось очень скоро, что онъ произведенъ ничтожною кучкой; огромное большинство (всѣхъ думскихъ партій) приняло адресъ полностью съ самыми незначительными редакціонными поправками. И самодѣятельность, и самосознаніе, и реформы, и самоуправленіе,—все это осталось неприкосновеннымъ, и возражавшимъ господамъ возразили въ свою очередь, что самоуправленіе это и есть то самое, къ чему призваны думы, а безъ самосознанія (противъ котораго тоже были горячіе споры) не только посылать адреса, но и на улицу выходить опасно. А такъ какъ въ составѣ ранѣе избранной депутаціи были два члена, явно не сочувствовавшіе адресу, то этотъ составъ усиленъ выборомъ четвертаго (г. Пилипенка), который, наоборотъ, горячо его защищалъ.

Въ этомъ составѣ депутація уѣхала въ Петербургъ, и здѣсь судьбѣ угодно было, чтобы курьезное начало получило не менѣе курьезное продолженіе. Тотчасъ же послѣ пріѣзда депутацію посѣтилъ репортеръ «Бирж. Вѣдомостей», и въ результатѣ этого посѣщенія въ газетѣ появилась замѣтка, въ которой авторъ излагаетъ свой разговоръ съ однимъ изъ полтавскихъ депутатовъ, г. Казинымъ. На вопросъ, что прислала Полтава Петербургу, г. Казинъ отвѣтилъ. «Адресъ въ роскошной папкѣ и снимки Полтавы и ея памятниковъ. Все это,—продолжалъ г. Казинъ,—стоило массы хлопотъ (!). Составленіе же адреса произвело настолько серьезный расколъ въ думѣ, что составитель адреса даже въ депутацію не былъ избранъ».—«Въ чемъ же дѣло?» спросилъ изумленный репортеръ. «Да видите: гласные придавали этому адресу, который будетъ читаться всею Россіей, огромное значеніе, и поэтому каждая партія стремилась высказать свои завѣтныя мечты. Къ тому же,—заключилъ г. Казинъ нѣсколько, пожалуй, неожиданно,—мы, полтавцы—не просто гости на этомъ праздникѣ... Не за горами уже 1909 годъ, когда мы будемъ чествовать державнаго основателя за то, что онъ далъ намъ полтавскую побѣду».

Заявленіе это, опять перепечатанное нѣсколькими газетами, осталось безъ опроверженія. Между тѣмъ достаточно самаго поверхностнаго анализа, чтобы видѣть, сколько въ немъ разительныхъ несообразностей и въ какомъ видѣ полтавскій депутатъ изобразилъ логику пославшей его думы. Всѣ партіи стремятся выразить завѣтныя мечты, и однако составитель адреса—одинъ. Въ думѣ возникаетъ цѣлый серьезный расколъ, и все-таки не возникаетъ другого проекта адреса. Составитель какъ бы въ наказаніе лишается чести войти въ составъ депутаціи, но его адресъ принимается цѣликомъ. Избранная депу-

тація какъ будто составляется изъ противниковъ адреса, но они все-таки везутъ адресъ, съ содержаніемъ котораго, значитъ, несогласны...

Къ чести полтавской думы во всѣхъ этихъ несообразностяхъ, введенныхъ на нее ея депутатомъ, она совершенно неповинна. Адресъ принятъ огромнымъ большинствомъ, и, значитъ, никакого «серьезнаго раскола» не было, а то, что было, едва ли можетъ считаться «серьезнымъ». Слова «самосознаніе» и «самоуправленіе» показались страшными лишь ничтожному меньшинству (и даже самъ г. Ка—инъ говорилъ за адресъ). Составитель не попалъ въ депутацію вовсе не въ наказаніе, а потому, что въ такія депутаціи обыкновенно избираются люди съ болѣе свободнымъ временемъ и средствами. Г. Казинъ, очевидно, не отдавалъ себѣ полнаго отчета въ томъ далеко не благовидномъ оттѣнкѣ, который сквозитъ въ его словахъ по отношенію къ «составителю», какъ бы наказанному думой за содержаніе адреса, да, пожалуй, еще болѣе по отношенію къ депутаціи, которая, по соображеніямъ совершенно непонятнымъ, выставляетъ думы дѣломъ одного лица, вдобавокъ понесшаго уже наказаніе!

«Совершенно понятно, говоритъ корреспондентъ, какое недоумѣніе все это вызвало въ мѣстномъ обществѣ, особенно когда и въ первыхъ газетныхъ отчетахъ о торжествѣ полтавскій адресъ явился (случайно или не случайно) лишь въ выдержкахъ наименѣе значащихъ мѣстъ и съ исключеніемъ злополучныхъ реформъ и «самоуправленія». Появленіе полнаго текста адреса въ мѣстной газетѣ,—значитъ съ одобренія мѣстной цензуры,—до извѣстной степени разсѣяло эти недоумѣнія, придавъ, разумѣется, яркій комическій оттѣнокъ, какъ филиппикамъ своихъ думскимъ цензоровъ, такъ и дипломатическимъ заявленіямъ думскаго депутата. Но фактъ все-таки остается: въ XX столѣтіи, къ двухсолѣтнему юбилею Петербурга, въ большомъ провинціальномъ городѣ возможны еще люди и даже «дѣятели мѣстнаго самоуправленія», которымъ слова «самоуправленіе», «самодѣятельность» и даже «самосознаніе» кажутся или предосудительными, или опасными».

Такова исторія о людяхъ, боящихся собственной тѣни, которую слѣдуетъ по мнѣнію корреспондента, хотя бы въ качествѣ изнанки, внести въ анналы «юбилейныхъ» торжествъ.

Судьба земскихъ ходатайствъ. Въ «Сборникѣ Пермскаго Земства» помѣщено сообщеніе о содержаніи и судьбѣ ходатайствъ пермскаго губернскаго земства за тридцатилѣтній періодъ времени.

Оказывается, что за указанный періодъ времени всего возбуждено было пермскимъ земствомъ 437 ходатайствъ. Изъ нихъ удовлетворено 58, отклонено 55, а по 32 ходатайствамъ полученъ совершенно неопредѣленный результатъ. Слѣдовательно, изъ всей массы ходатайствъ только относительно 145 (33,2%) имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія. Прочія-же ходатайства: 1) или ждутъ донынѣ разрѣшенія, 2) или потеряли свое значеніе, вслѣдствіе изданія какого-либо общаго закона, 3) или, наконецъ, подверглись совершенно неизвѣстной участи.

Что касается количества ходатайствъ, то больше всего ихъ было возбуждено: по народному продовольствію, народному образованію, сельско-хозяйственнымъ мѣропріятіямъ, по вопросамъ касательно улучшенія экономическаго быта крестьянъ, по богоугоднымъ заведеніямъ медицинѣ и санитарнымъ дѣламъ, т.-е. по предметамъ, на которые направлены наибольшія заботы земства. Больше всего отвѣтовъ поступило на ходатайства относительно земскихъ изданій, кустарной промышленности, состава и правъ земскихъ учрежденій, народнаго образованія, участія въ расходахъ правительственныхъ учрежденій и нуждъ богоугодныхъ заведеній.

Только въ двухъ рубрикахъ (участіе въ расходахъ правительственныхъ учрежденій и по вопросамъ кустарной промышленности) большинство отвѣтовъ носитъ благопріятный для земства характеръ. Изъ остальныхъ же рубрикъ: по земскимъ изданіямъ—всѣ ходатайства отклонены; о составѣ и правахъ земскихъ учрежденій удовлетворено 36,4%, отклонено 45,5% и 18,1% осталось съ неопредѣленнымь или неизвѣстнымъ отвѣтомъ; по народному образованію—удовлетворено 28,6%, отклонено 35,7 и неизвѣстныхъ 35,7%; по богоугоднымъ заведеніямъ—удовлетворено 27,3%, отклонено 54,5% и неизвѣстно—18,1%.

Обратимся теперь къ сопоставленію сущности нѣкоторыхъ ходатайствъ съ полученными на нихъ отвѣтами. По справедливому замѣчанію автора статьи «Страничка изъ земской исторіи» (въ «Спб. Вѣд.»), категорія земскихъ ходатайствъ, касающихся продовольственнаго вопроса, представляетъ особенный интересъ, потому что закономъ 12 іюня 1900 г. продовольственное дѣло, какъ извѣстно, было изъято изъ вѣдѣнія земства и передано въ руки административныхъ учрежденій, вслѣдствіе неудовлетворительной постановки земскаго завѣдыванія означеннымъ дѣломъ. Между тѣмъ оказывается, что земскія ходатайства о расширеніи правъ земства или коренномъ измѣненіи статей устава, въ интересахъ устраненія недочетовъ продовольственнаго дѣла, отклонялись или оставлялись безъ отвѣта. Такъ, напр., ходатайства пермскаго земства объ увеличеніи нормы продовольственныхъ запасовъ и капиталовъ отклонено было въ 1883 г. комитетомъ министровъ. Два однородныхъ ходатайства въ 1885 и 1893 гг. постигла та же судьба; на подобное же ходатайство въ 1894 г. не послѣдовало отвѣта, а на ходатайство кунгурскаго уѣзднаго и пермскаго губернскаго земства въ 1897 г. полученъ былъ отвѣтъ, что оно «будетъ принято во вниманіе при окончательномъ разсмотрѣніи составленнаго уже проекта устава объ обезпеченіи народнаго продовольствія».

При подобной неопредѣленности отвѣтовъ (а въ томъ же «Сборникѣ» имѣются примѣры и другихъ такихъ же), трудно обвинять земство въ томъ, что оно ничего не сдѣлало въ интересахъ лучшей постановки продовольственнаго дѣла.

Санитарныя условія русской деревни. Въ «Саратовской Земской Недѣлѣ» помѣщено санитарно-экономическое описаніе села Малышева

Воронежскаго уѣзда, которое можетъ служить яркой иллюстраціей санитарной обстановки русской деревни.

Санитарныя условія обыкновеннаго средняго крестьянскаго жилища въ Малышевѣ таковы: у большинства лѣтомъ для жилья служитъ клѣть или пунька—легкая плетневая постройка во дворѣ, а также сараи и навѣсы, гдѣ таковые имѣются, особыхъ лѣтнихъ избъ нѣтъ. Большую же часть года жилымъ помѣщеніемъ служитъ изба.

Внутренній объемъ обыкновенной крестьянской избы въ Малышевѣ равняется 125—240 куб. арш. при среднемъ числѣ обывателей 6—8 человѣкъ, и воздуху на каждаго приходится отъ 18,9—29,5 куб. саж. (отъ 40,5—67,5 куб. арш.). Въ той же самой избѣ, гдѣ живутъ люди, зимой помѣщаются телята, домашняя птица и приплодъ отъ овецъ и свиней. Пропитывая полъ мочею и изверженіями, они дѣлаютъ въ избѣ еще болѣе тяжкимъ воздухъ, который еще ухудшается нечистоплотностью и самихъ обывателей ея и разложеніемъ органическихъ остатковъ, здѣсь же оставляемыхъ. Потѣніе, рѣдкое обмываніе и рѣдкое хожденіе въ баню, рѣдкая смѣна бѣлья, грязь и тѣснота ведутъ за собой огромное количество вшей, блохъ и таракановъ, а присутствіе лоханей, куда сваливаются всѣ отбросы и помои, и которыя рѣдко выносятся, и часто остаются невынесенными по нѣсколько дней, мытье здѣсь же, въ избѣ, грязнаго бѣлья, приготовленіе пищи, освѣщеніе коптящими дешевыми жестяными лампами, производство здѣсь же различныхъ работъ, отправленіе здѣсь же естественной потребности дѣтьми и тяжело больными, все это дѣлаетъ воздухъ зимняго помѣщенія, и особенно въ ночное время, удушливымъ и прѣлымъ, съ рѣзкимъ тяжелымъ запахомъ. Никакихъ приспособленій для искусственной вентеляціи такого воздуха въ Малышевѣ не существуетъ. И если нѣкоторое количество свѣжаго воздуха въ избу всетаки поступаетъ, то это происходитъ частью вслѣдствіе естественной вентиляціи, а частью вслѣдствіе постояннаго открыванія двери избы при входѣ и выходѣ многочисленныхъ ея обывателей.

Убранство крестьянскаго жилища въ Малышевѣ обыкновенное—божница съ образами, лавки вокругъ стѣнъ, полка для посуды и столъ, на которомъ безъ постиланія скатерти и ѣдятъ, и стряпаютъ, и исполняютъ всякія грязныя работы. Полъ или земляной (въ 54-хъ избахъ изъ 100 осмотрѣнныхъ), у болѣе зажиточныхъ деревянный (въ 46 избахъ). На жердяхъ и гвоздяхъ виситъ одежда, тулупы и полушубки, связки луку, сбруя и пр. Кроватей почти нѣтъ (онѣ оказались только въ 9 избахъ изъ 100), и всѣ спятъ на печкѣ, на полатяхъ, на лавкахъ, на полу... и женщины и дѣти, и дѣвушки и парни, и женатые и холостые, и больные и здоровые всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Постельныхъ принадлежностей также нѣтъ, и спятъ на соломѣ, дерюжкахъ, рогожахъ, а то и на голомъ полу, покрываясь собственной одеждой (одѣяло оказалось только въ одномъ домѣ, а перины—въ 4-хъ). Подъ голову подкладывается обыкновенно также собственная одежда или мѣшокъ. Грудныя дѣти, завернутыя въ грязныя тряпки, лежатъ здѣсь же въ люлькахъ, съ

соской во рту и купаясь въ своихъ изверженіяхъ. Чувство брезгливости, выработанное имущими классами въ огражденіе своей личности отъ заразы и нечистоты, среди крестьянъ въ Малышевѣ отсутствуетъ, и никому не представляется страннымъ такой вопіющій фактъ низменности культуры, какъ отсутствіе постельныхъ принадлежностей или смѣщеніе половъ и возрастовъ ночью при спаньѣ.

Важнѣйшимъ санитарнымъ зломъ для населенія Малышева является огромная смертность дѣтей до 2-хъ лѣтъ, наблюдаемая въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ главнымъ образомъ въ іюнѣ. Причинами этого лѣтняго мора дѣтей служатъ болѣзни органовъ пищеваренія—поносы. Такія же эпидеміи, какъ дифтеритъ, скарлатина, корь и оспа, хотя и часто посѣщаютъ Малышево и дѣлаютъ значительныя опустошенія, но все же уступаютъ въ своемъ распространеніи и губительности—лѣтнимъ поносамъ.

Что касается взрослаго населенія с. Малышева, то тяжелыя экономическія и санитарныя условія тяжелѣе, повидимому, отражаются на здоровьѣ женщинъ. Говоря о болѣзненности и смертности послѣднихъ, нельзя не отмѣтить высокую цифру смертныхъ случаевъ отъ родовъ: за 11 лѣтъ отъ родовъ, по свѣдѣніямъ метрикъ, погибло 15 женщинъ, что составитъ на 86 всѣхъ умершихъ за это время въ возрастѣ отъ 15 до 60 лѣтъ женщинъ почти 20 проц.

Питаніе малышевцевъ выражается въ подавляющемъ преобладаніи растительныхъ продуктовъ надъ животными, и въ пищу идетъ, главнымъ образомъ, ржаной хлѣбъ, пшено, картофель, капуста, преимущественно кислая, и разные овощи—огурцы, лукъ, арбузы, рѣдька... Главное же чѣмъ питаются въ Малышевѣ, это черный хлѣбъ, на хлѣбъ обращается главное вниманіе. По отзывамъ крестьянъ для тяжелой работы первое дѣло это—хорошій крутой хлѣбъ. Все остальное, помимо хлѣба, служитъ скорѣе приправой, имѣющей вкусовое значеніе. Мясу даже при трудовой работѣ не придается особенной важности и хотя, по словамъ малышевцевъ, каждый съ удовольствіемъ поѣлъ бы говядины или баранины, но для трудной работы важнѣе всего пища крутая, прочная, чтобы въ животѣ ее чувствовать—главное побольше чернаго хлѣба, а къ нему щи жирныя, каша съ масломъ, хотя и постнымъ... Но щи всегда должны быть кислыя, и онѣ составляютъ неизбѣжное блюдо въ обѣдъ—при такихъ щахъ можно съѣсть и гораздо больше хлѣба. Если нѣтъ кислой капусты, то она замѣняется кислымъ квасомъ съ рѣдькой, лукомъ, картофелемъ и другими овощами. Вѣроятно, извѣстное предпочтеніе крестьянъ всему кислому объясняется тѣмъ, что для перевариванія большихъ количествъ потребляемаго хлѣба требуется и большее количество кислоты.

Изъ напитковъ, кромѣ кваса, чай, составляющій одинъ изъ признаковъ нѣкоторой зажиточности, распространенъ еще въ селѣ очень мало. Пиво также не употребляется, а потребленіе водки не такъ значительно, какъ можно было бы думать. По подворной записи видно, что всего водки потребляется въ Малышевѣ 372 ведра въ годъ на 1.208 душъ взрослыхъ обоего пола, т.-е.

0,31 ведра на человѣка; распредѣленная на годъ эта цифра даетъ нѣсколько больше столовой ложки въ день—количество ничтожное. Но водка не потребляется равномѣрно въ теченіе года, а заразъ выпивается большими количествами, т.-е. нѣсколько разъ въ году крестьяне напиваются до безобразія, разстраивая при этомъ нерѣдко равновѣсіе своего бюджета.

Эксплоатація дѣтскаго труда. Въ двухъ верстахъ отъ ст. Болдино, Московско-Нижегородской ж. д., находится деревня Большая Пекша, гдѣ среди крайней деревенской нищеты пріютилась плисорѣзная «фабрика» г. А. Своимъ видомъ фабрика эта, нося такое громкое среди крестьянъ названіе, напоминаетъ обыкновенный сарай, или, еще вѣрнѣе, конюшню помѣщика былыхъ временъ,—длинное, низкое, одноэтажное зданіе, сложенное изъ тонкихъ бревенъ. Интересуясь способомъ приготовленія плиса,—пишетъ корреспондентъ «Влад. Газеты»,—я какъ-то разъ зашелъ на эту оригинальную фабрику.

Меня, — говоритъ онъ, — прежде всего поразило совершенное отсутствіе взрослыхъ, исключая одного 20-ти-лѣтняго парня, который, какъ мнѣ пояснили послѣ, былъ и мастеръ, и управляющій фабрикой. Человѣкъ тридцать или сорокъ дѣтей и дѣвицъ-подростковъ безостановочно бѣгали взадъ и впередъ около станковъ съ натянутой матеріей, и ножичками, вродѣ иголки, насаженными на длинную палку, подрѣзали ряды ткани.

Смотря на работающихъ дѣтей, я очень удивлялся искусству и аккуратности дѣтскихъ рукъ, мнѣ казалось, что достаточно малѣйшаго неправильнаго движенія, и иголка-ножикъ распоретъ натянутую матерію.

Отъ безостановочнаго бѣганья на деревянномъ полу образовались канавки болѣе $^3/_4$ вершка глубиною, а изъ босыхъ ногъ дѣтишекъ сочилась кровь.

Изъ случайныхъ разговоровъ съ дѣтьми я узналъ слѣдующее: работаютъ они отъ 4-хъ утра до 8-ми ч. вечера, а иногда и долѣе, потому что, работая сдѣльно, поштучно, обязаны кончить работу къ сроку. «Если бы, говорятъ, не штрафы, то лѣтомъ можно бы было заработать 1 р. въ недѣлю, а штафуютъ тутъ за малѣйшій пустякъ: за неоконченный къ сроку урокъ, за сломанный ножъ, за распоротую матерію, что случается весьма нерѣдко, и т. п.» Словомъ, пословица: «не бить дубьемъ, а бить рублемъ», съ большимъ успѣхомъ находитъ здѣсь примѣненіе, а потому неудивительно, что ребята не по возрасту такъ осторожны и внимательны къ работѣ. Зимой же заработокъ до смѣшного малъ. За всю зиму заработокъ не превышаетъ 5-ти—6-ти рублей и то весьма рѣдко. Дѣло въ томъ, что на этой оригинальной фабрикѣ съ рабочихъ дѣтей вычитаютъ изъ заработка за отопленіе и за освѣщеніе фабрики, а также мастеръ, онъ-же и управляющій, получая отъ хозяина всего лишь 20 рублей, вычитаетъ съ нихъ за наточку ножей. Кромѣ того, чтобы не расходоваться на наемъ сторожей, фабрику обязаны поочередно сторожить сами ребятишки.

Возрастъ работающихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, дѣвушки есть старше, но все-таки не болѣе 18 лѣтъ. Дѣти разсказывали, что весной пріѣзжалъ какой-

то баринъ (очевидно, фабричный инспекторъ), такъ имъ не велѣли совсѣмъ выходить на фабрику, а кому разрѣшили, то не ранѣе 8 час. утра, и подъ страхомъ увольненія, запретили говорить о порядкахъ на фабрикѣ. И дѣти (надо имъ отдать справедливость) умѣютъ молчать, дорожа даже такимъ скуднымъ заработкомъ. Мнѣ, прожившему среди нихъ около 3-хъ мѣсяцевъ, только передъ отъѣздомъ случайно удалось узнать кое-что.

Кто это такой г. А.? Этого я не успѣлъ разузнать, потому что вскорѣ уѣхалъ. Знаетъ ли онъ, что творится на его фабрикахъ, которыхъ, какъ передавали мнѣ мѣстные крестьяне, у него около 18-ти, и всѣ онѣ находятся въ подобныхъ же районахъ крайней деревенской нищеты?! Плисъ этотъ, правда ли—нѣтъ ли, идетъ потомъ на морозовскія фабрики, гдѣ онъ красится и пускается въ свѣтъ подъ именемъ славнаго морозовскаго манчестера.

«Божьи люди». Въ «Орловск. Вѣстн.» пишутъ, что въ послѣднихъ числахъ мая по селамъ и деревнямъ Орловскаго уѣзда появилось много странниковъ, странницъ, убогихъ и т. п. Всѣ эти странники и убогіе (какъ говорятъ сами) идутъ помолиться Богу на открытіе мощей старца Серафима Саровскаго. «Божьи люди» собираютъ здѣсь подаянія обильныя: берутъ и деньгами, и саломъ, и яйцами, и холстиной, и даже... пенькой (хлѣба не берутъ). Ходятъ «божьи люди» парочками—обязательно странникъ и странница. Нерѣдко случается, что за одинъ день по деревнѣ пройдетъ болѣе десятка такихъ парочекъ. Странники большею частью народъ молодой, сильный; рѣдко-рѣдко попадается старичокъ лѣтъ 60-ти; однихъ лѣтъ съ странниками, конечно, и странницы. У крестьянина П... заночевали парочка молодыхъ странниковъ (мужского и женскаго рода). За ужиномъ странники «скоромное» не ѣли и убѣждали со слезами и хозяевъ не «вкушать» грѣшной пищи. Своими разсказами молодой странникъ благочестивыхъ даже въ слезы вогналъ. Послѣ ужина молодая парочка попросила себѣ для ночлега отдѣльное помѣщеніе. «Мы всю ночь Богу молимся,—заявили они:—а вы будете намъ мѣшать»... Не подозрѣвая ничего дурного, хозяева помѣстили ихъ въ амбарѣ, гдѣ хранилось женское имущество. На другой день, часовъ въ 10 утра, хозяева, сготовивъ странникамъ «постной» пищи, пошли будить ихъ. Но о ужасъ! Ни странниковъ, ни самыхъ лучшихъ платковъ и платьевъ не оказалось... Взвыли, бѣдняги, да дѣлать-то нечего... Странниковъ искали, но, конечно, не нашли... Въ деревнѣ Кривцовой одинъ молодой странникъ, подвыпивъ, похвалился собравшимся женщинамъ и дѣвушкамъ, что онъ со старцемъ Серафимомъ вмѣстѣ одиннадцать лѣтъ подвизался въ пустынѣ Аравійской..... А когда одна изъ женщинъ спросила у него: «а гдѣ эта аравійская пустыня?» — странникъ, важно отвѣтилъ: «это, чадо, далеко... верстъ... верстъ тысячъ сто будетъ... Однимъ словомъ, за градомъ Питеромъ». Нѣкоторые странники ходятъ съ панорамами, показывая за гривенникъ любопытнымъ крестьянамъ «святыя мѣста» «градъ Константинъ» и т. п. Когда крестьянинъ, интересующійся посмотрѣть «святыни», начинаетъ торговаться со странникомъ—нельзя ли молъ, за пятакъ всю эту премудрость посмотрѣть, странникъ, обыкновенно укоризненно

покачавъ головою, говоритъ внушительно: «Ахъ, ты грѣховодникъ! Нечестивецъ ты этакій!.. Да развѣ ты это мнѣ подаешь? Все равно твои деньги пойдутъ на Божье дѣло!» Мужичокъ конфузится и, желая загладить свою вину, даетъ страннику вмѣсто гривенника двугривенный... Есть много такихъ странниковъ, которые, истребивъ предварительно нѣсколько «мерзавчиковъ» съ живительной влагой, настойчиво требуютъ «подаянія», и если ему отказываютъ, грозятъ страшнымъ «проклятіемъ!». Убогіе ѣздятъ на телѣгахъ, въ такъ называемыхъ «будкахъ». Самъ убогій сидитъ въ «будкѣ», а два дѣтины, чуть ли не въ сажень ростомъ, собираютъ подаяніе. Хлѣба убогіе тоже не изволятъ брать, а подай имъ сальца, яичекъ, холстинки и т. п. Нерѣдко случается, что вмѣсто убогаго въ будкѣ сидитъ здоровенный дѣтина. Въ деревнѣ Панкиной случился такой фактъ: по дорогѣ на тощей клячонкѣ, запряженной въ «будку», тихо ѣхалъ, то и дѣло останавливаясь, «несчастненькій» убогій. Голова у несчастнаго была обвязана старой тряпкой, все лицо заклеено бумагой, будто бы на лицѣ были страшныя раны. Ѣхалъ убогенькій по дорогѣ выкрикивая, жалостливымъ, за душу хватающимъ голосомъ: «мірушка-народушка православный! подайте безногому калѣкѣ милостинку...» Подавали много. Вдругъ въ одномъ домѣ хватились женщины—рубашекъ грязныхъ нѣтъ. Подозрѣніе пало на только что прошедшихъ «помощниковъ» убогаго. Собрался народъ. Рѣшено было обыскать будку. Несмотря на увѣреніе убогаго, что ему нельзя выйти изъ будки, такъ какъ у него ноги машиной отрѣзало, мужички вытащили убогаго изъ будки и.. отступили въ изумленіи назадъ... Передъ ними былъ не безногій, а здоровенный мужчина, не старше тридцати лѣтъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, это былъ крестьянинъ жиздринскаго уѣзда, Павелъ Коновъ, занимающійся такимъ промысломъ уже нѣсколько лѣтъ.

Эксплоатація темнаго крестьянина на религіозной почвѣ происходитъ, конечно, повсемѣстно, и Орловскій уѣздъ, само собой разумѣется, не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія.

Карьера г. Крушевана. Любопытную карьеру г. Крушевана описываетъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» одинъ изъ сотрудниковъ газеты.

«Для того, чтобы оставить себѣ правильное и вѣрное представленіе о личности этого субъекта,—говоритъ авторъ,—необходимо знать всѣ тѣ способы и средства, при помощи которыхъ Паволакій Крушеванъ пробилъ себѣ дорогу.

Я—бессарабецъ родомъ, и на моихъ глазахъ все это происходило.

На моихъ глазахъ Крушеванъ шагъ за шагомъ при помощи самыхъ неразборчивыхъ средствъ устраивалъ себѣ свою карьеру, которая во многомъ напоминаетъ карьеру Наблоцкаго, героя популярной трилогіи кн. Барятинскаго. Всего восемь-девять лѣтъ тому назадъ Крушеванъ жилъ въ Сорокахъ и служилъ писцомъ въ канцеляріи надзирателя мѣстнаго округа акцизныхъ сборовъ... Какъ человѣкъ, умѣющій поддѣлываться тамъ, гдѣ нужно, обладавшій хорошимъ почеркомъ, расторопный и до гнусности льстивый, Крушеванъ подружился быстро со старшими заправилами канцеляріи и изъ писца скоро

превратился въ объѣздчика, а потомъ и въ младшаго акцизнаго надсмотрщика.

Въ надсмотрщикахъ Крушеванъ засиживался долго—и ему стало скучно. По службѣ дальше идти онъ не могъ—у него не было даже низшаго образовательнаго ценза. Отецъ его Александреско Крушеванъ былъ мелкимъ молдаванскимъ резешемъ и объ образованіи своихъ дѣтей не заботился... Правда, уже служа въ канцеляріи, Крушеванъ, приблизительно на тридцатомъ году отъ роду, держалъ экзаменъ при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ въ объемѣ курса первыхъ двухъ классовъ—такой цензъ требовался для надсморщиковъ—не на большій цензъ, а слѣдовательно и на высшій постъ, онъ разчитывать не могъ.

Крушеванъ началъ серьезно подумывать о томъ какъ бы ему перейти въ другую сферу, гдѣ его таланту открылось бы болѣе широкое поле дѣятельности. И онъ избралъ публицистику. Это было въ Вильнѣ. Послѣ какой-то исторіи Крушеванъ выбылъ изъ акцизной канцеляріи, въ которую онъ перевелся изъ Сорокъ, и явился въ редакцію газеты «Виленскій Вѣстникъ».

— Вамъ нуженъ публицистъ ищейка? Предлагаю вамъ свои услуги: останетесь довольны...

«Виленскому Вѣстнику» именно такой публицистъ нуженъ былъ.

И Крушевана встрѣтили съ распростертыми объятіями. Это былъ настоящій фельетонистъ-надсмотрщикъ, который здѣсь въ печати примѣнялъ свой прежній служебный опытъ.

«Виленскій Вѣстникъ» запестрѣлъ донесеніями. Цѣлые фельетоны писались по поводу того, что «на такой-то улицѣ, въ такомъ-то подвалѣ мы лично открыли тайный кабачокъ безъ патента»... Или: «Торговцы А. Б. и С., какъ мы третьяго дня убѣдились, торгуютъ необандероленнымъ табакомъ».

Читатели по утрамъ разворачивали газету и набрасывались на фельетонъ Буки-Крушевана:

«— Кого онъ изловилъ!

«А Крушеванъ ловилъ «преступниковъ» каждый день. И каждая его статья всегда заключала въ себѣ доносъ то на лавочника, то на кабатчика, то на мелкаго служащаго... Надо сказать правду: онѣ, эти статьи, имѣли успѣхъ... Потому что это были безпримѣрныя статьи въ лѣтописяхъ русской печати...

«И популярность Крушевана особенно росла среди содержателей кабаковъ, лавочниковъ, терроризованныхъ этимъ «переодѣтымъ ищейкой», какъ его называли, и среди посѣтителей трактирныхъ заведеній.

«Черезъ два года Крушеванъ опять перекочевалъ въ Бессарабію... Здѣсь типографу Кашевскому, купившему «Бессарабскій Вѣстникъ», шепнулъ кто-то, что ему слѣдовало бы пригласить Крушевана... И онъ пригласилъ Крушевана, какъ «бессарабскаго уроженца, знакомаго съ мѣстнымъ краемъ»... Но какъ только Крушеванъ появился въ Кишиневѣ, вся коллегія сотрудниковъ газеты запротестовала и отказалась работать совмѣстно съ ищейкой.

«И Крушеванъ былъ удаленъ Кашевскимъ...

«Въ запальчивости и раздраженіи Крушеванъ возбудилъ ходатайство объ изданіи собственной газеты въ Кишиневѣ. Денегъ у него не было. «Ни гро-

ша», какъ онъ потомъ самъ сознавался въ «Бессарабцѣ». Но такіе публицисты, какъ Крушеванъ, никогда не издаютъ газету на свои деньги... Каждая строчка для нихъ—капиталъ. И Крушеванъ безъ гроша въ карманѣ всетаки добывалъ бумагу, нанималъ квартиру, арендовалъ типографію. Когда Крушевана преслѣдовала неудача въ поискахъ денегъ, объ этомъ была черезъ газету оповѣщаема вся Бессарабія. Гнусная травля такого почтеннаго дѣятеля, какъ кишиневскій гор. голова К. А. Шмидтъ, началась именно съ того момента, когда Крушевану закрытъ былъ кредитъ въ городскомъ общественномъ банкѣ.

«Первое общество взаимнаго кредита въ Кишиневѣ отказалось кредитовать «Бессарабецъ». И противъ него посыпался рядъ инсинуацій со столбцовъ этой газеты.

«Мѣстный писчебумажный складъ Шехтера отказался отпускать бумагу въ кредитъ. Противъ Шехтера въ «Бессарабцѣ» печатались громовыя статьи.

«Не пожелало отпускать бумагу въ кредитъ дитятковское товарищество. Имена двухъ мѣстныхъ представителей дитятковскаго товарищества смѣшивались въ «Бессарабцѣ» съ грязью.

«Въ то же время Крушеванъ во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось выполнять какое-нибудь гаденькое дѣло,—умѣлъ замаскировать свой подвигъ передъ своими читателями маской благородства... Онъ вѣчно кричалъ о какой-то эксплоатаціи, а самъ эксплоатировалъ своихъ наборщиковъ, которые чуть ли не ежемѣсячно бросали газету. За малѣйшее прегрѣшеніе онъ штрафовалъ служащихъ своей конторы и типографіи на суммы, иногда превышавшія мѣсячный окладъ, и взималъ эти штрафы въ свою пользу.

«Онъ платилъ репортерамъ по одной копейкѣ со строки и часто, какъ агентъ «Россійскаго Телеграфнаго Агенства», пользовался трудомъ репортеровъ для телеграммъ, т.-е. не только имѣлъ «дешевую» хронику для «Бессарабца», но иногда еще извлекалъ изъ нея матеріальную выгоду для своего кармана. Въ редакціи онъ четыре года подрядъ держалъ въ качествѣ завѣдующаго политическимъ, внутреннимъ отдѣломъ и всѣми отдѣлами перепечатокъ глухонѣмого и пользовался его колоссальнымъ трудомъ за сорокъ руб. въ мѣсяцъ!!! За первые три года изданія «Бессарабца» у Крушевана перебывало девять секретарей, и всѣ эти секретари, уходя изъ газеты, не дополучали причитающагося имъ жалованья за послѣдніе полтора-два мѣсяца...»

Въ Петербургѣ окончательно возсіяла звѣзда этого «единственнаго честнаго журналиста» и его «Знамя» было оцѣнено по достоинству. Только въ послѣднее время что-то произошло, и на время, по крайней мѣрѣ, Петербургъ остался безъ «Знамени». Но никто, конечно, не сомнѣвается, что «единственный честный журналистъ» не останется безъ дѣла. Ибо «каждому времени свой мужъ потребенъ», какъ говоритъ Щедринъ, а для нашего времени г. Крушеванъ есть своего рода символъ.

Къ юбилею Вл. Г. Короленко. Пятидесятилѣтіе рожденія В. Г. Короленко вызвало наружу тулюбовь и уваженіе, какими пользуется этотъ

писатель въ нашемъ обществѣ. Такъ въ Кишеневѣ В. Г. Короленко мѣстная интеллигенція поднесла слѣдующій адресъ:

«Глубокоуважаемый Владиміръ Галактіоновичъ!

Черезъ мѣсяцъ литературный міръ будетъ праздновать пятидесятилѣтіе со дня вашего рожденія, одного изъ самыхъ выдающихся своихъ представителей. Все мыслящее общество съ восторгомъ присоединится къ торжеству русской печати. Да иначе и быть не можетъ. Вся ваша кипучая дѣятельность, начиная съ первыхъ шаговъ, на литературномъ поприщѣ и до настоящаго времени, когда вы стоите во главѣ одного изъ лучшихъ органовъ періодической печати, посвящена самымъ жгучимъ, самымъ наболѣвшимъ вопросамъ общественной жизни. Отношеніе ваше къ мултанскому дѣлу, голоду 1891 года, а теперь къ кишиневскому событію является русской иллюстраціей вашей дѣятельности. Въ настоящее время вы въ Кишиневѣ. Интеллигентное кишиневское общество съ чувствомъ особаго удовольствія отмѣчаетъ фактъ вашего пребыванія здѣсь: и сюда васъ привело то же исканіе правды, то же стремленіе изучить и освѣтить одинъ изъ самыхъ грустныхъ симптомовъ поведенія темной части нашего общества,—стремленіе, красною нитью проходящее чрезъ всю вашу литературную и общественную дѣятельность. Кишиневцамъ тѣмъ болѣе пріятно привѣтствовать васъ въ своемъ городѣ, что ваше пребываніе среди нихъ почти совпадаетъ съ торжествомъ русской литературы и общества по поводу вашего пятидесятилѣтняго юбилея. Позвольте же, глубокоуважаемый Владиміръ Галактіоновичъ, вмѣстѣ съ поздравленіемъ и привѣтствіемъ, отъ всего сердца пожелать вамъ еще многіе годы потрудиться на пользу общества, даря его такими же высокими, такими же идейными произведеніями, какія выходили изъ подъ вашего пера до сихъ поръ, и выступая такимъ же неутомимымъ борцомъ за все доброе и свѣтлое, какимъ мы васъ всегда знали».

— Житомірскій городской голова, согласно постановленію мѣстной городской думы, послалъ 15-го прошлаго іюня въ г. Полтаву какъ уроженцу г. Житоміра, Владиміру Галактіоновичу Короленко, телеграмму, въ которой, привѣтствуя писателя съ исполнившеюся пятидесятою годовщиной его рожденія, увѣдомилъ, что житомірское городское управленіе въ ознаменованіе этого дня постановило учредить четыре стипендіи имени В. Г. Короленко, по одной при каждомъ изъ четырехъ мѣстныхъ городскихъ училищъ.

— 26-го іюня въ засѣданіи нижегородской думы, по словамъ «Нижегор. листка», было доложено заявленіе гласныхъ А. А. Савельева и др., въ числѣ 15 лицъ, по поводу предстоящаго дня 50-лѣтія рожденія извѣстнаго писателя В. Г. Короленко.

Заявленіе слѣдующаго содержанія: «15-го іюля сего года исполнится 50 лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго писателя В. Г. Короленко. Какъ извѣстно городской думѣ, Владиміръ Галактіоновичъ провелъ 10 лѣтъ жизни въ нашемъ городѣ, въ теченіе которыхъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе не только въ жизни города, но и въ жизни всего нижегородскаго края, здѣсь же были написаны и многія изъ его литературныхъ произведеній. Эти десять лѣтъ, прожитыя у насъ глубокоуважаемымъ писателемъ и общественнымъ дѣя-

телемъ, оставили глубокій слѣдъ въ общественной и умственной жизни нашего города и, надо полагать, не изгладятся изъ памяти не только современнаго поколѣнія, но и послѣдующихъ, кои съ благодарностью будутъ вспоминать его благотворное вліяніе на общественную и умственную жизнь города. Вотъ почему подписавшіеся считаютъ необходимымъ предложить думѣ почтить день 50-лѣтія рожденія выдающагося писателя, закрѣпивъ память о немъ какимъ либо внѣшнимъ признакомъ, а также послать въ день рожденія глубокоуважаемому Владиміру Галактіоновичу поздравительную телеграмму».

Городская управа, внося это заявленіе въ думу, съ своей стороны выразила: вполнѣ раздѣляя мнѣніе о благотворномъ вліяніи В. Г. Короленко на общественную, нравственную и умственную жизнь города, въ особенности за время его пребыванія въ немъ, полагала бы почтить день 50-ти-лѣтія рожденія этого выдающагося писателя-гуманиста и общественнаго дѣятеля учрежденіемъ стипендіи его имени при нижегородской классической гимназіи, внося ежегодно съ 1-го января 1904 года въ городскую смѣту расходъ въ суммѣ 46 р.; положеніе о стипендіи представить на утвержденіе высшему правительству въ установленномъ порядкѣ; въ день рожденія Владиміра Галактіоновича послать ему привѣтственную телеграмму отъ имени городского общественнаго управленія.

Дума единогласно приняла докладъ управы.

15-го іюля въ Полтавѣ, Житомірѣ, Нижнемъ и во многихъ городахъ были устроены засѣданія различныхъ просвѣтительныхъ обществъ, дѣтскія утра и спектакли, на которыхъ чествовался день рожденія знаменитаго писателя. По адресу его въ Полтавѣ, гдѣ живетъ В. Г. Короленко, и въ редакцію журнала «Рус. Богатство», редакторомъ котораго онъ состоитъ, получена масса телеграммъ и привѣтствій отъ общественныхъ учрежденій, городскихъ думъ, земскихъ управъ, всевозможныхъ просвѣтительныхъ и литературныхъ обществъ, органовъ печати и т. п.

Считаемъ своимъ долгомъ добавить, что пятидесятилѣтіе дня рожденія Влад. Г. Короленко совпало съ двадцатипятилѣтней годовщиной его выступленія на поприщѣ публицистической дѣятельности. Именно въ іюнѣ 1878 года появилась въ газетѣ «Новости» его первая замѣтка на событіе дня и затѣмъ онъ продолжалъ сотрудничать въ той же газетѣ. Указанная дата заслуживаетъ быть отмѣченной въ писательской дѣятельности Вл. Г. Короленко, который не только крупный художникъ въ области изящной литературы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и какъ постоянный сотрудникъ газетъ оказалъ существенныя услуги русскому обществу.

За мѣсяцъ. 5-го мая Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, вслѣдствіе представленія министра внутреннихъ дѣлъ, объ учрежденіи въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи уѣздной полицейской стражи, впредь до общаго переустройства мѣстнаго управленія. Стража состоитъ изъ урядниковъ и стражниковъ, на каждую волость полагается одинъ урядникъ и необходимое число стражниковъ. Общее количество стражниковъ опредѣляется по разсчету не болѣе одного стражника на каждыя 2.500 душъ населенія обоего пола.

*

Высшее завѣдываніе уѣздною полицейскою стражей принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ губерніи они подчиняются губернатору, въ уѣздѣ—исправнику, въ станѣ—становому приставу.

Передвиженіе стражи для временнаго усиленія полицейской охраны изъ одной губерніи въ другую предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ, а въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ генералъ-губернаторамъ,—симъ послѣднимъ, въ предѣлахъ губерній—губернаторамъ, въ уѣздахъ—исправникамъ. Урядники и стражники могутъ быть какъ конные, такъ и пѣшіе. Число тѣхъ и другихъ опредѣляется министромъ.

На покрытіе расходовъ, вызываемыхъ введеніемъ полицейской стражи, повелѣно отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства по 10.370.700 р. въ годъ, съ зачисленіемъ въ ежегодное пособіе казнѣ изъ мѣстныхъ земскихъ средствъ: а) 71.640 р. изъ земскихъ сборовъ шести западныхъ губерній и б) суммы, соотвѣтствующей расходу на квартирное довольствіе урядниковъ въ губерніяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія.

Въ теченіе 1903 и 1904 годовъ уѣздная полицейская стража вводится въ губерніяхъ: Виленской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Кіевской, Курской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской и Черниговской, въ остальныхъ—въ теченіе 1905—1908 годовъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ стража вводится уже съ 1-го іюля; со введеніемъ стражи упраздняются должности полицейскихъ урядниковъ и сотскихъ.

— Опубликовано новое положеніе объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга, Высочайше утвержденное 8-го іюня 1903 г.

— Въ «Собраніи узаконеній» опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ отмѣнѣ тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ: бритья головы, наказаній лозами, плетьми и приковываніемъ къ телѣжкѣ. Новый законъ замѣняетъ заключеніе въ исправительныя арестанскія отдѣленія одиночнымъ заключеніемъ, каторжными работами и временными работами на заводахъ.

— Опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ о передачѣ капиталовъ и имущества армяно-грегоріанскихъ церквей въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ

— Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлены слѣдующія правила объ учрежденіи старостъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, подвѣдомственныхъ присутствіямъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ.

1) Фабрично-заводскія промысловыя управленія съ разрѣшенія присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ имѣютъ право по предварительномъ распредѣленіи рабочихъ заведенія или промысла на разряды предоставлять этимъ разрядамъ избирать изъ своей среды кандидатовъ въ старосты. Изъ числа избранныхъ по каждому разряду кандидатовъ управленіе предпріятія утверждаетъ въ старосты даннаго разряда. 2) Кандидатами въ старосты не должны быть избираемы рабочіе моложе 25-ти лѣтъ. Отъ управленія пред-

пріятія зависитъ назначить и болѣе высокій наименьшій возрастъ для кандидатовъ въ старосты. Разряды, состоящіе въ большинствѣ изъ рабочихъ моложе установленнаго наименьшаго возраста, могутъ избирать кандидатовъ въ старосты, хотя бы изъ числа рабочихъ другихъ разрядовъ того же заведенія или промысла. 3) Староста признается уполномоченнымъ выбравшаго его разряда для заявленія управленію предпріятія, а равно учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, коимъ ввѣренъ мѣстный надзоръ за благоустройствомъ и порядкомъ этихъ заведеній, о нуждахъ и ходатайствахъ разряда рабочихъ, его избравшаго, или отдѣльныхъ рабочихъ сего разряда, по дѣламъ, касающимся исполненія условій найма, а также быта рабочихъ въ данномъ заведеніи или промыслѣ. Черезъ старостъ передаются рабочимъ какъ распоряженія управленія предпріятія, такъ и разъясненія по сдѣланнымъ ими заявленіямъ. 4) Отдѣльные рабочіе не лишаются права ходатайствовать по указаннымъ дѣламъ и лично каждый за себя, не прибѣгая къ старостамъ. 5) Для обсужденія указанныхъ дѣлъ старостѣ предоставляется собирать рабочихъ избравшаго его разряда въ мѣстѣ и во время по указанію управленія предпріятія, причемъ староста наблюдаетъ за сохраненіемъ должнаго порядка. Для обсужденія дѣлъ, относящихся къ нѣсколькимъ разрядамъ, собираются исключительно старосты этихъ разрядовъ. 6) При ходатайствѣ о разрѣшеніи избранія старосты управленіе предпріятія обязано представить составленныя имъ правила о старостахъ. Правила эти утверждаются губернаторомъ по докладу старшаго фабричнаго инспектора или подлежащаго окружного инженера по принадлежности. 7) Въ означенныхъ правилахъ должны быть опредѣлены основанія раздѣленія рабочихъ заведенія или промысла на разряды, а также порядокъ избранія старостъ, какъ-то: способъ подачи голосовъ, число голосовъ, обязательное для выбора кандидата, мѣсто и время подачи голосовъ, а равно число кандидатовъ въ старосты, представляемыхъ каждымъ разрядомъ на утвержденіе управленія предпріятія, необходимый для кандидатовъ въ старосты возрастъ и продолжительность службы рабочаго въ предпріятіи, порядокъ освобожденія старостъ отъ работы для исполненія ихъ обязанностей, срокъ полномочія старостъ и способъ замѣщенія ихъ на случай болѣзни, отсутствія, ухода со службы въ предпріятіи и по другимъ поводамъ и прочія указанія относительно старостъ, которыя покажутся необходимыми по мѣстнымъ условіямъ. Правила по ихъ утвержденіи выставляются въ мастерскихъ заведеній или на промыслѣ. 8) Старосты, не удовлетворяющіе своему назначенію, могутъ быть устраняемы отъ исполненія своихъ обязанностей распоряженіемъ губернатора и до истеченія срока, на который они были избраны. 9) На мѣстное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе возлагается разсмотрѣніе жалобъ на распоряженія чиновъ фабричной инспекціи по примѣненію настоящаго закона и отмѣна въ подлежащихъ случаяхъ означенныхъ распоряженій. 10) Главному по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствію предоставляется преподать въ развитіе настоящаго узаконенія для руководства присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ фабричныхъ инспекторовъ и окружныхъ инженеровъ, а равно фабричныхъ, заводскихъ и промысловыхъ управленій инструкцій.

— По сообщенію «Самарск. Газеты», министромъ внутреннихъ дѣлъ не признано возможнымъ въ текущемъ году разрѣшить самарскому земству издавать періодическій органъ, хотя на его изданіе и внесено въ смѣту 6.700 р.

— «Черниговскими Губерн. Вѣдом.» сообщается циркуляръ черниговскаго губернатора уѣзднымъ исправникамъ по вопросу о назначеніи на должности полицейскихъ урядниковъ. Между прочимъ циркуляромъ «признается наиболѣе полезнымъ назначеніе лицъ, не имѣющихъ въ уѣздѣ осѣдлости, недвижимости, домашняго обзаведенія и вообще какихъ-либо особыхъ съ уѣздомъ связей, и ни подъ какимъ видомъ не должно быть допускаемо назначеніе урядниками лицъ, имѣющихъ таковое отношеніе къ стану, въ которомъ находится участокъ, долженствующій находиться въ ихъ вѣдѣніи». Въ другомъ циркулярѣ губернатора, въ виду необходимости установить во всѣхъ городахъ губерніи правильную организацію полицейскаго надзора и усматривая, что во многихъ уѣздахъ губерніи не вполнѣ соблюдается требованіе закона, изложенное въ ст. 660 т. II общ. учр. губ. изд. 1892 (6 п. прилож.), предлагаетъ полицеймейстерамъ и исправникамъ «относительно правильнаго размѣщенія городовыхъ на постахъ войти въ совмѣстное обсужденіе съ городскими управами, представивъ общее сужденіе о семъ губернатору».

— Обязательныя постановленія для гор. Харькова объявлены въ мѣстныхъ «Губ. Вѣд.» и. д. губернатора г. Гербелемъ объ ограниченіи пользованія оружіемъ и взрывчатыми веществами и о недопущеніи вредныхъ ученій и распространенія слуховъ.

— 26-го мая въ Костромѣ расклеено было объявленіе губернатора слѣдующаго содержанія: «Съ 20-го сего мая въ фабричномъ районѣ г. Костромы безпрепятственность и даже безопасность уличнаго движенія была неоднократно нарушаема уличною толпой. Для пресѣченія дальнѣйшаго повторенія такого безпорядка и предупрежденія возможности перенесенія его въ другія части города, попытки къ чему были дѣлаемы зачинщиками безпорядковъ, я призналъ необходимымъ усилить наружную полицейскую службу военными патрулями. Объявляя о семъ ко всеобщему свѣдѣнію и предупреждая о строгой отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ за всякое ослушаніе, а тѣмъ болѣе сопротивленіе воинскимъ частямъ, призываемымъ для поддержанія порядка, я выражаю увѣренность, что жители города, въ спокойномъ сознаніи, что въ распоряженіи моемъ имѣются достаточныя средства для подавленія безпорядковъ, не измѣнятъ обычнаго мирнаго теченія трудовой жизни».

— Въ «Лифляндск. Губернск. Вѣдом.» напечатанъ циркуляръ губернатора ген.-лейт. Пашкова по поводу явленія и фактовъ недавняго времени, оживленно обсуждавшихся мѣстной и столичной печатью.

«Въ виду дошедшихъ до губернскаго начальства свѣдѣній объ уклоненіи нѣкоторыхъ изъ имѣющихся въ губерніи частныхъ обществъ отъ предначертаній ихъ уставовъ, равно отъ требованій дѣйствующихъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, выражающемся, напримѣръ, въ самовольномъ измѣненіи района ихъ дѣйствій, въ несоблюденіи установленныхъ формальностей при устройствѣ разнаго рода вечеровъ, собраній, въ несоотвѣтственномъ

управленіи общественными капиталами и проч., лифляндскій губернаторъ въ увѣренности, что приведенныя отступленія являются лишь результатами какихъ-либо недоразумѣній, проситъ правленія частныхъ обществъ обратить особое вниманіе какъ на точное соблюденіе постановленій своихъ уставовъ, такъ и на неуклонное исполненіе касающихся ихъ дѣятельности узаконеній и правительственныхъ распоряженій.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ лифляндскій губернаторъ доводитъ до свѣдѣнія правленія частныхъ обществъ, что, по соглашенію съ попечителемъ рижскаго учебнаго округа, имъ признано необходимымъ допускать, въ будущемъ, присутствіе учащихся среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній на устраиваемыхъ частными обществами вечерахъ и собраніяхъ, а тѣмъ болѣе активное участіе ихъ на послѣднихъ въ качествѣ чтецовъ, докладчиковъ, сценическихъ исполнителей и т. д., лишь подъ непремѣннымъ условіемъ предварительнаго на то разрѣшенія начальства учебныхъ заведеній».

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» помѣщено: «Утромъ, 15-го іюля, рабочіе депо при станціи Михайлово, Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ (въ 112 верстахъ отъ Тифлиса по направленію къ Батуму), самовольно прекратили работы и произвели безпорядки, остановивъ товарный поѣздъ. Предъявленнымъ желѣзнодорожнымъ начальствомъ, полиціей и, наконецъ, начальникомъ прибывшей изъ Сурама мѣстной воинской команды требованіямъ разойтись толпа не подчинилась, вслѣдствіе чего, при новой попыткѣ съ ея стороны остановить шедшій изъ Боржома пассажирскій поѣздъ, воинская команда, въ числѣ 40 человѣкъ, послѣ неоднократныхъ предупрежденій, двинулась на толпу съ ружьями на перевѣсъ, но была встрѣчена градомъ камней и нѣсколькими револьверными выстрѣлами, вынудившими начальника команды приказать стрѣлять по толпѣ. Произведенными командой выстрѣлами десятеро рабочихъ убиты и восемнадцать ранены. Вслѣдъ за симъ порядокъ возстановился, и движеніе поѣздовъ производится безпрепятственно».

— По распоряженію администраціи комната, въ которой покойный М. М. Филипповъ производилъ опыты съ изобрѣтеннымъ имъ взрывчатымъ веществомъ, была опечатана и при открытіи комнаты присутствовалъ, по приглашенію администраціи, профессоръ михайловской артиллерійской академіи Гельфехъ. Въ присутствіи послѣдняго были убраны и упакованы какъ самое вещество, такъ и приборы, которые были въ распоряженіи покойнаго.

— Въ гор. Хвалынскѣ въ 1½ ч. ночи на 3-е іюня объявленъ при открытыхъ дверяхъ приговоръ саратовскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по дѣлу о поджогахъ въ имѣніи Н. С. Ермолаева при с. Спасско-Александровкѣ, Петровскаго уѣзда. Вердиктомъ присяжныхъ всѣ девятеро обвиняемыхъ оправданы, какъ въ составленіи шайки для зажигательствъ, такъ и въ совершеніи отдѣльныхъ поджоговъ. По распоряженію административной власти, всѣ подсудимые, кромѣ одного, оставлены подъ стражей.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ 18-го іюня опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Знамя» на одинъ мѣсяцъ.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ 23-го іюня опредѣлилъ: пріостановить изданіе «Владимірской Газеты» на восемь мѣсяцевъ.

Некрологъ. 12-го іюня скончалась писательница и переводчица Анна Николаевна Энгельгардтъ, много лѣтъ принимавшая участіе въ журналѣ «Вѣстникъ Европы».

ОПРОВЕРЖЕНІЕ. Въ № 6 (іюнь) нашего журнала, въ отдѣлѣ «На родинѣ» помѣщена перепечатка изъ газеты «Приазовскій Край» (ошибочно названной «Донской Рѣчью») подъ заглавіемъ «Заводскій врачъ», о столкновеніи рабочаго г. Строинскаго завода «Русскій Провидансъ» съ врачомъ того же завода г. Медалье. Въ настоящее время нами получено письмо г. Медалье съ вырѣзкой изъ № 105 «Приазовскаго Края» (отъ 23-го апр.), подъ заглавіемъ «Письмо въ редакцію», въ которомъ д-ръ Медалье опровергаетъ весь этотъ инцидентъ, подтверждая свой разсказъ ссылкой на рядъ свидѣтельствъ. Какъ видно изъ его разсказа: 1) г. Медалье дѣйствовалъ вполнѣ корректно, какъ врачъ, отказывая выдать свидѣтельство, для котораго онъ не имѣлъ врачебныхъ данныхъ; 2) г. Медалье не билъ г. Строинскаго, а самъ г. Строинскій напалъ съ палкой въ рукѣ на г. Медалье. Письмо г. Медалье подтверждено заявленіемъ правленія «Русскій Провидансъ», напечатаннымъ въ той же газетѣ. Кромѣ того, письмомъ предсѣдателя и секретаря маріупольскаго медицинскаго общества, напечатаннымъ тоже въ «Приазовскомъ Краѣ», опровергается заявленіе г. Строинскаго, что онъ обращался ко всѣмъ врачамъ въ городѣ и они всѣ находили у него признаки ушиба, но свидѣтельства почему-то не дали: г. Строинскій былъ у двухъ только врачей, которые никакихъ ушибовъ у него не нашли, а лишь явленія хронической внутренней болѣзни, наблюдавшіяся ими и раньше въ октябрѣ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина"—Іюнь. „Вѣстникъ Европы"—Іюль. „Русское Богатство"—Май).

Въ іюньской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена интересная статья г. Вейденбаума «Декабристы на «Кавказѣ». Заглавіе нашего очерка,—говоритъ авторъ—не совсѣмъ точно: въ немъ рѣчь идетъ не объ однихъ только «декабристахъ» въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и о тѣхъ лицахъ, которыя за принадлежность къ тайнымъ обществамъ были осуждены приговорами отдѣльныхъ военно-судныхъ коммиссій. Затѣмъ въ нашъ очеркъ включены свѣдѣнія о «прикосновенныхъ» къ этимъ обществамъ и о войсковыхъ частяхъ, отправленныхъ на Кавказъ за участіе въ происшествіи 14 декабря 1825 года». Само собою разумѣется, что такое расширеніе предмета статьи г. Вейденбаума дѣлаетъ ее тѣмъ болѣе интересною.

Извѣстно, что приговоромъ верховнаго уголовнаго суда декабристы по степени тягости наложенныхъ на нихъ наказаній были раздѣлены на одиннадцать разрядовъ. Согласно высочайшей конфирмаціи, лица, осужденныя по IX-му разряду (графъ Петръ Коновницынъ, Николай Оржицкій и Нилъ Кожевниковъ), по лишеніи чиновъ и дворянства, были «написаны въ дальніе горнизоны». Въ X-й разрядъ былъ включенъ одинъ только капитанъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона Михаилъ Пущинъ, приговоренный къ лишенію чиновъ и дворянства и «написанію въ солдаты до выслуги». Этотъ приговоръ остался безъ измѣненія. Наконецъ, по XI-му разряду были приговорены къ лишенію только чиновъ «съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою»: Петръ Бестужевъ, Алексѣй Веденяпинъ, Ѳедоръ Вишневскій, Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ, Николай Акуловъ, Александръ Фокъ, Михаилъ Лаппа и Николай Цебриковъ. По высочайшей конфирмаціи зачисленныхъ въ этотъ разрядъ лицъ повелѣно было распредѣлить на службу рядовыми въ дальніе гарнизоны, но Николая Цебрикова, «по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ рядовые безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства».

Такимъ образомъ 13 человѣкъ (12 вышепоименованныхъ и Борисъ Бодиско, которому высочайшей конфирмаціей ссылка въ Сибирь на поселеніе была замѣнена «написаніемъ въ матросы») были посланы на службу рядовыми въ отдаленные кавказскіе, сибирскіе и оренбургскіе гарнизоны. Всѣмъ этимъ лицамъ, за исключеніемъ Цебрикова, дано было право выслуги, но достигнуть этого можно было лишь боевыми отличіями и потому осужденные просили о разрѣшеніи служить имъ въ полкахъ кавказской арміи, дѣйствовавшей тогда противъ горцевъ. Такое разрѣшеніе послѣдовало въ августѣ 1826 года и осужденные, «дабы они могли загладить вину свою», были переведены въ дѣйствующую на Кавказѣ армію. Къ нимъ же присоединили еще осужденныхъ отдѣльно портупей-юнкера Цвѣловскаго и старшаго адъютанта по квартимейстерской части Евдокима Лачинова. Оба они (Цвѣловскій въ 1826 и Лачиновъ въ 1827 году) были приговорены особыми военно-судными коммиссіями за принадлежность къ тайнымъ политическимъ обществамъ къ разжалованію въ рядовые.

Началась персидская война, въ которой приняли дѣятельное участіе разжалованные въ рядовые декабристы, но выбиться изъ положенія, въ которомъ они находились, представляло неимовѣрныя трудности. Такъ, производство въ унтеръ-офицеры, напр., въ обыкновенныхъ случаяхъ принадлежало полковому командиру, по отношенію къ декабристамъ такимъ правомъ не пользовался даже командиръ корпуса. Всякое награжденіе разжалованныхъ могло произойти не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія. Между тѣмъ, общія и спеціальныя познанія этихъ образованныхъ людей приносили нашей арміи огромную пользу и начальство не могло ими не пользоваться. Такъ, по свидѣтельству очевидцевъ, «Пущинъ состоялъ при штабѣ дѣйствующихъ войскъ. Въ солдатской шинели онъ распоряжался въ отрядѣ, какъ у себя дома. Онъ руководилъ мелкими и крупными работами, начиная отъ вязанія фашинъ и ту-

ровъ, до устройства переправъ, мостовъ, укрѣпленій и т. п.». Благодаря познаніямъ, мужеству и энергіи, наши войска выигрывали очень много. Но онъ былъ декабристъ, и потому пребываніе его въ штабѣ очень не понравилось въ Петербургѣ и Дибичъ въ особомъ письмѣ далъ это понять Паскевичу. Разумѣется, положеніе разжалованныхъ ухудшилось Въ турецкую войну 1828—29 гг. число декабристовъ на Кавказѣ увеличилось вслѣдствіе того, что нѣкоторымъ изъ находившихся до того времени декабристовъ въ Сибири разрѣшено было поступить рядовыми въ кавказскую армію. На основаніи этого разрѣшенія на Кавказъ прибыли А. К. Берстель, А. А. Бестужевъ-Марлинскій, В. С. Толстой, князь В. М. Голицынъ и графъ З. Г. Чернышевъ. Въ турецкую кампанію, ознаменовавшуюся взятіемъ такихъ крѣпостей, какъ Карсъ, Ахалкалыкъ и Ахалцихъ, всѣ эти лица принимали самое дѣятельное участіе. «Акуловъ, Веденяпинъ и Фокъ за штурмъ Карса были произведены въ унтеръ-офицеры, трижды раненый подъ Ахалцихомъ Фокъ получилъ еще и знакъ отличія военнаго ордена, неутомимый и дѣятельный Пущинъ, простреленный въ грудь при штурмѣ Ахалциха, произведенъ въ подпоручики; но награды эти,—говоритъ г. Вейденбаумъ—были поистинѣ ничтожны въ сравненіи съ подвигами, описанными въ реляціяхъ отдѣльныхъ начальниковъ». Самъ Паскевичъ понималъ это и думалъ представить всѣхъ разжалованныхъ къ производству въ офицеры по окончаніи войны. Но тутъ случилось само по себѣ ничтожное, но, тѣмъ не менѣе, имѣвшее очень тяжелыя для разжалованныхъ послѣдствія, событіе. Г. Вейденбаумъ описываетъ его такъ: «Въ пограничное укрѣпленіе Гумры, нынѣшній гор. Александрополь пріѣхалъ генералъ Раевскій и остановился на три дня для выдержанія карантиннаго срока. Невольное сидѣніе это разнообразилось веселою бесѣдою за обѣдами и невинною игрою въ вистъ. Какъ человѣкъ общительный, Раевскій приглашалъ къ своему столу мѣстнаго коменданта Аносова, врача Грошопфа и др. Въ числѣ случайныхъ гостей и партнеровъ генерала былъ также адъютантъ начальника главнаго штаба генерала Чернышева, гвардіи штабъ-ротмистръ Бутурлинъ. Онъ пріѣзжалъ въ Эрзерумъ за дешевыми отличіями, но прибылъ слишкомъ поздно, когда кампанія была уже почти окончена. Паскевичъ, изъ угожденія вліятельному Чернышеву, далъ Бутурлину какой-то отрядъ казаковъ, наградивъ его владимірскимъ крестомъ и поручивъ доставить въ Петербургъ знамена, отбитыя у турокъ въ Гуріи. Съ этими трофеями Бутурлинъ и прибылъ въ гумринскій карантинъ, когда тамъ находился генералъ Раевскій. На другой день послѣ веселаго обѣда всѣ отправились въ дальнѣйшій путь. Изъ Тифлиса Раевскій поѣхалъ въ штабъ-квартиру своего полка, а Бутурлинъ поскакалъ въ Петербургъ. Черезъ шесть недѣль разразилась неожиданная гроза. Начальникъ главнаго штаба по высочайшему повелѣнію потребовалъ отъ Паскевича объясненій по поводу поѣздки Раевскаго: «дошло до высочайшаго свѣдѣнія,—писалъ графъ Чернышевъ,—что ген.-майоръ Раевскій, возвращаясь изъ главнаго отряда въ Тифлисъ, имѣлъ съ собою большую свиту, въ коей находились принадлежавшіе къ злоумышленнымъ обществамъ: Чернышевъ, Ворцель, Корвицкій и другіе. Въ Гумрахъ Раевскій давалъ обѣдъ въ палаткѣ, на которомъ присутствовали всѣ выше-

поименованныя лица. Государь императоръ желаетъ знать, что служитъ причиною непростительнаго послабленія, что генералъ-маіоръ Раевскій допускаетъ ихъ къ столь короткому съ собою обращенію, что дозволяетъ имъ быть даже при своемъ столѣ». По распоряженію Паскевича, началось обширное слѣдствіе, данными котораго было установлено, что у Раевскаго обѣдали разжалованные въ рядовые: декабристъ графъ Чернышевъ, члены польскаго тайнаго общества графъ Ворцель и графъ Корвицкій и нѣкто Квартано. (Судьба послѣдняго замѣчательна: будучи офицеромъ русской службы, онъ отправился въ Испанію навѣстить отца, служившаго тамъ русскимъ консуломъ. Въ Испаніи, забывъ про свое положеніе, Квартано примкнулъ къ освободительному движенію, организованному генераломъ Мина противъ абсолютизма короля Фердинанда VII. Когда возстаніе было подавлено, Квартано бѣжалъ въ Америку, потомъ вернулся въ Европу и долго скитался по ней безъ опредѣленнаго дѣла. Будучи въ Вѣнѣ, онъ рѣшился обратиться къ покровительству находившагося тамъ великаго князя Михаила Павловича. Тотъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ съ повинною. Квартано такъ и поступилъ. Николай отправилъ его на службу «заглаживать вину» рядовымъ на Кавказъ). Обѣдъ Раевскаго съ этими лицами показался въ Петербургѣ дѣломъ настолько серьезнымъ, что всѣ представленія декабристовъ къ наградамъ были послѣ этого отклонены, а самъ Раевскій подвергнутъ аресту. Тутъ, въ сущности, дѣйствовала интрига, и указъ изъ Петербурга цѣлилъ не столько въ Раевскаго, сколько въ рядового Чернышева. «Для объясненія интриги,—разсказываетъ г. Вейденбаумъ,—необходимо припомнить, что начальникъ главнаго штаба А. И. Чернышевъ съ давнихъ поръ навязывался на ближайшее родство съ оберъ-шенкомъ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, владѣльцемъ маіората въ 200.000 душъ крестьянъ. Наслѣдникомъ этого богатства былъ единственный его сынъ Захаръ Григорьевичъ. Когда молодой человѣкъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ, членъ слѣдственной коммиссіи А. И. Чернышевъ счелъ полезнымъ для себя заявить лишній разъ о своемъ съ нимъ родствѣ. При допросѣ онъ обратился къ нему со словами:

«Comment, cousin, vous êtes coupable aussi?» Графъ Захаръ Григорьевичъ рѣзко возразилъ: «Coupable peut-être, mais cousin jamais!» По приговору суда Захаръ Чернышевъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы, и претендентомъ на наслѣдованіе маіоратомъ выступилъ А. И. Чернышевъ. «Что же тутъ удивительнаго,—сказалъ какъ-то по этому поводу Ермоловъ, — вѣдь одежда жертвы всегда поступала въ собственность палача». Между тѣмъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Сибири, З. Г. Чернышеву было разрѣшено поступить рядовымъ на Кавказъ. Турецкая война могла дать ему возможность быть произведеннымъ въ офицеры и, слѣдовательно, получить полное возстановленіе правъ. Это не соотвѣтствовало видамъ А. И. Чернышева, и вотъ на его счастье подвернулась исторія съ Раевскимъ. Получивъ донесеніе Бутурлина, Чернышевъ быстро сообразилъ планъ дѣйствій для устраненія опаснаго конкурента на наслѣдованіе маіоратомъ. Поступокъ Раевскаго былъ представленъ, какъ событіе первостепенной важ-

ности. Паскевичъ поддержалъ это представленіе своимъ завѣреніемъ, что мятежный духъ еще не угасъ въ разжалованныхъ декабристахъ, но таится въ нихъ подъ давленіемъ обстоятельствъ».

Положеніе разжалованныхъ стало послѣ этого особенно тяжело.

Кромѣ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, на Кавказѣ служило еще не мало лицъ, переведенныхъ туда на службу изъ гвардіи и другихъ частей за «прикосновенность» къ заговору декабристовъ: къ числу этихъ лицъ принадлежали: полковникъ Леманъ, полковникъ Бурцовъ, подполковникъ Миклашевскій, ротмистръ Семичевъ, капитанъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, капитанъ Наровъ, поручикъ Шереметевъ и многіе другіе. За всѣми этими лицами былъ учрежденъ также самый бдительный секретный надзоръ. Мнительность въ Петербургѣ превосходила въ это время всякое вѣроятіе, и надзоръ учреждался за офицерами иногда по самымъ курьезнымъ поводамъ. На основаніи оффиціальныхъ документовъ, г. Вейденбаумъ разсказываетъ, напр., про такой случай: «нѣкто капитанъ Калачевскій (ни къ чему «неприкосновенный» и не состоявшій поэтому подъ надзоромъ, но письма перлюстрировались, очевидно, не однихъ только «прикосновенныхъ») въ письмѣ къ братьямъ своимъ сообщилъ, что онъ влюбленъ въ «дѣву горъ». Письмо, отправленное по почтѣ, попало въ руки Дибича. «Дѣва горъ» показалась ему подозрительною. Копія письма была препровождена Ермолову съ требованіемъ свѣдѣній о благонадежности Колачевскаго. Ермоловъ отвѣчалъ: «Дѣва горъ», о коей говоритъ Колачевскій, есть, какъ мнѣ извѣстно, пригожая дѣвушка, въ которую онъ влюбленъ и старается получить ее въ супружество. По множеству соперниковъ совершенно на то не надѣется. Преодолѣніе затрудненій почитаетъ важнымъ успѣхомъ и, какъ надобно думать, прежде точнаго въ томъ удостовѣренія, не рѣшается братьямъ объявить о томъ. Капитанъ Колачевскій, находящійся при военно-окружномъ начальникѣ ген.-м. князѣ Мадатовѣ, хорошій офицеръ и всегда былъ такого поведенія и нравственности, которыя не навлекали ни малѣйшаго подозрѣнія». Несмотря на такой отзывъ Ермолова, влюбленный капитанъ былъ отданъ подъ секретный надзоръ. Были и другіе случаи въ томъ же родѣ.

Сообщаетъ г. Вейденбаумъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о получившимъ иную извѣстность въ исторіи общественнаго движенія александровскаго времени капитанѣ Майбородѣ. Когда въ Петербургѣ былъ сформированъ особый гвардейскій сводный полкъ, посланный на кавказъ для принятія участія въ войнѣ съ Персіей, то,—разсказываетъ г. Вейденбаумъ,—«въ числѣ офицеровъ своднаго полка находился Аркадій Ивановичъ Майборода, бывшій капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка, приславшій императору Александру I въ Таганрогъ доносъ о существованіи тайнаго общества въ старой арміи. Послѣ воцаренія Николая I, онъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ. Впослѣдствіи Майборода перешелъ вновь въ армію, отправился опять на Кавказъ и командовалъ (1842—1844 гг.) Апшеронскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Жизнь свою кончилъ онъ самоубійствомъ».

Что привело Майбороду къ самоубійству, г. Вейденбаумъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ.

Напечатанная въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы», чрезвычайно интересная статья Д. М. Щепкина «Московскій университетъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ», переноситъ насъ также къ любопытнымъ страницамъ отечественной исторіи. Повѣствованіе г. Щепкина относится къ тому времени, когда во главѣ россійскаго просвѣщенія стоялъ знаменитый А. С. Шишковъ. Хотя предшественникомъ новаго министра (кн. А. Н. Голицынымъ), казалось, сдѣлано было рѣшительно все, что только можно было сдѣлать для очищенія храмовъ русской науки отъ всякаго рода злокозненныхъ плевелъ (достаточно вспомнить про настоящіе погромы, произведенные при семъ въ университетахъ петербугскомъ и казанскомъ Магницкимъ и Руничемъ), но Шишковъ считалъ по прежнему университеты главнымъ очагомъ распространенія на Руси заразы и ставилъ себѣ двѣ задачи: «положить преграду тому нравственному разврату, который, подъ названіемъ духа времени, долго росъ и усиливался, успѣвъ уже заразить цѣлое поколѣніе юношей» и 2) «обуздать цензурой развратъ, разсѣиваемый въ книгахъ тысячами различныхъ способовъ». Свои взгляды на науку и ея значеніе въ жизни Шишковъ изложилъ въ произнесенной при вступленіи въ должность рѣчи. «Науки,—сказалъ онъ,—полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ. Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы». Попечителемъ въ Москву былъ назначенъ непричастный ни къ какимъ наукамъ ни въ какихъ смыслахъ генералъ Писаревъ. Это былъ яркій образчикъ того исчезнувшаго было типа попечителей, на возстановленіи котораго въ настоящее время такъ горячо настаиваетъ князь Мещерскій. Попечитель былъ немудрящъ даже по части реакціонной инициативы, но, снабженный Шишковымъ подробной инструкціей и пріученный всею своею предшествующею служебною дѣятельностью къ безпрекословному подчиненію указаніямъ начальства, онъ оказался вполнѣ на желанной Шишкову высотѣ попечительскаго званія. И, вотъ, по предложенію свыше, Писаревъ принялся за составленіе «новаго проекта университетскаго устава», который, какъ гласила препроводительная къ этому проекту бумага, онъ «дерзалъ повергнуть на судъ его высокопревосходительства» въ качествѣ «опыта своего усердія къ службѣ и подчиненности». Составитель проекта признаетъ пользу лишь за науками прикладными, да и то смотря по званію обучающихся имъ людей. Преподавать слѣдуетъ «военнымъ людямъ—военныя науки, статскимъ—гражданскія, промышленникамъ—коммерческія». Что же касается теоретическаго образованія человѣка, то противъ него Писаревъ возстаетъ даже со страстью. «Въ немъ облекается человѣкъ въ какую то глупую самонадѣянность, упрямство и смѣшное ячество, и дѣлается ни къ чему негоднымъ, ни къ служенію военному, ни къ гражданскому и

вреденъ по каѳедрѣ! Сей, такъ сказать, полиматическій пигмей ни отъ чего другого нарождается на свѣтъ, какъ отъ умственно расплодившихся наукъ, педантствомъ возлелѣянныхъ». Тутъ же рекомендуются профессорамъ методы и цѣлыя программы преподаванія ихъ предметовъ. Такъ, при преподаваніи исторіи умозрительной философіи они должны опровергать «ложныя мнѣнія древнихъ философовъ, бредни среднихъ вѣковъ схоластиковъ, безвѣріе лжефилософовъ XVIII столѣтія, поверхностное знаніе новѣйшихъ педагоговъ философіи, какъ, напримѣръ, Азанса, Окена и прочихъ». Весьма оригинальный взглядъ проводилъ генералъ Писаревъ также на политическую экономію. «Сія нововведенная наука,—писалъ онъ,—самоуправная и безотчетная, открываетъ профессору пространнѣйшее поле нелѣпствовать, а учащимся—случай терять время. Съ тѣхъ поръ какъ педагоги начали учить, какъ править государствами,—и государства поколебались; стали изыскивать богатства и мы обнищали». Такъ какъ политическая экономія занимается изученіемъ народнаго богатства, его пріобрѣтеніемъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ; то Писаревъ возстаетъ противъ преподаванія этого предмета педагогомъ, «который едва ли что либо пріобрѣтаетъ, а и того менѣе потребляетъ и чаще всего ничѣмъ не распредѣляетъ». Въ концѣ проекта формулируются посаженныя въ основу его начала:

1) «На вѣрѣ и нравственности да основывается наука.

2) «Отечественное предпочитать иностранному.

3 «Чинопочитаніе--первый шагъ къ порядку и устройству».

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность попечителя, Писаревъ обратился къ совѣту университета съ циркуляромъ, въ которомъ предписывалъ принять къ исполненію слѣдующія правила:

1) Поручить ректору имѣть неослабный надзоръ, чтобы въ урокахъ профессоровъ ничего колеблющаго или ослабляющаго ученія нашей вѣры не было.

2) Учить Закону Божію съ тою внимательностью, какой требуетъ важность сего дѣла, отнюдь не вдаваясь въ лжемистику и не увлекаясь ложною филантропіей, поставляющей всѣ ереси на ряду съ истинною христіанскою вѣрою.

3) Наблюдать, чтобы ученики и студенты не устранялись отъ исполненія правилъ церковныхъ. Они должны въ праздничные дни находиться при слушаніи Божественной литургіи, а въ будни собирались на общественную молитву, установя между ними чтеніе св. Писанія по славянскому тексту съ толкованіемъ св. отцовъ и учителей церкви».

Одновременно съ этимъ послѣдовало слѣдующее предложеніе цензурному комитету:

Цензура книгъ, предоставленная университету по всему московскому учебному округу, требуетъ особеннаго вниманія. Хитрыя увертки и извороты разума, подъ которыми въ наше время развратъ и невѣріе распространяютъ нечестивыя мудрствованія ко вреду религіи, правительства и гражданскаго общества,—вотъ тѣ предметы, на которые цензурный комитетъ долженъ обра-

тить все свое вниманіе. Одно только неутомимое стараніе благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей можетъ служить оплотомъ противъ наводненія такими книгами, которыя, вкрадшись единожды во всеобщее употребленіе, могутъ угрожать спокойствію всякаго благоустроеннаго государства».

Не забыта была и наука. По случаю ожиданія въ Москву министра народнаго просвѣщенія, попечитель вошелъ въ совѣтъ съ такимъ предложеніемъ:

«Желательно, чтобы на публичныхъ экзаменахъ избираемы были изъ лекцій такіе предметы, которые бы отчасти закорыстовали и самихъ посѣтителей, относясь то къ случаямъ какимъ-либо настоящимъ, то избраніемъ важнѣйшихъ эпохъ происшествій, лицъ или мѣстностей, а наиболѣе относительно къ православной нашей вѣрѣ и отечеству». Попечитель такъ поясняетъ далѣе свою мысль:

«Политическая экономія: изысканіе богатства въ собственныхъ произведеніяхъ.

«Статистика:—Таврида, Крымъ.

«Греческая словесность: примѣры изъ Іоанна Златоуста и Василія Великаго, гдѣ они говорятъ о пользѣ чтенія славянскаго писанія.

«Правила латинскаго языка и логики: переводы изъ св. Августина, замѣчанія на нѣкоторыя славянскія слова въ логическомъ смыслѣ, употребленныя преподобнымъ Ниломъ въ его поучительныхъ словахъ.

«Физика: наблюденіе надъ атмосферою московскою».

Въ такомъ же духѣ составлены были образцы и для всѣхъ другихъ, преподававшихся въ университетѣ, наукъ.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ университетъ не могъ не процвѣсти и не даромъ же писалъ самъ Писаревъ такія слова: «слава университета и благосостояніе членовъ для меня священны».

Въ излагаемой статьѣ читатель найдетъ также чрезвычайно интересныя подробности посѣщенія императоромъ Николаемъ I московскаго университета и состоявшаго при немъ благороднаго пансіона, но, не имѣя возможности останавливаться болѣе на этомъ предметѣ, мы отсылаемъ интересующихся къ самой статьѣ Д. М. Щепкина.

Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена очень любопытная статья г. Норова подъ заглавіемъ «Несовмѣстимыя заботы». Это даже не статья, а небольшая замѣтка, и тѣмъ не менѣе содержаніе ея заслуживаетъ вниманія со стороны читателя. Дѣло идетъ о заботахъ министерства финансовъ одновременно и насаждать трезвость, и блюсти интересы фиска, въ которомъ, какъ извѣстно, питейный доходъ играетъ весьма почтенную роль. Винная монополія введена у насъ, если вѣрить апологетамъ этой мѣры, въ цѣляхъ борьбы съ народнымъ пьянствомъ и спасенія народной нравственности отъ развращающаго вліянія кабацкой водки. Какъ же обстоитъ дѣло огражденія народа отъ этихъ язвъ въ настоящее время? На нѣкоторыя стороны этого дѣла и бросаетъ довольно яркій свѣтъ вышеназванная замѣтка г. Норова. Напомнивъ, что «до введенія казенной монополіи въ Россіи царила, можно

сказать, 40-градусная водка», г. Норовъ напоминаетъ также, что уже въ 1896 году «въ Бессарабской, Кіевской и Полтавской губерніяхъ на ряду съ 40-градусной водкой и обыкновеннымъ спиртомъ былъ выпущенъ въ продажу еще спиртъ въ 57°. Въ слѣдующемъ году спиртъ такой же крѣпости былъ введенъ въ употребленіе еще въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края и въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго; въ 1898 году тотъ же спиртъ былъ введенъ въ Херсонской губерніи, а въ 1899—въ Таврической». Населеніе отнеслось къ такой заботѣ о его благосостояніи довольно сдержанно, что выразилось чрезвычайно незначительнымъ спросомъ на новый благодѣтельный напитокъ,—въ нѣкоторыхъ губерніяхъ его расходилось менѣе 1% всего потреблявшагося вина,—тѣмъ не менѣе 57-градусный спиртъ неукоснительно появлялся въ продажѣ, и такая настойчивость принесла желанные плоды. Г. Норовъ приводитъ чрезвычайно интересную табличку, показывающую потребленіе населеніемъ 57-градуснаго спирта въ годъ введенія винной монополіи и въ годъ 1900. Вотъ эта табличка:

ГУБЕРНІИ:	Въ % къ общему расходу спирта: Въ годъ введенія.	Въ 1900 г.
Бессарабская . . .	7,5	22,5
Кіевская	0,9	11,3
Полтавская . . .	0,1	6,9
Волынская	8,9	11,4
Екатеринославская .	0,1	2,6
Подольская. . . .	12,7	16,1
Таврическая . . .	0,4	3,7
Херсонская . . .	3,0	6,7
Виленская	3,5	8,9
Витебская	5,1	11,3
Гродненская . . .	11,0	20,3
Ковенская	5,5	14,2
Минская	2,1	6,5
Могилевская . . .	1,4	6,2
Въ среднемъ .	4,5	10,6

Эта таблица ясно свидѣтельствуетъ объ одномъ и томъ же, наблюдавшемся на пространствѣ всѣхъ четырнадцати губерній, явленіи: 57-градусный спиртъ прививался сначала чрезвычайно «туго», но потомъ настойчивость продавцовъ брала свое и населеніе поддавалось соблазну. При этомъ надо имѣть въ виду, что 57-градусный спиртъ продавался все время не только въ крупной, но и въ самой мелкой посудѣ, что указываетъ на предназначеніе его для непосредственнаго употребленія. Это обстоятельство отразилось въ жизни тѣмъ, что увеличеніе потребленія спирта происходило всецѣло за счетъ потребленія 40-градусной водки, другими словами, потребляя спиртныхъ напитковъ то же количество, какъ и прежде, во дни царствованія «вольнаго кабака», населеніе стало потреблять гораздо большее количество алкоголя... «Съ точки зрѣнія

народнаго здравія и доброй нравственности,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Норовъ,—этотъ результатъ едва ли можно признать утѣшительнымъ, зато для казны онъ былъ несомнѣнно выгоднымъ». Выигрышъ казны отъ этой операціи лишь въ двухъ районахъ, юго-западномъ и сѣверо-западномъ, въ которыхъ 57-градусный спиртъ получилъ особенно большое распространеніе, авторъ замѣтки исчисляетъ слѣдующимъ образомъ: въ этихъ районахъ въ 1900 г. продано 57-градуснаго спирта 1132,2 тыс. ведеръ. «Допустимъ,— говоритъ г. Норовъ,—что спирта въ 57° въ продажѣ не было бы. Тогда населенія потребило бы 1132,2 тыс. ведеръ 40-градуснаго вина, причемъ потребленіе алкоголя было бы меньше, а именно на 481,2 тыс. ведеръ обыкновенной 40-градусной водки. При цѣнѣ ведра въ 7 р. 60 к. это составило бы 3.675.000 руб. Въ дѣйствительности, эта цифра, вѣроятно, была бы нѣсколько меньше, такъ какъ болѣе слабаго напитка потребители, вѣроятно, выпили бы по объему нѣсколько больше. Но если мы уменьшимъ приведенную цифру даже на половину, то и въ такомъ случаѣ получимъ солидную сумму почти въ 2 милліона рублей, на которую увеличились во взятыхъ районахъ доходы казны вслѣдствіе введенія въ продажу 57-градуснаго спирта. Одуряющее дѣйствіе алкоголя на населеніе, конечно, при этомъ увеличилось то, что было выгодно для фиска, несомнѣнно было убыточно для народнаго благосостоянія».

Такого же рода результатъ мѣропріятій, предпринятыхъ министерствомъ финансовъ, въ цѣляхъ борьбы съ пьянствомъ народа, г. Норовъ прослѣдилъ и въ царствѣ польскомъ. Замѣтку свою авторъ заканчиваетъ такими словами:

«Взявъ въ свои руки торговлю спиртными напитками, министерство финансовъ получило могучее средство регулировать ихъ потребленіе. Понижая послѣдовательно крѣпость напитковъ, оно могло бы пріучить населеніе къ меньшему потребленію алкоголя; увеличивая емкость посуды, въ которой напитки поступаютъ въ продажу, оно могло бы развивать домашнее потребленіе. Въ дѣйствительности оно поступило какъ разъ наоборотъ, т.-е. повышало крѣпость напитковъ и даже самые крѣпкіе изъ нихъ пускало въ продажу въ самой мелкой посудѣ.

«Располагая громадными силами и средствами, вопросъ о потребленіи спиртныхъ напитковъ казна могла и, казалось бы, должна была подвергнуть тщательному изслѣдованію. Изучивъ составъ потребителей, распредѣленіе ихъ по полу, возрасту и общественному положенію, характеръ потребленія питей въ различныхъ мѣстностяхъ и разными группами населенія, вліяніе бытовыхъ и экономическихъ условій и т. д., государство, конечно, могло бы найти прочное основаніе для цѣлесообразной, т.-е. соотвѣтствующей запросамъ и интересамъ народа политикѣ въ большомъ и серьезномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности ничего этого не дѣлалось и не дѣлается. Различныя мѣры предпринимались и предпринимаются какъ бы по вдохновенію. Не трудно, конечно, догадаться, что является источникомъ послѣдняго.

«Какъ бы то ни было, возникшія три года тому назадъ намѣренія ослабить крѣпость казеннаго вина и разбавить для того водку водою были не-

медленно оставлены, какъ только рѣшено было инымъ путемъ поднять налогъ на спиртные напитки. Разговоры о народномъ здравіи и доброй нравственности такъ и остались одними разговорами. Между тѣмъ, мѣры, направленныя къ распространенію среди населенія болѣе крѣпкихъ напитковъ, были проведены безъ всякихъ разговоровъ и сохранили свою силу даже тогда, когда одуряющее дѣйствіе казеннаго вина было признано оффиціально. Спиртъ и по сей день продолжаетъ вытѣснять водку».

Таковъ одинъ изъ видныхъ результатовъ того порядка, который народъ называетъ «винопольѣю»...

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Выборы въ германскій рейхстагъ. — Общественная жизнь Германіи. Результаты послѣднихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ представляютъ наиболѣе выдающееся событіе германской политической жизни. Несомнѣнное торжество соціалъ-демократіи, число голосовъ которой увеличилось на 800,000 сравнительно съ выборами 1898 года, вынуждаетъ германскую печать, за исключеніемъ соціалъ-демократическихъ органовъ, въ нѣсколько элегическомъ тонѣ обсуждать результаты послѣднихъ выборовъ. Нѣкоторыя изъ консервативныхъ газетъ, напр., «Kreuzzeitung», приходятъ къ неожиданному выводу, что такъ какъ сельскія избирательныя коллегіи служатъ единственною преградою успѣхамъ соціалъ-демократіи, то германское правительство *должно поддерживать аграрную политику* и не уступать въ этомъ отношеніи другимъ вліяніямъ. Другая консервативная газета «Reichsbote» рѣзко нападаетъ на графа Бюлова и успѣхи соціалъ-демократовъ приписываетъ его «зигзагной политикѣ» (zigzag-politik) Органы націоналъ-либераловъ взваливаютъ вину на аграріевъ, между тѣмъ какъ органъ свободныхъ консерваторовъ горюетъ о томъ, что «единственными представителями партіи прогресса въ новомъ рейхстагѣ будутъ соціалъ-демократы и результатомъ такого положенія вещей явится опасное усиленіе реакціонной политики, которую будутъ всѣми силами поддерживать ультра-консерваторы». Бывшій органъ покойнаго Бисмарка «Hamburger Nachrichten» заходитъ въ своемъ негодованіи даже такъ далеко, что настаиваетъ на немедленномъ распущеніи новаго рейхстага и отмѣнѣ всеобщей подачи голосовъ, взявъ за образецъ Саксонію, гдѣ выборы въ ландтагъ ограничены. Любопытно, что «Гамбургская Газета», указывая на Саксонію, совершенно забываетъ о томъ, что именно въ Саксоніи соціалъ-демократы одержали полную побѣду на выборахъ въ рейхстагъ, захвативъ всѣ мѣста въ рейхстагѣ. Эта побѣда явилась какъ бы отвѣтомъ на мѣры, принятыя саксонскимъ правительствомъ, устранившимъ соціалъ-демократовъ отъ участія въ народномъ представительствѣ въ саксонскомъ ландтагѣ. Благодаря такому режиму, число соціалъ-демократическихъ голосовъ увеличилось на 50% сравнительно съ 1798 годомъ. То же самое, но болѣе уже подъ вліяніемъ экономическихъ,

нежели политическихъ причинъ, произошло въ промышленныхъ округахъ Германіи, въ Бохумѣ, Дортмундѣ, Эссенѣ и др. Большіе ганзейскіе города, Гамбургъ, Бременъ, Любекъ—всѣ оказались въ рукахъ соціалъ-демократовъ—вслѣдствіе чего число соціалъ-демократовъ съ 56 возросло до 81.

Мѣстная печать удостовѣряетъ, что никогда еще выборы не производились такъ энергично и въ нѣкоторыхъ округахъ 92% избирателей, занесенныхъ въ списки, подавали голоса, тогда какъ прежде число неявившихся всегда было довольно велико. Даже такія, казалось, непоколебимыя крѣпости клерикализма, какъ Кёльнъ, непремѣнно посылавшій въ рейхстагъ ультрамонтанскихъ депутатовъ, тоже подвергся натиску соціалъ-демократіи, которая въ 1898 году владѣла только 9.008 голосовъ противъ 12.821 католиковъ, а теперь выставила уже 13.284 противъ 15.622 католиковъ и заставила вторично баллотироваться кандидата католической церкви. Это небывалый случай въ исторіи этого избирательнаго округа, извѣстнаго своими клерикальными традиціями.

Въ Берлинѣ, гдѣ соціалъ-демократы овладѣли 5 мѣстами изъ 6, число соціалъ-демократическихъ избирателей возросло до 177.801 (въ 1898 году 155.411). Тѣмъ не менѣе центръ все-таки остается одною изъ самыхъ сильныхъ партій въ рейхстагѣ и такимъ образомъ въ новомъ рейхстагѣ будутъ существовать только двѣ могущественныя политическія фракціи: ультрамонтаны—101 и соціалисты—81, и какая бы ни произошла коалиція силъ буржуазнаго либерализма, она не въ состояніи будетъ служить противовѣсомъ ни центру, ни соціалъ-демократамъ.

Съ большимъ интересомъ всѣ ожидаютъ, что скажетъ императоръ Вильгельмъ по поводу такихъ результатовъ выборовъ, какъ отнесется онъ къ новому рейхстагу. До сихъ поръ онъ еще не обмолвился ни однимъ словомъ въ своихъ рѣчахъ по этому поводу и въ своей рѣчи, произнесенной въ Гамбургѣ уже послѣ того, какъ сдѣлалась извѣстна побѣда соціалъ-демократовъ въ этомъ городѣ, Вильгельмъ II даже не намекнулъ на это «непріятное» обстоятельство и въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ восхвалялъ патріотизмъ гамбургцевъ и благодарилъ за оказанный ему пріемъ. Какова будетъ дальнѣйшая политика Вильгельма II—предугадать трудно. Онъ пріучилъ публику ко всякаго рода сюрпризамъ и весьма возможно, что проповѣдь о возвращеніи къ бисмарковской системѣ останется безъ результата. Опытъ вѣдь указываетъ, что исключительныя мѣры только помогаютъ тому дѣлу, которое они намѣреваются раздавить. Какъ бы то ни было, но императоръ Вильгельмъ очутился теперь словно въ тискахъ между двумя партіями, одинаково чуждыми его идеѣ и одинаково «интернаціональными», хотя въ то же время обѣ эти партіи глубоко пустили свои корни въ почвѣ германской національности.

Несмотря на жаркую борьбу, полемику въ газетахъ, агитаціонныя собранія и т. п., выборы прошли сравнительно очень спокойно, даже «слишкомъ спокойно», по замѣчанію нѣкоторыхъ старыхъ политиковъ, посѣдѣвшихъ въ избирательной борьбѣ. За исключеніемъ только одного довольно серьезнаго столкновенія съ властями, почти нигдѣ не было замѣтно избирательной горячки и

*

многіе уже готовы были видѣть въ этомъ ослабленіе интереса въ народѣ къ парламентскимъ выборамъ, но результаты показали какъ разъ обратное. На этотъ разъ большое участіе въ избирательной агитаціи принимали германскія женщины. Нѣмецкій «Verein fur Frauenstimmrecht» разослалъ циркулярное посланіе всѣмъ мѣстнымъ ферейнамъ либеральныхъ партій Германіи, приглашая ихъ привлечь къ участію въ выборной агитаціи женщинъ, съ цѣлью пробудить у нихъ политическій интересъ. Три южно-германскихъ ферейна отвѣтили на это приглашеніемъ женщинамъ вступить членами. Многіе ферейны свободомыслящей партіи приглашали женщинъ говорить на собраніяхъ, а во Франкфуртѣ-на-Майнѣ была окончательно принята помощь женщинъ въ избирательной борьбѣ. Гамбургскій ферейнъ «Freisinnige Volkspartei» принялъ резолюцію въ общемъ собраніи, на основаніи которой женщины могутъ быть членами этого ферейна наравнѣ съ мужчинами. Въ Берлинѣ и др. городахъ происходили агитаціонныя собранія, на которыхъ ораторы чередовались съ ораторшами и даже предсѣдательствовали женщины. Враждебная печать конечно очень несочувственно относится къ этому факту. Но особенный гнѣвъ клерикальной печати возбудила Клара Цеткинъ, въ самомъ центрѣ ультрамонтанства, священномъ городѣ Кёльнѣ, сказавшая рѣчь, въ которой анализировала политическую дѣятельность центра и обвинила его въ томъ, что онъ, являясь повсюду защитникомъ капитализма, поощряетъ разрушительное дѣйствіе современныхъ экономическихъ условій на нѣмецкую семью.

Кромѣ своей гамбургской рѣчи, вызвавшей комментаріи именно отсутствіемъ въ ней какого бы то ни было намека на политическое положеніе, созданное выборами, Вильгельмъ II сказалъ еще нѣсколько маленькихъ «неполитическихъ» рѣчей по разнымъ поводамъ. Между прочимъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ онъ обратился съ рѣчью къ рабочему «Gesang Verein'у», въ которой преподалъ ему благой совѣтъ культивировать исключительно только народныя пѣсни и не пытаться соперничать съ хоромъ филармоническаго общества въ Берлинѣ. Отдавая должную дань результатамъ, достигнутымъ ферейномъ въ музыкальномъ отношеніи, императоръ въ то же время критиковалъ исполненіе нѣкоторыхъ музыкальныхъ номеровъ, заявивъ, что «почти всѣ пѣвцы спѣли свои партіи полутономъ выше, чѣмъ слѣдуетъ!» Въ заключеніе императоръ объявилъ озадаченнымъ регентамъ, что онъ намѣренъ въ скоромъ времени издать сборникъ національныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ и тогда они получатъ возможность покупать его по дешевой цѣнѣ. Такимъ образомъ Вильгельмъ II, сочинившій гимнъ Эгиру, выступилъ въ роли музыкальнаго критика такъ же авторитетно, какъ онъ выступалъ въ другихъ вопросахъ, художественныхъ, теологическихъ, философскихъ, педагогическихъ, морскихъ и военныхъ, въ которыхъ онъ одинаково считаетъ себя компетентнымъ. Другое его замѣчаніе вызвало также шутливые толки въ газетахъ, внеся веселую ноту въ серьезное настроеніе, вызванное выборами. Въ одномъ изъ городовъ рейнской провинціи императору была представлена многочисленная депутація лотарингскихъ дѣвушекъ, числомъ около 200, одѣтыхъ въ національные костюмы. Вильгельмъ II со свойственною ему любезностью принялъ эту депутацію и сказалъ

краткую привѣтственную рѣчь съ обычнымъ паѳосомъ и патріотическими фразами, а затѣмъ обратившись къ бургомистру, прибавилъ: «Sorgen sie dafür, das sie alle tuchtige soldatenmutter werden!» (Позаботьтесь сдѣлать изъ нихъ хорошихъ солдатскихъ матерей). Одна изъ газетъ иронически замѣчаетъ по этому поводу, что и «самому сильному бургомистру такое порученіе не по силамъ».

Въ Берлинѣ недавно состоялось открытіе новаго музея, носящаго названіе «Ständige Ausstellung fur Arbeiteswohlfart» (Постоянная выставка всего, что сдѣлано для благосостоянія рабочихъ). Этотъ новый музей представляетъ аналогію съ тѣмъ, который существуетъ въ Парижѣ подъ именемъ соціальнаго музея. Въ Германіи уже давно обсуждалась идея такого музея, но только въ 1899 году рейхстагъ занялся этимъ проектомъ и ассигновалъ на его устройство 568.000 марокъ. Однако издержки на постройку зданія и техническое устройство музея, какъ сообщаетъ франкфуртская газета, вдвое превысили эту сумму. Въ большой залѣ находятся 115 машинъ, снабженныхъ приспособленіями для защиты рабочихъ. Эти машины могутъ быть приведены въ дѣйствіе и такимъ образомъ демонстрируютъ пользу названныхъ приборовъ. Въ другомъ отдѣленіи демонстрируется предохранительная одежда рабочихъ, употребляемая при опасныхъ для здоровья работахъ. Третій отдѣлъ посвященъ промышленной и соціальной гигіенѣ и наглядно демонстрируетъ успѣхи, сдѣланные въ этомъ отношеніи. Съ нимъ соединена библіотека, въ которой собрана обширная литература, касающаяся важныхъ вопросовъ обезпеченія здоровья и благосостоянія рабочихъ.

Отдѣлъ промышленной гигіены, по словамъ корреспондентовъ, посѣтившихъ музей, представляетъ выдающійся интересъ, такъ какъ тутъ всего нагляднѣе выражены успѣхи промышленной гигіены въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя направлены противъ хроническихъ, сопряженныхъ съ извѣстными родами промышленности, заболѣваній. Первое мѣсто, конечно, занимаютъ аппараты, искусственно, улучшающіе воздухъ и удаляющіе изъ него вредныя для дыханія примѣси, пыль и т. п. Для демонстраціи вреднаго дѣйствія пыли, вдыхаемый рабочими въ мастерскихъ во время производства нѣкоторыхъ работъ, имѣются въ музеѣ анатомическіе препараты и раскрашенные фотографическіе снимки съ пораженныхъ болѣзненнымъ процессомъ легкихъ. Конечно, музей требуетъ еще большихъ дополненій, чтобы вполнѣ отвѣчать своей цѣли, но стоящій во главѣ его комитетъ дѣятельно работаетъ надъ его расширеніемъ и пополненіемъ его отдѣловъ.

Негритянская проблема въ Соединенныхъ Штатахъ и президентъ Рузвельтъ. Давно уже ни одинъ вопросъ не волновалъ такъ все населеніе Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, какъ снова выдвинутая на первый планъ дѣйствіями президента Рузвельта негритянская проблема. Достаточно вспомнить только взрывъ негодованія въ южныхъ штатахъ, вызванный поступкомъ президента, пригласившаго въ Бѣлый домъ, къ своему столу, негритянскаго профессора Букера Вашингтона. Это приглашеніе

справедливо считали указаніемъ, что Рузвельтъ не намѣренъ вовсе слѣдовать тактикѣ Макъ-Кинлея въ негритянскомъ вопросѣ и не считаетъ нужнымъ потворствовать предразсудкамъ бѣлаго населенія южныхъ штатовъ, для того только, чтобы не назвали республиканскую партію «Nigger party» (негритянская партія). До сихъ поръ уступки, дѣлаемыя правительствомъ южныхъ штатовъ въ этомъ отношеніи только еще сильнѣе разжигали страсти и расовую ненависть, которая мѣстами выражалась жестокими расправами и избіеніемъ негровъ. На практикѣ негры въ южныхъ штатахъ не пользуются никакими правами, хотя конституція и признаетъ ихъ равноправными гражданами американскаго союза. Однако, на дѣлѣ выходитъ не такъ, хотя американское правительство очень долго даже отрицало существованіе такого вопроса, какъ негритянскій. Сѣверные штаты съ гордостью указываютъ на потоки крови, которые были пролиты бѣлыми, чтобы завоевать неграмъ права человѣка, а южные штаты, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, отрицаютъ рабство и отказываются отъ роли рабовладѣльцевъ. Но еще Линкольнъ говорилъ: «Между двумя расами, бѣлой и черной, существуетъ такое физическое различіе, что негры и бѣлые никогда не въ состояніи будутъ жить въ полномъ согласіи и между ними не будетъ полнаго равенства». Слова эти оправдываются теперь. Въ южныхъ штатахъ энергично стараются не допускать бывшихъ рабовъ переступать извѣстныя границы и удерживаютъ ихъ въ положеніи паріевъ, если же они стремятся выйти изъ этого положенія, то всѣ средства признаются годными, чтобы заставить негра вернуться на прежнее мѣсто. Но и въ сѣверныхъ штатахъ, если и не такъ открыто, какъ въ южныхъ, все-таки стараются, чтобы рамки, объ уничтоженіи которыхъ такъ заботится Рузвельтъ, не были нарушены. Судъ Линча господствуетъ во всей своей первобытной дикости и тамъ по отношенію къ неграмъ, виновнымъ или только заподозрѣннымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, и никакія законодательныя постановленія не могутъ помѣшать дикой расправѣ. Подчасъ достаточно бываетъ самаго ничтожнаго событія, чтобы дремлющее чувство расовой ненависти вспыхнуло и вызвало звѣрскіе поступки.

Рузвельтъ со всей энергіей пытается противодѣйствовать этимъ теченіямъ. Ему удалось заставить уважать свое рѣшеніе. Онъ не ограничился одними только словами и скорѣе, чѣмъ этого ожидали его противники, подтвердилъ ихъ дѣйствіями. Въ Индіанополѣ, маленькомъ городкѣ на Миссисипи, онъ утвердилъ назначеніе негритянки, г-жи Коксъ, на должность почтмейстера. Это возбудило сильнѣйшее негодованіе бѣлаго населенія, постаравшагося выместить свою злобу на бѣдной негритянкѣ, которая, потерпѣвъ нѣсколько дней, стала молить, чтобъ ее уволили. Рузвельтъ, въ свою очередь, не остался въ долгу и велѣлъ закрыть почтамтъ въ Индіанополѣ, вслѣдствіе того, что почтмейстеръ не могъ исполнять своихъ обязанностей безпрепятственно. Всѣ ходатайства жителей объ открытіи почтоваго бюро въ ихъ городѣ до сихъ поръ оставлены безъ вниманія, и Рузвельтъ требуетъ чтобы городъ отправилъ къ негритянкѣ депутацію съ извиненіями за нанесенныя ей оскорбленія и гарантировалъ ея полную безопасность и возможность служить. Бургомистръ и ше-

рифъ ни за что не соглашаются исполнить это приказаніе и такимъ образомъ Индіанополь, имѣющій 15.000 жителей, остается безъ почтоваго отдѣленія. Подобные поступки Рузвельта и въ особенности назначеніе негровъ на разныя другія оффиціальныя должности, создали ему множество враговъ, главнымъ образомъ среди вліятельныхъ гражданъ юга. Чѣмъ кончится эта борьба— предугадать трудно. Южные штаты упрекаютъ президента въ томъ, что онъ старается заручиться голосами негровъ для своей кандидатуры и потому такъ угождаетъ имъ, но вполнѣ безпристрастные люди признаютъ, что Рузвельтъ не могъ руководствоваться въ данномъ случаѣ какими-либо эгоистическими соображеніями, такъ какъ, несомнѣнно, его кандидатура не можетъ выиграть отъ этого.

Поѣздка на западъ, однако, укрѣпила поколебавшуюся было популярность Рузвельта. Онъ привелъ въ восхищеніе американцевъ своею неутомимостью, доказавъ имъ, что президентскія обязанности не уничтожили въ немъ прежняго спортсмена и смѣлаго охотника дальняго запада. Газеты съ восторгомъ говорили объ его охотничьихъ подвигахъ, которые ему не мѣшали удѣлять должное время политикѣ и произнести нѣсколько рѣчей, успокоившихъ его приверженцевъ, начинавшихъ уже опасаться, что онъ слишкомъ круто повернетъ въ сторону съ торной дорожки, установленной традиціями. Въ настоящее время наиболѣе серьезные органы американской печати, обсуждая шансы Рузвельта, высказываютъ мнѣніе, что, несмотря на враждебное отношеніе нѣкоторыхъ главарей его же собственной партіи, онъ все-таки будетъ выбранъ. Въ лагерѣ демократовъ замѣчается смятеніе, такъ какъ партія осталась безъ лидера, съ тѣхъ поръ какъ устранился Брайянъ. Кливилэндъ многими считается конченымъ человѣкомъ, но тѣмъ не менѣе его чествуютъ порою такъ, что всѣ оваціи, выпадающія на долю Рузвельта, блѣднѣютъ передъ этимъ. Двѣ или три большія нью-іоркскія газеты заговорили недавно о его кандидатурѣ на президентскій постъ и вызвали сочувственное эхо во всѣхъ рядахъ демократической партіи, состоящей въ Соединенныхъ Штатахъ изъ весьма разнородныхъ элементовъ. Такимъ образомъ весьма возможно, что Кливилэндъ, возбудившій къ себѣ симпатіи юга своею рѣчью о воспитаніи негровъ и высказавшій совершенно иную точку зрѣнія на негритянскій вопросъ, выступитъ соперникомъ Рузвельта на предстоящихъ президентскихъ выборахъ.

Вашингтонское правительство опубликовало недавно статистику женскаго труда въ Соединенныхъ Штатахъ. Оказывается, что женскій трудъ употребляется въ 295 отрасляхъ промышленности изъ 303, существующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Остальныя восемь исключительно предоставлены мужчинамъ постановленіями правительства. Къ числу ихъ принадлежитъ судоходство, но, несмотря на правительственное распоряженіе, на нѣсколькихъ парусныхъ и паровыхъ судахъ служатъ женщины. 879 женщинъ исполняютъ обязанности ночныхъ сторожей, полицейскихъ и сыщиковъ. Въ канализаціонныхъ и водяныхъ работахъ заняты 126 женщинъ, кромѣ того, имѣются женщины каменьщики (45), обойщики (241), маляры (179), столяры (545), горшечники (167), кузнецы (193), машинисты (571); 3.370 женщинъ работаютъ въ сталь-

ной и желѣзной промышленности; 890—жестяники, 1.775—лудильщики, 100—плотники, 373—мельники, 113—дровосѣки, 143—камнетесы, 177—кочегары, 65—чистильщики оконъ, 63—чернорабочіе, 904 занимаются выполаскиваніемъ бутылокъ, 323—мочильщики, 443—литейщики. На телеграфахъ и телефонахъ служатъ въ настоящее время 23.000 женщинъ. Съ каждымъ годомъ для женщинъ въ Америкѣ открываются новыя проффесія, до сихъ поръ бывшій только исключительнымъ достояніемъ мужчинъ.

Смерть Папы Льва XIII. Болѣе двухъ недѣль вниманіе всего цивилизованнаго міра было сосредоточено на Ватиканѣ гдѣ въ это время происходила борьба между жизнью и смертью. Умеръ папа Левъ XII на 93-мъ году жизни. Толпа, съ утра до вечера наполнявшая ватиканскую площадь, не спускала глазъ съ оконъ Вомикана и съ жадностью ловили каждое малѣйшее слово стражей папскаго двора, съ любопытствомъ заглядывая въ лица входившаго и выходившаго изъ Ватикана духовенства, врачей и др. лицъ. Первое извѣстіе о начавшейся агоніи папы оказалось ложнымъ, въ состояніи папы послѣдовало даже незначительное улучшеніе, продолжавшееся однако, недолго, и 20-го іюля въ 4 часа пополудни бронзовые ворота Ватикана закрылись—признакъ, что папскій престолъ опустѣлъ.

Черезъ полчаса послѣ смерти папы кардиналъ-камерлингъ Орелья въ фіолетовомъ траурномъ одѣяніи подошелъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, къ комнатѣ, гдѣ находился умершій папа, и три раза громко назвалъ его по имени. Не получивъ отвѣта, онъ подошелъ къ постели. Два папскихъ камердинера сняли покрывало съ лица папы, и кардиналъ три раза ударилъ его по головѣ серебрянымъ молоточкомъ, произнося его имя. Затѣмъ, обратившись къ присутствующимъ, онъ объявилъ: «Il papa e realmente morto» (папа дѣйствительно мертвъ). Церемонія констатированія смерти напы были этимъ закончена и уже оффиціально приступлено къ приготовленіямъ къ конклаву, который обыкновенно происходитъ на 11, 12 или 13-й день послѣ смерти папы.

Въ лицѣ Льва XIII вошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ способныхъ и искусныхъ дипломатовъ, какіе только занимали папскій престолъ. Это признаютъ даже всѣ его противники. Онъ былъ избранъ въ трудное время. Послѣ смерти Пія IX, который занялъ папскій престолъ въ цвѣтущемъ возрастѣ (48 лѣтъ) и 32 года управлялъ имъ, обѣ церковныя партіи, какъ непримиримыя такъ и готовыя идти на уступки, согласны были на компромиссъ, принимая во вниманіе переходное время, которое должна была переживать церковь. Однако, ни та, ни другая сторона не могли выставить серьезнаго кандидата, имѣющаго шансы быть избраннымъ, въ концѣ концовъ, выборъ палъ на 68-лѣтняго дряхлаго кардинала Джіоакомо Печчи, который и былъ провозглашенъ папой подъ именемъ Льва XIII.

Однако, предположенія церковныхъ партій не осуществилось. Правительство Льва XIII ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать переходнымъ. Левъ XIII во всѣхъ отношеніяхъ былъ противоположностью своего предшественника

Пія IX. Онъ былъ высокообразованъ въ богословскомъ отношеніи и очень тонкій дипломатъ, тогда какъ Пій IX совершенно не обладалъ дипломатическими способностями и въ отношеніи богословскаго образованія оставлялъ желать многаго. Пій IX былъ упрямъ, но Левъ XIII гораздо чаще его достигалъ желаемой цѣли, представляясь уступчивымъ и сдѣлавъ своимъ лозунгомъ, вмѣсто «non possumus» Пія IX—можетъ быть, допустимъ. Но эта уступчивость была только внѣшней и онъ съ такою же непримиримостью относился къ современнымъ міровоззрѣніямъ, какъ и всѣ его предшественники, когда-либо занимавшіе папскій престолъ.

Тяжелое наслѣдство оставилъ ему Пій IX. Вѣрующее католичество еще не успокоилось послѣ жаркой борьбы за догматъ непогрѣшимости, а въ Швейцаріи и Германіи культуркампфъ былъ въ полномъ разгарѣ. Между папствомъ и Италіей разрывъ былъ полный; казалось, и съ Франціей предстоитъ такой же разрывъ и даже Австрія, несмотря на сопротивленіе папы, отмѣнила конкордатъ и освободила свое брачное законодательство и школу изъ подъ вліянія церкви. Но кромѣ того престижъ папскаго двора сильно пошатнулся вслѣдствіе скандальныхъ разоблаченій и процесса, представившаго въ очень некрасивомъ свѣтѣ дѣйствія кардинала статсъ-секретаря. Все это омрачило послѣдніе дни жизни Пія IX и усложнило задачи новаго папы. Теперь Левъ XIII оставляетъ совсѣмъ иное наслѣдство будущему папѣ. Католическая церковь въ настоящее время гораздо болѣе сплочена. Въ Германіи исчезли послѣдніе слѣды культуркампфа и съ папскимъ дворомъ установились дипломатическія сношенія. Въ Бельгіи клерикализмъ утвердился прочнѣе, чѣмъ когда-либо, а во Франціи хитрая политика Льва XIII также привела къ укрѣпленію клерикаловъ въ республикѣ. Левъ XIII льстилъ тамъ, гдѣ его предшественникъ интриговалъ. Въ Австріи также клерикализмъ сдѣлалъ большіе успѣхи и даже съ Россіей и турецкимъ султаномъ Левъ XIII сумѣлъ создать лучшія отношенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ, за время его папства, католичество стало весьма уважаемою силой. Во всѣхъ частяхъ свѣта, въ особенности же въ Африкѣ и Китаѣ, католическія миссіи неустанно стараются распространить вліяніе католической церкви, да и въ Европѣ можно наблюдать систематическую дѣятельность, направленную къ расширенію и укрѣпленію клерикальныхъ организацій. Вездѣ, въ Германіи, Австріи, Швейцаріи, Бельгіи, Франціи и Италіи организація католическихъ рабочихъ ферейновъ и разныхъ другихъ католическихъ ассоціацій производится очень дѣятельно. Духовенство оффиціально находится во главѣ этихъ организацій и такимъ образомъ по всему цивилизованному міру распространяется цѣпь такихъ организацій, которыя почитаютъ въ лицѣ папы высшій авторитетъ церкви. При папѣ Львѣ XIII созданы были даже крупныя организаціи, съ цѣлью оказанія вліянія на науки и искусства, но, конечно, для достиженія такихъ успѣховъ необходимъ былъ выдающійся дипломатическій талантъ и въ этомъ талантѣ никто не можетъ отказать умершему папѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ успѣлъ заботиться объ интересахъ папства весьма разумнымъ образомъ и умѣлъ выжидать. Въ особенности ярко выразилось это его умѣнье въ отношеніяхъ къ

бисмарковской Германіи. Тамъ онъ добился все-таки, что католическая церковь не только не лишилась своего значенія, но даже принудилъ свѣтскія власти отправиться въ Каноссу. Заботясь о сохраненіи прерогативъ церкви, Левъ XIII, какъ тонкій дипломатъ, избѣгалъ вмѣшательства во внутреннія дѣла государства и даже улучшилъ нѣсколько отношенія съ Италіей послѣ паденія Криспи, который былъ непримиримымъ его врагомъ. Что касается Франціи, то Левъ XIII очень искусно заставилъ католиковъ отдѣлиться отъ безсильныхъ старыхъ монархическихъ партій и постепенно пустить свои корни на почвѣ республики. Этотъ процессъ пересадки клерикализма на республиканскую почву шелъ довольно успѣшно, хотя и медленно, до тѣхъ поръ, пока дѣло Дрейфуса не открыло глаза французамъ на угрожающую имъ опасность.

Но Левъ XIII занимался не только церковными дѣлами. Онъ интересовался наукой и искусствами и писалъ стихи на своемъ любимомъ латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Когда выборъ кардиналовъ остановился на Джіоакомо Печчи, то никто не думалъ, что новый папа проживетъ такъ долго. Онъ казался такимъ старымъ и разслабленнымъ! Между тѣмъ Левъ XIII обманулъ всѣ предвидѣнія и пережилъ всѣхъ кардиналовъ, участвовавшихъ въ его избраніи, за исключеніемъ одного—кардинала Орелья. Самъ папа былъ убѣжденъ, что онъ проживетъ долго, по крайней мѣрѣ до 95 лѣтъ. Разсказываютъ, что къ нему однажды пришелъ проститься одинъ старый кардиналъ, отправлявшійся куда-то далеко въ миссію. Папа тогда только что перенесъ довольно серьезную въ его годы операцію и былъ очень слабъ. Кардиналъ, прощаясь съ нимъ, прослезился и сказалъ: «Придется ли намъ снова свидѣться?»—«Отчего же?—успокоилъ его папа.—Я надѣюсь, что вы еще долго проживете».—Однако за послѣдніе два года твердая увѣренность папы въ своемъ долголѣтіи нѣсколько поколебалась и поэтому онъ былъ очень доволенъ когда ему передали, что одна молодая монахиня предложила Богу въ жертву свою собственную жизнь, вмѣсто жизни папы. Монахиня черезъ два мѣсяца послѣ этого умерла. Клерикальныя газеты увидѣли въ этомъ знакъ, что жертва принята и пророчили папѣ необыкновенно долгую жизнь, но пророчество это все-таки не сбылось, хотя Левъ XIII былъ изъ числа немногихъ папъ, которые царствовали долѣе 25-ти лѣтъ. Одинъ только Пій IX дольше его правилъ папскимъ престоломъ (31 годъ, 7 мѣсяцевъ и 22 дня). Что касается возраста, то въ этомъ отношеніи Льву XIII принадлежитъ первое мѣсто, такъ какъ только одинъ Павелъ IV умеръ почти 93-хъ лѣтъ. Въ прежнія времена въ церковныхъ кружкахъ царила увѣренность, что ни одинъ папа не можетъ царствовать дольше 25 лѣтъ, такъ какъ ему не приличествуетъ занимать святой престолъ дольше св. Петра, которому въ этомъ отношеніи должно было принадлежать первенство; поэтому-то двадцать пятый годъ царствованія папы называется «годомъ Петра». Увѣренность эта была настолько сильна, что она даже отразилась на церемоніалѣ выборовъ папы. Чтобы напомнить объ этомъ новому папѣ, кардиналъ, возвѣщавшій ему объ избраніи, прибавлялъ слѣдующія слова: «Non videbis annos Petri!» (не уви-

дишь лѣтъ Петра). Но этотъ обычай былъ уничтоженъ со временъ папы Бенедикта XIV, который отвѣтилъ на этотъ возгласъ словами: «Hoc non est de fide!» (это не касается вѣры). Но когда папа Пій IX фактически доказалъ несостоятельность такой увѣренности, то уже болѣе никто не упоминалъ о годахъ Петра.

Какъ самая жизнь папы была подчинена самому строгому церемоніалу, такъ и смерть его, похороны и конклавъ обставлены цѣлымъ рядомъ церемоній, которыя священная коллегія никогда не рѣшилась бы отмѣнить изъ опасенія обвиненій въ ереси. Такимъ образомъ церемоніалъ конклава сохраняется во всей своей неприкосновенности въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 300 лѣтъ. Кардиналы должны будутъ провести въ полной изоляціи отъ внѣшняго міра дни конклава, до тѣхъ поръ, пока они не придутъ къ соглашенію относительно выбора новаго папы. Они не могутъ никуда выходить изъ своихъ келій и даже кушанья подаются имъ туда. Впрочемъ, по желанію, они могутъ заказывать себѣ обѣдъ внѣ ватиканской кухни, но все, что приносится кардиналамъ, подвергается предварительно самому тщательному осмотру со стороны римскихъ прелатовъ, опасающихся, что въ кушаньяхъ можетъ быть скрыта какая-нибудь записка, адресованная которому нибудь изъ членовъ конклава. Снаружи толпа, ежедневно собирающаяся на ватиканской площади, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ, не покажется ли дымокъ изъ трубы ватиканской печи, гдѣ сжигаются листки послѣ неудачныхъ выборовъ. Этотъ дымокъ указываетъ, что соглашеніе еще не произошло, и папскій престолъ все еще остается вакантнымъ. Полагаютъ, что на этотъ разъ междуцарствіе продлится недолго. Перспектива сидѣть взаперти, въ душныхъ комнатахъ, среди знойнаго лѣта, не очень-то улыбается кардиналамъ. Къ тому же интриги, составляющія непремѣнную принадлежность такихъ выборовъ, начались уже въ то время, когда Левъ XIII упорно боролся со смертью. Европейскія державы, особенно заинтересованныя въ выборѣ новаго папы тогда уже намѣтили своихъ кандидатовъ, но съ точки зрѣнія прогресса народовъ, стремящихся къ умственной свободѣ и самостоятельности, личныя перемѣны на папскомъ престолѣ большого значенія имѣть не могутъ.

Организація международнаго обмѣна дѣтей. Французскій школьный учитель Тони Матьё, исходя изъ того убѣжденія, что путешествія и знакомство съ другими странами и народами дѣйствуютъ въ высшей степени развивающимъ образомъ на подрастающее поколѣніе, расширяя его умственные горизонты, предложилъ родителямъ въ разныхъ европейскихъ странахъ, не имѣющихъ средствъ отправлять своихъ дѣтей за границу, обмѣниваться между собою дѣтьми соотвѣтствующаго возраста на извѣстный срокъ. Французскіе родители, желающіе чтобы ихъ дѣти изучили нѣмецкій или англійскій языкъ и познакомились бы съ жизнью въ Германіи или Англіи, вступаютъ въ соглашеніе съ нѣмецкими или англійскими родителями, которые имѣютъ дѣтей соотвѣтствующаго возроста и также желаютъ отправить ихъ за границу на извѣстный срокъ. Обѣ стороны обязуются безвозмездно содержать

дѣтей въ теченіе этого времени и такимъ образомъ родители несутъ на себѣ только путевые расходы. Нѣмецкій мальчикъ или дѣвочка, попадающіе во французскую семью, обучаются французскому языку и сближаются съ французскимъ народомъ, тогда какъ посланные взамѣнъ ихъ юные французы, въ свою очередь научаются нѣмецкому языку и ближе знакомятся съ нѣмецкою жизнью. Такой временный обмѣнъ дѣтей, по мнѣнію его инициатора, не только является прекрасною педагогическою мѣрой, но и долженъ будетъ содѣйствовать лучшему ознакомленію другъ съ другомъ и сближенію народовъ. Въ Швейцаріи давно уже установился обычай такого временнаго обмѣна и преимущественно дочери посылаются изъ французской семьи въ нѣмецкую и обратно для лучшаго изученія языка. Но такой обмѣнъ могъ производиться лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Главное затрудненіе заключалось въ отысканіи въ чужой странѣ такихъ родителей, которые также желали бы отправить своихъ дѣтей учиться за границу и согласились бы на предлагаемый обмѣнъ. Вотъ чтобы облегчить сношенія между такими родителями французскій учитель и придумалъ открыть центральное международное бюро въ Парижѣ (Boulevard Magenta 36), которое будетъ имѣть свои отдѣленія въ каждой странѣ. Родители, желающіе отправить своихъ дѣтей за границу для обученія, должны будутъ обращаться въ соотвѣтствующее отдѣленіе центральнаго парижскаго бюро и имъ будутъ тотчасъ же препровождены адресы такихъ родителей, съ которыми они могутъ вступить въ сношенія. При этомъ всѣ тѣ, кто обращается въ бюро за посредничествомъ, должны будутъ заполнить вопросный листокъ, для того чтобы бюро имѣло возможность организовать сношенія между родителями болѣе или менѣе одинаковаго соціальнаго положенія. Вопросы листка касаются только самыхъ необходимыхъ пунктовъ: профессіи родителей, возраста дѣтей, численности семьи и условій помѣщенія.

Какъ только появилось въ одномъ изъ французскихъ журналовъ извѣстіе объ открытіи парижскаго бюро, то немедленно получены были 32 заявленія, изъ нихъ 16 отъ французовъ, 8—англичанъ, 7—нѣмцевъ и одно отъ испанскихъ родителей. Организаторъ бюро надѣется поэтому, что его идея получитъ большое распространеніе и принесетъ пользу не только отдѣльнымъ личностямъ, но и цѣлому обществу, такъ какъ будетъ содѣйствовать взаимному пониманію народовъ и укрѣпленію взаимнаго уваженія. «Слѣпая ненависть, являющаяся результатомъ незнанія, лишится почвы», говоритъ Тони Матьё въ своемъ воззваніи. Международныя сношенія получатъ новый могучій толчокъ и послужатъ залогомъ дружбы народовъ, основанной на лучшемъ пониманіи и уваженіи другъ друга.

Во Франціи оригинальная мысль Тони Матьё встрѣтила большое сочувствіе въ обществѣ. Многіе выдающіеся литераторы и ученые, Мишель Бреаль изъ collège de France, извѣстный физіологъ Шарль Рише, депутатъ д'Этурнелль, инспекторъ начальныхъ школъ Іостъ, множество педагоговъ, директоровъ училищъ, торговые общества и промышленники обѣщали свою поддержку новому дѣлу. Нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ также очень сочувственно отозвались объ этомъ починѣ французскаго школьнаго учителя и выразили

надежду, что Германія откликнется на приглашеніе и приметъ участіе въ международной организаціи этого дѣла, такъ какъ оно даетъ возможность родителямъ, не обладающимъ большими средствами, посылать своихъ дѣтей, начиная съ 12—14-лѣтняго возраста и далѣе за границу, на время лѣтнихъ каникулъ, на два и болѣе мѣсяцевъ, смотря по желанію. «Frankfurt. Zeit.» печатаетъ два письма, полученныя изъ Германіи, съ предложеніями обмѣна, содержаніе которыхъ слѣдующее: «Р... 17 лѣтъ, сынъ служащаго въ торговомъ заведеніи въ Шпетрѣ, хорошенькомъ городкѣ Рейнскаго Пфальца. Понимаетъ въ достаточной степени по-французски, но не говоритъ. Семья его состоитъ изъ родителей и двухъ мальчиковъ, 15 и 17 лѣтъ. Желателенъ обмѣнъ съ 15-го іюля по 15-е сентября. Предоставляется отдѣльная комната. Предпочтительнѣе мальчикъ».

«Ф... 19 лѣтъ. Сынъ директора банка въ Берлинѣ. Жительствуетъ въ Штеглицѣ въ 10 минутахъ разстоянія отъ Берлина. Понимаетъ и говоритъ по-французски. Семья состоитъ изъ родителей, одного сына и дочери. Отдѣльная комната. Обмѣнъ желателенъ приблизительно на два мѣсяца, съ 1-го августа, съ молодымъ человѣкомъ или молодою дѣвушкой, но послѣдняя предпочтительнѣе».

Народные образовательные курсы въ Вѣнѣ и союзъ австрійскихъ женщинъ. За послѣдніе годы въ Вѣнѣ очень много сдѣлано въ области народнаго образованія. Университетъ устроилъ образовательные курсы, а общество народнаго просвѣщенія и центральная библіотека снабжаютъ ежегодно милліонами томовъ такъ называемый «Volksheim», родъ народнаго университета, въ которомъ сосредоточиваются различные роды дѣятельности народнаго образованія. Чтеніе серьезныхъ произведеній и изученіе языковъ (англійскаго, французскаго и латинскаго) сопровождаются слушаніемъ университетскаго курса и курсовъ, учрежденныхъ «Volksheim'омъ», съ которыми связаны практическія занятія въ лабораторіяхъ, химической и психологической. Членамъ этого общества дана такимъ образомъ полная возможность удовлетворить своей жаждѣ знанія и вполнѣ отъ нихъ зависитъ воспользоваться въ полной мѣрѣ предоставляемыми имъ научными пособіями. Относительно пріема новыхъ членовъ не существуетъ никакихъ ограниченій и политика въ «Folksheim'ѣ» не играетъ никакой роли. «Каждый жаждущій свѣта знанія можетъ постучаться въ дверь и она будетъ открыта». Къ сожалѣнію, эта плодотворная культурная дѣятельность поневолѣ стѣсняется и ограничивается недостаткомъ средствъ. Такъ, напр., для химической лабораторіи пришлось кое-какъ приспособить погребъ, а большая зала подвальнаго этажа далеко не всегда можетъ вмѣстить всѣхъ слушателей. Въ такіе вечера, когда читается отъ 10 до 12 различныхъ курсовъ, даже кухня превращается въ аудиторію Потребность въ болѣе просторномъ помѣщеніи ощущается съ каждымъ днемъ все сильнѣе и это побудило общество устроить нѣчто въ родѣ подписки для иобразованія фонда на постройку собственнаго дома. Благодаря щедрост нѣкоторыхъ дѣятелей уже теперь образовался небольшой основной капиталъ, недо-

статочный, впрочемъ, для постройки дома должной величины. Организаторы этого дѣла однако не унываютъ и надѣются, что, благодаря поддержкѣ, оказываемой имъ печатью, найдутся сочувствующіе люди, которые придутъ къ нимъ на помощь.

Союзъ австрійскихъ женщинъ также помогаетъ до нѣкоторой степени организаторамъ «Volksheim'а» но дѣятельность его въ этомъ отношеніи, однако, не очень значительна. На послѣднемъ засѣданіи союза былъ прочитанъ докладъ о значеніи народныхъ курсовъ, причемъ особенно указывалось на огромную пользу, которую они приносятъ въ борьбѣ съ «алкоголизмомъ». Союзъ австрійскихъ женщинъ съ своей стороны принимаетъ въ этой борьбѣ очень дѣятельное участіе, говорилось въ докладѣ; въ этомъ отношеніи онъ дѣйствуетъ рука объ руку съ обществомъ народнаго образованія. Но такъ какъ союзъ австрійскихъ женщинъ имѣетъ еще и другія важныя задачи, то онъ не можетъ посвящать всю свою дѣятельность и вниманіе народнымъ курсами. «Женское движеніе только еще начинаетъ развиваться въ Австріи, и женскій союзъ, конечно, долженъ прежде всего помогать его развитію».

Самая сѣверная желѣзная дорога. На далекомъ сѣверѣ, въ области, рѣдко посѣщаемой путешественниками, состоялось открытіе желѣзнодорожной линіи, простирающейся на 400 километровъ и лежащей уже за предѣлами полярного круга. Эта новая шведско-норвежская желѣзная дорога пересѣкаетъ Лапландію и соединяетъ Ботническій заливъ съ Атлантическимъ океаномъ. Она лежитъ сѣвернѣе Исландіи и Гренландіи, Баффиновой земли и Берингова пролива, и это одно уже достаточно указываетъ, какъ велики были затрудненія, которыя приходилось преодолѣвать строителямъ этой полярной желѣзной дороги.

Проектъ постройки желѣзной дороги, связывающей Ботническій заливъ съ Лофотенскимъ фіордомъ, возникъ уже давно. Группа англійскихъ финансистовъ и металлурговъ хотѣла построить такую дорогу, по которой можно было бы перевозить превосходную желѣзную руду изъ Лапландіи, и въ Англіи, въ свое время много говорили объ этомъ проектѣ. Но онъ потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе недостатка капиталовъ и непредусмотрительности строителей. Начатая двадцать лѣтъ тому назадъ постройка желѣзной дороги отъ порта Луна, въ глубинѣ Ботническаго залива, была доведена только до половины пути, т.-е. до Гулливара, куда каждое лѣто, между 15-мъ іюня и 15-мъ августа, съѣзжаются туристы чтобы посмотрѣть на полночное солнце. Проектъ былъ оставленъ въ 1890 году, но спустя два года шведское и норвежское правительство взялись за это дѣло и выкупили линію Луна-Гулливара съ цѣлью довести ее до конца, т.-е до Атлантическаго океана. Въ сущности, оставалось построить лишь ту часть желѣзнодорожной линіи, которая должна была проходить по мѣстности, очень богатой рудными мѣсторожденіями; слѣдовательно, этотъ участокъ дороги, заканчивающійся у фіорда, не замерзающаго зимой, представляетъ гораздо большую доходность, нежели та часть, которая начиналась отъ Ботническаго залива, закрытаго льдами въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Теперь линія закончена и уже открыта для движенія. Ея норвежскій конечный пунктъ на Атлан-

тическомъ океанѣ, который англійскіе строители немного поторопились назвать портомъ Викторіей, теперь переименованъ норвежцами въ Нарвикъ. Благодаря этой дорогѣ, отдаленная Лапландія приблизилась къ Европѣ и сдѣлалась болѣе доступной для путешественниковъ, интересующихся этою малоизвѣстною полярною страною и ея жителями.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Въ защиту сербскаго народа.—Ибсенъ на званомъ обѣдѣ.—Ирландскій вопросъ и британскій имперіализмъ.

Бывшій сербскій министръ Владанъ Георгіевичъ печатаетъ въ берлинскомъ журналѣ «Zukunft» пламенную статью, въ которой пытается оправдать дѣйствія сербскихъ заговорщиковъ, доведенныхъ до отчаянія и преступленія поведеніемъ Александра и Драги. Онъ жалуется на то, что Европа не хочетъ принять во вниманіе страданій сербскаго народа и преступленій, которыя противъ него совершались.

«Въ теченіе десятилѣтняго царствованія короля Александра, — говоритъ Владанъ Георгіевичъ,—министерства мѣнялись ни болѣе ни менѣе, какъ пятнадцать разъ! Вмѣстѣ съ этимъ всегда мѣнялась политическая система и весь служебный персоналъ, до послѣдняго писаря и служителя, что вело за собою колебаніе всего государственнаго строя. Только одно министерство просуществовало около двухъ лѣтъ, остальныя же насчитывали нѣсколько мѣсяцевъ недѣль и даже дней, и даже было такое министерство, которое продержалось всего одинъ день! Что возможно было сдѣлать при такихъ условіяхъ? Даже если бы сербскія министерства состояли изъ однихъ только Кавуровъ и Бисмарковъ, то и тогда они врядъ ли могли бы многаго достигнуть въ такое короткое время; вѣдь едва только хватало времени, чтобы оріентироваться сколько-нибудь въ государственныхъ дѣлахъ!

«Созидательныя и нравственныя силы народа, прокладывающаго себѣ съ неимовѣрными страданіями дорогу впередъ, подвергались постоянной опасности». Молодой человѣкъ, быть можетъ, неврастеникъ или душевнобольной, постоянно грозилъ разрушить то, что было достигнуто народомъ съ такимъ неизмѣримымъ трудомъ. Путемъ цѣлаго ряда преступленій онъ сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ страны, и если теперь иные въ Европѣ готовы видѣть въ немъ трагическаго героя, то исторія должна будетъ возстановить попранную справедливость. Еще всѣмъ памятенъ первый государственный переворотъ въ Сербіи, совершившійся 1-го апрѣля 1893 года. Тогда еще Александръ не находился подъ вліяніемъ Драги, но уже тогда можно было предвидѣть будущее. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь армію, и если теперь эту армію обзываютъ «преторіанцами» то во всякомъ случаѣ, первые уроки въ этомъ направленіи были получены ею отъ самого Александра. Онъ приготовилъ для престарѣлыхъ регентовъ, которые три раза спасали сербскую корону для Обреновичей, настоящій походъ Борджіа. Онъ самовольно и будучи не-

совершеннолѣтнимъ овладѣлъ правительствомъ, что противорѣчило конституціи. Мнѣ не хотѣлось бы даже вспоминать о томъ, какъ онъ поступилъ съ министерствомъ Авакумовича, которое незаконнымъ образомъ посадилъ на скамью подсудимыхъ и затѣмъ такъ же незаконно помиловалъ. Его рѣчи проникнуты были дикимъ коварствомъ, возможнымъ развѣ только въ нероновскія времена. Одинъ министръ, напр., доложилъ ему, что митрополитъ Михаилъ дѣлаетъ затрудненія. Король тогда спросилъ, нельзя ли отдѣлаться отъ несноснаго пастыря «посредствомъ чашки кофе». Послѣ государственнаго переворота попали въ милость радикалы, но вскорѣ и ихъ понадобилось изгнать. Однако, этому нужно было все-таки придать законную форму, и тутъ мальчикъ-король выказалъ богатую хитрость, что никто не могъ бы потягаться съ нимъ. Ему нужно было устроить новый государственный переворотъ и онъ изобрѣлъ государственную опасность, будто бы исходящую отъ радикаловъ, распустивъ слухъ о заговорѣ радикальныхъ министровъ на жизнь короля и придалъ этимъ слухамъ такое вѣроятіе, что многіе были обмануты. Это и было только нужно королю для того, чтобы наложить руку на конституцію и, упразднивъ ее, ввести конституцію 1868 года, отмѣна которой была достигнута путемъ кровопролитій... Но патріотическій народъ не такъ-то легко лишается вѣры въ своего возлюбленнаго юнаго монарха и поэтому въ Сербіи продолжали возлагать всѣ надежды на своего юнаго короля, снисходительно прощая ему всѣ его провинности и объясняя ихъ то его молодостью, то пылкимъ темпераментомъ, и т. д.

«Я былъ у него министромъ-президентомъ—девятымъ, въ теченіе трехъ лѣтъ! Теперь, приближаясь уже къ концу своего жизненнаго пути, я заявляю, передъ лицомъ всей Европы, что король Александръ и его любовница Драга подкупили убійцу, чтобы удалить со сцены эксъ-короля Милана. Тогда Александръ уже всецѣло находился подъ вліяніемъ этой женщины. Я зналъ о его отношеніяхъ къ Драгѣ, но развѣ дѣло министра вмѣшиваться и контролировать экзотическія похожденія своего монарха? Впрочемъ и никто не придавалъ тогда значенія Драги Машиной, которая пользовалась весьма дурною репутаціей. Притомъ и наслѣдственность у нея была очень плохая: отецъ ея умеръ въ домѣ съумасшедшихъ, а мать была пьяница. Это было всѣмъ извѣстно, также и королю. Перваго своего мужа Драга обезчестила и свела въ могилу. Королева Наталья взяла къ себѣ на службу Драгу, чтобы спасти ее, но ей не удалось это. Драга осталась такою же, какъ было... Король отправлялся къ ней на свиданія въ маленькій домикъ, въ предмѣстьи Бѣлграда и когда бѣлградскій префектъ полиціи намекнулъ мнѣ на то, что у короля можетъ явиться идея жениться на этой особѣ, то меня это разсердило и я ему сказалъ: «Вы хорошій полицейскій, но психологія короля вамъ не извѣстна». Мнѣ эта идея показалась совершенно нелѣпой. Король зналъ прошлое Драги, зналъ, что по лѣтамъ она годится ему въ матери, она была его любовница, зачѣмъ же ему нужно было жениться на ней? Но я оказался неправъ. Любовь короля принесла страшныя несчастья!.. Цѣлая гора грязи обрушилась на нашу бѣдную страну. Въ концѣ концовъ никакое министерство не могло быть

организовано, но Александръ и Драга не унывали. Успѣхъ вскружилъ имъ голову и наконецъ у нихъ явилась безумная мысль провозгласить наслѣдникомъ брата Драги Никодима Луневицу. Все было готово и спеціально для этого избранная скупщина конечно вотировала бы такой законопроектъ. Это было слишкомъ много даже для Цинцара Марковича, послушно выполнявшаго всѣ желанія короля, и за нѣсколько часовъ до своей трагической смерти, онъ подалъ королю прошеніе объ отставкѣ... Семью Луневица ненавидѣли въ народѣ и результатомъ его провозглашенія непремѣнно была бы гражданская война. То, что произошло въ ночь на 10-е іюня въ бѣлградскомъ конакѣ, не-было дѣломъ отдѣльныхъ личностей, а отчаяннымъ поступкомъ борящейся за свое существованіе Сербіи»!

Въ своей статьѣ объ Ибсенѣ въ «Revue Bleue» Георгъ Брандесъ разсказываетъ, что въ 1891 году, находясь въ Сандвикенѣ, вблизи Христіаніи, онъ узналъ, что Ибсенъ живетъ въ отелѣ одинъ и рѣшился вмѣстѣ со своими друзьями норвежскими художниками пригласить его къ обѣду. Но какъ только онъ заикнулся объ этомъ Ибсену, тотъ, вслѣдствіе своей нелюдимости, сейчасъ же воспротивился. Брандесъ однако началъ убѣждать его.—«Сколько будетъ гостей?» спросилъ Ибсенъ.—«Девять» отвѣчалъ Брандесъ.—«Я не обѣдаю въ такой многочисленной компаніи» заявилъ Ибсенъ.—«Но вѣдь это все художники. Незванныхъ не будетъ. Притомъ же обѣдъ будетъ происходить въ этомъ же отелѣ, такъ что вамъ не нужно будетъ ни уходить, ни переодѣваться», наконецъ, послѣ долгихъ уговоровъ, Ибсенъ соглашается. Между тѣмъ въ городѣ раздался слухъ, что Ибсену дается банкетъ и всѣ захотѣли принять въ немъ участіе. Брандесъ былъ заваленъ просьбами объ этомъ. Онъ старательно отстранилъ всѣхъ не знакомыхъ людей, но не рѣшился отказать въ этой милости тѣхъ, кто всегда выказывалъ ему любезность. Вернувшись къ Ибсену, онъ ему сообщилъ, что «одна дама желала бы присутствовать на обѣдѣ.»—Ибсенъ возмутился и категорически объявилъ, что не поѣдетъ. Но Брандесъ не терялъ надежды.—«Это совсѣмъ молоденькая женщина, кругленькая и веселенькая, убѣждалъ онъ Ибсена.—«Я не люблю ни веселыхъ, ни кругленькихъ молоденькихъ женщинъ», упрямо возражалъ Ибсенъ. —«Кажется, вы были когда то неравнодушны къ ея теткѣ...»—«А, это другое дѣло! Пусть въ такомъ случаѣ приходитъ». Въ назначенный день Брандесъ, въ изящномъ фракѣ, стучится въ дверь Ибсена; замѣтивъ, что Брандесъ парадно одѣтъ, Ибсенъ съ раздраженіемъ сказалъ: «Какъ, вы во фраки? У меня нѣтъ фрака».—«Что за бѣда, вы можете идти въ сюртукѣ».—«Ну, а эта дама? Она тамъ?»—«Да и еще нѣсколько другихъ».—«Сколько же васъ всѣхъ?» «Двадцать два.»—«Это измѣна. Вы мнѣ говорили, что васъ будетъ только девятнадцать. Я не пойду!»

Не мало стоило труда Брандесу уговорить упрямаго Ибсена и хотя въ концѣ концовъ онъ уступилъ, но видъ у него былъ такой хмурый и сердитый, что когда онъ явился въ залу, то всѣ присмирѣли и встрѣтили его робкимъ молчаніемъ. Чтобы сколько нибудь разогрѣть общество, которое чув-

ствовало себя не въ своей тарелкѣ, рѣшено было подать шампанское за вторымъ блюдомъ и провозгласить тостъ въ честь Ибсена. Но Ибсенъ съ первыхъ же словъ остановилъ оратора. Брандесъ однако не смутился и вѣжливо попросилъ Ибсена подождать конца его рѣчи. Волей неволей Ибсенъ долженъ былъ выслушивать, какъ его приравнивали къ солнцу и звѣздамъ. Но лобъ его продолжалъ хмуриться. Когда же наконецъ Брандесъ кончилъ свою хвалебную рѣчь, то Ибсенъ замѣтилъ: «Вотъ рѣчь, на которую я бы могъ сдѣлать нѣсколько возраженій, но я предпочитаю ихъ не дѣлать».—«Пожалуйста, сдѣлайте ихъ, учитель. Это будетъ намъ гораздо пріятнѣе.»—«Я предпочитаю не дѣлать», отвѣтилъ Ибсенъ прежнимъ вѣжливымъ тономъ. Тогда какой то господинъ, сидѣвшій возлѣ одной прелестной актрисы, сказалъ: «Моя сосѣдка проситъ меня выразить доктору Ибсену благодарность всѣхъ дамъ, посвятившихъ себя театральному искусству и сказать ему, что нѣтъ ролей, которыя бы онѣ исполняли охотнѣе, чѣмъ его роли.»—«Я не пишу ролей» угрюмо возразилъ Ибсенъ.—«Я изображаю лицъ и никогда не пишу, имѣя въ виду какого нибудь актера или актрису.»

Знаменитый драматургъ, повидимому, совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какое впечатлѣніе производитъ на гостей его дурное расположеніе духа и рѣзкая манера обращенія. Вставая изъ за стола онъ наивно сказалъ Брандесу: «А вѣдь праздникъ то удался». «И онъ былъ вполнѣ искрененъ», прибавляетъ Брандесъ.

Въ статьѣ объ ирландскомъ вопросѣ и британскомъ имперіализмѣ, помѣщенной въ «Revue des deux Mondes» авторъ говоритъ, что имперіализмъ пробудилъ «дремавшій ирландскій сфинксъ». Достаточно вспомнить, какъ восторженно было встрѣчено въ парламентѣ ирландскими членами извѣстіе о взятіи въ плѣнъ генерала Мэтуена. Затѣмъ, въ Голлуэѣ былъ выбранъ въ парламентъ депутатъ, открыто сражавшійся въ бурской арміи, а выборные представители Ирландіи демонстративно не принимали участія въ коронаціонныхъ празднествахъ. Невольно возникаетъ вопросъ: не будетъ ли это имѣть какихъ либо неожиданныхъ послѣдствій для Англіи? Въ теченіе извѣстнаго періода сравнительнаго спокойствія, послѣдовавшаго послѣ пораженія гомруля, Ирландія, лишенная возможности продолжать борьбу, занялась реставраціей собственной національности, стараясь освободиться изъ подъ интеллектуальнаго и соціальнаго ига Англіи и возстановить связь съ традиціями и языкомъ старыхъ временъ. Домашнія распри ирландскихъ членовъ парламента, послѣ исчезновенія со сцены Парнелля, уже не возбуждали болѣе особеннаго интереса въ Ирландіи. Бальфуровская политика, дѣйствовавшая примирительно, какъ будто имѣла успѣхъ, но вспыхнула южно-африканская война и стало ясно, что до примиренія Ирландіи еще далеко. Ирландцы открыто чествовали Крюгера и отправлялись на помощь къ бурамъ. По мнѣнію автора двигателемъ въ данномъ случаѣ, была не только вражда Ирландіи къ Англіи, но и вполнѣ естественное чувство симпатіи, которое питаютъ другъ къ другу два маленькихъ народа въ виду грозной силы имперіализма, стремящагося захватить

ихъ въ свои тиски. Вѣдь Ирландія даже симпатизировала испанцамъ въ испано-американской войнѣ, несмотря на узы, прикрѣпляющія ее къ Соединеннымъ Штатамъ. Въ настояще время Ирландія уже идетъ по опредѣленному пути. Возобновленіе агитаціи вызвало исключительные законы и угрозы сократить ирландское представительство въ Вестминстерскомъ дворцѣ. Аграрный билль, который, къ слову сказать, слишкомъ выгоденъ для ландлордовъ представляетъ лишь полумѣру и не можетъ разрѣшить всего ирландскаго вопроса, хотя аграрный вопросъ вѣроятно будетъ разрѣшенъ. Однако, по мнѣнію автора, въ Ирландіи долженъ произойти великій соціальный переворотъ, который создастъ мелкое землевладѣніе и положитъ конецъ англійскому преобладанію. Врядъ ли можно разсчитывать на то, что консервативное правительство откажется отъ своихъ принциповъ и дастъ Ирландіи что-нибудь похожее на гомруль. Скорѣе можно ожидать возобновленія притѣснѣній и введенія въ Ирландіи новыхъ мѣръ угнетенія. Въ заключеніе авторъ присоединяется къ ирландцамъ пессимистамъ, думающимъ, что спасеніе ихъ родины возможно лишь при условіи упадка Англіи. Звѣзда Эрина не заблеститъ, пока не поблѣднѣетъ звѣзда Альбіона! Работая надъ своимъ соціальнымъ переустройствомъ, развивая кооперацію, распространяя техническое образованіе и т. д. Ирландія стремится къ своему возрожденію и конечно достигнетъ той свободы, идеѣ которой она всегда оставалась вѣрна.

ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ.

(Письмо второе).

Весь укладъ жизни китайскаго народа настолько своеобразенъ, настолько самобытенъ, что для современнаго европейца даже непонятенъ во многихъ своихъ проявленіяхъ. Китаецъ и европеецъ дѣйствительно являются двумя различными мірами, между которыми нѣтъ гармоніи.

Для каждаго народа, какъ націи въ цѣломъ, равно какъ и для каждаго человѣка, взятаго отдѣльно, наиболѣе сильно вліяющими моментами ихъ національной или личной жизни являются: или общее, національное горе, національная радость, національное оскорбленіе, столь же сильно понимаемыя и чувствуемыя и сердцемъ всего народа, какъ и отдѣльно взятымъ сердцемъ каждаго человѣка.

Несомнѣнно, что и китаецъ чувствуетъ и горе, и радость, и наносимое ему оскорбленіе, но проявляетъ свои ощущенія китаецъ по своему, своеобразно.

Для каждаго человѣка наиболѣе тяжелымъ и грустнымъ событіемъ жизни является смерть, но и къ смерти китаецъ относится совершенно иначе, нежели европеецъ. Китаецъ признаетъ главнымъ образомъ важность этого событія и остается совершенно равнодушнымъ къ его неизбѣжности. Китаецъ готовится нерѣдко всю свою жизнь къ похоронамъ своимъ и нисколько не смущается приближеніемъ смерти.

Книга церемоній «Ли-цзи», основа всей жизни китайскаго народа, особое

*

вниманіе удѣляетъ переходу отъ жизни на землѣ къ жизни среди предковъ. Въ этой книгѣ переселеніе въ загробный міръ обдумано во всѣхъ подробностяхъ, взвѣшены всѣ обстоятельства, не пропущена ни одна мелочь. На все обращено самое серіозное вниманіе, все расчитано и предусмотрено начиная отъ гроба и его размѣровъ, цвѣта, одеждъ покойника, траура родныхъ, участія ихъ въ погребеніи, извѣщеній и приглашеній на похороны, жертвоприношеній, выбора счастливаго мѣста для могилы и счастливаго дня для погребенія и кончая выполненіемъ разнообразныхъ погребальныхъ церемоній. Быть можетъ потому китайцы и относятся такъ разсудительно—спокойно къ смерти своей и близкихъ себѣ лицъ, что смерть подготовлена и обдумана ими до мельчайшихъ подробностей.

Здоровые китайцы совершенно равнодушно говорятъ о смерти, а больные совершенно спокойно ее ожидаютъ. Равнодушіе и спокойствіе предъ неизбѣжнымъ удѣломъ каждаго человѣка на землѣ дѣлаютъ то, что для китайца важнымъ событіемъ является не смерть, а похороны.

Китаецъ задолго еще до смерти, въ самую лучшую пору жизни и здоровья, заготовляетъ себѣ гробъ. Богатые люди выбираютъ себѣ гробъ по вкусу, платятъ за него часто громадныя деньги, такъ какъ гробъ заказываютъ себѣ сдѣлать изъ дорогого дубоваго, кипарисоваго или камфарнаго дерева. Богатые люди гробъ свой возятъ съ собой, если уѣзжаютъ изъ мѣста своего жительства и сохраняютъ его или у себя въ домѣ, или въ храмѣ предковъ, въ которыхъ всегда имѣется спеціально для храненія гробовъ отдѣленіе, приносящее хорошій доходъ бонзамъ—владѣльцамъ храма.

Среди китайцевъ возможны явленія, которыя немыслимы среди европейцевъ. Поступокъ, непонятный европейцу, представляется разумнымъ въ глазахъ китайца, для котораго нѣтъ бо́льшаго выраженія уваженія и почтенія, если сынъ подаритъ отцу гробъ, пріобрѣтенный на свои трудовыя деньги.

Люди несостоятельные часто всю свою жизнь отказываютъ себѣ во всемъ и копятъ деньги, чтобы купить себѣ при жизни гробъ и изготовить по смерти приличныя похороны. Въ соблюденіи всѣхъ похоронныхъ обрядностей заключается величайшее самоудовлетвореніе китайца.

Похороны въ Китаѣ обходятся очень дорого, почему въ расходахъ принимаютъ участіе всѣ родственники покойнаго, участвуя по подпискѣ или деньгами или принимая на себя часть расходовъ заготовленіемъ соотвѣтствующихъ жертвоприношеній. Въ семьяхъ дружныхъ, но бѣдныхъ, нѣтъ большаго доказательства сыновней или дочерней любви, если кто-либо изъ нихъ продастъ себя во временное или даже и постоянное рабство, чтобы только достать деньги, необходимыя для приличнаго погребенія своихъ родителей. Въ честь такихъ дѣтей воздвигаются правительствомъ почетныя арки—пай-ло.

Не всегда однако оканчивается благополучно похоронная церемонія. Нерѣдко бываютъ случаи, что родственники, взявъ въ долгъ въ бюро похоронныхъ процессій гробъ и прочія принадлежности, бываютъ не въ состояніи въ назначенный ими срокъ выполнить свои долговыя обязательства, и не могутъ въ то же время представить надежныхъ поручителей. Наступаетъ тогда одинъ изъ

ужасныхъ въ жизни китайца моментовъ: кредиторъ въ лицѣ гробовщика не только можетъ задержать похороны, это еще не очень большая бѣда, такъ какъ родственники покойнаго приложатъ всѣ свои старанія, чтобы собрать деньги и удовлетворить кредитора. Задержка похоронъ составитъ лишь временное осложненіе, но, что особенно ужасно, кредиторъ, если признаетъ безнадежность полученія долга, можетъ потребовать, чтобы покойникъ былъ вынутъ изъ гроба, а гробъ возвращенъ обратно въ лавку.

Въ подобныхъ случаяхъ остается одна надежда на помощь благотворителей, которые покупаютъ для погребенія бѣдныхъ гроба. Вообще покупка гроба обходится не дешево въ Китаѣ въ виду дороговизны дерева. Самый дешевый еловый гробъ стоитъ отъ пяти до десяти рублей, а гробы для богатыхъ людей стоятъ отъ пятисотъ и до двухъ тысячъ. По формѣ своей китайскій гробъ напоминаетъ стволъ дерева: расширяясь и скругляясь къ головной части, съуживаясь къ ножной.

Богатые очень заботливо помѣщаютъ покойника въ гробу. Они кладутъ въ гробъ слой ваты, извести, пахучихъ травъ; всѣ щели между досокъ внутри плотно замазываютъ цементомъ. Покойника кладутъ въ лучшихъ парадныхъ одеждахъ, причемъ въ одну руку вкладываютъ вѣеръ, а въ другую молитву на свиткѣ бумаги, служащую пропускомъ души умершаго въ загробный міръ.

Послѣ положенія тѣла гробъ плотно закрывается крышкой, всѣ щели снаружи еще разъ покрываются цементомъ, и весь гробъ покрывается лакомъ. У богатыхъ покойникъ остается въ домѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, слѣдовательно такая заботливая задѣлка гроба является вполнѣ разумной и отвѣчающей санитарной необходимости.

Въ Китаѣ, равно какъ и въ Европѣ, несоизмѣримо велико разстояніе между богатствомъ и нищетой, и нищета въ Китаѣ, предоставленная самой себѣ, не скрываемая отъ постороннихъ взоровъ, выступаетъ во всей своей ужасной наготѣ, выступаетъ выпукло на общемъ фонѣ общественной жизни. Китайскіе нищіе и похороны бѣдняка особенно рѣзко оттѣняютъ благосостояніе людей имущихъ и, уживаясь мирно съ богатствомъ и пышностью, словно указываютъ на возможность существованія той формы общественной анархіи, при которой каждый предоставленъ самъ себѣ.

На отдаленныхъ улицахъ Пекина не рѣдкость встрѣтить трупъ скоропостижно умершаго, или погибшаго насильственной смертью, который пролежитъ нѣсколько дней, при всеобщемъ равнодушіи, пока власти примутъ мѣры къ погребенію жертвы несчастнаго случая или преступленія. Бездомные нищіе, умирающіе на улицахъ, подбираются полиціей и хоронятся на казенный счетъ разъ или два въ недѣлю, смотря по количеству подобранныхъ труповъ.

Бѣдняка хоронятъ въ простомъ, плохо сколоченномъ гробѣ, сдѣланномъ изъ тонкихъ и узкихъ досокъ. Гробъ несутъ на перекладинахъ четыре рабочихъ—кули. Сопровождающихъ никого нѣтъ. Сквозь щели гроба свободно выходитъ удушливый запахъ разлагающагося трупа, а иногда просачивается и трупная жидкость.

Степенью зажиточности покойнаго опредѣляется и пышность похоронной

процессіи. Не стану указывать на отдѣльныя ступени погребальныхъ процессій, входящихъ неизмѣнно составными частями во всякую пышную процессію, а опишу одну изъ богатыхъ процессій во всей ея подробности.

Начну съ того, что китайская улица, по которой идетъ пышная похоронная процессія, остается сама собой въ своемъ жизненномъ движеніи. Полиціи нѣтъ и никто не вмѣшивается ни въ остановку движенія, ни въ водвореніе порядка. Многочисленныя повозки, верховые и пѣшіе, сами останавливаются и даютъ дорогу процессіи, которая тѣмъ не менѣе на пересѣченіи большихъ улицъ неизбѣжно также замедляется и пріостанавливается, такъ какъ съ процессіей сливаются въ этихъ людныхъ мѣстахъ и другія процессіи, и повозки, и носилки знатныхъ мандариновъ, и телѣги съ тяжестями, и телѣжки изъ которыхъ выглядываютъ раскрашенныя лица нарядныхъ, веселыхъ китаянокъ, дамъ полусвѣта, и стадо овецъ, табунъ лошадей или караванъ верблюдовъ, которые степенно идутъ за своимъ вожатымъ. Шумъ, смятеніе, общая путаница, общіе крики, толкотня и ругань охватываютъ эту живую толпу. Кажется, что на долгое время останется эта сутолока безъ полицейскаго назиданія и даже перейдетъ въ общую свалку. Ничуть не бывало. Поражаешься, какъ эта, повидимому, анархическая, китайская тысячная толпа, прогалдѣвъ на разные голоса очень короткое время, сама, по взаимному соглашенію, сознавая права и нужды каждаго, вдругъ смолкаетъ, расходится по сторонамъ и каждый выходитъ на свою дорогу, каждый идетъ своимъ чередомъ, не обращая уже никакого вниманія на постороннихъ, пока опять не встрѣтится по пути общее какое-либо дѣло всѣхъ касающееся, которое будетъ такъ же быстро и мирно разобрано и улажено. Въ китайской народной толпѣ, предоставленной безусловно только самой себѣ, поражаетъ тотъ тактъ, то сознаніе необходимости взаимнаго самоподчиненія и уступокъ, которые ей присущи, и которые поддерживаютъ въ китайской жизни достойный подражанія порядокъ.

Похоронныя процессіи всегда выходятъ изъ дома утромъ между 6—7 часами. Процессію открываетъ въ красномъ плащѣ и въ красномъ остроконечномъ на головѣ колпакѣ особый церемоніймейстеръ, который время отъ времени ударяетъ въ мѣдный гонгъ, давая тѣмъ знакъ, что процессія должна шествовать не останавливаясь. Таковыхъ распорядителей, или какъ ихъ называютъ, «да-лоба», т.-е. ударяющихъ въ гонги, при большой процессіи нѣсколько человѣкъ. За первымъ «да-лоба» слѣдуютъ люди попарно, идущіе каждый по сторонѣ дороги и несущіе различные символы и предметы, относящіеся къ покойному. Въ числѣ этихъ предметовъ на высокихъ древкахъ несутъ четыре свернутыхъ знамени—фань. Назначеніе этихъ знаменъ весьма важное: душа покойнаго, которая сопровождаетъ тѣло отдѣльно, можетъ съ высоты этихъ знаменъ наблюдать за ходомъ гроба, въ которомъ находится ея бывшее тѣло. Затѣмъ слѣдуютъ попарно четыре красныхъ расшитыхъ драконами зонта, которые имѣютъ только значеніе почета и украшенія процессіи.

За зонтами—«сань»—слѣдуютъ аршинныя деревянныя красныя доски съ

черными на нихъ іероглифами. Этихъ досокъ—«пай»—восемь; на нихъ обозначено званіе, фамилія, должность, чинъ, награды и другія служебныя преимущества, которыя имѣлъ при жизни покойный.

За досками слѣдуютъ опять восемь высокихъ вызолоченныхъ древковъ, оканчивающихся изображеніемъ топоровъ, копій, сабель, сжатой въ кулакъ руки,—все это имѣетъ назначеніемъ устрашать демоновъ, носящихся въ воздухѣ, чтобы они не препятствовали шествію души умершаго. Тутъ же около идетъ человѣкъ съ бѣлой доской на плечѣ, на которой черными іероглифами написанъ адресъ той лавки, которая устроиваетъ похоронныя процессіи. Реклама сопутствуетъ процессіи? За золотыми вещами—«цинь-чжи-ши» несутъ двѣ деревянныхъ квадратныхъ доски съ надписью: «всѣ прохожіе да окажутъ почтеніе покойному». За досками слѣдуетъ человѣкъ, несущій металлическую раму, къ которой подвѣшены девять мѣдныхъ чашечекъ, въ края которыхъ онъ ударяетъ тонкой палочкой и извлекаетъ довольно гармоническіе звуки. Этотъ инструментъ такъ и называется «девять звуковъ».

За нимъ слѣдуютъ музыканты съ длинными трубами, особаго устройства. Изъ этихъ трубъ—«лаба»—извлекается одинъ громкій и длительный звукъ.

Трубы эти громоздки и несутъ ихъ по-двое: одинъ человѣкъ за конецъ, а другой дуетъ въ отверстіе трубы. За большими трубами слѣдуютъ маленькія трубы и барабаны «да-гуда». Время отъ времени въ барабаны ударяютъ палками. За барабанами несутъ большіе, загнутые на подобіе листа, картонные вѣера, непремѣнно зеленаго цвѣта. На этихъ вѣерахъ «шань» написано имя и званіе покойнаго. За вѣерами несутъ носилки покойника. Носилки въ похоронной процессіи имѣютъ тоже значеніе, что и знамена. Душа покойнаго, летающая вблизи шествія, въ случаѣ усталости можетъ сѣсть и отдохнуть.

За носилками слѣдуютъ музыканты. Чѣмъ похороны пышнѣе, тѣмъ и музыка нѣжнѣе. Музыканты имѣютъ только нѣсколько флейтъ и свирѣлей. Похоронная мелодія очень гармоничная, нѣжная. Музыкантовъ сопровождаютъ восемь плакальщиковъ въ бѣлыхъ траурныхъ одеждахъ. Они по знаку своего старшаго произносятъ тягучій полугромкій звукъ, какъ бы протяжный вздохъ. На поясницѣ у нихъ прикрѣплены маленькіе барабаны, въ которыя слѣдующіе за ними одновременно производятъ негромкій ударъ. Плакальщики носятъ названіе «нао-санъ-гу», т.-е. производящіе траурный шумъ, что дѣйствительно вѣрно опредѣляетъ ихъ участіе въ процессіи, такъ какъ на самомъ дѣлѣ они не плачутъ.

За ними слѣдуютъ уже въ полномъ траурѣ старшіе родственники, т.-е. сынъ покойнаго, братья сопутствуемые жрецами. Сынъ, весь въ бѣломъ, идетъ опираясь на посохъ, съ котораго спускается нѣсколько бѣлыхъ полотняныхъ полосъ. За родственниками движется несомый на катафалкѣ гробъ. Издали кажется, что это колышется и какъ бы плыветъ надъ людскими головами глухой улицы, какое-то зданіе.

Гробъ богатаго китайца всегда бываетъ огромныхъ размѣровъ и вѣситъ не менѣе 30 пудовъ, но часто гораздо болѣе.

Гробъ ставится на особыя носилки, составляемыя изъ круглыхъ и крупныхъ красныхъ брусьевъ, связываемыхъ другъ съ другомъ красными толстыми жгутами. Къ этимъ основнымъ брусьямъ присоединяются спереди и сзади другіе меньшіе брусья.

Надъ основными брусьями воздвигается обширный балдахинъ, который весь закрывается богато вышитыми золотомъ, серебромъ и шелками завѣсами съ изображеніемъ на нихъ драконовъ и миѳическихъ птицъ. Вышивки бываютъ или чернаго цвѣта, или синяго, или краснаго.

Когда гробъ установленъ подъ балдахинъ, то носильщики въ количествѣ 84 человѣкъ, какъ это опредѣлено для важныхъ мандариновъ, поднимаютъ носилки на плечи и шествіе получаетъ движеніе.

Похоронное шествіе въ Китаѣ представляетъ собою весьма внушительную и красивую картину. Въ богатомъ похоронномъ шествіи участвуетъ не менѣе 300—400 человѣкъ и само шествіе растягивается на протяженіи двухъ-трехъ верстъ.

Особенно красивымъ и внушительнымъ кажется медленное движеніе катафалка надъ людской толпой. Кажется, что катафалкъ плыветъ среди людского моря, покачиваясь изъ стороны въ сторону на его волнахъ. За уличнымъ движеніемъ не видны люди, сгибающіеся подъ тяжестью ноши.

Катафалкъ часто останавливается, такъ какъ люди перемѣняются; иногда съ большимъ трудомъ выносятъ гробъ, если по дорогѣ попадается рытвина, или когда дорога бываетъ тяжела послѣ дождя и ноги скользятъ въ глубокой грязи. Около носильщиковъ идутъ нѣсколько человѣкъ, имѣющихъ въ рукахъ палочки и время отъ времени ударяющихъ ими одна объ другую. Этотъ стукъ въ палочки напоминаетъ носильщикамъ, что надо идти въ ногу, иначе гробъ начинаетъ сильно раскачиваться изъ стороны въ сторону.

Если мы будемъ смотрѣть на похоронную процессію въ Китаѣ издали, то она представится красивой, внушительной и живописной по разнообразію участвующихъ группъ, но если мы подойдемъ и посмотримъ на участниковъ въ церемоніи вблизи, то глазамъ представится дѣйствительность очень непривлекательная.

Участниковъ въ церемоніи лавки похоронныхъ процессій каждый разъ набираютъ изъ многочисленныхъ пекинскихъ нищихъ, которымъ выдаютъ на руки вмѣстѣ съ похоронными эмблемами и символами и похоронное верхнее одѣяніе, состоящее изъ зеленаго цвѣта куртки съ рукавами и черной войлочной шляпы, съ краснымъ султаномъ изъ перьевъ на верхушкѣ.

Взятые съ улицы нищіе въ своихъ грязныхъ отрепьяхъ изъ-подъ верхней одежды, босые, съ запачканными лицами и руками, представляютъ изъ себя жалкую толпу, часто съ смѣшными отдѣльными типами.

Среди высокаго роста, которому одѣяніе коротко и не покрываетъ ихъ нищенскаго отрепья, попадаются мальчуганы, у которыхъ одѣяніе это или волочится по землѣ, или подоткнуто и подпоясано грязной веревкой. Шествіе не соблюдаетъ ни порядка, ни благопристойности, отвѣчающихъ торжественности событія. Случайные участники въ процессіи идутъ какъ имъ вздумается, дер-

жатъ символы и эмблемы кое-какъ, пересмѣиваются, переругиваются, болтаютъ другъ съ другомъ, курятъ свои трубочки. Въ общемъ, получается впечатлѣніе, что эти бродяги и нищіе очень счастливы тѣмъ, что получатъ за свое участіе въ процессіи нѣсколько копеекъ денегъ и по чашкѣ реису, чтобы утолить свой голодъ. Когда процессія подходитъ къ городскимъ воротамъ, то гробъ пріостанавливается. Передъ нимъ разстилаются на землѣ коврики, жрецы читаютъ молитву, а родные совершаютъ поклоненіе. Особо сопутствующіе участники процессіи бросаютъ въ воздухъ бѣлые кружки бумаги, которые въ данномъ случаѣ изображаютъ собою деньги и должны служить умилостивленіемъ духовъ, охранителей воротъ, чтобы они не препятствовали проходу души въ обитель смерти.

За гробомъ тянется рядъ траурныхъ бѣлыхъ телѣгъ, въ которыхъ помѣщаются женщины и дѣти. Рѣдко, рѣдко, когда можно бываетъ прочесть на лицахъ женщинъ живое выраженіе горя, но обычно раскрашенныя лица живыхъ куколъ ничего не выражаютъ.

За телѣгами родныхъ слѣдуютъ телѣги прислугъ, которые везутъ связки бумажныхъ золотыхъ и серебрянныхъ денегъ, долженствующихъ служить для жертвеннаго сожиганія на могилѣ, а иногда сдѣланныя изъ бумаги и тростника вещи, каковы павильончики, кресла, которыя необходимы покойному въ дальнѣйшемъ странствованіи души и которыя также сожигаются на могилѣ.

Похоронныя процессіи именитыхъ китайцевъ рѣзко отличаются отъ похоронныхъ процессій именитыхъ манчжуровъ, удержавшихъ многія особенности своей прежней кочевой жизни.

У манчжуровъ похоронное шествіе открывается большимъ флагомъ, несомымъ на высокомъ древкѣ. Этотъ флагъ—«путь жизни»—долженъ служить указателемъ, что покойный отправился въ путешествіе. Затѣмъ слѣдуютъ попарно верблюды съ навьюченными на нихъ палатками, что, подтверждая путешествіе, указываетъ, что покойный велъ кочевой образъ жизни. За верблюдами слѣдуетъ табунъ лошадей и отрядъ всадниковъ, что указываетъ, что покойный—богатый и владѣтельный человѣкъ, имѣющій слугъ и воиновъ.

За отрядомъ всадниковъ слѣдуетъ охота, которую ведетъ особый охотничій, держа на сворѣ собакъ, а другой несетъ на рукѣ ручнаго сокола. Участіе въ процессіи охоты указываетъ, что покойный занимался охотой и, уничтожая дикихъ и вредныхъ звѣрей, приносилъ пользу своему народу, а охотясь на птицъ и мирныхъ животныхъ, принадлежалъ къ владѣтельному роду. Занятіе охотой у манчжура считается не только почетнымъ, но и обязательнымъ для каждаго владѣтельнаго князя. За охотой слѣдуетъ снова отрядъ всадниковъ, указывающій, что покойный имѣетъ тѣлохранителей и дружинниковъ.

Вслѣдъ за этими атрибутами князя или владѣтельнаго родовитаго манчжура слѣдуютъ тѣ же самые символы и эмблемы, что и у китайцевъ, но среди китайскихъ символовъ появляются указанія и на манчжурскій бытовой укладъ жизни.

Въ процессіи несутъ искуссно сдѣланныхъ изъ травы и сосновыхъ вѣтвей

изображенія тигровъ, оленей, птицъ, а изъ раскрашенной бумаги и тростника очень правдиво воспроизводенныхъ куколъ-слугъ, мужчинъ и женщинъ. Всѣ эти слуги необходимы покойному въ его путешествіи, а потому и сожигаются на его могилѣ и переходятъ вмѣстѣ съ нимъ въ царство тѣней.

По пути шествія процессіи устраиваются палатки, въ которыхъ на столахъ разставлены различныя явства, фрукты, бумажныя серебряныя и золотыя деньги, а вдоль стѣнъ поставлены изъ дерева сдѣланныя сабли, копья, сѣкиры.

Путь далекъ, и душа покойнаго можетъ подкрѣпиться и запастись всѣмъ, что необходимо, если бы оказался въ чемъ недочетъ.

Нѣкоторая особенность встрѣчается у манчжура и въ одеждѣ родныхъ. Старшій сынъ или старшій въ родѣ идетъ, опираясь на высокій посохъ, а на плечо ему накинута бѣлая баранья шкура. Эта особенность указываетъ опять-таки на принадлежность покойнаго къ кочевникамъ-скотоводамъ.

Вмѣстѣ съ родственниками идутъ и жрецы, причемъ въ похоронныхъ процессіяхъ участвуютъ одинаково и жрецы-буддисты и жрецы-даосы. Даосы особенно славятся своимъ умѣньемъ облегчить душѣ хожденіе по мытарствамъ и помочь ей миновать тяжелое пребываніе въ чистилищѣ.

За гробомъ въ манчжурской похоронной процессіи ведутъ осѣдланнаго коня покойнаго.

Такимъ образомъ похоронная процессія манчжура-покойника выдѣляется болѣе яркими и жизненными бытовыми чертами. Манчжуры, завоеватели Китая переняли очень многое изъ духовной и религіозной жизни побѣжденнаго ими народа, но въ похоронныхъ процессіяхъ и домашней своей бытовой жизни сохраняютъ еще и до сихъ поръ многіе обычаи и преданія старины.

Что касается вѣрованій китайцевъ относительно души, то они убѣждены, что каждый человѣкъ обладаетъ самью животными чувствами, которыя умираютъ вмѣстѣ съ тѣломъ и тремя душами, которыя не умираютъ съ тѣломъ, а одна душа удаляется въ миѳическій рай, гдѣ ожидаетъ приговора суда, назначающаго ей мѣстопребываніе, другая душа остается жить на землѣ, поселяясь въ приготовленную для нея родными табличку и остается въ этой табличкѣ въ родномъ домѣ. Поставленная на домашнемъ алтарѣ душа каждаго предка и составляетъ культъ почитанія предковъ для всего китайскаго народа, совершающаго поклоненія, жертвоприношенія и почитаніе этихъ табличекъ. Третья душа сопутствуетъ тѣлу и уходитъ съ нимъ жить вмѣстѣ въ могилу.

Обрядность, которая строго выполняется при смерти, и забота о выборѣ могилы для погребенія, составляютъ въ жизни китайскаго народа одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей въ отношеніи своихъ предковъ.

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ, 29 мая 1903 г.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

О «сущности» жизни *).

(*Окончаніе* **).

Наука есть систематизація опыта человѣчества; въ одной изъ своихъ статей я назвалъ ее даже «типовой» фотографіей человѣчества, подобной типовымъ фотографіямъ банкировъ, журналистовъ, художниковъ, различныхъ національныхъ типовъ и т. д.

Но не все, чѣмъ занимаются ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, нужно считать наукой: многія отдѣльныя черты исчезаютъ въ типовой фотографіи. Часто нельзя предвидѣть, какія научныя работы явятся необходимыми для построенія науки, для символизаціи опытнаго матеріала, какія же, наоборотъ, останутся навѣкъ неиспользованными и сгніютъ въ библіотечныхъ шкафахъ, но есть вопросы, относительно которыхъ, по моему мнѣнію, можно сдѣлать вполнѣ точное предсказаніе—это всѣ вопросы о такъ называемыхъ «сущностяхъ».

Въ настоящее время и въ Западной Европѣ, и въ Россіи, съ обычнымъ для нея запозданіемъ, для нѣкоторой части общества характеренъ поворотъ къ метафизикѣ, къ «идализму», къ различнаго рода «сущностямъ» и «абсолютамъ».

Наука находится подъ могучимъ давленіемъ запросовъ жизни, и всѣ, даже кратковременныя, настроенія сказываются на представителяхъ науки, но далеко не все изъ этого преходящаго войдетъ въ нее, а только полезное для созданія новыхъ болѣе общихъ и болѣе экономныхъ символовъ. Поэтому нечего бояться за поврежденіе науки подобными воинами «не отъ міра сего»—они отпадутъ отъ нея, какъ отпадаютъ различныя индивидуальныя уродливости въ типовой фотографіи,—но все же жаль потеряннаго времени и силъ—ихъ не воротишь.

Особенно жаль, мнѣ по крайней мѣрѣ, когда эти воины вторгаются въ естествознаніе. За послѣдніе 10—15 лѣтъ сильно страдаетъ отъ подобнаго вторженія біологія: вопросъ о «сущности жизни» сталъ теперь моднымъ.

Я не намѣренъ здѣсь давать полной картины этого вопроса, а хочу остановиться только на наиболѣе рѣзкихъ и характерныхъ мнѣніяхъ и гипотезахъ.

---

*) „Наука и жизнь". „М. В.", 1902, февраль

**) См. „Міръ Божій" № 7, 1903 г.

Исходнымъ пунктомъ, для сравненія мы возьмемъ воззрѣнія Клодъ-Бернара, развитыя имъ лѣтъ 25 тому назадъ. Знаменитый физіологъ опирается на еще болѣе знаменитаго своего соотечественника—Паскаля. Какъ извѣстно, Паскаль утверждаетъ, что научный методъ не употребляетъ никакого термина, смыслъ котораго не былъ бы предварительно точно объясненъ. Этотъ методъ состоитъ въ томъ, чтобы все опредѣлять, все доказывать; но вслѣдъ за этимъ самъ же Паскаль замѣчаетъ, что это невозможно. Истинное опредѣленіе, говоритъ онъ, въ дѣйствительности—не что иное, какъ словесное опредѣленіе, опредѣленіе посредствомъ словъ или названій, т.-е. приданіе имени или названія предметамъ, созданнымъ умомъ, съ цѣлью сократить рѣчь. Соотвѣтственно этому, и Клодъ Бернаръ полагаетъ, что «въ естествознаніи нельзя ничего опредѣлить; всякая попытка опредѣленія выражаетъ только простую гипотезу. Мы узнаемъ предметы только постепенно, съ разныхъ точекъ зрѣнія; не въ началѣ науки мы получаемъ полное, цѣльное познаніе о предметѣ, какое необходимо для опредѣленія его, но въ концѣ ея, какъ конечный и недостижимый идеалъ изученія... Методъ, состоящій въ томъ, чтобы сначала давать опредѣленія и потомъ все выводить изъ опредѣленій, можетъ быть пригоденъ только для теоретическихъ и отвлеченныхъ наукъ, но онъ противенъ самому духу опытныхъ наукъ... Вотъ почему нельзя опредѣлить жизни и въ физіологіи. Когда говорятъ о жизни, то всякій безъ труда понимаетъ, о какомъ предметѣ идетъ рѣчь, и этого достаточно, чтобы оправдать употребленіе термина, не подающаго повода къ двусмысленностямъ и недоразумѣніямъ... Достаточно только согласиться насчетъ слова жизнь, чтобы потомъ употреблять его; но необходимо при этомъ помнить, что искать безусловнаго опредѣленія—это иллюзія, противная самому духу науки. Мы должны стремиться только къ тому, чтобы установить признаки предмета и распредѣлить ихъ въ естественномъ порядкѣ ихъ подчиненности».

И потому Клодъ Бернаръ стремится охарактеризовать живыя существа только отношеніемъ ихъ къ неживымъ и устанавливаетъ слѣдующія характеристическіе признаки живыхъ существъ: организація, воспроизведеніе, питаніе, развитіе (эволюція), старость, болѣзнь, смерть.

Организація, по мнѣнію знаменитаго физіолога, есть результатъ смѣси сложныхъ веществъ, реагирующихъ другъ на друга; свойства, присущія живой матеріи, зависятъ отъ группировки этихъ веществъ, особенной и весьма сложной, но подчиненной общимъ химическимъ законамъ группировки матеріи.

Столь же безусловно характерной для живыхъ организмовъ является ихъ способность *воспроизведенія:* всякій организмъ происходитъ отъ родителей и въ извѣстный моментъ становится способнымъ въ свою очередь сдѣлаться родителемъ.

Но можетъ быть самой замѣчательной чертой живыхъ существъ, а слѣдовательно и жизни, является *развитіе*: живое существо рождается, растетъ, склоняется къ упадку и умираетъ; оно находится въ состояніи постояннаго измѣненія; оно подвержено смерти; оно выходитъ изъ зародыша, изъ яйца или изъ сѣмени, развивается, дифференцируясь, образуетъ органы и, въ концѣ концовъ, разрушается. Вещество же минеральное остается неизмѣннымъ и невредимымъ во все время, пока остаются неизмѣнными внѣшнія условія. Смерти, по мнѣнію

Клода Бернара, подчиненъ всякій живой индивидумъ, который посредствомъ смерти возвращается въ минеральный міръ; кромѣ того, онъ подверженъ болѣзни и способенъ къ выздоровленію.

Наконецъ, *питаніе* является отличительной существенной чертой живого существа, наиболѣе постоянной и всеобщей: одного питанія, говоритъ Клодъ Бернаръ, достаточно для характеристики жизни. Питаніе есть непрерывная смѣна частичекъ, изъ которыхъ состоитъ живое существо. Организмъ есть мѣсто постояннаго движенія, не оставляющаго въ покоѣ ни одной его части, каждая изъ нихъ безъ перерыва и остановки питается въ окружающей ее средѣ, въ которую отдаетъ свои отбросы и продукты. Благодаря этому невидимому, непрерывному току веществъ, проходящему черезъ организмъ, составъ его обновляется, но форма остается и не измѣняется.

Мы видѣли при изложеніи книги И. Мечникова, что въ настоящее время далеко не всѣ ученые считаютъ смерть признакомъ всѣхъ живыхъ организмовъ. Да и, дѣйствительно, въ понятіи о смерти слишкомъ много еще антропоморфизма, чтобы его съ пользой можно было прилагать ко всѣмъ, даже одноклѣточнымъ организмамъ.

Вообще, въ живомъ существѣ Клодъ Бернаръ выдѣляетъ два порядка явленій: 1) *явленія жизненнаго созиданія или организующаго синтеза* и 2) *явленія смерти или органическаго разрушенія*. Въ неорганической матеріи ничто не теряется и ничто не творится, въ живыхъ же существахъ все творится, организуется и все умираетъ, разрушается; первый изъ этихъ двухъ порядковъ явленій — синтезъ, сопровождающійся развитіемъ, единственный въ своемъ родѣ, *не имѣющій аналогій*, въ немъ и заключается настоящая жизненность; жизнь, по Клоду Бернару, есть *твореніе или созиданіе*. «Второй же порядокъ—жизненное разрушеніе, если его разсматривать съ физико-химической стороны, бываетъ весьма часто результатомъ горѣнія, броженія, гніенія, словомъ, такого дѣйствія, которое можетъ быть сравнено съ большимъ числомъ химическихъ фактовъ разложенія или раздвоенія. Когда эти явленія созерцаются въ организованномъ существѣ, то это—явленія *смерти*». Мы не можемъ непосредственно наблюдать явленій жизни; только ученый, слѣдя за развитіемъ живого элемента или существа, схватываетъ измѣненія и фазы, раскрывающія передъ нимъ глухую работу организующаго синтеза; на оборотъ, явленія жизненнаго разрушенія или смерти бросается намъ въ глаза, и мы часто бываемъ жертвой иллюзіи, когда, желая характеризовать явленія жизни, указываемъ на явленія смерти. Біологія должна стремиться только къ тому, чтобы опредѣлить условія и обстоятельства этихъ двухъ порядковъ явленій—организаціи и дезорганизаціи.

Если бы явленія жизни, задаетъ вопросъ Клодъ Бернаръ, управлялись «внутреннимъ, независимымъ жизненнымъ принципомъ», то чѣмъ обусловливался бы тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ живыхъ существъ жизнь энергичнѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою, сильнѣе въ присутствіи кислорода, чѣмъ въ его отсутствіи, болѣе дѣятельна въ водной, чѣмъ въ сухой средѣ. Этого внутренняго принципа нельзя уловить, нельзя уединить или дѣйствовать на него.

Напротивъ, необходимымъ условіемъ жизненныхъ актовъ служатъ всегда физико-химическія обстоятельства, совершенно опредѣленныя и способныя или вызвать проявленія жизни, или помѣшать имъ. Жизнь не есть проявленіе единственно чего-то внутренняго въ организмѣ, но и не есть дѣйствіе однихъ только внѣшнихъ физико-химическихъ условій, поэтому ее нельзя характеризовать исключительно ни воззрѣніемъ виталистическимъ ни матеріалистическимъ.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія слова Клода Бернара: они писаны какъ будто сегодня, а не 25 лѣтъ тому назадъ. «Стремленіе, которое, повидимому, оживаетъ въ наше время и направляется къ тому, чтобы впутывать въ физіологію вопросы телеологическіе и философскіе и искать ихъ воображаемаго примиренія съ нею, есть, по моему мнѣнію, стремленіе безплодное и гибельное, потому что оно спутываетъ вмѣстѣ умъ и чувство и смѣшиваетъ то, что познается и принимается безъ физическаго доказательства, съ тѣмъ, что нужно принимать только экспериментально и послѣ полнаго доказательства. И, дѣйствительно, спиритуалистомъ или матеріалистомъ можно быть только по чувству, между тѣмъ какъ физіологомъ можно быть только путемъ научнаго доказательства».

Не правда ли 25 лѣтъ очень небольшой промежутокъ времени въ области научной мысли! Но пойдемъ дальше за Клодомъ Бернаромъ.

«Жизненная сила», говоритъ онъ, не можетъ ничего произвести сама по себѣ, потому что она можетъ дѣйствовать, только пользуясь общею дѣятельностью силъ природы, и сама не способна обнаруживаться внѣ ея, но, съ другой стороны, и одни физико-химическія условія не могли бы сгруппировать и привести въ гармонію явленія въ томъ порядкѣ и въ той послѣдовательности, въ какой они обнаруживаются въ живыхъ существахъ. «Жизненная сила» представляется Клоду Бернару въ видѣ *«направляющей силы»*. Въ одушевленныхъ тѣлахъ существуетъ такое устройство, такой *порядокъ*, который нельзя упускать изъ виду, потому что онъ, дѣйствительно, составляетъ самую выдающуюся черту живыхъ существъ. Конечно, жизненныя явленія имѣютъ свои строго опредѣленныя жизненныя физико-химическія условія, но въ то же время они подчиняются другъ другу и слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстной связи и по извѣстному закону, опредѣленному напередъ: они повторяются вѣчно въ порядкѣ, съ правильностью, постоянствомъ и съ гармоніей между собой, направляясь къ одному результату, который есть организація и возрастаніе идивида. Этотъ *предустановленный жизненный порядокъ является основнымъ характернымъ признакомъ всякаго живого существа*. Наблюденіе, говоритъ Клодъ Бернаръ, указываетъ намъ на органическій планъ, но не на дѣятельное вмѣшательство жизненной силы. «Жизненная сила управляетъ явленіями, которыхъ она не производитъ, а физическіе агенты производятъ явленія, которыми они не управляютъ». Но именно вслѣдствіе этого, когда физіологъ захочетъ узнать, вызвать явленія жизни, дѣйствовать на нихъ, видоизмѣнять ихъ, тогда ему нужно обращаться не къ жизненной силѣ, *къ этой неуловимой сущности*, но къ единственно доступнымъ намъ физическимъ и химическимъ условіямъ, которыя вызываютъ жизненныя проявленія и управляютъ

сю. Мы можемъ, утверждаетъ знаменитый физіологъ, знать только матеріальныя условія, а не внутреннюю природу явленій жизни, и намъ приходится имѣть дѣло только съ матеріей, а не съ первыми причинами, не съ направляющей жизненной силой, которая зависитъ отъ нихъ. Эти причины для насъ недоступны. «Жизненная сила, жизнь принадлежитъ міру метафизическому; выраженія эти есть необходимость ума, мы можемъ пользоваться ими только субъективно. Нашъ умъ схватываетъ единство, связь и гармонію явленій и считаетъ ихъ выраженіемъ силы; но было бы большою ошибкою думать, что эта метафизическая сила дѣятельна. То же самое примѣнимо, впрочемъ, и къ тѣмъ отвлеченіямъ, которыя мы называемъ физическими силами; было бы чистой иллюзіей пытаться сдѣлать что-нибудь посредствомъ ихъ. Это необходимыя метафизическія воззрѣнія, но не выходящія изъ умственной области, въ которой они возникли, и не дѣйствующія на явленія, которыя дали уму поводъ составить ихъ».

Итакъ, говоритъ Клодъ Бернаръ, перефразируя слова Лейбница: «*Все въ живомъ тѣлѣ совершается такъ, какъ если бы живой силы не существовало*». Физическія силы столь же темны и недоступны для опыта, какъ и жизненная сила. Мы можемъ дѣйствовать не на эти сущности, но только на физическія или химическія условія, вызывающія то или другое явленіе. Словомъ, цѣль всякой науки о природѣ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить детерминизмъ (причинность) явленій. «Детерминизмъ физіологическій состоитъ въ признаніи того принципа, что всякое жизненное явленіе, также какъ и всякое явленіе физическое, неизмѣнно опредѣляется физико-химическими условіями, которыя вызываютъ его или препятствуютъ его обнаруженію и такимъ образомъ бываютъ его условіями или матеріальными непосредственными и ближайшими его причинами. Совокупность опредѣляющихъ условій какого-нибудь явленія необходимо вызываетъ собою это явленіе. Вотъ чѣмъ нужно замѣнить прежнее темное, спиритуалистическое или матеріалистическое понятіе о причинѣ». Жизнь не болѣе и не менѣе темна, чѣмъ всѣ другія первыя причины; можно и нужно искать и изслѣдовать только условія жизни.

Такимъ образомъ, уже Клодъ Бернаръ ясно понималъ метафизическій характеръ понятій о «жизненной силѣ», «жизненномъ принципѣ», «сущности жизни» и ненужность этихъ сущностей для естествоиспытателя, но въ то же время знаменитый біологъ утверждалъ, что и механистическое, или вѣрнѣе, физико-химическое объясненіе жизненныхъ явленій, доведенное до конца и якобы охватывающее всю совокупность этихъ явленій, столь же метафизично и неправильно.

Здѣсь нужно подчеркнуть слѣдующее различіе этихъ двухъ направленій. До извѣстныхъ предѣловъ физико-химическое объясненіе жизненныхъ явленій есть не только удобная, но даже единственная рабочая гипотеза: благодаря ей, часть ихъ, покрайней мѣрѣ, связывается цѣпью общихъ символовъ съ явленіями неорганизованной природы; виталистическая же гипотеза, въ какой бы формѣ она ни являлась, въ видѣ ли «біогеновъ» Ферворна, «доминантъ» Рейнеке или «жизненной силы» старыхъ виталистовъ—безразлично—можетъ быть только объектомъ философскихъ споровъ, но быть рабочей гипотезой, служить

путеводной связующей нитью при опытной работѣ не можетъ: въ ней не къ чему прицѣпиться, въ ней не на что опереться, она виситъ на воздухѣ.

Но съ другой стороны неоспоримой заслугой представителей витализма является выясненіе и неустанная пропаганда такого, казалось бы, уже совершенно яснаго со времени Клода Бернара и Спенсера положенія, что жизненныя явленія—явленія специфическія, которыхъ нельзя свести къ однимъ физико-химическимъ. Насколько намъ помнится, первымъ въ защиту этого основного положенія неовитализма выступилъ *Бунге въ* 1886 г.

Бунге оспариваетъ «механистовъ», утверждающихъ что въ живыхъ существахъ нѣтъ никакихъ другихъ дѣятельныхъ факторовъ, кромѣ тѣхъ силъ и веществъ, которыя принимались до сихъ поръ для объясненія безжизненной природы. Что мы въ живыхъ существахъ ничего другого не познаемъ, зависитъ, говоритъ онъ, только отъ того, что для наблюденія живой и неживой природы мы пользуемся одними и тѣми же органами чувствъ, не воспринимающими ничего другого, кромѣ ограниченнаго круга явленій движенія. Но, по мнѣнію Бунге, для наблюденія живой природы у насъ однимъ чувствомъ больше: это внутреннее чувство для наблюденія состояній и процессовъ нашего собственнаго сознанія, которые не могутъ быть сведены къ процесамъ движенія, потому что далеко не всѣ расположены пространственно. Въ пространствѣ расположено только то, что входитъ въ наше сознаніе черезъ ворота зрѣнія, осязанія и мускульнаго чувства. Всѣ остальныя чувственныя воспріятія, чувств а эффекты, побужденія и необозримый рядъ представленій никогда не группируются въ пространствѣ, а только во времени. О механизмѣ здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи. Въ противоположность механистамъ, Бунге утверждаетъ что чѣмъ подробнѣе, многостороннѣе, основательнѣе изслѣдуемъ мы жизненныя явленія, тѣмъ болѣе приходимъ къ убѣжденію, что даже процессы, въ возможности объясненія которыхъ съ физической и химической точки зрѣнія мы уже были увѣрены, являются по природѣ своей гораздо болѣе запутанными и не допускаютъ пока никакого механическаго объясненія. Таковы напр., по мнѣнію Бунге, явленія поглощенія, всасыванія пищи въ кишечникѣ функціи нѣкоторыхъ железъ, не сводимыя къ законамъ диффузіи и эндосмоса, вообще въ физіологіи обмѣна веществъ, да и въ остальныхъ отдѣлахъ физіологіи не удалось свести жизненныя явленія цѣликомъ на физическіе и химическіе законы; отъ объясненія мускульныхъ и нервныхъ функцій процессами электрическими въ настоящее время мы стоимъ, повидимому, болѣе далеко, чѣмъ раньше. Правда, глазъ есть физическій снарядъ, но какъ и почему произошелъ этотъ сложный органъ, не поддается физическому объясненію; то же относится ко всѣмъ главамъ физіологіи. Кровь слѣдуетъ законамъ гидростатики, процессы дыхательнаго газоваго обмѣна, вѣроятно, удастся свести къ законамъ аэродинамики, диффузіи и поглощенія, но какъ произошли легкія, какъ они сохраняются, какъ приводятся въ движеніе,—это не объяснимо механистически. Вообще, вывертывая опредѣленіе жизни, такъ сказать, на изнанку, Бунге утверждаетъ, что всѣ процессы нашего организма, поддающіеся механическому объясненію, настолько же мало представляютъ жиз-

нонныя явленія, какъ и движеніе листьевъ и вѣтвей дерева, колеблемаго вѣтромъ. Загадка жизни кроется въ *активности*, понятіе же о послѣдней мы почерпнули не изъ чувственныхъ воспріятій, а изъ самонаблюденій и перенесли только на объекты нашихъ чувственныхъ воспріятій—на органы, на элементы тканей, на каждую маленькую клѣтку. Не только физика и химія, но и анатомія и гистологія не подвинутъ насъ къ рѣшенію загадки жизни. Ибо когда съ помощью микроскопа и скальпеля мы разлагаемъ организмы на послѣдніе элементы, когда передъ нами находятся, наконецъ, простѣйшія клѣтки, величайшая загадка остается еще впереди: простѣйшая клѣтка, безформенная, безструктурная, микроскопическая капля протоплазмы все же обнаруживаетъ всѣ существенныя жизненныя функціи—питаніе, ростъ, размноженіе, движеніе, чувствительность—даже такія функціи, которыя, по меньшей мѣрѣ, замѣняютъ собою «чувствилище» (sensorium), душевную жизнь высшаго животнаго.

При посредствѣ сперматозоида—маленькой клѣтки, 500 милліоновъ которыхъ едва занимаютъ пространство въ одну кубическую линію, унаслѣдуются отъ отца сыномъ тѣлесныя и духовныя особенности. Если это, дѣйствительно, чисто механическій процессъ, то какъ безконечно удивительно должно быть строеніе атомовъ, какъ безконечно сложны должны быть разнообразныя движенія этой маленькой клѣтки, и невольно встаетъ вопросъ, какъ это маленькое сооруженіе можетъ быть носителемъ душевныхъ явленій.

До сихъ поръ Бунге говоритъ то же, что и Клодъ Бернаръ, то же, что заключается въ опредѣленіи жизни Спенсера. Онъ только другими словами указываетъ характерные признаки живого: процессъ организаціи и дезорганизаціи размноженія, движенія, чувствительности и т. п. Но стремленіе къ единству и инерція спора ведетъ его дальше и критикъ механизма уступаетъ мѣсто пѣвцу витализма.

Въ мельчайшей клѣткѣ, говоритъ Бунге, передъ нами уже лежатъ всѣ «загадки» жизни, *а въ изслѣдованіи мельчайшей клѣтки съ тѣми вспомогательными средствами (физика, химія и анатомія), которыя имѣются въ настоящее время, мы находимся уже у предѣла* *). Поэтому начало физіологическаго изслѣдованія, по мнѣнію Бунге, должно начинаться съ самаго сложнаго организма, съ человѣческаго, такъ какъ при изслѣдованіи его мы не только руководимся нашими чувствами, но одновременно проникаемъ въ самую сокровенную сущность еще съ другой стороны - посредствомъ самонаблюденія, внутренняго чувства, и такимъ образомъ подаемъ руку проникающей извнѣ физикѣ. Сущность витализма—правильнѣе идеализма—состоитъ въ томъ, что мы исходимъ отъ извѣстнаго—отъ міра внутренняго, чтобы объяснить неизвѣстное—внѣшній міръ. Механизмъ же, который есть нечто иное, какъ матеріализмъ, исходитъ отъ неизвѣстнаго, отъ внѣшняго міра, отъ гипотетическихъ объектовъ чувственныхъ воспріятій, чтобы объяснить извѣстное—міръ внутренній. Гипотезы, на которыя упираются гипотетическое объясненіе природы—атомитическая гипотеза, теорія волнообразныхъ колебаній, механическая тео-

*) Курсивъ нашъ. В. А.

рія теплоты—суть метафизическія спекуляціи, при помощи которыхъ надѣются проникнуть въ сущность вещей, каковы они на самомъ дѣлѣ, въ противоположность тому, каковыми они намъ кажутся. Къ этимъ гипотезамъ можно было придти только путемъ перенесенія извѣстныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ самонаблюденіемъ, въ міръ внѣшній—понятій о пространствѣ, времени, количествѣ, числѣ, силѣ. Механисты подобно раку пятятся задомъ. Они обратно переносятъ на внутреннюю сущность жизненныхъ процессовъ понятія, проэцированныя внѣшнимъ міромъ, и думаютъ объяснить всю полноту, все богатство внутренняго міра упомянутыми уже выше представленіями, незначительными и бѣдными по содержанію. Нѣтъ достаточныхъ основаній вѣрить, что міръ внутренняго чувства, душевная жизнь ограничены отдѣльными частями большого мозга. Откуда является душевная жизнь? Она, вѣдь, унаслѣдуется при посредствѣ простой клѣтки. «И развѣ можно утверждать, — восклицаетъ Бунге, — что душевная жизнь прекращается тамъ, гдѣ нѣтъ больше мозга, гдѣ нельзя доказать существованіе дифференцированной нервной системы—въ одноклѣточныхъ организмахъ. Не будетъ ли скорѣе каждая клѣтка, каждый атомъ одушевленнымъ существомъ, не есть ли вся жизнь—только духовная жизнь?»

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ разборъ философскихъ построеній Бунге, но только подчеркнемъ, что ослѣпленіе своей идеей и преувеличеніе ошибокъ противниковъ заставили ученаго физіолога съ одной стороны утверждать, по меньшей мѣрѣ, неправильное положеніе, что открыты какіе-то новые методы физіологическаго изслѣдованія, не сводящіеся на физику, химію и анатомію, а съ другой—мстить нѣкоторымъ механистамъ, не признающимъ «души» даже у многихъ животныхъ, признаніемъ, хотя и смягченнымъ вопросительнымъ знакомъ, духовной жизни въ атомѣ.

Для насъ представляется особенно интереснымъ, что къ такому же признанію «души» у атомовъ пришелъ, какъ извѣстно, Геккель, а въ новѣйшее время такой послѣдовательный механистъ (вѣрнѣе «физико-химикъ»), какъ *Ле-Дантекъ*. Еще въ 1895 г. этотъ ученый выпустилъ книгу «La matière vivante», въ которой высказывалъ слѣдующія мысли.

Слова жизнь, жить, живой и т. п. созданы, говоритъ Ле-Дантекъ, нашими предками, которые, конечно, подмѣчали кажущуюся независимость актовъ, совершаемыхъ живыми организмами; также подмѣтили они рѣзкій переходъ отъ жизни къ новому состоянію, въ которомъ всякое проявленіе воли уже исчезало, между тѣмъ какъ тѣло организма, казалось, не испытывало никакой физической перемѣны; отсюда и появилось у людей понятіе о *жизни*, какъ элементѣ, способномъ одушевлять нѣкоторыя тѣла. Мертвый организмъ отличается отъ живого потерей жизни точно такъ же, какъ, по теоріи Сталя, тѣло сгорѣвшее отличается потерей флогистона отъ горючаго тѣла, изъ котораго оно происходитъ. Такимъ образомъ, явленія, оказавшіяся сложными въ человѣкѣ, объяснялись при помощи

---

*) Ф. Ле-Дантекъ. Живое вещество. Съ двумя дополнительными статьями „Жизнь и смерть“. Переводъ подъ ред. В. К. Агафонова. Москва.

гипотезъ о жизни и смерти, но затѣмъ эти гипотезы начали примѣняться къ различнымъ явленіямъ, происходящимъ и въ низшихъ организмахъ; но, вѣдь эти послѣднія явленія можно свести къ гораздо болѣе простымъ. Дантекъ предлагаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ объ одноклѣточныхъ организмахъ, употреблять выраженіе: *элементарная жизнь*. Всякій одноклѣточный организмъ—*пластида*—есть опредѣленная масса, имѣющая опредѣленную же, смотря по виду пластиды, форму; пластида отдѣлена отъ окружающаго и составлена изъ веществъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, наружныя нерастворимы. Вещества пластиды при опредѣленныхъ физическихъ условіяхъ, именно, если пластида находится въ водной средѣ, содержащей въ себѣ необходимыя вещества (непремѣнно кислородъ), даютъ рядъ реакцій, слѣдствіемъ чего является количественное увеличеніе всѣхъ пластическихъ веществъ, а также образованіе опредѣленныхъ для каждаго случая, для каждой пластиды, новыхъ веществъ, между которыми необходимо должна быть угольная кислота. Такимъ образомъ, Дантекъ *элементарною жизнью* называетъ свойство нѣкотораго тѣла быть пластидой, а *обнаруженной элементарной жизнью* то дѣятельное состояніе пластиды, когда происходятъ ея синтетическія реакціи; движеніе, присоединеніе, ассимиляція будутъ явленія обнаруженной элементарной жизни. Съ удаленіемъ одного изъ элементовъ, необходимыхъ для элементарной обнаруженной жизни пластиды, возможны два случая: 1) прекращаются всѣ реакціи, наступаетъ химическое безразличіе, скрытая жизнь, 2) реакціи все же продолжаются между веществами, способными къ взаимодѣйствію; происходитъ разрушеніе пластиды, смерть ея. Слѣдовательно, мертвая пластида уже не пластида, и выраженія «мертвая» или «живая» пластида—плеоназмъ: пластида не можетъ быть сразу и пластидой и мертвымъ существомъ.

Иначе говоря, Дантекъ элементарной жизнью называетъ свойство пластиды имѣть опредѣленный химическій составъ, для котораго, въ свою очередь, характерна способность пластиды къ ассимиляціи — основному отправленію живого организма (см. Клодъ Бернаръ). Но вѣдь дѣло то обстоитъ «совсѣмъ наоборотъ»: первичнымъ, неоспоримымъ фактомъ является способность пластиды къ ассимиляціи и весьма гипотетична зависимость ассимиляціи отъ химическаго состава пластиды.

Здѣсь въ погонѣ за физико-химическимъ единствомъ построенія неорганизованныхъ веществъ и организованныхъ существъ, Дантекъ, незамѣтно слову «химическій составъ» придаетъ новое значеніе и нѣкоторые свойства (ассимиляція), характерныя для живыхъ существъ; также попадаетъ онъ въ заколдованный кругъ и благодаря такой операціи, утверждаетъ, что обнаруженная элементарная жизнь, а также и смерть пластиды—явленія, *физико-химическія*; пластиды отличаются отъ неорганизованнаго вещества только способностью ассимиляціи, только это свойство обще всѣмъ пластидамъ; реакція, вызываемая ассимиляціей и есть *обнаруженная элементарная жизнь*—отправленія данной пластиды.

Иначе обстоитъ дѣло у многоклѣточнаго животнаго. Жизнь его, по мнѣнію

Дантека, начинается съ оплодотворенія яйца, только тогда яйцо становится пластидой въ состояніи обнаруженной элементарной жизни; затѣмъ яйцо дѣлится на нѣсколько пластидъ, находящихся въ такомъ же состояніи, но остающихся соединенными другъ съ другомъ, благодаря установленію между ними нервной непрерывности и непрерывности внутренней среды, здѣсь происходятъ, слѣдовательно, двѣ группы реакцій: реакціи между пластидою и средой (физіологическая жизнь, животнаго) и реакція между самими пластидами (психическая жизнь); тѣ и другія реакціи связаны другъ съ другомъ—остановилась физіологическая жизнь останавливается и психическая, и наоборотъ.

Итакъ, высшее животное состоитъ изъ пластидъ, которыя постоянно или время отъ времени находятся въ состояніи обнаруженной элементарной жизни; эти пластиды дѣйствуютъ другъ на друга, вслѣдствіе чего внутренняя среда сохраняетъ способность поддерживать общую обнаруженную жизнь. Слѣдовательно, жизнь высшаго организма въ смыслѣ строенія есть существованіе координаціи между гистологическими элементами, жизнь же, какъ явленіе, есть результатъ совокупности всѣхъ реакцій этихъ элементовъ въ состояніи обнаруженной жизни. Такимъ образомъ, по мнѣнію Дантека, жизнь высшаго организма есть результатъ дѣятельности милліардовъ пластидъ, составляющихъ этотъ организмъ. Жизнь же пластиды есть рядъ химическихъ явленій.

Мы знаемъ, говоритъ Дантекъ, что существуютъ изолированныя пластиды, которыя способны въ этомъ состояніи проявлять всѣ, свойственныя имъ реакціи,—мы говоримъ, что эти пластиды живутъ; но многіе спрашиваютъ: мыслятъ ли и чувствуютъ ли эти пластиды, какъ человѣкъ; но почему же никто никогда не задаетъ вопроса, можетъ ли ткать кусокъ дерева, совершающій движеніе одной изъ составныхъ частей ткацкаго станка? Ни одна изъ составныхъ частей этого станка, взятая въ отдѣльности, не можетъ ткать, это мы хорошо знаемъ; также неосновательно и наивно ожидать, что изолированныя пластиды будутъ мыслить, потому что существо, состоящее изъ миріадовъ этихъ пластидъ, способно къ мышленію.

Вотъ что писалъ Ле-Дантекъ въ 1895 г. и вотъ что пишетъ онъ теперь въ только что появившейся книгѣ «Les limites du connaissable. La vie et les phénomènes naturels». *Всѣ* отправленія человѣка, которыя могутъ подлежать объективному анализу, происходятъ изъ синергетическихъ дѣятельностей... Нашей точкѣ зрѣнія на природу человѣка менѣе всего противорѣчитъ предположеніе, что субъективное явленіе нашего сознанія есть также синтезъ элементарныхъ явленій,—это, конечно, чистая гипотеза, не подлежащая прямому доказательству, но гипотеза, получающая большую вѣроятность, благодаря тому факту, что одинаковыя модификаціи нашего организма, каждый разъ, когда онѣ происходятъ въ сравнимыхъ условіяхъ (что, къ тому же, весьма трудно осуществить болѣе или менѣе совершеннымъ образомъ, вслѣдствіе непрекращающагося измѣненія организма) производятъ на нихъ одни и тѣ же ощущенія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ мысли (я не могу до-

статочно подчеркнуть гипотетичность этого), что матеріальные элементы, изъ которыхъ сложенъ нашъ организмъ, содержатъ уже въ себѣ *элементы сознанія.* Съ каждымъ матеріальнымъ атомомъ неразрывно связанъ атомный разумъ (esprit), который владѣетъ свойствомъ знать перипетіи исторіи этого атома. Въ молекулѣ — кучѣ атомовъ — находится молекулярный—синтезъ атомныхъ, въ человѣкѣ—синтезѣ молекулъ—человѣческій—синтезъ молекулярныхъ. Больше, если мы предположимъ существованіе атомнаго разума, неразрывно связаннаго съ атомомъ,то нужно допустить, что атомъ владѣетъ элементомъ сознанія».

Вотъ къ чему такого механиста, какъ Ле-Дантекъ, привело стремленіе къ физико-химическому единству въ построеніи вселенной; онъ подаетъ руку своему антиподу Бунге.

Это, конечно, совпаденіе траги-комическое, но и вообще можно сказать, что между «механистами» и «неовиталистами» не такая ужъ большая пропасть, какъ-то кажется съ перваго взгляда, и пропасть, къ тому же, не опасная, такъ какъ представитель опытной науки въ своей плодотворной работѣ почти не забирается въ эти философскія дебри.

Ужъ, кажется, на что острый вопросъ о цѣлесообразности, въ концѣ концовъ корень разногласія, но и здѣсь чувствуются ноты примиренія.

Читатель «Міра Божія» помнитъ, можетъ быть, что въ одной изъ нашихъ статей «Наука и жизнь» (февраль 1902 г.) мы передавали воззрѣнія «механиста» *Бючли* на этотъ вопросъ. Хотя Бючли и утверждаетъ, что вопросъ о цѣлесообразности насквозь проникнутъ антропоморфизмомъ и что невозможно считать, напр., цѣль органа мотивомъ его происхожденія и цѣлесообразной дѣятельности, но все же признаетъ, конечно, существованіе цѣлесообразныхъ реакцій организма на раздраженіе.

Вольфъ, *) возражая Бючли, говоритъ, что органическая цѣлесообразность такихъ приборовъ, какъ глазъ, ухо, сердце, почки, не требуетъ доказательствъ; для естествоиспытателя невозможно отрицать цѣлесообразность, онъ долженъ ее констатировать, и если можно—объяснить. Неудовлетворительность механистическаго толкованія заключается, по его мнѣнію, не въ томъ, что оно не отвергаетъ случая, но единственно въ томъ, что предоставляетъ ему руководящую роль въ происхожденіи цѣлесообразнаго. Непонятнымъ является не то, что вообще встрѣчаются случайности, но то, будто однѣ только случайности приводятъ къ возникновенію цѣлесообразныхъ образованій. Не тѣмъ отличается витализмъ отъ механизма, что онъ отказывается отъ казуальнаго (причиннаго) объясненія, но тѣмъ, что онъ для органической цѣлесообразности требуетъ казуальнаго объясненія, тогда какъ механизмъ старается игнорировать это властное требованіе нашего разума.

Вообще говоритъ Вольфъ, очень часто, когда противъ телеологіи выдви-

---

*) *Г. Вольфъ.* Механизмъ и витализмъ. См. „Сущность жизни". Сборникъ статей подъ ред. проф. В. А. Фаусека. Библіотека самообразованія. Изд. Брокгауза-Ефрона.

гаются такъ называемыя нецѣлесообразности, аргументація начинаетъ опираться на неподходящее значеніе словъ «цѣлесообразный и нецѣлесообразный». Указываютъ на неудачный исходъ какой-нибудь реакціи и объявляютъ ее нецѣлесообразной, но для того чтобы процессъ являлся цѣлесообразнымъ въ біологическомъ смыслѣ, т.-е. требовалъ телеологическаго объясненія, вовсе не нужно, чтобы онъ приводилъ къ цѣли, *нужно лишь, чтобы онъ стремился къ цѣли.* Для телеологическаго толкованія успѣхъ, слѣдовательно, вовсе не долженъ приниматься въ разсчетъ, и степень совершенства той или другой функціи для біологическаго обсужденія имѣетъ принципіально второстепенное значеніе.

Уже при одномъ только описаніи біологическихъ фактовъ, утверждаетъ Вольфъ, нельзя обойтись безъ телеологическаго воззрѣнія. Что сталось бы съ физіологіей, если бы она перестала интересоваться цѣлью органовъ. Она рѣшаетъ вопросъ о цѣли и въ томъ случаѣ, когда замѣняетъ это слово выраженіями «функція, работа, физіологическое значеніе». Вѣдь и Бючли допускаетъ цѣлесообразность, когда говоритъ: «Извѣстная сумма цѣлесообразныхъ реакцій—необходимое условіе для длительнаго сохраненія вида». Но доказательство ея необходимости для сохраненія не есть объясненіе ея происхожденія. Никто вѣдь еще не спорилъ противъ того, что естествоиспытатель имѣетъ не только право, но и обязанность прилагать механистическій масштабъ, до тѣхъ поръ, пока это хотя сколько-нибудь возможно, и къ органической природѣ.

Такимъ образомъ, соглашается Вольфъ, въ дѣйствительности разница въ воззрѣніяхъ относится не къ вопросу о существованіи цѣлесообразности, но лишь къ вопросу, какъ слѣдуетъ къ этому факту относиться. Виталистъ и механистъ стоятъ передъ однимъ и тѣмъ же фактомъ. Механистъ говоритъ: онъ можетъ быть объясненъ механистически. Виталистъ говоритъ: до сихъ поръ это никому не удалось, ибо единственная попытка—Дарвина—оказалась настолько неудачною, что большинствомъ біологовъ признается нынѣ ошибочною (?!). Если же дарвинизмъ не вѣренъ, то телеологическое воззрѣніе, которое онъ долженъ былъ устранить, остается въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не появится настоящій «Ньютонъ біологіи» и не разрѣшитъ задачи болѣе счастливо. Вольфъ хлопочетъ только о томъ, чтобы органическая цѣлесообразность была признана «специфической біологической проблемой», но, соглашается, что она «еще недоступна нашему пониманію».

Посмотримъ, какъ оперируютъ съ этой «недоступной нашему пониманію біологической проблемой» болѣе смѣлые виталисты. Блестящимъ примѣромъ такой смѣлости является ботаникъ *Рейнке* въ своей книгѣ «Сущность жизни» *).

Въ организованной природѣ, говоритъ онъ, мы вездѣ видимъ, что въ организаціи воплощено извѣстное назначеніе; цѣлесообразность органовъ растеній и животныхъ очевидна, точно такъ же какъ и въ отдѣльныхъ частяхъ карманныхъ часовъ. Подобно тому какъ въ машинѣ сказывается умъ строителя, такъ

*) См. Сборникъ статей. „Сущность жизни".

и каждому организму присущъ извѣстный мастеръ, который передается по наслѣдству изъ материнскаго организма и строитъ данный организмъ, начиная съ яйца и до полнаго развитія; онъ же регулируетъ запутанныя жизненныя отношенія взрослаго тѣла; но отъ машины организмъ отличается какъ тѣмъ, что матеріалъ, изъ котораго формируются растенія и животныя, обладаетъ извѣстной пластичностью, такъ и тѣмъ, что при постройкѣ машины созидающая сила находится внѣ ея, а въ организмѣ, напротивъ, внутри его—организмъ самъ себя созидаетъ. Сила самосозиданія передается при воспроизведеніи отъ поколѣнія къ поколѣнію и можетъ при этомъ размножиться до невѣроятныхъ размѣровъ, но зато она и уничтожается при смерти организма. Изъ этого слѣдуетъ, что эта образующая сила не подлежитъ закону сохраненія энергіи и не представляетъ изъ себя какого-либо вида энергіи, но оказывается чѣмъ-то инымъ. Эту высшую силу, стоящую надъ энергіей и управляющую ею, Рейнке называетъ *доминантой*. Доминанты не происходятъ отъ энергіи и не превращаются въ нее; это руководители, дающіе направленіе силамъ природы, но безъ послѣднихъ ничего не могущіе создать. Благодаря энергіи, въ организмѣ происходитъ работа, доминанты же направляютъ эту работу; безъ нихъ энергіи работали бы безъ всякой цѣли, между тѣмъ какъ мы видимъ, что химическіе и строительные процессы въ организмахъ протекаютъ цѣлестремительно и согласно общему плану. Насколько тонко работаютъ доминанты объ этомъ свидѣтельствуетъ передача чертъ человѣка черезъ много поколѣній: вспомнимъ только о Габсбургахъ, Капетингахъ, евреяхъ и китайцахъ.

Къ доминантамъ Рейнке причисляетъ и инстинктъ животныхъ, т.-е. ихъ наслѣдственную, а не пріобрѣтенную изученіемъ способность къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. До нѣкоторой степени, говоритъ Рейнке, доминанты оказываются лишь описательнымъ выраженіемъ для явленій, воплощеніемъ направляющихъ силъ растенія и животнаго, не укладывающихся въ понятіе объ энергіи, уже по одному тому, что они сами изъ себя могутъ умножаться и перестаютъ существовать вмѣстѣ со смертью особи. Доминанты организма можно раздѣлить на работающихъ и созидающихъ; тѣ и другіе передаются по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе; потому же въ небольшихъ размѣрахъ онѣ поддаются и измѣненіямъ. Рабочія доминанты завѣдуютъ главнымъ образомъ химическими отправленіями; они представляютъ изъ себя скрытыхъ въ клѣткахъ химиковъ, подобно тому, какъ доминанты созидающія являются невидимыми строителями. Въ то время какъ въ оплодотворенномъ яйцѣ растенія господствуютъ доминанты, опредѣляющія послѣдующую стадію развитія зародыша, въ молодомъ растеніи появляются доминанты молодыхъ листьевъ, а въ болѣе взрослой особи начинаютъ дѣйствовать доминанты, отъ которыхъ зависитъ созиданіе цвѣтовъ и плодовъ; рабочія доминанты выдѣленія меда появляются лишь послѣ развертыванія цвѣтовъ, въ то время когда доминанты въ зародышевой жизни растенія давно уже прекратили свою дѣятельность и снова перешли въ скрытое состояніе; доминанты же частей цвѣтка были въ скрытомъ состояніи въ молодомъ растеніи.

Рейнке признаетъ, что доминанты организмовъ требуютъ извѣстнаго строенія клѣточекъ тканей, подобно тому какъ доминанты карманныхъ часовъ, мельницы,

паровоза вызываются извѣстной конфигураціей этихъ машинъ; какъ за строеніемъ машины мы не забываемъ разума ея строителя и интеллигентную цѣлесообразность, которой послѣдній снабдилъ ее, также мы не можемъ думать чтобы одно только строеніе извѣстной ступени развитія разстенія или животнаго опредѣляло наступленіе слѣдующей его стадіи.

Рейнке допускаетъ, что при установленіи понятія о доминантахъ явленія объясняются съ нашей человѣческой точки зрѣнія; однако, съ другой стороны, говоритъ онъ, развѣ не всякое представленіе, всякое познаніе даннаго явленія, даннаго мірового закона, будетъ человѣческимъ. И даже самое понятіе о законѣ природы не столь же ли человѣческое, столь же антропоморфное, какъ и понятіе о доминантахъ.

Вотъ къ какому странному опредѣленію «антропоморфизма» пришелъ Рейнке; даже и законы тяготѣнія—антропоморфны. О чемъ же спорить?!

Къ той же атомной душѣ и панпсихизму приходитъ и харьковскій проф. *А. О. Брандтъ* въ недавно выпущенной имъ брошюрѣ «Отъ матеріализма къ спиритуализму».

Характерно то, что уважаемый профессоръ начинаетъ какъ бы съ отрицанія «сущностей». «Сущность вещей для насъ сокрыта. Весь міръ явленій, какъ это развилъ впервые Кантъ, познается нами только косвенно, подъ видомъ тѣхъ отраженій, тѣхъ измѣненій, которыя вызываются феноменами—при посредствѣ органовъ чувствъ—въ нашемъ собственномъ душевномъ *я*. Послѣднее лишь объективируетъ, переноситъ во внѣшній міръ причины *собственныхъ* измѣненій». Это *я* есть «единственное мѣрило для оцѣнки всего, что находится внѣ насъ»—и потому, дѣлаетъ нѣкоторый скачокъ г. Брандтъ, *я* «является и точкой исхода при разсмотрѣніи альтернативы: спиритуализмъ или матеріализмъ?» Но откуда взялась обязательность этой альтернативы? Почтенный профессоръ забываетъ, что существуетъ и третья точка зрѣнія—отрицаніе самой этой альтернативы: ни матеріализмъ, ни спиритуализмъ.

Психика разлита всюду, только въ различныхъ граадціяхъ; даже у нѣкоторыхъ инфузорій замѣчаются высокія психическія функціи: онѣ отыскиваютъ и преслѣдуютъ добычу, обстрѣливаютъ залпомъ особыхъ палочекъ и, отломивъ ее такимъ способомъ, проглатываютъ. При всей простотѣ устройства инфузоріи, ея психическія проявленія не лишены своего рода антропоморфнаго характера, говоритъ проф. Брандтъ. Еще у болѣе низшихъ организмовъ, напр., у амебъ, «психика обнаруживается лишь въ формѣ чувства осязанія, въ раздражимости и въ элементарныхъ движеніяхъ, связанныхъ съ захватомъ пищи и съ размноженіемъ, и можетъ быть сведена на какое-то внутреннее влеченіе или побужденіе, которое напоминаетъ собою притяженіе веществъ, обладающихъ такъ называемымъ химическимъ сродствомъ».

Такимъ образомъ, какъ и акад. *А. С. Фаминцынъ* и многіе другіе, проф. Брандъ приходитъ къ мысли объ эволюціи психики. Индивидуальныя варіаціи психики, особенно ясныя для насъ среди человѣческаго рода, явленія рѣзкаго измѣненія личности, ея раздвоенія, дробленіе вниманія (автоматическое чтеніе, вязаніе и т. п.) явленія сна, умопомѣшательства, развитія

и роста «души» человѣка, размноженіе организмовъ дѣленіемъ и почкованіемъ и т. п. приводятъ проф. Брандта, во-первыхъ, къ мысли, что зачатки психики должны быть присвоены еще яйцевой клѣткѣ и должны наслѣдственно передаваться, что вмѣстѣ съ органами чувствъ и нервными центрами во время развитія индивидуума упражняется и «*нѣчто*, составляющее духовное существо индивида», во-вторыхъ позволяютъ ему утверждать, что однимъ изъ свойствъ души является ея *дѣлимость*, что ученіе о цѣлостности души—заблужденіе. Душа можетъ не только дѣлиться, но и сливаться, сочетаться съ другой; подобную сочетаемость душъ проф. Брандтъ видитъ въ слитіи нѣсколькихъ монеръ въ одну большую, въ слитіи нѣкоторыхъ клѣточекъ нашихъ тканей другъ съ другомъ при посредствѣ такъ называемыхъ ложноножекъ и наконецъ, у высшихъ организмовъ въ слитіи материнской яйцеклѣтки съ мужскимъ элементомъ. «Такимъ образомъ,—торжественно заявляетъ профессоръ-зоологъ,—и наша собственная душа можетъ быть разсматриваема какъ существо *дуалистическое по происхожденію*».

Кромѣ дѣлимости и сочетаемости душъ проф. Брандтъ признаетъ еще явленіе убыли, исчезновенія, инволюціи психики. Въ жизни человѣка—это появленіе идіотизма, напр., при прогрессивномъ параличѣ, при старческой немощи, временное безпамятство при глубокомъ снѣ, обморокѣ, отравленіи опіемъ, алкоголемъ и т. д. Но и среди низшихъ наблюдается подобная инволюція психики. Здѣсь проф. Брандтъ указываетъ на опыты зоолога Клейнберга. Послѣдній заставилъ прѣсноводную гидру разростись почкованіемъ въ цѣлую колонію—кустикъ связанныхъ между собою особей, принадлежавшихъ къ 4 послѣдовательнымъ поколѣніямъ; затѣмъ экспериментаторъ лишалъ эту колонію пищи,—тогда отдѣльныя особи стали уменьшаться и исчезать поколѣніе за поколѣніемъ, въ очереди, обратной ихъ возниковенію; въ концѣ концовъ осталась одна только родоначальная особь. Что же произошло при этомъ съ психикой исчезнувшихъ особей?

«Она, очевидно, не сконцентрировалась въ родоначальной особи,—утверждаетъ проф. Брандръ;—по крайней мѣрѣ на это не указывали какіе-либо симптомы. Стало быть, она пошла на убыль въ томъ же родѣ, какъ пріумножалась въ періодъ почкованія потомства».

Психическія явленія нашъ авторъ разсматриваетъ какъ формы энергіи высшаго порядка, а концентрацію и гармоническое взаимодѣйствіе этихъ формъ энергіи въ опредѣленномъ пунктѣ пространства называетъ *душою*. Такимъ психическимъ центромъ, и весьма сложнымъ, является наше *я*; около $1^1/_2$ милліарда подобныхъ центровъ раскинуто по лицу земли, а между ними разсѣяны разнородные низшіе психическіе центры различныхъ животныхъ и растеній; въ промежуткахъ органо-психической сѣти расположена неоживленная матерія. «Зачатки психической энергіи преемственно передаются организмами отъ индивидовъ къ индивидамъ въ безконечной послѣдовательности поколѣній; но спрашиваетъ Брандтъ, какъ ихъ пріобрѣли самые первые на нашей землѣ организмы», и, конечно, какъ всѣ ставившіе этотъ вопросъ въ подобной формѣ, какъ механисты, такъ и виталисты, и нашъ авторъ приходитъ «къ предпо-

ложенію, что уже въ *атомѣ* преднамѣчена *элементарнѣйшая форма влеченія*, вѣрнѣе его зачатокъ. Лишь сочетаніемъ многихъ атомовъ дается *внутренняя связь* этихъ зачатковъ, необходимое условіе сознанія...»

Монизмъ проф. Брандтъ обосновываетъ на четырехъ столпахъ: на законѣ сохраненія матеріи, на законѣ сохраненія энергіи, на представленіи объ основной единой матеріи и объ основной единой энергіи и, наконецъ, на ученіи о генетическомъ единствѣ всего органическаго міра, о происхожденіи его изъ простѣйшихъ формъ путемъ постепеннаго соматическаго (тѣлеснаго, матеріальнаго) и психическаго осложненія. Гармоничная цѣлостность мірозданія указываетъ, по мнѣнію проф. Брандта, на *цѣлостную же*, единую, неограниченную, всемогущую первопричину — первоначальный двигатель—Божество, толкнувшее единую первичную матерію, колеблемую первичной же энергіей, на путь *диффренцировки*. Человѣческое существо состоитъ изъ милліардовъ микроскопическихъ живыхъ существъ—клѣточекъ, но въ то же время оно составляетъ и гармоничное цѣлое, связанное взаимодѣйствіемъ веществъ и силъ въ неустанной ихъ смѣнѣ, — *микрокосмъ*. Микрокосмъ въ всѣхъ своихъ клѣточкахъ какъ бы пропитанъ психикою, которая въ нѣкоторыхъ органахъ—нервной системѣ сгущается и разгарается въ яркое пламя. Подобно этому и въ *макрокосмѣ* природы всюду разлита *міровая душа*, но наиболѣе сильно она сконцентрирована въ микрокосмахъ живыхъ существъ вообще.

„Заложенныя еще въ неоживленный атомъ крупицы психики аккумулируются, растутъ, крѣпнутъ, объединяются и возвышаются въ болѣе совершенную форму еще въ одноклѣтномъ органическомъ существѣ на счетъ другихъ, физическихъ, формъ энергіи. Въ микрокосмахъ высшихъ существъ накопленіе психическихъ формъ энергіи начинается съ той же одноклѣтной ступени, съ яйцевого элемента. Переработка ихъ тянется черезъ всю жизнь. Рядомъ съ ней происходитъ обогащеніе психики и сокращеннымъ путемъ, передачею, своего рода зараженіемъ, отъ другихъ индивидовъ. Отсюда съ одной стороны заимствованіе микрокосмомъ психическихъ элементовъ изъ готоваго запаса въ мертвой и живой природѣ, а съ другой—переработка въ нихъ низменныхъ формъ энергіи. Что, если во всѣхъ пунктахъ вселенной, гдѣ живутъ и множатся живые существа, представляющія собою сѣть психическихъ сгущеній, высшія, психическія формы энергіи мало-по-малу скопляются на счетъ остальныхъ, физическихъ? Не вернется ли въ такомъ случаѣ черезъ эоны эоновъ лѣтъ вся сумма энергій къ своему универсальному первоисточнику, послѣ чего новымъ всемогущимъ „да будетъ“ создастся новый, быть можетъ, лучшій міръ? Въ отличіе отъ ученія матеріалистовъ, началомъ и концомъ въ круговоротѣ творенія тутъ принимается не механическая, а психическая энергія. Само собою разумѣется, что подъ сотвореніемъ макрокосма слѣдуетъ разумѣть не одинъ только начальный моментъ. Творческій актъ продолжается непрерывно во вѣки вѣковъ, воплощаясь въ жизнь вселенной... Вседержитель присутствуетъ даже въ мельчайшихъ клѣточкахъ и атомахъ. На самомъ дѣлѣ, ни мыслителю, ни беззавѣтно вѣрующему не пристало ограничивать Вездѣсущаго какими бы то ни было предѣлами наименьшаго пространства...“

Эти мысли, по мнѣнію ученаго зоолога, нисколько не противорѣчатъ христіанской религіи и даже способствуютъ тому, что «вездѣсущность и всевѣдѣніе Божества, хотя бы и на малый шагъ, приближаютъ къ пониманію вѣрующихъ».

Собственно говоря къ такому же метафизическому психизму, поэму «тайнъ», «загадокъ» и «сущностей» сводитъ явленія жизни и акад. *В. Бехтеревъ* *), хотя слова и термины у него другіе, чѣмъ у проф. Брандта. Но не въ словахъ тутъ сила.

Бехтеревъ признаетъ, что психическое и физическое—два ряда явленій параллельныхъ, но не соизмѣримыхъ, недопускающихъ никакихъ непосредственныхъ переходовъ одного въ другое; параллельность же ихъ обусловливается тѣмъ, что оба порядка явленій обязаны своимъ происхожденіемъ одной общей, скрытой отъ насъ причинѣ, которую Бехтеревъ условно называетъ *скрытой* энергіей; при этомъ подъ словомъ энергія или сила онъ подразумѣваетъ не обычное физическое понятіе. «По нашему мнѣнію,—говоритъ онъ,—та или другая форма движенія частицъ матеріи еще не есть сама энергія или сила, а лишь проявленіе ея въ опредѣленной средѣ. Энергія же или сила *по существу* есть ни что иное, какъ «*дѣятельное начало, разлитое въ природѣ вселенной*»; «сущности» этого начала мы не знаемъ, общая среда проявленія его есть міровой эфиръ, а разныя формы этого проявленія мы называемъ силами и энергіями; *скрытой энергіей*, въ частности Бехтеревъ называетъ «проявленіе дѣятельнаго начала, присущее всякой вообще живой организованной средѣ и не представляющее собою чего либо матеріальнаго въ настоящемъ смыслѣ этого слова».

«Скрытая энергія» организмовъ приводитъ «не только къ матеріальнымъ измѣненіямъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ и къ субъективнымъ явленіямъ, образующимъ психическую сферу организмовъ».

Да проститъ намъ ученый психіатръ, но слово «скрытая» является, по нашему мнѣнію, плохой маской, черезъ которую мы легко различаемъ знакомыя уже намъ черты «атомной души», «доминантъ», «жизненной силы» и прочихъ неуловимыхъ сущностей и врядъ ли можно согласиться съ нимъ, что вопросы о сущности жизни, о сущности сознанія и о связи ихъ другъ съ другъ съ другомъ «устраняются съ принятіемъ положенія, что жизнь и психизмъ одно и то же, что всѣ жизненные процессы обусловливаются особой скрытой энергіей, которая лежитъ такъ же въ основѣ психическихъ, а, слѣдовательно, и сознательныхъ процессовъ, и что уже на порогѣ жизни мы встрѣчаемъ зачаточныя формы психической дѣятельности». Жизнь, по Бехтереву, есть «постоянное превращеніе внѣшнихъ энергій природы въ скрытую энергію фатума, приводящее у высшихъ животныхъ къ накопленію послѣдней въ особыхъ органахъ, называемыхъ центральными, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное же расходованіе этой энергіи въ окружающую среду при активномъ отношеніи организма къ этой средѣ».

Нервная система, говоритъ Бехтеревъ, скопляетъ въ себѣ огромный запасъ энергіи, съ одной стороны, благодаря необыкновенной сложности своего химическаго состава, съ другой благодаря тому, что нервныя волокна являются превосходными проводниками электричества и свободное электричество какъ бы

---

*) *Психика и жизнь.* Акад. В. Бехтерева. etc. Спб. 1903 г. 138 стр.

стекаетъ по нимъ и скопляется въ центральныхъ органахъ нервной системы; этотъ запасъ энергіи и обусловливаетъ, по мнѣнію Бехтерева, «активное отношеніе организмовъ къ окружающимъ условіямъ, такъ въ любой моментъ, при соотвѣтствующихъ внѣшнихъ условіяхъ, онъ переходитъ въ живую силу— «скрытую энергію»; дѣйствіе этой энергіи и является причиной одновременнаго и параллельнаго развитія съ одной стороны электрохимическихъ реакцій въ нервной ткани животныхъ, съ другой—субъективныхъ явленій сознанія.

Въ концѣ концовъ акад. Бехтеревъ признаетъ, «съ сожалѣніемъ», что мы и нынѣ также далеки отъ «пониманія *сущности* энергіи и силы», какъ и столѣтія тому назадъ, но все же онъ думаетъ, что въ энергіи имѣются двѣ стороны—*матеріальная*, выражающаяся опредѣленнымъ колебаніемъ частицъ вещества, и *не матеріальная*—т. е. сила или дѣятельное начало, которое и является началомъ всего психическаго. Обязанные своимъ происхожденіемъ одному общему началу жизнь и психика связаны неразрывными нитями и жизнь безъ психики невозможна.

Мы не станемъ дольше останавливаться на эклектическомъ произведеніи ученаго невропатолога, такъ какъ, несмотря на монистическую вывѣску въ видѣ таинственной первопричины — «скрытой энергіи», произведеніе это является довольно таки пестрымъ калейдоскопомъ и матеріализма и спиритуализма и энергетики. Стремленіе къ монизму и здѣсь потерпѣло фіаско.

Какъ Дантека, Бунге и Брандта жажда монизма—у перваго физикохимическаго, у второго и третьяго — виталистическаго и пантеистическаго привела, конечно совершенно различными путями, къ атомной душѣ, такъ таже жажда заставила Рейнке «направляющую силу» Клода Бернара превратить въ вездѣсущихъ и всемогущихъ доминантъ—не то боговъ, не то метафизическія «сущности»—все равно одинаково ненужныхъ и безполезныхъ для біологической работы и научнаго прогресса.

Неужели въ этомъ виноватъ монизмъ—эта неискоренимая потребность нашего обобщающаго ума?! Конечно, нѣтъ.

Причина такого рокового исхода и трогательнаго согласія механистовъ и виталистовъ лежитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что и тѣ и другіе символами, въ которыхъ они выражаютъ явленія неорганизованной и организованной природы, брали понятія слишкомъ узкія и, спеціальныя и потому въ концѣ концовъ каждому приходилось заимствовать у другого—то, чего не заключалось въ его собственномъ коренномъ понятіи.

Ле-Дантекъ думалъ, что онъ свелъ всѣ явленія жизни къ физико-химическимъ явленіямъ тѣмъ, что «элементарную жизнь» пластиды, выражающуюся въ характерной для жизни *ассимиляціи*—назвалъ физико-химическимъ свойствомъ этого сложнаго «тѣла».

Но затѣмъ передъ Дантекомъ невольно всталъ вопросъ, какъ же «объяснить» появленіе сознанія,—вѣдь изъ понятія объ ассимиляціи его не выведешь. Пришлось разбить сознаніе на элементы и снабдить атомъ душой. Тотъ же грозный вопросъ довелъ проф. Брандта до атомнаго вездѣсущія Божія.

Заслуга виталистовъ *) въ томъ и заключается, что они не уставали говорить о логической ошибкѣ матеріалистовъ. Дѣйствительно, нельзя *всѣ* явленія, наблюдаемыя нами въ живомъ организмѣ, свести къ физико-химическимъ, такъ какъ и символы то физики и химіи созданы человѣчествомъ путемъ сознательнаго игнорированія многихъ и наиболѣе характерныхъ процессовъ жизни. Но съ другой стороны, нельзя же серьезно думать, что произойдетъ какой-нибудь прогрессъ въ методахъ научнаго изслѣдованія и, вообще, въ созиданіи міровоззрѣнія, если мы, какъ-то предлагаютъ виталисты, столь сложные, столь разноцвѣтные, если можно такъ выразиться, символы, какъ сознаніе, психика распространимъ на всѣ явленія, наблюдаемыя нами въ живыхъ организмахъ. Въ лучшемъ случаѣ здѣсь произойдетъ только игра словъ въ родѣ доминанта Рейнке, которыми авторъ лишь затуманиваетъ простое описаніе явленій, въ худшемъ таинственные фетиши въ видѣ различныхъ энергій.

То, что зовутъ обыкновенно «объясненіемъ» всегда было есть и будетъ—сведеніемъ болѣе сложныхъ, но въ тоже время болѣе узкихъ, символовъ на символы болѣе простые, но зато болѣе широкіе, приложимые къ болѣе обширному кругу явленій; при этой операціи всегда является нѣкоторый остатокъ отъ стараго символа, не вмѣщающійся въ новый. Тотъ же процессъ совершается и при «объясненіи» явленій, происходящихъ въ организмѣ, явленіями физико-химическими,—это единственный путь, и при немъ всегда будетъ оставаться значительный остатокъ «необъяснимаго»; явленія, заключающіяся въ этомъ жизненномъ «остаткѣ» пока мы можемъ только описывать.

Но неужели монизмъ несбыточная мечта? Мы этого не думаемъ, мы утверждаемъ только, что для построенія эволюціонной цѣпи, связывающей неорганизованную природу съ организованной и символы виталистовъ:—психика, сознаніе и символы матеріалистовъ—физико-химическія явленія—слишкомъ спеціальны и узки. Будемъ искать болѣе широкаго и всеобъемлющаго символа.

В. Агафоновъ.

---

*) Впрочемъ не ихъ однихъ и не ихъ первыхъ. Напомнимъ хотя бы Ланге

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Августъ 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы и критика. —Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологія.—Антропологія.— Медицина. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Р. Э. Циммерманъ (Гвоздевъ). „Разсказы".—*Ф. Лангманъ.* „Драмы и новеллы".

Р. Э. Циммерманъ (Р. Гвоздевъ). Разсказы. Съ портретомъ автора. 1903 г. Спб. Ц. 1 р. Годъ тому назадъ скончался еще молодой авторъ этихъ небольшихъ очерковъ и разсказовъ изъ сибирской жизни, Р. Э. Циммерманъ. Теперь, собранные вмѣстѣ, эти разсказы, печатавшіеся въ свое время въ лучшихъ журналахъ и газетахъ, даютъ возможность оцѣнить небольшое, но несомнѣнное, къ сожалѣнію, не успѣвшее вполнѣ проявить себя, дарованіе покойнаго, который вынесъ изъ своего пребыванія въ далекой Сибири не малый запасъ фактовъ и наблюденій. Очерки его написаны живымъ, хорошимъ языкомъ съ той подкупающей правдой, которая лучше всего говоритъ о дарованіи автора, какъ умѣлаго наблюдателя, вдумчиво подмѣчавшаго типичныя черты окружавшей его жизни. Изъ нихъ потомъ и созданы имъ такіе живые и типичные образы, какъ его «Панъ Оленскій», «Горбачъ», «Смѣнщикъ» «Шаманъ» и др. Образы печальные, какъ печальна тоскливая тайга, на фонѣ которой они выступаютъ, или арестантская, этапная жизнь, составляющая главное содержаніе разсказовъ. Къ болѣе значительнымъ по содержанію, не только по размѣрамъ, принадлежитъ «Панъ Оленскій», бывшій польскій повстанецъ закинутый роковой судьбой въ одинъ изъ глухихъ уголковъ Сибири. Несмотря на годы каторги и время, убѣлившее сѣдиной его голову, идеалистическая струнка его души не замолкла и продолжаетъ отзываться на голосъ правды, за которую онъ ратуетъ среди населенія, равнодушно живущаго среди грубаго насилія и несправедливости. Окружающіе его не понимаютъ, хотя и чувствуютъ инстинктивное уваженіе къ личности борца, стремившагося внести хоть искру свѣта въ ихъ темную среду. «Правдивый, добродѣтельной души былъ человѣкъ», говоритъ про него одинъ изъ сосѣдей. «Это вѣрно,—подхватилъ другой.—Справедливый былъ человѣкъ... Только и куражливый былъ старичишка. Бывало, какъ есть ничѣмъ не уломаешь—все норовитъ по своему, не по-людски сдѣлать... Такъ сказать нужно, что чудной полячишка былъ»... Фигура этого идеалиста—лучшая въ числѣ образовъ Гвоздева и дополняетъ галлерею типовъ Сибири, созданную такими мастерами, какъ Короленко, Сѣрошевскій, Танъ, Шиманскій и др. Въ остальныхъ очеркахъ проходятъ предъ читателями болѣе знакомыя фигуры изъ міра арестантовъ и бродягъ. Таковъ «Смѣнщикъ»—бродяга, котораго артель арестантовъ всякими правдами и не правдами заставляетъ смѣниться именами съ безсрочнымъ каторжникомъ.

Сцена смѣны и поддѣлыванія «знаковъ» написана очень живо и своимъ реализмомъ производитъ сильное впечатлѣніе. Очень интересенъ очеркъ «Шаманъ» изъ жизни бурятъ, бытъ которыхъ у насъ меньше описанъ въ литературѣ, чѣмъ якутовъ или чукчей. Борьба, которую ведетъ старый шаманъ Олзой съ представителями мѣстной власти въ лицѣ взяточника и пьяницы писаря и засѣдателя, и гибель старика, умирающаго съ отчаянія при видѣ безплодности своихъ жертвъ и безсилія запуганныхъ бурятъ—дѣлаютъ очеркъ полнымъ драматизма. Разсказы «Горбачъ» и «Тварь» живо рисуютъ то огрубѣніе человѣческихъ чувствъ и нравовъ, которыми такъ отличается таежная и пріискивая жизнь, гдѣ звѣриный законъ попралъ человѣческій. Равнодушіе къ человѣческой жизни и спокойствіе, съ какимъ относятся къ самимъ ужаснымъ проявленіямъ дикости жители тайги, переданы просто, безъ подчеркиванія, безъ всякихъ морализирующихъ выводовъ и заключеній, что еще усиливаетъ впечатлѣніе разсказа.

Таково содержаніе этой небольшой книжечки рано умершаго автора, несомнѣнный художественный талантъ котораго не успѣлъ развиться. Гвоздевъ писалъ много въ провинціальной печати, какъ умѣлый работникъ, не мало способствовавшій росту этой печати. Дѣятельность его относится къ срединѣ девяностыхъ годовъ, когда онъ много работалъ въ поволжской прессѣ.

А. Б.

Филиппъ Лангманъ. Драмы и новеллы. 364 стр. 1903 г. Изд. Е. Кусковой. Пер. М. Толмачевой. Ц. 1 р. 35 к. Имя Филиппа Лангмана ничего не говоритъ русскому читателю, не встрѣчавшему его ни въ журнальной литературѣ, ни на сценѣ. Тѣмъ интереснѣе поэтому ознакомиться съ содержаніемъ творчества этого, какъ оказывается, въ высокой степени оригинальнаго художника. Филиппъ Лангманъ, какъ узнаемъ изъ небольшаго предисловія, много работалъ на фабрикѣ и превосходно изучилъ бытъ фабричныхъ рабочихъ. Проницательный наблюдатель и поэтъ, съ чуткой душой и вдумчивымъ умомъ, Лангманъ весь отдался тому міру, въ которомъ ему пришлось провести всю жизнь, и въ рядѣ драмъ возсоздалъ не только внѣшнюю, бытовую сторону жизни рабочихъ, но и ихъ духовную жизнь. «Онъ рисуетъ эту жизнь такъ, какъ она представляется, не прикрашивая и не идеализируя ее. Онъ показываетъ, какъ подъ давленіемъ внѣшнихъ условій притупляются духовныя способности и человѣкъ превращается въ машину. Его рабочимъ чужды сентиментальности и изящныя чувствованія, и тѣмъ не менѣе эти образы производятъ на читателя сильное впечатлѣніе,—художникъ относится къ нимъ не только разсудочно, но и сердечно. Онъ сочувствуетъ имъ и умѣетъ войти въ ихъ міросозерцаніе, и вслѣдствіе этого и читателю понятны ихъ душевныя движенія»,—такъ очерчиваетъ талантъ Лангмана нѣмецкій критикъ, статья котораго и служитъ введеніемъ къ переводу.

Изъ всѣхъ драмъ, вошедшихъ въ книгу, наиболѣе интересны, значительны и художественны по выполненію, двѣ—«Бартель Туразеръ» и «Гертруда Антлесъ». Хороша въ особенности первая, въ которой съ силой и простотой, напоминающей «Ткачей», развертывается исторія рабочей трагедіи, разыгравшейся на почвѣ стачки. Бартель Туразеръ — одинъ изъ вожаковъ и вдохновителей своихъ товарищей—измѣняетъ общему дѣлу, подавленный нуждой и соблазненный подкупомъ. Но когда плоды этой измѣны не отвѣчаютъ его ожиданіямъ, и любимый малютка сынъ умираетъ отчасти благодаря результатамъ подкупа, Туразеръ впадаетъ въ еще большее отчаяніе, чѣмъ въ моментъ стачки, и въ концѣ концовъ идетъ въ судъ донести на себя о подкупѣ, погубившемъ общее дѣло. Превосходна сцена перваго акта, когда несчастный Туразеръ борется между долгомъ и честью, обязывающими его стоять до конца, какъ зачинщика стачки, и нуждою, отъ которой на его глазахъ таютъ его

дѣти и жена. И когда соблазнъ побѣждаетъ и измученный отецъ соглашается дать ложное показаніе на судѣ, спасающее главнаго виновника стачки, мастера заправляющаго возмутившимся отдѣленіемъ фабрики, и губящее дѣло рабочихъ,—у читателя нѣтъ для него осужденія, а только глубокая жалость охватываетъ васъ при видѣ того, какъ гнусныя условія жизни губятъ даже благородныхъ и стойкихъ людей, способныхъ на самопожертвованіе, но не готовыхъ на еще большую жертву—видѣть гибель самыхъ дорогихъ и близкихъ существъ, дѣтей и женъ. Но еще лучше изображены въ драмѣ чувства его товарищей, которые послѣ перваго естественнаго порыва негодованія, узнавъ о несчастьи, постигшемъ Туразера, прощаютъ его вину и выражаютъ ему участіе и жалость. Они сами—отцы и мужья, и понимаютъ, что кто не испыталъ искушенія и съ честью не выдержалъ его, не можетъ строго судить другихъ.

Другая драма «Гертруда Антлесъ» любопытна для русскихъ читателей совпаденіемъ темы съ разсказомъ Тургенева «Степной король Лиръ». Только роль Лира выпадаетъ на долю старухи Антлесъ, бабушки—родоначальницы богатаго крестьянскаго рода Антлесовъ. Подчиняясь желанію старшихъ дѣтей, Гертруда при жизни передаетъ дворъ и владѣніе землею дѣтямъ, которыя съ наивнымъ эгоизмомъ все больше и больше стѣсняютъ старую и добрую женщину, ограничивая не только ея вліяніе на ходъ хозяйства, но даже ея личную жизнь въ мелочахъ. Когда, наконецъ, ради младшей внучки, выходящей замужъ, старуху хотятъ выгнать на чердакъ изъ комнаты, которую она занимала всю жизнь,—доведенная до отчаянія Гертруда поджигаетъ свой старый родовой дворъ и погибаетъ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ Антлесовъ. Въ драмѣ превосходно выдержанъ характеръ властной, но доброй, великодушной и справедливой крестьянки, у которой постепенно раскрываются глаза на отношенія, сложившіяся въ семьѣ, на эгоизмъ и черствость дѣтей, ихъ простодушную жадность и примитивную жестокость сильнаго, здороваго животнаго къ больному и старому, которое занимаетъ мѣсто и загораживаетъ дорогу.

Обѣ драмы могли бы составить украшеніе любого репертуара, такъ какъ обѣ очень эффектны при глубокомъ, общественномъ и человѣческомъ содержаніи. Остальныя драмы (одна комедія) болѣе мелки, хотя и въ нихъ очень хорошо изображены различные типы рабочихъ, крестьянъ, солдатъ и т. п. Авторъ несомнѣнный реалистъ и психологъ, а въ своихъ небольшихъ разсказахъ онъ обнаруживаетъ тенденцію и къ символизму, какъ, напр., въ разсказѣ «Похмелье». Лучше другихъ разсказъ «Юла и бездомный», въ которомъ превосходна психологія человѣка и лошади, двухъ рабочихъ животныхъ, которыхъ сближаетъ и уподобляетъ общая судьба. Лангманъ мало посвящаетъ вниманія природѣ и въ разсказахъ люди и ихъ жизнь на первомъ мѣстѣ. Онъ—драматургъ и въ новеллахъ, гдѣ дѣйствіе на первомъ планѣ, языкъ разговоровъ сжатый и сильный, описанія скупо приведены, напоминая ремарки въ пьесѣ, но всегда выразительны и картинны. Лангманъ—несомнѣнный крупный талантъ, выдвинутый новыми соціальными условіями, которыя ему, какъ фабричному служащему, ближе и доступнѣе, чѣмъ кому-либо другому. Отъ него нѣмецкая литература въ правѣ ожидать многаго; это еще молодой, полный жизни писатель,—ему около сорока лѣтъ и предъ нимъ почти вся жизнь впереди.

А. Б.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ. КРИТИКА.

Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“.—*Н. Баженовъ.* „Психіатрическія бесѣды на литературныя темы“.

Николай Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Книга семнадцатая. Спб. 1903. Стр. 494. Ц. 2 р. 50 к. Новый томъ объемистаго сочиненія г. Барсу-

кова обнимаетъ 1859 и 1860 годы жизни Погодина. Въ это время такъ же, какъ и прежде, Погодинъ говорилъ застольныя рѣчи, писалъ политическія письма и записки (объ университетской реформѣ), отзывался на злобы дня журнальными статьями, читалъ въ Москвѣ и Петербургѣ свою статью о цесаревичѣ Алексѣѣ, устно, печатно и письменно ратовалъ противъ Костомарова за норманскую теорію происхожденія Руси и наконецъ на шестидесятомъ году своей жизни вступилъ во второй бракъ и отправился въ свадебное путешествіе по Волгѣ, на Кавказъ и Крымъ.

Какъ прежде, такъ и въ это время судьба не особенно баловала Погодина и заставила его пережить не одну крупную непріятность. Давно облюбованное Погодинымъ мѣсто воспитателя цесаревича было занято графомъ Строгановымъ; статьи его по университетскому вопросу не могли появиться въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и даже печатаніе «Дорожныхъ записокъ» было остановлено цензурой. Даже на торжественный обѣдъ, данный въ Москвѣ въ честь князя Борятинскаго, Погодинъ сверхъ обыкновенія не былъ приглашенъ, хотя онъ уже заблаговременно приготовилъ «рѣчь съ чувствомъ» и даже отложилъ поѣздку въ Петербургъ, чтобы не пропустить удобнаго случая блеснуть своимъ ультрапатріотическимъ краснорѣчіемъ съ примѣсью хлесткихъ либеральныхъ фразъ. Но все это мелочи по сравненію съ тѣми непріятностями, которыя доставилъ Погодину его диспутъ съ Костомаровымъ. Погодинъ вызвалъ своего ученаго противника на диспутъ въ шутку, какъ онъ объяснялъ впослѣдствіи, а Костомаровъ принялъ вызовъ серьезно. Оба противника по окончаніи диспута были вынесены изъ залы на рукахъ при оглушительныхъ крикахъ, но общій голосъ либеральной прессы и учащейся молодежи призналъ побѣдителемъ Костомарова съ его литовской теоріей происхожденія Руси. Даже друзья Погодина были крайне недовольны, что онъ не съумѣлъ такое ясное дѣло «выиграть такъ, чтобы и слѣпые видѣли, кто побѣдилъ». А въ «Современникѣ» ученые труды Погодина были объявлены неимѣющими «ровно никакого ученаго значенія», и самъ онъ былъ названъ человѣкомъ тщеславнымъ, наглымъ и неразборчивымъ на средства.

Въ новомъ томѣ біографіи Погодина такъ же, какъ и въ предыдущихъ, сообщается о московскомъ историкѣ много курьезныхъ мелочей. Когда рушились всякія надежды попасть на обѣдъ въ честь князя Барятинскаго, «я— сообщаетъ Погодинъ своей дочери—заперъ двери у себя въ кабинетѣ, взялъ набросанную третьяго дня ночью страничку и пошелъ ходить по комнатѣ и декламировать, размахивая руками. Я декламировалъ, ходя по комнатѣ, смѣялся, бранился, сердился и слезы показались у меня на глазахъ» (с. 154). Въ одной и той же запискѣ къ Костомарову Погодинъ и просилъ редакцію «Современника» о безплатной высылкѣ журнала и бранилъ этотъ журналъ «самымъ неудобнымъ образомъ» (с. 301). При переѣздѣ черезъ Оку, по командѣ управлявшаго паромомъ татарина, православные сняли шапки и стали креститься. Этотъ ничтожный случай заставилъ Погодина прійти въ патріотическое умиленіе: «О Россія—подумалъ онъ—какіе у тебя жернова, которыми перемеливаешь (!) ты и мусульманство, и протестантство, и нѣмечество, и татарство, и чухонство въ русскую муку!» (с. 335). «Еврейство» почему-то пропущено въ этомъ перечнѣ, но за-то въ Тифлисѣ Погодинъ посодѣйствовалъ переходу въ православіе и еврея, явившись чуть ли не крестнымъ отцомъ «чада Авраамова» (с. 364).

Курьезенъ и проектъ Погодина образовать «правильное, зажиточное, оригинальное сословіе» станціонныхъ смотрителей, которые держали бы коровъ, свиней, овецъ, барановъ, утокъ, гусей и индѣекъ и утоляли бы голодъ проѣзжихъ сливками, творогомъ, яичницей и свѣжимъ жаркимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектировалось «перевоспитаніе» станціонной прислуги и даже смотрителевой

жены, и перевоспитаніе это возлагалось на почтъ-инспектора (с. 403). Справедливость требуетъ упомянуть, что во время путешествія Погодину приходили въ голову и болѣе разумные проекты. Такъ, напримѣръ, онъ мечталъ объ основаніи университетовъ въ Крыму и на Кавказѣ, но и тутъ не обошлось безъ ложки дегтя въ бочкѣ меду. Распредѣляя профессуры Кавказскаго университета, Погодинъ не забылъ своихъ знакомыхъ и своихъ сотрудниковъ по «Москвитянину», которымъ онъ платилъ, да и то не всегда аккуратно, по 15 руб. за печатный листъ: каѳедра русской словесности предназначена была Алмазову, каѳедру русской исторіи долженъ былъ занять Аполлонъ Григорьевъ.

Какъ въ прежнихъ книгахъ біографіи Погодина, такъ и въ 17-омъ томѣ много вниманія удѣлено такимъ событіямъ и фактамъ общественной жизни, въ которыхъ Погодинъ не принималъ ровно никакого участія. Такъ, напримѣръ, крестьянской реформѣ посвящено до тридцати главъ. Очень много также помѣщено въ новой книгѣ г. Барсукова писемъ, извлеченныхъ изъ архива Погодина. Но эти письма далеко не имѣютъ того интереса, которымъ отличались письма, появившіяся въ прежнихъ книгахъ біографіи Погодина. Изъ многочисленныхъ писемъ 17-ой книги наибольшій интересъ представляютъ письма Костомарова къ Погодину. Они показываютъ, между прочимъ, что Костомаровъ относился къ своему противнику съ полнымъ уваженіемъ и съ признаніемъ его ученыхъ заслугъ. *С. А.*

Д-ръ медицины Н. Н. Баженовъ, прив.-доц. московскаго университета. Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. Книга доктора Баженова вызываетъ на размышленія, и въ этомъ главное достоинство ея. Содержаніе книги составляютъ лекціи, читанныя авторомъ въ разное время. Темой большинства изъ нихъ служитъ творчество «больныхъ» писателей, или, какъ называетъ его авторъ, «патологическое творчество», и самой интересной изъ всѣхъ посвященныхъ этому вопросу лекцій представляется намъ вторая по порядку, озаглавленная «Больные писатели и патологическое творчество». На ней мы и остановимся подробнѣе.

Не безъ умысла заключили мы выше слова *патологическое творчество* въ кавычки. Подъ послѣднимъ авторъ понимаетъ не только собственно больное творчество, свидѣтельствующее о ненормальности психическаго состоянія писателя и охарактеризованное авторомъ въ третьей по порядку лекціи («Символисты и декаденты»), какъ такое, въ которомъ «ассоціаціи по контрасту выходятъ за предѣлы психологической нормы, во-вторыхъ, ассоціаціи совершаются неправильно, по необычнымъ путямъ» (стр. 65), но и творчество нормальное, объектомъ котораго только служатъ психопатологическія состоянія, творчество, представителями котораго г. Баженовъ называетъ Гаршина, Достоевскаго, Мопассана, Поэ и англійскаго поэта первой половины XIX вѣка Ѳому Quincey, автора «Исповѣди опіофага». Въ этомъ преимущественномъ изображеніи «такихъ психопатологическихъ состояній, которыя могли быть воспроизведены только благодаря сочетанію въ авторѣ большого таланта съ большимъ душевнымъ страданіемъ» (стр. 40) г. Баженовъ видитъ особенность патологическаго творчества. Намъ представляется эта особенность очень характерной для психики даннаго писателя вообще, и совершенно несущественной для его творчества, совершающагося нормальнымъ для этого рода психической дѣятельности путемъ.

Каждый «творецъ» переживаетъ въ періодъ творчества то въ корнѣ ненормальное психическое состояніе, о которомъ самъ г. Баженовъ распространяется въ пятой по порядку лекціи («Область и предѣлы внушенія»): мы говоримъ *о раздвоеніи личности*. Самонаблюденіе—вотъ единственно необходимое существо всякаго истиннаго (а не «патологическаго») творчества, бле-

стящіе образцы котораго оставили, напримѣръ, Мопассанъ и Достоевскій. Только тамъ, гдѣ нѣтъ «самонаблюденія», начинается «патологія», и истинно больными писателями являются тѣ несчастные Шамбижи, Уайльды, Валеріаны Брюсовы и Добролюбовы, о которыхъ г. Баженовъ говоритъ въ лекціи о символистахъ и декадентахъ. Для ихъ творчества характерно то, что мы *не понимаемъ* ихъ произведеній, отъ которыхъ вѣетъ домомъ для умалишенныхъ. Только нормальный наблюдатель въ состояніи дать намъ представленіе о душевномъ состояніи психически разстроеннаго субъекта, собственныя же признанія послѣдняго всегда производятъ впечатлѣніе бреда, впрочемъ, совершенно такъ же, какъ стихотвореніе Метерлинка, въ которомъ:

Во глубь забывчивыхъ лѣсовъ
Лиловыхъ грезъ несутся своры,
И стрѣлы желтыя—укоры-
Казнятъ оленей лживыхъ сновъ...

Большой интересъ представляютъ помѣщенные въ книгѣ г. Баженова этюды «Душевная драма Гаршина» и «Болѣзнь и смерть Гоголя». Изъ послѣдней у насъ приводились большія выдержки, когда она печаталась въ «Русск. Мысли» (см. 1902 г., «Изъ рус. журн.»). Къ книгѣ г. Баженова намъ еще придется, по всей вѣроятности, вернуться.

Чистый доходъ съ книги г. Баженова поступаетъ въ распоряженіе московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ въ пользу фонда имени покойнаго профессора С. С. Корсакова, блестящей характеристикѣ котораго, какъ врача и учителя, посвящена первая, такъ сказать, вступительная лекція. Кстати, любопытно отмѣтить изумительное противорѣчіе моральныхъ типовъ, которыми врачебная профессія подарила наше отечество: съ одной стороны—Гаазъ, Пироговъ, Гиршманъ, Корсаковъ—«этотъ, по удачному выраженію автора разбираемой книги, почетный лейбъ-медикъ московскаго и даже русскаго рабочаго интеллигента», (стр. 3), съ другой—многіе и многіе, въ которыхъ дарованія очень миролюбиво уживаются съ алчностью настоящихъ лавочниковъ. *В. И. Б—ъ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Н. Шильдеръ. „Императоръ Николай I".—*Р. Випперъ.* „Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ".

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе. Съ 262 иллюстрац. Т. I-й. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1903. Цѣна 1 и 2 томовъ—25 рублей. Послѣднимъ предсмертнымъ трудомъ Н. К. Шильдера является исторія жизни и царствованія императора Николая Перваго. Шильдеръ не довелъ до конца своего изслѣдованія и приготовилъ къ печати только первые два тома, охватывающіе время отъ рожденія императора Николая до подавленія польскаго возстанія въ 1831 году. Въ окончательный порядокъ трудъ Шильдера былъ приведенъ уже редакторомъ «Историческаго Вѣстника» г. Шубинскимъ. Въ настоящее время появился первый, огромный томъ, обильно иллюстрированный, съ обширнымъ отдѣломъ приложеній.

Несмотря на незаконченность посмертный трудъ Шильдера займетъ видное мѣсто въ исторіографіи 19 вѣка и спеціально царствованія Николая I. Этотъ трудъ построенъ по тому же плану и написанъ съ тѣми же достоинствами, которыя присущи изслѣдованіямъ Шильдера объ императорахъ Павлѣ Петровичѣ и Александрѣ I. Мы найдемъ въ немъ тотъ же блескъ и легкость изложенія, легкость, характеризующую французскихъ историковъ, искусный пси-

хологическій анализъ, обиліе и новизну матеріаловъ. Книги Шильдера по исторіи Павла I, Александра I занимаютъ особенное и важное мѣсто въ русской исторической литературѣ. Онѣ всегда основаны на матеріалахъ новыхъ, изъ источниковъ, раньше по большей части недоступныхъ даже для спеціалистовъ; вводя въ научный обиходъ эпохи и лица; до тѣхъ поръ не затрагивавшіяся или затрагивавшіяся односторонне, допускавшія только извѣстныя мнѣнія, изслѣдованія Шильдера расширили историческое пониманіе большой публики. То же значеніе, если не большее, нужно признать и за послѣднимъ изслѣдованіемъ Шильдера. Эпохи и лица, о которыхъ идетъ въ немъ рѣчь, совсѣмъ не затронуты исторической наукой; относительно ихъ возможны были извѣстные взгляды и мнѣнія, разсѣевающіяся при первыхъ приложеніяхъ научнаго анализа. Трудъ Шильдера открываетъ доступъ тѣмъ точкамъ зрѣнія, которыя до сихъ поръ должны были отсутствовать въ исторіографіи даннаго періода. Изслѣдованіе Шильдера отличается безпристрастіемъ, даже необычнымъ для историковъ его положенія и авторитета; тѣмъ большее, почти непреложное значеніе получаютъ взгляды на нѣкоторые вопросы, разъ они имъ высказаны. А. Н. Пыпинъ, характеризуя дѣятельность Шильдера, вѣрно отмѣтилъ особенность его историческаго міросозерцанія—никогда не покидающее его представленіе о высшемъ нравственномъ законѣ, какъ о критеріи для оцѣнки историческихъ событій и лицъ. Это представленіе не покинуло Шильдера и въ исторіи императора Николая.

Читатели, знакомые съ манерой изложенія Шильдера, отмѣтили двойственность, присущую его трудамъ и являющуюся результатомъ различныхъ причинъ. Вы читаете книги Шильдера; рядъ фактовъ, имъ приводимыхъ, неотразимо приводитъ васъ къ опредѣленному убѣжденію, и вдругъ вы сталкиваетесь съ совершенно противоположнымъ выводомъ, или сдѣланнымъ самимъ Шильдеромъ, или имъ приводимымъ и одобряемымъ. Въ этомъ смыслѣ любопытны, напр., въ изслѣдованіи объ Александрѣ страницы о его кончинѣ. Чувствуется нѣчто удивительное, чувствуется, что самъ авторъ хочетъ вѣрить легендѣ о Кузьмичѣ. Приведенный нами примѣръ двойственности можетъ быть объясненъ причинами субъективнаго характера; въ другихъ же случаяхъ двойственность объясняется гораздо проще, но при чтеніи книги объ ней нельзя забывать.

Первый томъ исторіи императора Николая Павловича доведенъ до 1826 года. Въ немъ предстояло автору дать психологическій анализъ личности, передать внѣшнюю исторію жизни великаго князя, еще разъ перебрать вопросъ о междуцарствіи со дня смерти Александра I по 14 декабря, разсказать о днѣ 14 декабря и выяснить его значеніе въ исторіи жизни императора и въ исторіи его царствованія. Шильдеру пришлось впервые поставить нѣкоторые вопросы по исторіи Николая и дать соотвѣтствующее дѣйствительности рѣшеніе. Основной вопросъ первой книги труда Шильдера: вліяніе и значеніе дня 14 декабря. Заканчивая одну изъ главъ, Шильдеръ приводитъ слова генерала Левашева, сказанныя имъ послѣ допроса князю Трубецкому: «Ахъ, князь! Вы причинили большое зло Россіи, вы отодвинули ее на пятьдесятъ лѣтъ». Этой фразой отвѣчаетъ Шильдеръ на основной вопросъ тома. Рядъ данныхъ, имъ собранныхъ, весь первый томъ предполагаютъ возможность иного отвѣта. Міросозерцаніе императора Николая было вполнѣ сложившимся и опредѣленнымъ въ моментъ восшествія на престолъ; матеріалы, собранные Шильдеромъ, съ убѣдительностью говорятъ за то, что, не будь четырнадцатаго декабря, характеръ царствованія Николая Павловича врядъ ли бы измѣнился.

Правда, первый томъ еще не даетъ цѣльнаго и тонкаго психологическаго анализа личности Николая Павловича; образъ его только зарисованъ штри-

хами, но уже въ набросках отмѣчены основныя, выдающіяся черты императора. Стремясь однимъ словомъ опредѣлить сущность характера, Шильдеръ беретъ выраженіе императрицы Екатерины въ письмѣ къ Гримму о только что родившемся внукѣ: «рыцарь Николай». Настойчивость и непоколебимость —вотъ двѣ основныхъ черты рыцарскаго характера Николая, по мнѣнію Шильдера. Шильдеру слѣдовало бы еще поставить вопросъ о наслѣдственныхъ вліяніяхъ; тогда онъ могъ бы констатировать, что настойчивость и непоколебимость, столь характерныя для императора Павла, такъ сказать, Павловскія настойчивость и непоколебимость перешли отъ отца къ сыну. Шильдеръ тщательно анализируетъ данныя объ обстановкѣ дѣтскихъ лѣтъ Николая Павловича. Въ дѣтствѣ уже проявились тѣ черты, которыя остались въ его характерѣ на всю жизнь: настойчивость, стремленіе повелѣвать, страсть ко всему военному. Воспитаніе не побороло этихъ свойствъ, хотя, по мысли императрицы-матери, руководившей всѣмъ воспитаніемъ, главнѣйшей цѣлью воспитательной системы было уничтоженіе нехорошихъ свойствъ характера, въ особенности необыкновеннаго пристрастія ко всему военному. «Почему же было поступлено какъ разъ обратно ея желаніямъ?» спрашиваетъ Шильдеръ и отвѣчаетъ: «вообще трудно придумать объясненіе для царствовавшаго воспитательнаго хаоса». Шильдеръ очень сурово относится къ воспитательной системѣ главнаго воспитателя генерала Ламздорфа, весьма широко проводившей принципъ тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній за мелкіе поступки. Сопоставляя пріемы системы и ея результаты, Шильдеръ приходитъ къ слѣдующему выводу: «установившаяся система воспитанія была суровая, и тѣлесныя наказанія играли въ ней большую роль. Такими мѣрами тщетно старались обуздывать и исправлять порывы строптиваго и вспыльчиваго характера Николая Павловича. Испытанные имъ въ дѣтствѣ педагогическіе пріемы принесли и другіе печальные пріемы; они несомнѣнно повліяли на міросозерцаніе будущаго вѣнценосца, который впослѣдствіи провелъ подобныя же суровыя начала въ воспитаніи современнаго ему подрастающаго поколѣнія. Шильдеръ отмѣчаетъ въ пристрастіи къ военному двѣ особенности: пристрастіе къ военному оставалось всю жизнь и было чисто внѣшнимъ, такъ сказать, къ процедурѣ военнаго дѣла (оно показало себя въ надлежащемъ видѣ въ крымскую кампанію), и, во-вторыхъ, оно мирилось въ дѣтскіе годы съ трусостью и робостью. Между прочимъ, пристрастіе къ военному, къ военнымъ играмъ вредно отозвалось на другихъ сторонахъ характера. Казалось, что военное званіе и грубость неразлучны; послѣдствіемъ такого заблужденія было то, что и внѣ военныхъ игръ манеры и обращеніе Николая Павловича стали вообще грубыми, заносчивыми и самонадѣянными. Въ дневникахъ кавалеровъ и воспитателей великаго князя неоднократно отмѣчаются его необузданные порывы; буйныя игры, почти всегда оканчивающіяся причиненіемъ боли или себѣ, или другимъ; нежеланіе сознаваться въ своихъ ошибкахъ, уступать силѣ убѣжденій и т. д.

Съ неменьшей суровостью отзывается Шильдеръ и объ образованіи Николая Павловича, который, впрочемъ, и самъ признавалъ свое образованіе скуднымъ. Учили его многимъ предметамъ, даже мнимымъ, въ родѣ «морали», но не то неудачный выборъ преподавателей, не то другія какія причины—наука почти ничего не дала Николаю Павловичу. Характерны въ устахъ Николая Павловича отзывы о преподавателяхъ и наукахъ: «одинъ (Балугъянскій) толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, какихъ еще законахъ; другой что-то о мнимомъ естественномъ правѣ. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-либо вздоръ... По моему, лучшая теорія права—добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ независимо отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ ре-

лигію». Итакъ, ни воспитаніе, ни образованіе не принесли плодовъ: врожденныя наклонности, говоритъ Шильдеръ, остались непоколебленными и въ полной силѣ.

По мысли императрицы, образованіе Николая Павловича должны были пополнить путешествія по внутренней Россіи и Англіи. Правда, путешествія были непродолжительны и поспѣшны; и за границей интересы вел. князя были направлены, главнымъ образомъ, на военное. Передъ отправленіемъ въ Англію у Маріи Θеодоровны явились нѣкоторыя опасенія, какъ бы не увлекся Николай Павловичъ свободными учрежденіями Англіи и не поставилъ ихъ въ связь съ видомъ несомнѣннаго благосостоянія ея. Графу Нессельроде было поручено составить записку для юнаго путешественника, которая предостерегала бы его отъ излишнихъ увлеченій. Шильдеръ цѣликомъ печатаетъ въ приложеніяхъ этотъ любопытнѣйшій документъ. Графъ Нессельроде указываетъ на географическое положеніе страны, какъ на главнѣйшую причину ея политическаго строя. «Однимъ словомъ, заканчиваетъ онъ,—учрежденія англичанъ заслуживаютъ быть разсматриваемы вблизи лишь для того, чтобы изощрять умъ наблюдателя въ области мышленія, а не для того, чтобы служить репертуаромъ конституціонныхъ формъ, изъ котораго можно было бы позаимствовать масштабъ для возведенія новаго зданія подъ совершенно другимъ небомъ и въ совершенно иномъ климатѣ». Эта записка, въ сущности, являлась совершенно лишней, и ея авторъ, по выраженію Шильдера, ломился въ открытую дверь. «Уже въ это время (1816 г.), пишетъ Шильдеръ, характеръ Николая Павловича успѣлъ уже настолько образоваться съ присущимъ ему трезвымъ, далекимъ отъ всякой мечтательности міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть». Во время своего пребыванія въ Англіи Николай Павловичъ совершенно не обнаружилъ никакого интереса къ дѣятельности палатъ, а по поводу митинговъ и клубовъ онъ выразился: «Если бы, къ нашему несчастію, какой-нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ или, еще лучше, лишить дара словъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе». Эти данныя чрезвычайно важны для рѣшенія основного вопроса книги. Приведемъ еще резолюцію Николая, которую онъ сдѣлалъ въ первый мѣсяцъ своего царствованія на одной бумагѣ: «Сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился дѣйствовать не въ указанномъ мною направленіи, коль скоро ему предписана точная воля». Какъ же послѣ этого оцѣнивать значеніе и вліянія 14-го декабря на складъ по внутренней политики, какъ отвѣчать не вопросъ, отодвинуло ли 14-го декабря на пятьдесятъ лѣтъ Россію?

Эпизодъ междуцарствія съ 19-го ноября по 14-го декабря 1825 г., который уже давно привлекалъ къ себѣ вниманіе Шильдера, разсказанъ имъ по новымъ документамъ. Шильдеръ прямо-таки не находитъ слова для выраженія недоумѣнія. Начать съ того, что Николай Павловичъ только разъ въ 1819 году слышалъ отъ Александра о томъ, что, за отказомъ Константина Павловича, ему придется царствовать, а между тѣмъ былъ составленъ въ глубокой тайнѣ актъ объ отреченіи Константина и назначеніи Николая. Этотъ актъ хранился въ сенатѣ, синодѣ и госуд. совѣтѣ съ высочайшей помѣткой: «хранитъ до востребованія, а по кончинѣ вскрыть прежде всякаго дѣйствія». Объ этомъ актѣ знало всего три лица: Аракчеевъ, Голицынъ и митрополитъ Филаретъ, и ничего не знали ни Константинъ, ни Николай Павловичъ. Почему же Александръ не объявилъ имъ объ этомъ и держалъ все дѣло въ такой тайнѣ? «Странными и непонятными мѣрами,—пишетъ Шильдеръ, имп. Александру благоугодно было обставить столь важный жизненный для государства вопросъ, заранѣе обрекая избраннаго имъ наслѣдника престола на крайне двусмысленнаго положеніе, какъ въ отношеніи къ своему старшему брату, такъ и къ Россіи вообще. Все сводилось,

въ сущности къ тому, что въ случаѣ несчастья раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія. Трудно придти къ другому заключенію и придумать лучшее объясненіе». Послѣ смерти Александра I, прежде всякаго другого дѣйствія, и Николай Павловичъ, и войска принесли присягу Константину Павловичу. Потомъ вскрыли пакетъ съ актомъ, но было поздно: царемъ уже былъ Константинъ. А Константинъ Павловичъ, жившій въ это время въ Варшавѣ, вѣрный своему желанію отречься отъ престола, принесъ присягу Николаю Павловичу и, не зная объ актѣ, отправилъ формальное заявленіе о томъ, что онъ уступаетъ престолъ Николаю. Выходило большое недоумѣніе, какъ быть? Константину Павловичу нужно было или принять престолъ, или ѣхать самому въ Петербургъ, или же издать манифестъ къ народу. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, ни третьяго. Письма, которыми обмѣнивались Николай и Константинъ (изъ нихъ нѣкоторыя впервые приведены въ книгѣ Шильдера), мало выясняли дѣло, и только донесеніе Дибича изъ Таганрога объ обширномъ заговорѣ, полученное Николаемъ Павловичемъ 12-го декабря, да письмо Константина, подтверждающее отреченіе, ускорило развязку этого инцидента. На 14-е декабря была назначена присяга Николаю Павловичу. 12-го декабря вечеромъ Николай Павловичъ писалъ Дибичу: «Послѣзавтра поутру я — или государь, или безъ дыханія... Надѣюсь быть достойнымъ сего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждой, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный предо мной исполнятъ».

Исторіи декабристовъ и ихъ движенію, происшествіямъ 14-го декабря, наконецъ, эпилогу трагедіи, слѣдствію и суду посвящена значительная часть труда Шильдера. Авторъ пользуется источниками, мало или вовсе недоступными; многіе изъ матеріаловъ напечатаны имъ впервые, такъ, напр., письмо отъ брата Николая къ брату Константину, начатое вечеромъ 14-го и писанное съ урывками между допросами приводимыхъ во дворецъ декабристовъ вплоть до полночи на 15-е, таковы, напр., доносы Майбороды, Шервуда, Николаева, оффиціальныя записки изъ дѣла о Рылѣевѣ и Пестелѣ и многіе другіе матеріалы. Прибавимъ, что въ въ книгѣ дано очень много портретовъ декабристовъ, нѣчто въ родѣ ихъ портретной галлереи. Но не только обиліемъ матеріаловъ отличается этотъ отдѣлъ книги Шильдера; важно также и то освѣщеніе, которые онъ дѣлаетъ. Мнѣнія о характерѣ оффиціальнаго разсмотрѣнія, о судѣ, слѣдствіи, высказанныя столь авторитетнымъ лицомъ, какъ Шильдеръ, имѣютъ особенный вѣсъ и могутъ быть положены въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій. Интересны соображенія Шильдера о томъ, могли ли одержать побѣду заговорщики въ день 14-го декабря. Оказывается, ихъ побѣда не была невозможна, хотя сами они на успѣхъ не надѣялись. Имп. Николай вскорѣ послѣ 14-го въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ сказалъ: «Съ перваго появленія на революціонномъ поприщѣ русскіе превзошли бы вашихъ Робеспьеровъ и Маратовъ, и когда этимъ злодѣямъ сказали, что они несомнѣнно сами пали бы первыми жертвами столь ужаснаго безумія, они дерзко отвѣчали, что знаютъ это, но что свобода можетъ быть основана только на трупахъ, и что они гордились бы, запечатлѣвая кровью то зданіе, которые хотѣли воздвигнуть». Шильдеръ; отказываясь, за неимѣніемъ объективныхъ данныхъ, говорить объ этихъ людяхъ и ихъ идеяхъ, замѣчаетъ: «Со времени декабрьскаго мятежа прошло уже 76 лѣтъ, и вмѣсто пристрастія и увлеченія, понятныхъ въ отзывахъ современниковъ этихъ событій, должна заговорить наконецъ, историческая правда.—Каковы бы ни были сужденія о дѣлѣ вообще, представителями котораго явились декабристы, въ немъ выдѣляется одна общая черта, которую отрицать невозможно, признавая даже самое дѣло ошибочнымъ, какъ слѣдствіе заблужденія. Черта эта есть самопожертвованіе въ самомъ обширномъ значеніи этого слова.—Движеніе несомнѣнно было чисто и безкорыстно, причемъ самопожертвованіе руководителей его является еще тѣмъ

болѣе яркимъ, что едва ли кто-либо изъ нихъ лелѣялъ надежду на успѣхъ; всѣ, напротивъ того, приготовились пасть жертвой своихъ убѣжденій». Необходимо сопоставить это заключеніе съ оффиціальной статьей («Спб. Вѣд». 1826, № 2), въ которой говорится, что люди, недостойные имени русскихъ, умышляли неслыханныя въ отечествѣ нашемъ злодѣйства: истребленіе всей императорской фамиліи, грабежъ, расхищеніе имуществъ, убіеніе не принадлежащихъ къ мятежническому ихъ сообществу гражданъ, однимъ словомъ, всѣ неисчислимые ужасы безначалія». Шильдеръ даетъ яркую и тяжелую картину слѣдствія и суда надъ декабристами. Слѣдствіе велось, по его словамъ, согласно стариннымъ русскимъ преданіямъ, усвоеннымъ при веденіи прежнихъ, печальной памяти политическихъ процессовъ. Допросы велись съ пристрастіемъ. «Подъ вліяніемъ физическаго и нравственнаго гнета,—говоритъ историкъ,—писались показанія, въ которыхъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ отказывали комитету; иной разъ проявлялось даже съ избыткомъ раскаяніе». Любопытно то, что иногда откровенность въ показаніяхъ, въ особенности въ письмахъ, обращенныхъ заключенными въ крѣпости непосредственно къ императору Николаю, вызывалось тѣмъ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности представленіемъ о личности, взглядахъ и намѣреніяхъ новаго государя, которое заговорщики удивительнымъ образомъ выносили изъ его бесѣдъ съ ними во время допросовъ. Возвращаясь въ свои камеры и обдумывая слова императора, они видѣли въ государѣ человѣка, относящагося не безусловно враждебно къ ихъ мечтамъ и даже склоннаго осуществить ихъ (см. «Ист. Вѣст.», 1903, іюль, стр. 127). Чрезвычайно важны тѣ страницы труда Шильдера, на которыхъ идетъ рѣчь объ оффиціальномъ донесеніи, какъ историческомъ свидѣтельствѣ. До сихъ поръ оно является почти единственнымъ источникомъ нашихъ оффиціальныхъ свѣдѣній о движеніи декабристовъ. Шильдеръ доказываетъ, что оно вовсе не заслуживаетъ нашего вниманія по случайности своего происхожденія, нѣкоторой легкомысленности отношенія къ такому серьезному дѣлу и отсутствію надлежащей критики слѣдственнаго матеріала. Дѣйствительно, какъ это ни удивительно, а всеподданнѣйшее донесеніе возникло случайно, изъ *журнальной статьи*, которую написалъ прикомандированный съ этой цѣлью къ комитету чиновникъ Блудовъ. Грибовскій, бывшій статсъ-секретарь Екатерины II-й, называетъ докладъ Блудова романическимъ: Блудовъ все время старается выискивать всѣ ужасныя слова, когда-либо сказанныя декабристами, въ его изложеніи декабристы раздѣляются или на людей безконечно ужасныхъ, или на людей нелѣпыхъ до смѣшного. Суровое отношеніе вызываетъ въ Шильдерѣ и верховный уголовный судъ, засѣдавшій съ 1-го іюня по 11-е іюля 1826 года. Всѣ дѣйствія суда по разбору дѣла ограничились исключительно тѣмъ, что подсудимому предъявлялись его показанія въ комитетѣ и предъявлялись вопросы, его ли рукой они писаны, добровольно ли подписаны, были ли очныя ставки. Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ говоритъ о томъ, что суду была придана возможная степень законности и гласности, что рѣдко судъ въ Россіи пользовался большей независимостью и даже что подсудимые будто бы благодарили за предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ защитѣ. По поводу этого отзыва гр. Бекендорфа Шильдеръ лаконически замѣчаетъ: «Трудно въ немногихъ строкахъ высказать взглядъ, менѣе согласный съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Исторія должна признать, что верховный уголовный судъ не судилъ, а осудилъ декабристовъ, обреченныхъ уже предварительно на жертву».

Какъ же отозвались событія 14-го декабря на дальнѣйшей жизни Императора Николая и внутренней политикѣ его царствованія? Шильдеръ, несомнѣнно, не правъ, приписывая слишкомъ большое значеніе этому дню и впадая такимъ образомъ даже въ явное противорѣчіе съ фактами, имъ собранными.

Для вѣрнаго отвѣта на вопросъ, нужно раздѣлять вліянія на душевный складъ и на теоретическое міросозерцаніе. Мы уже видѣли, что міросозерцаніе императора Николая сложилось очень давно (уже въ 1816 году) и оно было весьма опредѣленнымъ и непоколебимымъ. Шильдеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ значеніе этого дня въ личной психологіи императора: «Происшествія 14-го декабря произвели на императора Николая тяжкое впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія. Укажемъ здѣсь на подходящее къ разбираемымъ событіямъ явленіе: императору Александру I никогда не удалось одолѣть прискорбное припоминаніе о событіяхъ 11-го марта 1801 года, среди которыхъ свершилось его воцареніе, какъ преемника Павла. Къ несчастію, самый фактъ немирнаго воцаренія повторился снова въ 1825 году, хотя и въ иной формѣ. «Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь, при воспоминаніи объ этомъ днѣ», признался Николай Павловичъ, французскому послу вскорѣ послѣ своего воцаренія. Такимъ образомъ, несомнѣнно устанавливается фактъ, что воспоминаніе о мятежѣ 14-го декабря и связанномъ съ нимъ обширномъ заговорѣ должно было оставить въ умѣ императора Николая неизгладимые слѣды, отъ которыхъ онъ дѣйствительно не могъ освободиться до смертнаго одра. Несчастныя событія перваго дня его царствованія должны были сопровождаться, сверхъ сего, еще и другимъ явленіемъ: они поставили государя въ совершенно особыя условія ко всякому свободному и независимому выраженію какой бы то ни было политической мысли, не согласовавшейся съ его собственными крайне опредѣленными воззрѣніями. При малѣйшемъ нарушеніи общественнаго спокойствія и дисциплины императоръ Николай имѣлъ привычку повторять: «Ce sont mes amis de quatorze».—Шильдеръ съ видимымъ одобреніемъ цитируетъ фразу гр. Д. А. Толстого: «Позволительно заключать, особенно изъ его личнаго характера и изъ исторіи его царствованія, что 14-е декабря дало этому государю совсѣмъ иное направленіе».

Но данныя, собранныя Шильдеромъ, выводы по частнымъ вопросамъ, имъ сдѣланные, позволяютъ выставить и защищать положеніе, прямо противоположнѣе высказанному гр. Толстымъ. *П. Ще—въ.*

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. М. 1903 г. Стр. 312. За послѣдніе 2—3 года учебная наша литература значительно оживилась, по историческому отдѣлу въ особенности. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, какое практическое значеніе имѣетъ этотъ фактъ для нашей оффиціальной школы (хотя, несомнѣнно, это оживленіе вызвано въ значительной степени надеждами на «обновленіе» школы), нельзя все-таки не признать его полезнымъ и желательнымъ. Что наши оффиціально признанные учебники представляютъ въ значительномъ большинствѣ величину сомнительную со стороны научной и педагогической,—это стало трюизмомъ; такъ пусть же наши дѣти получатъ возможность хоть дома почитать книгу, дающую нѣчто болѣе основательное и цѣнное, чѣмъ знаменитый «Иловайскій» и т. п. И прежде всего по исторіи. Историческія знанія, историческая точка зрѣнія особенно важны въ наше любопытное время для того, чтобы правильно разобраться въ явленіяхъ окружающей жизни. А между тѣмъ какъ и во имя чего только не коверкается историческая точка зрѣнія, какія только издѣвательства и насилія не продѣлываются надъ научной истиной въ нашихъ учебникахъ исторіи!

Книжка проф. Виппера уже однимъ именемъ автора представляетъ ручательство за то, что мы не встрѣтимъ въ ней историческихъ фокусовъ съ переодѣваніями, ad majorem gloriam всевозможныхъ «китовъ», ничего общаго съ наукой не имѣющихъ. Книжка составлена не только популярно, но и вполнѣ

научно. Эволюція экономическая, культурная, соціальная, какъ основа для явленій политическихъ, занимаетъ главное мѣсто въ учебникѣ, что, безъ сомнѣнія, и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ его достоинствъ. Главнѣйшія особенности экономическаго и политическаго строя средневѣковыхъ народовъ авторъ объясняетъ очень доступно, живымъ, даже образнымъ языкомъ, и въ то же время это не мѣшаетъ ему сохранить полную научность въ освѣщеніи той или иной эпохи, того или другого явленія. Внѣшняя, «батальная», такъ сказать, часть средневѣковой исторіи, особенно неудобоваримымъ бременемъ ложащаяся на мозги юношества, обреченнаго «изучать» обычные наши учебники, сведена проф. Випперомъ на подобающее ей мѣсто; то же можно сказать и о хронологіи; довольно многочисленныя карты въ самомъ текстѣ значительно помогаютъ ясному усвоенію его.

Есть, однако, въ новомъ учебникѣ нѣкоторыя детали, которыя нельзя причислить къ его плюсамъ. Такъ, напр., глава о Византіи далеко не такъ полна, общая оцѣнка культурно-исторической роли этого государства далеко не такъ вѣрна, какъ мы могли бы ожидать, судя по другимъ отдѣламъ книги. Внутренняя жизнь, или, точнѣе, маразмъ Византіи далеко не выяснены; и намъ кажется, что нѣсколько рискованно такъ опредѣлять «значеніе Византіи для культуры», какъ это дѣлаетъ авторъ: «за время своего процвѣтанія Византія оказала важныя услуги восточнымъ и западнымъ европейскимъ народамъ: первымъ она передала христіанство, вторымъ—древнюю (греко-римскую) науку и литературу, которую она частью сохранила, а частью возстановила» (65 стр.). Такой общій выводъ вполнѣ вяжется съ предыдущимъ изложеніемъ учебника; но самъ по себѣ взятый, не слишкомъ ли онъ односторонен и оптимистиченъ? И въ наше время усиленнаго культивированія всякаго рода «византійщины» этотъ пробѣлъ въ изображеніи и оцѣнкѣ Византіи не является ли особенно важнымъ недостаткомъ именно для русскаго учебника?

Съ той же точки зрѣнія современности приходится пожалѣть и о другомъ пробѣлѣ: въ учебникѣ ничего не говорится о судьбахъ и положеніи евреевъ въ средніе вѣка; а вѣдь это и съ научной точки зрѣнія—необъяснимое упущеніе. Наконецъ, чтобы покончить съ этой стороной дѣла, укажемъ на сравнительную неполноту главы объ итальянскихъ государствахъ конца разсматриваемаго періода (284—301). Тутъ не выяснены тѣ общія экономическія, географическія и политическія причины, которыя породили рѣзкое отличіе Италіи отъ другихъ странъ, создали ея своеобразное политическое устройство и раннюю эмансипацію мысли; не указаны и тѣ специфическія причины, которыя дѣлали Италію болѣе подвижной и смѣлой въ борьбѣ свѣтской критической мысли противъ порабощенія богословской схоластикой и мистицизмомъ.

Сравнительно меньшее значеніе имѣютъ недостатки собственно изложенія, такъ сказать, редакціоннаго характера. Какъ на примѣры такихъ недосмотровъ, укажемъ хотя бы на совершенно ненужныя, а слѣдовательно и лишнія подробности въ главѣ о Мохамедѣ («Мохамедъ молился лицомъ къ Іерусалиму», 12 стр.; въѣздъ Мохамеда въ Мекку, стр. 13), или на слишкомъ общія, а потому мало вразумительныя для юноши 14—15 лѣтъ фразы, какъ, напр.: «интересы имперіи были обращены теперь болѣе всего на востокъ» (стр. 2). Но всѣ эти недостатки легко устранимы при новомъ изданіи и вполнѣ покрываются выдающимися достоинствами книги, заставляющими пожелать ей возможно широкаго распространенія. *А. Э.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

П. Лохтинъ. „Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ“ — *Г. А. Евреиновъ.* „Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ„.

Петръ Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ. М. 1902 г. Стр. VII+156. Ц. 1 р. 25 к. Въ этой книгѣ г. Лохтинъ развиваетъ и дополняетъ взгляды, высказанные имъ раньше въ книгѣ: «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги къ XX-му вѣку. Сбп. 1901 г.». Авторъ—фанатическій врагъ сельской общины. По его убѣжденію, община превратила крестьянина въ манекена и создала сѣть непреодолимыхъ препятствій къ замѣнѣ устарѣлаго трехполья новыми системами хозяйства. Между тѣмъ трехполье уже истощило землю свыше всякой мѣры. Только уничтоженіи мертваго пара и переходъ къ стойловому кормленію скота могутъ спасти Россію отъ голодовокъ, отъ нищеты и связанной съ нею общей некультурности. Но для такой реформы нужны свободные землевладѣльцы-собственники, а не манекены-общинники.

Хотя о связи между упадкомъ крестьянскаго хозяйства и приниженнымъ, безправнымъ положеніемъ личности крестьянина говорилось много и съ давнихъ поръ, но повторять снова и снова можетъ быть только полезно. И вовсе не нужно раздѣлять съ г. Лохтинымъ его фанатической вражды къ общинѣ, чтобы согласиться, что современные общинные порядки не даютъ достаточнаго простора свободному развитію личности, личной энергіи, личной иниціативы. Мы даже готовы согласиться, что и среди интеллигенціи, защищающей общину, существуетъ нѣкоторая непріязнь противъ новаго начала и предразсудокъ въ пользу всеобщаго и постояннаго равенства. Защита личнаго начала въ жизни и въ литературѣ—очень нужное и своевременное для настоящаго момента дѣло. При всемъ томъ, мы думаемъ, что сочиненія, подобныя книгѣ г. Лохтина, не смотря на всѣ пышныя фразы ея о свободѣ, способны даже повредить, чѣмъ помочь дѣлу свободы и укрѣпленія личнаго начала. Свободу личности г. Лохтинъ отожествляетъ съ правомъ частной собственности. Это и составляетъ основной недостатокъ его книги. Защита института частной собственности тоже можетъ быть весьма почтеннымъ дѣломъ. Но нельзя смѣшивать ее съ защитой свободы личности. А г. Лохтинъ именно смѣшиваетъ.

Онъ избѣгаетъ выраженія: частноя собственность, предпочитая постоянно говорить о «свободномъ распоряженіи землей», «свободномъ землепользованіи», «свободной самодѣятельности». Но предложенія его сводятся къ тому, чтобы путемъ размежеванія и разселенія превратить крестьянъ въ независимыхъ, самостоятельныхъ собственниковъ отдѣльныхъ округленныхъ участковъ. Ясно, что такую реформу, даже при самой горячей вѣрѣ въ институтъ частной собственности, можно признать только однимъ изъ многихъ средствъ къ поднятію личной энергіи, а слѣдовательно и сельскохозяйственной техники. Г. же Лохтинъ, отожествляя личную свободу съ правомъ частной собствености, придаетъ своимъ проектамъ универсальное значеніе, а всѣ прочія средства отодвигаетъ на второй и третій планъ. Онъ непозволительно упрощаетъ себѣ задачу, во-первыхъ возлагая преувеличенныя надежды на благодѣтельныя послѣдствія предлагаемой реформы, а во-вторыхъ закрывая глаза на связанныя съ ней трудности и опасности.

Г. Лохтинъ считаетъ мало дѣйствительными средствами и народное образованіе, и агрономическую помощь со стороны правительства и земства, и дешевый кредитъ, и облегченіе налоговаго бремени; все это, по мнѣнію г. Лохтина, —палліативы, пока остается въ дѣйствіи «средневѣковая система быта» (стр.

41—49). Но подъ «средневѣковымъ бытомъ» самъ же г. Лохтинъ подразумѣваетъ всю совокупность неблагопріятныхъ условій современнаго крестьянскаго хозяйства: сюда относятся—«средневѣковыя привычки, гнетъ міра, страхъ голодной смерти, розогъ и выколачиванья налоговъ и недоимокъ» (18). Почему же мы должны вѣрить, что мѣры, предлагаемыя г. Лохтинымъ, положатъ конецъ всему «средневѣковому быту»? Почему «средневѣковыя привычки» и «страхъ голодной смерти» непремѣнно исчезнуть, какъ только исчезнетъ «гнетъ міра»? Г. Лохтинъ много распространяется о томъ, какія чудеса можетъ произвести улучшенная техника хозяйства. Но онъ безъ всякихъ доказательствъ принимаетъ, что торжество частной собственности непремѣнно поведетъ къ улучшенной техникѣ. Особенно поражаетъ въ разбираемой книгѣ совершенное умолчаніе о современномъ положеніи хозяйства на частно владѣльческихъ земляхъ и о взаимныхъ отношеніяхъ между хозяйствомъ частновладѣльческимъ и крестьянскимъ (за исключеніемъ краткой оговорки на стр. 128). Никакой «гнетъ міра» не стѣсняетъ нашихъ помѣщиковъ и все-таки у нихъ царитъ та же «средневѣковая» система, то же трехполье съ недостаточнымъ удобреніемъ полей и безполезной тратой навоза. Частная собственность не сдѣлала нашихъ помѣщиковъ ни предпріимчивыми, ни богатыми. Почему же у крестьянъ она способна сдѣлать чудеса и произвести то, чего нельзя добиться ни посредствомъ народнаго образованія, ни путемъ финансовыхъ реформъ, ни путемъ пропаганды техническихъ знаній?

Но даже если согласиться, что торжество частной собственности приведетъ къ общему благосостоянію, остается вопросъ: какимъ путемъ достигнуть этого торжества?

Г. Лохтинъ считаетъ, что замѣна общинныхъ порядковъ господствомъ частной собственности есть не что иное, какъ простая отмѣна устарѣлыхъ несправедливостей, освобожденіе, раскрѣпощеніе личности. На самомъ же дѣлѣ торжество частной собственности можетъ быть достигнуто весьма различными способами, въ зависимости отъ большей или меньшей степени насилія, допускаемаго при разрушеніи старыхъ формъ жизни. Ибо нѣкоторая доля насилія надъ личностью крестьянина, во всякомъ случаѣ, потребуется для разрушенія общиннаго быта и водворенія частной собственности. Самымъ простымъ способомъ была бы конфискація всѣхъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель и продажа ихъ съ публичнаго торга всѣмъ тѣмъ изъ крестьянъ или изъ другихъ сословій, кто окажется наиболѣе выгодными покупателями. Но передъ такою мѣрой отступили бы даже самые ярые противники общины, точно такъ же, какъ при крѣпостномъ правѣ даже самые ярые поборники крестьянскаго освобожденія отступили бы передъ конфискаціей всѣхъ помѣщичьихъ земель. Г. Лохтинъ считаетъ предлагаемую имъ реформу столь же необходимымъ требованіемъ исторіи, какъ освобожденіе крестьянъ у насъ и за границей. Къ сожалѣнію, однако, освобожденіе крестьянъ, всюду представлявшее сложную и болѣзненную операцію, совершалось большею частью безъ достаточнаго уваженія къ свободѣ личности, въ истинномъ значеніи этого слова, и наоборотъ, съ весьма достаточной дозой произвола и насилія. Въ частности, въ Германіи, которую г. Лохтинъ ставитъ примѣромъ для Россіи, ликвидація стараго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переходъ къ новымъ раціональнымъ способамъ хозяйства были достигнуты путемъ насильственнаго обезземеленія значительной части сельскаго населенія. Насаждать «раціональную» культуру тѣми же способами, какими она насаждалась въ Германіи въ концѣ XVIII-го в. и въ первой половинѣ XIX-го в., въ настоящее время въ Россіи и не желательно, и невозможно. Невозможно по той простой причинѣ, что наши крестьяне больше не крѣпостные и имѣютъ опредѣленные, закономъ обезпеченные права. Фридрихъ Великій, котораго г. Лохтинъ выставляетъ образцомъ для подражанія, заботился объ интересахъ крест-

янъ либо какъ полновластный хозяинъ государственныхъ земель, обрабатывавшихся крѣпостнымъ трудомъ, либо какъ повелитель феодаловъ, жившихъ тѣмъ же крѣпостнымъ трудомъ; помѣщики въ прусскомъ королевствѣ сохраняли значительную часть своей феодальной власти надъ крестьянами во все время, пока происходило постепенное освобожденіе крестьянъ отъ натуральныхъ повинностей и отмежеваніе помѣщичьихъ земель отъ крестьянскихъ. Въ Мекленбургѣ феодалы, для введенія новой, болѣе доходной системы хозяйства, самымъ широкимъ образомъ воспользовались грубымъ средневѣковымъ правомъ перемѣщать и уничтожать крестьянскіе дворы; въ результатѣ мекленбургская система хозяйства, заведенная въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, прославилась на весь міръ, но зато къ серединѣ XIX-го в. сельскіе батраки въ Мекленбургѣ были фактически менѣе свободны, чѣмъ прежде крѣпостные, число браковъ и законныхъ рожденій уменьшалось въ угрожающей пропорціи и изъ призываемыхъ рекрутъ только $^{1}/_{7}$ были грамотные. Не всякое «освобожденіе» приноситъ добрые плоды. И не всякій, у кого на устахъ «свобода», служитъ дѣйствительно дѣлу свободы.

Какую же свободу обѣщаетъ крестьянамъ г. Лохтинъ? Онъ говоритъ, что «реформа должна идти непринудительнымъ образомъ» (56); она «должна двигаться вслѣдствіе очевидной для крестьянъ выгодности перейти къ новому порядку жизни» (65). Но что если крестьяне не захотятъ признать новый порядокъ выгоднымъ для себя? Или какъ быть, если новый порядокъ въ дѣйствительности будетъ выгоденъ для одной части крестьянъ и невыгоденъ для другой, и притомъ первые окажутся въ меньшинствѣ? Г. Лохтинъ полагаетъ, что крестьянамъ, желающимъ перейти къ личному владѣнію землей, «должны быть оказаны всевозможныя поддержки и поощренія» (65). Но возможны ли подобныя поддержки безъ насилія надъ другими крестьянами, не желающими перейти къ личному владѣнію? Самое важное предложеніе г. Лохтина заключается въ томъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ право требовать себѣ выдѣла самостоятельнаго округленнаго участка, равнаго по величинѣ его надѣлу, и чтобы подобное выдѣленіе могло совершаться и безъ согласія міра, вопреки волѣ большинства. Г. Лохтинъ отлично понимаетъ, что эта реформа осталась бы фиктивной, если оставить во власти міра выравниваніе цѣнности отдѣльныхъ участковъ. Не опредѣляя въ точности, чья же власть замѣнитъ въ этомъ отношеніи власть міра, г. Лохтинъ лаконически замѣчаетъ, что вмѣстѣ съ міромъ желательно здѣсь (т.-е. въ бонетированіи земли и выравниваніи цѣнности отдѣльныхъ участковъ) «участіе болѣе объективнаго элемента» (59). Во всякомъ случаѣ, законъ, удовлетворяющій требованіямъ г. Лохтина, предоставилъ бы каждому отдѣльному крестьянину полную возможность въ каждый данный моментъ нарушить всѣ разсчеты всѣхъ остальныхъ, остающихся въ общинѣ крестьянъ, всю принятую ими систему землепользованія, и слѣдовательно нанести имъ существенный имущественный ущербъ. Неужели это не насиліе? Если въ интересахъ государственной политики подобное насиліе надъ міромъ будетъ признано необходимымъ, то нужно во всякомъ случаѣ принять какія-либо мѣры, чтобы оно не превратилось въ настоящую конфискацію общинныхъ земель, выгодную только для меньшинства богатыхъ крестьянъ. Защищать же насиліе подъ именемъ свободы—плохая услуга крестьянамъ и сельскому хозяйству.

Замѣтимъ, что г. Лохтинъ какъ мѣру противъ обезземеленья крестьянъ допускаетъ признаніе неотчуждаемости тѣхъ участковъ, которые будутъ нарѣзаны крестьянамъ въ личную собственность (стр. 50—52). Это, конечно, непослѣдовательность. Неотчуждаемость крестьянской земли есть ограниченіе свободнаго распоряженія землей и можетъ послужить существеннымъ препятствіемъ къ агрикультурнымъ улучшеніямъ для отдѣльныхъ хозяйствъ. Своею не-

послѣдовательностью г. Лохтинъ ясно показываетъ, какую малую цѣну имѣютъ его общія отвлеченныя положенія о необходимости уравнять права крестьянъ съ правами другихъ сословій. «Сомнительно, чтобы въ началѣ XX вѣка нужны были доказательства того, что законы для всѣхъ гражданъ государства, должны быть одинаковы...» (стр. 25) Но вѣдь неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ уже есть изъятіе изъ «одинаковыхъ для всѣхъ гражданъ законовъ».

Больше половины книги посвящено полемикѣ и критикѣ; критикуется «земско-крестьянское травосѣяніе», земская статистика и рецензенты, давшіе отзывы о первой книгѣ г. Лохтина. Г. Лохтинъ очень сурово и придирчиво относится къ статистическимъ пріемамъ и методамъ, употребляемымъ другими писателями, но самъ обращается съ статистикой болѣе чѣмъ неосторожно. Такъ, защищая достовѣрность статистическихъ свѣдѣній центральнаго стат. комитета, г. Лохтинъ довольствуется утвержденіемъ, что точность статистики урожаевъ «прямо пропорціональна числу корреспондентовъ» (стр. 106). По его словамъ «центр. стат. комитетъ въ 1900 г. имѣлъ свѣдѣнія отъ 386.000 корреспондентовъ» (стр. 105); о недостовѣрности свѣдѣній комитета «не можетъ быть и рѣчи» (114). Въ дѣйствительности же приводимая г. Лохтинымъ цифра относится не къ «корреспондентамъ», а къ числу вопросныхъ бланковъ, разсылаемыхъ для крестьянскихъ хозяйствъ въ волостныя правленія, а для владѣльческихъ—становымъ приставамъ; только владѣльцы всегда сами заполняютъ свои бланки; относительно же крестьянскихъ земель роль «корреспондентовъ» обязаны исполнять волостныя правленія, такъ что на одного такого «корреспондента»—волостнаго писаря—приходится нѣсколько вопросныхъ листковъ (на каждую волость полагается 6 листковъ для крестьянскихъ земель). Недостовѣрность свѣдѣній происходитъ главнымъ образомъ не отъ малаго количества разсылаемыхъ бланковъ и не отъ малаго количества волостныхъ правленій, а отъ неудовлетворительнаго качества собираемыхъ волостными правленіями отвѣтовъ. Далѣе, г. Лохтинъ, въ полемикѣ съ г. В. В. ясно обнаруживаетъ неумѣнье или нежеланіе отличать тѣ изданія правительственныхъ учрежденій, которыя служатъ первоисточниками, отъ тѣхъ, въ которыхъ собираются и обрабатываются ранѣе опубликованныя свѣдѣнія, взятыя изъ разныхъ источниковъ. Между тѣмъ серьезный изслѣдователь долженъ былъ бы пользоваться такими изданіями, какъ «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи» (изд. мин. земл. для Колумбійской выставки), «Сборникъ Свѣдѣній по Европейской Россіи» (изд. центр. стат. комитета), «Сводъ Матеріаловъ», изданный канц. комит. мин. и друг., не иначе какъ послѣ самостоятельной критики и сличенія первоисточниками.

Странно также видѣть столь враждебное отношеніе къ «земско-крестьянскому травосѣянію» со стороны человѣка, болѣе всего озабоченнаго прогрессомъ техники въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Мы не обладаемъ достаточной компетенціей, чтобы судить, дѣйствительно ли клеверъ, введенный въ крестьянскій сѣвооборотъ, представляетъ «новое и весьма энергичное средство для вящаго истощенія полей» (стр. 71). Но полагаемъ, что никакія агрикультурныя соображенія не даютъ г. Лохтину права говорить, что «земско-крестьянское травосѣяніе является попыткою защитниковъ средневѣкового быта крестьянъ найти modus vivendi для отжившей системы» (стр. 102). Крестьянское травосѣяніе представляетъ во всякомъ случаѣ попытку освободиться отъ рутины, а такія попытки полезны даже тогда, когда не вполнѣ оправдываютъ всѣхъ связанныхъ съ ними надеждъ. *А. Рыкачевъ.*

Г. А. Евреиновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 1903 г. Стр. II + 83. Интересно сравнить рѣзкіе приговоры и вызывающія требованія г. Лохтина съ спокойнымъ изложеніемъ г. Евреинова. Программа обоихъ авторовъ сходится въ очень многихъ пунктахъ. Но въ книгѣ г. Евреинова при всемъ спокойствіи ея тона, гораздо больше твердости,

ясности, послѣдовательности и истиннаго либерализма. Также какъ и г. Лохтинъ, г. Евреиновъ даетъ яркую картину русской бѣдности, некультурности, отсталости. Также какъ и г. Лохтинъ, г. Евреиновъ видитъ выходъ изъ современнаго бѣдственнаго и унизительнаго положенія въ предоставленіи крестьянамъ совершенной политической и гражданской равноправности съ лицами другихъ состояній; «самые жизненные интересы нашего отечества требуютъ прежде всего устраненія тѣхъ условій, которыя обращаютъ все сельское населеніе нашей земледѣльческой страны въ обособленную, инертную и безправную массу» (41). Кратко, но обстоятельно излагаетъ г. Евреиновъ все тѣ стѣсненія, тяготѣющія надъ личностью крестьянина, которыя г. Лохтинъ включаетъ въ своей неопредѣленный терминъ «средневѣковый бытъ». Также какъ и г. Лохтинъ, г. Евреиновъ отрицательно относится къ обычному праву и, также какъ г. Лохтинъ, считаетъ общину препятствіемъ на пути къ прогрессу. Интенсивная культура, по мнѣнію г. Евреинова, «возможна для земледѣльца только на землѣ, на которой онъ полный хозяинъ» (75). «Общинный порядокъ пользованія землей полагаетъ успѣхами сельскаго хозяйства предѣлъ, ограничивая ихъ тѣсными рамками трехполья» (70). «Общинное землевладѣніе не можетъ стать постоянной, законченной формой землепользованія, а составляетъ только переходную ступень къ индивидуальной поземельной собственности» (69). Но г. Евреиновъ, не сочувствуя какому бы то ни было насилію, не желаетъ насилія и надъ общиной, и потому требуетъ права свободнаго выхода изъ общины только для тѣхъ, кто отказывается отъ земельнаго надѣла. Прочія же законодательныя мѣропріятія должны только поощрять, но не навязывать насильственно образованіе мелкой земельной собственности. Законодатель, говоритъ г. Евреиновъ, «не можетъ ставить себѣ цѣлью совершить въ стомилліонной массѣ земледѣльческаго крестьянскаго населенія грандіозный аграрный переворотъ упраздненіемъ со дня на день особенностей сложной крестьянской семьи и обращеніемъ, велѣніемъ власти, общиннаго и подворнаго пользованія въ личную и индивидуальную собственность. Переходъ этотъ долженъ совершиться по волѣ самихъ крестьянскихъ обществъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ» (66). «Какъ относительно сложной крестьянской семьи, такъ и при начертаніи законовъ объ особенностяхъ крестьянскаго землевладѣнія, общиннаго и подворнаго, слѣдуетъ исходить изъ того положенія, что разъ особенности эти существуютъ, ихъ надо изучить, опредѣлить ихъ юридическую природу и санкціонировать ихъ примѣненія, внеся соотвѣтствующія постановленія въ общую систему нашихъ гражданскихъ законовъ» (69). Замѣчательно, что почти къ тѣмъ же результатамъ приходитъ и самый горячій защитникъ общины г. Кочаровскій. «Единственная правильная формула,—говоритъ онъ,—отношенія къ общинѣ въ настоящее время очень проста: *надо пока оставить ее въ покоѣ.* Надо оставить всѣ проекты прямого или косвеннаго ея разрушенія, надо предоставить ей выжить или умереть самой. А для этого необходимо одно: распространить на крестьянъ и общину *общее право*, иначе говоря, признать общину просто *юридическою личностью*, какъ городъ, какъ акціонерная компанія и т. п.» (ст. «Русская община» въ «Журналѣ для всѣхъ», 1903 г., іюль, 861). Мы видимъ, что между серьезными врагами и друзьями общины не такая ужъ непроходимая пропасть, какъ это кажется г. Лохтину. *А. Рыкачевъ.*

АНТРОПОЛОГІЯ.

А. Д. Элькиндъ. Евреи. Сравнительно антропологическое изслѣдованіе".

А. Д. Элькиндъ. Евреи. (Сравнительно-антропологическое изслѣдованіе, преимущественно по наблюденіямъ надъ польскими евреями). Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этно-

графіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Томъ CIV. Труды Антропологическаго Отдѣла, Томъ XXI. VI+458 стр. въ больш. 4°, со многими таблицами измѣреній, 6 діаграммами и 60 фотографическими рисунками (цинкографіями) въ текстѣ. Москва 1908 г. Цѣна 4 рубля. Старый споръ о томъ, слѣдуетъ ли принимать евреевъ за особую замкнутую расу съ опредѣленными физическими и психическими признаками организаціи, или представляютъ они собою не болѣе, чѣмъ народъ въ этнографическомъ смыслѣ, заключающій цѣлое сборище различныхъ расовыхъ типовъ—этотъ споръ продолжается еще и теперь въ нашъ «вѣкъ естествознанія». Рѣшить его возможно лишь путемъ объективнаго анализа фактическихъ данныхъ, но не иначе, какъ отказавшись разъ навсегда отъ какихъ бы то ни было предустановленныхъ сужденій и предразсудковъ. Дѣло это приходится начать, исходя отъ новыхъ фактовъ и разслѣдуя новые достаточные матеріалы. Но задачу, которая сама по себѣ черезчуръ обширна, слѣдуетъ прежде всего ограничить надлежащимъ образомъ. Антропологическое изученіе опредѣленной народности, по собственному замѣчанію автора, ведется въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, необходимо собирать наблюденія и измѣренія надъ отдѣльными индивидуумами данной народной группы, чѣмъ дается матеріалъ для сужденія о расовыхъ и соматическихъ способностяхъ послѣдней, для опредѣленія, иначе говоря, «статики» антропологическаго типа. Съ другой стороны, предстоитъ выяснить исторію происхожденія, генезисъ даннаго типа, предѣлы его распространенія и смѣшенія съ иными типами, выяснить, слѣдовательно, «динамическую» антропологію описываемой народности. Послѣдней стороны вопроса, т. е. собственно эволюціи евреевъ, авторъ касается въ ограниченной степени, такъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе историческаго и расоваго развитія народовъ требуетъ совершенно самостоятельныхъ обширныхъ матеріаловъ, до сихъ поръ не добытыхъ никѣмъ. Настоящее изслѣдованіе имѣетъ прежде всего въ виду дать, по выраженію автора, «синтезъ чисто антропологическихъ», т. е. собственно антропометрическихъ и антропографическихъ матеріаловъ—авторъ изслѣдовалъ главнѣйшіе описательные и измѣрительные признаки тѣла евреевъ—и на основаніи такого синтеза подойти ближе къ вопросу о племенныхъ и соматическихъ особенностяхъ этой народности въ качественномъ и количественномъ отношеніи.

Значитъ, авторъ хочетъ представить намъ въ нѣкоторомъ родѣ естественно историческій или, точнѣе, *физическій очеркъ* евреевъ въ монографическомъ видѣ. Спрашивается, какими-же матеріалами онъ воспользовался для своей задачи? Прежде всего онъ изслѣдовалъ особую группу евреевъ, обитающую въ предѣлахъ царства польскаго; ихъ главнымъ образомъ и касаются выводы его труда. Весь собранный авторомъ матеріалъ, на которомъ онъ производилъ свои измѣренія и наблюденія, обнимаетъ 200 мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 до 60 лѣтъ, и 125 женщинъ въ возрастѣ отъ 15—37 лѣтъ. Измѣренія производились согласно особой схемѣ, изданной Антропологическимъ Отдѣломъ Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ подъ заглавіемъ «Инструкціи для описанія и измѣренія живыхъ». Матеріалъ, изслѣдованный авторомъ, отличается еще одною важною особенностью: собранъ онъ исключительно среди *фабричныхъ рабочихъ*, въ г. Варшавѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ изслѣдованія автора носятъ характеръ соціально—статистическихъ наблюденій, давая намъ представленіе объ антропологическихъ отношеніяхъ людей въ средѣ особаго спеціальнаго промысла. Но такъ какъ за дверьми промышленныхъ учрежденій не прекращается вліяніе расы, то фабричные рабочіе составляютъ весьма удобную почву также для массовыхъ антропологическихъ изслѣдованій. Нѣкоторые, между прочимъ и русскіе ученые съ Д. Н. Анучинымъ во главѣ, придерживаются даже того мнѣнія, что на-

ковы бы ни были условія жизни и работы, надъ ними всегда преобладаетъ вліяніе *племенного* происхожденія. Раса въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. не только физическій обликъ, но и душевныя и другія свойства, рѣшаетъ конечную судьбу человѣка, въ какихъ бы условіяхъ онъ ни жилъ. Самъ авторъ, въ свою очередь, высказывается въ томъ смыслѣ, что тѣ или другія тѣлесныя особенности евреевъ являются «несомнѣнно» результатомъ своеобразнаго вліянія *среды*. Значитъ, по его мнѣнію, условія, въ которыхъ живетъ человѣкъ, выказываютъ огромное вліяніе на его организацію. Ссылаясь на авторитетъ такихъ ученыхъ, какъ Іоганнесъ фонъ Ранке, онъ устанавливаетъ, что воздѣйствіе внѣшнихъ факторовъ на физическое развитіе сказывалось въ его случаяхъ въ выдѣленіи изъ среды изслѣдованныхъ имъ польскихъ евреевъ двухъ группъ, работавшихъ при различныхъ условіяхъ. Продолжительность пребыванія на фабрикѣ, по мнѣнію автора, отражается даже на такихъ основныхъ признакахъ организаціи, какъ величина, роста, окружность груди и вѣсъ тѣла. Такимъ образомъ, удалось выяснить съ довольно большою очевидностью тормозящее вліяніе фабрики на физическое развитіе. Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ авторъ, одновременно съ вліяніемъ фабрики сохраняютъ свою силу, какъ онъ убѣдился при этомъ анализѣ, и біологическіе факты, которые въ неослабѣвающей силѣ ведутъ—при благопріятныхъ условіяхъ—къ болѣе положительному и даже къ болѣе совершенному типу развитія тѣла.

Мы не можемъ войти здѣсь въ тотъ огромный арсеналъ отдѣльныхъ цифровыхъ данныхъ и статическихъ матеріаловъ, которые всегда составляютъ ядро статистическо-антропологическихъ изслѣдованій на подобіе разбираемой монографіи и которые имѣютъ особое значеніе для того, кто спеціально занимается вопросами антропометріи. Но цѣль всѣхъ цифръ и цифровыхъ вычисленій—выяснить изъ массы отдѣльныхъ наблюденій и частныхъ случаевъ характерныя и типичныя явленія, установить, какъ принято выражаться, свойства «антропологическихъ» типовъ. Результаты статистики, не сами цифры, здѣсь имѣютъ первенствующій интересъ. Авторъ прежде всего отмѣчаетъ, что, будучи разбросаны по различнымъ странамъ свѣта, евреи тѣмъ не менѣе *сохраняютъ довольно сходную физическую организацію, отличающуюся тѣмъ же ритмомъ развитія, которому слѣдуютъ остальные культурные народы*. Прежнее же мнѣніе, приписывающее евреямъ иныя пропорціи тѣла, должно теперь считаться неосновательнымъ. Вообще же трудно въ немногихъ словахъ, сказать, въ чемъ именно заключаются характерныя особенности «еврейскаго типа». Современный польскій еврей, продолжаетъ авторъ, и по одеждѣ, и по наружности, мимикѣ, жестамъ, производитъ на наблюдателя особое, не скоро забываемое впечатлѣніе: длинный, почти до пятъ сюртукъ, своеобразная фуражка, составляютъ необходимую принадлежность костюма и молодыхъ, и старыхъ субъектовъ; обильная растительность на лицѣ въ связи съ ея болѣе темною окраскою сильно отличаетъ ихъ отъ христіанскаго населенія; затѣмъ, крупный носъ при неправильныхъ другихъ чертахъ лица; испытующій, неувѣренный взглядъ, въ которомъ то сквозитъ сознаніе прошлыхъ и настоящихъ лишеній, то отражается чувство извѣстнаго внутренняго удовлетворенія, благодаря достигнутому благополучію; впавшія щеки и оттого нѣсколько выдающіяся скуловыя области—вотъ нѣкоторыя особенности еврейской физіономіи, обращающія на себя вниманіе при первомъ взглядѣ. Наружность польскихъ евреевъ очень часто отличается также своеобразнымъ обликомъ, граничащимъ нерѣдко съ южнымъ и даже восточнымъ характеромъ очертаній и выраженій лица.

Само собою разумѣется, что это описаніе польскихъ евреевъ слишкомъ поверхностно и обще, чтобы имѣть серьезное научное значеніе. Опираясь на

сравнительный методъ изслѣдованія, авторъ въ различныхъ мѣстахъ своего труда показываетъ и старается доказать, что евреямъ свойственны болѣе или менѣе низкій ростъ, относительно длинное лицо, средней длины и ширины черепъ, темные волосы и темные-же глаза. Горбатый носъ встрѣчается у нихъ чаще, нежели среди не евреевъ, однако далеко не въ такой степени, какъ то думали прежде. Нѣкоторые признаки, весьма характерные для еврея, не поддаются точному измѣренію или даже только описанію; ихъ трудно уловить и выразить въ краткихъ, наглядныхъ словахъ, а тѣмъ болѣе въ цифрахъ. Сюда принадлежатъ, по мнѣнію автора, очертанія линіи волосъ на лбу, форма и направленіе бровей, взаимное положеніе глазныхъ щелей и кожа носа, очертанія губъ и подбородка, конфигурація скуловыхъ областей и т. д. Эти признаки, будучи выражены въ тѣхъ или иныхъ между собою комбинаціяхъ, и обусловливаютъ тотъ опредѣленный, типичный обликъ еврея, который передается по законамъ наслѣдственности изъ рода въ родъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе. Они настолько характерны и постоянны въ данной расѣ, что даже въ случаѣ значительнаго уклоненія отъ еврейскаго habitus'а опытный глазъ безошибочно и сразу устанавливаетъ принадлежность даннаго субъекта къ еврейскому племени.

Что касается, въ частности, польскихъ евреевъ, то авторъ на основаніи своихъ изслѣдованій думаетъ, что они лучше сохранили антропологическія особенности своей расы, чѣмъ большинство другихъ многочисленныхъ развѣтвленій еврейскаго племени. Потому то, по заключенію автора, польскіе евреи даютъ цѣнный матеріалъ для познанія физическаго и антропологическаго типа евреевъ вообще.

Свое изслѣдованіе авторъ называетъ «сравнительно—антропологическимъ», выраженіе, установленное впервые, насколько намъ извѣстно, академикомъ К. Э. фонъ Бэромъ. Для сравненія авторъ привлекаетъ не только евреевъ всевозможныхъ другихъ областей Россіи и земного шара, среди которыхъ, какъ извѣстно, особое положеніе занимаютъ по своимъ физическимъ особенностямъ кавказскіе евреи—горцы, но и цѣлый рядъ славянскихъ, финскихъ и другихъ народностей. Но какія либо существенныя, коренныя различія автору не удалось открыть между тѣми и другими въ отношеніи отдѣльныхъ размѣровъ тѣла, головы, пропорцій конечностей и проч. Это, собственно говоря, можно было предвидѣть àpriori, на основаніи повседневнаго антропологическаго опыта, показывающаго намъ, что между народами, мало отдаленными другъ отъ друга, трудно установить опредѣленныя границы въ ихъ физической организаціи, а тѣмъ болѣе выразить эти различія точными цифровыми данными. Въ этомъ и лежитъ одна изъ цѣнныхъ сторонъ разбираемой монографіи, что она приноситъ намъ фактическое доказательство физической близости или тожественности евреевъ съ племенами такъ наз. арійской или индо-европейской группы народовъ.

Въ отношеніи евреевъ, которыхъ еще до сихъ поръ охотно изображаютъ въ роли какой то совершенно исключительной, стоящей въ человѣчествѣ совершенно особнякомъ, или, какъ выражаются, «аллофильной» расы, подобное доказательство, естественно имѣетъ особо выдающееся значеніе, въ чемъ увѣрены не только приверженцы ученія о единствѣ человѣческаго рода, но, надѣемся, и всѣ представители противоположнаго лагеря. Работа изслѣдованія польскихъ евреевъ исполнена автромъ по почину проф. Д. Н. Анучина, которому и посвященъ настоящій трудъ.

Да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ антропологическое изслѣдованіе евреевъ являлось насущною потребностью. Только отъ науки мы можемъ ожидать разрѣшеніе еврейскаго вопроса, столь наболѣвшаго въ продолженіи цѣлаго ряда

вѣковъ. Извѣстная книжка Andrie, будучи прекрасною компиляцiей, давнымъ давно устарѣла по ея содержанiю, а вышедшая сравнительно недавно брошюрка психiатора Ломброзо подъ громкимъ заглавiемъ «антисемитизмъ и евреи» далеко не исполняетъ того, что обѣщается на ея заголовкѣ. Несмотря, наконецъ, на относящееся еще, если не ошибаемся, къ началу девяностыхъ годовъ (нѣсколько поверхностное, впрочемъ) сообщенiе берлинскаго профессора Феликса фонъ Зупана по вопросу объ «антропологическомъ положенiи евреевъ», гдѣ этотъ авторъ старается открыть тѣ расовые элементы, изъ которыхъ въ концѣ концовъ сложился типъ современныхъ евреевъ и гдѣ онъ особенно ударяетъ на коренное различiе между евреями и настоящими семитами, несмотря на все это, вопросъ объ эволюцiи и расовыхъ особенностяхъ евреевъ остается однимъ изъ самыхъ загадочныхъ во всей исторiи человѣчества. Его разрѣшенiю могутъ способствовать только обширныя изысканiя, образцомъ которыхъ навсегда послужитъ трудъ г. Элкинда. Цѣлый рядъ попытокъ, выяснить степень обособленности евреевъ, въ послѣднее время былъ сдѣланъ преимущественно со стороны американскихъ и англiйскихъ авторовъ, которые, между прочимъ, представили цѣнныя данныя въ области демiологiи и сравнительно-расовой патологiи евреевъ. Часть этихъ работъ уже вошла въ обзоръ литературныхъ источниковъ, которымъ г. Элкиндъ заканчиваетъ свое изслѣдованiе. Если нѣкоторые существенные источники и ускользнули отъ вниманiя автора,—въ числѣ ихъ я съ особеннымъ сожалѣнiемъ долженъ упомянуть о выдающемся по своей точности трудѣ д-ра Ховорки подъ заглавiемъ «Наружный носъ»,—гдѣ авторъ излагаетъ свои взгляды на сущность такъ наз. iудейскаго типа, то число ихъ повидимому не очень велико. Да не въ источникахъ дѣло. Если бы авторъ ихъ и не коснулся вовсе, это нисколько не умаляло бы значенiе и цѣнность его изслѣдованiя: настолько оно выполенно тщательно, добросовѣстно и съ полнымъ знанiемъ дѣла; по богатству фактическаго матерiала, легшаго въ основанiе работы, оно превосходитъ всѣ статьи и монографическiя изслѣдованiя, которыя когда либо были опубликованы по этому предмету. Особой похвалы заслуживаютъ также разбросанныя по тексту многочисленныя цинкографiи, представляющiя воспроизведенiя наиболѣе характерныхъ физiономическихъ типовъ, которые наблюдаются среди польскихъ евреевъ. Между ними перепечатанными оказываются еще и рисунки изъ извѣстнаго изслѣдованiя американскаго антрополога Рипле о евреяхъ: глядя на эти послѣднiе рисунки и сравнивая ихъ съ первыми, нельзя не удивиться тому разнообразiю физическихъ типовъ, какое обнаруживаетъ еврейскiй народъ въ различныхъ областяхъ своего распространенiя. Сопоставляя Рембрандтовскаго раввина или Христа съ типомъ среднеазiатскаго, южно-русскаго и особенно съ типомъ тунисскаго еврея, трудно на первый взглядъ, повѣрить гипотезѣ о физическомъ единствѣ еврейской расы. А между тѣмъ авторъ склоняется, какъ кажется, именно въ пользу такого мнѣнiя о происхожденiи евреевъ.

На долю будущихъ изслѣдователей выпадаетъ задача, представить, на почвѣ объективныхъ данныхъ, *психологическiй* обликъ евреевъ на подобiе того, какъ въ разбираемомъ трудѣ нашли обработку признаки ихъ физической организацiи. Уже по тѣмъ даннымъ, которыя существуютъ теперь, можно съ увѣренностью сказать, что ключъ къ еврейскому вопросу и къ пониманiю своеобразныхъ историческихъ судебъ евреевъ скрывается не столько въ физической эволюцiи, сколько въ особенностяхъ душевной жизни этой замѣчательной народности.

Пр.—доц. *Р. Вейнбергъ.*

МЕДИЦИНА.

Г. Поповъ. „Русская народно-бытовая медицина“.

Русская народно-бытовая медицина, по матеріаламъ этнографическаго бюро кн. В. Н. Тенишева. Д-ра м-ны Г. Попова VIII+404 стр. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к. Не нужно спеціально заниматься этнографіей для того, чтобы съ большимъ интересомъ прочесть названную книгу. Излагая въ умѣло обработанномъ видѣ огромный фактическій матеріалъ, собранный отъ 350 сотрудниковъ по 23 губерніямъ, книга д-ра Попова наглядно живописуетъ обстановку жизни русскаго народа, его взгляды и вѣрованія. Невеселыя родныя картины условій, въ которыхъ существуютъ милліоны русскихъ людей, конечно, не новы, но о нихъ никогда не мѣшаетъ напоминать, такъ какъ милліоны продолжаютъ существовать все въ тѣхъ же нечеловѣческихъ условіяхъ. «Постоянная темнота и копоть, хата кишитъ клопами, тараканами, а лѣтомъ еще и мухами въ огромномъ количествѣ, подъ печкой живутъ куры, подъ лавкой овцы съ ягнятами, подъ полатямъ свиньи; все это тутъ пьетъ, ѣстъ, испражняется на земляной полъ, покрытый гнилой соломой, подъ которой при каждомъ шагѣ хлябаетъ вонючая жижа» (стр. 165). Воздухъ удушливый и спертый, а нерѣдко и зловонный; «экономизируя тепло, стараются закрыть трубу пораньше и «захватить духъ», но зато платятся угаромъ. Встрѣчаются избы, гдѣ топятъ «по черному» (стр. 6). «Немудрено, что дѣти младшаго возраста, сидя всю зиму безвыходно въ избѣ, къ веснѣ становятся вялыми и малоподвижными». Немудрено, что вымираетъ значительная ихъ часть ($^1/_2$—$^1/_4$ всѣхъ родившихся не доживаетъ до 1 года), въ особенности при томъ невозможномъ кормленіи, которому со дня рожденія они подвергаются, получая грязныя и вонючія, никогда немѣняющіяся соски, «жвачку» изъ чернаго хлѣба, огурцовъ и пр., передаваемую изо рта въ ротъ, а потомъ еще грудные—все, что ѣдятъ взрослые.

Заболѣваемость и смертность поражающе велики и среди взрослыхъ, которыхъ губитъ плохое и недостаточное питаніе, нерѣдко плохая вода изъ гніющихъ прудовъ, непомѣрный, истощающій трудъ въ условіяхъ, легко производящихъ простудныя формы болѣзней... И понятно, почему Россіи принадлежитъ незавидное первенство по смертности среди другихъ европейскихъ странъ. Все это, ярко очерченное въ книгѣ Попова, повторяемъ не ново. Но много новаго вноситъ въ литературу вопроса излагаемый авторомъ въ 12 главахъ книги сложный и обильный арсеналъ средствъ, который народъ противопоставляетъ постояннымъ своимъ заболѣваніямъ. Въ первой главѣ говорится объ истинныхъ причинахъ болѣзней и народномъ взглядѣ на нихъ; во второй характеризуется знахарство, въ третьей излагается отношеніе народа къ научной медицинѣ, которая уже начинаетъ оказывать культурное вліяніе на народные взгляды и на всю его жизнь; въ четвертой авторъ говоритъ о заразныхъ болѣзняхъ и санитарныхъ мѣропріятіяхъ и отношеніи къ нимъ народа, въ пятой—о діэтѣ и уходѣ за больными въ деревняхъ, въ шестой—о народной классификаціи болѣзней, затѣмъ, о суевѣрномъ леченіи, о религіозныхъ средствахъ, о различныхъ физическихъ и химическихъ воздѣйствіяхъ на организмъ и отдѣльно—о родахъ, о сумасшествіи и кликушахъ.

Не ограничиваясь однимъ изложеніемъ своего богатаго фактическаго матеріала, авторъ обобщаетъ его и, вдумчиво относясь къ разсматриваемымъ явленіямъ, высказывается по многимъ общимъ вопросамъ.

Пріятно встрѣтить въ его книгѣ признаніе той огромной роли, какую играетъ въ дѣлѣ борьбы съ заразными болѣзнями «предъявленіе требованій

въ формѣ *доступной* для пониманія мужика, умѣніе подѣйствовать на его психику». «И когда, справедливо заключаетъ г. Поповъ, формальное требованіе пріобрѣтаетъ характеръ насильственности, то со стороны крестьянъ большею частью являются только внѣшнее ихъ исполненіе, внутренне же они настроены противъ нихъ скептически и даже враждебно»; въ тревожныя же времена дѣло доходило до народныхъ возмущеній, подобныхъ холернымъ въ 1892 г., когда въ Хвалынскѣ былъ убитъ толпою докторъ Молчановъ. Послѣ истекшей болѣе чѣмъ 10-ти-лѣтней давности это печальное событіе должно сдѣлаться достояніемъ безпристрастной исторіи, и такую исторію мы находимъ въ книгѣ г. Попова. Изъ нея оказывается, что Молчановъ задолго до холернаго времени возбудилъ противъ себя населеніе,—до того, что городская управа должна была его удалить; и однако вскорѣ послѣ удаленія онъ былъ назначенъ администраціей врачомъ для борьбы съ холерой. На этой-то почвѣ, которая до сихъ поръ въ печати оставалось невыясненною, разыгралась кровавая хвалынская драма... Сопоставляя другого врача *), встрѣтившаго самое хорошее отношеніе къ себѣ населенія, съ убитымъ Молчановымъ, авторъ говоритъ между прочимъ: «Одинъ изъ нихъ пришелъ къ народу съ истинными пониманіемъ его быта, свойствъ и духовныхъ особенностей, съ уваженіемъ къ его вѣковымъ вѣрованіемъ и не съ мертвыми и формальными требованіями, а съ живымъ примѣромъ и тою сердечностью, которая почти всегда такъ хорошо разгадывается народомъ. Другой же, безъ знанія и пониманія народа, всю свою дѣятельность основывалъ только на однихъ внѣшнихъ требованіяхъ и предписаніяхъ, какъ готовыхъ формулахъ, такъ хорошо понятныхъ ему самому и совсѣмъ непонятныхъ для народа. Первый былъ вѣрно понятъ и оцѣненъ народомъ, второй же, создавъ между нимъ и собою неразрѣшимое недоразумѣніе, былъ безжалостно убитъ. Такимъ образомъ, въ исторіи убійства врача Молчанова въ полной мѣрѣ выразилась та пропасть или, вѣрнѣе, та стѣна взаимнаго незнанія, которая отдѣляетъ наши образованные классы отъ простаго народа» (151 стр.).

Симпатіей къ массамъ проникнута рецензируемая книга, но иногда это симпатичное отношеніе выражается у автора въ преувеличеніяхъ славянофильско-народническаго характера. Такъ, въ одномъ мѣстѣ (399 стр.) онъ совершенно бездоказательно утверждаетъ, что народъ нашъ «при своей меньшей некультурности и несмотря на внѣшнюю, иногда даже грубую, оболочку проникнутъ большимъ гуманизмомъ и меньшею эгоистичностью, чѣмъ, напр., представители тевтонской или англосакской расы...» Утвержденіе, по нашему мнѣнію, рискованное...

Не можемъ согласиться мы и съ нѣкоторыми другими утвержденіями автора. На стр. 187 онъ говоритъ между прочимъ, что «развитіе народа когда-то давно во многомъ было гораздо выше, чѣмъ теперь». Если бы авторъ ограничился указаніемъ на одну бóльшую поэтичность древняго народа-пантеиста, жившаго въ тѣсномъ общеніи съ природою, одухотворявшаго её, вездѣ видѣвшаго проявленія высшаго начала и борьбу этихъ началъ между собою,—то такой выводъ онъ былъ бы въ правѣ сдѣлать, изучая уцѣлѣвшіе обломки прежнихъ поэтическихъ воззрѣній, искаженныхъ послѣдующими вліяніями. Но нѣтъ сомнѣнія, что невозможно говорить вообще о большемъ интеллектуальномъ развитіи народа, жившаго примитивною жизнью дикарей, по сравненію съ народомъ, существующимъ подъ многообразными вліяніями сложныхъ условій современности, изъ-за того только, что поэтическое суевѣріе замѣнилось суевѣріемъ безъ поэзіи.

---

*) Мартынова, боровшагося съ холерой въ воронежской губ. *Ред.*

Христіанское язычество или языческое христіанство, которое, по мнѣнію автора, составляетъ все то лучшее, что есть въ жизни народа, являясь будто бы его «нравственною совѣстью», хорошо характеризуется множествомъ помѣщенныхъ въ рецензируемой книгѣ заговоровъ, наговоровъ и описаній ритуальныхъ подробностей знахарскаго леченія. Въ нихъ постоянно переплетаются призывы богородицы и святыхъ угодниковъ съ заклинаніями духовъ различныхъ болѣзней.

Вотъ нѣсколько образцовъ заговоровъ.

«На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ, подлѣ рѣки Іордана стоитъ Никитій, на злыхъ духовъ побѣдитель, и Іоаннъ Креститель. Воду изъ рѣки черпаютъ, повитухамъ раздаваютъ и приказываютъ имъ, приговариваютъ: «обрызгайте и напойте этой водою родильницу и младенчика некрещенаго, но крещеной порожденнаго, отъ лихаго брата врага супостата, отъ лѣсовиковъ, отъ водяниковъ, отъ домовиковъ, отъ луговиковъ, отъ полунощниковъ, отъ полуденниковъ, отъ часовиковъ, отъ получасовиковъ, отъ злого духа крылатаго, рогатаго, лохматаго, летучаго, ползучаго, ходячаго; заклинаемъ васъ и т. д.» (225 стр.). Или еще:

«На горѣ Фаворѣ сидятъ три мужа-архангела: Михаилъ, Гавріилъ и Рафаилъ, да три св. отца: Іоаннъ Предтеча, Іоаннъ Богословъ и Пафнутій, да три юродивыхъ: Василій Блаженный, Симеонъ юродивый и Андрей, Христа ради юродивый. Сидятъ сіи мужи и глаголятъ о святыхъ духовныхъ словахъ. Идутъ къ нимъ 12 дѣвъ съ моря простоволосыхъ, страшныя и безобразныя. Святые отцы ихъ вопроша: «куда вы грядете?» и двѣ имъ отвѣчали: «мы идемъ къ разнымъ людямъ, тѣла сушить, кости ломить, души томить, за то, что оные постовъ не соблюдаютъ, заутрени просыпаютъ». Святые дали имъ по три тысячи ударовъ прутьями желѣзными, и онѣ стали молиться и заклинаться, отъ роду человѣческаго бѣжать за триста поприщъ, если эту молитву напишутъ и будутъ носить на персяхъ. Аминь» (237 стр.).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, ограничиваемся въ заключеніе нѣсколькими замѣчаніями. Мы не можемъ понять, съ кѣмъ и противъ чего авторъ полемизируетъ на стр. 397—398, говоря, что народнаго міровоззрѣнія нельзя измѣнить «путемъ одного только простого отрицанія или путемъ примѣненія какой-либо заимствованной западно-европейской идеи, теоріи или голой системы». «Измѣнить міровоззрѣніе народа можно только мелкой и кропотливой работой...» «Какъ бы ни было примитивно, подчасъ даже нелѣпо и уродливо это міросозерцаніе, съ точки зрѣнія народа оно ясно и послѣдовательно, и отнять это міровоззрѣніе, значитъ лишить его внутренняго содержанія, его духовнаго *я*».

Намъ кажется, что авторъ ломится въ открытую дверь. Совершенно вѣрно, что народное міровоззрѣніе не можетъ измѣниться сразу, и потому именно народъ и не мѣняетъ «своего духовнаго *я*». Такъ о чемъ же говорить? А если бы оно дѣйствительно измѣнилось, то измѣнилось бы потому, что явилось бы другое міровоззрѣніе; слѣдовательно, «безъ внутренняго содержанія» народъ не остается и въ этомъ случаѣ.

Въ выноскѣ къ той же страницѣ авторъ тоже безъ достаточныхъ основаній ополчается на русскую интеллигенцію (и этимъ даетъ поводъ думать, что онъ съ нею полемизировалъ въ цитированномъ выше мѣстѣ). «За преобладаніе теоретическихъ мыслей и общихъ идей въ ущербъ точнымъ и фактическимъ знаніямъ», за то, что она будто бы обнаруживаетъ «такую же мечтательность и такое же отсутствіе дѣйствительной свободы и самостоятельности мысли, какъ и нашъ простой народъ». Подобныя огульныя и бездоказательныя обвиненія часто раздаются со страницъ «Московскихъ Вѣдомостей», но

намъ не хотѣлось бы думать, чтобы между ними и нашимъ авторомъ было что-либо общее.

Не развивая своихъ возраженій дальше, мы укажемъ еще на нѣсколько частностей, съ которыми невозможно согласиться; таковы надежды автора на институтъ деревенскихъ сестеръ милосердія, какъ на проводниковъ знанія въ народную среду и народныхъ лекарей; удивило насъ также примѣчаніе автора на стр. 272: «По Требнику Петра Могилы, священникъ долженъ былъ посѣщать больныхъ, не дожидаясь зова, и помимо исполненія пастырскаго долга, утѣшать, ободрять ихъ и подавать совѣтъ. Въ наше время до извѣстной степени *выразителемъ этой стороны древней русской жизни является от. I. Сергіевъ Кронштадтскій»* *) (?!).

Жаль, что авторъ въ своей цѣнной книгѣ не привелъ той программы, по которой собирался матеріалъ: для критической оцѣнки отвѣтовъ всегда необходимо знать, какъ поставлены были вопросы; не сдѣлано въ книгѣ существенныхъ указаній на тѣ годы, къ которымъ относятся сообщаемыя свѣдѣнія; общее число корреспондентовъ не разгруппировано по губерніямъ и уѣздамъ, и поэтому трудно судить, насколько характеризуетъ книга тѣ всѣ 23 губерніи, по которымъ сообщены матеріалы. Среди корреспондентовъ насъ удивляетъ отсутствіе врачей въ то время, какъ были представители всѣхъ видовъ деревенской интеллигенціи,—или врачи, которые могли бы дать наиболѣе достовѣрныя данныя по народной медицинѣ, такъ мало отзывчивы на обращенія за доступнымъ или этнографическимъ матеріаламъ, или же къ врачамъ не обращались совсѣмъ? Тогда—почему?

Въ заключеніе, рекомендуя рецензируемую книгу всѣмъ интересующимся народною жизнью, мы останавливаемъ на ней особенное вниманіе врачей и фельдшеровъ, ѣдущихъ въ деревню; они многому могутъ поучиться въ этой книгѣ, которая познакомитъ ихъ съ обитателемъ деревни. Издана книга прекрасно; цѣна ея очень недорога. Врачъ *В. Х—въ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія вятскаго губернскаго земства. Желая дать хорошую и полезную книгу грамотной массѣ крестьянскаго населенія, вятское губернское земство предприняло рядъ дешевыхъ изданій отдѣльныхъ произведеній русскихъ писателей, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, ставшихъ теперь уже общимъ достояніемъ, и выпустило два сборника избранныхъ сочиненій: Лермонтова въ одномъ томѣ за 50 к. и Гоголя въ 3 томахъ за 1 р. 50 к. Въ обоихъ сборникахъ есть вступительныя статьи съ характеристикой произведеній этихъ писателей. Избранныя сочиненія Гоголя, вышедшія въ свѣтъ въ 1902 г., къ юбилею писателя, подъ редакціей и со вступительной статьей В. П. Острогорскаго, снабжены массою иллюстрацій.

Передъ нами рядъ книжечекъ отдѣльныхъ произведеній Лермонтова и Гоголя, всѣ изданныя очень заботливо: хорошая бумага и печать при умѣренной цѣнѣ въ 3 к. за книжечку въ два листа выгодно отличаетъ ихъ отъ небрежныхъ изданій коммерческихъ предпріятій. На сколько эти изданія удовлетворяютъ назрѣвшую потребность, можно видѣть уже изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ за короткое время выходятъ 2-мъ изданіемъ, напр., изъ сочиненій Лермонтова: «Пѣснь про купца Калашникова» 3 к.; «Мцыри» 3 к.; «Бояринъ

---

*) Курсивъ нашъ.

Орша» 4 к; «Бэла» 5 к.; «Стихотворенія» 5 к.; Изъ сочиненій Пушкина: «Капитанская дочка» 10 к.; «Полтава» 5 к.

Иллюстрированныя повѣсти Гоголя въ изданіяхъ вят. губ. зем. стоятъ отъ 5 к. («Старосвѣтскіе помѣщики», «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала») до 18 к. («Тарасъ Бульба»), а вся поэма «Мертвыя души» 60 к. Литературно-біографическій очеркъ В. П. Острогорскаго «Николай Васильевичъ Гоголь». (въ отдѣльномъ изданіи ц. 8 к.) даетъ читателю въ живомъ и простомъ изложеніи біографію писателя, главнѣйшіе моменты развитія его литературнаго таланта, оцѣнку его художественныхъ произведеній и ихъ литературнаго и общественнаго значенія.

Изъ другихъ беллетристическихъ изданій вят. губ. зем. отмѣтимъ нѣсколько хорошихъ разсказовъ изъ морской жизни К. Станюковича («Васька» 8 к., «Пропавшій матросъ» 5 к., «На каменьяхъ» 5 к., «Максимка 7 к.), Де-фо «Робинзонъ Крузое», въ переп. 90 к., печатающійся 2 изданіемъ, «Юрій Милославскій» Загоскина, 40 к.

Кромѣ беллетристическихъ, вят. губ. зем. издало рядъ книжекъ по вопросамъ сельскаго хозяйства, медицины и прикладныхъ знаній, сообразуясь съ мѣстными потребностями населенія. Таковы, напр., книги: Д. Горностаева «Приготовленіе извести и обыкновеннаго известковаго раствора», ц. 4 к. О. М. Жирнова «Какъ дѣлать черепицу и какъ покрывать ею крыши», 6 к. Д. Горностаевъ и А. Шкляева «Кирпичное производство» 6 к. Всѣ эти книжечки, написанныя ясно, даютъ рядъ практическихъ совѣтовъ для примѣненія наиболѣе успѣшныхъ и правильныхъ способовъ производства, причемъ составители, считаясь съ условіями крестьянской жизни, указываютъ наиболѣе дешевыя и простыя орудія и пріемы, доступные не только единицамъ, но и всей массѣ населенія. Потому руководства эти могутъ сослужить большую службу, попавъ въ руки людей, нѣсколько знакомыхъ съ такими работами, и будутъ содѣйствовать усовершенствованію традиціонныхъ способовъ производства. Для облегченія практическаго примѣненія указанныхъ въ книгахъ совѣтовъ, къ каждой изъ нихъ приложены соотвѣтственные рисунки и чертежи, помогающіе разобраться въ изложеніи. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ выходятъ уже третьимъ изданіемъ.

Мы перечислили далеко не всѣ изданія вят. губ. зем., нельзя не пожелать успѣха и дальнѣйшаго развитія его издательской дѣятельности, отвѣчающей запросамъ и потребностямъ читателей изъ среды многомилліонныхъ крестьянскихъ массъ.

На недостатокъ хорошихъ, популярно и научно составленныхъ дешевыхъ книгъ по исторіи давно уже указывалось въ русской литературѣ,—пополнить этотъ недостатокъ имѣетъ, очевидно, въ виду серія популярныхъ книжекъ по исторіи исторической коммиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ. Пріятное впечатлѣніе оставляютъ выпущенныя сю первыя три книжечки по древней исторіи, напечатанныя четкимъ довольно крупнымъ шрифтомъ и снабженныя недурными рисунками.

М. Мелгунова. Страна пирамидъ (Египетъ). 35 стр. Ц. 10 к. Въ ясномъ и простомъ изложеніи авторъ даетъ исторію древняго Египта, описаніе его природы, быта, жителей, ихъ религіи, занятій и государственнаго и общественнаго строя страны. Не останавливаясь на подробностяхъ, авторъ затрагиваетъ наиболѣе существенныя черты историческаго развитія и жизни египтянъ и для начинающаго, мало подготовленнаго читателя эта элементарная исторія древняго Египта будетъ хорошимъ введеніемъ для дальнѣйшаго, болѣе основательнаго знакомства съ исторіей.

Е. Мелгунова. Въ римскомъ циркѣ. 24 стр. Ц. 8 к. Небольшая книжечка—картинка изъ жизни Рима временъ упадка. На нѣсколькихъ первыхъ стра-

ницахъ авторъ даетъ общій очеркъ жизни богатыхъ римлянъ, развращенныхъ роскошью и рабскимъ трудомъ, и массы бѣднаго, безземельнаго, празднаго народа, жившаго подачками богачей, а затѣмъ идетъ описаніе празднествъ и зрѣлищъ, устраиваемыхъ императоромъ для своей потѣхи и развлеченій знати и народа, заканчивающихся жестокою травлею первыхъ христіанъ.

Платонъ Лебедевъ. Будда, его жизнь и ученіе. Стр. 33 Ц. 10 к. Краткая исторія древней Индіи, описаніе быта и религіи ея жителей древидовъ и арійцевъ даютъ читателю возможность орантироваться въ условіяхъ, среди которыхъ начинается жизнь и проповѣдь Будды. Вторая глава посвящена юнымъ годамъ жизни Будды и его воспитанію; читатель съ интересомъ будетъ слѣдить здѣсь за зарожденіемъ въ молодомъ царевичѣ первыхъ стремленій къ знанію и первымъ пробужденіемъ работы мысли, дальнѣйшее развитіе которой заставило его оставить родительскій домъ для жизни отшельника, а затѣмъ проповѣдника новаго ученія. Недурно изложено дальше и ученіе Будды, его жизнь проповѣдника и судьба буддизма и его послѣдователей послѣ смерти учителя.

Вл. Львовъ. Самоѣды. Стр. 32. Ц. 15. Книга эта первая, вышедшая въ свѣтъ, изъ проектируемой авторомъ серіи книжекъ по географіи и этнографіи Россіи, знакомитъ читателя съ унылой и однообразной природой сѣвера Россіи и съ жизнью его кочевыхъ обитателей. Живо и интересно описаны въ ней бытъ самоѣдовъ, ихъ религія, обычаи, жилища, обстановка, одежда и главное занятіе ихъ—оленеводство, съ которымъ тѣсно связана вся жизнь самоѣда. Нѣкоторые зажиточные самоѣды за послѣднее время часто теряютъ свое единственное богатство—оленей—и вытѣсняются изъ тундры болѣе культурными и богатыми зырянами и русскими, къ которымъ лишившіеся оленей самоѣды поступаютъ пастухами ихъ большихъ оленьихъ стадъ.

Описаніе природы сѣвера Россіи и его обитателей посвящено не мало книжекъ въ нашей популярной дешевой литературѣ, но книжка Львова займетъ среди нихъ не послѣднее мѣсто.

Индо-Китай. Составила В. Колокольникова. Изд. книжнаго склада Панафидина. Москва. 1902 г. Стр. 76. Ц. 25 к. Книга Колокольниковой относится къ многочисленному типу географическихъ очерковъ, знакомящихъ читателей съ внѣшней стороной жизни описываемыхъ странъ. Читатель выноситъ изъ такихъ очерковъ очень поверхностное представленіе о странѣ, внутренняя жизнь которой попрежнему остается ему совершенно чуждой и неизвѣстной.

Авторъ отдѣльно останавливается на каждой изъ индо-китайскихъ областей: Бирмѣ, Сіамѣ, Аннамѣ, Камбоджѣ, и знакомитъ читателей съ ихъ природой и климатомъ, обитателями, ихъ бытомъ и одеждой, описываетъ достопримѣчательности страны, нѣкоторыя религіозныя обычаи, религію и религіозные обряды, слегка лишь касаясь государственнаго строя и управленія, что не даетъ читателю яснаго представленія ни о политической, ни объ общественной жизни описываемыхъ областей. Изложена книжка довольно просто и ясно.

Л. К—ства.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го іюня по 15-е іюля.

«Помощь». Сборникъ въ пользу общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

А. А. Измайловъ. Черный воронъ. 2-е изд. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

П. М. Клунный. Сборникъ стихотвореній учениковъ гадячскаго 4-хъ-классного городского училища. Ромны. 1903 г.

Его же. Вопросы жизни. Стихотворенія. Ромны. 1903 г.

В. Гюго. Девяносто третій годъ. Перев. Ист. ром. Изд. Поповой. Библіотека «Другъ». Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

К. Н. Льдовъ. Пустыня внемлетъ. Романъ. Изд. Вольфа. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Дмитріева. Митюха-учитель. Очеркъ. Харьковъ. 1903 г. Изд. 2-е. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Ц. 25 коп.

Н. А. Лухманова. Не сказки. Для дѣтей. Спб. 1903 г. Изд. Суворина.

Б. Ауэрбахъ. Босоножка. Перев. изъ Шварцвальдскихъ разсказовъ. Спб. 1903 г. Изд. Поповой. Библіотека «Другъ». Ц. 40 к.

А. Додэ. Малышъ. Исторія одного ребенка. Спб. 1903 г. Изд. Лавровой и Попова. Библіотека нашихъ дѣтей.

Сергѣй Лемезовъ (С. А. Жевайкинъ). Вездѣ жизнь. Разсказы. Изд. Ефимова. Москва. 1903 г. Ц. 60 к.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Т. I, изд. 2-е. Москва. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Е. Кардо-Сысоева. Переводы и наброски. Книга 1-я. Москва. 1903 г. Ц. 80 к.

В. И. Тьебо. Замѣтки дерев. практики о о нуждахъ сельско-хоз. промышленности Кутаисской губ. Кутаисъ 1903 г. Ц. 50 к. съ перес. 60 к.

И. Козыревъ. Учебникъ географіи. Курсъ 1-й. Кіевъ. 1903 г. Ц.

С. Л. Федоровскій. Утѣхи гордости. О человѣкѣ въ На днѣ М. Горькаго. Спб. 1903 г. Ц. 35 к.

В. Демеденко. Выгодны: сельск.-хоз. въ жаркомъ, фабрики и науки въ холодномъ климатѣ. Варшава. 1903 г. Ц. 1 р.

Ант. Ант. Радцигъ. Финансовая политика Россіи съ 1887 г. Сборн. статей. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

А. Е. Воскресенскій. Общинное землевладѣніе и крестьянск. малоземелье. Изд. т-ва «Литература и Наука». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

П. Васильевъ. Синтаксисъ русскаго языка для младш. класс. ср. уч. заведен. и гор. училищъ. Изд. 2-е. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

Екатеринославская губ. Памятная книжка и адресъ-календарь съ 1900 — 1903 г. Изд. екатерин. губ. з-ва. Вып. I—1 р. 50 к., вып. II—1 р. 75 к., III—2 р.

С. И. Гальперинъ. Современная соціологія. Екатеринославъ. 1903 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 25 к.

М. В. Муравьевъ. Что нужно деревнѣ. Москва. 1903 г.

Д. П. Сильчевскій. Мих. Вас. Ломоносовъ. Спб. Изд. Губернское. 1903 г. Ц. 15 к.

В. В. Фавръ. Опытъ изученія маляріи въ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Харьковъ. 1903 г.

Сергѣй Бобинъ. Краткій курсъ географіи. Ч. I. Кіевъ. 1903 г. Ц. 75 коп.

Прив.-доц. Филипповъ. Объ атоническомъ расширеніи желудка у дѣтей. Спб. 1903 г.

Врачъ А. А. Цѣновскій. Аболиціонизмъ и борьба съ сифилисомъ. Одесса. 1903 г. Ц. 45 к.

А. Идельсонъ. Сіонизмъ. Лекція I (теоретическое обоснованіе). Изд. Ротштейна и Гинзбурга. Саратовъ. 1903 г. Ц. 15 к.

Путеводитель по Волгѣ, Окѣ, Камѣ, Вяткѣ и Бѣлой на 1903 г. Саратовъ. 1903 г. Изд. Ив. Ив. Иванова. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Леонидъ Андреевъ. Афоризмы, парадоксы и избранныя мысли рус. писателей. Вып. V. Сост. М. К. Москва. 1903 г.

Отчетъ общества взаимопомощи книгопечатниковъ въ Томскѣ за 1902 г. Томскъ. 1903 г.

Грузовое движеніе по шоссейнымъ и грунтов. дорог. Балахнинскаго и западн. части Семеновскаго уѣздовъ. Изд. нижегородск. губ. земства. 1903 г. Ц.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Вып. XII. Пер. Энгеля. Изд. Юргенсона. Москва. 1903 г. Ц. 12 вып. 6 руб.

Л. Давидъ. Руководство фотографіи. Перев. съ 20-го нѣм. изданія. Спб. Изд. Поповой. 1903 г. Ц. 1 р. 20 к.

Извѣстія о состояніи сельскаго хоз. въ полтав. губ. Полтава. Изд. полт. губерн. земства. 1903 г.

Л. В. Македоновъ. Хозяйственное положеніе и промыслы населенія нагорныхъ станицъ Кубанск. обл. Вып. первый. Изслѣд. 1902 г. Спб. 1903 г. Ц.

Сборникъ текущ. статистики Вологодской. губ. Т. I. Обзоръ состоянія сельскаго хозяйства 1901—1902 с.-х. г. Изд. вологодск. губ. земства. 1903 г. Ц. 1 р. 6. пер.

Школы Богородскаго уѣзда, Москов. губ. въ санитарн. отношеніи 1900—1901 г. Земск. вр. Скибневскаго. Москва. 1901 г.

Пермская губ. въ сельско-хоз. отношеніи. Вып. 2-й. 1903 г. Изд. перм. губ. з-ва

Владиміръ Павл. Добровольскій. Опыты Герца въ электрич. сигнализаціи и ист. изобрѣтенія беспроволочн. телеграфа. въ 1890 — 1891 гг. Кіевъ. 1903 г. Ц. 20 к.

Анна Столповская. Выдающіяся стороны національн. жизни и національн. характера китайцевъ. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

Извѣстія о состояніи сельск. хозяйства въ Полтавской губ. за 1903 г. Весна. Изд. Полт. губ. з-ва. 1903 г.

Отчетъ главнаго управленія неокладн. сбор. и казенн. продажи питей. 1901 г. Вып. I. Спб. 1903 г.

Проспектъ роскошнаго изданія Божерянова и Карпова. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Спб. 1903 г.

Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы, 31-го января 1902 г. Вып. II и III. Москва. 1903 г.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главн. русск. и иностран. рынкахъ за 1902 г. Спб. 1903 г.

Изданіе т-ва «Донская рѣчь»:

1. Пріемышъ. Вл. Короленко. Ц. 2 к.
2. Майна-Вира. В. Дмитріевой. Ц. 3 к.
3. Маленькій грѣшникъ. Е. Чирикова. Ц. 1 к.
4. Бергамотъ и Гараська. Л. Андреева. Ц. 1½ к.
5. Захромала. А. И. Свирскаго. Ц. 1 к.
6. Для души. А. Крандіевской. Ц. 2 к.
7. Свинья. Е. Чирикова. Ц. 2 к.
8. На мельницѣ. К. Баранцевича. Ц. 3 к.
9. Забракованный. А. Свирскаго. Ц. 2 к.
10. На посту. К. Баранцевича. Ц. 3 к.
11. Ее всѣ знаютъ. В. Дмитріевой. Ц. 3 к.
12. За щупленькаго. Станюковича. Ц. 2 к.
13. Вода. И. Митропольскаго. Ц. 2 к.
14. Месть. К. Баранцевича. Ц. 3 к.
15. Искорка. Л. Мельшина. Ц. 3 к.
16. Чертовъ яръ. Л. Мельшина. Ц. 4 к.
17. Гостинецъ. Л. Андреева. Ц. 2 к.
18. Петька на дачѣ. Л. Андреева. Ц. 2 к.
19. Въ Собуровѣ. Л. Андреева. Ц. 2 к.
20. Страховка. П. Н. Бѣлоконскаго. Ц. 2 к.
21. Мой день. П. Иванова. Ц. 2 к.
22. Ночью. В. Г. Короленко. Ц. 5 к.

Библіотека народнаго блага. Подписка на годъ 3 руб.

В. Е. Ермиловъ: Жизнь и сердце поэта. Ц. 15 к. (Памяти Некрасова). Ермиловъ. Начатки русской грамматики для дѣт. мл. возр. Ц. 15 к. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. Ц. 15 к.

Л. Андреевъ: Гостинецъ. Ц. 5 к. Бергамотъ и Гараська. Ц. 5 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Die Mutter des Menschen*» *von Marie Diers* (*Alehander Duncker*). *Berlin* (*Мать человѣка*). Авторъ проповѣдуетъ чистыя формы брака, которыя могутъ облагородить человѣчество и создать новое, сильное и здоровое поколѣніе. «Только хорошая почва приноситъ хорошіе плоды», говоритъ авторъ. Для достиженія этой цѣли необходима реформа воспитанія какъ юношей, такъ и молодыхъ дѣвушекъ.

(Berliner Tageblatt).

«*Moderne Erziehungsfragen*» *von Iohanna Thimm. Briefe einer Mutter* (*Leonhard Simion*). *Berlin* (*Современные вопросы воспитанія*). Въ своихъ письмахъ матери о современныхъ воспитательныхъ проблемахъ авторъ разсуждаетъ о томъ, какъ воспитывать дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, чтобы личность ихъ могла свободно и правильно развиваться.

(Berliner Tageblatt).

«*Die Grenzen der Zurechnungsfähigkeit und die Kriminalanthropologie*» *von D-r Hans Kurella* (*Gebauer-Schwetschke*). *Halle* (*Границы вмѣняемости и уголовная антропологія*). Этотъ трудъ принадлежитъ перу бреславльскаго врача по нервнымъ болѣзнямъ и имѣетъ цѣлью познакомить широкіе круги читателей съ ученіемъ о вмѣняемости и возникающими отсюда проблемами. Авторъ указываетъ на такія состоянія, которыя исключаютъ вмѣняемость, но которыя нельзя все-таки причислить къ явленіямъ безсознательнаго состоянія или болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, допускающимъ освобожденіе отъ отвѣтственности, согласно нынѣ дѣйствующимъ уголовнымъ законамъ. Къ числу ихъ принадлежатъ разныя аномаліи полового чувства, потемнѣніе сознанія, разстройство памяти и состояніе вырожденія. Въ заключеніе авторъ говоритъ о практическихъ выводахъ, къ которымъ приводитъ критическое изслѣдованіе уголовнаго законодательства и ученія о вмѣняемости.

(Frankfurt. Zeit).

«*Geschlecht und Entartung*» *von D-r P. J. Möbius* (*Verlag Karl Marhold*). *Halle* (*Полъ и вырожденіе*). Въ книгѣ доказывается, что всѣ неправильности половой системы непремѣнно служатъ признакомъ вырожденія и что разстройство полового чувства принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ признаковъ этого. Авторъ разсматриваетъ разстройства этого чувства частью физическаго, частью же психическаго характера; далѣе онъ говоритъ о патологическихъ разстройствахъ, о наслѣдственности и вліяніи алкоголизма на вырожденіе. Профилактическою мѣрою противъ вырожденія можетъ служить только борьба съ алкоголизмомъ; съ наслѣдственностью же при современныхъ общественныхъ и политическихъ условіяхъ бороться почти невозможно.

(Frankfurt. Zeit.).

«*Neue Staatslehre*» *von Anton Menger* (*Gastav Fischer*). (*Новое ученіе о государствѣ*). Эта книга представляющая результатъ десятилѣтней упорной работы, заключаетъ въ себѣ изложеніе всѣхъ современныхъ соціалистскихъ доктринъ и изображеніе той внутренней эволюціи, которой подверглись эти доктрины, прежде чѣмъ достигли теперешняго своего состоянія. Цѣль автора — ближе познакомить образованные классы Германіи и др. странъ съ соціолистскою доктриной и представить читающей публикѣ результаты своихъ долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій въ этой области.

(Journal des Débats).

«*The Religions Sense in its Scientific Aspect*» *by Gerville Macdcnald* (*Hodder and Stoughton*). 5 *s*. (*Религіозное чувство съ научной точки зрѣнія*). Авторъ стремится доказать существованіе духовнаго закона и религіознаго чувства въ организаціи животныхъ и растительныхъ созданій, основывая на этомъ свою вѣру въ единообразное развитіе жизни, безъ всякихъ перерывовъ и нарушеній въ своемъ послѣдовательномъ теченіи. По словамъ автора можно прослѣдить дремлющее религіозное чувство въ его первобытной формѣ черезъ всю эволюцію органическаго міра. Подъ религіознымъ чувствомъ, въ его примитивной формѣ, авторъ подразумѣваетъ подчиненіе закону, который заставляетъ всякій живой организмъ трудиться и жить ради извѣстныхъ цѣлей, непосредственныхъ или отдаленныхъ, но не подлежащихъ его личному обсужденію. Подтвержденіе своихъ оригинальныхъ мыслей авторъ ищетъ въ мірѣ низшихъ организмовъ. Къ тексту приложены рисунки.

(Daily News).

«*Charles-James Fok*.: *A Political Study*» *by J. L. Le B. Hammond* (*Methuen*). *10 s. 6 d.* (*Чарльзъ-Джемсъ Фоксъ*: *политическій этюдъ*). Прекрасное изображеніе англійской политики въ самый блестящій періодъ ея исторіи. Въ своей біографіи замѣчательнаго политическаго дѣятеля авторъ выясняетъ принципы, которые заложены въ основу англійской свободы, и въ которыхъ заключается главная сущность и слава англійской политической жизни. (Times).

«*The Tramps Handbook*» *by Henry Roberts. New-York* (*John Lane*). (*Руководство для бродягъ*). Оригинальная книга, проникнутая духомъ возмущенія противъ «чрезмѣрной культуры» и стремленіемъ къ природѣ. Авторъ говоритъ объ инстинктахъ, которые въ прежніе вѣка заставляли людей искать убѣжища въ монастыряхъ. Но жизнь въ монастырѣ пригодна не для всѣхъ, и для многихъ человѣческихъ натуръ особенную прелесть представляетъ цыганская бродячая жизнь, исполненная поэзіи въ сравненіи съ пошлостью и рутиной обыденной жизни, со всѣми ея мелкими цѣлями и стремленіями. Для этихъ-то людей, стремящихся уйти отъ этой рутины и слиться съ природой, авторъ и написалъ свою книгу. (Daily News).

«*Die Anormalen Kinder und ihre erziehliche Behandlung in Haus und Schule*» *von D-r med. Leon Demoor, Prof. an der medicinschen Fakultät und Oberarzt an der Hilfsschule in Brüssel* (*Oskar Bonde*) (*Анормальныя дѣти и ихъ воспитаніе въ семьѣ и школѣ*). Успѣхи педагогики указываютъ, что ненормальныя дѣти заслуживаютъ такого вниманія въ жизни и воспитаніи, какъ и вполнѣ нормальныя, но съ тою разницею, что къ нимъ должна быть примѣнена совершенно особенная система воспитанія. Вотъ эту проблему особеннаго воспитанія анормальныхъ дѣтей и обсуждаетъ авторъ въ своей книгѣ. (Frankfurt. Zeit.).

«*Outlines of Psychology*» *by Josiah Royce* (*Macmillan*) (*Очерки психологіи*). Въ этихъ очеркахъ, представляющихъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова элементарный курсъ психологіи, авторъ излагаетъ и свои собственные философскіе взгляды, которые и составляютъ главный интересъ книги и дѣлаютъ ее драгоцѣннымъ руководствомъ для наставниковъ и воспитателей. (Daily News).

«*A Fight for the City*» *by Alfred Hodder* (*Macmillan and C°*). *6 s.* (*Борьба изъ-за города*). Это описаніе борьбы съ могущественною организаціею Таммани въ Нью-Іоркѣ представляетъ не только мѣстный интересъ. Исторія судьи Джерома и затѣяннаго имъ похода противъ подкупа, который въ такихъ широкихъ размѣрахъ примѣняется во время избирательной кампаніи въ Соединенныхъ Штатахъ, служитъ самымъ нагляднымъ доказательствомъ, какъ много можетъ сдѣлать энергія и неподкупная честность одного человѣка. Разсказъ написанъ очень живо и даетъ прекрасное изображеніе жизни большого города, касаясь такимъ образомъ многихъ жгучихъ современныхъ соціальныхъ вопросовъ. (Daily News).

«*Christianity and Modern Civilisation*» *being some chapters in European History, with an Introductory Dialogue on the Philosophy of History by William Samuel Lilly* (*Chapman and Holl*). *London* (*Христіанство и современная цивилизація*). Задавшись цѣлью представить вліяніе христіанства на современную цивилизацію, авторъ, прежде всего, очень подробно изъясняетъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ «современная» и подъ словомъ «цивилизація». Подъ первымъ онъ обозначаетъ сопредѣльную съ христіанскою эрою цивилизацію, а подъ словомъ цивилизація онъ подразумѣваетъ все, что отличаетъ человѣка отъ низшихъ животныхъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что каждый человѣкъ—это «цивилизованное животное» и поэтому доказываетъ, что нѣтъ такой человѣческой общины, какъ бы ни были первобытны и хаотичны ея нравы, обычаи, промышленныя искусства, этика, которую можно было бы называть въ полномъ смыслѣ этого слова нецивилизованной. Особенно интересны первыя главы, гдѣ говорится объ аскетизмѣ и нетерпимости, которые въ гораздо позднѣйшія времена выразились въ монашествѣ и инквизиціи. Аскетизмъ вовсе не является продуктомъ христіанства и существовалъ задолго до него на востокѣ. Авторъ выдвигаетъ на сцену много вопросовъ, касающихся значенія и вліянія христіанства и т. д. (Daily News).

«*Menschen*» *von Ellen Key* (*Feischer*). *Berlin* (*Люди*). Эти критическіе очерки являются своего рода исторіей литературы, въ основу которой положено не одно только обсужденіе литературныхъ произведеній и ихъ значеніе, а анализъ души писателя въ моментъ его творчества и той внутренней связи, которая должна существовать между его произведеніемъ и окружающей его средой. Авторъ этихъ критическихъ очерковъ старается выдѣлить въ каждомъ писателѣ извѣстный опредѣленный человѣческій типъ и выяснить его отношенія къ главнѣйшимъ проблемамъ нашего времени. Такова точка зрѣнія автора, съ которою онъ приступаетъ къ изслѣдованію произведеній трехъ писателей: шведскаго, Алмквиста, и англійскихъ поэтовъ, Роберта и Елизаветы Броунингъ. (Frankfurt. Zeit.).

«*The World's Children*» *by Mortimer Menpes* (*A. and C. Block*) (*Дѣти міра*). Оригинальная задача, которую поставилъ

себѣ авторъ—изобразить дѣтей всѣхъ человѣческихъ расъ, начиная отъ англійскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, до маленькихъ дикарей, дѣтей Востока, Египта и знойной Аравійской пустыни, выполненъ имъ очень искусно. Рисунки исполнены художественно, а текстъ вводитъ читателя въ необыкновенно разнообразный міръ дѣтей и знакомитъ съ его характерными особенностями въ разныхъ странахъ. (Daily News).

«*Personal Idealism*». *Philosophical Essays. Edited by Henry Sturt* (*Macmillan aud C^o^*). (*Личный идеализмъ*). Въ этихъ очеркахъ по философіи, написанныхъ разными авторами, преслѣдуется двойная цѣль: авторы ихъ стремятся доказать несостоятельность натуралистическихъ взглядовъ на вселенную и шаткость другой философской теоріи, извѣстной подъ именемъ абсолютизма, которую авторъ отожествляетъ съ Гегелемъ и его изслѣдователями, старыми и новыми. Эта теорія опровергается фактами. Авторы возстаютъ также и противъ безграничнаго примѣненія теоріи эволюціи и добавляютъ, что энтузіазмъ, возбуждаемый идеалами, составляетъ существенный элементъ всякаго прогресса. Авторъ одного изъ очерковъ защищаетъ свободу воли и отвергаетъ детерминизмъ. Другіе очерки касаются вопроса эволюціи, происхожденія, значенія и будущаго этики и т. д. (Athaeneum).

«*British political Leaders*» *by Justin Mc Carthy. With Portraits* (*Feisher Unwin*) (*Британскіе политическіе вожди*). Авторъ извѣстенъ какъ выдающійся политическій дѣятель, но въ своихъ очеркахъ обнаруживаетъ также недюжинный литературный талантъ. Съ большимъ безпристрастіемъ рисуетъ онъ портреты другихъ политическихъ дѣятелей и даже своихъ оппонентовъ, такъ что никто не станетъ оспаривать вѣрности его изображенія. Передъ глазами читателя развертывается настоящая портретная галлерея и онъ узнаетъ въ этихъ набросанныхъ искусною рукой эскизахъ современныхъ политическихъ дѣятелей Англіи: Сольсбёри, Розберри, Чэмберлена, Редмонда, Гаркура, Лабушера, Бёрнса, Морли и др. (Bookseller).

«*A Doctor and his Dog in Uganda*» *from the Journal of A. R. Cook.* (*Religions Tract Society*) (*Докторъ и его собака въ Угандѣ*). Очень интересная маленькая книга, въ которой разсказана жизнь и приключенія врача-миссіонера въ Угандѣ. Это первая книга въ такомъ родѣ; она знакомитъ читателя съ малоизвѣстною африканскою областью и тѣми трудностями, которыя приходится преодолѣвать тамъ европейскимъ піонерамъ. Книга снабжена хорошими иллюстраціями и картой. (Bookseller).

«*Macedonian Folklore*» *by G. F. Abbott. Cambridge* (*University Press*). *Price 6s.* (*Македонскій фольклоръ*). Этотъ трудъ явился результатомъ фольклорическихъ изслѣдованій среди греческаго населенія Македоніи. Послѣдняя часть книги посвящена описанію обрядовъ и церемоній символическаго характера, которые сопровождаютъ рожденіе, бракъ, погребеніе и т. д. Особенно сложными оказываются брачныя церемоніи въ Македоніи. Авторъ проводитъ сравненія между фольклоромъ Македоніи, классической Греціи и современной Европы, отъ Средиземнаго моря до Великобританіи. Какъ и слѣдовало ожидать, многіе изъ древнихъ обычаевъ сохранились въ Македоніи и широко распространены. (Daily News).

«*The Adustment of Wages*» *by W. S. Ashley. With four maps* (*Longmans*). *12 s. 6 d.* (*Установка заработной платы*). Профессоръ Ашлей можетъ считаться авторитетомъ въ томъ вопросѣ, который онъ разсматриваетъ въ своей книгѣ. Онъ утилизировалъ матеріалъ собранный имъ съ большимъ стараніемъ и трудомъ въ Америкѣ и приходитъ къ весьма любопытнымъ и непріятнымъ для капиталистической промышленности выводамъ. Интересная глава книги посвящена трэдъ-юніонизму. (Times).

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

